Мировые войны XX века

Книга 1 Первая мировая война

Исторический очерк

Научный руководитель
В. Л. МАЛЬКОВ

Ответственный редактор
Г. Д. ШКУНДИН

1346842 К

МОСКВА «НАУКА» 2002

УДК 94
ББК 63.3(0)532
М 64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-01-16153д*

Рецензенты:

доктор исторических наук А.М. ФИЛИТОВ,
доктор исторических наук А.Л. ШЕМЯКИН

Мировые войны XX века: В 4 кн. / Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – ISBN 5-02-008804-8

Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. – 2002. – 686 стр.: ил.

ISBN 5-02-008805-6 (в пер.)

Книга отражает современный уровень изучения мировой войны 1914–1918 гг. – одной из узловых проблем истории XX в. Рассмотрены генезис первого всемирного кризиса, его влияние на ход цивилизационного развития человечества, итоги и отдаленные перспективы. Освещены боевые действия, политика и дипломатия, внутреннее положение государств, экономика, революционное движение, социокультурные, национально-психологические и цивилизационные аспекты войны, в том числе "образ врага", "война и культура", "цена войны".

Для историков, политологов и более широкого круга читателей.

ТП-2002-II-№ 219

ISBN 5-02-008805-6

© Российская академия наук, 2002
© Издательство "Наука", 2002

...ельская
областная научная
библиотека

Оглавление

Слово к читателю (*Ю.А. Поляков*) 8

Предисловие (*В.Л. Мальков*) 13

Глава I. Происхождение первой мировой войны (*Б.М. Туполев*) 21

1. Дискуссии в прошлом и настоящем о причинах войны 21
2. Противоречия мировой политики конца XIX – начала XX века 33
3. Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы 44
4. Балканский узел 64
5. Стратегическое планирование, военные переговоры и гонка вооружений 75

Глава II. Июльский (1914 года) кризис – пролог войны 101

1. Сараевское убийство и австро-сербский конфликт (*В.Н. Виноградов, Т.М. Исламов*) 101
2. Быть или не быть войне? (*В.Н. Виноградов*) 111
3. "Война манифестов" (*А.Н. Дмитриев*) 121

Глава III. На фронтах войны 133

1. Начало войны и "чудо на Марне" (*А.В. Шишов*) 133
2. Центр тяжести перемещается на Восточный фронт (*А.В. Шишов*) 157
3. К перелому (*А.В. Шишов*) 174
4. Битва за моря (*В.К. Шацилло*) 190
5. Кампания 1917 года (*А.П. Жилин, А.В. Шишов, Г.Д. Шкундин, З.П. Яхимович*) 202

Глава IV. Международные отношения и дипломатия в годы войны 226

1. Дипломатическое маневрирование в начале войны (*В.Н. Виноградов*) 226
2. Борьба за союзников (*В.Н. Виноградов*) 238
3. 1916: Центральные державы начинают поиски мира (*В.Н. Виноградов*) 246

4. Россия движется к выходу из войны, США вступают в нее (*В.Н. Виноградов, С.В. Листиков*) ... 251
5. Центральная коалиция решает русский вопрос (*В.Н. Виноградов*) .. 274

Глава V. Страны Антанты и США: внутренняя политика и социальные отношения ... 297

1. Британская империя: общество и вызовы войны (*А.Ю. Прокопов*). 297
2. Франция: "священное единение" (*А.В. Ревякин*) ... 310
3. Италия: "последняя война Рисорджименто" (*З.П. Яхимович*) ... 321
4. США: у порога "американского века" (*С.В. Листиков*) ... 335
5. Война и восточные союзники Антанты (Япония и Китай) (*А.А. Кошкин*) ... 344

Глава VI. Война и революция в России ... 359

1. Патриотический подъем в начале войны (*С.В. Тютюкин*) ... 359
2. Социалисты и война (*С.В. Тютюкин*) ... 365
3. Назревание общенационального кризиса (*С.В. Тютюкин*) ... 369
4. От "осады" власти к ее штурму (*С.В. Тютюкин*) ... 377
5. Красный 1917-й (*С.В. Тютюкин*) ... 382
6. Выход России из войны, демобилизация армии и заключение Брестского мира (*С.Н. Базанов*) ... 395

Глава VII. Социально-политические и экономические процессы в странах Четверного союза ... 403

1. Германия: война, общество, рейх (*В.П. Иерусалимский*) ... 403
2. Крах Австро-Венгерской монархии (*Т.М. Исламов*) ... 437
3. Болгария и Турция в "объятиях" германского союзника (*Г.Д. Шкундин*) ... 451

Глава VIII. Нейтральные страны и война (*Ю.В. Кудрина, Е.А. Ларин, С.П. Пожарская, Г.А. Шатохина, Г.Д. Шкундин*) ... 472

1. Между Сциллой и Харибдой ... 472
2. Социальный мир или классовая борьба? ... 486
3. Рождение "скандинавской модели" ... 493

Глава IX. Война: человек, общество и государство ... 499

1. Тотальная война как выражение цивилизационного кризиса (*З.П. Яхимович*) ... 499
2. Версии национального согласия. У истоков "массовой демократии" (*З.П. Яхимович*) ... 509
3. Человек на войне: "свои" и "чужие" (*Е.С. Сенявская, В.В. Миронов*) ... 519

4. Проблемы войны и мира в общественно-политических дискуссиях 1914–1918 годов (*З.П. Яхимович*) 537
5. Война и некоторые тенденции развития художественной культуры (*М.В. Шмырев*) 546

Глава X. Итоги и последствия войны 576

1. 1918: окончание "войны за прекращение всех войн" (*А.В. Шишов, Г.Д. Шкундин*) 576
2. Трудная дорога к миру (*В.Н. Виноградов*) 600
3. Версаль: дипломатический эпилог войны (*В.Л. Мальков*) 608
4. Цена войны: жертвы и потери (*А.И. Степанов*) 624

Заключение. Первая мировая война: взгляд сквозь годы (*В.Л. Мальков, З.П. Яхимович*) 644

Библиография (*В.Л. Мальков, Г.Д. Шкундин*) 648

Краткие сведения об авторах и членах редколлегии 666

Summary 668

Указатель (*В.Л. Мальков, И.К. Малькова, Г.Д. Шкундин*) 669

Слово к читателю

XX столетие, пожалуй, самое сложное среди веков, все более уходящих в дали прошлого. XX век знаменателен поразительными, обращенными в будущее социальными и технологическими достижениями, событиями всемирного масштаба.

Миллионы людей вышли из своей городской или сельской замкнутости, увидев мир на голубых экранах. Человек покорил пространство, переносясь в считанные часы на самолетах из одной части планеты в другую. Юрий Гагарин впервые преодолел земное притяжение, сделав решающий шаг в просторы вселенной. Нил Армстронг первым оставил след на Луне. Автомобиль сделал человечество во сто крат мобильнее.

Не перечислить всех удивительных свершений этого века. Но если когда-нибудь наши потомки спросят историков: в чем главное, отличающее XX век от других столетий, не сомневаюсь, ответ будет один:

– Это единственное столетие, когда произошли две мировые войны.

Мировые войны – феномен всемирной истории XX в.

И потомки, можно надеяться, ужаснутся, услышав, до какой степени граждане большинства стран должны были ожесточиться друг против друга, чтобы на суше, на воде, под водой и в воздухе убивать и калечить миллионы собратьев, разрушать города и села, превращать в руины лучшие памятники предшествующих веков!

После первой мировой войны те, у кого в руках сосредоточилась власть, казалось, должны были содрогнуться при виде содеянного и дать зарок жить в мире. Но нет! Едва прошло два десятка лет, как началась вторая мировая война, еще более страшная и губительная, чем первая.

Но и после второй войны мир не обрел стабильности. Началась “холодная война” – беспрецедентное, глобальное противостояние, когда мир не раз оказывался на грани нового вулканического взрыва. Возможно, что осознание опасности взаимоуничтожения удержало руки, протянутые к бикфордову шнуру.

Войнами историю не удивишь. Еще не появились письменные свидетельства, но по археологическим данным известно о кровавых сечах и разрушенных городищах. Трудно сказать, для чего человек изобрел и впервые применил оружие – для добычи пищи, защиты от хищного зверя или схватки с воинственным сородичем.

Без войн не обходилось ни одно из известных нам столетий. Войны между племенами, народами, государствами дополнялись междоусобицами.

Война – вечная спутница истории, ее составная часть. Каждый шаг человечества полит кровью. Из века в век совершенствовались орудия убийства – от примитивной дубинки и каменного топора к стреле и стальному мечу, к пушке и винтовке, до невероятных по своей уничтожающей силе ядерных бомб и бактериологического оружия.

Каждая из известных нам войн прошлого имела свои причины: династические коллапсы, этнические, религиозные конфликты, земельные споры, передел рынков, источников сырья. Грандиозные завоевательные походы – беспримерный бросок Александра Македонского, стремившегося достичь края ойкумены; войны за расширение Римской империи; распространявшиеся на огромные территории походы Чингисхана, Тимура, арабов – совершались во имя славы властителей и полководцев, утверждения той или иной религии и, разумеется, в целях получения добычи.

Большие и малые, скоротечные и долгие военные столкновения как штормовые волны обрушивались на европейские страны. Названия многих войн говорят сами за себя: *Тридцатилетняя война*, *Столетняя война*. Наполеоновские войны опалили своим огнем почти всю Европу.

Да, история заполнена войнами, вытесняющими с ее страниц рассказы о великих свершениях науки, техники, искусства. Но мировые войны XX в. положили начало принципиально новому этапу человеческой истории. Они отличаются от предыдущих военных столкновений масштабами – в XIX в. войны и военные конфликты унесли 5 млн жизней, а в XX – 140 млн. Они приобрели тотальный характер, поставив на службу фронтам экономику воюющих стран, весь потенциал нации без остатка.

Коренным образом изменился и характер боевых действий. Войны прошлых лет перекраивали границы отдельных стран. Мировые войны перекраивали мир. Мировые войны были многоочаговыми, кровавые битвы развертывались практически во всех странах Европы, в Азии, Африке. В них оказались втянутыми страны Америки, прежде всего США и Канада. На океанских просторах сражались эскадры гигантских бронированных кораблей, в морских глубинах действовали сотни субмарин. Будучи отражением наиболее важных тенденций и процессов, происходящих на земле, мировые войны одновременно сами оказали гигантское воздействие на ход истории.

Войны такого масштаба не возникают на пустом месте. Если при Карле XII или Наполеоне происхождение войн было связано в значительной мере с воинственностью и амбициозностью властителей, то мировые войны XX в. нельзя объяснить "бездарностью" Николая II, "самоуверенностью" Вильгельма II, "наглой агрессивностью" А. Гитлера или "хитроумным интриганством" мюнхенцев.

Мировые войны сконцентрировали в своем происхождении узловые противоречия экономики, политики, социальной обстановки. К XX в. их накопилось более, чем достаточно. За минувшие десятилетия эти противоречия основательно изучены. Известны болевые точки и очаги конфликтов. Историки исследовали почти все архивные фонды, раскрыли немало секретов. Тайны, которые еще остались, не могут изменить большинства общих оценок. С исторической вышки, на которую мы поднялись, многое стало виднее.

Но по мере проникновения в толщи минувшего встают новые вопросы, а старые ответы представляются недостаточными или неубедительными.

Нынешние поколения стараются понять, почему не удалось остановить сползание мира в гибельные трясины. Почему нельзя было загасить искру в маленькой Сербии и не раздувать ее до всемирного пожара? Разве слава победоносного полководца больше значит для человека и для истории, чем слава государственного деятеля, способного предотвратить войну? Неизбежно приходит в голову мысль – неужели нельзя было своевременно загасить лишь начинавшиеся пожары, развязать еще не затянутые до конца узлы? Быть может, быть может…

Однако мировые лидеры не смогли (не захотели?) распутать политические и геополитические узлы, а решили последовать примеру Александра Македонского. То, что по легенде принесло удачу Македонскому, в XX в. обернулось всеобщей катастрофой, одни воспоминания о последствиях которой заставляют содрогнуться.

Все более нарастала численность людей, поставленных под ружье, погибших в боях, искалеченных, претерпевших мучения в плену. Изобретались новые невиданные средства и варварские методы ведения войны. Подводные лодки топили невоенные корабли. На поле боя появились неуклюжие, изрыгающие огонь громады танков. На окопы с попутным ветром накатывались облака смертоносных газов. Колоссально выросла мощь артиллерии; над боевыми порядками появились самолеты. В ходе второй мировой войны танки и самолеты стали доминировать в ходе сражений.

Мирное население всегда испытывало лишения в годы войны. Мировые войны в корне изменили ситуацию. Население не только голодало и ходило в обносках – оно становилось объектом боевых действий. Если во время первой мировой войны немецкие "цеппелины" сравнительно редко появлялись над Лондоном, наводя ужас на граждан, то в годы второй войны далекие от фронта города и поселки систематически разрушались с воздуха. Беспощадные бомбардировки, уничтожившие сотни тысяч женщин, детей, стариков, завершились атомным ударом, превратившим Хиросиму и Нагасаки в зараженные радиоактивностью руины, а их жителей в пепел. Новое оружие обладало потенциалом для уничтожения целых государств и народов.

Война, даже самая малая, есть насилие. Войны мировые – океан насилия. Чем дольше длится война – тем сильнее эскалация насилия, его цепь тянется все дальше и дальше, обагряя каждое звено кровью. Нарастает презрение к человеческой жизни, права человека попираются все больше и больше. Вопреки известному выражению, музы не молчали, когда говорили пушки. Но они направляли все свои усилия на воспитание ненависти к противнику. "Так убей же его, убей" – звучат лейтмотивом голоса муз. Кончались войны, смолкали пушки, а рожденная в ходе боев взаимная ненависть, подобно медленно действующему яду, продолжала отравлять существование народов. В обеих войнах, а особенно во второй, средства пропаганды, печать, радио, стали мощным оружием в нагнетании военного психоза, умерщвлявшего человеческое начало внутри сообщества наций, в поведении людей, вызывая нравственные мутации.

Обе мировые войны возникли как результат межгосударственных, межэтнических социальных противоречий, опутавших в начале века всю планету. Войны проходили в каждой стране под лозунгом "Это – последняя война. Мы ведем эту войну, чтобы уничтожить войны как таковые". Это оказалось наивной иллюзией или соблазнительной пропагандой. Войны не уст-

ранили противоречий. Точнее, устраняя одни, они порождали новые. Резко меняя геополитическую ситуацию, перекраивая географические карты, победители сеяли зубы дракона. Триумф победителей, подчеркивая унижение побежденных, создавал закрытый, кипящий котел, который рано или поздно должен был взорваться. Мирное урегулирование не было для всех справедливым и рождало недовольство побежденных и жажду реванша, оставляло массу нерешенных вопросов. Они, как метастазы раковой опухоли, тянулись от первой войны ко второй, от второй – к новому тысячелетию.

То, что мировые войны рождают новые противоречия, таят угрозу реванша и социальных потрясений, – серьезный факт, наталкивающий на горькие раздумья. Когда миллионы людей становятся под ружье, а ружья, как известно, могут стрелять в разные стороны, одно это обстоятельство несет в себе взрывной социальный потенциал. Людские потери, множество страданий, связанных с войной, обостряли социальные противоречия, приводили к огромным социально-политическим катаклизмам. В ряде стран вспыхивали революции, развертывались гражданские войны, рушились империи, падали короны, в том числе и вместе с головами монархов. И каждое изменение оплачивалось дорогой ценой.

Прошло почти 100 лет со времени начала первой мировой войны. Более половины столетия отделяет нас от второй мировой войны. Их шрамы не зажили до сих пор. Конечно же, смена поколений стирает память о мировых катастрофах, леденящие душу картины разрушений и страданий тускнеют со временем. Долг историков – поддерживать огонь памятной свечи, напоминать о том, что́ перенесли народы. Мы делаем это в данном издании, подкрепляя изложение событий документами.

Пусть никому не покажется это просто пафосом, но долг историков состоит также в том, чтобы способствовать созданию механизма предотвращения войны. Это труднейшая, но решаемая задача. Первая мировая война породила слабую Лигу наций, которая оказалась плохой помощницей миролюбивым силам. Вторая мировая война создала более сильную, действенную и широкую – Организацию Объединенных Наций. Однако и ее усилия оказываются недостаточными для стабилизации на нашей планете. И все же, вероятно, у человечества нет более важной задачи, чем выработка эффективного механизма предотвращения и ликвидации конфликтов. История может стать реальным помощником в этой работе. Изучая неудачи и успехи, поиски, потери и находки в деле мирного урегулирования, человечество может выбирать и находить ценные, полезные зерна.

Вступив в третье тысячелетие, человечество не избавилось от конфликтов, противоречий. Глобализация – неизбежный, объективный процесс. Она же, связывая мировые проблемы тугим узлом, создает угрозу перерастания местных конфликтов в региональные. Выстрел в одной стране может всколыхнуть регион и охватить весь мир. Мы видим, какую цепную реакцию породили трагические события 11 октября 2001 г. Никто не решится сказать, какими окажутся их последствия.

Изучение истории мировых войн поможет дать ответ на вопрос, как и почему начинаются войны, выявить слабые и сильные стороны международных отношений, будет способствовать поиску наиболее эффективных путей предотвращения новых войн и выработке механизмов ликвидации военной угрозы.

Предлагаемое вниманию читателя издание состоит из четырех книг. Две из них содержат основанные на проблемно-хронологическом принципе исторические очерки о первой и второй мировых войнах, две другие – документы и материалы. Труд строго документален, подготовлен на уровне современных научных знаний, содержит ответы на многие дискуссионные вопросы истории войн XX в. Он рассчитан на профессорско-преподавательский состав и студентов исторических факультетов высших учебных заведений, а также на более широкий круг читателей, интересующихся важнейшими событиями мировой истории XX века – самого кровавого в истории человечества.

академик Ю.А. Поляков

Предисловие

Что случилось с внешне благополучной Европой на рубеже XIX и XX вв., что до крайности обострило межгосударственные противоречия и сделало мировую войну неотвратимой? Что позволило национальному эгоизму и одержимости идеей превосходства легко взять верх над идеями ненасилия, добрососедства, либерализма и пацифизма? Какие силы затопили континент кровью, вызвав приступ милитаристского угара, ксенофобии, психоз "ура-патриотизма" и заменив славословие разуму бескомпромиссной борьбой за "место под солнцем"? Откуда взялись культ социально-классовой розни, предельный накал старых и новых этноконфликтов?

Этими вопросами задавались политики, общественные и культурные деятели многих стран сразу после августа 1914 г., с большим опозданием осознавшие, насколько шатким оказался миропорядок, установившийся в XIX в., и насколько бóльшую опасность приобрели в нем наряду с национализмом и превратностями становления индустриализма неравномерность развития, демографический взрыв и неконтролируемая экономическая конкуренция, подорвавшие систему международных отношений. Ответ не лежал на поверхности, и он не мог быть одинаковым из-за идейного раскола, обостряющегося конфликта "низов" и "верхов", из-за кризиса властных структур политических режимов, государственных систем управления, затронувшего не только монархии, но и демократические парламентские республики.

Вызов фактически принял глобальный характер, но его масштабной оценке мешали стереотипы мышления, становящегося в тупик перед угрозой перемен, пугающей "новизной XX века", как выразился А.И. Солженицын. "Если бы в 1913 г., – писал Питирим Сорокин в предисловии к своему появившемуся в 1937 г. исследованию "Социальная и культурная динамика", – кто-нибудь всерьез предсказал хотя бы малую часть того, что впоследствии произошло на самом деле, его сочли бы не иначе, как сумасшедшим. И тем не менее то, что казалось в то время абсолютно невозможным, произошло"[1].

Переходу к индустриальному обществу, изменениям в строении капитала, возрастанию в нем денежно-банковской составляющей, наступательной экспансии финансово-промышленных групп (о чем писали американец Т. Веблен, австриец Р. Гильфердинг, англичанин Дж. Гобсон, русский В.И. Ленин) и ломке старых мирохозяйственных связей объективно сопутствовал рост общего перенапряжения в обществе. В нем отражалась назревшая смена отношений господства (или заявка на такую смену) как в сфере

общественного устройства, так и в сфере межгосударственных отношений, где роль возмутителей спокойствия начинали играть возросшие амбиции новых "тигров" (прежде всего, Германии), еще вчера занятых накоплением сил, замкнутых на свои внутренние проблемы, а теперь бросивших открытый вызов реальным и мнимым обидчикам и конкурентам. Не случайно в предвоенной Европе аксиомой считалось, что политика Германии была нацелена исключительно на утверждение ее гегемонии и военный успех. Япония, также едва избавившись от полуколониальной зависимости, объявила великим державам о гегемонистских притязаниях в Азии и на Дальнем Востоке. О многом говорил и расцвет геополитических исследований в Англии, США, Германии, России (Г. Макиндер, А. Мэхэн, К. Клаузевиц, К. Хаусхофер, П.П. Семенов-Тян-Шанский, А.Н. Куропаткин, В.И. Ламанский и др.), в которых довольно четко были обозначены военно-стратегические приоритеты ведущих держав в условиях поделенного, но оспариваемого мирового пространства[2]. Обязательным приложением к размышлениям о безопасности в новых условиях становилась тема сбалансированности военных приготовлений по родам войск, типу вооружений и т.д. Мир лихорадочно перевооружался, дав старт поискам "чудо-оружия".

С совершенствованием военной техники (индустриализация и развитие науки произвели подлинный переворот в производстве все более совершенных орудий убийств) появились дополнительные побудительные стимулы быть впереди конкурентов, появились и соответствующие им планы с обоснованием необходимости новой организации мирового пространства и принудительных способов решения этой задачи. Их подкрепляли соображения экономической безопасности, протекционистские мотивы, "виды на сырье" и призывы к переделу колоний. В этом же направлении действовали многие факторы внутриполитического характера, продиктованные, например, интересами достижения национального единства, подавления бунтарских настроений в "низах" или восстановления престижа господствующих режимов. Усилилось влияние военщины, и совсем не обязательно там, где сохранялись феодальные порядки. Разрастание социалистического движения, рост рабочего радикализма служили сильным доводом в пользу наделения особыми карательными функциями военно-бюрократической касты, усиления ее роли во властных структурах.

Европейская стабильность рушилась, теряя внутренний стержень и, что очень существенно, не вызывая серьезных протестов и сопротивления ни со стороны старых сословных режимов, ни со стороны восходящего капитализма. Более того, в противовес пацифизму обнажилось стремление приравнять войну к нравственному подвигу, к очистительному, животворящему деянию. Денежный класс и многие духовные пастыри в разных странах стали рассматривать войну как естественное состояние общества. Известный немецкий социолог и культуролог Альфред Вебер, переживший всю эту драму трансформации от относительно спокойно-ровного, неспешного хода истории в последней трети XIX в. к международной анархии и к взрывной его поступи в 1914–1918 гг. и в последующий период, назвал войну началом особого, неупорядоченного времени. Многомерность природы этого явления, его сложное многообразие понимались им как результат переплетения различных, не всегда даже распознаваемых факторов. "Было бы слишком просто, – писал он, – назвать его лишь периодом перехода от сво-

бодной, экспансионистской конкуренции к монополизации и перераспределению, слишком поверхностно объявить его эрой империализма, стремящегося к переделу мира с позиции силы". Духовные, психологические и этноконфессиональные факторы играли не меньшую роль, хотя, продолжал он, "столкнув выросшие до гигантских размеров экономические силы в борьбе за передел мира и рынков сбыта, побудив государство стать вспомогательным средством проведения такой политики, выдвинув на передний план в государстве и межгосударственных отношениях материальные интересы, эта эпоха привела к таким последствиям, которые сегодня, внешне господствуя над миром, определяют также внешнюю и внутреннюю судьбу прежних европейских силовых центров"[3].

Говоря об обстановке, в которой отнюдь не из-за самого важного дипломатического конфликта в Европе разразилась война, можно было бы сказать, сославшись на известных русских писателей и мыслителей В. Розанова и Дм. Мережковского, что духовное оскудение европейской культуры в результате явления, которое Н.А. Бердяев называл "машинизацией жизни", происходило исподволь, но неуклонно с конца XIX в.[4] Все они, наблюдавшие это балансирование над бездной, считали, что Европе и всему человечеству не могли пройти даром погружение в духовные пустоты, деморализация сверху до низу, отказ от идеалов добра и справедливости. Позднее независимо от них Ромен Роллан в "Жан-Кристофе" назвал самым удручающим в предвоенном поколении западноевропейских обывателей бесформенность и пустоту их души. "Уж лучше ожесточенное упрямство твердолобой и ограниченной людской породы, – писал он, – которая отказывается признавать всякую новую идею! Против силы можно действовать силой – киркой и динамитом, от которого взлетают на воздух скалы. Но что делать с бесформенной массой, которая поддается, как кисель, малейшему нажиму и даже не сохраняет отпечатка?" Эти качества, продолжал он, готовность пойти на любой, самый отвратительный компромисс с темными силами зла, непостоянство убеждений делали миллионы европейцев удобным объектом для манипулирования во имя чисто националистического интереса. Так в Германии, заключал Роллан, "силу превратили в образец идеализма, образец разума"[5].

Как бы продолжая эти размышления французского классика, Карл Поппер, известный австрийский философ и социолог, тоже касается духовного кризиса, спровоцировавшего войну 1914–1918 гг. Главной его предпосылкой он называет национализм в его крайней, расистской форме, на которой собственно и базировалась, по его словам, "этическая" идея тотальной войны. Он же указывает, что родоначальником расистского мифа о "крови и почве", сильнейшим образом способствовавшего развязыванию войны, явился "научный элемент" теории нации, развившейся в Германии с конца XIX в. (Ф. Ницше, Э. Геккель, В. Шальмайер и др.)[6].

Могло ли это все остаться без последствий? Разумеется, нет. В атмосфере кризиса либеральных ценностей и либеральной политики, "распущенности духа"[7] идеал "героической жизни" и великой страсти ради "своей нации" получил широкое распространение и в странах блока, противостоящего Германии и ее сторонникам. Первая мировая война закрепила эту тенденцию, и она имела свое трагическое продолжение.

И действительно война 1914–1918 гг. стала исходным пунктом для множества глобальнознаковых тенденций, проходящих через все исторические

ступени, которые суждено было преодолеть человечеству в XX в. вплоть до последних его десятилетий. Октябрь 1917 г. в сознании – очень важный феномен первой половины XX в., его "фирменный знак". Параллельно сильнейший импульс получил культ универсальной власти, проповедуемый праворадикальными движениями фашистского толка. Внутренняя связь современности с процессами почти столетней давности становится только контрастнее благодаря свойству всякой переходной эпохи искать и находить в прошлом исторические аналогии и на фоне происходящей на наших глазах дестабилизации региональных систем и цивилизационного развития в целом в условиях, как пишет известный американский исследователь Пол Кеннеди, уже "изломанной планеты"[8].

Одна из ведущих мировых тенденций, имевшая своим истоком войну 1914–1918 гг., воплотилась в милитаризации мышления, экономики, общественных институтов, науки. Уже довоенный период характеризовался необычайным ростом расходов на армию. Россия шла в первых рядах[9]. Когда же отгремели орудийные залпы и были подписаны версальские документы, провозглашавшие священной целью мирового сообщества мир и безопасность народов, человечество оказалось неспособным встать на путь разоружения, нравственно очиститься и отказаться от оправдания насилия и реванша. "Военная культура" превратилась в доминирующий элемент цивилизационного развития. Не оправдалось пророчество либералов о том (как это утверждалось, например, П.Н. Милюковым), что "только тогда, когда каждое отдельное государство превратилось в правовое, сделалось субъектом, а не объектом права, стало возможным основать на праве и взаимные отношения наций"[10]. Напротив, гонка вооружений, их непрерывное совершенствование, создание и развитие военно-промышленного комплекса, подчинение научных исследований задачам военного назначения стали движущим нервом мировой политики, находя подчас едва ли не самых больших ревнителей в либеральном истеблишменте. Идеи военного превосходства отравляли атмосферу контактов между государственными деятелями и простыми людьми, деля их на непримиримых "своих" и "чужих". Без всякого перерыва после закрытия Парижской конференции эта линия последовательно осуществлялась. Об этом образно сказано в стихотворении "Потомкам", написанном М. Волошиным в 1921 г. под впечатлением переворота, совершенного войной 1914–1918 гг. в культурном слое Европы, в структуре общественного сознания:

Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек один другому – дьявол,
Кровь – спайкой душ, борьба за жизнь – законом
И долгом – месть[11].

Особое значение имеет прежде всего то, что, выступив в одном идеологическом облачении, под флагом антидеспотизма, борьбы за национальное достоинство, уравнения государств и раскрепощения личности, военный конфликт 1914–1918 гг. столкнул человечество в бездну темных сил, утвердив культ силы, массового террора, нетерпимости, попрания международного права и гражданских свобод. Парадно-маскарадный мир высоких устремлений, патриотических чувств и заверений о чисто оборонительных намер

ниях сторон обернулся невиданным кровопролитием с применением новейших орудий убийств и методов ведения наступательной и незнающей снисхождения войны. Вместе с ними, как отметил один из ее участников, в мире появилась "та ужасная бесчеловечность, которая заставила нас тосковать по тому уходящему миру, в котором человеку было еще чем дышать, даже и на войне"[12]. Миллионы погибших в траншеях людей, цвет наций, массовые истребления мирных людей в зоне боевых действий, сведения о которых дошли до нас только через много лет в результате расследований или случайно, зверства и издевательства оккупантов на захваченных чужих территориях (как это было в нейтральной Бельгии и Франции в 1914 г.), этнические "чистки" в отношении "нежелательных" групп населения, их принудительные депортации, жестокое обращение с населением со стороны карателей в ходе иностранных интервенций, будь то в России, Сербии, Финляндии, Венгрии или Китае, и, наконец, феномен гражданской войны со всеми ее ужасами – все это было следствием той дегуманизации общества, которая затронула самую его сердцевину, т.е. "мировое сознание". Все это еще в ходе самой войны заставляло многих выдающихся представителей культуры писать и говорить о сумерках свободы, атмосфере разлада и отчаяния как в личностных, так и межгосударственных отношениях.

Вот почему ответить сегодня на вопрос, где созревали условия и силы, имевшие своей проекцией бурный накат военного реванша, фашизм или левый экстремизм, появление специфических форм идеологического мессианства, невозможно без учета тех изменений, которые привели к духовной смуте и деморализации больших масс людей в годы военного противостояния, превысившего по продолжительности все мыслимые пределы, установленные расчетами политиков и военных штабов. Последующий период не только не стал избавлением от страшных недугов, но, напротив, усугубил их, заложив предпосылки еще более масштабной катастрофы.

Первая мировая война – предвидимая и востребованная – оказалась явлением чрезвычайно сложным прежде всего в силу своих масштабов, разнородности и переплетения причин, вызвавших ее, характера вовлеченных экономических, политических и этноконфессиональных интересов, прямых и более отдаленных последствий. Само понимание целей войны видоизменялось ее участниками в ходе развития мирового конфликта. Чаще всего ее называли и называют войной империалистической, и это, пожалуй, верно, если не усматривать причину войны в одном-единственном факторе – в столкновении великодержавных интересов ведущих в ту пору государств, монополистических спрутов и военных клик. Несовпадение (частное или полное) взглядов в понимании тайн и загадок, которые окружают ее дипломатическую, социально-политическую (война как пролог европейского революционного кризиса и подъема национально-освободительной борьбы колониальных народов, например) и военную историю, не стало меньшим за почти 100 лет исследовательского поиска.

Этот поиск был исключительно интенсивным, и сегодня едва ли кто-нибудь возьмется назвать число публикаций по истории первой мировой войны, увидевших свет после ее окончания. Им нет конца[13]. Может показаться, что за все эти годы израсходован полностью запас тем и сюжетов, обнародованы все сколько-нибудь значимые источники, а все остальное, что

Архангельская областная научная
1346842

"сверх", будет лишь улучшенным (или ухудшенным?) повторением "классических" работ обобщающего или специального характера. Но история, воплощенная в реально творимой повседневности, в текущих событиях или прочитанная глазами человека нашего времени и становящаяся частью национального сознания, зовет оглянуться назад, обоснованно требует нового прочтения, обнаружения скрытых в ее пластах ответов на вопросы и запросы, волнующие ныне живущих людей. Добавим к этому, что новая познавательная ситуация в связи с открытием архивов и снятием запретов во многих странах ведет к пересмотру традиционных версий или их серьезной корректировке. В ряде случаев вполне оправданной, в других – продиктованной далекими от науки интересами.

В силу изложенных обстоятельств новый труд, предлагаемый вниманию читателя, построен в соответствии с замыслом, который, как нам хотелось бы думать, отвечает современным представлениям о событии, ставшем подлинным водоразделом мировой истории XX в. Он (этот замысел) призван не только объяснить природу вспыхнувшего после длительного балансирования на опасной грани катастрофического конфликта, но и передать ее суть по возможности агрегированно, во всех главных составляющих и взаимосвязях. Другой вытекающей отсюда задачей является преодоление зауженного подхода к Великой войне как преимущественно военному конфликту, мотивированному силовым противоборством за ресурсное обеспечение национального процветания и безопасность, увенчанного изменениями на политической карте Европы и мировой периферии.

Авторы настоящего труда руководствуются убеждением, что на цивилизационном уровне с конца XIX в. действовали не меньшие силы отталкивания, чем те, которые вызывали острые трения по колониальному вопросу, международной торговле и привели к буму военно-морского строительства, принятию военных программ великими державами, поставившими их в положение готовых к схватке дуэлянтов. В связи с этим ставится цель показать процесс нарастания предвоенного кризиса в межгосударственных отношениях как отражения культурного расщепления и разобщения мирового сообщества, в чем явственно проступали черты социального и духовного распада. Пограничная ситуация, в которой оказался мир накануне убийства в Сараево, проявилась в столкновении различных миросистемных взглядов, в особом обострении чувства национальной розни и этноконфессиональных конфликтов, поставивших под вопрос сложившийся национально-этнический "консенсус", а заодно и многие государственные образования. Отсюда очевидно, что замкнуть анализ на, пусть даже существенно важных, проблемах, таких, как экономические противоречия великих держав эпохи раннего индустриализма или передел колоний, было бы огрублением общей картины и упрощением в понимании всех истоков той взаимонеприязни, которая сделала войну неизбежной и длительной. В книге предпринята попытка приблизиться к такому более широкому уяснению причин (как глубинных, так и непосредственных) первой мировой войны, не ставшей блицкригом вопреки наивным ожиданиям ура-патриотов с обеих сторон.

Излишне особо говорить о том, как много нерешенных вопросов оставили история возникновения войны, кризиса, непосредственно вызвавшего военный конфликт, а также его итоги, прямые и более отдаленные. Достаточно сказать, что многие исследователи находят сегодня, что влияние первой

мировой войны на судьбы человечества – и на уровне социальной динамики, и на межгосударственном уровне – было более глубоким, чем принято было считать вплоть до настоящего времени. Она стала общекультурным потрясением, которое, не успев изжить себя, получило свое продолжение в новой человеческой трагедии – второй мировой войне 1939–1945 гг. Таким образом, сам ход мировой истории (в нем почти не оказалось места случайностям) ставит перед историками сложную задачу – понять и объяснить фатальный алгоритм историко-культурного процесса в первой половине XX в., который был задан войной 1914–1918 гг. и ее последствиями в масштабах планетарного развития.

Предлагаемая вниманию читателя книга по истории первой мировой войны, составляющая единое целое с последующими книгами проекта, рассматривает широкий спектр вопросов, включая и те, которые с учетом места войны 1914–1918 гг. в истории XX в., выходят за пределы хронологических рамок ее событийного ряда от Сараево до Версаля. В книге использован новый документальный материал и обширная современная литература по проблеме. При этом авторы и редколлегия стремились дать представление (хотя бы в общих чертах) о существующих в историографии порой полярных точках зрения по ключевым вопросам темы, находящимся в центре не утихающей научной полемики. Заметим, что даты даются по григорианскому календарю, принятому в большинстве стран мира.

Коллектив авторов и редакторы книги выражают искреннюю благодарность всем специалистам, которые в ходе ее подготовки помогали им советами, творческим вкладом в дискуссии, организуемые Ассоциацией историков первой мировой войны, дружеской конструктивной критикой. Особенно хотелось бы назвать в этой связи таких авторитетных историков, как доктора наук А.В. Игнатьев, Л.Г. Истягин, Ю.И. Кирьянов, А.М. Филитов, В.К. Шацилло, А.Л. Шемякин, кандидаты наук В.А. Емец и А.Г. Кавтарадзе.

Библиография и указатель составлены В.Л. Мальковым, И.К. Мальковой и Г.Д. Шкундиным.

Научно-вспомогательная работа проведена Б.Т. Кабановым и В.Г. Шкундиной.

[1] *Сорокин Питирим.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 12.

[2] См.: *Сергеев Е.Ю.* "Иная земля, иное небо...": Запад и военная элита России, 1900–1914. М., 2001. С. 101–171; *Улунян А.А.* Русская геополитика: внутрь или вовне? Российская научная элита между Западом и Востоком в начале XX в. // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 61–70.

[3] *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 173.

[4] См.: *Мережковский Дм.* Тайна русской революции. Опыт социальной демографии. М., 1996. С. 34–35; *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад, 1917. Вып. 1. С. 2.

[5] *Роллан Р.* Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1983. Т. 2. С. 220, 221.

[6] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. II. С. 75–76, 369.

[7] *Вебер А.* Указ. Соч. С. 234.

[8] *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 407.

[9] См. *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000. С. 11.

[10] *Милюков П.Н.* Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб., 1911. С. 90.

[11] Цит. по: *Волошин М.* Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 358, 359.

[12] Родина. № 8/9. 1993. С. 60.

[13] В последнее время интерес к проблематике первой мировой войны существенно возрос, что выразилось в появлении целой серии серьезных монографических исследований, сборников проблемных статей, а также теоретических изысканий. Специально следует отметить растущее внимание к разработке новых методологических подходов к ряду сложных вопросов, таких, например, как происхождение международных конфликтов и революционные последствия Великой войны, ее социально-психологические аспекты. Оживление исследовательской деятельности среди отечественных специалистов также приходится на последние 10–15 лет (см.: *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916. М., 1993; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998; Россия и первая мировая война: Материалы международного коллоквиума / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999; *Уткин А.И.* Забытая трагедия России в первой мировой войне. Смоленск, 2000; *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.). М., 2000; За балканскими фронтами первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002; *Чубарьян А.О.* К истории Брестского мира 1918 г. // Этот противоречивый XX век / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2001. См. также: *Gilpin R.* War and Change in World Politics. N.Y., 1981; *Becker J.-J., Bernstein S.* Victoire et frustrations 1914–1929. P., 1992; *Mommsen W.* Großmachtstellung und Weltpolitik; Die Außenpolitik des Deutschen Reiches. 1870–1914. Frankfurt; B., 1993; *Duroselle J.-B.* La grande Guerre des Français: L'incomprehensible. P., 1944; *Gilbert M.* The First World War: A Complete History. N.Y., 1994; *Wilson K.* (ed.). Decisions for War. 1914. N.Y., 1995; *Herwig H.H.* The First World War: Germany and Austria-Hungary. 1914–1918. L., 1998; *Copland D.* The Origins of Major Wars. Ithaca, 2000; The Great War and the Twentieth Century / Ed. by J. Winter, G. Parker, M.R. Habeck. New Haven, 2001; *Kovač M.* La France, la creation du royaume "yougoslave" et la question croate. 1914–1929. Bern; Berlin etc., 2001; Erster Weltkrieg – Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich / Hrsg. B. Thos, H.-E. Volkmann. München, 2002 etc.).

Информацию о литературе по истории первой мировой войны можно получить в справочном издании Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН: Первая мировая война: Указатель литературы 1914–1993 гг. / Отв. ред. В.А. Виноградов. М., 1994.

Глава I. Происхождение первой мировой войны

1. Дискуссии в прошлом и настоящем о причинах войны

В наше время оживает интерес историков к международному вооруженному противостоянию начала XX в., к вопросу о его причинах, степени готовности к этой войне ее участников и их ответственности за ее развязывание. Современная дискуссия является продолжением полемики, разгоревшейся едва ли не сразу после подписания Версальского договора.

Национальные историографии отрекались от сомнительной чести назвать свою страну агрессором. Они искали виновных подальше от своих столиц, выдвигая иногда совершенно противоположные версии. В отечественной историографии утвердилась характеристика первой мировой войны как империалистической, несправедливой со стороны обоих воюющих блоков. В основе ее лежал анализ В.И. Ленина: "...на 99/100 война есть продолжение политики империалистской, т.е. одряхлевшей буржуазии, способной на растление, но не на освобождение наций"[1]. Один из первых советских исследователей причин возникновения мировой войны, М.Н. Покровский, делал упор на ее захватнический характер, клеймил российский капитализм с его "фаталистической склонностью" к захватам. В то же время он признавал, что в основе международных противоречий, вызвавших войну, лежал англо-германский конфликт, за которым (по значению) следовал германо-французский. И, по его мнению, "наконец, самым слабым из всех конфликтов был конфликт, по существу, не русско-германский, а русско-турецкий из-за Проливов". Однако за спиной Турции при этом стояла Германия[2]. Мысли Покровского развивал профессор Н.П. Полетика[3].

В своем докладе 1924 г. Покровский отмечал, что Э. Грей, Николай II, С.Д. Сазонов и некоторые другие ведущие деятели стран-участниц мировой войны в личном плане были пацифистами. По его словам, все они не хотели войны, и тем не менее она разразилась[4]. Фактически держась иной точки отсчета, английский ученый Дж. Гуч в книге "Накануне войны", вышедшей в 1938 г., предпринял попытку доказать, что возникновение войны в 1914 г. произошло из-за некоторых случайных обстоятельств. Британского министра иностранных дел Э. Грея и германского рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега он изображал "великими джентльменами, искренне влюбленными в мир"[5]. Но высказывались и другие мнения, объяснявшие происхождение войны активными целенаправленными действиями тех или иных государственных деятелей.

Крупнейшим представителем влиятельного направления в историографии, придающего преувеличенное значение субъективному фактору среди причин первой мировой войны, был американский историк С. Фей, пацифист с германофильским уклоном. Его книга оказала большое влияние на воззрения американцев. Он ссылался на древнегреческого историка Фукидида, который проводил различие между глубинными и непосредственными причинами войны. Фей писал, что это – различие "между постепенным накапливанием воспламеняющегося материала, который нагромождается в течение длинного ряда лет, и той последней искрой, которая вызывает пожар... Оно применимо также и к мировой войне. Игнорирование его приводило часто к путанице по вопросу об ответственности за войну, так как ответственность за отдаленные причины не всегда совпадает с ответственностью за ближайшие причины"[6]. Исходя из того, что войну вызвала "система тайных союзов", создававшихся людьми, находящимися у власти, Фей сосредоточил внимание на их роли в возникновении войны. Считая необоснованным социологический подход, он углубился в психологический анализ событий. Бросалась в глаза недооценка им особой значимости англо-германского и франко-германского антагонизма в возникновении мировой войны. Говоря же о непосредственных ее виновниках, Фей много и с увлечением рассуждал об ответственности сербов. Его "американская версия" означала ревизию ставших в 20-е годы XX в. привычными на Западе интерпретаций причин войны 1914–1918 гг.

Имевшие хождение в 20-е годы трактовки непосредственных причин войны были изложены в "цветных" книгах, являвшихся официальными публикациями дипломатических документов стран – ее участниц. Это были германская "Белая книга", британская "Синяя", российская "Оранжевая", бельгийская "Серая", сербская "Синяя", французская "Желтая" и, наконец, австрийская "Красная" книги, изданные в первые дни и месяцы мировой войны. Во всех этих сборниках документов ответственность за развязывание войны возлагалась на противную сторону. Скажем, в "Белой книге" утверждалось, что Германия ведет оборонительную войну против напавшей на нее России[7]. Впоследствии державы-победительницы дружно объявили виновниками мирового пожара Германию и ее союзников. В статье 231-й Версальского мирного договора говорилось: "Союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников"[8].

Обсуждение вопроса об ответственности за войну приобрело после ее окончания особую политическую остроту и научную актуальность в потерпевшей поражение Германии. Уже в ноябре 1918 г. марксистский теоретик К. Каутский, занявший пост помощника статс-секретаря ведомства иностранных дел, приступил к подготовке обширной публикации документов о возникновении мировой войны. Аргументации Ленина, опиравшегося на анализ составлявших сущность новейшего капитализма структур, в соответствии с которым капитализм на его монополистической стадии развития с неумолимой неизбежностью привел к мировой войне и поэтому должен быть устранен революционным путем, Каутский противопоставил иную точку зрения. Он утверждал, что необходимо выявить конкретные социально-

политические учреждения и определенных лиц, виновных в развязывании войны, и соответствующим образом “дезактивировать” их, чтобы они больше не могли в будущем причинить стране и обществу вреда. Мировая война, приходил к выводу Каутский, была вызвана тем обстоятельством, что система управления в Германии привлекла к государственному руководству элементы, настолько к этому неспособные, легкомысленные или карьеристские, что они безрассудно втянули страну в авантюру, из которой оказался только один выход – объявление войны России и Франции. Каутский признавал существование серьезных международных осложнений, предшествовавших 1914 г. Однако, хотя империалистические противоречия и стремление к территориальной экспансии европейских держав создавали важные предпосылки для войны, это, по его мнению, само по себе не объясняло ее возникновения[9].

Но даже выводы Каутского были восприняты немцами как излишне категоричные и неприемлемые. Изменившееся после мировой войны международное положение Германии породило в стране новую внешнеполитическую идеологию. В соответствии с ней воинственные выступления довоенной немецкой публицистики и прессы были “сосланы в библиотеки”, а в развернувшейся дискуссии об ответственности за войну ее участники стали ограничиваться ссылками на то, что государственное руководство Германии перед 1914 г. войны не хотело.

В 20-е годы среди немецких историков еще преобладали настроения интерпретировать неудачу предпринятых Германией усилий стать мировой державой как “субъективное упущение объективно достижимой цели”[10]. Однако уже к концу 20-х – началу 30-х годов в связи с активизацией нацизма и реваншизма усилились призывы не критиковать германскую предвоенную политику слишком строго. Г. Риттер, крупный специалист в области истории германской внешней и военной политики, убеждал своих коллег отказаться от тезиса, что история вильгельмовской Германии является “цепью нагромождавшихся ошибок”. В центре внимания немецких историков оказались агрессивные цели стран Антанты. Крах созданной О. фон Бисмарком империи и провал германской “мировой политики” (“Weltpolitik”) изображались теперь не столько как следствие катастрофических провалов внешней политики Берлина, сколько как неизбежное следствие “заговора” других держав против находившейся на подъеме молодой немецкой нации в ее и без того угрожаемом срединном расположении в Европе[11].

В изданном в 1933 г. исследовании Г. Онкена “Германская империя и предыстория мировой войны”[12], одном из наиболее значительных явлений в исторической науке Веймарского периода, его автор открыто оспаривал обоснованность обвинения Германии в развязывании мирового конфликта. По его мнению, несмотря на известные “промахи, сверхнапряжение и поверхностные подходы”, страна преследовала перед 1914 г. только мирные цели[13]. По мнению Онкена, именно державы Антанты вызвали мировую войну, чтобы подавить немецкую нацию. Согласно его концепции, французская политика реванша, стремление Парижа к установлению границы по Рейну были одной из решающих причин возникновения войны. Подстрекательством к войне занималась и Британия, после того как ее внешнюю политику возглавил Грей, что привело к коренному повороту в англо-германских отношениях. С тех пор целью Лондона являлась ликвидация

германской промышленной и торговой конкуренции вместе с колониями. Только царская Россия не имела, по мнению Онкена, исторически обоснованных военных целей в отношении Германии. Ее враждебность относилась скорее к монархии Габсбургов. Именно поэтому во время июльского кризиса 1914 г. Россия, объявив всеобщую мобилизацию, своей активностью в конечном счете спровоцировала войну[14].

Вопрос о том, кто и когда развязал мировую войну, был в 1927 г. поставлен в СССР академиком Е.В. Тарле в книге "Европа в эпоху империализма". За это маститый ученый подвергся резкой критике со стороны Полетики. Последний обвинил Тарле в том, что он якобы игнорирует империалистический характер войны со стороны всех ее участников. Упрек этот был несправедливым. Тарле отмечал, что "внешняя политика капитализма в обоих лагерях борющихся великих держав приняла окончательно наступательное обличье", после чего на очередь дня встала роковая "проба сил". «С точки зрения научного исследования, – писал ученый, – самый спор о "моральной вине" нелеп, ненужен, научно не интересен». «Обе комбинации враждебных держав, – продолжал он, – были способны провоцировать вооруженное столкновение; обе стремились к завоеваниям; обе способны были в тот момент, который показался бы выгодным, зажечь пожар, придравшись к любому предлогу, который показался бы наиболее подходящим. В этом смысле, конечно, вожди Антанты нисколько не превосходили в "моральном" отношении вождей Австрии и Германии...»[15].

Но оказалось так, что Великобритании и Франции было "невыгодно, неудобно, рискованно" начинать войну летом 1914 г. Даже России, где много говорили и писали в воинственном духе в последние перед войной месяцы, "тоже невыгодно было немедленно выступить уже летом 1914 года". Между тем политической элите Германии и Австро-Венгрии "показалось совсем верным и выгодным делом раздавить Сербию; если же Россия и Франция вмешаются в дело, то и для войны с ними лучшего времени может не найтись; не следует к этому открыто стремиться, но нечего этого и бояться: Англия, самый могучий из противников, не захочет и не сможет в данный момент воевать". Тарле констатировал, что таков был подтвержденный документами ход рассуждений и логика поведения правящих кругов Германии и Дунайской монархии, приведшая к развязыванию мировой войны[16].

Шестью десятилетиями позже, продолжая вслед за Тарле концептуально разрабатывать проблемы, связанные с возникновением первой мировой войны, другой видный отечественный историк Ю.А. Писарев писал, что сараевское убийство, сыгравшее важную роль в провоцировании войны, "само было лишь следствием, а не причиной международной напряженности", "ответной реакцией на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией". Представляется, однако, что эта вполне обоснованная формулировка не согласуется с последующим тезисом, в котором утверждается, что "эта дата – аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в октябре 1908 г. – является слишком отдаленной" (чтобы служить исходным моментом продвижения Европы к всеобщей войне. – *Авт.*). Далее Писарев справедливо отмечал, что "Боснийский кризис вызвал международную напряженность на Балканах, но все же не он привел Европу к мировой катастрофе. Для возникновения всеевропейской войны нужны были более серьезные причины; в войне были заинтересованы более могущественные силы, чем Австро-Венгрия",

которая, являясь одной из великих держав, все же "не играла ведущей роли в мировой политике"[17].

Неоспоримо мнение Писарева, что в Европе имелись более могущественные силы, вершившие ее судьбу, главными среди которых являлись Германия и Великобритания. "Именно позиция этих государств, борьба за мировое господство оказали влияние на возникновение всемирной катастрофы". В то же время Писарев категорически утверждал, что другие державы, хотя и "сыграли в войне значительную роль", но их вступление в войну было всего лишь "производным от решения основного, германо-английского конфликта"[18]. Это утверждение вряд ли приемлемо. Ведь Германия до последнего момента рассчитывала на нейтралитет Британии, а Россия и Франция оказались основными противниками немцев в Европе, на главном театре военных действий.

Значительный вклад в разработку указанных проблем в отечественной историографии внес А.С. Ерусалимский. Его научное творчество в основном было связано с изучением германской истории конца XIX–XX в. "...Мировая война возникла вовсе не случайно, не внезапно и не в результате того, что дипломатия не сумела справиться со своей задачей – предотвратить ее, – писал он. – ...Война готовилась давно, в течение нескольких десятилетий, хотя никто заранее не знал точно, когда именно она начнется, когда и как кончится. Даже генеральные штабы, разрабатывая свои стратегические планы, не смогли предугадать ни ее сроков, ни подлинных масштабов, какие она примет, ни числа жертв, каких она потребует, ни тем более ее результатов – экономических, социальных и политических"[19].

Ерусалимский опроверг утверждения некоторых западных историков, что Германская империя, расположенная в "сердце Европы", между Россией и Францией, "будто бы уравновешивала противоречивые интересы различных держав", стабилизируя "всю мировую ситуацию в целом". В действительности "система вооруженного мира", – писал он, – была "системой постоянной, лихорадочной гонки вооружений и подготовки войны". Первоначальной основой этой системы являлся захват Германией французских областей Эльзаса и Лотарингии[20]. "На протяжении ряда лет, предшествовавших войне, – отмечал Ерусалимский, – гонка морских вооружений придавала англо-германскому экономическому, политическому и колониальному соперничеству особую остроту". Раскол Европы на две военно-политические группировки не только не установил "равновесия" между ними, а, наоборот, усилив напряженность в международных отношениях, был чреват возникновением все новых и новых дипломатических конфликтов, каждый из которых заключал в себе угрозу военного столкновения. Развязывая войну, правящие круги Германии утверждали, что они исходят из высших соображений: «разорвать гибельное кольцо "окружения Германии", предотвратить угрозу нападения со стороны России и ее союзницы – Франции, а главное выполнить свой долг "нибелунговой верности" по отношению к союзнице – Австро-Венгрии, которой "славянская опасность" угрожала в первую очередь»[21].

Характерно, что выводы советского историка во многом совпадали с оценками представителей русского зарубежья – летописцев войны. Признавая, что проблема ответственности за развязывание мировой войны продолжает трактоваться по-разному, генерал А.И. Деникин, например, в книге

“Путь русского офицера” категорически утверждал, что “бесспорная вина за первую мировую войну лежит на центральноевропейских державах”. «Не буду останавливаться на доказательствах таких общеизвестных явлений, – писал он в очерке “Роль России в возникновении первой мировой войны” (1937), – как бурный подъем германского “промышленного империализма”, находившегося в прямой связи с особым духовным складом немцев, признававших за собою “историческую миссию обновления дряхлой Европы” способами, основанными на “превосходстве высшей расы” над всеми остальными». При этом немцы открыто высказывали свой «взгляд на славянские народы как на “этнический материал” или, еще проще, как на... навоз для произрастания германской культуры. Таким же, впрочем, было презрение и к “вымирающей Франции”, которая должна дать дорогу “полнокровному немцу”». Все это, по мнению Деникина, венчал старый лейтмотив пангерманизма: “Мы организуем великое насильственное выселение низших народов”[22].

Деникин четко изложил позицию России в связи с надвигавшимся в начале XX в. военным противостоянием. “Поперек австро-германских путей стояла Россия, с ее вековой традицией покровительства балканским славянам, с ясным сознанием опасности, грозящей ей самой от воинствующего пангерманизма, от приближения враждебных сил к морям Эгейскому и Мраморному, к полуоткрытым воротам Босфора, – писал генерал. – Поперек этих путей стояла идея национального возрождения южных славян и весьма серьезные политические и экономические интересы Англии и Франции”[23].

Крупный немецко-американский исследователь Дж. Хальгартен был не согласен с “обвинительным уклоном” в межвоенной историографии в целом. Он полагал, что искусственное выделение той или иной проблемы, связанной с вопросом об ответственности за войну, является “совершенно произвольным”, так как суть проблемы “заключается во всей совокупности социологического комплекса”. Опубликованные после войны в разных странах документы, по его убеждению, только подтвердили давно известный историкам факт, что все они «неизменно подчеркивают полнейшее миролюбие политики своей страны, если только не ущемлены ее “жизненные интересы”». Исследование вопроса об ответственности за развязывание войны, утверждал Хальгартен, обычно приводит к констатации того факта, что «существовала угроза “жизненным интересам”, между тем как подлинная историческая проблема лишь возникает в связи с вопросом, каковы были причины и природа этих “жизненных интересов”. В зависимости от характера этих интересов и международного положения самая внешне миролюбивая линия поведения, зафиксированная в документах, может означать подготовку к войне». В опубликованных документах, продолжал Хальгартен, углубляясь в методологию проблемы, как правило, ничего не говорится о сущности этих жизненных интересов, “ибо они не возникают благодаря документам, а документы из них исходят как из чего-то уже существующего”, и маскируют те, нередко весьма бурные, внутренние столкновения, более поздним отражением которых такие документы являются[24].

С первого послевоенного десятилетия существенная роль в изучении процесса вызревания военного конфликта принадлежит французской историографии. Здесь распространен многофакторный анализ. Его предложил видный ученый антантофильского направления П. Ренувен, один из издате-

лей “Французских дипломатических документов”[25]. В вышедшей в свет в 1929 г. “Дипломатической истории Европы (1871–1914)” он написал главы по истории дипломатии кануна мировой войны. В освещении июльского (1914 г.) кризиса Ренувен уделил значительное внимание действиям Центральных держав, стремившихся, по его мнению, развязать войну. Само укрепление англо-французской Антанты, полагал он, было следствием возрастающей агрессивности Германии[26].

В 1952–1958 гг. под руководством Ренувена вышла многотомная “История международных отношений”[27], четыре последних тома которой были написаны им. Придавая базисное (“глубинное”) значение экономическим факторам в развитии международных отношений с конца XIX в., Ренувен и его сторонники не отводили им в этом определяющей роли. Они не признавали соперничество и конфликт интересов монополий главной причиной крушения мира. Считая решающими в возникновении мировой войны национальные и политические мотивы, Ренувен исходил из того, что социально-экономические моменты занимали лишь подчиненное положение в обострении международной напряженности. В итоге он пришел к выводу, что главной причиной мировой войны являлись “коллективные страсти”, причем общественное мнение Германии опередило другие страны в самом “принятии возможности войны”[28].

Разделяя основные постулаты французской школы, известный английский историк А. Дж. П. Тэйлор в книге “Борьба за господство в Европе, 1848–1918”, вышедшей в 1957 г.[29], в основном ограничился рассмотрением дипломатической истории континента. Лишь во введении он дал беглый обзор экономического развития и вооружений великих держав с тем, чтобы в дальнейшем почти не касаться социально-экономических, а также военно-стратегических факторов. Исследуя возникновение конфликтных ситуаций в начале XX в., Тэйлор справедливо объясняет их инициативой, исходящей, как правило, от германской стороны. Вполне обоснованно он пишет и о готовности правящих кругов Австро-Венгрии развязать войну, воспользовавшись сараевским убийством. Столь же верно и его утверждение, что германские верхи подталкивали монархию Габсбургов к агрессии, не опасаясь общеевропейской войны. С другой стороны, в работах Тэйлора нередко встречаются парадоксальные положения, например, о том, что у Германии “отсутствовала политика”, или – его призыв не заглядывать “чересчур глубоко”, так как все дело было в конкретной ситуации 1914 г. и в людях, которые тогда принимали судьбоносные решения. Для Тэйлора очевидно, что в то время Британия могла сохранить нейтралитет, лишь согласившись на возможный разгром Франции и России, Франция могла остаться в стороне только в том случае, если бы отказалась от статуса великой державы, а Россия – если бы смирилась с установлением германского контроля над Черноморскими проливами и с параличом своей экономики. Придерживаясь антантофильской концепции, Тэйлор полагал, что ни одна из этих держав не принимала решения о войне. Оно было принято министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. Берхтольдом, Т. Бетман-Гольвегом и умершим в 1913 г. германским генерал-фельдмаршалом А. фон Шлиффеном[30].

Говоря о развитии германской историографии после второй мировой войны, следует отметить, что с начала 60-х годов в сознании общественности ФРГ происходил глубокий поворот, который привел к принципиально

важным переменам и в исследовании мировых войн. Такой поворот проявился, прежде всего, в историографической дискуссии по проблемам первой мировой войны, что являлось заслугой гамбургского профессора Ф. Фишера. Полемика, развернувшаяся вокруг выдвинутой им концепции, стала самым крупным международным научным диспутом о трактовке происхождения и сущности первой мировой войны[31]. Своим аргументированным исследованием политики военных целей кайзеровской Германии Фишер сделал решающий шаг к снятию "табу" с изучения истории первой мировой войны в Германии. Это побудило его западногерманских учеников и сторонников констатировать преемственность империалистической политики Германии от вильгельмовских времен, через первую мировую войну – вплоть до второй мировой войны.

Чтобы дать адекватную оценку политике риска и великодержавным притязаниям тогдашних военных и гражданских руководящих кругов, Фишер, опираясь на проведенный Э. Кером и Дж. Хальгартеном анализ империализма, перешел от традиционного рассмотрения дипломатической истории к углубленному анализу внутриполитических основ германского экспансионизма, его движущих экономических сил и политических функций.

В книгах "Рывок к мировому господству" (1961), "Война иллюзий" (1969) и в других работах[32] Фишер убедительно показал, что целью германской "мировой политики" было превращение Германии в мировую державу. Он пришел к выводу, что, добиваясь положения мировой державы, Германия планомерно подготавливала войну и сознательно ее развязала в июле 1914 г. Дипломатические решения имперского руководства при возникновении войны и политика военных целей предстают в его исследованиях как прямое следствие долгосрочного планирования войны вильгельмовской Германией.

Между тем оппоненты Фишера по-прежнему продолжали придерживаться тезиса о миролюбивом характере предвоенной политики Германии, утверждая, что сама война якобы была для нее оборонительной. Сохранявшиеся различия во мнениях сводились в основном к конкретному "распределению" вины между странами, участвовавшими в войне. Однако немецкий ученый Л. Дехио, например, настаивая на "оборонительной сущности" германских целевых установок, полагал, что германская военно-морская стратегия, несомненно, внесла наступательный элемент во внешнюю политику вильгельмовской Германии и в конце концов вынудила Великобританию к контрнаступлению[33].

Остановимся кратко на центральном моменте международного дискурса, имеющего общетеоретическое значение. Речь идет о проблеме империализма. Вопрос о состоянии и развитии международных отношений в конце XIX – начале XX в. тесно взаимосвязан с данной проблемой. К тому времени зарубежная экспансия капиталистических стран уже привела к территориальному разделу мира, поставив в повестку дня его передел. Усиление неравномерности в развитии этих стран вызвало появление различных теорий борьбы за мировое господство, составлявшей содержание империалистической политики многих ведущих (если не большинства) держав, продолжением которой должна была стать империалистическая война.

Современное значение понятие *империализм* приобрело в связи с "престижной" внешней политикой лидера консерваторов, с 1874 г. премьер-ми-

нистра Великобритании Б. Дизраэли. В речи, произнесенной 24 июня 1872 г. в Хрустальном дворце в Лондоне, он с пафосом объявил себя сторонником последовательной консолидации Британской империи. Эту речь на Западе принято считать сигналом к вступлению в период "нового империализма" 1870–1918 гг.[34]

Применительно к середине многолетнего правления королевы Виктории (1837–1901) говорят о средневикторианском империализме. Историк К. Бодельсен отмечал, что развитие этого феномена с 1871 г. вступило в новую фазу. Она ознаменовалась появлением двух статей Э. Дженкинса об имперском федерализме и особенно его речами в июле того же года перед участниками колониального конгресса в Вестминстерском Палас-отеле в Лондоне[35]. В 80–90-е годы XIX в. широкую известность приобрели идеологи империализма Ч. Дилк и Дж. Сили, выступавшие за использование всех возможных средств для увеличения экономического, политического и военного могущества Британской империи[36], что привлекло внимание не только в Англии, но и на Европейском континенте. В 1895 г. британский премьер-министр лидер либералов А. Розбери сформулировал принципы "разумного" либерального империализма: "во-первых, сохранение империи; во-вторых, открытие новых площадей для нашего избыточного населения; в-третьих, пресечение работорговли; в-четвертых, развитие миссионерской инициативы и, в-пятых, развитие нашей торговли, которая столь часто нуждается в этом"[37]. Лорд Дж. Керзон, вице-король Индии, с начала нового столетия без колебаний стал называть себя "убежденным и непобедимым империалистом". Термин *империализм* утратил впредь свое полемическое содержание и окончательно вошел в каждодневный политический лексикон.

За прошедшие с тех пор десятилетия сущность империализма, как писал Хальгартен, сильно изменилась. Основательно разошлись и мнения о толковании этого явления. В его начальные годы, которые не случайно совпали с длительной экономической депрессией, продолжавшейся с 1873 по 1896 г., дискуссия вращалась вокруг понятия *имперской федерации*, более тесного сплочения Британской империи. Тогда этому сюжету было посвящено от полутора до двух сотен сочинений[38]. В конце XIX в. попытки осветить эти проблемы предпринимали Б. Кидд (1894 г.), Ч. Харвей и другие представители "дарвинистского" империализма. Затем понятие *империализм* стало привлекать все большее внимание исследователей и политиков в связи с начавшейся борьбой финансовых олигархов ведущих держав за передел мира. Толчок этому дали испано-американская война 1898 г. и англо-бурская война 1899–1902 гг. В последней в 1900 г. принимал участие в качестве военного корреспондента английский экономист и публицист Дж. Гобсон. В 1902 г. он издал книгу "Империализм", используя это понятие для характеристики экспансионистской внешней политики великих держав, создавших колониальные империи и развернувших борьбу за раздел еще не занятых территорий, рынков товаров и сырья. В своем труде Гобсон основательно проанализировал экономические и политические аспекты империализма[39]. Вслед за ним в 1910 г. австрийский марксист Р. Гильфердинг опубликовал фундаментальное исследование "новейшей фазы в развитии капитализма" под названием "Финансовый капитал". Эти сочинения послужили основой для разработки Лениным теории империализма преимущественно как фазы, или ступени, экономического развития и всемирной экспансии капитала[40]. Как писал

Хальгартен, сочинение Гобсона вместе с исследованием Гильфердинга "стало базисом" для ленинской книги "Империализм, как высшая стадия капитализма"[41].

Актуальность поднятых в начале XX в. вопросов подтверждена современными изысканиями[42]. По мнению крупного английского историка Э. Хобсбаума, незадолго до начала XX столетия, т.е., по оценке Хальгартена, в период "классического" империализма, возник ряд новых факторов, которые нуждаются в объяснении. "Это были: 1. Изменение в структуре капитализма, то есть подъем монополий и финансового капитала; 2. Изменения во внутренней хозяйственной и социальной политике государств, то есть отход от экономического либерализма; 3. Новый колониализм и раздел мира; 4. Международная напряженность и новая угроза войны; 5. У Ленина также проникновение реформизма в международное рабочее движение". Приводя эти положения Хобсбаума, Хальгартен констатировал "примечательное соответствие" между своими и его взглядами[43].

В книге "Европейский империализм" (1979 г.) немецкий ученый В. Моммзен писал о трех возможностях истолкования понятия *империализм*: 1) универсально-историческая дефиниция, допускающая его сравнительное использование для самых различных исторических эпох и общественных формаций; 2) определение империализма как конкретной исторической формации, стремящейся к разделу слаборазвитых районов земного шара индустриальными странами и 3) толкование империализма как структурной формы зависимости относительно неразвитых регионов от индустриальных метрополий[44]. По мнению Моммзена, преобладающие сегодня определения империализма относятся в основном к последней фазе экспансии западной цивилизации на земном шаре. Это соответствует "общепринятому" употреблению термина *империализм* в его развитии со времен Наполеона III и Дизраэли. Между тем в более ранней своей работе "Современный империализм..." Моммзен писал: "Представляется, что империализм вообще является основным феноменом истории. Можно победить отдельные империализмы, однако, пока в этом мире вообще существует господство, будут существовать и империалистические формы осуществления власти"[45].

"Как известно, – констатировал Моммзен, – теорий империализма легион"[46], и отмечал, что само это понятие чрезвычайно расширилось в процессе своего развития как в отношении его временнóго применения, так и содержания. Время с 1880 по 1914 г., по его мнению, сегодня обычно считается периодом "классического", или "развитого империализма". Моммзен приходит к важному выводу, что если в соответствии с марксистско-ленинской трактовкой империализм является продуктом капитализма на определенной ступени его развития, то в последние годы западные исследователи, придерживающиеся иных взглядов, отделяют понятие империализма от установления контроля над какими-либо территориями. Наряду с более или менее формальным империалистическим господством существует много видов "неформального империализма", среди них – отношения экономической зависимости, которые складываются посредством торговых связей, одностороннего благоприятствования для метрополии или осуществлением столь крупных инвестиций капитала, которые ставят соответствующий регион фактически в полную экономическую зависимость от страны-кредитора. Моммзен находит такие формы империализма важнейшими[47].

Французский ученый Ж. Тоби в фундаментальном 3-томном исследовании "Экономические, финансовые и политические интересы Франции в азиатской части Оттоманской империи с 1895 по 1914 г." (1973) отмечал, что термин *империализм* несет у различных авторов разнообразную смысловую нагрузку. Одни ограничивают его содержание понятием *колониального империализма*, другие просто видят в нем синоним внешней экспансии. В нестабильности термина – его слабость. Поэтому, по мнению Тоби, необходимо точно установить, что мы понимаем под империализмом. "Нам кажется, – пишет он далее, – что для анализа места французских интересов в Оттоманской империи подходит ленинское понятие империализма", и отмечает, что Ленин с большой дистанции, используя статистические данные, определил империализм как особую стадию в развитии капитализма. Приведя пять ленинских признаков империализма, Тоби поставил перед собой задачу интегрировать данную дефиницию в глобальный анализ: "Этот замысел, – заключает автор, – указывает нам главные силовые линии нашего исследования"[48].

Немецкий историк Д. Гайер в книге "Русский империализм. Исследования о взаимосвязи внутренней и внешней политики. 1860–1914" (1977) пишет, что «в самом общем смысле империализм до 1914 г. понимают как прямое (формальное) или косвенное (неформальное) господство развитых капиталистических индустриальных государств над менее развитыми регионами и народами. Этот минимальный консенсус требует прояснения политических, социально-экономических и психологических причин и условий, которые лежали в основе империализма "метрополий"»[49].

Гайер обоснованно утверждал, что попытка прийти к обобщенному пониманию империализма гораздо сложнее, чем, скажем, сравнение различных политических действий и стратегии экспансии в системе международных отношений. В частности, он подчеркивал, что "методы европейского колониального господства были более схожи друг с другом, чем внутренние стимулы к завоеванию колоний и обеспечению зон влияния", подразумевая в данном случае именно экономическую основу зарубежной экспансии, "экономический империализм", уже описанный в "классических" теориях[50].

В западной историографии выдвигались и другие концепции и гипотезы, связанные с трактовкой империализма. Г.-У. Велер, например, рассматривает империализм как комплексный феномен, который уже с самого начала не может удовлетворительно исследоваться с помощью единственного теоретического подхода, независимо от того, исходят ли при этом из экономических или насильственно-политических факторов. Можно попытаться, писал он, лишь в рамках "как бы многоразмерной теории" посредством эмпирического анализа раскрыть его важнейшие движущие силы и проявления[51].

В пределах теории индустриального общества Велер уделил большое внимание экономическим факторам, однако усмотрел в них только одну, и притом подчиненную, часть "движущих сил" империализма. Вместе с тем в соответствии с теорией "организованного капитализма" он нашел эти экономические движущие силы не в монополистическом капитализме, а лишь в крупном предпринимательстве разных видов, включая и монополии. Таким образом, Велер относил начало империализма к 70-м годам XIX в.[52]. В то же время он признавал, что империализм является "результатом развития общественной системы индустриальной экономики", и констатировал, что под

давлением процесса концентрации возникла система организованного капитализма, которая переносит вовне часть внутренней конкуренции. Экспансионистскую политику он объяснял вызванными "модернизацией" капитализма "социальными изменениями". Отсюда Велер определяет империализм как "стратегию и средство оборонительной стабилизации господства", как "интеграционную идеологию" "социал-империализма"[53].

Некоторые западные историки пришли к выводу, что в отношении вопроса, в какой мере кризисы сбыта и возрастающая потребность в сырье, перепроизводство и давление экспорта играли роль рычагов империалистической экспансии, обобщающие ответы применимы якобы лишь весьма ограниченно. Так о времени, непосредственно предшествовавшем первой мировой войне, Фишер писал: «Экономический империализм, "принуждение" к мировой политике, был, как факт, общим для мотивации всех индустриальных наций Земли в этот период. Ситуация же для Германии в сознании руководящих социальных групп определялась тем, что она – и это выделяет ее *империализм в сравнении с другими империализмами – лишь с опозданием* получила доступ в круг ведущих великих держав, когда бо́льшая часть земного шара была уже распределена». Ученый отмечал, что к этому в Германии прибавилась тенденция "господствующих слоев" преодолевать внутриполитические трудности, осуществляя "экспорт социального вопроса". Энергичная внешняя политика должна была помочь цементировать находившийся под угрозой общественный status quo. Крупная промышленность и юнкерство, тесно связанные с проникнутой консервативным духом армией и государственной бюрократией, «стали специфическими и надежнейшими носителями "государственной идеи", которая в существенной мере рассматривала мировую политику и национальную политику силы как средство разрядить социальную напряженность внутри страны, направив удар вовне». Эта тенденция, по мнению Фишера, была также характерна – со своими особенностями – "и для империализма других западных индустриальных наций"[54].

Итак, помимо прочего, империализм предстает в промышленно развитых странах как средство для укрепления и консервации существующих государственных структур в быстро менявшейся взрывоопасной социальной действительности. Так, английский консерватизм рубежа веков целенаправленно ориентировался на идею "большей Британии", чтобы таким путем создать для себя новую массовую базу, и во многом преуспел в этом. Подобным же образом германская правящая элита использовала "мировую политику" Б. фон Бюлова и Вильгельма II. По мнению ряда историков, она стала проводиться для обеспечения "личного правления" кайзера, утрачивавшего поддержку населения. Макс Вебер писал, что «любая успешная империалистическая политика принуждения, направленная вовне, обычно усиливает, по меньшей мере вначале, также и "внутри" [страны] престиж, а вместе с тем позицию силы и влияние тех классов, сословий, партий, под руководством которых достигнут успех»[55].

Известный немецкий историк В. Гуче отмечал, что уровень взаимоотношений между монополистическим капиталом и государством не определялся чередованием высокой конъюнктуры и экономических кризисов. Однако кризисы 1900–1903, 1907–1908 гг. и начавшийся в 1913–1914 гг. новый циклический кризис, бесспорно, обостряли борьбу монополий за рынки сбыта и

источники сырья, усиливали агрессивность ведущих капиталистических держав и в свою очередь резко активизировали процесс концентрации капитала. Эти явления подтверждали причинную взаимосвязь между "своеобразностью структуры современного капитализма" (выражение Н.И. Бухарина)[56] и империалистической политикой экспансии, продемонстрировав, что агрессивность возрастала с усложнением форм капитала и с выходом картелей, трестов, монополий, финансовой олигархии на арену мировой политики[57].

Приведенные примеры из истории теоретических разработок и некоторые соображения историографического характера свидетельствуют о непреходящей и даже неуклонно возрастающей актуальности изучения феномена империализма – ведущей тенденции развития индустриального общества на рубеже XIX–XX вв. Думается, у российских историков нет оснований отказываться от термина *империализм*. Во всяком случае, историки стран Запада, вкладывая в него подчас различное содержание, продолжают активно его использовать, в том числе в названиях своих трудов[58]. Учет разнообразных точек зрения на проблемы империализма необходим при рассмотрении генезиса и характера первой мировой войны.

2. Противоречия мировой политики конца XIX – начала XX века

Под влиянием промышленной революции в соотношении сил великих европейских держав на рубеже XIX–XX вв. происходили коренные изменения. В середине XIX в. Великобритания была единственной крупной промышленной державой мира. Заметную роль в промышленном производстве играла Франция. Однако уже к моменту объединения Германия обогнала ее по добыче угля, хотя Франция еще удерживала свои позиции в выплавке чугуна и стали. В годы правления Бисмарка Германия в развитии промышленности опередила Францию, а в последнем десятилетии XIX в. догнала Великобританию. В начале XX в. производство германской тяжелой промышленности превзошло производство тяжелой индустрии Британии[59].

С 1885 по 1913 г. промышленное производство Великобритании возрастало в среднем в год на 2,11%, Германии – на 4,5%, США – на 5,2% и России – на 5,72%. Если в 1860 г. на Англию приходилось 25% промышленного производства во всем мире, то в 1913 г. ее доля упала до 10%. Между 1890 и 1900 гг. доля Германии в мировом индустриальном производстве увеличилась с 15 до 17%, но к 1913 г. снова уменьшилась до 15% в связи с бурным ростом промышленности в США. Таким образом, после 1890 г. равновесие между державами Европы стало нарушаться. Германия в экономическом отношении поднялась выше всех других континентальных держав[60].

В новой мировой системе государств, сложившейся к началу XX в., шести крупным центрам власти – Великобритании, Франции, Германии, России и двум неевропейским державам – США и Японии – соответствовали полдюжины крупных и несколько меньших вакуумов власти. Немецкий историк И. Гайсс, полагая, что истоки мировой войны восходят к временам Венского конгресса 1815 г., в своем труде "Долгий путь к катастрофе" рассмотрел ее предысторию на протяжении столетия. Он констатировал, что во второй

половине XIX в. в мире существовало несколько вакуумов власти: Латинская Америка, Черная Африка, Китай, в известном смысле также Османская империя. Меньшими региональными вакуумами власти, по его мнению, являлись Северная Африка, отчасти остававшаяся еще под формальным сюзеренитетом турецкого султана, отдельно – Марокко, далее – Иран и остатки еще независимой Центральной Азии. Вакуум власти в Индии был заполнен Великобританией, и защита этого субконтинента в значительной степени определяла британскую мировую политику. К 1900 г. в основном завершился раздел Черного континента, и теперь речь могла идти только о его переделе[61].

Осложнения на периферии усиливали уже существовавшую напряженность в Европе, особенно в связи с ожидавшимся распадом Османской империи и Австро-Венгрии. Германия, являвшаяся самой молодой колониальной державой и занимавшая доминирующее положение на Европейском континенте, чувствовала себя обойденной в колониальной сфере. К четырем сильнейшим великим державам европейской пентархии примыкало несколько средних и более мелких государств, обладавших выходом к Атлантике – Испания, Португалия, Нидерланды и Бельгия, а также Италия, которая, как средиземноморская страна, для осуществления своей колониальной экспансии вынуждена была ограничиваться проходом через Суэцкий канал. Из великих европейских держав только Австро-Венгрия, имевшая выход к Адриатике, по существу была исключена из колониальной экспансии за морем и стремилась к относительно скромной территориальной "компенсации" на Балканах. Маневры всех соперничающих держав в борьбе за усиление своих позиций в еще свободных вакуумах власти вызывали напряженность и конфликты, которые и образовали рамки для мировой войны[62].

Возраставшие экономические и политические противоречия между великими державами и их военно-политические блоки видоизменяли сложившуюся в Европе систему государств, получившую название "системы вооруженного мира". Созданный Бисмарком в 1879 г. австро-германский союз, направленный против России, стал первым звеном в цепи международных договоров, приведших к разделению Европы на два враждебных лагеря. В 1882 г. он превратился в Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. Ему противостоял русско-французский союз, сложившийся в 1891–1893 гг.[63] Самая крупная промышленная и колониальная держава Великобритания, обладавшая мощным военно-морским флотом, на рубеже веков продолжала некоторое время пребывать в состоянии "блестящей изоляции", предпочитая оставаться вне рамок военно-политических группировок. "Система вооруженного мира" прикрывала углублявшиеся противоречия между капиталистическими странами, порожденные их торгово-экономической конкуренцией, колониальным соперничеством и гонкой вооружений[64].

В начавшейся борьбе за передел мира центральное место занимал англо-германский антагонизм, который с особой силой проявился в сфере военно-морского и колониального соперничества[65]. Однако в оценке причин остроты и непримиримости антагонизма между Германией и Англией мнения специалистов всегда существенно расходились. Так, Покровский полагал, что англо-германское соперничество объяснялось, прежде всего, распределением мирового тоннажа и мировых перевозок торгового флота. Британ-

ская империя, полагал он, не могла допустить угрозы своему господству на мировых транспортных артериях, когда на рубеже веков морские фрахты стоили дешевле сухопутных в 25 раз. Между тем темпы роста морских перевозок Германии быстро увеличивались. Если британский торговый флот за 40-летие, с 1870 по 1910 г., по количеству пароходов возрос в 3 раза, а по тоннажу в 10 раз, то германский флот за 40 лет, с 1871 по 1911 г., по числу пароходов усилился в 13 раз, а по тоннажу – в 28 раз. К концу этого периода появились пароходы-гиганты грузоподъемностью, превышающей 12 тыс. т. В 1910 г. из этих пароходов-гигантов более половины принадлежали Великобритании, более четверти – Германии и лишь одна пятая – всем остальным странам. Перед первой мировой войной весь тоннаж мирового торгового флота составлял 41 млн т, из которых почти половиной – 19 млн – обладала Великобритания, 5 млн – Германия, а ни одна прочая страна не имела и 2 млн т[66].

Хальгартен выступал против точки зрения Покровского и некоторых других исследователей, считавших борьбу за тоннаж одной из важнейших, если не главной, причиной глухой англо-германской враждебности. Британское судоходство до самого возникновения мировой войны настолько доминировало в мировых перевозках, а риск огромных потерь в случае широкомасштабных военных действий был для пароходных компаний, по мнению Хальгартена, таким чудовищным, что конкуренцию в области судоходства едва ли можно рассматривать, как “непосредственную причину войны”. Англо-германское соперничество привело скорее “к своего рода разделу мира на сферы экспорта”, когда Германия завладела преимущественно вывозом в соседние европейские страны, а Англия – главным образом экспортом в другие части Британской империи и за океан. Что же касается внушительных темпов роста тоннажа и объема перевозок германского торгового флота, то, естественно, стране с не очень большим количеством судов легко удвоить и даже удесятерить свой тоннаж, в то время как для страны, обладающей крупным флотом, это потребовало бы весьма значительных усилий. Общему тоннажу Великобритании (без колоний) в 18,2 млн брутто-регистровых тонн в 1914 г. Германия могла противопоставить только 4,7 млн брутто-регистровых тонн[67].

Все это, разумеется, не исключало стремления британских правящих кругов в связи с общим осложнением международной ситуации незадолго до мировой войны устранить германское соперничество на море (основой которого служил германский военно-морской флот!)[68]. Осенью 1912 г. британский министр иностранных дел Грей в беседе со своим российским коллегой Сазоновым заявил, что в случае войны Англии с Германией он приложит все силы к тому, чтобы сломить германское морское могущество. Король Георг V высказался еще определеннее – англичане будут топить каждое германское торговое судно, встретившееся на их пути...[69]

Сущность англо-германского антагонизма Хальгартен рассматривал в иной плоскости, чем Покровский, который утверждал, что в подготовке войны “непосредственно промышленное соперничество Англии и Германии не играло... главной роли”, так как мировой рынок был достаточно ёмким[70]. Хальгартен же сосредоточил внимание на монополизации германской индустрии, отмечая, что в центре этого явления оказалась сталелитейная промышленность[71].

Именно картелирование и концентрация производства отличали ход событий в Германии от развития соответствующего процесса в Англии. Они "сделали Германию более могущественной в промышленном отношении, а вместе с тем и более империалистически-агрессивной, чем было островное государство". Так утверждал Хальгартен. С другой стороны, тенденция к концентрации породила в качестве предпосылки ускоренного развития промышленности "необходимость и государственно-политическую основу того стремления к экспансии, той постоянно возраставшей алчности в отношении насильственно-политического контроля над рынками сбыта и сырьем, которая стала одной из наиболее существенных причин англо-германского столкновения"[72].

Вторым по значению после англо-германского соперничества был франко-германский антагонизм. Еще во время осуществленного Бисмарком объединения Германии, которое сопровождалось присоединением Эльзас–Лотарингии, Г.К. фон Мольтке-старший и высшие прусские военные круги настаивали на том, чтобы обе эти провинции, расположенные между Вогезами и Рейном, принадлежали Германии. Это должно было обезопасить империю от возможного нападения Франции. И хотя большинство полуторамиллионного населения Эльзас–Лотарингии говорило по-немецки, оно в значительной части было настроено против отделения от Франции и пыталось протестовать, но безрезультатно. Аннексия Эльзас–Лотарингии и вытекающие из этого последствия стали непреодолимой преградой на пути к коренному улучшению франко-германских отношений, превратившись в одну из основных причин возникновения мировой войны. Чтобы укрепить вновь созданную Германскую империю и не допустить французского реванша, Бисмарк стремился держать Париж в состоянии международной изоляции[73].

Отсутствие прироста населения во Франции оказывало негативное воздействие не только на состояние французской промышленности вследствие ограниченных возможностей внутреннего рынка и сокращения резервов рабочей силы, но и на комплектование армии. А тем временем в Германии население ежегодно увеличивалось на 800 тыс. человек[74].

Промышленный подъем, начавшийся после экономического кризиса начала века, привел к активному проникновению германских монополий и капитала в обе части Лотарингии (французскую и немецкую), что повлекло за собой переход французских рудных богатств фактически под контроль германских концернов. Их участие в эксплуатации французских рудников выражалось не только во вложении крупных капиталов, но и в приобретении в собственность обширных территорий в Лотарингии и в Нормандии[75]. Французский рынок заполнялся изделиями германского машиностроения. Незадолго до мировой войны, в 1912 и 1913 гг., Германия поставила во Францию всевозможных машин в 35 раз больше, чем Франция в Германию. Таким образом, французская индустрия оказалась перед двойной задачей: сопротивляться германскому проникновению к источникам сырья и противодействовать подрыву французской обрабатывающей промышленности, включая военную[76].

Постоянное возрастание германской военной мощи в предвоенные годы создавало прямую угрозу основным центрам французской индустрии, расположенным в стратегическом отношении крайне неблагоприятно. Так, в слу-

чае войны с Германией Лонгви и Бриё могли быть уже через несколько часов захвачены немцами. Французская промышленность зависела от поставок угля из Германии, которая намеренно тормозила развитие металлургии во Франции. Руда же находилась главным образом в Лотарингии. Если в 1907 г. Франция ввезла из-за границы угля на 70 млн фр., то в 1912 г. – уже на 136 млн фр. Поэтому экспансионистские интересы французских промышленников были нацелены на Лотарингию и Саарский угольный бассейн. Они резонно полагали, что овладение Мецем означало бы установление французского контроля над самым крупным железорудным месторождением в Европе. А этого можно было добиться только с помощью оружия[77]. Во Франции рассчитывали использовать в своих интересах начавшееся в Эльзас–Лотарингии за семь лет до мировой войны профранцузское движение. Оно было направлено против пруссачества, создавшего здесь единый укрепленный район, в котором регулярно проводились военные учения[78].

За англо-германскими и франко-германскими противоречиями по остроте следовал конфликт русско-турецкий, превратившийся в серьезный фактор российско-германского антагонизма. Он был связан с проблемой Черноморских проливов, но обладал также рядом экономических, политических и других аспектов[79]. Еще в 1882 г. российский дипломат А.И. Нелидов в официальной записке о Проливах указывал на необходимость утверждения России на Босфоре и в Дарданеллах, чтобы установить свою власть "на пути наших южных морских сообщений с открытыми морями и океаном". Это способствовало бы также защите кавказских "владений" России и дало бы ей "решительное влияние на судьбы как Балкан, так и Малоазиатского полуострова". Нелидов полагал, что достигнуть этой цели можно тремя способами: 1) открытой силой посредством войны с Турцией; 2) неожиданным нападением, воспользовавшись внутренними неурядицами в этой стране или ее войной с какой-либо державой, и 3) мирным путем, заключив с Османской империей союз, в котором она бы нуждалась для защиты своих интересов. Нелидов нарисовал картину сплочения славянских народов Балканского полуострова вокруг России, на что царь реагировал пометой: "Это был бы идеал, до которого еще далеко"[80].

В последующие десятилетия аргументация Нелидова в пользу захвата Проливов сохранила свою значимость. Ко времени составления записки, в 1875–1879 гг., 54% русского хлеба ежегодно вывозилось еще через балтийские порты, а через черноморские – только 46%. Однако уже в 1900–1902 гг. через Балтику осуществлялось лишь 27% зернового экспорта, а 73% – через Черное море. В 1907 г. 89% российского хлеба вывозилось через Босфор и Дарданеллы и всего 11% по Балтийскому морю. С увеличением вывоза зерна через южные порты у правительства и торгового капитала России возрастало стремление овладеть Черноморскими проливами[81].

В 1896 г. в связи с погромами армян в Турции корабли нескольких держав крейсировали у ее побережья, включая подходы к Дарданеллам. Тогда же российский Черноморский флот получил приказ подготовиться к походу на Босфор. На проходившем под председательством Николая II Особом совещании было решено в случае проведения международной морской демонстрации в Дарданеллах обусловить согласие на это России занятием ею Верхнего Босфора. Однако Париж сообщил, что окажет Петербургу действенную поддержку, только если одновременно с вопросом о Константинополе

встанет и вопрос о Страсбурге (т.е. о Лотарингии!), а это означало общеевропейскую войну[82].

В 1911 г. во время итало-турецкой войны, а затем и в ходе Балканских войн закрытие Черноморских проливов нанесло колоссальный урон хлебной торговле России. Она ежемесячно теряла из-за этого около 30 млн руб. Это отразилось на всей экономической жизни страны и усилило стремление заинтересованных кругов к овладению Проливами. Если осложнения в положении Турции оборачиваются многомиллионными убытками для России, заявил Сазонов в докладе царю в ноябре 1913 г., то что же будет, если вместо Турции Проливами завладеет государство, способное воспротивиться требованиям России? Николай II согласился с опасениями своего министра, явно имевшего в виду Германию[83].

С политикой России в отношении Проливов были тесно связаны и французские интересы. За последние предвоенные годы Антанта сумела одолеть Германию на рынке русских займов. К началу войны из контролируемой заграницей части российского банковского капитала во французских руках находилось около 53,2%, в английских – 10,4% и во владении немецких банков – 36,4%. Французские банки напрямую финансировали российскую и особенно южнорусскую промышленность. Осложнения с Германией использовались в России для интенсификации морских вооружений, опиравшихся на южнорусскую индустрию и создававших угрозу Проливам, в которых успела обосноваться Германия. Морской министр И.К. Григорович являлся доверенным лицом крупного французского банка "Сосьете женераль", осуществлявшего финансовый контроль над верфями в Николаеве. В них были заинтересованы также бельгийцы и англичане. Французские банки и рантье ожидали с нетерпением, когда с принятием программы Григоровича морское министерство сделает заказы верфям в Николаеве и связанной с ними донецкой промышленности, также находившейся под контролем Франции. Для кругов, заинтересованных в экспорте южнорусского угля, Проливы также приобретали "жизненно важное" значение. Еще больше в свободном проходе через них нуждались компании Нобеля и Ротшильда, экспортировавшие керосин. Да и сама южнороссийская торговля зерном была сосредоточена в марсельской фирме Дрейфуса. Техническая организация российской военной промышленности поддерживалась фирмой Крезо, озабоченной успешным функционированием южнорусской промышленности, существенным стимулом для которой было строительство стратегических железных дорог. Борясь против германского участия в русских железнодорожных обществах, французский финансовый капитал обусловливал предоставление новых займов России в Париже сооружением таких дорог и значительным увеличением российской армии[84].

Российская политика вооружений имела целью не допустить, чтобы Германия со своими офицерами и пушками Круппа на Босфоре преградила путь экспорту российского зерна и поставила под удар экономический потенциал России. Это отчетливо проявилось в ходе переговоров между генеральными штабами Франции и России в 1912 г. Адмирал Григорович убеждал своих коллег в правительстве в необходимости агрессивной политики в отношении Проливов. Однако в Германии никто не помышлял об уходе с уже приобретенных позиций на Босфоре. А если Германия не собиралась жертвовать ни Австро-Венгрией, ни Проливами, война, в конечном счете, становилась неизбежной[85].

Поворотным моментом в развертывании германской экспансии в глобальных масштабах стало провозглашение правящими кругами страны "мировой политики", которая должна была проводиться всеми возможными способами – косвенными (мирными, или экономическими) и прямыми (аннексионистскими) – и служила реализации мировых стратегических и геополитических планов германского империализма[86]. "Мировая политика" Германии являлась германским вариантом "всеобщего" империализма. Суть ее заключалась в том, чтобы поднять Германскую империю с уровня континентальной державы до положения мировой державы, равноправной с Британской империей. Однако даже такое, еще относительно "скромное" изменение в силовом статусе Германии по сравнению с планами установления мирового господства являлось столь радикальным поворотом в европейской и в глобальной системе государств, что в соответствии с историческим опытом он мог завершиться только войной. Пангерманцы позже соглашались с тем, что большая война была следствием германской "мировой политики". Они признавали, что без германской "мировой политики" в 1914 г. не вспыхнула бы мировая война[87].

Вильгельм II возвестил немецкую "мировую политику" 18 января 1896 г. в связи с 25-летним юбилеем провозглашения в Версале прусского короля германским кайзером. "Германская империя превратилась в мировую империю", – заявил он. Этим выступлением кайзер дал целевую установку, которой в общих чертах стала следовать германская "мировая политика". В том же 1896 г. адмирал Г. Мюллер в докладной записке шефу германского флота принцу Генриху констатировал политические последствия такого курса: война с Британией сообразно с "общепринятым у нас мнением". Цель германской "мировой политики" заключается в подрыве британского мирового господства, что должно привести к освобождению колониальных территорий, необходимых "для нуждающихся в расширении среднеевропейских государств". Однако, делал оговорку Мюллер, война между Англией и Германией за мировое господство может быть задачей лишь грядущих поколений[88].

Став статс-секретарем германского ведомства иностранных дел, *Б. фон Бюлов заявил 6 декабря 1897 г. в рейхстаге:* "Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому – море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, – эти времена миновали... мы требуем и для себя места под солнцем"[89]. Так вильгельмовская Германия ринулась в авантюру "мировой политики". "Мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент" – стало лозунгом, который Вильгельм II открыто провозгласил, а Бюлов, уже будучи канцлером (с 1900 г.), полностью воспринял, хотя и в несколько более завуалированной форме[90].

Само вступление Германии на путь "мировой политики" ознаменовалось приобретением ею опорного пункта в Китае. В 1897 г., воспользовавшись убийством двух немецких миссионеров в китайской провинции Шаньдун, немцы высадили десант в Циндао (Цзяочжоу), а в 1898 г. Германия заставила китайское правительство подписать договор об уступке ей в аренду на 99 лет этого китайского порта. Впоследствии богатая природными ресурсами провинция Шаньдун была превращена в сферу германского влияния[91]. Укрепляя свои позиции на Тихом океане, Германия в 1899 г. склонила Испанию продать ей острова Каролинские, Марианские и Палау, которые были

административно объединены с германскими колониями в Новой Гвинее. Первыми практическими шагами Германии в проведении "политики силы" являлись также попытки проникновения в долину Янцзы, вплотную подходившую к Британской Индии, и участие вместе с другими державами в подавлении восстания ихэтуаней в Китае.

Важнейшим направлением германской экспансии стало экономическое и политическое проникновение в Османскую империю. В 1898 г. Вильгельм II, совершая паломничество по "святым местам", посетил, кроме Иерусалима, Стамбул и Дамаск, где объявил себя другом турецкого султана и всех мусульман, почитающих его как своего халифа[92]. Но главным результатом поездки кайзера явилось согласие султана предоставить немцам концессию на строительство Багдадской железной дороги. В противодействии этому проекту объединились, каждая по своим мотивам, Великобритания, Франция и Россия.

Германия приступила к "модернизации" Османской империи, чтобы установить над ней свое политическое господство. Преобладание германского капитала в строительстве Багдадской железной дороги служило стратегическим и геополитическим целям германского империализма. Османская империя представляла собой гигантское поле деятельности для немецких промышленных монополий, крупных банков и торговой экспансии, хотя и не за морем, а как "продолжение" Европейского континента. С ее территории Германия могла реально угрожать Индии, жемчужине Британской колониальной империи, и стратегическим позициям Лондона в Египте. На берегах Темзы были озабочены также тем, чтобы не допустить вытеснения британской торговли из Месопотамии. Позднее британское адмиралтейство стало придавать особое значение эксплуатации английской компанией крупных нефтяных месторождений в районе Мосула.

В самóм багдадском предприятии германский капитал выступал в преобладающем соперничестве со своими партнерами – французским и российским капиталами. В финансово-кредитной и банковской сфере Османской империи он становился все более серьезным конкурентом французских и английских финансистов. Перспектива установления находящегося под германским контролем железнодорожного сообщения от Берлина до Стамбула и затем до Багдада создавала реальную угрозу германского господства над Черноморскими проливами, что неизбежно вело к обострению российско-германских отношений.

Сооружаемая немцами Багдадская магистраль ставила под вопрос британский контроль над районом Персидского залива, который в Лондоне нередко называли "индийской Темзой". Не без основания англо-индийская пресса утверждала, что создание Германией опорного пункта на берегу Персидского залива могло бы привести к подрыву монопольных позиций Британии в Аравийском море, на Аравийском полуострове и в Иране[93].

Влиятельная "средневосточная" группировка английских господствующих классов четко осознавала степень нависшей угрозы. Провозгласив лозунг "Индия в опасности", она настаивала на проведении правительством Великобритании активной политики на Ближнем и Среднем Востоке, установлении безраздельного британского господства в Красном море, в Персидском заливе и в западной части Индийского океана[94].

На рубеже XIX–XX вв. Англия уже была вынуждена считаться с нарастающим соперничеством Германии в борьбе за рынки сбыта и источники

сырья, за сферы приложения капитала в Китае и Океании, в Латинской Америке и Африке, на Балканах и Ближнем Востоке. Рассматривая положение страны в мире, правящие круги Германии принимали в расчет прежде всего Британскую империю и Россию, обладавших – каждая по-своему – соответствующими атрибутами подлинно мировых держав, а также своего "наследственного" врага Францию.

Соотношение колониальных владений великих держав не могло устраивать набиравшего силу молодого германского хищника. К 1900 г. колониальные территории Англии составляли 9,3 млн кв. миль с населением 309 млн человек, Франции – 3,7 млн кв. миль с населением 56,4 млн и Германии – 1 млн кв. миль с населением 14,7 млн человек[95]. За европейскими метрополиями подтягивались "фланговые" державы новой мировой системы – Япония и США, которые успели одержать победы: первая – в войне с Китаем в 1894–1895 гг., а вторая – над Испанией в 1898 г., осуществив ряд территориальных приобретений.

Важнейшим орудием экспансионизма великих держав становился экспорт капитала. Если к началу XX в. английских капиталов было вложено за границей около 40 млрд, французских – более 25 млрд и германских – свыше 15 млрд марок, то в 1913 г. капиталовложения Англии за рубежом достигли 75 млрд, Франции – 36 млрд и Германии – 35 млрд марок. Вывоз капитала и связанное с ним стремление к овладению новыми сферами влияния вели к экономическому разделу мира международными монополистическими объединениями[96]. Финансовый капитал основывал зарубежные, в том числе заморские, банки, что обостряло межимпериалистические противоречия[97].

В Берлине полагали, что против мощной конкуренции стран – экономических гигантов Германская империя может устоять только при условии объединения континентальной Европы (без Англии и России) в экономическом и в политическом отношении. Такое объединение как бы играло роль еще одной мировой державы при гегемонии в ней сильнейшего государства на континенте – Германии. Однако перенесение подобных замыслов в сферу практических действий приходило в столкновение с антигегемонистским принципом существования европейской системы государств. Обращение Германии к традиционным методам наращивания мощи государства посредством форсированных вооружений влекло за собой использование столь же традиционных методов защиты европейской системы против самой угрозы появления на континенте новой страны-гегемона, что вызывало рост международной напряженности[98].

Продолжая увеличивать свои сухопутные вооруженные силы, Германия приступила к строительству грандиозного военно-морского флота, чего "владычица морей" Англия не могла оставить без ответа. В гонке морских вооружений были заинтересованы магнаты тяжелой индустрии и связанные с ними финансовые круги в Англии и Германии[99].

В конце XIX в. германский военный флот занимал пятое место в Европе и ограничивался обороной морского побережья страны, а британские военно-морские силы являлись флотом "открытого моря". Обладая рядом стратегически важных опорных пунктов и контролируемых территорий, флот Великобритании обеспечивал прикрытие морских коммуникаций, а его господство на морях гарантировало стабильное функционирование как юридически оформленной, так и "неформальной" Британской колониальной империи[100].

Еще в 1889 г. в британском парламенте был принят закон о крупном финансировании строительства военно-морского флота. Фактически он оказался первым в ряду современных законов, направленных на развитие военно-морских сил. Увеличение таких ассигнований обосновывалось соображением, что британский флот должен быть сильнее флотов двух самых крупных после Великобритании морских держав, вместе взятых[101].

Колониальные владения Германии имели весьма скромные размеры, при этом обладание ими в конечном счете зависело от доброй или злой воли британского соперника, который господствовал на морях, находясь на подступах ко всем этим колониям. Но дело было не только в колониях. Англичане могли в любой момент блокировать германское побережье, отрезав пути для немецкой заморской торговли, что парализовало бы германскую промышленность, нуждавшуюся в импортном сырье и рынках сбыта. В самóй стране в достаточном количестве добывались лишь каменный уголь и калийные соли, в то время как черная металлургия на две трети зависела от импорта железной руды, цветная на 90% от ввоза меди, наполовину – от импорта свинца и цинка. Империя практически полностью зависела от импорта нефти, каучука, олова, вольфрама, молибдена и ряда других стратегических товаров. Более того, имея высокоразвитое сельское хозяйство, Германия импортировала до одной трети необходимой ей пшеницы, свыше половины потребляемых в стране жиров, мяса, рыбы и других продуктов первой необходимости[102].

Строительство мощного военно-морского флота, носившее антибританскую направленность, стало ядром германской "мировой политики". Как отмечал советский историк В.М. Хвостов, "флот был самым крупным политическим проявлением германского империализма"[103]. Возглавивший военно-морское ведомство империи адмирал А. Тирпиц в 1897–1898 гг. выступил инициатором принятия первого закона о флоте. Тогда Великобритания владела 38 линейными кораблями 1-го класса и 34 крейсерами 1-го класса, а Германия соответственно только семью и двумя. В результате реализации закона Германия должна была иметь 19 линкоров. Воспользовавшись англо-бурской войной и англофобией немецких шовинистических кругов, Тирпиц добился в 1900 г. согласия рейхстага на двойное увеличение числа линейных кораблей по сравнению с законом 1898 г., т.е. до 38. Но и это не являлось пределом его мечтаний. Еще в сентябре 1899 г. в докладе кайзеру Тирпиц говорил о флоте, который должен состоять из 45 линкоров с тяжелыми крейсерами сопровождения, а двумя годами позже уже обсуждались возможности создания трех двойных эскадр[104].

Тесная взаимосвязь развития военно-морских сил Германии с колониальной политикой проявилась в активных поисках командованием флота опорных пунктов и угольных станций на стратегически важных коммуникациях: на Красном море, в Малаккском проливе, на Аравийском полуострове и т.д. Гонкой морских вооружений Тирпиц намеревался заставить Британию считаться с Германией, как с "равноправным" партнером в колониальных вопросах. Вместе с тем, по его убеждению, рычаг германской "мировой политики" должен был находиться в Северном море, а его действие распространяться по всему земному шару. Флоту надлежало быть достаточно сильным в количественном отношении и располагать техническими преимуществами, чтобы иметь шанс нанести англичанам потери, которые могли бы серьезно подорвать их морскую мощь[105].

Реализация программы Тирпица вызвала ответную реакцию в Великобритании. Первый лорд адмиралтейства Дж. Фишер провел в 1904–1905 гг. реформы с целью сосредоточить в Северном море мощную военно-морскую группировку, в случае необходимости даже за счет утраты преобладающих позиций в других регионах. Самые крупные корабли в составе четырех эскадр были сконцентрированы в прибрежных водах метрополии. Для этого пришлось, в частности, ликвидировать северотихоокеанскую и южноатлантическую эскадры[106].

Важнейшим мероприятием Фишера было строительство и ввод в действие быстроходного сверхтяжелого линейного корабля "Дредноут", оснащенного крупнокалиберной артиллерией. Новый корабль по своему вооружению и тактико-техническим данным настолько превосходил предшествующие суда, что теперь все линкоры стали делиться на два типа – дредноуты и додредноуты, а сила флотов стала измеряться наличием в распоряжении страны кораблей нового поколения, ибо додредноуты в бою против них были заведомо обречены на поражение. Сооружение дредноутов (это название стало нарицательным) выводило британский флот на качественно новый уровень. Между тем фактически гонка вооружений на море началась с новой точки отсчета, и в Берлине сочли, что у немцев появился уникальный шанс догнать англичан и поколебать их многовековое господство на море. Германский рейхстаг в 1906 г. принял очередной закон о флоте, который предусматривал строительство 6 дредноутов. Уже в 1908 г. у Германии было 9 дредноутов, а у Британии – 12, что свидетельствовало о существенном усилении германских военно-морских сил[107].

Между тем на рубеже веков развернулась упорная борьба великих держав за раздел Китая. Россия строила Транссибирскую магистраль и активизировала свою политику в районе северных границ Китая. Англичане укрепляли свои позиции в бассейне Янцзы. Французы осуществляли экспансию из Юго-Восточной Азии в богатые полезными ископаемыми и занимающие важное стратегическое положение китайские провинции Сычуань и Юньнань. В Шаньдуне все полновластнее распоряжалась Германия.

Однако размеры Китая и обострявшееся между великими державами соперничество не позволяли им завладеть этой страной. В конце XIX в. появилась доктрина "открытых дверей", равных возможностей для проникновения империалистических держав в Китай. В 1899 г. США, уже владея Филиппинами, выступили с нотой, обосновывавшей принцип "открытых дверей", и добились его международного признания[108]. При этом великие державы продолжали сочетать принцип "открытых дверей" с политикой раздела страны на сферы влияния. Развитие ситуации в Китае и вокруг него оказывало существенное влияние на состояние отношений между государствами европейской системы, а также на мировой арене в целом.

Известное ослабление глобальных экономических и стратегических позиций Великобритании проявилось уже в ходе англо-бурской войны. Это побудило ее отказаться от продолжения политики "блестящей изоляции", правда вне Европы. В 1902 г. она заключила военно-политический союз с Японией, который гарантировал особые интересы Британии в Китае, а Японии – в Корее и Китае и право союзников на вмешательство в случае угрозы их "специальным интересам" из-за беспорядков в этих странах или извне[109].

Становившееся все более реальным военное столкновение с Германией побуждало Британию использовать в своих интересах противоречия между Германией и Россией, с одной стороны, между Германией и Францией – с другой. Однако на войну за возвращение Эльзас-Лотарингии и овладение Рурской областью Париж мог решиться только в том случае, если бы такой союзник, как Великобритания, не допустил нападения германского военно-морского флота на французское побережье. При столкновении с германской армией в Париже рассчитывали на поддержку российских войск. Так как укрепление позиций Германии на Босфоре и строительство Багдадской железной дороги являлись вторжением в зону как российских, так и британских интересов, вызревали условия для объединения усилий Британии и России в противодействии германо-австрийскому блоку, несмотря на резкий антагонизм между ними в Средней Азии и в Иране.

В свою очередь германская дипломатия преследовала три цели: во-первых, ослабить франко-русский союз; во-вторых, еще больше обострить англо-русское соперничество и, в-третьих, втянуть Россию в войну с Японией.

Итак, "глубочайшей" причиной англо-германского антагонизма, как отмечал Хальгартен, являлся "страх англичан перед германским колониальным и континентальным империализмом", строившим флот для своего прикрытия, обладая которым он приобретал возможность диктовать "океанской Венеции" свои условия[110]. Стремление монополизировать максимум рынков сбыта и источников сырья переводило всю проблему «в сферу насилия, "политики мощи" и флотской политики».

Непосредственная причинная связь англо-германского антагонизма с возникновением мировой войны заключается в том, что в предшествующий период к германскому экономическому подъему присоединилось "несокрушимое военное могущество Германии". Это побуждало англичан предполагать, что, разгромив Францию, немцы смогут обосноваться где-нибудь в Булони. Оттуда с помощью своего мощного военно-морского флота они будут угрожать английскому судоходству и связям страны с доминионами и с другими заморскими территориями. Возмущение в Британии в отношении германского судоходства и сталелитейной промышленности дополнялось мыслью о связи германского экономического подъема с возрастанием мощи армии и флота Германии, которая могла в перспективе блокировать англичан в торгово-политической сфере. "Без этой связи германского промышленного подъема с увеличением мощи армейско-флотской машины, – писал Хальгартен, – вообще нельзя понять существа англо-германского антагонизма"[111].

3. Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы

После создания Тройственного и франко-русского союзов дальнейшее формирование группировок великих держав зависело от позиции Британской империи. У истоков ее выхода из утрачивавшей свой "блеск" изоляции на рубеже XIX–XX вв. стояли различные формы соглашения с обеими новыми внеевропейскими великими державами – США и Японией. Франция и Россия

еще оставались тогда главными соперниками Англии на мировой арене. Если бы у Британии дело дошло до войны с какой-либо европейской державой, то это была бы не Германия, а Франция и/или Россия. Идеальным союзником для Англии в этом случае могла стать Германия, но этому препятствовали германская "мировая политика" и притязания Берлина на гегемонию в Европе[112].

Великобритания оказалась перед необходимостью принять решение, в чем должны заключаться ее внешнеполитические приоритеты: заморская империалистическая экспансия и колониальные интересы или защита метрополии от угрозы с Европейского континента. Элементарная заинтересованность в безопасности привела к выбору решения в пользу обеспечения отечественного базиса. Без стратегической гарантии метрополии Британская империя развалилась бы как карточный домик.

Это побудило Англию добиваться устранения колониально-политических противоречий с Францией и Россией за морем, чтобы привлечь их как партнеров по "сдерживанию" экспансионистских устремлений Германии, как рассуждали в Лондоне, в интересах всех трех старых великих держав, а также средних и малых стран Европы, которые определенно оказались бы под германским "прессом"[113].

После того как в 1898–1901 гг. потерпели неудачу попытки Англии установить союзнические отношения с Германией, когда Берлин не проявил желания выступить на стороне Британии против России в Китае, Япония оказалась в роли противовеса российской экспансии на Дальнем Востоке. Англо-японский союз 1902 г. укрепил позиции Токио в отношении России, которая, как и Япония, стремилась к осуществлению своей экспансии в Маньчжурии и Корее. При этом главной целью обеих был Китай[114].

Начало XX в. ознаменовалось окончательным складыванием двух противостоявших друг другу альянсов великих держав. Импульсом к этому послужило соперничество ряда европейских стран в Марокко, формально независимом султанате, являвшемся одним из последних значительных, еще никем не захваченных вакуумов власти. Первыми о своих "правах" в Марокко заявили французские колонизаторы, оказавшиеся после захвата Алжира у марокканской границы. Их основными конкурентами в "мирном проникновении" выступали англичане, а также испанцы, итальянцы и немцы. Однако в 1900 г. Германия в торговле с Марокко уже занимала третье место, после Великобритании и Франции. Особую активность в отношении Марокко проявлял Крупп, действовавший в тесном контакте с германским правительством. Его заинтересованность в Марокко была связана со сбытом вооружения в этой стране и с марокканской железной рудой. Пангерманцы в конце 1903 г. открыто выдвинули аннексионистские притязания на Атлантическое побережье Марокко от Рабата до Суса, где и находились рудные месторождения[115].

Германские происки в Марокко столкнулись с совместным противодействием Франции и Британии, что оказалось неожиданным для немцев, считавших англо-французские противоречия непримиримыми. Однако именно всевозраставший германский экспансионизм, проявившийся, в частности, в Марокко, подтолкнул британские и французские правящие круги к преодолению существовавших между ними противоречий[116].

Вильгельм II, всегда преувеличивавший значение видных государственных деятелей, при возникновении мировой войны и позже неоднократно

утверждал, что виновником всех несчастий Германии, как и Европы в целом, был английский король Эдуард VII, создавший Антанту. Однако главную роль в переходе Великобритании на антигерманские позиции сыграло англо-германское военно-морское соперничество. Единственным выходом для Лондона было заключение союза с Францией и Россией, который основательно сковал бы свободу действий Германской империи. Активная дипломатическая деятельность Эдуарда VII, вступившего на престол в 1901 г., развивалась по вполне определенной внутренней логике и была направлена на достижение полной политической изоляции Германии на мировой арене.

Правительство А. Бальфура, пришедшее к власти в 1902 г., было тесно связано с английскими компаниями, занимавшимися производством чугуна и стали. Многие британские министры разделяли профранцузскую ориентацию банкирского дома Беринга, представитель которого лорд Э. Кромер являлся ведущей фигурой в проведении британской политики в отношении Египта. Значительные личные средства Эдуарда VII были вложены в этом банке. Именно в кругах, связанных с банкирским домом Беринга, зародилась идея договориться с французскими финансистами, как бы обменяв уже фактически захваченный Британией Египет на Марокко. При этом английские банкиры должны были участвовать в предоставлении французских займов Марокко. Способствовал такой комбинации банк Ротшильда в Лондоне, в свое время содействовавший формированию финансовой основы франко-русского союза 1893 г. Между тем правящие круги Великобритании пришли к выводу, что политика "блестящей изоляции" утратила перспективы на успех из-за резкого обострения межимпериалистических противоречий, и сделали ставку на образование военных и политических альянсов[117].

Сложность стоявшей перед Эдуардом VII задачи сводилась к тому, что он должен был превратить в друзей и союзников Британии ее давних врагов и соперников – Францию и Россию, чего можно было добиться, лишь сделав им значительные уступки. Разрешение этой проблемы Лондон начал с Франции, успешно проводившей до недавнего времени колониальную политику[118]. В создании англо-французского союза выдающуюся роль сыграл Т. Делькассе. С 1894 г. он возглавлял вновь созданное министерство колоний, а с 1898 г. и до июня 1905 г. занимал пост министра иностранных дел Франции[119]. В 1898 г. французские колонизаторы потерпели крупную неудачу. Тогда французский отряд капитана Р. Маршана, встретившийся в верховьях Нила с войсками Г. Китченера, под давлением англичан вынужден был покинуть местечко Фашода. Это вызвало во Франции взрыв антибританских настроений. Французские колониальные круги, сознавая, что дальнейшее продвижение на восток Африканского континента стало невозможным, сосредоточили свое внимание на Марокко, где также столкнулись с противодействием англичан. В 1899–1901 гг. Великобритания оказывала решительное сопротивление всем французским замыслам в отношении Марокко[120].

Тем не менее Делькассе был абсолютно убежден в том, что настоящим врагом Франции является Германия и, кроме России, Париж может обрести лишь одного сильного союзника – Британскую империю. Если Франция собиралась расширять свои колониальные владения и в будущем вернуть Эльзас–Лотарингию, она должна была положить конец вековой вражде с "Туманным Альбионом". 21 марта 1899 г. Делькассе достиг соглашения с

Англией. Франция и Великобритания разграничили сферы своего влияния между Верхним Нилом и Конго. Но это не уменьшило взаимных антипатий в обеих странах, чему способствовала и англо-бурская война[121].

Улучшением отношений с Францией занялись Эдуард VII и его министр иностранных дел лорд Г. Лэнсдаун. Англо-французские переговоры начались в июле 1902 г. К тому времени проявился важный симптом ослабления Тройственного союза. В 1900–1902 гг. Франция достигла секретного соглашения с Италией, по которому взамен на признание итальянских притязаний на Триполитанию Рим заявил о согласии на захват французами Марокко[122]. Со своей стороны в Париже, узнав о германо-британских контактах по поводу Марокко, решили прозондировать почву насчет англо-французского соглашения.

Во время официального визита в Париж весной 1903 г. Эдуард VII заявил: "Я уверен, что времена враждебных отношений между обеими странами, к счастью, миновали. Я не знаю двух других стран, процветание которых больше зависело бы друг от друга, чем у Франции и Англии". Спустя три месяца президент Франции Э. Лубе нанес ответный визит Эдуарду VII. Вместе с ним в Лондон прибыл Делькассе, проведший переговоры с Лэнсдауном. Они завершились 8 апреля 1904 г. подписанием трех конвенций, означавших установление англо-французского "Сердечного согласия" ("Entente cordiale")[123].

Впервые термин *Антанта* стал использоваться в начале 40-х годов XIX в., когда произошло непродолжительное англо-французское сближение. Соглашение 1904 г. несколько позже стали называть просто Антантой. Подлинными его творцами были Эдуард VII и Делькассе. Оно, по словам Тарле, "улаживало все спорные вопросы во всех частях земного шара", существовавшие между Великобританией и Францией[124].

Первая конвенция определила компенсации Франции за отказ от притязаний на побережье и прибрежные воды Ньюфаундленда. Она получила в Западной Африке различные территории общей площадью около 14 тыс. кв. миль. Наиболее важной была вторая конвенция – о Египте и Марокко, в которой Франция обязалась не ставить больше вопроса об уходе англичан из Египта и не препятствовать их действиям в этой стране. Великобритания со своей стороны предоставляла Франции свободу действий в Марокко. Конвенция имела и секретную часть, опубликованную лишь в 1911 г. В ней говорилось о возможности изменения "политического положения" в Египте и Марокко, если обе страны сочтут это необходимым. По существу эта статья закрепляла британские притязания на Египет и французские на Марокко. В третьей конвенции Англия признавала право собственности Франции на остров Мадагаскар, в ней были сняты взаимные претензии в отношении Новых Гебридов, Сиам был разделен на британскую и французскую сферы влияния. Таким образом, "Сердечное согласие" урегулировало главную проблему, разделявшую Англию и Францию, – колониальную[125].

Хальгартен констатировал, что британская внешняя политика при Эдуарде VII "вполне соответствовала настроениям и интересам финансового капитала", а само соглашение "из-за несоблюдения интересов Германии в Марокко" приобрело как в экономическом, так и в политическом отношении "провокационно антигерманский характер". Необходимой предпосылкой подобного соглашения было прогрессировавшее ухудшение англо-герман-

ских отношений и связанная с этим возросшая готовность правящих кругов Англии пойти на серьезные уступки Франции. Весомой составной частью системы англо-французских отношений являлись и интересы обороны обеих держав[126].

Антибританская направленность германского внешнеполитического курса проявлялась в неоднократных попытках Берлина втянуть Россию в дальневосточные осложнения, ослабив тем самым ее позиции в Европе. Так, во время маневров российского военно-морского флота недалеко от Ревеля 6 августа 1902 г. состоялась встреча кайзера с царем, на которой Вильгельм II неожиданно заявил Николаю II, что хотел бы в будущем именоваться "адмиралом Атлантического океана". Российскому императору он предложил титул "адмирала Тихого океана"[127]. В последующие годы Вильгельм II в своей переписке с царем неоднократно использовал эту терминологию[128].

Именно на Дальнем Востоке, по замыслу Вильгельма II, Россия должна была столкнуться с Великобританией, и в конечном счете, прийти к вооруженному противостоянию с Японией. Правящие круги Англии имели собственные мотивы быть заинтересованными в вооруженном конфликте между Россией и Японией. Британские офицеры находились в японских военно-морских силах и в армии, английская и японская разведки тесно взаимодействовали друг с другом[129].

За два месяца до заключения "Сердечного согласия", 4 февраля 1904 г. разразилась русско-японская война. Она стала первым примером массивного обратного воздействия конфликта на "периферии" на состояние европейской системы международных отношений[130]. Возникновение этой войны было с ликованием встречено в правящих кругах Германии. По словам Ренувена, "русско-японский конфликт был... счастливым событием для германской политики: так как Россия была неспособна оказать Франции военную поддержку, франко-русский союз вдруг утратил свое значение"[131]. Эта формулировка представляется слишком категоричной, хотя из-за "занятости" России на Дальнем Востоке эффективность франко-русского союза тогда действительно оказалась существенно подорванной.

Неожиданные поражения России на море и на суше в корне изменили ситуацию в Европе и в международных отношениях в целом. Русская революция 1905–1907 гг. также серьезно повлияла на складывание комплекса причин первой мировой войны, сковав на годы активность России как великой и мировой державы. Ее армия и флот настолько пострадали во время войны и революции, что Россия надолго утратила роль крупного политического и силового фактора на мировой арене. Однако период резкого ослабления Российской империи должен был завершиться в обозримом будущем. Особенно критический характер носила фаза, когда Россия уже была не столь слабой, чтобы уклоняться от оказывавшегося на нее давления извне, но и не настолько сильной, чтобы рисковать участвовать в большой войне, что наблюдалось во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг.[132]

Внешнеполитический паралич России предоставил немцам возможность использовать в своих интересах переговоры о продлении русско-германского торгового договора 1894 г. В качестве платы за благожелательный нейтралитет Германии во время русско-японской войны и используя резко возросшую потребность России в займах, германское правительство стремилось продиктовать ей свои условия нового торгового договора. Прусский

министр торговли вскоре после возникновения войны на Дальнем Востоке предложил банкирам Э. Мендельсону и Р. Варшауэру не вступать в какие-либо эмиссионные дела с Россией без предварительного уведомления правительства. Позднее соответствующие указания получил и Дармштадтский банк[133]. Бюлов весьма прозорливо отметил, что если Россия потерпит в войне полное поражение, она "вероятно любой ценой будет искать сближения с Англией и через ее посредничество – с Японией и первым делом откажется от своей азиатской политики, но зато вновь обратится к европейской политике". Подписанный в июле 1904 г. российско-германский торговый договор предоставлял еще более благоприятные условия для германского промышленного экспорта в Россию, одновременно ужесточив условия российского аграрного экспорта в Германию[134].

Во время русско-японской войны Берлин предпринял две попытки оторвать Россию от Франции. 27 октября 1904 г. Вильгельм II предложил Николаю II для противодействия британским и японским угрозам объединить усилия Германии и России, к которым должна присоединиться Франция, несмотря на англофильские настроения Делькассе. Он-де должен быть достаточно мудрым, чтобы понять, что британский флот совершенно не способен спасти Париж. При этом кайзер избегал слов *союз* или *альянс*, так что германское ведомство иностранных дел в ходе дальнейших переговоров ссылалось на то, что предложение об альянсе исходило от России. В ноябре обе стороны даже рассматривали проекты соответствующего соглашения. Однако если Германия стремилась к заключению двустороннего союзного договора с Россией, к которому позднее могла бы примкнуть Франция, то Петербург выступал за включение Франции в континентальный союз с самого начала, чтобы сдерживать в нем германские амбиции. Поскольку это не устраивало Берлин, он вскоре утратил интерес к такому договору[135].

Через два месяца после гибели российской эскадры у Цусимы, когда русская революция только приближалась к своей кульминации, яхта Вильгельма II "Гогенцоллерн" подошла к острову Бьёркс в Ботническом заливе и бросила якорь невдалеке от яхты "Полярная звезда". "Вилли" и "Ники" обменялись визитами. В беседе обоих монархов, состоявшейся 24 июля 1905 г., кайзер уговорил Николая II подписать проект германо-российского союзного договора, составленный германским ведомством иностранных дел в ноябре 1904 г. Это означало создание союза обоих государств без уведомления об этом Франции[136]. Статья 1 договора теперь гласила: "В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами"[137]. Добавление, внесенное в текст договора в Бьёрке, – слова́ "в Европе", – сводило на нет все значение документа, на которое рассчитывали в Берлине. Б. Бюлов и творец германской внешнеполитической программы барон Ф. фон Гольштейн решительно выступили против договора. Ведь в совместной войне новоявленных союзников против Британии Россия не была обязана предпринять наступление на Индию, Иран или оказать Германии поддержку на Дальнем Востоке, т.е. там, где конфликт России с Великобританией казался наиболее вероятным. Рейхсканцлер даже пригрозил уйти в отставку[138].

В конечном счете договор в Бьёрке потерпел фиаско из-за сопротивления, оказанного ему в российском правительстве. Там прекрасно понимали,

что заключение союза с Германией без оповещения об этом Франции обесценит франко-русский союз и полностью подчинит Россию германским интересам. Получение Россией займа в Париже укрепило ослабевший во время русско-японской войны союз с Францией и сопровождалось усилением в стране антигерманских настроений.

Внешнеполитическая концепция Бюлова потерпела серьезную неудачу, так как в его расчетах Бьёрке должно было стать не проявлением личной политики кайзера, а существенным элементом развития германской континентальной и "мировой политики". Берлину не удалось добиться того, чтобы "мощная, громадная, но еще не способная к использованию своего богатства Российская империя" (Б. Фогель) превратилась в объект освоения в политических и экономических интересах германского империализма. Несмотря на то что германская экспортная индустрия занимала ведущие позиции в России, которые продолжали укрепляться благодаря торговому договору 1904 г., это не повлекло за собой политической зависимости российского правительства от Германии. Напротив, возрастающий темп германского экспорта в Россию сопровождался ростом отчуждения между обоими народами, что наиболее отчетливо проявлялось в политико-публицистическом лозунге о решающей схватке между славянами и германцами. В советской историографии нередко выдвигался тезис, будто царская Россия перед первой мировой войной превратилась в "полуколонию" Запада. Но этот постулат не подтверждается состоянием германо-российских отношений[139]. В то же время растущие опасения попасть в экономическую и политическую зависимость от Германии, обладавшей мощным экономическим потенциалом, приобретали во внутрироссийских политических дискуссиях все более заметные признаки внешнеполитической ориентации не только на Францию, но и на Великобританию[140].

Между тем Франция из-за резкого ослабления России фактически опиралась лишь на только что заключенное "Сердечное согласие" с Англией. К тому же Франция переживала в это время серьезные внутриполитические трудности. Сложилась ситуация, настолько благоприятная для Германии, что впоследствии германская пропаганда изображала ее как доказательство принципиального миролюбия политики Берлина, не развязавшего войну. Однако нападение Германии на Францию едва ли было возможно, так как оно грозило перерасти в мировую войну, к которой Берлин еще не был готов. Гораздо удобнее германским правящим кругам представлялось унизить Париж в связи с марокканским вопросом, когда султанат после англо-французского соглашения мог превратиться в монопольное владение Франции[141]. В июле 1904 г. в инструкции германскому послу в Третьей республике Бюлов писал, что "поступательное сокращение стран, в которых еще возможны свободный сбыт и неограниченная хозяйственная деятельность", не позволяет недооценивать значения Марокко для Германии, и отметил соперничество между Францией и Британией, с одной стороны, и Германией – с другой[142].

Однако Берлин не мог ответить на англо-французское соглашение аннексией Западного Марокко, чего требовал Пангерманский союз. Эта организация, основанная еще в 1891 г., представляла интересы наиболее реакционных и шовинистических кругов господствующих классов страны, особенно рейнско-вестфальской тяжелой индустрии и прусского юнкерства. Весной

1905 г. пангерманцы выпустили листовку под красноречивым названием "Овладение Западным Марокко – начало и предпосылка практической германской мировой политики"[143]. Но попытка осуществить аннексию каких-либо территорий в Марокко в 1904–1905 гг. превосходила реальные возможности Германии и неизбежно имела бы следствием дальнейшее сближение Великобритании и Франции.

Чтобы добиться практических результатов в проведении бюловской концепции "мировой политики", Германия спровоцировала 1-й Марокканский кризис. В ведомстве иностранных дел за войну с Францией выступал советник Гольштейн, обладавший большим влиянием в правящих сферах, а среди военных – шеф Большого Генерального штаба А. фон Шлиффен. В соответствии с "теорией заложника" германское правительство отводило Франции роль такового в Европе. Авторство этой теории приписывалось Гольштейну, однако обнародована она была в июне 1905 г. пангерманцем профессором Т. Шиманом. "Поскольку Англия и Франция вступили между собой в союз, Германия должна прежде всего разбить Францию, – писал он, – ...тот, кто наносит удар по Франции, бьет и по Англии. Для Германии Франция должна служить "заложником", обеспечивающим благоразумное поведение Форин оффис"[144]. Ослабив Францию, Берлин рассчитывал подорвать Антанту, обесценить или даже привести к развалу франко-русский союз.

В это время позиции Франции в Марокко продолжали укрепляться. Созданный в середине лета 1904 г. французский Комитет по делам Марокко, ведущую роль в котором играли дельцы и финансисты, связанные с Алжиром, осенью того же года добился тайного соглашения с Испанией, по существу превращавшего большую часть Марокко в сферу влияния Франции и пресекавшего "постороннюю" деятельность во всем султанате. Это соглашение сохранялось в тайне даже от самого султана. Наряду с Комитетом по делам Марокко движущей силой французской экспансии в стране была фирма "Шнейдер–Крезо", закрепившаяся в султанате примерно за полгода до начала англо-французских переговоров о Марокко. Она была заинтересована в постройке алжиро-марокканских железных дорог, в сбыте оружия, в разработке рудных месторождений, а также в строительстве укреплений. Финансирование султана осуществляла фирма "Готш", являвшаяся представительством "Шнейдер–Крезо"[145].

Франция стала оказывать давление на султана, чтобы принудить его провести ряд выгодных для Парижа мероприятий: реорганизовать под французским руководством полицию и создать государственный банк, предоставить французским фирмам железнодорожные и горнорудные концессии и т.д. Это была программа "тунисификации" Марокко, которую министр иностранных дел Делькассе, тесно связанный с фирмой "Шнейдер–Крезо", готов был воплотить в жизнь. В выступлении в палате депутатов он отстаивал идею "мирного проникновения" в Марокко, которое после достижения "Сердечного согласия" Франция будет осуществлять в союзе с Британией[146].

В то же время немцы, находившиеся в Танжере и Фесе, не собирались свертывать свою деятельность в Марокко. Представитель фирмы Круппа в стране В. Роттенбург, главным делом которого было сооружение берегового форта в Рабате, вооруженного артиллерийскими орудиями этой фирмы,

в феврале 1905 г. прибыл в Берлин и от имени немцев, живущих в султанате, предложил установить над ним немецкий протекторат. Политика Германии в Марокко была тесно взаимосвязана с германскими действиями в Малой Азии. Особое недовольство Берлина вызывала решительная поддержка, оказывавшаяся Делькассе фирме "Шнейдер–Крезо" в Османской империи, где она реально угрожала монопольным позициям Круппа в поставках оружия[147].

Бюлов решил эффектной политической демонстрацией заставить Францию уважать "права" Германии в Марокко. Немецкой колонии в султанате было предложено организовать в Танжере торжественную встречу кайзера, отправившегося во второй половине марта на пароходе "Гамбург" в путешествие по Средиземному морю. 31 марта 1905 г. Вильгельм II под давлением Бюлова и ведомства иностранных дел высадился в Танжере, где, кроме официальных лиц, его вышла встречать немецкая колония во главе со спешно вернувшимся из Берлина Роттенбургом. В публичном выступлении в присутствии французского поверенного в делах кайзер заявил о том, что Германия требует свободы торговли в Марокко и полного равноправия с другими державами, и объявил себя "защитником независимости" страны[148]. Эта речь явилась открытым вызовом Франции и Англии. В то время как Италия, Великобритания и Испания в качестве платы за "предоставление" Франции Марокко получили существенные уступки, Германия осталась без компенсации.

Обещающим наибольший успех средством сорвать французские планы установления господства в Марокко германское правительство считало созыв международной конференции стран–участниц Мадридской конференции 1880 г., запрещавшей предоставление в султанате особых преимуществ подданным какого-либо иностранного государства, для обсуждения марокканского вопроса на основе соблюдения принципа "открытых дверей". Берлин отверг все исходившие от французской стороны предложения о прямой договоренности между обеими странами и угрозой войны в июле 1905 г. заставил Францию согласиться на проведение международной конференции. Шантаж и давление со стороны Германии вынудили министра иностранных дел Франции Делькассе уйти в отставку[149].

Однако на состоявшейся в январе-апреле 1906 г. в испанском городе Альхесирасе международной конференции, в которой участвовали представители 13 государств, немецкая делегация оказалась в изоляции. Падение Делькассе настолько драматически продемонстрировало слабость Франции, что предпринятая Германией попытка добиться осуждения Парижа за его действия в Марокко провалилась, так как остальные участники конференции испытывали недоверие к намерениям Германии в отношении Франции. Конференция заявила о независимости и целостности Марокко, а также "свободе и полном равенстве" граждан всех стран в Марокко в экономическом отношении. Хотя превращение султаната во французский протекторат не состоялось, немецкая делегация была вынуждена уступить по важнейшим вопросам, признав привилегированное положение Франции в этой стране. Был учрежден Марокканский государственный банк, руководство которым фактически осуществлял Парижский и Нидерландский банк. Французы контролировали полицию в алжирско-марокканской пограничной зоне и таможню. Инструкторами марокканской полиции стали француз-

ские и испанские офицеры, что позволяло Парижу оказывать решающее влияние на внутреннюю политику Марокко[150].

1-й Марокканский кризис ускорил процесс формирования военных блоков и явился важным этапом на пути к мировой войне. На Альхесирасской конференции Германия осталась в одиночестве. Ее поддержала только Австро-Венгрия, которую в благодарственной телеграмме в Вену Вильгельм II назвал "блистательным секундантом" Германской империи[151]. В то же время другой партнер Германии по Тройственному союзу – Италия поддержала французские притязания, что побудило немецкую прессу писать об ее отходе от своих союзников. Поскольку в отношениях между Австро-Венгрией и Италией нарастала напряженность и Вена увеличивала свой воинский контингент в Трентино (Южном Тироле), содержавшееся в телеграмме кайзера обещание оказать монархии Габсбургов поддержку при первой же возможности в Италии восприняли как угрозу. С другой стороны, стремясь восстановить свое положение в Европе, существовавшее до создания Антанты, Германия лишь способствовала дальнейшему сближению между Францией, Великобританией и Россией и образованию той коалиции, которая вызывала у нее самые большие опасения[152].

После оккупации французскими войсками в 1907 г. Уджды (в Восточном Марокко) и Касабланки, а затем еще пяти портов на Атлантическом побережье франко-германские отношения вновь обострились. Однако по достигнутому в 1909 г. соглашению Франция обеспечивала германским подданным "экономическое равенство" в коммерческой и промышленной деятельности в Марокко, а Германия признавала "особые политические интересы" Франции в этой стране[153].

Тем временем усилилось взаимное стремление Лондона и Петербурга к сближению. Ослабление России делало царизм более уступчивым в отношении Великобритании, являвшейся его главным соперником на Ближнем и Среднем Востоке. В 1907 г. в Петербурге было подписано русско-английское соглашение, посвященное урегулированию трех колониальных вопросов: о Тибете, Афганистане и Иране. Стороны признали территориальную неприкосновенность Тибета и сюзеренитет Китая над ним, взяли обязательство не вмешиваться во внутренние дела Тибета и поддерживать отношения с Лхасой только через китайское правительство. По требованию России британские войска были эвакуированы из занятой ими долины Чумби, а российские паломники-буддисты получили право беспрепятственного посещения Лхасы. Афганистан становился нейтральным буферным государством между Россией и Британской Индией.

Иран был разделен на три зоны: российского влияния на севере, британского – на юге и расположенную между ними нейтральную. Россия и Англия приняли обязательство не добиваться концессий в "чужой" сфере влияния и не препятствовать проведению политических и экономических мероприятий другой стороны в ее зоне. Если Иран не будет выполнять обязательств по своей задолженности перед Россией или Великобританией, каждая сторона получала право по взаимному соглашению устанавливать финансовый контроль над доходами иранского правительства. В нейтральной зоне обе стороны могли свободно конкурировать друг с другом. Английский денежный рынок был открыт для российских займов. Соглашение фактически включало Россию в состав Антанты. Вслед за соглашением последовала импери-

алистическая интервенция против иранской революции. На “границах” соответствующих зон в 1909 г. были расположены российские и британские войска[154].

В своей зоне англичане в 1910 г. получили концессию на разведку нефтяных месторождений. В 1913 г. они приступили к добыче нефти, которая использовалась, прежде всего, для перевода британского военно-морского флота с угля на жидкое топливо, осуществлявшегося первым лордом адмиралтейства У. Черчиллем[155]. Борьба на мировой арене за обладание нефтяными месторождениями становилась одним из важнейших факторов империалистической колониальной политики.

Большую тревогу в России вызывало положение на Ближнем Востоке и на Балканах. Угроза достижения Центральными державами доминирующего положения в этом регионе создавала преграду для осуществления балканских устремлений царизма, могла привести к установлению контроля Германии над Черноморскими проливами и ее прорыву к Ирану.

Еще во время переговоров о заключении англо-русского соглашения 1907 г. министр иностранных дел России А.П. Извольский попытался добиться открытия Черноморских проливов для российских военных судов. С этой целью он готов был договориться о том, чтобы военные суда Великобритании и других держав обладали правом свободно проходить через Дарданеллы, но не в Черное море. Россия, таким образом, контролировала бы Черное море и располагала равными с Британией возможностями в отношении Стамбула и Дарданелл. Извольский признавал, что переговоры о Проливах велись с англичанами неоднократно, в том числе и во время его поездки в Лондон осенью 1908 г. Но коллега Извольского Грей не пошел на заключение такого соглашения с Россией, ссылаясь на резко отрицательную реакцию британской общественности на возможное открытие Проливов. Тогда Извольский попытался осуществить свою заветную мечту с помощью монархии Габсбургов[156].

Однако уже в начале 1908 г. стал очевидным отход Австро-Венгрии от политики “совместных действий” с Россией на Балканах. Дунайская монархия отказалась поддерживать в основном согласованный с Россией в 1903 г. проект судебных реформ в Македонии. В мае министр иностранных дел Османской империи и австрийский посол в Стамбуле подписали военную конвенцию и “Особый протокол”, превращавший Салоникский и Косовский вилайеты в область монопольной эксплуатации двуединой монархии.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь выступил с проектом строительства железной дороги из Боснии через Новопазарский санджак до Митровицы, чтобы соединить ее с железной дорогой Белград–Ниш–Салоники. Благодаря этому Австро-Венгрия получала выход к Эгейскому морю в главном опорном пункте британской торговли в регионе[157]. Санджакская железная дорога должна была перерезать коммуникации между Сербией и Черногорией и стать серьезным препятствием для возможного объединения этих стран в едином славянском государстве. Высшие военные чины монархии Габсбургов полагали, что по этой дороге в случае необходимости можно будет быстро перебросить войска в Македонию. Санджакская дорога призвана была также воспрепятствовать итальянскому проникновению на Балканы. Для очевидцев событий неоспоримой была связь идей строительства Санджакской и Багдадской железных дорог[158].

По расчетам Эренталя, Санджакская дорога должна была вдохнуть “новую жизнь” в Дунайскую монархию, создавая для нее возможность установления контроля над западной частью Балканского полуострова.

В речи, произнесенной 27 января 1908 г., Эренталь нарисовал грандиозную картину австрийских железнодорожных планов на Балканах. С одной стороны, они предусматривали соединение боснийской и македонской железных дорог. С другой же – в перспективе создавалась возможность установления прямого железнодорожного сообщения Вена–Будапешт–Сараево–Афины–Пирей. Более того, вырисовывались контуры “самого короткого пути из Центральной Европы в Египет и Индию”[159]. Давая согласие на строительство железной дороги от Увача до Митровицы, турецкий султан по праву ожидал, что этот проект осложнит отношения между Австро-Венгрией и Россией и тем самым приведет к краху реформ в Македонии[160].

Проект Эренталя Извольский охарактеризовал, как разрыв с Мюрцштегским соглашением 1903 г. “Это была бомба, которую он бросил мне под ноги”, – заявил российский министр иностранных дел германскому послу в Петербурге графу Ф. Пурталесу. Замыслу Эренталя осуществить стратегический прорыв Австро-Венгрии к Салоникам Извольский противопоставил проект Дунайско-Адриатической железной дороги, которая должна была под прямым углом пересечь Санджакскую железную дорогу, предоставляя Сербии прямой выход к морю[161].

В свою очередь в феврале 1908 г. Германия добилась согласия турецкого султана на сооружение следующего участка (длиной 840 км) Багдадской железной дороги. Велись переговоры о германо-турецком политическом, а затем и военном соглашениях, направленных против России, а отчасти и против Великобритании[162].

Учитывая усиление международной изоляции (“окружения”) Берлина, Эренталь неоднократно заявлял, что австро-германский союз нужен Австро-Венгрии не больше, чем Германии. Являясь сторонником ориентации на Германию, Эренталь все же добивался максимально возможной самостоятельности Дунайской монархии в составе Тройственного союза. Одной из важнейших целей австрийской внешней политики он считал внесение раскола между небольшими балканскими странами и особенно – стравливание Болгарии с Сербией, проявляя готовность в будущем передать за это болгарскому князю Фердинанду Кобургскому юго-восточную часть сербской территории[163].

В июле 1908 г. младотурки осуществили государственный переворот и объявили выборы в парламент Османской империи, включая находившиеся с 1878 г. во “временной оккупации” Австро-Венгрии турецкие провинции Боснию и Герцеговину. Перспектива потерять эти провинции побудила Вену реализовать давно созревавший план их аннексии. Так Дунайская монархия вызвала второй большой международный кризис XX в. – Боснийский кризис 1908–1909 гг. По существу он явился следствием длительного воздействия Восточного вопроса и событий младотурецкой революции, но только германское вмешательство подняло региональный кризис до мирового уровня. В своей книге “Правда о войне 1914–1918 гг.” английский исследователь Б. Лиддел Гарт писал, что ее “первая искра была выбита на Балканах в 1908 г.”[164]

В сентябре 1908 г. Извольский был приглашен австрийским послом в России графом Берхтольдом в замок Бухлау в Моравии, где обсудил с Эренталем ставшую уже известной проблему аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. На встрече Эренталь, ссылаясь на враждебность Сербии и Черногории к Австро-Венгрии, категорически отверг предложение Извольского о территориальных компенсациях для этих балканских стран посредством раздела между ними Новопазарского санджака и изменения их границ за счет Боснии и Герцеговины. При этом Эренталь заявил о готовности вывести войска двуединой монархии из санджака и вернуть его Турции. Австрийский министр обещал России "дружественное и благожелательное отношение" при постановке Петербургом вопроса о свободном проходе ее военных судов через Черноморские проливы[165]. Таким образом, как отмечал В.М. Хвостов, "Эренталь получил синицу в руки, а продавал он русским – журавля в небе"[166].

Вопрос об отстаивании интересов России в Турции обсуждался 21 июля 1908 г. Особым совещанием, что, по мнению Извольского, предполагало готовность к занятию Верхнего Босфора, однако, как констатировало совещание, без объявления войны Османской империи. После одобрения рекомендаций совещания царем начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын сообщил Извольскому, что штаб командующего войсками Одесского военного округа и штаб начальника военно-морских сил России на Черном море приступили к подготовительным мероприятиям на случай срочной десантной операции с использованием наличных средств. Одновременно было проведено совещание представителей сухопутного и морского генштабов России по осуществлению такой экспедиции в будущем. Однако ни на какие конкретные шаги в этом направлении Россия тогда была явно неспособна[167]. Когда же аннексия Боснии и Герцеговины уже состоялась, Николай II 29 ноября в беседе с личным представителем германского кайзера П. Гинце заявил: "Моей мыслью всегда было: Проливы... Все, что я хочу, – это свободный выход и свободный вход"[168].

Извольский полагал, что Австро-Венгрия, прежде, чем аннексировать Боснию и Герцеговину, представит свой замысел на рассмотрение конгресса великих держав. Однако Эренталь "обвел его вокруг пальца". Германия проявила к своей союзнице "нибелунгову верность". Вена являлась ее единственной политической опорой в Европе и естественным мостом, связывавшим ее с Османской империей, где германские капиталовложения и политические интересы были столь велики. Кроме того, совместное противостояние крепнувшему франко-русскому союзу побуждало Германию все больше отходить от политики "обуздания" Дунайской монархии[169].

Аннексия Боснии и Герцеговины не была неожиданной для Берлина, так как там знали об экспансионистских замыслах Эренталя. "Наше положение, – писал Бюлов 5 октября 1908 г. Вильгельму II, – стало бы действительно рискованным, если бы Австро-Венгрия утратила к нам доверие и отошла от нас. Пока обе [державы] вместе, мы образуем... блок, к которому никто так легко не рискнет приблизиться. Именно в больших восточных вопросах мы не должны вступать в противоречие с Австро-Венгрией, которая имеет на Балканском полуострове более близкие и важные интересы, чем мы. Австро-Венгрия нам никогда не простила бы отрицательной или даже робкой и мелочной позиции в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины"[170].

7 октября 1908 г. монархия Габсбургов возвестила аннексию обеих оккупированных ею османских провинций. А за два дня до этого по предварительной договоренности с Австро-Венгрией болгарский князь Фердинанд Кобургский провозгласил независимость Болгарии и принял титул царя, опередив, таким образом, Дунайскую монархию в роли нарушителя Берлинского трактата.

Германский посол в Петербурге Пурталес, обосновывая необходимость поддержки Берлином Австро-Венгрии, в декабре 1908 г. утверждал, что если двуединая монархия, а вместе с ней и Германия будут поставлены "на колени" Антантой, то Германия и Австрия окажутся в Европе в униженном положении, из которого не будет "в конце концов больше никакого спасения, кроме войны"[171].

И внутри дуалистической монархии, и вне ее аннексия Боснии и Герцеговины вызвала сильное возбуждение южных славян, прежде всего Сербии, претендовавшей на обе провинции, где преобладало население сербского происхождения, и возлагавшей надежды на поддержку со стороны России.

В германских правящих кругах, сознававших высокую вероятность войны Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией, активизировались сторонники военного решения возникших проблем с Россией, что фактически означало для Берлина также и войну с Францией. Занимавший много лет пост российского посла в Берлине граф Ф.Д. Остен-Сакен в те дни отмечал, что "военная партия" в Германии вдохновлялась бесспорной готовностью армии и "других слоев общества" к войне. После скандального и некомпетентного интервью кайзера в октябре 1908 г. английской газете "Дейли Телеграф", крайне вредного для престижа и интересов Германии, "военная партия" видела в войне единственно возможное средство восстановить поколебленную в глазах народных масс репутацию монархии. С другой стороны, военные круги были убеждены в том, что существовавшее тогда временное превосходство германской армии обещает огромные шансы на успех. Такая убежденность, по мнению российского дипломата, могла соблазнить кайзера и придать его внешней политике крайне воинственный характер. Причины *военных приготовлений Германии объяснялись также намерением ослабить* радикальные народные движения, направленные на изменение прусской и имперской конституции в либеральном духе[172].

В январе 1909 г. началась переписка начальников генеральных штабов австро-венгерской и германской армий Ф. Конрада фон Хётцендорфа и Г. фон Мольтке по согласованию конкретных мер на случай возникновения континентальной войны. Мольтке заверил своего венского коллегу, что если вступление австрийских войск в Сербию вызовет активное вмешательство России, это будет означать для Германии "казус федерис"[173]. Обмен письмами, сопровождавшийся взаимными визитами начальников генштабов двух держав, не прекращался вплоть до начала мировой войны.

Однако Россия после поражения в войне с Японией и революции не могла оказать Сербии эффективную помощь. На заседании Совета министров, проведенном у царя, после заявления представителей военного и морского ведомств о неготовности страны к войне, решили в случае вооруженного столкновения между Австро-Венгрией и Сербией соблюдать строгий нейтралитет. С другой стороны, и Австро-Венгрия в одиночку не отваживалась прибегнуть к военной силе, чтобы преодолеть сопротивление Сербии. Между

тем Берлин стремился изолировать и унизить Россию, после чего, как считал Бюлов, кольцо окружения вокруг Германии будет уничтожено навсегда. Мучительно тянувшийся кризис был внезапно прекращен германским канцлером в марте 1909 г. Противодействие аннексии Боснии и Герцеговины со стороны Сербии Германия сломила, прибегнув к мощной, хотя дипломатически завуалированной и косвенной, угрозе войны против России[174]. 19 марта Мольтке писал Конраду, что "не будет медлить нанести удар, чтобы поддержать одновременное австрийское наступление". В другом своем послании Мольтке характеризовал Боснийский кризис как возможность начать войну, которая при таких благоприятных условиях едва ли может вновь скоро представиться[175].

Пребывая в состоянии военной слабости и неуверенная в поддержке партнеров по Антанте, Россия вынуждена была отступить перед фактическим ультиматумом и со своей стороны принудила Сербию к уступке Австро-Венгрии. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Великобритания еще в ноябре 1908 г. не поддержала высказанную Извольским во время визита в Лондон готовность признать аннексию Боснии и Герцеговины в обмен на усиление позиций России в отношении Черноморских проливов. Это укрепило в Берлине надежду, что в случае войны между Германией и Россией Британская империя сохранит нейтралитет. Публичное унижение побудило Россию ускорить свои вооружения на суше и на море. Нового отступления России и Сербии перед германо-австрийской военной угрозой, как это было в конце Боснийского кризиса, в будущем нельзя было больше ожидать.

Как отмечал Фей, результаты аннексионистского кризиса продолжали длительное время оказывать воздействие на международные отношения, и "их можно считать одной из причин войны 1914 г.". В 1909 г. полагали, что Эренталь добился блестящей победы, ставшей крайне унизительной для России и Сербии. Однако "это была одна из тех пирровых побед, которые приносят больше неудач, чем успехов". Если Извольский испытывал ожесточенную враждебность главным образом против монархии Габсбургов, то панславистская пресса настраивала российскую общественность прежде всего против Германии[176].

Одновременно с Боснийским кризисом произошло резкое обострение англо-германских отношений. Перед европейской военной промышленностью стояла тогда задача преодоления мирового экономического кризиса, чему можно было содействовать с помощью нагнетания военной истерии. С этой целью, когда в марте 1909 г. Боснийский кризис достиг наивысшей точки, в Британии была спровоцирована "военная паника", которая объяснялась провалом англо-германских переговоров по проблемам строительства военно-морского флота[177].

14 апреля 1909 г. рейхсканцлер Бюлов по приказу кайзера собрал у себя в отеле в Венеции (где в непосредственной близости от развертывавшихся на Балканах событий находилось в это время несколько ближайших доверенных лиц Вильгельма II) генерал-адъютанта кайзера Г. фон Плессена, шефов гражданского кабинета Ф. фон Валентини и военно-морского кабинета адмирала Г.А. фон Мюллера для обсуждения возникшей напряженности в англо-германских отношениях. Рейхсканцлер обрисовал присутствующим опасность положения, в котором оказалась Германия. Не видя шансов

выиграть в обозримом будущем войну с Великобританией, Бюлов склонялся к тому, чтобы заключить с ней сделку о флоте, будь то в форме договора о нейтралитете или соглашений в колониальной сфере.

Мюллер, напротив, заявил, что "в конечном счете без риска вообще ничего нельзя достигнуть в этом мире, и мы, начиная строить флот, всё же знали, что он будет омрачать наши отношения с Англией". Адмирал призвал пройти зону риска, рассчитывая на то, что занятость Британии в других регионах будет благоприятствовать этому. Однако и после состоявшегося в Венеции разговора перед пребывавшими там представителями имперского политического и военного руководства, по свидетельству Мюллера, "снова и снова вставал вопрос: когда мы продвинемся настолько, что сможем разбить англичан?"[178].

Эта проблема оказалась ведущей на совещании в Берлине у рейхсканцлера 3 июня 1909 г. В нем участвовали статс-секретарь имперского военно-морского ведомства А. фон Тирпиц, шеф Генштаба Г. фон Мольтке-младший, статс-секретарь ведомства иностранных дел В. фон Шён, посол в Лондоне П. фон Меттерних и статс-секретарь внутренних дел Т. фон Бетман-Гольвег. Во вступительном слове Бюлов оптимистически заявил, что политическая ситуация для Германии весьма благоприятна, "только над Северным морем висит черная туча", а затем высказался за достижение взаимопонимания с Англией, которое должно охватывать не только проблему строительства флота, но и торгово-политическую и колониальную сферы. Он считал также вполне вероятным и договор о нейтралитете "для определенных случаев". За соглашение с Великобританией решительно выступили Бетман-Гольвег и Меттерних, говоривший о необходимости ограничения строительства германского флота. Со своей стороны Тирпиц категорически отверг идею моратория на увеличение военно-морских сил Германии.

Всевозрастающая конкуренция между армией и флотом проявилась в выступлении Мольтке, по мнению которого войны с Британией следовало бы избежать потому, что германские военно-морские силы всегда будут значительно уступать английским и не в состоянии воевать против них с перспективой на успех. Мольтке заявил, что находится в затруднительном положении относительно того, как должна действовать немецкая армия в случае войны с Англией. При ее возникновении он будет вынужден просить кайзера развязать также и войну против Франции, ибо разработанный Шлиффеном план нападения на эту страну (союзника Великобритании) предоставляет Германской империи единственную возможность нанести поражение на суше великой морской державе, которую германский флот не имеет возможности одолеть. Апогеем совещания стал прямой вопрос Бюлова Тирпицу: "Когда же мы могли бы спокойно ожидать войны против Англии?" В ответ Тирпиц заявил: "В ближайшие два года наше положение в высшей степени улучшится и через 5–6 лет (в 1915 г. будут готовы Гельголанд и новый канал Кайзера Вильгельма) опасность вообще минует"[179].

Таким образом, уже в 1909 г. были намечены дальнейшие планы укрепления германского флота, которые суждено было реализовывать политическому и военному руководству периода канцлерства Бетман-Гольвега (1909–1917). В стратегическом отношении германский флот считался подготовленным к войне, только обладая определенными "техническими" предпосылками. Среди них были завершение строительства канала Кайзера

Вильгельма, связывающего Северное море с Балтийским, сооружение на острове Гельголанд гавани подводных лодок и укреплений и их вооружение. Опираясь на материалы Федерального архива – Военного архива во Фрайбурге, немецкий исследователь Б.Ф. Шульте пришел к научно обоснованному выводу, что речь здесь идет о центральном пункте германских стратегических, политических и дипломатических установок. Ведь и во время международного кризиса 1911 г. оба эти момента (углубление канала и Гельголанд) сыграли решающую роль при новом переносе срока войны с Великобританией. Это подтверждает и высказанное Эренталем 7 августа 1911 г. историку Й. Редлиху мнение, что "Германия хочет еще углубить канал Северное море–Балтийское море и укрепить Куксхафен. Тогда она будет готова к войне"[180].

Итак, хотя в 1909 г. война еще не была намечена Германией в буквальном смысле слова на 1915 г., она все же являлась темой для активного обсуждения в правящих кругах страны. Политическое и военное руководство империи тесно взаимодействовали друг с другом в установлении реального срока начала войны с Британией в 1915 г., опираясь на сделанные Тирпицем заверения о боеготовности к этому моменту германского военно-морского флота. Задача заключалась в том, чтобы политически обеспечить время для подготовки такой войны.

Французское правительство заняло накануне Боснийского кризиса примирительную позицию по вопросу об аннексии, рассчитывая добиться при содействии Австро-Венгрии германских уступок в марокканском вопросе. Но уже в октябре 1908 г. французское посольство в Петербурге сообщило российскому МИД о возможности нападения Германии на Францию. Поводом для резкого обострения франко-германских отношений послужил сентябрьский инцидент в Касабланке, когда германский консул оказал "покровительство" группе дезертиров из французского Иностранного легиона, среди которых были и немцы. На Особом совещании 22 октября Извольский связал почти ультимативные требования Германии к Франции (принести извинения за оскорбление германского консульства и др.) с развитием событий на Балканах и сделал вывод, что Берлин намеренно стремится к столкновению[181].

Подписание 9 февраля 1909 г. франко-германской декларации о Марокко ослабило позицию России во время Боснийского кризиса. Посредством договоренностей с Парижем по колониальным проблемам Германия стремилась разрушить франко-русский союз и англо-французскую Антанту[182]. И хотя ни Британия, ни Франция не собирались воевать из-за аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и даже дипломатически не оказали России почти никакой поддержки, Петербург после Боснийского кризиса продолжал сближаться с Лондоном и Парижем. (Это проявилось, в частности, в совместном подавлении в 1909 г. русскими и английскими войсками революции в Иране.) Так в кульминационный момент и на завершающей стадии Боснийского кризиса, разразившегося в регионе, где через несколько лет и началась первая мировая война, международная ситуация уже обретала характерные черты, присущие кануну ее возникновения.

Очередное совещание генштабов русской и французской армий 1908 г. проходило под знаком развивающихся связей между Россией, Францией и Англией. На нем затрагивался вопрос о применении двусторонней военной

конвенции в случае мобилизации в Германии, направленной против Великобритании. В то же время, испытывая угрозу со стороны Австро-Венгрии, которая могла развязать войну по собственной инициативе, "облегчив" тем самым дальнейшее вступление Германии в военные действия, Россия не могла быть уверена в своевременной военной поддержке со стороны Франции. В осуществлении своей политики на Балканах и на Ближнем Востоке Россия фактически оказывалась в одиночестве, будучи в то же время обязанной спасать от Германии не только Францию, но в перспективе и Британию. Это объяснялось в значительной мере тем обстоятельством, что, заключив ряд зарубежных займов, Россия имела долг $8^{1}/_{2}$ млрд руб., из которых $5^{1}/_{2}$ млрд приходилось на Францию. Как отмечал военный теоретик и историк А.М. Зайончковский, "с 1908 года на Ближнем Востоке завязывается тот вызывающий, враждебный России узел политики захватов, инспирированных Германией, который, перейдя крайние пределы, должен был повлечь за собой мировой пожар"[183].

В сложившейся ситуации российский Генеральный штаб разрабатывал свои оперативные планы, полагаясь только на отечественный военный потенциал. Весь 1909 г. он готовил новое мобилизационное расписание 1910 года, которое подлежало исполнению при стратегическом развертывании войск. В 1910 г. в управлении генерал-квартирмейстера генштаба Ю.Н. Данилова была составлена обширная записка "Силы, средства и вероятные планы наших западных противников". В ней констатировалось, что Германия и Австро-Венгрия превосходят Россию в численности войск первой линии и в их руках находится стратегическая инициатива. Само расположение Восточной Пруссии и Галиции позволяло Центральным державам провести сосредоточение войск "на крайнем востоке", а возможность охвата ими Привислинского края свидетельствовала о целесообразности их концентрического наступления. В записке Данилова предусматривался вариант сосредоточения главных сил германской армии в Восточной Пруссии с одновременным развертыванием австрийских войск в Восточной Галиции, что соответствовало шлиффеновской идее охвата русского фронта с флангов[184].

В сентябре 1910 г. в Париже состоялось новое совещание начальников генштабов России и Франции. Полагая, что Германия бросит основные силы против Франции, оставив на Восточном фронте только 3–5 корпусов с резервными дивизиями, французы придавали особое значение одновременным действиям своих и русских войск. По мнению французской стороны, уже мероприятия мирного времени должны были создать в Германии представление о высокой вероятности перехода российской армии в наступление. В этом случае французы гарантировали "немедленное и быстрое наступление" своих войск. Теперь на российскую армию возлагалась задача ввести противника в заблуждение и удерживать перед своим фронтом расположенные там немецкие корпуса[185].

Верховная власть России утвердила указания армейскому командованию. В них вероятными противниками назывались Германия, Австро-Венгрия и Румыния, превосходившие российскую армию в быстроте мобилизации и сосредоточения. Излагалась по существу оборонительная концепция ведения боевых действий, хотя в директивах и упоминалось о подготовке русских к переходу в наступление "в зависимости от обстановки", причем командующим армиями не было известно, куда и с какой целью наступать.

В директивных указаниях начальника Генерального штаба А.А. Гернгросса разъяснялось, что первоначальное сосредоточение русской армии (как это было намечено еще в 1906 г.) должно происходить по наиболее неблагоприятному для страны варианту, когда главные силы Центральных держав будут направлены в первую очередь против России. В соответствии с этим развертывание корпусов Варшавского военного округа (так называемого Передового театра) переносилось назад, на линию Белосток–Брест, что позволило бы под прикрытием двух армий, расположенных на первой линии, беспрепятственно провести выгрузку и сосредоточение еще двух армий. И хотя Германии придется выделить значительные силы для военных действий на Западном фронте, преимущества в быстроте мобилизации и сосредоточения все же позволят вероятным противникам России начать войну вторжением на ее территорию, для немедленного отпора которому у России нет достаточных средств[186].

Эти пессимистические оценки и выводы начальника Генштаба оказывали *негативное влияние на психологическое состояние командующих армиями и* на их последующие действия. Перед ними предстала удручающая перспектива поспешного оставления российскими войсками десяти губерний, поскольку *Генштаб помышлял только об отступлении и обороне.* В продолжительный предшествующий период русские войска были ориентированы на удержание фронта на Висле и по Бугу–Нареву, чтобы затем они перешли в наступление из "польского мешка" на Берлин или Вену[187]. Новые директивы, опиравшиеся на сугубо оборонительную доктрину, подтверждают, что Россия в то время явно не была готова к ведению активных боевых действий.

Когда в апреле 1911 г. в районе марокканской столицы Феса вспыхнуло восстание берберских племен, в ответ на призыв султана о помощи французские войска заняли этот город ("марш на Фес"). Они оккупировали также крупные города Мекнес, Марракеш и быстро подавили восстание. Северную часть Марокко заняли испанские войска. Так разразился 2-й Марокканский кризис.

Пангерманцы развернули шовинистическую кампанию против установления французского господства в Марокко, в поддержку братьев Маннесман, располагавших значительными капиталами в этой стране. Статс-секретарь по иностранным делам А. фон Кидерлен-Вехтер сознательно создал ситуацию, чреватую возникновением европейской войны, чтобы заставить Францию пойти на уступки. По его инициативе германское правительство направило к берегам Марокко канонерскую лодку "Пантера", которая 1 июля вошла в марокканский порт Агадир (так называемый «прыжок "Пантеры"»). В качестве компенсации за захват Францией Марокко Германия требовала все Французское Конго. Однако Лондон вновь решительно встал на сторону Парижа. В официальной речи, произнесенной в резиденции лорда-мэра Лондона, министр финансов Великобритании Д. Ллойд Джордж заявил о том, что в отличие от 1870–1871 гг. Англия не останется пассивным наблюдателем в случае германского нападения на Францию. Англичане привели свой флот в состояние повышенной готовности. Это вызвало замешательство в германском имперском руководстве, которое вынуждено было занять примирительную позицию в отношении Парижа.

Во франко-германском соглашении от 4 ноября 1911 г. Берлин признавал преимущественные права Франции в Марокко, получив за это две поло-

сы территории Французского Конго, которые перешли к германской колонии Камерун, и режим "открытых дверей" в Марокко на 30 лет. Однако французы отказались уступить Германии свое исключительное право на приобретение Бельгийского Конго. В соответствии с Фесским договором 1912 г. Марокко стало французским протекторатом. 2-й Марокканский кризис еще больше обострил отношения между Антантой и Германией[188].

Добившись от великих держав, поглощенных борьбой вокруг Марокко, признания своих притязаний на Триполитанию и Киренаику, две последние турецкие провинции в Африке, Рим 28 сентября 1911 г. предъявил ультиматум Стамбулу, потребовав в течение 24 часов дать согласие на их оккупацию итальянскими войсками. Несмотря на примирительную позицию турецкого правительства, Италия начала военные действия. Ее войска численностью 56 тыс. человек, располагавшие сильной артиллерией и авиацией, быстро нанесли поражение 7-тысячной турецкой армии в Триполитании. Однако затем они столкнулись с упорным сопротивлением местного арабского населения, продолжавшимся много лет. 5 ноября 1911 г. итальянское правительство объявило об аннексии обеих провинций. В мае 1912 г. итальянцы захватили Додеканесские острова.

Мирные переговоры ускорила надвигавшаяся первая Балканская война. Лозаннский мирный договор от 18 октября 1912 г. обязал Турцию вывести свои войска из Триполитании и Киренаики, а Италию с Додеканесских островов. Турки выполнили свое обязательство, но итальянцы так и остались на этих островах. Договор по существу превратил Триполитанию и Киренаику в итальянскую колонию, получившую название Ливии. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. стала последним актом империалистической борьбы за раздел Африки перед первой мировой войной[189].

Накануне Великой войны обсуждение колониальных проблем занимало особое место в англо-германских дипломатических контактах. Берлин прилагал все возможные усилия для того, чтобы добиться нейтралитета Великобритании в надвигавшейся войне, оторвав ее от Франции и России, а англичане были готовы пойти на существенные уступки в колониальной сфере в обмен на сдерживание германских морских вооружений. Для этого британский военный министр Р. Холден во время пребывания в Берлине в 1912 г. предложил вернуться к вопросу о разделе португальских колоний, соглашение о котором было подписано Британией и Германией еще в 1898 г., а также решить вопрос о финансировании строительства Багдадской железной дороги. Взамен англичане должны были получить контроль над последним участком дороги от Багдада до Персидского залива. Вильгельм II выступил за то, чтобы сначала заключить договор о нейтралитете Великобритании и соглашение по колониальным вопросам. Визит Холдена дал толчок соответствующим переговорам и подтвердил тесную взаимосвязь военно-морских и колониальных сюжетов[190].

Самое позднее с 1911 г. колониальной целью Берлина стало создание германской "Срединной Африки", простирающейся от Камеруна до Германской Восточной и Германской Юго-Западной Африки с включением в нее значительных территорий португальских колоний Анголы и Мозамбика, а также Бельгийского Конго, со строительством "поперечных" железнодорожных линий от восточноафриканского к западноафриканскому побережью.

Дипломатические усилия Лондона и Берлина сосредоточились на проблеме раздела колониальных владений малых стран – Португалии и Бельгии. В конце 1913 г. было парафировано англо-германское соглашение о португальских колониях, весьма выгодное для Германии. Но окончательное подписание этого договора так и не состоялось. С весны 1914 г. стороны стали обсуждать вопрос о Бельгийском Конго. Последняя попытка Берлина реализовать свою "мировую политику" на практике показала ему, что планы создания "Срединной Африки" нельзя осуществить без ожесточенной борьбы при сохранении союзнических отношений между Британией, Францией и Россией. Проходившие одновременно англо-германские переговоры по Багдадской железной дороге отличались особым упорством сторон и участием в них представителей частного капитала. Двусторонний договор о Багдадской дороге был парафирован в Лондоне незадолго до начала мировой войны[191]. Британия вступила в нее, чтобы подорвать могущество Германии как своего главного соперника, лишить ее колониальных владений и отбить охоту к заморской экспансии.

4. Балканский узел

Итало-турецкая война привела к обострению Восточного вопроса. Показав слабость Османской империи, она стимулировала рост национально-освободительного движения балканских народов и ускорила возникновение нового международного кризиса на Балканах.

Внешняя политика балканских стран в значительной степени определялась династическими интересами правящих монархий, происками в регионе соперничавших империалистических держав и возрастающими экспансионистскими устремлениями постепенно складывавшейся национальной буржуазии. Главным объектом территориальных притязаний Болгарии, Сербии и Греции служила Македония со сложным этническим составом населения. Нередко одни и те же территории сербы и болгары считали с незапамятных времен своими. В Македонии проживали также куцо-влахи, тяготевшие к Румынии, и греки[192].

Со времени свержения династии Обреновичей в 1903 г. Сербия встала во главе югославянского национально-освободительного движения, поддерживаемого Россией. Подобно Болгарии заинтересованная в приобретении новых пахотных земель и пастбищ, Сербия стремилась пробиться к Салоникам, чтобы получить выход к морю, столь необходимый сербским экспортерам скота и сырья. На этот же порт претендовали и греки. Сербы рассчитывали завладеть большей частью Македонии и в перспективе присоединить Боснию и Герцеговину (которые они считали своим бесспорным историческим достоянием) лишь с помощью Антанты и прежде всего – России. Так называемая "Старая Сербия", являвшаяся средоточием средневековой сербской культуры, также находилась под османским игом[193].

С точки зрения Антанты, Сербия являлась барьером, затрудняющим установление Германией экономического господства и политического контроля над Турцией и укрепление позиций Центральных держав на Балканах. В Болгарии обострялось соперничество между германскими и австро-вен-

герскими финансистами, с одной стороны, и французскими – с другой. Строительство Багдадской железной дороги казалось привлекательным правящим кругам страны, так как по болгарской территории проходила значительная часть пути, который должен был соединить Берлин с Багдадом. В отличие от сербов, у болгар не имелось каких-либо значительных претензий к Дунайской монархии[194]. В свою очередь греки добивались освобождения Северной Греции от османского господства. В это же время развертывалась и борьба албанцев за создание своего национального государства.

Поскольку вопрос о Черноморских проливах продолжал оставаться определяющим фактором российской политики на Балканах, Петербург был заинтересован в создании блока балканских государств, который позволил бы ему оказывать решающее влияние на положение в регионе. Однако Сербия и Болгария сами собирались воспользоваться ослаблением Османской империи в результате понесенного ею в Африке поражения. Правительства этих стран считали раздел европейских владений Турции необходимым этапом в завершении формирования своих национальных государств. В этом они опирались на активное содействие российских посланников – в Софии А.В. Неклюдова и в Белграде барона Н.Г. Гартвига. Таким образом, стимулируя образование Балканского союза, российская дипломатия собиралась вести за собой славянские государства, преследовавшие при этом свои собственные цели[195].

Продолжавшиеся несколько месяцев переговоры, в которых в известной мере участвовала и Франция, привели 13 марта 1912 г. к заключению сербско-болгарского союза, направленного, главным образом, против Турции. В секретном приложении к договору говорилось о разделе Македонии. Окончательное разграничение там подлежало в будущем арбитражу российского императора. 12 мая между Белградом и Софией была подписана военная конвенция. 29 мая при содействии британской дипломатии к союзу присоединилась Греция. В сентябре ее примеру последовала Черногория[196]. Сазонов писал в воспоминаниях, что Балканский союз был создан "если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия". Российская дипломатия не могла относиться безразлично к сближению славянских народов, "не сделать ничего для облегчения достижения Сербией и Болгарией их целей"[197]. Однако Сазонов явно преувеличивал возможности России контролировать действия балканских союзников и предотвращать таковые, если бы они противоречили российским интересам.

9 октября черногорский король Никола Негош начал военные действия против Турции. 17 октября Болгария и Сербия, а на следующий день – Греция объявили войну Османской империи, хотя и знали, что не получат прямой поддержки со стороны России. Однако, учитывая настроения в собственной стране и соперничество с Австро-Венгрией на Балканах, Петербург принял все меры, чтобы не допустить вмешательства в конфликт других великих держав[198]. Первая Балканская война приняла со стороны стран Балканского союза национально-освободительный характер. Шовинистическая политика младотурецкого правительства в отношении своих христианских подданных подтолкнула Балканский союз к войне.

Совершенно неожиданно для европейских правительств Турция в течение трех недель потерпела сокрушительное поражение, будучи почти полностью изгнанной из Европы. Сербские войска заняли верхнюю долину

Вардара (Куманово, Ускюб, Битоль), Новопазарский санджак и Северную Албанию, что открывало Сербии выход к Адриатике. Оказался перерезанным путь, связывавший экономически и стратегически Австро-Венгрию с Эгейским морем; был устранен барьер между Сербией и Черногорией. Здесь же должна была проходить железная дорога в направлении Салоник. Болгарская армия, заняв Фракию, достигла Чаталджинской укрепленной линии в 43 км к западу от Стамбула, которую ей все же не удалось преодолеть. Греки завладели Салониками. Турки продолжали удерживать крепости Адрианополь, осажденный болгарами, Янину, окруженную греками, и Скутари (ныне Шкодер), обложенный черногорцами и сербами. Турецкие войска значительно уступали противнику в вооружении, располагая лишь устаревшим германским оружием, в то время как войска Балканского союза были оснащены новыми французскими пушками "Шнейдера–Крезо"[199].

Продвижение болгар к Стамбулу совершенно не соответствовало замыслам Петербурга, который желал видеть этот город "русским", а не "болгарским". Между тем сочувствующие болгарам немецкие газеты сообщали о намерении Фердинанда Кобургского провозгласить себя византийским императором. В Петербурге даже стали вынашивать планы защиты Стамбула от болгар путем посылки военных кораблей и высадки десанта для захвата города или хотя бы Верхнего Босфора. По мнению российского правительства, угроза со стороны болгар могла спровоцировать резню христианского населения в турецкой столице, а это привело бы к международному вмешательству и вновь отодвинуло бы на неопределенное время благоприятное для России решение проблемы Проливов[200].

Вскоре возник новый, так называемый мобилизационный, кризис в международных отношениях, реально угрожавший возникновением общеевропейской войны. В октябре–ноябре 1912 г. Австро-Венгрия провела почти полную мобилизацию армии. В Далмацию, Боснию и Галицию, т.е. к границам Сербии и России, перебрасывались войска и военная техника. Австро-венгерский флот, пополненный резервистами, сосредоточился в Адриатике. В свою очередь Россия в первых числах ноября задержала очередное увольнение в запас нижних военных чинов в европейских округах и на Кавказе. Вена была крайне обеспокоена наступлением сербских войск в Албании, которую монархия Габсбургов собиралась превратить в "независимое" государство под своим протекторатом. Сербы же стремились приобрести порт на Адриатике именно на албанском берегу. Как писали австрийские газеты, такой порт мог бы стать базой для будущего сербско-русского флота[201].

Вена преисполнилась решимости не допустить этого. Новый шеф австро-венгерского Генштаба Б. фон Шемуа и наследник престола Франц Фердинанд потребовали силой остановить дальнейшее продвижение балканских славян и, хотя бы даже с помощью оружия, не позволить Сербии выйти к Адриатике. В Германии Бетман-Гольвег и Мюллер убедили кайзера, что отказ от поддержки Австро-Венгрии невозможен, так как Германия утратила бы из-за этого "всякий кредит" и с Тройственным союзом было бы покончено[202].

22 ноября 1912 г. Вильгельм II заявил в разговоре с Шемуа, что Австро-Венгрия "при всех обстоятельствах может полностью рассчитывать на поддержку Германии". Мольтке, в свою очередь, обещал провести "энергичную наступательную акцию" параллельно с австро-венгерской. В тот же день

кайзер еще раз подтвердил эрцгерцогу Францу Фердинанду, что Германия поддержит Австро-Венгрию, если из-за балканских неурядиц дело дойдет до столкновения с Россией[203].

После того как сербские войска заняли три приморских города, Сазонов, пытаясь преодолеть противодействие Австро-Венгрии, предложил предоставить Сербии нейтральный порт на Адриатике под гарантию великих держав. Франция и Великобритания одобрили эту инициативу, но Дунайская монархия, получив поддержку Германии и Италии, категорически ее отвергла[204].

Большинство членов российского правительства согласилось с предложением военного министра В.А. Сухомлинова провести частичную мобилизацию Киевского, Варшавского, а затем и Одесского военных округов. Но, несмотря на это, главе кабинета В.Н. Коковцову удалось убедить Николая II, что такая акция может вызвать войну России со всем Тройственным союзом, хотя мобилизация и была бы направлена только против Австро-Венгрии. Император решил воздержаться от частичной мобилизации, а Сербия согласилась передать вопрос о получении порта на Адриатике на рассмотрение конференции послов великих держав. Франц Иосиф отменил вторжение австро-венгерских войск в Сербию. Это был самый угрожающий момент австро-сербского конфликта, который пошел на убыль после преодоления мобилизационного кризиса[205].

3 декабря 1912 г. балканские страны, за исключением Греции, заключили перемирие с Турцией. А 17 декабря в Лондоне под председательством Грея началось совещание послов шести великих держав. Днем ранее делегации воюющих стран приступили к обсуждению условий мирного договора, которые послы должны были сделать приемлемыми для России и Австро-Венгрии[206]. Грей старался доказать, что Тройственное согласие и Тройственный союз могут мирно сосуществовать. Германская же сторона надеялась оторвать Британию от ее партнеров[207]. В это же время, в декабре 1912 г., Мольтке писал Конраду, вновь ставшему начальником Генштаба австро-венгерской армии, что австрийцам нужно дождаться распада Балканского союза, и выражал уверенность в неизбежности большой войны: "Рано или поздно должна вспыхнуть европейская война, в которой борьба будет в конечном счете вестись между германизмом и славянством"[208].

Проблема территориального разграничения на Балканах вызвала ожесточенную полемику между балканскими странами и Турцией, а также внутри самогó Балканского союза. Российский посол в Турции заявил, что война может возобновиться, если Стамбул не откажется от Адрианополя, Скутари и Янины и не согласится на установление границы южнее Адрианополя. Конференция послов должна была решить вопрос о создании албанского государства на Адриатическом побережье, где еще в 1910 г. вспыхнуло восстание албанцев против турецкого господства. Сначала участники Балканского союза предполагали разделить Албанию между Черногорией, Сербией и Грецией. Но после того как албанцы 28 ноября 1912 г. провозгласили в Валоне (Влёре) свою независимость, конференция послов в Лондоне решила образовать автономную Албанию под османским сюзеренитетом, отложив рассмотрение вопроса о ее границах. Во главе Албании позднее был поставлен племянник румынской королевы немецкий принц Вильгельм Вид[209].

Особенно сложным оказался вопрос о статусе Скутари. Державы Тройственного согласия поддерживали стремление Черногории завладеть этим городом-крепостью, но Австро-Венгрия по геополитическим соображениям настаивала на его передаче Албании. Россия выступала против включения в состав албанской территории Скутари, Ипека, Призрена, Джяковицы и Дибры, настаивая на их присоединении к Сербии или Черногории[210].

К концу 1912 г. Австро-Венгрия, рискуя большой войной, блокировала продвижение сербов через Косово к Адриатике. Однако Германия охладила воинственный пыл Вены, так как еще не была готова воевать. В противодействии прорыву Сербии к Адриатическому побережью Италия солидаризировалась с монархией Габсбургов, ибо сама претендовала на соответствующие территории. Это сделало возможным очередное продление становившегося все более неустойчивым Тройственного союза. С другой стороны, Британия заявила своему партнеру по Тройственному согласию – России, что не окажет ей поддержки в войне за прорыв Сербии к Адриатике. Еще недостаточно окрепшая Россия не была в 1912 г. способна воевать с Австро-Венгрией и Германией, даже если бы ее и поддержала Франция[211].

23 января 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, осуществленный младотурецким комитетом "Единение и прогресс" во главе с Энвер-беем. Он поддерживал тесный контакт с германским послом в Стамбуле бароном Г. фон Вангенгеймом и германским военным атташе майором фон Штремпелем. Поскольку новый турецкий кабинет соглашался отказаться лишь от части Адрианополя, 3 февраля по настоянию Болгарии балканские союзники возобновили военные действия. Их делегаты покинули Лондон в расчете на бо́льшую уступчивость со стороны Турции. Однако прорвать укрепленную Чаталджинскую линию и взять Адрианополь болгарам "с ходу" не удалось. В то же время в Лондоне продолжались споры о границах Албании. В конце концов Россия согласилась на передачу Скутари Албании, но при условии уступки Сербии ряда городов (Призрена, Джяковицы и др.)[212].

Между тем 6 марта 1913 г. греческие войска заняли Янину, а болгары вместе с прибывшим из Сербии подкреплением 26 марта взяли штурмом Адрианополь. Обеспокоившись продвижением болгар, в Петербурге приняли решение в случае их вступления в Стамбул направить к Босфору эскадру Черноморского флота, а может быть, и попытаться предотвратить оккупацию города болгарскими войсками с помощью десанта.

Вскоре возобновилось перемирие, линия Энез–Мидье вновь стала предметом переговоров. Но в это же время проблема Скутари переросла в серьезный международный кризис. Черногория продолжала осаду города, что резко обострило ее отношения с Австро-Венгрией. Россия не возражала против проведения державами военно-морской демонстрации в отношении Черногории, но сама не приняла в ней участия. Сазонов обосновывал согласие России на передачу Скутари Албании тем обстоятельством, что это албанский город и что Россия уже "отстояла" несколько городов "в интересах славян"[213].

Неожиданно король Черногории спутал все карты. 22 апреля командующий турецкими войсками в Скутари за данное ему Николой Негошем обещание сделать его правителем Албании сдал город черногорцам и сербам. Однако уже через несколько дней связанная со Скутари угроза большой

европейской войны миновала, так как Австро-Венгрия и Италия, взаимно державшие друг друга за горло, принудили черногорского короля отказаться от этого города. Окончательное урегулирование данной проблемы рассматривалось как большой успех министра иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольда. Оценку германским послом в Вене Г. фон Чиршки политики Германии с октября 1912 г. и особенно в связи со скутарийским кризисом Берхтольд изложил 5 мая в своем дневнике: "Все последние войны были выиграны теми, кто к ним годами готовился... Мы (т.е. Австрия) должны готовиться к войне, которая должна принести нам Сербию, Черногорию и Северную Албанию, Италии – Валону, Германии – победу над панславизмом"[214].

30 мая 1913 г. был подписан мирный договор между Турцией и балканскими странами. Стамбул уступал им всю территорию к западу от линии Энез–Мидье, кроме Албании. Однако отношения внутри Балканского союза все более обострялись[215]. 1 июня Сербия и Греция подписали военную конвенцию антиболгарской направленности. К ним вскоре присоединилась Черногория. В Софии в свою очередь не сомневались в превосходстве болгарской армии, но испытывали всевозрастающее беспокойство из-за позиции Румынии.

В последний раз секретный договор Румынии с Австро-Венгрией, а затем с Германией и Италией был продлен в феврале–марте 1913 г. Австро-Венгрия и Германия тогда еще не считали возможным ее переход в лагерь Антанты. Румынский король Кароль I (Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген) поддерживал близкие отношения с Вильгельмом II и пользовался полным доверием в Берлине. Однако после первой Балканской войны, когда Румыния рассчитывала получить "солидную" компенсацию за свой благожелательный "нейтралитет" от Болгарии, претендуя на Силистру, крепость на Нижнем Дунае, и Южную Добруджу, Австро-Венгрия не оказала ей в этом необходимой поддержки. Хотя Румыния и завладела Силистрой, ей этого было недостаточно. В результате в мае–июне 1913 г. антантофильское направление стало в Бухаресте преобладающим. Премьер-министр Румынии заявил, что в случае войны между Болгарией и Сербией румынская армия выступит против болгар и займет территорию по линии Туртукай–Балчик. Дунайская монархия предложила Софии уступить эти земли румынам[216].

Надеясь на скорую победу, правящие круги Болгарии 29 июня 1913 г. развязали вторую Балканскую войну. Вначале болгарская армия успешно атаковала сербские и греческие войска. Но уже через день ее противники перешли в контрнаступление. 10 июля в войну с Болгарией вступила Румыния. А еще через несколько дней турки потребовали от Софии отвести свои войска за линию Энез–Мидье. Раскол Балканского союза вначале вполне устраивал Австро-Венгрию. Однако скоро в Вене стали склоняться к тому, чтобы оказать Болгарии вооруженную поддержку[217].

Летом 1913 г. монархия Габсбургов охотнее всего открыто выступила бы с оружием в руках, чтобы предотвратить катастрофическое поражение изолированной Болгарии. Обещав оказать Софии военную помощь, Австро-Венгрия активно готовилась к нападению на Сербию и известила об этом Германию и Италию. Однако в Берлине сочли выступление Австро-Венгрии несвоевременным. Оно могло привести к европейской войне, которая для Германии была тогда нежелательна. Вена получила предупреждение,

что не должна рассчитывать на поддержку Германии. Италия также предостерегла свою союзницу от "опасной авантюры". Правящие круги Германской империи оценивали международную обстановку как неблагоприятную. На Балканах усиливалось соперничество между Австро-Венгрией и Италией из-за Албании. Российской дипломатии удалось углубить расхождения между Тройственным союзом и Румынией, которая сближалась с Тройственным согласием. Турция, на союз с которой рассчитывали в Берлине, была крайне ослаблена после войн с Италией и с Балканским союзом. В итоге Австро-Венгрия вынуждена была оставить Болгарию в одиночестве в окружении противников, отказавшись от намерения развязать войну против Сербии[218].

Турецкие войска перешли линию Энез–Мидье и 20 июля вступили в Адрианополь. Тогда великие державы по предложению статс-секретаря германского ведомства иностранных дел Г. фон Ягова договорились о проведении новой международной мирной конференции в Бухаресте, где она и открылась 30 июля 1913 г.[219]. Резкие разногласия на конференции возникли из-за притязаний Греции и Болгарии на Кавалу, укрепленный порт на берегу Эгейского моря. Россия отстаивала пожелания Болгарии, рассчитывая восстановить в Софии свое влияние. За передачу Кавалы болгарам выступила и Австро-Венгрия, также добивавшаяся сближения с Болгарией. Однако Великобритания и Франция высказались за то, чтобы порт перешел к Греции, что и было сделано с помощью голосов Германии и Италии[220].

Бухарестский мирный договор, завершивший вторую Балканскую войну, был подписан 10 августа 1913 г. Болгария утратила значительную часть занятых ранее территорий. Освобожденная от турецкого господства Македония была разделена. Сербия получила Вардарскую Македонию наряду со "Старой Сербией" и Косово и в итоге увеличила свою территорию вдвое. Греции досталась Эгейская Македония с портами Салоники и Кавала. За Болгарией остался лишь Пиринский край. Южная Добруджа отошла к Румынии. В результате заключения Бухарестского договора произошло дальнейшее обострение политической ситуации на Балканах и сближение между Сербией, Грецией и Румынией. Укреплялись связи Болгарии с Австро-Венгрией и с Германией[221]. 29 сентября 1913 г. был подписан Константинопольский мирный договор между Болгарией и Турцией. К Османской империи переходила Восточная Фракия с Кирк-Килиссе, Люле-Бургасом и Адрианополем (Эдирне). У Болгарии осталась часть Западной Фракии с населенными пунктами Дегеагач и Порто-Лагос, но ни одного значительного порта на Эгейском побережье[222].

Балканские войны явились первым после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. широкомасштабным вооруженным столкновением в Европе. По существу они были единым процессом раздела европейских владений Турции. После его завершения все силы югославянского национально-освободительного движения обратились против многонационального государства Габсбургов. Сербия существенно расширилась и установила общую границу с Черногорией и Грецией. Это создавало преграду для австрийской экспансии в южном направлении и было выигрышным для России.

За почти полным вытеснением турок из Европы наметился надвигавшийся крах Османской империи в Азии[223]. Все более вероятной становилась перспектива мировой войны в связи с возможным распадом этой страны.

Некоторое перемещение ее границы на запад в результате второй Балканской войны уменьшило угрозу Стамбулу и Черноморским проливам со стороны Греции и Болгарии.

В Бухаресте осознали, что австро-германский блок не стремится поддерживать его территориальные притязания, а это способствовало сближению Румынии с Антантой. Возросла вероятность активизации "великорумынского" движения в целях отрыва от Австро-Венгрии Трансильвании с ее 3-миллионным румынским населением. Стремление России привлечь Румынию на свою сторону являлось одной из составных частей ее подготовки к европейской войне.

В Петербурге считали необходимым добиваться примирения между Сербией и Болгарией. Этого можно было достигнуть, передав Софии часть Вардарской Македонии. Со своей стороны Болгария должна была бы поддержать борьбу сербов за национальное объединение. Таким путем надеялись предотвратить присоединение Болгарии к блоку Центральных держав. Позднее Россия выдвинула идею сербо-греко-румынского союза, который Петербург мог бы использовать для решения вопроса о Проливах во время "европейских осложнений".

Балканские войны привели к обострению русско-австрийских противоречий, продемонстрировали безусловную поддержку Германией австрийской экспансии на Балканах, но показали и известную несогласованность позиций стран Тройственного согласия. Сдерживающее воздействие Германии на Австро-Венгрию и, соответственно, Великобритании на Россию предотвратило перерастание Балканских войн в европейскую, а затем и в мировую войну. Таким образом, доминирующие державы в обеих союзных группировках удержали от вооруженного выступления своих исполненных воинственного духа партнеров. С другой стороны, в случае общеевропейской войны Россия полностью полагалась на Францию, но считала союз с Британией "далеко не обеспеченным". Петербург все же рассчитывал на превращение Антанты в надежный военно-политический союз. Балканы продолжали оставаться средоточием империалистических противоречий великих держав и межнациональных конфликтов. Это превращало полуостров в "пороховой погреб Европы"[224].

Разразившийся в 1913 г. политический конфликт между Россией и Германией в связи с направлением в Турцию германской военной миссии О. Лимана фон Сандерса стал серьезным испытанием для Тройственного согласия. Если Петербург безусловно располагал поддержкой Франции, то союз с Великобританией гарантировал ему лишь "доброжелательный нейтралитет"[225].

Январский (1913 г.) государственный переворот в Стамбуле создал благодатную почву для укрепления германских позиций в Османской империи. Однако ее существенное ослабление в результате Балканских войн вызывало обоснованное беспокойство в Берлине. Там рассчитывали использовать Турцию в качестве своего союзника и как плацдарм в вероятной войне против держав Тройственного согласия, прежде всего против России. Перспектива установления германского контроля над Черноморскими проливами ставила под прямую угрозу интересы России. Как говорилось в публикации российского журнала "Промышленность и торговля", «страна не может жить под постоянным страхом, как бы "ключ от входной двери" (т.е. Проли-

вов. – *Авт.*) в наше жилище, выпав из слабых турецких рук, не очутился в чужих сильных руках, которые будут вольны по своей прихоти казнить нас или миловать»[226].

Подобная ситуация возникла, когда 30 июня 1913 г. Вильгельм II назначил генерал-лейтенанта Лимана фон Сандерса главой германской военной миссии в Стамбуле. Еще во время военных действий на Балканах был подготовлен текст соответствующего договора с Османской империей, сохранявшийся пока в строгой тайне. В октябре 1913 г. кайзер, германские военные инстанции и ведомство иностранных дел, как и совет министров Турции, одобрили проект договора, который Лиман фон Сандерс подписал в Берлине 28 октября[227]. Власть младотурок вполне отвечала интересам немецких милитаристов и германской военной промышленности, гарантируя Круппу заказы на поставку пушек. Предстояло возвести новые укрепления на всей линии обороны западнее Стамбула – “линии Чаталджи” и установить артиллерийские орудия на Босфоре, а также заново вооружить всю полевую турецкую артиллерию[228].

Если деятельность германской военной миссии К. фон дер Гольца в 1909–1912 гг. ограничивалась инспектированием турецких войск и организацией маневров, то миссия Лимана, состоявшая из первоклассных военных специалистов, занималась всеми сферами военной жизни. Немецкие офицеры находились на ключевых должностях в командовании войсками, в Генштабе и в военном министерстве[229]. Лиман фон Сандерс возглавил командование всеми военными школами, и главное, стал командующим первым армейским корпусом, расквартированным в Стамбуле и его окрестностях, в обязанность которого входила оборона столицы и Черноморских проливов. Назначить одного из лучших немецких офицеров, “и не инструктором, а командиром расположенного в Дарданеллах турецкого армейского корпуса, – писал фон Бюлов в воспоминаниях, – это означало наступить своему другу (т.е. России. – *Авт.*) на его самую чувствительную мозоль”[230]. Фактически являясь командующим всей турецкой армией, германский генерал отодвигал для России на неопределенное время какие-либо перспективы завладеть Стамбулом и Проливами. “В случае наших десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус”, – писал в рапорте от 19 ноября 1913 г. российский военно-морской атташе в Турции капитан А.Н. Щеглов[231].

Еще во время пребывания Николая II в Берлине в мае 1913 г. на бракосочетании дочери Вильгельма II кайзер спросил, не будет ли у царя возражений против направления Лимана фон Сандерса в Константинополь. Тот не возражал, не имея представления о подлинном характере этой миссии и полагая, что она явится простым продолжением предшествующей миссии фон дер Гольца[232]. Осенью 1913 г. при следовании российского министра иностранных дел через Берлин немцы скрыли от него намерение послать свою военную миссию на берега Босфора. Узнав же существо дела, в Петербурге не на шутку обеспокоились. В докладной записке царю от 12 ноября Сазонов писал: “Проливы в руках сильного государства – это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству... Тот, кто завладеет Проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах”[233].

Находившийся проездом из Франции в Берлине Коковцов по поручению царя 17–19 ноября в беседах с Вильгельмом II и с Бетман-Гольвегом поднял этот вопрос. Глава российского правительства настаивал на том, чтобы немецкому генералу было предоставлено командование корпусом, расположенным в каком-либо другом районе Османской империи (речь, разумеется, не шла о территориях вблизи российской границы или о сферах французских интересов). Отвергая это предложение, собеседники Коковцова ссылались на то, что реформированием военно-морских сил Турции занимается британский адмирал А. Лимпус, полномочия которого будто бы более обширны, чем у немецкого генерала. Берлин явно уклонялся от компромисса[234].

В ноябре 1913 г. российское правительство обратилось к Франции и Великобритании с предложением предпринять в Стамбуле коллективный демарш против назначения Лимана и с требованием "компенсаций". И хотя французское правительство реагировало на это положительно, Грей категорически выступил против инициативы Сазонова. Он ссылался на то, что главная цель – удаление немцев из Стамбула – останется неосуществленной[235]. Министр иностранных дел Франции С. Пишон поручил французскому послу в Лондоне П. Камбону убедить Грея, что командование корпусом, расположенным в турецкой столице, немецким генералом "ставит дипломатический корпус, пребывающий в Константинополе, под опеку немцев. Это фактически дает Германии ключ к Проливам... Это нарушает равновесие между державами, являющееся гарантией самого существования Турции"[236]. Стремление Грея смягчить позицию трех держав в отношении германской военной миссии побудило Сазонова в телеграмме российскому послу в Лондоне графу А.К. Бенкендорфу от 12 декабря 1913 г. констатировать отсутствие прочного единства между ними, что являлось, по его словам, "органическим пороком Тройственного согласия", который всегда будет ставить их "в невыгодное положение в отношении крепкого блока Тройственного союза"[237].

4 декабря султан издал указ о назначении Лимана фон Сандерса членом военного совета и командующим 1-м армейским корпусом. 13 декабря послы России, Франции и Великобритании обратились к главе правительства Османской империи с запросом о правах, предоставленных Лиману фон Сандерсу. Они выразили надежду, что власть Турции "над Проливами и Константинополем остается неприкосновенной". Однако это "бесцветное", по оценке Сазонова, заявление не произвело желаемого воздействия на великого везира, "опиравшегося" на германскую поддержку. Он решительно отверг возможность любого компромисса[238].

13 января 1914 г. состоялось Особое совещание высшего российского руководства под председательством Коковцова. В нем участвовали военный и морской министры и министр иностранных дел, а также начальник Генерального штаба генерал Я.Г. Жилинский. Поскольку существовала реальная угроза изменения ситуации в Черноморских проливах, Сазонов выступил за принятие принудительных мер в отношении Турции, таких как финансовый бойкот, разрыв дипломатических отношений и даже занятие некоторых пунктов на турецкой территории, однако все это он считал возможным осуществить лишь при поддержке Франции и Британии. Только в этом случае, по его мнению, можно было бы избежать войны с Германией.

Коковцов, настроенный против использования принудительных мер, поставил вопрос, желательна ли для России война с Германией? Сазонов согласился с тем, что в принципе война с Германией нежелательна, однако Сухомлинов и Жилинский заверили в полной готовности России к такой войне, не говоря уже о войне с Австро-Венгрией. Фактически они признали возможность и допустимость войны с Центральными державами. В итоге участники совещания пришли к выводу, что принудительные санкции могли бы быть применены только при неудачном исходе переговоров с Берлином и единодушии держав Тройственного согласия[239].

Но до введения санкций против Османской империи дело не дошло. Жесткая полемика между Берлином и Петербургом и переговоры германского и российского военных атташе в Стамбуле, сопровождавшиеся враждебными выпадами прессы в обеих странах, закончились компромиссом. 14 января 1914 г. Вильгельм II присвоил Лиману фон Сандерсу чин генерала от кавалерии. По условиям контракта это автоматически вело к повышению его ранга в Османской империи. Султан произвел его в маршалы. Лиман фон Сандерс был освобожден от командования 1-м корпусом и занял пост генерального инспектора всей турецкой армии. Против такого назначения Россия не могла возражать, так как британский адмирал уже командовал османским флотом, а француз – жандармерией. Новый статус Лимана фактически не ограничивал его функции высшего начальника турецкой армии. Имперская канцелярия в Берлине уступку России обосновывала тем, что военное влияние Германии на турецкую армию должно быть подчинено более важной цели установления политического контроля над Османской империей, чтобы во время ожидаемого столкновения с Россией иметь турок своими союзниками[240].

Конфликт из-за миссии Лимана фон Сандерса был последним международным кризисом кануна первой мировой войны. Он оказался едва ли не первым прямым русско-германским столкновением на Ближнем Востоке, причем в районе Черноморских проливов, являвшихся объектом наибольшей геополитической и экономической заинтересованности России. Как отмечал Хальгартен, кажущаяся уступчивость с германской стороны "предотвратила немедленное наступление мировой войны, но, по существу, не удовлетворила ни русских, ни особенно французов". Всю первую половину 1914 г. Петербург собирался с силами, чтобы сделать более эффективным свое давление на германские позиции в Стамбуле, а для французов занятие немецким генералом поста инспектора турецкой армии означало окончательное отстранение "Шнейдера-Крезо" от строительства укреплений на Босфоре и поставок вооружения для турецкой армии. Компромисс, достигнутый в январе 1914 г., вскоре привел к обострению борьбы крупного французского капитала против германской военной миссии. Главной целью России по-прежнему оставалось установление контроля над Черноморскими проливами. В отношении урегулирования с Германией Сазонов дал понять, что не считает проблему решенной. Весной 1914 г. он заявил одному немецкому собеседнику: "Вы знаете, как мы заинтересованы в Босфоре – какое это для нас чувствительное место. Вся Южная Россия зависит от него, и вот вы высаживаете прусский гарнизон у нас под носом!"[241].

Работа германской военной миссии была сосредоточена на Проливах с их укреплениями, а также на Восточной Анатолии. Посредством географи-

ческих съемок и разведки местности она должна была быть подготовлена для развертывания войск против России. В отношении Восточной Армении Лиман фон Сандерс также располагал обширными полномочиями. В целях усиления крепостных сооружений в Проливах и их артиллерийского вооружения немцы разработали специальный план. 16 февраля 1914 г. Лиман отправился в Берлин для представления отчета кайзеру, в котором изложил сведения о Проливах, прежде всего, с точки зрения установления над ними полного германского контроля. На основании услышанного Вильгельм II заявил: "Или скоро германское знамя будет развеваться над укреплениями Босфора, или меня постигнет такая же печальная судьба, как и великого изгнанника на острове Святой Елены"[242]. В апреле 1914 г. немецкие специалисты составили план минирования Проливов. Артиллерия береговых укреплений была перевооружена современными немецкими орудиями, и уже в конце мая германский артиллерийский инструктор командовал всеми оборонительными сооружениями на Босфоре. Личный состав германской военной миссии продолжал пополняться вплоть до начала мировой войны[243].

Конфликт из-за миссии Лимана фон Сандерса послужил началом резкого ухудшения германо-российских отношений. В феврале 1914 г. Вильгельм II "начертал" на донесении Пурталеса из Петербурга: "Русско-прусские отношения умерли раз и навсегда! Мы стали врагами!"[244].

5. Стратегическое планирование, военные переговоры и гонка вооружений

Международные кризисы, следовавшие друг за другом с 1905 г., ознаменовали возвращение внутриевропейской напряженности, ранее оттесненной на второй план империалистическими противоречиями на других континентах. Однако теперь она была осложнена проблемами мировой и колониальной политики. В кульминационный момент 1-го Марокканского кризиса, в Великобритании, где после англо-бурской войны осуществлялось реформирование армии, был образован Генеральный штаб. Это означало перемещение стратегического центра тяжести из Индии на Европейский континент и тем самым в известном смысле с флота на армию[245]. Как отмечал немецкий историк А. Хильгрубер, в Германии мало осознавали тот факт, что с 1905–1906 гг. Европа снова стала главным объектом британской внешней политики. Столь же недостаточно в Берлине понимали значение исходившего на континент обратного воздействия и импульсов англо-русского соглашения 1907 г.[246] Между тем это явилось коренным поворотом от господствовавшего в "Туманном Альбионе" образа врага – России – к грядущему новому противнику – Германии. В Комитете имперской обороны развернулась борьба между адмиралтейством и Генштабом за первенство: чему отдать приоритет – стратегии армии, направленной на Северную Францию, или же стратегии флота, ориентированной на диверсионные действия в Ютландии или Померании[247]?

Вопреки ожиданию Берлина первый Марокканский кризис повлек за собой консолидацию Антанты. Опасаясь германской агрессии, генеральные штабы Британии и Франции вступили в секретные переговоры, на которых,

в частности, уже обсуждался вопрос о сохранении бельгийского нейтралитета. Таким образом, оба партнера по Антанте исходили из возможности возникновения европейской войны. Завершение в 1905 г. А. фон Шлиффеном, шефом Большого Генерального штаба прусско-германской армии, разработки стратегического плана войны против Франции и России стало другим, далеко идущим последствием 1-го Марокканского кризиса. Уже после отставки Шлиффена в январе 1906 г. его меморандум "Война против Франции" был как военное "завещание" передан новому начальнику Генштаба Г. фон Мольтке-младшему.

Бывший германский военный министр Г. фон Штейн писал в мемуарах, изданных в 1919 г., что фронтальное наступление немецких войск на Францию не могло привести к успеху, так как "Верден, форты на Маасе, система укреплений Туль–Нанси, Эпиналь и мозельские форты представляли слишком большое препятствие. Обход слева был затруднен Эпиналем, фортами на Мозеле, Вогезами и Бельфором". При безусловно выигрышном для Германии наступлении через Бельгию известные трудности для немецких войск создавала крепость Льеж. Она отстояла от границы на 30–35 км и прикрывала удобные переправы через реку Маас. Французы же, по мнению Шлиффена, стали бы наступать через Лотарингию[248].

Основой плана Шлиффена служил замысел гигантского решающего сражения, в котором армия противника подлежала уничтожению одним ударом. С этим была связана идея тотальной победы[249]. Шлиффен делал ставку на стремительное наступление основных сил германской армии в обход линии французских укреплений в Лотарингии с севера, через Бельгию, Люксембург и Нидерланды, во фланг и тыл французских войск. Немецкие войска, блокировав Париж, должны были с запада повернуть в сторону швейцарской границы и – при одновременном наступлении германского левого фланга на фронте от Бельфора до Вердена – окружить и разгромить французскую полевую армию в районе Труа, на полпути между Парижем и Бельфором. Военные действия против Франции должны были продолжаться шесть недель, после чего все силы направлялись против России, войну с которой предполагали завершить также в течение шести недель. До этого сдерживать бóльшую часть русских войск пришлось бы главным образом австрийцам. Для осуществления молниеносной войны ("блицкрига") Шлиффен намечал ввести в действие 40 армейских корпусов, из которых тогда реально существовало 34. Нехватка шести корпусов была возмещена в 1913 г. всего лишь двумя корпусами. План Шлиффена не предусматривал никакого стратегического резерва, как и какой-либо, даже частичной, неудачи наступления. Принятие этого плана окончательно привело к преобладанию военной верхушки над политическим руководством империи. Узнав о существовании плана Шлиффена только в 1912 г., Бетман-Гольвег фактически подчинился диктату военных. Теперь уже Генштаб ставил стратегические цели, для осуществления которых правительство и дипломатия должны были создавать соответствующие внешне- и внутриполитические условия[250].

Мольтке-младший, став шефом Генштаба, испытывал известное беспокойство из-за представлявшегося неизбежным вступления Великобритании в войну с Германией в случае нарушения немецкими войсками бельгийского нейтралитета. Чтобы уменьшить эту угрозу, а также не лишиться возможностей морского судоходства для снабжения страны, он исключил из плана

Шлиффена проход германских войск через территорию Нидерландов. Вместо этого был намечен молниеносный захват крепости Льеж немецкими войсками, расположенными в Аахене, еще до общего развертывания германской армии. Это должно было обеспечить ее беспрепятственное продвижение через Маас во Францию. Разработка плана восточного развертывания, предназначенного для фактически невероятной ситуации ведения войны Германией против одной России, была прекращена Генштабом в 1913 г. Так к началу мировой войны у Германии остался единственный вариант боевых действий – план Шлиффена[251].

Граф Альфред фон Шлиффен

Включение Великобритании в сферу блоковой политики обостряло последующие международные кризисы, исходившие от Австро-Венгрии и Германии и поочередно сменявшие друг друга на Западе или Востоке/Юго-Востоке. Каждый из них подводил к порогу большой европейской войны, а возможности достижения компромисса между их участниками с каждым разом все более сокращались. Отступление Германии на Альхесирасской конференции 1906 г. уже не могло снова повториться, так как Берлин с тех пор отказывался от участия в международных конференциях, призванных преодолевать посредством переговоров конфликтные ситуации. По мнению историка Гайсса, "сдача позиций" Сербией и Россией перед германской военной угрозой в марте 1909 г. при завершении Боснийского кризиса впредь тоже была невозможна[252]. Тогда "ультиматум" Берлина был направлен против России. Но правящие круги Германии были полны решимости, в соответствии с планом Шлиффена, обрушиться сначала всеми силами на Францию.

Невероятным становилось в будущем и отступление Германии перед угрозой британского вмешательства, как это произошло во время 2-го Марокканского кризиса 1911 г. Тогда в Германии вплоть до высших эшелонов власти было распространено мнение, что немецкий народ "нуждается в войне"[253]. Проявленная Австро-Венгрией во второй Балканской войне "сдержанность" в отношении Сербии под нажимом Германии, считавшей себя недостаточно готовой к большой войне, едва ли могла повториться, если бы в Берлине сочли программу германских вооружений выполненной. Вообще великая держава, когда-либо отступившая перед угрозой войны, в сходной ситуации всего вероятнее уже не сделала бы этого[254].

Усилению напряженности способствовали "кризисные конференции", проходившие в европейских державах. Вследствие осложнения ситуации на Балканах 13 октября 1912 г. Вильгельм II провел в кайзеровском охотничьем замке Губертусшток совещание, посвященное военно-политическому положению страны. В нем участвовали Т. фон Бетман-Гольвег, А. фон Кидерлен-Вехтер, Г. фон Мольтке, прусский военный министр генерал Й. фон Хееринген и шеф тайного военного кабинета генерал М. фон Люнкер. Кайзер заявил присутствующим, что соотношение военных сил для Тройственного союза быстро ухудшается. Следуя примеру Австро-Венгрии, он потребовал внесения законопроекта об армии[255]. В связи с развитием событий на Балканах Дунайская монархия увеличила в 1912 г. численность своей армии мирного времени с 385 до 470 тыс. человек, а также приступила к модернизации артиллерии[256]. На совещании в Губертусштоке Мольтке и Хееринген высказались в том смысле, что военно-политические условия для Германии коренным образом не изменились. Однако уже в ноябре, после военного поражения Турции и значительного усиления Сербии, начальник Генерального штаба обратился к военному министру с меморандумом, в котором потребовал усиления армии. 2 декабря 1912 г. Бетман-Гольвег говорил в рейхстаге о вероятности того, что Германии вскоре придется "сражаться". В тот же день Хееринген в записке рейхсканцлеру изложил свои планы о внесении законопроекта об армии и определил соответствующие затраты в 200–300 млн марок[257].

8 декабря под председательством Вильгельма II в Берлинском городском замке состоялся так называемый "военный совет", сыгравший особую роль в подготовке к войне. Его созыв явился реакцией кайзера на предостережение Грея о возможных последствиях австро-венгерского нападения на Сербию и на его заявление о том, что Британия не допустит нового поражения Франции. Это сделало очевидной преемственность британской политики со времени 2-го Марокканского кризиса. На совещании Вильгельм II и его военные советники наметили курс на усиленное вооружение сухопутных войск, дипломатическую и психологическую подготовку к континентальной войне против России и Франции, которая предвиделась в недалеком будущем. Отмечалась и необходимость дальнейшего развития германского военно-морского флота. Однако на совещании было отвергнуто требование кайзера немедленно развязать войну. В этом отношении результат "военного совета" был аналогичен итогам "кризисных конференций", состоявшихся в марте 1905 г. и в июне 1909 г.[258].

Уже 9 января 1913 г. Мольтке выступил за увеличение численности германской армии в мирное время на 100 тыс. человек, а также за крупные ассигнования на вооружение и строительство крепостей. Генеральный штаб мотивировал свою позицию необходимостью защищаться от всех участников Тройственного согласия. По данным официальной немецкой статистики, в соответствии с законом о численности сухопутных войск в мирное время от 14 июня 1912 г. в германской армии насчитывалось 544 211 человек. По закону от 3 июля 1913 г. количественный состав немецких войск возрастал до 661 478 человек. Как писал Е.В. Тарле, по утверждению экспертов Антанты германская армия мирного времени насчитывала в 1913 г. 724 тыс. человек. Теперь речь шла о ее увеличении минимально на 60 тыс., максимально на 140 тыс. человек. В случае мобилизации германская армия могла

Кайзер Вильгельм (слева) на маневрах

быстро превратиться в миллионную благодаря регулярным призывам резервистов на военные учения. Имперское правительство запросило у рейхстага чрезвычайную дополнительную сумму расходов в 1 млрд марок. Для получения этой суммы был необходим единовременный подоходный налог в 10–15% сверх обычного налога[259].

В январе 1913 г. кайзер предписал адмиралу Тирпицу подготовить к весне предложения о большом увеличении флота. Таким образом, как и в 1909, 1911 и в начале 1912 г., речь шла о предстоящей войне не только с Россией и Францией, но и с Великобританией[260]. Тирпицу ставилась задача обеспечить "постоянную готовность флота к войне" с англичанами. На "военном

совете" 8 декабря 1912 г. адмирал назвал срок такой готовности – июнь 1914 г. Очевидно, что имперское руководство пока испытывало недоверие к действенности флота как основного силового инструмента противостояния Британии. Если армия на ограниченный срок (до 1916 г.) еще располагала возможностью обеспечить успех в континентальной войне, то германский флот – и это признавалось с 1908 г. – не мог в обозримом будущем соперничать с британским[261].

Грядущая война являлась главной темой последующих совещаний в Берлине, участники которых говорили исключительно об эффективности методов подготовки к ней. В конечном счете верх одержал рейхсканцлер Бетман-Гольвег. Он выступал за переход от "мировой политики" Бюлова, осуществлявшейся путем наращивания антибританской морской мощи, к континентальной политике и к концентрации усилий на "Срединной Европе", руководить которой якобы предначертано Германии[262]. Проникновение в Османскую империю рассматривалось в Берлине как реальная возможность соединить континентальную и "мировую" политику. Состоявшиеся в 1913 г. юбилейные торжества в связи со 100-летием освободительных войн с Наполеоном и 25-летием правления Вильгельма II имперское руководство использовало для психологической обработки населения, и без того охваченного шовинистическими настроениями в связи с кризисом вокруг миссии Лимана фон Сандерса. Пангерманцы через близкого им кронпринца оказывали прямое давление на рейхсканцлера и на кайзера[263].

Во время Балканских войн Пангерманский союз проделал важную эволюцию. Ранее он усматривал в альянсе Германии с Австро-Венгрией и в противоречиях с Россией серьезную преграду в осуществлении политики, принципиально враждебной Британии. Теперь же после некоторых колебаний союз занял "великогерманскую" позицию, отказавшись от борьбы против Дунайской монархии, хотя в нем сохранилось и "малогерманское" направление. Руководство Пангерманского союза придало старым великогерманским идеям империалистический облик "Срединной Европы"[264].

Принятие Берлином решения о подготовке армии к войне с Францией и Россией, т.е. к большой европейской войне, неизбежно должно было превратить ее в мировую. Дело в том, что вера Берлина в возможность соблюдения Британской империей нейтралитета в случае континентальной войны после 1-го Марокканского кризиса становилась все менее оправданной. Между тем германская военная верхушка относилась к созданному в Англии экспедиционному корпусу, предназначенному для ведения военных действий на Европейском континенте, с пренебрежением, хотя боеспособность входивших в него дивизий неуклонно возрастала. Мольтке сказал Ягову, что со 150 000 англичан немцы как-нибудь справятся. Поэтому Шлиффена, принимавшего в расчет вступление Англии в войну, как и Мольтке, эта проблема особенно не беспокоила. Еще менее занимала их угроза со стороны британского флота, даже блокада побережья Германии, так как они, односторонне ориентируясь на континентальную войну, рассчитывали на быструю победу. Это свидетельствовало о фактическом отсутствии координации в деятельности германской армии, флота и разведки[265].

Генеральный штаб Австро-Венгрии в своем стратегическом планировании исходил из того, что потенциальными противниками Дунайской монархии являются Россия, Сербия и Черногория. Правда, не исключалась и война с

Италией и Румынией. Варианты подготовки военных операций разрабатывались из расчета на войну с каждым противником в отдельности или одновременно с несколькими на разных фронтах. Эта работа осуществлялась под постоянным давлением со стороны германского союзника. Еще в 1909 г. Мольтке и Конрад достигли соглашения, в соответствии с которым Австро-Венгрия принимала на себя удар основных сил российских армий, в то время как Германия должна была нанести поражение Франции и после этого перебросить свои войска на Восточный фронт[266]. Незадолго до своей смерти, в декабре 1912 г. Шлиффен писал о том, что "судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене"[267].

Особенно выгодным для Германии было бы наступление австрийских войск в северном направлении, между Бугом и Вислой, что не только отвлекло бы силы русских от Восточной Пруссии, но и предотвращало их вторжение в промышленную Силезию. С другой стороны, подобно тому, как Германия была заинтересована в разгроме Франции, так Австро-Венгрия – в поражении Сербии. Военные замыслы двуединой монархии базировались на ожидании вооруженного столкновения с Сербией и, вероятно, с Черногорией, которые в самом нежелательном для Вены случае получили бы поддержку России. В таких обстоятельствах Вена была заинтересована в том, чтобы или угрозой германского вмешательства, как это было в 1909 г., или активными действиями немецких войск на Восточном фронте ослабить угрозу Галиции со стороны России, что обеспечило бы тыл Дунайской монархии для победоносного похода на Сербию[268].

За 15 месяцев до начала войны начальник австро-венгерской контрразведки полковник Генштаба А. Редль выдал русским тщательно разработанные в Вене планы военных операций, вплоть до оперативных схем развертывания сил на сербском фронте и карт укреплений и крепостей в Галиции. Уличенный в измене, Редль покончил с собой, но армии его предательство обошлось дорого. В этом деле не все еще ясно. Австрийскому историку М. Раухенштайнеру не так давно удалось обнаружить в Российском государственном военно-историческом архиве секретные документы Генштаба Австро-Венгрии, к которым Редль не мог иметь доступа.

В записке Главного Управления российского Генерального штаба о вероятных планах военных действий стран Тройственного союза против России (по данным на 1 марта 1914 г.) отмечалось, что на боеготовность австро-венгерской армии большое влияние оказывала необходимость выделения значительных сил против Сербии и, возможно, Черногории. Еще совсем недавно полагали, что на южном фронте Австро-Венгрия будет использовать три корпуса (по сведениям за 1911–1912 гг.). Но после резкого усиления Сербии в результате Балканских войн в Вене решили направить туда еще три корпуса[269]. В записке Генштаба говорилось и о том, что с возрастанием напряженности в отношениях между Дунайской монархией и Сербией последней "придется считаться с возможностью нападения на нее Болгарии"[270].

В соответствии с договоренностью между Конрадом и Мольтке при относительно благоприятной для Вены ситуации на южном фронте главные силы Австро-Венгрии следовало развернуть в Восточной Галиции. Германское командование хотело оставить на востоке как можно меньше войск, и только политические соображения помешали ему эвакуировать Восточную Пруссию и произвести развертывание своих армий на Висле. Замысел же

Конрада состоял в немедленном наступлении двух австро-венгерских армий в северо-восточном направлении в глубь российской Польши. Это наступление прикрывалось с востока еще двумя армиями. По расчетам австро-венгерского командования, немцы должны были одновременно начать наступление из Восточной Пруссии в юго-восточном направлении, что имело бы общей целью окружение в "польском выступе" передовой группировки российских войск. Однако для реализации этого замысла в Восточной Пруссии не было сосредоточено достаточного количества немецких войск[271].

По плану стратегического развертывания, работа над которым велась с 1909 г., около 1,5 млн человек сухопутных войск монархии Габсбургов сосредоточивались в трех крупных группировках. "Эшелон А", включавший более половины общей численности австро-венгерской армии, был предназначен для военных действий против России и перебрасывался в Галицию до 19-го дня мобилизации. Его основное развертывание проводилось по линии рек Днестр и Сан, а затем вдоль границы на северо-запад до Вислы. Несколько бригад дислоцировались в районе Кракова[272]. Так называемая "Минимальная балканская группа" сосредоточивалась на 12-й день мобилизации на Южном фронте, против Сербии и Черногории. "Эшелон Б" размещался примерно на равном удалении от обоих фронтов. В случае войны с одной Сербией (без участия России) эта группировка получала подкрепление из "эшелона А" и выдвигалась одновременно с "минимальной балканской группой" на юго-восточную границу Австро-Венгрии. Ее развертывание происходило вдоль рек Сава и Дунай – с двух сторон от Белграда, по левому берегу реки Дрина до впадения ее в Саву и в Боснии между Сараево и границей Сербии. В задачу этих войск входил охват сербских войск с севера и с запада и их разгром.

В случае одновременной войны с Россией "эшелон Б" направлялся в Галицию вслед за "эшелоном А". Тогда группировка на Южном фронте значительно сокращалась. "Эшелон Б" подлежал переброске с Нижней Савы на Днестр. Таким образом, силы австро-венгерской армии были распределены между несколькими группировками, достаточно далеко расположенными друг от друга. В военных действиях против России левый фланг должен был наступать на север, затем повернуть на восток. Совместно с правым флангом Северо-Восточного фронта он имел целью нанести поражение группировке российских войск у Проскурова и отбросить их главные силы к Черному морю или к Киеву. Австрийское командование рассчитывало на одновременное наступление немцев из Восточной Пруссии[273].

Перед флотом Дунайской монархии стояла задача, опираясь на базы Пула и Каттаро (Котор), прикрывать фланги своих войск и акваторию Адриатического моря. В этом Вена могла рассчитывать на поддержку двух немецких крейсеров "Гебен" и "Бреслау", посланных в Средиземное море. На продолжавшихся в 1912–1914 гг. переговорах стран Тройственного союза о взаимодействии армий и флотов по инициативе итальянцев была подготовлена новая морская конвенция. Она вступила в силу 1 ноября 1913 г. и предусматривала при возникновении войны сосредоточение итальянских и австро-венгерских военно-морских сил в Мессинском проливе. Там к ним должны были присоединиться "Гебен" и "Бреслау" для совместных действий против французского флота, чтобы предотвратить его соединение с британским флотом и воспрепятствовать переброске французских колониальных

войск из Алжира во Францию. Рассматривался также вопрос о возможной высадке итальянских войск в устье Роны[274].

В ходе переговоров между тремя генеральными штабами 11 февраля 1914 г. итальянцы подтвердили ранее данное А. Поллио, шефом итальянского генштаба, обещание о посылке трех армейских корпусов и двух кавалерийских дивизий на Верхний Рейн для усиления левого фланга немецких войск, развертываемых против Франции. Однако это было лишь решением военных, которое могло вступить в силу только при наступлении casus foederis, т.е. обстоятельств, обязывающих Италию вступить в войну на стороне ее союзников. Констатация наличия таковых обстоятельств находилась уже в компетенции итальянского правительства. Мольтке полагал, что три итальянских корпуса все равно прибыли бы в Эльзас слишком поздно, однако после их присоединения к немецким войскам можно было бы перебросить несколько германских корпусов на Восточный фронт против России. Мольтке апеллировал к пониманию Конрадом сущности войны: сначала надо разбить "ближайшего и опаснейшего противника". Дилемма же заключалась в том, что для Австро-Венгрии Россия естественно являлась таким "ближайшим и опаснейшим противником". Его мощный натиск она должна была вначале выдержать почти в полном одиночестве[275].

Российский Генштаб учитывал возможность того, что благодаря своему более раннему развертыванию австро-венгерские войска могут вторгнуться на территорию России для выхода на главное оперативное направление Брест–Москва. Этому должно было способствовать продвижение немецких войск из Восточной Пруссии на фронт Олита–Гродно–Белосток–Мазовецк. Австрийское наступление на Брест обеспечивалось захватом района Дубно–Ровно и активными действиями из Галиции к югу от Полесья против войск Киевского военного округа[276]. Если же первый решающий удар Германия наносила по России, то, как полагали в российском Генштабе, это произошло бы в направлении на Петербург и Москву. Австро-венгерская армия могла оказать поддержку этой операции наступлением с юга на фронт Седлец–Брест. Но при этом сохранялась вероятность продвижения значительной части австро-венгерских войск на Киев[277].

Поступавшие в Берлин сведения говорили о том, что Россия и Франция еще не скоро будут готовы к войне, из чего там делалось заключение, что время работает против Германии[278]. По мнению Мольтке, летом 1914 г. Антанта не была готова к войне и *тогда* не хотела ее. Он оценивал военное положение Германии как чрезвычайно благоприятное, а потому выступал за превентивную войну[279]. Французское же командование со времени франко-прусской войны ориентировалось на оборону. Для этого на границе с Германией длиной около 270 км была построена мощная система укреплений, опиравшаяся на крепости Эпиналь, Туль и Верден. Между Эпиналем и Тулем умышленно оставили единственно возможный Шармский проход, который должен был стать стратегической ловушкой для продвигающихся фронтально немцев, где они и были бы разгромлены.

Возможность возникновения войны во время 2-го Марокканского кризиса привела летом 1911 г. к возобновлению переговоров между французским и британским генеральными штабами. В них участвовали начальник Генштаба французской армии генерал О. Дюбайль и шеф оперативного отдела британского военного министерства генерал Г. Вильсон. Подписанные

ими соглашения имели целью "определить новые условия участия английской армии в операциях французских армий на северо-востоке в случае войны с Германией". Была предусмотрена одновременная мобилизация французской армии и британского экспедиционного корпуса. Шесть английских дивизий должны были высадиться в Гавре и расположиться на крайнем левом фланге французской армии по линии Бюзиньи–Ирсон–Мобеж, вдоль бельгийской границы. Это соответствовало наступательной концепции генерала Ф. Фоша, занявшего пост главнокомандующего французской армии в кульминационный момент 2-го Марокканского кризиса. Согласно новой установке французским войскам предписывалось прорвать слабый германский левый фланг, перейти Рейн у Майнца и таким образом отрезать войска германского правого фланга, вторгшиеся в Бельгию[280].

Окончательно наступательный характер французской стратегии придал генерал Ж. Жоффр, занимавший пост начальника Генштаба в 1911–1914 гг. Он исходил в своих стратегических расчетах из союза с Россией и с Британией[281]. Центральное место в размышлениях Жоффра о войне с Германией занимала проблема бельгийского нейтралитета. В 1912 г. он тщетно добивался согласия политического руководства страны на вступление французской армии в Бельгию. Об этом не удалось договориться и с англичанами. В известном французском "плане № 17" (1912 г.) предусматривалось "наступление во что бы то ни стало" именно в Лотарингии, а не в Бельгии, так как в противном случае Лондон не оказал бы Парижу поддержки[282]. Стремясь непременно опередить немцев в сосредоточении на границе, Жоффр предполагал вторгнуться в Лотарингию на фронте между Мецем и Саарбургом, причем он заранее отказывался от взятия Меца, который будет обложен дислоцированными на левом фланге французскими войсками. На правом фланге предусматривалась активная оборона Вогезов вплоть до швейцарской границы[283]. "План № 17", в котором содержались различные варианты наступления немецких войск, 15 апреля 1914 г. был введен в действие.

Проводившиеся с 1905 г. переговоры между французским и английским главными морскими штабами привели к заключению военно-морской конвенции, в соответствии с которой Франция концентрировала свой флот в Средиземном море, а Британия – у берегов метрополии и принимала на себя защиту Атлантического побережья Франции в случае войны с Германией. По настоянию Парижа результаты переговоров были зафиксированы путем обмена письмами между Э. Греем и П. Камбоном 22 и 23 ноября 1912 г., т.е. в период особой международной напряженности во время первой Балканской войны. В письмах говорилось, что решение о вооруженной поддержке может приниматься только правительствами обоих государств, которые должны определить, в какой мере подлежат реализации планы генеральных штабов. В мае 1914 г. копии этих писем были переданы Бенкендорфу. Они должны были послужить основой для разработки англо-русской морской конвенции, секретные переговоры о которой проходили в Лондоне в июне-июле 1914 г.[284]

Россия претендовала на использование британских баз в Восточном Средиземноморье. Туда собирались перебросить основную группу кораблей Балтийского флота, чтобы иметь возможность силой открыть Черноморские проливы с двух сторон. Такая передислокация судов должна была обеспечить преобладание в Средиземном море военно-морских сил стран Антанты

над итальянским и австрийским флотами. При этом возникал вакуум в Балтийском море. Для его заполнения Петербург предлагал направить туда английские торговые суда, чтобы с их помощью осуществить высадку российского сухопутного десанта в Померании. Об этих замыслах Берлин был информирован германским шпионом секретарем российского посольства в Лондоне балтийским немцем Б. фон Зибертом. Заключить морскую конвенцию Британия и Россия так и не успели. Вплоть до начала мировой войны между ними не существовало общеполитических и военных соглашений. Вместе с тем еще во время визита Сазонова в Лондон в сентябре 1912 г. англичане ему заявили, что Британия не останется в стороне, если Франция окажется в состоянии войны с Германией. Грей заверил Сазонова, что Берлин не добьется от Лондона обязательства соблюдать нейтралитет[285].

Промышленный подъем 1909–1913 гг. и несколько урожайных лет привели к росту накоплений в России, что позволило выделять больше средств на усиление армии и флота. В 1912 г. в Петербурге были утверждены новые директивные указания для стратегического развертывания, принципиально отличавшиеся от плана 1910 г., преследовавшего только оборонительные цели. Развертывание вновь переносилось с линии Белосток–Брест на запад, где главное значение придавалось Передовому театру и крепостям на Висле. Часть границы России, далеко выступавшая на запад, имела очертания четырехугольника высотой в 400 км с основанием в 360 км, который именовался Передовым театром и давал возможность наступать вглубь Германии и Австро-Венгрии. Но к началу войны на территории Царства Польского так и не удалось восстановить разоруженные по распоряжению военного министра Сухомлинова привислинскую и наревскую оборонительные линии и построить новые крепости. На этом направлении сохранились лишь три укрепленных района – Новогеоргиевск, Брест-Литовск и Осовец[286].

В новых директивных указаниях были определены два варианта военных действий: нанесение главного удара по Австро-Венгрии (план "А") или по Германии (план "Г"). Вместо фронтального наступления, являвшегося прямым результатом развертывания согласно плану 1910 г., намечался охват с двух сторон Восточной Пруссии или Галиции. Задача осложнялась недостаточным развитием стратегических железных дорог в России. Вследствие этого на 16-й день мобилизации, когда Германия, Австро-Венгрия и союзная Франция завершали сосредоточение своих войск, Россия могла развернуть только треть сухопутных сил[287].

Если бы Германия совместно с Австро-Венгрией направила главные силы против России, то предусматривалось развертывание армии по варианту "Г", в соответствии с которым бóльшая часть русских войск выступала против Германии. Если же свои основные силы Берлин бросал против Франции, то российское командование должно было двинуть преобладающее количество войск против Австро-Венгрии, сосредоточив их южнее Полесья, разделяющего на северную и южную части российское приграничье. Здесь стратегической целью русской армии являлся захват Вены и Будапешта. Но до этого ей предстояло разгромить австро-венгерскую группировку в Галиции. Одновременно российские войска развертывали наступление и против Германии, чтобы вынудить германское командование перебросить на Восточный фронт часть своих сил с запада. Таким образом, российские войска должны были вести военные действия одновременно с обеими Центральными державами[288].

Переписка между Парижем и Петербургом во время Балканских войн свидетельствовала о том, что Франция была готова воевать. Россия, таким образом, не должна была остаться в одиночестве в защите своих интересов на Балканах. Правящие круги Франции решили ни в коем случае не уклоняться в сложившейся ситуации от войны, о чем сообщил в своем донесении российский военный агент в Париже полковник А.А. Игнатьев[289].

После введения Петербургом в действие новых директивных указаний начальники французского и русского генштабов еще дважды проводили совещания в Париже. На совещании в августе 1912 г. констатировалось, что политическое понятие оборонительной войны не должно означать ее ведения оборонительными методами. Подтверждалась безусловная необходимость активных наступательных действий и российской, и французской армий[290]. Жоффр сообщил новые данные о решении германского командования нанести первый и главный удар по Франции, а уже затем по России. По его мнению, союзники должны были противопоставить замыслам Берлина одновременное наступление на Германию с запада и с востока. Для этого Франция намерена сосредоточить на границе с Германией группировку войск, насчитывающую 1 300 000 человек (упоминались и 1,5 млн человек). Жилинский, заявив, что хотя Россия не может позволить себе неудачи на австрийском фронте, однако она готова развернуть на германской границе не менее 800 тыс. человек и начать наступление после 15-го дня мобилизации. Но, как отмечал Зайончковский, Россия могла располагать на границе с Германией к этому времени только 350 тыс. бойцов, а на 40-й день мобилизации не более чем 550 тыс.[291].

На совещании было принято решение дислоцировать основные силы российской армии таким образом, чтобы при сосредоточении немецких войск в Восточной Пруссии перейти в наступление на Алленштейн или маневрировать на левом берегу Вислы, если противник проведет сосредоточение в районе Торн–Познань, чтобы наступать на Берлин. Для ускорения концентрации российских войск французы потребовали строительства ряда железнодорожных линий или удвоения их колеи. Ради этой цели французское правительство готово было ежегодно предоставлять России государственные займы[292].

По плану “А”, принятому в России к исполнению в 1914 г., Северо-Западный фронт, предназначенный для ведения боевых действий с Германией, развертывался на линии Шавли–Ковно, по рекам Неман, Нарев и Западный Буг. Его задачей являлся разгром германской группировки в Восточной Пруссии посредством обхода Мазурских озер с севера и с запада и овладение плацдармом для дальнейшего наступления. Против Австро-Венгрии создавался Юго-Западный фронт на рубеже Ивангород–Люблин–Холм–Дубно–Проскуров. Ему предписывалось нанести поражение австро-венгерской армии и воспрепятствовать ее отходу на юг за Днестр и на запад к Кракову[293]. Более половины, 52% вооруженных сил направлялись против Дунайской монархии, что было правильно, но недостаточно, 33% – против Германии, а 15% размещались на Балтийском побережье и у румынской границы. Войска Северо-Западного фронта были равномерно распределены между Неманской и Наревской группами, Юго-Западного фронта – между Ивангород-Брестской и Ровно-Проскуровской группами. В представленной дислокации явно просматривается стремление прикрыть войсками все направле-

ния, распределив их вдоль границы длиной в 2600 км. Это свидетельствовало о значительной распыленности вооруженных сил России[294]. Был разработан и стратегический план войны с Турцией.

Еще в апреле 1911 г. морской министр Григорович представил Николаю II проект "Закона об императорском Российском флоте", рассчитанного на два десятилетия. Первым этапом его выполнения являлась программа усиления Балтийского флота. При утверждении этой программы Государственной думой в марте 1912 г. министр ссылался на быстрое развитие германских военно-морских сил и указывал на необходимость создания оперативно-способного Балтийского флота к 1916–1917 гг. Фактически строительство Балтийского флота происходило за счет Черноморского, постепенно утрачивавшего свое превосходство над турецким флотом. В мае 1911 г. Дума ассигновала значительные средства на постройку нескольких кораблей, включая три линкора, на Черном море со сроком завершения работ в 1915–1917 гг. Однако после Балканских войн появились сведения о предстоящем к концу 1914 – середине 1915 г. пополнении военного флота Османской империи несколькими линейными кораблями[295]. В начале 1914 г. Сазонов писал Извольскому: "Страшно подумать, что турки к концу года будут сильнее нас на Черном море. Еще год тому назад я бы этому не поверил, а теперь это почти совершившийся факт"[296].

Летом 1913 г. Сазонов и Григорович предложили разработать план решения проблемы Черноморских проливов в интересах России в 1918–1919 гг. Основой плана стала идея повышения боеспособности Черноморского флота и подготовки десанта для занятия Босфора при появлении там вооруженных сил какой-либо третьей державы. Этому должна была способствовать переброска части Балтийского флота в Средиземное море на французскую базу Бизерта, что стало возможным благодаря заключению в 1912 г. франко-русской морской конвенции. "Программу усиления Черноморского флота" Государственная дума и Госсовет утвердили в июне 1914 г.[297] Перед войной Россия вышла на третье место в мире по расходам на флот, разумеется, далеко отставая в морском соперничестве от Британии и Германии.

Принимавшая все бóльшие масштабы гонка сухопутных и морских вооружений великих европейских держав и связанный с этим рост бюджетных ассигнований на развитие армии и флота свидетельствовали о реальной перспективе возникновения большой войны, угрожавшей выйти за пределы континента.

7 апреля 1913 г. при обсуждении в рейхстаге военного законопроекта Бетман-Гольвег произнес речь, в которой необходимость увеличения германской армии обосновывал угрозой, исходящей от панславизма, говорил о расовых противоречиях и враждебных отношениях между германцами и славянами, о росте антигерманских настроений во Франции. "Наша верность Австро-Венгрии идет дальше дипломатической поддержки", – заявил он. Выступление рейхсканцлера вызвало большую тревогу в Европе[298]. Незадолго до войны в ответ на расширение личного состава российских войск Германия произвела последнее крупное увеличение своих сухопутных вооруженных сил до 1915 г. на 136 тыс. человек. При возникновении мировой войны численность германской армии мирного времени достигала 748 тыс. человек[299].

В Австро-Венгрии в 1912 г. ежегодный контингент новобранцев возрос со 103 тыс. до 150 тыс. человек, а в марте 1914 г. – до 205 тыс. человек. К концу 1913 г. сухопутные вооруженные силы Дунайской монархии составили 460 тыс. человек. Деникин в воспоминаниях отмечал, что в России австро-венгерская армия оценивалась "неизмеримо ниже германской, а разноплеменный состав ее со значительными контингентами славян представлял явную неустойчивость". Тем не менее для разгрома этой армии было предусмотрено развертывание 16 армейских корпусов против вероятных 13 австрийских[300].

В России проект развития армии, разработанный Генеральным штабом, был 6 марта 1913 г. одобрен Особым совещанием под председательством Николая II. Вскоре была подготовлена "Малая программа усиления армии", рассчитанная на пять лет. 10 июля 1913 г. она стала законом. В октябре того же года Генштаб завершил составление "Большой программы усиления армии", подлежавшей исполнению к 1 ноября 1917 г. Армию в мирное время предполагалось увеличить путем расширения контингента призывников на 39%. При этом ее численность по сравнению с 1913 г. возрастала на 480 тыс. человек и должна была составить в конечном счете 1,8 млн человек. Сухомлинов огласил программу в Думе 24 июня 1913 г., а силу закона она обрела за три недели до начала мировой войны. Особое внимание в программе уделялось артиллерии, прежде всего тяжелой, где отставание российской армии было значительным. На реализацию программы требовалось ассигновать почти полмиллиарда рублей[301].

Обосновывая "Большую программу", Генштаб исходил из того, что победа в войне в значительной мере зависит от результатов первых столкновений, успех которых позволит вести быстрое наступление. Его материальным обеспечением должны были служить созданные заранее запасы вооружения, боеприпасов и снаряжения, которые впоследствии оказались недостаточными. Из стран Антанты по темпам увеличения военных расходов Россия стояла на первом месте. С 1908 по 1913 г. они возросли почти в 1,5 раза. В Берлине располагали информацией о внушительных масштабах предстоявшего укрепления российской армии. Там утверждались в мысли о необходимости поспешить с войной, чтобы, в частности, упредить осуществление российской военной программы[302].

Нечто подобное происходило и во Франции. Увеличение германской армии вызвало там подъем патриотических и националистических настроений. Когда в Париже в начале 1913 г. стали известны подробности германского военного законопроекта, правительство поддержало предложение Генштаба о продлении срока службы для всех родов войск с двух до трех лет. Эта мера частично "компенсировала" увеличение немецких сухопутных вооруженных сил. Французы не могли расширить призыв в армию ввиду отсутствия прироста населения[303]. 6 марта 1913 г. законопроект был представлен в палату депутатов. Четыре месяца продолжались острые дебаты, прежде чем он был принят. Сторонники законопроекта ссылались на проходившее одновременно в рейхстаге обсуждение законопроекта об увеличении немецкой армии. Германское же правительство пыталось представить свой законопроект как ответ на введение 3-летнего срока службы во Франции[304].

В 1914 г. французская армия насчитывала 750 тыс. человек, столько же, сколько и германская, однако при этом население Франции было наполовину

меньше, чем в Германии. В Берлине делали выбор в пользу превентивной войны, ибо полагали, что уже совсем скоро, в 1916, самое позднее в 1917 г., российская и французская армии вместе стали бы настолько сильны, что Германия лишилась бы всяких шансов выиграть войну на два фронта. Между тем в 1914 г. обе потенциально враждебные Германии армии еще пребывали в состоянии реорганизации, т.е. пониженной боеготовности[305].

Результаты гонки вооружений европейских великих держав наиболее наглядно проявились в состоянии артиллерии, считавшейся ударной силой армии. Так, в России стали выделяться значительные средства на осуществление подлежавшей завершению к 1921 г. программы развития тяжелой артиллерии, а укрепление крепостей и обеспечение их соответствующей артиллерией намечалось закончить лишь в 1930 г. К началу мировой войны российские вооруженные силы располагали 7088 орудиями, т.е. необходимым количеством согласно мобилизационному расписанию. Франция имела на вооружении 4300 орудий. Однако потенциальные противники превосходили их как по общему количеству орудий (у Германии – 9388, у Австро-Венгрии – 4088), так и по тяжелой артиллерии. На вооружении германской армии было 3260 тяжелых орудий, австро-венгерской – около 1000, в то время как у России всего 240 тяжелых орудий, а во Франции тяжелая артиллерия еще только зарождалась. По огневой мощи германская дивизия в полтора раза превосходила российскую. Однако следует принять в расчет, что по уровню боевой подготовки русские артиллеристы считались лучшими в Европе. Все участники надвигавшейся войны рассчитывали на ее скоротечность и создали весьма ограниченные запасы артиллерийских снарядов[306].

Британия со времени пребывания Холдена на посту военного министра в 1905–1912 гг. продолжала укреплять сухопутные вооруженные силы и наращивать мощь своего флота, сосредоточив большую часть линейных кораблей в прибрежных водах метрополии. К зиме 1912–1913 гг. английские верфи были перегружены военными заказами. Ассигнования на строительство военного флота создали перенапряжение в британском бюджете. Это, казалось бы, открывало перспективы для англо-германского морского соглашения. Годом раньше военно-морской министр Черчилль предложил установить соотношение британских и германских линейных кораблей 16 : 10. Однако Тирпиц ловко уклонился от прямого ответа Лондону. В марте 1913 г. Черчилль выступил с предложением приостановить на год строительство флота, тщетно повторив его в октябре того же года[307].

Поскольку каждый новый международный кризис способствовал дальнейшему увеличению потенциала напряженности, после проявленной Берлином в июле 1914 г. готовности к ведению континентальной войны больше уже не существовало возможностей для компромиссов, когда различные по своей сути конфликтные ситуации слились воедино. Так предвоенные кризисы, начиная с 1-го Марокканского, оказались этапами в подготовке механизмов на случай реальной угрозы (как это произошло в июле 1914 г.), соответственно на Западе и Востоке/Юго-Востоке, по периметру будущих главных фронтов первой мировой войны[308].

Значение сугубо эгоистического политического, экономического и военно-стратегического "интереса" становилось решающим для развития союзнических отношений и связанного с ними военно-стратегического планирования. Так, не "верность Нибелунгов" играла роль в отношении Германии

к Австро-Венгрии, а функция этого союзника в германских геополитических расчетах. И, разумеется, дело было не в "братстве по оружию" республиканской Франции с царской Россией, а в способности российской армии отвлечь на себя крупные силы немцев в момент нанесения Германией главного удара в западном направлении. В ходе взаимодействия между правящими кругами и военными верхами гражданские власти все больше оказывались под влиянием военного руководства, в сущности игравшего инициативную роль в принятии судьбоносных для многих государств и народов решений[309].

Обманчивое спокойствие начала лета 1914 г. завершилось покушением в Сараево. Оно выдвинуло на авансцену сложнейший комплекс международных проблем, который привел к перерастанию локального европейского конфликта в мировую войну.

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 241–242.

[2] *Покровский М.Н.* Империалистская война. Сб. статей. М., 1934. С. 403, 407. См.: *Козенко Б.Д.* Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 6–7.

[3] *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935.

[4] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 125–126.

[5] *Gooch G.P.* Before the War. L., 1938. Vol. II. P. 284.

[6] *Фей С.* Происхождение мировой войны. М.; Л., 1934. Т. I. С. 19.

[7] Там же. С. 22–23; см.: *Ерусалимский А.С.* Германский империализм: История и современность. (Исследования, публицистика). М., 1964. С. 180–194.

[8] Цит. по: *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. М., 1962. С. 153.

[9] *Jäger W.* Historische Forschung und politische Kultur in Deutschland. Die Debatte 1914–1980 über den Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Göttingen, 1984. S. 23, 35–37.

[10] *Rassow P.* Schlieffen und Holstein // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 173. S. 299 f.

[11] *Jäger W.* Op. cit. S. 81.

[12] *Oncken H.* Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkrieges. Leipzig, 1933. Bd. 1–2.

[13] Ibid. Bd. 2. S. 827 f.

[14] Ibid. Bd. 2. S. 822, 829 f.; *Jäger W.* Op. cit. S. 83.

[15] *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. М.; Л., 1927. С. 257.

[16] Там же. С. 257–258.

[17] *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 5.

[18] Там же.

[19] *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 197.

[20] Там же. С. 197–198.

[21] Там же. С. 199–201.

[22] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 221–222.

[23] Там же. С. 223.

[24] *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 585–586.

[25] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А.В. Игнатьев. М., 1999. С. 10; см. также: *Урибес Санчес Э.* Современная французская историогра-

фия происхождения первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 33–45.

26 Histoire diplomatique de l'Europe (1871–1914). P., 1929. T. I–II. См. также: *Renouvin P.* Les origines immédiates de la guerre. 28 juin – 4 août 1914. P., 1925; *Idem.* La crise européenne et la grande guerre (1904–1918). P., 1934.

27 Histoire des relations internationales. P., 1952–1958. Vol. I–VIII.

28 История внешней политики России... С. 10; *Виноградов К.Б.* Указ. соч. С. 315–317.

29 *Taylor A.* The Struggle for Mastery in Europe. 1848–1918. Oxford, 1957 (рус. пер.: *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958).

30 *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 521, 523; *Виноградов К.Б.* Указ. соч. С. 324.

31 См.: *Виноградов К.Б.* Указ. соч. С. 337–340; *Он же.* Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988, № 4. С. 175–179; *Виноградов К.Б., Евдокимова Н.П.* Фриц Фишер и его школа // Новая и новейшая история. 1979. № 3; *Geiss I.* Die Fischer-Kontroverse. Ein kritischer Beitrag zum Verhältnis zwischen Historiographie und Politik in der Bundesrepublik // Idem. Studien über Geschichte und Geschichtswissenschaft. Frankfurt / M., 1972; *Schöllgen G.* Griff nach der Weltmacht? 25 Jahre Fischer-Kontroverse // Historisches Jahrbuch 1986. S. 386–406.

32 *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1961; *Idem.* Weltmacht oder Niedergang. Deutschland im ersten Weltkrieg. Frankfurt/M., 1965; idem. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969, 1978; *Idem.* Der Erste Weltkrieg und das deutsche Geschichtsbild: Beiträge zur Bewältigung eines historischen Tabus. Aufsätze und Vorträge aus drei Jahrzehnten. Düsseldorf, 1977; *Idem.* Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland 1871–1945. Düsseldorf, 1979.

33 *Jäger W.* Op. cit. S. 146.

34 *Mommsen W.* Der europäische Imperialismus. Aufsätze und Abhandlungen. Göttingen, 1979. S. 207.

35 *Bodelsen C.* Studies in Mid-Victorian Imperialism. London; Kopenhagen, 1924. P. 114.

36 См.: *Dilke Ch.* The Greater Britain. L., 1868. Vols. 1–2; *Idem.* Problems of Greater Britain. L., 1890. Vols. 1–2; *Seely J.R.* Expansion of England. L., 1883; *Idem.* The Growth of British Policy. Cambridge, 1903. Vols. 1–2. См. также: *Богомолов С.А.* Имперская идея в Великобритании в 70–80-е годы XIX века. Ульяновск, 2000.

37 *Coates T.* Lord Rosebery: His Life and Speeches. L., 1900. Vol. 2. P. 778.

38 *Hallgarten G.* Der Imperialismus in der historischen Diskussion des Westens nach dem Zweiten Weltkrieg // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von I.Geiss, B.Wendt. Düsseldorf, 1974. S. 419.

39 См. подробнее: *Карлинер М.М.* Джон Гобсон: легенда и действительность // Проблемы британской истории. 1974. М., 1974. С. 148–167; *Осипова И.Н., Парфенов И.Д.* "Реабилитация" теории империализма Д. Гобсона в современной английской историографии // Новая и новейшая история: Межвузовский сборник. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 62–72.

40 См.: *Евзеров Р.Я.* Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 43–63.

41 *Hallgarten G.* Der Imperialismus in der historischen Diskussion... S. 419.

42 Ibid. S. 420.

43 Ibid. S. 420–421.

44 *Mommsen W.* Op. cit. S. 210.

45 *Mommsen W.* Der moderne Imperialismus als innergesellschaftliches Phänomen. Versuch einer universalgeschichtlichen Einordnung // Der moderne Imperialismus / Hrsg. und eingel. von W. Mommsen. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1971. S. 13.

46 Ibid. S. 9.

47 *Mommsen W.* Der europäische Imperialismus. S. 214.

[48] *Thobie J.* Les intérêts économiques, financiers et politiques francais dans la partie asiatique de l'Empire Ottoman de 1895 à 1914. Lille, 1973. T. I.

[49] *Geyer D.* Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. Göttingen, 1977. S. 12.

[50] Ibid.

[51] *Wehler H.-U.* Der amerikanische Imperialismus vor 1914 // Der moderne Imperialismus. S.173.

[52] *Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973. S. 50, 173.

[53] Imperialismus / Hrsg. von H.-U.Wehler. Köln; Berlin, 1970. S. 21, 25; *Wehler H.-U.* Das deutsche Kaiserreich. S. 172, 174.

[54] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 366.

[55] Цит. по: *Mommsen W.* Der europäische Imperialismus. S. 64.

[56] *Бухарин Н.И.* Мировое хозяйство и империализм: (Экономический очерк). М., 1923. С. 137.

[57] *Gutsche W.* Zur Imperialismus-Apologie in der BRD. "Neue" Imperialismusdeutungen in der BRD-Historiographie zur deutschen Geschichte 1898 bis 1917. B., 1975. S. 56.

[58] См.: *Alter P.* Der Imperialismus. Grundlagen, Probleme, Theorien. Stuttgart, 1979; *Gallagher J., Robinson R.* Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. L., 1983; *Girault R.* Diplomatie européenne et impérialisme: 1871–1914. P., 1979; *Schöllgen G.* Das Zeitalter des Imperialismus. München, 1986; *Smith W.* European Imperialism in the Nineteenth and Twentieth Centuries. Chicago, 1982, etc.

[59] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 42.

[60] Там же. С. 43–44.

[61] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe: Die Vorgeschichte des Ersten Weltkriegs. 1815–1914. München; Zürich, 1991. S. 192.

[62] Ibid. S. 191–192.

[63] См.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974; *Ерусалимский А.С.* Бисмарк как дипломат (Вступительная статья) // *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. I; *Манфред А.З.* Образование русско-французского союза. М., 1975; *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993; *Fellner F.* Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 1960; *Nolde B.* L'Alliance Franco-Russe: Les origines du système diplomatique d'avant-guerre. P., 1936.

[64] *Ерусалимский А.С.* Германский империализм. С. 124.

[65] См.: *Сокольская Н.Ф.* Строительство военно-морского флота в Германии и англо-германские противоречия конца XIX – начала XX века // Ежегодник германской истории. 1986. М., 1987. С. 74–99; *Padfield P.* The Great Naval Race. Anglo-German Naval Rivalry. 1900–1914. N.Y., 1974; *Woodward E.L.* Great Britain and the German Navy. N.Y., 1935; *Kennedy P.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914. L., 1980.

[66] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 130.

[67] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 276–277.

[68] *Massie R.* Die Schalen des Zorns. Großbritannien, Deutschland und das Heraufziehen des Ersten Weltkrieges. Frankfurt / M., 1993.

[69] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 405; *Jagow G. von.* England und der Kriegsausbruch. Eine Auseinandersetzung mit Lord Grey. B., 1925.

[70] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 152.

[71] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 272–273.

[72] Там же. С. 272.

[73] *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 45–46.

[74] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 536–537.

[75] *Gutsche W.* Monopole, Staat und Expansion vor 1914: Zum Funktionsmechanismus zwischen Industriemonopolen, Groβbanken und Staatsorganen in der Außenpolitik des Deutschen Reiches 1897 bis Sommer 1914. B., 1986. S. 231–239.

[76] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 539–540.

[77] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 405; *Пуанкаре Р.* Происхождение мировой войны. М., 1924; *Keiger J.* France and the Origins of the First World War. L., 1983.

[78] См.: *Jaffé F.* Zwischen Deutschland und Frankreich: Zur elsässischen Entwicklung. Stuttgart, 1931.

[79] См.: *Бовыкин В.И.* Очерки истории внешней политики России (конец XIX века – 1917 год). М., 1960; *Lieven D.* Russia and the Origins of the First World War. L., 1983; *Vogel B.* Deutsche Rußlandpolitik: Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900–1906. Düsseldorf, 1973; *Macfie A.* The Straits Question 1908–1936. Thessaloniki, 1993. P. 33–43.

[80] *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 178–179.

[81] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 406.

[82] История внешней политики России... С. 106–108.

[83] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 629; См. также: *Шацилло К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. М., 1974.

[84] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 542–545, 629.

[85] См.: Там же. С. 634, 636, 653; *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. М., 1968; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 279–280.

[86] *Gutsche W.* Einleitung // Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus. 1897/98 bis 1917: Dokumente zur innen- und aussenpolitischen Strategie und Taktik der herrschenden Klassen des Deutschen Reiches. B., 1977. S. 30–31.

[87] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 209.

[88] Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts Admiral Georg von Müller über die Ära Wilhelms II. / Hrsg. von W. Görlitz. Berlin; Frankfurt / M.; Zürich, 1965; см. также: *Röhl J. von.* Deutschland ohne Bismarck: Die Regierungskrise im zweiten Kaiserreich. 1890–1900. Tübingen, 1969. S. 150–152.

[89] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme (далее – GP). Bd. I–XL. B., 1922–1927. Bd. XIV. № 3725. Anm.

[90] См.: *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 210.

[91] *Hubatsch W.* Die Ära Tirpitz: Studien zur deutschen Marinepolitik 1890–1918. Berlin; Frankfurt / M., 1955. S. 34; *Ерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 366–382.

[92] *Bülow B.* Denkwürdigkeiten. B., 1930. Bd. I. S. 258.

[93] *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за "место под солнцем". Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX вв. М., 1991. С. 54.

[94] *Бондаревский Г.Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX в.). М., 1968. С. 23.

[95] См.: *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 374.

[96] *Kuszynski J.* Studien zur Geschichte der Weltwirtschaft. B., 1952. S. 81.

[97] *Rosendorff R.* Le développement des banques allemandes à l'étranger // Revue économique internationale. 1906. Vol. 4. Oct. P. 90. См. также: *Туполев Б.М.* Монополистический капитал и экспансия Германии в конце XIX – начале XX века // Ежегодник германской истории 1978. М., 1979. С. 227–255.

[98] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 208.

[99] *Ерусалимский А.С.* Германский империализм. С.139. См. также: *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война: Пролог XX в. / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998 (далее – Пролог...). С. 537–554.

[100] *Wormer K.* Grossbritannien, Russland und Deutschland: Studien zur britischen Weltreichpolitik am Vorabend des ersten Weltkrieges. München, 1980. S. 38.

[101] *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 169.

[102] Международная торговля. М., 1954. С. 513–514.

[103] *Хвостов В.М.* Предисловие // Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 11.

[104] *Kennedy P.* Maritime Strategieprobleme der deutsch-englischen Flottenrivalität // Marine und Marinepolitik im kaiserlichen Deutschland 1871–1914. Düsseldorf, 1972. S. 180–181.

[105] *Туполев Б.М.* Кайзеровский военно-морской флот рвется на океанские просторы (конец XIX – начало XX в.) // Новая и новейшая история. 1982. № 3. С. 134–135.

[106] *Bacon R.H.* The Life of Lord Fisher of Kilverstone. L., 1929. Vol. I. P. 277, 282, 296–298; *Лихарев Д.В.* Указ. соч. С. 541.

[107] *Woodward E.L.* Op. cit. P.106–107; Kaulisch B. Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenpolitik. B., 1982. S. 131, 135–136.

[108] *Фурсенко А.А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895–1900. М.; Л., 1956.

[109] *Исии К.* Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 30–44.

[110] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 276.

[111] Там же. С. 277.

[112] *Monger G.* The End of Isolation: British Foreign Policy 1900–1907. L., 1963.

[113] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 221–222.

[114] Ibid. S. 223; *Minrath P.* Das englisch-japanische Bündnis von 1902. Stuttgart, 1933.

[115] *Гейдорн Г.* Монополии–Пресса–Война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке первой мировой войны. М., 1964. С. 192–197; Drang nach Afrika: Die deutsche koloniale Expansionspolitik und Herrschaft in Afrika von den Anfängen bis zum Verlust der Kolonien / Hrsg. von H. Stoecker. B., 1991. S. 113–120.

[116] *Williamson S.R.Jr.* The Politics of Grand Strategy. Britain and France Prepare for War. 1904–1914. Cambridge (Mass.), 1969.

[117] *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 198–200.

[118] *Ganiage J.* L'expansion coloniale de la France sous la Troisième République 1871–1914. P., 1968.

[119] *Andrew Ch.* Théophile Delcassé and the Making of the Entente Cordiale: A Reappraisal of French Foreign Policy 1898–1905. London; Melbourne; Toronto, 1968.

[120] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 393–395; *Bates D.* The Fashoda Incident of 1898: Encounter on the Nile. Oxford, 1984; *Guillen P.* L'expansion 1881–1898. P., 1984.

[121] См.: *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч. С. 519–521, 532–533.

[122] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 416; Miège *J.-L.* L'impérialisme colonial italien de 1870 à nos jours. P., 1968.

[123] *Фей С.* Указ. соч. С. 114–115; *Newton, Lord.* Lord Lansdowne, a Biography. L., 1929.

[124] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 127–128.

[125] Там же. С. 129–130; *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 205–207.

[126] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 281–282.

[127] *Bülow B. von.* Op. cit. Bd. I. S. 581.

[128] Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М., 1923. С. 49, 53, 55, 59, 65.

[129] *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 168.

[130] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 227; *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947.

[131] *Renouvin P.* La crise européenne et la grande guerre. P. 78.

[132] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 229.

[133] *Vogel B.* Op. cit. S. 174, 178.

[134] Ibid. S. 183.

[135] См.: Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 70; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 135; *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 175–176; История дипломатии. М., 1945. Т. II. С. 167–168; *Vogel B.* Op. cit. S. 206.

[136] *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 126–129; *Vogel B.* Op. cit. S. 223.

[137] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 335.

[138] *Vogel B.* Op. cit. S. 224.

[139] *Schlarp K.-H.* Ursachen und Entstehung des Ersten Weltkriegs im Lichte der sowjetischen Geschichtsschreibung. Hamburg, 1971. S. 70 f.

[140] *Vogel B.* Op. cit. S. 233–234.

[141] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 242; *Williamson F.T.* Germany and Morocco before 1905. Baltimore, 1937.

[142] Drang nach Afrika. S. 211.

[143] Weltherrschaft in Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. B., 1975. S. 60.

[144] *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 252. См. также: *Хальгартен Г.* Указ соч. С. 317; *Raulff H.* Zwischen Machtpolitik und Imperialismus 1904–1906. Düsseldorf, 1976; *Vogel B.* Op. cit. S. 235.

[145] *Gamiage J.* Op. cit.; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 312–313, 320; *Anderson E.* The First Moroccan Crisis 1904–1906. Chicago, 1930.

[146] *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 223.

[147] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 314–315.

[148] *Bülow B. von.* Op. cit. B., 1931. Bd. II. S. 110f; *Rosen F.* Aus einem diplomatischen Wanderleben. B., 1931. S. 132 f.

[149] См.: *Guillen P.* L'Allemagne et le Maroc de 1870 à 1905. P., 1967; Drang nach Afrika. S. 213–214.

[150] Подписанный участниками конференции трактат см.: Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. С. 345–385; *Tardieu A.* La conférence d'Algéciras. P., 1907; *Rüdiger G. von.* Die Bedeutung der Algeciras-Konferenz unter Berücksichtigung der europäischen Marokkopolitik bis zur endgültigen Lösung der Marokkofrage. München; Leipzig, 1920.

[151] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 244.

[152] *Гейдорн Г.* Указ. соч. С. 268; *Anderson E.* Op. cit. P. 397–398.

[153] См.: Handbuch der Verträge 1871–1964: Verträge und andere Dokumente aus der Geschichte der internationalen Beziehungen / Hrsg. von H. Stoecker. B., 1968.

[154] См.: Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. С. 386–394; *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Саратов, 1977; *Churchill R.P.* The Anglo-Russian Convention of 1907. Cedar Rapids, 1939; *Monger G.* Op. cit.

[155] *Фурсенко А.А.* Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы – 1918 г. М.; Л., 1965. С. 396.

[156] Фей С. Указ. соч. Т. I. С. 259.

[157] *Schöllgen G.* Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage 1871–1914. München, 1984. S. 248; *Markov W.* Serbien zwischen Österreich und Russland. 1897–1908. Stuttgart, 1934. S. 50.

[158] *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог первой мировой войны. Л., 1964. С. 63–66; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 411–413; *Gross H.*

Mitteleuropäische Handelspolitik 1890–1938 und der Donauraum // Der Donauraum. Wien, 1962. H. 2–3. S. 103.

159 GP. Bd. XXV/II. S. 297 (Anm). См. также: *Истягин Л.Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979.

160 *Carlgren W.* Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkanpolitik 1906–1908. Uppsala, 1955. S. 218 f.

161 См.: *Pribram A.* Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns, 1879–1914. Wien, 1920. S. 269. Возможным вариантом Дунайско-Адриатической магистрали считалось направление Прахово–Ниш–Митровица–Скутари. См.: *Markov W.* Op. cit. S. 13.

162 История внешней политики России... С. 224–225.

163 *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис. С. 46–47.

164 *Лиддель-Гарт Б.* Правда о войне 1914–1918 гг. М., 1935. С. 17.

165 История внешней политики России... С. 234. См. также: *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 260–265.

166 История дипломатии. М., 1963. Т. II. С. 653.

167 История внешней политики России... С. 230, 231.

168 Там же. С. 245; см. также: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999.

169 *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 418–420, 422; *Schoen W.* Erlebtes. Beiträge zur politischen Geschichte der neuesten Zeit. Stuttgart; Berlin, 1921. S. 74.

170 GP. Bd. XXVI/I. Doc. N 8939. Bülow an Wilhelm II., 5 Okt. 1908.

171 Ibid. Doc. N 9148. Pourtalès an Bülow, 9 Dez. 1908; см.: Die geheimen Papiere Friedrich von Holsteins / Hrsg. von N. Rich, M.H. Fischer. Berlin; Frankfurt, 1956. Bd. I. S. 163–164.

172 *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 106.

173 Ibid. S. 105; *Schöllgen G.* Imperialismus und Gleichgewicht. S. 266.

174 *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 250–251; История внешней политики России... С. 251.

175 *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 105.

176 *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 275–276.

177 *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 426–429.

178 *Schulte B.F.* Europäische Krise und Erster Weltkrieg. Beiträge zur Militärpolitik des Kaiserreichs, 1871–1914. Frankfurt / M.; Bern, 1983. S. 23–24.

179 Ibid. S. 23–28.

180 Ibid. S. 28.

181 История внешней политики России... С. 239, 243; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 159.

182 *Ерусалимский А.С.* Германский империализм. С. 138–139.

183 *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 176–177.

184 Там же. С. 183, 188, 196.

185 Там же. С. 198.

186 Там же. С. 211–212.

187 Там же. С. 212, 224–225.

188 *Нейман Л.А.* Франко-русские отношения во время Марокканского кризиса (1911 г.) // Французский ежегодник. 1969. М., 1971; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 29–90; Drang nach Afrika. S. 217–221; *Gutsche W.* Monopole, Staat und Expansion. S. 239–264; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 117–144; *Allain J.-C.* Agadir 1911: Une crise imperialiste en Europe pour la conquête du Maroc. P., 1976.

189 *Яхимович З.П.* Итало-турецкая война. М., 1967; *Bosworth R.* Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy before the First World War. Cambridge, 1979.

190 См.: *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 446.

[191] Ibid. S. 438–439, 443–445.

[192] *Ерусалимский А.С.* Германский империализм. С.146; *Тарле Е.В.* Указ.соч. С. 186; *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 49.

[193] *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М., 1996. С. 379–407; *Покровский М.Н.* Указ.соч. С. 49; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 409.

[194] *Туполев Б.М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. М., 1970. С. 257, 283; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 188; *Галкин И.С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960.

[195] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 214–215; *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 488.

[196] История внешней политики России... С. 321–322; *Guechoff Y.E.* L'Alliance Balkanique. P., 1915.

[197] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 60–63.

[198] История внешней политики России... С. 326.

[199] *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 304–305; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 553; *Gibbons H.A.* The New Map of Europe 1911–1914: A Study of Contemporary European National Movements and Wars. L., 1914. P. 136.

[200] *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910–1914. М., 1985. С. 169–171.

[201] *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 131–133; История внешней политики России… С. 330.

[202] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 227; Der Kaiser... Aufzeichnungen des Chefs des Marinekabinetts. S. 122.

[203] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 228.

[204] *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 173–174. См. также: *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 495.

[205] История внешней политики России... С. 331–332.

[206] *Helmreich E.* The Diplomacy of the Balkan Wars. 1912–1913. Cambridge (Mass.), 1938.

[207] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 497–498.

[208] *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit. Wien, 1922. Bd. III. S. 144–147.

[209] *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 148–149; Константинополь и Проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. Адамова. М., 1925. Т. I. С. 358; *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959.

[210] История внешней политики России… С. 335–336; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 147.

[211] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 265; *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 179; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 576, 578.

[212] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 190.

[213] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 592–593; История внешней политики России... С. 337–338.

[214] *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold. Graz; Wien; Köln, 1963. Bd. I. S. 420. См. также: *Писарев Ю.А.* Шесть десятилетий на троне: Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 113–132.

[215] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 190; *Fischer F.* Krieg der Illusionen . S. 297.

[216] *Туполев Б.М.* Экспансия германского империализма. С. 130–131; *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 330; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 179–181. О личности Кароля Гогенцоллерна см.: Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив, 1901–1903 гг. Д. 3195. Л. 393 (Депеша Гирса. Бухарест, 14 апр. 1903 г.).

[217] *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 183; *Жебокрицкий В.А.* Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961; *Helmreich E.* Op. cit. P. 362 etc.

[218] *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 183–185, 187; *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 71; *Conrad von Hötzendorf F.* Op. cit. S. 322, 332, 353.

[219] История внешней политики России... С. 343–344.

[220] *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 316–321; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 308.

[221] *Ерусалимский А.С.* Указ. соч. С. 150; *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 501; *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 214–215; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 610; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 193.

[222] См.: *Жебокрицкий В.А.* Указ. соч. С. 249.

[223] О заинтересованности Германии в сохранении целостности Азиатской Турции см.: Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. B., 1975. S. 75.

[224] История внешней политики России... С. 345–346; *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 265–266; *Gibbons H.A.* Op.cit. P. 133, 135–140.

[225] История внешней политики России... С. 346.

[226] Цит. по: *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 214.

[227] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 486.

[228] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 624.

[229] См.: *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908–1914). М., 1976 (Глава V. Военная миссия Лимана фон Сандерса. Кризис политики Германии на Ближнем Востоке (январь 1913 – июль 1914 г.).

[230] *Бюлов Б.* Воспоминания. С. 421–422.

[231] См.: *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 226.

[232] *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 139; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 217–218.

[233] Докладная записка министра иностранных дел Сазонова от 23 ноября 1913 г. // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 7.

[234] Материалы по истории франко-русских отношений 1910–1914 гг. М., 1922. С. 624–626.

[235] Там же. С. 642–645.

[236] *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 224.

[237] Там же. С. 226.

[238] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 625.

[239] История внешней политики России… С. 348–349; *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 230–231; *Фей С.* Указ. соч. Т. I. С. 366–368; см.: Quellen zur Entstehung des Ersten Weltkrieges. Internationale Dokumente 1901–1914 / Hrsg. von E. Hölzle. Darmstadt, 1978. № 75.

[240] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 271; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 501; *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* Указ. соч. С. 232; История внешней политики России… С. 349.

[241] *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 626–628; см.: *Кублашвили И.И.* Русско-германские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке (1908–1914). Л., 1964; *Liman von Sanders O.* Fünf Jahre in Türkei. B., 1920.

[242] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 488.

[243] Ibidem.

[244] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 512.

[245] См.: The War Plans of the Great Powers, 1888–1914 / Ed. by P. Kennedy. London; Boston; Sidney, 1979.

[246] См.: Deutschland und Russland im Zeitalter des Kapitalismus 1861–1914 / Hrsg.von K.O. Freiherr von Aretin u. W. Konze. Wiesbaden, 1977. S. 216.

[247] См.: *Schulte B.F.* Op. cit. S. 324.

248 *Stein H. von*. Erlebnisse und Betrachtungen aus der Zeit des Weltkrieges. Leipzig, 1919. S. 33.

249 *Wallach J.L.* Das Dogma der Vernichtungsschlacht. Die Lehren von Clausewitz und Schlieffen und ihre Wirkung in zwei Weltkriegen. Frankfurt / M., 1967.

250 Generalfeldmarschall Graf Alfred Schlieffen: Briefe / Hrsg. und eingel. von E. Kessel. Göttingen, 1958; *Ritter G*. Der Schlieffenplan. Kritik eines Mythos. München, 1956; *Fischer F*. Krieg der Illusionen. S. 568–569; *Geiss I*. Der lange Weg in die Katastrophe. S. 245; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. B., 1925. Bd. 2. S. 24; *Туполев Б.М*. План Шлиффена и Россия // Германия и Россия. События, образы, люди. Воронеж, 2000. Вып. 3. С. 38–42.

251 *Fischer F*. Krieg der Illusionen. S. 568; *Görlitz W*. Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt 1657–1945. Frankfurt / M., 1950; *Bucholz A*. Moltke, Schlieffen, and Prussian War Planning. Oxford, 1991.

252 *Geiss I*. Der lange Weg in die Katastrophe. S. 241.

253 *Class H*. Wider den Strom. Leipzig, 1933. S. 202 f.; *Riezler K*. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von. K.D. Erdmann. Göttingen, 1972. S. 178 f.; Kiderlen-Wächter, der Staatsmann und Mensch. Briefwechsel und Nachlaß / Hrsg. von. E. Jäckh. Berlin; Leipzig, 1925. Bd. I–II.

254 *Geiss I*. Der lange Weg in die Katastrophe. S. 241; см.: *Förster S*. Der doppelte Militarismus: Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen status-quo – Sicherung und Aggression 1890–1913. Stuttgart, 1985.

255 *Fischer F*. Krieg der Illusionen. S. 251.

256 *Geiss I*. Der lange Weg in die Katastrophe. S. 266–267.

257 *Fischer F*. Krieg der Illusionen. S. 252.

258 *Schulte B.F*. Op. cit. S. 22–23.

259 *Тарле Е.В*. Указ. соч. С. 228; *Görtemaker M*. Deutschland im 19. Jahrhundert. Entwicklungslinien. Bonn, 1989. S. 361.

260 *Schulte B.F*. Op. cit. S. 23, 29; Rüstung im Zeichen der wilhelminischen Weltpolitik. Grundlegende Dokumente 1890–1914 / Hrsg. von. Berghahn V., Deist W. Düsseldorf, 1988.

261 *Schulte B.F*. Op. cit. S. 32, 36; *Berghahn V*. Der Tirpitz-Plan: Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971.

262 *Schulte B.F*. Op. cit. S. 34–36; *Туполев Б.М*. "Срединная Европа" в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время первой мировой войны // Пролог... С. 109–110.

263 *Хальгартен Г*. Указ. соч. С. 590.

264 *Kruck A*. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939. Wiesbaden, 1954; *Хальгартен Г*. Указ. соч. С. 555–556; "Дранг нах Остен" и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1977. С. 114.

265 *Fischer F*. Krieg der Illusionen. S. 567; *Wilson K*. Empire and the Continent. Studies in British Foreign Policy from the 1880 to the First World War. L.; N.Y., 1987.

266 Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Wien, 1930. Bd. I. S. 3–4.

267 *Ritter G*. Op. cit. S. 186.

268 The War Plans of the Great Powers; *Schulte B.F*. Op. cit. S. 326.

269 Приложение № 9. Выдержки из записки Главного Управления Генерального штаба о вероятных планах Тройственного союза против России по данным 1 марта 1914 года // Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 412.

270 Там же. С. 410.

271 *Лиддель-Гарт Б*. Указ. соч. С. 47–48.

272 Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. S. 14.

273 История первой мировой войны 1914–1918. М., 1975. Т. 1. С. 193–194.

274 *Fischer F*. Krieg der Illusionen. S. 570.

275 Ibid. S. 576–577.

[276] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 413.

[277] Там же. С. 414.

[278] Там же. С. 280; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 251; *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 151.

[279] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 581–582.

[280] Ibid. S. 614; Фей С. Указ. соч. Т. I. С. 210; Les armées françaises dans la Grande guerre. P., 1936. T. 1. Vol. 1.

[281] *Лиддель-Гарт Б.* Указ. соч. С. 42, 44–45.

[282] Там же. С. 45; *Schulte B.F.* Op. cit. S. 324–325.

[283] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 180.

[284] Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962. С. 134; *Деренковский Г.М.* Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. М., 1949. Т. 29; История внешней политики России… С. 417; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 615–616, 630.

[285] *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 631–632; История внешней политики России... С. 417; *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 156–157.

[286] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 243; *Яковлев Н.Н.* Последняя война старой России. М., 1994. С. 30.

[287] *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 29; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 243–244, 257.

[288] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 196.

[289] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 178–179.

[290] *Покровский М.Н.* Указ. соч. С. 163.

[291] Там же. С. 151; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 279.

[292] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 279; *Fischer F.* Krieg der İllusionen. S. 620–621.

[293] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 196; *Зайончювский А.М.* Указ. соч. С. 257–259.

[294] *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 321; *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 29–30.

[295] История внешней политики России... С. 409–410.

[296] Цит. по: *Силин А.С.* Указ. соч. С. 131.

[297] Там же. С. 132–133; История внешней политики России... С. 410–411; *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота... С. 148–162; *Петров М.А.* Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926.

[298] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 228–229; *Аветян А.С.* Указ. соч. С. 193; GP. Bd. XXXIV. № 13125. S. 656.

[299] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 267.

[300] История внешней политики России... С. 411; *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 230.

[301] История внешней политики России... С. 413; *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 18; *Шацилло К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. С. 93–100; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 620–621.

[302] *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 18; *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 60; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 620; *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 267.

[303] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 503–504.

[304] *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 236; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 624–625.

[305] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 267; Fischer F. Krieg der Illusionen. S. 624–625, 627.

[306] *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 20–21; см. также: *Чикалов Р.А., Чикалова И.Р.* Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815–1918 годы). Минск, 2000. С. 49–50.

[307] *Тэйлор А.* Указ. соч. С. 504–505; см. также: *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 614–616.

[308] *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. S. 241–242.

[309] *Schulte B.F.* Op. cit. S. 327; *Fischer F.* Krieg der Illusionen. S. 568.

Глава II. Июльский (1914 года) кризис – пролог войны

1. Сараевское убийство и австро-сербский конфликт

Двадцать восьмого июня 1914 г. в городе Сараево, столице Боснии и Герцеговины, был убит эрцгерцог Франц Фердинанд, наследник престолов Австрии и Венгрии. Его визит в Боснию, где не угасало возмущение в связи с аннексией провинции, пришелся на Видов день, траурный в истории югославян, ибо 28 июня 1389 г. в битве на Косовом поле турки нанесли поражение сербским войскам, и страна потеряла независимость.

К этому событию участники организации "Млада Босна", выступавшие за объединение провинции с Сербией, подготовили покушение, расставив семь террористов на пути следования кортежа автомобилей в городскую ратушу. Первая попытка закончилась неудачно – бомба взорвалась среди охраны. Эрцгерцог не внял совету отменить церемонию. Городской голова от имени жителей прочел заранее составленную речь, в которой выразил исключительную радость по поводу приезда его высочества, что в создавшихся условиях звучало издевательски[1]. При возвращении из ратуши эрцгерцога подстерегала гибель. Гимназист Г. Принцип поразил Франца Фердинанда и его супругу, герцогиню Софию Гогенберг, несколькими выстрелами из пистолета.

Европа замерла в ожидании: воспользуются ли австро-венгерские и германские правящие круги убийством как поводом для того, чтобы развязать войну? Все дворы объявили траур, престарелого императора Франца Иосифа засыпали изъявлениями соболезнования, в церквах состоялись поминальные службы. Оптимисты в глубине души надеялись: может быть, пронесет? В личной жизни старец на венском троне вынес много ударов. Его брата Максимилиана, провозглашенного мексиканским императором, расстреляли повстанцы; единственный сын Рудольф покончил жизнь самоубийством вместе со своей возлюбленной Марией Вечерой при обстоятельствах, *до сих пор окутанных тайной*; жена, Елизавета (Зита) *пала от руки убийцы*. Известно было, что со своим племянником Францем Фердинандом император находился в неприязненных отношениях. Они придерживались разных мнений насчет путей преодоления перманентного кризиса в государстве. Еще более осложняли ситуацию причины семейные. Эрцгерцог женился на чешской аристократке, не принадлежавшей к владетельным домам, брак считался морганатическим. София подвергалась дискриминации при чопорном венском дворе, сыновей Франца Фердинанда исключили из престолонаследия, что уязвляло его как отца и мужа. Эрцгерцог жаловался, что дядя уделяет ему не больше внимания, чем последнему дворцовому лакею и

оказался прав. Процедура похорон была сведена к минимуму и почему-то происходила ночью, дипломатический корпус на нее не пригласили. Император отстоял службу в соборе, но в шествии к усыпальнице не участвовал. Не какой-нибудь бульварный листок, а уважаемая лондонская газета "Таймс" заметила, что эрцгерцога похоронили как собаку.

Не обошлось. Надежды оптимистов не оправдались. Австрийская печать нагнетала истерию: "Кровь эрцгерцога и его супруги взывает к небу!" 4 июля Франц Иосиф направил письмо Вильгельму II: "Покушение на моего бедного племянника – прямой результат агитации сербских и русских панславистов, единственной целью которых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей империи". Нити заговора, утверждал император, "тянутся в Белград". Следует устранить Сербию "как политический фактор на Балканах"[2]. Это был запрос на санкцию большой войны.

Здесь необходимы комментарии. "Млада Босна" ставила своей целью объединение с Сербией. К тому же стремилась тайная сербская организация "Объединение или смерть", больше известная под названием "Черная рука", во главе с начальником осведомительного отдела армии полковником Д. Димитриевичем, человеком необычайной отваги и силы, прозванным Аписом в память о древнеегипетском боге-быке. "Черная рука" не останавливалась перед террором, в ее проскрипционных списках значились короли Греции и Черногории, болгарский царь Фердинанд и, наконец, австрийский эрцгерцог. На судебном процессе выяснилось: Принцип и другие заговорщики весной гостили у родственников в Сербии, где Принцип безуспешно сдавал вступительные экзамены в Белградский университет. Стрельбе их обучил член руководства "Черной руки" майор В. Танкосич. В Крагуевацком арсенале заговорщики приобрели, без оформления, бомбы.

В то же время нет оснований говорить о связях заговорщиков с правительством и с официальными властями Сербии. Взять такой мелкий факт: Принцип заложил в ломбард свое пальто; столь крайняя нужда для агентов правительства маловероятна. Но главное, конечно, в другом. Сербия понесла в двух Балканских войнах тяжелые людские и материальные потери; предстояло добиться органического вхождения новых земель в королевство, их хозяйственного и культурного слияния. "Сегодня в наших интересах, – заметил премьер-министр Н. Пашич, – чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25–30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить"[3].

Встречающиеся в зарубежной литературе попытки связать официальные сербские круги с покушением доверия не внушают. Известно, что белградское правительство предупреждало австрийские власти о возможных террористических актах. Даже занимавший по отношению к нему прокурорскую позицию американский историк Фей признавал: "...Достоверно известно, что Пашич и его кабинет не имели никакого отношения к возникновению плана убийства. Последнее было задумано за его спиной"[4]. Сербские пограничники получили указание задерживать подозрительных лиц. Однако начальник заставы у переправы через реку Дрина, будучи членом "Черной руки", не задержал Н. Чабриновича и Г. Принципа.

Но все же зацепка насчет "сербского следа" существовала, и ее можно было использовать для развязывания войны. В дни сараевского кризиса многие представители Австро-Венгрии, в их числе австрийский премьер

Арест Гаврило Принципа в Сараево. 28 июня 1914 г.

граф К. Штюргк, были убеждены, что связь между славянами империи Габсбургов и славянами зарубежья может быть разорвана только войной. Война, как известно, часто служит средством для выхода из затруднительных ситуаций. Для Австро-Венгрии эта аксиома была верна вдвойне. В Вене же власть имущие, доводя аксиому до абсурда, решили, что война является единственным средством спасения Австрии. Там полагали, что демонстрация силы против Сербии может положить конец или серьезно ограничить деструктивные тенденции, которые исходили из убеждения в слабости дуалистической империи и неверия в ее будущее. В превентивной войне против Сербии правящие круги Австро-Венгрии видели единственную защиту от подрывной деятельности ее агентов в Боснии и Герцеговине. Линейный образ мышления великодержавного высокомерия не оставлял места для поисков разумной альтернативы. Никому и в голову не пришла простая мысль о том, что устранить сербскую угрозу возможно и без рискованных авантюрных действий, например конструктивной внутренней политикой и федеративной реструктуризацией имперского устройства.

Франца Фердинанда сербская пропаганда изображала заклятым врагом Сербии. На самом деле наследник престола был одним из немногих руководящих деятелей империи, кто решительно выступал против антисербских акций. Он категорически возражал против уничтожения соседнего государства и даже настойчиво требовал, чтобы “ни под каким видом не аннексировать ни один квадратный метр ее территории”[5]. Подобно Бисмарку, он неустанно

предостерегал против войны с Россией, постоянно ратовал за возрождение Союза трех императоров. В апреле 1914 г. эрцгерцог обсуждал с редактором влиятельной газеты "Райхспост" план преобразования дуалистической империи в "Соединенные Штаты Великой Австрии". Этот план соответствовал предложениям трансильванского румына А. Поповича от 1906 г. Конкретный проект подготовил шеф канцелярии престолонаследника А. Брош фон Ааренау[6]. Разумеется, Франц Фердинанд отвергал идею "полной автономии". Он настаивал на ограничении прав автономий не только в военной сфере, но и в вопросах экономики и таможенной политики в пользу имперского единства и централизации. Его конечной целью было возрождение былого величия династии путем ликвидации "венгерской супремации" в империи и централизации государства.

Империалистическая борьба за сферы влияния на Балканах, где непосредственно сталкивались интересы России и Австро-Венгрии, сыграла роковую роль в судьбах обеих стран. В этом соперничестве на карту были поставлены жизненные интересы Дунайской монархии. В сербско-австро-венгерском конфликте национальный интерес присутствовал не только для Сербии, но в известной мере также и для Австро-Венгрии, если иметь в виду наличие угрозы ее целости и самому ее существованию. Британский историк Ф. Бридж, анализируя внешнюю политику Вены накануне войны, утверждает: "В определенном смысле эта политика была дефензивной"[7]. Объяснения его достаточно просты: в Вене на Балльхаузплац, где располагалось ведомство иностранных дел, после 28 июня пришли к убеждению, что отныне под угрозой оказались непосредственно господство Габсбургов в Боснии и тем самым неприкосновенность самой империи. Если она ничего не предпримет, то ее враги станут еще более самоуверенными, а кошмарный Балканский союз превратится в реальность. Австро-Венгрия может доказать свою жизнеспособность, заставив Белград подчиниться своей воле. Сербию следует превратить в зависимое от Вены государство, каким она была в 80-е годы XIX в. Историк считает ошибочным мнение, согласно которому Габсбургская империя была вынуждена прибегнуть к войне как к единственному средству выхода из кризиса ввиду неразрешимости проблемы национальностей. "Не внутреннее давление вызвало решение о войне, а внешняя угроза со стороны Сербии и, косвенно, со стороны России", – пишет Бридж[8].

Нельзя сбрасывать со счетов провоцирующее воздействие общей обстановки в мире, ту атмосферу беспокойства и тревожного ожидания надвигавшейся развязки, которая царила в столицах всех великих держав. Не составила исключения и Вена. Психологическое состояние ожидания беды и готовности к ней общества историк М. Раухенштайнер обозначает термином *беллицизм*. Это понятие более объемно, чем просто милитаризм или воинственность[9]. К войне правящие круги империи толкала охватившая всю верхушку навязчивая идея доказать таким неоригинальным способом ее жизнестойкость, желание показать всему свету, что она сильна, полна внутренней энергии и устойчива. Эта была реакция на открытые разговоры о слабости Австро-Венгрии и предстоящей ее дезинтеграции. Молва пошла по дипломатическим канцеляриям Европы в ходе Балканских войн и в последующие месяцы. Основания к тому были веские. Действительно, в ходе этих событий австро-венгерская дипломатия, пассивная и безынициативная, ничем

себя не проявила. Впервые за свою историю империя Габсбургов была полностью исключена из решения балканских дел.

По меньшей мере начиная с Боснийского кризиса 1908–1909 гг. венская дипломатия действовала на редкость неудачно, нерационально, вопреки разуму и собственным интересам, а иногда просто топорно. Существует, однако, и противоположный взгляд. Английский автор С. Вильямсон-младший, наоборот, полагает, что именно "внешняя политика была той сферой, где Австро-Венгрия сохраняла свои великодержавные позиции, несмотря на возраставшую неадекватность этому статусу ее военной и экономической мощи"[10]. С этим экстравагантным взглядом можно было бы и согласиться, если бы не поведение Франца Иосифа в июле 1914 г., скорее похожее на акт самоубийства, нежели выживания или спасения.

В правящих кругах Габсбургской империи имелась влиятельная и сильная группа государственных и военных деятелей, которая сознательно вела дело к войне, но не мировой или европейской, а локальной, против Сербии. В крайнем случае и региональной, против России, но ни в коем случае не против Запада, с которым Австро-Венгрии делить было нечего. Сербия, чье поведение во многом определялось уверенностью в русском прикрытии, тоже никогда не замышляла зажечь мировой пожар. Но одолеть северного соседа собственными силами для того, чтобы "воссоединиться" с боснийскими и другими сербами Австро-Венгрии, она не могла никак. Поэтому в свое противостояние с монархией Габсбургов ей было необходимо вовлечь славянского колосса. Только военное поражение дуалистической империи открывало шансы на присоединение населенных сербами, хорватами, словенцами земель Венгрии и Австрии. Войны с Россией в Вене боялись и не хотели, а войну с Сербией считали неминуемой, поэтому предвидели, что Россия может выступить в защиту малой славянской и православной страны.

К злополучным сараевским событиям Австро-Венгрия подошла с множеством нерешенных и остроактуальных внутренних и внешних проблем, тесно между собой связанных, каждая из которых могла стать желанным поводом к войне как к способу их решения. Начиная с 1908 г. каждый кризис, внешнеполитический или внутренний, усиливал в верхах империи тягу к силовым методам выхода из кризисной ситуации. Однако независимо от эвентуального результата альтернативного курса австро-венгерской дипломатии внешняя политика Вены в конечном счете определялась своеобразием внутренней структуры империи, ее экономической и военной мощью, а также международным положением Австро-Венгрии и сложившейся к началу XX в. в регионе геополитической ситуацией. Вместе с тем представляется, что и в жестких рамках неблагоприятной в общем международно-политической ситуации внешняя политика империи могла быть более сбалансированной, более реалистической и целеустремленной.

Обобщив опыт отношений Австро-Венгрии с Германией за 1871–1914 гг., австро-американский историк Р. Канн пришел к выводу, что Габсбургская империя не нуждалась в давлении со стороны Берлина для того, чтобы принять решение о войне. По его мнению, в 1913–1914 гг. произошла эволюция во взглядах самого венценосного старца Франца Иосифа. Умудренный более чем шестидесятилетним опытом царствования, он терпеливо и умело гасил боевой дух своих не в меру ретивых советников вроде Конрада фон Хётцендорфа. И лишь в 1913 г., когда черногорцы захватили

Скутари, император высказался за войну, но как-то неопределенно: “если она обязательно необходима”?! Постепенно он стал склоняться к мысли о необходимости военной операции против Сербии, хорошо сознавая при этом реальность угрозы вмешательства России в конфликт[11].

В австрийской литературе по вопросу об ответственности за первую мировую войну уже совершился историографический поворот. Новой австрийской концепции чуждо стремление отрицать или каким-то образом преуменьшить вину предков, искать оправдания, “смягчавшие вину обстоятельства”, перекладывать ответственность на чужие плечи. Эта концепция убедительно воплощена в фундаментальной монографии того же Рауxенштайнера. По его утверждению, в министерстве иностранных дел уже на следующий день после сараевских событий сложилось единодушное мнение: балканская проблема, конкретно проблема Сербии, должна быть решена раз и навсегда. Министр Берхтольд поначалу колебался. Но советники из так называемой группы “молодых львов” быстро убедили его в необходимости военного решения. В течение нескольких часов случилось то, что потом было названо июльским кризисом[12].

От сараевского убийства до принятия решения Австро-Венгрией об ультиматуме Сербии прошли две полные напряжения и ожидания недели, в течение которых дипломаты, военные и политики занимались судорожными поисками адекватного ответа на сербский вызов. Генерал Конрад воспринял теракт “как объявление Сербией войны Австро-Венгрии ...на которое ответ может быть один – война”![13]. Он потребовал всеобщей мобилизации и объявления войны Белграду. В противном случае, по его убеждению, престижу монархии будет нанесен непоправимый ущерб и она перестанет существовать в качестве великой державы. К военному решению уже склонялся и Берхтольд. К его мнению более всего прислушивался Франц Иосиф.

Единственным, кто попытался бороться против охватившего австро-венгерскую верхушку военного психоза, был влиятельный венгерский премьер граф И. Тиса. Он ясно сознавал, что эта война ничего хорошего не сулит ни империи, ни Венгрии. Успех и неудача в равной мере страшили его. От победы он ожидал усиления централизаторских устремлений венской камарильи, радикального нарушения дуалистического равновесия и, как следствия, кардинального падения позиций своей страны в империи, от поражения – угрозу ее целостности, по меньшей мере. Кроме того, он, как и вся венгерская политическая элита, в собственных национальных интересах решительно противился любым новым территориальным приобретениям, как для самой Венгрии, так и для Австрии. На коронных советах июля 1914 г. именно Тиса категорически возражал против захвата сербских территорий.

Конечно, как и многие другие, Тиса был глубоко возмущен террористическим актом в Сараево, несмотря на всем известную свою личную неприязнь к жертве покушения, впрочем взаимную. Но еще больше он был встревожен и просто напуган, когда, прибыв в Вену 30 июня, столкнулся с атмосферой паники, психоза, воинственности, охватившей военное и политическое руководство империи. В целом в империи весть об убийстве была воспринята достаточно спокойно. Во всяком случае, по свидетельству очевидцев, Вена продолжала веселиться, в парках и ресторанах гремела музыка, как ни в чем ни бывало...

О Венгрии, которая имела все основания опасаться как раз прихода к власти покойного, и говорить не приходится. Тиса совершил отчаянную попытку переломить господствовавшие в правительственных кругах Вены настроения. Он счел своим долгом в специальном докладе предупредить Франца Иосифа о ненормальной, сверхчувствительной реакции на сараевские события и о своем отношении к вопросам войны и мира. Тиса ясно сформулировал свою позицию: он возражает против войны[14].

Готлиб фон Ягов – министр иностранных дел Германии (1913–1916)

В первые дни июльского кризиса венгерский премьер испытал сильнейшее давление со стороны собственного парламента, потребовавшего энергичных действий против Сербии, власти которой якобы попустительствовали международному терроризму. Но Тиса не поддался, а продолжал твердо отстаивать свою точку зрения, всячески пытаясь успокоить оппозицию и венгерскую общественность[15]. В противоположность большинству австро-венгерских лидеров он еще в 1913 г. пришел к убеждению, что конфликт с Сербией неминуемо приведет к войне с Россией. А после Сараево на этот счет у него никаких иллюзий не осталось. Именно поэтому Тиса противился предъявлению ультиматума Сербии во избежание катастрофического для монархии и собственной страны вооруженного конфликта со славянским гигантом.

Однако к середине июля Тиса был вынужден отказаться от своей позиции под давлением правителей Австро-Венгрии и Германии. На решающем заседании коронного совета он снял свои принципиальные возражения и практически дал добро на войну. Радикальная перемена в позиции Тисы, от мира (30 июня) к войне (14 июля) в течение двух недель произошла после его обмена мнениями с Францем Иосифом и с германским послом в Вене Г. фон Чиршки. В разговорах с венскими собеседниками последний, не уставая, повторял: "Теперь или никогда!" Его воинственная аргументация была подкреплена результатами миссии начальника канцелярии австро-венгерского МИД графа А. Хойоса.

Хойос отправился в Берлин 4 июля с миссией, важность которой трудно переоценить: воевать или нет? Германцы без колебания дали положительный ответ, зная наверняка, что нападение на Сербию на 90% означало европейскую войну. Откладывать решение нельзя, заявил кайзер: "Россия несомненно займет враждебную позицию: он готов к этому, и, если разразится война между нею и Австрией, Германия выполнит свои союзные обязательства"[16]. Таким образом, Россия явилась одним из важнейших факторов в принятии решения. Ее неготовность к войне сознавалась и учитывалась в Берлине. *Фон Ягов поведал свои мысли послу в Лондоне князю* К. Лихновскому: "Спустя несколько лет, по всем компетентным предположениям,

Россия будет готова к войне. Тогда она задавит нас количеством своих солдат, тогда она построит свой балтийский флот и свои стратегические дороги. Тем временем наша группировка будет становиться все слабее..." И тогда – прощай мечты, сдавай в архив "план Шлиффена". Австро-Венгрию он непочтительно именовал "распадающимся подобием государства"[17], которое ненароком может и развалиться. 7 июля Хойос привез в Вену согласие Германии поддержать союзницу всеми силами и средствами вплоть до войны.

Все же относительно причин внезапной перемены в позиции Тисы в литературе высказываются различные мнения. Давно известные факты и в современной историографии интерпретируются по-разному. Англичане Ф. Бридж и Н. Стоун полагают, что именно результаты миссии Хойоса побудили Тису изменить свою позицию и поддержать линию Берхтольда[18]. По мнению ряда других исследователей, главную роль сыграла уверенность Тисы в том, что удастся привлечь на сторону Центральных держав Болгарию[19]. Кроме того, германское правительство, возомнившее, что оно якобы располагает действенными рычагами давления на Бухарест, твердо заверило Вену в том, что Румыния останется нейтральной. Если же она и вступит в войну, то только на стороне Центральных держав.

С точки зрения венгерских национальных интересов последнее обстоятельство имело большое значение, поскольку тем самым нивелировалась угроза нападения Румынии в тыл австро-венгерских армий, отпадала, казалось бы, опасность вторжения в Трансильванию румынских войск. И этот аргумент должен быть принят во внимание. Но считать его главной причиной, по нашему мнению, нет достаточных оснований. Будучи государственным деятелем имперского масштаба, Тиса в своих решениях никогда не исходил только из узковенгерских национальных интересов, ибо хорошо понимал, что эти самые интересы, да и само существование Венгрии неразрывно были связаны с благополучием Габсбургской империи, а также ее союзных отношений с Германией. Биограф Тисы Ф. Пёлёшкеи утверждает, что с самого начала политической карьеры союз с Германией он рассматривал в качестве краеугольного камня великодержавной позиции монархии. По мнению историка, "вера в материальную, военную и духовную мощь Германии была и осталась самым слабым пунктом его (Тисы. – *Авт.*) внешнеполитической концепции. Со свойственной ему последовательностью он оставался ей верным до конца"[20]. Также предполагают, что единодушное выступление венгерской оппозиции и общественности в пользу решительных действий против Сербии сыграло свою роль в переходе главы венгерского кабинета на позиции военной партии[21]. В конечном счете Тиса склонился перед волей глубоко почитаемого им престарелого и многоопытного монарха. За день до решающего заседания коронного совета Тиса получил послание Франца Иосифа о том, что Его Величество "придает большое значение тому, чтобы как можно скорее было устранено различие во взглядах" между венгерским премьером и другими участниками заседания[22].

Приняв решение, Тиса проводил политику войны решительно, целеустремленно, без всяких колебаний. Он утешал себя мыслью о необходимости обуздать славянский ирредентизм, угрожавший целостности Венгерского королевства: "Моя совесть чиста. Нам уже набросили веревку на шею и, если бы мы ее не перерезали, нас бы задушили в удобный момент"[23]. Тиса стал

практически соавтором ультиматума Сербии, составленного на Балльхаузплац "молодыми львами" – графом Я. Форгачом совместно с А. Хойосом и А. Музулином[24] и положившего начало цепной реакции объявления войны. 14 июля, в день принятия решения о предъявлении Сербии этого ультиматума, Тиса признался фон Чиршки: "Я с тяжелым сердцем решился на войну, но теперь твердо убежден в ее необходимости и буду всеми силами защищать величие монархии. Отныне, соединив наши усилия, мы спокойно и твердо пойдем навстречу будущему"[25].

Между тем ультиматум был столь провокационно-вызывающим по содержанию, что его не могло принять ни одно уважающее себя государство. Чтобы сбить с толку европейскую общественность, военный министр и начальник Генерального штаба Австро-Венгрии спешно отправились в отпуск. Демонстрировали миролюбие и показную беззаботность влиятельные персоны других стран: царь Николай II с семьей путешествовал в шхерах Финского залива, кайзер Вильгельм наблюдал за парусными гонками возле Киля, фон Ягов проводил медовый месяц после свадьбы в швейцарских горах. Однако совсем не ради покоя венценосных особ с вручением ультиматума пришлось повременить. Дело в том, что 20 июля броненосец "Франс" с французским президентом Р. Пуанкаре на борту бросил якорь в гавани Кронштадта. Совсем не ко времени, с точки зрения Берлина и Вены, он прибыл в Россию с официальным визитом. Это облегчало и ускоряло возможность согласования российско-французской реакции на высшем уровне. Следовало подождать до отъезда Пуанкаре. Вручение роковой австрийской ноты Сербии состоялось вечером 23 июля. Его приурочили к отплытию "Франс" из Кронштадта. Ультиматум содержал 11 пунктов, один оскорбительнее другого: от сербов требовали формального осуждения антиавстрийской пропаганды и ее запрета, изгнания повинных в ней чиновников и офицеров со службы, судебного следствия против находившихся в Сербии заговорщиков с участием в нем австро-венгерских властей. На размышление и ответ предоставлялось 48 часов[26].

Сербов удалось застать врасплох – такого крутого оборота событий они не предвидели. В условиях летнего времени большинство министров разъехались из столицы кто на отдых, кто на подготовку к выборам в скупщину. Начальник Генерального штаба воевода Р. Путник пребывал "на водах" в Австро-Венгрии. Ключ от сейфа с секретными документами он держал при себе. Два полковника ломами разбили сейф, однако вместо детального плана военных операций обнаружили лишь бумаги с самыми общими соображениями и с рекомендацией "действовать по обстоятельствам". Глава правительства Пашич гостил в деревне, не имевшей телефонной связи, и тревожную весть ему доставил по старинке конный полицейский с ближайшей железнодорожной станции. Не дожидаясь его приезда в Белград, престолонаследник Александр (престарелый король Петр отошел от дел) ночью явился в российскую миссию и заявил, что "возлагает все надежды на государя императора и Россию, только могучее слово коей может спасти Сербию"[27].

На следующий день из Петербурга пришел успокоительный ответ: страну в беде не оставят. Поспешно съехавшиеся в Белград министры, консультируясь с российскими дипломатами, составили ответ на ультиматум. Редактировали его до последней минуты, единственная в МИД пишущая машинка

с латинским шрифтом сломалась при перепечатке, и конец пришлось дописывать от руки. Сербская нота считается одним из шедевров дипломатического искусства. Составленная в архивежливом, почти смиренном тоне, она с минимальными оговорками принимала почти все пункты ультиматума, кроме того, который предусматривал участие австрийских должностных лиц в расследовании сербских следов покушения. Ознакомившись с ее текстом, Вильгельм II воскликнул: "Блестящий результат для 48 часов! ...Отпадают основания для войны"[28].

Но австро-венгерский посланник в Белграде барон В. Гизль рассуждать не привык. Бегло пробежав глазами привезенный лично Пашичем документ и обнаружив, что требования его правительства все же "буква в букву" не приняты, он с облегчением вздохнул и объявил о разрыве дипломатических отношений. В Белграде творилось нечто неописуемое, происходил повальный исход. Правительство и дипломатический корпус переезжали в Ниш. На вокзальной площади, по словам германского посланника Ю. Гризингера, происходило нечто "несусветное. Мужчины, женщины, дети – все вперемежку. Повсюду валялись домашние вещи – от ковров до клеток с канарейками... Около полуночи поезд тронулся... Все было занято – буфера паровоза, ступеньки вагонов, их крыши. Нас девятеро сидело в одном купе с затекшими от усталости ногами. Мы миролюбиво дремали в течение ночи, положив уставшие головы на плечи будущих неприятелей"[29]. 28 июля Вена впервые в истории по телеграфу объявила Сербии войну.

По мнению известного американского историка С. Вэнка, то был акт отчаяния. «Человек в отчаянии, – пишет он, – делает отчаянную политику, даже в том случае, если поддержание престижа, статуса и авторитета представляются "рациональной" причиной для войны в ментальном мире великодержавной "реальной политики" ("Realpolitik"). В случае Австро-Венгрии отчаяние было сопряжено с трагедией. Элита Габсбургской империи, единственной из великих держав, действовала с убеждением, что военное поражение может означать конец существованию империи, которой она служит»[30]. Эти рассуждения лучше всего подтверждают слова Хойоса, сказанные им 24 июля, за день до истечения срока ультиматума: "Мы еще способны принимать решения. Мы не хотим быть или казаться больным человеком. Лучше быть уничтоженным сразу же"[31]. Глубокомысленное замечание, хорошо иллюстрирующее царившие в австро-венгерской верхушке настроения. В переложении на русский язык оно звучало бы, наверное, так: погибать, так с музыкой!

Австро-Венгрия сыграла роковую роль в печальном исходе июльского кризиса. Развернутый критический и документированный анализ ее соучастия в развязывании войны и доли вины в случившемся дан в целом ряде исследований, например, Х. Румплера[32]. Некоторые историки и сегодня считают эту страну едва ли не единственной и главной виновницей войны. В манифесте, обнародованном в день начала войны с Сербией, Франц Иосиф взял на себя лично всю ответственность за предпринятый шаг: "Я все взвесил, я все обдумал". Эта фраза, ставшая крылатой, осталась в памяти нескольких поколений жителей империи. Оказалось, однако, что не все им было обдумано и взвешено.

2. Быть или не быть войне?

После предъявления Сербии австро-венгерского ультиматума центр событий переместился в Россию. Для непосвященных наблюдателей во время визита Пуанкаре, на первый взгляд, ничто не предвещало грядущую бурю. Сам президент, а также премьер-министр Р. Вивиани со свитой перебрались на царскую яхту. Если судить по воспоминаниям Пуанкаре, он и император долго и со вкусом любовались "зрелищем моря и берегов", обсудили предстоящий визит Николая II в Париж, перемыли косточки "коварному" Фердинанду Болгарскому. Оба – на публике – проявили слабый интерес к австрийским замыслам и держались с олимпийским спокойствием. На приеме дипломатического корпуса Пуанкаре беседовал с германским послом Пурталесом о французском происхождении последнего и о родстве его жены с фамилией Кастеллан – о чем угодно, только не о политике. Но сопоставление разных данных свидетельствует об ином.

Габсбургский представитель граф Ф. Сапари "затаился". Он "ручался" за миролюбие своего правительства и "был кроток как ягненок" (слова начальника канцелярии российского МИД М.Ф. Шиллинга). Пуанкаре произвел в беседе с венгром осторожный зондаж: сербское дело "может разрастись. У Сербии есть очень горячие друзья среди русского народа. У России союзница – Франция". Сапари не реагировал. Вывод Пуанкаре: "Я вынес дурное впечатление из этого разговора. Посол явно получил приказ молчать"[33]. Вена охотно включилась в игру с демонстрацией светских манер. Все это, впрочем, выглядело наивным, ибо о подготовке венского ультиматума, конечно же, знали в ведомстве на Певческом мосту. Более того, позиции двух стран (России и Франции) были согласованы в Петербурге на высшем уровне. Об этом свидетельствовала стремительная реакция на первую же весть о вручении в Белграде пресловутой ноты. Ознакомившись 24 июля утром с ее содержанием, Сазонов воскликнул: "Это европейская война!" В 11 часов к нему прибыл Сапари с официальным извещением. Министр неоднократно прерывал его речь саркастическими замечаниями: "Вы хотите войны и сожгли все мосты!" Сазонов повел себя так нервно, что посол Франции М. Палеолог пожурил его при встрече, напомнив о необходимости учитывать не только военные и политические, но и психологические, а также пропагандистские аспекты развязывания войны: "Ради Бога, будьте сдержанны. Исчерпайте все способы примирения. Не забывайте, что мое правительство есть правительство общественного мнения и что оно сможет деятельно вас поддерживать только в том случае, если общество будет за ним. Наконец, подумайте о мнении Англии"[34].

Сазонов прислушался к советам посла и проявил большую изобретательность в придумывании разных комбинаций для предотвращения катастрофы, в которые не верили ни он, ни его оппоненты. С Палеологом он действовал в полном согласии. 24 июля на их совещание во французском посольстве пригласили на правах союзника британского посла Дж. Бьюкенена. Сазонов и Палеолог торжественно подтвердили связывавшие их обязательства: "Франция целиком на стороне России". С тех пор французы повторяли эти слова как клятву, чуть ли не ежедневно.

Нельзя сказать, чтобы Бьюкенен безмолвствовал на совещании – ему бы этого не позволили. Он с досадой отмахивался от настойчивых просьб

коллег заявить о британской солидарности и, стало быть, о готовности вступить в войну на их стороне. Лично посол был убежден, что поступить именно так Британии с очевидностью повелевают ее национальные интересы. Что же касается правящего кабинета... "Вы не знаете наших нынешних правителей. Ах, если бы консервативная партия была у власти..." Разумеется, о наличии у него собственного и даже крамольного мнения в своих донесениях в Форин оффис Бьюкенен умалчивал. Но полный разброд в кабинете (о чем ниже) лишал его возможности сказать что-либо успокоительное для коллег. Он лишь доверительно выразил сугубо личное мнение – Великобритания "рано или поздно" в войну втянется[35].

В насыщенный событиями день 24 июля состоялось заседание совета министров России, принявшее решение испросить у императора санкцию на мобилизацию четырех военных округов – Киевского, Одесского, Московского и Казанского (т.е. против Австро-Венгрии), а также Черноморского флота (Николай II своей рукой вписал "и Балтийского"). Это означало признание неизбежности войны[36]. Начались интенсивные совещания Сазонова с военным министром Сухомлиновым и с новым начальником Генштаба Н.Н. Янушкевичем. Генералы торопили правительство, полагая, что промедление с мобилизацией ввиду ее длительного срока смерти подобно. Они были убеждены, что столкновение с Германией предопределено, а значит нужна всеобщая (3,5 млн человек), а не частичная (1,1 млн) мобилизация, на которой настаивал глава МИД Сазонов, не желавший давать немцам предлог для обвинения России в агрессии[37]. Легкость, с которой генералы бросились в пучину, объяснялась крупнейшими просчетами в определении сроков войны (4–6 месяцев). Исходя из подобной предпосылки, заготовленные запасы – по тысяче патронов и снарядов на ствол – представлялись достаточными.

В споре мундиров и фраков Николай II склонялся то на одну, то на другую сторону. Он подписал два указа – и о частичной, и о полной мобилизации. Груз ответственности давил на него. В конце концов мундиры одержали верх. В 9 часов вечера 29 июля начальник мобилизационного управления генерал С.К. Добророльский приехал на петербургский центральный телеграф для передачи приказа. Десятки телеграфистов стояли наготове. И вдруг прибыл гонец из Генштаба с известием, что царь передумал и изменил решение в пользу частичной мобилизации. Оказалось, Николай заколебался вновь после получения телеграммы от Вильгельма насчет мнимых усилий последнего по предотвращению катаклизма. 30 июля Сазонов четырежды принимал Пурталеса. Расстались они в два часа ночи. Посол выполнил свою миссию до конца. Он прибег к совершенно необычному шагу – попросил своего старого знакомца министра двора В.Б. Фредерикса воздействовать на царя. Безрезультатно. Немцы предлагали допустить "временную оккупацию" Сербии (и фактическое выдворение России с Балкан) в обмен на обещание не урезывать в будущем сербскую территорию. Министр же со своей стороны пришел к выводу о "вероятной неизбежности" войны[38]. А раз так – необходим *всеобщий* призыв в армию; промедление было равносильно выдаче Франции на расправу прусской военщине. Именно Сазонов в последний раз переубедил царя. В шесть часов вечера с минутами 30 июля мертвую тишину в операционном зале центрального телеграфа нарушил стук десятков аппаратов. Оставалось лишь пройти через формальности, связанные с объявлением войны. 31-го последовал германский ультиматум.

1 августа в семь часов вечера Пурталес пришел в особняк на Певческом мосту в последний раз. И он, и Сазонов нервничали. Посол трижды повторил свой вопрос: прекратит ли Россия всеобщую мобилизацию, и трижды из уст министра услышал ответ: "Нет". И тогда немец вручил ноту с объявлением войны. Нота была составлена в Берлине в двух вариантах, более жестком и более мягком. Пурталес, испытывая нервное перенапряжение и замешательство, вручил оба[39]. На глазах посла показались слезы, они скатились по щекам и бороде. Пурталес принадлежал к потомственной аристократии, тесно связанной с аристократией российской. Смутное предчувствие, что ссора между династиями Романовых и Гогенцоллернов не кончится добром ни для одной из них, его мучительно тревожило. Подойдя к окну, посол разрыдался; потом, взяв себя в руки, обнял Сазонова и вышел из кабинета. Так началась мировая война.

Наперекор стратегическим соображениям, требовавшим молниеносного разгрома Франции и максимально возможного оттягивания начала операции против России, Германия 1 августа оказалась в войне именно с последней. Но Бетман-Гольвег сознавал, что войны выигрываются не только на полях сражений, но и в тылу. Воевать без санкции влиятельной социал-демократии, за которой шли рабочие, не представлялось возможным. Следовало придать войне идеологический лик, и с этой целью был мобилизован "антицаристский эффект": обратились к теням К. Маркса и Ф. Энгельса с их священной ненавистью к самодержавию.

Немецкие социалисты, внушал им Энгельс, не должны капитулировать "ни перед внешним врагом, ни перед внутренним. А это они могут выполнить лишь в непримиримой борьбе с Россией и всеми ее союзниками, кто бы они ни были". Следовал вывод: "...Если Россия начнет войну – вперед на русских и их союзников..." Жаль, конечно, если в числе оных окажется Франция, но что делать, – "немецкие социалисты стали бы сражаться против нее с чувством сожаления, но все-таки сражались бы"[40]. Высказывания относились к 90-м годам XIX в., были у многих на памяти и как нельзя лучше подходили к создавшейся обстановке. Усиленные запугивания "казачьей нагайкой" и "татарской воинственностью" России сделали свое дело. Бетман-Гольвег успокоился: "Ни социал-демократия, ни социал-демократическое руководство не вызывают опасений... Нет и речи об общей или частичной стачке или саботаже"[41]. Результаты голосования за выделение военных кредитов в рейхстаге превзошли все ожидания – ни одного человека против...

Позиция Франции в Петербурге тревоги не вызывала. По словам Палеолога, "отрываясь от России, мы потеряли бы необходимую и незаменимую опору нашей политической независимости"[42]. Недаром все высокие посетители из Парижа возлагали венок к саркофагу Александра III, творца союза, в Петропавловском соборе. Иное дело – Великобритания. Куда она повернет? Надо всеми заботами и тревогами тучею нависло опасение: так что же Англия? Почему она медлит? "Сердечное согласие" не налагало на Великобританию никаких формальных обязательств. Оба соглашения, 1904 и 1907 гг., касались раздела сфер влияния в Африке и Азии; возможный отпор германской агрессии лишь подразумевался. Добиться чего-либо конкретного у невозмутимых британцев не удавалось. Недаром Сазонов с досадой заметил весной 1914 г., что реальность Тройственного согласия "столь же мало доказана, как и существование морского змия"[43].

Сэр Эдуард Грей – министр иностранных дел Великобритании (1905–1916)

Действия британского кабинета во время июльского кризиса в отечественной историографии подвергались сокрушительной критике, смахивавшей на разнос, а Грей представлялся этаким Тартюфом в дипломатическом сюртуке. Начало положил еще в 30-е годы Н.П. Полетика, именовавший его "агентом английского империализма", "организатором войны", который "стравливал оба лагеря", размахивая при этом "побрякушками буржуазного парламентаризма", и занимался подстрекательством противников "к агрессивности и максимальной неуступчивости"[44]. На самом деле Европа с фатальной неизбежностью скатывалась к войне, и "стравливать" противников не было нужды. Сам Грей являлся убежденным сторонником вступления в нее Великобритании. Опытный российский посол Бенкендорф считал главу Форин оффис "столпом Антанты и прирожденным борцом за нее, так как с ней связана вся его политика и все его будущее... Его постоянно беспокоит вопреки всем видимостям именно угроза германской гегемонии"[45].

Яснее всего точку зрения руководства британского министерства иностранных дел выразил помощник Грея Э. Кроу в записке от 25 июля: "...Раньше или позже Англия будет втянута в войну, если последняя вспыхнет"; иначе в случае своей победы Германия и Австрия "раздавят Францию и унизят Россию. С уничтожением французского флота, с оккупацией Германией Канала (Ла-Манша. – *Авт.*) при добровольном или вынужденном сотрудничестве Голландии и Бельгии каково будет положение Англии, лишившейся друзей?" И вывод: "Наши интересы связаны с интересами Франции и России в этой борьбе", дело вовсе не в Сербии, а в стремлении Германии "к политической диктатуре в Европе"[46].

В стране существовала давняя традиция не вмешиваться в континентальные конфликты, а использовать их в своих интересах, зорко наблюдая за равновесием сил. В "дело" Великобритания вступала лишь тогда, когда угроза установления на континенте чьей-либо гегемонии становилась реальной. Австро-сербский конфликт не взволновал политиков, а "человек с улицы" воспринял его как нечто экзотическое. Печать открыто выражала пренебрежение и возлагала вину на Сербию: она-де "сверх всякой меры провоцировала Австрию агрессивной агитацией, которую поддерживала среди подданных соседки"; Белград слыл "очагом конспирации против спокойствия государства-соседа". В таком ключе выдерживались комментарии ведущих газет. У габсбургского посла А. Менсдорфа создалось утешительное представление – Англия "останется вне схватки". Его германского коллегу Лихновского Грей заверил, что его страна сохраняет "свободу рук"[47].

Помимо традиций, существовали связанные со временем и с конкретной обстановкой мотивы, диктовавшие кабинету сугубую сдержанность. Англия переживала острый политический, социальный и даже национальный (в Ирландии) кризис. Изумрудный остров находился на грани восстания. Попытка либерального правительства предоставить ему ограниченную самостоятельность встретила яростное сопротивление на севере острова, в так называемом Ольстере, населенном по преимуществу протестантами – потомками английских и шотландских переселенцев, горой стоявших за единство Соединенного королевства. Офицеры назначенных к отправке в Ирландию полков, сторонники ольстерцев, "взбунтовались", подав коллективное прошение об отставке. Великобританию сотрясала волна стачек. Активизировалась деятельность суфражисток – участниц движения за предоставление женщинам избирательных прав. Кабинет либералов висел на волоске и не проявлял желания отягощать свое положение выдачей союзникам конкретных обязательств, что представлялось взрывоопасным. На домогательства двух послов – П. Камбона и А.К. Бенкендорфа с целью добиться определенности Грей давал расплывчатые ответы, которые никак не могли сойти за изъявление союзнической верности.

24 июля в Лондон поступил текст австрийской ноты. Грей счел ее "самым страшным ультиматумом, адресованным когда-либо одним государством другому независимому государству". В его разговоре с Лихновским впервые прозвучала тревожная для немца нота: "Я не чувствую себя вправе вмешиваться в отношения между Австрией и Сербией, но коль скоро этот вопрос станет вопросом отношений между Австрией и Россией, он станет вопросом об европейском мире, касающемся всех нас"[48]. В тот же день состоялось заседание кабинета, на котором Грей зачитал текст ультиматума. Министры, по обыкновению, уединились в апартаментах премьера на Даунинг стрит, 10. Прессу на подобные встречи не допускают до сих пор, протокола не ведется, все происходит в глубокой тайне, огласке предаются лишь решения. О прочем можно судить лишь по дневниковым записям и мемуарам участников. Так, стало известно, что за выступлением Грея последовала глубокая тишина – и никакой реакции.

А Грей принялся сочинять каскад проектов, долженствовавших засвидетельствовать перед миром, Европой и своим народом обуревавшее Британию миролюбие. Результатов они не принесли, и, похоже, министр на это и не рассчитывал. На заседании кабинета 28 июля, сообщив о разрыве между Австрией и Сербией, он информировал коллег, что надежды на "счастливый исход" больше нет, и даже пригрозил отставкой в случае решения в пользу нейтралитета. Тем не менее лишь четверо (из 15 присутствовавших) при обмене мнениями выступили за вмешательство в нависшую войну[49]. Уже по собственной инициативе и под свою ответственность Грей приступил к жестким объяснениям с Лихновским.

Кабинет с 27 июля заседал ежедневно без видимого изменения позиции большинства его членов. В этих условиях Грей измыслил комбинацию, ознакомившись с которой, впору задать вопрос, что же она означала: предательство России? Ловушку для Германии? Или и то, и другое вместе? Суть сводилась к следующему: Германия и Франция воздерживаются от нападения друг на друга в случае русско-германской войны; Великобритания сохраняет нейтралитет. Россия, таким образом, выдавалась с головой непри-

ятелям[50]. Но у предложения Грея имелась и оборотная сторона: могло ли немецкое войско ринуться "конно, людно и оружно" в Россию, оставив в тылу вооруженную до зубов французскую армию? Кто поручился бы, что французы станут сидеть смирно и ждать, пока разгромят их союзника? Да и на молниеносный исход немцы вряд ли могли рассчитывать: шестинедельный "блицкриг" замышлялся против Франции, в безбрежных же просторах России можно было застрять всерьез и надолго. Так что замысел Грея был не только коварен, но и авантюристичен.

Опытнейший П. Камбон, к тому времени представлявший свою страну в Лондоне более 15 лет, реагировал на демарш Грея однозначно, считая его дезертирством из Антанты. Схему с отсиживанием за линией укреплений он отверг с порога и наотрез отказался даже информировать о ней свое правительство. Легко понять, почему. После 1871 г. целое поколение французов жило в постоянном страхе перед возможностью нового удара пруссаков. Избавление и надежда на реванш пришли только с заключением союза с Россией. А тут предлагается и союзника предать, и опять погрузиться в случае его поражения в состояние безысходности и ожидания, когда же пруссаки вновь расплющат Францию. Посол не скрывал своего возмущения, его объяснения с Греем происходили на басах. Дипломат намекнул, что Великобритании придется худо, буде она покинет друзей. Если в беседах с главой Форин оффис Камбон еще сдерживался (официальный статус обязывал), то при встречах с другими членами кабинета он давал волю чувствам: "Вы нас предали!"; "Честь! Да знает ли Англия вообще, что такое честь?"[51].

У кайзера Вильгельма и Бетман-Гольвега на какие-то часы возникла надежда, что замысел Грея позволит разгромить Россию и Францию поодиночке. Вильгельм успел даже выразить британцам согласие на него. Иллюзию рассеял фон Мольтке. Смысл его почтительного по форме заявления кайзеру сводился к тому, что негоже в одночасье рушить вынашиваемые в течение 20 лет планы и уподоблять германскую политику зайцу на травле, мечущемуся из стороны в сторону: "Сосредоточение миллионной армии нельзя импровизировать, оно – результат огромного, многолетнего тяжелого труда и ... будучи раз установлено, не может быть изменено. Если его величество настаивает на том, чтобы вести всю армию на восток, то он не будет иметь боеспособной армии, а дикое скопище недисциплинированных вооруженных людей..."[52]. Его величество настаивать не стал.

29 июля Бетман-Гольвег произвел своего рода глубокую разведку: Германия не посягнет на территориальную неприкосновенность Франции в Европе (но не в колониях) в случае, если Великобритания останется "зрителем мирового пожара". То же самое обещали Бельгии, если последняя "не станет на враждебную сторону". Вопрос о вторжении в эту страну, что лежало в основе "плана Шлиффена", канцлер обошел молчанием. В Лондоне его откровения сочли странными и дискредитирующими его самого. Грей ответил, что не намерен пускаться в "бесчестный торг" за счет Франции, в результате которого "доброе имя Великобритании уже никогда не удастся восстановить"[53]. Кайзер реагировал на полученный афронт нервно: "Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и с нами, так сказать, покончено. Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами". Досталось и Грею лично: "Гнусный сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир..."[54]

В обстановке крайней напряженности за кулисами официальной дипломатии пришли в движение влиятельные силы, и британский кабинет, по выражению одного историка, был взорван изнутри. Представители военных кругов во главе с генералом Вильсоном, некоторые консерваторы и даже "политические дамы" образовали своего рода негласный комитет по налаживанию смычки между либералами-империалистами в правительстве и лидерами оппозиции. 1 августа приходилось на субботу, и ведущие консерваторы отправились по обычаю на уик-энд в свои поместья. Энергичными усилиями к вечеру удалось вытащить из уютных местечек и привезти в Лондон руководителей партии во главе с Э. Бонар-Лоу и Г. Лэнсдауном. К полуночи они договорились о демарше перед премьер-министром Г. Асквитом в пользу выполнения "долга чести", т.е. выступления в поддержку Франции и России. 2 августа премьер получил письмо Бонар-Лоу и Лэнсдауна, в котором говорилось: "...Было бы роковым, гибельным для чести и безопасности в настоящих условиях колебаться относительно поддержки Франции и России, и мы предлагаем безоговорочную поддержку оппозиции правительству во всех мероприятиях, которые будут сочтены необходимыми вследствие вмешательства Англии в войну"[55].

Это в корне меняло расстановку сил в верхах; разногласия в кабинете отошли на второй план, в случае его раскола Асквит мог сформировать коалиционное правительство, располагающее прочным большинством в палате общин. Ночь на 3 августа премьер провел в частных беседах со "строптивцами", уговаривая их смириться. Все же четверо предупредили об отставке, из них двое потом одумались.

Оставалось представить общественному мнению вступление в войну как акт справедливый и отвечающий кровным британским интересам. Рано утром 3 августа в Лондон поступило известие о германском ультиматуме Бельгии, 4-го – о вторжении в эту страну. Последняя препона спала: Великобритания выступала во имя святости и незыблемости международных договоров, восстановления попранной справедливости и на защиту маленького и отважного народа. Грей, не мешкая, направил в Берлин ноту с требованием прекратить агрессию и с жестким сроком – 8 часов. Ответа он не дождался. Бетман-Гольвег на прощальной аудиенции послу картинно выражал свое недоумение: ради какого-то "клочка бумаги", договора о вечном нейтралитете Бельгии, подписанного еще в 1831 г., Британия собирается воевать с державою, только и помышляющей о дружбе с нею. Непреклонный сэр Э. Гошен счел, что его собеседник не способен "внимать голосу разума" и не стал пускаться в дискуссию[56]. Кайзер Вильгельм реагировал со свойственной ему эмоциональностью. Грея он обозвал "лживым псом, боящимся своей собственной подлости и фальшивой политики": "Парень свихнулся или он совсем идиот". Комментируя изданные после войны немецкие документы, Фей заметил, что кайзер предстал в них "в подштанниках"[57]. Реакция в стране была бурной, в кирхах патеры возносили Господу Богу молитвы с просьбой "Покарай Англию!"

И все же приходится недоумевать: неужели в Берлине не предвидели британского отклика на вторжение в Бельгию? Для этого не понадобилось бы углубляться далеко в архивные дебри: в 1870 г. во время франко-прусской войны Лондон потребовал у обеих воюющих сторон гарантии бельгийской неприкосновенности и добился подписания с каждой из них соответст-

вующей конвенции. А в случае отказа правительство королевы Виктории грозило войной. Но в Германии военщина шла напролом и отбросила дипломатию на обочину истории, что сознавал и рейхсканцлер: "Руководство событиями уже потеряно, и камень покатился"[58]. Все вернулось на круги своя, т.е. к "плану Шлиффена".

Столь же неуклюже наследники Бисмарка разыграли дебют в партии с Францией. "Коварные галлы" затаились, не желая брать на себя инициативу объявления войны, и даже отвели войска на 10 километров от границы, чтобы избежать провокаций. Немецкие генералы нервничали: время, отпущенное на "блицкриг", уходило. Послу в Париже Шену направили инструкцию – если Франция, вопреки ожиданиям, останется нейтральной, потребовать в залог крепости Туль и Эпиналь[59], тогда она будет сидеть смирно. Уж этого ни один француз не стерпит! Неприятной миссии с вручением скандальной бумаги послу удалось избежать. У военщины лопнуло терпение: войска заняли позиции вдоль бельгийской границы, медлить дольше значило пускать "план Шлиффена" под откос. 3 августа Германия объявила Франции войну.

И поныне в зарубежной литературе выражается мнение, что Франция твердо придерживалась курса на войну, руководствуясь союзнической верностью России с ее балканскими интересами, и по вопросу, пишет американская исследовательница Б. Елавич, "в котором не была заинтересована и ради которого не стоило рисковать национальным существованием"[60]. Между тем верность Парижа опиралась на собственные интересы: Австро-Венгрия объявила войну России лишь 6 августа, т.е. тогда, когда и Великобритания, и Франция уже приступили к военным операциям против Германии по причинам, не имевшим ничего общего с балканским кризисом.

Вечером 4 августа в Петербурге в храме Богоматери собралась французская колония на молебен о даровании победы. В последний момент в церковь вошел Бьюкенен; со Святого престола свешивались знамена трех союзных держав Антанты. Тогда же толпа разгромила здание германского посольства, не пощадив и личной коллекции посла Пурталеса – бронзы и мрамора эпохи Возрождения.

В научных кругах десятилетиями ведется дискуссия об ответственности за развязывание первой мировой войны[61]. Сейчас к оценке виновности подходят более взвешенно, чем 80 лет назад. В историографии утвердилось мнение о "длительном" и "коротком" периодах вызревания причин, породивших войну. "Кроются ли предпосылки возникновения войны в кризисе июля 1914 г., в том невероятном клубке ситуаций, событий, сил, решений, который не мог быть распутан иначе, как посредством вооруженного конфликта? – задает вопрос итальянский профессор Б. Виджецци. – Или политические, экономические, военные, социальные и культурные причины войны вызревали в течение длительного периода; и был ли июль 1914 г. безумным, но вполне предсказуемым концом болезни, в тот момент уже неизлечимой, которая стала очевидной после медленного, обманчивого, даже скрытого инкубационного периода?"[62].

На наш взгляд, все вышесказанное свидетельствует о правильности второго варианта ответа. До сих пор ведутся дискуссии насчет возможной альтернативы войне. Существовала ли она? Подробно разбирается каждое звено из опутавших земной шар противоречий и доказывается, порой убеди-

тельно, что то или иное из них можно было устранить, не вынимая меч из ножен. Так, Л.Г. Истягин полагает, что у России не существовало с Германией таких разногласий, чтобы хвататься за оружие, и вообще в большинстве случаев "противоречия на империалистической почве, в том числе колониальные, не были такими уж абсолютно стопроцентно антагонистическими, непримиримыми". Т.М. Исламов придерживается мнения, что Россия оказалась втянутой в войну, которая отнюдь не диктовалась правильно понятыми национальными интересами Российской империи. И не геополитические интересы России требовали разрушения Австро-Венгрии, а интересы создания "Великой Сербии". И добавляет: "...не всегда великие были ведущими, а малые ведомыми, зачастую инициатива исходила от последних". А.В. Ревякин высказывает точку зрения, что "по большому счету у ведущих мировых держав не было оснований стремиться к войне"[63].

Действительно, теоретически можно себе представить, что мало-помалу, но Великобритания и Германия придут к какому-то компромиссу вокруг дележа колоний и баланса морских вооружений; что еще одно поколение французов подождет с реваншем – набрались же терпения два предшествовавших; что удастся уладить российско-германские торговые споры, а с австрийцами достигнуть некоего status quo на Балканах. Но надо всем нависало одно основное, доминирующее противоречие, порожденное рывком Германии к европейскому, а далее – к мировому господству. И в этом нельзя не согласиться с Ф. Фишером[64]. Мы не разделяем мнения А.В. Ревякина, будто ни одна из причин первой мировой "не была настолько важной, чтобы оправдать риск..."[65] Такая причина существовала. Подобного рывка не прощали никому и никогда; отсюда войны – Тридцатилетняя 1618–1648 гг.; за испанское наследство 1701–1714 гг.; семь антифранцузских коалиций 1793–1815 гг. Один лишь фантом российского могущества сплотил против нее Великобританию, Францию, Турцию, Пьемонт, на подхвате была Австрия, и разразилась Крымская война 1853–1856 гг. Гегемонистские претензии Германии на континенте в начале XX столетия сделали процесс сползания к войне необратимым. Альтернативы в реальной жизни не существовало. Ни Франция, ни Россия не желали согласиться на роль второстепенных держав, предназначенную им в планах пангерманцев, без схватки не на жизнь, а на смерть.

Историография первой мировой безбрежна и неисчерпаема. Существуют фундаментальные труды, в которых "по косточкам" разобран июльский кризис, прослежены все демарши и контрдемарши, проекты локализации конфликта, ограничение его Австрией и Сербией или его европеизации (выступление держав в качестве третейских судей)[66]. В глубине души опытные политики сознавали, что пытаться ограничить его какими-то рамками – все равно, что планировать частичный взрыв в пороховом погребе. Постоянный заместитель Грея А. Никольсон делился своими мыслями с Бьюкененом: "Россия не может допустить, чтобы Австрия раздавила Сербию". Если Вена "провоцирует войну с Сербией ... она должна хорошо сознавать, что подобный поступок с ее стороны, по всей вероятности, вызовет общеевропейский пожар". Общим для всех участников игры являлись клятвы в обуревавшем их миролюбии. "Вилли" в одной из своих телеграмм "Ники" вызвал в свидетели даже тень своего деда, который на смертном одре завещал ему вечную дружбу с Россией[67]. Очевидно, что субъективно многие страши-

лись наступления чего-то ужасного и непредсказуемого, это ощущается в тоне депеш Лихновского из Лондона и Пурталеса из Петербурга. Но личные колебания и опасения не могли предотвратить скатывания к войне, рывок Германии к господству с фатальной неизбежностью увлекал Европу в пропасть.

"Теперь или никогда!" – гласила помета Вильгельма на донесении посла из Вены от 5 июля. Такую же позицию занимали австрийцы. Глава венской дипломатии Берхтольд разъяснял ситуацию коллегам по кабинету, отвергая всякий поиск компромисса: "Все это только мишура. Россия будет изображать себя спасительницей Сербии, и в особенности сербской армии; последняя останется нетронутой, и через 2–3 года нам снова надо будет думать о нападении на Сербию, но уже при гораздо менее благоприятных условиях"[68]. И, наконец, следовало обобщение Ягова: через несколько лет Россия "задавит нас количеством своих солдат". "Теперь или никогда!"

Если в длительной перспективе ответственность за развязывание первой мировой войны падает на всех основных ее участников, хотя и в разных долях, то в ее провоцировании именно в августе 1914 г. в наибольшей степени повинен германский и австро-венгерский империализм. Нельзя не согласиться с мнением В.С. Васюкова: "Главной причиной первой мировой войны явилось стремление Германской империи силой оружия установить свое господствующее положение в Европе и мире и готовность Тройственного согласия не допустить подобного исхода"[69]. Единственно, что могло избавить человечество от катастрофы – это свертывание знамени пангерманизма и сдача "плана Шлиффена" в архив, что было мыслимо разве что в пацифистских грезах. Потребность в войне именно сейчас довлела над умами австро-немецких сановников, а сознание ее неотвратимости становилось у их оппонентов убеждением. И нет нужды в каждом их высказывании усматривать лицемерие и демагогию. Кроу в записке от 25 июля констатировал: Германия стремится к установлению своей политической диктатуры в Европе. Сазонов также не грешил против истины, когда в выступлении перед Государственной думой говорил: "Для нас было ясно, что не вступиться в дело – значило бы не только отказаться от вековой роли России как защитницы балканских народов, но и признать, что воля Австрии и стоящей за ее спиной Германии является законом для Европы". Он же много позднее, в эмиграции, правда, уже несколько сместив акценты, писал: "Тройственное согласие не преследовало никаких наступательных целей и стремилось только предупредить установление германской гегемонии в Европе, в чем оно усматривало опасность для своих жизненных интересов"[70].

Упомянутый экс-министром, ставшим мемуаристом, тезис относительно отсутствия "наступательных целей" можно отнести с натяжкой только к августу 1914 г. В дальнейшем эти цели обнажили себя полностью. В системе международных отношений никто не отличался мирными повадками; все их субъекты, большие и малые, участвовали в затягивании многочисленных узлов противоречий, и каждый стремился воспользоваться разразившимся катаклизмом для того, чтобы распутать свой узел с выгодой для себя. В этом смысле прав Т.М. Исламов: "малые" страны вмешивались в конфликт со своими претензиями, порой амбициозными, и представлять их в виде агнцев или марионеток значит искажать картину.

В советской историографии на многие годы утвердилась характеристика первой мировой как войны империалистической. По этому поводу уже были высказаны серьезные оговорки[71]: даже в самые сурово-разоблачительные времена признавалось, что подвергшиеся нападению Бельгия и Сербия сражались ради своего освобождения. Никогда ни один француз не сочтет возврат в лоно родины Эльзаса и Лотарингии захватом. Встает вопрос и о том, как же объяснить в рамках этой империалистической формулы возрождение, после векового перерыва, государственности поляков, литовцев, чехов, возникновение ее у эстонцев, латышей, словаков, объединение югославян и румын? Зарождение "скандинавской модели" социализма? Призыв президента США В. Вильсона о "мире без победителей", демократические и пацифистские составляющие его "14 пунктов"? Обо всем этом – ниже. Но, ни в малой степени не умаляя роль империалистского компонента в генезисе первой мировой войны, нельзя сводить к нему все ее содержание. К такому выводу приводит и рассмотрение морально-психологических аспектов втягивания в противоборство "цвета нации", культурной элиты стран – участников войны.

3. "Война манифестов"

Начавшейся войне на протяжении многих лет предшествовала не только экономическая и военно-техническая подготовка, но также идеологическая и психологическая обработка населения. Задолго до возникновения войны правящие круги многих стран старались внушить населению мысль о необходимости и неизбежности войны, насаждали милитаризм и разжигали шовинистические чувства. Для этой цели использовались церковный амвон, школа, печать, наука, литература, искусство. Историки уделяют особое внимание анализу националистических концепций правящих кругов отдельных стран и их пониманию "национальных интересов". Эти шовинистические имперские идеологии, являвшиеся своего рода идейным сгустком общественной психологии правящих верхов и поддерживавшего их класса интеллектуалов, придавали внешней политике великих держав особую воинственность. Преклонение перед силой стало знаковым явлением.

Наиболее настойчиво и целеустремленно культ милитаризма и военщины насаждался в предвоенной Германии. Здесь большую роль в формировании политической идеологии милитаризма сыграл Пангерманский союз. В основе его идеологии лежала легенда о превосходстве немецкой нации. Широкое распространение получил культ грубой силы, оправдание агрессии и захватнических войн. Генерал Ф. Бернгарди, чьи произведения накануне войны получили широкое распространение, писал: "Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без удара меча"[72]. Он призывал не останавливаться перед самыми жесткими средствами ведения войны ради достижения победы над противником.

В канун войны милитаристская пропаганда в Германии достигла большого накала. В июне 1914 г. русский генерал А.А. Брусилов, находившийся на отдыхе в курортном городе Киссингене, стал свидетелем следующей картины. На центральной площади города воздвигли макет московского Кремля,

который под звуки нескольких оркестров был подожжен со всех сторон. "Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь... Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не было предела, когда музыка сразу же при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн"[73]. Пангерманистская идеология нашла благодатную почву и в Австро-Венгрии. Здесь она имела в основном антиславянскую направленность.

В Италии пропагандистская машина стремилась убедить граждан в необходимости широкой колониальной экспансии на Балканах, в Малой Азии и в Северной Африке, что позволило бы Италии обрести былое величие и могущество Римской империи. Весьма активно действовала Националистическая ассоциация. Один из глашатаев итальянского империализма, Л. Федерцони, ратовал за "глубоко рациональную и эгоистичную внешнюю политику", которая бы способствовала экономической и колониальной экспансии и распространила бы итальянскую цивилизацию "на весь мир"[74].

В странах Антанты пропаганда войны не была столь откровенной и беззастенчивой, как в Германии. Однако она тоже велась систематически и целеустремленно. Так, в Англии в основе милитаристской пропаганды лежала проповедь неудержимой колониальной экспансии. В последней трети XIX в. тон здесь задавал историк Д. Фруд. Он пропагандировал всемерное подчинение государственной политической программы задачам колониальной экспансии. Фруд требовал начать войну против буров, ратовал за передел мира, за отвоевание наиболее ценных территорий у европейских государств[75]. С начала XX в. в идеологической подготовке Британии к войне важное место заняла пропаганда германской "опасности" в смысле подрыва английской промышленности, торговли, морского транспорта, в которых были заняты миллионы британских рабочих, а также запугивание англичан растущей морской мощью Германии.

Многочисленная милитаристская литература широко распространялась во Франции. В стране существовал подлинный культ армии. "Вокруг идеи армии, – писал французский историк Р. Жирарде, – создавалось единство Франции"[76]. Милитаристская пропаганда велась под лозунгом отмщения за проигранную войну 1870–1871 гг. Многие французы и в начале XX в. воспринимали ее не как "дела давно минувших дней", лично их не затрагивающие, но переживали как собственное поражение, как свой позор. Всевозможные националистические объединения (так называемые лиги) насчитывали в своих рядах сотни тысяч членов. Вождями их нередко являлись известные журналисты и писатели, как, например, П. Дерулед, М. Баррес и Ш. Моррас[77]. Военный писатель А. Буше за несколько лет до начала мировой войны писал: "Французы... народ гордый, который всегда исполнит то, что ему прикажет его честь... Франция должна говорить громко и решительно, так как имеет на это полное право. Ее враг 1870 ошибается"[78]. Начиная с рубежа веков в интеллектуальных кругах Франции формировались представления о Германии как прирожденном антагонисте, а не просто оппоненте или сопернике Франции[79].

Пропаганда милитаризма особенно широкий размах приобрела с избранием в 1913 г. президентом Третьей республики Пуанкаре. "Для француз-

ского правительства, – говорил он российскому послу Извольскому, – весьма важно иметь возможность заранее подготовить французское общественное мнение к участию Франции в войне"[80]. Незадолго до начала мирового конфликта президент, к которому уже прочно "приклеилось" прозвище "Пуанкаре-война", с удовлетворением отмечал: "События последних 18 месяцев произвели во французском общественном мнении крутой переворот и вызвали здесь давно небывалое патриотическое настроение"[81].

В России в предвоенные годы общественное мнение все чаще проявляло себя во внешней политике, выступая с позиций защиты великодержавного престижа, критикуя национальную дипломатию за инертность и "уступчивость"[82]. Усиленно проповедовалась идея "славянской солидарности", в частности в связи с отношением к Сербии и Черногории, а кое-где дело дошло до пропаганды великодержавного панславизма и призывов начать войну ради защиты "братьев-славян" и объединения всех славянских народностей под эгидой России[83]. Однако в России национализм не приобрел такого масштабного и агрессивного характера, как, например, в Германии.

Свой вклад в идеологическую подготовку войны внесли и малые страны Европы, в первую очередь балканские. Ни одна из них в самый момент возникновения войны не была в ней заинтересована, но каждая стремилась воспользоваться конфликтом для территориального расширения, причем все без исключения подобные планы выходили за пределы оправдываемой национальным объединением акции. Существовали великосербская, великогреческая, великорумынская, великоболгарская программы[84].

Особенно бурлило болгарское общество. Оно восприняло исход второй Балканской войны как национальную катастрофу, в день подписания Бухарестского мира в стране был объявлен траур. В приказе о демобилизации армии царь Фердинанд Кобургский писал: "Свернем знамена до лучших времен"[85]. Вступление в войну с целью возврата потерянного имело шансы на поддержку в народном мнении. Послушное царю правительство либеральных партий во главе с В. Радославовым создавало политический климат, благоприятный для активизации реваншистских настроений. При этом оно использовало проблему беженцев с территорий Южной Добруджи, Фракии и Македонии.

Последняя была сердцевиной болгарских национально-территориальных требований. Поскольку значительная ее часть (Вардарская Македония) после Балканских войн вошла в состав Сербского королевства, то именно его многие болгары считали врагом номер один. Образ этого врага усиленно насаждался официальной пропагандой. 24 июля 1914 г., узнав содержание австро-венгерского ультиматума Сербии, Радославов воскликнул: "Это большое счастье для Болгарии"[86]. В августе официозная печать превозносила Австро-Венгрию и доказывала, что она и Болгария имеют одинаковые интересы на Балканах и должны вести совместную политику. Целью этой политики открыто провозглашался разгром "общего врага" – Сербии и установление болгарской гегемонии на Балканах. Эта шовинистическая пропаганда находила благоприятный отклик среди выходцев из Македонии. Сквозь мощный гул антисербской пропаганды в первый месяц войны в газетах русофильских партий прорывались, правда, и отдельные нотки сочувствия Сербии, но одновременно выражалось и непреклонное убеждение, что Бухарестский договор должен быть пересмотрен, а Македония возвращена Болгарии.

Как видим, многолетняя идеолого-психологическая подготовка к войне проводилась в большинстве европейских стран. Принимала в ней участие и интеллектуальная элита. Например, еще на рубеже веков одновременно с политическим сближением России и Франции в Париже начало действовать общество изучения России. Оно активно работало не только в области межгосударственных культурных и научных отношений, но и в плане сближения геополитических позиций[87]. В Германии в начале века получил значительный резонанс меморандум так называемых "флотских профессоров" – сторонников территориальной экспансии и роста военной мощи рейха.

Вообще коллективные воззвания ученых как средство ведения или изменения политики до начала мировой войны использовались скорее внутри отдельных государств. Но именно летом и осенью 1914 г. этот жанр получил распространение в области внешнеполитической. Хотя наиболее значимым было участие в этих публичных дебатах немецких ученых, начало им было положено в Великобритании и направлены они были как раз против ее вовлечения в начавшееся вооруженное противостояние на континенте. 1 августа 1914 г. на страницах "Таймс" появилось воззвание, подписанное шестью профессорами, среди них известным физиком Дж. Томсоном. Оно предупреждало о возможности участия Британии в войне на стороне самодержавной России против Германии, которой Европа и Англия столь обязаны многими научными и культурными достижениями, так что война против нее, по мнению авторов, стала бы "грехом против цивилизации". Но после вступления страны в войну настроения английского общества существенно изменились. Уже 18 сентября появилось обращение противоположного рода – "Судьба и долг Британии", подписанное Г. Уэллсом, А. Конан Дойлом, Р. Киплингом и рядом ученых. Наряду с выражением уважения и благодарности к Германии и ее культуре, его авторы отказывались признавать, что "какая-либо нация обладает правом навязывать грубой силой свою культуру другим нациям или что железная военная бюрократия Пруссии представляет собой более высокую форму человеческого общежития, чем свободные конституционные державы Западной Европы"[88].

Поворотным пунктом в отношении интеллектуальной элиты стран Антанты к Германии стала бомбардировка Реймсского собора и разрушение ряда других памятников европейского искусства[89], оказавшихся в зоне боевых действий на Западном фронте, но более всего – гибель библиотеки католического Лувенского университета 25 августа 1914 г. на территории оккупированной Бельгии. Библиотека насчитывала 230 тыс. томов, 950 манускриптов и 800 инкунабул. Этот акт, ставший по образному выражению немецкого историка В. Шивельбуха "Сараевом европейской интеллигенции", напрямую отсылал к судьбе Александрийской библиотеки и оказался весьма удобен в качестве красноречивой иллюстрации натиска, как принято было говорить, современных гуннов и варваров (немцев) против старой европейской культуры[90]. Именно тогда в ответ на открытое письмо уехавшего в Швейцарию Р. Роллана немецкий драматург Г. Гауптман, заслуженно снискавший себе до войны репутацию защитника свободомыслия, ответил, что не пощадит шедевра Рубенса ради спасения жизни хотя бы одного немецкого солдата. Роллан же, с осени 1914 г. живший в Женеве, с изданием 15 сентября известной статьи "Над схваткой" стал одним из крупнейших деятелей европейского пацифистского движения. Он сосредоточил свои

усилия на преодолении негативных последствий войны для мирового интеллектуального сотрудничества[91]. Сентябрьские публикации в "Журналь де Женев" и "Трибюн де Женев" стали одними из первых событий идеологической войны между немецкими интеллектуалами и их оппонентами из противоположного лагеря.

Начавшаяся в печати стран Антанты публичная антинемецкая кампания стала исходным толчком для организации наиболее известного (и одиозного) обращения 93 немецких интеллектуалов "К культурному миру". Из этого числа 58 были профессорами (22 – в естественных науках и медицине, 33 были или станут после членами Прусской Академии наук)[92]. Из подписавших 17 были деятелями искусства, 15 ученых-естественников, 12 теологов, 9 писателей и поэтов, по 7 – юристов, медиков и историков, 5 искусствоведов, по 4 философа и филолога, 3 музыканта и всего 2 политика (Фридрих Науман и Георг Райке). Идея организаторов как раз и состояла в том, чтобы о единстве армии и духа нации свидетельствовали лучшие представители последнего, а не ангажированные по статусу парламентарии или деятели правительства.

Инициатором создания этого "профессорского воззвания" был руководитель бюро информации имперского военно-морского ведомства капитан Г. Лоляйн. Непосредственным же автором стал драматург и переводчик Л. Фульда. Исходный вариант документа обсуждался в Берлине с 13 по 19 сентября при участии писателя Г. Зудермана, обер-бургомистра города Г. Райке и ряда представителей университетской науки. Под ним подписались ведущие ученые страны – историки К. Лампрехт и Э. Мейер, философы В. Виндельбанд и В. Вундт, химики Ф. Габер, Э. Фишер и многие другие. Некоторые из них, например экономист Л. Брентано, впоследствии признавали, что даже не ознакомились внимательно с текстом документа[93].

В воззвании, построенном по всем законам риторики, шестикратное "неправда, что..." отрицало обвинения Германии в развязывании войны, нарушении бельгийского нейтралитета, "зверствах" и варварском поведении немецких солдат; его авторы подчеркивали единство немецкой армии и культуры и спасительную ценность этого милитаризма, без которого немецкая культура "была бы стерта с лица земли"[94]. Все это сыграло роль, противоположную намерениям инициаторов манифеста. Вместо защиты и утверждения правоты немецкой стороны, обращение "К культурному миру" стало, в том числе и для общественного мнения ряда нейтральных стран, очевидной демонстрацией шовинизма и самоослепления лучших представителей немецкой духовной жизни.

Впрочем от них не были свободны и появившиеся в этой полемике обращения ученых, писателей и интеллектуалов прочих воюющих государств. В опубликованном в "Русских ведомостях" 28 сентября обращении от имени писателей, художников и артистов поддерживалась идея обуздания германской жестокости правой силой. При этом авторы указывали на опасность поддаться соблазну мести: "Уже прорастает широко брошенное ее (Германии. – *Авт.*) рукой семя национальной гордыни и ненависти; пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам, и громко раздадутся тогда голоса ослепленных гневом... и отрекающихся от всего великого и прекрасного, что было создано гением Германии на радость и достояние всего человечества. Но заставим себя помнить гибельность таких путей... Про-

тивники ее, несущие народам мир и освобождение, воистину должны быть руководимы лишь священными чувствами!"[95] Это воззвание подписали вместе с А.М. Горьким, Ф.И. Шаляпиным, Л.В. Собиновым, К.С. Станиславским и Е.Б. Вахтанговым также Ф.Е. Корш, А.И. Кизеветтер, Л.М. Лопатин, В.М. Фриче, П.Б. Струве, М.И. Ростовцев, П.Н. Сакулин и многие другие деятели российской культуры, всего около 1000 человек.

"Воззвание 93-х" дополнило в октябре лаконичное "Обращение преподавателей высших школ германского рейха". Его подписали более 4 тыс. профессоров и приват-доцентов, а автором был выдающийся немецкий антиковед У. фон Виламовиц-Мёллендорф. Также по инициативе Тюбингенского университета была принята "Декларация немецких университетов". Ее поддержали ректоры и сенаты всех 22 университетов Германии. В обоих документах ведущей мыслью было единство немецкого народа и его интеллектуальных вождей с воюющей армией. Этот тезис противопоставлялся постулату Антанты о наличии "двух Германий" – "подлинной" страны поэтов и философов и державы победившего варварства и милитаризма; во всех немецких документах начавшейся в 1914 г. "войны духа" Германия Гете и Канта была тождественна Германии Бисмарка и Гинденбурга. Занятия наукой и военная служба рассматривались в обращении Виламовица как веления долга, средства воспитания чувства чести и самосознания свободного человека в добровольном подчинении себя целому: «На том стоят наши войска в борьбе за свободу Германии и тем самым за все блага мира и добронравия не только в самой Германии. Мы верим, что благополучие всей европейской культуры зависит от победы, за которую сражается немецкий "милитаризм", от дисциплины, верности, самопожертвования единодушного свободного народа»[96]. Сходные соображения содержались в публичной речи Виламовица "Наука и милитаризм", произнесенной 20 ноября 1914 г.[97]

Осенью–зимой 1914 г. в обилии появлялись коллективные ответы германским профессорам. 21 октября "Таймс" опубликовала обращение 117 видных британских ученых. 26 октября на ежегодном публичном заседании Института Франции, объединяющего пять французских Академий, был принят специальный ответ на "Воззвание 93-х". Соответствующие документы утвердили и на общих собраниях отдельных Академий. 3 ноября в качестве отклика на вышеупомянутую немецкую декларацию был распространен Манифест 15 французских университетов, обращенный к университетам нейтральных стран.

"Ответ германским ученым" появился во второй половине декабря и в России. Он был подписан 166 представителями университетской общественности Петрограда (так с августа 1914 г. стал называться Санкт-Петербург) и Москвы. В числе подписавших были Н.С. Курнаков, П.П. Лазарев, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, Б.А. Тураев и др. Отсутствовали имена В.И. Вернадского, А.П. Карпинского, С.Ф. Ольденбурга[98]. Н.П. Анциферов сообщал, что от подписания манифеста, на что требовалась немалая личная храбрость в готовности пойти наперекор мнению большинства своего "цеха", отказались Л.И. Петражицкий и Н.И. Кареев[99]. Ученый совет Казанского университета в начале 1915 г. также принял специальный контрмеморандум, обращенный к немецким ученым[100].

В нейтральных странах Европы реакция на "Воззвание 93-х" была неоднозначной. На заседании Академии наук Португалии был принят негатив-

ный ответ германским ученым. В Швейцарии, в высших школах которой имелось достаточно много приверженцев либерально-социалистических взглядов, также появилось обращение 314 профессоров "Задачи швейцарских высших школ". Его авторы недвусмысленно отмежевались от позиции "Воззвания 93-х"[101]. В Швеции, Испании и Греции реакция на него была в целом позитивной[102].

Коллективными посланиями обменялись теологи воюющих стран. В "Адресе евангелическим христианам за границей" берлинские богословы отмечали факты притеснения гражданских лиц немецкой национальности в странах Антанты. Это утверждение оспорили их коллеги из Оксфорда в обращении "К христианским ученым Европы". Место христианской религии и морали в войне было предметом публичных воззваний преподавателей протестантских богословских учебных заведений Франции, Нидерландов и Швейцарии[103]. Попытка представить войну как противостояние протестантского немецкого и католического французского народов (вполне распространенный взгляд, например, среди российской интеллектуальной публики) была немедленно отвергнута как французскими протестантами, так, в особенности, и политически влиятельными немецкими католиками[104].

Весьма резкую реакцию воззвание "К культурному миру" вызвало в США. Там на него появлялись персональные ответы видных ученых и администраторов. В частности, ответ С.Г. Черча, президента Института Карнеги, был распространен в форме открытого письма доктору Ф. Шаперу от 9 ноября 1914 г. и тогда же переведен на ряд языков, включая русский. В этих ответах подчеркивались отречение немецких коллег от ими же провозглашенного идеала "свободы преподавания" и тот факт, что для большинства германских ученых их лояльность государству в качестве служащих оказалась важнее принципов научной нейтральности и объективности. Позднее, уже после окончания войны, Н. Батлер, президент Колумбийского университета и в прошлом один из инициаторов системы немецко-американских профессорских обменов, усматривал в "Воззвании 93-х" свидетельство поразительного самопроституирования немецкой учености и науки перед национальной жаждой завоеваний[105]. А снискавший известность американский экономист Т. Веблен назвал это обращение "душевным расстройством немецкой мысли". Много почерпнувший у Г. Спенсера и Дж. Гобсона, Веблен осенью 1914 г. спешно заканчивал книгу "Имперская Германия и индустриальная революция" (1915). Здесь он последовательно противопоставлял британское "индустриальное общество" (не умаляя одновременно его внутренние конфликты) феодальному принципу организации немецкого "военного общества"[106].

Другой видный американский ученый, основатель школы "интеллектуальной истории" А. Лавджой в письме к издателю журнала "Нэйшн" в ноябре 1914 г. сформулировал позицию большинства американского академического сообщества следующим образом: "Мы многому научились у немецких мыслителей по части исторической объективности и методов исторического критицизма, но то, что мы получили из применения этих принципов к современным событиям, являет собой грубую компиляцию неточностей, домыслов и вульгарных обращений к тому, что принято считать американскими предрассудками... Этот инцидент содержит в себе слишком много поучительного и предостерегающего для американских коллег, чтобы

оставить его без внимания. В связи с прочими обстоятельствами важно показать, во-первых, что профессиональный класс в стране, где он играет наибольшую роль, не сумел в самый решающий момент немецкой истории исполнить присущую ему функцию ангажированного и действенного критицизма и холодного рассудка, а во-вторых, что приниматься во внимание и рассматриваться должны только факты, и то, что к ним относится"[107].

Одним из важных мероприятий коллективной войны манифестов был публичный меморандум оксфордских историков "Почему мы воюем. Случай Британии". Он был оперативно выпущен в сентябре 1914 г. (издан также и на русском языке). Вскоре появилась ответная декларация германской стороны[108], а затем – по инициативе МИД и прусского министра просвещения Ф. Шмидт-Отта – обобщающий сборник "Германия и мировая война" (под редакцией О. Гинце, с участием Г. Онкена, Ф. Майнеке и др.).

Для "людей духа", исследователей и преподавателей, в деле обеспечения лояльности своему правительству или народу в рассматриваемый период менее всего речь может идти о корыстном интересе, выгоде или "коррумпированности". Подавляющее большинство из них участвовало в начавшейся практически одновременно с пушечными выстрелами "войне духа", исходя из высших и с их точки зрения вполне благородных побуждений. Они рассматривали войну как время утверждения еще ранее провозглашенных и потенциально всеохватывающих идеалов и ценностей[109]. Эти основания и мотивы разнились: от поддержки государства как носителя и гаранта высших духовных ориентиров (в Германии), обеспечения государственного единства (в Австро-Венгрии) до защиты республиканско-демократических завоеваний от прусского милитаризма (Франция и США), обретения невозможного ранее единства с властью, народом и передовыми демократиями Запада (Россия, в последнем аспекте также Италия). Общим было изображение своей стороны как обороняющейся, вынужденно принявшей на себя необходимость вооруженной борьбы ради защиты своей культуры от варварства коварно напавшего противника, прикрывающего внешними признаками цивилизации агрессивное насаждение собственного превосходства. Трагический опыт первой мировой войны подтверждает, хотя зачастую и парадоксальным образом, тезис об усиливающейся связи науки и культуры с общественно-историческим процессом по мере углубления процесса модернизации, становления современного общества. При этом тема политической, исторической и нравственной ответственности интеллектуальной элиты общества остается ключевой[110].

[1] *Фей С.* Происхождение мировой войны. М.; Л., 1934. Т. II. С. 77.

[2] Там же. С. 141; *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 50–51.

[3] Цит. по: *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 30.

[4] Там же. С. 33–34; *Фей С.* Указ. соч. С. 98.

[5] *Funder F.* Vom Gestern ins Heute. Wien, 1956. 2. Auflage. S. 505.

[6] *Kann R.* Erzherzog Franz Ferdinand – Studien. Wien, 1976. S. 35.

[7] *Bridge F.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Oxford, 1991. P. 76.

[8] *Bridge F.* Österreich-Ungarn unter den Grossmächten. Die Habsburgermonarchie 1848–1918 // Auftrag der Komission für die Geschichte der österreichisch-ungarischen

Monarchie (1848–1918) / Hrsg. von A. Wandruszka und P. Urbanitsch. Bd. VI. 1. Teilband. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien, 1989. S. 334–336.

[9] *Rauchensteiner M.* Österreich im Ersten Weltkrieg // Österreich im 20. Jahrhundert. Von der Monarchie bis zum Zweiten Weltkrieg / Hrsg. R. Steiniger, M. Gehler. Wien, 1997. S. 34.

[10] *Williamson S.* Austria-Hungary and the Origins of the First World War. N.Y., 1991. P. 16; Austrian History Yearbook (далее – AHY) 1992. University of Minnesota, Minneapolis, 1993. Vol. XXIII. P. 270; *Idem.* Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien, 1989.

[11] *Kann R.* Dinasty, Politics and Culture: Selected Essays. Boulder, Color., 1991. См. также: *Tunstall G.A.* The Habsburg Command Conspiracy: The Austrian Falsification of Historiography on the Outbreak of World War I // AHY. 1996. Vol. XXVII. P. 181–198.

[12] *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien; Köln, 1994. S. 67.

[13] *Conrad von Hötzendorf F.* Aus meiner Dienstzeit. Wien, 1923. Bd. IV. S. 17.

[14] *Полетика Н.П.* Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935. С. 319. См. также: *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold. Wien; Graz; Köln, 1963. Bd. II. S. 561.

[15] *См. стенографические отчеты парламента Венгрии о дебатах в палате депутатов* 8, 14 и 25 июля 1914 г. по поводу сараевского покушения: Az 1910. Évi június hó 21-ére hirdetett Országgyülés Képviselõházák Naplója. 25. köt.

[16] *Фей С.* Указ. соч. С. 127.

[17] *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 501–502.

[18] См.: *Bridge F.* From Sadova to Saraevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary. 1866–1914. London; Boston, 1972. P. 375; *Stone N.* Hungary and the Crisis of July 1914 // Journal of Contemporary History. 1966. Vol. 1. P. 153–170.

[19] *Gergely J.* Az els világháború viharában // Balogh S., Gergely J., Izsák L., Pritz P., Romsics I. Magyarország a XX. Században. Budapest, 1985. P. 57.

[20] *Pölöskei F.* Tisza István. Budapest, 1985. 237.old.

[21] Velike sile i Srbija pred prvi svetski rat. Beograd, 1976. S. 597–616.

[22] *Pölöskei F.* Op. cit. 238.old.

[23] *Фей С.* Указ. соч. С. 153.

[24] *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. S. 67–69.

[25] *Pölöskei F.* Op. cit. 248.old.

[26] *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в нотах, договорах и декларациях. М., 1925. Ч. 2. С. 4–5; французский текст – British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (далее – BD). L., 1928. Vol. XI. P. 364–365.

[27] *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 303–305.

[28] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 72. Текст сербской ноты см.: *Фей С.* Указ. соч. С. 219–221.

[29] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 76.

[30] *Wank S.* Desperate Council in Vienna, July 1914 // Central European History. 1993. Vol. 26. N 3. P. 295.

[31] *Redlich J.* Schicksalsjahre Österreihs 1908–1919. Graz, 1953. Bd. I. S. 239.

[32] *Rumpler H.* 1804–1914: Eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997. S. 500.

[33] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства 1878–1917 гг. М., 1938 (далее – МОЭИ). Сер. III. Т. IV. № 272; *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 30–35; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 189–190.

[34] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 41; *Фей С.* Указ. соч. С. 189–190.

35 BD. Vol. XI. P. 94; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 40–42; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 400, 409.
36 МОЭИ. Т. V. № 19, 22; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 410.
37 МОЭИ. Т. V. № 112; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 418.
38 МОЭИ. Т. V. № 221; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 433–443.
39 Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914 (далее – DD). B., 1921. Bd. 3. S. 50–51.
40 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 258; Т. 38. С. 162.
41 *Fischer F.* Der Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1962. S. 105.
42 *Палеолог М.* Указ. соч. С. 19.
43 МОЭИ. Т. V. № 290; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 640–641.
44 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 607, 625, 633.
45 МОЭИ. Т. I. № 328; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 610.
46 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 642–643.
47 Там же. С. 620, 624, 652.
48 BD. Vol. XI. P. 73–74; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 633, 647.
49 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 659.
50 См. подробнее: *Емец В.А., Ржешевский О.А.* Дипломатия и война: 1914 и 1939 годы // Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 26–29.
51 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 683.
52 DD. Bd. 3. S. 74; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 600–601.
53 BD. Vol. XI. P. 185–186; DD. Bd. 3. S. 14–15; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 575, 594; *Фей С.* Указ. соч. С. 321.
54 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 583.
55 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 685; *Фей С.* Указ. соч. С. 346.
56 BD. Vol. XI. P. 352; *Виноградов К.Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962. С. 36.
57 DD. Bd. 4. S. 59–60, 70; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 583, 602; *Виноградов К.Б.* Указ. соч. С. 260.
58 Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия, 1870 г. Д. 82. Л. 22–29; *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 586, 695–696.
59 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 469.
60 *Jelavich B.* A Century of Russian Foreign Policy. 1814–1914. Philadelphia; N.Y., 1964. P. 219.
61 См. подробнее § 1 главы I данной книги.
62 Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998 (далее – Пролог...). С. 79.
63 Там же. С. 55–56, 47, 66.
64 *Fischer F.* Op. cit.
65 Пролог... С. 65.
66 *Полетика Н.П.* Указ. соч.; *Фей С.* Указ. соч.
67 DD. Bd. 3. S. 1–2; *Фей С.* Указ. соч. С. 317.
68 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 334; *Фей С.* Указ. соч. С. 132.
69 Пролог... С. 32.
70 *Полетика Н.П.* Указ. соч. С. 643; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М.,1991. С. 209.
71 *Виноградов В.Н.* Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5.
72 Цит. по: История первой мировой войны 1914–1918 / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 1. С. 72.
73 *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 58. О деятельности германских пацифистов в предвоенный период см.: *Сдвижков Д.А.* Против “железа и крови”: история немецкого движения сторонников мира. 1871–1914. М., 1998.
74 История Италии / Отв. ред. К.Ф. Мизиано. М., 1970. Т. 2. С. 383; *Кин Ц.И.* Италия на рубеже веков: Из истории общественно-политической мысли. М., 1980.

[75] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 74.
[76] Цит. по: *Антюхина-Московченко В.И.* История Франции. 1870–1918. М., 1963. С. 606.
[77] *Ревякин А.В.* Война и интеллигенция во Франции // Пролог... С. 485.
[78] Цит. по: История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 75.
[79] *Digeon C.* La crise allemande de la pensée française (1870–1914): P., 1959. P. 463–476.
[80] Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. М., 1922. С. 323.
[81] Там же. С. 334.
[82] *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910–1914) // Исторические записки. М., 1965. Т. 75.
[83] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 75–76; Пролог... С. 13, 42–43.
[84] Пролог... С. 33.
[85] Краткая история Болгарии / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 306.
[86] Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Wien; Leipzig, 1930. Bd. VIII. N 10628. S. 650.
[87] См. подробнее: *Заборов П.Р.* Русская литература в журнале "Revue des etudes franco-russes" // Восприятие русской литературы зарубежом: XX век. Л., 1990. С. 185–187.
[88] *Brocke B.* Vom "Wissenschaft und Militarismus" Der Aufruf der "An die Kulturwelt!" und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg // Wilamowitz nach 50 Jahren / Hrsg. von W.M. Calder III. Darmstadt, 1985. S. 670.
[89] См. подробнее: *Баумгартен Е.Е.* Мартиролог погибших памятников искусства // Вопросы мировой войны: Сб. под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 202–204, 219–221.
[90] *Derez M.* The Flames of Louvain: The War Experience of an Academic Community // Facing Armageddon. The First World War Experienced. L., 1994. P. 622; *Schivelbuch W.* Die Bibliothek von Löewen. Eine Episode aus der Zeit der Weltkriege. München; Wien, 1988. S. 32–33.
[91] *Ревякин А.В.* Указ. соч. С. 491; *Prochasson Ch., Rasmussen A.* Au nom de la patrie: les intellectuels et la première Guerre mondiale (1910–1919). P., 1996. P. 142–151.
[92] *Wehberg H.* Wider Aufruf der 93! Berlin, 1920. S. 25.
[93] История создания воззвания "К культурному миру!" подробно представлена в кн.: *Ungern-Sternberg von J. und W.* Der Aufruf "An die Kulturwelt!": Das Manifest der 93 und diae Anfange der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996. S. 19–25.
[94] Две культуры: (К философии нынешней войны). Пг., 1916. С. 136.
[95] Русские ведомости. 1914. 28 сент. (№ 223). С. 6.
[96] Aufrufe und Reden deutsche Professoren im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von K. Böme. Stuttgart, 1975. S. 50.
[97] *Brocke B.* Op. cit. S. 692–699.
[98] День. 1914. 21 дек. С. 3.
[99] *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1994. С. 136.
[100] Ответ германским ученым // Уч. зап. императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2.
[101] *Ungern-Sternberg von J. und W.* Op. cit. S. 86.
[102] *Brocke B.* Op. cit. S. 675–676.
[103] *Besier G.* Les Eglises protestantes en Allemagne, en Grande-Bretagne, en France, et le front interieur (1914–1918) // Le Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918 / Dir. de J.-J. Becker et St. Audoin-Rouzeau. Nanterre, 1990.
[104] *Ungern-Sternberg von J. und W.* Op. cit. S. 98.

[105] *Wehberg H.* Op. cit. S. 30.

[106] *Semmel B.* The Liberal Ideal and the Demons of Empire: Theories of Imperialism from Adam Smith to Lenin. Baltimore; L., 1993. P. 122–129.

[107] Цит. по: *Gruber C.S.* Mars and Minerva: World War I and the Uses of Higher Learning in America. Baton Rouge, 1975. P. 67–68. О восприятии американскими социологами и философами роли интеллектуальной элиты Германии в "войне духа" см: *Joas H.* Sozialwissenschaftlen und Erster Weltkrieg // Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von W.J. Mommsen. München, 1996. S. 23–25.

[108] Aufrufe und Reden deutsche Professoren im Ersten Weltkrieg. S. 54–56 (датирована 3 декабря 1914 г.).

[109] В самом общем виде на примерах интеллектуалов (главным образом писателей) разных стран проблема восприятия начавшейся войны рассмотрена в кн.: *Stromberg R.* Redemption by War. Intellectuals and 1914. Lawrence (Kansas), 1982.

[110] О последствиях войны в сфере культуры, учитывая сравнительные и ретроспективные аспекты проблемы, см. подробнее в § 5 главы IX данной книги, а также в монографиях: *Wohl R.* The Generations of 1914. Cambridge (Mass.), 1979; *Eksteins M.* Rites of Spring: The Great War and the Birth of Modern Age. Boston, 1989.

Глава III. На фронтах войны

1. Начало войны и "чудо на Марне"

Германские войска, еще не закончив своей полной мобилизации, упредили армии стран Антанты в развертывании боевых операций. Уже 2 августа 1914 г. немцы вторглись на территорию Люксембурга, нейтралитет которого был гарантирован международными правовыми актами[1]. Люксембургская операция была разработана германским командованием как начальная в войне против Франции. Ее целью было овладение железными дорогами Великого герцогства, которые вели в Бельгию и на северо-восток французской территории.

Общая численность бельгийской армии составляла 117 тыс. человек при 312 орудиях, а с гарнизонами крепостей – 175 тыс[2]. Ее главнокомандующим в соответствии с 68-й статьей конституции являлся король Альберт I, имевший чин генерал-лейтенанта, начальником штаба – генерал Салльере де Моранвиль. В стране вечером 31 июля была объявлена всеобщая мобилизация, а перед этим было принято решение о призыве в армию трех возрастных групп резервистов.

Операцию по захвату Бельгии германская армия начала в ночь на 4 августа. Беспрепятственно перейдя границу, немцы двинулись к крепости Льеж. Отряд генерала О. Эммиха, выделенный для захвата крепости, насчитывал 25 тыс. штыков, 8 тыс. сабель и 124 орудия. Четыре тяжелые мортиры калибром 210 мм были предназначены для разрушения крепостных сооружений[3]. Гарнизон Льежа, насчитывавший до 30 тыс. человек при 400 орудиях, не был застигнут врасплох. Он сумел отбить первые германские атаки, направленные в промежутки между крепостными фортами. Отсутствовала должная артиллерийская подготовка этих атак, и немцы понесли большие потери. 7 августа им удалось захватить сам город Льеж, часть речных переправ через Маас и только один старый форт Шартрез, расположенный на окраине города[4].

Хотя комендант Льежской крепости генерал Г. Леман и опасался, что бельгийские полевые войска (3-я пехотная дивизия) на восточном берегу реки Маас будут отрезаны от главных сил, он все же приказал перейти им на противоположный берег. Несмотря на это, успешное продвижение 1-й германской армии, нацеленной на льежскую крепость, задерживалось. Тогда немецкое командование в лице Большого генерального штаба подкрепило ее новыми силами, взятыми из соседней 2-й армии. Общая численность германских войск, атаковавших приграничную бельгийскую крепость, таким образом было доведено до 100 тыс. человек. Командовал ими генерал К. Эйнем.

Однако дополнительные силы и осадная артиллерия сумели подойти к Льежу только 12 августа. В ходе ожесточенных боев к 16 августа пали последние форты Льежа. Их гарнизоны не устояли под сосредоточенным огнем тяжелой артиллерии 380 и 420-мм калибра. Сражение за приграничную бельгийскую крепость длилось 11 дней и обернулось немцам большими для начала войны потерями – до 25 тыс. человек[5].

Бельгийская армия теперь стала прикрывать направление на Брюссель, занимая рубеж по реке Жете. Одна из пехотных дивизий заняла позиции у крепости Намюр. Однако под натиском превосходящих сил германских войск бельгийцы отошли за реку Диль, где держали оборону две их дивизии[6]. Падение Льежской крепости дало 1-й и 2-й германским армиям возможность энергично продвигаться на запад по бельгийской территории. Малочисленная армия Бельгии, лишенная помощи своих союзников, отступала к порту Антверпен, преследуемая немецким 5-м резервным корпусом. Французские войска и начавшая сосредоточение на северо-востоке Франции британская армия не оказали содействия союзникам-бельгийцам, будучи не готовы к этому.

Бельгийская армия не сумела прикрыть Брюссель, который немцы захватили 20 августа. Однако успех германских войск был неполным. Им не удалось отрезать отступавшего противника от Антверпена. Туда успело перебраться правительство Бельгии. К тому времени ее армия состояла из шести с половиной слабоукомплектованных пехотных и одной кавалерийской дивизий. Бельгийцы перешли в подчинение французскому военному командованию, заняв фронт на реке Изер. Сражение за крепость Льеж позволило французам уточнить оперативный замысел германского Генерального штаба (в общих чертах он был известен до начала войны) и произвести перегруппировку своих сил. Бои первых военных дней в Бельгии показали несостоятельность надежд верховного командования Германии на скоротечную войну на Западном фронте.

Хотя германской армии потребовалось всего 17 дней для захвата большей части Бельгии, успех проведенной наступательной операции вовсе не свидетельствовал о несокрушимой силе военной машины Германии. Немецкие войска продвинулись за это время на 100–110 км и вышли на линию Брюссель – Намюр – Динан при среднем темпе продвижения всего 6,5 км в сутки[7]. Теперь 1-я, 2-я и 3-я германские армии были готовы вступить в сражение с французскими войсками, наступая с бельгийской территории.

Немцам в оккупированной части Бельгии пришлось неожиданно столкнуться с партизанскими действиями местного населения. Ответной мерой стало применение к нему жестких репрессий. Германское командование было вынуждено принять особые меры для охраны своих тыловых коммуникаций[8]. Французский главнокомандующий армиями Севера и Северо-Востока" Ж. Жоффр уже 5 августа отдал приказ 1-му кавалерийскому корпусу "проникнуть в Бельгию, чтобы уточнить приблизительный контур противника и задержать его колонны"[9]. В задачу французской кавалерии активные действия против приближавшихся к границе немецких войск не входили.

Когда штабу французского главнокомандующего удалось определить расположение главных сил неприятеля в Бельгии и в Люксембурге, Жоффр 8 августа принял решение о переходе в наступление своими главными сила-

ми, расположенными перед Эльзасом и Лотарингией и на южном участке бельгийской границы. В действующие войска была направлена соответствующая директива – общая инструкция № 1[10]. Новые разведывательные данные позволили французскому штабу к 13 августа удостовериться, что главные силы неприятеля располагались не на берегах Рейна, а севернее, на бельгийской территории. Это стало подтверждением того, что стратегический замысел германского Генерального штаба состоит в нанесении главного удара по Франции через Бельгию, граница с которой не имела крепостной линии.

Однако широкомасштабные боевые действия против немцев французская армия начала не со встречного вторжения в Бельгию, а на южном крыле Западного фронта. Высшее военное командование Франции принялось за решение задачи, которая являлась скорее политической, чем военной. Смысл ее заключался в скорейшем овладении Эльзасом и Лотарингией. Это, вне всякого сомнения, подняло бы дух французских войск перед решающими сражениями.

Утром 7 августа французы атаковали противника в городе Мюльгаузен и овладели им. Немцы отошли за Рейн, но, получив подкрепления, через два дня перешли в контрнаступление и отбросили французские войска к государственной границе. Тогда те начали утром 15 августа новое наступление увеличенными силами, создав для этого специальную Эльзасскую армию. Наступление завершилось занятием города Саарбурга. Однако немцы вновь перешли в контрнаступление и к 28 августа опять отбросили неприятеля к границе. В дальнейшем военные действия на южном фланге Западного фронта носили лишь ограниченный характер, без решения каких-либо стратегических задач.

Главные же события на Западном фронте разворачивались севернее, на бельгийско-французской границе. Там 21–25 августа произошло так называемое пограничное сражение. Со стороны Германии в нем участвовало пять армий: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я в составе 17 армейских корпусов и 7 кавалерийских дивизий. Резерв этой ударной группировки составляли 5 армейских

Бельгийские беженцы

корпусов, двигавшихся во втором эшелоне наступавших сил и готовых в нужный момент подкрепить главные силы.

Этим немецким силам противостояли три французские армии – 3-я, 4-я и 5-я, а также британские войска, которые заканчивали свое сосредоточение южнее Мобежа и собирались выдвигаться к бельгийскому городу Монсу. Восточнее Вердена, на правом фланге союзных войск, находилась Лотарингская армия. Всего в главной группировке франко-британских войск от Вердена до Монса насчитывалось 22,5 армейских корпуса (считая каждые две резервные дивизии за один корпус) и 7,5 кавалерийских дивизий[11]. Полностью развернулись силы сторон только к 20 августа. Им, по замыслам высших военных командований Антанты и Германии, предстояло приступить к решению стратегических задач начавшейся войны, о чем и говорилось в оперативных директивах.

Германский генштаб поставил своим войскам стратегическую задачу охвата и последующего разгрома всех французских армий. Широкое наступление немцев должно было вестись не под руководством единого главного командования, а по взаимному согласию командующих армиями. Тем самым им давалась бóльшая возможность проявления инициативы в зависимости от изменений в обстановке. Высшее французское командование со своей стороны тоже планировало разгром неприятеля на германской территории и в Бельгии. Союзной британской армии в пограничном сражении отводилась роль обеспечения главного удара сил французов на самом северном участке Западного фронта, на его левом фланге.

Таким образом, с обеих сторон была задумана широкомасштабная стратегическая наступательная операция, целью которой являлся разгром главных сил противника[12]. Иначе говоря, речь шла о генеральном сражении с самыми дерзкими целями в большой европейской войне, которое могло предопределить ее исход. Поскольку эта операция закончилась для обеих сторон неудачей, большинство немецких и французских исследователей не считают пограничное сражение планируемой генеральной баталией. Однако германское и союзное командование (прежде всего, французское) стремились именно к нему, надеясь быстро и успешно реализовать собственные планы на начальный период войны.

В ходе пограничного сражения за пять дней на фронте в 250 км произошло много встречных боев и армейских сражений в двух оперативных районах: в Арденнах и в междуречье Самбры и Мааса (или иначе – сражение за Шарлеруа). Во всех случаях они носили упорный, кровопролитный характер.

В сражении в Арденнах участвовали 3-я и 4-я французские армии, с одной стороны, и 4-я и 5-я германские армии – с другой. Французы имели некоторое превосходство в силах, однако потерпели поражение и под давлением немцев отступили. В сражении в междуречье Самбры и Мааса победа вновь оказалась на стороне немцев. Они овладели сильной крепостью Мобеж, где было захвачено в плен около 33 тыс. человек, а трофеями стали 450 орудий[13].

Пограничное сражение 21–25 августа 1914 г. закончилось стратегическим отступлением всей северной группировки французско-английских войск. Однако и германское командование не добилось запланированного успеха – охвата и разгрома главных сил противника. Высшее командование

Первые французы, взятые в плен немцами. Сентябрь 1914 г.

союзников по Антанте решило вскоре, собравшись с силами, возобновить наступление. Жоффр отмечал: "Пограничное сражение кончилось неудачей"[14]. Причиной поражения французов в пограничном сражении стало недостаточно искусное использование войск и командование ими. Французские армии получили задачи для действий в расходящихся направлениях. Наступление велось без должной разведки авангардных и главных сил рейхсвера, без устойчивой связи с соседями, в предположении, что неприятель находится еще далеко. В результате этих ошибок в горных условиях лесистых Арденн наступавшие французские войска не раз внезапно для себя оказывались перед крупными силами противника. Постоянно происходили скоротечные встречные бои. Жоффр, как главнокомандующий, самокритично отмечал: "Боевой аппарат не дал полностью того, что вправе были от него ожидать"[15].

Германские войска в ходе пограничного сражения также наступали без должной разведки, действовали вяло и вместо энергичного преследования отступавших французов лишь "победно" следовали за ними. Немецкое командование не сумело ни на одном из участков фронта в Бельгии воспользоваться благоприятной обстановкой. Оно не делало попыток вклиниться в ряды отступавших к востоку от Парижа французских армий и попытаться отсечь какую-то их часть от главных сил.

На основании распоряжений Главной квартиры французские войска должны были отойти на левый берег Сены, на линию Брэ (на реке Сена) – Бар-ле-Дюк. Столицу предполагалось оставить, а форты Вердена разрушить. *Военный министр А. Мильеран по внушению Жоффра предложил* Совету министров Франции объявить Париж открытым городом, одновре-

менно с выездом правительства, но встретил энергичный протест. Утром 25 августа военный министр по поручению правительства направил в Главную квартиру приказ: в случае общего отступления выделить для охраны столицы особую армию силой не менее трех корпусов. Жоффру пришлось подчиниться, хотя он и возражал против такого требования. На защиту Парижа была отправлена 6-я армия под командованием генерала Ж.-М. Монури, хотя французское правительство требовало бóльших сил[16].

Германское высшее командование переоценило свои успехи в пограничном сражении. Оно полагало, что военная сила Франции сокрушена, а поэтому осталось лишь окружить остатки французских армий и уничтожить их, заставив капитулировать. Такому самообману во многом способствовали победные реляции командующих наступавшими армиями в Берлин, а также отступление французов, англичан и бельгийцев в северной и центральной части Западного фронта при отсутствии здесь у союзников крупных резервов.

Германским войскам было приказано продолжать наступление на юго-западном направлении. Часть немецких соединений (два армейских корпуса и одна кавалерийская дивизия) были переброшены с Западного фронта на Восточный. Там, в Восточной Пруссии, российские войска добились крупных успехов уже в самом начале войны.

В свою очередь французское главное командование, не оставляя мысли о переходе в решительное наступление и переносе боевых действий на территорию Германии, 25 августа приняло план дальнейших действий. Жоффр изложил замысел нового наступления в общей инструкции № 2. Создавалась ударная группировка на левом фланге Западного фронта из британских сил, закончивших свое развертывание, 4-й и 5-й французских армий. Однако на это требовалось немало времени.

Французские армии под давлением немцев продолжали отходить. Они так и не сумели добиться хотя бы в одном пункте какого-нибудь крупного оперативного успеха. Поэтому в Париже большие надежды возлагали на действия союзной российской армии. Так, 27 августа Жоффр говорил Мильерану: “Слава Богу, мы имеем благоприятные известия от русских в Восточной Пруссии. Можно надеяться, что благодаря этому немцы будут вынуждены отправить войска отсюда на Восток. Тогда мы сможем вздохнуть”[17]. Надежды французского главнокомандующего вполне оправдались. Российская армия в ходе войны еще не раз поможет союзникам выходить на Западном фронте из самых сложных положений.

В начале сентября французское командование решило, что настало время для перехода в наступление. Продвижение вперед германских войск, которые растеряли в ходе тяжелых боев атакующий порыв, прекратилось. Перенос военных действий на территорию самой Франции привел к мужественному сопротивлению французских войск, что дало свои результаты. На фронт стали поступать многочисленные подкрепления.

6 сентября 1914 г. началось Марнское сражение, одно из крупнейших в первой мировой войне. Оно вылилось в ожесточенные бои на фронте от подступов к Парижу и до Вердена. 6-я французская армия, переброшенная на защиту Парижа, оказалась на левом фланге перешедшего в наступление фронта. Она тоже оказалась участницей Марнского сражения, но не смогла выполнить поставленную перед ней задачу. Германский 4-й резервный

корпус, служивший заслоном для 1-й армии немцев со стороны Парижа, обнаружив выдвижение вперед французских войск, сам неожиданно атаковал их. Французы были остановлены и отброшены назад. Немцы же после удачных контратакующих действий отошли затем на исходные позиции.

Незначительные по своим масштабам бои 5 сентября западнее реки Урк имели большое значение для дальнейшего хода сражения на Марне. Эти бои указали германскому командованию на угрозу правому флангу немцев со стороны Парижа. Поэтому командующий 1-й германской армией 6 сентября принял решение направить на берега реки Урк два корпуса, чтобы усилить свой фланг и обезопасить его от нового удара 6-й ("парижской") армии противника. Вследствие такого решения на германском фронте (где ему противостояла британская армия) образовался оголенный участок шириной почти в 50 км. Он лишь слабо прикрывался кавалерией 1-й и 2-й немецких армий, которая создала здесь подвижную завесу в ожидании подхода резервных пехотных частей[18].

Французское наступление началось 6 сентября. Оно имело целью разгром противостоящих сил немцев и очищение от них собственной территории. Чтобы поднять моральный дух своих армий, Жоффр издал в тот день короткий приказ-обращение, который был зачитан войскам перед наступлением: "В момент, когда завязывается сражение, от которого зависит спасение страны, необходимо напомнить всем, что нельзя больше оглядываться назад; все усилия должны быть направлены на то, чтобы атаковать и отбросить неприятеля; часть, которая не может больше двигаться вперед, должна будет, чего бы это ни стоило, сохранить захваченное пространство и скорее дать убить себя на месте, чем отступить. При настоящих обстоятельствах не может быть терпима никакая слабость"[19]. Однако и немцы получили на 6 сентября боевые задачи продолжать, преодолевая сопротивление неприятеля, наступление в южном направлении. В ряде случаев стали происходить встречные столкновения противников.

Марнское сражение, начавшееся в полосе наступления 6-й французской армии, распространилось почти на весь Западный фронт. В районе западнее реки Урк французские войска смогли продвинуться вперед. Их атакующие успехи могли бы быть более весомыми, но немцы удачно вели артиллерийский огонь и постоянно контратаковали, а французы не смогли реализовать свое численное превосходство, хотя и вводили в сражение крупные резервы.

Британская армия наступала на северном участке Западного фронта. Ее соседями были 5-я и 6-я французские армии. Командующие союзными армиями стремились координировать свои наступательные усилия. Англичане действовали с излишней осторожностью, постоянно ожидая сильного контратакующего удара противника. Скорость их наступления не превышала 7–14 км в сутки. Это обстоятельство сказалось на последующих событиях в Марнском сражении. Английский военный историк Лиддел Гарт говорил о действиях своих соотечественников: "Они шли далеко не так быстро, как этого требовала обстановка"[20]. Германское командование уловило осторожность британцев, и это позволило ему перебросить значительные силы своей 1-й армии севернее, для действий против французской 6-й армии. Встретив сильное сопротивление немцев, ее фланговое наступление успеха не имело.

Марнское сражение отличалось активным использованием артиллерии воюющими сторонами, особенно орудий крупного калибра. Так, артиллерия

французской 9-й армии остановила своим убийственным массированным огнем наступление германского гвардейского корпуса, не позволив ему вклиниться в оборонительные порядки противника[21]. Атаковавшие друг друга войска союзников и немцев несли большие потери, прежде всего от артиллерийского огня. Но в отличие от германских огневые позиции французских полевых и тяжелых батарей были хорошо укрыты на местности. Немцы оказались против них бессильными в ходе противобатарейной борьбы. Это в конечном счете сказалось на результате сражения.

Опасения германского командования за свой правый фланг (который перед Марнской операцией был усилен двумя корпусами) в конце концов оправдались. Наступающие французские и британские войска вклинились в стык между 1-й и 2-й армиями немцев, и те с вечера 8 сентября начали отходить. Это обстоятельство при отсутствии резервов вынудило немецкое верховное командование отдать 9 сентября приказ об общем отходе на реку Эна. В этом и заключается “чудо на Марне”, которое принесло Жоффру огромную популярность в его отечестве. Однако союзное командование распорядилось начать настойчивое преследование противника только 10 сентября. Велось оно медленно, что позволило германскому командованию в течение 13 и 14 сентября двумя корпусами 7-й армии закрыть разрыв между 1-й и 2-й армиями. Это обстоятельство, равно как и постоянные контратаки отступавших немцев, заставили Жоффра отдать приказ о прекращении наступательных действий. Союзные армии начали закрепляться на новых позициях, усиленно ведя фортификационные работы.

Итак, в первой мировой войне произошло событие, важное в стратегическом отношении, – немецкие армии отступили от Парижа. Значение Марнского сражения в том, что оно явилось переломным моментом в ходе Великой войны. В этой операции окончательно рухнули планы так называемой “Большой войны” кайзеровской Германии, по которому военный разгром Франции намечался в первый же год войны.

Марнская операция – первая из крупных фронтовых наступательных операций стратегического масштаба, предпринятых на Западном фронте союзниками по Антанте. В битве с обеих сторон участвовали главные силы противников в составе 5 германских и 6 армий союзников общей численностью около 2 млн человек и более 6600 орудий. Марнская наступательная операция проводилась в полосе шириной до 180 км и продолжалась 8 дней. За время сражения французские и британские войска продвинулись на 60 км. Таким образом, средний темп продвижения союзников в битве на Марне составлял 7,5 км в сутки[22].

В ходе Марнского сражения произошло первое в мировой военной истории массовое использование автомобильного транспорта для переброски войск и маневрирования ими на линии фронта. Для усиления своих войск западнее реки Урк французское командование спешно перевезло одну дивизию частью по железной дороге, а частью на автомобилях. С этой целью было использовано 1200 парижских таксомоторов, мобилизованных на фронт. На таксомоторах за одну ночь на расстояние 50 км была переброшена целая пехотная бригада[23].

Марнское сражение в сентябре 1914 г. до сих пор вызывает оживленные дискуссии по действиям враждующих сторон. Прежде всего, по факторам, повлиявшим на ход и итоги этой широкомасштабной фронтовой операции

на Западном фронте. Видный советский военный историк Н.А. Таленский справедливо назвал Марнскую операцию "грандиозным генеральным сражением" первой мировой войны[24].

Сравнительный анализ действий верховных командований сражавшихся сторон в ходе Марнского сражения позволяет утверждать следующее: Жоффр действовал более осмотрительно и рационально, чем германское главное командование в лице генерал-полковника фон Мольтке-младшего. Французский полководец более оперативно руководил наступавшими войсками. В то же время германское командование отдавало своим армиям мало оперативных распоряжений, не обеспечив надежной связи между главной квартирой, находившейся в Люксембурге, и штабами армий.

Все это не могло не сказаться на действиях сторон, особенно наступательных и контрнаступательных. Более согласованные действия армий Франции и британских войск оказались успешнее, чем несогласованные по времени и месту контратакующие усилия германских армий. Последние были лишены эффективного руководства и полного права на собственную инициативу.

В Берлине сумели сделать скорые выводы из поражения. Уже 14 сентября Мольтке-младший под предлогом болезни был отстранен от должности начальника Большого Генерального штаба и больше на службу не возвращался. На его место был назначен военный министр кайзеровского правительства генерал-лейтенант Э. Фалькенхайн[25].

Отдавая должное действиям французско-английских войск, следует отметить, что на исход Марнского сражения в определенной степени повлияло наступление русских армий в Восточной Пруссии. Германскому командованию пришлось снять с направления своего главного удара на Западном фронте крупные силы (два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию) и спешно перебросить их на Восточный фронт.

В первую военную кампанию 1914 г. два ее крупнейших сражения – Марнское и Восточно-Прусское – стали поучительным примером стратегического взаимодействия союзников по Антанте, сражавшихся с общим врагом на разных театрах военных действий[26].

После битвы на Марне у воюющих сторон на Западном фронте еще оставались реальные надежды на возможность флангового охвата противника и его последующего окружения. На северном участке фронта – в районе реки Уазы – еще имелись свободные пространства, где с обеих строн отсутствовали крупные армейские силы. Поэтому верховные командования Антанты и Германии стали перебрасывать крупные силы на этот участок фронта, чтобы своевременно обезопасить себя от ожидаемого здесь атакующего удара противника. В воспоминаниях полководец первой мировой войны маршал Фош отмечал эту настоятельную необходимость как для Франции, так и для Германии: требовалось "не только парировать охватывающие устремления врага, но... по мере возможности встретить их атакою, обходя в свою очередь"[27].

Стороны взаимно перебрасывали на северный участок фронта все новые и новые войска, пока сплошная фронтовая линия не достигла берега Северного моря. Все эти действия вошли в историю войны как "бег к морю". Однако зайти во фланг противнику никому так и не удалось. В ходе "бега к морю" между союзниками и немцами шли постоянные встречные бои.

Наиболее крупными из них оказались бои во Фландрии (в Бельгии) 19 октября – 14 ноября. Здесь немцы крупными силами форсировали реку Изер. Бельгийцам, чтобы сдержать их натиск, пришлось пойти на крайнюю меру. Во время прилива они открыли шлюзы дамбы на берегу Северного моря и затопили низменный левый берег Изера морской водой. Наводнение распространилось на 12 км с шириной в 5 км и глубиной 1,2 м. Немцам пришлось отойти на правый возвышенный берег реки, и боевые действия в этом районе прекратились.

Поскольку нанести новое поражение бельгийской армии не удалось, германское командование решило прорвать позиции англичан. Для этой цели была создана ударная группировка. В нее вошло более трех армейских корпусов, усиленных тяжелой артиллерией. Однако в середине ноября активные действия немцев на Западном фронте прекратились. Причиной стала переброска на Восток еще восьми пехотных и шести кавалерийских дивизий – русские армии начали в Польше Лодзинскую операцию[28].

Первые три с половиной месяца войны на Западном фронте прошли в напряженной борьбе, которая шла с переменным успехом для воевавших сторон. В итоге они оказались стоящими перед хорошо укрепленными в фортификационном отношении позициями друг друга на огромном фронте в 700 км. Все надежды верховных командований Германии и Антанты (прежде всего, Франции) на скоротечность большой войны в Европе (которая превратилась в мировую) оказались тщетными. То есть начало боевых действий обнажило несостоятельность стратегических предвоенных замыслов сторон.

Начался длительный по времени позиционный период Великой войны. Переход к нему стал новым явлением в военном искусстве. Он означал, прежде всего, превосходство оборонительных действий сторон над их же наступательными операциями. Фош отмечал, что уже к концу 1914 г. перед французской армией “стояла грозно организованная оборона” немцев[29]. Со своей стороны Фалькенхайн писал, что высшее германское командование решило перейти на Западе к “чистой обороне с тщательным применением всех возможных технических средств. Началась позиционная война в тесном смысле этого слова со всеми ее ужасами... Переход к позиционой войне произошел не по добровольному решению генерального штаба, но под суровым давлением необходимости”[30].

Переход к позиционной войне стал предметом многих исследований. Один и крупных советских военных теоретиков 20-х годов М.В. Фрунзе отмечал применительно к начальному периоду первой мировой войны следующее: “Позиционность создалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в лице ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линии фронта”[31].

Боевые действия 1914 г. на Восточном фронте на первых порах тоже носили маневренный характер благодаря открытости для противников больших пространств. Первая военная кампания началась Восточно-Прусской операцией 17 августа – 14 сентября. К этому времени российская армия еще не была полностью отмобилизованной и готовой вести крупномасштабные

операции. Войска из военных округов европейской части страны и ее восточных областей находились еще в пути: сказывалась огромная территория государства и недостаточное число железнодорожных путей, ведущих к линии фронта.

Ставка Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии великого князя Николая Николаевича-младшего с первых дней войны стремилась выполнить свои союзнические обязательства перед Антантой и, прежде всего, перед Францией. Так возник план наступательной операции в Восточной Пруссии. Окончательное оформление он получил в директивах главнокомандующего Северо-Восточного фронта генерала Жилинского, который одновременно оставался на посту варшавского генерал-губернатора, от 13 августа 1914 г. Намечалось нанести поражение немцам в Восточной Пруссии и вторгнуться в ходе дальнейших наступательных операций на другие германские территории, действуя в направлении на Берлин.

Российской 1-й (Неманской) армии предстояло наступать в обход Мазурских озер с севера, отрезая немецкие войска от Кёнигсберга и реки Вислы. 2-й (Наревской) армии предстояло вести наступление в обход Мазурских озер с запада, не допуская отхода немецких дивизий за Вислу. Общая идея Восточно-Прусской наступательной операции заключалась в охвате противостоявшей немецкой группировки с обоих флангов[33].

В Восточной Пруссии дислоцировалась сильная по составу 8-я германская армия (три армейских корпуса и один резервный). Она насчитывала 15 пехотных и 1 кавалерийскую дивизии, 1044 орудия (в том числе 156 тяжелых), 56 самолетов, 2 дирижабля. Всего армия насчитывала около 200 тыс. человек; ею командовал генерал-полковник М. фон Притвиц[34].

Войска 8-й армии, используя особенности местности, не занимали сплошного фронта, а располагались корпусами в укрепленных районах на главных направлениях и в межозерном дефиле. Кроме обороны Восточной Пруссии, армия должна была быть готова к наступлению на Наревском направлении для оказания помощи в случае необходимости австро-венгерским войскам в Галиции. В оперативном отношении командующему 8-й армией подчинялся также Силезский ландверный корпус генерала Р. фон Войрша, развернутый на Бреславльском направлении.

В составе Северо-Западного фронта (1-я и 2-я армии, конный корпус генерала хана Г. Нахичеванского) имелось 17 с половиной пехотных и 5 кавалерийских дивизий, 1104 орудия (в том числе всего 24 тяжелых), 54 самолета[35]. Начальником штаба фронта был назначен генерал В.А. Ора̂новский. В целом российские войска имели некоторое превосходство в силах над 8-й немецкой армией, что позволяло надеяться на успех задуманной наступательной операции.

Военные действия в Восточной Пруссии начались 17 августа переходом в наступление через государственную границу 1-й русской армии генерала П.К. Ренненкампфа. Она повела наступление на фронте в 70 км. Крупное сражение произошло в районе Гумбиннена. В ходе Гумбиннен-Гольдапского сражения 17-й германский корпус, самый сильный в 8-й немецкой армии, понес ощутимые потери – 8 тыс. человек. Это была первая крупная победа русского оружия в мировой войне над войсками Германии.

Через три дня, 20 августа, перешла в наступление 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова, имевшая в своем составе 10 пехотных и 3 кавале-

рийские дивизии. Армия была развернута на фронте Гродно–Осовец–Остроленка протяженностью около 200 км.

Генерал Притвиц понял, что ему грозит окружение и крупное поражение. Поэтому он санкционировал отход своих корпусов от занимаемых позиций на государственной границе в глубь Восточной Пруссии.

Однако русские войска и прежде всего 1-я армия не преследовали отступавших. Благоприятный момент для нового успеха был безвозвратно упущен. По приказу Ренненкампфа 1-я армия после победы при Гумбиннене два дня находилась на отдыхе и только после этого начала медленное продвижение по направлению к Кёнигсбергу. Немцы же за это время успели беспрепятственно и удачно перегруппировать свои силы.

Такая медлительность в действиях русских армий Северо-Западного фронта привела к тому, что германское командование, обладавшее достоверной разведывательной информацией, изменило свое первоначальное решение отвести войска за Вислу. Оно решило, произведя перегруппировку сил, прикрыться от 1-й русской армии и нанести сильный удар по левому флангу 2-й армии.

Штаб 8-й немецкой армии продолжал внимательно изучать обстановку, сразу убедившись в пассивности командования противника. Эта задача облегчалась тем, что русские всю оперативную информацию передавали по радио открытым текстом и не вели разведки[36].

Первоначальное решение командования 8-й немецкой армии об оставлении Восточной Пруссии не встретило одобрения в Главной квартире Вильгельма II. И хотя Притвиц его вскоре отменил и был принят новый план, отвечавший взглядам верховного командования Германии, судьба командующего 8-й армией и начальника его штаба генерала Г. Вальдерзее была решена. 21 августа оба были сняты с занимаемых постов. Вместо них были назначены: командующим 8-й армией – генерал пехоты П. фон Гинденбург, начальником армейского штаба – генерал пехоты Э. Людендорф. Со дня назначения оба эти имени в истории первой мировой войны неразрывно связаны между собой. К исполнению своих новых обязанностей они приступили 24 августа. Новое армейское командование нашло план, принятый прежним руководством, отвечающим обстановке и решило проводить его в жизнь. В него были внесены лишь отдельные уточнения.

Для того чтобы нанести сильный удар по войскам Самсонова с севера, Гинденбург решил привлечь два корпуса – 1-й резервный и 17-й армейский. Но успех этого мероприятия полностью зависел от действий 1-й русской армии Ренненкампфа. Людендорф писал: “Если он сумеет использовать успех, одержанный при Гумбиннене, и будет быстро продвигаться вперед, то этот маневр (переброска двух германских корпусов. – *Авт.*) становился немыслимым”[37].

Германское командование, используя железные дороги, быстро произвело перегруппировку войск в Восточной Пруссии. Против 2-й русской армии оказалось до 13 пехотных вражеских дивизий, сосредоточенных в двух ударных группах, и свыше 700 орудий против 9 русских дивизий и 450 орудий[38].

Командованию 8-й германской армии удалось выполнить бóльшую часть намеченного плана. В начавшемся 26 августа сражении правофланговый российский 6-й корпус под натиском превосходивших сил неприятеля был вынужден отойти. Попытка же потеснить левофланговый 1-й корпус армии Самсонова, наступавший от Млавы, не удалась. На следующий день

Русские военнопленные в Восточной Пруссии

немцами был передан от имени командира русского 1-го армейского корпуса ложный приказ об отходе. Это привело к отступлению корпуса[39].

Оперативное положение 2-й российской армии резко ухудшилось – ее два центральных корпуса – 13-й и 15-й – оказались в полуокружении, поскольку выдвинулись далеко вперед и остались к тому же без прикрытия с флангов. Более того, не ведя должным образом разведку сил противника (и это при наличии трех кавалерийских дивизий), командующий армией и его штаб плохо владели быстро менявшейся обстановкой. Генерал Самсонов с большим запозданием отдал приказ об отходе 13-го и 15-го корпусов на Хожеле, который выполнить не удалось.

На рассвете 30 августа эти русские корпуса, оказавшиеся в окружении в районе Комусинского леса восточнее Танненберга, стали прорываться тремя колоннами на юг и восток. Утомленные боями и изнурительными маршами войска с трудом вели бой, имея ограниченный запас боеприпасов. В итоге

оба корпуса были разгромлены. Самсонов, находясь в безвыходном положении, застрелился. Прорваться из вражеского окружения удалось только около 20 тыс. человек. Оба корпуса потеряли свыше 6 тыс. убитыми и всю артиллерию (около 200 орудий). На поле боя осталось около 20 тыс. раненых, около 30 тыс. попали в плен[40].

Нанеся поражение 2-й российской армии, немцы бо́льшую часть сил (опять же по железной дороге) бросили против армии Ренненкампфа, чтобы вытеснить ее из пределов Восточной Пруссии. Главный удар наносился из района Мазурских озер. 6 сентября 8-я германская армия начала наступление. Уже к исходу следующего дня она прорвала слабую оборону российских войск и начала охватывать их левый фланг. Армия Ренненкампфа с тяжелыми арьергардными боями оставила Восточную Пруссию, понеся при этом большие потери в живой силе и в артиллерии. Так закончилась Восточно-Прусская наступательная операция русского Северо-Западного фронта, которая обошлась ему потерями почти 80 тыс. солдат и офицеров. Тактические успехи первых дней завершились тяжелыми поражениями, прежде всего по вине армейского командования.

Генералы Ренненкампф и Самсонов не использовали всех возможностей подчиненных им войск, а также первые успехи (в Гумбиннен-Гольдапском сражении) и не сумели организовать четкого управления своими силами. В поражении был повинен и командующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский, не сумевший скоординировать действия своих армий и оказать им помощь в трудную минуту. Первопричиной поражения русских войск явилась недооценка командованием Северо-Западного фронта противника и совершенно неадекватное представление об его намерениях в быстро менявшейся оперативной обстановке, непонимание того нового, что вносила мировая война в военное искусство. В частности, это подтверждается рядом документов комиссии по рассмотрению обстоятельств "дела Ренненкампфа", созданной по приказу нового командующего фронтом генерала Н.В. Рузского[41].

Восточно-Прусская операция – одна из самых крупных операций первого года войны. Она вошла в мировую военную историю примером того, как российская армия проводит неподготовленное наступление, считаясь с интересами своей союзницы по Антанте Франции. Но остается неопровержимым фактом: достаточно было российским войскам перейти в наступление в Восточной Пруссии, как расчеты высшего германского командования на быструю победу над Францией были перечеркнуты. Пришлось принимать срочные меры – снимать с Западного фронта два армейских корпуса и кавалерийскую дивизию для усиления 8-й немецкой армии. Фош откровенно признавал, что российская армия "своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне"[42].

Действия и второго русского фронта – Юго-Западного (главнокомандующий – генерал от артиллерии Н.И. Иванов, начальник штаба – генерал М.В. Алексеев) – начались преждевременно в связи с обращением союзников по Антанте. Было решено, не дожидаясь полного сосредоточения и развертывания армий фронта, атаковать австро-венгерские войска в Галиции, нанести им поражение и воспрепятствовать их отходу на юг за Днестр и на запад к Кракову.

Войска Юго-Западного фронта по дуге свыше 400 км были развернуты против Австро-Венгрии. По директиве главнокомандующего фронтом 8-й армии генерала А.А. Брусилова намечалось наступать первой – 19 августа. 3-я армия генерала Рузского переходила в наступление на следующий день. 4-й армии генерала А.Е. Зальца и 5-й армии генерала П.А. Плеве предстояло наступать соответственно 21-го и 22-го числа. Но две последние армии начинали атаковать противника лишь авангардами, а в наступление главными силами перешли 23 августа[43].

Российское командование намеревалось осуществить огромный охватывающий маневр в целях окружения главных сил австро-венгерской армии. Однако этот план не отвечал реальной обстановке, поскольку генеральный штаб противника отодвинул рубеж развертывания своих войск на 100 км к западу и юго-западу. Первоначальный же рубеж развертывания австро-венгерских армий был известен русскому командованию, поэтому ему в ходе операции пришлось вносить существенные поправки в принятый план[44].

Начальник Генерального штаба Австро-Венгрии генерал Конрад фон Хётцендорф также ставил решительные цели перед своими армиями. Имелась договоренность о совместных действиях с германским командованием в направлении города Седлец. Такое настойчивое стремление обеих сторон добиться убедительных успехов привело к грандиозной по масштабам Галицийской битве (19 августа – 26 сентября). Она развернулась между Днестром и Вислой. Ее главными событиями стали Люблин-Холмская и Галич-Львовская операции, контрнаступление и общее наступление армий Юго-Западного фронта.

Первое двухдневное ожесточенное сражение произошло у города Красника. Российским войскам под угрозой охвата с флангов пришлось отойти на позицию к Люблину. Бои позволили российскому командованию определить рубежи развертывания австро-венгерских армий. 23 августа штаб Ставки Верховного главнокомандующего представил генералу Иванову свои соображения относительно уточнения плана действий армий фронта. На этом основании и была 25 августа отдана соответствующая директива войскам на предстоящее наступление[45].

Директива предписывала 4-й армии от Люблина нанести удар на неприятельскую крепость Перемышль, имевшую многотысячный гарнизон. Соседняя 5-я армия выводилась южнее Холма на линию Моциска–Львов. 3-я и 8-я армии наступали на главный город Галиции – Львов по фронту Куликов–Миколаев и Ходоров–Галич. Было усилено правое крыло Юго-Западного фронта, его 4-я армия. Туда из Варшавы направили три корпуса – 18-й армейский, Гвардейский и 3-й Кавказский и три второочередные пехотные дивизии. Теперь правофланговая 4-я армия, превратившись в сильную группировку, приобрела необходимую устойчивость. Престарелый командующий армией был заменен генералом А.Е. Эвертом.

Широкомасштабное сражение в Галиции развернулось с 26 августа. Последующие два дня прошли в ожесточенных атаках противоборствующих сторон. 3-я и 8-я русские армии успешно повели наступательные бои против 2-й и 3-й армий противника. Австрийцы поспешно оставили Львов, не решившись его оборонять. Так успешно завершилась Галич-Львовская операция. Командующий 8-й армией генерал Брусилов писал в воспоминаниях: “На реке Гнилая Липа моя армия дала первое настоящее сражение. Предыдущие бои,

Русские артиллеристы в Северо-Восточных Карпатах

делаясь постепенно все серьезнее, были хорошей школой для необстрелянных войск. Эти удачные бои подняли их дух, дали им убеждение, что австрийцы во всех отношениях слабее их, и внушали им уверенность в своих вождях"[46].

Совсем иначе складывались события на правом фланге наступавшего Юго-Западного фронта. Здесь произошло встречное сражение 4-й русской армии и 1-й австро-венгерской армии, усиленной несколькими германскими пехотными дивизиями. Преимущество в силах и средствах оказалось на стороне противника. Он имел 14 пехотных и 2 кавалерийские дивизии против 6 с половиной пехотных и 2 с половиной кавалерийских дивизий у русских[47]. Австрийцы стремились развить свое наступление на Люблин, но их атаки были отбиты русскими, хотя гренадерскому корпусу пришлось оставить позицию на реке Пор и отойти к северу. Противник по своему положению к тому же охватывал правый (северный) фланг 4-й российской армии. Ей пришлось отступить к городу Холм. Отошла и соседняя 5-я российская армия.

Тогда Ставка Верховного главнокомандующего перебросила на угрожаемый участок подкрепления и западнее 4-й армии создала новую – 9-ю армию. Юго-Западный фронт вновь перешел в наступление. Теперь соотношение сил на северном участке фронта изменилось в пользу русских. Они имели 26 с половиной пехотных и 9 с половиной кавалерийских дивизий против 15 с половиной пехотных и 4 кавалерийских австро-венгерских дивизий[48]. К тому же улучшению оперативного положения российских армий способствовало то, что германский корпус генерала фон Войрша был направлен для усиления правого фланга разбитой 1-й австро-венгерской армии.

По замыслу российской Ставки предполагалось концентрическими совместными действиями четырех армий – 9-й, 4-й, 5-й и 3-й – окружить в треугольнике между реками Висла и Сан две неприятельские армии – 1-ю и 4-ю австро-венгерские. Для этого в сложившейся оперативной обстановке имелись хорошие предпосылки. Юго-Западному фронту предстояло во взаимодействии с Северо-Западным фронтом нанести поражение противнику и воспрепятствовать отходу его главных сил за Днестр.

Предстоящее развитие событий на Восточном фронте очень озаботило высшее военное командование Австро-Венгрии. Первоначальный план союзнических действий с Германией против России рушился. Наступление австро-венгерских войск в северном (польском) направлении теряло всякий смысл, поскольку немцы не осуществили встречного удара на Седлец. Между Берлином и Веной начала складываться обстановка взаимного непонимания.

В такой ситуации главнокомандующий австро-венгерской армии эрцгерцог Фридрих настаивал на необходимости исполнения ранее согласованных решений. Он писал Вильгельму II: "Честно выполняя наши союзные обязанности, мы, жертвуя Восточной Галицией и руководствуясь, следовательно, лишь оперативными соображениями, развили наступление в заранее обусловленном направлении между Бугом и Вислой и тем самым притянули на себя преобладающие силы России... Мы тяжело расплатились за то, что с германской стороны не было развито обещанное наступление против нижнего течения р. Нарева в направлении на Седлец. Если мы хотим добиться великой цели – подавления России, то я считаю решающим и крайне необходимым для этого германское наступление, энергично проводимое крупными силами в направлении на Седлец"[49]. Однако изменить ход событий в Галиции в конце августа – начале сентября 1914 г. верховные командования Центральных держав так и не смогли.

Боевые действия здесь происходили на фронте шириной до 400 км и продолжались 35 дней. За это время российские армии Юго-Западного фронта, наступая тремя отдельными группами, продвинулись от реки Золотая Липа на 280–300 км до реки Дунаец. Хотя в Галицийской битве сторонам не удалось достигнуть поставленных целей и противники взаимно понесли огромные потери, русский Юго-Западный фронт добился большой победы. Армии Австро-Венгрии потеряли 326 тыс. человек, из которых более 100 тыс. попали в плен, и 400 орудий. Российские армии потеряли до 230 тыс. человек, в том числе 40 тыс. пленными, и 94 орудия[50].

Благоприятный для русского оружия исход Галицийской битвы упрочил не только стратегическое положение российских армий, но и оказал большую помощь союзным Франции и Великобритании. Генерал Алексеев 29 сентября отметил, что союзники не могут иметь претензий к русским, ибо "поражение австрийцев изменило существенно положение дел" тем, что отвлекло на Восток "и силы, и внимание Вильгельма"[51]. Галицийская битва повлияла и на дальнейший ход войны. "...События на Марне и в Галиции, – писал Фалькенхайн, – отодвинули ее исход на совершенно неопределенное время. Задача быстро добиться решений, что до сих пор являлось основой для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю"[52].

Победа на полях Галиции поставила российское командование перед необходимостью определить очередную стратегическую задачу в войне. К тому

же ситуация на Восточном фронте менялась. После победы в Восточной Пруссии германцы стали перебрасывать часть своих войск южнее, на помощь австро-венграм. Однако российское командование своевременно обнаружило эту переброску и раскрыло замысел противника. На последующие решения верховного командования России повлияли ее обязательства по франко-русской конвенции, о чем настойчиво напоминали из Парижа. В это время на северном фланге Западного фронта шла безуспешная борьба сторон ("бег к морю").

В такой обстановке начиналась новая наступательная операция российских армий – Варшавско-Ивангородская (28 сентября – 8 ноября). В директиве Ставки Верховного главнокомандующего говорилось: "Общей задачей армий обоих фронтов Верховный главнокомандующий ставит деятельно готовиться к переходу в наступление возможно большими силами от Средней Вислы в направлении к Верхнему Одеру для глубокого вторжения в Германию"[53].

Варшавско-Ивангородская операция началась наступлением 9-й германской армии и австро-венгерских войск. Успехи немцев ограничились их подходом к Висле, поскольку речное левобережье полевых укреплений не имело. Ее правый берег и крепость Ивангород русские удерживали прочно. Более того, успешным контрнаступлением русские отбросили германские войска от крепости, взяв только пленными 15 тыс. человек. Немцам пришлось отойти от Варшавы и перейти к обороне.

Российское командование, перегруппировав силы, 18–23 октября предприняло новое наступление на варшавском и ивангородском направлениях. В результате 9-я германская армия была отброшена к границам Силезии, а 1-я австро-венгерская армия – на линию Кельце–Сандомир. Однако оторванность наступавших российских войск от своих тыловых баз на 150–200 км привела к резким перебоям в снабжении, заставила их прекратить дальнейшее наступление. Людендорф так оценивал сложившуюся ситуацию: "27 числа был отдан приказ об отступлении, которое, можно сказать, уже висело в воздухе... Теперь, казалось, должно произойти то, чему помешало в конце сентября наше развертывание в Верхней Силезии и последовавшее за ним наступление: вторжение превосходящих сил русских в Познань, Силезию и Моравию"[54].

Однако российское командование не использовало всех своих возможностей. 9-я германская армия ушла от разгрома, а высшее командование Германии с целью остановить наступление русских приступило к организации ответной операции, получившей название Лодзинской (11–24 ноября 1914 г.). Она относится к числу наиболее сложных операций в первой мировой войне и характерна глубокими обходами и окружениями. С обеих сторон в ней участвовало до 600 тыс. человек. Российская Ставка рассматривала быстрый отход германских войск от берегов Вислы как признак их полного поражения. Однако в действительности это было не так. Здесь возникла мысль скорейшего вторжения в пределы Германии, что и определялось директивой Ставки от 28 сентября 1914 г.[55]

Первыми начали наступательные действия немцы, поскольку их военное руководство знало о намерениях командования противника. 9-я германская армия нанесла сильный фланговый удар, прорвавшись частью сил между сформированными фактически заново после Восточно-Прусской

катастрофы 1-й и 2-й русскими армиями. Главнокомандующий Северо-Западного фронта генерал Рузский ответил успешным контрударом. При этом он и Ставка пошли на большой риск, почти не оставляя прикрытия с запада.

В ходе Лодзинской операции российские силы истощились, особенно в кровопролитных боях за Лодзь. Германцы же, используя густую сеть железных дорог у себя в стране, все время подтягивали свежие воинские части. В то же время боевой состав Северо-Западного фронта был крайне ослаблен потерями и недоукомплектованностью в живой силе. Имелись пехотные дивизии, в которых насчитывалось всего 15 офицеров и менее 3 тыс. унтерофицеров и солдат. Пополнения подходили крайне медленно. Недостаточным был и подвоз боеприпасов[56].

Активные боевые действия закончились в конце ноября безрезультатно для обеих сторон. Немцы не добились окружения и уничтожения русских армий. Российское командование в свою очередь не смогло осуществить глубокого вторжения в Германию. О его ошибках можно судить на примере документов комиссии по "делу Ренненкампфа", который после Лодзинской операции был отстранен от командования 1-й армией. В документах среди прочего говорилось: "...действия войск носили совершенно непланосообразный, случайный характер. Отсутствие плана операций повлекло за собой отсутствие целесообразной группировки сил перед операцией до начала наступления немцев и ничем непоправимую потерю времени в подготовке маневренности по обоим берегам Вислы...

Задачи корпусам в большинстве случаев совсем не ставились. Им указывалось механическое исполнение передвижений без постановки задачи предстоящего каждому корпусу маневра. Это лишало командиров корпусов возможности сознательно стремиться к достижению общей цели маневра. Объединение командования группами корпусов, направляемых к общей цели, систематически отсутствовало, а непосредственное управление самим генерал-адъютантом Ренненкампфом маневрированием корпусов на поле сражения было невозможно вследствие того, что штаб армии был обыкновенно слишком далеко от поля сражения, иногда до 100 верст.

В решительные моменты операций... Ренненкампф уезжал в тыл, не оставляя заместителей и представляя командирам корпусов разбираться самим при весьма трудной обстановке, создававшейся отсутствием определенных ясных задач..."[57]

Отход войск Северо-Западного фронта, по решению Ставки Верховного главнокомандующего, заставил прекратить успешно проходившее наступление Юго-Западного фронта. В декабре армии фронта удачно действовали на Карпатско-Галицийском театре, но в 20-х числах из-за снегопада военные действия замерли. С началом зимы левофланговые армии фронта втянулись в заснеженные Карпатские горы, где в тяжелых боях надорвали свои силы и израсходовали и без того ограниченные боеприпасы.

Огромное преимущество германцев в постановке разведывательной службы давало им возможность в течение всей кампании 1914 г. знать намерения российского командования и точное положение его войск, отслеживать их перемещения. Радиосводки русских, обычно незашифрованные, регулярно перехватывались немцами до середины 1915 г. Ущерб от их перехвата был огромен.

В первой военной кампании Берлин переоценил свой успех, прежде всего в ходе Лодзинской операции, и недооценил стойкость российских войск. Хотя те и отошли с левобережья Вислы, но своей боеспособности не потеряли. Военные действия на территории Польши не дали действительного перевеса ни одной из воевавших сторон. Данная ситуация была схожа с общим положением дел в начавшейся Великой войне.

Так, на Балканах еще 28 июля австро-венгерские войска предприняли артиллерийскую бомбардировку Белграда. Городу был нанесен значительный ущерб, после чего сербское правительство переехало в Ниш, а верховное командование – в Крагуевац. 12 августа началось вторжение габсбургских войск на территорию Сербии. Но сербские армии заставили противника через неделю начать отход на всех участках фронта. Своими действиями сербы оказали помощь российскому союзнику, поскольку австрийцы были вынуждены приковать значительные силы к балканскому театру и задержать их переброску в Галицию.

Осуществив перегруппировку сил, австро-венгерские войска 7 сентября перешли в новое наступление в Сербии. В ноябре им удалось захватить Белград. Но к этому времени сербская армия успела получить помощь из России и Франции оружием, боеприпасами и продовольствием. Это позволило сербскому командованию 3 декабря начать наступление и 15 декабря освободить столицу. В течение кампании 1914 г. Австро-Венгрия потеряла на сербском фронте 7600 офицеров и 274 тыс. солдат[58]. Однако победа досталась сербам тяжелой ценой. Их армия потеряла в боях 132 тыс. человек, а численность оставшихся бойцов не превышала 100 тыс. Тем не менее Центральные державы до осени 1915 г. отказались от активных военных операций на Балканах.

Начало войны сразу же поставило под удар германские владения вне Европы. Желание завладеть германской колонией в Китае (область Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове с морской крепостью Циндао) и островами на Тихом океане подтолкнули Японию вступить в войну на стороне Антанты. Уже в ночь с 7 на 8 августа 1914 г. японский кабинет министров принял такое решение, одобренное микадо (императором) Иосихито[59]. 15 августа Япония предъявила Германии ультиматум с требованием отозвать все германские корабли из японских и китайских вод или их немедленно разоружить. Арендуемую у Китая область Цзяочжоу предлагалось передать японским властям без всяких условий и компенсаций. Берлин оставил ультиматум без ответа, отозвав своего посланника из Токио. 23 августа в Токио был обнародован императорский манифест об объявлении войны Германии.

В конце августа японская армия и флот (командующие генерал Камио и адмирал Като) начали операцию по захвату Цзяочжоу и военно-морской базы Циндао. Ее гарнизон насчитывал около 5 тыс. человек, имевших 120 пулеметов, 25 минометов и около 200 орудий, включая корабельную артиллерию. В Циндао стояли устаревший австро-венгерский крейсер "Кёниген Элизабет" и немецкие корабли – две канонерские лодки и два эскадренных миноносца.

Японские экспедиционные силы насчитывали свыше 30 тыс. человек, 40 пулеметов и 144 орудия. Для переброски морского десанта с Японских островов на материк было зафрахтовано до 50 транспортов, которые осуществляли свои рейсы беспрепятственно со стороны германцев. С моря

Пленные сербские солдаты

десант прикрывал 2-й флот в составе 39 боевых кораблей[60]. В японском десанте участвовали и военные силы Великобритании – батальон уэльских пограничников и полбатальона сикхского пехотного полка (всего 1,5 тыс. человек). В состав японских военно-морских сил вошли британские линейный корабль "Триумф" и эскадренный миноносец "Уск"[61].

С 28 сентября началась осада германской морской крепости. В ночь на 7 ноября японцам удалось захватить форт на высоте "Принц Генрих" в центре крепостной оборонительной линии. В тот же день немецкий гарнизон капитулировал, поскольку боеприпасы были израсходованы. Потери гер-

манских войск составили около 800 человек, японских войск – 1800–2000 человек. Части экспедиционного корпуса генерала Камио взяли в плен 202 офицеров и 4470 солдат противника, а также захватили 30 пулеметов, 40 автомашин и артиллерию крепости[62].

После капитуляции крепостного гарнизона Циндао японцы захватили принадлежавшую германским кампаниям железную дорогу Циндао–Цзинань и стали фактическими обладателями всей провинции Шаньдун, которая тем самым была отторгнута от Китая. Флот страны Восходящего солнца завладел принадлежавшими Германии Марианскими, Каролинскими и Маршалловыми островами. После этих событий Япония никакого участия в первой мировой войне не принимала.

Осенью 1914 г. в войну на стороне Центральных держав вступила Турция. Ее султан Мехмед V Решад был провозглашен 5 ноября Верховным главнокомандующим. Однако фактически турецкой армией руководили военный министр Энвер-паша (на эту должность он был назначен после женитьбы на племяннице султана), начальник штаба Главного командования германский полковник (впоследствии генерал) Ф. Бронзарт фон Шеллендорф, а также военный адъютант султана германский генерал-фельдмаршал К. фон дер Гольц.

Первоначально действующие полевые войска Турции были сведены в четыре армии. 1-я и 2-я армии развертывались в Малой Азии, имея задачей защиту Черноморских проливов и столицы. Сильная по составу 3-я армия под командованием Гасана Иззет-паши дислоцировалась в Западной Армении и предназначалась для действий против России. 4-я армия была развернута на восточном побережье Средиземного моря для защиты Палестины и Сирии. Затем будут сформированы еще две полевые армии турок: 5-я для защиты Стамбула, Проливов и Черноморского побережья; в Месопотамии действовала 6-я армия. По подсчетам российского Генштаба, Турция в случае войны могла выставить в соединениях и частях первой очереди 750 тыс. человек. Всего Стамбул мог поставить под ружье 1 млн 300 тыс. человек. К началу военных действий численность султанской армии достигала примерно 780 тыс. человек, включая военные формирования кочевых и полукочевых племен, прежде всего курдских[63].

План военных действий султанской армии разработал Энвер-паша при участии германских специалистов. Предусматривалось ведение боевых действий на двух фронтах: на Кавказе против России, на Суэцком канале и в Египте против Великобритании. На покрытие военных расходов Берлин предоставил Стамбулу заем в 100 млрд франков. Главным противником султанской армии стала российская Кавказская армия. Энвер-паша предполагал проведение более глубоких операций именно на Кавказском театре военных действий. В Стамбуле правильно (как показал весь ход войны) рассчитали, что Россия, вступив в войну против Германии и Австро-Венгрии, не сможет бросить на Кавказ сколько-нибудь значительные подкрепления. Для верховного командования России Кавказский фронт в сложившейся военно-политической ситуации, естественно, не мог являться приоритетным. Поэтому Генеральный штаб решил ограничиться здесь ведением активной обороны, которая на горном театре военных действий не могла потребовать больших затрат.

Войну против России Турция начала без ее официального объявления. 30 октября германские крейсеры “Гебен” и “Бреслау” под турецким флагом

и под командованием немецкого адмирала В. Сушона провели с дальней дистанции бомбардировку главной базы русского Черноморского флота Севастополя и ряда других российских портов (Феодосии и Новороссийска). Однако эта набеговая операция серьезных результатов не дала. Накануне в одесской гавани турецкие миноносцы беспрепятственно потопили русскую канонерскую лодку "Донец" и обстреляли французский пароход "Португалия", причинив ему некоторые повреждения[64]. В ночь на 2 ноября после объявления Россией войны русская Кавказская армия в ряде мест перешла государственную границу. В тот же день турецкие войска начали наступление в направлении города-крепости Карса и вторглись в Батумскую область. Там они надеялись получить вооруженную поддержку со стороны мусульман-аджарцев[65]. Одновременно турки начали быстрый захват части иранского Азербайджана, чтобы оттуда выйти во фланг русской армии.

Великая война началась на ближневосточном театре сразу на трех фронтах: Кавказском, Палестинском и Месопотамском. Главным из них стал Кавказский. Именно здесь боевые действия носили самый ожесточенный и кровопролитный характер, тут была сосредоточена бóльшая часть вооруженных сил сторон. С началом войны фронт протянулся на 720 км от Черного моря до озера Урмия в иранском Азербайджане. Османская империя заблаговременно сосредоточила здесь свою 3-ю армию, состоявшую из трех армейских корпусов, одной кавалерийской и четырех с половиной курдских конных дивизий, частей жандармерии. Всего в первоначальный состав этой армии входили 100 пехотных батальонов, 165 кавалерийских эскадронов и курдских конных сотен, 244 орудия[66].

Российской Кавказской армией официально командовал царский наместник на Кавказе престарелый граф И.И. Воронцов-Дашков, фактически же начальник ее штаба и будущий главнокомандующий Кавказского фронта генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. Армия включала в себя два корпуса, одну пехотную и две казачьи дивизии, две бригады и другие части. Всего свыше 170 тыс. человек: 153 пехотных батальона, 175 казачьих сотен, 12 саперных рот, 350 орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии[67].

Генштаб ставил перед Кавказской армией следующие задачи: не допустить появления турецких войск в Закавказье, а при необходимости главное внимание обратить на оборону важнейшего здесь промышленного центра – Баку и транспортных артерий, ведущих на Северный Кавказ: железной дороги Баку–Владикавказ и Военно-Грузинской шоссейной дороги Тифлис–Владикавказ. Такие задачи Кавказская армия получила на случай самого неблагоприятного исхода военного столкновения с Турцией. Для выполнения задач, поставленных на начальный период войны, русским войскам надлежало войти в Западную (Горную) Армению, разбить передовые группировки противника и после этого вести активную оборону на занятых приграничных рубежах[68].

С первых же дней войны обе стороны стремились захватить в свои руки стратегическую инициативу, которая могла в дальнейшем предопределить ход войны на Кавказе. Начались ожесточенные встречные бои на главном – эрзурумском – направлении. Овладение Эрзурумом позволяло русским войскам нанести удар в направлении Анатолии – центральной части Турции, где было довольно много дорог и можно было использовать крупные силы пехоты и кавалерии. В ноябре в ходе Кеприкейской операции турки, насту-

павшие от Эрзурума, крупными силами атаковали в густом тумане российский авангард. Поначалу бои шли с переменным успехом, но в итоге русские нанесли противнику тяжелое поражение. В ходе общего наступления главные силы 3-й турецкой армии были отброшены назад, на исходные позиции. Султанское командование приняло решение завязать новое сражение.

Наступившие в горах холода и снегопады заставили российские войска приостановить наступательные действия и перейти на время к обороне на занятых рубежах. К тому же туркам удалось скрытно высадить у Хопа десант силой в два пехотных полка и несколько оттеснить русский Приморский отряд к Батуму[69].

Турецкие войска, наступая от Эрзурума, попытались фланговым ударом захватить железнодорожную станцию Сарыкамыш – главную тыловую базу российской армии. От проведения этой глубокой операции генерал Иззет-паша и прибывший в штаб 3-й армии Энвер-паша не отказались даже после поражения во встречных боях на Кеприкейской позиции. Они планировали осуществить тактическое окружение российских войск под Сарыкамышем в духе "Канн" фон Шлиффена.

Сарыкамышская операция (22 декабря 1914 – 7 января 1915 г.) началась наступлением 11-го турецкого корпуса с фронта и фланговым обходом с севера российских позиций 9-м и 10-м турецкими корпусами. Турки, уверенные в победе и шедшие налегке, по пути в заснеженных горах потеряли большое число людей обмороженными и замерзшими, но все же вышли к Сарыкамышу. Однако российское командование пошло на риск, сняв с фронта большое число войск и перебросив их в тыл, к конечной железнодорожной станции Сарыкамыш. Атаки турецкой пехоты с заснеженных гор оказались безуспешными. Контрудары российских войск были удачными, и атакующих турок ожидал полный разгром. Остатки 9-го корпуса были окружены и пленены. 10-й корпус, используя ошибки контратакующих русских, сумел отойти с большими потерями.

Сарыкамышская операция окончилась полным разгромом 3-й турецкой армии, которая оказалась фактически уничтоженной. К началу января 1915 г. в ней насчитывалось всего 12 400 человек. Армия потеряла 90 тыс. человек, в том числе 30 тыс. замерзшими в горах, и свыше 60 орудий. До самого конца войны она так и не смогла восстановить свою боеготовность[70]. Большие потери понесла и русская Кавказская армия, лишившись более 20 тыс. человек убитыми, ранеными и обмороженными. Особенно ощутимыми оказались потери в командном составе[71].

Посол Франции в России М. Палеолог 6 января 1915 г. записал в дневнике: "Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, по дороге из Карса в Эрзурум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами.... Там ужасный холод и постоянные снежные бури. К тому же – никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия совершает там каждый день изумительные подвиги"[72].

Великобритания в 1914 г. на ближневосточном театре войны только разворачивала боевые действия против Турции. В Месопотамии англичане оккупировали порт Басру и город Эль-Курна. Турки в свою очередь захватили пустынный Синайский полуостров и начали продвижение к Суэцкому каналу, угрожая вторжением в Египет.

Полный успех союзников имели боевые действия в Африке против германских колоний – Того, Камеруна, Восточной Африки (боевые действия, носившие здесь партизанский характер, затянулись до самого конца войны) и Юго-Западной Африки. В большинстве случаев после незначительного сопротивления немцы складывали перед противником оружие.

Подводя итоги кампании 1914 г., отметим, что ни одной из воевавших коалиций не удалось в первый год войны добиться решающего успеха. Более того, крахом увенчались исходные представления о войне, характерные для всех ее участников. Ни один из стратегических расчетов воюющих держав не оправдался. Вся европейская военная философия рухнула за считанные недели. Обе колиции оказались перед лицом тяжелой и длительной позиционной войны, к которой они не были готовы. Уже одно это стало невиданным военным потрясением, неожиданной для всех моральной и политической катастрофой[73].

2. Центр тяжести перемещается на Восточный фронт

Перед началом кампании 1915 г. стороны провели ее стратегическое планирование. Великобритания и Франция, полагая, что победа над Германией возможна лишь при условии достижения абсолютного превосходства над *ней, все внимание решили обратить на наращивание собственного военно-*экономического потенциала.

Поэтому в Лондоне и Париже решили перейти к стратегической обороне, наметив активно действовать только в Восточном Средиземноморье. Замысел проведения там крупной десантной операции возник следующим образом. Ожидая наступления немцев на Западном фронте, англо-французское командование обратилось к своим российским коллегам с просьбой активизировать военные действия на Восточном фронте и не дать возможности немцам перебросить войска под Париж. Об этом откровенно высказался в своих мемуарах Ллойд Джордж[74]. Из Петрограда в ответ на просьбу союзников было передано согласие, но с одним условием: англичане и французы в свою очередь проведут крупную морскую или сухопутную операцию в районе Дарданелл, чтобы отвлечь часть турецких войск с Кавказского фронта.

С политической точки зрения это предложение российского руководства весьма устраивало союзников: англичане таким образом могли первыми войти в Стамбул, что могло стать козырной картой в последующих переговорах о послевоенном устройстве мира, а французы надеялись своими действиями в Средиземноморье ускорить вступление Италии в ряды Антанты. Великобритания и Франция активно взялись за подготовку операции. В Лондоне одним из наиболее деятельных ее сторонников стал морской министр У. Черчилль. Однако такая активность и стремление превратить эту десантную операцию из отвлекающего маневра в полномасштабное действие не на шутку испугали российское военно-политическое руководство. Оно само рассчитывало получить Проливы в качестве главного приза после войны.

В таких условиях Россия решила предпринять в некотором смысле контрдействия. Поэтому Ставка Верховного главнокомандующего заплани-

ровала на 1915 г. ведение широких наступательных операций. Первоначальный план, разработанный генерал-квартирмейстером Ставки генералом Даниловым, предусматривал ведение наступления на северо-западном направлении в сторону Восточной Пруссии с последующим перенесением удара на Берлин. На юго-западном направлении планировалась оборона[75].

Однако такой план кампании 1915 г. вызвал серьезные разногласия в высшем командовании российской действующей армии. За план Данилова высказался главнокомандующий Северо-Западного фронта генерал Рузский. Он не без оснований опасался восточно-прусской группировки германских войск, грозно нависавшей над дислоцированными в Польше российскими армиями. С резкими возражениями против предложенного плана выступили главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Иванов и его начальник штаба генерал Алексеев. Они полагали, что в интересах России следует, прежде всего, разгромить Австро-Венгрию. По их мнению, путь на Берлин лежал не через Восточную Пруссию, а через венгерские равнины и Вену. Ставка Верховного главнокомандующего не проявила твердости в своем решении. Был найден компромиссный вариант: готовился одновременный удар и против Восточной Пруссии, и против Австро-Венгрии. Между тем, такое одновременное наступление по двум расходящимся направлениям не соответствовало реальным возможностям российской армии[76].

Для Центральных держав, в отличие от Антанты, перспектива затягивания войны не сулила никаких выгод. По мнению Фалькенхайна, окончательное достижение целей Великой войны следовало искать не на Востоке, а на Западе. Условия для этого, по его мнению, в 1915 г. были самые благоприятные: Великобритания еще не развернула полностью свои силы, а Франция сильно ослабла в первый год войны[77]. Однако и в германском высшем военном командовании имелись большие разногласия по плану кампании 1915 г. Командование группы немецких армий на Востоке в лице генералов Гинденбурга и Людендорфа и австро-венгерское командование (Конрад), поддержанные Бетман-Гольвегом, требовали первоочередного разгрома России. Скорейшая ликвидация Восточного фронта, таившего в себе немало скрытых угроз, должна была, по их прогнозам, заставить Париж и Лондон пойти на подписание мира, выгодного для Берлина и Вены[78].

Основания для этого у германского высшего военного командования имелись. На Восточном фронте еще были возможности для ведения маневренной войны и потому не требовалось прорывать хорошо подготовленную в инженерном отношении позиционную оборону противника. К тому же сильный удар по России предотвращал вторжение русских армий в Восточную Пруссию и Австро-Венгрию.

Германо-австрийский план кампании был принят в январе 1915 г. Он предусматривал на Западе активную оборону всего 700-километрового фронта, а на Востоке планировался разгром российской армии и отбрасывание ее как можно дальше в глубь страны. Здесь было решено нанести два мощных удара по сходившимся направлениям с конечной целью окружения значительной части российских войск в "польском мешке" и последующего их уничтожения. Успех такой наступательной операции, по оценкам Берлина и Вены, заставил бы Россию капитулировать перед ними и подписать сепаратный мир. После победы на Востоке освободившиеся силы Германии и

Австро-Венгрии могли быть переброшены на Запад для разгрома французских и британских войск[79].

Первыми начали наступательные операции на Восточном фронте русские. Командование Северо-Западного фронта попыталось на своем правом фланге улучшить позиционное положение. Однако вытеснить немцев из лесного района севернее Инстербурга не удалось. Здесь российское командование допустило серьезную ошибку, сказавшуюся на последующих событиях. В ходе боев было обнаружено появление новых немецких частей, но такому многозначительному факту в штабе Рузского не придали значения. Не были обнаружены сосредоточение и развертывание на правом фланге русского фронта новой 10-й германской армии генерала Г. фон Эйхгорна[80].

С началом Августовской операции[81] именно этой армии сопутствовал наибольший успех. Немцы перешли в наступление 7 февраля и сумели продвинуться вперед, но натолкнулись на стойкость 20-го российского корпуса, сражавшегося в лесах близ Августова. Его полки и дивизии, израсходовав весь запас патронов и снарядов, выходили из окружения в штыковых атаках. Хотя русские к 21 февраля и отошли на новый рубеж обороны, задачи на наступление 8-я и 10-я германские армии не выполнили[82].

Стойко держался и гарнизон российской крепости Осовец, расположенной на левом берегу реки Бобр. Здесь находилось около пехотной дивизии, 24 полевых и 69 крепостных орудий. Осовец обеспечивал 50-километровый разрыв между 10-й и 12-й российскими армиями, прикрывая одновременно важный железнодорожный узел Белосток. Отразив все атаки противника, гарнизон оставил крепость только в августе 1915 г. по приказу командования.

Августовская операция германских войск заставила Ставку Верховного командующего укрепить свежими силами правый фланг Северо-Западного фронта. "Немецкие силы, – отмечал Фалькенхайн, – дошли до пределов боеспособности... Они не могли уже сломить сопротивление скоро и искусно брошенных им навстречу подкреплений"[83]. Августовская операция стала точной копией Лодзинской операции с ее двойным охватом, причем главный удар *немцы наносили на наиболее слабом участке фронта противника*. Военный историк А.М. Зайончковский отмечал однообразие "оперативных ходов Гинденбурга"[84].

Ответным ходом российского командования стало проведение Праснышской наступательной операции силами 1-й, 12-й и 10-й армий в феврале–марте1915 г. Германским войскам пришлось отойти к границам Восточной Пруссии и занять надежную оборону на заранее подготовленных позициях. Общим итогом двух зимних операций на северном участке Восточного фронта стало то, что немцам не удалось охватить российские армии с севера. Но не был выполнен и план русской Ставки по овладению Восточной Пруссией.

Одновременно крупные события происходили и в полосе Юго-Западного фронта. Здесь российское командование готовило прорыв вражеской обороны в Карпатах силами 8-й армии. Неприятель в свою очередь для предстоящего наступления перебрасывал сюда войска с сербского фронта и с левого берега Вислы. В помощь своей союзнице Германия перебросила сюда около 90 тыс. человек. В полосе от Самбора до румынской границы против двух российских корпусов было сосредоточено до семи с половиной

Русские войска вступают в Перемышль

австро-германских. "По соотношению сил и степени их готовности, – писал Зайончковский, – участь Карпатской операции предрешалась уже не в пользу русских"[85].

Весь январь и февраль 1915 г. в заснеженных Карпатах шли ожесточенные кровопролитные бои. Армии генерала Брусилова пришлось очистить предгорья Карпат и отойти к Пруту и Днестру. Вновь сформированная 9-я российская армия пришла на помощь 8-й, и наступавший неприятель был остановлен. В стратегическом отношении утрата части ранее захваченной территории в Прикарпатье компенсировалась занятием сильной австро-венгерской крепости Перемышль. 22 марта ее 120-тысячный гарнизон, предварительно разрушив часть крепостных укреплений, сдался. Это явилось крупной победой российского оружия. Теперь терялся смысл вражеского наступления в Карпатах с целью деблокады Перемышля. Вскоре боевые действия в Прикарпатье стали фронтальными. Во время зимних боев в Карпатах российская Ставка разгадала замысел неприятельского командования и сумела расстроить его планы. Об этом ясно свидетельствует телеграмма начальника штаба Ставки генерала Янушкевича главнокомандующему Юго-Западного фронта генералу Иванову от 21 февраля 1915 г.[86]

Утрата Перемышля и ряда важных перевалов в Карпатах всерьез обеспокоила военное командование Центральных держав – создавалась угроза выхода российских войск на Венгерскую равнину. Было принято решение перебросить с Западного фронта на восток новые германские дивизии и провести большую наступательную операцию. Она вошла в историю как Горлицкая. Удар наносился между Вислой и Карпатами мощной группировкой преимущественно немецких войск с задачей не только отбросить русских от Карпат, но и сокрушить российскую армию[87].

Германское командование тщательно подготовилось к операции по прорыву фронта. Для удара в предгорье Карпат в районе города Горлице с Западного фронта были сняты Гвардейский, Сводный, 41-й резервный и 10-й армейские корпуса. Их объединили в 11-ю армию под командованием генерала А. фон Макензена. В ударную группировку были включены также австро-венгерские 6-й армейский корпус и 11-я кавалерийская дивизия.

На участке прорыва шириной в 35 км Центральные державы сосредоточили: штыков и сабель – 126 000, орудий легких – 457, орудий тяжелых – 159, пулеметов – 260, минометов – 96. Русские имели здесь 60 тыс. человек, 141 легкое полевое орудие, всего 4(!) тяжелых орудия, 100 пулеметов, минометов не было совсем. Следовательно, наступавшие германско-австрийские войска обеспечили себе превосходство в живой силе в два с лишним раза, в легкой артиллерии – более чем в 3 раза, в тяжелой артиллерии крупных калибров – в 40 раз, в пулеметах – в 2,5 раза[88]. Именно на превосходство в артиллерии крупных калибров делалась главная ставка в предстоящем "взломе" русского фронта.

Главный удар начатого 2 мая германо-австрийского наступления у Горлице пришелся на позиции 10-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Н.И. Протопопова. Полки его вели бой без общего управления, поскольку огонь тяжелой немецкой артиллерии нарушил телефонную связь. Бой русских за первую позицию, полностью разрушенную шквалом артиллерийского огня, представлял собой борьбу отдельных групп пехотинцев под руководством оставшихся в живых и не потерявших самообладание командиров рот и батальонов. Эти группы встречали атакующего неприятеля ружейно-пулеметным огнем и штыковыми контратаками.

Через час после начала вражеской атаки в российских пехотных батальонах первого эшелона оборонительной линии осталось не более четверти солдат, которые отчаянно и стойко защищали свои разрушенные окопы. Даже попав в окружение, российские пехотинцы смело вступали в рукопашные схватки, штыками пробиваясь к однополчанам. В битве при Горлице стороны с самого начала несли тяжелые потери в живой силе.

По инициативе командиров российских артиллерийских батарей на прямую наводку выдвигались так называемые "кинжальные взводы". Их орудийные расчеты до последней возможности расстреливали в упор атакующую пехоту противника. А затем, испортив орудия, отходили. Остатки пехотных полков, получив поддержку дивизионных и корпусных резервов, беспрерывно контратаковали вклинившиеся в линию обороны неприятельские группировки.

Однако подавляющее огневое превосходство наступающего противника обрекало российские войска на чрезвычайно большие потери и неудачи. Этому в немалой степени способствовали требования командующего 3-й армией генерала от инфантерии Д.Р. Радко-Дмитриева "упорно оборонять позицию и отбросить противника"[89]. Уже в начале Горлицкой операции в российских фронтовых частях стал сказываться недостаток винтовочных патронов и снарядов для полевой артиллерии. На запросы Радко-Дмитриева главнокомандующий фронта Иванов отвечал: "Положение дел с боевыми припасами вам известно по прежним моим предупреждениям. Ваши требования по размерам неосуществимы"[90].

В ходе Горлицкой операции русское командование впервые в широких масштабах применило тактику разрушения важных объектов, прежде всего железнодорожных, в ходе отступления. Начальник военных сообщений Юго-Западного фронта генерал-майор И.В. Павский подробно докладывал в Ставку о выполнении ее распоряжений на сей счет. Он отмечал, что на всех направлениях интендантские грузы вывезены, мосты уничтожены, железнодорожное полотно разрушено, станционные строения сожжены, паровозы и вагоны угнаны[91].

Горлицкая операция длилась 52 дня. Она стала одной из самых крупных оборонительных операций первой мировой войны. 22 июня австро-германские войска вступили во Львов. После оставления Галиции стратегическое положение российских армий, действовавших севернее, в Польше, серьезно ухудшилось. Теперь противник нависал над ними с трех сторон.

Однако германо-австрийское командование задачу на успешно начатое под Горлице наступление не выполнило, прежде всего, в стратегическом отношении. Восточный фронт прорван не был, а произошло его "продавливание". Юго-Западный фронт русских не был разгромлен, как планировалось, а лишь совершил стратегический отход. Людендорф отмечал в мемуарах: "Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как оно бы ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны... К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными"[92].

К середине 1915 г. российские армии по-прежнему действовали в составе двух фронтов: Северо-Западного под командованием Алексеева, сменившего 30 марта на этом посту Рузского (в составе восьми армий) и Юго-Западного под командованием Иванова (в составе всего трех армий). Противник был также объединен в два фронта: германский Восточный (главнокомандующий генерал-фельдмаршал фон Гинденбург), в который входили пять армий и армейская группа Войрша и австро-венгерский Галицийский (главнокомандующий фельдмаршал эрцгерцог Фридрих) в составе шести армий.

Восточный (русский) фронт представлял собой дугу. Размер выпуклости в полосе ее хорды от Осовца до Сокаля составлял 300 км, а в глубину, от Брест-Литовска до левого фланга 2-й армии – 200 км[93]. Здесь и находилась главная группировка российских армий. Верховное командование Центральных держав торопилось с разгромом России: его тревожили сообщения о том, что соотношение сил на французском фронте стало складываться не в пользу Германии. Поэтому было решено окружить российскую группировку в Польше и нанести ей полное поражение. Общее командование операцией было возложено на генерал-фельдмаршала фон Макензена.

В июле–августе 1915 г. в Польше и в Прибалтике разгорелись оборонительные бои российских армий. Однако первые наступательные операции германских и австро-венгерских войск показали, что о разгроме противостоявших им российских соединений речь идти не могла. Если они и отходили, то в полном порядке, нанося сильные контрудары. Однако неприятельское наступление в междуречье Вислы и Буга, а также на берегах Нарева продолжалось. Создавалась угроза захвата района Варшавы и левобережья Вислы.

В такой непростой в стратегическом отношении ситуации российская Ставка провела в Седлеце 5 июля совещание с командованием Северо-Западного фронта. Было решено спрямить фронт и отвести армии на линию Ломжа–Верхний Нарев–Брест-Литовск–Ковель. Решение Ставки в той

ситуации было правильным и полностью отвечало сложившейся обстановке[94]. Отход армий Северо-Западного фронта сопровождался наступлением противника. Произошло несколько сражений: Грубешовское, Холмское, Красноставское, Люблинское. Русским пришлось взорвать укрепления мощной в фортификационном отношении Ивангородской крепости, которая на протяжении многих лет сооружалась специально на случай войны России с Германией. 5 августа немецкие войска вступили в Варшаву.

В ходе преследования отходившего на новый рубеж Северо-Западного фронта одной из австро-венгерских армий удалось форсировать реку Западный Буг. Но ее дальнейшее наступление неприятельское командование остановило. Вскоре российские армии отступили на линию выпрямления Восточного фронта и закрепились на них. "Стратегические Канны" на Восточном фронте Берлин и Вена не осуществили, хотя стороны и понесли большие потери. Замысел окружения русских армий в "польском мешке" на левобережье Вислы окончился для германского командования неудачей. Фалькенхайн вынужден был признать в мемуарах, что летние наступательные операции 1915 г. "не достигли своей цели"[95]. С Фалькенхайном соглашался и Гинденбург, писавший: "Операция на востоке, несмотря на прекрасное проведение Наревского удара, не привела к уничтожению противника. Русские, как и нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении"[96].

Осуществление Наревского удара, который русское командование не сумело парировать, было успехом германских войск. Но и в ходе продолжения Наревского удара в Риго-Шавельской операции (14 июля – 20 августа 1915 г.) командующий немецкой Неманской армией генерал О. фон Белов не смог получить оперативный простор для развертывания дальнейшего наступления. Здесь удачно действовала вновь сформированная 5-я российская армия под командованием генерала Плеве. Она прочно удерживала оборонительный рубеж на Западной Двине у Двинска.

Со стратегической точки зрения выход российских войск из "польского мешка" имел в ходе первой мировой войны принципиальное значение. Армии, находившиеся в Польше, постоянно ожидали сильных неприятельских ударов на окружение из Восточной Пруссии и Галиции. С точки зрения общего хода противоборства сторон, когда закончился маневренный начальный период войны, было важно найти такой оборонительный рубеж, который можно было удержать возможно меньшим количеством сил[97].

Занятие германскими и австро-венгерскими войсками Польши, Галиции, Литвы и Курляндии не привело к разгрому российских армий и к выходу России из войны путем заключения сепаратного мира. Анализ обстановки, сложившейся на Восточном фронте к осени 1915 г., убедил высшее военное командование Германии и Австро-Венгрии в том, что новые крупные наступательные операции здесь вряд ли возможны. Уже осенью кампания на восточноевропейском театре военных действий фактически считалась законченной для обеих сторон.

С политической точки зрения, военные успехи стран Центрального блока на Восточном фронте оказали известное воздействие на международное общественное мнение. Улучшилось внутреннее и внешнее положение главного союзника Германии – Австро-Венгрии, поскольку она вернула себе Галицию.

Результатом отхода российских армий на "выпрямленную" линию Восточного фронта стало совещание 16 августа в Волковыске. Его проводил Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с высшими чинами Ставки и фронтов. Здесь были приняты важные решения о плане дальнейших действий. По итогам совещания Северо-Западный фронт, огромный по протяженности, сложности решаемых задач и значительного числа армий и корпусов, был разделен на два фронта: Северный и Западный. Командовать ими назначались соответственно генералы Рузский и Алексеев.

Задачей первого являлось прикрытие путей к Петрограду из Восточной Пруссии и со стороны Балтики. Вместе с тем войска Северного фронта должны были "стремиться к тому, чтобы при первой возможности перейти в решительное наступление с целью оттеснить противника насколько возможно к западу и лишить его выгодного исходного положения для развития операций в обход правого фланга общего нашего стратегического фронта"[98].

Основной задачей Западного фронта являлось прикрытие путей, шедших к Москве с передового театра военных действий. Армиям фронта надлежало прочно удерживать в своих руках линию обороны от Верхнего Нарева до Брест-Литовска включительно. Определяя такие задачи двух вновь образованных фронтов, высший российский генералитет исходил, прежде всего, из реальной обстановки, состояния действующей армии, а также ее тылов.

Однако вскоре в высшем военном командовании России ситуация резко изменилась. Вследствие дворцовых интриг Николай Николаевич был высочайшим указом отстранен от должности Верховного главнокомандующего. В вину великому князю ставилось неумение обеспечить достаточно твердое стратегическое управление вооруженными силами Российской империи. Он получил назначение императорским наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армии. Функции Верховного главнокомандующего 23 августа возложил на себя Николай II, имевший воинское звание полковника (18 декабря 1915 г. ему было присвоено звание фельдмаршала английской армии[99]), хотя он и не был способен осуществлять военно-стратегическую линию России в мировой войне. При этом подавляющее большинство членов российского правительства, высшего армейского командования и общественных кругов выступили категорически против такого решения монарха, пытаясь убедить его оставить во главе армии Николая Николаевича.

Вследствие постоянных переездов Николая II из Могилева, куда была переведена Ставка, в Петроград, а также недостаточного знания вопросов руководства войной фактическое командование было сосредоточено в руках начальника штаба Ставки генерала Алексеева (он передал должность главнокомандующего Западного фронта генералу Эверту). При этом император, хотя и получал каждый день обстоятельные доклады о ходе военных действий, крайне редко вмешивался в решения своего начальника штаба.

Последней крупной операцией 1915 г. на Восточном фронте стал Свенцянский прорыв немецких войск, осуществлявшийся с 9 по 19 сентября. От внимания германского командования не ускользнуло то обстоятельство, что стык между новыми фронтами русских – Северным и Западным – прикры-

вался только двумя кавалерийскими отрядами, высланными от соседних армий этих фронтов. Германское командование решило незамедлительно прорвать фронт в этом месте и осуществить глубокий прорыв в направлении на Минск. Удар встык двух фронтов наносил германский кавалерийский корпус, усиленный двумя отдельными дивизиями кавалерии и пехотой. Конные заслоны русских были отброшены к флангам их армий, и противник с боем взял железнодорожную станцию Ново-Свенцяны, а 18 сентября вступил в Вильно. Принятыми мерами продвижение 8-й и 10-й германских армий было остановлено. Российские войска отбросили немцев к озерам Свирь и Нарочь. Утратив значительную территорию, российскому командованию все же удалось стабилизировать фронт на линии Западная Двина–Двинск–Вилейка–Барановичи–Пинск.

На Юго-Западном фронте русские в декабре предприняли наступательную операцию по просьбе союзников с целью отвлечь внимание австро-германцев от Сербии, армия которой вела неравные бои с врагом. Но это наступление российской 7-й армии закончилось неудачей – ее наступление на самом южном участке фронта не получило поддержки соседней 8-й армии. Случилось это по вине командования Юго-Западного фронта, не решившегося на нанесение удара войсками двух армий сразу[100]. К тому же в наступавших войсках оказалась серьезная нехватка артиллерии и боеприпасов.

В целом кампания 1915 г. на Восточном фронте знаменовала собой крушение плана Центральных держав на вывод России из войны. Успехи, одержанные армиями Германии и Австро-Венгрии в ряде операций, мало изменили общее стратегическое положение обеих коалиций. Одной из причин неудач российской армии в этой кампании было то, что ей пришлось вести борьбу с противником, не получая адекватной помощи от союзников по Антанте. Но это обеспечило Великобритании и Франции необходимое время для накопления военных сил и материальных средств.

Военные действия на западноевропейском театре в 1915 г. носили совсем иной характер. Там образовался позиционный Западный фронт от побережья бельгийской Фландрии до границы со Швейцарией. Борьба противников приняла здесь характер действий за улучшение оборонительных позиций. На первый план воевавшие стороны выдвинули оборону. Началась затяжная траншейная война.

В обстоятельных инструкциях французского главнокомандующего Ж. Жоффра от союзных войск требовалось создание такой прочной позиционной обороны, которая могла бы парировать новые удары противника и вместе с тем обеспечивала бы союзникам возможность перехода к наступательным действиям. Подобную задачу своим армиям ставило и немецкое командование. Фалькенхайн требовал "укрепления позиций настолько, чтобы их можно было, если потребуется, удерживать долгое время даже небольшими силами против наступления в несколько раз превосходящих сил"[101].

Теперь вместо одной линии окопов, как это было в 1914 г., стали появляться две-три. За первой линией обороны в 1–1,5 км воюющие стороны возводили новые оборонительные линии. Траншеи располагались в 100–150 м друг от друга. Окопы соединялись между собой разветвленной системой ходов сообщений. Под землей строились надежные укрытия для людей. Перед позициями устанавливались густые полосы проволочных заграждений[102]. Построение такой линии обороны на Западном фронте повлекло

за собой поиск новых форм прорыва сплошной обороны противника. У воевавших сторон появились новые инструкции для войск, в которых рекомендовались планомерные и методические действия. Теперь прорыв вражеской позиционной обороны, хорошо укрепленной в инженерном отношении, стал невозможен без сильной артиллерийской подготовки из орудий крупных калибров.

К началу февраля 1915 г. Германия держала на Западном фронте семь армий и три армейские группы войск генералов Г. Штранца, Л. Фалькенгаузена и Гаэде в составе 26 пехотных корпусов. В них насчитывалось 94 с половиной дивизии. Германское высшее командование весной сумело заметно улучшить управление своими силами на западе, отказавшись от промежуточных инстанций в системе командования армиями и армейскими группами. Общая численность немецких войск на Западном фронте достигала 1,9 млн человек, 4000 легких и 1695 тяжелых артиллерийских орудий.

Противостоявшие Германии силы союзников по Антанте включали: девять французских армий и одну группу войск – Лотарингскую – всего 73 пехотные и 10 кавалерийских дивизий. Англичане имели на материке две армии. В каждой из них было по три армейских и по одному кавалерийскому корпусу. Бельгийская армия состояла из шести дивизий, но пополнение ее резервистами почти исключалось, поскольку почти вся территория страны оказалась оккупированной немцами. Всего на Западном фронте в 111 дивизиях союзников насчитывалось 2,65 млн человек, более 4000 легких и до 1600 тяжелых орудий. Они имели преимущество в силах и в инженерном оборудовании оборонительных позиций на северном участке Западного фронта. На остальных его участках соотношение сил и средств Антанты и Германии было примерно равным.

Союзники имели промежуточные инстанции фронтового управления: Восточное крыло (1-я, 3-я и 7-я французские армии, Лотарингская группа войск) и Северное крыло (8-я и 10-я французские и бельгийская армии). Центральные французские армии (2-я, 4-я, 5-я и 6-я) и британские войска находились под командованием Ж. Жоффра. При этом британское командование претендовало на особое положение, независимое от французского командования, и на руководство бельгийской армией. Однако французы на это решительно не соглашались, поскольку война шла на их территории, и Лондону в этом вопросе пришлось уступить[103].

Оперативный план германского командования на западе в 1915 г. сводился к прочному удержанию захваченных территорий Бельгии и Франции. Предусматривалось проведение контрударов и частных наступательных операций. По инициативе Фалькенхайна на западе был создан сильный резерв из 12 дивизий. Для широкого маневра этими резервными войсками в тылу каждой немецкой армии в полной готовности на ближайших железнодорожных станциях стояли дежурные поезда.

Союзники, накапливая силы и материальные средства, во второй военной кампании провели несколько частных наступательных операций, которые должны были усилить линию их фронта перед будущими широкомасштабными наступательными действиями. Военное командование и кабинет министров Великобритании вообще отрицали возможность прорыва германской обороны до полного накопления необходимых резервов и материальных средств ведения войны.

Весной 1915 г. союзники запланировали нанесение по германскому выступу два сильных удара: в Шампани силами 4-й французской армии удар наносился у Сен-Миеля; в Артуа – силами 10-й французской и 1-й британской армий у Арраса. Одновременно производились отвлекающие частные наступательные операции, по своим целям носившие местный характер. По сути, это были испытания новых методов прорыва сплошной позиционной обороны неприятеля и поиск новых форм наступления.

В мартовской операции в Артуа, например, со стороны немцев участвовало 140 тыс. человек, со стороны союзников – около 250 тыс. человек. Прорыв германских укрепленных полевых позиций проводился на узком участке фронта от 7 до 12 км. Пехотные дивизии союзников наступали на набольшом фронте: всего в один-полтора километра, имея здесь почти двойное превосходство над оборонявшимся противником. Артиллерийская подготовка прорыва неприятельской позиции длилась до 6 суток, причем для ее проведения союзным командованием привлекалось до 70 орудий на километр фронта. Тогда как в первой военной кампании, в 1914 г., плотность артиллерии на Западном фронте составляла 15–20 орудий на километр фронта[104].

Атаковавшие войска союзников продвигались вперед всего по 3–4 км в сутки. Окопы, захваченные французами днем, в ходе ночных контратак отбивались немцами. Германское командование успешно применяло свои подвижные резервы, как это показали, например, бои у деревни Нёв-Шапель в Шампани, где англичане потеряли около 13 тыс. человек убитыми и ранеными[105].

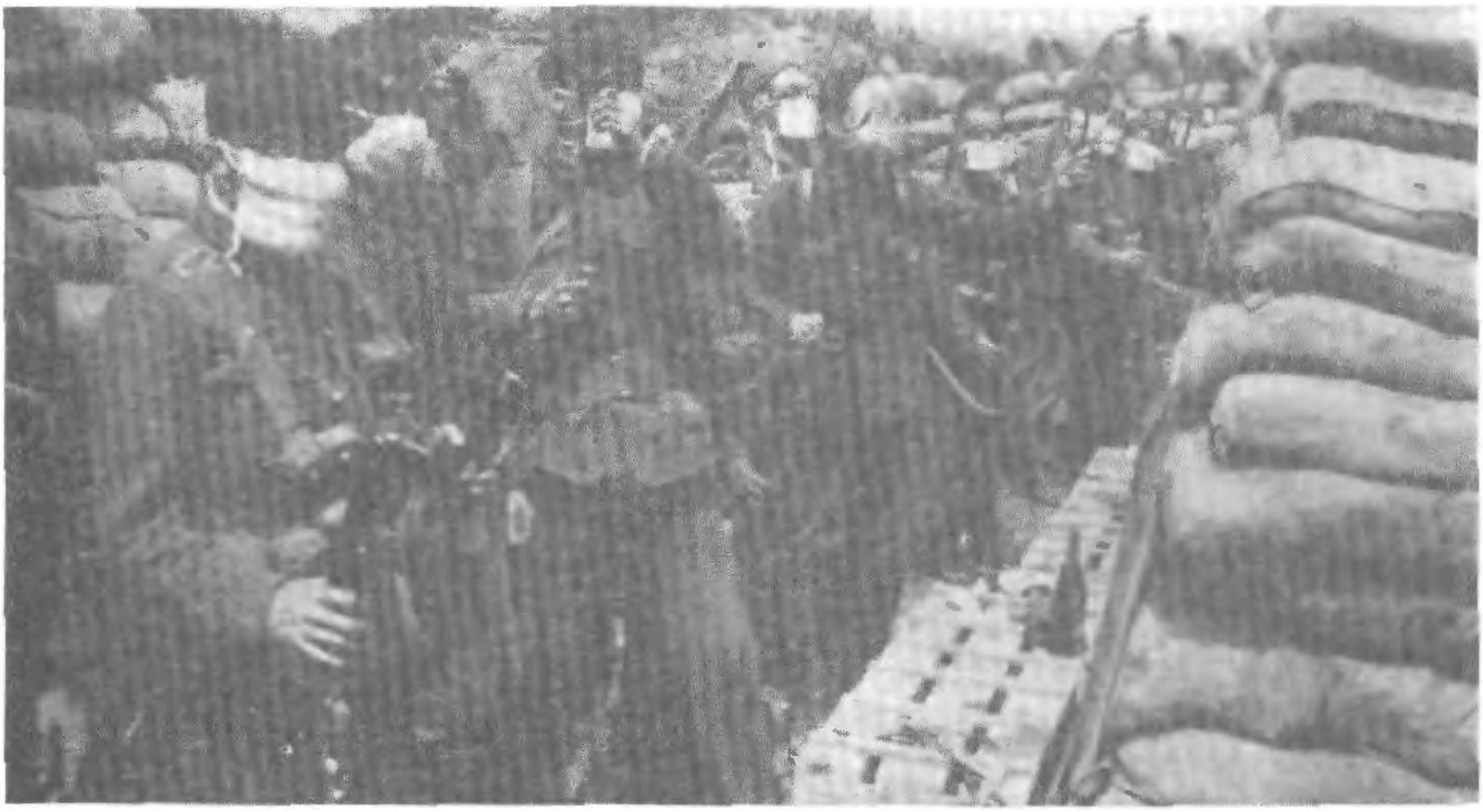
Проведенные наступательные операции не принесли ожидаемого успеха. Это заставило союзников провести с 20 по 23 марта совещание в Шантийи на уровне военных министров и главнокомандующих французской и британской армий. Решался вопрос о реорганизации союзного командования на Западном фронте и устранении явных разногласий. Но этот злободневный вопрос в Шантийи так и не был решен. Стороны согласились только на более тесную кооординацию военных усилий союзников. Представителя российского командования на совещание не пригласили.

После неудачных наступательных операций союзников в Артуа и в Шампани у высшего военного командования Германии уже не возникало серьезных опасений за устойчивость своего позиционного фронта на западе. Оно стало смелее перебрасывать значительные силы оттуда на восток. Наличие густой сети железных дорог позволяло делать это в считанные дни. К маю 1915 г. на русский фронт было переброшено 90 пехотных и 54 кавалерийских полка[106]. Высшее российское военное командование обратило внимание правительств Великобритании и Франции на этот факт и просило активизировать боевые действия на Западном фронте. Однако эта просьба осталась без ответа. Ллойд Джордж признавал: "История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, так как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе. Английские и французские генералы не научились понимать того, что победа над немцами в Польше оказала бы большую поддержку Франции и Бельгии, чем незначительное продвижение французов в Шампани или даже захват холма во Фландрии"[107].

Германское командование ответило на наступательные операции Антанты в Артуа и в Шампани атакой у Ипра. Наступление впервые велось с применением нового боевого средства – химических отравляющих веществ в виде удушливого газа хлора. Немецкое военное руководство отводило этой операции важное место в плане активной обороны своего Западного фронта и готовилось к ней тщательно и скрытно, что ему вполне удалось. Немцы и ранее использовали средства химического нападения в виде огнеметов и химических снарядов, но в крайне ограниченных размерах[108]. В Ипрской наступательной операции они впервые применили химическую газобаллонную атаку. Для нее был выбран изгиб в немецкой обороне севернее Ипра, на стыке 2-й британской армии и 20-го французского корпуса. Равнинная местность и северо-западные ветры в этом районе благоприятствовали проведению газовой атаки.

В течение нескольких суток специально созданные для этого подразделения специалистов-химиков в ночное время на фронте в 6 км установили 150 газобаллонных батарей – 6 тыс. баллонов с хлором. 22 апреля в 17 часов с попутным ветром на позиции 5-го британского армейского корпуса начался пуск удушливого газа. За пять минут было выпущено 180 тыс. кг хлора[109]. Желтовато-зеленое облако высотой в человеческий рост двинулось на британские позиции, стало с каждым дуновением ветра проникать в окопы и укрытия для людей. За облаком хлора в сомкнутом строю, с марлевыми повязками на лицах, следовали солдаты и офицеры частей 26-го германского корпуса.

Очевидцы первой в истории войн газовой атаки так описывают ее: “Сначала удивление, потом ужас и, наконец, паника охватила войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь, биться в агонии. Те, кто мог двигаться, бежали, пытаясь, большей частью напрасно, обогнать облако хлора, которое неумолимо преследовало их”[110]. Оставленные британцами окопы и артиллерийские позиции без выстрелов



Британские солдаты в траншеях в ожидании газовой атаки

занимались немцами. От хлора пострадало 15 тыс. человек, из них 5 тыс. умерло[111].

Результатом газовой атаки стало то, что полоса шириной в 10 км и в глубину 7 км оказалась практически необороняемой. Воспользовавшись этим, немцы беспрепятственно вышли севернее Ипра к Изерскому каналу. Однако газовая атака оказалась плохо подготовленной, поскольку немецкое командование не имело здесь резервов, чтобы развить тактический успех. Командование союзников подтянуло к образовавшемуся разрыву шириной в три с половиной километра британский кавалерийский корпус и четыре пехотные дивизии, которые перебрасывались на автотранспорте. Угроза прорыва фронта немцами была, таким образом, ликвидирована.

На протяжении всего 1915 г. англичане и французы вели военные действия в Дарданелльском проливе. Они планировали форсировать флотом Дарданеллы с последующим ударом по Стамбулу. Операция началась, как и было задумано, 19 февраля с обстрела союзным флотом внешних фортов Дарданелл, а генеральная атака была назначена на 18 марта. К успеху, однако, она не привела. Из 16 крупных кораблей, участвовавших в прорыве, 3 были уничтожены и еще 3 надолго вышли из строя. В то же время турецкие форты были разрушены незначительно. В ходе операции англо-французский флот допустил ряд серьезных тактических ошибок, в результате которых так и не смог выполнить поставленных перед ним задач: плохо велась корректировка огня, к борьбе против полевой артиллерии союзники вообще не были подготовлены, недооценили они и минную опасность в проливе – тральщики не справились со своей задачей[112].

Несмотря на серьезные неудачи, союзники приступили ко второй фазе операции. Теперь планировалась высадка десанта на Галлипольский полуостров с последующим захватом укреплений противника. Это бы обеспечило проход флота в Мраморное море. Утром 25 апреля французские, английские, новозеландские части морской пехоты и греческий добровольческий легион – всего 18 тыс. штыков – высадились на полуострове. Начались тяжелые кровопролитные бои, которые усугубились потерей двух британских линкоров. В июле 1915 г. союзное командование решило десантировать на полуостров еще несколько дивизий. Однако желаемого результата и решительного перелома событий в свою пользу Антанте добиться так и не удалось. Союзники окончательно завязли в Дарданеллах.

С вступлением в войну на стороне Антанты Италии[113] образовался новый фронт – Итальянский, проходивший по границе с Австро-Венгрией. Высшее военное командование Центрального блока решило применить здесь оборонительный вариант, поскольку основная масса австро-венгерской и германской армий увязла на Восточном фронте. Австро-Венгрия отправила на итальянский фронт 20 дивизий и 155 батарей. Эти войска были сведены в одну армию и две группы – Каринтийскую и Тирольскую. Германия выделила сюда альпийский корпус, состоявший из одной дивизии, и тяжелую артиллерию.

Италия развернула четыре армии в составе 12 корпусов (35 дивизий). В них насчитывалось до 870 тыс. солдат, 1500 легких и 200 тяжелых орудий[114]. Итальянская армия уступала противнику в боевой подготовке и в техническом оснащении. Формально ее возглавлял король Виктор Эммануил III, но фактически главнокомандующим был начальник Генерального

штаба генерал Л. Кадорна, который не имел опыта командования войсками и не пользовался среди них авторитетом.

Итальянцы перешли в наступление в ночь на 24 мая, сразу после объявления войны Австро-Венгрии, не завершив полного сосредоточения и развертывания войск на границе. Бои развернулись одновременно на реке Изонцо, в Карнийских и Кадорских Альпах, в Трентино. За месяц боев итальянцам удалось только ценой больших потерь захватить плацдарм через Изонцо (здесь наступали 2-я и 3-я армии) и важную высоту Монте-Неро, незначительно продвинуться вперед еще в ряде мест[115]. В конце июня, развернув на фронте в 90 км 19 дивизий и 1200 орудий, они предприняли новое наступление против австрийских войск в районе реки Изонцо. Силы противника составляли 13 дивизий при 700 орудиях. Однако полуторного превосходства оказалось недостаточно для прорыва обороны австрийцев. Они успешно контратаковали.

В середине июля итальянцы продолжили наступление на Изонцо. Теперь в сражении участвовали до 250 тыс. солдат, действовавших против 78 тыс. австрийцев[116]. Однако и трехкратное превосходство в силах не позволило им прорвать оборону противника. Наступление было организовано плохо, отсутствовала должная артиллерийская подготовка. Атакующие понесли большие потери в живой силе.

Осенью 1915 г. итальянская армия предприняла третье и четвертое наступления в районе Изонцо. Но, как и первые два, эти сражения не достигли поставленной цели – прорыва позиционной обороны австрийцев. Атаки проводились разрозненно, при слабой поддержке артиллерии, испытывавшей недостаток в боеприпасах. Сказывался и недостаточный уровень профессиональной подготовки командных кадров. Упорные атаки на Изонцо стоили итальянцам огромных потерь: за шесть месяцев войны они составили до 280 тыс. человек. Армия лишилась своих лучших кадров, и теперь ее основу составляли вчерашние резервисты, что не могло не сказаться на боеспособности. Уже после второго сражения на Изонцо борьба на итальянско-австрийском фронте приняла позиционный характер.

В кампании 1915 г. новый итальянский фронт оказал немалую помощь Антанте, приковав к себе 25 австро-венгерских дивизий, переброшенных из Сербии и из Галиции. Итальянское наступление было единственной реальной помощью российским войскам, которая выявилась в снятии с русского фронта первоначально двух, а потом в течение всего летнего периода кампании еще 8–10 австрийских дивизий[117].

Внушительный успех сербской армии в 1914 г. не позволил Австро-Венгрии начать новое наступление против Сербии в 1915 г. без поддержки Германии. Вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав превратило Тройственный союз в Четверной и изменило стратегическую обстановку на Балканах[118]. Граница Болгарии находилась всего в 80 км от линии железной дороги Белград–Салоники, связывавшей Сербию с Антантой. Наступательную операцию против Сербии австро-германское командование планировало в виде концентрического удара с севера, северо-востока и востока. К участию в наступлении привлекались 10 немецких, 8 австро-венгерских и 11 болгарских дивизий, насчитывавших свыше 500 тыс. человек[119]. Общее командование осуществлял германский генерал-фельдмаршал фон Макензен.

Сербская армия насчитывала 12 слабоснаряженных дивизий численностью 250 тыс. человек при 678 орудиях, в том числе 240 тяжелых[120]. Современного вооружения было мало. Войска были равномерно развернуты на 650-километровом фронте. Против Болгарии располагалась Тимокская группа, столицу обороняла Белградская, а район рек Савы и Дрины – Савская. С Савской группой взаимодействовала черногорская армия численностью в 50 тыс. человек при 135 орудиях[121]. Часть сил черногорцев прикрывала албанскую границу.

Единое командование сербской и черногорской армиями отсутствовало на протяжении всей войны. Фактически главное командование осуществлял начальник штаба Верховного главнокомандующего Сербии воевода Путник, а номинально армией руководил принц-регент Александр. Во главе армии Черногории стоял ее король Николай I Негош.

Антанта слишком поздно и крайне медленно оказала помощь Сербии и Черногории. Только 5 октября, получив разрешение греческого правительства, союзники стали высаживать в Салониках англо-французский экспедиционный корпус. Всего первоначально высадилось 20 тыс. человек. Это была запоздалая помощь. В конце ноября после провала Дарданелльской операции командование союзников приняло решение эвакуировать остатки своих частей с Галлипольского полуострова в Салоники. Эвакуация проходила при незначительном противодействии неприятеля на море и закончилась 9 февраля 1916 г. На следующий день после начала высадки союзников в Салоникском порту Австро-Венгрия и Германия начали наступательную операцию против Сербии. Через восемь дней к ним присоединилась Болгария. Россия не могла оказать помощь Сербии, поскольку нейтральная Румыния отказалась пропустить ее войска через свою территорию.

Операция против Сербии была тщательно и всесторонне подготовлена. Начиная с мая 1915 г. саперы разведывали места переправ через Дунай и Саву, воздушная разведка вскрывала оборону сербов, расширялась дорожная сеть, оборудовались командно-наблюдательные пункты, подтягивались переправочные средства и подвозились боеприпасы. Войска выдвигались на рубеж развертывания лишь накануне наступления. Почтово-телеграфная связь войск с населением запрещалась[122].

Австрийцы и немцы сумели обеспечить внезапность переправ западнее и восточнее Белграда, располагая здесь тройным превосходством в силах и средствах. На один километр фронта в районе Белграда сербы имели всего полбатальона и полтора орудия[123]. Одновременно с мощной артиллерийской бомбардировкой Белграда, которая стоила жизни 5 тыс. горожан, войска Макензена начали наступательную операцию по захвату сербской столицы.

Сербы мужественно отстаивали свои позиции, и противник продвигался вперед по одному-полтора километра в сутки. Воевода Путник с 8 октября стал вынужденно перебрасывать силы с восточного на северный участок фронта. Но 15-го числа в наступление перешла 300-тысячная болгарская армия, которая перерезала телеграфную и железнодорожную связь сербов с союзным экспедиционным корпусом в Салониках.

Австро-германские и болгарские войска перешли в наступление по всему фронту. Сербская армия, опасаясь окружения, стала отходить с тяжелыми боями в направлении Черногориии и Албании, к Адриатике. Одна британская и две французские дивизии выдвинулись от Салоник к верховью реки

Сербские крестьяне бегут от войны

Черна, но были атакованы 2-й болгарской армией генерала Г. Тодорова и потерпели неудачу.

В конце ноября сербы ускорили отход в Албанию, нанеся болгарам сильный контрудар близ Ферижовича и тем самым избежав угрозы окружения. Начала отступление и черногорская армия. Сербские войска и огромное число беженцев в условиях зимы двинулись по горным дорогам к морю, неся на себе оружие, боеприпасы, раненых и больных. Полевая артиллерия и обозы были брошены или уничтожены еще в начале многотрудного пути. Потери сербской армии во время отхода к Адриатике достигли 55 тыс. бойцов. Оставшиеся войска численностью до 150 тыс. человек вышли к Адриатическому побережью в районе портов Дуррес и Сан-Жан-де-Медуа. Оттуда в начале января 1916 г. они были эвакуированы союзниками на греческий остров Корфу и на французскую военно-морскую базу Бизерта в Тунисе[124].

Французское командование реорганизовало сербскую армию и снабдило ее боеприпасами и военным снаряжением. В конце мая 1916 г. сербская армия в составе шести пехотных и одной кавалерийской дивизий сосредоточилась в районе Салоник, где держал фронт союзный экспедиционный корпус.

Австро-германское командование не решилось нарушить нейтралитет Греции и перейти ее государственную границу. Против Салоник был выставлен заслон из двух болгарских армий, усиленных немецкими дивизиями – всего 13 пехотных дивизий. Главную задачу операции против Сербии Германия и Австро-Венгрия не выполнили – сербская армия избежала окружения и уничтожения[125].

Военные действия на Ближнем Востоке в кампанию 1915 г. наиболее активно велись на Кавказском фронте. Сарыкамышская операция создала

благоприятные условия для дальнейших наступательных действий российской Кавказской армии. К началу апреля 1915 г. она имела 111 пехотных батальонов, 212 сотен конницы и 364 орудия. Армейский резерв состоял из 28 батальонов, 36 сотен и 64 орудий, располагавшихся в районе Карса и Александрополя[126].

К началу второй военной кампании российские кавказские войска оказались строго лимитированными в отношении снарядов и патронов. Запас винтовочных патронов на армейских складах составлял всего по 50 штук на ствол[127]. Впрочем и у противника были серьезные проблемы с обеспечением войск огнестрельными припасами.

Турецкая 3-я армия, восстановившая свою боеготовность после сарыкамышского поражения за счет войск, переброшенных из зоны Черноморских проливов и Суэца, имела 167 пехотных батальонов. С лета 1915 г. ею командовал генерал-лейтенант М. Камиль-паша[128].

В течение мая–июня российские войска провели наступление в районе озера Ван. Затем последовала Алашкертская операция (9 июля – 3 августа). В ней турки попытались взять реванш за Сарыкамыш, но безуспешно. Попытки перехода российских войск в наступление на сарыкамышском и ольтинском направлениях также не имели успеха из-за недостатков боеприпасов.

Предвидя стремление турок вовлечь Иран в войну против Антанты, Россия ввела на иранскую территорию экспедиционный корпус генерала Н.Н. Баратова, который разоружил прогерманские и турецкие диверсионные отряды (вооруженные формирования племен) в районе городов Кум и Хамадан. Совместно с британскими войсками Баратов установил подвижную завесу на фронте Бирджан–Систан–Оманский залив. Однако затем британское командование, не желая усиления российского влияния в Иране, отказалось от совместных действий. Опасаясь появления русских в Месопотамии, оно высадило там экспедиционный корпус генерала Дж. Никсона. Его войска двумя колоннами вдоль Тигра и Евфрата повели наступление на Багдад. Продвижение велось медленно, и турецкое командование, подтянув резервы, нанесло группировкой войск "Ирак" сильный удар по левой колонне генерала Ч. Таунсхенда, которая была вынуждена отступить к Кут-эль-Амаре.

На сирийско-палестинском фронте 20-тысячный турецкий корпус в феврале 1915 г. предпринял попытку форсировать Суэцкий канал во время песчаной бури близ Исмаилии. Британским войскам при огневой поддержке флота удалось предотвратить эту попытку. После этого турки больше не пытались перенести боевые действия против англичан в Северную Африку, где ранее они надеялись на поддержку местного мусульманского населения[129].

Итогом кампании 1915 г. стали успехи войск Четверного союза на европейских фронтах и в Месопотамии. Рамки войны с вступлением в нее Италии и Болгарии расширились. Однако это не изменило стратегическую обстановку в Европе. Вооруженная борьба по-прежнему велась на двух важнейших фронтах – Западном и Восточном, где были сосредоточены основные силы сторон. Восточный фронт на какое-то время становился главным в войне. Он притягивал основные силы Центральных держав. Против России в сентябре 1915 г. действовало 116 пехотных и 24 кавалерийские диви-

зии противника. В то же время против французской и британской армий на Западном фронте воевало 90 германских дивизий. Число дивизий немцев на Восточном фронте в сравнении с 1914 г. увеличилось в четыре раза – с 17 до 65 пехотных. На Западном фронте их число оставалось неизменным[130].

Германия и Австро-Венгрия, добившись захвата территорий в Галиции, Польше и Литве, разгромив Сербию, установили прямую связь с Турцией, выиграли кампанию 1915 г. у Антанты. Операции англичан и французов на Западном фронте и в Дарданеллах были локализованы. Однако главную задачу – разгром России и вывод ее из войны – Центральные державы не выполнили. Перед ними стояла реальная перспектива продолжения войны на два фронта. Не выполнили своих стратегических планов и страны Антанты. Недостаток стратегического планирования воюющих сторон состоял в том, что оно велось без учета реальных сил противников, их материальных и моральных возможностей[131]. Кампания 1915 г. выявила несогласованность действий высшего военно-политического руководства Антанты. Это позволило Германии свободно маневрировать своими силами между Западным и Восточным фронтами, оказывать помощь Австро-Венгрии, чему способствовала и хорошо развитая сеть железных дорог.

Второй год Великой войны, затишье на Западном фронте Великобритания и Франция использовали для наращивания своего военно-экономического потенциала. Значительно увеличилось производство оружия и боеприпасов. Шло развитие военной промышленности и наращивание военного производства и в России, что позволило к концу 1915 г. заметно улучшить снабжение армии вооружением, огнестрельными припасами и военным снаряжением. Получить необходимую материальную помощь для армейских нужд России от союзников не удалось. Так, в ноябре 1915 г. в Британию и во Францию была послана военная миссия во главе с адмиралом А.И. Русиным. Она имела задачу разместить за границей заказы на порох, толуол, колючую проволоку, тракторы, автомобили, мотоциклы и на другое военное снаряжение[132]. Однако союзники приняли только часть российских заказов.

Потерпела неудачу и попытка приобретения в Великобритании и Франции тяжелых орудий, преимущественно шестидюймовых калибров, столь необходимых действующей армии для разрушения вражеских укрытий и блиндажей в системе позиционной обороны. Отказали союзники и в 42-мм пушках, в которых в то время нуждалась российская артиллерия. Не удалось разместить и заказы на снаряды к этим орудиям[133].

Воевавшие стороны оценили действия своих вооруженных сил в кампании 1915 г. однозначно как неудовлетворительные в достижении поставленных стратегических целей. В конце года началась деятельная подготовка к новой военной кампании.

3. К перелому

Полтора года мировой войны не дали стратегического преимущества ни одной из противоборствовавших коалиций, хотя положение стран Центрального блока улучшилось. Напрягая все свои силы, стороны стремились подготовиться к новой военной кампании. В Великобритании стал действовать закон о всеобщей воинской повинности, что позволило заметно увели-

чить численность сухопутных сил страны. В декабре 1915 г. из 70 британских дивизий во Франции находились 34. В апреле следующего года их число увеличилось до 47, а в конце июня – до 54. В декабре 1915 г. главнокомандующим британских войск во Франции вместо фельдмаршала Дж. Френча был назначен генерал Д. Хейг[134].

Со своей стороны Германия и Австро-Венгрия развернули мощное военное производство, что позволило им в короткие сроки в полтора-два раза увеличить выпуск вооружений. К началу 1916 г. производство винтовок, самолетов и снарядов увеличилось в Германии в полтора раза, а пулеметов и орудий – в 3,5 раза[135]. По добыче угля, выплавке чугуна и стали Германия по-прежнему превосходила Францию и Россию, вместе взятые. К тому же немцы захватили ту часть французской территории, где размещалось более половины производственных мощностей страны по добыче каменного угля, выплавке чугуна и стали, обработке металла. Одновременно германские военно-морские силы осуществляли морскую блокаду Великобритании.

Однако даже в таких условиях Англия и Франция смогли заметно увеличить собственное военное производство. Это было достигнуто во многом благодаря мирной (в условиях идущей войны) передышке в 1915 г., которую они получили благодаря России. Лондон и Париж мобилизовали экономические возможности своих огромных колоний и доминионов, прежде всего Индии и Канады. Антанта сумела ликвидировать отставание от Четверного союза в производстве вооружения и боеприпасов, в особенности орудий крупных калибров и пулеметов.

За второй военный год Франция увеличила производство винтовок в полтора раза, орудий – в 5,8 раза, а патронов – более чем в 50 раз[136]. За 1915 г. Великобритания увеличила производство пулеметов в 5 раз, а самолетов – более чем в 10 раз[137]. Появились новые отрасли военной промышленности – по производству боевых химических отравляющих веществ и средств противохимической защиты. К концу 1916 г. заводы Франции производили до 6 тыс. химических снарядов в сутки; французская армия была полностью обеспечена противогазами[138]. В Англии и во Франции началось серийное производство нового средства вооруженной борьбы – танков.

Россия также смогла увеличить собственное военное производство, выполняя разработанную в конце 1915 г. Главным артиллерийским управлением чрезвычайную программу строительства 37 новых военных заводов. Две трети из них намечалось ввести в строй в следующем году[139]. К концу 1915 г. России удалось несколько ослабить кризис в деле снабжения фронта винтовками, пулеметами, орудиями (легкими) и боеприпасами к ним. По данным Военного министерства, к январю 1916 г. производство винтовок в стране выросло в 3 раза, различных типов орудий – в 4–8, а боеприпасов различных видов – от 2,5 до 5 раз[140]. И все же Россия по-прежнему отставала от Германии в производстве всех технических средств ведения войны, прежде всего тяжелой артиллерии и самолетов.

Военное производство за 1915 г. в странах Центрального блока (Германия, Австро-Венгрия) и Антанты (Франция, Великобритания и Россия) составило (соответственно): винтовок – 2055 и 2153 тыс. единиц, пулеметов – 10,5 тыс. и 16,3 тыс., орудийных стволов – 5585 и 6706 единиц, самолетов – 4838 и 9957 штук[141]. Подобное соотношение сложилось и в производстве

боеприпасов. Преимущество военной промышленности и стратегических ресурсов стран Антанты становилось все более очевидным.

Мобилизационные возможности сторон были еще далеко не исчерпаны, особенно Великобритании, которая привлекла в свою действующую армию призывные контингенты собственных колоний (прежде всего, Индии) и доминионов. Англия увеличила за 1915 г. численность своей армии на 1 млн 200 тыс. человек, Франция – на 1,1 млн и Россия – на 1,4 млн человек[142]. В начале 1916 г. общая численность армий стран Антанты достигла 18 млн человек, а численность армий стран Четверного союза составила 9 млн человек. Количество дивизий по воюющим странам распределялось следующим образом[143]:

Страны Антанты		Четверной союз	
Россия	136	Германия	159
Франция	99	Австро-Венгрия	63
Великобритания	80	Болгария	12
Италия	38	Турция	2
Бельгия	6		
Сербия	6		
Всего	365		286

Война дала резкий толчок техническому оснащению армий. Если в ее начальный период в германских и французских пехотных дивизиях было только по 24 пулемета, то через полтора года боевых действий их число резко увеличилось. Теперь германская дивизия имела на вооружении 54 станковых и 108 ручных пулеметов, 36 орудий; французская дивизия – 72 станковых и 216 ручных пулеметов, 36 орудий[144]. За короткий срок огневая мощь пехоты резко возросла.

Заметно усилив мощь своих вооруженных сил, военно-политическое руководство Великобритании и Франции решило в 1916 г. перейти к активным боевым действиям на Западном фронте. На межсоюзнической конференции в Шантийи в декабре 1915 г. общее наступление стран Антанты намечалось на лето следующего года. На новой конференции в Шантийи, проходившей в марте 1916 г., были определены окончательные сроки общего наступления.

План Антанты исходил из того, что целей войны следовало добиваться только на трех главных фронтах: Восточном, Западном и Итальянском. Решение задач виделось, прежде всего, в согласованности действий союзных армий в близкие между собой сроки, а затем в локальных действиях сторон, направленных на сковывание резервов и истощение живой силы противника. В планах Антанты предусматривалась также готовность своими силами остановить противника и оказать помощь другим державам, если они будут атакованы неприятелем. В утвержденном на конференции в Шантийи плане рекомендовалось штабам союзных армий при подготовке военных действий исходить из необходимости оказывать друг другу поддержку в пределах возможного, не позволяя противнику перебрасывать резервы с одного фронта на другой[145].

Глава российской делегации генерал Жилинский предложил, чтобы главный удар по враждебной коалиции нанести не во Франции, а на Балканах – по наиболее слабым ее звеньям – Австро-Венгрии и Болгарии – силами

трех союзных армий: русским Юго-Западным фронтом, англо-французским экспедиционным корпусом от Салоник и итальянцами из района Изонцо в общем направлении на Будапешт. Тем самым обеспечивалось "постепенное сжимание и окружение Германии"[146]. Одновременно предлагалась организация совместных наступательных операций российских войск на Кавказском фронте и британских сил против Турции в виде концентрического удара на город Мосул в северной Месопотамии[147]. Однако на конференции в Шантийи союзники отклонили российские предложения, исходя из первостепенной важности для них французского фронта.

Окончательный срок проведения общего наступления стран Антанты переносился на июль. Это давало Четверному союзу инициативу в наступательных действиях и простор для маневра резервами. Генерал Алексеев безуспешно предлагал перенести начало общего наступления на весну 1916 г. Он писал Жилинскому: "Полагаю, план наступления в июле останется навсегда неосуществимым, ибо противник разрушит его, упредив атакою"[148].

В планах Четверного союза главный удар теперь намечался на Западном фронте, поскольку Фалькенхайн полагал, что дальнейшее наступление на Украине и в направлении на Петроград не сулило каких-либо весомых результатов. Серьезное увеличение вооруженных сил Франции и, прежде всего, Великобритании, которую Фалькенхайн по-прежнему считал главным противником, заставило его спланировать сильный удар на Западном фронте. Фалькенхайн считал Францию "лучшим мечом" Англии, который в напряжении своих сил дошел, однако, до предела[149]. По его мнению, достаточно было нанести Франции сильный удар в каком-либо пункте, чтобы вывести ее из войны.

Германской армии предстояло наступление на верденский укрепленный район, имевший четыре оборонительные позиции. Наиболее сильной в инженерном отношении являлась первая позиция, состоявшая из отдельных центров сопротивления, рассчитанных на пехотный батальон. Она имела три линии обороны: передовую, линию поддержек и линию полевых укреплений – редюитов[150]. Передовая линия прикрывалась проволочными заграждениями шириной от 10 до 40 м. Вторая и третья позиции обороны французов не были полностью оборудованы. Четвертая позиция представляла собой два пояса фортов и долговременных промежуточных укреплений крепости Верден, удаленных друг от друга на 2–3 км. Наиболее сильным из фортов внешнего пояса был Дуомон, из фортов второй линии – Сувиль. Однако с началом войны большая часть артиллерии и пулеметов с крепостных фортов была снята и передана в действующую армию. Восполнить вооружение верденской крепости к началу неприятельского наступления не удалось.

Внешний обвод верденского укрепленного района составлял 45 км. Его обороняли три французских армейских корпуса при 632 орудиях, из них 244 тяжелых. Резерв состоял из трех пехотных дивизий[151]. Поблизости находились три армейских корпуса – резерв Верховного командования Франции, которые могли быть быстро переброшены под Верден.

Для удара по Вердену немцы развернули на огневых позициях 1204 орудия и 202 миномета. Основная масса орудий и все минометы были сконцентрированы на направлении главного удара. На участке корпусов ударной группы находились позиции 850 орудий, из них 493 тяжелых. Кроме того, здесь должны были действовать 29 сверхтяжелых орудий калибром 380 и

420 мм[152]. В среднем на километр линии прорыва плотность артиллерии составляла 63 орудия и 15 минометов, а в полосе наступления 18-го немецкого корпуса – даже 140 орудий.

В целом германское командование к началу Верденской операции достигло большого превосходства над французами в силах и, особенно, в огневых средствах. На направлении главного удара немцы превосходили противника по числу дивизий в 4 раза, в артиллерии – более чем в 4 раза. С учетом минометов превосходство в артиллерии (в которой высок был удельный вес тяжелой) увеличивалось до пяти с половиной раз.

Атака на Верден планировалась на 12 февраля, но из-за плохой погоды откладывалась со дня на день до 21-го числа. К этому времени французское командование уже располагало достоверными сведениями о готовящемся наступлении и силах немцев. Эти сведения попадали к французам через перебежчиков и военнопленных[153], добывались агентурной разведкой не только Франции, но и России[154]. В достоверности полученной информации не приходилось сомневаться. Она позволила французскому командованию значительно укрепить войска верденского крепостного района, перебросив сюда 6 пехотных дивизий и 6 артиллерийских полков.

Немцы начали артиллерийскую подготовку атаки в 8 часов 12 минут 21 февраля 1916 г. и продолжали ее около 9 часов. Укрепления разрушались огнем тяжелой артиллерии, батарейные позиции обстреливались химическими снарядами, железнодорожные станции бомбардировались с самолетов. Таким образом, оборона первой позиции была нарушена, а управление французскими войсками парализовано. «Немцы, – указывал командующий 2-й французской армией генерал А. Петен, которому было поручено руководство обороной Вердена, – пытались создать такую "зону смерти", в которой ни одна часть не смогла бы удержаться. Тучи стали, чугуна, шрапнелей и ядовитых газов разверзлись над нашими лесами, оврагами, траншеями и убежищами, уничтожая буквально все... На узкий треугольник, заключенный между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн снарядов»[155].

В 16 часов 45 минут немецкая пехота поднялась в атаку. Однако после первого дня наступления, когда была взята первая линия французских траншей, продвижение атакующих замедлилось. Французы цеплялись за каждый участок местности, стойко обороняли каждое укрепление, оказавшееся неразрушенным артиллерийским огнем. Однако когда резервы французов иссякли, немцы добились крупного тактического успеха, овладев фортом Дуомон, а затем и Веврской долиной.

Жоффр потребовал от оборонявшихся остановить наступление противника под Верденом, задержать его любой ценой. Петен и его штаб установили французским войскам "единую позицию сопротивления". Форты обеспечивались полными гарнизонами, продовольствием и боеприпасами. Гарнизону разрешалось оставлять форт только в случае его полного окружения неприятелем. Была проведена перегруппировка войск.

В ходе Верденской операции большой заслугой французского командования явилась организация умелой переброски резервов по шоссе Бар-ле-Дюк–Верден, поскольку немцы прервали железнодорожное сообщение с крепостью. Эту трассу длиной в 65 км французы назвали "священным путем". Ее круглосуточно обслуживали 300 офицеров, 8500 солдат,

Британские зенитные расчеты на фронте. Весна 1916 г.

3900 автомашин, сведенных в 175 автомобильных взводов. Пропускная способность шоссе была доведена до четырех автомашин в минуту, что соответствовало ежесуточному обороту транспортных средств, эквивалентных 15 парам железнодорожных составов[156]. По "священному пути" французскому командованию удалось перебросить 190 тыс. бойцов, 23 тыс. т боеприпасов и 2500 т различных военных материалов. Благодаря этому обстановка под Верденом стала меняться не в пользу немцев. В итоге уже ко 2 марта численность французских войск под Верденом увеличилась в два раза, а германских – только на десять процентов[157].

Германские ударные корпуса, продвинувшись вперед на 5–8 км, несли большие потери и утрачивали необходимую для дальнейшего наступления боеспособность. Тогда Фалькенхайн, оценив сложившуюся ситуацию, перенес главный удар на левый берег реки Маас. Стороны засыпали друг друга сотнями тысяч снарядов, бросая в бой все новые и новые резервные дивизии. Командовавшему ударной группой на левом берегу Мааса германскому генералу М. фон Гальвицу ставилась следующая задача: "...Верден должен быть взят во имя престижа – главной цели войны. Взять Верден надо осадой"[158]. Группа Гальвица была усилена значительным числом тяжелых и сверхтяжелых батарей.

Наступление на Верден не принесло немцам запланированного успеха. Французы контратаковали и смогли с большими потерями выйти к своей третьей верденской оборонительной линии. Германское командование прекратило наступление своих войск 2 сентября. Французы же предпринимали под Верденом наступательные действия в октябре и в декабре 1916 г. и сумели шаг за шагом почти полностью восстановить первоначальное положение своих войск.

В военную историю сражение за Верден вошло под названием “верденской мясорубки” или “мельницы” Маасского района. Эта самая крупная и продолжительная операция войны стоила воюющим сторонам огромных жертв – до 1 млн человек. За 10 месяцев тяжелых боев немцы потеряли до 600 тыс. человек, французы – 350 тыс. человек[159]. Через “верденскую мясорубку” прошло 69 французских и 50 немецких дивизий. Некоторые из этих дивизий за время боев под Верденом потеряли до 70 и более процентов личного состава[160]. Борьба за Верден потребовала огромных материальных расходов, прежде всего боеприпасов. Сражение стало своеобразным состязанием сторон в силе артиллерийского огня. Только французы с 25 февраля по 15 июня 1916 г. израсходовали до 14,5 млн снарядов, из них до 2 млн снарядов тяжелой и сверхтяжелой артиллерии[161].

Под Верденом потерпел крушение германский стратегический план кампании 1916 г. Немцы понесли поражение, не выполнив ни одну из поставленных задач. Им не удалось захватить крепость Верден и обескровить французскую армию, а также предотвратить переход союзников в наступление на берегах реки Соммы. Главной причиной поражения Германии в “верденской мясорубке” стало превосходство союзников в силах и средствах.

Наступательная операция англо-французских армий на Сомме стала крупнейшей на Западном фронте. Она длилась с 1 июля по 18 ноября 1916 г. В ней участвовали три французские и две британские армии: всего 64 дивизии. Главный удар наносился на фронте в 45 км группировкой из 39 дивизий при поддержке 1700 тяжелых орудий и 200 самолетов. Основные усилия возлагались на французские войска, поскольку боеспособность британцев оставалась еще низкой[162]. Командующий Северной группой французских армий генерал Фош в объяснительной записке указывал, что “предстоящее сражение – длительная операция, которую следует вести методически и продолжать до тех пор, пока не будет сломлено сопротивление противника”[163]. Наступавшим союзникам в сражении на Сомме приходилось прорывать позиционную оборону, которая укреплялась немцами на протяжении почти двух лет.

Артиллерийская подготовка наступательной операции велась в течение семи дней, вплоть до 1 июля. Французы в полосе прорыва имели подавляющее превосходство в пехоте: 3,8 против 1. Только в полосе наступления 6-й французской армии было выпущено 2,5 млн снарядов, или до 900 килограммов металла на один погонный метр. Немецкие позиции периодически обстреливались химическими снарядами. Огонь артиллерийских батарей корректировался с воздуха летчиками-наблюдателями, что заметно повышало эффективность стрельбы[164].

Артиллерийский огонь союзников деморализовал оборонявшуюся немецкую пехоту. Поэтому в первый день наступления французы и англичане сумели захватить первую и вторую линию неприятельской обороны. Первая из них оказалась почти полностью разрушенной. Однако англичане не смогли поддержать французов: их войска за сутки продвинулись вперед всего на 2–3 км.

В разгоревшемся сражении стороны подтягивали к берегам Соммы все новые и новые резервы, стремясь перехватить инициативу в сражении в свои руки. В августе со стороны англичан и французов в сражении участвовала уже 51 дивизия, со стороны немцев – лишь 31. Превосходство в воздухе оставалось за авиацией союзников, которые довели численность самолетов до 500[165].

15 сентября англичане провели первую танковую атаку. Из 49 танков на исходное положение вышли только 32 машины, а в самой атаке участвовали только 18 танков. Остальные или застряли в грязи, или остановились в дороге из-за неисправности моторов. С помощью танков английская пехота за пять часов продвинулась вперед на 4–5 км и заняла деревни Флерс и Курселетт[166].

В операции на Сомме с обеих сторон участвовали 150 дивизий, до 10 тыс. орудий, 1000 самолетов. Однако запланированное наступление французских и британских армий не принесло им успехов. Позиционный фронт германцев союзники не преодолели. Ценой огромных потерь им удалось отвоевать лишь территорию в 240 кв. км[167]. На фронте в 35 км союзные армии продвинулись вперед до 10 км.

Италия, выполняя союзнический долг, в марте 1916 г., в разгар боев под Верденом, предприняла свое пятое наступление на реке Изонцо, не давшее ощутимых результатов. 15 мая австрийцы под командованием эрцгерцога Евгения сами повели наступление в направлении долины реки По. Им удалось в Трентино прорвать итальянские позиции на фронте в 60 км. В такой критической ситуации итальянское командование обратилось за помощью к российской стороне с просьбой начать большое наступление в Галиции, чтобы оттянуть из района Трентино часть австро-венгерских войск.

Но австрийские наступательные операции затухали сами по себе и остановились уже 30 мая, т.е. еще за пять дней до начала наступления российского Юго-Западного фронта, которое лишь ускорило формальное окончание Трентинской операции австрийцев. 16 июня итальянцы смогли перейти в контрнаступление, вернув себе часть утраченной территории. В ходе Трентинской операции стороны понесли значительные потери. Итальянцы потеряли

Немецкие солдаты в окопах зимой

15 тыс. убитыми, 76 тыс. ранеными, 56 тыс. пленными и 294 орудия. Потери австрийцев составили 10 тыс. убитыми, 45 тыс. ранеными и 26 тыс. пленными, не считая большого числа больных[168].

Активные боевые действия на Восточном фронте в 1916 г. начались с проведения Нарочской операции. Необходимость в ней была вызвана тяжелым положением французов под Верденом. На ее проведении настаивал Жоффр, который просил начальника штаба российской Ставки генерала Алексеева безотлагательно начать подготовку наступления с целью в очередной раз оттянуть с Западного фронта как можно больше германских сил[169]. Однако наступательная операция российских войск у озера Нарочь, проведенная с 18 по 29 марта, успеха не имела. Сказалась спешка в ее подготовке, недостаток боеприпасов и тяжелой артиллерии. Тем не менее свою задачу российская армия выполнила: для отражения ее наступления Фалькенхайн спешно перебросил с Западного фронта четыре дивизии. Немецкие атаки под Верденом были временно прекращены. Жоффр высоко оценил союзническую помощь, оказанную Россией Франции в ходе боев за Верден[170].

На начало 1916 г. Россия держала против Центральных держав три фронта: Северный, Западный и Юго-Западный. На всех трех фронтах числилось 1732 тыс. штыков и сабель против 1061 у неприятеля. Общий перевес русских выражался в 671 тыс. штыков и сабель. Наибольшим он был севернее Полесья (на фронте против германских войск), наименьшим – южнее Полесья[171].

4 апреля Алексеев представил Николаю II доклад, в котором предлагал провести силами Северного и Западного фронтов решительное наступление, отводя при этом Юго-Западному фронту оборонительные задачи. Через десять дней план предстоящей операции был обсужден в Ставке. В итоге было решено нанести главный удар войсками Западного фронта. Армиям Северного и Юго-Западного фронтов надлежало произвести вспомогательные удары. Итогом совещания в Могилеве стала директива от 24 апреля. В ней указывалось: "Подготовку к операции закончить в начале мая, главным образом в техническом отношении, в смысле накопления продовольственных и боевых средств, соответственного их эшелонирования, подготовки дорог, в отношении сближения с противником окопами, по возможности, по всему фронту"[172].

Началась подготовка предстоящего наступления. У генерала Брусилова, который с марта 1916 г. командовал армиями Юго-Западного фронта, созрел оригинальный замысел предстоявшей операции. Он прекрасно понимал, что в условиях ведения противником активной воздушной разведки скрыть сосредоточение крупных войсковых группировок войск и большого числа артиллерии (особенно тяжелой) на намеченном участке прорыва просто невозможно. Получив такие данные, неприятель мог подтянуть к угрожаемому участку фронта дополнительные силы и артиллерию с целью отражения удара.

Учитывая эти обстоятельства, командующий Юго-Западным фронтом приказал в каждой армии и в некоторых корпусах выбрать по одному участку прорыва и немедленно приступить на них к земляным работам по сближению с противником. В результате подготовка атаки должна была начаться сразу в 20–30 местах. Неприятель тем самым лишался возможности

определить направление главного удара и уже не мог собрать достаточные силы в местах ожидаемого прорыва фронта.

Брусилов, разъясняя задачу предстоящей операции, писал: "...легко может статься, что на месте главного удара мы можем получить небольшой успех или совсем его не иметь, но так как неприятель атакуется нами во многих местах, то больший успех может оказаться там, где мы в настоящее время его не ожидаем"[173]. Хотя главная задача в предстоящем наступлении отводилась 8-й армии, соседней с Западным фронтом, генерал Брусилов решил атаковать неприятеля всем фронтом. Полководец решил взять инициативу на себя. "Только настойчивая атака всеми силами на возможно более широком фронте способна действительно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы"[174].

Войскам Юго-Западного фронта предстояло прорывать хорошо укрепленные позиции австро-венгерских армий, которые усиленно укреплялись на протяжении девяти месяцев. Их оборона состояла из двух-трех позиций, а каждая из них имела две-три линии окопов, усиленных проволочными заграждениями, фугасами, бетонированными бойницами, стальными щитами. Противник имел хорошее вооружение для ведения позиционной обороны: большое число пулеметов, траншейных пушек, бомбометов, минометов,

Николай II (в центре) на фронте. Март 1916 г.

боевых припасов. Учитывая все это, генерал Брусилов приказал вести атаку волнами цепей пехотинцев, которые следовали друг за другом на расстоянии в 150–200 шагов. Наступающей пехоте надлежало иметь постоянную артиллерийскую поддержку, для чего в атакующие батальоны выделялись наблюдатели от артиллерийских батарей.

Наступательная операция на Восточном фронте готовилась в строжайшей тайне. Однако всю намеченную подготовку к ней так и не удалось провести. Австрийское наступление в Трентино, просьба союзного командования ускорить проведение наступления вынудили Ставку изменить сроки проведения операции. Король Италии Виктор Эммануил III обратился с личной телеграммой к Николаю II, прося помощи наступлением войсками Юго-Западного фронта.

На рассвете 4 июня мощная артиллерийская канонада возвестила о начале наступления Юго-Западного фронта (в состав фронта входило 643 500 штыков, 71 000 сабель, 2200 орудий)[175]. Австро-венгерские войска, атакованные по всему фронту, не выдержали удара русских. Наибольший успех был достигнут на направлении действий 8-й армии (командующий – генерал А.М. Каледин). Здесь был взят важный в стратегическом отношении город Луцк, неприятель оказался разгромленным на ковельском и владимиро-волынском направлениях. Позиции австро-венгерских войск оказались прорванными на фронте в 70–80 км и в глубину на 25–35 км. Уже за первые три дня наступления армии Юго-Западного фронта добились больших успехов. 8 июня Брусилов отдал директиву с требованием усилить наступательные действия на флангах ударных группировок. С Северного фронта прибыл 5-й сибирский корпус, который подкрепил наступавшие войска. За три дня в плен сдалось более 100 тыс. австро-венгерских солдат и офицеров, было взято много трофеев.

Войска Габсбургов отступали по всей линии фронта. Их командование так и не смогло воспользоваться имевшимися резервами – русские наступали всюду. Однако успех начавшегося наступления таил в себе немалую угрозу для Юго-Западного фронта, поскольку его не поддержал в назначенные сроки Западный фронт. Генерал Эверт после неудачной атаки в направлении Барановичей начал оттягивать сроки общего наступления фронта. В такой непростой ситуации 16 июня Ставка решила перенести нанесение главного удара на Юго-Западный фронт. Его войскам предстояло брать город Ковель, важный железнодорожный узел.

Против такого решения Ставки выступил Брусилов. В телеграмме Алексееву он указывал, что выдвижение на Ковель правого фланга 8-й армии приведет к разрыву между линиями Западного и Юго-Западного фронтов, чем может воспользоваться противник. Одновременно Брусилов выразил озабоченность по поводу тяжелого положения со снарядами. Он отметил, что огнестрельные припасы, подготовленные для наступления, за две недели боев израсходованы, и на фронте, кроме легких снарядов, ничего не осталось[176].

Австро-венгерское и германское командование в первые дни не придавало должного значения наступлению русского Юго-Западного фронта. Оно считало его демонстративным и думало, что к серьезным последствиям наступательный порыв противника не приведет. Однако прорыв российских войск в район Луцка изменил такое мнение: возникла угроза потери Ковель-

ского железнодорожного узла. 8 июня в Берлине прошло совещание начальников генеральных штабов Центральных держав. На нем было принято решение о срочном сосредоточении близ Ковеля ударной группировки с целью вырвать инициативу у русских, нанести им сильный контрудар. Но, как показали последующие события, такое решение оказалось запоздалым.

Под Ковель с Западного фронта, из Франции, перебросили 10-й армейский корпус, с Итальянского фронта – две пехотные дивизии, а также воинские соединения и отдельные части с различных участков восточноевропейского театра. Союзники России по Антанте почувствовали некоторое облегчение. "Ковельская дыра, – писал генерал-квартирмейстер 8-й армии генерал Н.Н. Стогов, – стала постепенно заполняться свежими германскими войсками, собранными чуть ли не побатальонно с разных мест русского фронта"[177]. Но такими экстренными мерами исправить положение противнику не удалось.

16 июня австрийцы и немцы нанесли сильный контрудар в направлении Луцка. Однако войска 8-й армии и правого фланга 11-й армии (командующий – генерал В.В. Сахаров) во встречных боях успешно отразили его. Неприятельское командование при всей настойчивости не смогло осуществить свой "берлинский" замысел. В это время на южном участке Юго-Западного фронта был достигнут ощутимый успех. Левофланговая 9-я армия (командующий – генерал П.А. Лечицкий) нанесла поражение противостоявшей ей 7-й австро-венгерской армии, форсировала Прут и 18 июня овладела Черновицами, столицей Северной Буковины. Российские войска вышли на берега реки Серет.

К 25 июня на Юго-Западном фронте наступило временное затишье. Брусилов решил провести перегруппировку своих сил на Волыни с целью нанести удар 3-й и 8-й армиями на Ковель. В связи с этим он приказал приостановить все наступательные операции, за исключением 9-й армии, двигавшейся на Станислав и Галич. К этому времени фронт взял около 200 тыс. пленных, 219 орудий, 196 минометов и 644 пулемета; общие потери противника превысили 400 тыс. человек. Армии фронта потеряли около 290 тыс. человек[178].

Такое решение Брусилова обусловливалось следующим. Наступление российских войск начало постепенно затухать. После дождей дороги стали труднопроходимыми, пехота была утомлена постоянными марш-бросками, артиллерия отстала, повсеместно сказывалась нехватка боеприпасов. Фронтовые резервы были израсходованы, и командующий фронтом уже не мог усиливать те армии и корпуса, которые имели хорошие шансы на развитие достигнутого успеха. К тому же неприятель, оправившийся после сильного удара, стал оказывать все более сильное сопротивление, проводя контратакующие действия. Было еще одно немаловажное обстоятельство. Командующие Северным и Западным фронтами генералы А.Н. Куропаткин и А.Е. Эверт воспротивились переброске подчиненных им дивизий и артиллерии в помощь успешно наступавшему Брусилову. Они полагали, что это ослабит их фронты и лишит возможности самим проводить наступательные операции[179].

28 июля войска Юго-Западного фронта возобновили наступление. Вражеский фронт вновь был прорван во многих местах, и австро-венгерские части опять начали отступление. Однако форсировать с ходу реку Стоход не удалось, поскольку отступавший противник сумел уничтожить все перепра-

вы через нее. Ковель оказался защищенным. К тому же командующий фронтом уже не располагал резервами для развития успеха и не надеялся их получить ни от Ставки, ни с других фронтов. Между тем характеризуя обстановку в расположении австрийцев, Людендорф писал: "...это был один из наисильнейших кризисов на Восточном фронте. Надежды на то, что австро-венгерские войска удержат неукрепленную линию Стохода, было мало. Протекали очень тревожные дни. Мы отдавали все, что могли, и знали, что если противник нас атакует, то нам неоткуда ждать помощи"[180].

Чувствуя себя на пороге успеха, Брусилов, однако, понимал, что рассчитывать на активные боевые действия Западного и Северного фронтов он не может. Созданная новая Особая армия (13-я по счету, но такого номера Николай II давать ей не стал) смогла добиться в наступлении только частичных успехов, хотя основу ее составляли войска российской гвардии. Один же фронт достигнуть ощутимых стратегических результатов просто не мог. "Поэтому, – отмечал Брусилов, – я продолжал бои на фронте уже не с прежней интенсивностью, стараясь возможно более сберегать людей, а лишь в той мере, которая оказывалась необходимой для сковывания возможно большего количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам – итальянцам и французам"[181]. Чтобы ликвидировать Брусиловский прорыв, германское и австро-венгерское командование сняли с Западного и Итальянского фронтов в общей сложности 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийских дивизий. Это серьезно облегчило положение французов под Верденом и итальянцев в Трентино.

На втором этапе наступления российские войска заняли города Галич, Броды, Станислав. К середине сентября наступление войск Юго-Западного фронта завершилось. Оно вошло в мировую военную историю как Брусиловское наступление 1916 г. (Брусиловский прорыв) и имело большое военно-политическое значение. Оно выразилось прежде всего в том, что армии Австро-Венгрии в Галиции и Буковине потерпели крупное поражение. В ходе Брусиловского наступления противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн человек. Только пленными австро-венгерские войска потеряли свыше 400 тыс. человек. Трофеями русских стали 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Вопрос о потерях российских войск в ходе наступления является дискуссионным. В историографии устоялась точка зрения, что они составили около 500 тыс. человек[182]. В то же время историк С.Г. Нелипович, активно выступающий за "демифологизацию" Брусиловского наступления, утверждает, что только по приблизительным подсчетам по ведомостям Ставки Юго-Западный фронт потерял с 4 июня по 27 октября 1916 г. 1,65 млн человек[183]. Именно это обстоятельство, по мнению Нелиповича, «и решило судьбу наступления: русские войска благодаря "методе Брусилова" захлебнулись собственной кровью. Брусилов не выполнил ни одной задачи: враг не был разгромлен, его потери были меньше, чем у русских. ...Ковель, который притягивал все внимание Брусилова..., так и не был взят, несмотря на чудовищные потери трех армий, тщетно его штурмовавших»[184].

Сам же Брусилов так оценил итоги наступательной операции Юго-Западного фронта: "По сравнению с надеждами, возлагавшимися на этот фронт весной 1916 года, его наступление превзошло все ожидания. Он выполнил данную ему задачу – спасти Италию от разгрома и выхода ее из войны, а кроме того, облегчил положение французов и англичан на их фронте,

заставил Румынию стать на нашу сторону и расстроил все планы и предположения австро-германцев на этот год"[185]. Ни в коей мере не умаляя значения Брусиловского наступления, все же повторим сказанное выше: австрийские операции против итальянской армии в Трентино заглохли еще до начала Брусиловского прорыва.

Наступательная операция 1916 г. на Юго-Западном фронте оказалась незавершенной. Она могла быть более результативной, поддержи его усилия другие русские фронты (на чем Ставка Верховного главнокомандующего настоять не смогла) и англо-французское командование на Западном фронте (это был еще один пример нескоординированности действий союзников по Антанте). Первые орудийные выстрелы на Сомме прозвучали тогда, когда наступление Юго-Западного фронта прекратилось. Тем не менее, и это следует подчеркнуть, оно положило конец колебаниям нейтральной Румынии. 17 августа 1916 г. она подписала политическую и военную конвенции со странами Антанты[186]. 27 августа Румыния объявила войну Австро-Венгрии. В ответ войну Бухаресту объявили Германия, Турция и Болгария, что повлекло за собой далеко не однозначные последствия.

Вооруженные силы Румынии состояли из четырех армий (23 пехотные и 2 кавалерийские дивизии) общей численностью около 600 тыс. человек. Больше половины дивизий имели устаревшую артиллерию, а комадный состав значительно уступал противнику по своей подготовке. Обязанности Верховного главнокомандующего принял на себя сам король Фердинанд I. В причерноморской Добрудже располагался российский 47-й корпус генерала А.М. Зайончковского. 28 августа румынские войска начали наступление в Трансильвании против австрийцев и венгров. Оно развивалось медленно и успеха не имело. Более того странам Четверного союза удалось нанести тяжелый ответный удар. В наступление перешла Дунайская армия под командованием фон Макензена, состоявшая из немецких, болгарских и турецких соединений. Румынские войска были разгромлены вначале на Дунае у города Туртукая, затем в Трансильвании. Бухарест защищала группировка под командованием генерала К. Презана, потерявшего из 120 тыс. своих бойцов около 90 тыс. человек (в том числе 65 тыс. пленными) и 124 орудия[187]. Неприятель занял румынскую столицу 6 декабря.

Генерал Алексеев, при всей своей сдержанной оценке боевого потенциала нового союзника, подобного не ожидал. Отсюда его раздраженные замечания ("Для меня непонятна нервность румын. Имея значительные силы в своем распоряжении, они умеют только кричать о своем критическом положении..."). А у румын к концу года осталось под знаменами едва 70 тыс. солдат и офицеров, чуть больше десятой части имевшегося в августе состава. Российской армии пришлось брать на себя новый фронт. Одноколейная железная дорога, связывавшая Унгены с румынскими Яссами, не успевала пропускать воинские эшелоны. Многие полки высаживались в чистом поле и маршем, по снегу и грязи, шли навстречу неприятелю.

Созданная в сентябре 1916 г. русско-румынская Добруджанская армия повела тяжелые бои в Добрудже, отступая шаг за шагом к устью Дуная. В результате четырехмесячных боев почти вся Румыния была занята войсками Четверного союза. В их руки попал значительный источник продовольствия, сырья и нефти. Потери румын превысили 200 тыс. человек. Новый фронт на востоке, получивший название Румынского, стабилизиро-

вался на линии устье Дуная–Брэила–Фокшань–Окна–Дорна-Ватра, проходя несколько западнее российской государственной границы.

Вступление румын в войну на стороне Антанты дорого обошлось России. Ставка Верховного главнокомандующего была вынуждена отправить уже в скором времени на Румынский фронт всю 9-ю армию и управления 4-й и 6-й армий, объединивших 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий[188]. Восточный фронт удлинился к югу сразу на 500 км. Тем не менее румынский военный историк К. Кирицеску полагает, что "если бы русские оказали помощь в большем объеме, энергичнее и, самое главное, быстрее, это могло бы придать новое направление ходу войны"[189]. Главнокомандующим Румынского фронта номинально считался король Фердинанд. Фактически руководство войсками было сосредоточено в руках его помощников – русских генералов В.В. Сахарова и сменившего его в апреле 1917 г. Д.Г. Щербачева.

На Салоникском фронте в 1916 г. крупных наступательных операций не велось. Численность союзных войск постоянно наращивалась и достигла 300 тыс. человек. Под командованием французского генерала М. Саррайля находились шесть сербских, пять британских, четыре французские, одна итальянская пехотные дивизии, одна российская пехотная бригада, одна сербская кавалерийская дивизия. Союзная армия начала наступление на болгарские позиции осенью 1916 г., и 19 ноября сербы овладели городом Битоль. Дальнейшее продвижение Салоникского фронта было приостановлено. С августа по конец ноября союзники понесли здесь большие потери: около 47 тыс. убитыми и ранеными и 80 тыс. умершими или эвакуированными по болезни, главным образом от малярии[190]. В конце года воевавшие стороны стали закрепляться на занимаемых горных позициях.

Турецкое командование в кампании 1916 г. не имело четкого плана проведения операций. Провал Дарданелльской операции Антанты и последующая переброска ее войск на Салоникский фронт высвободили значительные турецкие силы, сконцентрированные на Галлипольском полуострове. Российское командование ожидало, что большая их часть (2-я армия) будет переброшена на Кавказ для усиления 3-й турецкой армии. В начале 1916 г. российская Кавказская армия имела примерно равное с противником количество пехоты, но превосходила его в коннице и в артиллерии. Поэтому было решено упредить турок и разбить их 3-ю армию до подхода из зоны Проливов подкреплений, которые могли подойти не раньше марта.

Начатая в самом конце 1915 г. наступательная Эрзурумская операция завершилась 16 февраля следующего года. Она проводилась в зимних условиях. Поэтому командование приняло все меры для обеспечения войск теплой одеждой. Каждый боец получил короткий полушубок, стеганые на вате шаровары, теплые портянки и пару валенок, папаху с отворачивающимся назатыльником, варежки и шинель. По опыту боев русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были заготовлены маскировочные белые коленкоровые халаты и чехлы на шапки. Выдавались защитные очки, чтобы яркое солнце не слепило глаза. Поскольку наступать предстояло в безлесной местности, каждый солдат нес с собой два полена[191].

В Эрзурумской операции внезапность сосредоточенного удара русских войск была достигнута за счет оперативной маскировки и дезинформации турок. Велась активная разведка с воздуха. В Кавказской армии было развернуто 17 метеорологических станций. При ее штабе создали радиогруппу

оперативной связи. Работали узкоколейки конной и паровой тяги, снегоочистительные команды на путях сообщения[192]. Турецкий фронт прорывался специально созданной ударной группой.

Наступавшие российские войска штурмом овладели крепостью Эрзурум, захватив при этом около 300 орудий и 8 тыс. пленных. В Эрзурумской операции российская Кавказская армия лишилась 10% личного состава. Турецкая же 3-я армия потеряла более половины своего состава и почти всю артиллерию. Для нее стали спешно перебрасываться на Кавказ подкрепления. Она все же не была полностью разгромлена. Тогда российское командование провело еще одну наступательную операцию – Трапезундскую – силами Приморского отряда и отряда кораблей Черноморского флота. 18 апреля российские войска овладели Трапезундом. После занятия этого портового города наступление было прекращено.

Турки попытались силами 3-й армии и свежей 2-й армии перехватить инициативу у русских, но потерпели новые поражения в Огнотской операции (июнь-июль). Потери турецких войск на Кавказском фронте в 1916 г. оказались столь значительны, что некоторые корпуса сводились в дивизии, а дивизии – в полки, да и то неполного состава. С наступлением холодов воевавшие стороны перешли к обороне.

В Иране российскому экспедиционному кавалерийскому корпусу Баратова пришлось отойти на 300 км от турецкой границы и остановиться восточнее Хамадана. Это было вызвано не столько давлением турок, сколько нездоровой местностью приграничья, что привело в условиях тропического лета к вспышке малярии и холеры.

Сильные последовательные удары российских войск в 1916 г. отвлекли на Кавказский фронт значительные турецкие резервы, что заметно облегчило положение англичан у Суэца и в Месопотамии. К началу 1917 г. против российской Кавказской армии действовали до 29 турецких пехотных дивизий, т.е. 54% всех сухопутных войск Османской империи[193]. По числу солдат и офицеров 2-я и 3-я турецкие армии, действовавшие на Кавказе, превосходили 1-ю, 4-ю, 5-ю и 6-ю вместе взятые, которые сражались против союзников России. На Кавказском фронте турецкое командование израсходовало до трети подготовленных пополнений, ослабив тем самым другие фронты и оборону зоны Проливов со Стамбулом. Бóльшая часть курдских племенных конных формирований тоже находилась здесь.

Обстановка в Месопотамии складывалась не в пользу англичан. Им дорого обошелся отказ от совместных действий с корпусом Баратова в наступлении на Багдад. 29 апреля 1916 г. 10-тысячный отряд Таунсхенда, блокированный турками в Кут-эль-Амаре, капитулировал[194]. Престижу Британии на Ближнем Востоке был нанесен серьезный урон. Кавалерийскому корпусу Баратова не удалось оказать помощь союзникам. Ему приходилось действовать на фронте в 650 км, имея в своем составе всего 17,5 тыс. сабель и штыков[195]. После падения Кут-эль-Амары англичане боевых действий в Месопотамии не вели. Вплоть до начала зимы они занимались реорганизацией своих сил. Не вели боевых действий против них и турки, поскольку главные силы их 6-й армии действовали под Хамаданом против российского экспедиционного корпуса.

Продолжительное затишье в зоне Суэцкого канала было использовано англичанами для укрепления занимаемых позиций. Они беспрепятственно

перенесли их на 15–20 км восточнее канала. В августе турецкий экспедиционный корпус под командованием германского подполковника барона Ф. Кресса, совершив трудный переход через Синайскую пустыню, атаковал позиции англичан. Однако, потеряв треть своего состава – 5 тыс. человек, корпус был вынужден отступить[196]. Англичане, отразив нападение, сами перешли в наступление и без боя заняли город Эль-Ариш в 130 км восточнее канала. Однако подходить к главным турецким позициям они не стали. После этого вновь наступило затишье. Стороны взаимно отказались от активных действий. Основные бои в Палестине, Сирии и Месопотамии были еще впереди.

Кампания 1916 г. вновь не привела ни одну из воюющих сторон к выполнению намеченных стратегических планов. Германия не сумела вывести из войны Францию, а Австро-Венгрия – разгромить Италию. Антанта в свою очередь оказалась не в состоянии согласованными действиями разгромить силы Четверного союза. И все же перевес был на стороне Антанты. В сражениях у Вердена, в Трентино, на реке Сомме и на полях Галиции успех оказался на ее стороне. На этом не сказался даже разгром Румынии. “Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее”, – признавался в мемуарах Людендорф[197]. Союзники стали все более превосходить своего противника по численности вооруженных сил и в вооружении.

Воюющие стороны стали испытывать серьезные трудности в своих мобилизационных возможностях – призывной контингент иссякал. Это коснулось, прежде всего, стран Четверного союза, мобилизационные возможности которого были намного меньше, чем у Антанты. В Германии стали призывать в действующую армию 19-летних юношей. Австро-Венгрия увеличила призывной возраст до 55 лет, а Турция – до 50 лет. Уже в 1916 г., чтобы отстоять в войне собственные территории, всем союзникам Германии и, прежде всего, ей самой необходимо было “довести до наибольшего напряжения физические, нравственные и экономические силы страны”[198].

Кампания 1916 г. показала, что государства Антанты способны в определенной мере согласовывать свои действия, приходить на помощь друг другу. Однако выстроенное на основе решений конференций в Шантийи стратегическое планирование оставляло желать лучшего. Так, коалиционная стратегия не смогла помешать разгрому Румынии. Наличие противоречий в Антанте являлось одной из основных причин невыполнения плана кампании 1916 г. по разгрому Центрального блока согласованными действиями антантовских союзных армий. “В общем, – указывал Зайончковский, – 1916 г. был годом перелома, подорвавшим в корне военную мощь Центральных держав и, наоборот, доведшим силы Антанты до кульминационного развития. Это был год, определивший победу Антанты в будущем”[199].

4. Битва за моря

Война 1914–1918 гг. названа мировой в том числе и потому, что она велась в самых отдаленных точках земного шара. Это стало возможным благодаря наличию у противостоявших коалиций мощного военно-морского флота.

В столицах крупнейших государств заговорили о необходимости обладания сильным флотом в конце XIX в., после издания в 1890 г. книги американ-

ского контр-адмирала А. Мэхэна "Влияние морской силы на историю". Тогда впервые прозвучала мысль о том, что современное государство не может достигнуть исторических целей, если не будет иметь превосходства на море, которое можно завоевать только в генеральном сражении линейных флотов. Согласно новой теории военно-морскому флоту принадлежала решающая роль в любой войне, а завоевание господства на море рассматривалось как единственная цель, достижение которой означало не только победу над противником, но и приобретение мирового лидерства. Из этого делался практический вывод: дабы не допустить разрыва связей по линии метрополия – колонии, нужны большие линейные (артиллерийские) корабли. Чуть позднее эту точку зрения подтвердил и опыт ведения боевых действий на море. Например, потерпев поражение при Цусиме (1905 г.) и потеряв там практически весь флот, Россия проиграла и войну с Японией в целом. То же самое можно сказать об испано-американской войне 1898 г., в ходе которой американцы имели подавляющее преимущество на море.

Идеи Мэхэна позднее развил британский вице-адмирал Ф. Коломб. Увлечение маринизмом с тех пор приняло повальный характер. Теория "морской силы" этих адмиралов стала чрезвычайно популярной и в кабинетах руководителей многих стран, ранее мало задумывавшихся о необходимости для их стран господства на море. Столь резко возросшей популярности во многом способствовали объективные обстоятельства. Одним из них была усиливающаяся зависимость экономики развитых стран от внешней торговли. Однако рост интереса к военно-морскому флоту имел не только экономический, но и политический подтекст. Гонка морских вооружений была, по сути, призвана не столько обеспечить обороноспособность страны, сколько поддержать национальный престиж. Особенно это хорошо видно на примере такой в промышленном отношении отсталой страны, как Россия, которая с 1907 по 1914 г. на 173,9% увеличила свои расходы на строительство флота[200]. В технически развитых странах культ флота служил выражением патриотизма и национального величия.

Германия приложила титанические усилия, чтобы сократить преимущество Великобритании в военно-морских силах. Однако к 1914 г. достигнуть паритета с Лондоном Берлину так и не удалось. Накануне первой мировой войны англичане располагали 20 дредноутами, причем еще 12 находилось в постройке, 9 линейными крейсерами (в постройке был 1), 40 линкорами додредноутского типа, 98 эскадренными миноносцами, в то время как Германия имела 14 дредноутов (5 строилось), 4 линейных крейсера (строилось 3), 20 старых линкоров и 97 эскадренных миноносцев. ВМС России, Франции, Италии, Австро-Венгрии и Японии значительно уступали силам этих двух стран[201]. В целом же соотношение численных составов флотов противоборствующих группировок было явно в пользу Антанты.

Поначалу война на море развивалась в соответствии с намеченными противоборствующими сторонами планами. Англичане установили дальнюю блокаду побережья рейха на акватории от Южной Норвегии до Северной Франции и 5 ноября объявили все Северное море зоной боевых действий. Наиболее значительным событием тех дней стало сражение британского и немецкого флотов у острова Гельголанд 28 августа 1914 г. В этом бою немцы потеряли три легких крейсера "Кёльн", "Майнц" и "Ариадна", 1 эскадренный миноносец и 1 тральщик, а также 1093 человека личного состава[202].

Англичане понесли легкие потери: 32 моряка погибшими и 55 ранеными. Поражение у Гельголанда озадачило высшее командование Германии, и кайзер 4 сентября запретил впредь до особого распоряжения выход крупным кораблям, включая легкие крейсеры, за пределы бухты у базы в Вильгельмсхафене. Фактически имперскому флоту отводилась теперь весьма скромная задача охраны побережья рейха. Так впервые наглядно проявила себя порочность идеи морского командования рейха о том, что битва на море будет решена в ходе генерального сражения немецкого и британского линейных флотов.

Однако вскоре после начала войны в ходе морских сражений произошло событие, которое еще больше поставило под сомнение все разработанные ранее схемы и теории борьбы за моря: 22 сентября командир немецкой подводной лодки "U-9" О. Веддиген за полчаса потопил три английских крейсера: "Абукир", "Хог" и "Кресси". "Три торпедных выстрела прозвучали на весь мир. В Англии они пробудили серьезную озабоченность, даже замешательство, а в Германии вызвали чрезмерные надежды: в подводной лодке стали видеть оружие, которому суждено было разбить британскую тиранию на море", – писал видный немецкий политик К. Гельферих[203].

Впечатляющий успех действий подводных лодок в первые же дни войны оказался полной неожиданностью для немцев. К 1914 г. Германия обладала лишь 20 субмаринами, в то время как Великобритания – 47, Франция – 35 и 28 действующих подводных лодок имела Россия[204]. Этого было недостаточно для ведения эффективной подводной войны.

Строительство подводных лодок еще с конца XIX в. включалось в военно-морские программы всех крупнейших государств, хотя они были новым видом оружия и мало кто догадывался об их истинной силе и эффективности. Немного знали о действенности подлодок и в Берлине, а потому у Германии не было четких идей относительно их использования. Подводные лодки считались крайне ненадежным и опасным для экипажа видом оружия. Их чадящие дизельные двигатели, по мнению командования, не позволяли отплывать дальше нескольких миль от берега, и предназначались субмарины только для защиты побережья от прорвавшихся военных судов противника. Аккумуляторные батареи были небольшой емкости и требовали периодической и довольно частой подзарядки на поверхности. Кроме того, они выбрасывали в замкнутое пространство субмарины огромное число вредных для здоровья человека химических примесей, что часто приводило к отравлениям моряков. Согласно немецким служебным инструкциям, даже одна ночевка на борту субмарины была опасной для жизни и здоровья экипажа. Не считался совершенным и эффективным также основной вид вооружения подводных лодок – торпеды, к тому же их можно было взять на борт весьма ограниченное количество.

Все это привело немецкое военно-морское командование накануне первой мировой войны к выводу о том, что субмарины являются лишь второстепенным, вспомогательным видом вооружения и главное внимание надо уделить строительству надводного флота. Позднее, оправдываясь в своей близорукости и в том, что он не увидел большого будущего нового вида оружия, гросс-адмирал Тирпиц писал в воспоминаниях: "Я отказывался бросать деньги на подлодки, пока они плавали только в прибрежных водах и потому не могли принести нам никакой пользы... Вопрос о применении подводных

лодок можно было разрешить на практике лишь после появления этого вида оружия"[205].

Первый конкретный план участия немецких подводных лодок в войне на море, в том числе и в торговой войне, в начале октября 1914 г. представил командир имперского подводного флота корвет-капитан Х. Бауэр[206]. Однако, тогда он был отклонен шефом адмиралтейства адмиралом Г. фон Полем. Тот опасался обвинений со стороны нейтральных государств в нарушении международного права на море[207].

Тем временем к началу 1915 г. англичанам удалось практически полностью ликвидировать все немецкие крейсеры, находившиеся в водах мирового океана: в декабре 1914 г. была уничтожена в бою у Фолклендских островов эскадра адмирала М. Шпее – самое большое соединение немцев в зарубежных водах. Еще раньше были потоплены крейсеры "Карлсруэ", "Кайзер Вильгельм дер Гроссе", "Эмден" и другие, действовавшие в одиночку на просторах Атлантического океана. Последним на Мадагаскаре в августе 1915 г. оказался захвачен англичанами крейсер "Кёнигсберг", который, впрочем, был с октября 1914 г. заперт в устье одной из рек на острове. Последующие появления в мировом океане немецких крейсеров носили эпизодический характер. Они были, по сути, пропагандистскими авантюристическими операциями, которые не могли нанести ощутимого ущерба морской торговле стран Антанты.

После сражения при Гельголанде и перехода немецкого надводного флота к пассивно-выжидательной тактике в Лондоне решили перенести основной упор на организацию торговой блокады побережья рейха с целью прервать поставку туда стратегического сырья и продовольствия из-за океана. Еще до войны британское адмиралтейство рассматривало блокаду как важнейшее условие победы. Первоначально было решено перекрыть все Северное море, в особенности между Шетландскими островами и Скандинавией, и там досматривать все суда нейтральных стран на предмет доставки контрабандных грузов в страны Центрального блока. А с 29 октября 1914 г., по мнению англичан, контрабандой стало фактически считаться все, в чем был заинтересован рейх – нефть, каучук, медь и прочие виды стратегического сырья, продовольствие. Со 2 сентября, понимая, что он не может справиться с контролем над обширной зоной между Британией и Скандинавией, Лондон объявил все Северное море зоной военных действий. Судам нейтральных стран предлагалось следовать через Ла-Манш и Дуврский пролив, где в южных портах Англии их тщательно обыскивали. Более того, 1 марта 1915 г. премьер-министр Великобритании Асквит объявил о решении полностью перекрыть морскую торговлю Германии. Еще через десять дней был принят "акт о репрессалиях", по которому ни одно нейтральное судно не имело права заходить в германские порты либо покидать их[208].

Сделав ставку на блицкриг, немцы явно недооценили возможных последствий экономической блокады для своей страны. Они не подготовили никаких эффективных мер против действий британского флота. В стране не были разработаны планы мобилизации сельского хозяйства и промышленности на случай войны, не имелось стратегических резервов. Все это создавало предпосылки для успеха блокады Центральных держав. В 1915 г., когда центр тяжести военных действий переместился на Восточный фронт, сложились еще более благоприятные условия для усиления блокады Германии.

В Лондоне сделали упор на сокращение перевозок из нейтральных стран в рейх. В Берлине решили ответить на это усилением подводной войны.

Таким образом, в результате жесткой политики Великобритании с конца января 1915 г. расстановка сил в военной верхушке Германии стала меняться в пользу сторонников решительных действий. В Берлине также сочли, что в данных обстоятельствах целесообразней войну на море превратить, прежде всего, в борьбу против торговых, а не военных судов противника. Важным фактором в перемене позиции адмиралтейства стало мнение о том, что нараставшие с каждым днем поставки зерна из Аргентины в Англию существенно укрепляли жизнеспособность последней. При этом реакция нейтралов уже не принималась в расчет. Более того, по мнению высокопоставленных немецких флотских офицеров, решительные действия Германии непременно должны были оттолкнуть их от попыток любой торговли с Лондоном[209].

Результатом подобного развития событий стала декларация кайзера Вильгельма от 4 февраля 1915 г. Все воды вокруг Британских островов объявлялись зоной войны, где через две недели будут уничтожаться все вражеские торговые суда без гарантий спасения их экипажей и пассажиров. Официально подводная война объявлялось направленной исключительно против судов Антанты, а потому и получила название "ограниченной". В связи с тем, что британские суда часто использовали флаги других государств, нейтральные страны были предупреждены об опасности плавания в этих водах. Вильгельм, впрочем, заявил о готовности снять блокаду сразу же после того, как это сделает в отношении Германии Лондон.

Решение о начале "ограниченной" подводной войны базировалось на неверной информации, представленной канцлеру относительно реакции на этот шаг немцев со стороны нейтральных стран, прежде всего США. По этим данным выходило, что сильного противодействия с их стороны опасаться не следует, осложнений между Берлином и Вашингтоном не будет, а на уступки можно пойти после того, как план вступит в силу[210].

Реакция же американцев долго себя ждать не заставила. Уже 12 февраля, т.е. до начала блокады, посол в Берлине Дж. Джерард передал фон Ягову ноту своего правительства. В ней создавшаяся ситуация была оценена как "прискорбная". Там же было подчеркнуто, что "правительство Соединенных Штатов будет вынуждено призвать имперское германское правительство к строгой ответственности за подобные акты своих военно-морских властей и предпримет любые необходимые шаги для защиты жизни американцев, их собственности и обеспечения американским гражданам полного удовлетворения их признанных прав на морях"[211]. С этих пор проблема способов и методов ведения подводной войны приняла для немцев скорее политический, а не военный характер.

Еще через неделю об опасности резкого ухудшения отношений с США из-за объявленной Берлином подводной войны предупредил посол Германии в Вашингтоне граф И. Бернсторф. Он заявил, что "уничтожение американских судов может привести к чрезвычайно рискованному возбуждению, которое будет иметь самые тяжелые последствия"[212]. В Берлине стало очевидным, что жесткие меры имеют шанс спровоцировать разрыв с государствами, еще сохранявшими нейтралитет. Но решили не отступать.

Германско-американские противоречия в связи с отношением к подводной войне обрели новый ракурс с 28 марта 1915 г., когда немцами был потоплен британский пароход "Фалаба", на борту которого находился один американский гражданин. Этот случай было решено свести к единичному инциденту и оставить без последствий. Однако в начале мая 1915 г. произошло событие, значительно обострившее американо-германские отношения и впервые за время войны поставившее в реальную плоскость вопрос о присоединении Соединенных Штатов к Антанте. 7 мая немецкой подводной лодкой было потоплено британское пассажирское судно "Лузитания". Погибло почти 1200 человек, 115 из которых были американскими подданными. Потопление "Лузитании" вызвало бурю негодования в Соединенных Штатах. Практически все средства массовой информации развернули мощную антигерманскую кампанию[213]. «Дело "Лузитании" вызвало здесь, бесспорно, неслыханное возбуждение и развязало чрезвычайно враждебные Германии настроения. Это возбуждение распространяется не только на биржевые круги, которые вследствие этого случая понесли материальные потери, но особенно на большую часть публики», – сообщал немецкий консул в Нью-Йорке[214].

Май 1915 г. был крайне неблагоприятным временем для конфликта Германии с нейтральными странами. Вступление Италии в войну на стороне Антанты заставило Берлин и Вену уделять особое внимание ситуации на Балканах с тем, чтобы заполучить в союзники Болгарию и предотвратить присоединение к Антанте Румынии. В условиях вступления в войну США и то, и другое сделать было практически невозможно. Именно реальность подобного развития ситуации имел в виду Фалькенхайн, когда стал настаивать на удовлетворении претензий Америки в связи с делом "Лузитании"[215].

К началу августа 1915 г. под давлением аргументов противников жесткой линии и поддерживающего их канцлера Вильгельм все больше стал склоняться в пользу временного прекращения подводной войны и переговоров с Америкой о "свободе морей". Точку в этой затянувшейся дискуссии поставил случай с британским пассажирским пароходом "Арабик", на борту которого находилось трое американцев. Он был потоплен немецкой торпедой 19 августа. Эта подводная атака произошла в нарушение приказа кайзера командирам субмарин от 6 июня, запрещавшего торпедировать пассажирские суда. Однако приказ этот был секретным, и в Вашингтоне о нем не знали. Реакция там была крайне негативной. «В первые 48 часов после получения сообщения о случае с "Арабиком" настроения здесь такие же плохие, как и в день гибели "Лузитании". Я чувствую, что вновь нахожусь во враждебной стране», – сообщал Бернсторф[216].

Поэтому уже 26 августа, еще до возвращения на базу подводной лодки U-24, отправившей на дно "Арабик", в замке Плес состоялось совещание ведущих политических, военных и морских лидеров Германии. На этом совещании рейхсканцлер посчитал необходимым дать указание командирам подлодок ни в коем случае не топить пассажирских пароходов, не предупредив их и не дав команде и пассажирам возможности спастись. Бетман-Гольвег также предложил попросить Соединенные Штаты оказать воздействие на Британию в смысле возвращения ее к принципам Лондонской декларации 1909 г., запрещавшей морскую блокаду военных противников[217]. Против такой позиции активно выступило военно-морское лобби – Тирпиц и начальник морского Генштаба Г. Бахман. Тем не менее Вильгельм стал на

сторону более осторожного канцлера, и подводная война с того момента была значительно ослаблена.

Именно в 1915 г. военно-морским стратегам и политикам противоборствовавших стран окончательно стало очевидным, что борьба за моря теперь в большей степени определяется тем, что происходит в глубине океанской пучины, а не на ее поверхности. Все операции того года надводных флотов Антанты и Центральных держав носили локальный характер, не говоря уже о том, что они никогда не были предметом ожесточенных дипломатических дискуссий в столицах европейских и американских государств.

24 января 1915 г. в Северном море у Доггер-банки произошло первое сражение, в котором с обеих сторон участвовали линейные крейсеры. Используя свое превосходство в силе, англичане смогли потопить броненосный крейсер противника "Блюхер", но большего добиться им не удалось. Этот бой выявил превосходство немецких крейсеров в бронировании и живучести, а моряки имперского флота показали более высокую, чем англичане, тактическую и огневую подготовку. Тем не менее, учитывая гибель "Блюхера", Вильгельм посчитал, что его флот еще не готов к генеральному сражению и вновь запретил крупным судам выходить без его особого распоряжения больше, чем на 100 миль из Гельголандской бухты[218].

На других морских театрах военные действия в 1915 г. носили локальный характер. На Балтике наиболее примечательным событием стал бой российских и немецких кораблей у острова Готланд 2 июля. Успех здесь сопутствовал россиянам. Стычки между флотами двух стран происходили и в Рижском заливе. Балтийский флот России в кампанию 1915 г. выполнил поставленные перед ним задачи. Немцы не были допущены в Финский и Ботнический заливы, а в Рижском заливе им так и не удалось установить свое господство. В Черном море российские моряки, не понеся никаких потерь, потопили 1 легкий турецкий крейсер, 3 эскадренных миноносца, 4 канонерские лодки, 1 минный заградитель. На минах подорвались немецкие крейсеры "Бреслау" и "Берк"[219]. И после этого вплоть до окончания войны борьба надводных флотов в Черном, Средиземном и Балтийском морях с обеих сторон носила локальный и оборонительный характер[220]. Единственным исключением была Моонзундская операция германского флота в середине октября 1917 г. Он стремился захватить стратегически важные острова Эзель и Даго у входа в Рижский залив. Российские моряки, сознавая нависшую над Петроградом угрозу, упорно сопротивлялись, но ценой больших потерь немцы заняли острова. Затем, так и не сумев прорваться в Финский залив, они прекратили наступательные действия.

К началу 1916 г. затягивание войны все более и более беспокоило германских стратегов. В Берлине стали думать и о том, как активизировать борьбу на море. Все это вдохновило сторонников беспощадной подводной войны. К этому времени ситуация на европейских фронтах изменилась. Немцы готовили решающее генеральное наступление под Верденом, а это диктовало необходимость эффективно перерезать коммуникации союзников со своими заокеанскими поставщиками вооружения и связи Британии с континентом. Фалькенхайн и новый руководитель адмиралтейства гросс-адмирал Г. Гольцендорф в конце осени 1915 г. начали пересматривать свое в недалеком прошлом негативное отношение к беспощадной подводной войне. Фалькенхайн полагал, что в условиях затягивания войны и угрозы пол-

ного экономического истощения Германии, курс на дипломатическое маневрирование и заигрывание с Америкой не оправдывает себя. Тяжелая экономическая ситуация и возможность проявления массового недовольства, по его мнению, не оставляли немцам другого выхода, кроме достижения военной победы в 1916 г. при использовании всех возможных средств. Еще 27 октября 1915 г. Гольцендорф в письме на имя фон Ягова рекомендовал как можно быстрее возобновить подводную войну на прежних условиях[221].

Борьба между различными группировками в Берлине по поводу возобновления подводной войны в начале 1916 г. была крайне острой и привела к большим кадровым изменениям. Как бы то ни было, правительство Германии 11 февраля официально заявило о начале с 1 марта 1916 г. так называемой "обостренной" подводной войны, при которой командирам немецких субмарин давался приказ без предупреждения торпедировать только вооруженные торговые суда Антанты. Эта не была "неограниченная", "беспощадная" подводная война, за которую ратовали крайние милитаристы, но и она могла привести к далеко идущим последствиям. 4 марта было решено отложить начало неограниченной подводной войны до 1 апреля, а оставшееся до этого дня время активно использовать для убеждения в правомерности подобного шага союзников и нейтралов[222].

Пока в берлинских верхах шли дискуссии, на море произошло событие, которого и следовало ожидать. "Обостренная" подводная война рано или поздно обязательно должна была привести к новому американо-германскому конфликту. 24 марта 1916 г. французский пассажирский пароход "Сассекс" был без предупреждения атакован в Ла-Манше немецкой подводной лодкой UB-29. И хотя судно не было потоплено, в инциденте погибли и были ранены 80 человек, в том числе несколько американцев. Реакция Белого дома была крайне резкой. Ближайшие советники президента США В. Вильсона – полковник Э. Хауз и государственный секретарь Р. Лансинг – требовали самого решительного ультиматума в отношении Германии. Еще больше ситуацию усугубила нота Берлина от 10 апреля, в которой вопреки фактам отрицалось, что "Сассекс" был атакован немецкой субмариной[223]. После этого Вильсон направил в Берлин жесткий ультиматум с требованием немедленно прекратить атаки на торговые и пассажирские суда, возвратившись к правилам ведения "крейсерской войны" и под водой.

В Берлине некоторые весьма влиятельные лица опасались обострения споров с США по поводу подводной войны. 24 апреля 1916 г. в имперской канцелярии состоялось совещание по этой проблеме. Большинство его участников, в их числе и сам канцлер, статс-секретарь по иностранным делам Г. фон Ягов, его заместитель А. Циммерман, министр внутренних дел К. Гельферих, морской министр Э. фон Капелле – преемник на этом посту Тирпица, и многие другие, пришли к выводу об абсолютной необходимости уступок США. Двусмысленную позицию занял лишь начальник морского Генерального штаба Гольцендорф. Совещание пришло к выводу о целесообразности уступок Соединенным Штатам и ведении впредь подводной войны по правилам крейсерской. Подобной точки зрения на события к этому времени стал придерживаться и кайзер[224].

В тот же день Гольцендорф отдал приказ морякам в Вильгельмсхафене прекратить все военные действия против торговых судов вокруг Британских островов и впредь вести операции по правилам крейсерской войны. В свою

очередь командование подводного флота отказалось от ведения крейсерской войны, сославшись на большой риск для субмарин. Тирпиц вспоминал: «Нота по поводу "Сассекса" явилась поворотным пунктом в ходе войны, она знаменует собой начало нашей капитуляции. Весь мир увидел, что Америка сломила нас. Со времени этого решения мы пошли назад»[225]. И он был не одинок в своих суждениях.

Но в начале лета 1916 г. произошли события, усилившие значение подводных лодок в борьбе на море. В результате Ютландского боя в конце мая – начале июня 1916 г. оказались окончательно дискредитированы все прежние стратегические идеи войны на море. То была единственная генеральная битва флотов Великобритании и Германии на протяжении войны. Во время Ютландского сражения со всей очевидностью обнаружились ограниченность и нежизнеспособность как стратегии "генерального сражения" британского адмиралтейства, так и теории "уравнивания сил", проповедуемой кайзеровскими адмиралами[226]. Англичане потеряли 14 судов общим тоннажем 113 570 т, при этом 6097 человек были убиты, 510 ранены и 177 взяты в плен. Немцы потеряли 11 судов общим тоннажем 60 250 т при 2551 убитом и 507 раненых[227]. Таким образом, "по очкам" победа, вроде бы, досталась немцам, однако это было лишь видимостью. В реальной же жизни крупнейшая битва на море за всю историю человечества так и не решила ни одной из поставленных задач как для одних, так и для других: британский флот не был разгромлен, и расстановка сил на море кардинальным образом не изменилась. С другой стороны, немцам также удалось сохранить главные силы флота и не допустить его уничтожения, каковое неизбежно сказалось бы и на действиях подводного флота рейха.

После Ютландского боя в Берлине было окончательно осознано, что германскому флоту не хватит сил разгромить англичан в следующем генеральном сражении и тем самым внести коренной перелом в ходе борьбы на море. Они вновь обратили свои взоры к подводному флоту. 9 июня Гольцендорф уведомил канцлера о том, что после Ютландского боя многое прояснилось. Поэтому он попросит аудиенции у кайзера с тем, чтобы убедить того возобновить с 1 июля 1916 г. в ограниченных формах подводную войну[228]. Канцлер отнесся к этому известию негативно. Наступление русских войск в Галиции, опасность вступления в войну Румынии, отрицательное отношение к подводной войне со стороны нейтралов, прежде всего США, Нидерландов и Швеции, – все это могло в случае возобновления акций немецких субмарин привести к нежелательным для Германии последствиям. В июне 1916 г. крайним милитаристам так и не удалось столкнуть Германию в пропасть – было решено подождать окончания президентских выборов в США и вполне вероятного тогда начала американо-мексиканской войны. Именно эта грядущая война должна была, по замыслу немцев, отвлечь внимание Белого дома от европейских дел. 2 июля Бернсторф был проинформирован о том, что Германия не отступает от своих обещаний, данных ею правительству США[229].

Однако 29 августа в военной верхушке Германии произошли серьезные перестановки, что непосредственно сказалось и на отношении к подводной войне. Фалькенхайн на посту начальника Полевого генштаба был заменен Гинденбургом в тесной связке с Людендорфом на специально для него созданной должности первого генерал-квартирмейстера. Возникновение так

называемого Третьего Верховного командования (3-е ОХЛ)[230], решающее слово в котором все чаще принадлежало именно Людендорфу, означало, по сути, установление в Германии своего рода военно-диктаторского режима, сосредоточение в руках ОХЛ не только военных, но и политических, экономических и дипломатических рычагов и решений. Этот новый центр власти со временем решительно потеснил не только имперское правительство, но и самого Вильгельма II с его окружением. С приходом Гинденбурга и Людендорфа к руководству армией связывались надежды и "верхов", и большей части германского общества на переход от "бухгалтерски расчетливого" стиля войны к "тотальной войне" (терминологическое нововведение Людендорфа). Оба военачальника являлись сторонниками победы любой ценой. И хотя они детально не разбирались в специфике военных действий на море, но активно поддерживали и здесь самые решительные действия[231]. Людендорф, например, полагал, что "неограниченная подводная война является последним средством закончить войну победоносно, не затягивая ее до бесконечности. Если подводная война в такой форме могла стать решающей, – а флот надеялся на это, – то она при нашем военном положении становилась долгом по отношению к германскому народу"[232].

Именно Гинденбург и Людендорф дали толчок к возобновлению дискуссии о подводной войне, когда 31 августа на совещании в Плесе заявили о необходимости возврата к ней. И вновь их оппонентами стали те в правящих кругах Берлина, кто хотел добиться заключения мира при помощи сепаратных переговоров с Антантой при посредничестве США. Возобновление подводной войны ставило крест на всех попытках достижения сепаратного мира с Лондоном. Тем не менее в начале осени 1916 г. в германском адмиралтействе и в командовании океанического флота началась интенсивная разработка новых планов возобновления беспощадной подводной войны. По существу, однако, ни Гольцендорф, ни командующий флотом адмирал Р. Шеер и его помощники не предложили никаких новых идей. При полном игнорировании опасности вступления в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов они требовали скорейшего возобновления акций субмарин в самых жестких формах.

Тревожные сообщения из-за океана никоим образом не оказали влияния на мышление германских военных стратегов. Опьяненный успехами в Румынии, Гинденбург 8 декабря представил меморандум. В одном из его разделов говорилось, что немецкие войска в Румынии будут продвигаться лишь до реки Сирет, а затем перебросятся на Запад для ведения войны против Дании и Нидерландов. Одновременно с этим в январе 1917 г. он обещал возобновить неограниченную подводную войну[233]. Таким образом, впервые из уст военных прозвучала конкретная дата интенсификации войны на море.

Гольцендорф и его сторонники полагали, что внезапное объявление неограниченной подводной войны полностью прервет связи США с Европой. Потому и угрозу вступления американцев в войну следовало воспринимать серьезно. 24 декабря Гинденбург полностью солидаризировался с точкой зрения шефа адмиралтейства. Канцлер же, как и прежде, возражал против требований генералов и адмиралов. Он, сколько мог, оттягивал этот роковой шаг и все еще искал выхода в дипломатической сфере, возлагая надежды, прежде всего, на Вильсона. Но аргументы Бетман-Гольвега в условиях категорического отказа Антанты пойти на какие-либо переговоры о мире с

Берлином звучали все менее убедительно. Во многих кругах в Берлине восторжествовала другая точка зрения: войну можно выиграть только при коренном повороте в свою пользу, введя в дело все доступные средства. Не случайно, вопрос о подводной войне столь остро встал после Брусиловского прорыва и боев за Верден, показавших, что и на Востоке, и на Западе Антанта имеет достаточные резервы для окончательного перелома хода военных действий в свою пользу. Указанная тенденция проявилась 29 декабря во время совещания в Плесе политического руководства и 3-го ОХЛ. Хотя там не прозвучало никаких официальных заявлений относительно способов ведения войны на море, по сути оно знаменовало поворотный пункт в этой дискуссии.

Последний раз вопрос о подводной войне обсуждался на заседании коронного совета 9 января 1917 г. Рейхсканцлер капитулировал перед членами ОХЛ. Окончательно было одобрено судьбоносное и роковое для Германии решение о начале с 1 февраля неограниченной беспощадной подводной войны[234]. Бернсторф безуспешно пытался убедить американское правительство понять ситуацию, которая вынудила Германию использовать "грубые методы войны", и не доводить дело до полного разрыва[235]. 3 февраля Лансинг передал ему ноту о разрыве дипломатических отношений между двумя странами[236].

Обстоятельства, связанные с подводной войной, являются одним из наиболее ярких свидетельств недальновидности и порочности германской внешней политики, сделавшей ставку исключительно на силу. Краеугольным камнем этой политики была уверенность, что новый вид оружия может поставить Британию на колени за пять месяцев. Но эта решительность ни на чем не основывалась. Тирпиц явно кривил душой в декабре 1924 г., отвечая на упреки бывшего немецкого канцлера Бюлова в недостаточном внимании к подводному флоту Германии. Адмирал утверждал, что якобы "именно вопрос о подводных лодках был приведен нами с чрезвычайными усилиями в действие таким образом, что уже к началу войны, что касается подводных лодок, мы были сильнее, чем все флоты мира, вместе взятые"[237].

Как же развивались события в морских глубинах в годы первой мировой войны и какие потери понесла Антанта из-за действий субмарин?

К началу 1915 г. Германии удалось увеличить число подводных лодок до 27. Много это или мало? Определенный срок боевого дежурства на лодках требовал точно такого же срока для того, чтобы дойти до необходимого места, а затем возвратиться на базу. После этого точно такой же срок требовался на ремонт боевого судна и на его техническое обслуживание. Таким образом, на боевом дежурстве могла находиться максимум треть от состоящих в распоряжении рейха субмарин. Фактически в начале 1915 г. эта цифра составляла не более 9 боевых единиц. Но даже при таком небольшом количестве эффективность субмарин была весьма существенной. В ноябре 1914 г. англичане потеряли на море торговые суда общим водоизмещением в 8,8 тыс. т (включая потопленные немецкими крейсерами), в апреле 1915 г. – 22,4 тыс. т. В августе 1915 г., т.е. в самый разгар объявленной кайзером подводной войны, потери одних только британских торговых судов достигли цифры в 148,4 тыс. т, но уже к октябрю они снизились почти в три раза[238].

Прекращение на время активных военных действий подводного флота рейха в августе 1915 г. вовсе не означало потерю интереса Берлина к этому

виду оружия. В Германии резко наращивали производство субмарин. К середине 1917 г. титаническими усилиями рейху удалось наладить производство в среднем по 8 подводных лодок в месяц. Приобретали опыт военных действий и их командиры. Результат не замедлил сказаться: с осени 1916 г. потери флота Антанты стали быстро возрастать. В сентябре 1916 г. они составили 230,4 тыс. т (из них только Британия потеряла судов общим водоизмещением 104,5 тыс. т). К декабрю того же года цифры увеличились соответственно до 355,1 тыс. и 182,2 тыс. т[239]. Таким образом, осенью 1916 г., когда рейх вел подводную войну в очень осторожных формах, все еще оглядываясь на реакцию Соединенных Штатов, Антанта потеряла больше судов, чем в разгар подводных действий немецкого флота летом 1915 г.

В феврале 1917 г. Германия начала неограниченную подводную войну. Война на море вступила в новую и последнюю стадию. Линейные корабли, на которые делали ставку в Лондоне и в Берлине и на строительство которых были потрачены огромные средства, в 1917–1918 гг. окончательно оказались на приколе в своих базах и лишь изредка покидали их, не вступая в бой с противником. Последний раз линейный фот Германии вышел в море 23 апреля 1918 г. Одновременно продолжалось лихорадочное строительство подводных лодок. Только в декабре 1917 г. в Германии были размещены заказы на постройку 120, а затем еще 250 субмарин, а производство торпед увеличилось с 25 до 375 в месяц[240]. Но спасти рейх уже ничто не могло.

Первое время, казалось, подтвердило надежды немецкого Генштаба о том, что Англия не сможет ничего противопоставить суровой блокаде и за считанные месяцы будет поставлена на колени. Уже в феврале 1917 г. союзники потеряли 540 тыс. т общего торгового тоннажа (одна лишь Великобритания утратила 313 тыс. т). В апреле эти цифры достигли соответственно 881 тыс. и 545,2 тыс. т. Но развить успех немцам не удалось. Уже через месяц, в мае 1917 г., трофеи Германии составляли лишь 596,6 тыс. т (англичане потеряли 352,2 тыс. т). В сентябре 1917 г. эти цифры составляли 351,7 тыс. и 196,2 тыс. т, а в первой половине 1918 г. ежемесячные общие потери союзников лишь иногда едва превышали 300 тыс. т. И это в то время, когда наращивалась транспортировка живой силы и вооружения из США в Европу. Таким образом, как и следовало ожидать, все угрозы немцев за считанные недели "поставить Англию на колени" оказались блефом.

Резкое сокращение потерь торгового и военного флота Антанты стало результатом серьезных комплексных мер, предпринятых союзниками в борьбе на море: это создание эффективного противолодочного оружия – глубинных мин и судов-ловушек, организация системы оповещения и наблюдения за передвижением субмарин и ряд других мер. Но особенно действенным оказалось внедрение системы охраняемых караванов на транспортных артериях, соединяющих Америку с Европой[241]. За все время войны немцы потеряли 178 подлодок[242].

Итоги битвы за моря в 1914–1918 гг. непосредственным образом сказались и на стратегии противников во второй мировой войне. Было решено окончательно отказаться от использования крупных надводных кораблей, и война на море, по сути, превратилась в борьбу с торговыми судами противников. С 1939 по 1945 г. не произошло ни одного более или менее крупного сражения между флотами противников, а самым эффективным боевым средством в еще большей степени проявили себя подводные лодки.

5. Кампания 1917 года

Стратегический план действий противоборствующих блоков на 1917 г. составлялся в сложной и противоречивой обстановке. Два с лишним года длившейся войны значительно ослабили экономику обеих коалиций. Хуже всего обстояло дело с экономическими, финансовыми и людскими ресурсами Четверного союза. В 1916 г. он понес огромные потери, утратил стратегическую инициативу. Людендорф так охарактеризовал возможности Германии в конце 1916 – начале 1917 г.: "Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным. О наступлении думать не приходилось, мы должны были держать резервы наготове для обороны. Нельзя было надеяться также на то, что какое-либо из государств Антанты выбудет из строя. Наше поражение казалось неизбежным в случае, если война затянется. К тому же основы нашей экономики не отвечали требованиям войны на истощение. Силы ...были подорваны"[243].

Военный перевес Антанты стал более значительным после вступления в апреле 1917 г. в войну на ее стороне США[244]. Состояние армий центральной коалиции было таково, что они не могли предпринять активных действий ни на Западе, ни на Востоке. Германское командование решило перейти в 1917 г. к стратегической обороне на всех сухопутных фронтах. В свою очередь Верховное командование Антанты намеревалось приступить к согласованным ударам на Западном и на Восточном фронтах, чтобы нанести окончательное поражение Германии и Австро-Венгрии.

Основные положения плана кампании 1917 г. были разработаны в ноябре 1916 г. в Шантийи на межсоюзнической конференции стран Антанты. Предусматривалось начать совместные и согласованные наступательные действия армиями всей коалиции в начале февраля с таким расчетом, чтобы придать кампании решающий характер. Участники конференции условились, что Западный фронт будет главным. В то же время важная роль отводилась наступлению российской армии на Восточном фронте. Оно было призвано сковать силы противника, не дать возможности перебросить их на Западный фронт и тем самым содействовать успеху операции союзников. Ллойд Джордж, ставший в декабре 1916 г. британским премьер-министром, единственный шанс на подлинный успех кампании 1917 г. усматривал в полном и эффективном сотрудничестве с Россией[245]. На конференции было решено также в течение зимы 1916/17 гг. провести частные наступательные операции с целью не допустить захвата противником стратегической инициативы[246].

Принятый на конференции план был заранее составлен в штабах союзнических армий и сводился в основном к борьбе на истощение, причем роль главного поставщика "пушечного мяса" отводилась России. Верховный главнокомандующий французской армии Жоффр, председательствовавший на конференции, старался избежать широкого обсуждения участниками подготовленного проекта плана. Представитель России Н.Н. Дессино докладывал в Ставку: "Все возражения и поправки принимались Жоффром крайне неохотно, и он тотчас переходил к следующим вопросам... Мое впечатление такое, что англичане и французы ведут свою отдельную линию, направленную на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом, стараясь все остальное свалить на наши плечи и считая,

что наши войска могут драться даже без всего необходимого. Они для нас не жертвуют ничем, а для себя требуют наших жертв и при том считают себя хозяевами положения"[247].

После конференции Ставка Верховного главнокомандующего русской армии довела до сведения главкомов Северным, Западным, Юго-Западным и Румынским фронтами ее результаты и предложила им подготовить свои соображения о плане предстоящего наступления. Такой план был составлен и 24 января 1917 г. утвержден Николаем II. Главный удар предстояло нанести Юго-Западному фронту силами 11-й и 7-й армий в общем направлении на Львов. Войскам Румынского фронта ставилась задача в ходе наступления занять Добруджу. На Северном и Западном фронтах должны были проводиться вспомогательные удары на участках по выбору главнокомандующих[248]. Но конкретные сроки выполнения этих задач не указывались ввиду неготовности войск, их слабой технической оснащенности.

Было очевидно, что срок общего наступления (февраль 1917 г.), определенный в Шантийи, не реален. Это, разумеется, беспокоило союзников. По инициативе британского правительства в январе–феврале 1917 г. в Петрограде состоялась новая конференция. Главное место в ее работе занимали планы дальнейшего ведения войны, проблемы объединения средств и сил стран Антанты, а также вопросы оказания материально-технической помощи российской армии. Участники конференции пришли к единому мнению, что "кампания 1917 г. должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения"[249].

Но невзирая на такое единодушие по вопросу о главных целях кампании, среди участников конференции возникли разногласия по поводу сроков наступательных действий. Генерал В.И. Гурко, временно исполнявший обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего, заявил, что "русские армии могут начать крупные наступления лишь к 1 мая"[250]. Это заявление вызвало недовольство со стороны французского командования. Оно требовало, "чтобы русский план операций, каков бы он ни был, отвечал *потребностям наших действий и обязательствам, принятым в Шантийи*, т.е. предполагал как можно раннее наступление, развиваемое максимальными средствами"[251]. Несмотря на сильный нажим со стороны французов, было решено провести наступление на всех фронтах между 1 апреля и 1 мая, причем последняя дата признавалась предельной[252].

Правительство России и Верховное командование, исходя из той роли, которую предстояло сыграть русской армии в кампании 1917 г., а также учитывая большую заинтересованность в ней западных союзников, стремились использовать эти обстоятельства в интересах обеспечения своих войск всем необходимым. В военном министерстве к началу конференции подсчитали потребности в вооружении на 1917 год. Они были огромны. Армия нуждалась почти в 35 тыс. орудий всех видов, из которых около 16 тыс. предполагалось получить из-за границы[253]. Требовалось большое количество самолетов, пулеметов, винтовок, снарядов и многое другое. Но уже в ходе работы конференции стало ясно, что представленные Россией заявки в требуемых размерах удовлетворены не будут. Они оказались урезанными почти втрое и составили всего 3,4 млн т вместо запланированных 10,5 млн т[254].

Петроградская конференция завершила работу 21 февраля 1917 г. А через две недели после отъезда союзнических делегаций в Петрограде началась революция. Верховное командование было вынуждено отложить на время подготовку к наступлению. Свержение царизма, демократизация армии, нежелание солдат воевать заставляли генералитет направить все силы на сохранение своей власти в войсках, на изоляцию фронта от революции. На состоявшемся 31 марта 1917 г. в Ставке совещании представителей центральных управлений военного министерства стал очевиден тот факт, что российская армия не сможет начать наступление во второй половине апреля. Участники совещания, учитывая упадок дисциплины в войсках, расстройство железнодорожного транспорта и продовольственного снабжения армии, неблагонадежность запасных частей и в связи с этим невозможность в ближайшее время отправить на фронт пополнения, считали необходимым отказаться от весеннего наступления российской армии и перейти к обороне. "Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо... – констатировало совещание. – Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантийи и Петрограде"[255].

Генерал Алексеев в письме военному министру А.И. Гучкову от 25 марта 1917 г. писал: "Мы приняли на этих конференциях известные обязательства, и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их. Сила обстоятельств приводит нас к выводу, что в ближайшие 4 месяца наши армии должны бы сидеть спокойно, не предпринимая решительной, широкого масштаба операции"[256]. 1 апреля Алексеев был назначен Верховным главнокомандующим русской армии.

Однако Временное правительство России, взяв курс на продолжение войны, настаивало на ускоренной подготовке и проведении наступления на фронте. Именно таким путем правительство надеялось решить крупные задачи во внешней и во внутренней политике. Вопрос о наступлении русской армии и для союзников России весной 1917 г. перестал быть только военно-стратегическим вопросом. Конечно, они по-прежнему требовали максимальной активизации русской армии для поддержки готовившегося в апреле 1917 г. наступления англо-французских войск на Западном фронте. Но правящие круги Антанты уже не ограничивались только этими целями. Февральская революция в России оказала значительное влияние на обострение в странах Антанты внутриполитической борьбы. Приготовления к крупным стратегическим операциям протекали в условиях роста революционного движения, усиления антивоенных настроений в армии и на фронте. Союзное командование полагало, что наступление на фронте должно было еще в большей степени стать наступлением на революцию. Глава американской специальной миссии в России Э. Рут в беседе с сотрудником "Нового времени" заявил, что победа на фронте и укрепление положения правительства – это две стороны единой задачи[257]. Аналогичные суждения высказывал и британский посол в Петрограде Бьюкенен. В своем отчете в Лондон за апрель 1917 г. он откровенно отмечал, что "чем скорее начнутся военные действия, тем лучше будет для внутреннего положения"[258]. Весной 1917 г. западные союзники стремились любой ценой сохранить союз с Россией и заставить ее

вести активные боевые действия, опасаясь, что появление пацифистских тенденций там после Февральской революции может стать гибельным для продолжения войны. При этом использовались различные средства давления на Временное правительство.

Так, в апреле в Ставку поступили два секретных сообщения из Берна от поверенного в делах России в Швейцарии. В первом из них сообщалось, что между правительствами Британии, Франции, Италии и Японии состоялся обмен мнениями о дальнейших действиях в случае неспособности русской армии осуществить крупную наступательную операцию. Предполагалось, что если Россия не сможет или не захочет организовать наступление, то Япония пошлет на европейский театр миллионную армию и будет вести войну до полного поражения Германии. За это Россия должна была уступить Японии Уссурийский край. В случае успеха этой комбинации, говорилось в сообщении, окончание войны ожидалось не позже осени 1917 г.[259] Во втором донесении сообщалось, что если Россия заключит сепаратный мир, то Япония нападет на Россию[260]. Насколько эти сообщения соответствовали действительности, сказать трудно. Но тот факт, что они были срочно, в строго секретном порядке направлены начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Деникиным всем командующим фронтами, свидетельствует, что эта информация не осталась без внимания.

Уже в начале весны 1917 г. Верховное командование русской армии было вынуждено поменять приоритеты при определении целей наступления, поставив на первое место политические мотивы. Главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко в телеграмме в Ставку от 5 апреля вполне определенно высказал свое мнение: “Мы обязаны оказать союзникам активную помощь, и только в этом случае мы можем требовать от них выполнения взятых на себя обязательств. Если же они увидят нашу неспособность к активным действиям, если они придут к сознанию, что наше государственное расстройство сделало армию и страну небоеспособными, то они будут считать себя свободными от принятых по отношению к нам обязательств”. В таком случае, прогнозировал Гурко, союзники легко смогут заключить выгодный для них сепаратный мир с немцами. При этом Германия вполне может быть удовлетворена за счет России, как в Европе, так и на Ближнем Востоке[261].

Гурко имел в виду поднятую в печати тему сговора Запада за счет России. В реальной действительности высказывания союзников о подобном исходе войны следует расценивать как одно из средств их воздействия на Верховное командование русской армии. Весной 1917 г. в Россию одна за другой стали прибывать делегации союзников. Члены союзных миссий полагали, что одно лишь сохранение российской армии на фронте заставит противника удерживать свои дивизии на Востоке, а это в свою очередь облегчит положение союзников на Западном фронте.

Тем временем в штабах союзников шла напряженная работа по непосредственной подготовке наступательной операции на Западном фронте. В основу плана наступления легли предложения главнокомандующего французскими армиями генерала Р.Ж. Нивеля. Стратегические задачи предстоящей операции он изложил в письме командующему британскими военными силами во Франции генералу Хейгу от 21 декабря 1916 г.: “В наступлении 1917 г. франко-английские армии должны стремиться к уничтожению

Эшелон британских танков по пути на фронт

главной массы неприятельских армий на Западном фронте. Этот результат может быть достигнут только при помощи решительного сражения, которое мы должны начать со значительным численным перевесом против всех сил, находящихся в распоряжении противника. Наша задача поэтому заключается в том, чтобы: связать, насколько возможно, самую важную часть сил противника, прорвать неприятельский фронт при таких условиях, чтобы немедленно использовать прорыв; уничтожить все наличные силы, которые противник может выставить против нас; использовать при помощи всех наших сил результаты этого решительного сражения"[262].

Предложенный Нивелем план предусматривал отвлекающими атаками британских и французских армий на участках Аррас–Бапом и между Соммой и Уазой сковать германские силы, а на реке Эне между Реймсом и Суассоном осуществить главный прорыв фронта. При развитии прорыва намечалось окружить войска противника, находившиеся в нуайонском выступе. На конференции западных союзников 26–27 февраля в Кале этот план был одобрен. В целях обеспечения полного единства командования, а также исходя из того, что важнейшей целью предстоящих военных операций являлось изгнание неприятеля с французской территории, общее руководство кампанией возлагалось на французского главнокомандующего[263].

Германское командование знало о готовящейся операции Антанты, но не имело сил для ее отражения. Оно отвело свои войска на заранее подготовленную и хорошо укрепленную линию Зигфрида. Отход немцев нарушил подготовку наступления союзников, заставив их произвести перегруппировку сил. Однако общая идея плана осталась без изменений. Основной удар, как и планировалось, наносился в общем направлении на Ирсон французскими войсками: 5-й и 6-й армиями, предназначенными для прорыва, и 10-й и 1-й – для развития успеха. Фронт прорыва составлял около 40 км. Уверенность Нивеля в успехе операции основывалась на значительном превосходстве в силах и средствах, привлекаемых к операции, и надежде на внезапность наступления. Для проведения операции привлекалось свыше 100 пехотных дивизий, 10 кавалерийских дивизий, около 1500 самолетов, а также

свыше 200 танков[264]. На направлении главного удара союзники сосредоточили 59 пехотных и 7 кавалерийских дивизий, свыше 5 тыс. орудий. Противостоявшие им войска располагали 27 пехотными дивизиями, около 2400 орудиями[265]. Превосходство в силах и в средствах имелось и на вспомогательном направлении. Предрекая успех намеченной операции, генерал Нивель, обращаясь к войскам, не раз заявлял: "Увидите, вы войдете в линию окопов бошей, как нож в масло"[266].

9 апреля началась наступательная операция англо-французских войск на вспомогательном, а 12 апреля – на обеспечивающем направлениях. Союзники добились лишь ограниченных успехов и были вынуждены втянуться в затяжные бои. Остановка наступления произошла из-за нарушения взаимодействия пехоты с артиллерией и танками. 16 апреля после девятидневной артиллерийской подготовки французские войска перешли в наступление на главном направлении. Однако артподготовка лишила наступавших внезапности. Немцы укрепили войска первой линии резервами и отвели в зону недосягаемости для вражеской артиллерии свои главные силы, оставив впереди себя укрепленные пулеметные точки. Французы, овладев вначале первой и частично второй позициями, затем попали под артиллерийский и пулеметный огонь противника и отошли. Их наступление то приостанавливалось, то возобновлялось с новой силой. Но наступавшие войска не смогли вырваться на оперативный простор. Бои велись на истощение противника. Попытки прорвать оборону германских войск не достигли цели и в последующие дни вплоть до окончания операции 5 мая. В ходе наступления союзники захватили небольшое пространство, не имевшее никакого стратегического значения.

Потери в период этой наступательной операции, получившей название "бойня Нивеля", были огромны. Французы потеряли убитыми и ранеными 180 тыс. человек, англичане – 160 тыс. человек. Потери германской армии составили 163 тыс. человек[267]. Неудачный выбор направления главного удара (в наиболее сильно укрепленных пунктах), потеря внезапности наступления, отсутствие взаимодействия между основными наступательными группировками предопределили провал наступления союзников на Западном фронте. Генерал Нивель был снят со своего поста. Новым главнокомандующим французской армии был назначен генерал Петен.

После этого союзники с еще большей настойчивостью стали добиваться от российского Верховного командования активизации военных действий на Восточном фронте. Оно же весной 1917 г. впервые за годы войны столкнулось с массовыми отказами солдат продолжать войну. Война становилась для них бессмысленным занятием. Огромные потери, неудачные боевые операции, нехватка вооружений и обмундирования привели к небывалому росту антивоенных выступлений в армии. Многочисленные случаи выступлений солдат на фронте против продолжения войны проявлялись в массовых братаниях с противником, в отказах выполнять приказы командиров и в дезертирстве. По подсчетам генерала Н.Н. Головина, число дезертиров из действующей армии с начала Февральской революции составило около 2 млн человек[268]. Солдаты отказывались выполнять приказы о перегруппировке войск и производить инженерные работы, связанные с подготовкой плацдармов для наступления. Нередки были случаи физической расправы с офицерами.

Британский летчик, сбитый немцами на севере Франции

Верховному командованию больше всего приходилось считаться именно с антивоенными настроениями при подготовке наступления. Прежде всего это касалось определения даты его начала. Участники проходившего в Ставке 14 мая 1917 г. совещания главнокомандующих фронтами, признавая необходимость наступления, тем не менее пришли к выводу, что в настоящее время армия не готова вести успешные боевые действия. Главнокомандующий Северным фронтом генерал А.М. Драгомиров заявил, что общее настроение армии – мир во что бы то ни стало[269]. По убеждению большинства участников совещания провести наступление в лучшем случае можно было бы лишь в июне 1917 г. При этом главнокомандующие фронтов исходили не только из неудовлетворительного морального состояния войск, но

также из недостаточной подготовленности армии в материальном отношении. В выступлениях отмечалось, что если бы в армии и сохранялся наступательный дух, то все равно недостаток продовольствия, фуража, конского состава исключил бы возможность наступления.

Генералы обоснованно связывали успех наступления исключительно с нравственным "оздоровлением" войск. 21 мая Алексеев направил правительству телеграмму, в которой говорил о необходимости немедленного восстановления военно-полевых судов, расформирования ненадежных частей, возвращения командирам дисциплинарной власти. "Только при такой постановке вопроса, – писал Верховный главнокомандующий, – возможно водворение в армии порядка и возвращение утраченной дисциплины. Увещания, воззвания действовать на массу не могут. Нужны власть, сила, принуждение, страх наказания... Развал внутренний достиг крайних пределов, дальше идти некуда. Войско стало грозным не врагу, а Отечеству"[270].

Временное правительство, соглашаясь с Верховным командованием в необходимости осуществления наступления, в то же время расходилось с ним относительно методов подготовки армии к этой акции. Сознание солдат "бомбардировалось" демагогическими заявлениями Временного правительства о необходимости защиты власти революционной демократии, войны до победного конца, об оборонительном и революционном характере войны. По мнению же генералов, общая установка Временного правительства уничтожала те устои, на которых всегда покоилась во всем мире способность армии к борьбе. Одними речами, как полагали военачальники, создать "*новую железную*" *дисциплину было невозможно.*

Резко негативную реакцию Верховного командования вызывала деятельность правительства по реформированию и реорганизации армии. Взрыв негодования у командного состава вызвала опубликованная 24 мая военным министром А.Ф. Керенским "Декларация прав военнослужащих". В нее были включены пункты, разрешавшие военнослужащим во внеслужебное время "свободно и открыто высказывать свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды". Отменялись все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего. Декларация явилась, по оценке большинства генералов, тем документом, который сыграл решающую роль в понижении боеспособности российской армии. Многие представители Верховного командования были убеждены в том, что именно политика правительства способствовала подрыву дисциплины в армии. В частности, Деникин, вскрывая причины разложения армии, на совещании в Ставке 29 июля отмечал: "Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Большевизм – это черви в гнойной ране армии. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени"[271].

На другом совещании в Ставке 14 мая был рассмотрен и вопрос об отношениях с союзниками. Те известили Ставку, что если в ближайшее время она не сумеет организовать наступление, то в дальнейшем Россия может остаться без поддержки со стороны союзных государств. Требуя наступления, союзники в то же время не выполняли свои обязательства перед Россией. Алексеев в выступлении на совещании отметил сокращение их и без того ограниченных военных поставок. Однако участники совещания пришли к решению осуществить наступательную операцию, видя в ней единственное средство "спасения"

А.Ф. Керенский (в центре) убеждает военнослужащих в необходимости наступления. Июнь 1917 г.

армии и России, восстановления ее пошатнувшегося авторитета у союзников, предотвращения их отхода от согласованной линии.

В войсках началась усиленная подготовка к наступлению, ставшему последним для русской армии в годы войны. 17 июня новый Верховный главнокомандующий генерал Брусилов отправил главнокомандующим фронтами телеграмму, в которой определялись следующие сроки наступления: для Юго-Западного фронта – 25 июня, Западного фронта – 5 июля, Северного и Румынского – 14 июля[272]. По плану Ставки, главный удар должны были нанести армии Юго-Западного фронта. В связи с этим главнокомандующий фронтом генерал А.Е. Гутор поставил перед армиями задачи: 11-й и 7-й армиям – прорвать фронт противника и развивать наступление на Львов; 8-й армии – наносить вспомогательный удар в направлении на Калуш, Болехов; Особой армии – сковать противника и не позволять ему перебрасывать войска в район главного удара[273]. На участках прорыва (около 70 км) создавалось превосходство над противником в пехоте почти в 3 и в артиллерии в 2 раза. Там было сосредоточено около 1300 орудий, 42 пехотные дивизии и 9 кавалерийских против 700 орудий и 22 дивизий противника[274].

Создав крупную группировку войск на Юго-Западном фронте, Ставка стремилась как можно быстрее начать активные действия. Тем не менее наступление было отложено на четыре дня в связи с тем, что находившийся в то время на Юго-Западном фронте военный министр Керенский решил объехать войска и поднять наступательный дух солдат. Несмотря на значительную концентрацию сил и средств и их превосходство над противником на участках прорыва, ни у Временного правительства, ни у союзников не было уверенности в успешном исходе наступления русской армии. Керенский, обобщая свои впечатления о моральном настроении солдат накануне начала операции, вынужден был заявить: “Ни в какой успех наступления не верю”.

Представитель британского командования в России генерал А. Нокс записал 1 июля в своем дневнике: "Успеха здесь не будет"[275].

Последующие события подтвердили эти опасения. Правда, в первые дни наступления – оно началось 29 июня мощной двухдневной артиллерийской подготовкой – российские войска добились некоторого тактического успеха. Так, 8-я армия (командующий – генерал Л.Г. Корнилов) за два дня боев прорвала оборону противника на всю тактическую глубину, захватив при этом 7,1 тыс. пленных и 48 орудий. В последующем, развивая успех, армия овладела городами Галич и Калуш. Но, не имея резервов для наращивания успеха и достаточного количества боеприпасов, войска 8-й армии вынуждены были приостановить свое продвижение. За 12 дней боев войска Юго-Западного фронта взяли в плен свыше 800 офицеров и около 36 тыс. солдат противника, захватили около 127 орудий и минометов, 403 пулемета.

Пользуясь пассивностью англо-французских войск, германское командование перебросило с запада на восток 13 германских и 3 австро-венгерские дивизии, т.е. почти удвоило свои войска. 19 июля австрийцы перешли в контрнаступление, нанося главный удар вдоль железной дороги Львов–Тарнополь. Российские войска почти не оказывали противнику сопротивления, массами снимались с позиций и уходили в тыл. Искусственно созданный наступательный порыв солдат сменился осознанием бессмысленности наступления. Отход войск Юго-Западного фронта прекратился лишь к 28 июля на рубеже Броды–Збараж–река Збруч, т.е. значительно восточней той линии, которую они занимали до начала наступления. Удары российских войск на других фронтах – 5-й армии на Северном фронте и 10-й на Западном – успеха не имели. Наступление российских и румынских войск на Румынском фронте, начавшееся 20 июля, развивалось успешно, но из-за неудач на других фронтах было приостановлено спустя 5 дней.

Румынские войска одни продолжили выполнение операции. 2-я румынская армия под командованием генерала А. Авереску наступала в зоне местности Мэрэшть, которую противник был вынужден оставить с тяжелыми для себя потерями. То, что успех, достигнутый у Мэрэшть, не был использован, явилось результатом положения, создавшегося вследствие отвода российских армий из Галиции и северной Буковины. В результате румынское наступление приостановилось, и был произведен отвод отдельных частей. Воспользовавшись передышкой, неприятель начал новое наступление с целью занять Молдавию и юг Украины. План немецкого наступления предусматривал продвижение двух армий вдоль рек Сирет и Тротуш по направлению к Аджуду. Там огромные клещи должны были сомкнуться, обхватив 2-ю румынскую и 4-ю российскую армии. Этот план стал источником двух крупных сражений – под Мэрэшешть (6–19 августа) и у Ойтуза (8–28 августа). 22 августа наступление австро-германских войск было остановлено, при этом они добились лишь тактического успеха[276].

Потери российской армии с 1 июля по 3 августа только на Юго-Западном фронте составили 132,5 тыс. человек. Общая численность потерь на всех фронтах превысила 150 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Однако наступление российских войск явилось серьезным испытанием для Германии. Людендорф в мемуарах так оценивал ситуацию на фронте летом 1917 г.: "Когда теперь я мысленно прикраиваю русские июльские успехи на апрель или май (время наступления англо-французских войск

на западе. – *Авт.*), то я с трудом себе представляю, как бы Верховное командование вышло из создавшегося положения"[277]. Людендорф четко указывал на одну из главных причин рокового провала вооруженных сил новой России: летнее наступление русской армии не получило развития из-за отсутствия поддержки со стороны союзников. Сказывалось также слабое взаимодействие между русскими фронтами и плохое управление войсками вообще, а также недостаток материально-технических средств и людских резервов. Но самой главной причиной провала наступления явилось нежелание солдат продолжать войну. Российская армия была полностью деморализована. А русские штабисты мечтали... о германском контрнаступлении: может быть, тогда войска вспомнят, что существует Отечество, которое нужно защищать. Оно вскоре последовало.

В начале сентября немцы предприняли наступление на севере и заняли Ригу. Одни части российской армии сражались (особенно упорно – полки латышских стрелков), другие показывали спину при первом же натиске. Прямая угроза нависла над Петроградом.

Итальянское командование в мае–октябре 1917 г. осуществило серию операций, вошедших в историю как 10-е и 11-е сражения на Изонцо. В ходе последнего разгорелось одно из самых кровопролитных сражений на австро-итальянском фронте за горное плато Байнзицца и Монте-Санто, в районе Карсо, благодаря чему итальянские соединения оказались вблизи Триеста.

Германское и австро-венгерское командования начали подготовку к встречному наступлению с целью нанести поражение итальянской армии и вывести Италию из войны. Стратегический план кампании, вошедшей в историю под названием "битвы за Капоретто", заключался в нанесении массированного удара по сравнительно небольшому участку слабоукрепленных позиций итальянских сил в среднем течении реки Изонцо – между Плеццо и Тольмино, с тем, чтобы прорваться в долину Венето, открывавшую путь к жизненно важным центрам Италии и осуществить неудавшуюся в 1916 г. попытку расчленения итальянских армий и их сокрушения. Ударная группа состояла из 8 австрийских и 7 германских дивизий (168 батальонов), вошедших в состав 15-й армии под командованием имевшего немалый боевой опыт германского генерала О. фон Белова. Их действия должны были поддержать 10-я австрийская армия генерала А. Кробатина, дислоцированная в Карнийских Альпах, и 2-я Изонцская армия военной группировки генерала С. Бороевича при возможном расширении наступательных операций и другими силами в случае благоприятного поворота событий[278].

Несмотря на надежные разведданные о сосредоточении австрийских и германских войск итальянское командование, прежде всего сам генерал Кадорна, недооценили масштабы готовившейся операции, грубо ошиблись в определении района наступательных действий. Они полагали, что операции в районе Изонцо имеют целью демонстративный эффект в целях отвлечения внимания от действий в районе Трентино. Это повлекло за собой следующую ошибку – в размещении резервов командования. Немалую ответственность за дезорганизацию оборонительных действий нес генерал Л. Капелло, командовавший 2-й армией. Он сделал ставку на ответный контрнаступательный маневр. Предстоявшие испытания не были доведены до сведения офицерского состава и солдат. В результате 24 октября 1917 г. после длительного и интен-

сивного артиллерийского обстрела австрийские и германские штурмовые отряды ворвались в первую, а кое-где и во вторую линию обороны итальянских войск, положив начало прорыву линии фронта в запланированном 60-километровом участке в районе Плеццо –Тольмино. Вопреки распоряжениям Кадорны к моменту начала австро-германского наступления войска не были отведены на правый берег Изонцо. Прижатые к реке, они понесли тяжелые потери убитыми, ранеными и пленными. Сильный удар пришелся по частям 4-го и 27-го корпусов 2-й армии.

Уже к концу первого дня наступления австрийцы и германцы заняли важный стратегический пункт Капоретто, оттеснили итальянские части с завоеванного большой кровью плато Байнзицца, окружив и разгромив некоторые из них. 25–26 октября в ходе успешного наступления австро-германские силы очистили восточный берег Изонцо, вынудили итальянцев отступить к реке Тальяменто, открывавшей дорогу к равнине, овладели стратегической вершиной Монте Маджоре и впервые с начала военных действий перенесли их на территорию Италии. Началось сначала более или менее организованное, а затем все более паническое и стихийное отступление тысячных масс солдат, отягченных лошадьми, обозами, бросавших зачастую пушки и винтовки. Более организованно, а порою с упорными боями отступали по распоряжению Кадорны силы 4-й армии с Кадорских Альп, 1-й и 3-й армий из Трентино и Карнийских Альп. Им не удалось закрепиться в долине Тальяменто. Фронт стабилизировался много западнее, у реки Пьяве.

В начале ноября темпы австро-германского наступления стали замедляться. Некоторые итальянские части героически вели арьергардные бои, выигрывая время для отступления основной массы войск и беженцев, уничтожая мосты и переправы, склады с боеприпасами. Австрийская же армия не располагала достаточным количеством подвижных частей для преследования противника. Для оказания помощи союзнику, оказавшемуся в чрезвычайной ситуации, до конца года в Италию прибыли пять британских и шесть французских дивизий. Они приняли участие в восстановлении линии фронта и в налаживании обороны. Благодаря чрезвычайным мерам, итальянским войскам удалось закрепиться на рубежах Пьяве и в районе горного массива Граппа между Пьяве и Бренто. Ценой жестких дисциплинарных мер и расстрела дезертиров и самовольно отступавших удалось восстановить боеспособность армий и произвести пополнение ослабленных потерями частей, сформировать силы резерва.

9 ноября 1917 г. по настоянию правительства и союзников Кадорна был снят со своего поста. Его заменил в качестве главнокомандующего генерал А. Диац. Были приняты лихорадочные усилия для национального сплочения в условиях грозной опасности и мобилизации всех людских и материальных ресурсов во имя изменения сложившейся на фронте ситуации. Сражение у Капоретто на протяжении ноября–декабря перешло в фазу кровопролитных боев оборонительного характера против миллионной армии противника. Потери Италии в ходе сражения составили 280 тыс. пленными, 11 тыс. убитыми, 429 тыс. ранеными, более 350 тыс. покинувшими воинские части[279]. Было сдано противнику до 14 тыс. кв. км территории и сведены на нет результаты кровопролитных сражений 1915–1917 гг.

В итальянской историографии, равно как в межвоенных исследованиях французских и других историков, получил хождение тезис об "антивоенной

забастовке" итальянской армии. У его истоков стоял Кадорна, который еще до начала наступления отправлял тревожные донесения правительству о росте антивоенных настроений в армии, возлагая всю ответственность за это на подрывную пропаганду социалистов и пацифистов разного рода, но не признавая меры ответственности военного командования и своей персональной вины. В развитие этого тезиса в адрес итальянской армии было брошено обвинение в низкой боеспособности. Однако ни ход военных действий 1915–1917 гг., ни провал главной стратегической цели австро-германского наступления в октябре–декабре 1917 г. не подтверждают такого категоричного вывода. В отличие от вышедших из войны Черногории, России и Румынии Италия до последнего дня войны выполняла свой союзнический долг и явилась основной державой, военные силы которой обеспечили на завершающем этапе войны разгром австро-венгерской армии и капитуляцию Австро-Венгрии.

План кампании 1917 г. на Балканах, намеченный Антантой в ноябре 1916 г. в Шантийи, предусматривал решительное наступление в целях разгрома Болгарии при содействии российско-румынских армий. Однако неудачный для Антанты исход кампании 1916 г. в Румынии привел к изменению задач Салоникского фронта. 11 декабря Жоффр отозвал свою директиву Саррайлю от 17 ноября 1916 г., предусматривавшую подготовку наступления в Македонии. Согласно новым инструкциям войска союзников должны были организовать упорную оборону, сковать силы противника и приобрести положение, которое могло бы послужить им базой для позднейших наступательных действий тогда, когда российско-румынские силы будут в состоянии наступать. Германское командование также решило перейти на балканском театре к обороне, улучшая свои позиции и тыловые пути сообщения[280].

В январе 1917 г. на состоявшейся в Риме межсоюзнической конференции делегации Италии и Британии отказались направить новые войска на Балканы, на чем настаивали французы. Более того, английские и итальянские военачальники предложили оставить Битоль, занятый противником в ноябре 1916 г., в его руках, чтобы сократить линию Салоникского фронта. По их мнению, это должно было облегчить организацию обороны. Конференция не согласилась с такой постановкой вопроса, поскольку она не учитывала неблагоприятных политических последствий такого шага[281]. Полномочия Саррайля, хотя формально и были расширены, по-прежнему ограничивались властью, которую имели правительства отдельных союзных государств над своими контингентами на Салоникском фронте[282]. В феврале 1917 г. Антанта имела здесь 23 пехотные дивизии.

Наступление союзников, силы которых составляли 660 тыс. человек (240 тыс. англичан, 200 тыс. французов, 130 тыс. сербов, 50 тыс. итальянцев, 23 тыс. греков и 17 тыс. россиян)[283], началось 24 апреля. После трехдневной артподготовки, в ходе которой по противнику было выпущено более 100 тыс. снарядов, англичане перешли в наступление в районе Дойранского озера, но вследствие болгарских контратак оставили занятые позиции, потеряв около 3 тыс. человек. Столь же безрезультатным было их второе наступление 8 мая. Французские, итальянские и российские войска вели наступление в долине реки Черна и, потеряв почти 4 тыс. человек, также не добились успеха[284]. На участке фронта, занятом сербскими подразделениями, в основном

дело ограничилось артиллерийской перестрелкой, если не считать локального успеха Шумадийской дивизии в районе Добро поле.

В связи с общей неблагоприятной обстановкой на других фронтах операции на Салоникском фронте были приостановлены 23 мая. За время боев союзники потеряли до 20 тыс. человек. Неудача наступления Антанты на Балканах объяснялась отчасти недостаточным снабжением войск техникой и особенно тяжелой артиллерией. Имели значение вспышки революционных выступлений в некоторых французских частях Салоникского фронта[285]. Сковывала действия союзников и сложная внутриполитическая ситуация в Греции. Саррайлю приходилось отвлекать часть сил для оказания помощи сторонникам Антанты, выступавшим против прогерманского курса короля Константина.

До конца 1917 г. линия фронта на Балканах оставалась почти без изменений. Лишь в начале сентября французы осуществили удачную операцию в Албании, подготовленную в строжайшей секретности. 10 сентября они заняли Поградец. Наступление могло получить успешное развитие, но итальянцы, обеспокоенные успехами французских войск в зоне, которую они считали исключительно своей сферой политического влияния, настояли на прекращении операции. Тем временем немцы и болгары усилили этот участок фронта, и позднейшие атаки французов уже завершались без успеха[286].

Общая военно-стратегическая ситуация на фронтах, не очень благоприятная для Антанты к концу 1917 г., снова реанимировала вопрос о полной ликвидации Салоникского фронта и использовании находившихся там контингентов со всем вооружением на других театрах боевых действий. На этом особенно настаивали англичане. Не дожидаясь согласия других союзных правительств, во второй половине года они сняли две с половиной дивизии с Салоникского фронта и перебросили их на Ближний Восток[287].

14 декабря 1917 г. Саррайля на посту командующего группой восточных армий сменил генерал А. Гийома. По решению Высшего военного совета Антанты Салоникскому фронту предписывалось направить усилия на укрепление обороны, не прекращая, однако, подготовки к возможному наступлению. Были приняты меры по повышению дисциплины и боевой готовности войск, реорганизована тыловая служба, создан общесоюзный штаб главнокомандующего. В целом Салоникский фронт в кампании 1917 г. играл пассивную роль.

На Кавказском фронте также стояло позиционное затишье. На всех участках фронта от Черного моря до озера Ван происходили лишь бои местного значения. Подвоз продовольствия, фуража и дров был сильно затруднен. Войска сторон голодали. За зиму произошел большой падеж лошадей. К началу 1917 г. из рядов русской Кавказской армии убыло заболевшими и умершими от ран и болезней свыше 100 тыс. человек[288]. Такова была цена небывало снежной и суровой зимы в горах.

Благодаря активным санитарным мероприятиям удалось вернуть в строй большинство солдат, заболевших тифом и цингой. Никакие пополнения (а в условиях первой мировой войны для Кавказа они не были и не могли быть значительными) не компенсировали такую огромную убыль в людях. Более того, Кавказский фронт пополнялся преимущественно за счет призывников из Туркестанского военного округа, мобилизационнные возможности которого были крайне ограниченны, поскольку местные народы

Туркестана в армию не призывались[289]. В силу этого русское командование на кампанию 1917 г. спланировало наступательные действия лишь силами экспедиционнного кавалерийского корпуса генерала Баратова с иранской территории в направлении на Мосул и Месопотамию для оказания помощи британцам, наступавшим на Багдад. На всех других участках Кавказского фронта планировалось только ведение активной обороны.

Англичане к началу года создали на юге Месопотамии 48-тысячную армию (состоявшую из двух индийских корпусов), которой противостояла 6-я турецкая армия, державшая оборону по обеим берегам реки Тигр. Но эта армия была сильно ослаблена, поскольку один из ее корпусов находился в Иране, где действовал против корпуса Баратова в районе Хамадана[290]. В начале года британцы завязали бои у Кут-эль-Амары, которые продолжались 45 дней. Турки (18-й армейский корпус) были выбиты с занимаемых позиций и отброшены к Багдаду, который англичане заняли 10–11 марта. Турецкие войска, испытывая большую нехватку боеприпасов, отходили с боями на север, к Мосулу.

Экспедиционный корпус Баратова перешел в наступление в середине марта. Он овладел Хамаданом и вскоре занял весь район города Керманшаха. Противостоявший ему 13-й турецкий корпус, оказывая сопротивление, отходил. После занятия Ханекина высланная вперед кубанская казачья сотня вошла в непосредственную связь с британскими войсками. Со штабом британского главнокомандующего в Месопотамии генерал-лейтенанта Ф. Мода была установлена радиосвязь. Однако русскому кавалерийскому корпусу вскоре пришлось вновь отойти из низин приграничья в горы. Нездоровый тропический климат Месопотамии привел к повальным заболеваниям малярией. Некоторые полки и части корпуса стали походить на сплошные лазареты. Корпусная конница потеряла много лошадей.

По просьбе англичан войска левого фланга Кавказского фронта оказали давление на фланг и тылы 6-й турецкой армии, перейдя в наступление на Пенджвинском направлении, в ходе которого 7-й Кавказский корпус, сломив сопротивление противостоявшего ему противника, вышел к городу Пенджвину. Это позволило англичанам успешно завершить Багдадскую наступательную операцию.

В начале апреля российские и британские войска вышли к реке Дияла и приостановили преследование турецких сил. К тому времени преимущество союзников над неприятельскими 2-й, 3-й и 6-й армиями, чей личный состав был деморализован постоянными поражениями, было велико. Эти армии насчитывали почти 100 тыс. человек при 356 пулеметах и 408 орудиях. Войска русского Кавказского фронта имели немногим более 200 тыс. человек, 1057 пулеметов, 591 орудие[291]. Однако союзники имели растянутые коммуникации, которые приходилось охранять от неприятельской племенной иррегулярной конницы немалыми силами.

Выйдя на рубеж реки Дияла, британское командование стало наращивать свои силы в Месопотамии для нового наступления. Пополнения прибывали, прежде всего, из Индии. В апреле 1917 г. под командованием Мода насчитывались уже 1 английская и 4 индийские дивизии (более 60 тыс. человек при 205 орудиях). На охране тыла британской армии, помимо того, находилось около 18 тыс. человек при 39 орудиях[292].

Союзники решили, по предложению начальника британского Генерального штаба В. Робертсона, провести на ближневосточном театре военных действий совместную наступательную операцию. Однако наступление русских 7-го Кавказского и 1-го Кавказского кавалерийского корпусов на Мосул и Киркук на севере Месопотамии британцы не поддержали и не оказали никакого содействия. Российским войскам пришлось прекратить наступление в горных районах и вернуться на исходные уже обустроенные позиции.

Англичане начали наступление в Месопотамии на север от Багдада не в июне, как планировалось, а только в сентябре. К тому времени 6-я турецкая армия сильно поредела, лишившись многих курдских племенных вооруженных формирований. Под давлением британских войск она отступила в Мосульский вилайет. Войти в него британское командование без содействия российских войск не решилось. Ожидая контрнаступления турок, англичане вновь обратились к главнокомандующему Кавказским фронтом генералу Юденичу с предложением провести новую наступательную операцию, на сей раз совместную. При этом союзники обещали российской стороне снабдить ее войска провиантом за свой счет и представить им грузовые автомобили. После переговоров Мосульскую операцию отложили на весну 1918 г.

Военные действия в Палестине тоже не отличались активностью. Подступы к ней прикрывались городом Газа. Весной англичане предприняли две безуспешные атаки на позиции турецких войск близ Газы. Понеся большие потери, нападавшие отошли к зоне Суэцкого канала. После получения подкреплений они смогли возобновить активные действия только в октябре. К тому времени воюющие стороны смогли значительно увеличить свои силы на Палестинском фронте. Турки образовали здесь две небольшие по численности армии: около 50 тыс. штыков и сабель при 308 орудиях. Ими командовал Лиман фон Сандерс. Британские войска состояли из 7 пехотных дивизий и конного (верблюжьего) корпуса. В их состав входило 70–80 штыков, 15 тыс. сабель, 350 орудий. В британскую Палестинскую армию включились подразделения французов[293].

Не добившись успеха у Газы, британский главнокомандующий в Египте и Палестине генерал Э. Алленби решил при подготовке нового наступления нанести главный удар у Беершебы (Бир-Себы). Наступление началось в ночь на 31 октября после сильной артиллерийской подготовки. Командование противника было обмануто ложным движением англичан на Газу. 1 ноября турки оставили позиции у Беершебы. Британская конница по пустыне обошла левый фланг противника и перерезала ему дорогу на город Хеврон. Маневренный верблюжий корпус (называемый еще корпусом всадников пустыни) лишил турок источников питьевой воды. Этот удар решил исход всей компании. Войну в пустыне турки полностью проиграли англичанам. 6 ноября британские войска разрушили турецкий фронт от берегов Средиземного моря до Мертвого моря[294]. Отступление турок и их преследование велось в условиях пустынной местности. Верблюжий корпус действовал успешно, постоянно перерезая отходившим на север турецким войскам удобные дороги.

После первого успеха англичане нанесли удар по Газе, которой овладели 6 ноября. 17 ноября британские войска заняли Яффу. Затем Алленби неожиданно для противника повернул свои войска на восток от прямой дороги в Сирию – на Иерусалим, который ему было приказано взять до

Рождества Христова. Священный для христианского мира город был занят без боя 9 декабря. Выдвинувшись к Рафату и Иерихону, британцы на девять месяцев приостановили дальнейшее наступление. Утомленность войск, начавшиеся дожди и бездорожье заставили Алленби прекратить активные действия. Но дело было сделано. Палестина теперь находилась в руках англичан, и они стояли на границе с Сирией.

Боевые действия на Ближнем Востоке в четвертой военной кампании не оказали слишком заметного влияния на общий ход первой мировой войны. Все же союзникам удалось в Месопотамии и Палестине продвинуться вперед к границам собственно Турции. Однако до поражения последней и ее и выхода из войны было еще далеко.

1 *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I. С. 195, 196.

2 *Залесский К.А.* Первая мировая война. Правители и военачальники. М., 2000. С. 8.

3 Военно-инженерный зарубежник. 1922. № 6. С. 21.

4 *Ребольд Ж.* Крепостная война в 1914–1918 гг. М.,1938. С. 26.

5 Военно-инженерный зарубежник. 1922. № 6. С. 21.

6 История первой мировой войны 1914–1918 / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 1. С. 276.

7 *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964. С. 49.

8 *Новицкий В.Ф.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. I. С. 136.

9 *Жоффр Ж.* Подготовка войны и ведение операций. М., 1923. С. 13.

10 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 278.

11 *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 50–51.

12 *Строков А.А.* История военного искусства. М., 1967. С. 290.

13 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 52, 53.

14 *Жоффр Ж.* Указ. соч. С. 18.

15 Там же. С. 17.

16 *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 279–280.

17 *Галактионов М.Р.* Темпы операций. М., 1936. Ч. I. С. 34.

18 *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 57.

19 *Жоффр Ж.* Указ. соч. С. 50.

20 *Лиддель-Гарт Б.* Правда о войне 1914–1918 гг. М.,1935. С. 80.

21 *Грассэ А.* Сент-Гондские бои (5–10 сентября 1914 г.) М., 1939. С. 69, 78, 100.

22 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 297.

23 *Милковский А.И.* Автомобильные перевозки по опыту Западного фронта империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1934. С. 7–8.

24 *Таленский Н.А.* Первая мировая война (1914–1918 гг.): Боевые действия на суше и на море. М., 1944. С. 28.

25 *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 11.

26 *Таленский Н.А.* Указ. соч. С. 31–32.

27 *Фош Ф.* Воспоминания (война 1914–1918 гг.) М., 1939. С. 124.

28 *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 64.

29 *Фош Ф.* Указ. соч. С. 186.

30 *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 46.

31 *Фрунзе М.В.* Избр. произв. М., 1965. С. 69.

32 Восточно-Прусская операция: Сб. документов. М., 1939. С. 86.

[33] Там же. С. 146–147, 157–158.
[34] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 388–389.
[35] *Храмов Ф.А.* Восточно-Прусская операция 1914 г. М., 1940. С. 14.
[36] *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 123.
[37] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. I. С. 43.
[38] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 69.
[39] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 323.
[40] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 125.
[41] *Золотарев В.А.* Уроки прибалтийской драмы // Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998 (далее – Пролог...). С. 573.
[42] *Фош Ф.* Указ. соч. С. 186.
[43] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. 1. С. 133.
[44] *Меликов В.А.* Стратегическое развертывание. 2-е изд. М., 1939. Т. 1. С. 261.
[45] *Зайончковский А.М.* Мировая война: Маневренный период 1914–1915 гг. на русском (европейском) театре. М.; Л., 1929. С. 90.
[46] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 90.
[47] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 76.
[48] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 146.
[49] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 1. С. 347.
[50] *Коленковский А.К.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 263–264.
[51] Варшавско-Ивангородская операция: Сб. документов. М., 1939. С. 38.
[52] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 31.
[53] Варшавско-Ивангородская операция. С. 33.
[54] *Людендорф Э. Указ. соч. С. 78.*
[55] Лодзинская операция: Сб. документов. М.; Л., 1936. С. 57–59.
[56] Там же. С. 328.
[57] Цит. по: *Золотарев В.А.* Указ. соч. С. 573–574.
[58] *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 41.
[59] Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., 1958. С. 466.
[60] *Исаков И.С.* Операция японцев против Циндао в 1914 г. 3-е изд. М.; Л.,1941. С. 49–50, 52, 71, 74, 110, 114, 124, 128–129.
[61] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 302.
[62] Там же. С. 303.
[63] *Шишов А.В.* Кавказский фронт // Пролог... С. 578.
[64] Там же. С. 580; *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 123. О прорыве “Гебена” и “Бреслау” в Черноморские проливы см. подробнее в § 1 главы IV данной книги.
[65] *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте: Оперативно-стратегический очерк. М., 1946. С. 5.
[66] Там же. С. 23.
[67] Там же. С. 22.
[68] *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 580.
[69] Там же.
[70] *Корсун Н.Г.* Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 гг. 2-е изд. М., 1941. С. 132.
[71] *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.: Стратегический очерк. Париж, 1933. С. 126.
[72] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 143.
[73] *Золотарев В.А.* Указ. соч. С. 577.
[74] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934–1938. Т. I–VI. М., 1934. Т. I–II. С. 327.

[75] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 3. С. 38–41.
[76] *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 264–265.
[77] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 60.
[78] Там же.
[79] *Данилов Ю.Н.* Россия в мировой войне. Берлин, 1924. С. 291.
[80] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 109.
[81] В германской литературе она называется "зимним сражением в Мазурии", в советской литературе 20–30-х годов именуется "зимней операцией в Восточной Пруссии".
[82] *Коленковский А.К.* Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. М.; Л., 1927. С. 36–46.
[83] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 64.
[84] *Зайончковский А.М.* Мировая война: Маневренный период 1914–1915 гг. на русском (европейском) театре. С. 256.
[85] Там же. С. 245.
[86] *Бонч-Бруевич М.Д.* Потеря нами Галиции в 1915 г. М., 1920. Ч. 1. С. 55.
[87] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 81.
[88] Горлицкая операция: Сб. документов. М., 1941. С. 12.
[89] *Гордеев Ю.Н.* Построение и ведение обороны русскими армейскими корпусами в первой мировой войне 1914–1918 гг. М., 1939. С. 24–25.
[90] Горлицкая операция. С. 376.
[91] Там же. С. 360–366.
[92] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 118–119.
[93] *Корольков Г.* Несбывшиеся Канны. М., 1926. С. 28.
[94] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 255.
[95] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 120.
[96] Там же. С. 121.
[97] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 264.
[98] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 4. С. 98–100.
[99] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 162.
[100] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. М., 1975. Т. 2. С. 50–51.
[101] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 273–274.
[102] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 132.
[103] См.: История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 52–53.
[104] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 132–133.
[105] *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 282.
[106] Там же. С. 328.
[107] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. I–II. С. 317.
[108] *Де-Лазари А.Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1935. С. 15–18.
[109] Там же. С. 19.
[110] *Фрайс А., Вест К.* Химическая война. М., 1924. С. 21.
[111] *Ганслиан Р., Бергендорф Ф.* Химическое нападение и оборона. М.,1925. С. 67.
[112] *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. 2-е изд. М., 1938. С. 48–50.
[113] О присоединении Италии к антантовской коалиции см. подробнее в § 2 главы IV данной книги.
[114] *Виллари Л.* Война на Итальянском фронте 1915–1918 гг. М., 1936. С. 41–44.
[115] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 49–50.
[116] Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., б.г. Т. 46. С. 66.
[117] *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. С. 335.

[118] О присоединении Болгарии к блоку Центральных держав см. подробнее в § 2 главы IV данной книги.
[119] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 139.
[120] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 137.
[121] Там же.
[122] *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1939. С. 39–42.
[123] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 86.
[124] *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 173–174.
[125] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 140.
[126] *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. М., 1940. С. 13, 27.
[127] *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 582.
[128] *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны. М.,1966. С. 78.
[129] *Лазарев М.С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914–1918 гг.). М.,1960. С. 62.
[130] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 136.
[131] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 274–275.
[132] *Сидоров А.Л.* Миссия в Англию и Францию по вопросам снабжения России предметами вооружения // Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. V. С. 351–386.
[133] Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.: Сб. документов. М., 1950. С. 47.
[134] *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Указ. соч. С. 154.
[135] *Шигалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 91–92.
[136] *Ребуль.* Военные производства во Франции в 1914–1918 гг. М.; Л., 1926. С. 40, 43–44.
[137] Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 40–41.
[138] *Ребуль.* Указ. соч. С. 86.
[139] История СССР. М., 1968. Т. VI. С. 575.
[140] Интендантский журнал. 1916. № 12. С. 54–55.
[141] *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. М., 1937. С. 404.
[142] Мировая война в цифрах. С. 13–14.
[143] Там же.
[144] Там же. С. 17.
[145] *Валентинов Н.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. М., 1920. Ч. I. С. 106.
[146] Там же. С. 94.
[147] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 148.
[148] *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 111.
[149] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 200.
[150] *Попов В.Т.* Бои за Верден. М., 1939. С. 7.
[151] *Кузнецов Б.И.* Кампания 1916 г. на фронтах первой мировой войны. М., 1941. С. 33.
[152] В исторической литературе фигурируют различные цифры при определении численности германской артиллерии под Верденом. Приведенные здесь данные *взяты из материалов Рейхсархива. См.: История первой мировой войны* 1914–1918. Т. 2. С. 154.
[153] *Петэн А.* Оборона Вердена. М., 1937. С. 14.
[154] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. М.; Л., 1936. Кн. II. С. 224, 240.
[155] *Петэн А.* Указ. соч. С. 23.
[156] *Кузнецов Б.И.* Указ. соч. С. 41.
[157] *Петэн А.* Указ. соч. С. 38.

[158] *Колэн Х.* Высота 304 и Морт-Омм. М., 1936. С. 77.
[159] *Фалькенгайн Э.* Указ. соч. С. 244.
[160] *Карбышев Д.М.* Уроки Вердена // Техника и вооружение. 1938. № 3. С. 37.
[161] *Смирнов П.С.* Прорыв укрепленной полосы. М., 1941. С. 45.
[162] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 166.
[163] *Фош Ф.* Указ. соч. С. 204–205.
[164] *Гаскуэн Ф.* Эволюция артиллерии во время мировой войны. М., 1921. С. 83.
[165] *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 2. С. 72.
[166] *Митчель Ф.* Танки на войне. М., 1936. С. 23–24.
[167] *Смирнов П.С.* Указ. соч. С. 79.
[168] *Виллари Л.* Указ. соч. С. 78.
[169] Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 56.
[170] Там же. С. 45.
[171] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 290.
[172] Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 82.
[173] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 216.
[174] Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 114–115.
[175] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 82.
[176] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 319.
[177] Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. С. 291.
[178] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 83.
[179] Там же. С. 239–240.
[180] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 182.
[181] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 241.
[182] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 5. С. 73, 108.
[183] *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв как объект мифологии // Пролог... С. 634.
[184] Там же.
[185] *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 248.
[186] О дипломатической предыстории вступления Румынии в войну см. подробнее в главе IV данной книги.
[187] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 251.
[188] *Ростунов И.И.* Указ. соч. С. 326.
[189] *Kiriţescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României 1916–1919. Bucureşti, 1989. Vol. I. P. 573.
[190] *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. С. 75–76.
[191] Первая мировая война в жизнеописаниях военачальников / Сост. Р.М. Португальский, П.Д. Алексеев, В.А. Рунов. М., 1994. С. 229.
[192] *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 583.
[193] *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. С. 77.
[194] *Лудшувейт Е.Ф.* Указ. соч. С. 90.
[195] *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. С. 69.
[196] *Готовцев А.И.* Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914–1918 гг. М., 1941. С. 87.
[197] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 242.
[198] Там же. С. 195.
[199] *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 2. С. 101.
[200] *Шацилло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 22.
[201] *Вильсон Х.* Морские операции в первой мировой войне. М., 1935. С. 16.
[202] *Гроос О.* Война на море 1914–1918 гг. Пг., 1921. Т. 1. С. 216.
[203] *Helfferich K.* Der Weltkrieg. B., 1919. Bd. 2. S. 300.
[204] *Вильсон Х.* Указ. соч. С. 16.

[205] *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957. С. 168.
[206] *Bauer H.* Als Führer der U-Boote im Weltkriege. Leipzig, 1943. S. 145.
[207] *Christof H.* Deutsch-amerikanische Entfremdung. Studien zu den deutsch-amerikanischen Beziehungen von 1913 bis zum Mai 1916. Würzburg, 1975. S. 125.
[208] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1915. Supplement. Wash., 1928. P.127–128, 138.
[209] *Birnbaum K.* Peace Moves and U-Boat Warfare. A Study of Imperial Germany's Policy toward the United States. April 18, 1916 – January 9, 1917. Stockholm, 1958. P. 24.
[210] Ibid. P. 25; *Spindler A.* Der Handelskrieg mit U-Booten. B., 1932. P. 83, 145.
[211] Politisches Archiv des auswärtigen Amts (далее – PAAA). Großes Hauptquartier, Akten des auswärtigen Amts im Großen Hauptquartier, Amerika, R22426, Джерард – Ягову, 12.2.1915.
[212] Ibid. Weltkrieg 2 geh., R20449, Берншторф – в МИД, 19.2.1915.
[213] *Möckelmann J.* Deutsch-amerikanische Beziehungen in Krise. Studien zur amerikanischen Politik im Ersten Weltkrieg. Frankfurt-am-Main, 1967. S. 16–17.
[214] PAAA, VSA 16, R17356, Хоссенфельдер – Бетман-Гольвегу, 10.5.1915.
[215] Ibid., WK 18 geh., *Unterseebootkrieg gegen England und andere feindliche Staaten*, R21455, Трейтлер – в МИД, 31.5.1915.
[216] Ibid., VSA 16, R17358, Берншторф – Бетман-Гольвегу, 25.8.1915.
[217] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 412.
[218] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 100.
[219] Флот в первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 404.
[220] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 256, 268, 391.
[221] PAAA, WK 18 geh., R21457.
[222] *Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1919 гг.). М., 1957. С. 312.
[223] FRUS, 1916. Wash., 1929. P. 227.
[224] PAAA, GH, R22427, Ягов – Бетман-Гольвегу, 26.4.1916.
[225] *Тирпиц А.* Указ. соч. С. 423.
[226] Флот в первой мировой войне. М., 1964. Т. 2. С. 118.
[227] *Вильсон Х.* Указ. соч. С. 182.
[228] PAAA, WK 18 geh., R21470, Гольцендорф – Бетман-Гольвегу, 9.6.1616.
[229] Ibid., R21471, Ягов – Берншторфу, 2.7.1916.
[230] Это верховное командование (Die Oberste Heeresleitung) считалось третьим за время войны, т.е. после Мольтке и после Фалькенхайна, смещенного за верденскую неудачу.
[231] *Jonas M.* The United States and Germany: A Diplomatic History. Ithaca; London, 1984. P. 116.
[232] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 249.
[233] *Birnbaum K.* Op. cit. P. 238.
[234] PAAA, Botschaft Washington. Friedensinitiative des U.S. Presidents Wilson vom 21.12.1916, Washington 802, Меморандум о начале неограниченной подводной войны, 9.1.1917.
[235] Ibid., Берншторф – Хаузу, 31.1.1917.
[236] Ibid., Лансинг – Берншторфу, 3.2.1917.
[237] *Михельсен А.* Подводная война 1914–1917 гг. М.; Л., 1940. С. 105–106.
[238] Bundesarchiv, Koblenz, NL 16/126, Тирпиц – Бюлову, 9.12.1924.
[239] *Вильсон Х.* Указ. соч. С. 109.
[240] Там же. С. 213.
[241] Флот в первой мировой войне. Т. 2. С. 352–354.
[242] *Александров А.П., Исаков И.С., Белли В.А.* Операции подводных лодок. Л., 1933. Т. 1. С. 219.

[243] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 246.
[244] О вступлении США в войну см. подробнее в главе IV данной книги.
[245] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. М., 1935. Т. III. С. 348.
[246] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 61. Л. 95.
[247] Цит. по: История первой мировой войны. Т. 2. С. 288.
[248] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 284.
[249] Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. // Красный архив, 1927. Т. 1(20). С. 42.
[250] Там же. С. 50.
[251] *Емец В.А. Очерки внешней политики России в период мировой войны. М., 1977.* С. 338.
[252] Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. С. 53.
[253] *Сидоров А.Л.* Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914–1917 гг. // Исторические записки. М., 1945. Т. 15. С. 168.
[254] Там же. С. 177.
[255] Разложение армии в 1917 г. М.; Л., 1925. С. 11.
[256] Там же. С. 28–29.
[257] Новое время. 1917, 27 июня.
[258] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. М., 1938. Т. V. С. 65.
[259] РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2774. Л. 521.
[260] Там же. Л. 522. См. также: *Жуков Е.М.* Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции // Из истории общественных движений и международных отношений / Отв. ред. А.М. Панкратова. М., 1957. С. 658–659.
[261] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 65. Л. 59.
[262] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. III. С. 294–295.
[263] Там же. С. 308.
[264] *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 475.
[265] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 334–335.
[266] *Гордеев А.А.* История казаков. М., 1993. С. 126.
[267] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 338.
[268] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. Т. 2. С. 192.
[269] Протокол совещания опубликован в кн.: Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 7. С. 133–151.
[270] РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 32.
[271] Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. С. 157.
[272] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 530. Л. 342.
[273] Там же. Л. 353.
[274] Некоторые цифры первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 1964. № 7. С. 80.
[275] A History of the Great War 1914–1918. Oxford, 1969. P. 428.
[276] См. подробнее: *Kirițescu C.* Op. cit. Bucureşti, 1989. Vol. II. P. 59–156.
[277] *Людендорф Э.* Указ. соч. Т. II. М., 1924. С. 21.
[278] *Виллари Л.* Указ. соч. С. 125.
[279] *Candeloro G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1979. Vol. VIII. P. 79, 81.
[280] *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. С. 79–80.
[281] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. Т. III. С. 253–262.
[282] Там же. С. 259–261, 270; Les armées françaises dans la Grande guerre. P., 1933. T. VIII. Vol. II. P. 377–384; *Falls C.* Military Operations: Macedonia. L., 1933. Vol. I. P. 225–230.

[283] *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. С. 81.

[284] *Опачић П.* Солунски фронт 1917 године // Србија 1917 године. Београд, 1988. С. 147.

[285] Революционное движение во французской армии в 1917 г. М., 1934. С. 307–308.

[286] *Опачић П.* Указ. соч. С. 154-155.

[287] *Опачић П.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984. С. 54.

[288] *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. С. 79.

[289] *Шишов А.В.* Указ. соч. С. 586.

[290] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 29.

[291] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 364.

[292] *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 29.

[293] *Готовцев А.И.* Указ. соч. С. 90.

[294] *Лэннинг М.* 100 великих полководцев. М., 1998. С. 472–473.

Глава IV. Международные отношения и дипломатия в годы войны

1. Дипломатическое маневрирование в начале войны

В постановке целей и разработке программы послевоенного мироустройства германская сторона значительно опередила своих противников, а оглашение этих планов в немалой степени способствовало росту настроений непримиримости среди общественности стран Антанты. Раньше о проектах пангерманцев ведали, помимо политиков, разве что отдельные сегменты общественности. Теперь они были возвещены с трибуны рейхстага и растиражированы прессой.

Уже 9 сентября 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег представил первый вариант программы. Обстановка способствовала нарастанию аппетита: кайзеровские войска рвались к Парижу. Характерно, что канцлер находился в главной военной квартире в Кобленце и на месте согласовал документ с военными и с К. Гельферихом, директором Немецкого банка, оказавшимся тут же.

Целью войны провозглашалось "обеспечение интересов рейха на западе и востоке на мыслимое время", для чего предусматривалось "ослабление Франции в такой степени, чтобы она не могла бы вновь стать великой державой" и "возможное удаление России от немецкой границы и ликвидация ее господства над вассальными нерусскими народами". Появившееся вскоре заявление Пангерманского союза уточняло: Россию "надлежит отбросить в основном к границам, существовавшим до Петра Великого". Лидер католической партии Центра М. Эрцбергер призывал "освободить" нерусские народности от "московского ига" и объединить их "под военным верховенством Германии". Либеральный орган "Берлинер тагеблатт" считал нужным "отрезать Россию от Балтийского и Черного морей".

Сентябрьская программа Бетман-Гольвега содержала совершенно неприемлемые и унизительные для противников условия. Франция должна была уступить Бельфор, западные отроги Вогезских гор, морское побережье от Дюнкерка до Булони, рудный бассейн Брие и выплатить гигантскую контрибуцию с тем, чтобы страна в течение 18–20 лет не имела бы средств на перевооружение. Заключением торгового договора она была бы поставлена в хозяйственную зависимость от рейха. Бельгия должна была лишиться Льежа и Вервье, которые предполагалось присоединить к Пруссии, а также сделать территориальные уступки в пользу Люксембурга, который планировалось включить в Германскую империю в качестве одной из земель. Превращение Бельгии в вассальное государство обеспечивалось предоставлением ее побережья в распоряжение немецкого флота.

В программе в общей форме говорилось об образовании хозяйственного союза Срединной Европы (Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Австро-Венгрия, Польша и эвентуально Италия, Швеция и Норвегия) под германским руководством и в целях обеспечения господства рейха во всем обширном регионе. Немецкий историк Фишер отмечал, что программа отражала идеи "ведущих умов в экономике и политике" и в дальнейшем менялась лишь в деталях и уточнялась: "После уничтожения французского великодержавия, устранения английского влияния на континенте и вытеснения России целью Германии ставилось достижение гегемонии в Европе"[1].

Экспансионистские планы Австро-Венгрии уступали германским и по размаху, и по степени разработанности, что объяснялось слабостью самой "лоскутной монархии". Конрад фон Хётцендорф предвидел, что укрепление независимых государств по периметру монархии поведет к "захвату" австро-венгерских территорий, населенных их сородичами, и в конечном счете к разрушению Габсбургской империи. Он утверждал: только на путях агрессии "вовне" можно положить конец славянской опасности и продлить жизнь Австро-Венгрии. Вдоль ее границ располагались государства, служившие центром притяжения для проживавших в дуалистической империи сербов и румын. Конрад в своих планах не ограничивался ближайшими соседями ("захват балканских земель нужен для хозяйственного развития страны"); он выдвигал претензии на "Адриатическое море, Балканский полуостров, Восточное Средиземноморье, часть Северной Африки"[2], что затрагивало интересы союзной Италии. Однако в высших сферах монархии отсутствовало единство мнений по проблеме территориального расширения. Венгры возражали против "перегрузки" государственной ладьи славянскими народами, опасаясь за свое привилегированное положение в двуединой державе. Но то был спор между своими, и все соглашались с необходимостью вытеснить Россию с Балкан. В совокупности планы Центральных империй предполагали низведение Франции и России с пьедестала великих держав. На континенте таковым остался бы один германский рейх с младшим партнером в лице Австро-Венгрии.

Государства Антанты находились в глухой обороне. На том этапе их доминирующей задачей им представлялась необходимость прервать рывок Центральных держав к господству на континенте. Со страниц немецкой печати звучал древнеримский клич: "Vae victis!" ("Горе побежденным!"). И горе обрушилось сначала на жителей Бельгии и оккупированной части Франции – реквизиции, поборы, вывоз продовольствия и сырья, бесцеремонный разгул солдатни[3]. Газеты Антанты запестрели информацией (и дезинформацией) о "немецких зверствах" – правда о действительно имевших место эксцессах перемежалась с вымыслом. Но так или иначе в глазах общественности стран Антанты война стала восприниматься как защита отечества. С разработкой своих экспансионистских программ Петроград, Париж и Лондон несколько замешкались. Первые сделанные ими шаги касались координации действий. 5 сентября представители трех стран подписали соглашение, обязуясь не заключать сепаратный мир[4].

Российско-германское единоборство иногда представляют как столкновение пангерманизма и панславизма[5]. На наш взгляд, это два несопоставимых понятия[6]. Пангерманизм являлся программой идеологической, политической, экономической и территориальной экспансии, венцом которой стало

бы образование Срединной Европы. Он объединял влиятельнейшие круги рейха – офицерство, мозговой центр капитализма и университетских профессоров, и оказывал влияние на среднего бюргера. Правительство в своей политике претворяло в жизнь один из вариантов пангерманизма, не самый далеко идущий, ибо следовало соизмерять мечты и возможности.

Панславизм представлял взгляды небольшого сегмента российского общества о желательности объединения славянских народов под скипетром Романовых. Его слишком прямолинейные и мало применимые к реальности постулаты не разделялись самодержавием. Ни одно правительство России не пыталось дать им ход, хотя геостратегия царизма в целом формировалась не без влияния свойственной панславизму идеи тяготения славянских народов к объединению. Например, в июне 1914 г. лидер партии младочехов К. Крамарж направил С.Д. Сазонову проект “Устава славянской империи”. Этот проект, исходивший из перспективы поражения Австро-Венгрии в предстоящей войне с Россией, предусматривал создание под общим верховенством русского императора обширной системы королевств, включающей в себя наряду с Россией, Польшу, Чехию, Болгарию, Сербию и Черногорию[7]. По замыслу Крамаржа, в состав чешского королевства должны были войти не только Словакия и лужицкие земли, но и значительная часть собственно австрийских земель вплоть до Дуная (за исключением Вены). Чешское королевство должно было объединяться с Россией федеральными отношениями, таможенным союзом, но сохранять полную автономию во внутренних делах[8]. Это предложение носило заметные следы импровизации и не опиралось на сколько-нибудь реальную основу. Но все же в основе панславистских планов лежали практические соображения укрепления мощи России (а вместе с тем и упрочения трона) и распространения ее власти на новые земли. Определенный отклик в петроградских верхах они находили.

Как только российская армия в сентябре 1914 г. закрепилась на части территории Австро-Венгрии, в приказе № 40 по Юго-Западному фронту было заявлено: “Родная нам по крови Галитчина с открытым сердцем и добрыми чувствами должна вступить в лоно великой матери России”[9]. Еще ранее, 14 августа, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич объявил о намерении восстановить *объединенную* Польшу, но лишь на правах автономии и под царским скипетром с предоставлением в будущем свободы “вероисповедания, языка и самоуправления”. Это воззвание представляло собой весьма эффективный ход царского правительства, так как ни Германия, ни Австро-Венгрия не могли ответить на него обещанием соединить все части Польши воедино, не задевая тем самым интересов друг друга. Поэтому германские и австрийские власти обещали в общей форме “свободу и независимость” населению Королевства Польского, т.е. “русской Польши”, не распространяясь о судьбе “своих” польских земель[10].

А пока что обе стороны занялись охотой за союзниками. Впрочем не ко всем случаям этот общий термин применим. Так, вполне добровольно, без всякой охоты за ней и без всякого нажима к Согласию примкнула Япония. В дальнейшем Токио выгодно сбывал союзникам, в первую очередь России, военное снаряжение[11].

Для Берлина и Вены вопрос о союзниках выглядел более чем тревожно: как бы не растерять имеющихся – Италию и Румынию. Италию Бисмарк

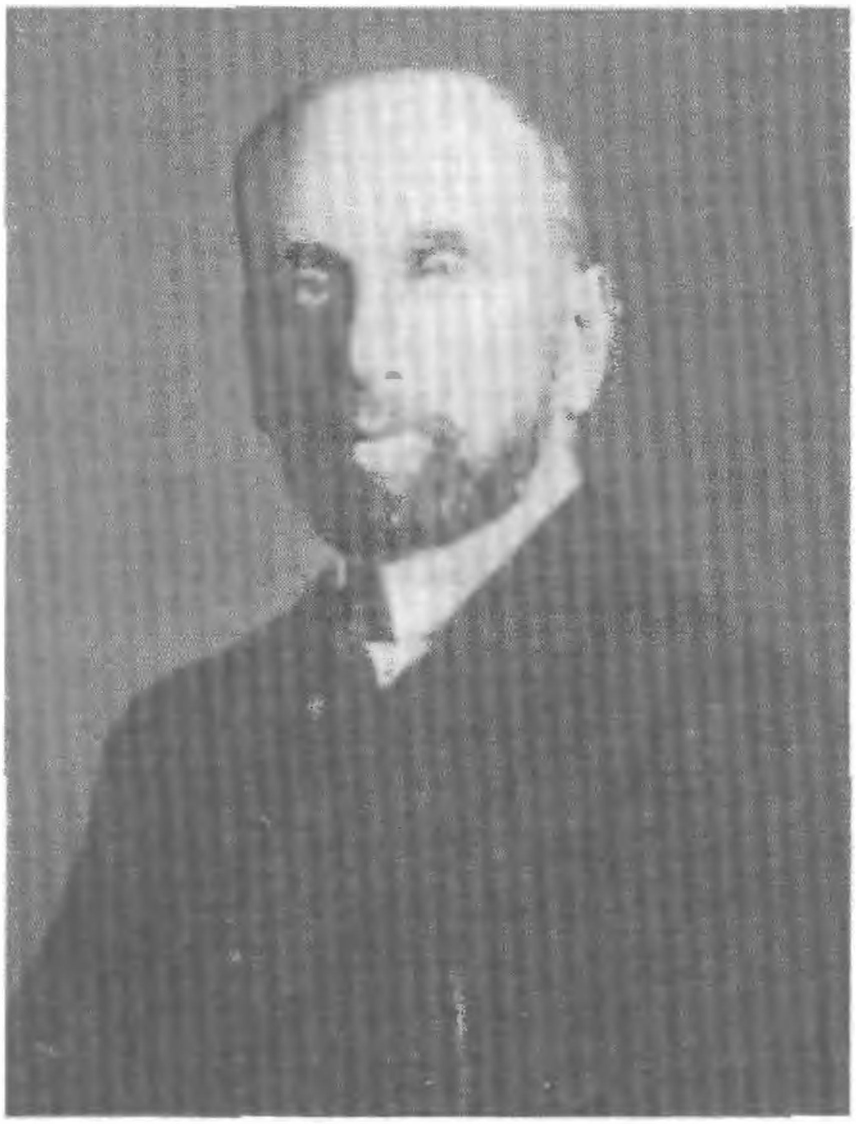
загнал в союз, воспользовавшись резким обострением ее отношений с Францией из-за Туниса. За минувшие 30 лет противоречия Рима с Парижем сгладились, а вот с Веной резко обострились. Апеннинские правители никогда не скрывали, что руководствуются принципом "священного эгоизма". Их территориальные притязания распространялись на земли, входившие в состав габсбургской монархии: Южный Тироль со смешанным итальянским и австро-немецким населением и часть Далматинского побережья, включая порт Триест. В перспективе предполагалось превратить Адриатическое море в "итальянское озеро". И, наконец, в Риме с подозрением и опаской следили за попытками союзника-соперника стать хозяином-распорядителем дел на Балканах.

При подготовке австро-венгерского ультиматума Сербии с Римом не консультировались, не желая еще больше осложнять обстановку; тот в свою очередь не проявлял естественной для союзника любознательности, что позволило ему сразу после вручения ноты занять выгодную и выигрышную дипломатическую позицию, сделав вид, будто события свалились на него как снег на голову. Консульта, как именуют итальянское внешнеполитическое ведомство, воспользовалась тем, что пакт о Тройственном союзе носил оборонительный характер, представить Австро-Венгрию кроткой жертвой сербской агрессии не было никакой возможности, и казус федерис отсутствовал начисто. Во-вторых, по особой австро-итальянской договоренности, на сей раз явно нарушенной, каждая из сторон обязывалась заранее извещать другую о своих территориальных претензиях (т.е. о намерении совершить захват) на Балканах и достигнуть с партнером соглашения о компенсациях (т.е. о его добыче). Послы Италии в Вене и Берлине заявили поэтому, что их правительство считает себя свободным от обязательств.

Но порвать бесповоротно союзнические узы Консульта считала преждевременным: надвигавшаяся война открывала перспективы, от которых захватывало дух, и прусская военная мощь котировалась высоко. Поэтому возникла формула: Италия не обязана принимать участия в завязавшемся конфликте, но это не означает, что она в него в конце концов не вмешается[12].

В начавшемся торге шансы дипломатов Центральных империй на успех равнялись нулю. Особенно тяжело приходилось берлинской дипломатии: она и итальянцев должна была уламывать, и от Вены требовать широкой уступчивости. Берхтольд же и слышать не желал о предоставлении компенсации в Трентино – вопрос об утрате какой-либо части империи он просто отказался обсуждать[13].

Затянувшаяся более чем на неделю игра итальянской дипломатии объяснялась и тем, что она с повышенным вниманием следила за позицией британского кабинета. Италия не могла себе позволить роскошь ссоры с владычицей морей: извилистая тысячеверстная линия побережья Апеннинского полуострова открыта для бомбардировки с моря в любой точке. Дабы преподнести партнерам свой отказ в завуалированной форме, министр иностранных дел А. Сан-Джулиано заявил, что при любом варианте развития событий берега его страны не должны быть подставлены под дула британских морских орудий. Австрийцам, не утратившим еще надежды на присоединение Италии, предоставлялась сомнительная честь – защищать капризничавшую союзницу с помощью броненосных корыт, составлявших ударную силу флота двуединой монархии.



С.Д. Сазонов – российский министр иностранных дел (1910–1916)

По мере определения позиции сент-джеймсского кабинета тон итальянской дипломатии становился все тверже, а по мнению Берлина и Вены, и нахальнее: итальянцы не станут проливать кровь своих сынов ради цели, которая "прямо вредна их интересам, а именно, ради изменения статус-кво на Балканах к материальной и моральной выгоде Австро-Венгрии"[14]. В официальной переписке обходился молчанием один очень существенный фактор уклонения от выполнения "долга" – уходившая в века неприязнь населения к Австрии, захватчице итальянских земель, душительнице революции 1848 г. и противнице их объединения, – а он довлел над умами.

31 июля Вильгельм II воззвал к союзнической верности короля Виктора Эммануила III. Ответа (отрицательного) гордому кайзеру пришлось ждать три дня. Вильгельм реагировал в своем обычном духе, обозвав коронованного собрата шельмой. 3 августа агентство Стефани распространило правительственную декларацию о нейтралитете[15]. Австро-германской дипломатии оставалось сражаться за то, чтобы Италия не перекочевала в лагерь врагов, ибо свои территориальные вожделения ее руководители могли осуществить лишь в союзе с Антантой.

В Бухаресте с пониманием и сочувствием следили за дрейфом "латинской сестры" прочь от Тройственного союза и копировали его с точностью почти фотографической. Мрачный юмор ситуации заключался в том, что король Кароль в течение 30 лет так и не решился предать огласке альянс с Австро-Венгрией и Германией и хранил документ в личном архиве за семью печатями. А в стране набирала силу идея объединения румынских земель и тайный союзник, габсбургская монархия, рассматривалась как потенциальный противник номер один.

В начале июня 1914 г. царская яхта бросила якорь в порту Констанца. Пока Кароль I и Николай II обменивались дружественными тостами, Сазонов вел переговоры с премьер-министром И. Брэтиану, и понятно, вокруг какого вопроса. Последний заверил своего собеседника: "Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты". Союз с Австро-Венгрией фактически был мертв. Вывод Сазонова гласил: "Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды"[16]. Следующий же месяц подтвердил правоту его предвидения.

Кароль I с его почти полувековым опытом правления понимал, как трудно навязать стране прогерманский, а значит и проавстрийский курс. Пока-

зательна его реакция в беседе с австрийским посланником графом О. Черниным, дипломатом без иллюзий. Ознакомившись с текстом предъявленного Сербии ультиматума, король лишился дара речи и, придя в себя, произнес: *"Через неделю мы можем иметь европейскую войну".* 3 августа он созвал коронный совет в Синае, своей резиденции в Карпатах. Красноречивый призыв монарха, не сомневавшегося в торжестве прусского оружия, отклика среди собравшихся (за исключением одного) не встретил. Совет высказался в пользу вооруженного выжидания; слово "нейтралитет" в опубликованном коммюнике отсутствовало. Свою цель Брэтиану частным путем выразил кратко и образно: он желает войти в зал мирной конференции под руку с победителем[17]. А поскольку такового предугадать невозможно, не следует сжигать за собой мосты.

Депеши в Берлин и Вену премьер написал собственноручно. В них указывалось, что с Румынией не советовались, вступая в войну, и стало быть казус федерис отсутствует. Тем не менее Румыния собирается "следовать за действиями Германии, но необходимо время для принятия военных мер, не навлекая при этом на себя русского нашествия, и главным образом для того, чтобы воздействовать на общественность, настроения которой не допускают немедленного выступления". Так что намек на возврат в союз сохранился. В телеграмме далее говорилось, что в случае болгарского нападения на Сербию румынское правительство не будет предпринимать ничего[18]. Прежний союзник по второй Балканской войне выдавался с головой, и замысел был очевиден – отвести от себя угрозу реванша со стороны болгар, у которых только что отняли Южную Добруджу.

Расставаясь фактически с Центральным блоком, Брэтиану вроде бы на словах его не покидал. Посланники Берлина и Вены, действуя по инструкции, и опять-таки на словах, выразили понимание трудного положения Румынии. Иначе, "про себя", реагировал Вильгельм: "Союзники отпадают от нас уже до войны, подобно гнилым яблокам! Полный провал германской, а также австрийской дипломатии"[19]. А граф Чернин и его германский коллега осаждали короля, призывая его к исполнению "долга чести", доводя старца до слез и приблизив тем самым его конец.

С Брэтиану подобные приемы не годились. Сотрудничество следовало оплачивать обещаниями. Берлин предложил Бессарабию, подумав, добавил еще Одессу. Премьер ответствовал, что награда сама по себе прекрасна, но где гарантия обладания ею? Ведомство на Вильгельмштрассе приоткрыло кое-какие карты: будет создано "великое княжество Украина", которое отделит Румынию от России, и той не придется опасаться реванша. Тогда в Бухаресте подобные речи сочли разновидностью бреда.

В плане авансов Антанта располагала куда большими возможностями. *Широким жестом она указывала на Трансильванию и Банат и осуществление* национального идеала в качестве награды. А тут войска генерала Брусилова в ходе Галицийской битвы ворвались в Северную Буковину; казалось, желанные приобретения уплывают из-под носа Центрального блока. Антантофильская пресса бушевала: "Пересечем Карпаты! Пробил час освобождения братьев"! Митрополит Геннадий возвестил королю, что Австро-Венгрия стоит на краю могилы, а Германию обуяла гордыня, за что ее ожидает кара Божья[20]. Профессора Бухарестского университета призвали монарха извлечь саблю из ножен. Но король безмолствовал, он лежал на

смертном одре. В городах проходили бурные манифестации: "Долой нейтралитет!" Пресса выражала опасения, как бы не упустить драгоценный шанс[21]. Но Брэтиану смотрел дальше своих оппонентов. Он полагал, что борьба предстоит длительная и кровавая, и спешить не нужно. 1 октября путем обмена нот удалось достигнуть с Петроградом следующей договоренности: Россия признает за Румынией право "занять населенные румынами области Австро-Венгерской монархии", совершив это "в момент, который она сочтет нужным"[22].

В оценке документа в ученом мире существует расхождение во мнениях. Покровский и некоторые другие исследователи полагали, что Румыния получала Трансильванию в обмен на благожелательный нейтралитет[23]. Пишущий эти строки не разделяет подобного взгляда. В конвенции ни слова не говорилось о передаче Трансильвании "из рук в руки". Ее предстояло завоевать с боем, преодолев сопротивление мадьярских гонведов, а уж они-то защищали бы каждую ее пядь. Румынской стороне предоставлялось лишь право выбора самого удобного времени и самых подходящих обстоятельств. В этом смысле позиция России представлялась благоприятной для Румынии. Союзники по Антанте ее не разделяли, так и не признав конвенцию от 1 октября. Можно предположить, что документ фактически признавал этнический принцип как основной при предстоявшей перекройке карты Европы и предрекал распад двуединой монархии. И Лондон, и Париж традиционно считали Австро-Венгрию, с которой находились в превосходных отношениях, одной из опор равновесия в Европе, и к ее исчезновению не были готовы.

В отношении Болгарии все козыри находились на руках у Тройственного союза. И тем не менее Берлин не спешил втянуть ее в союзные тенета, боясь погрузиться в омут балканских противоречий, а омут был глубок; настораживала почти неизбежная враждебная реакция Румынии и Греции. Война против Сербии представлялась быстротечной, победоносной, похожей на легкую прогулку славных гусарских полков по Балканам. Так что пока Центральный блок полагал, что в военных услугах со стороны Болгарии он не нуждается, и не возражал против ее дружественного нейтралитета.

Державы Согласия об ином и не мечтали. Руки их дипломатии были связаны, портфель для торга отсутствовал. Приносить в жертву Сербию ради удовлетворения болгарских территориальных претензий не годилось даже по моральным соображениям. Начались поиски сложной и, как показали события, безнадежной комбинации земельного обмена, который удовлетворил бы всех – Румынию, Болгарию, Сербию, Грецию. Задача оказалась не по плечу даже таким многоопытным политикам, как Сазонов и Грей, она вообще представлялась неразрешимой. Никто не желал расстаться хотя бы с клочком своей земли в обмен на перспективу приращений после войны, исход которой представлялся непредсказуемым. Антантовская дипломатия забуксовала. Попытка посланника А.А. Савинского возжечь в душе Радославова, главы болгарского правительства, искру славянской солидарности успеха не имела.

Зато сотрудничество с Центральными державами сулило немедленный выигрыш за счет приготовленной к расправе Сербии. Интенсивные переговоры с ними увенчались 2 августа согласованием условий союза: Болгария обязывалась выступить "по желанию" Германии и Австро-Венгрии всеми

военными силами против того из соседей, который находился на стороне врагов двух держав, т.е. Сербии[24]. Все совершалось в обстановке глубокой секретности. Накануне, 1 августа, Радославов для отвода глаз мировой, да и сильного русофильского крыла болгарской общественности объявил в Народном собрании о соблюдении страной строгого нейтралитета вплоть до окончания конфликта[25]. Правда, в последний момент царь Фердинанд и Радославов спохватились. Их одолели сомнения: а не поспешили ли они? В окутавшем Европу кромешном пороховом дыму разглядеть победителя не представлялось возможности. Текст договора остался неподписанным.

Иной расклад сил сложился в Греции. Уже почти целый век умы греков будоражила Мегали (Великая) идея, мысль об объединении под одной государственной кровлей всех эллинов, включая малоазиатских. Наступивший катаклизм воспринимался прежде всего сквозь призму лелеемых надежд, осуществимых только в опоре на морские державы – Великобританию и Францию. Трубадуром антантофилов являлся премьер-министр Э. Венизелос. Против выступал король Константин, выпускник берлинской военной академии, служивший потом в прусской гвардии, женатый на сестре кайзера Вильгельма и получивший от него чин фельдмаршала. Его поддерживали значительная часть офицерства, уверенная в непобедимости немецкой военной машины, и влиятельные помещечьи круги, заинтересованные в торговле с Германией. Впрочем о том, чтобы примкнуть открыто к Центральной коалиции, не помышляли и они: это означало выдать Грецию, расположенную на материке с извилистой береговой линией и сотнями островов, на милость британского флота. Дальше благожелательного для Центра нейтралитета "партия короля" идти не дерзала. Ее противоборство с венизелистами, расколовшее страну на два лагеря, продолжалось два года[26].

Трудно согласиться с бытовавшей многие десятилетия формулой о том, будто "малые" вечно плясали под дудку "великих". Огромная экономическая зависимость не всегда прямо и неизбежно вела к политическому подчинению. Балканский пример тому свидетельство. Ни той, ни другой группировке не удалось в 1914 г. перетянуть на свою сторону Румынию, Грецию и Болгарию, причем желательно, блоком. Их правящие круги исходили из соображений собственной выгоды.

Историография, отечественная и зарубежная, склонна оценивать действия дипломатии стран Согласия как провал. Подзаголовок труда Ф.И. Нотовича гласит: "Потеря союзниками Балканского полуострова", книга британского исследователя Л. Кэртрайт озаглавлена "Путаница, нерешительность и фиаско"[27]. Действительно, антантовская дипломатия заблудилась в собственных комбинациях и потерпела в 1914 г. полнейшую неудачу на юго-востоке Европы. Но не из-за собственной бездарности, а потому, что столкнувшиеся интересы игроков на балканской сцене не поддавались примирению. В конце концов не могла поздравить себя с успехом и австро-германская группировка: кроме пришедшей к ней "самоходом" Турции – никого. Нотович указывал, что правящие клики балканских государств руководствовались принципом "получать, но ничего взамен полученного не давать"[28]. О него и споткнулась великодержавная дипломатия – ни один из "малых мира сего" не пожелал вступить в войну по чьей-либо указке.

Реванш за неудачу в Бухаресте, Риме и Софии дипломатия Центральных держав взяла в Стамбуле, не затратив на это особых усилий. Турция за пред-

шествовавшие четыре года пережила три войны, принесшие ей тяжелые людские потери, хозяйственную разруху и расстройство финансов. Она нуждалась в длительной мирной передышке. Умеренное крыло управлявших страной младотурок, к которым принадлежал и посол в России Н. Фахретдин-бей, полагало необходимым отложить экспансионистские замыслы по крайней мере до середины 20-х годов. Ни Антанта, ни Тройственный союз не считали нужным вовлекать Турцию в войну; Согласие – из-за нежелания создавать наряду с имевшимися еще один или несколько фронтов, прерывать единственный удобный морской путь через Проливы, связывавший Россию с союзниками. Закрытие Босфора и Дарданелл означало, что все грузы для Восточного фронта могли поступать только через Архангельск по Белому морю, чуть не полгода покрытому льдами. Мурманска тогда еще не существовало, как и железной дороги, связывающей его с центром страны.

Но и влиятельные немецкие круги, в том числе посол в Стамбуле Вангенгейм, высказывались в пользу турецкого нейтралитета. Османская империя в течение четверти века служила объектом политики "Дранг нах Зюд-Остен", увенчавшейся полным успехом: немецкий капитал занял во владениях султана первенствующие позиции, армия подчинялась миссии Лимана фон Сандерса. В условиях, когда турецкие владения отделялись от Центрального блока Румынией и Болгарией, существовало опасение разгрома османов, и тогда – прощай достигнутое тяжкими трудами десятилетий: русские могли ударить из Закавказья, англичане и французы – из Месопотамии и Аравии. Так что по трезвому размышлению в Берлине пришли к выводу о предпочтительности турецкого нейтралитета, и никаких подстрекательств оттуда не поступало.

Но младотурецкие ястребы во главе с Энвером-пашой рвались в бой, желая не только взять реванш за недавние потери, но и воскресить былую мощь Османской империи. Панисламистские миражи туманили им головы, внутреннее положение тревожило, не проходили опасения, что держава может развалиться сама по себе и без постороннего вмешательства. Один современник сравнивал ее с харчевней, в которой каждый посетитель утоляет голод в своем углу: славяне, арабы, курды, евреи, армяне жили каждый своим кругом и имели центры притяжения вовне. Младотурки стремились стянуть государство идеологическим обручем исламизма, видением Великого Турана, простиравшегося от Босфора до пустынь Синьцзяна. Воспитанники немецких училищ, они не сомневались в торжестве прусского оружия. Они помышляли об отторжении от России Крыма и Закавказья и в перспективе грезили с помощью Аллаха распространить власть ислама на земли до Волги и Урала...[29]

Домогательства младотурок, грозивших в случае отказа перекинуться на сторону Антанты, сломили сопротивление противников союза с ними в Берлине. Кайзер Вильгельм развел руками: Турция "прямо себя предлагает. Отклонение или пренебрежение было бы равнозначащим ее переходу к России – Галлии, и наше влияние исчезло бы навсегда"[30].

Второго августа стороны подписали договор – без всякой гарантии будущих турецких приобретений[31]. Авантюризм в политике реально существует, объяснению не поддается, и с этим приходится считаться. К войне Турция готова не была, и существовали веские обстоятельства, требовавшие оттянуть

выступление. На британских верфях закончилось строительство двух дредноутов для ее флота, за одним из них уже прибыла турецкая команда; их вступление в строй действующего флота в корне меняло соотношение сил на Черном море. Первый лорд адмиралтейства Черчилль воспротивился передаче судов турецкой стороне, что породило взрыв антибританских чувств и привело к массовым демонстрациям в Стамбуле.

Младотурки распустили густую завесу лжи над своими замыслами. Великий везир объявил о намерении провозгласить нейтралитет. 18 августа Энвер-паша заверил российского военного атташе М.Н. Леонтьева, что его страна сохраняет свободу рук и готова заключить с Россией оборонительный союз при условии "скромной компенсации" (возвращения некоторых островов в Эгейском море и исправления границ с Болгарией)[32]. Посланник М.Н. Гирс "проглотил" предложенную приманку и принялся за хлопоты. Тем временем дипломатия Центра пыталась разобраться в завалах недоверия и вражды между балканскими странами: военное выступление Турции было немыслимо, пока в тылу у нее оставалась враждебная и недоверчивая Болгария. С трудом удалось преодолеть имевшиеся противоречия. 19 августа две страны подписали акт, громко названный договором о дружбе и союзе. На самом деле стороны обязались взаимно уважать неприкосновенность границ и достигнуть договоренности о сотрудничестве в случае вступления в войну своих соседей[33].

Глаза дипломатии Согласия на истинные намерения младотурок раскрылись в связи с прорывом немецких крейсеров "Гебен" и "Бреслау" в Черноморские проливы при обстоятельствах, до сих пор не поддающихся объяснению. Сторожившие их англо-французские эскадры запутались в поставленных перед ними задачах: обеспечивать переброску войск из Африки в Европу, блокировать австро-венгерский флот в Адриатике и ловить "немцев". Существовало предположение, что командовавший крейсерами адмирал Сушон попытается прорваться то ли к австрийцам в порт Каттаро, то ли через Гибралтарский пролив в Атлантику. Адмирал Э. Трубридж, имея 4 крейсера и 10 эсминцев, не решился покинуть свой "пост" у входа в Адриатическое море и погнаться за немцами, и упустил их.

"Гебен" и "Бреслау" 10 августа вошли в Дарданеллы, и начались чудеса. "Нейтральные" турки отвергли требование держав Согласия интернировать суда вместе с экипажами. Не согласились они и на смягченный вариант – выслать моряков на родину, а объявили о "покупке" кораблей и, как выяснилось, вместе с матросами, офицерами и адмиралом, которые, украсившись фесками, поступили на османскую службу.

И все же Антанта, и прежде всего Россия, до последнего дня пыталась удержать Турцию от выступления. "В 1914 году Россия не была готова к войне на море, – констатирует Е.Г. Кострикова, – ощутимые перемены могли произойти только к 1917 году". Прорыв "Гебена" и "Бреслау" склонил перевес сил решительно на германско-турецкую сторону. Россия поэтому была крайне заинтересована в том, чтобы Османская империя осталась в стороне от войны. Морской министр Григорович полагал, что до реализации военно-морской программы "нам нужно, чтобы вопрос о Проливах не был поставлен вовсе". А генерал-квартирмейстер Данилов высказывался в *пользу улучшения отношений с Турцией*[34]. *Поэтому Сазонов 12 августа* 1914 г. выразил готовность гарантировать нейтральной Турции неприкосно-

венность ее территории и давал согласие на переход к ней всех немецких концессий в Малой Азии. Через четыре дня он повторил заверение, присовокупив согласие на передачу Турции о-ва Лемнос. Три посла в Стамбуле произвели соответствующий демарш (союзники, правда, исключили при этом упоминание об острове)[35]. Сазонов заверял Палеолога, что даже в случае победы союзников Россия не выразит "никакого притязания, территориального или политического, по отношению к Турции". Самое большее – будет выставлено требование нового режима Проливов[36].

Шел сентябрь. Победы войск Антанты в Галиции и на Марне охладили многие разгоряченные головы в османской столице. Умеренное крыло младотурок спохватилось, как бы события не зашли слишком далеко, и попыталось отсрочить вступление в войну до весны 1915 г., когда определятся шансы сторон. Тогда воинствующая группировка Энвера, подстрекаемая Сушоном, пошла на прямую провокацию – бомбардировку портов Черноморского побережья России.

Когда война России с Турцией стала явью, прежние мечтания о Константинополе и Проливах, ранее не имевшие контуров реального плана, обрели конкретную форму: уж если воевать – так было бы за что! Памятуя о взрывоопасности проблемы в прошлом, Сазонов проявил сугубую осторожность, и первый зондаж осуществил якобы лично от себя. Результат превзошел ожидания: 13 ноября 1914 г. от лондонского посла Бенкендорфа поступила телеграмма, в которой ощущался налет приятного изумления: «Король мне неожиданно заявил: "Что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим"»[37]. А британский монарх говорил исключительно с согласия и даже по подсказке "своего" правительства.

Не случайно, видимо, на эти же дни пришлось решающее объяснение с французским послом, предпринятое царем. Утром 21 ноября, изложив Палеологу цели самодержавия в войне, Сазонов заметил ему: "Государь примет Вас в четыре часа. Официально он ничего не имеет Вам заявить, но желает побеседовать с Вами с полною свободой и откровенностью. Предупреждаю Вас, что аудиенция будет долгая"[38].

В назначенный час Палеолог переступил порог императорского кабинета в скромном Александровском дворце в Царском Селе. Николай встретил его, одетый в полевую форму; на столах – карты и портсигар с турецкими папиросами. Царь начал беседу как бы неуверенно, по привычке запинаясь; постепенно голос его обрел твердость. Главная задача – "уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором Германия держит нас вот уже больше сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша"[39]. Иначе – новая война в недалеком будущем.

На этом "оборонительная часть" беседы завершилась, и последовало изложение империалистской программы самодержавия: Россия, Франция, Великобритания продиктуют мир без всяких посредников и конгрессов. Конкретные условия мыслились в таком виде: Россия получит "исправление границ" в Восточной Пруссии, под императорский скипетр отойдет вся "целокупная" Польша; Франция вернет себе Эльзас и Лотарингию и, возможно, распространит свою территорию до Рейна; Бельгии предоставят приращения в районе Ахена. Шлезвиг, включая Кильский канал, должен отойти к Дании. Было бы не худо возродить государство Ганновер "между Пруссией и Голландией".

Палеолог одобрительно внимал царским рассуждениям и задал наводящий вопрос: "Так, значит, это конец Германской империи?" Николай согласился: "Германия устроится, как ей угодно, но императорское достоинство не может быть сохранено за домом Гогенцоллернов. Пруссия должна стать снова простым королевством". Собеседники не упомянули ни словом, но подразумевали установление франко-российской гегемонии на континенте.

Разговор коснулся и Австро-Венгрии. Николай предвидел ее распад – выделение Трансильвании, Хорватии и Чехии, присоединение Галиции и Северной Буковины к России, что позволит последней "достигнуть своих естественных пределов" (совсем недавно таковые считались достигнутыми!). Относительно Армении самодержец заметил, что оставлять ее далее под османским игом нельзя, но вхождение в состав России обусловил ясно выраженным желанием населения. Развернув карту Балканского полуострова, царь изложил свои соображения насчет перекройки здесь границ: к Сербии присоединить Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию, к Греции – южную ее часть; Италии отдать порт Валону с округою; Болгарии, если будет хорошо себя вести, передать от Сербии часть Македонии. Албания, как государство, прекращала существование...

Посол слушал без возражений. Голос он подал лишь тогда, когда увлекшийся монарх коснулся судеб Османской империи. Николай прибег к осторожной формуле: "Мысли мои еще далеко не установились, ведь вопрос так важен..." Выступить открыто с притязанием на Проливы он не решился, упомянул даже о возможной их интернационализации. Палеолог живо вмешался, напомнив о "драгоценном наследии исторических воспоминаний, духовных и материальных интересах", коими Франция обладала в Сирии и Палестине. Даже тет-а-тет, в доверительном обмене мыслями, он не употребил слово "раздел". Николай в ответ сделал широкий жест: он готов заранее одобрить "все, что Франция и Англия сочтут нужным потребовать в их собственных интерсах"[40]. Стороны как бы предоставляли друг другу карт-бланш при условии совместной гегемонии в Европе. В другой раз Палеолог изложил колониальные притязания в образе "цивилизаторской деятельности, которую Франция намерена предпринять в Сирии, Киликии и Палестине", обрисовав для наглядности на карте контуры сей благородной миссии[41].

События не позволяли Сазонову мешкать с осуществлением своего проекта: в феврале 1915 г. началась Дарданелльская операция англо-французского флота, и министру, по его же словам, "была неприятна возможность захвата Проливов и Константинополя силами наших союзников"[42], – ведь овладевший территорией имеет весомый голос в определении ее дальнейшей судьбы.

Сазонов форсировал переговоры. Британская сторона повела себя лояльно в отношении российской программы, палки в колеса ставили французы, измышляя схемы всякого рода международного контроля над Босфором и Дарданеллами. Сопротивление старого союзника, Франции, явилось для российской дипломатии неприятным сюрпризом. Англичане выступали реалистичнее. Полагая излишним и вредным раздражать царизм оттяжками и оговорками, они стремились накрепко привязать Россию к альянсу соблазнительным авансом.

В марте–апреле 1915 г. путем обмена меморандумами была достигнута договоренность: Стамбул, а также западный берег Босфора, Мраморного

моря и Дарданелл и узкая полоса земли вдоль Азиатского побережья отходили к России при условии доведения войны до победного конца и, самое многозначительное, в случае осуществления Великобританией и Францией "их планов на Востоке, равно как и в других местах"[43]. В новейшем исследовании по истории российской внешней политики дана следующая оценка соглашения о Проливах: "Успех российской дипломатии был несомненным. Он знаменовал собой существенный шаг на пути к решению одной из коренных задач русской внешней политики, продиктованный потребностями торгово-экономического развития страны, а также стратегической необходимостью, подтвержденной вековым историческим опытом". Империалистический характер соглашения не оговаривается, хотя ниже говорится о планах "аннексии Черноморских проливов"[44].

Фактически тайное соглашение о Проливах явилось первой масштабной сделкой империалистического плана между державами Антанты. На очереди стояли другие – Петроград выдал вексель на их заключение. После долгих споров в мае следующего 1916 г. удалось подписать так называемый договор Сайкс–Пико (по именам двух уполномоченных). По нему союзники поделили частью в форме прямой аннексии, частью в виде сфер влияния почти все страны арабского Востока, входившие в состав Османской империи, и некоторые области Малой Азии[45]. Вмешавшийся в ход переговоров Сазонов оговорил "права" России на Эрзурум, Трапезунд, Ван и Битлис. Кроме того, ей отдавалась расположенная к югу от Вана часть Курдистана[46].

Но вернемся к рубежу 1914 и 1915 гг.

2. Борьба за союзников

Все генеральные штабы грубо просчитались с определением сроков войны. Она затягивалась на неопределенное время. В этих условиях погоня обеих коалиций за союзниками обрела новые формы. Хладнокровное взвешивание их потенциала, оценка плюсов и минусов их вовлечения в войну, глубокие стратегические соображения перестали учитываться: любой ценой, во что бы то ни стало! У кандидатов появилась возможность заломить несусветную цену за сохранение своего нейтралитета или за выход из него. По меткому выражению Сазонова, к тому времени в Европе сформировались три блока государств: "triple alliance, triple entente et triple attente" (т.е. Тройственный союз, Тройственное согласие и Тройственное ожидание). К последней "тройке" он относил Италию, Румынию и Болгарию[47]. Эти три государства, союзоспособность которых резко возросла, не торопились присоединиться ни к одной из двух противостоявших группировок. Сохраняя нейтралитет, они внимательно следили за ходом военных действий и выжидали, на чью сторону склонится окончательная победа. Руководители их внешнеполитических ведомств, ведя одновременный торг с обеими коалициями, проводили в жизнь так называемую "дипломатию вращающейся двери", которая впускала одних участников переговоров, в то время когда другие выходили.

Так, итальянцы вели переговоры с Центральными державами по вопросу о сохранении благожелательного нейтралитета. Здесь им приходилось

преодолевать несговорчивость самого Франца Иосифа. Менее других зараженный национализмом, он не хотел уступать Италии даже вершок австрийской территории. В январе 1915 г. император наотрез отказался утвердить согласованное предложение Берхтольда и премьеров обеих частей своей монархии об уступке Трентино. Известно его заявление о том, что он "скорее сам пойдет в окопы, чем подарит итальянцам Южный Тироль"[48].

Под сильнейшим и под конец бесцеремонным давлением кайзера Вильгельма после долгих проволочек 8 марта 1915 г. Австро-Венгрия согласилась уступить Италии часть своей территории – Трентино[49]. Ради этого Германия обещала "уговорить" итальянцев "дать Вене свободу рук на Балканах" и даже изъявляла великодушную готовность компенсировать Австрию за счет польских земель. При этом в Вене надеялись, что Италия в ответ на эту уступку окажет давление на Румынию с тем, чтобы и та сохранила нейтралитет. Но 29 марта итальянцы вдобавок потребовали уступить им территорию от австро-итальянской границы до Триеста и далматинские острова[50]. Сделка не состоялась – цена итальянского нейтралитета была для Вены слишком высока. Не исключено к тому же, что в Риме знали о содержании шифровок берлинского начальства послам в Риме и в Вене. В них рекомендовалось настаивать на уступках итальянским домогательствам, ибо после победы в войне Италии все равно придется возвратить то, что получила[51].

Переговоры с Антантой шли для итальянской дипломатии успешнее. Великий князь Николай Николаевич еще зимой забил тревогу: "Немедленное содействие Италии и Румынии требуется повелительной необходимостью"[52]. Из-за давления со стороны Ставки ведомство Сазонова утратило всякую свободу маневра на этих переговорах. Лишь этим можно объяснить безропотное принятие всех требований Италии. Договор с нею был заключен в своеобразной форме: уполномоченные Великобритании, Франции и России подписались 26 апреля 1915 г. в Лондоне под итальянским меморандумом. Новобранцу предназначались Южный Тироль с Бреннерским перевалом через Альпы, полуостров Истрия на Адриатике с портами Пула и Триест и Далматинское побережье с прилегающими к нему островами. В Трентино наряду с итальянским населением проживало австрийское; в Истрии и Далмации на одного итальянца приходилось десять славян. Глава Консульты С. Соннино мотивировал свои притязания тем, что Далмация входила в культурный ареал средневековой Венецианской республики.

Итальянские аппетиты вышеназванным не ограничивались. Оговаривалось право на албанский порт Валону с хинтерландом, Додеканесские острова и некоторые земли в Малой Азии и, наконец, на щедрую компенсацию в Африке за счет Эритреи, Сомали и Ливии[53]. После подписания Лондонского договора итальянцы отклонили казавшиеся менее выгодными и запоздалыми в политическом отношении австрийские предложения, реализация которых к тому же откладывалась до завершения войны – при все еще гипотетическом ее исходе[54]. 3 мая Соннино направил в Вену ноту, в которой объявлял надежду на благополучный исход переговоров исчерпанной. Более того, он известил бывшую союзницу, что Италия "с этого момента возвращает себе полную свободу действий и объявляет аннулированным и не имеющим отныне силы союзный договор с Австро-Венгрией"[55]. Однако именно тогда Вена предприняла последнюю попытку сговориться с Римом и конкретизировала свои предложения. Не ведая ничего о Лондонском

договоре, ведомство на Балльхаузплац 4 мая выразило готовность пойти ради итальянского нейтралитета на новые территориальные и политические уступки[56]. Но Италия осталась верна данному в Лондоне слову и не переметнулась на сторону бывших союзников, несмотря на то что дела у них после прорыва у Горлице пошли лучше. 23 мая она объявила войну Австро-Венгрии. Но ожидаемого эффекта это не принесло.

Условия для торга с Антантой румынского премьера Брэтиану сложились сказочно-благоприятными, особенно после начавшегося в мае 1915 г. отступления российской армии. Просить у союзников немедленной поддержки в виде натиска на западе Сазонов счел бесполезным. Он вычеркнул из заготовленного текста телеграммы абзац, напоминавший, что осенью 1914 г., когда "германцы наступали на Париж, мы помогали французам не советами... а решительным ударом, нанесенным нами в Восточную Пруссию"[57].

Вместо этого союзники с нараставшей настойчивостью добивались выступления *Румынии, как единственного средства, способного спасти положение*. Под натиском с трех сторон – из собственной Ставки, от лица союзной дипломатии и из Бухареста – Сазонов шел на уступки. 3 мая румыны на карте обрисовали масштабы своих притязаний, далеко выходившие за рамки того, что отправдывалось этническим принципом. Они распространялись на Северную Буковину, населенную преимущественно украинцами, венгерские земли вдоль Тисы и сербские в Западном Банате[58].

На протесты Сазонова румыны и ухом не повели. Его заявление о моральной невозможности для России и Сербии уступать своих "соплеменников" не тронули каменных сердец оппонентов. Бухарестская печать усвоила заносчивый тон: влиятельная газета "Универсул" требовала у России "закрыв глаза, без торговли и поскорее" удовлетворить все румынские притязания[59]. Союзники, завороженные числом – 500 тыс. штыков, – настаивали на широкой уступчивости, благо она шла не за их счет. Наступление немцев ширилось, и позиции Сазонова в переговорах с Брэтиану оказались подорванными. Посланник в Петрограде К. Диаманди хладнокровно констатировал: "После вступления Италии в войну и пока русские находились у Карпат нам говорили, что наша помощь особого значения не имеет. В самый день падения Перемышля нам дали понять, что мы можем получить границу по Пруту и Черновицы; после эвакуации Львова темп уступок ускорился; почти что в день занятия немцами Варшавы все требования были удовлетворены"[60]. 3 августа 1915 г. Сазонов капитулировал.

Посланники держав Согласия в Бухаресте с нетерпением ожидали дня подписания акта. И тут произошел один из тех казусов, что создали Брэтиану репутацию коварного и двуличного политика: он заявил, что должен проконсультироваться с королем Фердинандом, прочими министрами и с лидерами оппозиции (как будто этого раньше не делалось!).

Согласно слухам, с готовностью доведенным до сведения российского посланника С.А. Поклевского, Брэтиану защищал подготовленную к подписанию конвенцию и, столкнувшись с сопротивлением коллег, в благородном порыве пригрозил отставкой; те заявили, однако, что не хотят лишиться его испытанного руководства, и премьер сдался на их уговоры. Принимая Поклевского, он прикинулся огорченным и подавленным и заверял, что считает конвенцию как бы подписанной[61]. Иными словами, он желал сохранить

лазейку в Антанту на достигнутых чрезвычайно выгодных условиях, но без всяких обязательств насчет срока выступления. А пока что российская армия продолжала скорбный путь на восток, десант англичан и французов застрял в песках Галлипольского полуострова у входа в Дарданеллы, их наступление в Артуа захлебнулось в крови. Следовало выжидать, следовало выиграть время.

В Румынии звучали взвешенные оценки общей стратегической ситуации на фронтах. По мнению газеты "Дрептатя", "Центральные державы одержали много внешних побед, но в сущности эти победы обошлись им слишком дорого, и чем дальше, тем положение Австро-Венгрии становится хуже"[62]. По прикидкам австрийского посланника Чернина, на девяносто процентов румынская общественность сочувствовала Антанте. Он пришел к выводу, что соблазнять Бухарест территориальными уступками бесполезно, – все равно Антанта посулит больше. Если Австро-Венгрию разобьют, румынская олигархия примет участие в ее разделе, не считаясь ни с какими соглашениями. Если же победа достанется Центру, она вспомнит, что "долг чести" повелевает ей вернуться к старым друзьям[63]. А пока что, дабы заглушить недовольство в Берлине и Вене, Брэтиану распахнул перед ними закрома, позволив вывозить зерно в неограниченном количестве.

София искушения немецкими победами не выдержала. Царь Фердинанд и Радославов, склонявшиеся к Центральному блоку, все же сознавали силу традиционного русофильства болгарского народа. Поэтому они были вынуждены вести с Антантой долгие и с трудом продвигавшиеся переговоры о возможных территориальных компенсациях за вступление в войну на ее стороне. Претензии болгар на македонские земли встречали нервную реакцию в Сербии. Ее ответ гласил: "Правительство не может дать державам Тройственного согласия полномочия предлагать и обещать территории, входящие в состав Сербского королевства"[64]. Посулы, что потери с лихвой будут компенсированы славянскими землями Австро-Венгрии, впечатления в Нише не производили. Требуемые жертвы, заявил Пашич российскому посланнику князю Г.Н. Трубецкому, "превышают возможное", создают стратегически невыгодную границу и поэтому "лучше с честью погибнуть, чем идти на самоубийство"[65].

Профессор Нотович укорял Пашича за срыв усилий по вовлечению Болгарии в союз: он – крайний националист, не желавший уступать ни пяди земли, он высокомерно третировал четырех посланников и даже издевался над беспомощностью Антанты[66]. Нотович прав в оценке ключевой роли Болгарии в регионе и, стало быть, важности ее привлечения на сторону Согласия, что позволяло ударить в тыл турецким войскам, оборонявшим Дарданеллы, обрекало Османскую империю на поражение и, вполне вероятно, предотвратило бы разгром Сербии. Но со следующим выводом маститого автора согласиться нельзя: не желая "обидеть" Сербию, Антанта "пренебрегла Болгарией. Эта роковая ошибка стоила ей по крайней мере полуторадвух лет удлинения войны"[67].

Предполагаемая комбинация была для Сербии неприемлемой, а потому и мертворожденной: болгарская сторона настаивала на немедленном принятии ее условий, т.е. на отторжении требуемых территорий, что было бы воспринято и населением, и армией Сербии как удар в спину, как награда за "предательство" Болгарии в 1913 г. В то же время обещанные щедрые ком-

пенсации сохранялись бы в тайне: не могли же участники Согласия, поднявшие оружие во имя восстановления попранных прав народов, объявить, что судьба хорватов, далматинцев, боснийцев и герцеговинцев заранее и без их ведома предрешена. Антантовская дипломатия безнадежно запуталась в межбалканских противоречиях и выглядела пассивной, будучи не в силах сдвинуться с мертвой точки. У болгарской оппозиции почва ушла из-под ног. А в союзе с австро-германской группировкой перед царем и Радославовым открывалась возможность приобрести все искомое немедленно на поле боя. Российская армия откатилась далеко от Балкан, провал Дарданелльской операции представлялся предрешенным и конец войны – не за горами.

6 сентября 1915 г. состоялось подписание сразу четырех документов. Соглашение с Турцией формально уладило разграничение во Фракии к известной выгоде для болгар и передало им всю железную дорогу от Свиленграда до Дедеагача и все течение Марицы[68]. Союзный договор и тайное соглашение с Германией "гарантировали" Болгарии "спорную" и "бесспорную" зоны в Македонии, а также некоторые исконно сербские земли – территорию Поморавья по верхнему течению реки до слияния Южной и Западной Моравы. В случае вступления в войну на стороне Антанты Греции или Румынии предполагалось вознаградить болгар Южной Добруджей и Кавалой, а также "исправить" болгарско-румынскую границу восточнее Силистры, что предусматривал еще Берлинский договор 1878 г. Была подписана и военная конвенция с обеими Центральными державами[69].

Уже на следующий день после подписания договора, 7 сентября, с согласия царя Радославов принял германское предложение об уступке Греции после окончания войны за ее нейтралитет двух округов в Македонии – Дойранского и Гевгелийского[70]. Это согласие, будучи верхом беспринципности Фердинанда и Радославова в трактовке болгарских национально-государственных интересов, косвенно подтверждает тот тезис, что в своих претензиях на Вардарскую Македонию София исходила не столько из этнического фактора, сколько из геостратегического. Зарясь на исконно сербские земли и стремясь к созданию "Великой Болгарии", она готова была пожертвовать лозунгом "национального объединения" и уступить территории, значительная часть населения которых считала себя болгарами.

Наличие захватнических тенденций в болгарской внешней политике того периода признавал задним числом, уже после войны, лидер прогрессивно-либеральной партии д-р С. Данев: "В этом договоре (от 6 сентября 1915 г. – *Авт.*) решался вопрос скорее об исчезновении Сербии с карты Европы, чем о нашем объединении[71]. Действительно, с самого начала войны болгарская правящая элита предусматривала геостратегическую сверхзадачу – элиминирование Сербии как важного фактора на Балканах. Все предложения о территориальных приобретениях в Македонии, исходившие от Антанты, изначально не удовлетворяли Софию потому, что они предполагали еще бóльшие компенсации Сербии и ее расширение в направлении Адриатики. Сохранение же Сербии на политической карте Европы, даже уменьшенной территориально, а тем более увеличенной, никак не соответствовало гегемонистским устремлениям Кобурга и части болгарских политиков. Такое положение дел толкало их в австро-германские объятия.

Существовала ли альтернатива подобному решению? Конечно, существовала. Ничто не мешало продлению болгарского нейтралитета. Согласие в

будущем его бы с готовностью оплатило[72]. Но для этого требовалась твердая убежденность в конечном торжестве именно этой группировки, отказ от всяких попыток воспользоваться благоприятной для Центральных держав конъюнктурой, готовность умерить территориальные аппетиты и пойти на компромисс. А в виде награды – избавление от национальной катастрофы. Все это оказалось за пределами политического горизонта Кобурга и кабинета Радославова.

14 октября 1915 г. австро-германо-болгарская коалиция всей своей силой обрушилась на Сербию и начался путь этой страны на Голгофу. Пашич заявил Трубецкому, что его страна последует примеру Бельгии и не сдастся, а Черногория 7 февраля 1916 г. капитулировала.

После этого последней точкой опоры на Балканах Антанте представлялась Греция, и дипломаты Согласия ринулись с головой в пучину раздиравших эту страну противоречий. Две "партии", короля и Венизелоса, шли здесь стенка на стенку. В марте 1915 г. монарх, казалось бы, одержал верх, отправив чересчур влиятельного и непослушного премьера в оставку. Но дать отставку Мегали идее, укоренившейся в народном сознании, своим острием направленной против Турции и осуществимой лишь в сотрудничестве с Антантой, он не мог. Поэтому следовало инсценировать переговоры с последней, и брат короля принц Георг направился по столицам. В Петрограде он навестил мать, великую княгиню Ольгу Константиновну (она же – вдовствующая королева эллинов, после гибели мужа уехавшая на родину). Исполнив сыновний долг, Георг переехал в Париж, где принялся интриговать против России, ибо его исходная позиция – не допустить ее утверждения в Проливах, выработать схему их интернационализации – была изначально несовместима с договоренностью, достигнутой между тремя державами Антанты.

Венизелос взял реванш, выиграв парламентские выборы 13 июня и вновь возглавив правительство 23 августа 1915 г. Сербский кризис он воспринял как сигнал к действию, чем воспользовался король, вновь отправив его в отставку 4 октября. Отвечая на грозный запрос аккредитованных в Афинах дипломатов Согласия, Константин заверил их, что примыкать к австро-германской группировке не собирается, да ему и не позволили бы. Англичане и французы превратили остров Корфу в базу переформирования сербской армии, что никак не вязалось с нейтральным статусом Греции, и наращивали силы на Салоникском фронте.

Кампания 1915 г. завершилась под победный грохот в немецкой печати. Создавалось впечатление, что Четверной союз торжествовал повсюду. Казалось, не существовало и самой малой ниши, в которую могла бы заползти идея замирения. И все же робкие попытки предпринимались, причем с победоносной германской стороны, и к ним был причастен канцлер. Далеко не все в Берлине верили в осуществимость повсеместного триумфа. Прощупывания в самом уязвимом – "русском" – направлении начались еще с декабря 1914 г. Тогда министр двора Фредерикс получил письмо от своего приятеля графа Ф. Эйленбурга, бывшего ранее близким другом германского кайзера. Николай II распорядился оставить это послание без ответа[73].

В апреле 1915 г. царица получила письмо от своего брата Эрнста, великого герцога Гессенского, с выражением надежды на возможность неофициальных контактов для того, чтобы рассеять "существующие трудности", и

с намеком на "скромность" территориальных претензий. Зная, что Николаю будет неприятен непрошенный демарш, Александра Федоровна ответила брату: "Время не пришло"[74]. Но принц Эрнст не прекратил своих миротворческих усилий. В декабре 1915 г. он воспользовался услугами пятидесятилетней "девицы Марии Александровны Васильчиковой". Война застала ее в Австрии, где она вполне комфортабельно проживала на вилле близ Вены. Эрнст снабдил ее тремя письмами – Сазонову, царю и Александре Федоровне, последние два – в незапечатанных конвертах, чтобы министр их прочел. Герцог ограничился благими пожеланиями: "Я знаю, – писал он сестре, – насколько ты сделалась русской. Но тем не менее я не хочу верить, чтобы Германия изгладилась из твоего немецкого сердца"[75]. Рассерженный царь лишил Васильчикову придворного звания и выслал ее в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернию.

Предпринимались попытки установить контакт и иного рода – с помощью не бросавшейся в глаза фигуры. Таковая была найдена в лице датского судовладельца Х.Н. Андерсена, в 1915 г. трижды посетившего Петроград. Несколько раз он был принят Николаем II, с матерью которого, Марией Федоровной (урожденой датской принцессой Дагмар), был лично знаком. Посланец заверял, что канцлер Бетман-Гольвег мыслит о мире, обеспечивающем интересы обоих соседей, уважающем "права и интересы" России. Император в свою очередь сказал, что военные успехи России (беседа состоялась до начала "великого отступления" русской армии) не допускают мысли о мире. Однако "некоторое время спустя он, Андерсен, может вновь приехать"[76].

Между тем сам канцлер уже давно не задавал тон во внешней политике, в то время как головы руководителей Генерального штаба кружились от успеха. На робкую просьбу Бетман-Гольвега не продвигаться далее Варшавы, иначе русские перейдут к "отчаянной борьбе", в ставке не обратили внимания. Аннексия не только Курляндии, но также Риги и всей Прибалтики[77] – с подобными условиями в Петроград нечего было и обращаться. Такими виделись генералам следующие шаги рейха.

Германия пребывала в победном угаре, бюргерство предавалось торжеству: враг повержен, нет силы, способной противостоять солдатам кайзера. С удвоенной энергией происходило составление все новых планов перекройки Европы. Венцом явился так называемый "меморандум профессоров", принятый 20 июня 1915 г. на съезде ученых, дипломатов и высших чиновников, состоявшемся в Доме искусств в Берлине. Его автором был теолог Р. Зееберг. Меморандум подписали 1347 участников собрания, из них – 352 профессора, включая, увы, светочей науки и культуры с мировым именем (например, У. фон Виламовиц-Мёллендорф, а также вожди пангерманизма историки Д. Шефер и Г. Белов). Документ доказывал необходимость для Германии территориальных приобретений на востоке. В числе военных целей значились Польша, Литва, Белоруссия, Прибалтика, Украина. При всем разнообразии форм их "государственной организации" – от прямого захвата и вхождения в рейх до провозглашения самостоятельности – мыслилось единство в их подчинении имперскому руководству. Тогда же был создан так называемый Независимый комитет за немецкий мир во главе с Шефером[78]. Поощрялось индивидуальное творчество. Так, кёнигсбергский профессор Ф. Лециус, "уточняя" будущие рубежи, писал о Новгороде и

Могилеве как о “немецких пограничных городах”, оставляя Петроград в “глубинке” “восточного пространства”. Министр внутренних дел К. Дельбрюк настаивал: Россия должна стать “прежним полуазиатским государством”[79]. Авторы “меморандума профессоров” выражали опасение, как бы дипломатические фраки не разбазарили то, что завоевал добрый прусский меч, так что слабодушные политики – интеллигенты вроде Бетман-Гольвега, подозревавшие, что можно допобеждаться и до поражения, получили отпор.

Притязания Австро-Венгрии выглядели скромнее. По мнению главы внешнеполитического ведомства И. Буриана, следовало добиться приращения мощи монархии и ее уверенности в себе. Для этого надлежало поставить Сербию и Черногорию под свое “политическое, военное и экономическое господство”, отняв у первой Белград и Неготин, а у второй – выход к Адриатике. Предполагалось установить “эффективный протекторат” над Албанией. Венгерский премьер Тиса, забыв о прежней “умеренности”, настаивал на присоединении Северной Сербии к своему королевству.

Все это именовалось “стратегическим улучшением границ”. “Уступчивость” Буриан проявлял только в отношении германских притязаний на Западе, благо они его не касались: нечего и помышлять о территориальных претензиях к Франции, в Бельгии – обеспечить экономические интересы второго рейха. Ему же Буриан предоставлял Бельгийское Конго[80]. Зато в отношении России немецкие аппетиты не оспаривались (быть может, потому, что союзник неохотно делился с Веной своими планами).

В то же время политическая и интеллектуальная элита Дунайской империи принимала активное участие в дискуссии вокруг организационных форм “Срединной Европы”. Толчок дискуссии дала одноименная книга Ф. Наумана, вышедшая в свет в 1915 г. С весны этого года вопрос о более тесном экономическом объединении Германии и Австро-Венгрии не сходил с повестки дня экономических обществ и союзов, как и политических партий. Между сторонниками и противниками планов экономического союза обеих держав и его вариантов развернулась ожесточенная полемика. Она нашла свое продолжение на конференциях с участием многочисленных представителей из Германии, Австрии и Венгрии и прекратилась лишь с окончанием войны. Во всех этих обсуждениях преобладающую роль играли экономические соображения[81]. Австрийские обществоведы в целом позитивно восприняли идею более тесной интеграции двух империй. При этом роль Австрии или Венгрии чаще ими осознавалась скорее имперски, чем узконационалистически, учитывая интересы многочисленных народов Дунайского бассейна. Эти идеи разделяли даже такие близкие к социализму ученые, как профессор Венского университета и издатель “Архива по истории социализма и рабочего движения” К. Грюнберг и лидер венгерской радикальной партии социолог О. Яси[82].

13 ноября 1915 г. германское ведомство иностранных дел направило на Балльхаузплац меморандум, содержавший идею унификации экономики обоих государств как составной части концепции углубления военно-политического союза между Германией и Австро-Венгрией. Это положило начало официальным переговорам о создании единой экономической области, охватывающей территорию обеих стран[83].

3. 1916: Центральные державы начинают поиски мира

К зиме 1916 г. горячие головы поостыли, двойное численное превосходство русских на фронте к составлению дальнейших прожектов не располагало. В узком кругу военные лидеры Германии сами признавали, что до торжества еще далеко.

Под Верденом немцы безнадежно застряли. А 4 июня начался знаменитый Брусиловский прорыв. Монархия Габсбургов очутилась на грани пропасти, от нанесенного удара она уже не могла самостоятельно оправиться. Воспрянула духом проантантовски настроенная румынская общественность. Газета "Епока" не жалела красок в описании обрушившихся на соседа бедствий: "Австрийская навозная куча, которая так долго отравляла воздух, разбросана русскими штыками, войска шенбруннского старца (т.е. императора Франца Иосифа. – *Авт.*) бегут на фронте в 300 километров". Передовую статью она озаглавила: «Брусилов – врач. Генерал излечивает правительство Брэтиану от "микроба нейтралитета"». Пора прекратить колебания – таков был смысл назиданий[84].

Румыния занимала важное, но не поддающееся однозначной оценке стратегическое положение на юго-востоке Европы. Это давало исключительные преимущества при развертывании наступательных операций, позволяя ударить в "мягкое подбрюшье" (австро-венгерское) Центральных держав, расчленить его участников и обречь Болгарию и Турцию на быструю капитуляцию. В случае же "оборонительного варианта" на первый план выступали невыгоды географического расположения Румынии: на юге – граница протяженностью в 500 км по Дунаю и по плоской равнине в Добрудже, на западе – 700 км по Карпатским горам. Неприятелю достаточно было преодолеть 150–200 км, чтобы разрезать страну надвое и загнать ее армию в грандиозный мешок. Поэтому генерал М.В. Алексеев, считавший пограничную линию уязвимой во многих точках, на случай "оборонительного варианта" отдавал предпочтение благожелательному румынскому нейтралитету, создававшему прикрытие южнороссийской границы на 400 верст. Полковнику А.А. Татаринову, направленному весной в Бухарест в качестве военного атташе, предписывалось "ясно показать, что мы не стремимся вовлечь румын в войну"[85]. Учитывалось и коварство замыслов Брэтиану: для "своих" войск он планировал освободительный поход в Трансильванию, русским же частям отводилась роль заслона в Добрудже против болгар. Глава проантантовской оппозиции Н. Филипеску придерживался того же мнения: "Посылка русской армии на юг от Дуная нам необходима не только стратегически, она необходима для окончательного бесповоротного разрыва между Россией и Болгарией"[86]. Таким образом, российскому царизму предлагалось собственноручно подорвать свои позиции на Балканах.

Летом ситуация изменилась: представлялось – двинься румыны на помощь Брусилову и двуединая монархия рассыплется на куски. 30 июня Алексеев телеграфировал в Бухарест: "Выступление Румынии теперь же будет иметь соответствующую ценность, чего не могу сказать, если решение будет отложено на неопределенное время. Обстановка повелевает румынам присоединиться к нам или теперь, или никогда"[87]. Союзные послы, особенно

Палеолог, настойчиво и даже назойливо наседали на Ставку и МИД, желая привлечь румын на свою сторону. В самый неподходящий момент царь отправил в отставку Сазонова и назначил на его пост безликого и подобострастного Б.В. Штюрмера.

Брэтиану по прочно усвоенной привычке продолжал торговаться, выговаривая новое исправление границы и дожидаясь подвоза вооружения. Румыния вступила в войну 27 августа 1916 г., когда Брусиловское наступление выдохлось и благоприятная обстановка миновала[88]. Ход операций румынской армии превзошел самые мрачные ожидания пессимистов.

Австрийцы и немцы встретили август почти что в трауре. Зримыми свидетельствами их неудач явились отставка Фалькенхайна с поста начальника Генерального штаба и назначение на этот пост фельдмаршала Гинденбурга, провал под Верденом, поражение на Восточном фронте. В создавшейся обстановке психологически нужен был хотя бы частный успех, чтобы подбодрить упавшего духом союзника, восстановить несколько упавшую репутацию армии, рассеять мрачные опасения, закравшися в некоторые умы. И тут подвернулась Румыния в качестве жертвы. Палеолог писал в связи с назначением Гинденбурга: "Так как невозможна никакая победа ни на русском фронте, ни на западном, то ...он постарается отличиться в Румынии"[89]. С конца сентября в Петроград и Могилев стали поступать отчаянные телеграммы о помощи от короля Фердинанда, Брэтиану и даже от королевы Марии, приходившейся Николаю II двоюродной сестрой[90]. Неприятель ворвался на румынскую территорию. С помощью русской армии удалось отстоять немногим более ее четверти.

Несмотря на этот провал, общий баланс сил все больше склонялся в пользу Согласия. Тыл у держав Четверного союза вступил в полосу непрекращавшихся и непреодолимых трудностей. Особенно тяжелой складывалась ситуация в Австро-Венгрии. Обычные трудности войны отягощались здесь острейшими национальными противоречиями. Чехи, словаки, поляки, румыны, сербы, хорваты, словенцы, украинцы стремились покинуть давший течь корабль "лоскутной монархии". Еще в мае 1915 г. политические деятели и представители интеллигенции югославянских земель Австро-Венгрии, находившиеся в эмиграции, основали в Лондоне так называемый Югославянский комитет. Его возглавил А. Трумбич – хорват из Далмации, разделявший точку зрения народного единства сербов, хорватов и словенцев. Вскоре возникли филиалы комитета в Петрограде, Париже, Женеве и Вашингтоне. Провозгласив своей целью освобождение югославян из-под власти Габсбургов, Югославянский комитет делал ставку на победу Антанты в войне[91]. Чехословацкий национальный совет под руководством профессора Т. Масарика также шаг за шагом последовательно и успешно добивался у Антанты признания в качестве правящего органа еще не существовавшего государства[92]. Центром движения за отсоединение стали США.

Летом 1916 г. умный и проницательный дипломат Чернин, побывав в отпуске на родине, пришел к выводу, что продолжение войны приведет Австро-Венгрию "с математической точностью" к катастрофе. Богемский аристократ, упорно отрицавший свои чешские корни, он еще по учебе в Пражском университете был знаком с эрцгерцогом Карлом Габсбургом, занявшим в ноябре 1916 г. австро-венгерский трон. 22 декабря Чернин возглавил ведомство на Балльхаузплац, сменив на этом посту Буриана. В Вене

зародилась мысль добиться мира за счет России, смягчив позицию немцев на Западе и поощряя их аппетиты на Востоке. Австрия же двинется на Балканы, займется "миллиардным объектом", Румынией, и "продаст" Польшу Германии. Тогда последняя пойдет-де на частичные уступки в Эльзасе. Обнаружилось, однако, что немцы не склонны к разделу сфер влияния и собираются хозяйничать и в Польше, и в Румынии[93].

Одной из военно-политических целей Германии являлась аннексия части Королевства Польского – пограничного с рейхом пояса земель, который предполагалось очистить от польского населения и заселить колонистами из Германии. Остальную часть королевства, а равно и некоторые белорусские, литовские территории предполагалось превратить в буферное "государство", входящее в "Срединную Европу"[94]. Но эти планы по-разному истолковывались в различных кругах германских империалистов[95]. Еще в августе 1915 г. немецкое военное командование разделило Королевство Польское на австрийскую и германскую оккупационные зоны. Линия раздела между ними примерно совпадала с границей раздела Речи Посполитой в 1795 г. Это расчленение было закреплено Тешинским договором, подписанным Центральными державами в сентябре 1915 г. Он не предрешал окончательных позиций сторон и должен был сохранить силу лишь на время войны.

Ухудшение же военной ситуации Четверного союза к осени 1916 г. и, в частности, растущие потери немцев на Западном фронте, побудили германские правящие круги пойти на некоторые уступки полякам. Соотношение численности войск обеих коалиций, включая резервы, выглядело для Центральных держав удручающе. Главный их стратег Людендорф сравнивал свои переживания с ощущениями кролика перед удавом. По его грустному замечанию, цвет немецкой армии лежал уже под землей.

По инициативе Людендорфа 5 ноября 1916 г. был опубликован рескрипт обоих императоров о провозглашении на территории Королевства Польского "самостоятельного государства с наследственной монархией и конституционным строем". Это "государство" создавалось в сильно урезанном виде, без включения в него земель, входивших в состав Германии и Австрии. Границы его подлежали определению в будущем. А пока, говорилось в манифесте, создав "собственную армию", вопросы организации, боевой подготовки и командования которой "будут урегулированы совместным соглашением", "Польское королевство" сможет продолжить "славные традиции польских войск старых времен..."[96] В этом-то и заключался скрытый смысл авторов затеи с "самостоятельностью" Польши. Они руководствовались, как признавал впоследствии Людендорф, "железными требованиями войны на человеческий материал"[97]. Немедленно была объявлена вербовка в польские вооруженные силы, "временно присоединенные" к рейхсверу. Людендорф надеялся, что поляки в знак признательности сформируют 15 дивизий. Но он обманулся – они не откликнулись на этот призыв[98]. На следующий день после опубликования рескрипта в Варшаве был учрежден Временный государственный совет, наделенный совещательными функциями при оккупационных властях.

Акт от 5 ноября заставил союзников России нарушить заговор молчания вокруг польского вопроса. Дело в том, что Антанта с самого начала войны считала его областью специальных и исключительных интересов царизма. Теперь же в парламентах начались дискуссии, а союзники стали

оказывать на Россию нажим, чтобы она "переиграла" Германию в польском вопросе.

Таков фон, на котором германская сторона выступила в конце 1916 г. со своей мирной инициативой. Формально она откликнулась на посреднические усилия президента США Вильсона, что позволяло избежать оттенка просительности. 29 ноября Бетман-Гольвег с трибуны рейхстага предложил Антанте сесть за стол переговоров без всяких предварительных условий. 12 декабря заявление было "овеществлено" в виде ноты на имя американского поверенного в делах, составленной в фанфаронски-победоносном тоне: "В этой борьбе Германия и ее союзники – Австро-Венгрия, Турция и Болгария, – доказали свою несокрушимую мощь". Самообольщаясь некоторыми военными успехами (стабильность Западного фронта, взятие Бухареста и пр.), Германия, по едкой характеристике одного дипломата, не предлагала мир, а угрожала им. "Милостивое" обещание – "Германия и ее союзники не стремятся раздавить или уничтожить своих противников" – вызвало раздражение в стане Антанты[99]. Инициативу немецкой дипломатии здесь восприняли как маневр, долженствовавший продемонстрировать перед "своей" общественностью собственное миролюбие и тем самым подлатать дававший трещину фронт национального согласия. Мирная нота, не содержа сколь-либо конкретных предложений, была, как и замышляли ее авторы, сугубо пропагандистским шагом.

Поскольку передаточной инстанцией служили американцы, отмолчаться адресаты не могли. Британский кабинет отверг всякую возможность достигнуть договоренности: на "половинчатый, ненадежный, позорный компромисс" он не шел[100]. Выдвигалось требование "достаточного возмещения за прошлое, достаточных гарантий на будущее". Таковыми считалось восстановление независимости Бельгии, передача Франции Эльзаса и Лотарингии, предоставление объединенной Польше автономных прав, территориальные приращения Сербии и Румынии, "возмещение" Италии, передел колоний. Еще категоричнее высказались французы. "Святотатством" назвал председатель правительства А. Бриан всякую попытку замирения. Путь к нему преграждали Эльзас и Лотарингия, без возвращения которых французы не мыслили окончания войны. Немного позже последовало уточнение антантовской программы: "освобождение итальянцев, славян, румын, чехов и словаков от чужеземного ига", "изгнание из Европы Оттоманской империи" и избавление континента "от жестокого ига прусского милитаризма"[101]. Все это выглядело совершенно неприемлемым для "победоносной" Германии.

Безрезультатно закончились осторожные немецкие зондажи в Петрограде. Свидание товарища председателя Думы и будущего министра внутренних дел А.Д. Протопопова с гамбургским банкиром Ф. Варбургом в июне 1916 г. в Стокгольме, в ходе которого последний изложил германские условия мира с Россией, не получило продолжения. Встреча состоялась по инициативе немецкой стороны во время возращения думской делегации из поездки по Западной Европе. В ходе этого вояжа еще раз была продемонстрирована приверженность России своим союзническим обязательствам и ее стремление вести войну до победного конца. Бетман-Гольвег уныло признавался в письме к болгарскому царю Фердинанду от 23 октября: "Ваше величество знает, как мои неоднократные заявления о готовности к миру именно

на берегах Невы вызывали эхо иронии и сарказма"[102]. Акт от 5 ноября о "возрождении Польши" был повсеместно расценен как свидетельство провала заигрываний с царским двором.

В 1916 г. Ленин поставил вопрос о наступившем "повороте от империалистской войны к империалистскому миру"[103], ссылаясь на проникшие в швейцарскую печать сведения о стремлении самодержавия пойти на сепаратную сделку. Так ли это? Можно ли обычные в военное время попытки выяснить намерения противника и его условия считать поворотом к миру? А.В. Игнатьев подчеркивает различие между "тайным зондажем мирных условий противника" и "склонностью пойти на сговор с ним". В.С. Васюков придерживается такого же мнения: налицо была «попытка "прощупать" противника, разведать его состояние, настроение правящих кругов, армии, населения»[104]. На рубеже 1916–1917 гг. выявилась полная несовместимость программ сражавшихся. Германия в каком-то смысле стала пленницей успехов своей армии, шовинистический угар мешал трезвому анализу сложившейся ситуации и препятствовал возможности идти на кардинальные уступки в условиях урегулирования. И не простаки же сидели в кабинетах Лондона и Парижа, чтобы отправить на склад горы произведенного оружия, распустить миллионные армии и капитулировать, когда уже появились шансы на победу.

Россия переживала глубочайший кризис. "Великое отступление" подорвало зыбкую стабильность в обществе. Палеолог заносил в свой дневник записи, свидетельствовавшие о полном разочаровании в высших сферах: "беспокойство и уныние; войной больше не интересуются; в победу больше не верят; с покорностью ждут самых ужасных событий". Померкла былая притягательность идеи приобретения Константинополя и Проливов. Генерал Алексеев в доверительной беседе именовал планы овладения ими "прекрасной мечтой" и "чарующей иллюзией" и склонялся к сепаратному миру с Турцией. Предпоследний глава царского правительства А.Ф. Трепов в речи в Думе упомянул о Константинополе, что вызвало, по словам присутствовавшего там Палеолога, "эффект индифферентности и удивления, как если бы Трепов откопал старую утопию, некогда дорогую и с тех пор давно забытую".

А в низах – 31 октября 1916 г. – "два дня бастуют уже все заводы Петрограда"[105]. Солдаты грезили о мире. В Петрограде в бесконечных очередях распространялись слухи один нелепее другого, вплоть до того, что императрица будто бы в Царском Селе установила аппарат и по прямому проводу общается с кайзером Вильгельмом. Не где-нибудь в печати, а с думской трибуны из уст лидера партии народной свободы Милюкова прозвучало слово "измена".

Послы Великобритании и Франции, нарушая предписанную дипломатам сдержанность, запросили аудиенций у Николая II. Император принял их сдержанно и отчужденно. Бьюкенен неосторожно посоветовал ему вернуть доверие народа. Царь холодно ответил, что это народу надлежит вернуть себе доверие монарха. Александра Федоровна, внучка королевы Виктории, англичанка по воспитанию, доктор философии Оксфордского университета, от которой, казалось бы, следовало ожидать если не понимания, то хотя бы терпимости к конституционным институтам, стояла насмерть на защите прерогатив самодержавия. Из Царского Села мужу в Ставку поступали

советы: "...Будь Петром Великим, Иоанном Грозным, императором Павлом – раздави их всех под собой..."[106].

В советское время в течение 70 лет во всех хранилищах днем с огнем искали свидетельства "заговора двора", его готовности идти на мировую с Германией. Не нашли ни единой страницы, ни единой строчки, ни единой фразы. И Николай, и Александра стояли за войну до победного конца. Находившаяся в годы войны в Киеве вдовствующая императрица Мария Федоровна в письме к сыну от 16 декабря 1916 г. высказывала свое мнение по этому вопросу: "Мы все находимся под впечатлением немецких предложений (о мире. – *Авт.*). Все время одно и то же, он (Вильгельм. – *Авт.*) стремится встать в позу миротворца и возложить всю ответственность на нас, если они не будут приняты. Я очень надеюсь, что никто не попадется на эту уловку и мы, и наши союзники сохраним твердость и единство и отвергнем эту предложенную руку..."[107]

Уверенность Марии Федоровны была обоснованной. В приказе Николая II по армии от 12 декабря 1916 г. звучала убежденность в победе: "Враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач, обладание Царьградом и Проливами, равно как и создание свободной Польши из всех ее ныне разрозненных частей, еще не обеспечены"[108]. Бьюкенен свидетельствовал: "Англия никогда не имела более лояльного друга и союзника, чем император Николай. Он был верен нам вплоть до самого конца"[109].

В разгар поисков "измены" академик Е.В. Тарле предупреждал насчет их полной безнадежности: царизм не мог пойти на сепаратный мир, хотя в некоторых российских правомонархических кругах подобные идеи находили понимание и поддержку. Внутри страны это грозило потерей трона, вовне – утратой Россиею ранга великой державы, ибо при любом исходе победитель стал бы третировать ее как величину ничтожную. В том же духе рассуждал Палеолог (дневниковая запись от 27 октября 1916 г.): победа не может ускользнуть от держав Согласия, "Германия так же не способна разбить их, как и продолжать войну бесконечно. Если бы, что невозможно, Россия теперь отделилась от союзников, она на следующий день оказалась бы среди побежденных; это было бы для нее не только несмываемым позором, это было бы для нее национальным самоубийством"[110]. Большинство историков придерживается такой точки зрения и ныне[111].

4. Россия движется к выходу из войны, США вступают в нее

Ночь с 15 на 16 марта 1917 г. На подъездных путях к станции Псков – царский поезд. Тяжелый для Николая II день миновал, не оставив никакой надежды. Ни один из командующих фронтами и военными округами его не поддержал. Император подписал акт об отречении от престола.

Придя в себя от шока, вызванного тем, что в одночасье рухнула трехсотлетняя монархия Романовых и на ее развалинах возникла республика с полным набором гражданских и политических свобод, демократическая и либеральная общественность мира разразилась аплодисментами. Пресса Соединенных Штатов уподобляла события в России Великой Французской

революции. Правительства и военные штабы Антанты отнеслись к перевороту более сдержанно и, прислав положенные поздравления, принялись гадать, как отразится революция на российской армии и на ходе войны? Россия превратилась в большую загадку.

Однако первые признаки выглядели для союзников ободряюще: 19 марта Милюков, ставший министром иностранных дел, подтвердил решимость Временного правительства вести войну до победного конца и верность союзным обязательствам. Стержнем провозглашенной им программы являлся пункт о присоединении к России Константинополя и Проливов: "Перемена правительства не изменила наших стремлений. Мы более, чем когда-либо, желаем владеть Константинополем, который необходим для нашей экономической свободы". Впрочем по этому вопросу его голос был едва ли не единственным в правительстве. Тут же следовал тезис об "освобождении угнетенных национальностей Австро-Венгрии", создании "солидно организованной Югославии", защите Балкан от немецких притязаний. Иными словами – ликвидация Габсбургской монархии, образование на ее месте ряда самостоятельных государств (причем подразумевалось, что Западная Украина перейдет к России)[112].

Польше Временное правительство посвятило особое воззвание от 29 марта, высказавшись в пользу создания "независимого Польского государства из всех земель, населенных в большинстве польским народом", т.е. с присоединением территорий, входивших в состав Германии и Австро-Венгрии. Далее следовала наводящая на размышления формула: "Соединенное с Россией свободным военным союзом, Польское государство будет твердым оплотом против напора средних держав на славянство..."[113]. А что, если "освобожденный и объединенный польский народ" не захочет вступать в "свободный союз", сочтя его ненужным бременем?

Несмотря на проявленную Милюковым лояльность к союзникам, французскому послу Палеологу заявления Временного правительства показались недостаточно решительными. Он сделал резкое внушение министру (по словам последнего, "набросился на него" с "негодованием и жестокими укорами") за то, что не подвергся осуждению "прусский милитаризм", и Германия в обнародованных документах вообще не упоминалась. Милюков обещал "исправиться", что, однако, оказалось не в его власти[114]. Как бы то ни было, признание союзниками Временного правительства произошло не без заминки, они ожидали прояснения обстановки.

Не обошлось без легкого конфуза: опередив на двое суток Британию и Францию, первыми признали Временное правительство Соединенные Штаты, заглядывавшиеся на обширный российский рынок. Американский капитал успешно заполнял нишу, оставшуюся после изгнания немецкого, и, по словам посла Д. Фрэнсиса, смотрел "жадными глазами" на залежи ископаемых, запасы водной энергии, возможности железнодорожного строительства. Экспорт США в Россию за три военных года вырос в десять раз! Существовало еще одно веское обстоятельство: Вашингтон вот-вот собирался объявить войну Германии, необходимость же вступать при этом в союз с царизмом, достаточно одиозным в глазах американской общественности, смущала политиков "первой новой нации", наследников Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона. А тут самодержавие пало словно бы по заказу, и в России возник режим со всеми атрибутами демократии. Милюков торопил Фрэнсиса,

сообщив ему 18 марта, разумеется "конфиденциально", что Англия может опередить США в признании новой российской власти. На следующий день американский посол беседовал с военным министром Гучковым. Тот выразил пожелание, чтобы признание Временного правительства состоялось в этот же день. Он не был уверен, что кабинет просуществует неделю[115].

Спохватившись, послы Великобритании, Франции и Италии заготовили необходимые грамоты. Палеолог оставил описание церемонии, столь отличной от прежнего торжественного акта и оставившей удручающее впечатление у дипломатов. Мариинский дворец являл картину запустения: повсюду грязь, битое стекло, в вестибюле "оборванные, грязные, наглые солдаты курят, валяются на скамейках"; парадная лестница не подметалась со дня переворота. Вместо церемониймейстера дипломатов встретил сам Милюков, который провел их в зал, нашарил на стене выключатель. Зажегся свет, появились министры в будничных пиджаках, с портфелями под мышками...[116]

Внешнеполитическая программа Временного правительства была изложена в декларации от 9 апреля. В ней заявлялось, что "цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов"[117]. Декларацию сопровождала нота Милюкова. Министр подтверждал в ней преемственность внешнеполитического курса и верность союзным договорам.

Однако мало кто, кроме самого Временного правительства, считал, что имелись серьезные предпосылки для осуществления данной программы и тем более в полном объеме. Власть Временного правительства простиралась не слишком далеко за пределы Петрограда. Россия становилась неуправляемой, о чем свидетельствовали иностранные представители, в том числе и американские. Возникновение или угроза вакуума власти на гигантской территории бывшей империи тревожили политические верхи США, к тому времени почти уверовавшие, что именно им, исходя из геополитических соображений, предначертано заместить влияние европейских держав в России, *сняв прежде всего опасность развала Восточного фронта и продвижения* немцев в глубь территории бывшей империи Романовых.

Ход событий не оставлял выбора, облегчая выход правительства США на решения, превращающие Америку в воюющую страну. Но одной констатации неотвратимости разрыва Америки с заповедями отцов-основателей оставаться вне европейских конфликтов было бы недостаточно. Что конкретно заставило президента Вильсона, два с половиной года избегавшего этого решительного шага, все же сделать его в апреле 1917 г.? Было ли судьбоносное решение принято под давлением неизбежных обстоятельств, или Вильсон имел перед собой альтернативу, мог продолжать объявленную США 4 августа 1914 г. политику нейтралитета? Какие факторы внешне- и внутриполитические повлияли на его решение? Вот вопросы, активно дебатируемые историками.

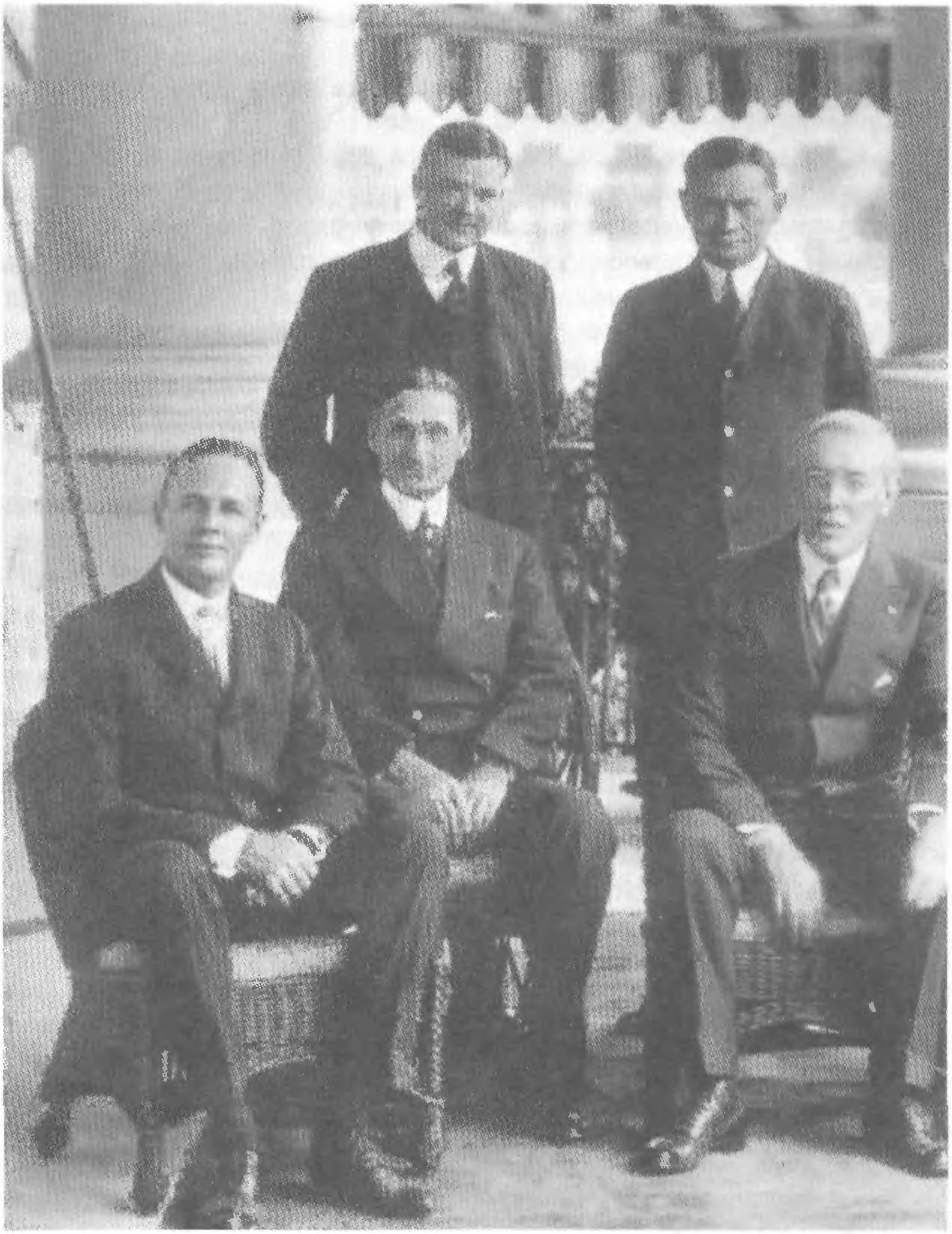
Некоторые из них идеализируют шаги президента, якобы пытавшегося сохранить непредвзятое отношение к участникам конфликта и едва ли не принужденного пойти на крайние меры действиями Германии на море. Другие изображают его прагматичным дельцом, выбиравшим наиболее выгодный для США момент вмешательства в войну, а потому и "тянувшего" с ним

два с половиной года. К числу приверженцев подобного взгляда можно отнести и многих российских исследователей[118].

Столь разные точки зрения роднили, однако, два момента. Во-первых, единодушное признание инициативной роли главы исполнительной власти в принятии решения о вступлении в войну. Такое утверждение кажется вполне обоснованным. Действительно, Вильсон брал на себя бремя осмысления и принятия важнейших внешнеполитических решений в исключительно непростой обстановке. Во-вторых, среди причин – или предлогов – вовлечения США в войну в трудах многих исследователей на первое место безоговорочно ставился фактор германской подводной войны. Подобный подход, как нам представляется, не бесспорен. Он рождает законный вопрос: неужели президент, стерпевший трагедию "Лузитании" (ни до, ни после мая 1915 г. аналогов не имевшей), два с лишним года выдерживавший ожесточенную критику за дипломатическое маневрирование со стороны провоенных сил во главе с экс-президентом Т. Рузвельтом, безусловно осведомленный о неподготовленности страны к войне, о пацифистских и изоляционистских настроениях громадного большинства американцев, весной 1917 г. был настолько выведен из себя германскими действиями на море, что не нашел аргументов в пользу продолжения политики нейтралитета? Какие иные весомые и значимые факторы (может быть, не менее важные, чем сама подводная война) вкупе с ней определили решение Вильсона о вступлении в войну?

Президент США следовал политике нейтралитета постольку, поскольку полагал, что она в наибольшей степени отвечала интересам страны. Конечно же, он был потрясен трагедией народов Европы и понимал, что в США шок от сообщений о кровавом кошмаре пройдет не скоро. Однако Вильсон учитывал изоляционистские, антивоенные настроения большинства американцев и стремился сохранить единство нации. Это было важно в условиях войны и нараставшего социального напряжения. Между тем симпатии миллионов иммигрантов оказались расколотыми между враждующими европейскими коалициями. Сплоченная немецкая община решительно поддержала действия Германии. К радетелям Четверного союза принадлежали австрийцы и венгры, а также ирландцы, ненавидевшие британских угнетателей, и тысячи антирусски настроенных евреев и поляков.

Большинство же граждан США сопереживали странам Антанты. Англосаксонское происхождение, общность языка, культуры, общественно-политических институтов, личные и деловые отношения связывали большую часть политической и деловой элиты с Британией. Хотя историческая память о периодах вражды с "владычицей морей", начиная с войн за независимость и 1812 г., оставалась весьма живучей, предвоенные десятилетия не были омрачены серьезными столкновениями. Чего нельзя сказать об американо-германских отношениях: между двумя странами имели место серьезные конфликты (в 1879–1899 гг. из-за Самоа, в 1891 г. в Чили, на следующий год в Венесуэле). Репутация Франции в США была очень высока: страна развитой демократии, страна Лафайета, прошедшая великую революцию, сравнимую с войной за независимость США. Первые военные неудачи Франции давали повод смотреть на нее как на подвергшуюся нападению. К тому же ее участие в войне увязывалось с трагедией захваченной немцами Бельгии[119].



Вудро Вильсон (1-й ряд крайний справа) и члены его военного кабинета

Более критическим было восприятие просвещенной частью американского общества России, ассоциировавшейся с авторитарным режимом, его политическими репрессиями и национальными притеснениями, экспансионистской внешней политикой. Однако, поскольку "лицо" Антанты для американцев определяли Британия и Франция, в целом ее образ оставался весьма привлекателен. Антантофильские настроения были особенно сильны среди выходцев из многонациональной Австро-Венгрии – чехов, словаков, словенцев, хорватов[120]. За симпатии американцев шла битва германской и английской пропаганды; более изощренная, эффективная британская бесспорно ее выигрывала. Вильсон же, объявляя нейтралитет

4 августа 1914 г., призвал американцев оставаться нейтральными "в делах и в мыслях".

К проведению политики нейтралитета толкала и реальная оценка ограниченных внешнеполитических возможностей США. Их армия, военно-морской флот были значительно слабее, чем у европейских держав. Американцы уступали им и по силе экономического присутствия в различных регионах мира, вывозу капитала, торговле и торговому флоту, размерам колониальных владений. США оставались должником европейских государств (к началу войны сумма долга составила 3,7 млрд долл.)[121]. Политика нейтралитета давала надежды сократить или преодолеть отставание по многим параметрам. Удаленность США от театров военных действий, отсутствие той остроты противоречий с европейскими державами, которая заставила бы немедленно ввязаться в войну; наконец ее возможная скоротечность также делали сохранение нейтралитета политикой предпочтительной.

Нейтралитет создал благоприятные условия для роста экономического могущества США. Выполнение заказов европейских стран позволило американской промышленности преодолеть кризис, поразивший ее осенью 1913 г. С середины 1915 г. начался подъем. Практическую выгоду от расширения американской торговли в огромной мере извлекли державы Антанты, пускай даже попадая в зависимость от США: господствовавший на море английский флот обеспечивал доставку грузов через океан. Германия такими возможностями не располагала. В 1914–1916 гг. объем торговли США со странами Антанты вырос с 754 млн долл. до 2,7 млрд долл. Указывая на производство и закупки товаров в США державами Согласия, Германия неоднократно выражала недовольство и ставила вопрос об истинности американского нейтралитета. Однако в Вашингтоне утверждали, что такая практика соответствует нормам международного права и традициям Америки. Звучавшие в Конгрессе предложения о введении эмбарго на поставки военных товаров широкой поддержки у законодателей не находили[122].

Решая вопрос о финансировании воюющих государств, лидеры США стремились к превращению свой страны в перспективе в финансовый центр мира. В октябре 1914 г., учитывая готовность стран Согласия брать кредиты под обеспечение золотом и ценными бумагами, Вильсон санкционировал их предоставление американскими банками. И уже в ноябре "Нэшнл сити бэнк" открыл французскому правительству кредит в 10 млн долл. Исключительную роль в финансировании союзников сыграл банкир Дж.П. Морган, добившийся выделения им в период нейтралитета кредитов на 1,5 млрд долл.[123]

Так что действия США в целом благоприятствовали Антанте. Вильсон при этом решительно протестовал против политики Лондона, наносившей порой ущерб интересам американцев. Многие из них вели выгодную торговлю с Германией, используя для транзитных перевозок нейтральные страны. Установление и неоднократное ужесточение англичанами морской блокады, включая введение эмбарго на многие виды товаров, репрессии против торговавших с немцами фирм ("черные списки", установленные летом 1916 г.) наносили значительный ущерб американским бизнесменам. Когда терпение Вашингтона достигало критической отметки, он посылал в Лондон резкие ноты, доказывая неправомерность британских действий на море. Но британцы были достаточно искусны, чтобы не доводить дело до серьезного

кризиса. Лондон вовремя шел на уступки, искал компромисс и обосновывал свои действия нормами международного права[124]. Кроме того, англичане не уничтожали собственность граждан США, а, захватывая ее, предпочитали либо вернуть, либо выкупить. Англия отказалась от эмбарго на целый ряд товаров (каучук, хром, марганец). И главное, действия английского флота не несли угрозы жизни американских граждан. Германия же, используя для борьбы с британской морской блокадой подводные лодки, действовала с "точностью до наоборот". Начав подводную войну в феврале 1915 г., немцы, в отличие от англичан уничтожали собственность американских граждан, к тому же германская дипломатия действовала грубо и вызывающе. Это имело серьезные внутриполитические последствия: Вильсон с трудом предотвратил принятие в феврале 1916 г. Конгрессом резолюции, запрещавшей гражданам США плавать на вооруженных торговых судах Антанты[125].

Антантофильская пресса уподобляла действия Германии ее морскому разбою. К этому добавились разоблачения шпионской деятельности немецких дипломатов в США и организации германской агентурой террористических актов на американских оборонных заводах. Образ немца все более обретал черты врага, несшего угрозу миру и США варвара-разрушителя. Внутри страны нарастала изоляция немецкой общины[126]. Вильсон, однако, демонстрировал выдержку и осторожность, понимая, что страна не была готова к войне – с точки зрения ни состояния армии и флота, ни настроений в обществе. Этот аргумент использовали сторонники быстрого усиления вооруженных сил. Движение "готовности" к войне набирало силу уже с осени 1914 г. Тон ему задавали видные военные, консервативные республиканцы и представители крупного капитала: генерал Л. Вуд, бывший президент Т. Рузвельт, военный министр Г. Стимсон, сенатор Г.К. Лодж. После потопления "Лузитании" на страну обрушился шквал милитаристской пропаганды. Особенно усердствовали Национальная лига безопасности (действовала с декабря 1914 г.) и Американское общество обороны (с августа 1915 г.). С лета 1915 г. началось создание лагерей для военной подготовки гражданских лиц ("Платсбургское движение")[127].

Стратегическая линия лидеров движения "готовности" отвечала взглядам Вильсона. Но, воинственная критика республиканцами, нередко в политических целях, президента за якобы "невнимание" к вопросам обороноспособности мешала тонкой дипломатической игре, которую Вильсон вел с европейскими государствами. Учитывая динамику общественного мнения, с середины 1915 г. он все более активно выступал за усиление вооруженных сил. В декабре 1915 г. президент предложил программу их увеличения; его идеи были отражены в законе о национальной обороне (июнь 1916 г.). Согласно принятому 8 сентября 1916 г. закону об ассигнованиях на флот, в течение трех лет предполагалось вывести военно-морские силы США на второе место среди мировых держав[128].

В то же время, Вильсон, учитывая широкое распространение антивоенных настроений в обществе, пытался представить себя сторонником быстрейшего прекращения войны. Этот образ поддерживали активно действовавшие пацифистские организации – Американский союз против милитаризма (создан в ноябре 1915 г.), Национальная федерация мира (с декабря 1914 г) и ряд иных. Пацифистские организации во многом определяли идейно-политический климат американского общества. Они требовали отка-

заться от поставок вооружений в Европу и наращивания военной мощи США, остановить милитаризацию их внутриполитической жизни, настаивали на необходимости посреднических усилий Вильсона в пользу быстрейшего прекращения бойни[129]. Как будто бы идя навстречу этим требованиям, Вильсон направил своего ближайшего советника по внешнеполитическим вопросам полковника Хауза в вояж по Европе в январе–мае 1915 г. и в декабре 1915 – феврале 1916 гг. Однако его предложения наталкивались на сопротивление одной или обеих сторон, веривших в возможность военной победы. Более преуспел Хауз в решении задач внешнеполитического зондажа, выяснения перспектив европейской войны. Кроме того, он "снимал" накопившиеся в англо-американских отношениях проблемы, готовя почву для выступления США на стороне Антанты. Об этом говорил секретный меморандум, подписанный Хаузом и министром иностранных дел Великобритании Греем 22 февраля 1916 г. Впрочем Вильсон счел документ слишком смелым[130].

Навязывая себя европейским державам в качестве посредника, Вильсон выступил с идейным обоснованием претензий США на самое активное участие в устройстве послевоенного мира. В выступлении перед Лигой принуждения к миру (27 мая 1916 г.), в разговоре с французским послом М. Жюссераном и в ряде речей он утверждал, что реализация известных принципов позволит обеспечить укрепление демократических тенденций в развитии мирового сообщества и гарантировать человечество от повторения ужасов войны. Вильсон развивал идеи территориальной целостности, независимости государств, невмешательства в их внутренние дела, равноправия наций, создания международной организации для решения спорных межгосударственных вопросов мирным путем, а также ряд других[131]. Президент, находившийся в силу нейтрального положения США как бы над схваткой, придал своим инициативам характер откровения, имевшего источником общение со Всевышним.

Вильсон сумел поднять эти принципы на уровень государственной политики и провозгласить целью внешнеполитических усилий страны. Эти принципы при всем их демократизме и привлекательности для либералов, пацифистов, широких народных масс отвечали практической выгоде США и цели превращения их в ведущую державу мира.

Внешнеполитическая линия США могла стать более жесткой, если бы на президентских выборах 1916 г. победу одержали республиканцы, имевшие репутацию более воинственной партии. Им удалось добиться объединения своих сил. На съезде республиканцев 7 июня 1916 г. был выдвинут авторитетный кандидат – бывший член Верховного суда Ч. Хьюз. Назвав Вильсона своим избранником неделю спустя, демократы рекламировали успехи социального законодательства и гибкую внешнеполитическую линию демократической администрации, нацеленную и на "разумную готовность", и на сохранение мира для американцев. Партия Вильсона шла на выборы под лозунгом "Он удержал нас от войны". Вильсон победил, получив на 591 тыс. голосов больше соперника[132].

После этого Вильсон возобновил активное наступление на дипломатическом фронте. 18 декабря 1916 г. он призвал воюющие страны открыто определить цели войны, найдя решение на основе компромисса с американскими принципами. 22 января 1917 г. он выступил с речью "О мире без побе-

ды". Президент проводил здравую мысль: следствием несправедливого мира и унижения побежденного будут поиски реванша, что сделает новую войну неизбежной. Ответ европейских держав (10 января 1917 г. – Антанты, 31 января – Германии) не оставлял сомнений, что они совсем не готовы серьезно говорить о мире. Причем немцы отказывались вообще признавать роль Америки в каких бы то ни было переговорах о мире[133].

Дальнейшее развитие событий определялось обострением отношений США с Германией, начавшей 1 февраля 1917 г. неограниченную подводную войну. Без промедления Вильсон делает резкий поворот: через два дня США разорвали дипломатические отношения с Германией. Но немцы не вняли предостережению: до начала апреля жертвами подводного разбоя стал еще десяток американских кораблей. 26 февраля Вильсон потребовал от Конгресса поддержать его намерения вооружить торговые суда для борьбы с подводными лодками, но не смог преодолеть сопротивление 11 сенаторов – изоляционистов и пацифистов. Тогда президент обошел Конгресс, разрешив вооружать суда своим указом. 1 марта он выложил главный козырь: полученную по каналам британской разведки телеграмму от 16 января 1917 г. статс-секретаря по иностранным делам Германии А. Циммермана германскому посланнику в Мексике, предлагавшую начать переговоры с правительством этой страны о заключении военного союза против США. Для Вильсона телеграмма Циммермана была настолько своевременной, что поначалу он даже на какое-то время заподозрил подделку. Но немецкие дипломаты сами подтвердили ее подлинность. Словно задавшись целью помочь Вильсону, они совершили грубейший промах. На гребне поднявшейся патриотической волны кабинет 20 марта высказался за вступление США в войну[134].

Одной из важных причин такого решения американских политических лидеров стало новое общественно-политическое положение в России, сложившееся, как уже отмечалось, после Февральской революции. Новая ситуация была подвергнута серьезному анализу. Видным американским специалистам – профессору Чикагского университета С. Харперу и известному либералу и публицисту Дж. Кеннану, с мнением которых считался президент, – предстояло ответить на вопрос, имевший принципиальное значение для определения внешнеполитической стратегии Вашингтона: как скажется свержение царизма на участие России в войне? В случае положительного ответа на него судьба восточного фланга Антанты могла показаться лидерам США обеспеченной, а перспективы войны обретали для них новый смысл. Именно так виделись события в Петрограде многим в США. Харпер, например, полагал, что целью участников революции было "более решительное ведение войны". В унисон с этим прогнозом звучали и советы Кеннана. Чтобы рассеять всякие сомнения, оба они ссылались на мнения членов Временного правительства и в первую очередь Милюкова, пользовавшегося особым уважением в кругах либеральной интеллигенции США[135].

Из-за океана Кеннану и многим другим казалось, что внешний враг и свержение авторитарного режима сплотили русское общество, объединили в едином порыве самые широкие социальные силы – дворян и крестьян, рабочих и предпринимателей. Самым ценным приобретением русской демократии обозреватель газеты "Букмен" А. Ярмолинский считал поддержку революции "националистически, антигермански настроенным русским

офицерством", а также интеллигенцией, в массе своей придерживавшейся либеральных взглядов. Вполне логичным выглядело утверждение, что после Февраля война должна обрести новый смысл для миллионов россиян, понимавших, что "новорожденную русскую демократию" следовало отстаивать и защищать. Дилемма, перед которой стояли россияне, казалась американцам столь простой и понятной, что фактически исключала возможность ошибки. Здравый смысл подсказывал гражданам России сражаться до победы. Только она обеспечивала реализацию внешнеполитических целей России; только она, размышлял "Букмен", гарантировала ее от реставрации авторитарного режима, от экономического и политического закабаления и порабощения Германией[136].

По глубокому убеждению американских аналитиков, а также редакций влиятельных журналов "Аутлук" и "Индепендент", революционный взрыв в России был в немалой степени спровоцирован действиями правящей верхушки, не желавшей вести войну с полной отдачей сил и тем самым парализовавшей усилия русского народа, нацеленные на победоносное завершение кровавой тяжбы народов. Теперь в лице Временного правительства Россия обрела пользующееся доверием граждан, а потому и надежное правительство. Из Вашингтона казалось, что оно стало "мозговым трестом" русской нации, что в нем собраны наиболее достойные сыны отечества, все помыслы которых направлены на эффективное ведение войны и достижение целей, отвечающих национальным интересам России. Кто, как не крупнейший специалист-международник Милюков, мог отстаивать их с бóльшим умением и рвением? Кто, как не приобретшие исключительно ценный опыт работы во Всероссийском земском союзе Г.Е. Львов, председатель Думы М.В. Родзянко и другие, не менее достойные – А.И. Гучков, А.И. Шингарев, А.А. Мануйлов, М.И. Терещенко – знали, как эффективно реорганизовать тыл для победы в войне[137]?. Американская пресса писала об исключительно позитивной роли, которую сыграли эти организации в деле укрепления тыла и обеспечения русских армий всем необходимым, в преодолении чинимых царской бюрократией немыслимых препон. Логично было бы предположить, что после избавления от них ситуация в России должна существенно измениться в лучшую сторону.

Согласно поступавшей в Вашингтон информации процесс позитивных изменений происходил и в российской армии. Фрэнсис заверял госдепартамент и Белый дом, что она избавлялась от людей неспособных; на их место назначались перспективные офицеры, продвигавшиеся по служебной лестнице благодаря своим талантам, а не протекции высоких лиц[138]. При желании надежного правительства воевать "до полной победы", способных военачальниках, казавшихся безграничными людских ресурсах Россия выглядела непобедимой. Тем более что эта страна с бескрайними просторами накопила исключительно ценный опыт оборонительных войн с завоевателями. Русские могли отступать "хоть до Москвы" (как это случилось в Отечественной войне против Наполеона) и все равно в конце концов оказывались победителями. Проецируя модель 1812 г. на ситуацию весны 1917 г., когда германские войска угрожали Петрограду, министр внутренних дел в вильсоновском кабинете Ф. Лейн с энтузиазмом восклицал: "Теперь Гинденбург должен обратиться к Петрограду – он стоит от него всего в трех сотнях миль! Боюсь, что ему удастся это сделать, (т.е. захватить столицу. – *Авт.*).

Но это не будет означать завоевания России!"[139]. В Вашингтоне господствовало убеждение, что Германия не способна сокрушить Россию военным путем. Даже крупный успех немецких сил не будет означать ее окончательного поражения, пока Россия будет преисполнена желания сражаться.

Волна воодушевления по поводу русской революции в США поднималась еще выше по мере размышлений над альтернативным вариантом развития событий. Если бы она не случилась, то Россию ожидал сепаратный мир, считали многие в США. Там полагали, что усталость народа от войны, коррупция чиновников и бюрократия, тяжелое положение тыла, крупные военные поражения и территориальные потери подогревали прогерманские настроения реакционной части русского дворянства, чиновничества, побуждали влиятельных лиц искать контакты с Берлином во имя достижения быстрейшего мира. В числе желавших его в 1916 – начале 1917 гг. называли Б.В. Штюрмера и его преемника на посту главы правительства Н.Д. Голицына, людей из ближайшего окружения императрицы Александры Федоровны и, конечно, Г.Е. Распутина[140]. Убедительных доказательств в пользу серьезных попыток каких-либо контактов с Германией со стороны названных лиц в американской печати не приводилось. Однако в их реальность верили не только падкие на сенсацию, привыкшие проигрывать любую возможность развития событий газеты и журналы.

К такому наименее благоприятному для США варианту развития событий очень серьезно относился полковник Хауз. За сепаратным миром между Россией и Германией ему грезилось появление организации, аналогичной существовавшему некогда с охранительными функциями по поддержанию реакционных режимов Священному союзу, да еще и с азиатским акцентом. Хауз имел в виду "возможный" союз Германии и России с присоединением к нему Японии. Вот почему советник В. Вильсона был преисполнен оптимизма по поводу русской революции, избавившей и мир, и США от этой угрозы[141]. В "непредсказуемой" России спасительная революция, размышлял обозреватель "Америкен ревью оф ревьюз" Ф. Саймондс, обернулась метаморфозой прямо противоположной той, которая произошла в середине XVIII в. Тогда смерть Елизаветы Петровны и восшествие на престол Петра III спасли Фридриха II от поражения в Семилетней войне. Происшедшее в Петрограде в феврале 1917 г. должно было привести к совершенно противоположным результатам[142].

Подобные исторические экскурсы в американских газетах и журналах соседствовали с рассуждениями о тех широких позитивных перспективах, которые открывались в связи с русской революцией перед человечеством. За океаном надеялись, что "Новая Россия" для строительства собственной демократии изберет американский образец и будет следовать в фарватере политики США, укрепляя тем самым их позиции на международной арене. Близость идейно-политических ориентиров и поддержка России могли значительно увеличить шансы на реализацию вильсоновской программы послевоенного устройства мира[143]. Именно эту идею развивал сам президент США в тот критический момент, когда ему потребовалось объяснить огромной массе сохранивших свои антивоенные убеждения американцев решение о вступлении страны в войну. Вечером 2 апреля 1917 г. Вильсон появился в Конгрессе и в переполненном зале при шумных овациях обратился к его членам с предложением объявить состояние войны с Германией. Верный

своей тактике он избрал формулу "состояние войны", что давало возможность возложить весь груз ответственности на Германию[144]. В этой же речи Вильсон пригласил Россию присоединиться к "Лиге чести" – той Лиге наций, с созданием которой он увязывал идею утверждения нового демократического миропорядка. Эта мысль была высказана в контексте новых оценок, спровоцированных "чудесными и ободряющими событиями", случившимися в течение "нескольких последних недель" в России. Вильсон утверждал, что русский народ "по существу демократичен", что державший его в подчинении авторитарный режим был навязан России извне ("не был русским ни по происхождению, ни по сути, ни по своим целям"). Наконец, теперь освобожденный русский и американский народы объединяют единство целей в войне – они сражаются за "справедливость, демократию, свободу"[145].

А ведь за две недели до этого, на историческом заседании кабинета 20 марта, принявшем решение о вступлении США в войну, глава исполнительной власти ничем не выдал своих намерений "обыграть" русскую тему. Учитывая происшедшие в России фундаментальные изменения, госсекретарь Лансинг предложил представить войну как столкновение двух противоположных начал – авторитарного и демократического. Это делало неизбежным выступление США в поддержку демократии. В ответ «...президент сказал, что не знает, как следует изложить свои мысли о войне за демократию или о революции в России в обращении к Конгрессу. Я (т.е. Лансинг. – *Авт.*) ответил, что не предвижу никаких препятствий, но в любом случае уверен, что он может сказать об этом косвенно, указав на природу авторитарного правительства Германии, проявившуюся в антигуманных действиях, нарушении ее обязательств, заговорах и тайных замыслах против других стран. На что президент только ответил: "Возможно"»[146].

В речи 2 апреля размышления Вильсона по поводу участия "Новой России" в войне вылились в содержавший широкий круг идей пассаж о сотрудничестве с ней в создании безопасного мира. Президентские идеи подхватил либеральный журнал "Нейшн", утверждавший, что именно революция в России позволила многим американцам окончательно определить свое отношение к войне. "Еще неделю назад ответ на этот вопрос был открыт для тех миллионов людей, которые не любили Германию, но желали ей успеха в надежде, что ее победа приведет к крушению российской автократии", – писал журнал. 7 апреля по существу ту же мысль высказал "Индепендент"[147].

Впрочем далеко не все были солидарны с такой точкой зрения, предрекавшей радужные перспективы в связи с русской революцией. Лансинг, например, колебался, полагая, что события в России не затрагивают непосредственно интересов американцев и что едва ли "русский фактор" поможет преодолеть пацифистскую инерцию мышления миллионов. К числу пессимистов принадлежал и тонко улавливавший любые колебания общественного мнения влиятельный британский дипломат и разведчик У. Вайзман – близкий друг полковника Э. Хауза, осуществлявший личный контакт между Вильсоном и правительством Великобритании. Он доложил в Лондон: было бы ошибкой полагать, что большинство американцев питают симпатии к союзникам, они настроены нейтрально. Понимание необходимости разгрома прусского милитаризма свойственно только "более широко мыслящим и интеллигентным" людям[148]. Но значительная часть деловой и интеллектуальной элиты американского общества, к которой принадлежал и президент Вильсон,

в конечном счете настояла на ускорении принятия кардинальных решений во внешней политике. Принимая их весной 1917 г., глава исполнительной власти, безусловно, рассматривал ситуацию в России, на Восточном фронте в более широком контексте военно-стратегической обстановки на других театрах войны, общественно-политической ситуации в странах как Антанты, так и германского блока, состояния тыла воюющих коалиций. Промедление становилось опасным, события выходили из-под контроля. Вильсону также приходилось исходить из перспективного видения возможных вариантов развития событий, включая и план послевоенной организации мирового сообщества под эгидой США.

Что касается стран Антанты, то в Вашингтоне имели достаточно ясные представления о решениях межсоюзнических конференций в Шантийи (ноябрь 1916 г.) и в Петрограде (январь–февраль 1917 г.). Они недвусмысленно указывали на то, что противники Германии готовились к скоординированным наступательным действиям – во имя достижения решительной победы. Если бы в конечном счете эта задача оказалась выполненной, то при сохранении Соединенными Штатами состояния нейтралитета их роль при подведении итогов войны оказалась бы незначительной. В этом случае авторитет США как страны, не внесшей иной, кроме материальной, лепты в победу над Германией, не проливишей ради нее крови своих солдат, был бы весьма невысок. Наоборот, они вызывали бы ненависть у миллионов европейцев как страна, нажившая на войне миллиарды долларов беспринципной политикой поставок товаров обеим враждующим коалициям и нейтралам. В Америке многие понимали это еще задолго до 1917 г. В частности, журнал деловых кругов "Бэнкерз мэгэзин" еще летом 1915 г. отмечал, что "жирение" США на фоне проливающих реками кровь народов Европы у последних никаких иных сантиментов, кроме неприязни и негодования по отношению к благополучным заокеанским господам, вызвать не может[149]. В этом случае, утверждал журнал, по завершении войны о реализации каких-либо идеалов "новой дипломатии" и Лиги наций Вильсону скорее всего пришлось бы забыть. Политические лидеры стран Старого Света не допустили бы широкого участия США в послевоенном мирном урегулировании, они просто жестоко наказали бы Германию, поделив мир в соответствии со своими секретными договоренностями (о которых Вашингтон был достаточно хорошо осведомлен)[150].

Иными словами, США грозила печальная участь остаться в изоляции от большой игры ведущих европейских кабинетов. Но уже не в силу собственного желания и в развитие "завещания Вашингтона", зарекавшего американцев держаться подальше от европейских склок и конфликтов, а в силу нежелания самодовольных европейских победителей пустить в Старый Свет американского нувориша. Дальнейший ход событий подтвердил, что в случае сохранения Америкой нейтралитета весной 1917 г. именно такой сценарий был наиболее вероятен. Достаточно вспомнить Парижскую мирную конференцию, где Вильсону пришлось столкнуться с сопротивлением лидеров Антанты и довольствоваться более чем скромными победами[151]. И это после участия американской армии в боевых операциях с лета 1918 г. и переброски в Европу к ноябрю 1918 г. 2 млн солдат.

Следует признать, что в словах влиятельной, прогермански настроенной "Норс американ ревью", в январе 1917 г. предупреждавшей США о весьма

неблагоприятных перспективах в случае решительной победы союзников, унижения Германии и нарушения баланса сил в Европе, содержалась изрядная доля истины. Газета писала: "Если союзникам удастся разрушить Центральные империи, установить гегемонию России в Европе и безраздельное господство Англии на море, то нам наверняка придется сражаться с этим союзом за наши права и само наше национальное существование". Может быть, дело до крайностей, как это не исключала "Норс американ ревью" и не дошло бы, но национальные интересы США, несомненно, пострадали бы весьма существенно. К сказанному добавим признание корреспондента "Чикаго дейли ньюс", обнаружившего в начале 1917 г. в "различных районах Соединенных Штатов" "потаенный страх" многих простых американцев перед полной победой союзников – поскольку она будет угрожать "миру и безопасности американской нации"[152].

Иными словами, в случае победы Антанты без США их перспективы в послевоенном мире выглядели бы весьма скромно. Однако они не шли ни в какое сравнение с теми тяжелейшими последствиями, которыми грозило американцам поражение союзников в войне. А такую возможность в Вашингтоне с порога отвергнуть не могли. Понятия "Германия" и "грозная военная машина" в США оставались синонимами и на третьем году войны. Американская пресса писала, что закаленная в боях немецкая армия привыкла к победам, генералы были опытны и талантливы, солдат – дисциплинирован и безжалостен. На море Германия вела жестокую и необычайно результативную войну "против всех", пренебрегая общепризнанными нормами морали и международного права. Работающая на нужды войны экономика Германии была в глазах американцев примером эффективного производства в экстремальной ситуации, народ с полной отдачей трудился на победу. Высокая степень идейно-политического единства в германском обществе пока серьезно не нарушалась действиями либерально-социалистической оппозиции, казавшейся из США еще слишком слабой и не представлявшей реальной угрозы кайзеровскому режиму. Ненависть к нему в США сочеталась с признанием его силы и устойчивости[153].

А вот положение на фронте и в тылу союзников вызывало в США немало опасений. По сообщениям из разных источников, весной 1917 г. оно характеризовалось во Франции распространением пацифистской пропаганды, низким моральным духом солдат, утратой доверия значительной части гражданского населения к политическим и военным лидерам. Американский историк Дж. Чэмберс привел тревожные донесения военных агентов США в странах Антанты, ложившиеся на столы высших военных чинов Вашингтона. По сообщениям известного американского либерала Н. Хапгуда, выполнявшего функции координатора политической разведки в странах Европы, французская армия была обескровлена: потери с августа 1914 г. составили только убитыми 1,2 млн человек; в стране насчитывалось 2 млн инвалидов[154]. Кто мог сказать тогда, что здесь было правдой и что преувеличением?

Просчет последствий поражения союзников показывает, что оно могло обернуться для США весьма опасными последствиями. В Европе авторитарные режимы усилились бы настолько, что вполне могли бы вынашивать далеко идущие планы в отношении США. Перспектива возрождения реакционного союза по типу Священного обретала в этом случае реальные черты. Перед США маячила незавидная перспектива – остаться в одиночестве

перед лицом враждебно настроенных крупнейших государств Европы. Победители – Германия, Австро-Венгрия, Турция – отплатили бы ненавистью США за негласную поддержку врага и нашли бы возможность свести счеты. Побежденные – страны Антанты – за то, что Америка не поддержала их в должной мере, оставаясь вне войны.

В Азии в случае поражения Антанты интересы США пострадали бы очень существенно. Обострились бы также и без того сложные отношения с Японией. В Вашингтоне ее справедливо рассматривали не столько как союзника Антанты, сколько как самостоятельную силу, умело использующую выгодную конъюнктуру, занятость европейских государств "большой войной" для укрепления собственных позиций на Дальнем Востоке – в ущерб и Германии, и партнерам по Антанте. Многие политики в США видели Японию будущим врагом; другие полагали, что единая природа авторитарных режимов и общность антиамериканских интересов вполне позволят ей объединить свои усилия с Германией против США[155].

Итак, в случае победы Четверного союза мир неизбежно вступал в полосу новых конфликтов и войн, а угроза национальным интересам и безопасности США становилась весьма реальной. Германская морская война могла бы приобрести еще более широкие масштабы, все сильнее затягивая петлю блокады вокруг США и отрезая их от внешних рынков. Перспектива нападения на заморские владения, а то и вторжения на территорию США вражеских войск (о чем начиная с 1914 г., предупреждали сторонники "готовности" – увеличения армии и флота)[156] все более обретала в глазах американцев черты реальности. И это при том, что плацдарм для подобной интервенции находился под боком у США – Мексика, ставшая объектом германских интриг[157]; Мексика, где полыхала гражданская война и где были очень сильны антиамериканские настроения[158]. А для начала победа Германии в Европе вполне могла вылиться в новые кровавые инциденты на американско-мексиканской границе. Отражая широко распространенное в США мнение, газета "Буффало экспресс" писала: «Даже слабое воображение, на которое не способны произвести впечатление ни страдания Бельгии, ни картина умирающих женщин с "Лаконии" или "Лузитании", вполне может мысленно нарисовать, что будут представлять собой толпы мексиканцев под командованием немецких офицеров, рвущиеся в Нью-Мексико, Техас и Аризону»[159]. В сравнении с указанными угрожающими перспективами немецкой победы для США неизбежная потеря миллионов долларов, авансированных Америкой союзникам[160], превращалась в важный, но отнюдь не определяющий фактор. Подытоживая свои размышления о судьбах войны, антантофильская пресса в конце января 1917 г. утверждала, что любой иной исход войны, кроме решительного поражения Германии и свержения в ней авторитарного режима, будет "представлять угрозу всему миру, включая и США"[161].

Весной 1917 г. Вильсон предчувствовал, что в развитии войны наступает переломный, решающий момент. Чаша весов неизбежно должна была склониться на одну из сторон; сохраняя нейтралитет, США при любом раскладе оказывались в проигрыше. Эту мысль выразил "Нейшн", полагавший, что победитель будет испытывать непреодолимое желание использовать выигрыш для "военной по преимуществу цели" – нарушения "шаткого равновесия сил в свою пользу"[162]. И Вильсон, симпатизировавший странам Антанты

с начала войны, считавший угрозу США с их стороны в сложившейся ситуации нереальной, сделал неизбежный выбор, связав судьбу Америки с антигерманской коалицией.

Разумеется, это был "брак по расчету". В Вашингтоне обсуждали проблему: должно ли изменение статуса США в войне, переход из разряда нейтральных в число воюющих стран привести к кардинальным изменениям их политики, связав им руки обязательствами и долгом? Стремившийся держать руку на пульсе общественного мнения США Вильсон, в частности, искал ответа на этот вопрос в выступлениях влиятельных американских газет и журналов. В обзоре печати, подготовленном личным секретарем президента Дж. Тумулти, особо выделена была тема отношений США с союзниками. Общий тон статей был такой, что США не следует идти на слишком тесное взаимодействие со странами Антанты, дабы это не могло нанести ущерб их интересам ни в период войны, ни после нее. Влиятельная газета "Нью-Йорк ивнинг пост" утверждала, что абсолютно исключены обязательства США вроде тех, которыми европейские союзники сами себя связали, заключив секретные соглашения. "США могут временно объединиться с союзниками для достижения собственных целей, но при этом страна ни на минуту не должна терять свободы рук... Именно США должны определять развитие войны так, как считают нужным, и воевать до тех пор, пока не достигнут своих целей", – писала газета, полагая, что США и мир вольны заключать "по собственному усмотрению"[163]. Мнение газеты вполне разделяли многие влиятельные американские политики. В направленном на имя Хауза меморандуме будущий руководитель Продовольственной администрации Г. Гувер отмечал, что активное вмешательство в европейскую политику не должно нарушать сложившихся традиций внешней политики США. Никаких политических альянсов; взаимодействие с европейскими партнерами не может идти дальше совместного участия в боевых операциях[164].

Газеты высказывали ту точку зрения, что США должны увеличить размеры финансовой поддержки союзников, а также снабжения их продовольствием и военным снаряжением. "Нью-Йорк таймс" утверждала, что зависимость европейцев от американской помощи делает США фактическим хозяином положения и вершителем судеб мира[165]. Эта мысль хорошо дополнялась Гувером в уже упоминавшемся меморандуме. Он полагал, что предоставление европейцам продовольственной помощи и кредитов (опять-таки для закупки товаров в Америке) должно стимулировать производство в США, что позитивно скажется на благосостоянии значительной части их населения. Более того, даже если, учитывая проблемы с продовольствием в Европе, и придется ввести меры регулирования его производства и распределения в США, то интересы их населения ни в чем не должны быть ущемлены[166].

По существу США, вступая в войну, собирались делать то, что делали и раньше, в период своего "нейтралитета", но более открыто и активно. Поднимая тему участия в военных действиях союзников, "Нью-Йорк таймс" писала, что США должны принять более широкое участие в морских операциях (охрана морских коммуникаций, охота за подводными лодками). При этом газета полагала, что США следует сохранить полный контроль над использованием собственных военно-морских сил. Не могло быть и речи о подчинении их британскому Адмиралтейству[167]. А вот самый главный

вопрос – об отправке в Европу значительных контингентов американской армии, чего так рьяно добивались англичане и французы – американцы, исходя из своих соображений, собирались решать, “торопясь медленно”. Влиятельная газета “Спрингфилд репабликэн” в этой связи признавала, что назрела насущная необходимость создания мощной современной армии на основе всеобщей воинской повинности. Но не столько для решения ближайших задач участия в войне, сколько в расчете на длительную перспективу – для защиты американских интересов в послевоенном мире. Мощная армия была необходима Америке для отражения грядущей угрозы, со стороны германо-японо-мексиканского союза, на возможность возникновения которого указывали многие[168].

В Вашингтоне считались и с тем, что американским войскам придется принять активное участие в боевых операциях в Европе. Однако для этого была необходима их серьезная и длительная подготовка. Американцы имели богатый опыт войн и сражений с индейцами и латиноамериканскими соседями, но были совершенно не готовы к происходившим в Европе боевым действиям огромного масштаба, к современной, с использованием новейших технических средств, войне. Как отмечал Лансинг в послании военному министру, США не имели права повторять печальный опыт англичан и французов начального периода войны. Застигнутые немцами врасплох, они понесли огромные потери, пожертвовали жизнями лучшей части молодежи, рванувшейся на фронт в патриотическом порыве. Союзникам американцы давали понять: потерпите, мы придем в нужное время[169]. Они на первых порах весьма неодобрительно отнеслись к попыткам Антанты ускорить подготовку американских частей для отправки в Европу. В частности, к идее направить в США большую группу имевших богатый боевой опыт французских офицеров для обучения в колледжах американских офицеров.

В окружении Вильсона никто не брался назвать время, когда американские дивизии появятся в Европе. Однако близкие к президенту политики достаточно отчетливо представляли себе условия того момента, когда это может и должно произойти. Во-первых, как полагал, например, Гувер, в период решающих сражений, когда вклад американцев в победу будет особенно весомым и очевидным; во-вторых, когда не за горами окажется время проведения мирной конференции и присутствие американской армии в Европе станет мощным “силовым” аргументом в поддержку вильсоновских идей и планов послевоенной реорганизации мира. Аналогичные идеи высказывал и госсекретарь США. Заглядывая вперед, Лансинг считал необходимым придать американским войскам в Европе автономный статус. Он полагал, что следовало избегать создания “смешанного командования” американскими и европейскими частями, компактно располагать американцев на отдельных участках фронта, дабы к моменту завершения войны они не оказались распыленными среди частей европейских союзников[170].

Таким образом, принимая решение о вступлении США в войну, Вильсон в своей практической политике в обозримом будущем обещал кардинально ничего не менять. Президент понимал, что это было невозможно, прежде всего, в силу внутриполитической ситуации, определявшейся пассивным недовольством большинства американцев принятым в Вашингтоне решением. Учитывая это в Белом доме оправданно опасались, что резкие телодвижения испортят дело и тогда протест может принять активные формы. Перед

политическими лидерами США стояла задача в считанные месяцы перестроить психологию нации. Сначала следовало убедить миллионы американцев смириться без эксцессов со вступлением США в войну, а затем, поверив в ее справедливость для США, делом поддержать политику вильсоновской администрации. Ведь без поддержки миллионов рядовых американцев была бы невозможна ни крутая перестройка экономики на военный лад и эффективный труд миллионов человек "на победу", ни создание современной армии на основе принципа всеобщей воинской повинности, напрямую затрагивавшие интересы сотен тысяч семей.

Размышляя о неизбежном введении всеобщей воинской повинности, военные эксперты – в частности, начальник Генерального штаба американской армии генерал Х.Л. Скотт – опасались, что этот шаг вызовет взрыв народного возмущения. В памяти еще были свежи кровавые бунты недовольных летом 1863 г. в Нью-Йорке, когда под давлением обстоятельств те же шаги пришлось сделать А. Линкольну. Политики и военные спустя полвека ломали голову, как заставить принять идею обязательной воинской службы миллионы американцев, воспринимавших ее как покушение на личную свободу и независимость, нарушение американской демократической традиции, утверждение в "стране свободы" едва ли не авторитарных порядков монархической Европы (от которых, добавим, многие и спасались в США)[171].

Иными словами, вступление США в войну было только началом сложнейшего и многопланового процесса переориентации общественного сознания на ее поддержку. Вот почему в апреле 1917 г. Вильсону следовало убедительно доказать народу, что принятие им решения о войне было неизбежным, объяснить, что у него не было иного выбора или альтернативы. И здесь мы подходим к вопросу о той роли, которую сыграл фактор подводной войны, как в пропагандистской кампании Вильсона, так и в принятом им в апреле кардинальном решении.

В выступлении перед конгрессом 2 апреля Вильсон делал упор именно на подводную войну, а также на интриги немецкой агентуры в США, попытки Германии стравить их с южным соседом как на те факторы, которые определили решение политического руководства США о вступлении в войну. При этом значение многих иных причин и обстоятельств было либо опущено, либо принижено. Почему президент поступил именно так? Нам представляется, что для объяснения своих действий американцам Вильсон искал наиболее убедительные аргументы в пользу войны, которым ни один самый ярый пацифист не смог бы сказать "нет". И здесь уместно привести мнение того же Вайзмана – реалиста, трезво оценивавшего настроения граждан США в первые месяцы 1917 г. Вайзман справедливо полагал, что американец оставался изоляционистом и пацифистом; национальный эгоизм был очень силен. А потому ни за кого, кроме себя, он воевать не будет. Так что, призывая своих граждан сражаться, Вильсон мог смело отбросить в сторону те аспекты международной политики, которые непосредственно США не затрагивали. Американцы могут симпатизировать Антанте или какой-либо входящей в нее стране, однако кровь проливать за нее они не станут. Причем Вайзман полагал, что именно Англия пользовалась в США наименьшей популярностью. Что же касается России, то громадное большинство американцев просто еще не осознали значения происшедших там грандиозных перемен. Так что, подыскивая аргументы в пользу войны, следовало, по

мнению Вайзмана, найти ту струну, которая задевала бы сердце каждого американца[172].

Таким фактором могла быть только подводная война в обрамлении других антиамериканских действий Германии. Британский разведчик и дипломат был прав, но с одной весьма существенной оговоркой. Далеко не всякий аспект подводной войны интересовал простого американца. Едва ли фермеру Среднего Запада или рабочему Северо-Востока были близки и понятны проблемы защиты норм международного права или прав нейтралов на морях. Их мало волновал ущерб, наносимый подводной войной собственности отправлявших грузы морем американских коммерсантов: миллионы граждан США вообще порицали их желание "делать деньги" на торговле с воюющей Европой. Совсем иное дело – смерть американских граждан, гибель невинных людей как следствие германского разбоя на морях. Поэтому Вильсон и выбрал в первую очередь этот аргумент, способный в наибольшей степени повлиять на настроения граждан. Нет, президент не мог надеяться, что ему удастся убедить миллионы граждан поддержать войну. Вместе с тем он учитывал, что они оказались как бы в пограничной ситуации: сохраняя свое негативное отношение к участию США в войне, они вынуждены были признать правоту вильсоновских аргументов. А потому протест подавляющего большинства недовольных ограничился традиционными формами: петициями членам Конгресса, участием в пацифистских митингах и шествиях. Был взят рубеж, о котором еще осенью 1916 г., во время выборов, президент не мог позволить себе публично высказываться.

Вильсону удалось добиться реализации того, что казалось недостижимым самым смелым антиизоляционистам – вступление США в войну, принятие закона о всеобщей воинской повинности и регистрация новобранцев (май 1917 г.) прошли без особых эксцессов, хотя общий фон оставался неблагоприятным.

Наступление генерала Нивеля в Артуа и Шампани в апреле 1917 г., как известно, завершилось крупной неудачей. В марте–апреле послереволюционная Россия с ее казавшимся короткое время популярным и желавшим сражаться до победы Временным правительством еще виделась политической элите США надежным партнером, однако первый же кризис власти в России подорвал оптимизм политиков и военных. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), природу которого в США трудно было понять (никаких американских аналогов не существовало), а силу невозможно оценить, властно вмешался в дела внешней политики, ведя линию на выход России из войны. Хуже того, его формула "мир без аннексий и контрибуций" способствовала развитию пацифистских настроений в самих США в наиболее неподходящий для политических лидеров этой страны момент. И не только. "Русские лозунги" поставили на повестку дня вопрос о целях войны, а их формулирование Вильсон в тот момент считал уже несвоевременным – он был слишком занят реорганизацией тыла и созданием армии[173].

Тревога по поводу событий в России не покидала и союзные правительства. В Петроград стали прибывать социалисты антантовских стран сперва в ранге парламентариев, затем даже министров, дабы воздействовать на Советы. В дипломатическом корпусе вспыхнули разногласия, на какую власть ориентироваться. Палеолог полагал, что Советы загонят страну в пропасть, а с "Милюковым и умеренными членами Временного правительства... есть

еще шансы задержать успехи анархии и удержать Россию в войне". Бьюкенен, напротив, считал, что "Временное" власть не удержит и надо налаживать контакты с "оборонцами" в Петросовете. Прибывший из Франции "министр-социалист" А. Тома принял сторону англичанина. Сладкоречивый Тома, в прошлом руководитель стачек, был во всеоружии социалистической фразеологии и восторженно приветствовал революцию. Он боялся, что растеряет "весь кредит у русской демократии", если открыто поддержит Милюкова против Советов. Иное дело – Палеолог. Рассудочный ум француза не мог уяснить, как можно митинговать с утра до вечера, когда кругом все шло ко дну: "...Не проходит дня, который не был бы отмечен церемониями, процессиями, представлениями, шествиями. Это – беспрерывный ряд манифестаций: торжественных, протеста, поминальных, посвятительных, искупительных, погребальных и пр."[174]. Связанный с самодержавием и деятельностью, и симпатиями, Палеолог стал персоной, неудобной для сношений с Россией. Париж отозвал его на родину.

В мае в результате бурных демонстраций протеста сторонник захвата Константинополя и Проливов Милюков, получивший обидную кличку Дарданелльский, ушел в отставку вместе с военным министром Гучковым[175]. После правительственного кризиса ведомство иностранных дел возглавил беспартийный миллионер Терещенко. Падение Милюкова вовсе не свидетельствовало о желании граждан России и дальше приносить неслыханные жертвы во имя "торжества идеалов демократии". С русского фронта в Вашингтон приходили самые пессимистические известия[176]. В этих условиях лидерам США, уже вступивших в войну, оставалось лишь максимально ускорить перестройку экономики на военный лад, быстрее готовить армии для Европы, крепить координацию действий с союзниками, прежде всего с Великобританией и Францией, превращаясь в их последний резерв.

Тем временем в России провал июньского (1917 г.) наступления на фронте вызвал взрыв возмущения. Правительство в очередной раз пережило реорганизацию, его возглавил А.Ф. Керенский. Неистребимое желание мира охватило население. Солдат не занимали высокие материи насчет стратегических интересов в зоне неведомых им Проливов и на западной границе. Армия разбегалась. Число дезертиров военный министр А.И. Верховский осенью определял в 2 млн. В условиях, когда с фронта скрывалось больше людей, чем поступало пополнений, министр в состоянии полной безысходности полагал, что "воевать мы не можем" и следует возможно скорее искать путей к миру. Только намек Верховского на возможность заключения сепаратного мира вызвал негодование Терещенко и других членов кабинета. Военного министра спешно отправили в отставку еще и потому, чтобы избежать нового осложнения с союзниками[177].

Кабинет, по крайней мере гласно, воспринял лозунг Петросовета о мире без аннексий и на основе самоопределения народов, помалкивал насчет планов овладения Проливами и устами министра иностранных дел допускал их интернационализацию. В то же время предполагалось, что в соответствии с "самоопределением" можно будет присоединить Галицию, создать югославянскую федерацию вокруг Сербии и превратить ее в свою опору на Балканах[178]. Петросовет конкретизировал пункт о самоопределении упоминанием Польши, Литвы и Латвии. Контуры программы мира в территориальном ее аспекте все больше погружались в туман. Терещенко клялся в октябре:

“Мы считаем не только необходимым принцип самоопределения народов, но и отказаться от империалистических целей”[179]. Союзники не возражали против подобных деклараций, но оставались глухи к раздававшимся из Петрограда призывам – последовать российскому примеру и отказаться от предусмотренных договорами захватов. В частности, Терещенко признался Бьюкенену, “что всего больше ему хотелось бы видеть открытие мирных переговоров с Турцией”[180]. Но в Лондоне и в Париже не желали пересматривать соглашения о разделе Османской империи.

Впрочем лидеры Антанты тоже не остались в стороне от изысканий в области самоопределения. Лорд Р. Сесиль, а вслед за ним бывший премьер Англии Г. Асквит 17 мая представили на суд палаты общин целую теорию. Она касалась случаев, когда аннексия считалась допустимой, а именно: ради “освобождения порабощенных и угнетенных народностей от деспотизма и страданий”; во имя объединения искусственно разъединенных народов; в целях обеспечения стратегической безопасности и обороны от возможного нападения в будущем. Поскольку провозглашенные Антантой цели преподносились пропагандой кристально чистыми и бескорыстными, любой захват с ее стороны можно было подвести под эту триединую формулу. Так, передел колоний предполагалось осуществить под флагом освобождения их от немецкого и турецкого ига и вручения их судеб “более справедливому правлению”, британскому и французскому[181].

Характеризуя внешнеполитические акции Временного правительства в последние месяцы его существования (на понятие “курс” они не тянут), А.В. Игнатьев и В.С. Васюков характеризуют их как жалкие и даже анемичные, хотя рутинная дипломатическая канитель продолжалась до последнего часа. Экспансионистская программа Милюкова расползлась по всем швам. Подверглась пересмотру формулировка насчет особых отношений с Польшей, смахивавших на подчинение. Долгожитель правительства Терещенко в присутствии и с одобрения послов Британии, Франции и Италии объявил: “...Создание Польши, независимой и нераздельной, является одним из условий прочного и справедливого мира”. О военном союзе с Петроградом – ни слова. Польский вопрос из внутрироссийского превращался в международный, и, понятно, с какими результатами. 4 июня 1917 г. президент Франции Пуанкаре подписал декрет о формировании “польской автономной армии”. Вскоре ее командующим стал генерал Ю. Галлер. В армию влилось свыше 20 тыс добровольцев из числа поляков-эмигрантов, проживавших в США, и несколько тысяч из Бразилии[182]. Под руководством бывшего депутата Государственной думы Р. Дмовского 15 августа в Лозанне был создан Польский национальный комитет для “унификации” усилий польских организаций во Франции, Англии и США. Вскоре комитет переехал в Париж. 20 сентября французское правительство признало его “официальной польской организацией”. В этом же качестве комитет был признан 15 октября Великобританией, 30 октября Италией, 10 ноября 1917 г. США[183].

Повторение тезисов насчет мира без аннексий и контрибуций и самоопределения народов превратилось в Петрограде в некий ритуал. На самом деле территориальные потери угрожали самой России. Последняя формула Терещенко от 25 октября – минимум условий мира – сводилась к получению доступа к Балтийскому морю и предотвращению образования в Прибалтике “автономных государств, тяготеющих к Германии” (а как это сделать при

признании права народов на самоопределение?). Предусматривалась свобода сношений с южными морями (т.е. через Проливы) на основе договоров (каких?) и в надежде на всеобщее разоружение[184]. Все это сопровождалось клятвами в сохранении целостности и независимости России и стремление к заключению мира, который отвечал бы ее "чести и достоинству".

Со слабым и разваливавшимся режимом никто не хотел считаться. Союзники списывали Россию со счетов. Поверенный в делах в Лондоне К.Д. Набоков в растерянности сообщал, что его оставили за дверью совещания, посвященного проблемам России. Охвативший все стороны экономической, политической, социальной и даже нравственной жизни кризис обусловил бессилие дипломатии – Россия утратила статус великой державы. В этом исследователи внешней политики Временного правительства единодушны, но различен их подход к эволюции, которую претерпела программа мирного урегулирования. Так, В.С. Васюков полагал, что цели российского империализма не изменились и Терещенко лишь упаковал в приемлемый для общественности демократический мешок прежнее империалистическое содержание: "Временное правительство... и не собиралось пересматривать цели войны. Разговоры об этом были нужны лишь в качестве дымовой завесы для прикрытия обанкротившейся политики продолжения войны"[185]. Можно допустить, что субъективно (по крайней мере, в сознании Терещенко) так оно и было. Но существовала объективная сторона вопроса: "Временное" гласно, перед всем миром, выдало крупные векселя в виде отказа от захвата Проливов, согласия на самоопределение Польши, Литвы и Латвии при том, что практически оно неминуемо должно было привести к отделению их от России. Соответствующие декларации Временного правительства во всеуслышание приветствовались в Лондоне, Париже и Вашингтоне, и его "бескорыстие" противопоставлялось хищным замашкам самодержавия. Эти обязательства имели все шансы пройти "на ура" на мирной конференции, встретив одобрение не только со стороны Центральных держав, но и прежде всего союзников по Антанте. Со сделанными же Временным правительством важными оговорками собравшиеся могли и не согласиться, хотя вполне вероятно, что они были бы включены в повестку дня. А дальше что? Судили бы, рядили...

Представим себе на минуту, что Россия избежала бы второй в 1917 г. революции, очутившись в числе победителей. Тогда она оказалась бы в странном положении участницы дележа послевоенного мира, заранее смирившейся с потерей Польши и Прибалтики и отказавшейся от присоединения Константинополя, Босфора и Дарданелл. А.В. Игнатьев пишет о переходе российского империализма к обороне в европейских делах, о превращении России в объект империалистических сделок[186], и он, на наш взгляд, ближе к истине, нежели В.С. Васюков, считавший программу Временного правительства лишь "дымовой завесой" для обмана общественности. Каждый норовил отхватить свой кусок добычи, одна Россия оставалась во всеоружии высоких принципов и фактически на положении проигравшей стороны, взирающей как ее партнеры с позиций превосходящей силы приступают к перекройке мира, согласовывая свои планы за круглым столом в узком составе, выстраивая проекты новых блоков и коалиций.

1917 год принес державам Согласия много огорчений и разочарований. Их правительства и командование с изумлением, перешедшим в ужас, следили

за разложением российской армии. С пугающей очевидностью выступило то, о чем не любили толковать в союзных штабах: определенное превосходство их войск на Западном фронте, на котором базировалась вся стратегия англо-французского командования, объяснялось отвлечением многих десятков германских дивизий на Восток. Очевидным для всех стало истинное значение российского фактора в решении судеб войны. По замечанию Ж.-Ж. Беккера, "во французской или британской историографии традиционно весьма скромное место уделяется Восточному фронту, между тем он до 1916 г. играл основную роль"[187]. Радужные надежды на окончание войны в 1917 г. померкли. В изменившейся ситуации при утрате явного численного превосходства и в предвидении ожидаемого натиска противника приходилось переходить к ведению позиционной войны. Следовало в возможно большей степени уменьшить разбросанность войск по разным фронтам и собрать их в единый кулак во Франции.

Было решено "навести порядок" в Греции, раздираемой противоречиями между сторонниками и противниками Антанты. Под дулами пушек с британских и французских дредноутов 16 июня германофильствующий король Константин подписал акт об отречении от престола. Под совершенно диковинным предлогом ("по гигиеническим соображениям"!) англо-французский десант высадился в Пирее. Чтобы показать грекам, с кем надо дружить, была снята блокада с побережья и возобновилось снабжение жителей зерном и другими жизненно важными продуктами[188]. Лидер проантантовского крыла Венизелос по призыву молодого короля Александра прибыл в Афины, возглавил правительство единой Греции и 29 июня объявил о вступлении в войну на стороне Антанты. Прошло беспокойство антантовских штабов за тылы Салоникской армии, на ее пополнение стали прибывать греческие войска. Но все это меркло на фоне фактического выхода России из войны. А ведь еще летом начальник штаба немецкого Восточного фронта генерал М. Гофман досадовал: "Наши 80 дивизий оказались прикованными к Восточному фронту".

1 августа с запоздалой мирной инициативой выступил папа Бенедикт XV. В своем послании он призывал руководствоваться духом "христианской справедливости и всепрощения" и предлагал освободить занятые территории, решить территориальные проблемы на основе самоопределения народов и вернуть Германии ее колонии. Конкретно речь шла о Франции, Бельгии и Италии. О России ни слова у пастыря не нашлось. В Петрограде красноречивое умолчание сопоставили с тем, что папа незадолго до своего обращения встречался с Вильгельмом II, и усмотрели руку последнего в составлении ноты, появившейся как раз в то время, когда российские войска оставляли Галицию. Посол в Риме Гирс счел, что Бенедикт XV выступил с "предложениями, вся тяжесть которых падает почти исключительно на Россию и все выгоды приходятся на долю наших врагов". Терещенко усмотрел антиантантовскую направленность и в кажущемся справедливым призыве к отказу от компенсаций за военный ущерб: германские войска опустошили чуть ли не треть Франции, нанесли громадный урон Бельгии и Румынии, вместе с союзниками обратили в руины города Сербии – и что же, они вернутся восвояси, не уплатив ни гроша, на свои не затронутые боями земли[189]?

Прохладно встретили папскую инициативу и союзники по Антанте, ограничившись протокольными комплиментами. Садиться за стол переговоров

до эвакуации занятых неприятелем территорий значило ставить последнего в привилегированное положение: возвращаться на позицию статус-кво на западе и в центре континента при предоставлении немцам карт-бланша на востоке, к чему сводились папские предложения, они не собирались. "Подписание мира за счет России, – замечает Васюков, – означало отказ от достижения основной цели, которую ставили перед собой Англия, Франция и США – разгрома Германии"[190]. Последняя, сохранив позиции на Западе, укрепила бы свои силы за счет захватов на Востоке и в результате вышла бы из войны усилившейся на фоне истощенных Франции, Бельгии и Италии. И лет через десять, а то и раньше "второй рейх" смог бы снова бросить вызов, – и это после громогласных заверений перед общественностью стран Согласия, что война ведется во имя прекращения всех войн и искоренения их как института.

Жалким и горьким представляется положение Временного правительства в последние месяцы его существования. Союзники его открыто третировали. Все шишки, по словам Набокова, валились на его голову, у Ллойд Джорджа с языка сорвалось даже слово "протест" (против развала всего и вся в России). И вдруг из уст нового руководителя внешнеполитического ведомства Франции Л. Барту прозвучали совсем забытые заверения, что Россию не оставят в беде. 25 октября советник посольства М.М. Севастопуло телеграфировал из Парижа о речи министра, в которой он подробно говорил о симпатиях к России и солидарности обеих держав[191]. Тогда же Бьюкенен заверил Терещенко, что союзники не пойдут на заключение мира за спиной и за счет России. В Париже и Лондоне спохватились: даже в парализованном состоянии русский фронт приковывал к себе 80 немецких, не считая австрийских, дивизий (для сравнения – на западе немцы держали 140 дивизий)[192].

Поздно спохватились. В конце октября после поражения итальянцев у Капоретто потрясенным англичанам и французам пришлось латать своими дивизиями фронт союзника. Австрийцы воспряли духом. И тут приспела весть об Октябрьской революции и ее первом акте – Декрете о мире.

5. Центральная коалиция решает русский вопрос

За линией Восточного фронта весть о Февральской революции была воспринята со сдержанным оптимизмом – еще не верилось, что грозный противник вышел из строя. Номинально российская армия достигла пика могущества – против Германии и Австро-Венгрии было сосредоточено 5,5 млн человек. Людендорф признавал: атакуй они весной, и державам Центра пришлось бы худо. "Только русская революция спасла нас в апреле и мае 1917 г. от тяжелого поражения". А запись в дневнике Гофмана от 5 марта гласила: "Если бы они три недели назад начали наступление... мы бы полетели к черту"[193]. Но ожидаемое российское наступление все откладывалось и откладывалось, и немцы воспрянули духом. Решено было отказаться от всяких активных операций, дабы не раздражать непредсказуемых русских и, Боже упаси, не объединять их вокруг лозунга "революционного оборончества", сорвав тем самым страстно желаемое перемирие. В конце апреля несколько офицеров, снабженных письмом командующего Восточ-

ным фронтом фельдмаршала принца Леопольда Баварского к генералу А.М. Драгомирову, появились в Двинске (Даугавпилсе). Выдвинутые условия ("исправление" границы в Прибалтике, "отделение" Польши от России, "очищение" Румынии и Восточной Галиции от русских войск) говорили сами за себя, и ответа на них не поступило[194].

В том же апреле 1917 г. лидер германской католической партии Центра Эрцбергер встречался в Стокгольме с преуспевающим российским журналистом И.И. Колышко, который имел опыт сепаратных контактов с германскими представителями еще со времен Штюрмера. Эрцбергер и Колышко даже составили проект соглашения о перемирии. Там говорилось о восстановлении западной границы России по линии 1914 г. Но вопреки этому тезису предусматривалось ее "исправление" в пользу Германии, а также отделение Польши. О судьбе проекта в России неизвестно. По-видимому, Колышко не решился показать его Временному правительству. Эрцбергер получил нагоняй от кайзера Вильгельма за "самовольство"[195].

Оставалось набраться терпения и ждать разложения в стане врага, а оттуда поступали бодрящие вести: "Россия – настоящий бедлам, все гниет, всюду беспорядок и хаос", – записывал Гофман в дневнике. А Максимилиан Волошин изливал боль исстрадавшейся души в строфах:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях[196].

Процесс разложения фронта шел полным ходом, солдаты тысячами его покидали. Оставшиеся в окопах митинговали и все чаще ходили к неприятелю брататься и менять хлеб и сало на шнапс. Ленин призвал "развить братание (не позволяя немцам обманывать русских)"[197]. Но как? В разведывательных сводках австрийских и германских штабов появился раздел: "Сведения, полученные путем братания": солдаты не считали нужным скрывать от "братьев по классу" расположение своих войск и прочие данные, которые ранее считались секретными.

Германия получила передышку, но только передышку. Положение в рейхе шло от плохого к худшему. Призывы к миру, раздававшиеся из Петрограда, стали доходить до умов и сердец бюргеров. Совсем плачевно сложились дела в Австро-Венгрии. В Вене жаждали выбраться из войны до того, как монархия расползается по национальным швам. Чернин пришел к выводу, что шансов на победу не осталось никаких. В апреле 1917 г. он направил императору Карлу I записку, в которой изъяснялся начистоту. "Совершенно ясно, что наша военная сила иссякает". Людские ресурсы близки к истощению, стратегического сырья не хватает, голод породил "тупое отчаяние" у населения, "революционная опасность" застилает "горизонт всей Европы". Чернин выражал надежду: если "удастся продержаться в течение нескольких месяцев и провести успешную оборону, то для меня совершенно ясно, что дальнейшая зимняя кампания для нас совершенно немыслима"; вывод: "поздним летом или осенью мы во что бы то ни стало должны заключить мир", даже ценой жертв[198].

Карл согласился с мнением министра и переслал его меморандум в Берлин, сопроводив отчаянным призывом к Вильгельму: "Мы боремся против

нового врага, столь же опасного, как и Антанта, – против интернациональной революции, которая находит сильнейшего союзника во всеобщем голоде... Быстрое окончание войны с вероятными тяжелыми жертвами создаст возможность успешно дать отпор всеразрушающему движению".

В Германии Чернина, а заодно и его монарха обвинили в черном пессимизме. Спокойнее других реагировал Бетман-Гольвег. Он счел демарш своего австро-венгерского коллеги обоснованным, однако момент для выступления с мирной инициативой неподходящим. Рейхсканцлер возлагал надежды на развернутую Германией беспощадную подводную войну и на развал России, который приведет, как он полагал, к прекращению военных действий на Восточном фронте даже без официального заключения перемирия. Знай бы Бетман-Гольвег о размышлении императора Карла и Чернина с глазу на глаз, он, вероятно, реагировал бы резче. Ведь в Вене полагали, что Германии придется пойти на территориальные уступки в Эльзасе и Лотарингии, согласиться на восстановление Бельгии, компенсировав свои "потери" за счет "русской" Польши[199]. Само же австро-венгерское руководство к тому времени уже смирилось с собственным устранением от участия в польских делах. В марте 1917 г. по секретному протоколу империя Габсбургов полностью отказалась в пользу Германии от всех претензий на земли Королевства Польского в обмен на большую часть Румынии[200].

Поскольку Берлин проигнорировал обращенный к нему призыв, австрийцы стали действовать за спиной союзника. Карл воспользовался услугами брата своей жены Зиты, принца Сикста Бурбонского, служившего офицером в бельгийской армии. Сикст побывал в Вене, затем отправился в Париж и Лондон, снабженный письмами, по форме личными, императора Карла и записками Чернина, ознакомил с ними глав обоих правительств, Д. Ллойд Джорджа и А. Рибо. Смысл предложений сводился к следующему: восстановление Сербии и Бельгии, поддержка французских требований относительно Эльзаса и Лотарингии. О России – полное умолчание. Карл полагал, что той после революции будет не до Константинополя и Проливов. Характерно, что основные уступки делались за счет Германии, что же касается владений Габсбургов, то подразумевалось их сохранение, а ведь в заключенных Антантой соглашениях уже просматривались контуры их развала. И все же Ллойд Джордж считал перспективу выхода Австро-Венгрии из войны заманчивой: выпадало важное звено Четверного союза, Турция и Болгария оказывались в изоляции, снабжение их боеприпасами из Германии, а последней – продовольствием с Балкан, прекращалось.

Камнем преткновения стал итальянский вопрос, с Южным Тиролем австрийцы расставаться не желали. Во время свидания с Соннино в горном швейцарском местечке Сен-Жан-де-Морьенн Ллойд Джордж и Рибо не решились даже напрямую информировать собеседника о демаршах Вены, боясь такого взрыва негодования со стороны пылкого итальянца, которое, по словам Ллойд Джорджа, не способны были охладить даже окружающие снега[201].

В Берлине капитулянтский настрой союзника вызывал крайнее раздражение. Прусская военщина не желала и слышать о жертвах, мечтая обратить российскую революцию себе на пользу. Уже в начале апреля 1917 г. германское Верховное командование (ОХЛ) потребовало от Бетман-Гольвега окончательного определения военных целей Германии на востоке.

Гинденбурга и Людендорфа поддержал кайзер, поручивший рейхсканцлеру ввиду возможных мирных переговоров с Россией определить минимальные и максимальные требования Германии. Подавая пример, Вильгельм II лично занялся прожектерством и к 19 апреля сочинил бумагу, схожую с горячечным бредом, но озаглавленную "минимальные требования". Он требовал прямо или косвенно аннексии Польши, Курляндии и Литвы, а также достижения "автономии" Украины и Эстонии и общей "федерализации", т.е. расчленения, России в будущем. Также Вильгельм "поделил" объекты в Средиземном море: Мальту – себе, Кипр – Турции, Гибралтар – Испании, далее его фантазия перебралась в Атлантический океан, где он присмотрел для Германии острова Зеленого Мыса, Азорские и Мадейру; ей же в Африке предназначалось Конго (как Бельгийское, так и Французское). Причитавшуюся фатерлянду контрибуцию Вильгельм определил в 30 млрд долл., 40 млрд франков и 10 млрд лир. Правда, кайзер соглашался принять ее не наличными, а поставками скота и нефти из России, хлопка, меди и никеля из США и даже шерсти из Австралии[202].

Через четыре дня в Бад-Крёйцнахе состоялся коронный совет. Выработанная на нем программа предусматривала отторжение от России Литвы и Курляндии (а возможно, если обстоятельства сложатся благоприятно, и всей Прибалтики), военное, экономическое и политическое подчинение Польши при расширении германской территории под флагом "исправления" границы. Австро-Венгрию предполагалось компенсировать присоединением к ней сербских, черногорских и румынских земель; у Бельгии аннексировать район Льежа и побережье Северного моря, включая порт Брюгге, у Франции – район Бриё-Лонгви; Люксембург включить в рейх на правах отдельной земли[203]. Мифотворчество на тему мирного урегулирования в штабных кабинетах стало известно в политических кругах и вызвало тревогу: а считаются ли генералы и персонально его величество с реальной обстановкой? Оголодавшее и озлобленное население жадно ловило раздававшиеся из Петрограда призывы к миру без аннексий; союзники Германии еле держались на ногах; неэффективность "неограниченной" подводной войны к лету 1917 г. стала очевидной.

19 июля рейхстаг принял резолюцию о стремлении к миру "во имя согласия и примирения всех народов". "Насильственное территориальное расширение, утверждение своего политического, социального и финансового контроля над другими странами несовместимо с такой программой"[204], – вещал рейхстаг, словно забыв о звучавших недавно в его стенах речах и принятых резолюциях. Печать воздействия Февральской революции и провозглашенных ею лозунгов явно ощущалась в принятом документе. Канцлер Бетман-Гольвег, причастный к его составлению, поплатился за содеянное своим креслом.

Реального результата демарш рейхстага не имел. Бывший французский премьер-министр А. Бриан на закрытом заседании палаты депутатов произнес речь, которая немедленно стала известной (ибо ее особенно и не скрывали), заявив в ней: Великобритания и Франция обещали России Константинополь, последняя в ответ признала право Парижа не только на Эльзас и Лотарингию, но и на левый берег Рейна. Дверь к переговорам захлопнулась намертво.

Но по инерции "поиски мира" продолжались. Новый рейхсканцлер Г. Михаэлис прислал Чернину разъяснения, выражавшие точку зрения

более умеренных немецких кругов: об уступке Эльзаса и Лотарингии не может быть и речи, более того, следует обеспечить особые права Германии в экономике района Лонгви и Бриё, установить в договорном порядке тесные экономические и военные связи Германии и Бельгии, включая по меньшей мере долговременную концессию на Льеж и побережье Фландрии. Перечисления этих условий было вполне достаточно, чтобы предвидеть категорический отказ Антанты, не говоря уже о планах превращения "возрожденной Польши" в немецкую марионетку, – и полной бессмысленности представления их неприятелю. Когда же Чернина навестил представитель пангерманцев и изложил ему их прожекты урегулирования, министр решил, что тут доводы логики бессмысленны, нужен врач. Так, председатель Пангерманского союза Г. Класс в брошюре, появившейся в июне 1917 г., границу немецких захватов в Восточной Европе определил по линии от Нарвы до Гомеля и дальше через Курск и Харьков до Ростова-на-Дону[205]. Впрочем, "уступчивым" сам Чернин выступал лишь, пока дело касалось Германии. Как министр Австро-Венгрии он поддерживал идею целостности монархии; австрийские правящие круги отвергали уступки в пользу Италии в Трентино, венгерские занимали ту же позицию по отношению к румынским притязаниям на Трансильванию.

Несмотря на создавшееся тупиковое положение, Чернин не выпускал из рук пальмовую ветвь. 2 октября 1917 г. он выступил в Будапеште с большой политической речью, изложив свои мысли по созданию "нового мирового порядка". Последний предусматривал отказ от каких-либо планов реванша после войны, разоружение на суше и на море (или по крайней мере сокращение вооружений); разрешение конфликтов путем третейского разбирательства; установление принципа полной свободы экономической деятельности. По ходу речи Чернин заметил: "Мы не вели войну ради завоеваний и мы чужды всякому насилию", видимо, забыв о расправе над Сербией. Он соглашался "отказаться от территориального расширения Австро-Венгерской монархии, полагая, разумеется, что и неприятель очистит исконную нашу территорию"[206]. В устах министра державы, трещавшей по швам под ударами извне и изнутри, это звучало пикантно.

Речь была встречена скептически в высших эшелонах самой монархии, немцы не удостоили ее вниманием, отклики в стане Антанты превзошли "самые пессимистические ожидания" оратора, ее сочли сплошным лицемерием. Тезис насчет сохранения, пусть и в реформированном виде, габсбургских владений, означал обман национальных чаяний населявших их чехов, словаков, поляков, сербов, хорватов, румын, украинцев. А стремление избежать распада заставляло Вену цепляться за союз с Германией; лишь сохранявшаяся немецкая военная мощь позволяла надеяться на умеренный мир; будучи изолирована, Австро-Венгрия рассыпалась бы неминуемо и стремительно. Путь к сепаратному урегулированию был закрыт, и вовсе не по причине верности союзу, как то провозглашалось в печати и с трибун, а по гораздо более эгоистическим соображениям. В разговоре с Тисой в ноябре 1917 г. Чернин уподобил сепаратный мир самоубийству человека, который кончает с собой из страха перед смертью. Война, полную безнадежность которой глава австро-венгерской дипломатии сознавал, продолжалась.

Определенные уроки из обстановки, порожденной российской революцией, извлекли даже "золотые галуны". В частности, они уразумели,

насколько полезно обрядить в демократические одежды захватнические планы в отношении России. Еще Бетман-Гольвег и Циммерман растолковывали тугодумам из Генерального штаба: чтобы подсластить русским отказ от Курляндии и Литвы, их следует подстричь под самостоятельные государства, обладающие автономным управлением, но прочно привязанные к рейху военными, политическими и хозяйственными узами. Не грубое присоединение, а тонкое подчинение с опорой на сепаратистское движение на российских окраинах, окрепшее в военное лихолетье[207].

Этот вопрос занимал генштаб и ведомство на Вильгельмштрассе с самого начала войны. В марте 1915 г. известный немецкий социал-демократ российского происхождения бывший меньшевик Парвус (А.Л. Гельфанд) предложил германскому правительству широкомасштабный план "революционизирования" России с помощью получающих немецкие субсидии русских, украинских, грузинских, армянских и т.п. социалистических партий и организаций. Парвус не ограничился идейной борьбой. Особое "внимание" уделялось окраинам российской державы в целях подготовки к их отпадению. В 1915 г. он попытался (неудачно) осуществить на Северном Кавказе высадку местных националистов и поднять с их помощью восстание[208]. В Закавказье сепаратистские настроения разжигались во взаимодействии с турками. Те ратовали за "освобождение" мусульман, а немцы сосредоточили свои усилия на грузинах. На Украине они сотрудничали с австрийским союзником. В отношении Прибалтики обрисовался иной курс: здесь итоги "революционизации" могли обратиться прежде всего против немецких баронов, поэтому в генштабе и внешнеполитическом ведомстве вызревали варианты установления своего влияния под флагом самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии. Дабы замести немецкий след, в нейтральной Швейцарии в марте 1916 г. была основана Лига нерусских народов России, которая на полученные из Берлина деньги развивала учение о праве народов на самоопределение[209].

Естественно, что в поисках "революционного", в трактовке внешнеполитического ведомства и разведки, развала России было обращено внимание и на российскую социал-демократию, замышлялось даже провести конференцию по сплочению ее разрозненных сил для последующей "энергичной акции против абсолютизма". По версии некоторых историков, Ленин якобы пошел на подобное тесное сотрудничество с германскими спецслужбами, а в 1917–1918 гг. расплатился со своими "хозяевами", согласившись на заключение унизительного для России сепаратного мирного договора со странами Четверного союза. В новейшей историографии и политической публицистике можно встретить спекуляции на тему о том, что Ленин уже с 1914 г., когда в самом начале войны он был арестован австро-венгерскими властями в Польше и несколько дней провел в тюрьме по подозрению в шпионаже в пользу России, стал платным агентом то ли немецкой, то ли австро-венгерской разведки, хотя в то время он и его партия еще не могли представлять особого интереса для этих спецслужб[210]. Германский историк Ф. Фишер с откровенным сарказмом пишет о "знаменитых, многократно цитируемых кайзеровских миллионах для Ленина"[211], поисками которых и по сей день занимаются некоторые отечественные историки и публицисты без видимых серьезных результатов. Ведь никаких официальных документов, подтверждающих финансирование большевиков германским правительством,

ни в отечественных (что вполне, впрочем, естественно после "чистки" архивов при советской власти), ни в зарубежных (в том числе германских) архивных фондах не сохранилось. Не вдаваясь в эту дискуссию и отсылая читателя к материалам, содержащим взвешенную оценку[212], ограничимся здесь некоторыми общими соображениями.

На "чужие деньги" можно учинить заговор, издавать газету, подготовить покушение, организовать демонстрацию, но никак не революцию, поддержанную миллионами людей. Революции зарождаются в гуще страданий народных и вырываются наружу в возмущении и гражданском неповиновении большинства нации. Идея о том, что истощенная, обескровленная, оголодавшая и сама находившаяся на пороге революции Германия в 1917 г. была способна разбрасывать золото направо и налево, отдает нездоровой фантастикой. Впрочем цифры известны. На разложение всех поголовно противников до января 1918 г. включительно немцы истратили 382 млн марок; чуть больше десятой части – 40,5 млн пришлось на Россию, из которых 14,5 млн оказались невостребованными. Осталось 26 млн "на все про все"[213] – на поддержку сепаратизма в Финляндии, Прибалтике, на Украине и Кавказе и на эсеров, анархистов и социал-демократов. "Немецкое золото" шло по многим адресам (а не только большевикам), включая, вероятно и широкие карманы самого Парвуса, никогда не отличавшегося особой щепетильностью в финансовых делах и занимавшегося разного рода коммерческими операциями довольно крупного масштаба. Издававшийся Парвусом журнальчик "Ди глоке" ("Колокол", Гельфанд рядился под Герцена) Ленин именовал "сплошной клоакой немецкого шовинизма" и категорически отрицал получение каких-либо средств от Парвуса даже через посредников. Он, по словам Ленина, "лижет сапоги Гинденбургу", уверяя своих российских контрагентов, будто "немецкий Генеральный штаб выступает за революцию в России"[214].

Ленин понимал, конечно, что выдвинутый им лозунг "поражения своего правительства в империалистической войне" дает обильную пищу для обвинения его в национальном предательстве, и делал все, чтобы не скомпрометировать себя связями с неприятелем и тем более – зависимостью от него. Эпизод с переездом эмигрантов из Цюриха в Петроград о том свидетельствует. Перед ними, действительно, зажгли зеленый свет для возвращения на родину, и Ленин (тем же путем в Россию вернулись и лидеры меньшевиков) отдавал отчет в причинах внезапной предупредительности немецких властей. Он специально оговорил с их представителями, что позиция по вопросу о войне не может служить критерием для отбора на проезд и что места в вагонах займут все желающие, включая заведомых "оборонцев".

Хорошо известно, что большевики не любили церемониться при пополнении партийной кассы – многочисленные "экспроприации" банков о том свидетельствуют. Но они помнили завет Маркса: можно садиться за стол хоть с дьяволом, но важно запастись при этом длинной ложкой, иными словами, гнуть свою линию. Вероятно, Ленин действительно закрывал глаза на какие-то сомнительные финансовые источники, не считая предосудительным бить русских империалистов на деньги империалистов германских, прокладывая тем самым путь к мировой революции. Кстати говоря, сегодня в глазах многих такая тактика выглядит скорее искусным политическим ходом Ленина, чем заслуживающим осуждения аморальным и позорным

поступком, тем более что лидер большевиков всегда руководствовался лишь собственными революционными планами, а личное ленинское бескорыстие было очевидным даже для его политических противников. Умные и хорошо осведомленные современники – враги Ленина не сомневались в его несгибаемой целеустремленности и неподкупности и игнорировали распускаемые в целях его компрометации слухи. Уместно привести здесь выдержку из дневника Палеолога о его беседе с одним из своих осведомителей:

– Не является ли Ленин немецким провокатором?

– Нет, Ленин – человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение.

– В таком случае он еще более опасен"[215].

Так рассуждали враги большевистского лидера. Нелепо и наивно полагать, что в 1917 г. можно было буквально "перевернуть" такую страну, как Россия, на "немецкое золото", ибо для столь грандиозного эксперимента не хватило бы ни золота, ни немецких "агентов"[216]. Крах самодержавия и режима Временного правительства в России в 1917 г. произошел сам по себе, главным образом по причинам внутреннего порядка, и постороннего вмешательства для этого не потребовалось, хотя событие это имело далеко не однозначные последствия для мировой политики в целом.

Значение Февральской революции проявилось, в частности, в том, что выдвинутые ею лозунги не мог игнорировать никто, хотя каждый норовил обратить их себе на пользу. Призывы к самоопределению народов позволяли придать привлекательную и даже демократическую окраску отторжению от России ряда национальных окраин. Об опасности игры с самоопределением предупреждала Р. Люксембург в своей тюремной "Рукописи о русской революции": за этой фразой скрывается "государственный развал России". Большевики "с доктринерским упорством" затвердили формулу, добавляя еще к ней "вплоть до отделения" и воображая, что Польша, Финляндия, Украина и Прибалтика станут их союзниками[217]. Действительность оказалась и сложнее, и мрачнее, и непредсказуемо внушительнее, чем это виделось и друзьям, и врагам большевиков.

Октябрьскую революцию кайзеровская дипломатия и ОХЛ встретили, успев уже накопить богатый опыт по перелицовыванию экспансионистских целей и приданию им невинного и даже демократического обличья. 8 ноября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов был принят Декрет о мире. В нем советское правительство предлагало "всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире". Декрет подчеркивал, что "справедливым или демократическим миром... правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций". Советское правительство декларировало "решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях"[218]. Однако советское правительство не отказывалось и от рассмотрения всяких других условий мира, если бы они были предложены одной из воюющих держав. Поэтому Декрет о мире встретил в Берлине и в Брест-Литовске, где располагалась штаб-квартира германского Восточного фронта, немедленный отклик. Не нужно было придумывать многоходовые комбинации с использованием третьих лиц для того, чтобы постучаться в двери

Л.Д. Троцкий – глава советской делегации на переговорах в Брест-Литовске

Зимнего дворца, клясться в умеренности выдвигаемых требований, напоминать о традициях монархической солидарности. Вчерашний грозный враг шел навстречу, зная, что пощады не будет.

Советская власть стремилась сделать переговоры всеобщими, воззвав ко всем заинтересованным правительствам. Наркоминдел, которым руководил Л.Д. Троцкий, 21 ноября 1917 г. обратился к странам Антанты с нотой, где предлагал приступить к мирным переговорам. Но ни одна из стран Антанты на нее не ответила. Более того, 23 ноября руководители военных миссий стран Антанты при российской Ставке заявили протест против всяких мирных переговоров и приостановки военных действий. Они предупредили советское правительство о самых тяжелых последствиях его односторонних действий. Тем временем по российско-германскому фронту прошла волна локальных перемирий. В самый ее разгар, 3 декабря советская мирная делегация прибыла в Брест-Литовск. На следующий день здесь начались переговоры о заключении перемирия. 6 декабря Совнарком снова предложил странам Антанты принять в них участие и опять получил отказ. Тогда 15 декабря советское правительство пошло на подписание сепаратного соглашения со странами Четверного союза о перемирии на всех фронтах сроком на 28 дней. При этом, соблюдая интересы своих союзников, оно потребовало, чтобы немцы и австрийцы не перебрасывали своих дивизий с русского фронта на другие. Последнее требование первоначально встретило возражения со стороны немцев, но затем они уступили. Ведь, по замечанию Гофмана, "еще до начала брест-литовских переговоров основная масса расположенных на Восточном фронте войск была отозвана на Запад"[219]. 17 декабря перемирие вступило в силу. Через пять дней начались мирные переговоры.

На первых порах российская делегация во главе с А.А. Иоффе, ободренная вестями о массовых забастовках в измученных войной Германии и Австро-Венгрии, свято веруя в скорый приход мировой пролетарской революции, держалась твердо и настояла на принятии за основу дискуссии положений Декрета о мире. 25 декабря делегации стран Четверного союза заявили о согласии с основными положениями советской декларации о мире без аннексий и контрибуций, но при условии присоединения к этому предложению правительств стран Антанты. Для приезда в Брест-Литовск их представителей в работе мирной конференции был объявлен перерыв на десять дней[220].

Успех был мнимым. "Мир без аннексий и контрибуций" по сути своей был приемлем для проигравшей стороны, потерявшей надежду на успех. В глазах же той, что имела шансы на победу, он не заключал в себе ничего демократического, его не принимали не только "империалистские прави-

тельства", но и широкая общественность стран Антанты. Для рядового француза, бельгийца, серба он означал, что "боши" и "австрияки", опустошившие и ограбившие его землю, безнаказанно уберутся домой – восстанавливать силы в свои сохранившиеся в целости города и села (ведь "без контрибуций"). А французский, бельгийский, сербский солдат увидит на освобожденной земле сожженные деревни, разрушенные города, затопленные шахты, заводы в руинах, пустые амбары в крестьянских хозяйствах, где они уцелели, и ему, гордому победителю, останется поднимать все на своем горбу. Придется расстаться с мыслью о возвращении Эльзаса и Лотарингии (ведь "без аннексий"), прервать процессы объединения польских, югославянских, румынских земель, восстановления чешской государственности, успех которых прямо зависел от победы Антанты в войне. Нет, такой мир не имел шансов на поддержку со стороны широких масс населения стран Согласия, настроившихся на победный лад. Лозунг "мира без аннексий и контрибуций" был порожден представлением о войне как *всецело* империалистской. Поскольку это было не так (в чем ныне мало кто сомневается), требует к себе критического отношения и данный лозунг.

Можно было заранее предвидеть, что, несмотря на настойчивые приглашения, делегаты держав Антанты в Брест-Литовск не прибудут. Выждав положенные десять дней, 9 января 1918 г. руководитель германской делегации статс-секретарь по иностранным делам Р. фон Кюльман объявил, что, поскольку конференция является не всеобщей, а сепаратной, Центральные державы обретают полную свободу действий и никакими обязательствами не связаны.

У немцев сложилось впечатление, что советская делегация под формулой "мир без аннексий" подразумевает восстановление России в границах 1914 г. Иоффе настаивал на эвакуации занятых неприятелем территорий при условии признания их права на самоопределение. Раскрыть им глаза взялся Гофман, который заявил Иоффе, что Польша, Литва и Курляндия высказались за отделение от России, и "Срединные державы не считают аннексией, если они совместно с представителями упомянутых народов определят их дальнейшую судьбу". "С Иоффе точно удар случился", – отмечал генерал в своих записках. Еще бы! Как бы между прочим он бросил фразу о "присоединении к Германии или другой державе... упомянутых народов"[221].

18 января Гофман положил на стол карту, предложив присутствовавшим с ней ознакомиться. Германия и Австро-Венгрия намеревались перенести границу на восток, отторгнув от России свыше 150 тыс. кв. км территории – Польшу, Литву, значительную часть Латвии, включая Ригу и Моонзундский архипелаг. Южнее Брест-Литовска границу должны были определить Центральные державы и украинская Центральная Рада, образовавшаяся в Киеве еще в марте 1917 г. Контакты с ней Берлин установил летом 1917 г. Циммерман, разрабатывавший тогда политику "автономизации" на востоке Европы, в июле даже выдвигал проект заключения с Украиной сепаратного мира ценой передачи ей Холмщины и Восточной Галиции. Но из-за резкого сопротивления Чернина, не желавшего делать из Галиции разменную монету германской восточной политики, в августе 1917 г. этот план был заблокирован[222].

После заявления Гофмана советская делегация запросила перерыва. Именно тогда разыгрались драматические противоречия вокруг вопроса –

принимать или не принимать ультиматум. Ленин, настаивавший на принятии, оказался в меньшинстве в Центральном комитете партии большевиков. Троцкий, сменивший Иоффе в Брест-Литовске, выдвинул формулу: войну прекратить, войска демобилизовать, мира не подписывать[223]. Это развязало руки немецкой военщине.

Коалиция Центральных держав лишь из несведующего далека представлялась сплоченной и источавшей уверенность в своих силах. На самом деле ее раздирали глубокие противоречия. Чернин, мечтавший любым путем избежать надвигавшейся катастрофы, заявил Кюльману, что не собирается приносить жертвы ради германских завоевательных устремлений. Отъезд российской делегации за инструкциями привел его в смятение, – а вдруг не вернутся? Правда, по мнению Людендорфа, ослабевшая Австро-Венгрия с военной точки зрения стала ненужной, болгарская помощь утратила значение, а Турция вообще превратилась в тягость, так что с ними можно было не считаться. Гофман отводил душу в дневнике. Об австрийцах он писал: "Вот идиоты! ...Только и делают, что бегут, только и делают, что лгут... С каким удовольствием я бы воевал против этих молодцов!"[224]. Но мир был нужен Берлину ничуть не меньше, чем Петрограду. На весть о срыве переговоров измученное население Германии и Австро-Венгрии ответило массовыми стачками.

Выход был найден в поспешном заключении мира с украинской Центральной Радой. Ее делегацию пригласили в Брест-Литовск, хотя Рада к тому времени утратила власть, Киев заняли красные войска, в Харькове образовалось советское правительство. "Суверенитет" Центральной Рады, по словам Троцкого, ограничивался комнатой, занимаемой ее делегацией в Брест-Литовске. С Троцким соглашался, разумеется про себя, генерал Гофман: делегаты Рады "ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи; их правительство представляет собой фиктивное понятие". Бессильная Рада приняла поэтому все навязанные ей условия, согласившись в договоре от 9 февраля за "помощь" (в виде оккупации Украины) поставить в Германию и Австро-Венгрию до конца июля миллион тонн зерна, до 500 тыс. тонн мяса в живом весе и многое другое[228].

В дипломатии не принято употреблять слово "грабительский". Чернин назвал поэтому подписанный договор "хлебным" – в Австро-Венгрии продовольствия по голодным нормам оставалось на два месяца. Растиражированный прессой "успех" способствовал смягчению внутренней обстановки "дома".

Тайм-аут на переговорах немцы использовали для форсирования процессов сепаратизма на национальных окраинах России. И проще, и сложнее всего обстояли дела с Польшей. Проще потому, что еще Временное правительство в душе смирилось с ее утратой; сложнее – поскольку не удавалось достичь прочной договоренности со сколь-нибудь влиятельными польскими кругами, нетерпеливо выжидавшими возрождения национальной государственности. Австро-германская декларация от 5 ноября 1916 г. их не удовлетворила, план с самого начала страдал хроническими недостатками. В нем говорилось лишь о "конгрессовой" Польше, т.е. о землях, входивших в состав России. О территориях, поглощенных Пруссией в результате разделов Речи Посполитой, декларация умалчивала.

12 сентября 1917 г. от имени двух императоров вышел рескрипт о создании вместо отставленного в августе 1917 г. Временного государственного

совета “верховной власти” в “Королевстве Польском”. Согласно особому патенту этой властью впредь до установления монархии наделялся Регентский совет, поставленный под контроль представителей оккупационных держав. 21 ноября Регентский совет образовал первое “правительство” “независимой” Польши во главе с историком Я. Кухажевским. В своем программном заявлении он указывал на “вредное и разлагающее” влияние русской революции и необходимость создания сильной польской армии, которая должна “задержать заразу, идущую с Востока”. Регентский совет и “кабинет” Кухажевского добивались от Берлина и Вены допущения их хотя бы в роли советников к участию в мирных переговорах в Брест-Литовске. До регентов стали доходить слухи о возможном новом переделе Королевства Польского. Но Центральные державы не только отказали своим марионеткам в каком-либо участии в обсуждении польских дел в Бресте, но запретили органам польской печати даже касаться вопроса о самой возможности участия поляков в мирных переговорах[226].

“Урезанная” Польша грозила превратиться в очаг вечного недовольства против Германии. Возник план объединения ее с Галицией, входившей в состав Австро-Венгрии. Расширенную страну предполагалось поставить под скипетр Габсбургов, чтобы не обижать союзника. Но тут венгров бросило в жар при мысли о преобразовании двуединой монархии в триединую с соответствующим падением в ней роли и влияния Венгрии. И, наконец, как совместить включение Польши де-юре в австрийскую сферу с установлением в ней де-факто немецкого господства? Немцы и австрийцы, замечал Эрцбергер в мемуарах, шпионили друг за другом, а “видные политики Польши вообще не шли на контакт с Центральными державами, а занимали выжидательную позицию”[227]. В довершение всего прусская военщина настаивала на “исправлении” границы с Польшей, разумеется по “стратегическим” соображениям, и в свою пользу: к Пруссии должна была отойти полоса шириной приблизительно в 100 километров.

И надо всем довлел молох войны: Людендорф рассчитывал на 350 тыс. польских штыков для пополнения поредевшей армии. Результат оказался разочаровывающим. По словам Эрцбергера, “затяжка войны, постоянные реквизиции и голод были причиной того, что симпатии к Центральным державам упали до точки замерзания”. Польские легионы формировались медленно, когда же они появились, обнаружилось, что сражаться им не с кем: российская армия развалилась; мысль же о том, чтобы двинуть легионеров на Запад, против французов, выходила за рамки разумного. Зато к моменту краха Центральных держав в Польше оказалась налицо вооруженная сила, способная серьезно повлиять на процесс образования государства, причем в границах, далеко выходивших за пределы этнически польских земель. А в дневнике генерала Гофмана 16 декабря 1918 г. появилась унылая запись: “Поляки в Варшаве совершенно с ума сошли. Они прервали переговоры и прогнали нашего посла”[228].

В Прибалтике дела у новоявленных адептов самоопределения народов из германского генштаба шли успешнее. По свидетельству Ф. Фишера, “под более или менее сильным немецким давлением” в Литве, Курляндии, в части Латвии и Эстонии создавались земельные советы. Возникшая в Литве в сентябре 1917 г. “Тариба” (литовский совет) провозгласила целью образование независимого государства на демократической основе. Правда, обоим

этим постулатам сильно мешали оккупация и стремление германского командования непременным условием всяких "уступок" Литве поставить ее личную унию с Пруссией. Положение "Тарибы" несколько облегчалось тем обстоятельством, что влиятельные германские земли, такие как Бавария и Саксония, не хотели дальнейшего усиления прусской доминации во "втором рейхе" и выставляли своих кандидатов на вильнюсский трон, так что "Тариба" обретала возможность выбора, а стало быть, и маневра.

24 декабря 1917 г. "Тариба" объявила о восстановлении независимого литовского государства со столицей в Вильнюсе "с прекращением всяких государственных связей, которые когда-либо существовали между Литвой и другими государствами". Акт носил односторонний характер и не был признан ни советским правительством, ни белым движением, ни державами Антанты. Он имел шансы на осуществление лишь под крылом немецкой армии. Литву ожидала неминуемая конфронтация с возрождавшейся Польшей, считавшей Вильно "своим" городом. Поэтому "Тариба" высказалась за вечные и прочные связи Литвы с Германской империей, за военный, экономический и таможенный союз[229].

Пытаясь сделать немецкую опеку менее плотной, "Тариба" заговорила о созыве конституционного собрания для решения вопросов государственного устройства и выразила пожелание об удалении германских войск с литовской территории. Это, с точки зрения штаба в Крёйцнахе и МИД в Берлине, было уж слишком, и литовцам указали на их место. Да и "Тариба" пришла к выводу, что чересчур засвоевольничала. Поскольку Антанта продолжала считать Литву частью России, ждать поддержки с ее стороны не приходилось. Решено было вернуться к декларации от 11 декабря 1917 г., и кайзер Вильгельм подписал акт о признании независимости Литвы.

Оставалось уладить вопрос о великом князе. Немецкое командование продолжало настаивать на личной унии с Пруссией и принялось собирать в Литве подписи под петицией Вильгельму с просьбой "поставить и нашу страну под славный скипетр Вашего Величества и соблаговолить принять великогерцогскую корону для себя и наследников Вашего Величества"[230]. Затея натолкнулась на сопротивление литовцев и провалилась. Тогда германские католики во главе с Эрцбергером нашли подходящую кандидатуру на престол в лице герцога Вильгельма фон Ураха, отпрыска Вюртембергской династии. "Тариба" согласилась призвать его на трон под именем Миндаугаса II. Но тут наступил крах, и путь герцогу Вильгельму-Миндаугасу в Вильнюс был закрыт[231].

На время "брестского сидения" пришелся важный этап формирования немецкого курса в Прибалтике; верх взяли сторонники более осторожного варианта распространения германского влияния в регионе под лозунгом поддержки национального движения: не возобновление войны с Россией, а освобождение страдающих под московским (или петроградским) игом народов. Третий по счету за время мировой войны канцлер Г. Гертлинг заметил, что желательно получить от "освобождаемых" свежие призывы о помощи. Привыкший к действию фельдмаршал Гинденбург распорядился, чтобы требуемые обращения поступили в тот же день. Вовремя удалось получить лишь одну телеграмму из Риги. Но надо было, не мешкая, водворять Центральную Раду в Киеве, чтобы не пропала выговоренная по договору с ней добыча и сохранился плацдарм для германизации остальной России.

29 января глава советской делегации Троцкий прибыл в Брест-Литовск, и на следующий день переговоры возобновились. Обстановка день ото дня накалялась. Уже 9–10 февраля германская сторона заговорила в очень резком тоне. Кюльман предъявил советской делегации ультимативное требование принять германские условия мира. На вечернем заседании 10 февраля Троцкий заявил о разрыве переговоров: "Мы выходим из войны, но вынуждены отказаться от подписания мирного договора"[232].

Германская сторона заявила, что неподписание Россией мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия. После этого заявления советская делегация покинула Брест-Литовск. 16 февраля Гофман уведомил советского представителя А.А. Самойло, оставшегося в Брест-Литовске, что 18 февраля в 12 часов Германия начинает наступление.

В объявленный срок немцы начали продвижение по всему фронту. Утром 19 февраля Ленин в качестве главы советского правительства направил Гофману радиограмму с согласием принять германские условия. Она была получена уже в 9 часов утра. Однако немцы, не заинтересованные в приостановке успешного наступления, потребовали от советской стороны официального письменного документа. На это Ленин ответил, что курьер уже в пути. Германская сторона приняла заявление к сведению, но наступления не прекратила.

Новые условия мирного урегулирования, переданные советской стороне утром 23 февраля, включали требования очистить от российских войск Прибалтику, Финляндию, занятые ими области Турции, признать Центральную Раду законной властью[233]. На принятие ультиматума давалось 48 часов. В ночь на 24 февраля германские условия были приняты. Немцы потребовали подписания мира в течение трех дней с момента прибытия советской делегации в Брест-Литовск. Эта делегация заявила, что дает согласие на условия, которые "с оружием в руках продиктованы Германией российскому правительству"[234]. Вступать в дискуссию, создавать видимость переговоров она отказалась наотрез – с тем, чтобы при первой же возможности расторгнуть навязанный России "похабный", по выражению Ленина, мир.

Текст его был подписан 3 марта. От России отторгались польские, литовские, частично латвийские и белорусские земли. Она выводила войска из остальной части Латвии и Эстонии, с Украины, из Финляндии и с Аландских островов. На юге российская армия очищала округа Карс, Ардаган и Батум, судьба которых передавалась в руки Турции. С линии Нарва–Псков–Миллерово–Ростов-на-Дону, на которую вышли немецкие войска, они отводились лишь по заключении всеобщего мира. Россия обязывалась произвести полную демобилизацию армии и флота, в том числе и частей Красной армии, признать мирный договор Центральной Рады со странами Четверного союза и в свою очередь заключить договор с Радой, определяющий российско-украинскую границу. Брестский договор восстановил крайне невыгодные для России таможенные тарифы 1904 г. в пользу Германии[235].

Вместо 150 тыс. кв. км земель по первому ультиматуму Россия утратила 1 млн кв. км территории, на которой проживали 56 млн жителей, добывалось 90% угля и производилось 54% промышленной продукции России. Страну отбросили к допетровским временам. По степени унижения Брестский мир не знает аналогов в новой истории – таково мнение американских ученых.

После установления в Восточной Европе "Pax Germanica" взоры германских империалистов обратились на север континента. Еще 6 декабря 1917 г. финский сейм принял решение о независимости Финляндии. Однако правительство П. Свинхувуда, напуганное угрозой революции, стало тайно домогаться введения в страну германских войск. Тем не менее в конце января 1918 г. революция разразилась. Финляндия была провозглашена социалистической рабочей республикой. 3 апреля началась германская вооруженная интервенция в эту страну. Десятитысячный корпус высадился в Финляндии и помог недавнему царскому генералу К. Маннергейму подавить сторонников советской власти[236].

Кюльман и Чернин не стали дожидаться окончания брестской эпопеи и поспешили в Румынию. 7 мая 1918 г. в Бухаресте был подписан мирный договор, поставивший эту страну на колени: она теряла стратегически важные перевалы Карпатских гор, что открывало путь для австро-венгерского вторжения в любое время; лишалась Добруджи, включая Северную, выплачивала огромную контрибуцию и на пятьдесят(!) лет отдавала свои природные богатства, включая нефть и "излишки" урожая, в распоряжение немецкой бюрократии и капитала[237].

Еще в марте состоялось совещание высших германских чиновников, генералов и дипломатов, посвященное судьбе отнятых у России территорий. Принятое решение гласило: "Германия должна осуществлять фактическую власть на этих землях с тем, чтобы подвести их под свой суверенитет" с помощью постепенно заключаемых союзных договоров[238]. Экспансионизм, видимо, имеет свойство затуманивать и одурманивать даже трезвые в обычных условиях умы. Проекты послевоенного устройства, сочинявшиеся весной–летом 1918 г., оставляют впечатление чего-то ирреального и сильно отдают горячечным бредом. "Второй рейх" дышал на ладан, русская революция сдетонировала в Германии, а политики, генералы и профессора в Берлине предавались размышлениям: кого посадить на трон "восстанавливаемой" Польши и как изменить границу с ней в свою пользу; какими путями намертво привязать к рейху Финляндию, Прибалтику, Украину; обсуждали вопрос о колонизации немецкими поселенцами Крыма, Дона и Кубани; думали о протекторате над Грузией и о создании конфедерации государств в Закавказье. В возбужденном воображении рисовалась Imperium germanicum при прочном подчинении ей Бельгии, Люксембурга, Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии...

27 августа, когда даже немецкий генштаб пришел к выводу, что поражение очень вероятно, Берлин навязал Советской России кабальный финансовый договор, взваливший на последнюю контрибуцию в различных формах на сумму в 6 млрд марок золотом. Взимать ее не пришлось, "второй рейх" рухнул.

[1] *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland. 1914–1918. Düsseldorf, 1962. S. 107–113, 152.

[2] *Виноградов К.Б.* Кризисная дипломатия // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998 (далее – Пролог...). С. 125; *Фей С.* Происхождение мировой войны. М.; Л., 1934. Т. II. С. 115; *Conrad von Hotzendorff F.* Aus meiner Dienstzeit. Wien; Berlin, 1921–1925. Bd. IV. S. 125; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1999. С. 452–453.

[3] См. подробнее: *Красильников Е.П.* Политика германских оккупантов в Бельгии в годы первой мировой войны // Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988. С. 84–87.

[4] Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3 (далее – МОЭИ). М. – Л., 1935. Т. VI, ч. 1. № 220.

[5] Там же. С. 214.

[6] См.: *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" // Славяно-германские культурные связи и отношения / Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1969. С. 25–69; *Ратнер Н.Д.* Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М., 1970.

[7] *Попов А.* Чехо-Словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. // Красный архив. 1929. Т. 33. С. 12.

[8] Там же.

[9] *Яковлев Н.Н.* Последняя война старой России. М., 1994. С. 54.

[10] *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я.* История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995. С. 217; История внешней политики... С. 480.

[11] См. подробнее: *Saveliev I., Pestushko Y.* Dangerous Rapprochement: Russia and Japan in the First World War, 1914–1916 / Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2001. T. XVIII. P. 19–41.

[12] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л., 1947. Т. I. С. 38.

[13] Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Wien; Leipzig, 1930. Bd. 8. № 10909. S. 847– 848.

[14] *Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 40–41.

[15] Там же. С. 45–46; Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914 (далее – DD). B., 1919. Bd. 3. № 614. S. 105.

[16] МОЭИ. М.; Л., 1933. Т. III. С. 387–388.

[17] *Нотович Ф.И.* Указ. соч. С. 56; *Stere C.* Marele răsboiu şi politica României. Bucureşti, 1918. P. 229.

[18] Revue de deux mondes. 1930. № VIII. P. 533–538.

[19] DD. B., 1921. Bd. 4. S. 49.

[20] Adevărul. 1914. 31 aug.; 7 sept.; Epoca. 1914. 5, 14 sept.

[21] Adevărul. 1914. 7 sept.; Epoca. 1914. 29 oct.

[22] МОЭИ. Т. VI, ч. I. С. 340.

[23] Царская Россия в мировой войне. Л., 1926. Т. I. С. XVI; *Кросс Б.Б.* Русско-румынские дипломатические отношения в период июльского кризиса 1914 г. // Учен. зап. Шуйского пед. ин-та. Шуя, 1960. Вып. IX. С. 152; *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир 1918 г. М., 1959. С. 70; *Torrey G.* Romania and World War I. Iaşi – Oxford – Portland, 1998. P. 83.

[24] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба... С. 79–80.

[25] *Шкундин Г.Д.* Динамика болгарских военно-политических целей в ходе первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. В.И. Беляева. М., 1991. С. 12.

[26] См.: *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны. М., 1990; За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 87–91.

[27] *Curtright L.* Muddle, Indecision and Setback. Thessaloniki, 1986.

[28] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба... С. 238–239.

[29] *Шеремет В.И.* Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны по материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 56–68.

[30] DD. B., 1921. Bd. 1. № 149. S. 148.

[31] Ibid. Bd. 3. № 773.

[32] *Шеремет В.И.* Указ. соч. С. 116, 118.
[33] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба... С. 242–243.
[34] Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 303–304; *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира до первой мировой войны. М., 2000. С. 282–283; Пролог... С. 133–134.
[35] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба... С. 309; МОЭИ. Т. VI, ч. 1. № 72, 110.
[36] История внешней политики... С. 455.
[37] Константинополь и Проливы. М., 1925. Т. I. С. 232.
[38] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 125; История внешней политики... С. 454–455.
[39] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 127.
[40] Там же. С. 125–130.
[41] Там же. С. 171.
[42] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 314.
[43] Константинополь и Проливы. Т. I. С. 252, 274–275, 295.
[44] История внешней политики... С. 480, 548.
[45] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М.,1957. Т. 2. С. 533–534.
[46] Раздел Азиатской Турции. М., 1924. С. 185, 200.
[47] *Михайловский Г.Н.* Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. I. Август 1914 – октябрь 1917 г. М., 1993. С. 67.
[48] *Funder F.* Vom Gestern ins Heute. 2. Auflage. Wien, 1956. S. 526.
[49] *Valiani L.* The End of Austria-Hungary. N.Y., 1973. P. 48–73.
[50] Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1914–1918). Budapest, 1966. S. 215–232.
[51] Haus-, Hof- und Staatsarhiv Wien. P.A. / X. Varia. Karton 262. Nachlass Otto Bauer.
[52] *Палеолог М.* Указ. соч. С. 172.
[53] МОЭИ. М.; Л., 1935. Т. VII, ч. 2. С. 253–262.
[54] *Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С. 506–514.
[55] *Sonnino S.* Carteggio 1914–1916. Roma; Bari, 1974. P. 468.
[56] *Valiani L.* Op. cit. P. 811.
[57] МОЭИ.Т. VII, ч. 2. С. 482.
[58] Там же. № 669, 672.
[59] Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. СА. 1915. Д. 539. Л. 11; Universul. 1915. 12 mai.
[60] România în relaţiile internaţionale. Bucureşti, 1980. P. 389; За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 211.
[61] АВПРИ. Ф. Политархив. 1915. Д. 702. Л. 66.
[62] Там же. Ф. Отдел печати и осведомления. 1915. Д. 387. Л. 261.
[63] Рукописный фонд Института российской истории РАН. ЭР 7. Д. 1. № 39.
[64] МОЭИ. М.; Л., 1936. Т. VIII, ч. I. № 95.
[65] Там же. № 434.
[66] *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба... С. 624, 625, 646, 647.
[67] Там же. С. 650.
[68] *Кесяков Б.Д.* Принос към дипломатическата история на България 1878–1925. София, 1925. Т. I. С. 74–76.
[69] Там же. С. 71–74; *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба... С. 660–661.
[70] Дипломатически документи по намесата на България в европейската война. София, 1921. Т. II. № 2.
[71] *Данев С.* Очеркъ на дипломатическата история на балканските държави. София, 1922. С. 113.
[72] *Fischer F.* Op. cit. S. 400; *Шкундин Г.Д.* Болгарская дилемма в дипломатической стратегии Антанты (октябрь 1915 года) // Пролог... С. 166–182.

[73] История внешней политики... С. 493.
[74] Письма императрицы Александры Федоровны императору Николаю II. Т. 1. Берлин, 1922. Т. С. 452; *Fischer F*. Op. cit. S. 234.
[75] *Палеолог М*. Указ. соч. С. 235–236.
[76] Красный архив. 1925. Т. 6(31).С. 25–26.; *Евдокимова Н.П*. Между Востоком и Западом: Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С. 48–63.
[77] *Fischer F*. Op. cit. S. 233–234.
[78] *Яковлев Н.Н*. Указ. соч. С. 151.
[79] *Теодорович И.М*. Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. // Первая мировая война / Отв. ред. А.Л. Сидоров. М., 1968. С. 115–116, 119–120.
[80] История Венгрии / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1972. Т. 2. С. 502–503; *Fischer F*. Op. cit. S. 396–399.
[81] *Туполев Б.М*. "Срединная Европа" в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время первой мировой войны // Пролог... С. 118.
[82] *Ramhardter G*. Geschichtwissenschaft und Patriotismus. Österreichische Historiker im Weltkrieg 1914–1918. München, 1973. S. 50–51, 92; *Айрапетов А.Г*. Историческая судьба Австро-Венгрии // Вопр. истории, 1999. № 1. С. 141; *Чуканов М.Ю*. "Дунайские Соединенные Штаты" и планы переустройства Австро-Венгрии в программе Всевенгерской гражданской радикальной партии (О. Яси) // Процессы взаимозависимости и интеграции в Европе / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1991. С. 49.
[83] *Туполев Б.М*. Указ. соч. С. 118.
[84] Epoca. 1916. 12 iunie; 15 iunie.
[85] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2003. 1916. Д. 64. Л. 601.
[86] *Палеолог М*. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 68.
[87] АВПРИ. Ф. СА. 1916. Д. 563. Л. 153.
[88] См.: *Виноградов В.Н*. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 255–257.
[89] *Палеолог М*. Царская Россия накануне революции. С. 188.
[90] *Marie, Queen of Roumania*. Ordeal: The Story of My Life. L., 1935. Vol. III. P. 65–66.
[91] *Фрейдзон В.И*. История Хорватии. СПб., 2001. С. 231.
[92] *Beneš E*. Světová válka a naše revoluce. Praha, 1928. D. III. S.234; *Masaryk T.G*. Světová revoluce. Praha, 1925. S. 11–112; *Беляева В.И*. Разработка Т.Г. Масариком в годы первой мировой войны планов создания независимого чехословацкого государства // Первая мировая война и проблемы политического переустройства... С. 91.
[93] *Fischer F*. Op. cit. S. 416.
[94] "Дранг нах Остен" и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. М., 1977. С. 225.
[95] См.: *Нотович Ф.И*. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 3–33; *Эггерт З.К*. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957. С. 176–207.
[96] Цит. по: "Дранг нах Остен" и народы...". С. 231–232.
[97] *Людендорф Э*. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. I. С. 318. С межвоенного периода в польской историографии ведется спор о приоритете мотивов издания этого акта: вербовочный или политический.
[98] *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я*. Указ. соч. С. 218.
[99] *Ллойд Джордж Д*. Военные мемуары. М., 1935. Т. III. С. 52–53.
[100] Там же. М., 1934. Т. I–II. С. 578, 584–595.
[101] Там же. Т. III. С. 61.

[102] L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. P., 1962. Vol. I. № 350. P. 521–524.

[103] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 241.

[104] *Игнатьев А.В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 43; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916–февраль 1917 г. М., 1989. С. 238.

[105] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 207, 227, 229, 248, 266.

[106] Письма императрицы Александры Федоровны... С. 261.

[107] Цит. по: История Дании. XX век / Отв. ред. Ю.В. Кудрина, В.В. Рогинский. М., 1998. С. 55.

[108] *Васюков В.С.* Указ. соч. С. 278–279.

[109] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 222.

[110] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 227–228.

[111] Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 38–58.

[112] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 425; *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 236, 250; *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1964. С. 29, 31. *Kennan C.* U.S.-Soviet Relations 1917–1920; Russia Leaves the War. 2 vol. Princeton, 1956.

[113] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 1. С. 35–36.

[114] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 299; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 29.

[115] История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. М., 1997. С. 321, 341; *Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. С. 216–217, 221.

[116] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. С. 393.

[117] Вестник Временного правительства, 1917. 28 марта.

[118] *Link A.* Woodrow Wilson: Revolution, War and Peace. Arlington Heights, 1979. P. 21–71; *Walwarth A.* Woodrow Wilson. Cambridge, 1965. Vol. II. P. 1–97; *Delvin P.* Too Proud to Fight. Woodrow Wilson's Neutrality. L.; N.Y., 1974. См.: *Гершов З.М.* "Нейтралитет" США в годы первой мировой войны. 1914–1917 гг. М., 1969. Т. 2. С. 297–304; История США / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1985. Т. II. С. 354–357; История первой мировой войны. 1914–1918. М., 1975. Т. 2. С. 297–304.

[119] *Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США. 1933–1941. М., 1995, С. 12–22; *Child J.* The German-Americans in Politics. 1914–1917. Madison, 1939. P. 4, 46, 55; *Sullivan M.* Our Times. The United States, 1900–1925. N.Y., 1993. Vol. 5. P.50–55; 72–80 etc.

[120] The Literary Digest. Nov. 21, 1914. P. 1010–1011; Dec.14, 1914. P.1222–1223; *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States. N.Y., 1978. P. 47–54 etc.

[121] Link A. Wilson the Diplomatist. A Look at His Major Foreign Policies. N.Y.; L., 1974. P. 6–18, 22–23; *Kennedy D.* Over Here. The First World War and American Society. Oxford; N.Y., 1980. P. 338 etc.

[122] Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1961. P. 537, 550; *Noyes A.* The War Period of American Finance, 1908–1925. N.Y., 1926. P. 62–69, 94–96 etc.

[123] *Link A.* Wilson. Vol 3. The Struggle for Neutrality. 1914– 1915. Princeton, 1960. P. 62–64, 132–136; *Noyes A.* Op. cit., P.114. Золотые запасы США в 1914–апреле 1917 гг. почти удвоились (с 1,52 млрд до 2,86 млрд долл.). Были выкуплены находившиеся в руках европейцев американские ценные бумаги на 1,4 млрд долл. К сентябрю 1917 г. американцы приобрели облигаций союзников на сумму в 2,3 млрд долл. (см.: *Kennedy D.* Op. cit., P. 306; *Yeager L.* International Monetary Relations: Theory, History, and Policy. N.Y., 1976. P. 306, 338).

[124] *Bailey Th.* The Policy of the United States Towards the Neutrals. 1917–1918. Groucester, 1966. P. 36; *Seymour Ch.* American Diplomacy during the World War. Baltimore, 1934. P. 26–79; История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1997. С. 309–312.

[125] *Гершов З.М.* Вудро Вильсон. М., 1983. С. 82–92, 96, 131–140; *Шацилло В.К.* Расчет и безрассудство. Германо-американские отношения в 1898–1917 г. М., 1998. С. 231–275; *Child J.* Op. cit., P. 91–95.

[126] The Literary Digest. 1917. Febr.3. P. 234–237; March 10. P. 608–609; *Luebke F.* Bonds of Loyalty: German-Americans and World War I. De Kalb, 1974. P. 127, 138–144.

[127] *Clifford J.* The Citizen Soldiers. The Plattsburg Training Camp Movement, 1913–1920. Lexington, 1972, P. 1–227; *Pearlman M.* To Make Democracy Safe for America. Patricians and Preparedness in the Progressive Era. Urbana, 1984. P. 58–144.

[138] *Millis W.* Road to War: America 1914–1917. Boston; N.Y., 1935. P. 209, 237–238, 245, 256–258; *Chambers II J.W.* To Raise an Army. The Draft Comes to America. N.Y; L., 1987. P. 116–119 etc.

[129] *Chatfield Ch.* For Peace and Justice. Pacifism in America, 1914–1941. Knoxville, 1971. 15–41; *Marchand Ch.* The American Peace Movement and Social Reform. 1898–1918. Princeton, 1972. P. 144–181 etc.

[130] См.: *Козенко Б.Д.* Посредничество без кавычек. Миротворчество США 1914–1916 гг. (характер и цели) // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 72–84; Архив полковника Хауза: В 4 т. М., 1937–1944. Т. 1. С.138–143; Т. 2. С. 89–150.

Документ предусматривал, что по просьбе союзников США обратятся к воюющим сторонам с предложением о созыве мирной конференции на условиях предварительно оговоренных между Антантой и США. Если призыв не будет услышан в Берлине, США вступят в войну (см.: *Link A.* Wilson. Vol. 4. Confusion and Crisis. 1915–1916. Princeton, 1964. P.101– 141).

[131] *Link A.* Woodrow Wilson: Revolution, War and Peace. P. 72–76; *Seymour Ch.* Op. cit. P. 253–261.

[132] *Гершов З.М.* Вудро Вильсон. С. 113–118; *Link A.* Wilson. Vol. 5. Campaign for Progressivism and Peace. Princeton, 1965. P. 124–164.

[133] История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. С. 315.

[134] Там же. С. 281–282, 319. См. подробнее: *Tuchmann D.* The Zimmermann Telegram. N.Y., 1958.

[135] The Independent, 1917. Apr. 2. P. 22–23; The Outlook, 1917. Mar. 28. P. 546–547.

[136] The Outlook, 1917. Mar. 28. P. 546 –547; The Bookman. 1917. May. P. 276–277.

[137] Fransis to Lansing, March 18, 1917; March 21, 1917. – Records of the Department of State Relating to the International Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929. Box 9. Record Group 59. National Archives, Washington, D.C. (далее – NA. RG 59); The Outlook, 1917. Mar. 28. P. 546–547; The Independent, 1917. Mar. 26. P. 540.

[138] Fransis to Lansing, April 21, 1917 // NA. RG 59.

[139] *Link A. (ed.).* The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 41. Princeton, 1982 (далее – PWW). P. 517–518.

[140] The Literary Digest. 1917. Febr. 3. P. 252; Febr. 24. P. 460.

[141] PWW. P. 422–423.

[142] The American Review of Reviews. 1917. Apr. P. 381.

[143] *Link A.* Woodrow Wilson: Revolution, War and Peace. P. 74–79.

[144] История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. С. 319.

[145] PWW. P. 524.

[146] Ibid. P. 440–441.

[147] The Nation. 1917. Mar. 22. P. 330; The Independent. 1917. Apr. 7. P. 60.

148 *Wiseman W*. Relations Between the US and Great Britain. 1917. Mar. 8. P. 1–3 // Edward House Papers, Box 123. New Haven (Conn.), Manuscripts and Archives, Yale University Library.

149 The Bankers Magazine. 1915. July. P. 3.

150 Оговоримся, что официально тексты секретных соглашений союзников были получены в Вашингтоне в мае 1917. Впрочем Вильсон впоследствии отрицал, что знал их содержание (см.: *Link A*. Woodrow Wilson: Revolution, War and Peace. P. 78).

151 См.: *Попова Е.И*. США: борьба по вопросам внешней политики (1919–1922) М., 1966, С.11–163; *Mayer A*. Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution in Versailles. 1918–1919. N.Y., 1967. См. также § 3 главы X данной книги.

152 The Literary Digest. 1917. Jan. 27. P. 174.

153 Ibid. P. 173–175; 1917. Mar. 3. P. 332–333; Mar. 17. P. 687–690 etc.

154 *Chambers II J.W*. Op. cit. P. 146–147, 324.

155 К такому выводу приходил, в частности, после начала войны в Европе бывший президент США Т. Рузвельт (*Delvin P*. Op. cit. P. 648–649). А близкий к вильсоновской администрации крупный бизнесмен и общественный деятель Ч. Крейн высказывал такие мысли: “Если Россия и Китай будут управляться народами, нам не следует особо беспокоиться о таких военно-авторитарных режимах, как Германия и Япония. Мне кажется, что значение двух этих опасностей будет сокращаться – существенно и быстро” (PWW. P. 493–494).

156 The Literary Digest, 1914. Dec. 12. P. 1159; 1915. Mar. P. 625. В случае дальнейшего игнорирования необходимости значительного усиления армии и флота американцами их ожидали, по мнению “Чикаго трибьюн” в декабре 1914 г., более чем неприятные перспективы: “Задача нашего флота – охранять тысячи миль береговой линии на двух океанах, а также многие незащищенные гавани, прикрывать (Панамский. – *Авт.*) канал и такой жизненно важный форпост на Тихом океане, как Гаити. Одно крупное поражение, одна стратегическая ошибка – и агрессивный враг может высадить экспедиционные силы на нашей территории, наказав нас за наше равнодушие”.

157 См. подробнее: *Katz F*. Die deutsche Verschwörung in Mexico 1914–1916 // Politik im Krieg 1914–1918 /Hrsg. von F. Klein. B., 1964. S. 118–133.

158 История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. С. 276–278.

159 The Literary Digest. 1917. Mar. 17. P. 689.

160 До апреля 1917 г. союзники получили от США кредитов на 2 млрд долл. (Очерки новой и новейшей истории США / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1960. Т. I. С. 456).

161 The Literary Digest. 1917. Jan. 27. P. 174.

162 Ibid.

163 PWW. P. 463.

164 Hoover to House, Febr. 13, 1917 // Newton Baker Papers, Box 4 (далее – NBP). Washington, D.C., Library of Congress.

165 PWW. P. 462–463.

166 Hoover to House. Febr. 13, 1917 // NBP. Box 4.

167 PWW. P. 462–463.

168 Ibid. P. 462.

169 Lansing to Baker. Apr. 14, 1917. P. 2–3 // NBP. Box 1.

170 Lansing to Baker. Apr. 14, 1917. P. 3 // NBP. Box 1; Hoover to House, Febr. 13. 1917. P. 2–3 // NBP. Box 4.

171 См. подробнее: *Chambers II J.W*. Op. cit. P. 51–54, 104 –109.

172 *Wiseman W*. Op. cit. P. 1–3.

173 См. подробнее: *Wade R*. The Russian Search for Peace. February – October, 1917. Stanford, 1969. P. 9–50; *Grubbs F*. The Struggle for Labour Loyalty: Gompers, the AF of L, and the Pacifists. 1917–1920. Durham, 1968.

174 *Палеолог М*. Царская Россия накануне революции. С. 437, 447; *Васюков В.С*. Внешняя политика Временного правительства. С. 63.

175 Революционное движение в России... С. 252–253; *Игнатьев А.В*. Внешняя политика Временного правительства. С. 79; Октябрьское вооруженное восстание. Л., 1967. Кн. I. С.150–151, 217–240.

176 См., например, донесения консула в Петрограде Н. Уиншипа от 27 марта и вице-консула в Москве Д. Макгована от 20 марта 1917 г. (Winship to Lansing, Mar. 27, 1917; MacGovan to Lansing, Mar. 20, 1917 // NA. RG 59).

177 *Милюков П.Н*. Указ. соч. Т. 2. С. 291; *Васюков В.С*. Внешняя политика Временного правительства. С. 463–475.

178 *Игнатьев А.В*. Указ. соч. С. 210; *Рид Дж*. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 262–263.

179 *Рид Дж*. Указ. соч. С. 269.

180 *Бьюкенен Дж*. Указ. соч. С. 248;

181 *Васюков В.С*. Внешняя политика Временного правительства. С. 151–152, 163–164.

182 *Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я*. Указ. соч. С. 219.

183 *Манусевич А.Я*. Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 264.

184 *Игнатьев А.В*. Указ. соч. С. 387, 413.

185 *Васюков В.С*. Внешняя политика Временного правительства. С. 455–456.

186 *Игнатьев А.В*. Указ. соч. С. 427, 432.

187 *Бекер Ж.-Ж*. Новое в изучении истории первой мировой войны во Франции // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 49.

188 *Соколовская О.В*. Указ. соч. С. 154–155; За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 304–317.

189 *Васюков В.С*. Внешняя политика Временного правительства. С. 392–394.

190 Там же. С. 425.

191 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1917. Д. 71. Т. 2. Л. 939.

192 *Гофман М*. Записки и дневники. Л., 1929. С. 101.

193 Там же. С. 227; *Милюков П.Н*. Указ. соч. Т. 2. С. 300; *Минц И.И*. История Великого Октября. М., 1967. Т. 1. С. 418–419;

194 *Игнатьев А.В*. Указ. соч. С. 203.

195 См. подробнее: *Ганелин Р.Ш*. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений / Отв. ред. В.И. Рутенбург. Л., 1972. С. 140–143; *Эрцбергер М*. Германия и Антанта. М.; Пг., 1923. С. 206.

196 *Волошин М*. "Средоточье всех путей...". М., 1989. С. 89.

197 *Ленин В.И*. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 54.

198 *Чернин О*. В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 162–163.

199 *Fischer F*. Op. cit. S. 443–444, 454.

200 "Дранг нах Остен" и народы...". С. 234.

201 *Ллойд Джордж Д*. Военные мемуары. М., 1935. Т. 4. С. 178–187.

202 *Fischer F*. Op. cit. S. 447–449.

203 Ibid. S. 493; "Дранг нах Остен" и народы...". С. 257–258.

204 *Ллойд Джордж Д*. Военные мемуары. Т. 4. С. 204.

205 "Дранг нах Остен" и народы...". С. 258–259.

206 *Чернин О*. Указ. соч. С. 174–187, 197.

207 "Дранг нах Остен" и народы... С. 257–258.

208 *Липатов С*. Русская и германская разведка в годы первой мировой войны // Первая мировая война и участие в ней России. М., 1997. Ч. I. С. 46–47.

[209] См. подробнее: *Греков Б.И.* Национальный аспект внешней политики Германии в годы первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Пролог... С. 419–431.

[210] См.: *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. М., 1999. С. 49–53.

[211] *Fischer F.* Op.cit. S. 169.

[212] *Попова С.С.* Французская разведка ищет "германский след"; *Емельянов Ю.Н.* Что мог знать С.П. Мельгунов о германском золоте; *Мальков В.Л.* О "документах Сиссона" (находки в архивах США); *Ревякин А.В.* Полковник Пажо разрабатывает версию // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 264–299. См. также: *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. М., 2001. С. 52–54.

[213] *Fischer F.* Op. cit. S. 176.

[214] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82–83; Т. 34. С. 30–31.

[215] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. С. 216.

[216] См.: *Мальков В.Л.* Большевики и "германское золото". Находки в архивах США // Новая и новейшая история, 1993. № 5; *Он же.* Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918 г.) // Там же. 2000. № 1. С. 128; *Service R.* Lenin. A Political Life. L., 1991. Vol. 2. P. 251.

[217] *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. М., 1991. С. 317.

[218] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 12, 15.

[219] *Гофман М.* Указ. соч. С. 116.

[220] *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964. С. 104, 126.

[221] *Ксенофонтов И.Н.* Мир, которого хотели и который ненавидели. М., 1991. С. 181; *Гофман М.* Указ. соч. С. 122.

[222] "Дранг нах Остен" и народы... С. 260–261.

[223] *Чубарьян А.О.* Указ. соч. С. 129; *Ксенофонтов И.Н.* Указ. соч. С. 263.

[224] *Fischer F.* Op. cit. S. 651.

[225] *Гофман М.* Указ. соч. С. 133; *Чубарьян А.О.* Указ. соч. С. 148–154.

[226] "Дранг нах Остен" и народы... С. 236–238.

[227] *Эрцбергер М.* Указ. соч. С. 261.

[228] *Гофман М.* Указ. соч. С. 261.

[229] *Новицкас К.* Литва и Антанта. Вильнюс, 1970. С. 13–14.

[230] Там же. С. 14–18; *Эрцбергер М.* Указ. соч. С. 164–165.

[231] *Basler W.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914–1918. B., 1962. S. 306.

[232] *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г. М., 1992. С. 242–243.

[233] *Чубарьян А.О.* Указ. соч. С. 170.

[234] *Ксенофонтов И.Н.* Указ. соч. С. 351.

[235] Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 119–134.

[236] См. подробнее: *Холодковский В.М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.

[237] *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир 1918 г. С. 211–222; *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 289–290.

[239] *Fischer F.* Op. cit. S. 703–704.

Глава V. Страны Антанты и США: внутренняя политика и социальные отношения

1. Британская империя: общество и вызовы войны

Участие Великобритании в первой мировой войне вызвало значительные изменения в жизни английского общества. По мере затягивания войны потребовались мобилизация всех ресурсов страны и все более активное вмешательство государства в экономическую сферу. Почти сразу после объявления 4 августа 1914 г. войны Германии Уайтхолл[1] издал специальный Закон о защите королевства. Он значительно расширял полномочия органов исполнительной власти, позволял государству "брать во владение" собственность граждан, вводил цензуру и приостанавливал действие акта о неприкосновенности личности[2]. Впоследствии этот закон неоднократно дополнялся. На его основе вводились новые постановления, расширялись уже имевшиеся у государственных властей полномочия в области регулирования различных сторон общественной жизни страны.

После начала войны в стране были определены территории, куда иностранцы не допускались. Была запрещена торговля с врагом[3]. 28 августа 1914 г. правительству было предоставлено право контролировать военные фабрики и рабочих, занятых на предприятиях, производивших вооружение. С середины марта 1915 г. руководство страны получило полномочия принуждать владельцев предприятий выполнять государственные заказы при наличии у них необходимого оборудования[4]. В августе 1914 г. адмиралтейству разрешили реквизировать частные транспортные и вспомогательные суда[5]. Уже в конце лета – начале осени 1914 г. в его распоряжение перешло 250 гражданских судов. В последующие годы войны было реквизировано еще около тысячи кораблей[6]. В это же время Уайтхолл поставил под свой контроль все железные дороги. Для управления ими был создан Железнодорожный исполнительный комитет, в который входили главные менеджеры десяти крупнейших железнодорожных компаний. Подчинив нуждам войны эти важнейшие транспортные артерии, государство гарантировало всем владельцам железных дорог прибыль на уровне 1913 г.[7] Следуя той же линии, Уайтхолл приступил к регулированию импорта и распределению продовольствия внутри страны[8]. В мирное время две трети потребляемого Британией сахара покупалось в Германии и Австро-Венгрии[9]. С началом войны страна оказалась отрезанной от традиционных источников поступления этого продукта. Поэтому уже 20 августа 1914 г. правительство сформировало специальную Королевскую комиссию, которая регулировала импорт и распределение сахара по всей Британии[10]. Одновременно создавался секретный резерв пшеницы. Для этого

представители правительства привлекали частные фирмы, которые осуществляли тайные закупки зерна[11].

Стремясь сохранить стабильной экономическую ситуацию в стране, Уайтхолл гарантировал платежеспособность банков. В ноябре 1914 г. были увеличены ставки налога на прибыль и сверхприбыль, а также повышен налог на пиво и чай[12]. В 1915 г. руководство страны стало регулировать цены на уголь и ввело лицензирование его экспорта[13]. В конце 1916 г. в связи с опасностью социального конфликта в угледобывающей промышленности правительство взяло под свой контроль шахты Южного Уэльса, а к февралю 1917 г. под государственным управлением находились уже все угольные разработки страны[14]. В 1915 г. промышленность и армия Великобритании столкнулись с острой нехваткой мешковины. В связи с этим Уайтхолл в следующем году стал контролировать весь импорт джута, а также все поставки льна из России[15]. Большинство из перечисленных мер не было заранее подготовлено и спланировано, так как лидеры страны в канун августа 1914 г. не имели детального экономического плана действий на случай возникновения широкомасштабной войны. Поэтому после ее начала многие проблемы в области экономики решались лишь по мере их возникновения. Один английский исследователь справедливо назвал экономическую политику правительства на начальном этапе войны "импровизацией"[16]. Как будет показано ниже, она не всегда позволяла быстро решать вопросы, возникавшие перед страной в сложных условиях тотальной войны.

В 1914–1918 гг. значительные изменения произошли в функционировании партийно-политической системы Великобритании. Одновременно с существенным расширением полномочий правительства заметно уменьшилось влияние парламента на жизнь общества. Кабинет министров получил право издавать законы при помощи указа без консультаций с представителями законодательного органа страны. Парламентарии и в целом вся британская общественность в результате введения цензуры и существования завесы секретности были плохо информированы о состоянии дел в стране. Некоторые важные вопросы, в частности, выделение кредитов, решались без санкции палаты общин[17]. Около 180 из 670 ее членов не участвовали в работе парламента, так как находились на фронтах[18]. В целях консолидации усилий всех британцев для борьбы с врагом лидеры ведущих партий страны, либеральной и консервативной, решили установить "партийное перемирие". На период войны они отказались от публичной критики друг друга. В результате политическая оппозиция практически перестала существовать. Руководители главных политических сил страны договорились о том, что на дополнительных выборах взамен выбывающих досрочно парламентариев не будет партийного соперничества. Единственного кандидата на место в палату общин выставляла партия, победившая на последних выборах. Это соглашение периодически продлевалось и действовало до декабря 1916 г. Всеобщие же выборы в годы войны в Британии не проводились. В декабре 1915 г. истек срок действующего парламента. Но его члены продлили свои полномочия и перенесли выборы на неопределенный срок в будущем. Отказ либералов и консерваторов от критики друг друга временами было непросто претворять в жизнь. Тем не менее это создавало определенную основу для совместных действий политической элиты страны и в целом всего общества в сложных условиях войны.

Начало войны вызвало подъем патриотических настроений по всей стране. В первые месяцы после 4 августа десятки тысяч британцев выстраивались в длинные очереди на пункты призыва, чтобы добровольцами пойти на фронт. Почти полтора военных года британская армия формировалась на добровольной основе. Только в январе 1916 г. была введена всеобщая воинская повинность[19]. В конце августа 1914 г. руководители британских тред-юнионов и лейбористской партии Великобритании (ЛПВ) высказали идею о необходимости установить "мир в промышленности". В марте 1915 г. представители профсоюзов и правительства достигли официального соглашения об отказе рабочих организаций от использования забастовок как средства решения производственных конфликтов[20]. Одновременно с распространением патриотических настроений английское общество захлестнула волна антигерманской истерии, нередко звучали призывы "повесить кайзера". Можно было услышать утверждения о национальном превосходстве британцев над немцами, а в некоторых средствах массовой информации последних изображали кровожадными чудовищами[21].

Несмотря на Закон о защите королевства и некоторые другие регулирующие акты, правящие круги Великобритании в первые военные месяцы не всегда в полной мере использовали предоставленные в их распоряжение широкие полномочия в области экономического регулирования. Об этом, в частности, свидетельствовал широко распространенный в это время в британском обществе лозунг "бизнес как обычно", который означал, что правительство поначалу было не намерено принимать решительных действий для перевода всей экономики на военные рельсы[22]. 8 августа 1914 г. министр внутренних дел Р. Маккена, выступая перед членами палаты общин, говорил: "Наше горячее желание состоит в том, чтобы вообще не вмешиваться в обычный ход коммерции и предоставить коммерсантам самим устраивать их дела"[23]. Подобная позиция отчасти была вызвана тем, что в начале войны в британском обществе (как и повсюду) немалое распространение получили представления о том, что война будет непродолжительной и "к Рождеству" победно закончится[24]. Кроме того, находившееся тогда у власти либеральное правительство Асквита не всегда было готово отказаться от основополагающих либеральных принципов и допустить полномасштабное вмешательство государства в экономическую жизнь страны.

В первые месяцы войны британский экспедиционный корпус во Франции испытывал немалые трудности в снабжении всем необходимым для ведения военных операций[25]. Дело в том, что накануне августа 1914 г. мало кто в Англии мог предположить, что война потребует привлечения столь огромных материальных и людских ресурсов, как это оказалось на практике. Промышленность Великобритании в 1914 – начале 1915 г. не была достаточно готова к решению тех задач, которые встали перед страной[26]. В британской армии ощущалась нехватка винтовок, пулеметов, тяжелых орудий и снаряжения к ним, но наиболее остро стоял вопрос о поставке на Западный фронт снарядов, в первую очередь тяжелых разрывных[27]. По словам Черчилля, перестройка британской промышленности на военный лад потребовала нескольких лет[28].

Проблемы со снабжением армии, отсутствие заметных успехов британских войск на Западном фронте на первом этапе войны, провал Дарданелльской операции, а также постоянная публикация на страницах английских

газет списков убитых солдат и офицеров – все это вызвало в начале 1915 г. среди членов палаты общин и в целом в обществе определенное беспокойство и недоверие к правительству Асквита[29]. К весне 1915 г. в "партийном перемирии" наметился явный кризис. Среди рядовых консерваторов все более нарастало недовольство политикой кабинета Асквита. По словам лидера партии тори Бонар Лоу, он "не мог более удерживать своих товарищей по партии" в их настойчивом желании подвергнуть резкой критике деятельность правительства либералов и, таким образом, дистанцироваться от просчетов и неудач либералов[30].

Чувствительным ударом по авторитету кабинета Асквита стала отставка 20 апреля 1915 г. с поста первого морского лорда адмирала Дж. Фишера. Свой уход Фишер мотивировал несогласием с тем, что Дарданелльская операция проводилась без поддержки и согласования действий с сухопутной армией[31]. В конце весны 1915 г. в обстановке обострения межпартийных противоречий заметно усилилась критика правительства Асквита и в прессе. 14 мая в "Таймс" была опубликована статья военного корреспондента на Западном фронте. В ней утверждалось, что отсутствие достаточного количества снарядов явилось главной причиной неудач британских войск и их союзников в Западной Европе[32]. 16 мая на страницах газеты "Дэйли мейл" появилась публикация под заголовком "Скандал со снарядами"[33]. В создавшейся обстановке политического кризиса Асквит и Бонар Лоу пришли к заключению, что дискуссия в парламенте продемонстрирует отсутствие единства в политической элите страны. В условиях войны это имело бы негативные последствия для Британии. Под воздействием всего комплекса проблем, с которыми весной 1915 г. столкнулось правительство, Асквит был вынужден согласиться на создание коалиционного кабинета, который был сформирован к 26 мая. В его составе ведущую роль продолжали играть либералы, возглавившие 12 министерств. Сам Асквит остался на посту премьер-министра. Восемь министерских портфелей получили консерваторы. По их настоянию с поста военно-морского министра был снят Черчилль. Главный инициатор и вдохновитель Дарданелльской операции стал искупительной жертвой, которую за ее провал правительство принесло общественности. Черчилль занял третьестепенный министерский пост, с которого вскоре ушел в отставку[34]. Впервые в истории Британии в высший исполнительный орган власти вошли представители лейбористов. Одним из них был А. Гендерсон, ставший министром просвещения[35]. Формирование коалиционного правительства предотвратило возникновение парламентского конфликта и способствовало консолидации ведущих политических сил страны.

Немаловажным следствием создания нового правительства стало образование министерства вооружений под руководством Ллойд Джорджа. Его целью была "мобилизация национальных ресурсов для производства военного снаряжения"[36]. В начале июля 1915 г. парламентом был принят Закон о производстве вооружений, по которому Ллойд Джорджу предоставлялись самые широкие полномочия в сфере организации выпуска всего необходимого для нужд фронта. Министерство вооружений контролировало и помогало налаживать работу нескольких сотен частных фабрик и фирм, производивших вооружение. Оно также создавало новые и руководило уже существовавшими государственными военными предприятиями, обеспечивая их сырьем, оборудованием и рабочей силой[37]. Министерство снабжало

Майор Уинстон Черчилль (в центре) среди французских офицеров. Конец 1915 г.

армию не только боеприпасами и оружием, но и транспортными средствами, траншейным оборудованием, оптическими приборами, отравляющими веществами, строительными материалами, нефтью и многим другим[38].

В связи с увеличившимся потреблением британской армией шерстяных и кожаных изделий правительство летом 1916 г. установило твердые цены на шерсть и стало регулировать ее распределение. Уайтхолл контролировал также поставки кожевенного сырья для частных и государственных предприятий[39]. Одновременно осуществлялось принудительное кооперирование мелких и средних предприятий различного профиля, а также слияние при содействии правительства некоторых банков[40]. Кроме того, введение ввозных пошлин на ряд товаров позволило молодой автомобильной промышленности Британии успешно развиваться, не испытывая конкуренции со стороны США[41].

Став министром вооружений, Ллойд Джордж реквизировал сырье для производства стали. Таким образом, государство поставило под свой жесткий контроль все сталелитейные предприятия[42]. Ллойд Джордж получил право принуждать предпринимателей выполнять государственные заказы, а также переводить квалифицированных рабочих и любое оборудование с частных заводов и фабрик на государственные предприятия[43]. Министерство вооружений стало одним из важнейших инструментов в системе государственного регулирования экономики страны. Это потребовало привлечения к его работе значительного числа сотрудников. Если в 1914 г. в Отделе военных контрактов состояло всего 20 человек, то в заменившем этот орган Министерстве вооружений к ноябрю 1918 г. работало уже 65 тыс. служащих[44]. Руководители этого ведомства прямо или косвенно контролировали деятельность более 20 тыс. заводов, фабрик, шахт, на которых трудилось более 5 млн человек[45].

Возглавляя Министерство вооружений, Ллойд Джордж получил широкие полномочия для решения спорных вопросов, которые возникали между рабочими военных заводов и предпринимателями. Этой проблеме он уделял особое внимание. В воспоминаниях Ллойд Джордж писал: "Я знал, что рабочий вопрос будет одним из самых трудных" в деле налаживания военного производства[46]. На государственных или контролируемых Министерством вооружений заводах и фабриках запрещалось проведение забастовок и локаутов. В случае же производственных конфликтов предусматривался принудительный государственный арбитраж[47]. Кроме того, с целью не допустить "текучести кадров" новый закон не позволял рабочим, занятым в военной промышленности, свободно переходить на новое место работы без так называемых "отпускных удостоверений", в которых предприниматель выражал согласие на уход рабочего[48].

Одновременно с этим Закон о производстве вооружений запрещал предпринимателям, занятым выпуском военной продукции, изменять заработную плату рабочим без согласия Министерства вооружений[49]. В связи с тем, что немало квалифицированных рабочих вступило в армию, Ллойд Джодж, несмотря на серьезное сопротивление тред-юнионов, приложил немало усилий для проведения так называемой политики "разводнения", которая предусматривала привлечение неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих для выполнения работ, требовавших специальной подготовки[50]. Одним из результатов этой политики стало значительное увеличение количества женщин на производстве – с 5,9 млн в 1914 г. до 7,3 млн к 1918 г.[51] Женщины не только заменяли мужчин на фабриках и заводах, но и привлекались в вооруженные силы страны. Во вспомогательных армейских частях насчитывалось 40 850 женщин, а в составе Британского экспедиционного корпуса служили около 17 тыс. женщин[52].

В годы войны Уайтхолл активно использовал материальные и людские ресурсы многочисленных английских колоний. Среди них наиболее крупными и богатыми были Индия, Канада, Южно-Африканский Союз (ЮАС), Австралия, Новая Зеландия. Названные страны (кроме Индии) имели статус доминиона, т.е. обладали широкими полномочиями и самостоятельностью в сфере решения внутренних проблем и самоуправления. Уже с первых дней войны правительства этих государств выразили готовность оказать разностороннюю поддержку метрополии. 3 августа 1914 г. глава кабинета министров Австралии Дж. Кук объявил о решении предоставить в распоряжение Великобритании австралийские боевые корабли и сформировать экспедиционный корпус[53]. Правительство Новой Зеландии еще до официального вступления Великобритании в войну против Германии заверило Уайтхолл в своей готовности поддержать метрополию[54]. Уже через 11 дней после начала войны новозеландские подразделения приступили к осуществлению военной операции в Тихом океане, а в середине октября 1914 г. первые 8,5 тыс. новозеландских добровольцев присоединились к австралийскому экспедиционному корпусу[55].

Премьер-министр Канады Р. Борден в начале августа 1914 г. заверил Лондон, что "канадский народ будет един в общем решении отдать все силы и пойти на все необходимые жертвы, чтобы обеспечить единство и поддержать честь нашей империи"[56]. 3 августа 1914 г. в Канаде началась запись добровольцев в воинские подразделения, а на следующий день вслед за Вели-

кобританией Канада объявила войну Германии. Канадские газеты писали, что необходимо "проучить" Германию за нарушение ею международных договоров, и выразили уверенность в том, что достижение победы не потребует много усилий[57]. В Южно-Африканском Союзе после начала мировой войны имело место выступление незначительной части буров против оказания помощи англичанам. Однако правительство Л. Боты быстро подавило это восстание. Оно объявило о готовности поддержать официальный Лондон и принять участие в военных действиях[58]. Таким образом, бытовавшее в некоторых кругах немецкого общества мнение, что в случае войны между Германией и Британской колониальной империей последней будет угрожать дезинтеграция и доминионы постараются покончить со своей "вассальной зависимостью", не нашло подтверждения[59]. Представители политических элит и большинство общественных сил доминионов поддержали метрополию. Показательно, что воинские подразделения доминионов, участвовавшие в боевых действиях на фронтах мировой войны, в основном формировались из добровольцев[60].

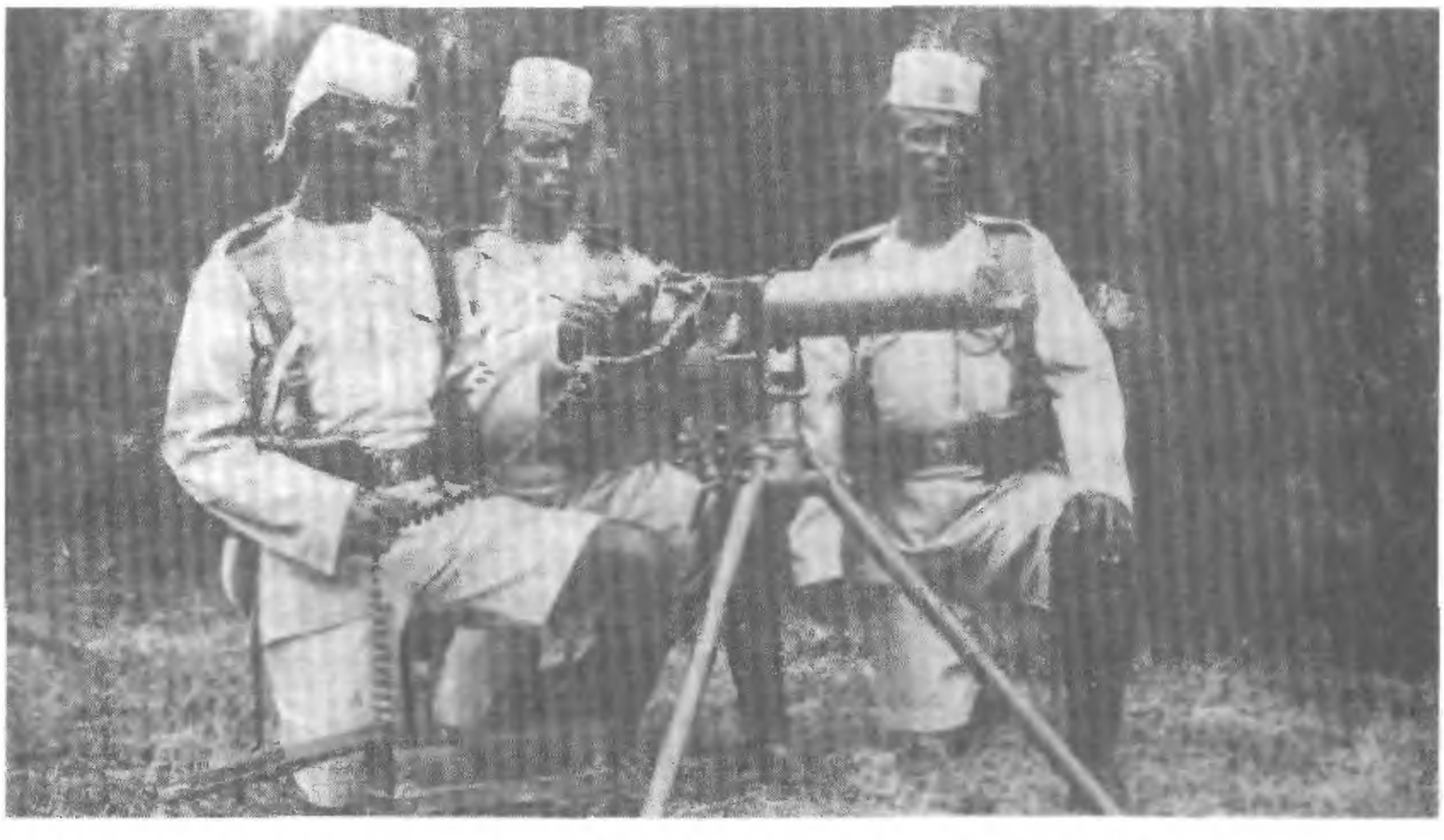
В 1914–1918 гг. существенную поддержку Великобритании оказала Канада, являвшаяся одним из наиболее экономически развитых и густонаселенных доминионов. В ходе войны в вооруженных силах Канады служили 600 тыс. человек, из которых 400 тыс. сражались в Европе[61]. Весной 1915 г. канадские войска получили боевое крещение под Ипром. Впоследствии они воевали во Фландрии и на северо-западном участке Западного фронта[62]. Австралийцы за годы войны направили на различные фронты 330 тыс. человек[63]. Новая Зеландия мобилизовала 100 тыс. человек, поставив под ружье, таким образом, 20% своего мужского населения. Это значительно превосходило аналогичный показатель Австралии и Канады[64]. По договоренности с Британией и ее союзниками войска Австралии и Новой Зеландии уже в начале войны захватили немецкие владения в Тихом океане. Австралийцы заняли германские Новую Гвинею и Соломоновы острова, а также Архипелаг Бисмарка, новозеландцы оккупировали германское Самоа[65]. Кроме того, военные подразделения Австралии и Новой Зеландии участвовали в операции на Галлипольском полуострове, а также воевали в Европе. Австралийцы принимали также участие в обороне Суэцкого канала и в военных действиях в Палестине[66]. Крейсеры "Сидней", "Мельбурн", "Австралия", "Брисбен" и некоторые другие меньшие по размеру военные корабли Австралии использовались Британией и ее союзниками в ходе боевых операций в европейских прибрежных водах[67].

Южно-Африканский Союз в годы войны поставил под ружье около 200 тыс. человек. Из них 30 тыс. были направлены в Европу, остальные использовались в Африке[68]. Здесь их поддерживали формирования, состоявшие из британцев, индийцев и из представителей коренного населения ряда африканских стран, входивших в состав британской колониальной империи[69]. В Кении англичане мобилизовали из местных жителей 10 тыс. человек для участия в боевых действиях и 200 тыс. в качестве носильщиков. В Уганде было создано пять батальонов "африканских стрелков" и привлечено 120 тыс. носильщиков[70]. В британских колониях Западной Африки (Сьерра-Леоне, Гамбия, Золотой Берег, Нигерия) было мобилизовано 26 тыс. человек и создано воинское формирование, получившее название "Западноафриканские пограничные войска"[71]. Кроме того, многие тысячи

местных жителей британских колоний в Западной Африке в принудительном порядке направлялись на сельскохозяйственные работы и на строительство военных коммуникаций[72].

В августе 1914 г. войска ЮАС, усиленные подразделениями индийских и западноафриканских солдат, а также французскими частями, захватили Германское Того, а в конце 1915 г. – другую немецкую колонию – Камерун[73]. К июлю 1915 г. была оккупирована Германская Юго-Западная Африка, а в ноябре 1917 г. вооруженные силы ЮАС при участии военных формирований, состоявших из британцев, индийцев, африканцев, а также армейских подразделений Бельгии и Португалии, сумели полностью занять Германскую Восточную Африку[74]. В середине декабря 1914 г. англичане провозгласили свой протекторат над Египтом. Они активно использовали материальные и людские ресурсы этой страны для ведения войны. Египетские солдаты были направлены на суэцкий фронт и для охраны границы с Киренаикой[75]. Англичане проводили в египетских деревнях реквизиции хлеба, скота и фуража. Около миллиона египтян в годы войны были принудительно привлечены в так называемые "трудовые корпуса", которые создавались для рытья окопов, строительства дорог и выполнения других вспомогательных работ[76].

В 1917 г. остров Ньюфаундленд получил от официального Лондона статус доминиона. За годы войны он направил в помощь метрополии 5 тыс. солдат и офицеров, которые были включены в британские подразделения. Еще 2 тыс. жителей Ньюфаундленда служили в английском флоте[77]. Индия с самого начала войны предоставила в распоряжение Британии 175 тыс. человек. К 1917 г. в боевых частях и во вспомогательных подразделениях насчитывалось уже около полутора миллионов индийцев[78]. Они воевали в Палестине, Месопотамии, в Европе, участвовали в захвате африканских колоний Германии, а также использовались для охраны Египта и Занзибара[79]. В целом на стороне Великобритании и ее союзников воевали более 2,5 млн выходцев из колоний. Многие тысячи других служили в различных вспомогательных частях[80].



Африканцы из британского подразделения королевских стрелков

В годы первой мировой войны страны британской колониальной империи оказали Лондону значительную экономическую помощь. Правительство Канады предоставило Великобритании заем в размере 500 млн. ф. ст. и поставляло в метрополию медь, цинк, никель, алюминий, а также пшеницу, муку, масло, бекон, яйца[81]. К концу войны около 300 тыс. рабочих на сотнях канадских заводах выпускали для нужд фронта самолеты, взрывчатые вещества, военные корабли, медикаменты, прочее вооружение и провиант[82]. Почти каждый третий снаряд, выпущенный странами Антанты на Западном фронте, был произведен в Канаде[83]. Австралия в годы войны играла первостепенную роль в снабжении метрополии цветными металлами, шерстью, кожей, а также (наравне с Новой Зеландией) маслом[84]. В 1914–1918 гг. большим спросом в Британии пользовались замороженное мясо, сыр и шерсть из Новой Зеландии, хлопок из Египта, рыба, лесоматериалы и целлюлоза из Ньюфаундленда, рельсы, обмундирование и обувь, хлопок и джут, рис и различное продовольствие из Индии, марганцевая руда и олово, каменный уголь и пальмовое масло, какао-бобы и мясо, хлопок и шерсть из западноафриканских колоний[85].

К концу войны колониальные страны Британской империи играли все более заметную роль в обеспечении метрополии и ее союзников различными материальными, а также людскими ресурсами. В связи с этим в 1917 г. в Великобритании был образован Имперский военный кабинет, в ходе заседаний которого высшие руководители доминионов (а также Индии) обсуждали проблемы, связанные с ведением войны. Впрочем этот орган не повлиял на структуру политической власти Британии, так как он не имел исполнительных полномочий и обладал лишь консультативными функциями.

На фоне в целом успешного взаимодействия с доминионами и колониями у официального Лондона в этот период непросто складывались взаимоотношения с Ирландией, которая юридически была составной частью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии. В действительности же она была полностью зависимой от Лондона и управляемой Уайтхоллом страной, чье население на протяжении нескольких предшествующих веков неоднократно поднимало восстания против британской власти. Для ирландцев начало мировой войны было отмечено тем, что правительство Великобритании отложило осуществление уже принятого закона о самоуправлении ("гомруле") Ирландии, за который в течение нескольких десятилетий боролись многие видные представители ирландского общества. Несмотря на это, Дж. Редмонд, лидер ведущей политической силы страны – Ирландской парламентской партии, выступил в поддержку военных усилий Великобритании и призвал ирландцев вступать в английскую армию[86]. В первые месяцы войны на волне джингоистской пропаганды под английские знамена встало более 100 тыс. жителей Ирландии. К 1916 г. их число увеличилось до 265 тыс[87]. В 1914–1918 гг. Ирландия, наравне с некоторыми доминионами и колониями, являлась одним из главных поставщиков продовольствия и сельскохозяйственного сырья в Англию. Оттуда поступали крупный рогатый скот, овцы, свиньи, птица, молочные продукты, картофель, овес[88]. Ирландская промышленность (за исключением протестантского Ольстера) в годы войны не получала крупных военных заказов и не пользовалась государственной поддержкой, что порождало недовольство многих представителей ирландской буржуазии[89]. Помимо этого, негативное отношение некоторых слоев ир-

ландского общества к официальному Лондону было вызвано чрезмерным налогообложением, значительным увеличением цен на товары первой необходимости, а также тем, что в период войны активно шел процесс поглощения ирландских компаний английскими корпорациями и происходил отток капитала из страны[90].

Значительные изменения произошли в 1914–1918 гг. в общественно-политической жизни Ирландии. Британские власти ввели цензуру, запретили оппозиционную прессу, преследовали тех, кто выступал против участия ирландцев в войне[91]. Все это в комплексе с тяготами военного времени и недовольством многих ирландцев отсрочкой введения закона о "гомруле" привело 24 апреля 1916 г. к восстанию против власти Англии. Его участники под руководством П. Пирса, Дж. Конноли и некоторых других лидеров, захватив в Дублине главный почтамт и ряд стратегических пунктов, провозгласили создание независимой Ирландской республики. Выступление в Дублине было поддержано в отдельных районах Ирландии, однако силы ирландцев и противостоявших им английских войск были не равны. К 30 апреля восстание было подавлено, его руководители расстреляны, а многие участники посажены в тюрьмы или заключены в концентрационные лагеря. Жестокий разгром дублинского национально-освободительного восстания привел в последующие годы к консолидации ирландцев и к активизации тех сил в стране, которые ратовали за скорейшее завоевание независимости. Все эти события не укрепляли связи ирландцев с британскими властями в деле ведения войны против Германии. Весной 1918 г. окончилась провалом попытка официального Лондона распространить на Ирландию закон о всеобщей воинской повинности. Кроме того, в последний год войны в Ирландии имели место волнения среди населения, вызванные реальной угрозой наступления в стране голода, что явилось следствием вывоза в Англию большого количества продовольствия. Новое движение развивалось в основном под руководством партии Шин фейн, находившейся в оппозиции к английскому господству, но не принимавшей участия в востании 1916 г.[92] Таким образом, к концу мировой войны для официального Лондона Ирландия стала источником потенциальной нестабильности. Это требовало со стороны Уайтхолла постоянного внимания и отвлечения немалых сил и средств.

По мере затягивания войны в британском обществе все отчетливее ощущались тяготы военного времени. В годы войны заработная плата рабочих несколько увеличилась, тем не менее в результате роста цен реальный жизненный уровень простых англичан заметно снизился[93]. Данный факт, а также интенсификация труда, увеличение рабочего времени и внеэкономические методы принуждения, практиковавшиеся государством в военные годы, – все это вызывало протест рабочих. Хотя профсоюзные лидеры запрещали проведение в военное время стачек, в ведущих отраслях промышленности забастовки стали обычным явлением[94]. После некоторого спада волны патриотических настроений первых месяцев войны уже в начале 1915 г. было зарегистрировано 10 социальных конфликтов, повлекших остановку работы. В феврале их отмечалось уже 47, в марте – 74, в апреле – 44, в мае – 63[95]. Главным центром рабочего движения стал промышленный район Клайд. В июле 1915 г. состоялась недельная забастовка 200 тыс. горняков Южного Уэльса, руководимая местным тред-юнионом. Его лидеры не поддержали

мартовского решения большинства профсоюзов о запрете забастовок и добились нового соглашения[96].

Особенно массовый характер стачки приобрели в 1917 г. после суровой зимы и в связи с все более отчетливо ощущавшейся в это время нехваткой некоторых продовольственных товаров и топлива[97]. Одна из забастовок 1917 г., первоначально начавшаяся на небольшом предприятии в городе Рочдэйл, вскоре распространилась на 48 городов. В ней участвовало 200 тыс. человек, в результате чего был потеряно около полутора миллионов рабочих дней[98]. Министр труда видный лейбористский и тред-юнионистский деятель Дж. Барнс в 1917 г. в официальном докладе об общих причинах возникновения стачек в стране писал, что среди рабочих "существуют достойные сожаления неуверенность и подозрения относительно целей и задач войны. Этот вопрос для них теперь далеко не так ясен, как осенью 1914 г."[99]. Тем не менее в целом за период с 1914 по 1918 г. уровень стачечной борьбы в Британии был относительно невысок. По подсчетам историка А. Тэйлора, количество рабочих дней, потерянных в ходе производственных конфликтов в период войны, составило лишь одну четвертую часть от аналогичного показателя в предвоенные годы и одну десятую по сравнению с первыми послевоенными годами[100].

Серьезные экономические трудности, переживаемые страной в конце 1916 г., а также огромные людские потери англичан в битве на Сомме (около 420 тыс. убитых), провал наступления в Месопотамии и капитуляция британских войск в Кут-эль-Амаре – все это накаляло внутриполитическую ситуацию в стране. В обстановке, когда Ллойд Джордж активно вел закулисные интриги с целью сместить Асквита и занять его место, совокупность этих факторов привела в конце ноября 1916 г. к политическому кризису[101]. Правительство Асквита было вынуждено уйти в отставку, а в начале декабря 1916 г. был сформирован правящий кабинет во главе с Ллойд Джорджем. С его приходом на высший государственный пост правительство еще более усилило свое влияние на все стороны общественной жизни Великобритании. Новый премьер-министр имел фактически ничем не ограниченную власть, и в сложных условиях военного времени политический истеблишмент страны и в целом все общество мирилось с этим. Значение Форин оффис в процессе принятия внешнеполитических решений существенно снизилось. Все бóльшую роль стал играть лично премьер-министр, часто оставляя кадровых дипломатов в "состоянии беспомощного удивления"[102]. Влиятельный консерватор А. Бальфур говорил о деятельности Ллойд Джорджа в годы войны: "Если он хочет быть диктатором, пусть будет им. Если он считает, что так сможет выиграть войну, я за то, чтобы он постарался это сделать"[103]. Ллойд Джордж осуществлял свои расширившиеся полномочия с помощью образованного им в рамках правительства небольшого военного кабинета, во главе которого стоял сам премьер. Туда же входили четыре назначенных им министра (Э. Бонар Лоу, А. Гендерсон, лорды Дж. Керзон и А. Милнер). Фактически в этом узком составе принимались все важнейшие решения по главным вопросам, стоявшим перед Великобританией.

Правительство Ллойд Джорджа, как и предыдущее, имело коалиционную основу. Но ведущую роль в нем уже играли не либералы, а консерваторы, получившие в его составе ключевые посты и большинство министерских портфелей. Создание нового кабинета министров привело к расколу в

Дэвид Ллойд Джордж

либеральной партии на сторонников Асквита и Ллойд Джорджа. Это способствовало дальнейшему ослаблению либералов и падению их влияния в политической жизни страны. После отставки в мае 1915 г. правительства Асквита в последующие годы либералы уже не могли самостоятельно формировать высший исполнительный орган страны.

В то же время консерваторы, значительно укрепив на последнем этапе войны свое положение в высших эшелонах власти, сумели прийти к осени 1918 г. значительно более авторитетной политической силой, чем накануне войны. Лейбористы за 1914–1918 гг. также заметно упрочили свои позиции. Их представители были включены в коалиционные правительства Асквита и Ллойд Джорджа и таким образом приобрели необходимый для политиков национального уровня опыт управления страной[104]. В мае 1915 г. в состав высшего исполнительного органа страны вошли лейбористы А. Гендерсон, У. Брэйс и Дж. Робертс, а в декабре 1916 г. членами правительства Ллойд Джорджа кроме перечисленных трех представителей ЛПВ, стали также Дж. Ходж, Дж. Барнс и Дж. Паркер[105]. Рост влияния и авторитета ЛПВ в немалой степени основывался на том, что в ходе войны значительно усилились профсоюзы, составлявшие основу лейбористской партии. Если в 1914 г. в рядах тред-юнионов насчитывалось 4,1 млн человек, то к 1918 г. в них состояло уже 6,5 млн членов[106].

С самого начала своей деятельности кабинет Ллойд Джорджа столкнулся с непростой ситуацией в обеспечении страны продовольствием и с необходимостью удовлетворять всевозраставшие потребности армии в вооружении и вспомогательных материалах. Продовольственные трудности были вызваны в первую очередь тем, что сельское хозяйство страны лишь на одну треть обеспечивало потребности британцев в продуктах питания[107]. Остальные две трети продовольствия доставлялись на Британские острова по морю. В условиях проводимой немцами подводной войны немалые потери английских транспортных судов способствовали обострению ситуации с продуктами питания в стране.

Еще в конце декабря 1916 г. правительство учредило Министерство судоходства. Оно занималось реквизицией частных судов и производило денежные выплаты их владельцам[108]. К 1916 г. государство поставило под свой контроль около 37% всех судов страны, из которых к августу этого года немалая часть (1,7 млн т) была потоплена[109]. В 1917 г., когда Британия оказалась перед угрозой продовольственного кризиса, правительство мобилизовало все имеющиеся лайнеры для доставки зерна в страну через северную Атлантику[110].

Правительство Ллойд Джоджа создало разностороннюю систему государственного контроля и регулирования, распространявшуюся на ведущие отрасли промышленности, торговлю, производство и распределение продуктов питания. В феврале 1917 г. был создан Департамент по производству продуктов питания во главе с генеральным директором. Незадолго до этого был назначен государственный контролер продовольствия[111]. Еще в декабре 1916 г. был обнародован Указ об обработке земли, по которому городские власти наделялись правами распределять неиспользуемые земли (даже без согласия их владельцев) среди желающих выращивать огородные культуры. Вскоре подобные права были предоставлены и местному самоуправлению сельских районов[112]. Всего за годы войны государство привлекло около 3 млн акров ранее необрабатываемой земли для выращивания различной сельскохозяйственной продукции[113]. К 1918 г. посевы пшеницы в Британии увеличились по сравнению с 1914 г. на 40%, а урожаи этой культуры возросли на 58%[114]. К концу 1916 г. власти окончательно убедились, что механизм свободного ценообразования не может эффективно функционировать в военное время[115]. Летом 1917 г. правительство стало выделять субсидии в целях уменьшения цен на хлеб, сахар и мясо. К ноябрю 1917 г. уже почти на все основные продукты питания цены были фиксированными[116]. Однако эти меры, а также контроль государства за распределением молока[117] не могли в полной мере обеспечить всех жителей страны продовольствием. Особенно остро эта проблема ощущалась в конце 1917 – начале 1918 гг. В декабре 1917 г. в стране не хватало мяса, маргарина, масла, чая, бекона и сыра[118]. Во всех крупных городах за продовольствием выстраивались длинные очереди. В Лондоне каждую неделю в очередях простаивало около 1,5 млн человек[119]. В начале 1918 г. в Британии были введены карточки на мясо и жиры, а после 8 июня этого года по всей стране вступила в силу система нормирования основных продуктов питания[120].

Для обеспечения страны всеми необходимыми товарами Уайтхолл принимал различные меры по усилению влияния государства на экономику Британии. Если в первые полтора военных года правительство регулировало лишь ввоз и распределение сахара и льна, то к середине весны 1917 г. оно подчинило своему контролю практически весь импорт. С конца марта 1917 г. без санкции одного из государственных комитетов в страну уже нельзя было ввезти большинство наименований товаров[121]. Контролируя закупку и распределение сырья между различными предприятиями, а также используя систему госзаказов, правительство в той или иной форме охватило своим влиянием все основные отрасли промышленности[122]. Так, к началу 1917 г. только в обрабатывающей индустрии насчитывалось более 4 тыс. контролируемых государством предприятий. Через год их было уже 5 тыс., а общая численность занятых на них рабочих составила 2,2 млн человек[123]. К осени 1918 г. правительство регулировало условия труда уже 80% всех британских рабочих[124]. К концу войны под контролем государства, помимо большинства предприятий обрабатывающей промышленности, находились судоходство, судостроение и транспорт, в также предприятия, производившие вооружение[125]. Годы войны стали временем невиданной прежде в Британии централизации власти и беспрецедентного усиления влияния государства на все важнейшие сферы жизни британского общества. У. Черчилль писал о полномочиях представителей правительства на последнем этапе

войны следующее: "Мы контролировали и реально управляли всеми самыми главными отраслями промышленности. Мы регулировали поставки всего сырья для них. Мы организовывали все распределение их конечной продукции. Около 5 млн человек находилось непосредственно под нашим командованием, и мы были тесно связаны со всеми другими сферами национальной экономической жизни"[126].

Война велась Великобританией с перенапряжением всех экономических и финансовых ресурсов. Общие расходы на войну составили более 10 млрд ф. ст. В связи с этим налоги в стране с 1914 по 1918 г. выросли в шесть раз. Однако они покрывали лишь треть военных расходов, остальные средства черпались за счет внутренних и внешних займов[127]. В результате долг страны вырос в 12 раз – с 0,6 млрд ф. ст. в 1914 г. до 7,8 млрд в 1918 г.[128] В ходе войны выпуск промышленной продукции сократился на одну пятую, была уничтожена значительная часть военного флота, а также 40% довоенного тоннажа торгового флота. В целом Британия потеряла треть национального богатства[129]. Все это привело к заметному экономическому ослаблению Великобритании после 1918 г. и уменьшению ее доли в мировом промышленном производстве и в международной торговле.

2. Франция: "священное единение"

Победа на Марне в сентябре 1914 г. позволила Франции избежать разгрома. Но чтобы продолжать войну, ей предстояло еще избежать экономического краха, на грани которого она оказалась вскоре после начала военных действий. Довоенные запасы вооружения и других важных материалов быстро растаяли. Экономика не могла удовлетворить всех нужд армии и населения. В связи с массовой мобилизацией призывных возрастов и параличом железнодорожного транспорта, занятого перевозками войск, еще в августе закрылась половина всех промышленных и торговых предприятий. Положение усугублялось тем, что немцы оккупировали 10 северо-восточных департаментов Франции, доля которых в производстве основных видов промышленной продукции составляла: угля – 74%, чугуна – 81, стали – 63, цинка – 76, продукции машиностроения – 25, шерстяных тканей – 81, сахара – 76%[130].

Не полагаясь в этих условиях на обычные рыночные механизмы, правительство прибегло к чрезвычайным мерам регулирования экономики. Все экспортно-импортные и валютные операции были поставлены под контроль чиновников, осуществлена реквизиция торгового флота. Государство стало распределять и рационировать сырье, топливо и продовольствие. Для управления отдельными отраслями промышленности были образованы специальные органы власти, в состав которых вошли владельцы крупнейших предприятий. Вследствие нехватки рабочей силы правительство неоднократно принимало решения об отзыве мобилизованных рабочих, крестьян, специалистов различного профиля для работы в тылу. Широко применялся труд военнопленных, число которых к концу войны превысило 300 тыс. В целях предотвращения трудовых конфликтов правительство ввело контроль над условиями труда, заработной платой и ценами на основные потребительские товары. В результате к концу войны государственное

регулирование экономической жизни и социальных отношений приобрело всеобъемлющий характер.

По мере того, как война затягивалась, французам пришлось решать и задачу организации политического управления страной. 4 августа 1914 г. парламент без обсуждения принял серию законов, обеспечивающих национальную оборону, в том числе Закон об осадном положении, после чего прервал свою работу на неопределенное время. При приближении германских войск 2 сентября правительство во главе с Вивиани покинуло Париж и временно перебралось в Бордо. В условиях, когда было приостановлено действие законов о свободе печати и собраний, введена цензура и другие ограничения политической деятельности и распространения информации, военное командование сосредоточило в своих руках огромную и бесконтрольную власть. Большинство граждан и политических партий были готовы принять эту "диктатуру" военных, но лишь при условии скорой победы. Однако командование это условие не выполнило, а отсутствие гражданского контроля часто использовало для сокрытия своих ошибок и просчетов. Так, благодаря цензуре в первые недели войны общественное мнение пребывало в уверенности, что французские войска успешно атакуют немцев на границе, и лишь в разгар сражения на Марне узнало горькую правду об отступлении. Поэтому парламент, возобновивший в конце декабря 1914 г. свои заседания в Париже, куда к этому времени вернулось и правительство, принял решение не прерывать работу до конца войны.

Начиная с середины 1916 г. обе палаты французского парламента – палата депутатов и сенат – стали время от времени проводить особые секретные заседания, на которых обсуждались самые щекотливые вопросы национальной обороны. На них резкой критике подвергались "некомпетентность военного командования и бессилие правительства". После заседания одного из таких "секретных комитетов" 22 июня 1916 г. за недоверие правящему кабинету впервые за время войны проголосовали 97 депутатов. Борьба парламента за контроль над военными властями в конечном счете привела к отставке генерала Жоффра с поста главнокомандующего в декабре 1916 г.[131]

Весьма неожиданным для властей оказалось поведение в начале войны анархо-синдикалистов и революционных социалистов, лидеры которых были предусмотрительно занесены в списки лиц, подлежащих аресту после объявления мобилизации. Даже такие яростные "антимилитаристы", как Г. Эрве, поддержали войну, признав ее справедливой и оборонительной со стороны Франции и других стран Антанты. 4 августа 1914 г. депутаты-социалисты единогласно вотировали законопроекты, представленные правительством. Тем самым они окончательно обнаружили свое бессилие перед партией войны. Примером самоотверженной борьбы с угрозой войны остался в памяти французов Ж. Жорес, подло убитый 31 июля 1914 г. маньяком-националистом Р. Вилленом (суд, состоявшийся в 1919 г., убийцу оправдал).

Широко распространенные в обществе настроения выразил президент Пуанкаре, который в послании парламенту 4 августа призвал всех французов к "священному единению" перед лицом внешнего противника. Этот призыв был поддержан всеми основными политическими силами, которые, невзирая на свои разногласия, проявили готовность к сотрудничеству в

Последнее выступление Жана Жореса против войны, прерванное выстрелом убийцы. 31 июля 1914 г.

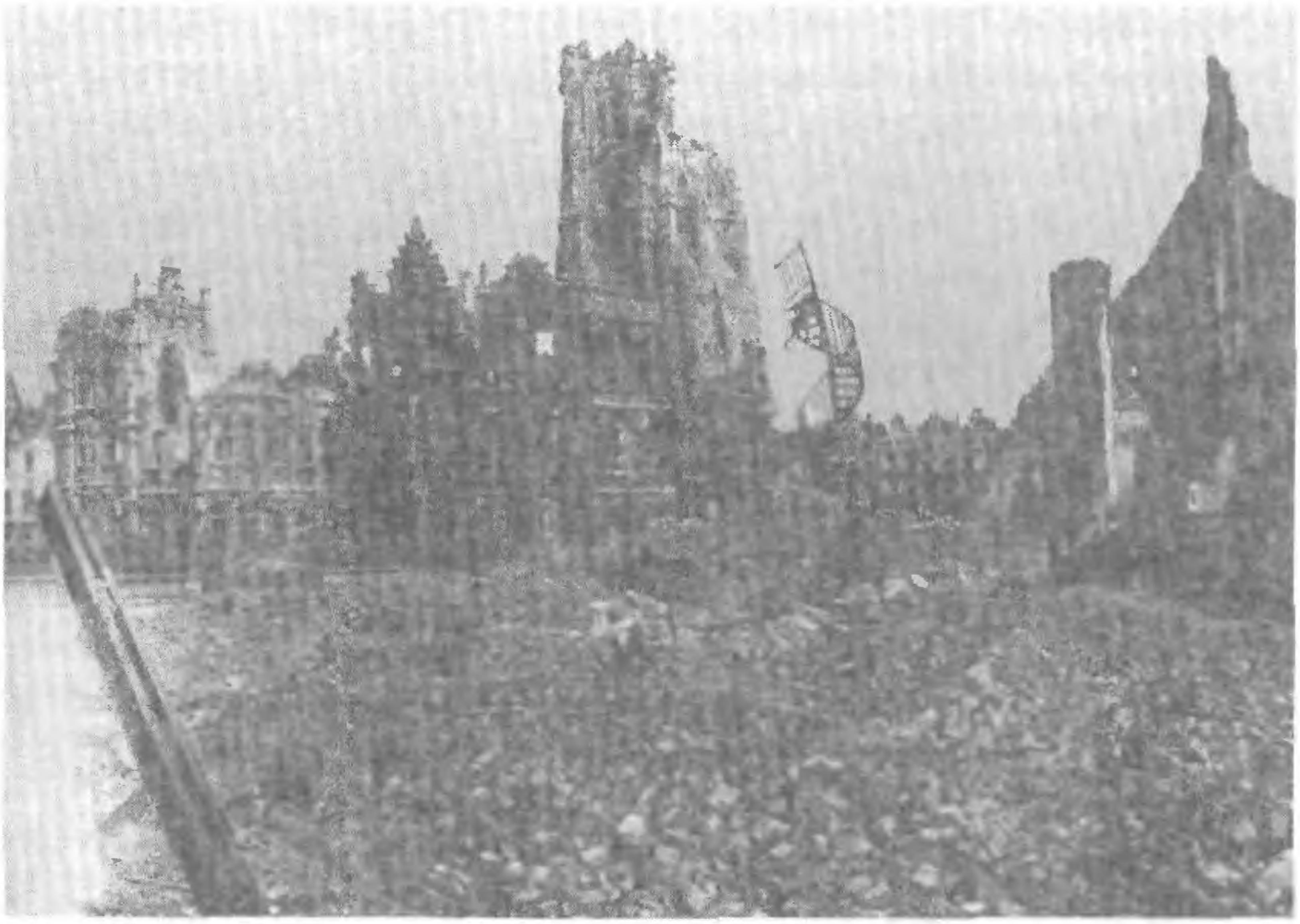
интересах национальной обороны. В парламенте крайние партии – социалисты слева, монархисты и националисты справа – отказались от систематической оппозиции правительству. Кабинет министров, который с июня 1914 г. возглавлял Вивиани, был реорганизован. 26 августа в него впервые вошли члены Объединенной социалистической партии (СФИО) Ж. Гед и М. Самба. Пришедший ему на смену в октябре 1915 г. кабинет Бриана представлял еще более широкий спектр политических сил. Кроме радикалов, левых республиканцев и социалистов он включал правого республиканца Ж. Мелина и монархиста Д. Кошена.

Под влиянием внешней опасности впервые в истории Третьей республики был создан общенациональный блок основных партий, известный под названием "священного единения". Его роль как политического механизма управления страной была велика. Упростились отношения между кабинетом министров и парламентом. Обычные в мирное время столкновения фракций на идеологической почве больше не мешали правительству сосредоточить внимание на осуществлении мер, продиктованных нуждами национальной обороны. Пример сотрудничества разных партий в правительстве и парламенте поддерживал дух "священного единения" на местах: большинство политических организаций приостановили свою деятельность или ограничили ее локальными задачами. Но главное – правительству удалось наладить сотрудничество с руководством Всеобщей конфедерации труда (ВКТ), которую с 1909 г. возглавлял Л. Жуо. В прошлом – анархо-синдикалист, он после провала попыток организовать всеобщую стачку разочаровался в революционной тактике и воспользовался началом войны, чтобы повернуть профсоюзное движение в русло реформизма. В рамках "священного единения" Жуо участвовал в осуществлении социальной политики правительства, помогая ему улаживать путем переговоров и компромиссов споры между рабочими и предпринимателями. Во многом благодаря его позиции забастовки во Франции во второй половине 1914–1916 гг. были исключительно редки.

Ура-патриотические настроения, с особой силой проявившиеся в момент объявления войны Германией, сохранялись не долго. Неудачное начало войны, а затем и провалы наступательных операций союзников в Шампани и Артуа в 1915 г., а также на Сомме в 1916 г. отрезвляюще подействовали на французов. Гнетущее впечатление производили на них огромные потери армии и постоянное ухудшение условий жизни гражданского населения в тылу и особенно на оккупированной немцами территории. Мысль о том, что путь к победе будет долог и вымощен неисчислимыми жертвами, глубоко проникла в сознание людей.

На третьем году войны общественное мнение явственно разделилось в оценке ее перспектив. Неудачи и трудности не смущали националистов и сторонников реванша, выступавших за победу любой ценой. В парламенте и стране они образовали разношерстную и неорганизованную "партию войны". Среди ее лидеров выделялся Ж. Клемансо, старейший политик, прозванный "Тигром" за беспощадность к оппонентам, силу и бесстрашие. В молодости он играл видную роль в руководстве радикал-социалистической партии, а в зрелые годы перешел на более умеренные позиции. Впервые встав во главе правительства в 1906 г., Клемансо прославился борьбой против анархо-синдикалистов и социалистов. В начале войны он не входил в правительство и поэтому в глазах людей не нес ответственности за его ошибки и неудачи[132]. Вместе с тем немало французов, которые придерживались пацифистских взглядов, все чаще задавали себе вопрос: если за победу приходится платить так дорого, то не лучше ли договориться с Германией о прекращении бессмысленного кровопролития? Из них постепенно составилась "партия мира", столь же пестрая по составу, как и "партия войны", но гораздо менее сплоченная вокруг общих целей и лидеров.

Особенностью движения за мир во время войны было то, что сторонники революционных методов борьбы (например, всеобщей стачки) и вообще



Разрушенная ратуша в Аррасе. Май 1917 г.

массовых действий не пользовались в нем особой популярностью. Антивоенные настроения были распространены главным образом в СФИО. В ней возникла оппозиция как участию социалистов в правительстве, так и поддержке его курса на победу любой ценой. Это антивоенное "меньшинство", как его называли, поддерживало национальную оборону, полагая, что в результате вторжения германских войск независимость и территориальная целостность Франции оказались под угрозой. Вместе с тем оно заявляло: "Мы не позволим, чтобы война, ведущаяся в целях национальной обороны... переросла в захватническую войну"[133]. Меньшинство выступало за совместные действия социалистов всех воюющих стран с целью заключить всеобщий справедливый мир путем давления на "свои" правительства. На съезде СФИО в декабре 1916 г. оно почти сравнялось с большинством, которому лишь с незначительным перевесом удалось сохранить руководство партией.

Весьма болезненно переживала войну и значительная часть радикалов, воспринимавших ее как крах не только пацифистских, но и демократических идеалов. Их возмущало, что под предлогом военной целесообразности генералитет сосредоточивает в своих руках все больше власти, что попираются права и свободы граждан, а ксенофобия и национализм превращаются в разновидность официальной идеологии. Недовольство радикалов вызывало и то, что благодаря "священному единению" влияние на политику правительства стали оказывать крайне правые партии и движения, казалось, навсегда отстраненные от кормила власти в результате победы сил демократии над реакцией во время политического кризиса рубежа XIX–XX вв., известного как "дело Дрейфуса".

Надежду на возможность изменить ход событий им подавал бывший премьер-министр Ж. Кайо[134]. Сторонник решения спорных вопросов с Гер-

манией путем переговоров, он со времен 2-го Марокканского кризиса 1911 г.[135] в глазах общественного мнения стал "человеком, предотвратившим войну". Когда война в 1914 г. все же началась, Кайо демонстративно отошел от активной политической деятельности. Впрочем он не скрывал, что был против затягивания мирового конфликта, придерживаясь мнения, что в интересах Франции следовало уже после битвы на Марне заключить совместно с союзниками "славный мир"[136]. Характеризуя этого политического деятеля, российский посол в Париже Извольский указывал, что "хотя Кайо тщательно прикрывается маской национализма, он известен как ревностный сторонник сепаратного мира с Германией, который имеет много сторонников среди крайних левых групп парламента и в будущем может сыграть опасную роль"[137].

На волне усиления антивоенных настроений во второй половине 1916 г. заметно оживилось оппозиционное общественное движение, пришедшее было в упадок в начале войны. Возобновили деятельность различные организации левого толка, такие как партия радикалов, Лига прав человека, масонские ложи. Возникло "Общество документальных и критических исследований о причинах войн", пропагандировавшее пацифистские взгляды. Президент Пуанкаре осенью 1916 г. отмечал в дневнике: "Повсюду – среди парижского населения и в палатах – наблюдается волна беспокойства. Ряды пораженцев растут с каждым днем. Вот уже и начало забастовок. Атмосфера отравлена подозрительной пропагандой..."[138]

Ряд событий послужил причиной того, что разногласия, долгое время едва заметные для глаз постороннего наблюдателя, внезапно переросли в острый политический конфликт с непредсказуемым результатом. Мирная инициатива Центральных держав в декабре 1916 г. впервые сделала вопрос о войне и мире предметом публичных дискуссий, что было равносильно перевороту в общественном сознании. Первым нарушило молчание оппозиционное меньшинство социалистической партии. В его "Циркуляре", датированном ноябрем 1916 г., говорилось об отказе от каких-либо претензий к противнику. Приемлемыми условиями мира объявлялись следующие: "а) безусловная территориальная, политическая и экономическая целостность Франции, Бельгии, Сербии; б) учреждение международного трибунала... для урегулирования вопросов о возмещении ущерба, других экономических проблем и т.д., а также вопроса об Эльзас-Лотарингии"[139].

Взгляды социалистического меньшинства по вопросу о войне и мире коренным образом расходились с официальной позицией властей. Она была выражена в заявлении Пуанкаре 14 июля 1916 г. о необходимости положить в основу будущего мира следующие принципы: "реституции, репарации, гарантии". Это значило, как минимум, возвращение Франции провинций, утраченных в 1871 г., возмещение Германией всего ущерба, причиненного мировой войной, а также создание условий, исключающих агрессию Германии в будущем. В частности, в политических кругах активно обсуждалась старая идея аннексии левого берега Рейна. Впрочем правые – правительственные и околоправительственные – круги не спешили раскрывать свои карты. Клемансо в издаваемой им газете "Ом анщене" писал: "...Гарантии будут такими, каких сумеют добиться наши солдаты"[140].

На фоне подобных уклончивых заявлений обращала внимание откровенность крайне правых националистических кругов. Их рупор газета

“Аксьон франсэз” прямо писала, что “в случае победы”, Франция должна добиваться: “1) суда и казни Вильгельма II; 2) политического разрушения прусского государства; 3) расчленения Германии; 4) крупной военной контрибуции...; 5) присоединения к Франции и Бельгии... территорий, расположенных на левом берегу Рейна...”[141].

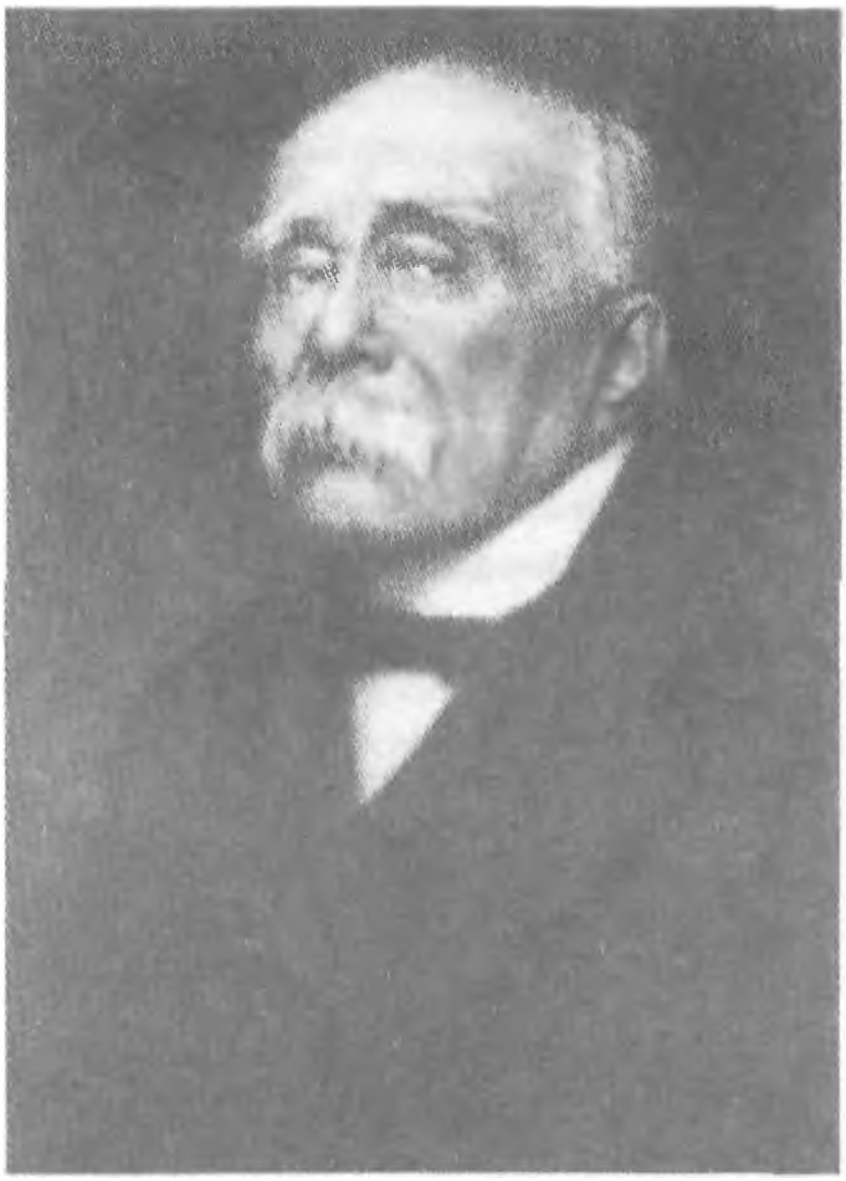
Провал наступления союзников на Западном фронте в апреле 1917 г. (неудача Нивеля) заставил многих французов распрощаться с остатками надежд на скорое победное завершение войны. Пессимизм не могла рассеять даже перспектива активной военной и экономической помощи со стороны США, вступивших в войну на стороне Антанты. За провалом апрельского наступления последовали массовые отказы солдат фронтовых частей от подчинения командирам (так называемые “мятежи”). Французский историк Г. Педронсини, опираясь на архивные документы, насчитал до 250 случаев “коллективного неповиновения”, различных по интенсивности и числу участников, доходившему иногда до 2 тыс. В той или иной мере эти события затронули две трети всех французских дивизий на Западном фронте[142]. Правящие круги охватила паника. С большим трудом новому главнокомандующему генералу Петену удалось, сочетая репрессии с мерами по улучшению бытовых условий солдат, восстановить дисциплину[143]. Одновременно подвергся испытанию на прочность и тыл, где по крупным городам прокатилась волна забастовок. Только в Париже в мае–июле 1917 г. состоялось 194 забастовки, в которых приняло участие свыше 130 тыс. человек[144].

Даже в близких к правительству кругах проявились сторонники немедленных переговоров с Германией о заключении “почетного” мира. Идею подобных переговоров вынашивал, в частности, бывший премьер Бриан[145]. Еще более широкую поддержку среди политического и военного руководства, а также части общественного мнения получила идея заключения сепаратного мира с Австро-Венгрией. В течение ряда месяцев ее беспрепятственно (и это в условиях жесткой политической цензуры!) пропагандировала газета “Овр”. В конце апреля 1917 г. она отмечала: “Кампания, которую мы ведем в пользу разумной политики по отношению к Австрии, начинает приносить плоды. Сегодня уже многие признают, что было бы целесообразно ослабить Германию путем отрыва от нее ее союзников”[146].

На этом фоне огромный политический резонанс приобрело решение СФИО принять участие в Стокгольмской международной конференции[147]. О ее созыве совместно объявили социалистические партии нейтральных стран и представительный орган революционной демократии России – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Правительство дважды – по собственной инициативе и по согласованию с западными союзниками – отказывало делегатам партии французских социалистов в выезде за границу. Социалисты сочли это достаточным основанием для выхода из правительственной коалиции. Кабинет Рибо, пришедший к власти после отставки Бриана в марте 1917 г., покинул социалист Тома, занимавший пост министра вооружений и приложивший немало усилий, чтобы не допустить забастовок в военной промышленности.

С уходом социалистов в оппозицию “священное единение” утратило одно из своих основных звеньев[148]. Политический механизм управления страной, исправно работавший в течение трех лет, застопорился. Кабинеты Рибо и сменившего его в сентябре 1917 г. республиканского (независимого)

социалиста П. Пенлеве, известного математика и теоретика авиастроения, потеряли устойчивость: они оказались под сильным давлением как слева, так и справа. Руководства социалистической и радикальной партий приступили к консультациям с целью формирования "однородно" левого правительства. На ведущую роль в нем намечался Кайо.



Жорж Клемансо – премьер-министр и военный министр Франции

Со своей стороны националисты разыграли против кабинетов Рибо и Пенлеве беспроигрышную карту патриотизма. 22 июля 1917 г. Клемансо публично обвинил министра внутренних дел Л.-Ж. Мальви в попустительстве "пораженческой" пропаганде (так представители "партии войны" квалифицировали любое выражение сомнений в победе). В этот день министр защищал в сенате свой внутриполитический курс. Он, в частности, сказал: "Я считаю, что я действовал в интересах моей страны и что проводимая мной в течение трех лет политика была правильной, единственно возможной в целях победы... Эту политику можно выразить одним словом: доверие. Я хотел оказать доверие всем оттенкам общественного мнения, от крайне правого до крайне левого фланга. Я полагал... что если мы хотим сохранить внутренний мир, столь необходимый для победы в войне, то нам следует и впредь придерживаться священного единения во всей его полноте"[149].

В ответ "Тигр" разразился двухчасовой речью. Он привел многочисленные примеры деятельности антивоенных агитаторов, свидетельствующие, по его словам, что действия министра внутренних дел были "совершенно недостаточны и слишком терпимы по отношению к вылазкам банды антипатриотов, подвергших Францию опасности". В пылу полемики он бросил в адрес Мальви следующие слова: "...обвиняю вас в предательстве интересов Франции"[150]. Это обвинение показалось сенаторам неуместным и с общего согласия не вошло в отчет о парламентских дебатах, опубликованный в официальной газете. Однако его подхватила националистическая и реваншистская пресса, развернувшая шумную "антипораженческую" кампанию. В сентябре 1917 г. Мальви был вынужден подать в отставку, которая повлекла за собой отставку всего кабинета. Клемансо в который уж раз подтвердил свое амплуа "низвергателя министерств".

Но на этом разоблачения не прекратились. Особенно усердствовала "Аксьон франсэз", утверждавшая, что пацифизм неизбежно ведет к предательству[151]. Один из директоров этой газеты, Л. Доде, сын известного писателя, послал президенту республики письмо, разоблачающее мнимое предательство Мальви. Доде утверждал, будто Мальви передавал Германии военные тайны и побуждал французских солдат к неповиновению[152]. Не дождавшись ответа,

он посетил следователя военной комендатуры Парижа и изложил ему свои обвинения в адрес бывшего министра в форме официального заявления.

Хотя организаторы этой политической кампании избегали публичных выпадов против Кайо, никто не сомневался, что именно он являлся их главной мишенью. Правые газеты пестрели сообщениями о связях Кайо с разного рода сомнительными дельцами, арестованными по подозрению в связях с противником. Французское посольство в Риме сообщило, что будучи в Италии, Кайо якобы имел секретные встречи с немецкими представителями. Над бывшим премьером нависла угроза следствия и суда. В этих условиях большинство парламентской фракции радикалов не поддержало своего лидера и отказалось пойти на соглашение с социалистами. Разгорелся скандал, связанный с разоблачением мнимого "заговора" роялистов. В этом скандале вместе с Кайо были замешаны первые лица правительства[153]. Главной мишенью "Тигра" теперь стал Бриан, уже не входивший в состав правительства. Клемансо открыто заявлял, а позднее и написал в своей книге "Величие и нищета одной победы", что "дирижером оркестра французских пораженцев был не кто иной, как Аристид Бриан"[154].

О склонности последнего к заключению с Германией "почетного мира" было известно и в Берлине, где его решили выбрать в качестве объекта мирного зондажа. При посредничестве некоторых бельгийских кругов Бриана известили о предложении германского верховного комиссара оккупированной Бельгии барона О. Ланкена встретиться в Швейцарии для переговоров. Ланкен был хорошо известен в Париже, поскольку перед мировой войной являлся советником германского посольства во Франции и в самый разгар 2-го Марокканского кризиса вел переговоры с Кайо. Бриан поставил в известность об этом предложении главу кабинета Пенлеве и министра иностранных дел Рибо. Но те отнеслись к германскому зондажу настороженно. Посоветовавшись с союзниками, Пенлеве и Рибо решили на предложение Ланкена не реагировать[155]. Инцидент на этом был исчерпан, но Клемансо усмотрел в данном эпизоде попытку начать переговоры с Германией о подписании сепаратного мира. Между ним и Брианом в октябре 1917 г. произошла самая острая за время войны стычка в палате депутатов. Хотя, по словам французского историка и государственного деятеля Г. Моннервиля, "каждое столкновение Клемансо с Аристидом Брианом неизбежно приобретало характер политической дуэли, дуэли не на жизнь, а на смерть"[156]. Палата депутатов приняла к сведению разъяснения Бриана и Рибо. Предложение социалистов осудить правительство за то, что оно не воспользовалось предоставившейся возможностью начать переговоры о мире, было отклонено. "Тигр" же после этого столкновения еще больше укрепился в убеждении, что ему с Брианом не по пути.

В ходе этих дебатов кабинет Пенлеве устоял, но был реорганизован. Рибо, скомпрометированный эпизодом с Ланкеном, поплатился портфелем министра иностранных дел. При поддержке Пуанкаре этот пост занял Барту. 25 октября нижняя палата парламента выразила доверие реорганизованному кабинету. Выступая перед депутатами с программной внешнеполитической речью, Барту заявил: "Я декларирую от имени правительства следующее: может ли Франция в том, что касается Эльзаса–Лотарингии, пойти на какие-либо уступки? Нет! Нет! Никогда!" И вслед за этой энергичной декларацией он не менее горячо подчеркнул: "Эльзас и Лотарингия являются

ключом от ворот Франции и символом французского национального единства"[157]. Слова Барту были твердым ответом на германско-австрийские закулисные интриги и на заявление, сделанное 9 октября в рейхстаге кайзеровским статс-секретарем по иностранным делам фон Кюльманом о том, что Германия никогда не отдаст Эльзас и Лотарингию[158].

Однако реорганизованному кабинету Пенлеве не была суждена долгая жизнь. В день его сформирования произошла катастрофа итальянской армии при Капоретто. Она вызвала новые бурные парламентские дебаты, "пережить" которые правительство не смогло. 13 ноября палата депутатов вынесла ему вотум недоверия. Премьер был вынужден объявить об отставке своего кабинета. Правительство Пенлеве стало первым кабинетом за время войны, низложенным парламентом, – все предшествующие уходили сами, не дожидаясь голосования. Теперь никто уже не мог помешать приходу к власти 76-летнего Клемансо, на "твердую руку" которого уповало большинство парламентариев и значительная часть общественного мнения. Президент Пуанкаре, испытывавший к "Тигру" глубокую личную неприязнь, писал 14–15 ноября в дневнике: "...За этого человека-дьявола высказываются патриоты, и, если я его не призову, его легендарная сила станет источником слабости любого другого кабинета... Я вижу ужасные недостатки Клемансо: его безграничное самомнение, импульсивность, легкомыслие. Но имею ли я право отвергнуть его, если не могу найти другого человека, отвечающего требованиям обстановки?"[159]

Кабинет Клемансо был сформирован 16 ноября 1917 г., когда военное положение Антанты и особенно Франции резко ухудшилось. В Петрограде власть захватили большевики, призвавшие к заключению всеобщего мира. И хотя правящие круги Франции не очень-то верили в способность этих "ультрареволюционеров" устоять и договориться с кайзеровской Германией, надежд на скорое восстановление боеспособности российской армии почти не осталось. На грани поражения осенью 1917 г. оказалась и другая союзница – Италия. Для помощи ей пришлось перебросить несколько французских и британских дивизий. Французы жили в тревожном ожидании наступления основных сил немцев на Западном фронте. Некоторый оптимизм внушало лишь прибытие во Францию американских войск. Однако их активное участие в боевых действиях ожидалось не ранее лета 1918 г.

Возглавив кабинет, Клемансо в правительственной декларации пообещал, что вся его внутренняя и внешняя политика будет подчинена одной цели – во что бы то ни стало победить. По его словам, нужно вести тотальную войну, удвоить усилия для достижения победы. "Моя внутренняя политика – война. Моя внешняя политика – война. Я повсюду веду войну", –заявил "Тигр"[160].

Главной его заботой стало укрепление армии. Клемансо добился назначения на пост главнокомандующего союзными войсками генерала Фоша. Под предлогом охраны военной тайны парламентарии были отстранены от контроля над действиями военных. Он всецело сосредоточился в руках главы правительства, взявшего себе также портфель военного министра. Президент Пуанкаре потерял влияние на политику страны. "Тигр" все реже информировал его о ходе событий. Пуанкаре забрасывал премьера посланиями, которые тот вскоре перестал читать и нераспечатанными бросал в корзину[161].

Внутриполитический курс в период правления Клемансо не претерпел серьезных изменений. "Священное единение", из которого добровольно исключили себя социалисты и часть радикалов, по-прежнему оставалось непререкаемой догмой для большинства политиков. С официальным руководством ВКТ в лице Жуо правительство предпочитало не ссориться. Тем не менее оно преследовало поднявших голову революционных синдикалистов. Российская революция дала толчок забастовочному движению во Франции. В конце 1917 – начале 1918 г. оно приобрело ярко выраженный антивоенный характер. В декабре 1917 г. началась стачка металлистов бассейна Луары. Поводом к забастовке явились арест и отправка на фронт за "пораженческую" пропаганду секретаря союза металлистов Андриё. Рабочие требовали освободить его и других арестованных активистов, немедленно заключить мир без аннексий и контрибуций, протестовали против политических репрессий. В борьбу включились рабочие электростанций, военных заводов, шахт. Забастовки переплелись с волнениями, возникшими на почве дороговизны. Ввиду широкого распространения антивоенных настроений конференция профсоюзных организаций, состоявшаяся 23 декабря 1917 г. в Клермон-Ферране, включила в свою резолюцию пункт, осуждающий тайную дипломатию, и потребовала от правительства опубликования условий, на которых мог быть заключен "всеобщий, справедливый и длительный мир". Клемансо старался сломить массовое движение репрессиями и одновременно – расколоть ряды рабочих мелкими уступками. В начале 1918 г. только на подавление забастовки в Сент-Этьенне были направлены конный полк и 3 тыс. жандармов. В результате столкновений многие бастующие были убиты и ранены. Закончился конфликт отправкой молодых забастовщиков на фронт и повышением заработной платы старшей категории рабочих[162].

Жесткие меры были приняты и по отношению к тем политическим деятелям, которых Клемансо считал виновными в подрыве веры народа в победу. Бывший министр внутренних дел Мальви, сам обратившийся в Верховный суд с просьбой рассмотреть выдвинутые против него обвинения, был в августе 1918 г. признан виновным и приговорен к пяти годам изгнания. Кайо подвергся в январе 1918 г. аресту по обвинению в связях с противником и в заговоре против безопасности государства (хотя следствие, растянувшееся на два года, не нашло убедительных улик, в 1920 г. он был осужден на три года тюремного заключения с последующим лишением политических прав). Оба эти дела создали опасный для демократии прецедент преследования неугодных лиц по политическим мотивам. Одновременно с повышенной интенсивностью заработали военно-полевые суды, вынося обвинительные приговоры по делам о "предательстве" и "шпионаже" (некоторые из них, как неправосудные, были отменены после войны). Наконец, в самом начале своего правления Клемансо подверг суровой чистке государственный аппарат, особенно полицию, от лиц, замеченных в чрезмерной мягкости по отношению к антивоенной пропаганде.

Когда в октябре 1918 г. Германия запросила у союзников перемирия, в правящем блоке, который олицетворяли два высших должностных лица – президент и премьер-министр – возникли серьезные разногласия. Пуанкаре решительно возражал против переговоров с Германией, пока не уничтожена ее военная мощь. Он умолял Клемансо "не ставить подножку" наступаю-

щим союзным войскам. Однако тот, вынужденный считаться с мнением союзников, согласился на перемирие, которое и было подписано в Компьене 11 ноября. Этот день и по настоящее время отмечается во Франции как одно из основных событий истории. К этому времени авторитет Клемансо в стране был настолько велик, что молва наградила его лестным прозвищем "отца победы", впервые прозвучавшим в тот знаменательный день. А уязвленный Пуанкаре 12 ноября записал в дневнике: "Палата устроила вчера Клемансо... неописуемую овацию. Пресса сегодня возносит его до небес. Для всех он – освободитель оккупированных земель, организатор победы. Он один олицетворяет Францию. Фош исчез, армия исчезла. Что же до меня, то я, разумеется, не существую. Четыре военных года, на протяжении которых я возглавлял государство, полностью забыты"[163].

Победа обошлась Франции очень дорого. Людские потери составили около 1,4 млн солдат, павших на полях сражений, еще большее число раненых и искалеченных. В результате войны резко усилился дефицит государственного бюджета Франции. Уже в 1915 г. он достиг 18 млрд фр., тогда как доходы не превышали 5 млрд фр. После войны правительство Франции так же как и его британский союзник столкнулось с проблемой огромного внутреннего и внешнего долга. Страна, являвшаяся ранее одним из крупнейших кредиторов, сама оказалась должником США и Великобритании. Выплаты по долгам составляли около четверти всех бюджетных расходов.

Германия, даже побежденная, по-прежнему внушала страх широким слоям населения Франции, которые опасались с ее стороны попыток реванша в будущем. Сразу по окончании войны правящие круги сделали ставку на силу в отношениях с вчерашним противником. Безопасность Франции они связывали с политикой принуждения Германии к миру и ограничения ее военно-экономической мощи и политического влияния. Мысль о том, чтобы воспользоваться демократическими переменами в Германии, связанными с возникновением Веймарской республики, и установить с ней равноправные и дружественные отношения, даже в 20-е годы казалась многим французам неприемлемой[164]. В конечном счете решить проблемы безопасности Франции после победы так и не удалось[165].

3. Италия: "последняя война Рисорджименто"

Немаловажным фактором, обусловившим сначала отказ Италии от выполнения союзнических обязательств перед Центральными державами, а затем и вступление в войну на стороне Антанты, явилось не оставлявшее правительственную верхушку опасение, что сопряженные с участием в войне усилия и тяготы могут породить социальный взрыв в стране. А он, по убеждению правящих кругов, был бы способен похоронить и великодержавные претензии Италии, и саму итальянскую государственность. Весной 1914 г. завершилась "джолиттианская либеральная эра". Символом ее конца стал уход с политической арены Дж. Джолитти – поборника либеральных реформ, призванных консолидировать итальянское государство и общество. Эпоха реформ не дала желаемого успокоения, более того, породила новые угрозы поляризации общества. Среди них особое место занимал рост рабо-

чего и социалистического движения с характерной для него антимилитаристской, интернационалистской, а для экстремистских течений – и антипатриотической ориентацией. На политическую арену также вышли весьма влиятельные католические силы и организации, настроенные оппозиционно как к социализму, так и к либерализму. Наконец, в недрах общества формировалось националистическое движение с характерным для него культом силы, пренебрежением к парламентским институтам, призывом к возрождению имперского могущества страны. В противовес оппозиции правящий либеральный лагерь был политически неоднороден, организационно не оформлен. Он разъедался серьезными противоречиями, что ослабляло массовую опору правительства А.Саландры, тем более что в парламенте большинство депутатов были сторонниками Джолитти. Последние считали его уход в отставку короткой интерлюдией и ориентировались на его нейтралистский, но лояльный по отношению к Центральным державам курс[166].

Незадолго до начала мировой войны в Италии разразились события, получившие название "Красной недели". Их непосредственным поводом стало применение правительственных войск в подавлении народных выступлений антимилитаристской направленности в день Статута – конституции итальянского государства. На протяжении недели 7–14 июня 1914 г., а в некоторых местах и дольше в стране развернулись мощные антиправительственные выступления, начиная с политической забастовки протеста против милитаризма и его антинародной направленности вплоть до баррикадных боев и восстаний, а в ряде мест – даже провозглашения республики. С трудом справившись с волнениями и не успев завершить судебные процессы по делам активистов и организаторов этих выступлений, правительство Саландры опасалось, что такое ответственное решение, как вступление в европейскую войну, встретит подобный, если не еще более решительный отпор антивоенных сил. Глава кабинета осознавал непрочность государства и общества. Именно это заставило его вскоре после официального провозглашения нейтралитета писать доверительно своему политическому единомышленнику Соннино, что он с каждым днем все более осознает несоответствие не только военных, но и моральных, экономических, административных и иных ресурсов страны тем сложным задачам, которые встанут перед ней в случае войны[167].

Девять с лишним месяцев итальянского нейтралитета стали периодом острой внутриполитической борьбы между поборниками сохранения нейтралитета и "интервентистами" германофильской и антантофильской ориентации. Современный исследователь располагает богатыми материалами. Они позволяют проследить эволюцию общественных настроений, предопределившую во многом расстановку сил в кризисные майские дни 1915 г. и в ходе войны, изменения во взглядах на роль Италии в мировой войне ведущих политических деятелей. Четко прослеживаются дифференциация течений внутри либерального лагеря и основных политических партий страны – социалистической (ИСП), республиканской, радикальной, а также усложнение политической палитры поборников "интервентизма" и "нейтралистов".

В суммарном виде суть перекрещивавшихся процессов в политической жизни нейтральной Италии может быть сведена к противоборству сторонников и противников вступления страны в мировую войну. Особую роль в период нейтралитета играла ситуация в правительственных инстанциях.

Правительству Саландры и прежде всего самому его главе удалось, преодолев все колебания и сомнения, склонить короля Виктора Эммануила III, а вместе с ним и политическую элиту страны к трудному решению вступления в войну на стороне Антанты. Следуя букве провозглашенного 2 августа 1914 г. нейтралитета, положительного воспринятого большинством населения страны, правительство вскоре заявило о необходимости "бдительного нейтралитета", дабы не позволить застать страну врасплох. Первоочередной мерой, принятой для повышения боеспособности вооруженных сил, стал призыв в армию сразу двух возрастов. Были приняты также срочные меры в целях пополнения боеприпасов, военного снаряжения и обмундирования; предприятия, работавшие на военные нужды, получали щедрые заказы и субсидии от военных ведомств. Большую роль в реорганизации вооруженных сил сыграл новый начальник Генштаба генерал Кадорна, сменивший на этом посту убежденного германофила генерала Поллио, скоропостижно скончавшегося 1 июля 1914 г. Вместе с новым военным министром генералом В. Дзупелли Кадорна настойчиво добивался дополнительных военных ассигнований. Это обусловило конфликт с финансовыми ведомствами и в конечном счете правительственный кризис в конце октября – начале ноября 1914 г. Именно тогда Саландра провозгласил курс на исключительность национально-государственных интересов фундаментальной основой внешнеполитической доктрины страны – к полному удовлетворению националистов и других поборников силовой политики[168].

В ходе короткой зимней парламентской сессии в декабре 1914 г. премьер развил идею "священного эгоизма", заявив, что жизненные интересы Италии как великой державы в условиях глубоких трансформаций на Европейском континенте могут быть обеспечены только при условии нейтралитета действенного, вооруженного и готовности к любым неожиданностям. Характерно, что речь главы правительства была встречена бурной овацией парламентариев, предвосхищая их новые метаморфозы в дни майского кризиса 1915 г. Новый состав правительства получил при голосовании поддержку 413 депутатов против 41 голоса оппозиции (в основном социалистов, республиканцев и других фракций)[169].

Между тем в самой стране внутри общественных структур обострялось противоборство поборников сохранения нейтралитета и значительно видоизменившегося блока "интервентистов". Среди первых выявилось три крупных направления. Против участия в войне решительно выступали ИСП, Всеобщая итальянская конфедерация труда (ВИКТ) и ряд других рабочих и крестьянских организаций антивоенной и интернационалистской направленности. По их инициативе во второй половине 1914 – в первые месяцы 1915 г. активно осуществлялась антивоенная пропаганда, проходили антивоенные манифестации и митинги, предпринималась попытка отпора настроениям и выступлениям в пользу войны. В принятом на совместном заседании руководства ИСП и социалистической парламентской группы 20–21 сентября 1914 г. обращении "К товарищам социалистам и итальянским трудящимся" подтверждались оппозиция войне и необходимость противодействия ей – решительного и непримиримого. Здесь же давалась отповедь "интервентизму" и подчеркивалась важность самостоятельной классовой позиции пролетариата в противовес курсу национального единства и согласия под флагом готовности к войне[170]. Ранее руководство ИСП отвергло демарш лидеров гер-

манской и австрийской социал-демократии А. Зюдекума и В. Элленбогена. Они прибыли в Италию для того, чтобы склонить итальянских социалистов к выполнению "союзнического долга" и утверждению посредством войны "социальной демократии" в Европе. Зато по инициативе видных лидеров ИСП вскоре была проведена итало-швейцарская конференция, призвавшая правительства нейтральных стран выступить посредниками в интересах прекращения начавшейся войны.

На нейтралистских позициях в период нейтралитета и военных действий 1915–1918 гг. неизменно оставались руководство Ватикана – папа Пий X, скончавшийся 20 августа 1914 г., и ставший понтификом после его смерти Бенедикт XV – и значительная часть духовенства и приверженные религиозным воззрениям широкие слои итальянского общества, в особенности крестьянство. Правда, в клерикальном нейтрализме также существовали определенные оттенки. Бенедикт XV вынашивал идею давления Центральных держав на итальянское правительство с целью пересмотра "римского вопроса" и восстановления светской власти папы. Многие политические деятели Германии и Австро-Венгрии, например близкий к папе лидер немецких католиков Эрцбергер, охотно давали Ватикану повод надеяться на их помощь. Поэтому высший клир был склонен к сохранению хороших отношений с Центральными державами. Он солидаризировался с Джолитти и его сторонниками в надежде на достижение мирным дипломатическим путем желанных территориальных уступок от Австро-Венгрии. Часть духовенства занимала все более ярко выраженные националистические позиции. В частности, видный католический деятель Ф. Меда в 1916 г. даже вошел в правительство "национального согласия" в качестве министра финансов. Для большей же части верующих нейтралитет был средством избежать войны с ее бедствиями. Наконец, сторонники "джолиттианского" нейтрализма, критически воспринимавшие идею вступления в войну на стороне Антанты, ратовали за сохранение союзных связей с Германией и Австро-Венгрией. Они усматривали возможность решения судьбы пограничных территорий (terre irredenti) дипломатическим путем. Поборниками джолиттианского курса являлись заинтересованные в деловых контактах с Германией финансисты и предприниматели, депутаты парламента, разделявшие (до поры до времени) курс реформ Джолитти, связанные с бывшим главой правительства журналистские круги, видные деятели культуры, опасавшиеся за судьбу парламентаризма в условиях войны[171].

Значительные перемены за период нейтралитета произошли в позициях и составе поборников "интервентизма" – курса на участие Италии в войне. Их ядром выступали националисты. Первоначально они ратовали за вступление в войну на стороне Центральных держав. Но в дальнейшем, не без влияния официального курса правительства Саландры, они в большинстве своем пришли к выводу, что реализация широкой экспансионистской программы возможна лишь при поддержке стран Антанты. Лидеры националистического движения Э. Коррадини, М. Маравилья, М. Рокка и др. через свой печатный орган "Идеа национале", а также на страницах консервативных и официальных периодических изданий проводили мысль о том, что война принесет триумф принципам "авторитета, иерархии, национальной дисциплины" и позволит одержать верх над "фальшивыми идеалами" обновления на основе равенства и свободы. Они призывали с помощью войны

открыть “новую страницу” в истории страны, покончить с бедами итальянского общества – слабостью государства, отсутствием единства нации и развитого национального самосознания, расхищением национальных богатств и т.п. Националисты призывали разделаться с Италией “Джолитти и Турати” – антилиберальный антисоциалистический лозунг, который по окончании войны был взят на вооружение фашистским движением. Они объявляли предстоящую стране войну “первой войной Италии как великой державы”, призывая вести ее под откровенно империалистическими лозунгами “борьбы за существование, за богатство, за господство”[172]. Позднее правительство обрело в лице националистов рьяных сторонников чрезвычайных мер, призванных активизировать военные действия, обеспечить мобилизацию всех ресурсов страны и милитаризацию общественной жизни.

Иными доводами в пользу войны на стороне Антанты оперировали “демократические интервентисты” – радикалы, республиканцы, а также отколовшаяся в годы итало-турецкой войны от ИСП социал-реформистская партия во главе с Л. Биссолати и И. Бономи. Идеологи “демократического интервентизма” Г. Сальвемини, Л. Биссолати, А. Мирабелли и др. усматривали в войне на стороне демократических держав средство завершить объединение в рамках итальянского государства всех земель с итальянским населением (“последняя война Рисорджименто”). С понятием Рисорджименто в истории Италии связан период борьбы в XIX в. за объединение страны и национальную независимость против австрийского гнета, приведшей к становлению итальянского государства. Напоминание о героической эпопее борцов за объединение Италии должно было привить сознание неоконченности этого процесса. Сторонники “демократического интервентизма” рассчитывали также содействовать делу освобождения балканских народов от турецкого и австрийского ига, сокрушить “тевтонский милитаризм”, Австро-Венгерскую и Османскую империи, утвердить в Европе принципы демократии и гуманизма, обеспечить равенство больших и малых наций[173].

Немалый успех среди сторонников вступления Италии в войну имели идеи “революционного интервентизма”. Костяк его составляли противники социалистического пацифизма – “империалистические синдикалисты”, отколовшиеся от Итальянского синдикального союза. К ним примыкали также сторонники исключенного позднее за ренегатство из рядов ИСП Б. Муссолини, бывшего лидера партии. Он полагал, подобно “империалистическим синдикалистам”, что война станет наглядным и бесценным уроком революционного насилия для трудящихся и таким образом проложит путь к торжеству социалистических идеалов. Воззрения Муссолини способствовали формированию в Италии мифа о революционной войне. С 15 ноября 1914 г. он стал издавать газету “Пополо д’Италиа”, ставшую рупором сторонников войны. На ее страницах превозносились воля, превосходство и справедливость сильного, энергия (“активизм”), звучала критика либерализма и парламентского режима[174].

Объединенными усилиями националистов, “демократических” и “революционных интервентистов” с осени 1914 г. вплоть до решающих схваток в майские дни 1915 г. была развязана шумная кампания за скорейшее вступление Италии в войну. Она сопровождалась злобными нападками на социалистов, сторонников Джолитти, критикой правительства за недопустимую бездеятельность. По мнению итальянского историка Л. Вальяни, если бы

удовлетворявшие итальянских националистов территориальные предложения Вены поступили в январе или в крайнем случае в марте 1915 г., то Джолитти еще мог бы удержать правящие круги от принятия решения о вступлении в войну[175]. Уже после подписания Лондонского договора с Антантой и получения запоздалых предложений Австро-Венгрии он поспешно прибыл в Рим из своей резиденции в провинции Кунео. Джолитти предложил ради того, чтобы избежать риска затяжной и тяжелой войны, дезавуировать уже подписанный Лондонский договор и принять предложения Вены, сохранив тем самым верность Тройственному союзу. Положение осложнилось тем, что большинство депутатов парламента солидаризировалось с Джолитти, поставив тем самым правительство Саландры в крайне сложное положение. Дело шло к отставке правительства. Но ни король, ни Джолитти и другие влиятельные политики не пошли на риск правительственного кризиса и разрыва с Антантой в столь сложных условиях.

Между тем с 12 мая 1915 г. по всем крупным городам прокатилась волна многотысячных интервентистских выступлений, митингов и манифестаций, в которых принимали активное участие чиновники, учащаяся молодежь, горожане различного социального положения. Их отличала повышенная эмоциональность, восторженное восприятие воинственных речей ораторов-"интервентистов", выражение негодования в адрес Джолитти и его единомышленников за их "германофильство". Особенно внушительными эти выступления оказались в Риме и Милане, став серьезной угрозой общественному порядку. Нейтралистские силы были в значительной мере парализованы полицейскими репрессиями и создавшейся благодаря интервентистским выступлениям атмосферой. Лишь в Турине рабочий класс оказал организованное сопротивление сторонникам войны. Здесь началась политическая забастовка протеста. 16 мая на совместном заседании руководства ИСП, ВИКТ и парламентской фракции большинство солидаризировалось с формулой К. Ладзари "не поддерживать, но и не саботировать" войну. Это было определенным отступлением от прежнего антивоенного курса. 18 мая Рим покинул Джолитти, отказавшись от возможности дать с помощью своих сторонников открытый бой интервентистскому курсу Саландры на предстоявшей парламентской сессии. В результате интервентистскому меньшинству, имевшему в лице Саландры, главы Консульты Соннино и других членов правительства своих единомышленников, удалось одержать победу и навязать свою волю стране.

20 мая 1915 г. на открывшемся заседании парламента Саландра поставил вопрос о наделении правительства чрезвычайными полномочиями на случай войны. Депутатам, на настроении которых и без того сказалось влияние майских потрясений, была предъявлена "Зеленая книга". Опубликованные в ней документы были призваны продемонстрировать агрессивный, антиитальянский характер политики Австро-Венгрии. За предоставление чрезвычайных полномочий правительству на случай войны и в условиях войны (тем самым признавалась и одобрялась сама возможность таковой) проголосовали 407 депутатов, против – 74 (социалисты, часть джолиттианцев и католиков) при 1 воздержавшемся. На следующий день члены Сената единогласно приняли такое же решение. 22 и 23 мая 1915 г. совет министров, пользуясь предоставленными ему полномочиями, объявил всеобщую мобилизацию, приведя в состояние боевой готовности армию и флот; северо-вос-

точные провинции Италии и прибрежные зоны Адриатики были объявлены на военном положении. Вводились чрезвычайные меры общественной безопасности, фактически аннулировавшие либо существенно ограничивавшие свободу слова, собраний, ассоциаций. Узаконивалась строжайшая цензура – телеграфная, телефонная и почтовая, также средств печати. Были одобрены объявление войны Австро-Венгрии (оно вступало в силу 24 мая 1915 г.) и разрыв дипломатических отношений с Германией. Само объявление войны последовало, несмотря на настояние союзников, много позднее – 27 августа 1916 г. Это позволило в первый год войны ограничить немецкую помощь Австро-Венгрии со стороны Германии на австро-итальянском театре военных действий[176].

Как и ряд других воюющих стран, Италия испытывала на всем протяжении войны острый дефицит боеприпасов, недостаток артиллерии, средств связи, обмундирования. На боеспособности итальянской армии болезненно сказывались череда крупных поражений, тяжелые потери и сознание их бесплодности, крестьянский по преимуществу состав воинских пехотных частей с характерным для сельских жителей аполитизмом.

Начальник штаба Верховного командования и фактически главнокомандующий генерал Кадорна при всей его энергии, воле, способностях воплощал тип авторитарного военного профессионала. Он монополизировал в своих руках руководство военными действиями, считая неправомерным вмешательство в военные вопросы политического руководства страны и требуя от него лишь наращивания финансирования вооруженных сил. Мало считался Кадорна и с внешнеполитическими факторами. Он не признавал необходимости координации действий на основном австро-итальянском театре с операциями в Адриатике и на Балканах. На межсоюзнических встречах он неоднократно предлагал союзникам совместными усилиями (с помощью британских и французских подкреплений) нанести Австро-Венгрии решающий удар и вывести ее из войны[177].

Между тем уже в первые месяцы войны выявилась серьезная зависимость Италии, обладавшей более скромным экономическим и военным потенциалом, от ведущих стран Антанты – Великобритании и Франции. Речь шла о финансировании, с помощью иностранных займов, импорта необходимых для Италии топливных ресурсов, горючего, продовольствия (в том числе из Британии и ее доминионов), размещении военных заказов в этих странах. И все это при непрерывно возраставшем дефиците итальянского бюджета и ухудшавшемся состоянии финансовой системы страны.

Неудовлетворенность общества ходом военной кампании и возраставшими тяготами, лишениями и жертвами делала все более непрочными позиции правительства Саландры, опиравшегося по преимуществу на правые либеральные течения и “интервентистов”, особенно националистического толка и “демократического направления”. В унисон с последними официальная правительственная пропаганда взяла на вооружение тезис о “последней войне Рисорджименто”. Он имел, особенно на первых порах, определенный успех среди учащейся молодежи, выходцев из средних слоев, составивших значительную часть добровольцев. Однако уже к весне 1916 г. военные неудачи, дипломатические и экономические трудности и социально-политические конфликты в стране подорвали позиции правительства. В письме к министру колоний Ф. Мартини 20 апреля 1916 г. Саландра откровенно при-

знавался в обуревавших его сомнениях и опасениях: "Боюсь мира, боюсь и войны: то есть в равной мере страшусь войны короткой и длинной. Если война будет длительной, где найти средства, чтобы вести ее? И если мир наступит быстро, мир, который, как можно более или менее точно предвидеть, будет основан на uti possidetis (на принципе фактических приобретений. – *Авт.*), то мы еще слишком мало завоевали территорий, которые предполагали завоевать, и слишком мало обрели на спорных участках Адриатического побережья"[178].

Австрийское наступление весной 1916 г. (так называемая "штрафная экспедиция"), потребовавшее для отражения новых усилий и жертв, ускорило правительственный кризис и отставку Саландры. В ходе очередной парламентской летней сессии (в годы войны их созыв был нерегулярным, а продолжительность весьма ограничена) 10 июня 1916 г. большинством присутствовавших на сессии депутатов (197 голосов против 158 сторонников правительства) кабинету было отказано в доверии, что и определило его судьбу. Взамен было сформировано правительство "национального согласия", которое возглавил П. Бозелли, правый либерал, пользовавшийся немалым авторитетом, но преклонного возраста, со слабым здоровьем. Он обладал, однако, тем преимуществом, что вокруг него оказалось возможным объединить министров различной ориентации (правых либералов, представителей центра и "конституционной левой", радикалов, социал-реформистов). Особым влиянием в новом составе совета министров пользовались С. Соннино, министр юстиции и внутренних дел В. Орландо и военный министр П. Морроне[179].

Вплоть до конца 1916 г. новому правительству не удалось принципиально переломить ситуацию. В стране неуклонно нарастала усталость от войны, что сказывалось на моральном состоянии армии и на положении в тылу. Немалую роль в нарастании антивоенных настроений играла усиливавшаяся социальная поляризация общества.

Война явилась, как и в других странах, золотым дном для монополий, финансистов и предпринимателей, отчасти – крупных землевладельцев. Она привнесла серьезные изменения в экономическую структуру страны, в соотношение сельского хозяйства и добывающих отраслей и индустриального потенциала страны, во взаимоотношения Севера и Юга, государственных институтов и деловых кругов. Ускорился процесс индустриализации и модернизации итальянской экономики, хотя с обусловленным войной милитаристским уклоном и с серьезными диспропорциями в экономической и социальной структуре.

Больше всех от военной конъюнктуры и резкого повышения спроса на индустриальную продукцию и военные материалы выиграли крупные монополии и такие отрасли производства, как машиностроение, металлургическая, химическая, электротехническая, текстильная. Еще весной 1915 г. согласно характеристике Б. Виджецци, признанного знатока итальянской предвоенной и военной истории, Италия "находилась в процессе превращения в страну индустриальную, но еще не являлась таковой; Италия была крестьянской страной, со своими провинциями или с маленькими центрами, в которых зачастую явления политической современной жизни деформировались, сглаживались, либо просто не проявлялись"[180]. Положение осложнялось кризисом 1913 г. и спадом экономики в период нейтралитета, что

порою рядом отечественных исследователей распространялось и на годы войны. Между тем война, по свидетельству современника событий, известного экономиста Р. Бакки, "явилась чудесным ускорителем социальной эволюции" и не только вызвала "серьезные изменения в распределении состояний и доходов, но и способствовала иному размещению промышленности, иной структуре населения по возрасту, по профессиям, по жилью", а также "значительному увеличению урбанистических компонентов"[181].

Немаловажную роль в бурном индустриальном развитии страны, коснувшемся по преимуществу работавших на войну отраслей и предприятий, сыграли государственные инвестиции и военные заказы. Общественное (т.е. оплаченное государством) потребление с 1913 по 1917 г. возросло в пять раз, составив в 1917 г. 31 млрд лир[182]. Созданный в 1915 г. секретариат вооружения и снаряжения (вскоре преобразованный в отдельное министерство) был наделен широкими полномочиями и стал важным связующим звеном между государственным аппаратом и деловым миром. Он принял на себя функции контроля над национальной экономикой, занимался ее стимулированием, ведал распределением сырья и горючего, заключал контракты на государственные заказы, способствуя переориентации предприятий на военные нужды, регулируя взаимоотношения предпринимателей и рабочих. Согласно правительственному декрету от 26 июня 1915 г. "О промышленной мобилизации" персонал предприятий, работавших над выполнением военных заказов, считался призванным на военную службу. Продолжительность рабочего времени возросла до 14–16 часов; были аннулированы законы, запрещавшие многие виды работ и ночные смены для женщин и подростков. Для поддержания порядка и охраны на промышленных предприятиях было размещено 166 тыс. военнослужащих[183]. Воспользовавшись запретом забастовок и преследованиями профсоюзных организаций, предприниматели поспешили аннулировать невыгодные для них статьи коллективных договоров. Вместе с тем по инициативе министерства вооружений и снаряжения в целях обеспечения социального мира были созданы провинциальные комитеты аналогичного предназначения, куда входили местные доверенные лица министерства, представители военных ведомств, эксперты, предприниматели и представители местных профсоюзных организаций, призванные содействовать оптимальному использованию ресурсов страны.

Предвосхищая дальнейший процесс развития государственно-монополистических тенденций, в годы войны "государство стало... центром, мотором национальной экономики, единственным или основным потребителем самых разнообразных видов работы, деспотическим регулятором самых различных систем управлений", так что в обиход стало входить понятие "национализации" итальянской экономики (при всей его условности). Под государственным контролем оказались транспорт, производство, потребление[184]. Из общего числа имевшихся в стране промышленных предприятий (согласно данным переписи 1911 г. – 243 987 единиц) к концу войны к числу важнейших предприятий было отнесено 1976. Свыше половины из них сосредоточивалось в крупнейших индустриальных городах – Турине, Милане, Генуе[185]. Эти предприятия из-за важности производимой ими продукции были поставлены в максимально благоприятные условия снабжения, им были предоставлены различные льготы. В 1917–1918 гг. расходы на вооружение составили 4,5 млрд лир – 40% военных затрат.

Львиная доля государственных заказов и инвестиций пришлась на крупные монополистические объединения (Ильва, ФИАТ, Ансальдо, Бреда, Монтекатини и др.). Так, концерн Ильва, помимо ведущих металлургических и машиностроительных предприятий, за годы войны поглотил ряд автомобильных и машиностроительных заводов, основал пароходную кампанию "Ллойд средиземноморский". На его предприятиях к концу войны работало 50 тыс. человек, а капитал составил 500 млн лир. В многопрофильный комплекс превратилась принадлежавшая братьям Перроне группа Ансальдо (3 тыс. рабочих и служащих, 500 млн лир капитала, около 600 тыс. лир инвестиций за годы войны). В собственности этой группы находились рудники, гидроэнергетические предприятия, машиностроительные и электромашиностроительные заводы, верфи, пароходные и аэростроительные компании. За время войны на предприятиях Ансальдо было произведено 10 900 пушек, 3800 самолетов, 95 кораблей, 10 млн артиллерийских снарядов. Быстрыми темпами развивался в годы войны ФИАТ, создав новые филиалы и укрепив свои позиции и влияние в экономике Турина и Пьемонта. К 1917 г. концерн довел производство автомобилей различного назначения до 25 тыс. штук, снабжая не только итальянскую армию, но и обеспечивая часть потребностей Великобритании и Франции. К 1918 г. на предприятиях ФИАТ было занято около 40 тыс. человек, а капитал составил 125 млн лир – в пять раз больше, чем в 1914 г.[186]

Быстрыми темпами развивались химическая, электротехническая промышленность, самолетостроение. Сопутствовавший индустриальному подъему строительный и спекулятивный бум обусловил появление новых состояний, создал дополнительный спрос на рабочие руки. В число рабочих за годы войны влилось около 2 млн женщин и 60 тыс. подростков, а также выходцы из сельских местностей и южных районов страны, население которых в условиях войны испытывало страшную нужду. Прибыли "пешикани" – акул, наживших на военных заказах, были оплачены усилением налогового бремени, гигантским ростом дефицита государственного бюджета и иностранными займами, четырехкратным ростом дороговизны и нехваткой товаров первой необходимости, стремительным ростом инфляции, по уровню которой Италия сравнялась в 1920 г. с Германией – побежденной страной, страдавшей от кабальных условий Версальского мирного договора. Обратной стороной индустриального бума на Севере и в ряде центров средней и южной частей Италии стало дальнейшее усиление аграрного обнищания крестьянства, страдавшего от потери кормильцев и наиболее трудоспособной части сельского населения, роста налогов, голода и других бед.

За время войны на военную службу было призвано в общей сложности почти 6 млн человек. Из них свыше 4 млн прошли страшную школу окопной жизни и фронтовых условий. Ущерб, причиненный войной, составил в общей сложности 26% национального богатства, а военные затраты с 2,3 млрд лир в 1914/15 финансовом году выросли в 1918 г. до 20,6 млрд лир. Государственный дефицит к этому времени вырос до 23,3 млрд лир; государственный долг достиг в 1920 г. 103 млрд лир[187]. Неудивительно, что с конца 1916 г. и особенно в 1917 г. страну охватили различные формы антивоенных выступлений. В единый поток сливались учащавшиеся, несмотря на законы военного времени, забастовки промышленных рабочих, женские и молодежные манифестации протеста против продолжавшихся призывов в

армию, нехватки продовольствия, против “имбоскати” – окопавшихся в тылу (к ним сельские жители зачастую относили даже рабочих военных предприятий), против “пешикани”, наживавшихся на войне, против правительства и местных властей.

Несмотря на широкий круг исследований, посвященных социальным битвам в Италии в 1915–1918 гг., все еще трудно оценить в полной мере их масштаб, географию, социальный состав, а тем более дать их количественную и качественную оценку. Скажем только, что вряд ли следует оценивать эти выступления как последовательно революционные (такие оценки имели место в ряде работ отечественных историков), поскольку их участники в массе своей выражали протест, главным образом, против тягот военного времени, недовольство политикой властей и коррумпированностью. В силу политической аморфности и аполитичности, плохой информированности крестьянство в массе своей было индифферентно к доводам “интервентистов”, к рассуждениям о традициях Рисорджименто и патриотическом долге, равно как к интернациональным мотивам антивоенной оппозиции социалистической окраски. Это относилось как к оставшимся в тылу сельским жителям, так и к призванным в армию. Правда, опыт фронтовой жизни и общения с представителями других социальных слоев способствовал просвещению и расширению кругозора крестьянских масс, их тяге к политике.

Начиная с 1916 г. участились случаи солдатских бунтов, актов неповиновения, дезертирства и иных форм активного и пассивного протеста. По данным верховного командования, на 30 сентября 1917 г. от призыва уклонилось 48 282 человека. Насчитывалось также 56 268 дезертиров. 337 506 человек, проживавших к началу войны за рубежом, отказались от возвращения на родину и службы в армии. На конец 1918 г. общее число судимых в 1915–1918 гг. военным трибуналом составило 1,1 млн человек[188]. На фоне возраставшего недовольства войной и антивоенных выступлений особое место заняли два события 1917 г. – восстание туринского пролетариата в августе и военная катастрофа при Капоретто в октябре–декабре.

Революционные потрясения в России и фактический выход ее из войны дали мощный импульс антивоенным выступлениям рабочего класса в ряде крупных промышленных центров Италии и породили острую дискуссию о целях, перспективах и условиях завершения войны в парламенте, прессе, в политических партиях и профсоюзах. В феврале – мае 1917 г. в Милане, Турине, Генуе, Болонье, Парме и других городах, несмотря на законы военного времени и запрет майских манифестаций, прокатилась мощная волна забастовок, антивоенных митингов. Она сопровождалась схватками с полицией, разгромом продовольственных лавок и другими акциями. Это заставило лидера реформистского течения ИСП и видного парламентария Ф. Турати признать, что смута имеет привкус Жакерии. В противовес центристскому курсу руководства ИСП (“не участвовать, но и не саботировать”), а также ВИКТ в них зрели и усилились левые течения. Они разделяли, подобно активному участнику циммервальдского движения Д. Серрати, идеи мира без аннексий и контрибуций, критически относились к политике “социального перемирия” и “национального согласия” и уповали на социальный и антивоенный протест трудящихся, в особенности пролетариата.

Характерным свидетельством возрождения активности пролетарских масс стали антивоенные манифестации в ответ на посещение Италии в на-

чале августа 1917 г. меньшевистской делегацией Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, пропагандировавшей "войну до победного конца". Серрати, сопровождавший делегацию, впоследствии свидетельствовал, что участвовавшие во встречах многотысячные толпы были единодушны в симпатиях к революционной России и призывах покончить с войной. "Единый цвет этих бушующих дней был красный цвет. Рим, Флоренция, Болонья, Равенна, Милан, Новара, Турин приняли представителей России как вестников мира", что заставило делегацию досрочно завершить турне[189].

Вскоре после этого разразилось туринское восстание, назревавшее долгие месяцы, – реакция на нужду и лишения, введение потогонной системы тэйлоризма на промышленных предприятиях, обернувшейся снижением расценок, повышением норм выработки, травматизмом, а также на ужесточение полицейских репрессий на фабриках, заводах и в самом городе. Восстание вспыхнуло 21 августа 1917 г. стихийно в виде женских манифестаций, вызванных бесплодным ожиданием в очередях хлеба, который так и не поступил в этот день в булочные. Но уже 22 августа Турин был охвачен всеобщей забастовкой, сопровождавшейся в ряде районов баррикадными боями. Улицы города заполнились жителями рабочих районов и предместий, которые скандировали полюбившийся им припев: "Возьми ружье и брось его наземь! Мы хотим мира! И никогда больше не хотим войны!" Именно в Турине спонтанно оформился призыв "Сделать так, как в России!". Он стал программным для левых течений ИСП в конце войны и после нее.

Социалистическая секция Турина была захвачена событиями врасплох и несла немалую ответственность за то, что у повстанцев не было четкого плана действий против стягивавшихся к городу полицейских сил и воинских частей; ничего не было сделано для того, чтобы установить контакт с солдатами; восставшие не получили поддержки итальянского пролетариата в других городах. На повстанцев обрушилась карающая мощь правительственной машины. Особенно драматический и героический характер носили события в двух рабочих пригородах Турина – Борго-Сан-Паоло и Баррьере-ди-Милано. Там плохо вооруженные рабочие давали отпор правительственным войскам; женщины, рискуя собой, преграждали путь броневикам, крушившим баррикады. Десятки убитых и раненых, полторы тысячи арестованных (большинство из них предстало перед военным трибуналом и было приговорено к различным срокам тюремного заключения), карательные акции против активистов рабочего и социалистического движения – таков печальный исход жестоко подавленного антивоенного выступления, носившего ярко выраженную социальную окраску[190].

Туринские события, несмотря на попытки властей возвести вокруг них заговор молчания, обусловили дальнейшую поляризацию в ИСП течений – реформистского, центристского и "максималистского". Она взрывала компромиссную линию поведения большинства социалистических секций и подрывала усилия реформистов во главе с Биссолати (социал-реформистская партия) и Турати (ИСП) примирить классовые и национальные интересы в условиях войны. В свою очередь антисоциалистические силы, в особенности националисты, воскрешая атмосферу "майских дней" 1915 г., воспользовались туринской трагедией, чтобы объявить социалистов врагами нации и потребовать от правительства жестких мер против антивоенных сил и партий.

С новой остротой вопрос национальной консолидации общества встал в связи с катастрофой при Капоретто. Современников глубоко поразили и масштабы катастрофы, и поведение солдат 2-й итальянской армии, на которую пришелся главный удар наступавших австро-венгерских войск. По свидетельству военного министра В. Альфиери, "это была не столько недисциплинированная, сколько не осознающая саму себя толпа, забывшая о прошлом, не озабоченная будущим, которая с потухшими глазами двигалась по большим дорогам, не зная, ни куда, ни почему она идет"[191]. В беспорядочно-хаотическом движении она увлекла за собой потоки беженцев. Мирные жители оставляли в страхе перед противником родные места. Потребовалось несколько месяцев упорных усилий по восстановлению боеспособности итальянской армии[192].

Причины событий при Капоретто в течение многих лет являлись объектом острых политических дискуссий. Версия о "военной забастовке", вызванной "пораженческой" социалистической пропагандой в войсках, не получила документального подтверждения в ходе работы в 1919 г. специальной парламентской комиссии, расследовавшей причины катастрофы и меру ответственности за нее командования и правительства. И в 1919 г., и позднее во многих работах, посвященных событиям при Капоретто, признавались слабость итальянской экономики, просчеты армейского командования. К числу последних относились недооценка разведданных о сосредоточении и передислокации сил противника, прошедшая незамеченной переброска на австрийский фронт ряда отборных германских соединений, в том числе 12-й шлезвигской дивизии, превосходство артиллерии на избранном для наступления участке фронта, несогласованность действий итальянских армий. Но особое внимание уделялось моральному состоянию рядового состава – усталости от войны, беспокойству за оставшиеся нередко без средств к существованию семьи в тылу, особенно в сельской местности. На боеспособности солдат негативно сказывались тяжелые условия окопной жизни – нередко без горячей пищи, теплой и удобной одежды (в противовес находившемуся в более привилегированных условиях офицерскому составу – "сеньорам"), отсутствие должной заботы командования об отдыхе и быте солдат. Практиковались жесткие дисциплинарные меры за малейшие нарушения субординации и признаки неповиновения, вплоть до расстрелов на месте без суда и следствия. Имели место показательные экзекуции по отношению к целым воинским соединениям (Равеннская бригада в марте 1917 г., бригада Ровиге в августе того же года и др.)[193].

Из-за жесткого контроля над солдатской массой проникновение социалистической антивоенной литературы было исключительно редким явлением. Скорее речь шла о широко распространенном как в армии, так и в тылу стихийном пацифизме. Сыграл свою роль и естественный процесс взаимодействия между армией и народом, которые, по справедливому соображению Р. Монтелеоне, "по существу представляли ту же сельскую массу, волнуемую одинаковыми заботами, страстями и ожиданиями"[194].

Последствия событий при Капоретто – военные, политические, международные – оказались весьма значительными. Был осуществлен призыв молодежи 1899 г. рождения; для предотвращения крушения итало-австрийского фронта в Италию срочно перебросили с Западного фронта 11 английских и французских дивизий, составивших резерв на случай новых осложнений

(часть из них в феврале 1918 г. была вновь отправлена во Францию). В компенсацию за эту помощь Италия выделила в 1918 г. 60 тыс. человек для службы во Франции во вспомогательных частях и направила на Западный фронт два армейских корпуса.

Сменивший Кадорну новый главнокомандующий генерал Диац сделал немало для улучшения положения солдат. Он принял меры к повышению качества питания, обмундирования, ввел практику отдыха солдат и краткосрочных отпусков с передовой и т.п. Переукомплектовывались и доукомплектовывались распавшиеся было воинские части; срочно возводились укрепления по новой линии фронта на случай нового наступления противника. Весь последний год войны вплоть до октября 1918 г. командование ограничивалось оборонительными действиями, успешно отразив летнее наступление Австро-Венгрии.

В разгар вторжения неприятельских армий в жизненно важные северные области Италия пережила самый серьезный с момента "майских дней" 1915 г. политический кризис. Тогда многие политики допускали возможность крушения монархии, революции, выхода Италии из войны с катастрофическими для нее последствиями и т.п. 24 октября 1917 г. ушло в отставку правительство Бозелли.

Через неделю завершилось формирование нового кабинета "национального согласия" во главе с Орландо. Он получил поддержку парламентского большинства во многом благодаря политической программе действий, изложенной Орландо еще до падения правительства Бозелли 20 октября и получившей дальнейшее обоснование в ходе первых заседаний нового состава совета министров. Новый премьер выказал себя противником военной диктатуры, на введении которой настаивали многие "интервентисты", и подтвердил свою приверженность парламентским формам правления. Он признал бесплодность и даже опасность ставки лишь на репрессии в обстановке чрезвычайного кризиса. Вместе с тем Орландо, в соответствии с настроениями политической элиты, подтвердил решимость к сопротивлению неприятелю любой ценой, до последних возможностей[195]. Обладая немалым политическим опытом и хорошим знанием положения в стране, в качестве главы кабинета (и по совместительству министра внутренних дел) он проявил немалые административные способности. Ему удалось наладить отношения с новым главнокомандующим, обеспечить поддержку правительству в парламенте со стороны не только "интервентистски" настроенных фракций, но и значительной части нейтралистов в лице видных парламентариев-джолиттианцев и депутатов-социалистов, в особенности Ф. Турати, К. Тревеса и др.

Орландо на завершающем этапе войны лучше прежних премьеров ощутил новые черты политической жизни, обусловленные вторжением масс в политику. Излагая программу кабинета в парламенте 16 ноября 1917 г., он сделал характерное заявление: "Правительство знает, – сказал он, – что армия и есть вооруженный народ и что она является его единственным и прямым представителем. В условиях современной войны не может быть политики, которая бы не выполняла военные функции, подобно тому, как руководство войной неминуемо находится в тесной взаимосвязи с потребностями сложной жизни страны. Не существует двух Италий: одной, которая сражается и умирает, другой – там, где дислоцируются люди и средства, в которых нуждается армия. Есть только одна Италия, одно правительство, и только

одна воля и долг для всех: дать отпор неприятелю и победить его; победить его силой оружия, победить его внутренним сопротивлением страны"[196]. Такой подход предполагал более тесную координацию действий гражданских и военных властей, внутренней и внешней политики. Но вместе с тем в курсе Орландо содержалась и серьезная претензия на то, чтобы навести политические мосты между государством и обществом, правительством и страной, воспользовавшись с этой целью определенным подъемом патриотических настроений в стране, связать дело мира с обеспечением военной победы и территориальных приращений, а также с перспективой политических и социальных реформ.

После катастрофы при Капоретто итальянским правящим кругам с бóльшим успехом, чем в первые годы, удалось придать войне Италии в рамках Антанты характер "последней войны Рисорджименто". Роль освободителей итальянского населения на пограничных с Италией территориях и победителей в трудной исторической битве во многом видоизменила восприятие войны участниками исторического броска к Витторио-Венето, Граппа и другим северо-восточным территориям. 3 ноября 1918 г. подписанием в Вилла-Джусти близ Падуи акта о перемирии закончилась для Италии мировая война. Выступая в Турине в связи с одержанной победой и освобождением Триеста и Трентино, Орландо подчеркнул, что эти события стали завершающей вехой Рисорджименто – борьбы за объединение и возрождение Италии[197]. Однако впереди предстояли трудные дипломатические баталии вокруг судьбы щедрых союзнических посулов. Впереди была осложненная последствиями войны и экономической разрухой мирная "реконструкция" страны. Ей сопутствовали мощный подъем рабочего и крестьянского движения в 1919–1920 гг., а также кризис и крах либерального государства перед лицом поднимавшегося как на дрожжах фашизма – одного из страшных прямых последствий войны.

4. США: у порога "американского века"

Начало мировой войны застало Америку на этапе реформ, проводившихся пришедшим к власти на президентских выборах 1912 г. правительством демократов во главе с Вильсоном. Целью их была модернизация законодательства в области социально-экономического развития, осуществление ряда мер, регулирующих стихийное действие рыночных сил и улучшающих положение низших сословий, малоимущих граждан. Вслед за мерами, направленными на совершенствование таможенной и налоговой политики (закон Андервуда от октября 1913 г.), банковской и финансовой системы (Федеральный резервный акт от декабря 1913 г.), осенью 1914 г. получило развитие антимонопольное и трудовое законодательство. Согласно законам от 26 сентября и 15 октября (Клейтона) была создана Федеральная промышленная комиссия для расследования деятельности корпораций, прибегавших к "нечестной" практике, несколько ограничивалась возможность преследования профсоюзов по закону Шермана (1890 г.) и использования против них судебных предписаний.

Были приняты законы Р. Лафоллета о регулировании труда моряков гражданского морского флота (март 1915 г.), Китинга–Оуэна об ограниче-

нии детского труда (сентябрь 1916 г.). Тогда же угрозу остановки работы транспорта вследствие надвигавшейся стачки профсоюзов железнодорожников удалось предотвратить только путем спешного принятия закона Адамсона о введении для них 8-часового рабочего дня. Поддерживая эти меры, Вильсон учитывал фактор неумолимо приближавшихся президентских выборов (в ноябре 1916 г. он был переизбран). При демократической администрации был усилен федеральный контроль за использованием природных ресурсов (лесов, рек, залежей полезных ископаемых). Этому способствовали законы об аренде 1915 г. и Шилдса 1916 г. Закон Смита–Левера (май 1914 г.) стимулировал распространение сельскохозяйственных знаний и использование фермерами передовых методов хозяйствования; проводилась политика поддержки науки на уровне частных фирм, поощрения специального и технического образования молодежи. Все это вполне укладывалось в русло прогрессивных реформ и одновременно готовило страну к перестройке на случай вступления в войну[198].

События апреля 1917 г., положив начало новой полосе в жизни американского общества, придали особый динамизм процессам перестройки. "Чрезвычайные" условия войны были отмечены значительным усилением роли государства, прежде всего исполнительной власти, в решении ключевых проблем общества. Законы Левера (10 августа 1917 г.) и Овермена (10 мая 1918 г.) предоставляли президенту самые широкие полномочия. Он мог издавать распоряжения о мерах, необходимых для обеспечения продовольствием, боеприпасами и топливом армии и флота, а также для борьбы со спекуляцией; создавать ведомства для проведения этих распоряжений в жизнь; в случае необходимости реквизировать товары с компенсацией потерь владельцу, и ряд других. Попытки Конгресса поставить под контроль действия президента и его министров – вроде предложения сенатора Дж. Чемберлена в январе 1918 г. создать специальный военный кабинет из "трех выдающихся граждан" – отвергались главой исполнительной власти как "препятствующие" успешному ведению войны[199].

Вильсон высказывал ту точку зрения, что исход войны помимо удач на полях сражений решат профессионализм, трудолюбие, нестандартные решения политических лидеров воюющих государств, их деловых элит. "В этой войне нет места дилетантизму, стихийному чувству", – подчеркивал Вильсон 12 мая 1917 г.[200] В развитии этой концепции важным этапом на пути создания государственного механизма регулирования военной экономики стала деятельность группы крупных менеджеров – У. Гиффорда, Г. Коффина, Х. Годфри и ряда других, объединенных в Комитет промышленной готовности при Консультативном управлении военно-морского флота. Они провели предварительный анализ возможностей тысяч предприятий на случай перевода их на выпуск военной продукции, а летом 1916 г. была образована Совещательная комиссия при Совете национальной обороны (СК СНО), которую возглавил железнодорожный магнат Д. Виллард. В марте 1918 г. на смену ей пришло Управление военной промышленности (УВП) во главе с крупным нью-йоркским финансовым деятелем Б. Барухом, унаследовавшее от Совещательной комиссии основные функции и структуру.

В управление входили 57 отделов, осуществлявших свою деятельность посредством контактов с несвязанными с ними формально 157 комитетами, представлявшими предпринимателей каждой из отраслей промышленности.

В тех из них, где господствующее положение занимали одна или несколько корпораций, во главе предпринимательского комитета вставали их представители: "Интернэшнл никел" – производство никеля, "Алюминиум компани оф Америка" – производство алюминия и др. Более сложной была процедура выбора в отраслях, где не имелось явных лидеров[201]. В основе политики СК СНО, затем УВП лежал принцип приоритетов – первоочередного обеспечения военного производства материалами, транспортными средствами, рабочей силой за счет выпуска менее важных товаров. Стимулировались переход частных компаний на выпуск оборонной продукции, стандартизация производства, внедрение прогрессивных форм организации труда, разработка и применение новых материалов.

Государство контролировало цены на продукцию. Их уровень поддерживался на достаточно высоком уровне, чтобы заинтересовать производителя, но был ниже рыночного. Цены определялись посредством переговоров между представителями правительства и предпринимателей[202]. Вообще отношения между государством и капиталом в годы войны носили вполне партнерский характер. Решения совещания крупнейших промышленников и финансистов в Атлантик-сити в сентябре 1917 г. говорили об их согласии в "чрезвычайных условиях" передать правительству контроль над работой экономического механизма страны в целом; разраставшиеся чиновничьи структуры наполнялись переходившими на государственную службу за символическую плату в 1 долл. в год бизнесменами. В июле 1917 г. Вильсон, выражая широко распространенное в обществе мнение, утверждал: в условиях беспощадной войны, полной мобилизации сил нации понятия "патриотизм" и "прибыли" нельзя даже упоминать вместе. И частные компании предпочитали действовать, сообразуясь с установленными правительственными ведомствами "правилами игры". Если же предприниматель проявлял строптивость, то у правительства имелся широкий выбор рычагов для воздействия на него: налоговый пресс, сила общественного мнения, передача контракта конкурирующей фирме, наконец, строительство казенных заводов – как это случилось в 1918 г., когда фирма Дюпонов отказалась выполнять государственный заказ на производство взрывчатых веществ[203].

Все это говорило о том, что, решая экономические проблемы, демократы одновременно искали пути создания атмосферы социального партнерства, убеждая граждан в справедливом отношении государства ко всем общественным группам и слоям. В поисках новых источников доходов казны и форм контроля прибылей корпораций и доходов граждан государство, в соответствии с принятым 3 октября 1917 г. законом значительно увеличило налоги – подоходный и на сверхприбыли, ввело дополнительный налог (surtax), увязывая его размеры с величиной дохода. Впрочем многие известные прогрессисты – в частности, сенатор У. Бора – выражали недовольство законом, полагая, что следует идти значительно дальше в ограничении военных прибылей, снимая налоговое бремя с плеч простых людей, которым приходится жертвовать самым необходимым[204].

Сумма собранных в период участия США в войне налогов составила 10,7 млрд долл. Основным же источником ее финансирования стало распространение займов. Они позволили казне получить 23 млрд долл. Главными покупателями государственных бумаг были состоятельные слои общества: облигации на сумму более 10 млрд долл. были приобретены гражданами с

доходами, превышавшими 2 тыс. долл. в год, на 6 млрд – банками и корпорациями. Остальные были куплены простыми тружениками с доходами, не превышавшими 2 тыс. долл. в год[205]. "Займы свободы" увенчались успехом.

Резкое увеличение спроса на сельскохозяйственную продукцию заставило быстро решать проблемы ее производства. С этой целью в мае 1917 г. была создана Продовольственная администрация во главе с известным предпринимателем Гувером. Объем производства резко возрос: с 6,14 млрд долл. в 1913 г. до 14,22 млрд долл. в 1918 г. По-своему подошел Гувер и к проблеме распределения продуктов. Добиваясь экономии, он отказался от европейской идеи их принудительного нормирования, более полагаясь на добровольное сотрудничество граждан. В ходе широкой пропагандистской кампании каждая семья брала на себя обязательство исполнить патриотический долг: в определенные дни не употреблять мяса или хлеба, консервировать продукты на зиму, использовать приусадебные участки для выращивания овощей. Твердые цены были установлены на пшеницу – 2,2 долл. за бушель; гарантом их сохранения на этом уровне выступала созданная в августе 1917 г. Зерновая корпорация с капиталом в 150 млн долл. Специальное ведомство занималось стабилизацией цен на сахар и его распределением. Что касается цен на остальную фермерскую продукцию, то они поддерживались на уровне достаточно высоком, чтобы ее было выгодно производить, и достаточно разумном, чтобы не разорять приобретавшую ее казну. Регламентировалась прибыль всех звеньев производства готовых сельскохозяйственных продуктов, устанавливались жесткие правила ее хранения, за их нарушения, в частности за спекуляцию продуктами, предусматривалось суровое наказание[206].

Государство оказывало поддержку в первую очередь высокопродуктивным, специализированным фермерским хозяйствам. Число работавших на местах государственных сельскохозяйственных экспертов-агентов увеличилось вдвое, достигнув 4 тыс. человек, а их права были существенно расширены: в их функции входило распределение семян, техники, рабочей силы. Союз агентов с верхушкой фермерства, к которому привлекались местные торговцы, банкиры, предприниматели, становился основой фермерских бюро – организаций весьма консервативной политической ориентации (общенациональное объединение – Американская федерация фермерских бюро – было создано позднее, на рубеже 1919–1920 гг.). Численность других организаций фермерства – Фермерского союза, грейнджеров – в годы войны существенно не изменилась. Созданная в Северной Дакоте в 1915 г. прогрессивная Беспартийная лига, поддерживавшая вильсоновский внешнеполитический курс, тем не менее переживала нелегкие времена. Антимонополистическая направленность ее деятельности, приверженность многих лидеров (особенно на местном уровне) социалистической идее позволили консервативным лидерам патриотических организаций и многим государственным чиновникам обвинить лигу в радикализме и подвергнуть преследованиям. Она, однако, не только выстояла, но и распространила свое влияние на соседние штаты, значительно пополнив свои ряды (1918 г. – 188 тыс. человек)[207].

Созданная в августе 1917 г. Топливная администрация во главе с Г. Гартфильдом уже через месяц начала регулировать цены на уголь. Пик ее активности пришелся на холодную зиму 1917/18 гг., когда нехватка топлива на

северо-востоке поставила под угрозу жизнь людей, промышленное производство, отправку грузов союзникам. Жесткое решение Гартфильда в середине января закрыть на пять дней все не связанные с военным производством фабрики к востоку от Миссисипи изменило ситуацию к лучшему; в ряде штатов были установлены твердые цены на уголь (от 2,45 до 2,65 долл за т). В стране проводилась кампания экономии гражданами топлива, "добровольного" отказа от его использования семьями в один из дней недели, и т.д.[208]

Вмешательство государства в решение экономических проблем было глубже там, где очевиднее становилась неспособность частного капитала справиться с ними самостоятельно – в силу конкуренции компаний, их нежелания брать на себя неизбежный предпринимательский риск, связанный с большими капиталовложениями, и другими причинами. Работу железных дорог еще в период нейтралитета признавали неудовлетворительной сами владельцы и пытались изменить положение. В октябре 1916 г. они создали Совещательный комитет по транспорту, позднее, в апреле 1917 г. образовали Комитет национальной обороны Американской ассоциации железных дорог. И только после того, как эти усилия серьезных результатов не дали, президент Вильсон в декабре 1917 г. вынужден был установить государственный контроль над транспортом. Владельцы железных дорог при этом получили солидную компенсацию в размере среднего чистого дохода за предыдущие три года (1914–1916)[209].

Государство, опираясь на принятый 7 сентября 1916 г. закон, занялось строительством современного флота (создание Судостроительного управления во главе с У. Денманом, а также летом 1917 г. Чрезвычайной администрации флота во главе с У. Геттелсом)[210]. Эти меры, как и установление самого жесткого контроля государства над внешнеэкономической деятельностью (распоряжение президента от 28 июня 1917 г., закон "О торговле с неприятелем" от 12 октября 1917 г., создание Военно-торгового управления и ряда иных надзирающих ведомств), помимо всего прочего имели целью поощрение экспансии американского капитала за рубежом. Государство стремилось придать большую гибкость и эффективность действиям фирм и банков. Для этого 10 апреля 1918 г. был принят закон Уэбба–Померена о неприменении антитрестовских законов к занятым во внешней торговле ассоциациям. Создавались новые государственные ведомства, например в 1916 г. – Федеральная тарифная комиссия. Госдепартамент и министерство торговли проявляли особое внимание к изучению зарубежных рынков и к защите там интересов американских бизнесменов и финансистов. Последние активно воспользовались поддержкой. К примеру, "Нэшнл сити бэнк" открыл отделения в Италии и России (миссия Г.Ф. Мезерва в Россию в конце 1915–1916 гг.), укреплял свои позиции в Китае и в странах Латинской Америки[211].

Властно вмешиваясь в сферу хозяйственной деятельности, государство прибегло к "национализации" сознания миллионов американцев. Заставить их отказаться от антивоенных убеждений должна была беспрецедентная кампания психологической обработки населения. Ее мастерски осуществлял созданный в апреле 1917 г. Комитет общественной информации во главе с известным журналистом, личным другом Вильсона Дж. Крилом. Используя его, правительство многократно усилило контроль над информацией. Публиковались огромными тиражами памфлеты и листовки, плакаты и

реклама; тысячи специально подготовленных уличных ораторов разъясняли американцам политику государства, акцентируя внимание на то, как следует вести себя подлинному патриоту Америки. Только один из многочисленных памфлетов – "Как война пришла в Америку?" – был издан тиражом 6,7 млн экземпляров на семи языках, включая португальский! На Крила работали известнейшие художники, артисты, музыканты, киноактеры. Эффективной работой Комитета Крила в немалой степени объясняется перелом в массовом сознании в пользу участия США в войне, который обозначился через несколько месяцев после вступления в нее. К середине 1918 г. Америку захлестнула шовинистическая волна[212].

Вступление США в войну раскололо на неравные сегменты интеллектуальную элиту общества. Немногие – вроде молодого издателя журнала "Севен артс" Р. Берна – осмелились сохранить верность антивоенным убеждениям, утверждая, что во внутриполитической жизни теперь возобладают консервативные и реакционные тенденции. Большинство же известных либералов, и среди них У. Липпман, Дж. Дьюи, Г. Кроули, У. Уэйл, поддержали Вильсона и объявленные им цели участия США в войне: борьбы с германским деспотизмом и милитаризмом, достижения равноправия больших и малых народов, создания международной организации безопасности. При этом они надеялись, что избранный администрацией демократов до апреля 1917 г. курс социальных реформ не будет прерван. Со своей стороны президент привлекал ученых и журналистов на государственную службу. Примерами могут служить упомянутый Дж. Крил, военный министр Н. Бейкер, министр военно-морского флота Дж. Даниельс, У. Липпман, аналитический дар которого президент использовал и для изучения положения в Европе, и для создания собственной программы послевоенной организации мира. Их свежие идеи и личную преданность Вильсон высоко ценил[213].

Среди тех, кто решительно уселся в "одну лодку с президентом", поддержав его внешнеполитический курс, оказалось и большинство профлидеров Американской федерации труда во главе с консерватором С. Гомперсом. За это они были негласно признаны правительством в качестве представителей организованных рабочих. Успехи профсоюзов выглядели впечатляющими; их численность выросла в 1916–1919 гг. с 2,77 млн до 4,12 млн человек. Значительное увеличение производства, высокие прибыли корпораций, резкое сокращение безработицы и фактическое прекращение иммиграции из Европы позволили рабочим и профсоюзам увеличить давление на предпринимателей. Многочисленные стачки (их в 1917–1918 гг. состоялось 7803) носили в основном экономический характер. Сопротивление работодателей, желавших в полной мере использовать выгодную конъюнктуру и не допустить остановок производства, благодаря благожелательной позиции Вильсона к профсоюзам было ослаблено; рабочие получили весьма ощутимые уступки. Увеличивалась зарплата трудящихся (учитывая сверхурочные, оплачивавшиеся в полуторном размере); во многих отраслях заключались коллективные соглашения; устанавливался 8-часовой рабочий день. Профсоюзная пресса писала о росте материального благосостояния рабочих, появлении у них счетов в банках, приобретении машин, домов. Эра "процветания" начинала свое шествие. Такому положению в немалой степени способствовала весьма либеральная политика созданных для регулирования трудовых отношений государственных ведомств – Национального военного

управления труда (создано 8 апреля 1918 г.) и Управления военной рабочей политики (действовало с марта 1918 г.)[214].

Однако уступки со стороны государства и капитала профсоюзным вождям приходилось отрабатывать: им отводилась инициативная роль в поддержании атмосферы "национального единства" в обществе, подавлении недовольства и движения левой оппозиции в профсоюзах, борьбе с радикальными и социалистическими силами. Боевая анархо-синдикалистская организация "Индустриальные рабочие мира" (ИРМ), Социалистическая рабочая партия, самая массовая Социалистическая партия Америки весной 1917 г. провозгласили себя принципиальными противниками империалистической войны. В сознании же обывателя эти организации соединяли в себе два "крамольных" начала: антивоенное и радикальное. Незамедлительно на левых обрушился град репрессий, подкрепленных принятыми в 1917–1918 гг. законами о шпионаже (июнь 1917 г.), мятежах и подрывной деятельности (май 1918 г.) и рядом иных. Руководителей социалистического движения приговаривали к длительным срокам тюремного заключения. В 1918 г. на 10 лет за антивоенные выступления был осужден популярнейший социалист, кандидат в президенты США в 1912 г. Ю. Дебс. Имелись случаи самосуда (убийство видного деятеля ИРМ Ф. Литтла в августе 1917 г.); левая пресса лишалась права рассылки по почте. В ряде мест социалистическое движение, однако, выстояло. На выборах мэра Нью-Йорка в ноябре 1917 г. социалист М. Хилквит получил в пять раз больше голосов, чем обычно собирали социалисты на подобных выборах[215].

Не лучшие времена переживало пацифистское движение. Деятельности прогрессивного массового созданного в мае 1917 г. Народного совета воспрепятствовали власти и патриотические организации. Другие антивоенные объединения, учитывая обстановку в стране, травлю инакомыслия, либо утратили свое влияние, или, как это сделало отпочковавшееся от Американского союза против милитаризма Национальное бюро гражданских прав, изменили основное направление своей деятельности[216].

А вот патриотические, провоенные организации под самыми различными названиями: "советы безопасности", "женские комитеты защиты", "советы бдительных" – росли, как грибы после дождя. Их функции дублировали и дополняли друг друга, их активные действия пользовались поддержкой государственных властей самого разного уровня. Стихийно складывался механизм контроля над действиями каждого американца. Труд без забастовок, материальная поддержка правительства (приобретение "займов свободы", своевременная уплата налогов), участие в проводимых государством кампаниях (вроде гуверовских) и деятельности провоенных организаций считались нормой патриотического поведения и обеспечивали известный рост материального благосостояния человека и его семьи. Любые отклонения от стандарта поведения карались. Против завышавшего цену предпринимателя, придерживавшего зерно фермера, отказывавшегося приобретать "займы свободы" рабочего последовательно использовался весь арсенал средств воздействия. Его уговаривали "вести себя, как надо", потом применялись меры административного и экономического давления (увольнение, отказ от заключения сделок), физического принуждения (человек подвергался издевательствам со стороны "товарищей по работе" или толпы "бдительных" граждан)[217].

Контраст между провозглашенными президентом либеральными внешнеполитическими целями и удушающей шовинистической атмосферой внутри общества был слишком очевиден. Это привело к падению популярности партии Вильсона среди избирателей. Между тем сам президент не расставался со своими убеждениями прогрессиста и миротворца. Однако слабые попытки с его стороны остановить беззаконие и травлю инакомыслия в стране только пополняли ряды противников. Расплата наступила в конце 1918 г.

К этому времени республиканцы оправились от поражений 1912 и 1916 гг. и сплотили свои ряды. Популярнейший лидер Т. Рузвельт, национальный председатель У. Хейз налаживали отношения между консервативным крылом (сенаторы Г.К. Лодж, Дж. Уикс, Р. Тафт) и прогрессивным (сенаторы Х. Джонсон, Р. Лафоллет). Демократы же, за редким исключением, сохраняли верность президенту: оппозиция Вильсону воспринималась ими как противодействие политике, ведущей американский народ к победе в войне, и как попытка расколоть партию. Вместе с тем сторонники Вильсона осознавали опасность роста консервативных настроений в стране, появления мощного изоляционистского, антиевропейского лобби. На состоявшихся в ноябре 1918 г. выборах в Конгресс республиканцы получили большинство в обеих палатах парламента. Их успех объяснялся не только "поправением" американского общества и опасениями рядовых американцев быть втянутыми в европейские дела. Свою роль сыграли и партийно-политические факторы. Победу партии Вильсона на выборах 1916 г. обеспечил союз традиционно голосовавшего за демократов Юга с фермерским Западом. В 1918 г. Вильсон в значительной мере утратил поддержку последнего, отказавшись повысить цены на пшеницу – в условиях их роста на другие товары[218]. Поражение демократов в Конгрессе имело далеко идущие последствия. Год спустя Конгресс отказался ратифицировать Версальский мирный договор, "пустив под откос" важнейшие внешнеполитические начинания Вильсона.

Действительно, период войны во многом определил течение жизни американского общества, стал узловым в постановке проблем, которые ему пришлось решать многие десятилетия. По завершении войны предприниматели перешли в контрнаступление, стараясь отобрать у трудящихся сделанные "уступки". Это вызвало в 1919–1920 гг. небывалый подъем экономической и политической борьбы, острейшие классовые столкновения – всеобщую забастовку в Сиэтле, стачки шахтеров и сталелитейщиков, и ряд иных; усиление радикальных и социалистических тенденций в рабочем движении США (образование коммунистической партии в 1919 г.). Как ответная реакция – небывалый всплеск антирадикальной истерии, борьбы против "красной опасности"[219]. Разочарование в итогах войны, утраченные надежды на утверждение справедливого миропорядка на основе вильсоновских идей выразились в охватившем американское общество меркантилизме, кризисе либеральной мысли. И вместе с тем 1914–1918 гг. дали богатый опыт государственного "дирижизма" в "кризисной ситуации", во многом подготовив и реформы "нового курса", так же как и регулирование экономики и социальных отношений в период второй мировой войны. Молодой Ф.Д. Рузвельт постигал вильсоновские университеты, занимая в администрации демократов пост помощника морского министра.

В годы войны в поисках высоких заработков, лучших условий жизни и труда, защиты от социальной и расовой дискриминации в массовых масштабах происходила миграция черных американцев с Юга в города Севера. Если в 1880–1910 гг. число переселенцев не превышало за десятилетие 67 тыс. человек, то в 1910–1920 гг. эта цифра увеличилась до 700 тыс.; пик “исхода” пришелся на 1916–1920 гг. Ожидания переселенцев оказались в немалой степени обманутыми. Им пришлось адаптироваться к высоким ценам, укладу и темпам жизни в индустриальных городах, столкнуться с особыми формами расовой дискриминации. Проблема негритянских гетто в крупных городах Севера обозначилась с чрезвычайной остротой[220].

Остро встал вопрос и о роли женщин в обществе и их правах. Десятки тысяч американских женщин влились в производство, в армию, выполняли “мужскую” работу. В августе 1920 г. была принята поправка к конституции, предоставлявшая женщинам избирательные права. Это стало не только следствием длительной борьбы суфражистских организаций во главе с Национальной ассоциацией за избирательные права американских женщин, но и признанием их вклада в строительство индустриальной Америки и в демократический процесс[221]. С другой стороны, война ослабила напряжение, которое десятилетиями вызывалось в обществе иммиграционной проблемой. Иммиграция резко сократилась; в 1915–1918 гг. в США въехало немногим более полумиллиона человек (в 1913–1914 гг. это число составляло 2,2 млн человек). “Плавильный котел” работал на полную мощность, позволяя и заставляя миллионы иммигрантов быстрее адаптироваться к условиям жизни в Соединенных Штатах. Принятие законов 1917–1918 гг., нацеленных на ограничение въезда (введение “тестов грамотности”, мер по обеспечению политической благонадежности въезжающих), свидетельствовало о нежелании значительной части американской политической элиты возвращаться к предвоенной либеральной иммиграционной политике[222].

Война по многим параметрам подвела итог не только XIX в., но и генеральной расстановке сил на мировой арене. США внесли весомый вклад в торжество антигерманской коалиции: предоставлением займов, поставками товаров, участием своего флота и войск в совместных боевых операциях. Из авансированных союзникам в годы войны 7,1 млрд долл. впоследствии пришлось списать до половины. На этом настояли Великобритания, Франция и Италия, указывавшие на их роль и жертвы в войне, бедственное состояние разрушенной экономики.

Приобретения же США были поистине громадными. Война создала условия для возвышения Америки как ведущей индустриальной державы мира, его финансового и научно-технического центра. Этот качественный скачок определялся в первую очередь беспрецедентным ростом экономического могущества США. Национальное богатство, оценивавшееся в 1912 г. в 187,7 млрд долл., в 1920 г. составило 290 млрд долл. Индекс промышленного производства вырос за годы войны на 32%; США давали более половины мирового производства станков, черных металлов, угля; 85% автомобилей; почти 70% добычи нефти. Корпорации, лидеры которых неизменно подчеркивали свой патриотизм и исправно платили налоги, тем не менее получили огромные доходы. Их чистая прибыль, составившая в 1914 г. 2684 млн долл., в 1917 г. увеличилась в три раза – до 7958 млн долл. Золотой запас США вырос в 1914–1918 гг. с 1,53 млрд долл. до 2,87 млрд.

Опираясь на обретенное экономическое могущество, США развивали внешнеэкономическую экспансию. Впечатляюще выглядели цифры экспорта товаров: в 1920 г. США вывезли их на сумму 8,08 млрд долл. (в 1914 – на 2,33 млрд долл.). Кардинально изменилась роль США в мировых финансах. Если в начале войны их внешний долг составлял 3,7 млрд долл., то в 1919 г. Америка превратилась в крупного кредитора, ссудившего другим странам приблизительно ту же сумму[223]. США в годы войны "накачивали мускулы" – создавали современные армию и флот. В конце 1918 г. ВМФ США увеличился в 7 раз по сравнению с 1914 г. и насчитывал 2000 боевых кораблей. Располагая в 1914 г. армией в 260 тыс. человек, к ноябрю 1918 г. США имели "под ружьем" около 4 млн – из них 2 млн в Европе[224].

За годы войны американцы выработали более изощренную дипломатию, питавшуюся соками вильсоновского "нового миропорядка". Преемственность обнаружилась в последующие годы, когда США, официально дистанцируясь от европейских дел и конфликтов стран Старого Света, активно развивали "долларовую дипломатию", увеличивали свой политический вес в различных регионах мира. Вашингтон приступил к активной пропаганде преимуществ американской демократии и стандартов жизни. Пребывавшие в тени великих европейских держав в решении вопросов глобальной политики до войны 1914–1918 гг., США по ее завершении не только вошли в элиту государств, определявших судьбы потрясенного войной мира, но и претендовали в ней на лидерство.

5. Война и восточные союзники Антанты (Япония и Китай)

Особое место в ходе войны принадлежало соперничеству между воевавшими группировками в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в первую очередь в Китае. Уже к концу XIX в. здесь все явственнее проявлялось столкновение интересов Великобритании, Франции, Германии, России и Японии. Не желали упускать свой шанс в колониальной эксплуатации Китая и США.

Масштабы распространения экспансии западных держав на китайский рынок в 1880 г. характеризовались следующими цифрами: из 385 иностранных торговых фирм в Китае насчитывалось 236 английских, 65 германских, 16 французских, 37 американских. В начале XX в. удельный вес капиталовложений держав в Китай составил: Великобритании – 33,0%, России – 31,3, Германии – 20,9, США – 2,9, Франции – 11,6, Японии – 0,1%, Бельгии – 0,6, других стран – 0,05%[225].

К началу первой мировой войны Германия имела в Азиатско-Тихоокеанском регионе опорные базы, которые позволяли ей успешно отстаивать свои экономические интересы в Китае и Восточной Азии в целом. Однако Германия не располагала на Востоке значительной военной силой, позволявшей ей всерьез противостоять здесь другим европейским государствам, а также Японии. Начавшуюся войну в Японии рассматривали как весьма удобную возможность попытаться захватить прежде всего приморские районы Китая и обеспечить свой контроль над северной частью Тихого океана. Считалось, что этого можно добиться, приняв непосредственное участие в военных действиях. Однако Япония не сразу решила, на чьей стороне всту-

пить в войну. Альтернативой присоединения к державам Антанты был вариант выступить на стороне Германии и попытаться в ходе войны вытеснить из Китая Великобританию и другие колониальные державы. Но воевать со странами Антанты было опасно и еще не под силу Японии. Гораздо проще казалось, прикрываясь союзническими отношениями с Великобританией, захватить в качестве "трофеев" германские владения в Китае и на Тихом океане.

Такие замыслы Токио вызывали серьезные опасения государств Антанты, в первую очередь Великобритании, не желавших усиления позиций Японии в Азии за счет европейских держав. Еще 1 августа 1914 г. британский министр иностранных дел Грей дал понять японскому послу в Лондоне, что победа над Германией может быть достигнута и без участия Японии[226]. Было ясно, что англичане имели свои виды на германские дальневосточные и тихоокеанские колонии и отнюдь не собирались их кому-либо отдавать. Лондон упорно пытался ограничить участие Японии в войне действиями японского флота в китайских водах против германских военных кораблей, при этом особо высказываясь в том смысле, что на Тихом океане Япония должна ограничиться защитой торговых путей. Токио это не устраивало.

Воспользоваться тем, что колониальные державы заняты войной в Европе, рассчитывали и США, которые по мере укрепления экономической мощи все чаще рассматривали Тихий океан и омываемые его водами страны как сферу своих интересов. Выдвинув доктрину "открытых дверей" в Китае, Вашингтон стал препятствовать превращению Восточной Азии в один из театров мировой войны, в частности протестуя против военных действий в зоне германских владений, в провинции Шаньдун. 11 августа 1914 года госдепартамент США обратился к правительствам Великобритании и Германии с предложением "поддерживать статус-кво на Дальнем Востоке" до окончания войны[227].

Такая политическая линия противоречила планам Японии. Для прикрытия замысла опередить другие державы в захвате германских владений премьер-министр Японии С. Окума выступал с официальными заверениями, что Япония якобы "не имеет никаких территориальных притязаний в Восточной Азии"[228]. В действительности же именно территориальные приобретения лежали в основе решения Токио, вопреки пожеланиям стран Антанты и США, вступить в первую мировую войну. В еще меньшей степени японское правительство учитывало позицию самого 400-миллионного Китая, правительство которого, заявив 6 августа о нейтралитете, обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на китайскую территорию, арендованную Германией, Великобританией, Россией и Японией, а также в китайские воды.

Хотя военные действия Японии не шли ни в какое сравнение с кровопролитными сражениями в Европе, Япония рассматривала себя равноправной союзницей стран Антанты, внесшей военный вклад в победу над Германией и Австро-Венгрией, а потому считала правомочным претендовать на все германское наследство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако гарантии, что западные державы согласятся с обладанием Японией всеми оккупированными в годы войны территориями, никто ей не давал. Это раздражало японское правительство, особенно военные круги, которые прямо заявляли, что господствовать в Восточной Азии должна "страна Ямато" (Япония).

18 января 1915 г. японское правительство предприняло попытку заставить власти Китая признать главенствующее положение Японии на территории этой страны. Правительству президента Юань Шикая был вручен документ, получивший в истории название "21 требование". Требования были разделены на пять групп, четыре из которых включали в себя условия, предусматривавшие передачу Японии прав на бывшее германское владение в Шаньдуне, расширение привилегий в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, отказ Китая от предоставления третьим странам прав на аренду китайских портов и островов; строительство дорог, портов, хранилищ и складов должно было перейти в руки японских концернов.

В соответствии с пятой группой требований устанавливалось руководящее положение японцев в государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая. Китайское правительство обязывалось приглашать японцев в качестве политических, финансовых и военных советников. Китай должен был приобретать в Японии свыше 50% необходимого ему вооружения, создавать на своей территории объединенные японско-китайские арсеналы оружия. Японцы претендовали на установление своего контроля над большей частью морского побережья Китая[229]. Удовлетворение этих требований напрямую ущемляло суверенитет Китая, ставило его в зависимое положение от Японии. Речь шла уже не о правах Японии в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии, и не о Шаньдуне, который японцы считали "завоеванным", но о фактическом установлении японского протектората над всем Китаем.

Патриотические силы Китая предприняли попытки противостоять японскому диктату, рассчитывая на поддержку США, Великобритании и Франции. Однако эти расчеты не оправдались: американцы и англичане, не желая обострять отношения с японцами, рекомендовали китайскому правительству во избежание прямого конфликта с Японией пойти на частичное удовлетворение ее требований[230]. Для "подкрепления" своих требований Япония направила 7 тыс. дополнительных войск в Южную Маньчжурию и Шаньдун, а в начале мая 1915 г. объявила о мобилизации сухопутных и морских сил. Ночью 7 мая японские власти вручили китайскому правительству ультиматум, на принятие которого давалось 48 часов. 9 мая Юань Шикай, опасаясь, что японцы прибегнут к военной силе, принял большинство условий, за исключением пятой группы требований, и 25 мая подписал соответствующие японско-китайские соглашения. День принятия "21 требования" – 9 мая – стал в Китае "днем национального позора".

В стране развернулось массовое антияпонское движение. Юань Шикай, чтобы укрепить свою власть, решил восстановить в Китае свергнутую в 1911 г. монархию. Прибегнув к древним китайским махинациям, он разослал агентов во все концы страны, чтобы они собирали петиции, требовавшие восстановления императорской власти и восхождения Юань Шикая на престол. В декабре 1915 г. он объявил о своем предстоящем вступлении на трон, в чем сразу же заручился поддержкой США и Германии. Японцы, зная об ориентации Юань Шикая на европейские державы, поначалу воспротивились планам монархического переворота под предлогом опасности беспорядков. Но затем, рассчитывая сбить накал антияпонского движения в Китае, они скрепя сердце все же согласились на провозглашение Юань Шикая императором. Однако теперь уже антимонархические выступления

китайской общественности вынудили его дважды откладывать восстановление монархии. Декларация независимости Лян Цичая в провинциях Юньнань и Хучжоу зажгла пожар восстания, который быстро распространялся по провинциям Квантун и Гуанси и достиг долины реки Янцзы. Конфликт разрешился неожиданным образом – в июне 1916 г. Юань Шикай внезапно умер. С его смертью канули в Лету и замыслы о создании новой династии в Китае.

В Пекине пришло к власти прояпонское правительство генерала Дуань Цижуя. Добиваясь положения полновластного хозяина Китая, он сделал ставку на японцев, постепенно сам превращаясь в их ставленника. При этом важную роль играла щедрая финансовая поддержка, оказывавшаяся Дуань Цижую и его окружению со стороны японского правительства. С января 1917 по сентябрь 1918 г. японцы оказали ему крупную финансовую помощь, передав 145 млн иен[231] – так называемые "займы Нисихары". В обмен на это японцы получали все новые концессии на железные дороги, золотые прииски, угольные и железорудные шахты, расширяли свое экономическое и политическое влияние в Китае. Одним из условий предоставления займов было согласие китайского правительства на размещение японских войск в северных районах Китая.

К началу 1917 г. Япония фактически утвердилась на значительной части китайской территории. Но эти завоевания получили весьма неопределенное полупризнание со стороны европейских держав Антанты. Совсем не желали их признавать США. Пока шла война, Япония не особенно нуждалась в этом признании, но с ее окончанием вопрос встал бы по-новому. Пришедшее к власти в конце 1916 г. правительство графа Терауги поставило своей задачей не приобретение нового, а закрепление уже захваченного. 16 февраля 1917 г. оно добилось официального соглашения с Великобританией о передаче Японии после войны провинции Шаньдун. Затем 1 марта поддержка японских притязаний в Китае и на Тихом океане была оформлена японско-французским соглашением, а 5 марта – русско-японским соглашением[232]. Эти обязательства оставались в тайне до начала Парижской мирной конференции, и даже США официально о них не были уведомлены.

Для Великобритании обещание передать германские владения Японии было вынужденным и всерьез расходилось с курсом Лондона на ограничение влияния Токио в Восточной Азии. Уже в ходе акции "21 требование" стало ясным, что англо-японский союз 1902 г. изживал себя. Британские правящие круги охладели к такому союзу. А поведение Японии давало все больше оснований для такого охлаждения. Царская же Россия активно поддерживала японские территориальные приобретения в Китае, рассматривая Японию как противовес Великобритании. К тому же ослабленная войной и внутренними проблемами Россия была заинтересована в японских военных поставках. Японцы обещали отправить в Россию 700 тыс. винтовок и другое вооружение на 300 млн иен. 3 июля 1916 г. между Россией и Японией был подписан договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Великобритании. Главный его смысл состоял в том, чтобы обеспечить в Китае в первую очередь интересы России и Японии и не допустить, чтобы Китай попал под "владычество какой-либо третьей державы". Под "третьей державой" подразумевались США и Великобритания.

Одновременно, чтобы добиться от стран Антанты и США признания японских захватов в Китае и на Тихом океане, японское правительство прибегло к шантажу в отношении этих государств, намекая, что может заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на объявление Германии войны, японцы открыто заявляли, что будут оказывать покровительство германским подданным в Японии, не препятствовать их экономической деятельности и свободному передвижению по стране. Японское правительство демонстративно ответило отказом на просьбы держав Антанты отправить японские войска и военные корабли на Западный фронт против Германии. Лишь 19 октября 1915 г. Япония присоединилась к лондонской декларации о незаключении с Германией сепаратного мира. Такая политика давала свой эффект – страны Антанты всерьез опасались, что Япония в удобный для нее момент может перейти на сторону Германии и попытаться захватить их дальневосточные владения[233].

Вне мировой войны длительное время стремилось оставаться и китайское правительство. Это соответствовало интересам Японии, которая боялась, что участие в войне изменит статус Китая и поставит его в ряды союзников, в том числе и с Японией. В подобном случае по завершении войны Китай получил бы право голоса на переговорах о послевоенном урегулировании и мог претендовать на возвращение германских владений в Шаньдуне. В первые месяцы войны особого смысла в участии в ней Китая не видели и западные державы. Однако к осени 1915 г. государства Антанты стали выступать за вовлечение Китая в мировой конфликт. Большую заинтересованность в этом проявляла главным образом Франция, которая хотела получить из Китая живую силу.

После вступления США в мировую войну Вашингтон тоже стал соглашаться с официальным выступлением Китая на стороне держав Антанты. Однако для США это было трудное решение, ибо они опасались, что в таком случае Япония сможет установить свой контроль над армией и флотом Китая и еще больше укрепиться в нем. Разорвав 3 февраля 1917 г. отношения с Германией, Вашингтон тут же предложил Пекину последовать его примеру. Теперь уже и Япония посоветовала Дуань Цижую порвать отношения с Германией. 14 марта китайский премьер осуществил эту рекомендацию. Спустя пять месяцев, 14 августа 1917 г. Китай объявил Германии войну[234]. После этого он послал на европейский фронт 130 тыс. рабочих для тыла. Также был подготовлен экспедиционный корпус в 100 тыс. человек. Участие в войне обошлось Китаю в сумму около 200 млн китайских долл.[235]

Все это происходило на фоне бурно развивавшихся внутриполитических процессов в Китае. Они обретали форму глубинного конфликта между силами, стремившимися к всестороннему обновлению Китая на путях строительства современного государства, и силами традиционализма, отстаивавшими монархический принцип и заинтересованными в закреплении раздробленности страны, ее раздела между отдельными полуфеодальными, милитаристскими кликами. Раскол страны стал фактом. На юге в Гуанчжоу в 1917 г. образовалось республиканское правительство во главе с Сунь Ятсеном. Север страны с Пекином контролировали милитаристские клики. Китай вступил в полосу широкого антиимпериалистического движения, в рамках которого сформировались в дальнейшем левое и левоцентристское направления, представленные соответственно компартией Китая и партией

Гоминьдан. Встревоженная таким ходом событий, принимавшим во многом под влиянием российского примера революционный характер, Антанта сдержанно-благожелательно отнеслась к усилиям Японии расширить свой контроль над материковым Китаем[236].

Иным было отношение американцев. В Вашингтоне понимали, что с окончанием первой мировой войны американско-японские противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только не ослабеют, а, наоборот, будут усиливаться. Поэтому американцы, как могли, противились японской экспансии в Китае. Война обострила японско-американское экономическое соперничество здесь. Общая доля США в китайской торговле почти удвоилась по сравнению с 1913 г.[237] Сказывалось их превосходство в технике и технологии. Российский дипломат писал: "Если Китай обратится за капиталами и техническими знаниями к Америке ... то недалек тот день, когда множество произведений японской промышленности утратит всякий спрос на китайском рынке"[238]. В 1915 г. в Шанхае была создана Американская торговая палата, представлявшая 32 фирмы. Тогда же было подписано соглашение о строительстве железных дорог, в том числе в провинциях, где уже закрепились японский и европейский капиталы. Шла с переменным успехом борьба за посты экспертов и руководителей экономических ведомств при правительстве Китая. Одной из наиболее острых сфер американо-японского соперничества стал китайский финансово-денежный рынок. Обе стороны боролись за финансирование правительства Китая[239].

В американском руководстве не было единой точки зрения на перспективы отношений с Японией. Президент Вильсон лично делал все, что мог, для поощрения американских банкиров и капиталистов в Китае, полагая, что такая политика поможет укреплению самого Китая. "Японское влияние в Китае, – писал он госсекретарю Лансингу, – это то, с чем мы с вами не согласимся". В то же время Лансинг не считал важным охрану суверенитета и целостности Китая от атак Японии. Он полагал необходимым защищать американскую собственность в этой стране и допускал вполне возможным идти на сделку с Японией. Правда, заключить такую сделку, по его мнению, было бы предпочтительнее после окончания войны[240].

Американо-японское соперничество имело место не только в Китае, но и в голландской Ост-Индии, на Филиппинах и Гавайях, на островах Тихого океана, на российском Дальнем Востоке, Чукотке, в Сибири. Эта борьба усилилась после Февральской революции, когда наметилось сближение между Россией и США. Даже слухи о возможных американских концессиях в Сибири и на Дальнем Востоке вызывали в Токио возражения и производили, как выразился японский министр иностранных дел барон И. Мотоно, "тяжелое впечатление"[241]. Также обострялось соперничество в морской торговле и судоходстве на Тихом океане. Здесь США явно отставали от Японии, которой принадлежало 55% общего тоннажа судов в бассейне океана, американцам же – лишь 2%.

Совокупность всех перечисленных факторов побуждала руководство США уходить от обещаний поддержать японские претензии на германское наследство на Дальнем Востоке. Урегулировать этот спорный вопрос была призвана специальная японская миссия во главе с бывшим министром иностранных дел виконтом К. Исии. 1 сентября 1917 г. она прибыла в Вашингтон. Секретные переговоры Лансинга и Исии длились почти два месяца.

2 ноября 1917 г. американо-японское соглашение было оформлено обменом нотами между ними. В этом соглашении стороны признавали суверенитет и целостность Китая и принцип "открытых дверей". Помимо этого, указывалось: правительство Соединенных Штатов признает, "что Япония имеет специальные интересы в Китае, в особенности в соседних с ней областях"[242]. Японцы толковали это положение чуть ли не как согласие США на обладание Японией не только Шаньдунской провинцией, но и всем Северным Китаем, Ляодунским полуостровом и Южной Маньчжурией. Американцы же полагали, что им удалось избежать признания захвата Шаньдуня, вопрос о котором Лансинг предложил обсудить на мирной конференции. Уже после войны, в августе 1919 г. в ответ на запрос членов сенатской комиссии по иностранным делам он заявил, что термин "специальные интересы" распространяется на японские предприятия, а не на японское государство. По его словам, в данную фразу "не должно вкладываться никакого политического смысла"[243]. Тем не менее это была серьезная уступка Японии, в которой проявилось стремление США не обострять отношений с Токио, отдаляя угрозу неизбежной конфронтации в будущем.

Итак, состоявшиеся в годы войны соглашения Японии со странами Антанты и США достигались за спиной Китая и являлись не чем иным, как сделками за счет китайского народа. Они свидетельствовали о том, что после окончания войны мировые державы готовились продолжить борьбу за раздел Китая, всячески препятствовать достижению им независимости и национального возрождения.

С конца 1917 г. еще одним объектом экспансионистских устремлений Страны восходящего солнца стали дальневосточные владения бывшей Российской империи. 12 ноября у премьер-министра генерала Тераути состоялось совещание по русскому вопросу. Оно приняло тактику выжидания и наблюдения. Но с начала декабря 1917 г. курс на интервенцию с целью участия в расчленении России и создания марионеточных режимов на ее окраинах начал все больше привлекать внимание японских империалистов. В печати стали все сильнее звучать интервенционистские мотивы. Так, 3 декабря газета "Хоти", наиболее тесно связанная с милитаристскими кругами, с циничной откровенностью заявляла, что независимость Сибири представляла бы особый интерес для Японии. Газета намечала границы будущего марионеточного государства – к востоку от Байкала со столицей в Благовещенске или Хабаровске. Здесь же выдвигались и объяснения, почему японские войска можно направить в Сибирь и не следует отсылать на германский фронт во Францию[244].

Сообщение о начале переговоров о заключении перемирия между Россией и странами Четверного союза было широко использовано для пропаганды интервенционистских планов. Советскому правительству клеветнически приписывалось намерение оказать помощь Германии в войне против Антанты. Эта версия была особенно выгодна японским милитаристам, поскольку давала им возможность выдавать интервенцию в России за борьбу против германской опасности. Уже к концу декабря японский Генштаб закончил все необходимые расчеты, связанные с подготовкой интервенции в России. Его планы предусматривали прямую оккупацию русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии. Министерство иностранных дел проявляло интерес и к вопросу о мерах контроля

над Транссибирской железной дорогой. 27 декабря Мотоно открыто высказался за интервенцию.

Тем временем из России продолжали поступать неутешительные для Антанты известия (начало мирных переговоров в Брест-Литовске и т.д.). Правительства Великобритании, Франции, а затем и США вынуждены были, преодолевая свое недоверие к Японии, предоставить ей “свободу действий” на российском Дальнем Востоке. 27 февраля 1918 г. Лансинг официально сообщил о том, что США согласны на японскую интервенцию в Сибири[245]. Таким образом, Япония получила легальную возможность приступить к реализации своих экспансионистских планов в отношении России. Интервенция там была начата как коллективное мероприятие держав Антанты, США и Японии. Но довольно скоро инициатива в этом регионе перешла в руки Японии и сохранилась за ней до самого конца интервенции.

1 Уайтхолл – улица в центре Лондона, где располагается ряд министерств. Употребляется как синоним правительства Великобритании.

2 *Соловьев С.А.* Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны. М., 1985. С. 75.

3 *Taylor A.* English History. 1914–1945. Oxford, 1992. P. 3.

4 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II. С. 144; *Woodward L.* Great Britain and War of 1914–1918. L., 1967. P. 464.

5 *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 57.

6 *Taylor A.* Op. cit. P. 3.

7 Ibid. P. 5; *Pollard S.* The Development of the British Economy. 1914–1967. L., 1969. P. 60.

8 *Woodward L.* Op. cit. P. 455.

9 Ibid. P. 456.

10 *Taylor A.* Op. cit. P. 5. В годы войны Британия стала закупать сахар на Кубе и в Вест-Индии. См.: *Woodward L.* Op. cit. P. 456.

11 *Pollard S.* Op. cit. P. 43; *Tawney R.* The Abolition of Economic Controls, 1918–1921 // Economic History Review. Vol. XIII.1943. № 1/2. P. 4.

12 *Tawney R.* Op. cit. P. 5; *Pollard S.* Op. cit. P. 63.

13 *Kirby M.W.* The British Coalmining Industry. L., 1970. P. 25.

14 Ibid. P. 29.

15 *Pollard S.* Op. cit. P. 43.

16 *Tawney R.* Op. cit. P. 4.

17 *Fraser P.* The Impact of the War of 1914–1918 on the British Political System // War and Society. L., 1973. P. 124.

18 Ibid. P. 124–125.

19 Из более чем 5-миллионной армии Великобритании 2,5 млн вступили в нее добровольно (*Bourne J.M.* Britain and the Great War. 1914–1918. L., 1989. P. 182.) Ни до, ни после первой мировой войны Великобритания не имела такой большой армии. Свидетельством широкого распространения патриотических настроений в стране было также и то, что за все годы войны лишь крайне незначительное число британцев (1298 человек) отказались служить в вооруженных силах или исполнять альтернативные обязанности (*Bourne J.M.* Op. cit. P. 212; Первая мировая война: Круглый стол // Новая и новейшая история. 1994. № 5. С. 127).

20 *Мортон А.Л.* История Англии. М., 1950. С. 439–440. В предвоенное десятилетие ЛПВ постепенно усиливалась и накануне войны стала третьей по влиянию политической силой в стране после либеральной и консервативной партий.

21 *Bourne J.M.* Op. cit. P. 232–233.

[22] *Woodward L.* Op. cit. P. 455; *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 22.
[23] Цит. по: *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 23.
[24] *Ерофеев Н.А.* Очерки по истории Англии. 1815–1917. М., 1959. С. 227.
[25] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 187.
[26] *Woodward L.* Op. cit. P. 454.
[27] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 159; *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 112, 120–123.
[28] *Черчилль У.* Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 8.
[29] *Цогоев В.Г.* Майский кризис 1915 г. в Великобритании и образование коалиционного правительства // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 243–244; *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 237.
[30] Цит. по: *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 177.
[31] *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 245.
[32] *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 237.
[33] Тираж этого выпуска “Дэйли мейл” по требованию цензуры был уничтожен. См.: *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 36.
[34] *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 134–135.
[35] *Цогоев В.Г.* Указ. соч. С. 248.
[36] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 181.
[37] Там же. С. 201; *Bourne J.M.* Op. cit. P. 189.
[38] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 201.
[39] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 62–63.
[40] Экономическая история зарубежных стран. Минск, 2000. С. 275.
[41] *Трухановский В.Г.* Новейшая история Англии. М., 1958. С. 8.
[42] *Taylor A.* Op. cit. P. 35.
[43] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 189.
[44] *Pollard S.* Op.cit. P. 46.
[45] Ibid.
[46] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 193.
[47] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 39; *Woodward L.* Op. cit. P. 466.
[48] *Taylor A.* Op. cit. P. 36; *Соловьев С.А.* Указ. соч. С.39.
[49] *Woodward L.* Op. cit. P. 475.
[50] Ibid. P. 465; *Ллойд Джордж Д.* Указ.соч. С. 218.
[51] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 196.
[52] Ibid.
[53] *Грудзинский В.В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм. Челябинск, 1996. С. 224.
[54] *Knaplund P.* Britain: Commonwelth and Empire. 1901–1955. L., 1956. P. 172.
[55] Ibid.
[56] Канада. 1918–1945: Исторический очерк / Отв. ред. Л.В. Поздеева. М., 1976. С. 13.
[57] *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* История Канады. М., 1982. С. 120.
[58] *Brock W.R.* Britain and Dominions. Cambridge, 1951. P. 388, 390; *Knaplund P.* Op. cit. P. 56.
[59] *Грудзинский В.В.* Указ.соч. С. 224; *Brock W.R.* Op. cit. P. 387.
[60] *Knaplund P.* Op. cit. P. 57.
[61] 56 639 канадцев не вернулись на родину. См.: *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* Указ. соч. С. 120; *Knaplund P.* Op. cit. P. 57; *Porter B.* The Lion's Share. L., 1984. P. 135.
[62] *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* Указ. соч. С. 120–121.
[63] В годы первой мировой войны 167 тыс. австралийцев были ранены, а 59 тыс. убиты. См.: *Macintyre S.* The Oxford History of Australia. 1901–1942. L., 1968. Vol. 4. P. 117.
[64] *Грудзинский В.В.* Указ. соч. С. 225, 238.
[65] *Brock W.R.* Op. cit. P. 389.

[66] *Knaplund P.* Op. cit. P. 154
[67] Ibid.
[68] Ibid. P. 133.
[69] *Brock W.R.* Op. cit. P. 389.
[70] Новая история колониальных и зависимых стран / Под ред. С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера, Г.С. Кара-Мурзы, Б.К. Рубцова. М., 1940. Т. I. С. 522.
[71] История Африки в XIX – начале XX века / Отв. ред. В.А. Субботин. М., 1984. С. 299.
[72] Там же.
[73] Там же. С. 299, 330; Новая история колониальных и зависимых стран. С. 522; *Brock W.R.* Op. cit. P. 389.
[74] *Brock W.R.* Op. cit. P. 389; История Африки в XIX – начале XX века. С. 376. После окончания первой мировой войны Германская Юго-Западная Африка досталась ЮАС, Того и Камерун были поделены между Великобританией и Францией. Танганьика, входившая ранее в состав Германской Восточной Африки, оказалась под властью официального Лондона. См.: *Давидсон А.Б.* Тропическая и Южная Африка в XX веке // Новая и новейшая история, 2000. № 5. С. 14.
[75] Новая история колониальных и зависимых стран. С. 473.
[76] Там же. С. 473; История Африки в XIX – начале XX века. С. 238.
[77] *Knaplund P.* Op. cit. P. 88.
[78] Новая история колониальных и зависимых стран. С. 601.
[79] *Knaplund P.* Op. cit. P. 198; *Brock W.R.* Op. cit. P. 388.
[80] *Porter B.* Op. cit. P. 235.
[81] *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* Указ. соч. С. 121; *Грудзинский В.В.* Указ. соч. С. 225.
[82] *Knaplund P.* Op. cit. P. 95; *Тишков В.А., Кошелев Л.В.* Указ. соч. С. 122
[83] Канада. 1918–1945. С. 17.
[84] *Грудзинский В.В.* Указ. соч. С. 225.
[85] *Knaplund P.* Op. cit. P. 173, 88; Новая история колониальных и зависимых стран С. 473, 601; История Африки в XIX – начале XX века. С. 298.
[86] История Ирландии / Под ред. Л.И. Гольмана. М., 1980. С. 277; *Мортон А.Л.* Указ. соч. С. 383, 443.
[87] *Колпаков А.Д.* Ирландия на пути к революции. 1900–1918 гг. М., 1976. С. 228.
[88] Там же. С. 216.
[89] Там же. С. 213–214; История Ирландии. С. 277.
[90] *Колпаков А.Д.* Указ. соч. С. 215.
[91] *Ерофеев Н.А.* Указ соч. С. 239.
[92] *Колпаков А.Д.* Указ. соч. С. 254–256; *Мортон А.Л.* Указ. соч. С. 443–444.
[93] Britain and the First World War. L., 1988. P. 89.
[94] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 209.
[95] *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 220.
[96] The Oxford Illustrated History of Britain. Oxford, 1986. P.528.
[97] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 209.
[98] Ibid.
[99] Цит. по: *Кертман Л.Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С. 346.
[100] *Taylor A.* Op. cit. P. 40.
[101] *Hobsbawm E.* The Age of Extremes:The Short Twentieth Century. 1914–1991. L., 1995. P. 25; The Oxford Illustrated History of Britain. P. 527; *Кертман Л.Е.* Указ. соч. С. 330–331; *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 204–226.
[102] *Lowe C.J., Dockrill M.L.* The Mirage of Power. L., 1922. P. 336.
[103] Цит. по: *Taylor A.* Op. cit. P. 73.
[104] Еще в предвоенные годы ЛПВ наращивала свое “присутствие” в представительных органах власти, и накануне августа 1914 г. лейбористы имели уже 36 членов парламента. См.: *Bourne J.M.* Op. cit. P. 201.

[105] *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 237; *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 54.

[106] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 195. К началу 1919 г. в британских профсоюзах насчитывалось уже более 8 млн членов. См.: The Oxford Illustrated History of Britain. P. 531.

[107] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 179.

[108] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 59.

[109] *Pollard S.* Op. cit. P. 48.

[110] Ibid. P. 49.

[111] *Woodward L.* Op. cit. P. 453

[112] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 69.

[113] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 193.

[114] *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 247.

[115] *Pollard S.* Op. cit. P. 46–47.

[116] Ibid. P. 52; *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 247.

[117] *Bourne J.M.* Op. cit. P. 193.

[118] *Pollard S.* Op. cit. P. 52.

[119] Ibid.

[120] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 76; *Woodward L.* Op.cit. P. 453.

[121] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 60.

[122] Там же. С. 65; *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 248.

[123] *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 64.

[124] Там же. С. 39; *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 248.

[125] *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 248.

[126] *Churchill W.* The Aftermath. N.Y., 1929. P. 18.

[127] Экономическая история зарубежных стран. С. 276.

[128] Экономическая история капиталистических стран. М., 1985. С. 246; *Мортон А.Л.* Указ. соч. С. 441.

[129] Экономическая история зарубежных стран. С. 276.

[130] *Fontaine A.* French Industry during the War. New Haven; L., 1926. P. 16–17.

[131] *King J.C.* Generals and Politicians. Conflict between France's High Command, Parliament and Government, 1914–1918. Berkeley; Los Angeles, 1951.

[132] *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983. С. 193–196; *Duroselle J.-B.* Clemenceau. P., 1989.

[133] Le circulaire de la minorité du parti (socialiste): Aux fédérations. Novembre 1916. S.l, s.a. P. 31.

[134] *Allain J.-C.* Joseph Caillaux. P., 1978 – 1981. T. 1–2.

[135] *Allain J.-C.* Joseph Caillaux et la seconde crise Marrocaine. Lille, 1975. T. 1–2.

[136] *Caillaux J.* Mes prisons. P., 1920. P. 35.

[137] Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. Оп. 470, 1916 г. Д. 60. Т. 3. Л. 875. Секретная телеграмма посла в Париже от 8/21.XII 1916.

[138] *Poincaré R.* Au service de la France. T. IX. L'Année trouble 1917. P., 1932. P. 18.

[139] Le circulaire... P. 29.

[140] L'Homme enchaîné. 1916. 25 déc.

[141] *Maurras Ch.* Les chefs socialistes pendant la guerre. P., 1918. P. 68–69.

[142] *Pedroncini G.* Les mutineries de 1917. P., 1967. P. 60, 64, 307.

[143] *Pedroncini G.* Pétain, général en chef (1917–1918). P., 1974; *Idem.* Pétain, le soldat et la gloire. P., 1989. T. 1.

[144] *Robert J.-L.* Les ouvriers, la Patrie et le Révolution: Paris 1914–1919. P., 1995. P. 128, 131.

[145] *Renouvin P.* Le gouvernement francais et les tentatives de paix en 1917 // Revue des Deux mondes, 1964, 15 oct.; *Ревякин А.В.* Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 г., или гонки на выживание // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 1998. С. 189–216; *Reviakin A.* La France, la Russie et la menace d'une paix séparée avec

l'Allemagne en 1917 // Reviakin A. Deutshland, Frankreich, Russland : Begegnungen und Konfrontationen. München, 2000. S. 147–155.

146 L'Oeuvre. 1917. 26 avr. В августе 1917 г. по инициативе Австро-Венгрии начались секретные переговоры между личным другом императора Карла I графом Н. Ревертерой и майором 2-го бюро французского Генштаба А. Арманом, получившим полномочия от тогдашнего главы правительства Рибо и военного министра Пенлеве. См.: *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне: Крах империи // Новая и новейшая история, 2001. № 5. С. 37–38.

147 *Ревякин А.В.* Франция и "Стокгольмская альтернатива": внутриполитические факторы дипломатии в 1917 г. // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. С. 202–215.

148 *Ревякин А.В.* Кризис "священного единения" // Вестник МГУ. Сер. История. 1976. № 2. С. 34–51.

149 Annales du Sénat. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1916. P., 1918. T. 62. P. 877.

150 Ibid. P. 877–878.

151 *Kupferman A.* Le role de Leon Daudet et de "L'Action française" dans la contre-offensive morale: 1915–1918 // Etudes maurassiennes. 2. Aix-en-Provence, 1973. P. 121–144.

152 *Прицкер Д.П.* Указ. соч. С. 198.

153 *Ревякин А.В.* Был ли заговор роялистов? (Жозеф Кайо и дело "Аксьон франсэз") // Казус. 1996: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997. С. 165–194.

154 *Clemenceau G.* Grandeurs et misères d'une victoire. P., 1930. P. 315.

155 См. подробнее: *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом: Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С. 136–156.

156 *Monnerville G.* Clemenceau. P., 1968. P. 479.

157 Цит. по: *Малафеев К.А.* Луи Барту – политик и дипломат. М., 1988. С. 48.

158 См.: *Painleve P.* Comment j'ai nommé Foch et Petain. P., 1924. P. 252.

159 *Poincaré R.* Op. cit. T. IX. P. 367, 373.

160 *Прицкер Д.П.* Указ. соч. С. 206.

161 Там же. С. 209.

162 История Франции / Отв. ред. А.З. Манфред. М., 1970. Т. 3. С. 16–17.

163 *Poincaré R.* Op. cit. T. X. P. 406.

164 *Duroselle J.-B.* La Grande Guerre des Français: L'incompréhensible. P., 1994. P. 441–442.

165 Среди новейших работ зарубежных ученых по истории Франции периода первой мировой войны также заслуживают внимания следующие: *Becker J.-J.* La France en guerre, 1914–1918: La grande mutation. P., 1988; *Soutou G.-H.* L'or et le sang. Les buts de guerre economiques de la Première guerre mondiale. P., 1989.

166 *Vigezzi B.* Da Giolitti a Salandra. Milano, 1969. P. 76–78, 135–137 etc.

167 *Sonnino S.* Carteggio 1914–1916. Roma; Bari, 1974. P.12.

168 *Canderolo G.* Storia dell'Italia moderna. Milano, 1979. Vol. VIII. P. 64–65, 67.

169 Ibid. P. 79, 81.

170 Avanti. 1914. 22 sett.

171 *Vigezzi B.* L'Italia neutrale. Milano; Napoli, 1966. Vol. I; *Токарева Е.С.* Фашизм, церковь и католическое движение в Италии (1922–1943). М., 1999. С. 36–38.

172 *Любин В.П.* Италия накануне вступления в первую мировую войну. М., 1982. С. 128–132; *Яхимович З.П.* Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. Конец XIX – начало XX в. М., 1986. С. 172–174.

173 *Salvadori M.* Gaetano Salvemini. Torino, 1963. P. 94–97.

174 *De Felice R.* Mussolini il rivoluzionario 1883–1920. Torino, 1965.

175 *Valiani L.* Tárgyalások Ausztria-Magyarország és Olaszország között 1914–1915-ben // Századok, 1966. 4–5. sz. 803. old.

176 *Canderolo G*. Op. cit. P.113–115.

177 О сложных взаимоотношениях военного командования и политического руководства страны см.: *Orlando V*. Memorie (1915–1918). Milano, 1960. P. 56–58 etc.

178 Цит. по: *Canderolo G*. Op. cit. P. 137.

179 Ibid. P. 145–147.

180 Il trauma dell'intervento: 1914–1919. Firenze, 1969. P.117.

181 Ibid. P. 30.

182 Ibid. P. 29–30.

183 *Яхимович З.П*. Указ. соч. С. 181.

184 Il trauma dell'intervento... P. 34.

185 Ibid.

186 Ibid. P. 37–44.

187 *Лопухов Б.Р*. Эволюция буржуазной власти в Италии. Первая половина XX в. М., 1986. С. 60.

188 *Picchieri A*. Le classi sociali in Italia. 1870–1970. Torino, 1974. P. 234–235.

189 *Кирова К.Э*. Революционное движение в Италии. 1914–1917. М., 1962. С. 346–347.

190 *Spriano P*. Torino operatio nella grande guerra (1914–1918). Torino, 1960. P. 101–102.

191 Da Caporetto a Vittorio Veneto. Trento, 1970. P.76.

192 Ibid. P. 69–73; *Canderolo G*. Op. cit. P.190–192.

193 *Monticone A*. Gli italiani in uniforme 1915–1918. Bari, 1972. P. 226–228; Da Caporetto a Vittorio Veneto... P. 73–76; *Monteleone R*. Lettere ai Re. Roma, 1973.

194 *Monteleone R*. Op. cit. P. 30.

195 *Candeloro G*. Op. cit. P. 181–182.

196 *Orlando V.E*. Memorie... P. 255.

197 *Vivarelli R*. Storia delle origini del fascizmo. Bologna, 1991. Vol. I. P. 43–45.

198 См. подробнее: *Белявская И.А*. Буржуазный реформизм в США (1900–1914 гг.). М., 1968; *Козенко Б.Д*. "Новая демократия" и война. Внутренняя политика США (1914–1917). Саратов, 1980.

199 *Белявская И.А*. Внутренняя экономическая политика США (1917–1918). М., 1956. С. 54–58, 86; *Kennedy D*. The First World War and American Society. Oxford, 1980. P. 123, 125–126.

200 The Papers of Woodrow Wilson (далее – PWW) / Ed. A. Link. Princeton, 1983. Vol. 42. P. 283.

201 *Clarkson G*. Industrial America in the World War: The Strategy behind the Line, 1917–1918. N.Y., 1923. P. 26–29; *Cuff R*. The War Industries Board. Business-Government Relations During the World War. Baltimore etc., 1973. P. 74–78; *Koinstein P*. The Military-Industrial Complex: A Historical Perspective. N.Y., 1980. P. 25–25, 33–34.

202 *Cuff R*. Op. cit., P. 58–62, 70, 89–93; *Hardy Ch*. Wartime Control of Prices. Wash., 1940. P. 117–142.

203 PWW. Princeton, 1983. Vol. 43. P. 151; The Commercial and Financial Chronicle. 1918. July 6. P. 32; *Белявская И.А*. Внутренняя экономическая политика... С. 67–71; *Sobel P*. The Age of Giant Corporations. Westport, 1984. P. 19.

204 W. Borah to H. Reeves. Aug. 21, 1917. – William Borah Papers, Box 44. Washington, D.C. Library of Congress. См.: *Листиков С.В*. Государство и капитал в США в годы первой мировой войны: партнерство и противоречия // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. С. 187–189; *Soule G*. Prosperity Decade: From War to Depression. 1917–1929. N.Y., 1947. P. 48–49.

205 *Clark J*. The Costs of War to the American People. New Haven, 1931. P. 31, 37; *Noyes A*. The War Period of American Finance. 1908–1925. N.Y., 1926. P. 190–194.

206 *Mullendore W*. History of the United States Food Administration. 1917–1919. Stanford, 1941; *Soule G*. Op. cit., P. 20–29.

207 *Язьков Е.Ф.* Фермерское движение в США. 1918–1929 гг. М., 1974. С. 58–63; *Danbom D.* The Resisted Revolution: Urban America and the Industrialization of Agriculture, 1900–1930. Ames, 1983. P. 97–119; *Remele L.* The Tragedy of Idealism: the National Nonpartisan League and American Foreign Policy. 1917–1919 // North Dakota Quarterely. Autumn 1974. Vol. 42. № 4. P. 78–95.

208 U.S.Fuel Administration: Final Report of the United States Fuel Administration, 1917–1919 / Ed. Garfield H.A. Wash., 1921; *Bidwell P., Tobin H.* Mobilizing Civilian America. N.Y., 1927. P. 198–201.

209 См.: *Hines W.* War History of American Railroads. New Haven, 1928.

210 В июле 1917 г. заменены на Э. Херли и В. Кэппса. См.: *Sullivan M.* Our Times. The United States. 1900–1925. Vol. 5. Over here, 1914–1918. N.Y., 1933. P. 394–403, 650; *Harries M., Harries S.* The Last Days of Innocence: America at War. 1917–1918. N.Y., 1997. P. 150–151, 198, 410.

211 См.: *Ткаченко С.Л.* Американский банковский капитал в России в годы первой мировой войны: деятельность "Нэшнл сити бэнк". СПб., 1998; *Kennedy D.* Op. cit.. P. 307, 315–317, 337.

212 *Ferrell R.* Woodrow Wilson and World War I. 1917–1921. New Haven, 1985. P. 202–203, 289–290; *Flemming T.* George Creel: Forgotten Genious // Army. March 1972. P. 44–48.

213 См.: *Forcey Ch.* The Crossroads of Liberalism. Croly, Weyl, Lippman, and the Progressive Era 1900–1925. N.Y., 1961; *Hirchfeld Ch.* Nationalist Progressives and World War I // Mid-America. 1963. July. Vol. 45. № 3.

214 См.: *Козенко Б.Д.* Рабочее движение в США в годы первой мировой войны. Саратов, 1965; *Листиков С.В.* Профсоюзное движение в США в годы первой мировой войны. М., 1987; *Сивачев Н.В.* США: Государство и рабочий класс. М., 1982. С. 64–83.

215 *Dubofsky M.* Success and Failure of Socialism in New York City, 1900–1918. A Case-Study // Labor History. 1968. Vol. 9. № 3. P. 369–370; *Giffin F.* Six who protested: Radical opposition to the first World War. L., 1977.

216 Chatfield Ch. For Peace and Justice: Pacifism in America. 1914–1941. Knoxville, 1977. P. 25–30; *Marchand Ch.* The American Peace Movement and Social Reform, 1989–1918. Princeton, 1972. P. 294–322, 249–258, 304–308 etc.

217 *Higham J.* Strangers in the Land. Patterns of American Nativism. 1860–1925. New Brunswick, 1955. P. 242–259; *Ferrell R.* Op. cit. P. 200–210; *Hilton O.* The Oklahoma Council of Defense and the First World War // The Chronicles of Oklahoma. Vol. XX. 1943. March. № 1. P. 19–24.

218 *Печатнов В.О.* Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980. С. 7 –9; *Adler S.* The Congressional Elections of 1918 // The South Atlantic Quarterly. 36 (Oct. 1937). P. 447–464.

219 См.: *Краснов И.М.* Классовая борьба в США и движение против антисоветской интервенции (1919–1920 гг.). М., 1961; *Jaffe J.* Crusade against Radicalism. New York during the Red Scare. 1914–1924. Port Washington; L., 1972 etc.

220 *Henry F.* Black Migration: Movement North, 1900–1920. Garden City, 1975. P. 154–204; *Wynn N.* From Progressivism to Prosperity: World War I and American Society. N.Y.; L., 1986. P. 174–191.

221 *Greenwald M.* Women, War and Work: The Impact of World War I on Women Workers in the United States. Westport, 1980. P. 15–223.

222 Histiorical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957. Wash., 1961. P. 56; *Чертина З.С.* Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000. С. 25–26, 47–61; *Шлепаков А.Н.* Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма. М., 1966. С. 216–223.

223 История США. М., 1985. Т. 2. 1877–1918. С. 358; Очерки новой и новейшей истории США. М., 1960. Т. 2. С. 12; *Маныкин А.С.* Изоляционизм и формирование

внешнеполитического курса США (1923–1929 гг.). М., 1980. С. 22, 30–31; Historical Statistics of the United States... P. 537, 649; *Kennedy D.* Op. cit. P. 305, 338; *Noyes A.* Op. cit. P.223.

224 История первой мировой войны 1914–1918 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 2. С. 300, 303; *Kennedy D.* Op. cit. P. 169.

225 *Remer J.* Foreign Investment in China. N.Y., 1933. P. 70.

226 *Montgomery M.* Imperialist Japan: The Yen to Dominate. L., 1987. P. 233.

227 Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1. С. 271.

228 *Millard T.* Democracy and the Eastern Question. N.Y., 1929. P. 81–82.

229 Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.; Л., 1932–1934 (далее – МОЭИ). Т. VII, ч. 1. С. 325–327.

230 О позиции американской дипломатии см. подробнее: История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1997. С. 291–292.

231 Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972. Т. 1. С. 29. По китайским данным, "займы Нисихары", включая секретные, с августа 1917 по сентябрь 1918 г. составили около 240 млн иен. См.: Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 76.

232 Международные отношения на Дальнем Востоке. С. 287; *Исии К.* Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 84–86.

233 *Исии К.* Указ. соч. С. 78–83; *Эйдус Х.* Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946. С. 37–38.

234 История внешней политики и дипломатии США. С. 297.

235 Международные отношения на Дальнем Востоке. С. 291.

236 Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 48.

237 *Аварин В.Я.* Борьба за Тихий океан: Японо–американские противоречия. М., 1947. С. 63–64.

238 МОЭИ. Т. VIII, ч. 1. С. 389.

239 История внешней политики и дипломатии США. С. 293–294.

240 Там же. С. 294–295.

241 Там же. С. 295.

242 О ходе переговоров см. подробнее: *Исии К.* Указ. соч. С. 89–98.

243 Там же. С. 97–106.

244 *Жуков Е.М.* Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции // Из истории общественных движений и международных отношений / Отв. ред. А.М. Панкратова. М., 1957. С. 661.

245 Там же. С. 662–666.

Глава VI. Война и революция в России

1. Патриотический подъем в начале войны

К 1914 г. большой войны в России, так или иначе затрагивавшей всю страну, все общество, не было уже 100 лет – со времени нашествия Наполеона. Даже Крымская война, когда главный театр военных действий находился на территории нашей страны, не вызывала больших опасений за судьбу Отечества, не говоря уже о русско-японской войне 1904–1905 гг., цели которой были не понятны и глубоко чужды простому народу и которая шла за тысячи верст от Центра России.

В 1812 г. россиян, наряду с другими факторами, спас патриотический подъем, "остервенение народа", как образно выразился А.С. Пушкин. Вступление же России в первую мировую войну напоминало прыжок в пропасть. Как откликнется на решение царя народ? Станет ли это национальное испытание новой Отечественной войной или верх в обществе возьмут рознь и *взаимное озлобление, с такой силой проявившиеся в драматических событиях* революции 1905–1907 гг.? Эти вопросы были тем более уместны, что рабочие Петербурга встретили войну, еще не остыв от мощной стачки. Она закончилась буквально накануне объявленной 31 июля мобилизации, а в Баку всеобщая забастовка продолжалась еще и в первые дни войны.

Два крупнейших российских реформатора начала XX в. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин после поражения России от Японии прямо предупреждали, что новая война может иметь фатальные последствия для династии Романовых и для всей страны. Заслуживает внимания мнение Столыпина по этому вопросу: "...нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии, – писал он летом 1911 г. бывшему министру иностранных дел Извольскому. – Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической. Но кроме того и главное, это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корень, и когда придет час, встретит врага сознательно"[1].

Серьезное предупреждение прозвучало и в записке видного российского деятеля П.Н. Дурново Николаю II (февраль 1914 г.). Не без оснований сомневаясь в благоприятном для русской армии ходе военных действий против немцев в случае войны, экс-министр внутренних дел писал: "Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, в результате которой в стране

начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения: сначала черный передел, а за ним и общий раздел всех ценностей и имуществ". В результате "Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению", – пессимистически заканчивал Дурново, как будто заглянув на три года вперед[2]. А примерно через год после этого, когда война уже была в полном разгаре, аналогичный прогноз дал и постоянный оппонент Дурново, бывший премьер-министр Витте. По свидетельству очевидцев, "он сомневался в любой возможности победоносного выхода из войны, предрекал поражение за поражением, расстройство финансов, внутренний раздор и смуты невероятного масштаба, революцию, крушение династии и анархию, если вскоре не будет заключен мир"[3].

Такие же опасения бытовали и среди руководителей российских либерально-оппозиционных партий. Кадеты, например, уже не первый год в основном поддерживали имперскую внешнюю политику царского правительства, хотя и находили немало изъянов в конкретной реализации стратегического курса, призванного сохранить и укрепить статус России как великой мировой державы. Но, учитывая состояние российских вооруженных сил и возможность нового революционного взрыва, который мог бы превзойти по своим масштабам даже события 1905 г., они выступали накануне войны за сдержанность и осторожность в отношениях России с другими странами, полагая, что "вовлекать страну в авантюры без достаточного основания было бы преступно". По их мнению, лишь серьезные политические реформы "спасли бы страну и сделали ее единодушной и солидарной с правительством"[4]. Однако с началом военных действий от недавнего кадетского пацифизма не осталось и следа. Лозунг "Война до победного конца!" стал девизом всего российского либерализма.

Общественные настроения в первые недели войны были весьма пестрыми. Чувство страха и бессилия перед надвигающейся бедой, тревога за судьбу уходящих на фронт солдат и за судьбу всей России соседствовали с сочувствием братьям-сербам и вполне понятной ненавистью к германским агрессорам, подогреваемой информацией об их бесчинствах в Бельгии и во Франции. Современники отмечали, что в "низах" общества преобладало угрюмо-сосредоточенное, подавленное настроение, далекое от всякой шовинистической эйфории. Изредка у молодежи прорывалось озорное желание "пощупать штыком немца", но в целом Россия избежала той волны националистической истерии, которая захлестнула в августе 1914 г. Берлин, Вену и Париж. Правда, посольство Германии в Петербурге тоже подверглось нападению толпы, а достаточно многолюдные, но несколько вялые патриотические шествия с национальными флагами, иконами и портретами царя прошли в июле – начале августа 1914 г. во многих городах России. В них принимала участие и небольшая часть монархически настроенных рабочих[5]. 2 августа на Дворцовой площади в Петербурге собрались тысячи людей. Они дружно опустились на колени перед императором и императрицей, вышедшими на балкон Зимнего дворца. Никогда еще так часто, как в те дни, не звучали по всей России торжественные звуки гимна "Боже, Царя храни!".

Сам Николай II стремился всячески поддержать это патриотическое настроение. Принимая 2 августа высших чинов империи, он сказал: "Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний

неприятельский воин не уйдет с земли нашей". В тот же день император обратился к народу с манифестом, выдержанным в традициях патриотического официоза. В нем подчеркивались традиционное миролюбие России и агрессивность Германии. Документ призывал всех россиян забыть внутренние распри, "оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав"[6].

На страницах печати очень часто тогда проводилась историческая параллель между Отечественной войной 1812 г. и начавшейся войной с Германией. Правда, о прямой аналогии речи не было: военные действия в 1914 г. шли вначале на территории противника, цели войны были скрыты от народа, а социальные противоречия внутри страны ощущались гораздо острее, чем в грозную годину борьбы с наполеоновским нашествием. Священники и газетчики, университетская профессура и школьные учителя старались поднять боевой дух россиян. Они напоминали о героических страницах прошлого – победах Александра Невского над шведами и немцами в 1240 и 1242 гг., изгнании поляков из Москвы в 1612 г., взятии русскими войсками Берлина в 1760 г., славной эпопее 1812 г. В новой войне с Германией виделось великое историческое столкновение славянства и германизма, высокой русской духовности и добросердечия с тевтонским варварством, насилием и агрессивностью. При этом постоянно подчеркивалось, что война со стороны России носит "духовно-оборонительный" характер, а победа в ней приведет к нравственному обновлению страны (об этом говорили, в частности, философы Н.А. Бердяев, В.В. Розанов и др.). Газета "Новое время", за которой прочно укрепилась репутация правительственного официоза, писала даже о "расовых целях" войны, подчеркивая, что славяне должны стать "самостоятельной ветвью арийской семьи со всеми радостями державного существования". К десяткам миллионов нерусского населения империи ведущий публицист "Нового времени" М.О. Меньшиков готов был присоединить обитателей австрийской и германской частей Польши, турецкой Армении, Галиции и некоторых других территорий. "Россия не нуждается в присоединении словаков и чехов, но они, может быть, очень нуждаются в этом", – прозрачно намекал этот поборник "славянского единения"[7].

В первые месяцы войны в России действительно возникла видимость национального единства и гражданского мира. Забастовки почти прекратились. В августе 1914 г. численность стачечников, по официальным данным фабричной и горной инспекции, составляла всего около 25 тыс. человек, т.е. в 40 раз меньше, чем в июле. При этом более 90% из них бастовали по чисто экономическим мотивам. В декабре было зарегистрировано только 1,6 тыс. рабочих, требовавших в основном повышения заработной платы и сокращения продолжительности рабочего дня[8]. При этом рабочих удерживал не только страх перед возможными репрессиями властей и отправкой на фронт, но и сознание неуместности забастовок в час грозных испытаний, обрушившихся на Россию, чувство долга перед уходившими на фронт товарищами.

Первая, самая крупная из 19 мобилизаций военного времени прошла, с точки зрения властей, довольно успешно, хотя и было зарегистрировано несколько сотен убитых и раненых в ходе столкновений призывников с полицией. Одной из причин беспорядков стало стремление новобранцев обойти введенный в России сначала на время мобилизации, а с 22 августа 1914 г. и

на весь период войны "сухой закон", т.е. запрет на продажу спиртного. Это вело к разгрому винных лавок и складов[9]. Участники беспорядков требовали также выдачи пособий солдатским семьям. Здесь проявилась глубокая, годами копившаяся неприязнь значительной части народа к властям и имущим классам, возникавшая на почве нищеты и бесправия трудящихся масс. Ситуация усугублялась привычной для России административной неразберихой, произволом карательных органов, привыкших действовать в основном методом устрашения и подавления.

Современная историография не считает конструктивными крайние точки зрения по вопросу о степени распространения в России патриотических настроений в период первой мировой войны. Согласно одной из них, патриотизм сплотил летом 1914 г. всю страну от царя до последнего люмпена. По мнению других историков, он, наоборот, был чистой фикцией и существовал лишь в виде конгломерата провинциальных (калужского, сибирского и т.п.) "патриотизмов". А это не шло ни в какое сравнение с национальными чувствами в более цивилизованных западных странах[10]. На деле русский и более широкий – российский патриотизм был в то время очевидной социально-психологической реальностью. Правда, он уступал по силе и эмоциональности внешнего проявления, и главное, глубинной осознанности патриотическим чувствам во многих странах Запада. Вместе с тем есть все основания усомниться в том, что его доминантой были идеи великодержавия и имперства. Ведь патриотические чувства россиян уже дали в начале XX в. довольно глубокие классовые трещины, грозившие в случае недееспособности существующей власти поставить социально-политические приоритеты выше национально-религиозных. Это и произошло в России в 1917 г., когда в самый, казалось бы, неподходящий момент в воевавшей стране грянула революция.

В основе русского патриотизма лежали любовь к земле предков и к родному языку, верность вековым национальным традициям и обычаям, чувство гордости за вклад своей нации в мировую культуру, надежды на обновление и демократизацию страны, что позволило бы России занять достойное место в мировом сообществе государств. Более сложный характер носили патриотические чувства национальных меньшинств империи, к которым неизбежно примешивался протест против неравноправного, часто униженного положения их этноса в официальной этнокультурной и этнополитической иерархии, существовавшей в царской России. Ослабление царской власти и авторитета династии Романовых усиливали центробежные тенденции, достигшие пика уже после падения самодержавия в 1917 г. Тем не менее война не сразу стала сигналом к национальному распаду империи. В начале войны образ царя как "отца" народа и верховного носителя идеи российской государственности еще оставался в глазах миллионов россиян неотъемлемой составной частью русского патриотизма. Но затем это слияние было разрушено, и весной 1917 г. отречение Николая II от престола уже не воспринималось как национальная трагедия, хотя сама идея монархии даже тогда еще не была убита до конца.

Дух примирения общественности с властью доминировал и во время чрезвычайной однодневной сессии Государственной думы, собравшейся 8 августа 1914 г. в Таврическом дворце в Петербурге. После оглашения царского манифеста по поводу вступления России в войну с речами выступили

председатель Думы М.В. Родзянко, премьер И.Л. Горемыкин, министры иностранных дел С.Д. Сазонов и финансов П.Л. Барк. Затем начался настоящий парад верноподданических чувств, в котором приняли участие лидеры основных думских фракций и представители многих национальных меньшинств Российской империи, включая евреев, немцев и поляков, единодушно заявивших о своем искреннем и глубоком патриотизме. Особенно красноречив был лидер кадетов П.Н. Милюков. "В этой борьбе, – сказал он, – мы все заодно, мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы борьбы нашу твердую волю одолеть насильника". Чрезвычайно характерен для настроений русских либералов того времени был и другой пассаж из речи Милюкова: "Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг – сохранить нашу страну единой и нераздельной и удержать за ней то положение в ряду мировых держав, которое оспаривается у нас врагами. Отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша – поддержать борцов верой в правоту нашего дела..."[11]. Неформальным финалом речи стало рукопожатие Милюкова с лидером Союза Михаила Архангела, депутатом от Бессарабии В.М. Пуришкевичем, который раньше считал главу кадетской партии чуть ли не врагом России.

Пройдет совсем немного времени, и тот же Милюков в сборнике "Чего ждет Россия от войны" сформулирует ее территориальные притязания в случае победы над Германией и Австро-Венгрией: 1) присоединение Галиции и Западной Украины; 2) объединение всей Польши в ее этнографических границах в качестве автономной части Российской империи; 3) приобретение в "полное обладание" России Босфора и Дарданелл с "достаточной частью прилегающих берегов", включая Константинополь; 4) объединение всей Армении, в том числе и ее турецкой части, под протекторатом России[12].

Правда, патриотическая идиллия в Думе была несколько нарушена выступлениями лидера крестьянской Трудовой группы адвоката Керенского и представителя социал-демократов рабочего-меньшевика В.И. Хаустова. *Речь первого была тоже вполне патриотична, но включала в себя и критику* правительства, а главное – обещание после победы над внешним врагом "освободить страну от страшных внутренних пут". Хаустов же огласил декларацию обеих социал-демократических фракций Думы – большевистской и меньшевистской. Она возлагала ответственность за начало войны на правительства всех воюющих государств, а значит, и на Россию, и выражала уверенность в том, что международный пролетариат быстро прекратит это страшное кровопролитие и "теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой". Однако эти уже ставшие традиционными для марксистов заверения в верности принципам интернационализма сопровождались вполне патриотическим, хотя и несколько туманно сформулированным заявлением о том, что "пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили"[13].

В момент голосования за предоставление правительству права принять некоторые вызванные войной экстренные меры финансового характера социал-демократы и трудовики покинули зал заседаний, подчеркнув тем самым, что остаются в оппозиции к власти. Однако что значил протест этих

двух десятков левых депутатов на фоне внушительной демонстрации патриотизма, которая была устроена в тот же день сначала в Думе, а затем и в Государственном совете! Казалось, власть получила еще один шанс сплотить все российское общество под патриотическими лозунгами. Однако вскоре жизнь показала, что это была только иллюзия.

Оборотной стороной патриотических настроений стала антинемецкая кампания. Она прокатилась по стране и выразилась в переименовании ряда городов, закрытии немецких газет, подозрительном отношении ко всем, кто носил немецкие фамилии, и т.д. В ходе мобилизации возникло добровольческое движение. Оно охватило часть молодежи, имевшей отсрочку от призыва в действующую армию. В число добровольцев попали даже отдельные представители высшего общества. Добровольно ушли в армию писатель В.В. Вересаев, поэт Н.С. Гумилев и др. Императрица Александра Федоровна и ее дочери работали медицинскими сестрами в царскосельском госпитале. Их примеру последовали другие великосветские дамы. Развернулась широкая благотворительная кампания по сбору денег для помощи раненым и солдатским семьям. В конце июля был образован Всероссийский земский союз помощи раненым во главе с князем Г.Е. Львовым, а затем Всероссийский городской союз во главе с московским городским головой правым кадетом М.В. Челноковым. В июле 1915 г. эти союзы слились в Земгор (Союз земств и городов) во главе с Львовым. Лидер октябристов А.И. Гучков в качестве особоуполномоченного Российского общества Красного Креста занимался на фронте организацией госпиталей. В короткий срок развернулась деятельность Общества помощи жертвам войны, Союза Георгиевских кавалеров, благотворительного комитета под председательством сестры императрицы великой княгини Елизаветы Федоровны и ряда других общественных организаций. В дальнейшем они взяли на себя заботу о беженцах и военнопленных. В военно-патриотической работе участвовали артисты, ученые, журналисты.

Интеллигенция в начале войны была настроена особенно патриотически. По словам Зинаиды Гиппиус, половина интеллигентов "физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом". Вместе с тем в интеллигентской среде были и такие, кто считал преступлением сам факт истребления людей на полях войны, называя ее вслед за поэтом М.А. Волошиным "мировой нелепицей"[14]. Однако их было меньшинство. На фронт ушли не менее 30 тыс. учителей и большое количество врачей. Их "прозрение" в ходе войны оказалось сложным и порой очень мучительным процессом. Специфическим было отношение к войне революционной интеллигенции, среди которой с начала войны выявились и "оборонцы", и "пораженцы", и сторонники скорейшего заключения мира без победителей и побежденных.

Обстановка на фронте (трагедия в районе Мазурских озер, а затем успехи русских войск в Галиции) способствовала на первых порах еще большему подъему патриотических чувств. Армию "жалели", за нее молились, ею восхищались – налицо имелись все оттенки человеческих эмоций, которые вызывает война. Но вскоре стало ясно, что конструктивного взаимодействия власти и общественности в России явно не получается. Поддержав в общем и целом войну, российское общество было вправе рассчитывать хотя бы на некоторую либерализацию правительственного курса: ослабление цензур-

ных преследований оппозиционной печати, более благожелательное отношение к общественным организациям и инициативам, отмену дискриминационных мер в отношении евреев, легализацию профессиональных союзов и т.д. Без подобной "подпитки" могло постепенно угаснуть самое сильное патриотическое чувство, для поддержания которого недостаточно одних только военных побед и героизма солдат и офицеров. Однако правительство обмануло эти ожидания. На революционные партии, рабочую печать, профсоюзы и больничные кассы с началом войны обрушился град новых репрессий.

Власти все время подозревали земский и городской союзы в политических интригах и жестко контролировали их деятельность. Хотя очередная сессия Государственной думы 9–11 февраля 1915 г. прошла примерно по тому же сценарию, что и предыдущая, чувствовалось, что настроение оппозиции начинает меняться. Правда, против военных кредитов голосовали по-прежнему только трудовики и социал-демократы (после ареста в ноябре 1914 г. пяти большевистских депутатов за антивоенную пропаганду в Думе остались только меньшевики во главе с Н.С. Чхеидзе). Однако даже в кадетских кругах выражали недовольство слишком "гладкой" речью Милюкова в Думе, а он был вынужден оправдываться тем, что критика правительства была бы использована немцами и что "ослаблять себя перед лицом врага и перед союзниками нельзя"[15]. Но если либеральная оппозиция еще продолжала терпеливо ждать от царя и правительства реформ, то социалистические партии России заняли с началом войны такую позицию, которая выглядела в глазах правящих "верхов" изменой национально-государственным интересам страны.

2. Социалисты и война

Отношение социалистов к войне имело для судеб России совершенно особое, по сравнению с другими странами, значение. Это были самые непримиримые противники самодержавного строя, а их приверженность социалистической идее граничила с фанатизмом. При этом российские социал-демократы и социалисты-революционеры оказывали значительное влияние на политизированные слои пролетариата, часть крестьянства, студенчества, демократической интеллигенции. Социалистической пропагандой были затронуты также армия и флот. Поэтому для царского правительства было очень важно, что возьмет верх в тактике социалистических партий после начала войны – патриотизм и идея классового перемирия внутри страны или курс на продолжение революционной борьбы под флагом интернациональной солидарности всех людей труда.

Подобная альтернатива существовала во всех воюющих странах. Но на Западе абсолютное большинство социалистов фактически поставили национальные интересы выше классовых, решительно отказавшись от старой марксистской формулы "рабочие не имеют отечества" и от радикальных антивоенных решений ряда конгрессов II Интернационала. Сначала могло показаться, что социалисты России последуют примеру своих западных товарищей. Не случайно Ленин явно выражал недовольство весьма умеренным характером думской социал-демократической декларации. Были сделаны и

прямые заявления в духе непримиримости к врагу. "Отец русского марксизма" Г.В. Плеханов без оговорок поддержал страны Антанты и благословил эмигрантов из России на добровольное вступление во французскую армию[16]. Обнадеживающе для царских властей звучало и заявление бывшего главного эсеровского боевика Б.В. Савинкова: "После войны настанет время социальной и революционной борьбы. Во время войны мы не вправе бороться"[17]. В том же духе высказывался вождь русских анархистов П.А. Кропоткин.

С началом войны социалисты ушли в глубокое подполье и на время затаились, ограничиваясь в лучшем случае выпуском единичных антивоенных листовок и проведением тайных сходок своих сторонников. Лишь большевики пошли здесь дальше других. В ноябре 1914 г. они организовали совещание небольшой группы партийных работников с большевистскими депутатами Государственной думы для обсуждения полученных из-за границы от Ленина директив, носивших ярко выраженный интернационалистский и даже "пораженческий" характер. Но участники совещания были арестованы, преданы в феврале 1915 г. суду и, несмотря на попытки части из них отречься от "пораженчества", сосланы в Сибирь.

Тем не менее вскоре после того, как прошел шок начального периода войны, стало ясно, что "приручить" социалистов царскому правительству не удастся. Как и следовало ожидать, наиболее радикальный вариант решения вопросов войны и мира предложили большевики. Их лидер В.И. Ленин, находившийся в эмиграции в Швейцарии, считал начавшуюся войну несправедливой, захватнической, "империалистической" с обеих сторон и не видел нужды в поисках ее зачинщиков и жертв. Виноваты в развязывании мирового конфликта, по его мнению, были в равной мере все ее главные участники (исключение делалось разве что для Сербии и отчасти для Бельгии). Поэтому заключать мир лучше всего было бы уже самим народам воюющих стран после свержения своих буржуазных правительств. Еще в 1907 г. Ленин вместе с меньшевиком Ю.О. Мартовым и с польской социал-демократкой Р. Люксембург добился принятия Штутгартским конгрессом II Интернационала важной резолюции. В ней говорилось, что в случае возникновения войны социалисты должны использовать неизбежно возникающий в ее ходе экономический и политический кризис для ускорения падения капиталистического строя – главного источника военной опасности. Исходя из этого, в сентябре 1914 г. Ленин провозгласил лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, под которой он понимал социалистические революции в передовых западных странах, буржуазно-демократические революции в России и других государствах "второго эшелона" развития капитализма (с перспективой последующего перерастания этих революций в социалистические) и антиимпериалистические восстания колониальных народов. Этот процесс должен был в оптимальном варианте принять, по мысли Ленина, всемирный характер, охватив Индию, Китай и другие колониальные и зависимые страны. Для эскалации революции лидер большевиков уже тогда допускал использование и такого средства, как революционная война той страны (или стран), где победит революция, с тем, чтобы защитить ее завоевания от попыток реставрации старого строя со стороны других империалистических государств и превратить начавшуюся революцию в общеевропейскую и даже мировую.

Подобную перспективу Ленин и представители леворадикального крыла ряда партий II Интернационала считали тогда вполне реальной, ибо империализм был, *по их представлениям*, высшей и последней стадией в развитии капитализма, непосредственно предшествующей переходу человечества к социалистическому строю. В годы первой мировой войны иллюзия близкого краха буржуазного строя владела умами многих социалистов. "Революционное пораженчество" Ленина, делавшее его в глазах правящих кругов России государственным преступником и не находившее понимания даже у "низов" российского общества, включая большинство рабочих, никогда не доходило тем не менее до анархических крайностей вроде призывов к дезертирству из рядов армии, саботажу, диверсиям, террористическим актам и т.п. Кроме того, лидер большевиков считал поражение царских войск лишь "меньшим злом" по сравнению с победой самодержавного режима в войне, которая, по его мнению, неизбежно должна была отрицательно сказаться на перспективах революционного движения в России. Больше того, столкнувшись с возражениями Н.И. Бухарина, Л.Б. Каменева и некоторых других большевиков, Ленин заявил в начале 1915 г., что "пораженческой" тактики должны придерживаться социалисты не только России, но и всех воюющих стран. В противном случае это могло сыграть в одностороннем порядке на руку врагу и усилить, например, Германию за счет России или Россию за счет Германии.

Роза Люксембург

Для Ленина "пораженчество" было еще одним, крайним средством продемонстрировать непримиримую враждебность своей партии к самодержавному режиму и застраховаться от малейших подозрений в национализме и шовинизме, которым грешили в то время лидеры многих партий II Интернационала. На практике быть "пораженцем", по Ленину, значило: не голосовать в парламенте за военные кредиты, продолжать антиправительственную пропаганду и агитацию (в том числе и в армии), не прекращать забастовочного движения и не участвовать в мероприятиях и организациях оборонного характера.

При этом победа революции, как полагал Ленин, должна была смыть позор военных поражений, аннулировать любые аннексии и начать новую страницу в истории страны. Ленин с его ярко выраженным классовым подходом ко всем явлениям общественной жизни проводил четкое различие между официальной, императорской Россией и Россией простых людей труда, между русской нацией имущих "верхов" и русской нацией трудящихся "низов", *у каждой из которых было свое понимание патриотизма и национальной гордости*. Однако широким народным массам было трудно разобраться

в тонкостях сложной диалектики ленинской мысли, и для них любой "пораженец" тоже был врагом, только внутренним. Вот почему большевики, действовавшие, в отличие от Ленина, на территории самой России, предпочитали в своей агитационной работе обходить вопрос о "пораженчестве" стороной, хорошо понимая, что народ их не поймет, а может быть, и просто выдаст полиции.

Из всех революционных партий России большевики отличались наибольшей активностью и сплоченностью своих рядов, умением работать в самых неблагоприятных и опасных условиях подполья. В годы войны они оставались вожаками стачечного движения, вели революционную пропаганду в армии и на флоте, выпускали за границей печатный орган своего ЦК газету "Социал-демократ", а в самой России – в разное время в общей сложности 18 нелегальных периодических изданий. На счету большевиков было также более 700 названий антивоенных листовок, обращенных к самым различным слоям населения страны[18]. В легальной деятельности большевики уступали своим главным оппонентам в рабочем движении России – социал-демократам меньшевистского направления, которые, однако, в свою очередь значительно отставали от сторонников Ленина в нелегальной работе. Сколько-нибудь надежных сведений о численности РСДРП в годы войны нет, но есть основания полагать, что она сократилась всего до нескольких тысяч человек по сравнению со 100 тыс. большевиков и меньшевиков в 1907 г.[19]

В отличие от большевиков, сохранявших в общем и целом верность идеям Ленина, меньшевики разделились в период войны на две большие группы – "оборонцев" и интернационалистов, единство которых носило чисто формальный характер. В меньшевистском "оборончестве" было несколько течений. С одной стороны, существовали прямые приверженцы войны до победного конца и отказа на это время от любых стачек и антиправительственных демонстраций. К таким взглядам постепенно пришел Плеханов. С другой стороны, имелись и сторонники более обтекаемых лозунгов "непротиводействия войне" и "самозащиты", которые все же не отрицали необходимости продолжать борьбу с правительством во имя более эффективной организации обороны страны от внешнего врага (А.Н. Потресов и др.). С осени 1915 г. даже "оборонцы" уже прямо заговорили о возможности новой революции в России еще до окончания войны, поскольку самодержавие окончательно доказало свою неспособность привести страну к победе. Тем не менее вплоть до начала 1917 г. меньшевики уклонялись от призывов к стачкам и демонстрациям, явно отдавая предпочтение чисто словесной критике власти.

Среди меньшевиков-интернационалистов тоже имелись более радикальные и умеренные элементы. Лидером первых стал находившейся в эмиграции Мартов. Он активно участвовал в издании парижских русскоязычных социалистических газет "Голос" и "Наше слово". Мартов сходился с Лениным в обличении империализма, считал войну несправедливой с обеих сторон, но в отличие от большевиков был революционером-пацифистом, выдвигавшим на первый план, как оказалось, утопический в тех условиях лозунг скорейшего заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. С осени 1915 г. Мартов стал прямо призывать к новой демократической революции в России как составной части всемирной антиимпериалистической и антивоенной революции.

В самой России на близких к Мартову, но гораздо более умеренных позициях стояли думская меньшевистская фракция во главе с Чхеидзе и существовавший с осени 1912 г. Организационный комитет меньшевиков. Точное соотношение "оборонцев" и интернационалистов среди меньшевиков установить невозможно, но сами они были уверены, что большинство их фракции осталось в годы войны на позициях интернационализма. Это было закреплено участием ряда меньшевистских лидеров во главе с Мартовым вместе с большевиками и эсерами-интернационалистами в Циммервальдском международном антивоенном социалистическом движении (1915–1917). В России меньшевики действовали крайне осторожно, ограничиваясь в основном изданием легальных газет и единичных листовок. Лишь с осени 1915 г. они несколько активизировались в связи с созданием рабочих групп военно-промышленных комитетов, о чем подробнее будет сказано ниже.

Примерно такое же, как у меньшевиков, деление на "оборонцев" и интернационалистов существовало и у эсеров. Их правое крыло (Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский и др.) тяготело к блоку с меньшевиками-плехановцами, эсеровский "центр" во главе с В.М. Черновым сближался с меньшевиками-интернационалистами, а левые эсеры (М.А. Натансон и др.) – с большевиками, не останавливаясь даже перед революционным "пораженчеством". В ходе войны у эсеров происходила известная перегруппировка сил: влияние интернационалистов росло, а "оборончество" в свою очередь приобретало более радикальный оттенок. Однако масштабы деятельности эсеров в годы первой мировой войны были невелики. В плане агитационной и организаторской работы в массах они явно отставали от социал-демократов.

Тем не менее на фоне фактического развала II Интернационала, руководители которого капитулировали перед националистическими настроениями, взявшими верх во всех воюющих странах, социалисты России в общем и целом не пошли на примирение с самодержавием. Понеся большие потери, они все же сохранили свое ядро и революционный потенциал. Диалектика истории состояла в том, что, обрушив на народы неисчислимые страдания, *война вместе с тем неудержимо подталкивала их к радикальным революционным переменам*, о которых давно мечтали социалисты. Объективно война работала на революцию.

3. Назревание общенационального кризиса

С апреля 1915 г. для русской армии началась тяжелая полоса неудач. Она вынуждена была оставить Перемышль и Львов, затем входившую в состав России часть Польши, а летом "великое отступление" докатилось до Литвы и Западной Белоруссии. При этом российская армия несла невосполнимые потери. Не случайно 29 июля 1915 г. на заседании правительства военный министр А.А. Поливанов объявил: Отечество в опасности.

Крушение надежд на быстрое окончание войны и превращение ее в затяжной, изнурительный процесс безжалостного перемалывания человеческих и материальных ресурсов создали в России новую ситуацию, при которой на первый план вышли социально-экономические проблемы. Патриотический подъем первых месяцев войны сменился нескрываемой тревогой за

судьбу страны, осознанием полного бессилия общественности перед правительственным произволом, коррупцией и некомпетентностью чиновников. При этом суть конфликта состояла в том, что власть не могла обходиться без общества, но упорно не желала идти ему на уступки, каждую из которых приходилось вырывать у правительства буквально с боем. В итоге перенапряжение экономики, крайне несправедливое распределение тягот войны между различными слоями общества и крайняя негибкость правительственной политики неизбежно должны были привести в России к возникновению глубокого экономического и политического кризиса общенационального масштаба.

Наступивший уже в начале 1915 г. кризис боевого снабжения армии (катастрофическая нехватка артиллерии, снарядов, винтовок и патронов) остро поставил вопрос об усилении государственного регулирования экономики и мобилизации частной промышленности на удовлетворение нужд фронта. Стало очевидно, что без привлечения к оборонной работе более широких предпринимательских кругов и общественности дело с мертвой точки не сдвинется. Поэтому в мае 1915 г. было созвано Особое совещание для усиления артиллерийского снабжения действующей армии. В августе по его рекомендации царь утвердил положение о четырех Особых совещаниях по обороне, топливу, продовольствию и транспорту. В их работе на правах младших партнеров участвовали некоторые члены Государственной думы и персонально приглашенные крупные финансисты и предприниматели. Они охотились за выгодными казенными военными заказами, большинство которых шло через Особые совещания. Привлечению более широких средних слоев делового мира к снабжению армии способствовали созданные по инициативе майского съезда представителей промышленности и торговли военно-промышленные комитеты во главе с Центральным ВПК (он существовал до конца 1918 г.). К участию в их работе предполагалось привлечь также выборных представителей рабочих, что позволило бы объединить усилия власти, капитала и труда в целях доведения войны до победного конца.

I съезд ВПК состоялся в июле 1915 г. Председателем ЦВПК стал лидер октябристов А.И. Гучков, а его заместителем – текстильный фабрикант-миллионер, прогрессист А.И. Коновалов. Московский ВПК возглавил виднейший представитель русского национального капитала, известный банкир, промышленник и общественный деятель П.П. Рябушинский, а Киевский – крупный украинский сахарозаводчик М.И. Терещенко. Все они были патриотами своего класса, умными и образованными людьми, сторонниками установления социального партнерства между буржуазией и рабочими. В дальнейшем по всей России было создано около 250 областных и местных военно-промышленных комитетов, в 58 из которых существовали и рабочие группы, состоявшие из меньшевиков, эсеров и беспартийных (большевики ВПК бойкотировали).

Военно-промышленные комитеты выступали в роли посредников при распределении правительственных заказов. Но гораздо важнее было то, что они постепенно превращались в важные опорные пункты общественного движения с четко выраженным либеральным оттенком, а их рабочие группы своими резкими оппозиционными выступлениями постоянно вызывали недовольство властей и будоражили пролетариат, причем в начале 1917 г. уже начали прямо подключаться к руководству революционным процессом.

Помимо проблемы мобилизации промышленности на нужды фронта, в 1915 г. возникла и проблема беженцев, решение которой тоже было невозможно без участия общественности. Беженцы появились с самого начала военных действий, но с весны 1915 г. это явление приняло массовый характер, причем евреев поголовно стали выселять из прифронтовой полосы в принудительном порядке как потенциальных предателей. Те же меры принимались и в отношении немцев-колонистов. Частичной депортации подвергались также "подозрительные" поляки и украинцы. Подобные меры сопровождались насилиями, грабежами, издевательствами и вызывали бурные протесты, особенно со стороны различных еврейских организаций[20]. Перемещения большой массы евреев фактически разрушали "черту оседлости", создавали массу проблем с их трудоустройством и снабжением, усиливали социальную напряженность в стране. Все это еще больше обостряло и без того чрезвычайно болезненный для России еврейский вопрос.

Правда, вскоре практика насильственных депортаций была прекращена, поскольку власти уже не могли справиться с потоками беженцев, устремившихся на восток. Только за вторую половину 1915 г. с западного театра военных действий в организованном порядке были вывезены в глубь России 4 тыс. учреждений и учебных заведений, фабрик и заводов, монастырей. В Закавказье появилось множество армян, бежавших из Турции, власти которой проводили геноцид в отношении армянского населения. В итоге общее количество перемещенных лиц составило в России в годы первой мировой войны около 5 млн человек. Судьба многих беженцев сложилась трагически, а их реэвакуация затянулась до 1924 г.[21]

Отступление русской армии вызвало, с одной стороны, новую волну патриотических настроений (теперь уже даже с шовинистическим оттенком), а с другой – взрыв шпиономании, поиск предателей в высших эшелонах власти и дальнейшее падение ее престижа в глазах населения. В первой декаде июня 1915 г. в Москве при активном участии рабочих прошла серия антинемецких выступлений, к организации которых были причастны и местные власти. Москвичи требовали удаления с предприятий администраторов-немцев, громили и грабили немецкие магазины и квартиры немецких и австрийских подданных, избивали их. В ходе погрома пострадали 457 иностранных предприятий, более 200 квартир и домов. Около 700 человек, в том числе и русских, были ранены и избиты разбушевавшейся толпой. Ущерб, нанесенный погромами, оценивался примерно в 50–70 млн руб. С большим трудом полиции удалось восстановить во второй столице империи порядок. К счастью, дальнейшего распространения эти погромные настроения, к которым революционные партии никакого отношения не имели, не получили[22].

В целях самозащиты от обвинений в укрывательстве шпионов властями было раскручено сфальсифицированное дело по обвинению в измене полковника С.Н. Мясоедова, арестованного в феврале 1915 г. и приговоренного затем к расстрелу. Мишенью для нападок стал и военный министр В.А. Сухомлинов. В июне 1915 г. он был отстранен от занимаемой должности, а в 1916 г. арестован и предан суду. В 1917 г. уже при Временном правительстве обвинения в шпионаже с него были сняты, тем не менее за плохую подготовку армии к войне и неудовлетворительное руководство работой своего министерства Сухомлинов был приговорен к пожизненному тюремному заключению. В 1918 г. его освободили по старости и болезни и дали

возможность выехать за границу. Следует подчеркнуть, что германская разведывательная агентура действительно вела в России активную работу. Однако справедливости ради нужно сказать, что в высших эшелонах российской власти и тем более в царской семье немецких агентов не было, хотя слухи о "шпионке-царице" получили в народе довольно широкое распространение.

К лету 1915 г. внутриполитическая обстановка в стране вновь стала накаляться. После довольно продолжительного затишья поползла вверх кривая забастовочного движения. По далеко не полным официальным данным, в мае бастовало уже 59 тыс., а в июне – 80 тыс. рабочих[23]. Большинство бастующих приходилось на текстильщиков, зарплата которых все больше отставала от быстро растущих цен на товары первой необходимости. По мере активизации деятельности революционных партий забастовщики стали выдвигать и политические требования. В январе 1915 г. в Петрограде и Риге рабочие отметили стачками 10-ю годовщину "Кровавого воскресенья". В феврале в Москве прошли забастовки протеста против суда над большевистскими депутатами IV Государственной думы. В мае в Петроградской, Самарской, Саратовской, Тверской, Харьковской губерниях и в Донской области были отмечены случаи прекращения работ в связи с празднованием 1 мая. 18 июня в Костроме полиция расстреляла рабочих, добивавшихся освобождения арестованных за участие в забастовке товарищей. 12 человек, в том числе десятилетний мальчик, были убиты и 45 ранены. Ответом на это стала первая в период войны политическая стачка текстильщиков Костромы.

Однако главную угрозу для правительства представляли в тот момент не пролетарские "низы" и социалистические партии, с которыми энергично и довольно эффективно боролась полиция, а либералы и Государственная дума с ее октябристско-кадетским большинством. В первую годовщину начала войны, 1 августа 1915 г., Николаю II все же пришлось созвать на очередную сессию столь ненавистный ему российский парламент. Но на этот раз от былого единения депутатов с властью не осталось и следа. Милюков, например, прямо обвинил правительство в том, что оно "точно нарочно все делает, чтобы распылить народный порыв". Он негодовал по поводу преследования сектантов, повального выселения евреев из прифронтовой полосы, национальной и религиозной нетерпимости во время оккупации русскими войсками Галиции в 1914–1915 гг. Лидер кадетов даже потребовал возвращения из Сибири депутатов-большевиков. Закончил же он свою речь на такой патетической ноте: "Снимите путы, дайте дорогу общественным организациям... дайте стране внутренний мир, прекратите разжигание национальных распрей, и вы вызовите новый порыв энтузиазма: все для победы!"

Прогрессисты и трудовики высказались за создание ответственного перед Думой правительства, а меньшевик Чхеидзе закончил выступление так: "Если народ не очнется, не возьмет в свои руки судьбу страны, разгром неизбежен. Или Государственная дума сознает эту основную задачу, или народ перешагнет через Думу ... Правительство должно уйти, народ должен взять в свои руки судьбу страны"[24].

В итоге была принята более мягкая, но все же крайне неприятная для власти формула: Дума проголосовала за создание кабинета министров, пользующегося доверием страны. Так, 2 августа 1915 г. фактически родился

блок думских фракций, получивший затем название Прогрессивного. Его окончательное оформление произошло через месяц, 7 сентября 1915 г. В Прогрессивный блок не вошли только крайне правые и ультралевые депутаты, тогда как остальные – от умеренных националистов до кадетов, т.е. 236 из 442 членов Думы, – решили отныне действовать заодно. К ним присоединились и три центристские фракции Государственного совета. Бюро блока возглавил октябрист С.И. Шидловский, а членами его стали кадеты П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Н.В. Некрасов, прогрессист И.Н. Ефремов и др.

Пестрый состав блока обусловил и компромиссный характер его программы, центральным пунктом которой было требование создания правительства из лиц, "пользующихся доверием страны", т.е. не запятнавших себя неблаговидными поступками представителей высшей бюрократии и некоторых популярных оппозиционных деятелей. Кроме того, в программе фигурировали такие пункты, как частичная, довольно куцая политическая амнистия, прекращение преследований за веру, "вступление на путь отмены ограничений в правах евреев", автономия Польши, "примирительная политика" в отношении Финляндии, восстановление профсоюзов и рабочей печати. Предполагалось также уравнять в правах крестьян с другими сословиями и ввести волостную земскую единицу.

Все прекрасно понимали, что главное – это вопрос о персональном составе нового правительства. В газете Рябушинского "Утро России" были опубликованы два списка потенциальных кандидатов в министры. В них в разных комбинациях входили Родзянко, Гучков, Коновалов, Милюков, В.А. Маклаков и другие деятели Прогрессивного блока. Встречались и фамилии некоторых действующих и бывших царских министров – А.В. Кривошеина, В.Н. Коковцова, А.А. Поливанова и др. Многие из них действительно вошли позже в состав Временного правительства, образованного после свержения самодержавия в марте 1917 г.

Однако Николай II не пожелал считаться с мнением членов Прогрессивного блока, хотя часть действующего состава правительства – министр иностранных дел Сазонов, министр земледелия, соратник Столыпина Кривошеин, военный министр Поливанов – находила программу блока достаточно приемлемой. Сазонов, например, полагал, что с оппозицией можно договориться и заставить ее "сбавить цену" в том политическом торге, который она вела с властью. "Если только обставить все прилично и дать лазейку, – говорил он, – то кадеты первые пойдут на соглашение. Милюков – величайший буржуй и больше всего боится социальной революции. Да и большинство кадетов дрожат за свои капиталы"[25]. Однако председатель Совета министров Горемыкин твердо стоял на страже самодержавного режима, чутко уловив полное неприятие царем любого серьезного политического компромисса с оппозицией. Николай II уже смирился к тому времени с существованием Думы, но делить с ней власть отнюдь не собирался, ограничиваясь лишь сменой одних бюрократов на других. Пройдет совсем немного времени, и будут уволены сначала Кривошеин, потом Поливанов и Сазонов. Падающей монархии дальновидные политики были уже не нужны. На смену им шли заискивающие угодники и случайные фавориты, меньше всего думавшие о спасении России.

5 сентября 1915 г. Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего вооруженными силами России. Известно, что он соби-

рался сделать это еще в июле 1914 г., в преддверии войны, но тогда министры отговорили его от этого шага, и главкомом был назначен великий князь Николай Николаевич. По мнению членов правительства, царь мог бы лично возглавить армию только в двух случаях – при очень удачном ходе военных действий или, наоборот, если враг будет угрожать самому существованию России как великой державы[26]. Летом 1915 г. события на фронте как раз соответствовали второму варианту. Николай II решил, что перед лицом грозных испытаний он обязан быть в непосредственной близости от действующей армии, поскольку прежние его эпизодические наезды в Ставку носили чисто инспекционный характер и никак не влияли на ход военных операций. Неприятен ему был и довольно высокий авторитет Николая Николаевича в войсках, и та огромная власть, которой обладал теперь его дядя. Кроме того, царя и особенно царицу пугали популярность Н.Н. Романова в оппозиционных думских кругах и его заигрывания с общественностью. Все это вместе взятое и побудило Николая II взять на себя, хотя бы номинально, тяжкую ношу верховного руководства ведением войны.

Однако и на этот раз восемь министров во главе с Сазоновым обратились к царю с письмом, где просили его отказаться от столь радикального решения вопроса, а заодно заявили о своих разногласиях с 76-летним премьером И.Л. Горемыкиным и коллективно попросили дать им всем отставку. На Николая II этот демарш произвел крайне тягостное впечатление, и он назвал его министерской "забастовкой". Однако Горемыкина царь не тронул, а вот шестерых "подписантов" в дальнейшем сместил с их постов. Что касается Думы, то 16 сентября 1915 г. она была опять отправлена на каникулы. В ответ правые депутаты в очередной раз прокричали "ура!", и Дума покорно разошлась, еще раз показав, что не намерена переходить к более радикальным действиям.

Один из видных правых кадетов, Маклаков, 10 октября опубликовал в "Русских ведомостях" фельетон "Трагическое положение", где образно сравнил оппозицию с человеком, оказавшимся в автомобиле, которым управляет "безумный шофер" (читай – царь). Шофер цепко ухватился за руль, никому не хочет уступить своего места, и машина на бешеной скорости мчится к пропасти. "Что же делать?" – спрашивал автор статьи и отвечал: "Вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда минует опасность..." В ходу у оппозиционеров была тогда известная поговорка: "На переправе коней не меняют", что означало только одно: до конца войны со стороны думской оппозиции правящему режиму ничего серьезного не грозит.

1915 г. не случайно ознаменовался и таким своеобразным общественно-политическим явлением, как активизация российского масонства. Понятно, почему именно в России, где не только революционное, но и либерально-оппозиционное движение жестко контролировалось и подвергалось гонениям со стороны властей, пришедшие с Запада еще в XVIII в., а затем официально запрещенные Александром I в 1822 г. масонские ложи стали "запретным плодом". Они имели особую притягательную силу для элитарной части отечественной интеллигенции и политических деятелей. После революции 1905–1907 гг. масонство переживало в России второе рождение. Для российских масонов это была еще одна форма тайной оппозиции самодержавию, а для их западных "братьев" – еще один рычаг воздействия на давно притягивавшую и еще более

Великий князь Николай Николаевич

пугавшую их Россию, которую им так хотелось подчинить своему влиянию. Однако как раз этого последнего масонам добиться и не удалось.

Долгое время деятельность российских масонов была окутана глубокой тайной, и информация о ней была доступна лишь узкому кругу "посвященных". Однако постепенно бывшие масоны, оказавшиеся потом в эмиграции, стали раскрывать свои секреты, и ныне историки признают как самый факт активизации российского масонства накануне 1917 г., так и его влияние на политическую жизнь нашей страны, хотя споры о степени этого влияния продолжаются до сих пор. В 1970–1980-е годы с подачи русской эмигрант-

ской и зарубежной историографии (П.Н. Милюков, С.П. Мельгунов, А.Ф. Керенский, Н.Н. Берберова, Г. Катков и др.) и при активном участии спецслужб, развернувших тогда борьбу с диссидентским движением, в советской исторической литературе довольно неожиданно произошла актуализация темы отечественного масонства. Некоторые историки представляли его одним из главных факторов падения самодержавия. Однако появившиеся на этой волне работы историков Н.Н. Яковлева, А.Я. Авреха, В.И. Старцева и др.[27] по-прежнему оставляют многие вопросы на уровне гипотез. Ограниченный круг документальных источников и их ненадежность, во многом объяснимые той атмосферой таинственности и засекреченности, которая всегда окружала масонов, до сих пор не дают возможности до конца разобраться в этой интересной, но крайне сложной проблеме. В контексте общего интереса к истории русской революции 1917 г. она сохраняет свою злободневность.

На сегодняшний день в историографии четко обозначились два подхода к масонской теме: в глазах одних масоны сыграли чуть ли не решающую роль в драматических событиях 1917 г. в России, тогда как их оппоненты решительно отрицают сколько-нибудь значительное влияние масонского фактора на ход исторического процесса в нашей стране. При этом первые в прямой или косвенной форме всячески эксплуатируют старую как мир идею жидо-масонского заговора против России в интересах Запада, тогда как вторые не видят в деятельности масонов каких-либо фатальных для россиян последствий, что, видимо, все же ближе к истине.

В масонские ложи входили самые разные представители политической элиты, исповедовавшие либеральные и даже социалистические взгляды (Гучков, Львов, Шингарев, Некрасов, Коновалов, Терещенко, Керенский, Чхеидзе, М.И. Скобелев и др.). Организации масонов существовали в Петрограде, Москве, Киеве, Тифлисе, Самаре и некоторых других городах. С достаточной долей уверенности можно предполагать, что в обстановке острейшей общественно-политической конфронтации, царившей в то время в России, а также учитывая полное бессилие думской оппозиции изменить ситуацию в стране в рамках существующих законов, масоны решили использовать свою нелегальную организацию. Они стремились предотвратить сползание России к хаосу и катастрофе, удержать ее хотя бы в каком-то подобии правового поля и обеспечить относительно мирный переход власти от царя к буржуазии.

В определенной мере масонам это удалось, о чем свидетельствует персональный состав Временного правительства, пришедшего к власти после падения самодержавия (почти все его члены были масонами). Однако набиравшие силу кризисные явления в российской экономике и неспособность Временного правительства поставить заслон революционной стихии масс и деятельности ультрарадикальных партий, в первую очередь большевиков, оказались в конечном счете сильнее любых масонских клятв, тайных обязательств и интриг.

Возвращаясь к событиям осени 1915 г., нужно подчеркнуть, что в то время вновь заставили заговорить о себе рабочий класс и его социал-демократические организации. Активизации рабочего движения способствовали, с одной стороны, прогрессировавшее ухудшение материального положения пролетариата, а с другой – само правительство, которое своими действиями

провоцировало рабочих на решительные ответные шаги. Вслед за упомянутым уже июньским расстрелом рабочих в Костроме 23 августа в Иваново-Вознесенске была вновь расстреляна рабочая демонстрация солидарности с арестованными товарищами, причем 30 человек были убиты, а более 50 ранены. В знак протеста против этого нового преступления властей забастовали тогда рабочие 33 предприятий Петрограда, 76 предприятий Москвы и ряда других городов. Всего в сентябре бастовали более 110 тыс. рабочих – самое большое количество с начала войны, причем лишь менее четверти из них выдвигали чисто экономические требования. Всего же во втором полугодии 1915 г. было зарегистрировано не менее 330 тыс. стачечников против 220 тыс. в первом полугодии, причем эти данные далеко не полны[28].

Что касается деревни, то внешне она выглядела намного спокойнее города: сказывались уход наиболее активной части мужского населения на фронт, сравнительно хороший урожай и приостановка весной 1915 г. проведения столыпинской аграрной реформы, вызывавшей сопротивление значительной части крестьянства. В итоге в 1915 г. было отмечено лишь около 180 крестьянских выступлений. Однако настроение деревни напоминало затишье перед бурей: «Пока еще верят несколько Думе, – писал один помещик в августе 1915 г., – но надолго ли хватит этой веры? А потом? ...Потом останутся лишь действительно “свои средства”: красный петух да дубина»[29].

К концу 1915 г. обстановка в тылу и, главное, на фронте несколько стабилизировалась, и солдат даже стали отпускать в краткосрочные отпуска. Был преодолен кризис боевого снабжения армии. Отставка великого князя Николая Николаевича позволила частично преодолеть вредный параллелизм в действиях военных и гражданских властей, хотя в России продолжало остро ощущаться наличие придворной камарильи, а также определенная несогласованность в действиях правительства и Ставки. Общий объем промышленного производства даже превысил уровень 1913 г., но интенсивное развитие военных отраслей контрастировало со спадом в производстве мирной продукции. Начался процесс сокращения посевных площадей. Продолжал нарастать топливный и транспортный кризис.

Налицо был несомненный рост общественной инициативы (Земгор, военно-промышленные комитеты, широкое кооперативное движение, движение по борьбе с дороговизной и т.д.). Однако преобладание в политике правительства элементов консервативного традиционализма мешало налаживанию эффективного сотрудничества власти и общества. В России были налицо и кризис “верхов”, и растущее недовольство и возбуждение “низов”.

4. От “осады” власти к ее штурму

Начало 1916 г. прошло в тревожном ожидании перемен. 20 января было объявлено о долгожданной отставке Горемыкина, и председателем Совета министров был назначен 67-летний, ничем особенно не примечательный бывший тверской и ярославский губернатор Б.В. Штюрмер. В обстановке скрытой, а часто и явной неприязни широких общественных кругов ко всему немецкому уже одна фамилия Штюрмера была гарантией его априорной непопулярности в народе. Трудно было придумать другое более неудачное решение этого кадрового вопроса, тем не менее оно было принято, причем

большую роль здесь сыграл человек, оказывавший все большее и большее влияние на царскую чету – Григорий Распутин.

Г.Е. Распутин (Новых) стал настоящим "злым гением" правящей династии. Он впервые появился в царской семье еще в конце 1905 г. Этот малограмотный сибирский мужик имел пронзительный взгляд, зачастую говорил бессвязно и загадочно. Он олицетворял в глазах царя и царицы тот "настоящий" русский народ, в преданности которого идее самодержавия они не сомневались вплоть до роковых событий 1917 г. Его огромное влияние при дворе объяснялось в первую очередь тем, что Распутин обладал несомненными экстрасенсорными способностями и знал народную медицину. Это позволяло "старцу" облегчать страдания неизлечимо больного гемофилией наследника престола цесаревича Алексея.

Историки до сих пор спорят о степени влияния Распутина на царскую чету и на политический курс правительства. Одни склонны преувеличивать его ("царем управляла царица, а ею – Распутин"), другие, наоборот, полагают, что "старец" не вел никакой самостоятельной политической игры, а лишь искусно угадывал настроения своих венценосных покровителей. Как бы то ни было, с осени 1915 и особенно в 1916 г., когда Николай II часто выезжал в Ставку и "на хозяйстве" в Петрограде оставалась императрица Александра Федоровна, роль Распутина, особенно в решении кадровых вопросов, резко возросла. Глубоко аморальное, а часто и откровенно разнузданное поведение "святого черта", как нередко называли Распутина, а также его темные закулисные связи с разного рода проходимцами и авантюристами способствовали окончательной дискредитации династии Романовых в глазах общественного мнения.

Крайне негативно воспринималась в обществе и отсрочка созыва Государственной думы. Он намечался первоначально еще на ноябрь 1915 г. Собралась же Дума в очередной раз после пятимесячного перерыва лишь 22 февраля 1916 г. В тот день депутатов лично посетил Николай II (событие экстраординарное), который произнес несколько банальнейших фраз с пожеланием успеха в их работе. Затем с правительственной декларацией выступил Штюрмер. Его вялая, формально-бюрократическая речь, в которой он счел нужным особо подчеркнуть незыблемость "исторических устоев" российского государства, явно не удовлетворила депутатов. Главный режиссер Прогрессивного блока Милюков с убийственной откровенностью сравнил его тактику с поведением врача, знающего, что прописываемые им лекарства не могут спасти безнадежно больного пациента, но продолжающего прежний курс лечения: "Я не знаю, приведет ли правительство нас к поражению. Мы этого боимся и хотим это предупредить. Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению, и недаром этого так жаждет наш враг. Если бы мне сказали, что организовать Россию для победы значит организовать ее для революции, я сказал бы: лучше оставьте ее на время войны так, как она была, неорганизованной..." Милюков добавил также, что резкие выступления против правительства могут толкнуть последнее на заключение сепаратного мира с Германией. Поэтому он полагал, что у Прогрессивного блока в данный момент может быть лишь одна тактика: "выжидать и перетерпеть" ради неизбежного, как ему представлялось, в будущем торжества русского либерализма[30].

Думская сессия, продолжавшаяся до 20 июня 1916 г., вылилась в настоящую позиционную войну Прогрессивного блока с правительством, но не принесла реальных результатов. В ходе дебатов затрагивались и рабочий, и крестьянский вопросы, но выйти из своеобразной патовой ситуации Дума так и не смогла, ибо к радикальным решениям не были готовы ни парламентарии, ни тем более правительство.

В отличие от предшествующих сессий депутаты активно обсуждали в 1916 г. и внешнеполитические проблемы. При этом Милюков поддержал лондонское соглашение пяти союзных держав о незаключении сепаратного мира с Германией. В этой связи он осудил как "пораженцев" слева с их лозунгом демократического мира без аннексий и контрибуций, так и крайне правых, стремившихся, по его мнению, добиться заключения мира между Россией и Германией ценой недопустимых уступок противнику. Сам Милюков продолжал настаивать на том, что без получения выхода к "свободному морю", т.е. без овладения Черноморскими проливами, Россия кончить эту войну просто не имеет права. Брусиловский прорыв воскресил надежды на победу России в войне. На короткое время страна вновь оказалась охваченной патриотическим подъемом.

Но осенью 1916 г. ситуация стала опять быстро ухудшаться. В особенно тяжелом положении оказались рабочие. Несмотря на некоторый рост их номинальной зарплаты, реальные заработки на фоне резкого повышения цен и квартирной платы упали до 60–80% довоенного уровня[31]. Рабочий день с учетом сверхурочных доходил до 12–16 часов в сутки при значительном увеличении интенсивности труда. Рос производственный травматизм. Женщины, подростки и даже дети работали наравне со взрослыми мужчинами, получая при этом за свой труд значительно меньше, чем они.

Кризис на транспорте вызывал огромные трудности с подвозом продовольствия в промышленные районы и большие города. В ноябре 1916 г. по предложению министра земледелия А.А. Риттиха была введена принудительная разверстка хлебных поставок государству по установленным еще раньше твердым ценам, которые были значительно ниже рыночных. Поэтому крестьяне бойкотировали продажу хлеба государственным продовольственным органам, предпочитая придерживать его или иметь дело со спекулянтами. В городах началось введение карточной системы снабжения населения продовольствием. С раннего утра у магазинов и продуктовых лавок выстраивались длинные "хвосты", стихийно превращавшиеся в своеобразные политические клубы, где уже довольно открыто велись антиправительственные разговоры. К концу 1916 г. стали учащаться случаи продовольственных бунтов и разгрома магазинов. Активное участие в этих анархических акциях принимали женщины-работницы и городская беднота.

Пролетариат отвечал на ухудшение своего материального положения ростом забастовочного движения. По далеко не полным официальным данным, в 1916 г. в стачках приняли участие 1172 тыс. человек против 570 тыс. в 1915 г. Для сравнения отметим, что в Британии в 1916 г. бастовало около 280 тыс., в Германии – примерно 130 тыс., а во Франции – всего 40 тыс. рабочих[32].

Самыми крупными из забастовочных выступлений российского пролетариата были в 1916 г.: стачки на судостроительных заводах в Николаеве и на Путиловском заводе в Петрограде (январь–февраль), забастовки на ме-

таллургических заводах Юга и шахтах Донбасса (апрель–май) и особенно петроградские стачки в октябре, в которых активную роль играли большевики. Около трети стачечников участвовали при этом в политических забастовках. В ответ власти стали все чаще применять такую карательную меру, как отправка рабочих-активистов на фронт.

Нарастало и крестьянское движение. В 1916 г. произошло около 300 крестьянских выступлений. Треть из них была подавлена с помощью войск[33]. Характерно, что и в деревне большинство выступлений было направлено против дороговизны и нередко сопровождалось разгромом сельских лавок и магазинов. Кроме того, крестьяне отказывались платить арендную плату и земские сборы, сопротивлялись проведению военных реквизиций.

Как и в 1915 г., в армии росло количество дезертиров, участились случаи братания русских солдат с солдатами противника. Летом 1916 г. началось восстание коренного населения Средней Азии и Казахстана, впервые привлеченного к тыловым работам в прифронтовых районах, поскольку от призыва в армию "инородцы" в России были освобождены. Основная тяжесть этой новой повинности упала на плечи городской и сельской бедноты, и без того находившейся в очень тяжелом материальном положении. Гнев восставших был направлен против царской администрации и русских вообще, а также против местных землевладельцев, ростовщиков и крупных торговцев. Помимо уничтожения списков мобилизованных, разгрома полицейских участков и волостных канцелярий, широко практиковался уход киргизов, казахов и представителей других национальностей этого региона в глубь степей и в горы. Подавление восстания затянулось до 1917 г.

Между тем правящие "верхи" России продолжали дрейфовать вправо. В сентябре началось стремительное "восхождение" к вершинам власти явного авантюриста, но ловкого и обходительного царедворца, в недавнем прошлом члена Прогрессивного блока Протопопова, возглавившего не без протекции Распутина Министерство внутренних дел. Это привело к новому конфликту власти с Государственной думой. Открытие 14 ноября 1916 г. ее очередной сессии прошло под знаком настоящего взрыва возмущения депутатов "темными силами", свившими гнездо при царском дворе и якобы готовыми "продать" Россию Германии. Руководитель бюро Прогрессивного блока Шидловский заявил с думской трибуны, что "недоверие к власти сменилось чувством, близким к негодованию", а правительство неспособно справиться с создавшейся в стране кризисной ситуацией. Он потребовал смены кабинета министров во главе со Штюрмером и подчеркнул, что Прогрессивный блок будет стремиться к достижению этой цели всеми доступными ему "законными способами"[34]. Резко выступили против правительства Чхеидзе и Керенский, который прямо бросил в лицо царским министрам: "Братоубийцы! Трусы! Предатели!"[35]

Но кульминацией заседания стала яркая, хотя и во многом демагогическая речь Милюкова, сказавшего, что с существующим правительством Россия никогда не добьется победы. Прикрывшись ссылкой на статью в немецкой газете, Милюков прямо связал действия "темных сил" в России, включая Распутина, с императрицей Александрой Федоровной. Это была неслыханная дерзость, и, если учесть природную осторожность оратора, легко можно сделать вывод: старый режим действительно трещал по всем швам. Но и это было еще не все. Говоря о действиях правительства, Милюков не-

сколько раз задавал аудитории риторический вопрос: "Что это? Глупость или измена?" При этом лидер кадетов хорошо понимал, что не может доказать своих обвинений, но шел, как говорится, ва-банк. Думская же аудитория толковала слова Милюкова как доказательство "измены" власти, хотя сам он, по его собственному признанию, и не был вполне уверен в такой интерпретации[36].

Наиболее резкие речи думских ораторов, произнесенные 14 ноября, были запрещены к печати, но они в тысячах экземпляров нелегально разошлись по рукам в тылу и на фронте, где произвели колоссальный эффект. При этом новым моментом в работе Думы было теперь то, что в критике правительства с либералами сомкнулись и крайне правые, решившие, что процесс распада власти подошел к последней черте и нужно спасать Россию. 19 ноября в Таврическом дворце выступил Пуришкевич, призвавший царя наконец избавиться от Распутина и распутинцев, губящих страну. Это был буквально крик души правомонархического лидера, отчетливо сознававшего, что монархия идет ко дну. Его речь вызвала настоящую овацию всех депутатов, ибо Распутин стал к тому времени самой зловещей и одиозной фигурой среди "темных сил". Монархист В.В. Шульгин тоже признал, что в условиях, когда страна "смертельно испугалась собственного правительства", ей не остается ничего другого, кроме как "бороться с этой властью до тех пор, пока она не уйдет"[37].

После многочисленных неудачных попыток "раскрыть глаза" Николаю II на истинный облик "старца" и добиться его удаления из Петрограда против Распутина был устроен заговор. В нем наряду с Пуришкевичем участвовали родственники царя великий князь Дмитрий Павлович и князь Ф.Ф. Юсупов. Распутина убили в ночь с 29 на 30 декабря 1916 г. "Старца" пытались сначала отравить, затем в него стреляли, били и, наконец, еще живым бросили в прорубь на Неве. Однако это убийство не дало желаемых результатов: политический курс правительства остался без изменений. Страна продолжала сползать к катастрофе.

Одновременно вызревали и планы более масштабного верхушечного *военного переворота в целях замены Николая II наследником Алексеем при* регентстве брата царя Михаила. Но дальше разговоров и консультаций дело не пошло. Наиболее активен в этом отношении был Гучков, с молодых лет склонный к авантюрам и экстравагантным поступкам. Он вел доверительные беседы с кадетом Некрасовым, Терещенко, британским послом Бьюкененом, генералами М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А.М. Крымовым и др. Позже сам Гучков говорил: "Сделано было много, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось"[38].

В условиях, когда все чаще раздавались требования сделать правительство "чисто национальным", Николай II пошел в ноябре 1916 г. на замену Штюрмера А.Ф. Треповым, а уже через полтора месяца последний был вынужден уступить свое место 66-летнему Н.Д. Голицыну. Протопопов же оставался на посту министра внутренних дел вплоть до свержения самодержавия. Всего же за время войны в России сменились четыре премьера, шесть министров внутренних дел, четыре военных министра, четыре министра юстиции и т.д.

Катастрофа надвигалась стремительно, и у нее практически уже не было альтернативы. Никогда еще престиж монарха не падал в России так

низко, как в начале 1917 г. (дело доходило до откровенной политической порнографии). Стачечное движение нарастало как снежный ком. Протопопову даже пришлось отдать приказ об аресте в ночь на 10 февраля 1917 г. членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета в Петрограде во главе с меньшевиком К.А. Гвоздевым. Они призывали организовать 27 февраля, в день открытия новой сессии Думы, демонстрации с целью заставить депутатов создать Временное правительство, опирающееся на народ[39]. Реализовать этот план не удалось. Но уже один тот факт, что он родился в головах тех, кого сама власть призвала в ЦВПК для наведения мостов между правительством и буржуазией, с одной стороны, и пролетариатом – с другой, говорил о многом.

В начале 1917 г. монархия в России оказалась в политическом вакууме. Ее не поддерживали не только "низы", но и часть "верхов" общества, включая некоторых великих князей. Монархически настроенное офицерство было либо перебито на фронте, либо растворилось в новом, более демократическом пополнении и не могло уже служить опорой царской власти. "Черносотенные" организации, массовая база которых за время войны заметно сократилась, остались невостребованными. Армия разлагалась, и дело доходило уже до прямого неповиновения начальству и отказа идти в наступление. Как писал позже Брусилов, "к февралю 1917 года вся армия – на одном фронте больше, на другом меньше – была подготовлена к революции"[40].

Если в начале войны патриотизм сблизил большинство населения с властью, то в начале 1917 г. те же патриотические чувства привели к усилению конфронтации власти и народа, заставив значительную его часть поверить в то, что спасет Россию не царь, а революция, которая его свергнет. Одновременно росла и апатия людей, безмерно уставших от войны и желавших только одного – мира во что бы то ни стало и любой ценой.

Николай II надеялся, что 1917 г. станет годом победы России в войне. В реальной действительности он стал годом грандиозной русской революции.

5. Красный 1917-й

Революция началась, однако, неожиданно и для властей, и для самих революционеров. Обострение продовольственной ситуации в Петрограде вызвало массовые протесты взвинченных и озлобленных женщин-работниц, к которым примкнули и мужчины. 8 марта в столице стихийно начались забастовки и демонстрации, сопровождавшиеся уличными беспорядками. Заседавшая в тот день Государственная дума снова резко критиковала правительство и потребовала принять решительные меры к улучшению снабжения населения, предлагая привлечь к этой работе общественность.

В последующие два дня забастовка охватила уже до 200–300 тыс. рабочих. Вместе с ними на улицы вышли студенты, служащие, простой городской люд. С рабочих окраин демонстранты, сметая полицейские заслоны, прорывались в центр города, на Невский проспект. Здесь непрерывно шли митинги под лозунгами: "Долой войну!", "Долой царя!", "Мира и хлеба!". На фоне бурного всплеска народной стихии роль революционеров как идео-

логов, агитаторов и организаторов движения выглядела более чем скромно, хотя постепенно их влияние на массы росло.

Что касается царских властей, то сначала они даже не восприняли происходящее в столице всерьез. "Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам", – телеграфировала 10 марта царица мужу, находившемуся в Ставке[41]. В тот же день Николай II приказал немедленно прекратить беспорядки, по существу дав карт-бланш военным. Одновременно в работе Думы был сделан очередной перерыв до апреля, однако больше она уже не собиралась.

11 марта войска начали стрелять в народ. Несколько десятков человек были убиты и ранены. Это вызвало лишь новый взрыв возмущения питерцев и усилило колебания среди солдат. Одна рота Павловского полка перешла на сторону революции и даже открыла огонь по конной полиции, положив начало слиянию рабочего и солдатского потоков антиправительственного движения. Этому способствовало и то, что среди 200 тыс. солдат, расквартированных в Петрограде, было немало местных рабочих, в том числе и участников недавних забастовок в столице.

К вечеру следующего дня, 12 марта, около половины войск столичного гарнизона перешли на сторону народа. Старая власть в Петрограде фактически рухнула. Начался разгром полицейских участков и разоружение стражей порядка, по требованию народа из тюрем выпустили политических заключенных. Это было настоящее народное восстание против самодержавного строя, и оно быстро шло к победе. Центром политических событий стал Таврический дворец, к которому стекались тысячи рабочих и солдат. Здесь 12 марта оформились два важных руководящих органа – Совет рабочих депутатов и Временный комитет Государственной думы. Первый во главе с меньшевиком Чхеидзе руководил народным движением, второй во главе с Родзянко стремился заполнить вакуум власти, образовавшийся в результате роспуска Думы, ареста царских министров и бездействия продолжавшего оставаться в Могилеве царя.

В тот же день появился манифест ЦК большевиков (точнее, его Русского бюро, в которое входили в то время А.Г. Шляпников, В.М. Молотов и др.). В нем выдвигалась задача создания Временного революционного правительства, призванного обеспечить переход всей земли к крестьянам, введение 8-часового рабочего дня и созыв Учредительного собрания. Оно должно было также обеспечить продовольствием население и армию и принять меры к скорейшему прекращению войны. На следующий день было выпущено и аналогичное, но более расплывчатое воззвание Организационного комитета меньшевиков.

Лишь 13 марта Николай II "дозрел" до решения выехать из Ставки в Петроград. Тем самым он окончательно отрезал себя от армии и потерял последний, хотя уже и довольно сомнительный, шанс на спасение. Однако до Петрограда царский поезд не дошел и повернул на Псков. Здесь Николай II после мучительных колебаний решил отказаться от престола. Не получив поддержки высшего генералитета, он понял, что продолжать борьбу бессмысленно. Поэтому поздно вечером 15 марта, когда в Псков прибыли из Петрограда Гучков и Шульгин, потребовавшие подписать документ об отречении в пользу наследника Алексея, Николай II без всякого сопротивления

отрекся и за себя, и за больного сына, передав престол своему брату Михаилу. Однако тот, узнав об этом, заявил, что примет корону только с согласия будущего Учредительного собрания (после того как власть в октябре захватили большевики, этот вопрос отпал сам собой). В марте 1917 г. Николай II и члены его семьи были арестованы, а в июле 1918 г. без суда расстреляны большевиками в Екатеринбурге.

Сам Николай II записал в дневнике 15 марта 1917 г.: "Кругом измена и трусость, и обман"[42]. В этих условиях его обычный фатализм подсказал ему, что нужно смириться, хотя позже он и сожалел о своей фактической капитуляции перед революцией. Сегодня это его решение оценивают по-разному: одни видят в нем политическое дезертирство, другие – благородное стремление избежать в России гражданской войны. Думается, однако, что у царя действительно не было другого выхода, ибо к 1917 г. он уже бесповоротно потерял Россию, утратившую былую веру в последнего "хозяина земли русской", как он сам называл себя.

Свержение самодержавия обошлось без больших человеческих жертв. В Петрограде погибли немногим более 300 и были ранены свыше 1100 человек[43]. Драматически развивались события на Балтийском флоте, где матросы убили и ранили до 120 офицеров. Погибли, в частности, адмиралы Р.Н. Вирен, А.И. Непенин, Ф.М. Бутаков[44]. В абсолютном же большинстве городов России царская администрация сдала свои позиции без сопротивления. Повсюду возникали Советы рабочих и солдатских депутатов, а также различные либерально-демократические общественные организации, которые и становились реальной новой властью на местах. Это были комитеты общественных организаций, комитеты общественного порядка, комитеты общественной безопасности и т.д., куда входили земские и городские деятели, журналисты, кооперативные и профсоюзные работники, представители крестьянских и солдатских организаций.

В ночь с 14 на 15 марта 1917 г. Петроградский Совет и Временный комитет Государственной думы согласились создать Временное (впредь до созыва Учредительного собрания) правительство. Реальная власть в столице находилась в те дни в руках Совета. Он объединил выборных представителей рабочих и солдат и с 15 марта стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов. Однако меньшевики и эсеры, преобладавшие тогда в его руководящем органе – исполкоме, считали, что народ еще не готов взять власть в стране, и добровольно уступили ее представителям либеральной общественности, которые, естественно, не видели другого пути развития России, кроме капитализма и буржуазной демократии.

В итоге был сформирован кабинет министров во главе с руководителем Земгора князем Львовым, близким к кадетам и устраивавшим в тот момент все основные политические силы страны – от царя до Совета рабочих депутатов. Он же стал и министром внутренних дел. Кадеты получили портфели министров иностранных дел (Милюков), путей сообщения (Некрасов), народного просвещения (Мануйлов), земледелия (Шингарев). Октябристы были представлены в правительстве Гучковым (военный и морской министр), а прогрессисты – Коноваловым (министр торговли и промышленности). "Заложником демократии" в этом явно буржуазном окружении стал объявивший себя эсером Керенский, являвшийся одновременно товарищем председателя Петроградского совета. Состав кабинета был близок к тому, кото-

рый намечался Прогрессивным блоком еще в 1915 г., а политический курс Временного правительства первого состава может быть охарактеризован в целом как либерально-демократический, причем министры все время действовали с оглядкой на Петроградский совет. Одновременно им приходилось, однако, учитывать мнение предпринимательских и банковских кругов, а также союзников России по Антанте, требовавших продолжения участия российской армии в войне.

Казалось, что в февральско-мартовские дни 1917 г. в России дружно блокировались народно-демократическое и буржуазно-оппозиционное движения против самодержавного строя, что позволило революции одержать столь быструю и сравнительно бескровную победу. Однако это "единение", символом которого стали демагогические речи о свободе и равенстве и красные банты в петлицах у вчерашних монархистов, оказалось призрачным и недолговечным.

Временное правительство стало заложником той крайне сложной и противоречивой обстановки, которая сложилась к весне 1917 г. в России. Продолжавшаяся уже два с половиной года война, непрерывно углублявшийся экономический и финансовый кризис, крах царской административной системы и приход к власти малокомпетентных в вопросах государственного управления общественных деятелей усугублялись крайним нетерпением народных масс, не скрывавших своего желания получить как можно больше и притом немедленно, а главное, нараставшим развалом армии. Никто не хотел задумываться над тем, реален ли был в условиях войны и разрухи 8-часовой рабочий день и значительное повышение заработной платы, к чему приведет немедленный захват крестьянами помещичьих имений, кто будет командовать армией вместо царских генералов и кто заменит старых чиновников? На первый план вышли задачи разрушения всего старого и, как думали тогда, навсегда отжившего свой век, а жажда мести за былые обиды и притеснения заглушала трезвый голос рассудка даже у многих здравомыслящих людей. Россия как бы брала реванш за долгие годы вынужденного безмолвия и покорности, она бурлила, митинговала, обличала проклятое прошлое и верила в то, что скоро все изменится к лучшему. И сдержать этот порыв к свободе не было дано никому.

В ту же мартовскую ночь, когда было образовано Временное правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов издал по настоянию последних приказ № 1. Согласно ему во всех подразделениях от роты до полка, а также на кораблях флота создавались выборные солдатские и матросские комитеты, имевшие право разрешать или запрещать участие войск в политических акциях, что фактически нарушало основополагающий для любой армии принцип единоначалия. В ряде случаев солдаты шли еще дальше, явочным порядком производя выборы офицеров. "Человек с ружьем" – а в начале 1917 г. в действующей армии и в тыловых гарнизонах находилось более 9 млн военнослужащих – получал отныне все гражданские права и активно включался в политическую жизнь страны. Последствия этого внешне очень демократического и практически неизбежного в тех условиях акта были неоднозначны, но в целом он сыграл в условиях продолжавшейся войны негативную роль, расшатывая воинскую дисциплину и превращая вооруженные силы в инструмент политической борьбы.

Бесспорно, разложение русской армии началось не с приказа № 1. Главную роль здесь играли объективные факторы (усталость от войны, плохое материальное снабжение войск, грубое обращение офицеров с солдатами и т.д.), а не агитационно-пропагандистская деятельность революционных партий. Тем не менее естественный и необходимый процесс демократизации вооруженных сил принял в России в 1917 г. неадекватные обстановке, а часто и откровенно уродливые формы, что способствовало углублению политического кризиса.

Программу своей деятельности Временное правительство обнародовало в декларации от 16 марта 1917 г. В ней объявлялось о полной политической амнистии, предоставлении всем россиянам, включая женщин, традиционных для западной демократии прав и свобод, а также о немедленной подготовке к выборам в Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права. Губернаторы заменялись комиссарами Временного правительства, назначавшимися, как правило, из числа местных общественных деятелей. Появилось и несколько сотен уездных правительственных комиссаров. Царскую полицию заменила народная милиция. Однако демократической республикой Россия была объявлена только 14 сентября 1917 г., старый чиновничий аппарат остался в основном нетронутым, а решение национального вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания, точные сроки которого не назывались. Точно такое же решение было принято и в отношении самого жгучего для нашей страны вопроса о земле. Были подтверждены монополия государства на хлебную торговлю и твердые цены на зерно, явно не устраивавшие крестьянство. Воздержалось правительство и от официального объявления о переходе к 8-часовому рабочему дню, хотя на многих предприятиях он уже был установлен по соглашению рабочих с предпринимателями. Не нужно доказывать, что в полной мере удовлетворить массы подобная правительственная платформа не могла. Не соответствовал настроениям народа и курс Временного правительства на продолжение войны и строгое соблюдение обязательств России перед союзниками.

Конечно, какое-то время власть могла держаться за счет революционной эйфории и "революционного оборончества" (признания необходимости защиты завоеваний революции от угрозы со стороны внешнего врага), охвативших весной 1917 г. миллионы россиян. Могла бы укрепить позиции правительства и хотя бы условная – в той мере, в какой оно проводило бы прогрессивные демократические преобразования, – поддержка со стороны Советов. Но рано или поздно обманутые надежды народа на прекращение войны и улучшение своего материального положения должны были стать источником нового взрыва недовольства и возмущения. При этом затягивание созыва Учредительного собрания под предлогом необходимости строгого соблюдения всех демократических процедур еще больше укрепляло тенденцию к превращению начавшейся революции в некий непрерывный, незатухающий процесс. Он никак не мог остановиться и перейти на рельсы мирного созидания основ нового строя, тем более что налицо были и активные политические силы, заинтересованные именно в таком, ультрареволюционном сценарии развития событий.

В 1917 г. на политической арене действовали более 200 общероссийских и национальных партий, самыми крупными из которых были кадеты, эсеры и социал-демократы. Главной базой оппозиции правительству стали Советы,

большинство в которых принадлежало партии эсеров, претендовавшей на представительство интересов всех слоев трудящихся города и деревни (с креном в сторону крестьянства) и стремительно наращивавшей весной 1917 г. численность своих рядов. Отодвинув в сторону доктринальные разногласия с марксистами, эсеры выступали в Советах единым фронтом с меньшевиками, предоставив последним роль главных идеологов советского движения.

Этот меньшевистско-эсеровский блок ставил своей задачей укрепление и развитие молодой российской демократии и подготовку к созыву Учредительного собрания. Оно должно было определить основные параметры социально-политического развития страны на обозримый ближайший период и обеспечить ее обороноспособность до заключения мира без аннексий и контрибуций между всеми воюющими государствами.

Демократическую революцию большинство меньшевиков и эсеров считали в основном законченной, а какие-либо социалистические эксперименты на данном этапе отвергались ими с порога из-за их полнейшей неподготовленности и обреченности на провал в условиях нищей, разоренной войной крестьянской страны. Лишь меньшинство в этих умеренно социалистических партиях во главе с Мартовым у меньшевиков и М.А. Спиридоновой и Б.Д. Камковым у эсеров выступало за продолжение и углубление революции. Они резко критиковали Временное правительство и требовали немедленного заключения мира, хотя и для них вопрос о социализме в России в практической плоскости не стоял. К власти меньшевики и эсеры в первые месяцы революции не стремились (меньшевики отвергли предложенный им портфель министра труда, а Керенский вошел в правительство без предварительного согласия эсеровского руководства). Они готовы были довольствоваться ролью крайней левой оппозиции, подталкивающей своей критикой власть к принятию более радикальных решений.

Что касается большевиков, то они сначала были в Советах в явном меньшинстве. У них было меньше навыков легальной работы, меньше популярных ораторов и журналистов, а прочно закрепившаяся за сторонниками Ленина репутация "пораженцев" резко контрастировала с массовыми революционно-оборонческими настроениями весны 1917 г., хотя о "пораженчестве" большевики теперь уже и не упоминали. Однако острота социальных конфликтов в стране, затягивание войны и откровенно выгодная буржуазии внутренняя и внешняя политика Временного правительства объективно работали на сторонников Ленина. Достаточно сказать, что в апреле 1917 г. численность большевиков, окончательно размежевавшихся с меньшевиками, достигала уже 80–100 тыс. человек.

До возвращения Ленина из эмиграции 16 апреля 1917 г. большевистские лидеры (Л.Б. Каменев, И.В. Сталин и др.) занимали позиции, во многом близкие к левому меньшевизму. Они выступали даже сторонниками объединения всех марксистов-интернационалистов. Однако Ленин круто изменил курс партии, призвав в своих знаменитых Апрельских тезисах добиваться полновластия Советов, установления диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, немедленного заключения мира, национализации земли, введения рабочего контроля над производством. Ленин понимал, что в России нельзя немедленно "ввести" социализм, издав несколько ультрарадикальных декретов, но социализм не являлся для него и некой несбыточной

мечтой. Путь к ее осуществлению лежал, по его представлениям, через установление в России власти большевиков и через мировую пролетарскую революцию, которая могла бы помочь преодолеть вековую российскую отсталость, темноту, сохранявшиеся везде и повсюду пережитки феодализма.

При этом вначале Ленин отказывался от прямого штурма власти вооруженным путем, рассчитывая на изменение соотношения сил внутри Советов в пользу своей партии. Иначе говоря, это был курс на мирное развитие революции, которое должно было привести к постепенному завоеванию на сторону большевиков большинства трудящегося населения России – пролетариата и крестьянской бедноты. Впрочем довольно скоро Ленин понял, что в обстановке войны и разрухи в нашей стране можно действовать и более радикальными средствами, опираясь не на избирательные бюллетени и убеждение, а на вооруженную силу приверженцев большевизма и революционное нетерпение масс. Этот ленинский план и был претворен большевиками в жизнь.

Между тем Временное правительство очень скоро столкнулось с открытым протестом петроградского пролетариата и солдат против войны. Нота министра иностранных дел Милюкова союзникам с заверением в том, что Россия будет продолжать войну до победного конца и сохранит верность договорам, привела к взрыву народного возмущения, вылившемуся 3–4 мая 1917 г. в крупные рабоче-солдатские демонстрации на улицах Петрограда. На них впервые прозвучал лозунг “Долой Временное правительство!”, носивший ярко выраженный ультрарадикальный характер (от него отмежевался тогда даже Ленин). Демонстрации свидетельствовали о резком падении авторитета Временного правительства в массах и привели к отставке Милюкова и Гучкова и образованию 18 мая 1917 г. коалиционного кабинета с участием кадетов, меньшевиков, эсеров и народных социалистов.

Социалистические партии решили, таким образом, разделить с кадетами ответственность за судьбу страны, рассчитывая предотвратить этим ее сползание к гражданской войне. Однако это решение стало их роковой ошибкой: в роли младших партнеров кадетов меньшевики и эсеры лишь скомпрометировали себя в глазах тех, кто поверил в эффективность их стратегии социального партнерства между трудом и капиталом. От меньшевиков в правительство вошли вернувшийся из сибирской ссылки лидер фракции РСДРП во II Думе И.Г. Церетели (министр почт и телеграфов) и бывший депутат IV Думы инженер Скобелев (министр труда). Эсеры были представлены лидером партии Черновым (министр земледелия) и Керенским (военный и морской министр). Два министерских поста получили народные социалисты. Однако десять портфелей остались у представителей либеральной общественности. Такое “равновесие” могло лишь отсрочить, но не предотвратить новый взрыв социальной напряженности, ждать которого пришлось совсем недолго.

Крестьяне, разуверившись во Временном правительстве, перешли к разгрому помещичьих имений и выступлениям против зажиточных односельчан и хуторян. В городах возобновились угасшие было весной стачки. Узаконенные Временным правительством фабрично-заводские комитеты, где было сильно влияние большевиков, все чаще вторгались непосредственно в сферу управления производством. На предприятиях создавались вооруженные отряды Красной гвардии, принявшие затем активное участие в октябрьском перевороте.

С 16 июня по 7 июля 1917 г. в Петрограде прошел I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Меньшевистских и эсеровских делегатов на нем было в пять раз больше, чем большевиков (на состоявшемся в апреле I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов это соотношение равнялось 32:1). Однако в действительности влияние ленинцев в больших городах и в армии было уже значительно сильнее. Во время работы съезда большевики недвусмысленно дали понять, что за лозунгом "Вся власть Советам!" в действительности стоит их намерение единолично захватить власть в стране в свои руки. Когда один из самых влиятельных тогда меньшевистских лидеров Церетели заявил, что в России нет такой партии, которая была бы готова одна взять власть и принять на себя ответственность за будущее страны, Ленин бросил ему с места реплику: "Есть!" – и заявил затем, что большевики в любую минуту готовы взять всю власть целиком. И хотя многие расценили тогда эти ленинские слова как пустое хвастовство, жизнь скоро подтвердила, что лидер большевиков отнюдь не шутил.

1 июля по решению съезда Советов в Петрограде прошла мощная 400-тысячная демонстрация рабочих и солдат, призванная доказать доверие народа правительству. Однако в ее колоннах преобладали лозунги: "Долой десять министров-капиталистов!", "Вся власть Советам!", "Долой войну!". Недееспособность Временного правительства, с одной стороны, и разжигание революционных страстей большевиками – с другой, на фоне все углублявшегося экономического кризиса и развала фронта неизбежно вели к дальнейшему обострению ситуации.

В середине июля возник новый правительственный кризис, вызванный уходом в отставку 4 министров – членов кадетской партии, недовольных излишними, по их мнению, уступками кабинета украинским автономистам из Центральной Рады. К этому добавились волнения некоторых воинских частей столичного гарнизонов, над которыми нависла угроза отправки на фронт, а также петроградских рабочих, находившихся в состоянии перманентного политического возбуждения. Часть большевистских руководителей также считали момент подходящим для того, чтобы попытаться захватить власть, хотя в ЦК большевиков преобладали выжидательные настроения. Не был готов к решительным действиям и сам Ленин, понимавший, что соотношение политических сил в Петрограде и на фронте еще не дает большевикам гарантии победы. В итоге 16 и 17 июля 1917 г. в столице прошли мощные антиправительственные демонстрации с участием нескольких сотен тысяч рабочих, солдат и кронштадтских моряков, сопровождавшиеся перестрелками между сторонниками революции и "порядка". На улицах Петрограда вновь пролилась кровь.

Прорвавшись к Таврическому дворцу, где заседал ВЦИК Советов, демонстранты требовали перехода всей полноты власти в руки советской демократии. Разбушевавшиеся моряки-балтийцы даже взяли в заложники лидера эсеров, министра земледелия Чернова. Лишь энергичное вмешательство пользовавшихся в то время огромной популярностью Троцкого (практически уже почти перешедшего в ряды большевиков) и руководителя кронштадтских матросов большевика Ф.Ф. Раскольникова спасло Чернова от расправы разъяренной толпы.

Однако в планы меньшевистско-эсеровского руководства ВЦИК Советов (его председателем был Чхеидзе) никак не входил серьезный конфликт

Революционные события в Петрограде. 1917 г.

с правительством и тем более отстранение его от власти. По инициативе лидеров Советов с фронта были срочно вызваны верные правительству войска, что резко изменило обстановку в Петрограде. После бурного всплеска митинговых страстей люди как будто сразу отрезвели. Началась расправа с большевиками, которых обвинили в попытке государственного переворота и в связи с германской разведкой. В столице началась настоящая антибольшевистская истерия, подогретая отказом В.И. Ленина и его ближайшего соратника Г.Е. Зиновьева предстать перед судом и их фактическим уходом в подполье. Однако Временное правительство, чувствуя шаткость своих пози-

ций, ограничилось полумерами, что позволило большевикам быстро оправиться от шока. Будучи опытными конспираторами, они сохранили свои силы, а положение "гонимых" и несправедливо "обиженных" позволило им, как это нередко бывало в истории России, даже привлечь к себе симпатии новых сторонников, тем более что в ходе официального расследования причин и хода событий 16–18 июля не удалось доказать ни наличия у большевиков связей с немцами, ни самого факта попытки государственного переворота.

После июльского кризиса в России возникла совершенно новая ситуация. Руководство Советов фактически капитулировало перед правительством, предоставив ему неограниченные полномочия и выдав на расправу одну из ведущих советских партий – большевиков. Типография большевистской "Правды" и резиденция ЦК РСДРП(б) – дворец балерины М.Ф. Кшесинской подверглись разгрому. Были выданы ордера на арест Ленина и других большевистских руководителей. Ряд видных большевиков оказались в тюрьме. На фронте за неисполнение приказов командования была введена смертная казнь, а участвовавшие в июльских событиях воинские части петроградского гарнизона подлежали расформированию.

Правительство возглавил теперь Керенский, а руководство министерством внутренних дел, осуществлявшим все карательные мероприятия, временно перешло в руки меньшевика Церетели, а потом эсера Авксентьева, принявших, таким образом, на себя одиум ответственности за репрессии в отношении большевиков и другие антидемократические действия властей. Что касается кадетов, то они вновь вошли в состав Временного правительства, сохранившего свой коалиционный характер.

В этой обстановке нелегально собравшийся в столице в августе 1917 г. VI съезд большевиков решил временно снять лозунг "Вся власть Советам!" и нацелил свою партию на подготовку вооруженного восстания.

Почувствовав вкус к власти и проявляя ярко выраженные бонапартистские замашки, Керенский все меньше и меньше считался с Советами. Не захотел он подчиниться и другому претенденту на роль диктатора России – Верховному главнокомандующему российской армии генералу Корнилову, поднявшему в сентябре 1917 г. контрреволюционный мятеж. Благодаря энергичному отпору всех демократических сил, включая меньшевиков, эсеров и большевиков, авантюра Корнилова была пресечена. И если бы меньшевики и эсеры отказались в тот момент от окончательно дискредитировавшей себя в глазах народа коалиции с партией кадетов, поддержавшей Корнилова, дальнейшие события в России могли бы пойти совсем по другому сценарию. Однако страх перед угрозой большевизма и анархии помешал меньшевикам и эсерам и, прежде всего, главному идеологу политики коалиции Церетели трезво оценить обстановку. В результате коалиция устояла, самоуверенность Керенского достигла апогея, а большевики, вновь почувствовавшие свою силу и поддержку масс, перешли к прямой подготовке вооруженного восстания.

Растущая популярность большевистских лозунгов объяснялась тем, что Ленин и вступивший в ряды РСДРП(б) Троцкий чутко уловили настроение народной стихии – усталость от войны, ощущение своей растущей силы, стремление к радикальному, не ограниченному никаким законом переделу собственности, и главное, сознание слабости существующей власти. При

Генерал Л.Г. Корнилов

этом лидеры большевиков никогда не чувствовали себя связанными марксистской догмой. Они исповедовали принцип примата политики над экономикой, не ставили победу пролетарской революции в жесткую зависимость от уровня развития капитализма и удельного веса рабочих в общей массе населения страны. Лидеры большевиков понимали диктатуру пролетариата как неограниченную власть партии большевиков и узкого слоя большевизированных рабочих, а демократические права готовы были дать только пролетариату и деревенской бедноте. Правда, в большевистском ЦК было несколько человек (Каменев, Зиновьев и др.), призывавших не форсировать переворот и выступавших за создание коалиционного правительства с участием представителей всех социалистических партий. Однако под давлением Ленина и Троцкого эти "мягкие" большевики вынуждены были стушеваться

и отступить. Сам же Ленин готов был сотрудничать только с левыми эсерами, взяв вдобавок на вооружение эсеровскую уравнительно-общинную аграрную программу, пользовавшуюся популярностью среди крестьян.

Процесс большевизации Советов – Петроградского, Московского и др., который пошел быстрыми темпами после разгрома корниловщины, вселял в Ленина уверенность в победе. Находясь в подполье, он получал достаточно достоверную информацию о положении в стране и настроениях масс. На Россию надвигалась хозяйственная катастрофа: уровень промышленного производства по сравнению с 1913 г. упал примерно на четверть, а по сравнению с 1916 г. – более чем на треть. Финансовая система пришла в полное расстройство: печатный станок работал на полную мощность, тогда как сбор налогов практически прекратился. Курс рубля упал почти на 70% по сравнению с довоенным[45]. Продовольствие в стране было, но полное расстройство транспорта и неэффективность организации заготовок привели к тому, что хлебная норма на одного рабочего в Петрограде и Москве составляла всего 200 г в день. Неудивительно поэтому, что в стране продолжались голодные бунты.

Показателем роста социальной напряженности было увеличение количества забастовок: если в марте–мае их насчитывалось всего 6, то в октябре – уже 150[46], причем чисто экономические стачки отходили на второй план по сравнению с политическими и смешанными по характеру требований бастующих выступлениями протеста. Из наиболее крупных стачек осени 1917 г. можно выделить сентябрьскую всеобщую стачку железнодорожников и октябрьскую стачку рабочих-текстильщиков Центрального промышленного района. Приходил конец и вековому терпению российской деревни. Всего в 1917 г., по подсчетам историков, произошло не менее 16 с лишним тыс. крестьянских выступлений, четверть которых приходится на сентябрь и октябрь[47]. Это была настоящая крестьянская война за землю и улучшение своего материального положения.

Не помогли и репрессивные меры, принимавшиеся против бунтующих солдат. 22 июля Верховное командование приказало применять оружие за неисполнение решений командования и революционную агитацию. 23 июля последовал приказ о запрещении митингов и собраний в воинских частях. Вскоре на фронте была введена смертная казнь. Тем не менее в августе на фронте было зарегистрировано 86, в сентябре – 214, а в октябре – 512 солдатских выступлений (неповиновение начальству, расправа с офицерами, протест против продолжения войны и т.д.). В тыловых частях таких выступлений в августе–октябре было более 500[48]. Для огромного большинства солдат – а не меньше 70% из них были вчерашними крестьянами – главными лозунгами стали два магических слова "Долой!" и "Домой!".

Подрывало позиции Временного правительства и национальное движение, главными очагами которого в 1917 г. стали Финляндия, Украина и Прибалтика. Финны прямо требовали государственной независимости, а Украина настаивала на расширении своей автономии[49]. Активно шло формирование национальных воинских частей – украинских полков и частей "вольного казачества", латышских стрелков и т.д. Значительно усилились центробежные тенденции и в других национальных регионах России, не преминувших воспользоваться ослаблением центральной власти в Петрограде. В итоге можно констатировать, что к концу войны уже начался распад единого Российского государства.

Взятие немцами 3 сентября Риги спровоцировало Временное правительство на ряд крайне непопулярных шагов. Оно поставило вопрос о своем переезде в Москву, выводе из Петрограда на фронт ряда воинских частей и "разгрузке" города от промышленных предприятий и рабочих. Это снова породило слухи об измене в высшем военном руководстве и о намерении властей сознательно избавиться от опасного соседства с революционными рабочими и солдатами. В итоге правительству пришлось отступить, но и без того взвинченная и нервная обстановка в Петрограде стала по-настоящему взрывоопасной.

Безрезультатно закончились и попытки Временного правительства стимулировать процесс национальной консолидации и как-то компенсировать задержку с созывом Учредительного собрания путем проведения Государственного совещания в Москве (август) и Демократического совещания в Петрограде (сентябрь–октябрь), сформировавшего еще один представительно-совещательный орган – Временный совет Российской республики, который назвали Предпарламентом.

В этих условиях лидер большевиков Ленин на заседаниях ЦК РСДРП(б) 23 и 29 октября 1917 г., сломив сопротивление Каменева и Зиновьева, настоял на принятии решения о безотлагательном проведении вооруженных акций, имевших целью свержение Временного правительства под лозунгом "Вся власть Советам!". Этот лозунг обрел второе дыхание после сентябрьской кампании большевизации Советов. Одновременно большевики развернули подготовку к проведению II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, призванного легитимизировать захват власти партией Ленина.

Однако 6 ноября Керенский перешел в наступление первым. Юнкера заняли все важнейшие пункты Петрограда. Готовилось нападение на Смольный,

В.И. Ленин, выступающий на митинге

где находился ЦК большевиков. Тем самым было ускорено начало антиправительственного большевистско-левоэсеровского восстания. Утром 7 ноября в руках восставших был уже почти весь Петроград, а во время работы открывшегося поздно вечером II съезда Советов красногвардейцы и революционные солдаты и матросы взяли Зимний дворец и арестовали большинство членов Временного правительства. Защищать его, как в свое время и царя, оказалось практически некому.

На съезде Советов присутствовало 390 большевиков и менее 250 эсеров и меньшевиков, которые в знак протеста против переворота почти сразу же покинули Смольный. Оставшиеся делегаты приняли декреты о мире и о земле, отвечавшие настроениям широких масс рабочих, солдат и крестьян, утвердили состав однопартийного большевистского правительства – Совета народных комиссаров во главе с Лениным, которое должно было руководить страной до созыва Учредительного собрания. Левые эсеры войти в Совнарком тогда отказались.

В современной историографии ноябрьские события 1917 г. в Петрограде все чаще изображаются как верхушечный государственный переворот, совершенный 10–20 тыс. красногвардейцев и распропагандированных большевиками солдат и матросов. Однако в действительности этот переворот – а такой термин употребляли и сами большевики – был лишь кульминацией Великой народной революции, потрясшей Россию и весь мир в 1917 г. Она имела глубокие социально-политические и психологические причины и получила тогда поддержку миллионов россиян. В экстремальных условиях, созданных мировой войной, молодая российская демократия после падения царизма не сумела упрочиться и решить самые насущные, жизненно важные вопросы войны и мира, передела собственности и спасения от надвигавшегося голода. Слабость демократической власти дала дополнительный шанс большевикам, уверенным в том, что они знают, где искать выход из тупика, в который зашла страна, и как удержать власть. Однако реальный путь к решению этих проблем оказался гораздо труднее и драматичнее, чем это представлялось творцам Октября. И уже на следующий день после победы восстания большевикам пришлось задуматься над тем, как выполнить данное народу главное обещание – в кратчайший срок покончить с войной.

6. Выход России из войны, демобилизация армии и заключение Брестского мира

8 ноября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов был принят Декрет о мире, в котором советское правительство предложило всем воюющим государствам немедленно начать переговоры о заключении перемирия. На фронте он стал известен на следующий же день и был встречен солдатской массой с большим одобрением. Однако советские мирные предложения повисли в воздухе, так как союзники оставили их без ответа. В этой обстановке армейские организации большевиков и большевизированные войсковые комитеты, не получая от советского правительства никаких конкретных указаний, начали активно поддерживать солдатский лозунг "Братание ускорит

мир", ставший на фронте доминирующим. Таким образом, теперь братание, против которого решительно выступала раньше Ставка, было не только узаконено, но и стало, как показали последующие события, одним из главных инструментов борьбы советского правительства за заключение мира со странами Четверного союза[50].

Начало следующему этапу борьбы за мир было положено переданным по радиотелеграфу 22 ноября ленинским призывом к солдатам выбирать "тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет народных комиссаров дает вам права на это"[51]. Поводом к этому призыву явился отказ Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина выполнить распоряжение Совнаркома и вступить в переговоры о перемирии. Совнарком сместил Духонина и назначил вместо него Верховным главнокомандующим прапорщика большевика Н.В. Крыленко.

Привлечение солдатской массы к такому несвойственному ей делу, как заключение перемирия, сильно подорвало и без того уже едва державшуюся дисциплину на фронте. В армии возникли два лагеря – противников перемирия (практически весь офицерский корпус и руководство непереизбранных войсковых комитетов) и его сторонников (солдатская масса). В результате солдаты практически вышли из-под контроля командования.

В создавшейся обстановке Совнарком принял 23 ноября Декрет о постепенном сокращении численности армии[52]. Согласно ему в бессрочный запас увольнялись солдаты призыва 1899 г. В тот же день этот первый декрет о демобилизации был передан по радиотелеграфу во все армии[53]. Он сильно взбудоражил солдатские массы. Множество недоразумений возникало из-за расплывчатости и нечеткости формулировок данного документа. В декрете не указывалось, кто отвечает за проведение демобилизации. Поспешность в этом деле, несомненно, была вызвана ростом дезертирства, которое после первых декретов советского правительства стало принимать массовый характер. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, стремились вернуться домой к моменту раздела земли.

Начало мирных переговоров и демобилизации по времени совпали с началом демократизации командного состава действующей армии. Основная часть генералитета и офицерского корпуса сопротивлялась заключению сепаратного мира и превращению деморализованной армии в политическую опору власти. Однако замена старых командиров солдатскими "выдвиженцами", единственным критерием для избрания которых была политическая лояльность к новой власти, привели к полной неуправляемости войск. Фактически создавшееся в связи с демократизацией армии безвластие на фронте не только усилило никем не пресекавшееся дезертирство, но и породило самочинную демобилизацию, проходившую без всякого плана, незаконно, по инициативе местных войсковых комитетов. Все это ускорило развал действующей армии.

В том же направлении действовало и привлечение солдат к мирным переговорам. Для заключения "солдатских миров" отдельные части посылали парламентеров к противнику. В целом заключение локальных перемирий проходило организованно, без серьезных эксцессов. Австро-германская сторона также проявила здесь большую оперативность, поскольку желала перемирия еще с весны 1917 г. Во время заключения локальных перемирий

братание было практически непрерывным, причем для получения разведывательных данных австро-германское командование часто само выступало его организатором. Первым 27 ноября заключил перемирие Северный фронт. Его примеру последовали Юго-Западный (1–4 декабря), Западный (4 декабря), Румынский (9 декабря), Кавказский (18 декабря) фронты.

Известие о Брест-Литовском перемирии с ликованием встретили солдаты обеих воюющих сторон. Линия фронта была теперь гигантской линией братания, так как оно становилось не только легальным, но и регламентированным: определялось число участников с обеих сторон, время и место проведения, допускался обмен газетами, журналами, вещами и продовольствием.

Солдаты считали войну законченной. Усилия Совнаркома поднять их на "революционную войну" были обречены на провал. После заключения перемирия прежняя проблема самочинной демобилизации и дезертирства встала еще более остро. В такой обстановке 28 декабря наконец открылся общеармейский съезд по демобилизации армии. Он проходил в Петрограде до 16 января 1918 г. 3 января съезд принял решение о порядке демобилизации, согласно которому следовало "увольнение производить в порядке старшинства сроков призыва, начиная со старшего"[54].

Как уже отмечалось, декретом от 23 ноября демобилизовывались солдаты 1899 г. призыва, затем 1900 и 1901 гг., 16 января 1918 г. – солдаты призыва 1902 г., 23 января – 1903 г., 29 января – 1904–1907 гг., 11 февраля – 1908–1909 гг., 1 марта – 1910–1912 гг., 15 марта – 1913–1915 гг. Последние четыре призыва (1916–1919 гг.) демобилизовывались до 25 апреля 1918 г.[55]

На съезде были приняты связанные с демобилизацией важные постановления, касающиеся военного имущества, оружия и т.д., поскольку на повестке дня стоял вопрос о создании новой армии, которую надо было вооружить и обмундировать, а демобилизуемые солдаты требовали раздела военного имущества и сохранения за собой оружия. В решении съезда от 15 января указывалось, что солдаты демобилизуются без оружия. Съезд внес ясность во многие спорные вопросы, что позволило проводить демобилизацию организованно и планомерно. Если за ноябрь–декабрь 1917 г. были демобилизованы солдаты трех возрастов, то за один январь 1918 г. – восьми. В итоге около половины русской армии было демобилизовано еще до заключения Брестского мира. Темп демобилизации все время нарастал и достиг пика к концу февраля. Одновременно Совнарком прилагал усилия по созданию новых вооруженных сил. 28 января 1918 г. Ленин подписал декрет о создании Красной армии.

Необходимость подписания мирного договора со странами Четверного союза на тяжелых условиях вызвала в руководстве большевистской партии не просто острые разногласия, а настоящий раскол. Образовалась группа "левых коммунистов" во главе с членом ЦК Бухариным. Они считали недопустимыми какие-либо соглашения между Советской Россией и капиталистическим миром, требовали прекратить переговоры и объявить международному империализму революционную войну. Против заключения мира выступил и нарком иностранных дел Троцкий. 21 января на состоявшемся в ЦК РСДРП(б) совещании он предложил не подписывать формального мира и во всеуслышание объявить, что Россия не будет вести войну и демобилизует армию. Ленин и его в то время немногочисленные сторонники доказы-

вали неизбежность и необходимость подписания мира. Все, о чем сумел договориться Ленин при отъезде Троцкого в Брест-Литовск, сводилось к тому, чтобы всемерно затягивать переговоры. Однако было оговорено, что если германская сторона предъявит ультиматум, мирный договор следует подписать немедленно.

10 февраля 1918 г. Троцкий нарушил указания главы правительства. Одновременно он послал телеграмму главковерху Крыленко с требованием издать приказ по действующей армии о прекращении состояния войны и о демобилизации. Крыленко также без согласования с Совнаркомом рано утром 11 февраля направил на все фронты соответствующие приказы. Содержание этой телеграммы стало известно солдатам. Ленин предписал Ставке отменить данное распоряжение Крыленко.

18 февраля германские войска начали продвижение по всему фронту. В тот же день они заняли Двинск, на следующий – Минск, 20 февраля – Полоцк, 21-го – Режицу и Оршу, 22-го – Вольмар, Венден, Валк и Гапсаль, в ночь на 24 февраля – Псков и Дерпт, а 25-го – Борисов и Ревель. При этом немцы наступали, действуя небольшими разрозненными отрядами по 100–200 человек, собранными из добровольцев. Из-за царившей в войсках советской России паники и слухов о приближении германской армии города и станции сдавались без боя еще до прибытия противника. Двинск, где находился штаб 5-й армии Северного фронта, был занят немецким отрядом, насчитывавшим не более 100 человек. Псков, где располагался штаб Северного фронта, занял небольшой отряд немцев, приехавших на мотоциклах. Однако кое-где остатки русской армии оказывали сопротивление. Так, Нарва оборонялась до 4 марта.

На Украине наступление шло в основном вдоль железных дорог. Кое-где австро-германские войска встречали сопротивление, которое оказывали чаще всего отряды Красной гвардии и части Чехословацкого корпуса. Тем не менее 21 февраля германские войска заняли Киев.

В тот же день Совнарком принял декрет-воззвание “Социалистическое Отечество в опасности!” Началось активное формирование Красной армии, так как старая армия была не в состоянии остановить наступление противника.

Еще вечером 18 февраля на заседании ЦК партии большевиков после острой борьбы с “левыми коммунистами” большинство все же высказалось за подписание мира со странами Четверного союза на их условиях. Но новый ответ германского правительства содержал еще более тяжелые, чем прежде, условия мира. На созванном 23 февраля заседании ЦК Ленин потребовал немедленного согласия на германские условия, заявив, что в противном случае уйдет в отставку. За это предложение проголосовали 7 человек, против – 4, воздержались – 4. Германский ультиматум был принят. ЦК единогласно принял решение о немедленной подготовке к защите социалистического Отечества. В тот же день Ленин выступил на заседании ВЦИК и добился там поддержки решения ЦК. Как уже указывалось, Брест-Литовский мирный договор России со странами Четверного союза был подписан 3 марта. Экстренно созванный 6–8 марта VII съезд РКП(б) одобрил ленинскую линию в вопросе о мире, а IV съезд Советов 15 марта 1918 г. ратифицировал договор. Однако Германия недолго пожинала плоды Бреста. 13 ноября того же года в связи с революцией в Германии договор был аннулирован постановлением ВЦИК.

Подведем некоторые итоги. Сейчас совершенно очевидно, что спорам о том, родилась ли российская революция 1917 г. из мировой войны или она неизбежно пришла в нашу страну как наказание или возмездие за архаичность и несправедливость ее социального устройства, видимо, не будет конца. Кто и на каких весах взвесит ныне шансы на выживание старой, императорской России или России Керенского, Церетели, Милюкова, Рябушинского? Кто возьмется сказать, была ли реальная альтернатива Ленину и Троцкому? Мог ли остановить неудержимый натиск всероссийской смуты и анархии, распад России Корнилов или другой, более удачливый российский Бонапарт? Точно так же остается без сколько-нибудь определенного ответа и другой кардинальный вопрос: могла ли Россия вообще избежать участия в этой схватке мировых гигантов, у каждого из которых были свои великодержавные амбиции и притязания?

И все же есть все основания утверждать, что, не будь первой мировой войны, судьба России была бы иной. Это признавал и Ленин, полагавший, что при условии сохранения мира наша страна "могла бы прожить годы и даже десятилетия без революции против капиталистов"[56]. А ведь Ленин был политиком, привыкшим "торопить" приход революционного взрыва, полагая, что после гибели Столыпина царский режим исчерпал все возможности самореформирования. Иными были бы и шансы на выживание Временного правительства, если бы ему пришлось действовать в мирной обстановке, а не в ситуации тотального развала и дезинтеграции, озлобления и вседозволенности, сложившейся в России в 1917 г. При этом очевидно, что в царской России рухнула сначала не армия, а тыл, не выдержавший перегрузок военного времени. Правящим "верхам" не хватило государственной мудрости и политического искусства, чтобы использовать тот шанс, который давал им кратковременный патриотический порыв 1914 г. Власть не сумела наладить контакт с обществом, ограничилась полумерами в деле государственного регулирования экономики и снабжения населения и армии продовольствием. Сыграла свою трагическую роль и та нравственная дискредитация правящей династии в глазах общества, которая создала к марту 1917 г. вокруг российской власти настоящий вакуум. Таким образом, "верхи" российского общества сами ускорили свою гибель, не сумев остановить девятый вал озлобления и ненависти народа ко всем богатым и власть имущим, найти какие-то "скрепы" для разбушевавшейся народной стихии. 1917 год стал апогеем бунтарских настроений, очень сложных и пестрых по своему характеру, которые в конечном счете и сокрушили старую Россию.

Все войны, которые вела Россия в XX в., обладают одной особенностью: они до сих пор остаются войнами, "неизвестными" для народов самой нашей страны и мировой общественности. К первой мировой это относится, пожалуй, больше всего. До недавнего времени как-то не принято было говорить о ее героях – простых русских солдатах, офицерах и генералах, подвиги которых как бы заслонял и перечеркивал "империалистический, антинародный, грабительский", по официальной советской терминологии, характер этой войны. Между тем Россия должна помнить таких людей, как летчик штабс-капитан П.Н. Нестеров, погибший в воздушном бою, впервые в истории применив таран вражеского самолета. Первым Георгиевским кавалером этой войны стал казак К.Ф. Крючков. Герой Моонзундского сражения матрос с эсминца "Гром" Ф.Е. Самончук потопил торпедой германский

миноносец и взорвал собственный корабль с тем, чтобы он не достался врагу. Летчик корнет Ю.В. Гильшер после ампутации ноги вернулся в военную авиацию, участвовал в воздушных боях и геройски погиб в 1917 г. Сестра милосердия Р.М. Иванова была смертельно ранена, когда повела в атаку солдат, оставшихся без офицеров. Поручик М.Л. Бочкарева в 1915 г. по личному разрешению царя добровольно вступила в ряды армии и стала полным Георгиевским кавалером. И этот список можно продолжать и продолжать. Талантливыми военачальниками показали себя многие генералы – А.А. Брусилов, Н.Н. Юденич, П.А. Плеве, М.В. Алексеев, Л.Г. Корнилов, адмиралы Н.О. Эссен, А.В. Колчак и др.

Первая мировая война – это одна из самых судьбоносных и вместе с тем трагических страниц отечественной истории, открывшая для России целый период грозных испытаний и грандиозных общественных потрясений, под знаком которых прошел для нее весь XX век. Вместо ожидавшейся быстрой победы первая мировая война принесла народам России неисчислимые материальные и человеческие жертвы и отбросила страну на десятки лет назад.

Россия оказалась наиболее слабым звеном среди воюющих держав. Она первой из них вступила на путь революции, первой досрочно вышла из войны, упустив, как казалось и до сих пор кажется многим, верную победу, гарантией которой было ее участие в блоке будущих победителей – Антанте. Больше того, Россия начала в ноябре 1917 г. грандиозный по своим размерам социальный эксперимент, равного которому по масштабу и степени радикализма еще не знала мировая история. К концу XX столетия социалистический эксперимент закончился для России трагической неудачей, но он навсегда останется в мировой истории как еще одна и, может быть, самая великая попытка построить новую жизнь для миллионов людей. Драма войны обернулась драмой революции, предотвратить которую оказалось не под силу никому.

[1] Архив внешней политики Российской империи. Ф. Личный архив А.П. Извольского. Д. 43. Л. 26 об.

[2] Родина. 1993. № 8/9. С. 6.

[3] Цит. по: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 419.

[4] Цит. по: *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 187–188.

[5] *Сидоров К.Ф.* Рабочее движение России в годы империалистической войны // Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927. Т. I. С. 197–203; *Тютюкин С.В.* Война, мир, революция. М., 1972. С. 77–81; *Кирьянов Ю.И.* Рабочие России и война: новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 432–445; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 161–182 и др.

[6] Новое время. 1914. 7 авг., 23 сент.

[7] *Боханов А.Н.* Николай II. М., 1997. С. 303; Государственная дума. 1906–1917: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. IV. С. 13–14.

[8] Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны: Материалы официальной статистики. М., 1986. Ч. II. С. 266.

[9] *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы первой мировой войны... // Россия и первая мировая война. СПб., 1999. С. 147–159.

[10] *Санборн Д.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Там же. С. 202–215; *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 111–113.

[11] Государственная дума. 1906–1917. Т. IV. С. 24.

[12] Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 50–62.

[13] Государственная дума. 1906–1917. Т. IV. С. 22.

[14] Цит. по: *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и первая мировая война. С. 261, 263.

[15] *Черменский Е.Д.* Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 79.

[16] *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997. С. 304–314.

[17] Мысль. 1914. 8 дек.

[18] *Дажина И.М.* Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981. С. 7, 162.

[19] Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ. М., 1987. С. 46.

[20] *Иоффе Г.З.* Тот, кто сеял ветер, пожинал бурю // Отечественная история. 2000. № 2. С. 100–101.

[21] *Курцев А.И.* Беженство // Россия и первая мировая война. С. 136, 140.

[22] *Кирьянов Ю.И.* Указ. соч. С. 434–436.

[23] Стачечное движение рабочих России в годы первой мировой войны. С. 266.

[24] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 103, 130.

[25] Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVIII. С. 114.

[26] *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 474–475, 477.

[27] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914 г. М., 1974; *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л., 1980; *Аврех А.Я.* Масоны и революция. М., 1990; *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1997 и др.

[28] Стачечное движение рабочих в России в годы первой мировой войны.Ч. II. С. 266; Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. М., 1982. С. 302–304.

[29] Цит. по: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. V. С. 608.

[30] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 2795.

[31] Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. С. 262–266.

[32] Там же. С. 327–328.

[33] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. С. 617.

[34] Государственная дума. 1906–1917. Т. IV. С. 32–33.

[35] Там же. С. 41–42.

[36] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 445.

[37] Государственная дума. 1906–1917. Т. IV. С. 49.

[38] Цит. по: *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 100.

[39] Меньшевики в 1917 году / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 1994. Т. 1. С. 121, 127.

[40] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1946. С. 236.

[41] Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1926. Т. V. С. 219.

[42] Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

[43] *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. М., 1979. С. 273–274.

[44] *Петраш В.В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 52–53.

[45] *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. С. 772, 774; *Иоффе Г.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995, и др.

[46] *Минц И.И.* Указ. соч. С. 823.

[47] *Малявский А.Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. М., 1981. С. 374–378.

[48] *Минц И.И.* Указ. соч. С. 859–860.

[49] См. подробнее: *Бондаренко Д.Я., Крестовская Н.Н.* Украинский вопрос в Государственной думе (1906–1917 гг.) // Россия XXI. 2001. № 6. С. 92–117.

[50] Подробнее о послеоктябрьском периоде братания на фронте см.: *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 г. // Армия и общество 1900–1940 гг. М., 1999.

[51] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.

[52] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 66.

[53] Подробнее о демобилизации действующей армии см.: *Городецкий Е.Н.* Демобилизация армии в 1917–1918 гг. // История СССР, 1958. № 1; *Базанов С.Н.* Демобилизация русской армии // Военно-исторический журнал. 1998. № 2.

[54] Армия и флот рабочей и крестьянской России, 1917. 23 дек.

[55] *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 17.

[56] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 31.

Глава VII. Социально-политические и экономические процессы в странах Четверного союза

1. Германия: война, общество, рейх

Начало войны с Россией и Францией вызвало во всех слоях германского общества мощный ура-патриотический подъем. Организованные поначалу по инициативе местных организаций социал-демократической партии антивоенные, довольно внушительные – с общим числом участников до полумиллиона – манифестации в нем просто потонули. Вильгельм II и правящие круги получили полную уверенность в поддержке своего воинственного курса широкой массой и всеми политическими партиями. А 29 июля 1914 г. ведущие деятели Социал-демократической партии Германии (СДПГ), крупнейшей партии в рейхстаге, опиравшейся на организационную мощь профсоюзов и испокон веку подозревавшейся в национальной неблагонадежности, официально уведомили канцлера Бетман-Гольвега, что партия воздержится "от любых форм протеста" против войны[1]. 4 августа, несмотря на острые внутренние разногласия, фракция СДПГ единогласно проголосовала за военные кредиты. В свою очередь правительство отменило намеченные превентивные аресты наиболее видных функционеров партии. Гражданский мир, т.е. отказ от открытых форм протеста, стал "генеральной линией" партии.

Этот поворот – разрыв с интернационалистской и антимилитаристской традицией II Интернационала, национал-патриотическое сплочение вокруг "своего" монарха и "своего" правительства – создавал принципиально новую социально-политическую и идейно-психологическую ситуацию в стране. Партия с массовой пролетарской базой не просто поддержала летом 1914 г. империалистический, вызывающе провокационный курс на войну. Она сделала исторический шаг к последующему превращению в составную часть блока власти в рамках существующего строя[2]. В годы войны происходило интенсивное врастание высшего эшелона партийных функционеров в политическую имперскую систему, их продвижение на должности в административном аппарате. Особенно стремительно и масштабно этот процесс развивался на профсоюзном уровне. «Уже с первых августовских дней, – констатирует немецкий исследователь, – профсоюзные вожди заложили краеугольный камень для пересмотра самой функции профсоюзов как представительства интересов своей базы... Профсоюзные органы превратились в военно-экономические инстанции, которые отныне взяли на себя государственно-публичные полномочия на рынке труда и ответственность за мир на "внутреннем фронте" ... в последующем происходило все более тесное корпоративное вовлечение центральных правлений отдельных профсоюзов в

систему ответственности за социально-экономическое обеспечение хода военных действий»[3]. Социал-демократические и профсоюзные лидеры вообще взвалили на себя часть ответственности за наихудшие проявления империалистической политики. Поистине роковой рубеж в истории революционной, интернационалистской партии, у истоков которой стояли К. Маркс и Ф. Энгельс, которую пестовали А. Бебель и В. Либкнехт.

Ни одно внутриполитическое решение или событие в Германии военных лет не имело столь глубоких и долговременных последствий, как 4 августа, положившее начало расколу германского социал-демократического движения, а в силу особого веса и влияния СДПГ и во всем II Интернационале, глубоко повлиявшее и на общие процессы в международном рабочем движении.

Обвинения руководства немецкой социал-демократии в полной капитуляции и "измене" послужили в начавшемся вскоре процессе выделения левых, последовательно интернационалистских течений отправной точкой их идейно-политического самоопределения, обоснованием своего права на существование и на свою историческую правоту. Бичующая критика вождей СДПГ стала стержневой темой многих работ Ленина[4]. Датой 4 августа неизменно открывался реестр "предательств", который Коминтерн и его партии впоследствии обрушили на немецких и европейских социал-демократов. Оценка поворота СДПГ 1914 г. на десятилетия превратилась в поле острейших дискуссий в политической борьбе и в исторической литературе.

Представляется, что методологически безупречным остается понимание раскола социал-демократического движения и краха II Интернационала как естественного продукта переходного, переломного рубежа XIX–XX вв. – империалистической эпохи. Фундаментальной чертой ее была даже не столько переходность сама по себе, сколько вариативность глобального исторического процесса. Столкновение марксизма с менявшимися реалиями XX в., с альтернативностью как принципиальной чертой новой эпохи и породило первый глубинный кризис революционной марксистской доктрины, ожесточенное противоборство "ревизионистов" и "ортодоксов". Причем по глубине, масштабности анализа тогдашней современности, истоков и характера предсказанного ими же глобального конфликта ортодоксальные последователи Маркса и сегодня представляются гораздо более убедительными, чем их оппоненты. На революционный прогноз "ортодоксов", казалось, работали многие черты новейшего капитализма: неравномерность развития, обострившееся торгово-экономическое соперничество великих держав, их схватка за раздел и эксплуатацию колониального мира и, соответственно, возникновение милитаризма как качественно новой силы, толкавщей человечество к мировой бойне. Весьма определенной была предсказанная тенденция к консервации в ряде стран отживших, полуфеодальных институтов и стремления "низов" освободиться от них, неуклонный рост армии наемного труда и возрастание социально-классовой напряженности во всех, даже и в самых благополучных, странах.

С другой стороны, в малочисленной, но решающей группе индустриальных стран Западной Европы, в том числе и в Германии, уже наметились – в экономике, в политическом устройстве и политической практике, в массовой психологии – те разрежающие классовые и политические антагонизмы интеграционные процессы и механизмы, которые стали позднее стержневы-

Ликующий Берлин в момент объявления войны

ми для судеб западноевропейской цивилизации. Либерально-конституционные принципы и процедуры укоренялись даже при монархическом строе, приобретая самоценность, постепенно признаваемую "низами". Еще редко, еще эпизодически, но уже заявляла о себе способность правящих элит к масштабным социально-политическим маневрам, реформам (ллойд-джорджизму в Великобритании и вильсонизму в США сродни был курс Бетман-Гольвега в Германии[5]). Со временем, как известно, эти маневры переросли (в том числе и перед лицом вызова советской системы) в потребность широкомасштабного самореформирования во имя выживания. Заклейменное "ортодоксами" бернштейнианство, прагматический оппортунизм части лидеров европейских социал-демократических партий и профсоюзов и были теоретическим и политическим выражением этих, ими во многом почти интуитивно угаданных, изменений[6]. Итак, с самой общей точки зрения, только и возможной с дистанции в век, и реформистско-оппортунистическое течение в лице СДПГ, и зарождавшийся революционный большевизм были, каждый по-своему, "законным" продуктом коллизий новой эпохи и самого марксизма в его эвристической сущности.

При выяснении глубины, принципиальной сущности поворота августа 1914 г. важна оценка не только характера предвоенной СДПГ, ее идеологии и политики, но и реальных процессов в экономике и социально-политической обстановке в Германии, изменений в положении классов и партий. Часть авторов отметают обвинения в "измене" на том основании, что СДПГ еще задолго до 1914 г. превратилась в "партию социальных реформ" (если она "вообще когда-либо была революционной"), с "чисто формальной верностью теории", со "словесным радикализмом ее вождей". Не предательство, а "символическое заключение мира с нацией", признание смены приоритетов в рамках самосознания класса[7]. С этой несколько отвлеченно-декларативной аргументацией не согласны, однако, многие серьезные исследователи (совсем не обязательно поддерживающие обвинения в "предательстве").

Тем не менее для них решения 3–4 августа 1914 г. – качественный поворот в поведенческой линии лидеров партии: от интернационализма – к национальной ответственности, от классовой борьбы – к "гражданскому миру", от оппозиции авторитарно-сословной монархической системе – к принципиальной готовности в ее рамках принять на себя часть правительственной ответственности. ("Встав на позиции обороны страны, мы тем самым взяли под свою защиту и господствующую систему", – признавал в рейхстаге весной 1916 г. сопредседатель СДПГ Ф. Эберт[8].)

По мнению современных историков социал-демократической ориентации, поворот 1914 г. был политически вполне оправдан надеждами Эберта и его ближайших сподвижников на "деловую взаимность" высшей власти и, прежде всего, канцлера Бетман-Гольвега. С ее помощью руководство СДПГ надеялось добиться парламентаризации прусско-имперской системы, включая и отмену так называемого "трехклассного избирательного права", действовавшего еще с 50-х гг. XIX в. Ландтаг Пруссии, занимавшей во всех отношениях доминирующие позиции в империи, оставался подлинным средоточием правых консервативных сил. Старый избирательный закон обеспечивал в нем безграничный перевес дворянству, особенно восточному юнкерству, и буржуазным слоям. И если в XX в. консерваторы постепенно теряли позиции в рейхстаге, то здесь была их настоящая опора. Все политические партии, за исключением крайних консерваторов, требовали отмены этого архаического избирательного закона.

Это открывало бы, по их расчетам, путь к масштабной демократизации и к завоеванию партией власти. "Война, – комментирует данные стратегические расчеты современный немецкий автор, – давала уникальный, неповторимый шанс решительного ускорения до тех пор вяло протекавшего процесса интеграции немецких рабочих в государство и тем самым, в конечном счете, шанс на его преобразование в духе социал-демократической политики, на преобразование всей структуры власти"[9]. В свете этой перспективной мотивации речь может идти, стало быть, только об ошибках и просчетах лидеров, но никак не об "измене". Тем более что руководство СДПГ было уверено, что оно принимает конкретное тактическое решение на срок, как тогда всем представлялось, быстротечной войны. Лидеры СДПГ уповали на известное заявление Вильгельма II о том, что он "отныне (т.е. после перехода социал-демократии на национальные позиции. – *Авт.*) не знает партий, а только немцев". Они, как указывают оппоненты данной точки зрения, определенно недооценили упорство, ярость противодействия их планам парламентаризации со стороны пангерманских, военных, придворно-бюрократических кругов. В этой же связи фундаментальной ошибкой называют увязывание "патриотической" позиции с формулой "гражданского мира". "Официальная политика социал-демократии попала в порочный круг. Соблюдение гражданского мира должно было продемонстрировать, насколько с практической точки зрения сопротивление социал-демократическим (т.е. вполне благонамеренным. – *Авт.*) требованиям ошибочно, но нежелание нарушить гражданский мир усиливало это сопротивление"[10].

Ошибкой считают многие социал-демократические авторы и ту легковерность (извинительную-де из-за противоречивости и закрытости информации), с которой руководство СДПГ "проглотило" и поддержало офици-

альную версию об оборонительном для Германии характере войны, прежде всего в отношении самодержавной России.

Размышления над тезисом об "измене" с неизбежностью влекут за собой вопрос: предательство чего или кого, и в каком смысле? Ответ на него представляется неоднозначным. Самым бросающимся в глаза, лежащим на поверхности был разрыв ("измена") немецкой социал-демократии с принципом интернационализма во имя единства со своей нацией и государством. При столкновении с действительностью новой эпохи, в условиях острейшего межимпериалистического соперничества и в ситуации уже относительно высокой степени включенности западноевропейских рабочих масс в национальные структуры марксистская концепция пролетарского интернационализма обнаружила свой во многом абстрактный, запредельно наднациональный характер. (Что уже весь ушедший XX в. вполне и доказал.) В рамках национального единства и "гражданского мира" становилось весьма проблематичным "применение самых действенных средств для предотвращения войны" или "использование порожденного ею экономического и политического кризиса для пробуждения народа и тем самым для ускорения падения капиталистического классового господства"[11]. Ведь именно это вменялось в обязанность Штуттгартским конгрессом II Интернационала 1907 г. Впрочем отдельные деятели правого крыла партии (Э. Давид, А. Зюдекум, П. Ленч и др.) к тому времени вполне обуржуазились, были поражены вирусом национального чванства, не чурались открытых аннексионистских требований. Поэтому применительно к ним и ныне не представляется чрезмерно заостренной характеристика как "социал-империалистов" и "шовинистов".

Германская социал-демократия в целом не поддержала шовинистическую позицию правого крыла партии. Более того, военно-патриотическое опьянение первых недель войны постепенно ослабло. Зато отчетливее проступили некоторые основательно укорененные и вполне актуальные, земные мотивы и интересы, подталкивавшие широкий слой наемных работников, в том числе профсоюзную и социал-демократическую массу, к поддержке правительственного курса. В их глазах Германия не только отвечала на вызов реакционной, самодержавной России, но и боролась за свое будущее как индустриальной нации, за "справедливое" перераспределение международных сырьевых ресурсов и рынка сбыта и тем самым – за обеспечение рабочих мест и достойного уровня жизни людей труда. Но еще важнее было то, что "национальный" курс лидеров СДПГ опирался на глубинную, исторически назревшую потребность смыть клеймо безродности, антипатриотичности, добиться (как это и обещали партийные и профсоюзные программы) человеческой и гражданской полноценности. И расчеты партийного руководства на "взаимность" правящих верхов в вопросах парламентаризации, демократизации, признания профсоюзов равноправным партнером в экономической деятельности выглядели для многих убедительными и неопровержимыми.

Со стороны российских большевиков, а затем и собственных интернационалистски настроенных левых в адрес Эберта и его окружения были брошены обвинения в измене принципам II Интернационала, предательстве "коренных" классовых интересов пролетариата, которые в соответствии с марксистским учением суммировались в двуединой формуле – революция и социализм. Действительно, тогда в острейшей ситуации СДПГ сделала

выбор в поддержку своего государства (а тем самым – неизбежно и стоявших за ним сугубо реакционных и милитаристских сил). Существовала неопределенная надежда на последующий прорыв к более широкой демократически-реформистской перспективе, в которой идея революции терялась где-то вдали, хотя могла бы и далее сохраняться в речах и программах. Можно ли предположить – случись невероятное и займи СДПГ бескомпромиссную революционную линию, уйдя в подполье и т.д., – что возглавляемый революционными марксистами взрыв в стране, окруженной фронтами на Западе и Востоке, имел бы, столкнувшись с единым блоком "своей" и интервенционистской реакции Антанты и русского самодержавия, шансы на торжество не то что "конечной цели", но хотя бы на достижение скорого и демократического мира? Могло ли фактически неминуемое поражение, а возможно, и оккупация, каким бы то ни было образом отвечать интересам немецких рабочих и крестьян? Тогда единственной, предельно призрачной надеждой оставалось бы ожидание прямой революционно-интернационалистской помощи братьев-пролетариев Европы. Но в столь высокие надежды массы в условиях уже бушевавшей у порога дома войны, перед лицом краха еще вчера могучего и авторитетного Интернационала верить оказались не в состоянии. Как не способны были строить на подобных ожиданиях политическую линию и принимать неотложные решения и прагматические руководители партии, завороженные успехами национальной экономики.

Для придания большей конкретности дальнейшему изложению напомним некоторые параметры социально-экономического развития и классово-политических отношений в германском рейхе довоенного периода. Несмотря на определенное снижение в предвоенные годы темпов роста промышленного производства по сравнению с бумом рубежа веков, они были сопоставимы только с США: примерно 4% годовых в 1909–1913 гг. По объему внешней торговли Германия в те же годы практически приблизилась к Великобритании (13 и 15% общего объема мирового оборота). Доля самодеятельного населения, занятого в промышленном производстве, подтягивалась к 45%. Причем для немецкой промышленности была характерна высокая концентрация труда: в 1908 г. на предприятиях с числом занятых свыше 50 человек была сосредоточена практически половина всех рабочих. Особенностью экономического развития и социально-классовых отношений являлась ранняя монополизация, главным образом в виде картелей в промышленности (их число в предвоенное десятилетие удвоилось до 550) и банковского бизнеса (к 1910 г. 9 берлинских банковских групп контролировали 85% совокупного рынка капиталов). Вследствие столь сильной концентрации собственности и рычагов управления в Германии, в отличие от Франции и Великобритании, собственно среднебуржуазный предпринимательский слой оказался весьма тонким. Для характеристики социально-политических, властных, социокультурных отношений в Германии накануне войны сохраняет свою силу ленинское определение "юнкерски-буржуазный империализм".

При постепенном росте влияния промышленной и финансовой верхушки на политический процесс, партийную борьбу и бюрократические механизмы доминирование традиционных слоев и элит крупных помещиков (юнкеров), генетически связанных с ними офицерского корпуса, монархически преданной и вышколенной бюрократии, ее дипломатической касты остава-

лось определяющим. Симбиоз традиционных аристократических, бюрократических и финансово-промышленных элит, тесно переплетенных между собой, определял социально-политическую и духовную жизнь Германии. Но полуабсолютистский режим приходил во все более острый конфликт с потребностями перехода к парламентско-либеральной, массовой демократии. Это еще раз показали выборы в рейхстаг 1912 г., принесшие огромный успех социал-демократам. Прочная опора кайзеровской системы – консервативная партия – была оттеснена в оборону (11% голосов и 43 мандата в рейхстаге). Вместе с отколовшейся группой "свободных консерваторов" (3,5% и 14 депутатов) она вдвое уступала "партии переворота", СДПГ (28% голосов и 110 мандатов). Последняя же могла рассчитывать на поддержку в определенных вопросах со стороны части католической партии Центра (23% и 91 депутат) и либералов левого толка – Прогрессистской народной партии (7% и 24 места). Сближение социал-демократических и центристских сил составило важнейшую в военное четырехлетие тенденцию партийного развития.

Социал-демократические лидеры рассчитывали, что, встав в ряды "патриотов", они закрепят эти успехи и решающим образом будут содействовать выполнению главных национальных задач. Коренную внутреннюю проблему рейха того времени можно охарактеризовать как потребность в модернизации, как конфликт молодого, но уже зрелого индустриального общества с монополией на власть юнкерски-аграрного класса (вкупе с высшим бюрократическим кланом и генералитетом) в лице кайзера и его ближайшего окружения. Перераспределение власти в пользу возвысившегося буржуазного класса и, прежде всего, его высокоорганизованной монополистической верхушки, приспособление государственно-политических структур к реальностям массового индустриального общества – таково было веление времени. Как минимум речь должна была идти о ревизии бисмарковского государственного устройства и Конституции 1871 г. Необходимы были переход хотя бы к парламентской монархии, вообще широкая и смелая парламентаризация, расширение гражданских прав основной массы населения. Особым аспектом модернизации должен был стать поиск модели взаимоотношений господствующих классов с социал-демократией, стоящими за ней пролетарскими и полупролетарскими массами, проблема поиска некоего модифицированного модуса вивенди. К такого рода новой, мирной "революции сверху" СДПГ была готова, пожалуй, лучше, чем другие партии. Ее руководство полагало, что партия не может упустить свой шанс, противопоставив себя "великой немецкой идее".

В критической ситуации затяжной войны эти императивы развития выразились в сложных и многоплановых трениях и конфликтах между классами, партиями, центрами политической, экономической и военной власти, внутри них, в передвижках, в своеобразном противоборстве и блокировании левоцентристских и диктаторски-силовых, ультраимпериалистических течений. В ходе этого маневрирования социал-демократия стремилась не затеряться, хотя лидерство оказалось в руках далеко не дружественных ей сил.

В 1915–1916 гг. интересы различных классов, партий, организаций, общественных групп фокусировались, прежде всего, в напряженной дискуссии о целях и методах войны, о характере будущего мира. Она показала, что за фасадом социального и гражданского мира и в условиях официального за-

прета (во имя сохранения этого мира) на открытые споры о целях войны быстро пошло размежевание и обострение конфликта интересов. В этих спорах обретали более отчетливые контуры партийно-политические блоки, выходящие за рамки партийных границ. За ними без труда проглядывались классовые, сословно-клановые, нередко и просто узкогрупповые интересы.

Официальный тезис об оборонительной войне во имя защиты самого права на существование немецкого народа и немецкого государства рассматривался двором, правительственными и правящими кругами в первую очередь как пропагандистская наживка для народного потребления, для обеспечения патриотического единства всех немцев. Пружины реальных интересов были иными. В ходе дискуссий о целях и методах войны в политических и экономических "верхах" страны произошло их размежевание на две группировки, которые можно охарактеризовать как экстремистски-аннексионистскую и умеренно-аннексионистскую[12].

Пропагандистско-политическим авангардом первой из них был Пангерманский союз. В крайних глобально-экспансионистских и социально-реакционных построениях его председателя и теоретика Класса действительно просматривались черты будущего фашизма: чего стоила одна только формула "аннексия территорий без людей"! Союз насчитывал до 40 тыс. индивидуальных членов и 130 тыс. в присоединившихся организациях. Полузакулисно за ним стояли капитаны тяжелой и военной промышленности (Э. Кирдорф, Г. Крупп фон Болен, К. Дуисберг), ведущие предпринимательские объединения, часть влиятельной университетской профессуры и, разумеется, Верховное командование сухопутных войск и адмиралтейство. В партийном плане – в рейхстаге и прусском ландтаге – Консервативная партия во главе с графом Ф. фон Вестарпом и Национал-либеральная партия. При определенных различиях в присущих им аннексионистских планах и способах их осуществления (главным образом на Западе или на Востоке?) они все выступили за "немецкий мир". В случае предвкушаемой победы и захвата обширных территорий и колоний предлагалось их, как выражался Класс, "социально конвертировать" в интересах "всей народной общности" и тем самым укрепить массовую базу старого режима и крайне правых сил.

Пангерманская ультраимпериалистическая группировка наталкивалась на противодействие умеренных общественно-политических кругов. Их центральной и знаковой фигурой, неизменной мишенью вестарповского направления стал вскоре имперский канцлер Бетман-Гольвег. Он представлял крупнобуржуазную, интеллектуальную элиту Германии. В числе его сторонников были промышленник М. Варбург, статс-секретарь финансов, а затем внутренних дел К. Гельферих, историк Г. Дельбрюк. Постоянно повторяя в своих публичных выступлениях официальную версию оборонительной войны, рейхсканцлер старательно избегал конкретизации ее целей. Но самое позднее к началу 1916 г. он и деятели его круга осознали несбыточность победного для Германии варианта. Тогда они начали склоняться к поиску мира на почетных, не исключавших впрочем и известные территориальные приобретения условиях. Ориентировавшаяся на Бетман-Гольвега группировка вполне может быть сопоставлена с "нормально империалистическими" кругами любой из стран Антанты. На нее ориентировались разнородные в социальном и политическом отношении силы. Помимо значительных финансово-промышленных, буржуазно-интеллигентских, высших бюрокра-

тических кругов к рейхсканцлеру обращали свои взоры социал-демократическое и профсоюзное руководства.

Спектр социальных и идеологических мотивов, питавших этот лагерь, был весьма широк: умеренно-империалистические и консервативные, ограниченно-либеральные, пацифистские и демократическо-реформистские позиции, представленные социал-демократическими парламентариями. Среди сторонников Бетман-Гольвега были и такие приверженцы идеологии великодержавного рейха, которые ощущали в авантюристическом курсе верховного командования и пангерманцев угрозу стране и самим общественным устоям Германии (например, К. Дельбрюк, Ф. Мейнеке). Реализация ультрааннексионистских планов на Западе и Востоке, полагали они, заведет Германию в безнадежную гео- и этнополитическую ситуацию, и скорее всего окончится просто военной и национальной катастрофой. Разнородность умеренно-империалистического лагеря существенно ограничивала возможности его сплочения и превращения в доминирующий блок. К тому же он испытывал давление не только со стороны военного командования и двора, но и широких общественных кругов, "гущи" масс, зараженных милитаристски-шовинистическими идеями, готовых еще долго мириться с лишениями во имя победы.

Рейхсканцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег

Идеологическое и моральное превосходство пангерманского лагеря коренилось во всей социально-экономической и политической действительности кайзеровской Германии – верноподданических традициях, духовном воспитании, в приоритетности интересов военно-промышленных гигантов и в культе высшего военного руководства, которое выступало в обличье национального спасителя. По мере затягивания войны, изменения общего военного, стратегически-политического баланса сил в пользу Антанты позиции крайне правых только ужесточались. Не оставалось пространства ни для внутреннего, ни для международного компромисса.

В свое время в литературе, в том числе и западной, заметно смазывался глубинный, принципиальный характер размежевания, а затем и противостояния в правящих кругах рейха; оно низводилось до уровня тактических разногласий, чуть ли не до псевдоконфликта. Оценить его серьезность и остроту мешала, действительно, общая для всех сил, партий и блоков сверхзадача – обеспечение рейху оптимальных (желательно господствующих) международных и стабильных внутренних условий. Обдуманная расплывчатость публичных заявлений Бетман-Гольвега о целях войны и мира, сосуществовавших с весьма решительными аннексионистскими планами, скрытое от глаз общественности взаимодействие с военным командованием представителей финансово-промышленных кругов смазывали остроту разногласий.

Карл Либкнехт

Недооцененным в этой же связи оставалось в литературе и возраставшее внимание канцлера к группе Ф. Эберта – Ф. Шейдемана в руководстве СДПГ. О нем принято было судить как о краткосрочных расчетах на стабилизацию базы правительства в рейхстаге и на мобилизующий массы эффект[13].

Принципиальность и остроту конфликта в 1915–1916 гг. мешала разглядеть еще и его сознательная приглушенность, "подковерные" действия обеих группировок: личные контакты, доверительные меморандумы и закулисные маневры. Оба лагеря стремились оказать, таким образом, давление на военное командование, кайзеровское окружение, на кабинет и на отдельных министров. Такие методы представлялись более эффективными, чем публичное действие через рейхстаг и партии, тем более что последние вступили в процесс болезненного внутреннего размежевания, а в крупнейшей из них, СДПГ, уже начали созревать предпосылки для идейного и организационного раскола.

Глубинный и исторически-альтернативный смысл конфликта в партии власти обнажался лишь постепенно, в динамике дальнейшей борьбы. Ее переломными рубежами стали фактическое установление летом 1916 г. военно-диктаторского режима и острейший политический, государственно-правовой кризис лета 1917 г. Для будущего Германии и Европы исход противостояния был принципиален: придет ли Германия к "миру по соглашению" или даже к демократическому миру, пережив прежде хотя бы конституционную перестройку своих государственных основ, или же, приняв военную диктатуру, супермилитаризацию всей экономической и социальной жизни, надорвется в погоне за "победным миром", потерпит полное военное и политическое банкротство с национальной катастрофой в финале.

Эта дилемма с нарастающей силой вставала и перед руководством СДПГ, требуя более определенных ответов, чем в первые военные месяцы. Она начала оказывать дестабилизирующее и дифференцирующее воздействие на активистов и массовую базу партии. Как известно, еще с начала века в СДПГ сосуществовали более или менее выраженные, более или менее враждующие идейно-политические течения. Острота противоречий между ними тщательно сглаживалась центристско-соглашательской линией Правления и авторитетом Бебеля, скончавшегося в 1913 г. Поворот 4 августа, внутренние дискуссии о целях войны и о путях к миру резко обострили конфликт правых (Зюдекум, Давид и др.), левых (К. Либкнехт, Р. Люксембург) и в основном центристского руководства во главе с Эбертом.

Знаменитое, вопреки фракционной дисциплине в одиночку, голосование К. Либкнехта в рейхстаге против новых военных кредитов 2 декабря 1914 г.

было симптомом острейшей внутрипартийной борьбы и стало символом зарождавшегося антимилитаристского, с позиций интернационализма сопротивления. В мае 1915 г. прозвучал разящий лозунг Либкнехта: "Главный враг – в собственной стране! Это германский империализм, германская партия войны, германская тайная дипломатия"[14], лозунг по сути идентичный ленинской стратегии "превращения войны империалистической в войну гражданскую". В августе 1915 г. Либкнехт полностью перешел на большевистские позиции. В письме к парламентской фракции СДПГ он прямо потребовал замены лозунга "гражданского мира" лозунгом гражданской войны[15]. Общая численность сторонников "ортодоксальной" интернационалистской левой в 1915 г. была еще невелика. Она объединялась вокруг начавшего выходить с весны 1915 г. журнала "Интернационал", а также нескольких полулегальных, на уровне местных организаций малотиражных изданий. Но их активность в крупных городах (Берлин, Бремен, Штутгарт и др.), и особенно морально-политический вес центральных фигур – К. Либкнехта, Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин – вызывали у руководства партии не просто возмущение, но и серьезную озабоченность и тревогу.

Что монополия на выражение уже менявшихся массовых настроений не может быть предоставлена "экстремистским" элементам, становилось очевидным для все более значительной части центристского руководящего ядра партии, ее парламентской фракции. В них все более решительный протест вызывал курс Эберта, Шейдемана, Давида, продолжавших безоглядно поддерживать правительство при вялых внутрипартийных рассуждениях о поиске "мира по соглашению". Не считаясь с этим, некоторые деятели социал-шовинистического крыла все еще предавались мечтаниям об обширных колониальных владениях в Африке. Более того, иногда они даже начинали усматривать цель войны в фантастическом проекте установления гегемонии Германии не только в "Срединной Европе", но вместе с Россией в "подлинно мировом экономическом пространстве" – до Индийского и Тихого океанов[16].

Все это породило отмежевание от официального партийного курса антиимпериалистически и общегуманистически окрашенной пацифистской оппозиции. Воззвание "Веление момента" (июнь 1915 г.), написанное Э. Бернштейном, К. Каутским и сопредседателем партии Г. Гаазе, этот первый манифест левоцентристского пацифизма, решительно обличало экспансионизм германских финансово-промышленных и юнкерских кругов. Здесь же ставился вопрос (риторически, общо, но ставился!) о недопустимости поддержки такой ("несущей отпечаток завоевательной"), а не оборонительной войны, каковую только и обязывалась 4 августа поддерживать социал-демократия. В воззвании содержался также и намек на возможность сочетания парламентских и непарламентских действий во имя мира[17].

Разумеется, это было – на фоне всемирной бойни и по сравнению с бескомпромиссным и гневным языком крайне левых – весьма осторожно выраженное "веление момента". Непоследовательной оказалась и политическая практика большинства деятелей и сил, выразивших свои настроения в этом документе. Процесс размежевания и внутрипартийной борьбы позднее, в марте 1916 г., привел к исключению из фракции рейхстага двух десятков парламентариев во главе с Г. Гаазе и Г. Ледебуром (они наконец набрались решимости отклонить очередные военные кредиты) и к образованию ими

так называемого “Трудового содружества”, зародыша будущей Независимой социал-демократической партии.

Сегодня, имея перед глазами весь (к сожалению, в основном негативный) опыт взаимоотношений между умеренно-центристскими и революционно-радикальными течениями и партиями в XX в., трудно согласиться с канонической для советской историографии оценкой линии Гаазе–Каутского как “разновидности социал-шовинизма”. Но, возвращаясь назад, в 1915 г., к самым истокам будущего раскола, легко увидеть, как опасно высшее руководство партии в целом, уже столкнувшееся с вызовами и радикальной, и умеренно-пацифистской оппозиции, запаздывало с предъявлением немецкому народу официальной платформы о целях войны, о путях к миру. Основополагающие “Тезисы по вопросу о мире” появились только в августе 1915 г. Центральной была формула “мира по соглашению”. Упрекая приверженцев “немецкого мира” в “близорукости” (можно ли было быть более деликатным?), в непонимании подлинных интересов Германии, авторы “тезисов” призывали к миру, обеспечивающему национальные, жизненные интересы и права всех народов, их право на самоопределение, настаивали на принципе свободы морей и “открытых дверей” к колониям.

Декларативность и явная непоследовательность (например, “самоопределение наций”, но “против расчленения” Австро-Венгрии и Турции, умолчание о восстановлении суверенной Бельгии или о возвращении по итогам референдума Эльзаса–Лотарингии Франции) были очевидны. Непоследовательность эта была прямым следствием теснейшего взаимодействия руководства СДПГ с государственными верхами: в связи с разработкой тезисов Шейдеман пять раз вел консультации в имперской канцелярии! Коренной порок и слабость “антианнексионизма” руководящего ядра СДПГ заключались в неопределенности действенного посыла. Формула “мира по соглашению” ничего – при исправном вотировании военных кредитов, – кроме парламентских увещеваний, маневров и надежд на канцлера Бетман-Гольвега, не предусматривала. И уж определенно не допускала и мысли о возможности активизации масс. Обнародованные во многом для спасения лица, по внутрипартийным соображениям “тезисы” отнюдь не сковывали военно-политическую верхушку рейха в использовании самых брутальных вариантов ведения войны (“неограниченная подводная война”). Полуискренняя и половинчатая социал-пацифистская линия руководства СДПГ привела к тому, что при утверждении документа треть членов фракции голосовала против него.

1 января 1916 г. состоялась общегерманская конференция левых интернационалистов. Взяв за основу знаменитую “брошюру Юниуса” Р. Люксембург (весна 1915 г.) с коррективами Либкнехта, наиболее влиятельные деятели леворадикального крыла социал-демократии (Г. Эберляйн, Ф. Меринг, В. Пик, Й. Книф и др.) отныне организационно сплотились в “Союзе Спартака”. В нелегальном издании “Письма Спартака” они пропагандировали программу движения к миру через революционное сопротивление империализму и милитаризму, повели бескомпромиссную борьбу с “проимпериалистическим” и правоцентристским большинством социал-демократического руководства.

В условиях затяжной войны расхождения между аннексионистами и антианнексионистами переросли к лету 1916 г. в раскол и в правящем лагере. Он вылился в открытое политическое и концептуальное противостояние на

фоне тяжелейшего кризиса снабжения продовольствием населения, надвигавшейся "брюквенной зимы". Британская блокада нарушила привычные торговые связи, хлеба из России не поступало, урожай 1915 г. наполовину сгубила засуха, горожан посадили на паек, становившийся все более скудным. Население перешло на "брюквенную диету", благо сей продукт нормированию не подлежал.

При остроте положения на фронтах все отчетливее выявлялись и ограниченность общего экономического потенциала Германии, и известное военно-техническое отставание от противника, и пороки социально-государственной системы, и забвение насущных интересов "низов". Становилось понятно, что речь шла о слабостях стратегических. Отныне в противоборстве политических сил выступал как особый аспект конфликт по центральному вопросу: что следует предпринять для придания эффективности всей экономической, социальной и политической организации общества? В сплетении военно-стратегических и внутренних социально-политических проблем предстала альтернатива: распространение на все сферы жизни во имя "германского" мира предельно мобилизационных принципов, вплоть до установления военной диктатуры или же "перестройка" (Neuordnung), т.е. либерализация, изменение прусского избирательного права, модернизаторские реформы, курс на "мир по соглашению". Вопрос о целях войны и методах ее ведения оказался неразрывно связанным с очерченной альтернативой. Причем выбор направления все более – по крайней мере со времени Февральской революции в России – приходилось делать в обстановке нараставшего массового недовольства и усталости "низов", грозившей перерасти в широкий антивоенный протест. Имперское руководство отныне постоянно, при каждом повороте политики, вынуждено было учитывать давление "снизу", думать о методах его нейтрализации.

Однако до общеполитического кризиса было еще далеко. Проигрываемая война, предощущение критической развязки становились мощным катализатором сплочения наиболее милитаристски-агрессивных сил, решимости их к наступлению, их тяги к установлению "твердой" власти. В свою очередь и бетман-гольвеговское направление все определеннее осознавало, что и приемлемые условия будущего мира, и внутреннее мобилизационное укрепление рейха настоятельно требуют новых шагов и, в частности, расширения социальной базы власти. Представители этой фракции последовательно проводили мысль о необходимости включения в систему национально-государственной ответственности той части социал-демократического движения, которая перестала быть "партией переворота" и повернулась лицом к национальным "приоритетам". Примечательно письмо рейхсканцлера коллеге по тайному правительственному совету фон Валентини от 9 декабря 1915 г. Из него следовало, что Бетман-Гольвег сумел по достоинству оценить переход вождей СДПГ на патриотические позиции. По его словам, партия, "отбросив доктринерский балласт", преисполнилась искренней привязанности к государству, причем не вследствие одномоментного патриотического порыва, а через "обретение идеала, к которому она стремилась еще до войны"[18]. Письмо резко осуждало травлю и провокации пангерманцев против СДПГ. Здесь же намечался курс на прочное, путем уступок, интегрирование рабочего движения в государство как на стратегическую перспективу послевоенной "жизни мира и человечества".

Воздавая должное реализму позиции сторонников Бетман-Гольвега (например, К. Дельбрюка, статс-секретаря министерства внутренних дел и ближайшего сотрудника рейхсканцлера), нет оснований представлять их реформаторами демократического толка. И переход к парламентской монархии, к расширению избирательных прав, и намерение в известной мере опереться на правое крыло СДПГ оставались у них подчиненным мотивом. Первичной и приоритетной была национально-державная, монархическая идея. Именно тревоги за судьбы державы и короны, предчувствие катастрофы в случае провозглашения максималистских притязаний или "неограниченной" войны на морях, либо в случае реализации наиболее жесткого диктаторского курса внутри страны питали их сопротивление крайне правым, милитаристским кругам. Тем не менее в конкретно-политической ситуации 1916–1917 гг. вклад "умеренно-аннексионистского", умеренно-реформаторского направления в расшатывание основ старопрусского порядка и в подрыв духа пангерманского экспансионизма не должен оставаться недооцененным, как это случалось ранее в историографии[19].

Поворотным пунктом в углублении конфликта, броском пангерманцев вперед стал приход в конце августа 1916 г. к руководству рейхсвером Гинденбурга и Людендорфа. Общий смысл и контуры этого поворота были суммированы в так называемой "гинденбурговской программе" – плане предельного форсирования военно-промышленного производства и подчинения этой задаче всей экономики и социально-политических отношений. В сопроводительном меморандуме Верховного командования (ОХЛ) канцлеру (2 ноября 1916 г.) категорически подчеркивалось: перед необходимостью форсированного приращения военного потенциала "все иные соображения должны отойти на второй план"[20].

Создание Третьего верховного командования, поднимая милитаризацию экономики и всей внутренней жизни на новую ступень, достраивало систему государственно-монополистического управления страной. В дополнение к прежним создавались новые военно-экономические структуры. Главной из них с ноября 1916 г. стало военное ведомство, сосредоточившее все материально-техническое снабжение рейхсвера[21]. Но принципиальную новизну и сердцевину нового курса составила реализация главного требования ОХЛ – практическая ликвидация свободного рынка труда. Разработка и принятие соответствующего закона были обставлены определенными социально-политическими маневрами. Военное командование придавало особое значение оформлению дисциплинарных мер именно законом – через привлечение социал-демократов и их партнеров из профсоюзов к его разработке в Главном комитете рейхстага, а затем к контролю над его исполнением. В этом было определенное своеобразие "перестройки" по-генеральски – в чем-то более широкое и государственническое, чем позиция отдельных фракций буржуазного класса. Военно-политическое руководство уловило переломный характер момента. Шансы на военные успехи оказались нерасторжимо сплетенными с решением социально-политических проблем, с необходимостью перемен в социальной системе, в трудовых отношениях. Дальнейшая милитаризация экономики, "наведение в ней порядка и дисциплины" могли быть достигнуты только через подогревание начавшей угасать национально-патриотической лояльности и реформистских надежд "низов". Завинчивая гайки, необходимо было сделать хоть

На германском заводе боеприпасов

какую-то уступку промышленным рабочим, даже рискуя вызвать недовольство в предпринимательских кругах.

Центральное требование военного командования заключалось в распространении воинской повинности на все мужское население от 16 до 60 лет. В декабре 1916 г. был принят Закон о вспомогательном патриотическом труде. Мужчины и незамужние женщины закреплялись за определенными предприятиями. В случае необходимости эти предприятия располагались в другом регионе, ином, чем место жительства. Своевольное оставление или перемена рабочего места, стачки, выдвижение требований о повышении зарплаты запрещались. Нарушение закона могло караться вплоть до тюремного заключения. В этот безусловно мобилизационно-дисциплинарный закон усилиями профсоюзного крыла социал-демократии был, однако, вмонтирован весьма примечательный пункт – об обязательном создании на предприятиях всех форм собственности с числом занятых более 50 человек согласительных органов сотрудничества администрации и рабочих. Кроме того, предусматривались надпроизводственные арбитражные комиссии. В них представители рабочих и предпринимателей должны были быть представлены на паритетных началах. Задачей комиссий было рассмотрение споров при перемене места работы, а также признание того или иного предприятия оборонным и, стало быть, распространение на него права на создание представительских комитетов[22]. Кроме того, профсоюзы получили легальный доступ на крупные промышленные предприятия, где до этого чинились препятствия их деятельности[23].

Разумеется, безмерным преувеличением звучали оценки этого новшества из уст правых профлидеров и социал-демократов: “шаг к социализму”, “конец произвола хозяев” и т.п. В то же время это, бесспорно, должно быть оценено сегодня как исходная точка далекоидущего исторического развития. Не, как полагают некоторые авторы, в духе трудовых отношений времен национал-социализма[24], а к веймарскому трудовому законодательству или еще шире – к становлению всей современной системы “соуправления” и колдоговорной практики. Так зарождались гипотетические возможности и первые механизмы гармонизации социальных отношений. В реальных же условиях военных лет “Закон о вспомогательном патриотическом труде” знаменовал решительный сдвиг в пользу государственных методов регулирования рынка рабочей силы и условий труда. Причем на практике профсоюзы и комитеты сотрудничества не столько становились зачаточными формами “соуправления”, сколько, как отмечает К. Шёнховен, превращались в инструменты типроправительственной пропаганды и предотвращения стачечных выступлений[25].

Превращение Третьего командования в главенствующий центр власти, его курс на милитаризацию экономики и взятие под контроль социально-трудовых отношений являли собой качественно новый феномен. Только с его учетом может быть выяснена равнодействующая политических процессов и тип режима, утвердившегося в Германии на пике войны. Без этого также нельзя понять сущность и масштабы структурно-стадиальных сдвигов в капитализме XX в. как системе в целом и в германском – как его подсистеме. Целесообразнее рассмотреть сначала вторую проблему как глубинную и даже эпохальную тенденцию.

Показательно, что в 1916–1917 гг., исходя из изучения менявшихся отношений между государством, экономикой, политикой и обществом (а также и внутри каждой их этих сфер) именно на примере Германии были сформулированы две содержательные аналитические категории – государственно-монополистического капитализма (ГМК) Лениным и "организованного капитализма" признанным теоретиком СДПГ Гильфердингом. Обеим теоретическим концепциям предстояло сыграть значительную роль в идейной полемике начинавшегося XX в., в борьбе между революционным и реформистским течениями в социалистическом движении.

Германия стала первым государством, где на основе традиционно "активистского", т.е. глубоко вторгавшегося в хозяйственную жизнь, государства и весьма высокого развития финансово-монополистических структур в довоенный период под воздействием изменившихся вследствие войны объективных условий сложились новые формы сотрудничества и сращивания капиталистических монополий и государственного аппарата. Центральным государственным органом, на который была возложена задача обеспечения материальной, производственной базы военных действий, до конца 1916 г. являлся военно-сырьевой отдел, руководимый представителями крупнейших монополий. С него и началось возникновение множества государственно-монополистических институтов по регулированию военной экономики, в частности в таких областях, как производство сырья и снабжения им, продовольственное обеспечение, финансирование войны и экономическое освоение оккупированных территорий.

Эти организации имели отчасти государственный, отчасти полугосударственный характер, нередко они принимали частноправовую форму акционерных обществ. Но и в последнем случае они, руководимые делегированными управленцами монополий, военных кругов и бюрократии, наделялись государством самыми широкими полномочиями. Возникновение новых форм монополистической организации было отражением кризисной ситуации, в которую погружался рейх, испытывая болезненные последствия растущего разрыва между своими империалистическими амбициями и наличными возможностями. Новые институты государственно-монополистического типа призваны были мобилизационными методами решать самые различные проблемы военной экономики – наращивание производства боеприпасов, обеспечение промышленности сначала квалифицированной, а затем и вообще рабочей силой, преодоление кризиса транспортной системы, поддержание снабжения топливом и, особенно, продовольствием. Результативность этих усилий всегда оказывалась ниже необходимого уровня: зато сплошь и рядом возникали все новые организации. Именно развитие государственно-монополистических методов руководства экономикой (прежде всего, на примере Германии) дало возможность Ленину сказать, что происходило "соединение гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм"[26].

Именно под углом зрения ленинской концепции ГМК советскими и, особенно углубленно (хотя и не без элементов схематизации), историками ГДР велись разработки по проблематике первой мировой войны. В многочисленных работах последних детально описаны и проанализированы масштабы, формы и механизмы становления и функционирования государственно-регулирующей системы, ее воздействие на процессы внутри господствующего

класса, на отдельные его кланы и пр. В свете ключевого понятия "слияние моци государства и монополий" ими выделены основные формы государственно-монополистических тенденций: взаимопереплетение государственной и частнокапиталистической собственности и рост госсектора в экономике; слияние государственно-бюрократического и монополистического управленческих аппаратов; сближение государственных и монополистических функций в виде личных уний и т.д.[27]

Западногерманские авторы с самого начала весьма скептически отнеслись к методологическому подходу своих восточных коллег. Ю. Кока, например, считал ключевое понятие "слияние государства и монополий" слишком недифференцированным. По его мнению, это вело к "недооценке важных социально-исторических аспектов и к искажению исторических реальностей"[28]. Кока убежден, что в рамках концепции ГМК резко недооцениваются противоречия между финансово-промышленными кругами и государственно-военной бюрократией, которая начала принимать "государственные решения", направленные-де против интересов предпринимателей в целом и вопреки протесту предпринимателей расширяющие права рабочих[29]. Здесь он имел в виду, прежде всего, зачатки "соуправления" рабочих на промышленных предприятиях в соответствии с Законом о вспомогательном патриотическом труде. Поэтому к концу войны, по мнению Коки, речь шла не о "слиянии", а скорее о прогрессирующем отторжении большинства деловых кругов от государства. Само же государство "по сравнению с довоенным временем в меньшей мере функционировало как инструмент классового господства"[30].

Обобщающий вывод германского историка имеет определенный смысл только, если его истолковывать как многократно возросшую автократичность военно-бюрократического аппарата, его способность – во имя самого общего и высшего интереса всей буржуазно-юнкерско-бюрократической Германии, во имя победы, аннексий и прибылей – связать воедино производственный и нерыночный распределительный механизмы, пронизать тресты, банки, отраслевые группы своими структурами, кадрами, подчинить их, даже ценой определенного ущемления частнопредпринимательских интересов и свобод. Но ведь именно такое "слияние" со своим классом и нарастающая автократическая "независимость" государства и есть одна из характерных основополагающих государственно-монополистических тенденций. Протестные настроения части, даже количественно и значительной, предпринимательского класса были феноменом исключительно социально-психологическим, не проявившимся никоим образом в каком-либо реальном сопротивлении военному ведомству в попытках бойкота или разрыва связей и структур монополистического типа. Именно классовая природа блока государственного аппарата, военного командования и верхушки предпринимательских кругов вовлекла страну в империалистическую схватку. Эта природа все полнее обнажалась по мере приближения военной катастрофы и нарастания социально-политического кризиса в последний период войны. В полном объеме и в полной действенности она проявилась уже в республиканских формах в ходе революции 1918–1919 гг. Всего этого базирующееся лишь на одном (бесспорно, первостепенно важном, но все же одном, резко преувеличенном в своей трактовке) аспекте умозаключение Коки не учитывает.

Критический настрой западногерманских авторов подогревался имевшим в рамках общей концепции ГМК распространение тезисом о подчинении государства монополиям, тезиса, вероятно, вообще несколько упрощенческого по сути и реальностям 1914–1918 гг. в Германии с очевидностью не соответствовавшего. Но в конкретных исследованиях историков и экономистов ГДР по проблематике первой мировой войны подобного, как будто бы, никто и не утверждал. Наиболее адекватной общей характеристикой складывавшихся тогда отношений между предельно милитаризованным государством, монополистической верхушкой и буржуазного класса в целом представляется термин "соединение", включающий различные формы, уровни и методы этого процесса и конкретных решений – от "слияния" в отдельных случаях до классического партнерства в основной массе.

В основе же критики и неприятия западными исследователями концепции ГМК лежали, скорее всего, все же идеологические мотивы, прежде всего отторжение интерпретации марксистско-ленинским обществоведением ГМК как последней, чреватой кризисами и неустранимыми противоречиями, латентно-авторитарной фазы капитализма с запрограммированной ее сменой социализмом. Представляется, однако, что этот доктринерский компонент концепции без особого труда из нее вычленяется, тогда как разработанный в ее русле инструментарий вполне пригоден для эмпирического анализа реальных процессов в капитализме начала XX в. и более позднего времени, и, в частности, в 1914–1918 гг. в Германии. Это, впрочем, признает и Кока, подчеркнувший внутреннюю логическую стройность теории ГМК и ее серьезную аналитическую разрешающую способность при выяснении сдвигов в социально-экономическом и политическом организме рейха в годы войны[31].

Диаметрально противоположной ленинской интерпретации новых явлений в германском империализме стала их трактовка сквозь призму формулы "организованного капитализма". Ее наметили Г. Кунов и Р. Гильфердинг. Ведущая тенденция новых явлений в капитализме заключалась, по их мнению, в обуздании внутренней саморазрушительной анархии рыночных сил, в смягчении конфликта между трудом и капиталом, в общем упрочении всей "финансово-капиталистической" системы, хотя и на недемократической иерархической основе. Вместо спонтанной замены капиталистического строя социализмом дело идет к организованному капитализму, как утверждали теоретики социал-демократии. Стратегической целью социал-демократии, соответственно, становилось преодоление антидемократических, авторитарных тенденций "организованного капитализма"[32]. Но на первом плане оставалась тема выхода из войны.

Вся критическая острота военно-стратегической и социально-политической ситуации в Германии к началу 1917 г. сфокусировалась вокруг двух нерасторжимо между собой связанных и в сущности несовместимых центральных сюжетов большой политики – разработкой предложения Антанте мирных переговоров и подготовкой решения о возобновлении "неограниченной" подводной войны. Принятие решений протекало в обстановке острой и затяжной борьбы между бетман-гольвеговским направлением и Верховным командованием. "Мирная инициатива" от 12 декабря 1916 г. была пронизана мотивами "гинденбурговского" мира. Заведомо прогнозируемое отклонение ноты странами Антанты давало, по замыслу ОХЛ, ему моральное

алиби для возобновления подводной войны, на сей раз "неограниченной". Свое согласие на "мирную инициативу" Верховное командование вообще дало только в жесткой ее увязке с возобновлением подводной войны. В письме от 26 декабря, на пике споров, Гинденбург резко указал канцлеру его место: "Хотя Ваше сиятельство и претендует на исключительную полноту ответственности ... в военном отношении будет делаться то, что сочту правильным я"[33]. В эти критические дни Гинденбург и Гольцендорф уже обсуждали возможность замены Бетман-Гольвега адмиралом Тирпицем.

Этот конфликтный узел снова обострил проблему парламентаризации. Мирная нота была разработана в недрах военно-правительственной бюрократии. Рейхстаг же был просто проинформирован. Парламентариям опять недвусмысленно дали понять их "необязательность". Годичной давности общие рассуждения императора о расширении народной базы представительных учреждений оставались без последствий. Особенно разочарованными – в том числе и в возможностях Бетман-Гольвега ответить им "перестройкой" – чувствовали себя социал-демократы эбертовско-шейдемановского направления. Наиболее резко, однако, на этот раз против "мирных инициатив в приказном порядке" и отстранения рейхстага от решения вопросов, от которых зависит будущее отечества, протестовали национал-либералы.

Бетман-Гольвег не подал, как многие тогда ожидали, в отставку после явного поражения в вопросе о подводной войне. Более того, оценивая решение о ней как "конец Германии", рейхсканцлер вынужден был добиваться его одобрения всеми фракциями рейхстага. Пытаясь еще что-то спасти от своего курса, он подтолкнул кайзера к включению в пасхальное послание 7 апреля 1917 г. распоряжения о предоставлении ему "в кратчайшие сроки" проекта пересмотра трехклассного прусского избирательного закона (правда, только "после счастливого завершения войны"). Этот жест Вильгельма II Гинденбург расценил как "пресмыкательство перед русской революцией". На самом же деле он был продиктован краткосрочными ситуационными соображениями. Правящая верхушка стремилась притормозить очевидное сближение в рейхстаге социал-демократов, депутатов Центра и левой части национал-либералов, надеясь приоткрыть вентиль для "выхлопа" назревавших в общественном мнении, в народных массах разочарования и протеста.

С весны 1917 г. – и уже до самого конца войны и монархии – общая конфигурация партийных сил и группировок испытывала нараставшее давление по-настоящему массовых проявлений недовольства и брожения. Они были связаны с надеждами на наступление мира, обнищанием масс и нарастающим голодом. 16–18 апреля по инициативе левых профсоюзных активистов, главным образом берлинских машиностроительных заводов, прошла стачка с общим числом участников около 400 тыс. Преобладающими были требования экономического характера. Но в них часто и совершенно естественно вплетались и требования политические – скорейшего заключения мира без аннексий, отмены военно-дисциплинарных порядков на производстве, освобождения политзаключенных (прежде всего Либкнехта, находившегося уже в течение почти года в тюрьме) и др.[34].

Выразительным отражением на партийно-политическом уровне массового пробуждения, окрашенного горячим сочувствием Февральской рево-

люции в России, стало завершение организационного раскола СДПГ и образование 6–8 апреля Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Инициаторами организационного выделения и собирания левоцентристского течения были сопредседатель СДПГ Г. Гаазе, весьма авторитетные Г. Ледебур и В. Витман. В роли идеологических и моральных лидеров партии выступали Каутский и Гильфердинг, ставший фактически редактором ее печатного органа – газеты "Фрайхайт". В самом акте провозглашения новой партии переплелись дерзкая новизна (попрание священного принципа "единства во что бы то ни стало") и традиционализм. Именно последний пронизывал представленные учредительному съезду основные доклады Гаазе и Витмана. Главную цель они видели не в создании реальной интернационалистско-революционной альтернативы старой СДПГ, а в восстановлении испытанных идеологических принципов, форм и методов политического действия в европейских традициях. Речь шла о выработке самостоятельной линии поведения в парламенте, на международных форумах в поисках "справедливого" выхода из войны и создания в будущем международно-правового механизма всеобщей безопасности. (Последнее следует расценить как новый элемент социал-демократического миропонимания.)

Бросив вызов эбертовско-давидовскому большинству СДПГ, независимцы стремились не оттолкнуть и самые радикально-революционные элементы. После острых внутренних споров руководство НСДПГ согласилось на вхождение в нее на полуавтономных правах "Союза Спартака", не отталкивала и оставшихся вне ее бременских, гамбургских, дрезденских левых. Широкий, открытый характер новой партии имел своим следствием ее сугубо идейно-политическую неоднородность и ограниченную дееспособность. Вошедший на условиях идеологической самостоятельности и свободы критики "Союз Спартака" и примыкающие к нему группировки к этому времени уже четко приняли революционную, в сущности большевистскую, ориентацию, вплоть до идеи диктатуры пролетариата в форме Советов.

В историографии СССР и ГДР господствовала резко негативная оценка НСДПГ как европейской разновидности меньшевизма. Ее подлинная роль усматривалась, прежде всего, в обмане масс, в удержании их в плену парламентских и пацифистских иллюзий и в конечном счете в отвлечении от революции и спасении капитализма. При этом оставалось в тени существование принципиальных разногласий независимцев с "социал-шовинистами" старой партии. "Независимых" вождей подозревали в тайном сговоре с Эбертом, Шейдеманом, Давидом[35]. Ныне отчетливее видятся иные черты НСДПГ и ее историческое место.

Так, вряд ли могут быть поставлены под сомнение искренность порыва основной массы ее сторонников к интернационализму, включая резкое осуждение политики "гражданского мира" и любых аннексионистских притязаний, их солидарность с обеими русскими революциями 1917 г. (более полная, естественно, с Февральской и эмоционально яркая, но критически-взыскательная – с Октябрьской). Независимцы проводили существенно более решительную, чем верхушка СДПГ, линию в отношении военно-диктаторского режима генералов и смелее выдвигали лозунг замены монархии республикой. Не могут не привлечь внимания их попытки нащупать в разгар мировой бойни некоторые принципы и механизмы поддержания будущего мира, попытки своевременные и небесперспективные. Непоследователь-

ность и известная размытость их идеолого-политической платформы были в основном адекватны мироощущению пробуждавшихся для более левой, а отчасти революционной политики масс. НСДПГ надеялась реализовать этот потенциал преимущественно в естественном для западноевропейской социал-демократии парламентском русле, чем действительно сдерживала "чрезмерную" радикализацию пролетарской Германии. Сквозь призму стратегии "превращения войны империалистической в войну гражданскую" это представлялось вопиющей непоследовательностью и оппортунизмом. Но в широкой, для всего XX в. определяющей парадигме эволюционного развития к демократии и всемирной безопасности такая оценка во многом меняет свой знак и окраску.

Внутренняя идейно-политическая неоднородность НСДПГ, сосуществование в ней левоцентристской и полубольшевистской линий привели через три года к ее расколу, уходу весомой ее части в КПГ, а другой – в конце концов к возврату в СДПГ. В постверсальской Германии не осталось пространства для самостоятельной левосоциалистической политики. Ценный исторический потенциал был растрачен. И все же от деятельности и теоретических поисков независимцев протянулись какие-то живительные нити к одной из ключевых концепций всего XX в. – к демократическому социализму.

Объектом исторических дискуссий в отечественной и зарубежной историографии была также оценка деятельности "Спартака" и, в особенности, Люксембург. Исторически взвешенные суждения сложились только к 60-м годам в связи с разработкой в ГДР общей концепции истории революционного движения в Германии. Со ссылкой на ленинские высказывания высоко поднимались глубокий и последовательный интернационализм спартаковцев, их непримиримость к "социал-шовинистам", готовность к революционным действиям и, совершенно особенно, готовность учиться у большевиков. Последнее, правда, с непременной оговоркой, что историческое величие и практическая действенность ленинизма в полном объеме и своевременно ими так и не были осознаны[36]. В полемике с западноевропейскими авторами, изображавшими спартаковцев изолированной, никого не представлявшей группой невменяемых радикалов, дала себя знать другая крайность – преувеличение роли и влияния левых, неправомерное выдвижение их в центр политического противоборства как важнейшего фактора.

И в самом деле, левые группы интернационалистов были в целом малочисленны и разрозненны; к тому же между ними существовали разногласия. Но в социал-демократической среде, внутри НСДПГ, их взаимодействие с определенной частью промышленных рабочих (например, с так называемыми революционными старостами машиностроительных заводов) и влияние все же неуклонно по мере вызревания кризиса нарастали. При этом малочисленность в известной мере компенсировалась их кипучей энергией и форматом – идейно-политическим, моральным, человеческим – лидеров "Спартака": Либкнехта, Люксембург, Меринга, Цеткин. Уже тот факт, что Люксембург и Либкнехт большую часть военного четырехлетия провели в тюрьмах, что полиция самым дотошным образом держала деятельность всех левых "под колпаком", подрывает убедительность тезиса о маргинальности, бессилии и изолированности спартаковцев и родственных им групп. Революционные левые были лишь отчасти инициирующей и организационной силой обоих самых крупных и массовых выступлений – стачек апреля

1917 г. и января 1918 г., но они, несомненно, были наиболее ярким проявлением, идеологическим рупором назревавшего массового протеста.

В переоценке начиная с 60-х годов историографией роли и места левых главный упрек по-прежнему оставался неизменным: не распознав революционного характера эпохи империализма, левые упустили возможность организационного разрыва с оппортунизмом, с погрязшей в центризме СДПГ и создания партии большевистского типа еще до войны. И усугубляли эту ошибку, оставаясь вместе с каутскианцами в 1917–1918 гг. в рядах НСДПГ[37]. Завышенные требования к узкому кругу сторонников радикальной линии организационного разрыва с СДПГ еще до войны базировались, как представляется, на грубом упрощении реальной ситуации, опыта, традиций, всего мира идей и чувств германской социал-демократии. И его осуществление ничем иным, кроме по меньшей мере конфуза, завершиться тогда не могло. Другое дело – решение лидеров "Спартака", прежде всего Люксембург, с которой часть левых по этому вопросу спорила, и в 1917–1918 гг. действовать и бороться внутри НСДПГ. Образование интернационалистски-революционной партии, поначалу неизбежно небольшой, но полагавшейся на революционную динамику, становилось реальной возможностью, хотя и не повелительной необходимостью.

Но самое главное, в принципе весьма сомнительно, чтобы возникшая, скажем, сразу после российского Октября партия германских коммунистов (все-таки неизбежно малочисленная и слабая) оказалась бы в состоянии коренным образом изменить ход событий, осуществить большевистский вариант. Стремительному взлету революционной партии, росту ее массового влияния, быстрому овладению позициями власти здесь, в отличие от России, эффективно противодействовали прочность и разветвленность государственно-бюрократического аппарата. Против революции "работали" социальная и политическая структурированность общества, опыт и организация "верхов", их способность социального маневрирования, умение выстроить систему перевода социально-классового конфликта в русло переговорного процесса. Такого простора, как в России, для массового спонтанного выброса революционной энергии, для мобилизующего творчества небольшой партии профессиональных революционеров в Германии 1918–1919 гг. не было. И тем не менее в стремительно усложнявшейся военно-стратегической и внутриполитической ситуации перед лицом откола левого крыла руководство социал-демократии большинства не могло более уклоняться от уточнения своих перспективных планов. При этом наметившееся в рейхстаге взаимодействие с умеренными буржуазными партиями – Центром, прогрессистами и частью национал-либералов – вело к довольно-таки "диалектичной", с недоговоренностями, позиции. В первых числах апреля 1917 г., в атмосфере нараставших массовых выступлений, ее изложил центральный орган партии "Форвертс": приверженность принципу "равного избирательного права во все представительные органы", решительное отмежевание от всякого радикализма, симпатий к антимонархизму и сочувствия русской революции. Заявление старалось уйти от определенного выбора в пользу республики, предостерегало от недооценки "укорененности монархии в Германии" и более того – усматривало "на все обозримое время" возможности "упрочения *ее основ*", *многозначительно намекая*: "*...если она найдет себе умных советчиков*"[38].

Между тем надвигавшееся полное поражение Центральных держав провоцировало решительное и открытое столкновение двух противоборствующих линий в правящих кругах, делало его неизбежным. В июле 1917 г. была достигнута критическая точка. Вызовом Верховному командованию, всему пангерманскому лагерю стало образование 6 июля так называемого Межфракционного комитета в рейхстаге из сторонников конституционной реформы и "мира по соглашению" – социал-демократов, прогрессистов, Центра. К тому же 11 июля под нажимом Бетман-Гольвега кайзер издал указ о подготовке пересмотра прусского избирательного закона. Казалось, зигзагообразная бетман-гольвеговская линия обретает шансы на успех. На самом же деле она выдохлась, а ее инициатор оказался в изоляции. Его тактика тонких маневров и уступок себя исчерпала. Если для Верховного командования он представлялся малопригодной фигурой для победоносной войны и "немецкого" мира, то для складывавшегося межфракционного блока в пользу "мира по соглашению" он становился с точки зрения будущих переговоров с Антантой одиозен как один из зачинщиков войны[39].

На вызревавшую, теперь уже "снизу", в рейхстаге инициативу новых мирных предложений, сопровождавшуюся острой критикой военно-политического руководства, Людендорф и Гинденбург ответили, угрожая отставкой, 12 июля 1917 г. беспримерным шантажом-ультиматумом Вильгельму II: или Бетман-Гольвег или Верховное командование! Перед абсолютно неконституционным демаршем своих подданных, прусских генералов, заявивших о готовности покинуть фронт, император капитулировал. На пост канцлера пришел никому, даже кайзеру, лично не известный второстепенный чиновник Г. Михаэлис. Это был своеобразный переворот: Гинденбург обретал статус теневого кайзера, Людендорф становился реально действующим канцлером. Михаэлису отводилась роль едва ли не марионетки. Столь радикальное смещение центров возвестило государственно-правовой кризис системы, фактически установление диктатуры. Под всю государственно-правовую систему подводилась взрывчатка, и она непременно должна была сдетонировать, как только перед лицом неотвратимого военного поражения начала бы угасать вера в непобедимость и удачливость генеральского тандема.

19 июля рейхстаг большинством в $^2/_3$ голосов (центр и левые) принял резолюцию о мире, подготовленную Эрцбергером. В глубине души не только сторонники резолюции из буржуазного лагеря, но и социал-демократические лидеры рассматривали ее прежде всего как пропагандистский жест, а не как разрыв с аннексионистскими мечтаниями. Об этом свидетельствует признание Шейдемана: "Резолюция составлена так, что вовсе не исключает приобретения необходимых земель и контрибуций"[40]. Резолюцией о мире новое парламентское большинство, совершив трудный для себя выход к более реалистическим позициям, заявило о своей решимости вмешаться в вопросы большой политики, поколебать монополию на принятие решений двором и ОХЛ. Однако непосредственное политическое значение этого "бунта" было весьма ограниченным: по конституции канцлер отнюдь не был связан парламентскими решениями. В своей ответной речи Михаэлис всего лишь неопределенно пообещал придерживаться смысла резолюции, обесценив ее коварной оговоркой "как я ее понимаю". Означать это могло только одно: он будет послушным инструментом Верховного командования.

Слева направо: Гинденбург, Вильгельм II и Людендорф в Ставке Верховного главнокомандования

Тем не менее события лета 1917 г. обозначили исходную точку нового развития германской политической и партийной системы – в направлении парламентаризации и формирования из трех партий арифметического большинства 1912 г. политического большинства. Как показало ближайшее же будущее, новорожденное парламентское образование и, прежде всего, СДПГ использовали отвоеванные рубежи слабо. Линия социал-демократии Эберта–Шейдемана, опорной конструкции парламентского блока, характеризовалась как в противостоянии Гинденбургу–Людендорфу, так и в развитии зачатков полнокровного парламентаризма пассивностью, противоречивостью, оглядкой на обретенных партнеров, общей интеллектуальной слабостью.

Непосредственной реакцией ультраправых сил на июльский кризис стало возникновение 2 сентября 1917 г. крайне националистической и агрессив-

ной Немецкой партии отечества во главе с гросс-адмиралом Тирпицем, крупным чиновником В. Каппом, одним из ведущих деятелей Пангерманского союза и председателем совета директоров концерна Круппа А. Гугенбергом. Таким образом, уже отчетливо проступал общий контур расстановки социально-политических сил и партийно-политической системы грядущих веймарских времен с характерной для них резкой поляризацией: блок (пока еще очень рыхлый) трех центристских партий, справа от которых – группировка консервативно-реакционных, авторитарных, пангерманских сил, слева – набирающая силы левая оппозиция. Она была очень пестрой по составу и идеологическим установкам. Воспользовавшись слабостями левоцентристских сил, сплотившийся летом 1917 г. ультраправый блок надолго самым роковым, деструктивным образом стал влиять на весь ход немецкой истории. Позднейшие расследования в связи с обвинением левых и центристов в измене (так называемый "удар кинжалом в спину") подтвердили, что именно эта группировка во главе с ОХЛ довела рейх и немецкий народ до военной катастрофы. Пережив революцию 1918–1919 гг., она осталась постоянным фактором угрозы, а затем – разложения и гибели молодой немецкой демократии.

Осень 1917 г. – время все более полного утверждения диктатуры генеральского дуумвирата. Брошенная после июльского кризиса Давидом для характеристики властных отношений на том этапе формула "скрытая парламентаризация" явно приукрашивала реальное положение дел. Июльский кризис, действительно, свидетельствовал о некотором повышении роли парламента. Партии Межфракционного комитета были отныне формально привлечены к закрытым обсуждениям военно-политической стратегии, и правительство вынуждено было на них оглядываться. Но не более того. Ведущая сила нового парламентского большинства, СДПГ эбертовско-шейдемановского направления, проявляла удивительную сдержанность в развитии первого успеха и в противодействии милитаристски-диктаторскому режиму. Ее сковывала боязнь вторгнуться в "прерогативы императора". От реальной власти, от формулирования условий будущего мира социал-демократы и их союзники были едва ли не по-прежнему далеки. "Даже вопрос, достаточно ли ясно социал-демократические лидеры сознавали и оценивали политическое влияние Третьего верховного командования, – отмечает С. Миллер, – не поддается однозначному ответу". Давид, выступая впоследствии перед парламентским комитетом по расследованию причин катастрофы 1918 г., весьма примечательным образом парировал обвинения СДПГ в вялости сопротивления Верховному командованию, нерешительности при выдвижении собственных инициатив: вероятно, "безоглядной борьбой его и можно было бы сломить, но это же означало бы революцию во время войны. Иного не было дано. Отклонение военных кредитов – заявление, что мы не участвуем в войне, – стачка! Может быть, достаточно было бы и просто пассивного сопротивления по всей линии. Но фронты бы рухнули. Мы просто не могли на это пойти, потому что высшая преданность интересам нашей страны ставила нам пределы... Мы не имели права предпринимать что-либо, что шло бы на пользу нашим врагам. Это и была наша высшая и предельная преданность"[41].

Июльская мирная резолюция подвергалась яростным нападкам Отечественной партии и пангерманцев. Михаэлис положил ее под сукно. В глазах

кайзера основной автор резолюции Эрцбергер стал “изменником отечества”. Кронпринц Вильгельм в мемуарах писал: “Резолюция эта и по форме своей, и по содержанию могла принести нам большой вред. Вместо того чтобы просто заявить о желании мира со стороны непобежденной нации, резолюция производила впечатление, что мы признаемся в нашей военной слабости и убывающей силе сопротивления, что было совершенно неверно, и что наше экономическое положение так плохо, что мы не в состоянии больше продолжать войну. Если бы все это было правдой, то звонить об этом по всему свету совсем лишнее, особенно в колокола рейхстага”[42]. Против Эрцбергера выступало и правое крыло его собственной партии Центра.

Наиболее существенными проявлениями жизнедеятельности Межфракционного большинства стали в октябре 1917 г. трения с рейхсканцлером, завершившиеся прошением к императору о смещении Михаэлиса. Показательно, что, потратив целый месяц на закулисные телодвижения, парламентское большинство не решилось ни формально выразить свое недоверие Михаэлису, ни даже высказать свое пожелание относительно новой кандидатуры, которая могла бы обеспечить хотя бы приблизительно конструктивные отношения с рейхстагом. Дабы снять даже намек на соскальзывание к парламентским процедурам, Вильгельм II, министериальные круги ответили выдвижением заведомо неприемлемой для большинства рейхстага кандидатуры графа Г. Гертлинга, 74-летнего политика консервативно-пангерманского толка, занимавшего до этого пост премьер-министра Баварии. Можно было не сомневаться, что новый канцлер станет такой же послушной воле милитаристских кругов фигурой, как и его предшественник. В этом контексте безудержно оптимистически и просто демагогически звучала речь Шейдемана на съезде СДПГ в Вюрцбурге в октябре 1917 г. За годы войны, по его словам, “произошел сдвиг власти в пользу пролетариата... германская социал-демократия благодаря войне превратилась в партию с непосредственными перспективами на власть и стоит на пороге решения задач социалистического характера”[43], и т.д. в том же духе.

Свою зрелость для осуществления власти СДПГ пришлось доказывать скоро – уже в конце января 1918 г. во время острейшего и масштабного социального и политического конфликта, случившегося в ходе знаменитой январской стачки. В ней приняло участие до 400 тыс. рабочих машиностроительных заводов Берлина, Гамбурга, Киля, Билефельда и других промышленных центров. Она стала впечатляющим проявлением изменений в массовых настроениях, накапливания в “низах” взрывной энергии. По сравнению с весенними выступлениями 1917 г. требования были гораздо более политизированными, четкими: мир без аннексий и контрибуций, отмена осадного положения и милитаризации на производстве, введение всеобщего избирательного права и др.

Эта стачка может рассматриваться как прелюдия и генеральная репетиция Ноябрьской революции 1918 г. – с такой ясной определенностью в ней раскрылись наиболее общие тенденции назревающего кризиса, типические реакции и роль основных действующих лиц. Детонатором этого в основном стихийного взрыва явилась столичная организация революционных старост машиностроительно-оборонных заводов Берлина, полуавтономное в рамках НСДПГ образование, находившееся на левом ее фланге. Само же руководство НСДПГ, делегировавшее в стачком своих представителей и подчас

дававшее образчики вербального радикализма, постаралось притупить, отодвинуть на второй план политические требования. Тем не менее забастовка 28 января – 2 февраля помогла НСДПГ утвердиться в роли влиятельной силы, аккумулировавшей крепнувшую волю к демократическому миру и слому старопрусских порядков.

Радикализация масс, конкуренция со стороны независимцев и спартаковцев поставили СДПГ большинства в затруднительное положение: грозили сорвать ее стратегию сотрудничества с буржуазными партиями в межфракционном большинстве, а с другой стороны, опасно ослабляли ее связи с пролетарской базой. В глазах многих ее сторонников СДПГ по итогам безрезультатной стачки оказалась сильно скомпрометированной. С правых же скамей рейхстага прямо прозвучали обвинения в предательстве родины. Поле для правосоциалистических маневров на какое-то время заметно сузилось.

В этих условиях СДПГ пришлось принимать решения по ратификации Брестского мира. Партнеры СДПГ по Межфракционному комитету пошли на поводу дойч-националов и пангерманцев. Они голосовали за ратификацию откровенно империалистического, несправедливого мира. Независимые социалисты, лидер которых Гаазе выступил с решительным осуждением аннексионистских статей договора и требовал не допустить превращения немецких солдат в "палачей русской революции", проголосовали против договора. Социал-демократы большинства при голосовании воздержались. Этому предшествовал внутренний разброд во фракции: 26 ее членов настаивали на ратификации, 13 отклонили ее и 31 предпочли воздержаться. Из их рядов не прозвучало ни резкое осуждение методов империалистического насилия, ни слов солидарности с Советской Россией. Для всей СДПГ это был острый момент выбора. Отклонение брест-литовского диктата по внутренней логике могло бы поставить под вопрос практику автоматического голосования за военные кредиты. Более того, на карту была поставлена вся внутриполитическая линия и сама конструкция Межфракционного комитета. А ведь его существование расценивалось ведущими деятелями СДПГ как главный итог и успех партии.

Между тем военно-политическое и внешнеполитическое положение Германии ухудшалось. Стратегическое наступление на Западе к августу 1918 г. выдохлось[44]. 14 августа в Верховной ставке в Спа состоялось знаменательное заседание коронного совета. Гинденбург и Людендорф, перекладывая ответственность за практически уже проигранную войну на расхлябанность тыла, его неготовность к величайшим жертвам, вынуждены были в осторожной форме говорить теперь уже о "стратегической обороне, которая в конце концов навяжет противнику нашу волю"[45]. Открыть кайзеру всю горькую правду у них не хватило духу. Тем более что убаюкиваемый придворной камарильей Вильгельм и сам был готов оставаться в неведении. Решающими днями стали 29 сентября и 1 октября.

29 сентября Гинденбург и Людендорф пригласили в ставку статс-секретаря МИД П. Гинце и заявили ему, что война проиграна. Даже переход к еще более жесткой военной диктатуре уже не мог, по их мнению, изменить этого. Они потребовали незамедлительного зондажа возможностей перемирия и заявления о готовности Берлина к мирным переговорам на базе "14 пунктов" американского президента Вильсона[46]. Во внутреннем плане они вы-

сказались за “революцию сверху”, аргументируя ее необходимость следующим образом: “Внезапный поворот от уверенности в победе к поражению может стать таким ударом, что империя не выдержит его последствия. Для предотвращения хаоса и для разжигания народной войны, во имя которой на фронт пойдут все до последнего человека, необходимо привлечь к участию в правительстве максимально широкие круги”[47].

1 октября Людендорф сообщил своему ближайшему окружению о том, что фронт может быть прорван уже в самые ближайшие дни, что полное поражение неизбежно и что незамедлительно должны быть начаты мирные переговоры. Обращаясь к внутреннему положению, он заявил: “Я обратился к его императорскому величеству с предложением привлечь к участию в правительстве те круги, которым мы прежде всего и обязаны нашим нынешним положением. Так что мы скоро станем свидетелями того, как эти господа придут в министерства. И им теперь придется заключать мир, расхлебывать ту кашу, которую они заварили”[48]. Признав полное банкротство всего военно-стратегического курса, генералы-диктаторы стали спешно искать козлов отпущения. Тогда же в сентябре они сформулировали основные тезисы долгосрочной политико-пропагандистской кампании по внедрению ядовитого мифа “об ударе кинжалом в спину”, который якобы нанесли отечеству “соци”, пацифисты, антинациональные элементы.

2 октября представитель Людендорфа проинформировал об истинном положении дел на фронте депутатов рейхстага, до сих пор, как и кайзер, позволявших себя убаюкивать заверениями генералитета о непобедимости армии. Парламентариям предлагалось осуществить поворот на 180 градусов. На следующий день Гертлинг – на сей раз уже по согласованию с парламентским большинством – был отправлен в отставку. На пост канцлера пришел принц Макс Баденский, пользовавшийся репутацией либерала, гуманистически мыслящего политика. В новый кабинет, опиравшийся на партийное большинство, вошли представители СДПГ (Шейдеман), партии Центра (Эрцбергер) и прогрессистов.

26 октября 1918 г. большинство рейхстага одобрило резолюцию об изменениях конституции. А еще двумя днями ранее прусский ландтаг принял решение о реформе одиозного избирательного права. Это был конец гогенцоллерновского самодержавия, переход к парламентской монархии. Отныне глава правительства и кабинет должны были формироваться на парламентско-партийных принципах. Рейхстаг получал право контроля над военной и военно-морской политикой, вплоть до организационных и кадровых вопросов, до тех пор находившихся в исключительном ведении кайзера. На следующий день в отставку отправился Людендорф.

Наступивший обвал гогенцоллерновского режима, самоликвидация всесильного генеральского дуумвирата, установление, в сущности, парламентской монархии, вхождение в правительственную ответственность социал-демократических политиков обозначили исторический финал Пруссо-Германии и глубочайший предреволюционный “кризис верхов”. Это та точка, с которой прослеживается эволюция режима власти за годы войны, общая равнодействующая социально-политической борьбы в Германии, ее противодействующие факторы, критические точки в менявшемся параллелограмме сил: *императорский двор – Верховное командование – имперское правительство – рейхстаг*. Этот рубеж позволяет высказать некоторые обобщающие соображения.

Прежде всего, о режиме власти в 1916–1918 гг. Устоявшаяся в отечественной историографии его характеристика как военно-диктаторского не вызывает сомнений. Третье верховное командование (3-е ОХЛ) сосредоточило в своих руках основные рычаги власти. Действенность этих рычагов многократно усиливалась государственно-монополистическими тенденциями[49]. (Представительства ОХЛ или, по меньшей мере, офицеры связи существовали едва ли не во всех гражданских учреждениях.) Но эта власть не была неограниченной. Тезис С. Хафнера о возникновении после 1917 г. двух центров власти (ОХЛ и межфракционное большинство рейхстага)[50], хотя и представляется несколько огрубленным, но хорошо оттеняет важную черту режима. Действительно, безраздельная власть Верховного командования осуществлялась в сфере военнно-оперативного руководства и внешнеполитической деятельности. Впрочем и здесь оно поначалу встречало сопротивление части министериального аппарата, сориентированной на Бетман-Гольвега, а затем – и Межфракционного комитета в рейхстаге. Более того, диалектический парадокс заключался в следующем. Будучи облечено высшей "национальной" ответственностью за общий ход и результаты военных действий, ОХЛ оказалось в чем-то более восприимчивым к вызовам времени и по властным своим полномочиям более дееспособным, чем придворно-министериальные круги или правый партийный спектр рейхстага. ОХЛ осуществляло "реформистские" маневры – например, уступки профсоюзам в Законе о патриотическом труде, а под занавес дало сигнал, инициировавший "парламентаризацию".

Отечественные исследователи ранее упускали из виду этот аспект, сосредоточивая внимание на активном антивоенном, антисистемном протесте. А ведь налицо почти до самого конца была угрюмая решимость многомиллионного большинства германского населения принять, во имя победы, любые лишения, прочной оставалась его вера в кайзера, в генералов – спасителей отечества. К тому же экстремистские и пангерманские круги весьма искусно в атмосфере войны подогревали антипарламентские настроения, вообще свойственные тогдашним немецким "низам": умники в рейхстаге, партийные говоруны только вставляют палки в колеса могучей германской военной машины, противодействуют предельной мобилизации всех ресурсов нации, ее монолитной сплоченности.

Со своей стороны оппозиционное большинство рейхстага вокруг СДПГ постепенно, особенно после провала подводной войны, все заметнее стало воздействовать на общеполитические и социально-политические процессы. С той или иной степенью решительности и эффективности оно противопоставляло армейскому, полицейскому, государственно-бюрократическому аппарату трибуну и комитеты рейхстага, отчасти – прессу. Активизировать мощный резерв – "улицу", тлеющие недовольство и усталость народа социал-демократы, контролируемые ими профсоюзы в силу "высшей национальной лояльности", естественно, не могли и не хотели. Более того, как показала январская забастовка 1918 г., они прилагали максимум усилий для приглушения или даже гашения массового протеста. Но уже само его подспудное нарастание, потенциальная угроза новых массовых действий подрывали всесилие военно-диктаторской верхушки. Характеристика взаимоотношений генеральского режима со "штатской" властью и с "нацией" останется односторонней, если не обратить внимания на его скрытую плебисцитарность[51]. В каких-то

ситуациях либерализаторские устремления парламентариев и действия Верховного командования оказывались (пусть и по разным мотивам) параллельными, а под конец военные диктаторы и вообще сами выступили "инициаторами демократизации".

Филипп Шейдеман

В обобщенном виде в 1916–1918 гг. дело выглядело следующим образом: в той мере, в какой силам Межфракционного комитета удавалось отвоевать какую-то позицию в отношениях с имперским правительством, она быстро переигрывалась, обесценивалась решениями Верховного командования. Реформаторские усилия характеризовались спазматической неровностью. Нечто вроде броска вперед от июльского кризиса 1917 г., через смещение Михаэлиса и до конца года, затем – на протяжении всей первой половины последнего года монархии (кроме, разве что, ратификации Брест-Литовского договора) впадение рейхстага в апатию и бессилие, переуступка инициативы ОХЛ. Связано это было, скорее всего, с надеждами на чудо, которое совершит командование в последнем стратегическом наступлении на Западе...

Противоречивостью и оригинальностью общей картины обусловлено и существование в литературе двух подходов. По меньшей мере, по-разному распределяются акценты в интерпретации обстоятельств и внутренних пружин крушения монархии и скачка к квази-парламентскому строю в конце октября 1918 г.

Первый и более традиционный вариант сводится к следующему. Перед лицом военной катастрофы Людендорф и Гинденбург во имя спасения монархии и предотвращения революционного взрыва, а также в стремлении переложить ответственность за поражение и поиск путей выхода из него дали решающий импульс к демонтажу старой системы, подтолкнули старую элиту к масштабному рискованному маневру[52]. Сторонники более позднего по происхождению подхода, опираясь на обширные документальные публикации (в том числе на материалы Межфракционного комитета, архива Макса Баденского и пр.) сосредоточивают внимание, прежде всего, на деятельности партий, их Межфракционного блока, перипетиях борьбы в стенах рейхстага, на правовой и институциональной стороне зарождавшегося нового парламентаризма. Для них военное поражение, политическое наступление в пользу установления республики, реальность угрозы революционного взрыва в стране – суть факторы внешние, в основном фоновые. "Прорыв к демократии" (использование этого термина в реалиях 1917 г. и даже ранней осени 1918 г. представляется все же чрезмерным, корректнее было бы говорить о парламентаризации) обеспечили, прежде всего, партии зарождавшейся веймарской коалиции. Формирование правительства на партийно-парла-

ментской основе, вхождение деятелей СДПГ и Центра в правительство Макса Баденского предстают как закономерный итог борьбы и консолидации самих партий, саморазвития парламентаризма. Это позволяет сторонникам данной точки зрения высоко оценить государственность и масштабность мышления руководителей партий (в первую очередь, Эберта, Шейдемана, Эрцбергера), их мужественную готовность принять на себя в отчаянной ситуации ответственность за судьбы страны, отвести от нее угрозу гражданской войны. Впоследствии в мемуарах Шейдеман так изложил рассуждения Эберта в первые октябрьские дни 1918 г.: "Правда, он не думает, что мы можем еще что-нибудь спасти, но мы должны учесть следующее: если сейчас все рушится извне и внутри, то не будут ли нас потом упрекать, что мы отказали в своей помощи в минуту, когда нас со всех сторон о ней просили"[53]. Что же касается всех упомянутых выше "внешних" факторов, особенно инициативы Гинденбурга и Людендорфа, то, как полагают, "она просто совпала" с кульминационной точкой парламентской активности[54].

По нашему мнению, взгляд сторонников первой точки зрения в целом многостороннее и реалистичнее. Обгонявшие друг друга хаотичные события на верхних этажах властных структур породили в общественном, а особенно в широком массовом сознании неоднозначный резонанс. Парламентаризация, переход монархии в новое качество, при сохранении монархического декорума и знаковых фигур – не были поначалу осознаны как событие поворотное. Независимцы и спартаковцы, единственно и поднимавшие лозунг республики, вообще отказывались видеть в наступавших переменах что-то большее, чем "фиговый листок абсолютизма". Не парламентаризация, а заявление о готовности военно-политического руководства к перемирию стало своего рода толчком к стихийным новым социально-психологическим и идеологическим процессам, нередко с непосредственными выходами к революционным действиям. Шоковое пробуждение от велеречивых заявлений об "уверенности в победе" и осознание ее недостижимости побуждали к действию.

В последней неделе октября 1918 г. по совокупности всех критических обстоятельств выявился поворот влиятельных сил в высших военных и партийных кругах, а прежде всего в позиции самого Макса Баденского к идее добровольного отречения кайзера в пользу кронпринца. Было остро осознано, что фигура Вильгельма II является труднопреодолимым препятствием для переговоров о перемирии и окончании войны. 29 октября в надежде уйти от нарастающего давления кайзер покинул столицу и уехал в Верховную ставку в Спа. После отчаянного сопротивления ("Я и не подумаю оставить трон в угоду нескольким сотням евреев и тысяче-другой рабочих"[55]) ему пришлось согласиться с практически уже объявленным Максом Баденским отречением. За этим последовали эмиграция в Нидерланды и политическое небытие.

3 ноября вспыхнуло восстание моряков на военной базе в Киле. Оно явилось стихийным ответом на бессмысленный и провокационный приказ военно-морского командования выйти в море и провести операцию в устье Темзы. Это буквально накануне уже ожидавшихся переговоров о перемирии и для их срыва! Восстание моряков Побережья стало прологом революции, краха Гогенцоллернов и прочих двух десятков немецких монархий, а одновременно и развертывания советского движения во всей империи[56]. Между тем руководство СДПГ все еще не отваживалось на лозунг республики. Удо-

влетворившись парламентаризацией и рассчитывая на скорую реформу прусского избирательного закона, оно считало рискованным выходить за рамки легальных действий и монархии. Особенно настойчив в этом отношении был Эберт, не имевший, однако, полного большинства по данному вопросу в руководстве партии. Современный биограф Эберта пишет: "Его демократическое самосознание повелевало ему оставить вопрос о государственном устройстве в подвешенном состоянии до конца войны, а затем подчиниться вотуму граждан". Поэтому 6 ноября он "прямо-таки в торжественной форме" дал генералу В. Грёнеру, преемнику Людендорфа на посту первого квартирмейстера, "обязательство выступить в защиту парламентской монархии при условии немедленного отречения кайзера и кронпринца в пользу малолетнего сына последнего"[57].

7 ноября руководство социал-демократии большинства, подхлестываемое революционным подъемом и в расчете на перехват инициативы у независимцев, революционных старост берлинских предприятий и спартаковцев, направило рейхсканцлеру ультиматум. Вот его суть. Если в течение суток кайзер и кронпринц не отрекутся от престола, если СДПГ не будет предоставлено больше мест в кабинете, а свобода слова и манифестаций не будут провозглашены, то партия социал-демократов пойдет на выход своих представителей из правительства. В тот же день, как вспоминал Макс Баденский, у него состоялся знаменитый диалог с Эбертом:

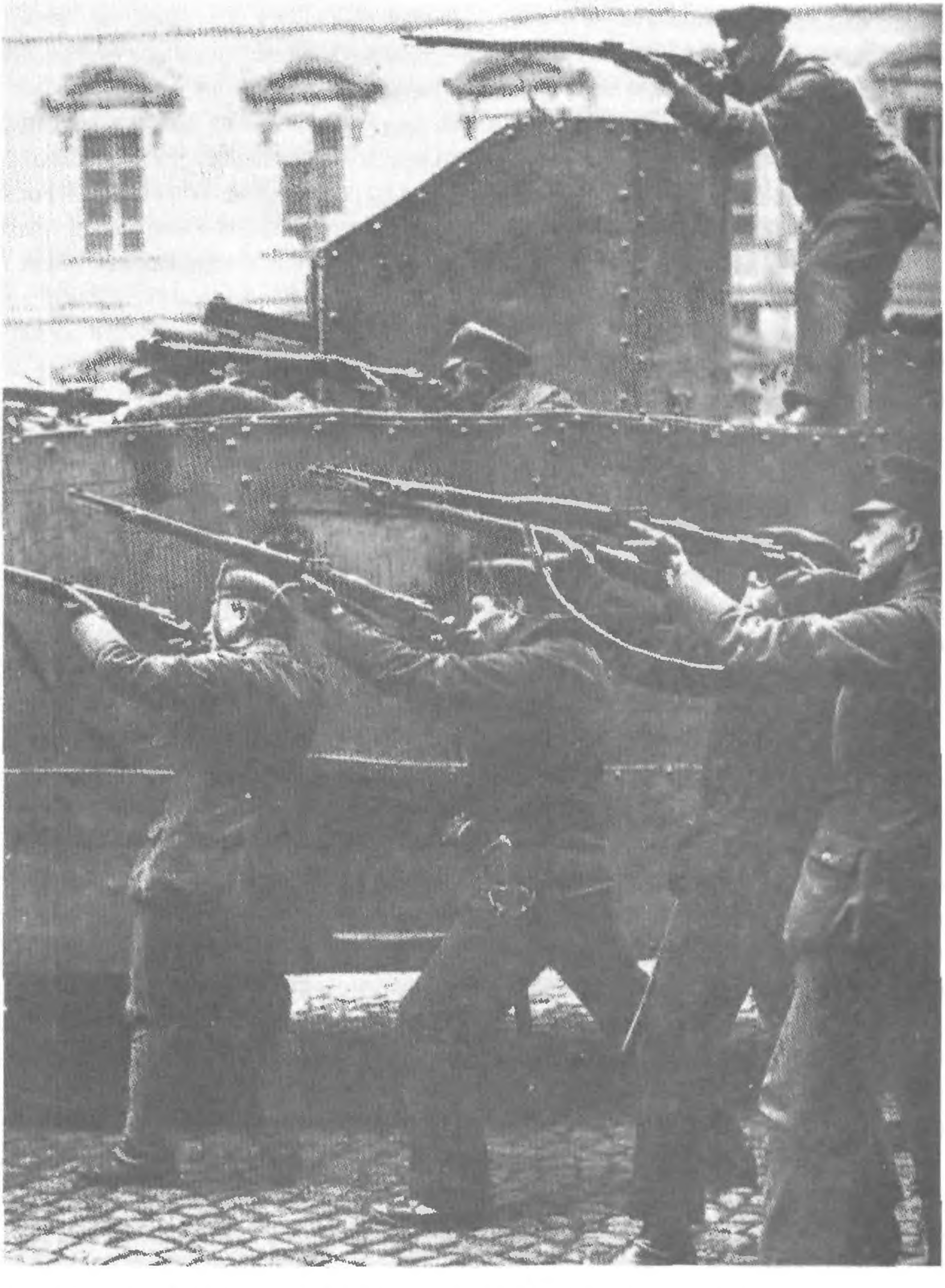
– Вы знаете о моих намерениях. Если мне удастся убедить кайзера (в необходимости отречения. – *Авт.*), будете ли Вы на моей стороне в борьбе против социальной революции?

– Если кайзер не покинет трон, то социальная революция неизбежна. Но я не хочу ее, более того, я ее ненавижу как смертный грех[58].

Революционная волна катилась с северного побережья на юг и в центр рейха. Короли, князья и великие герцоги безропотно покидали свои резиденции. Повсеместно возникали Советы и водружались красные флаги. Матросы и солдаты, покинувшие окопы, вместе с рабочими, служащими, гимназистами на митингах и демонстрациях упоенно пели "Интернационал" и "Варшавянку". Пламя, высеченное в Петрограде и в Москве, казалось, вот-вот полыхнет всеевропейским пожаром сначала в Германии, а затем...

9 ноября, после буквально вырванного у Вильгельма заявления об отречении, Макс Баденский согласился с требованием делегации СДПГ о предоставлении ей исполнительной власти и (что, разумеется, было совершенно антиконституционно) передал свои полномочия Эберту. Предварительно этот шаг был обговорен со всеми членами прежнего кабинета, согласившимися исполнять свои обязанности. Руководящая группа СДПГ (Эберт, Шейдеман, Браун) была совершенно ошеломлена легкостью самоликвидации монархии и еще более – своей новой ролью и ответственностью. Хотя новый глава правительства на совещании с членами бывшего кабинета заверил их, что он намерен по возможности быстро предпринять шаги по организации выборов в Учредительное собрание, даже самые ближайшие меры перед фактом развала фронта и на фоне возбужденного кипения улиц были совершенно не ясны.

Само провозглашение республики состоялось как-то скомканно. Шейдеман вспоминал впоследствии, как ему, застигнутому врасплох появившимися в рейхстаге вооруженными солдатами и рабочими, пришлось, преодолевая



Революция в Германии. Повстанцы перед Берлинским замком

себя, подойти к окну и обратиться к многотысячной толпе. Речь его была подчеркнуто лишена всякого революционного, демократического пафоса и конкретной перспективы: ни слова о правах и суверенитете народа, Учредительном собрании, Советах или даже о мире; только констатация падения монархии и начала республики. "Спокойствие, порядок и стабильность (Sicherheit) – вот, что нам сейчас важнее всего"[59]. Но даже эта осторожная бескрылая речь вызвала острую реакцию Эберта, устроившего своему соратнику скандал: он все еще не терял надежды на спасение "исторического монархического континуитета"[60].

Двумя часами позднее с балкона замка Гогенцоллернов Либкнехт провозгласил "свободную социалистическую республику" с правительством рабочих и крестьян; общая перспектива виделась ему в построении "нового государственного строя пролетариата, строя мира, счастья и свободы"[61].

Новая глава немецкой истории, "набросанная" войной, открывалась не только в неминуемо надвигавшейся схватке с крайне правыми, монархическо-реакционными силами. Ей был присущ и глубочайший общеевропейский (если не мировой) концептуальный, политический и нравственный конфликт внутри рабочего движения, в народных толщах. Уже в ближайшие дни и недели этот конфликт разведет отныне "государственных социалистов" и революционных радикалов и сыграет фатальную роль в судьбе только еще нарождавшейся германской демократии.

2. Крах Австро-Венгерской монархии

Поначалу война была встречена в Австро-Венгрии с энтузиазмом. Неожиданный и невиданный подъем национального духа охватил все слои общества. Далекий от всякого национализма, тем более шовинизма, З. Фрейд писал в первые августовские дни 1914 г.: "Впервые за 30 лет я чувствую себя австрийцем!"[62] Идея "австрийскости" переосмысливалась тогда не как шовинистическая, подавляющая своеобразие всех входивших в империю народов, но как объединяющая их интересы[63]. В наиболее концентрированном виде эту идею выразил в своих лекциях периода войны известный правовед Г. Кельзен[64]. Его коллега профессор Ф. Визер уверял с кафедры венского университета в начале августа 1914 г.: "В бурях войны Габсбургская монархия достигнет политического возрождения, она вновь переживет свою юность"[65]. Поспешили засвидетельствовать свои верноподданнические чувства и свою лояльность Габсбургам некоторые лидеры трансильванских румын, а также многие польские, украинские, чешские и словацкие политики. Так, руководители словацкой Национальной партии в воззвании от 5 августа 1914 г. призвали соотечественников сражаться за целостность монархии и быстрейшую победу над ее врагами[66].

Война, однако, оказалась тяжелой, кровавой и неожиданно продолжительной. А главное, ее не удалось локализовать. После первых же неудач в Сербии и на Восточном фронте пришлось напрячь силы, призвать под ружье миллионы молодых трудоспособных мужчин. Летом 1914 г. армия насчитывала 415 тыс. человек при населении в 51 млн. После всеобщей мобилизации ее численность составила 1 млн 800 тыс. За годы войны под ружье было призвано 8 млн человек. Война стоила всем народам империи громадных усилий и огромных жертв. В 1917 г. под ружьем находилось 5 млн человек. Потери были громадные: 1016200 убитыми, 1943000 ранеными, 1 691 000 пленными. В плену погибли 480 тыс. человек[67]. По венгерским подсчетам, 3,8 млн из 8 млн мобилизованных были подданными Венгрии, т.е. относительно больше, чем соотношение численности населения двух половин империи: из 51 млн жителей империи на долю Венгрии приходилось 20 млн[68].

Ход войны для Австро-Венгрии оказался крайне неудачным. Ее вооруженным силам пришлось сразу же вести полномасштабную войну на двух

фронтах – сербском и Восточном, против России. С вступлением Италии в войну на стороне Антанты Монархия получила еще один фронт, на этот раз на юго-западе. Сербию удалось разгромить и оккупировать лишь в конце 1915 г. при решающем участии германских войск. С их же помощью удалось несколько поправить дела на Восточном фронте и стабилизировать его. Перелом в пользу России здесь наступил лишь в середине 1916 г. благодаря успеху Брусиловского прорыва. Его непосредственным военно-политическим результатом стало вступление Румынии в войну на стороне Антанты. Таким образом, с конца августа 1916 г. империя вновь была вынуждена вести войну на три фронта. 27 августа румынские войска заняли приграничный венгерский город Надьсебен (ныне Сибиу) в Трансильвании, оставленной без прикрытия и защиты венским генералитетом. И здесь разгром румынской армии осуществили германские войска. После увольнения с должности начальника Полевого Генштаба рейхсвера сюда был направлен Фалькенхайн, принявший командование 9-й армией. С ее помощью уже к середине октября румыны были выбиты из Трансильвании. Сами австро-венгерские войска, без германской помощи овладев Черногорией, стали хозяевами в ней. Однако за германскую помощь Вене пришлось идти на серьезные уступки и согласиться на создание "единого военного командования". Это был первый заметный шаг к нарушению партнерского баланса в военно-политическом союзе двух империй.

Выступлению Италии и Румынии против недавнего союзника предшествовал длительный торг римских и бухарестских правителей с Веной. В ходе его и Австрия, и Венгрия морально и политически не были готовы пойти на территориальные жертвы ради более высокой цели самосохранения. Существует мнение, может быть несколько преувеличенное, что судьба Австро-Венгрии была предрешена в тот миг, когда державы Антанты взяли на себя обязательство реализовать программу-максимум идейного отца итальянского национализма Дж. Мадзини и его лозунг "Austria delenda!"[69]. Тайным соглашением от 26 апреля 1915 г. союзники, пишет австро-американский историк Р. Канн, "сами того не подозревая, подписали смертный приговор Монархии еще до того, как было принято формальное решение распустить ее"[70].

Что касается румын, то на первых порах, в начале сентября 1914 г., они вели себя скромно и за свой нейтралитет требовали от соседей умеренную цену – политическую автономию для Трансильвании, а для себя – Сучаву (в Буковине) с прилегающей территорией. Венгерский премьер Тиса моментально ухватился за этот вариант. Он с готовностью согласился удовлетворить румын за счет австрийской Сучавы. Взамен Румыния должна была вступить в войну на стороне Центральных держав[71]. О Трансильвании Тиса, понятно, умолчал. Хотя определенные усилия к урегулированию там национального вопроса он прилагал еще до войны. После ее начала Тиса инициировал переговоры с церковными и светскими лидерами трансильванских румын. Но ситуация оказалась тупиковой. Венгерский шовинизм, исповедуемый всей политической элитой страны, упрямо отказывался от каких-либо принципиальных уступок в пользу национальных меньшинств. И в 1915 г., когда судьба самой Венгрии висела на волоске, Тисе, по существу, румынам нечего было предложить, кроме куцых реформ в сфере местной администрации и системы образования.

Филипеску, один из вождей румынских консерваторов, заявил, что отношение Румынии к Австро-Венгрии и Тройственному союзу будет целиком зависеть от успеха венгерско-румынского пакта в Трансильвании[72]. В декабре 1914 г. один из видных деятелей национальной партии трансильванских румын, известный поэт О. Гога на заседании Национальной лиги в Бухаресте официально провозгласил лозунг государственного объединения Трансильвании и Румынии[73].

В австрийской Буковине положение Габсбургов первоначально было более прочным. В отличие от румынского населения Трансильвании местные румыны безропотно подчинились мобилизационным мерам. К концу 1914 г. из их числа был даже сформирован добровольческий румынский легион, участвовавший в обороне Буковины от российских войск. Для этой же цели подобные подразделения так называемых "сечевых стрельцов" были созданы из молодых буковинских украинофилов. В ноябре 1914 г. в Сучаве состоялся десятитысячный митинг, принявший воззвание к румынскому королю с призывом соблюдать союзнические обязательства перед Центральными державами. Но, преувеличивая опасность измены и шпионажа среди местного населения, особенно в интеллектуальной среде, австрийские власти в конце 1914 г. казнили свыше 40 "подозрительных" румын. Еще больше было заключено в концлагерь Талергоф близ Граца. К этому времени там уже находились около 8 тыс. интернированных мужчин и женщин – главным образом, украинцы, чехи, словенцы. Наряду со Шпильбергом Талергоф стал зловещим символом расправы габсбургских властей со "шпионами-русофилами". Одна за другой вспыхивали здесь эпидемии холеры, сыпного и брюшного тифа и дизентерии. Тифозные и другие инфекционные больные не изолировались, а умерших от этих болезней хоронили здесь же, на территории лагеря. Только за несколько месяцев – с начала войны до весны 1915 г. – в Талергофском лагере погибли от голода и болезней более 2 тыс. человек[74]. Эти меры резко обострили ситуацию в Буковине и увеличили поток недовольных беженцев оттуда в Румынию. В июле 1915 г. последние создали в Бухаресте проантантовскую Ассоциацию Буковины[75]. Подписав 17 августа 1916 г. соответствующую политическую конвенцию с бухарестским правительством, Антанта фактически приняла программу объединения с румынским королевством Трансильвании, Баната и Буковины, включая ее северную часть с Черновицами, населенную по преимуществу украинцами[76].

В ходе переговоров с румынами, как и в других случаях, Тиса был последователен в мыслях и непреклонен в поступках. Эти личные качества сделали его истинным главой военной партии в Австро-Венгрии, самым решительным из ее военных и политических деятелей сторонником продолжения войны до конца и союза с Германией. Тиса стал неодолимым препятствием на пути всех тех, кто был готов ради спасения Монархии пойти на сепаратный мир за спиной германского союзника. Не случайно он оказался главной мишенью яростных атак либерально-демократической и пацифистской оппозиции в самóй Венгрии. В 1915 г. Франц Иосиф предложил Тисе пост министра иностранных дел империи. Весьма характерна мотивировка, которой он сопроводил отказ от лестного предложения: "Оказать влияние на иностранные дела позволяет мне и нынешняя моя позиция из Будапешта, но покинуть Будапешт для меня означало бы уйти из венгерской политической

жизни... Но осуществление моих планов и их завершение важно и с точки зрения консолидации международных позиций Монархии"[77].

Тиса еще в феврале 1915 г. писал о необходимости учитывать важную роль США в будущих мирных переговорах и "убедить американское общественное мнение в том, что именно мы являемся защитниками свободы балканских народов от московитских завоевателей"[78]. Венгрия и США оказались единственными участниками мировой войны, которые при вступлении в нее не ставили своей целью завоевание территорий. Американский же президент Вильсон еще осенью 1914 г. публично сказал, что "распад Дунайской монархии на ее составные части" послужил бы на "благо Европы"[79]. Выступая 27 мая 1916 г. на собрании американской Лиги мира, он назвал право наций на самоопределение одним из основополагающих принципов будущего мира. В декабрьской ноте Вильсона, предлагавшей свое посредничество обеим воевавшим коалициям, упоминался принцип национальностей. Он был непосредственно обращен к Вене. Правда, довольно скоро, разобравшись с этногеографическими реалиями Центральной и Юго-Восточной Европы, за океаном сообразили, что в условиях региона нелегко согласовать заманчивую президентскую идею разобрать империю по "составным частям" с принципом этничности. Так или иначе американская инициатива стимулировала определение позиций воюющих сторон по вопросам мира и войны, разработку условий мира, необходимых для начала переговоров с противником.

Вступая в мировую войну, Центральные державы согласованных военных целей не имели. Выработать приемлемую для всех участников Четверного союза общую программу за четыре долгих года войны не удалось. Согласование интересов и целей Австро-Венгрии и Германии также оказалось невозможным[80]. Это стало ясным уже в ходе безрезультатно окончившихся переговоров 15–16 ноября 1916 г. в Берлине. Договориться обе стороны смогли лишь о взаимных гарантиях территориальной целостности.

Первоначально среди военных целей Дунайской монархии завоевание новых территорий, сопряженное с опасным ростом удельного веса славянского элемента в империи, не являлось приоритетом. Таковым было обеспечение австро-венгерской гегемонии на Балканах путем создания вассальных государств[81]. Но ситуация круто изменилась после успехов армий Центральных держав на Балканском, Итальянском и Восточном фронтах. Главной целью австро-венгерского территориального экспансионизма стали государства южных славян – Сербия и Черногория.

Австро-венгерские военные цели были сформулированы Бурианом 16 октября 1916 г. на совете общих австро-венгерских министров: оккупация всей Сербии, за исключением небольшой территории у Битоли. Вместе с тем предлагалось разделить Сербию между Австрией и Венгрией, либо, сильно уменьшив ее в размерах, сохранить в качестве самостоятельного государственного образования с населением в полтора миллиона человек. В этом случае необходимо было "лишить королевство всякой политической свободы действия, сделать его полностью политически и экономически зависимым от Монархии, применять драконовские средства", а также "отобрать у Черногории гору Ловчен, Адриатическое побережье, его южную часть", с тем, чтобы исключить объединение двух славянских государств[82]. В декабре 1916 г. Буриан с санкции императора собирался вообще "упразднить" Сер-

бию как государство, отдав добрую ее половину вместе с Призреном и Приштиной вплоть до Черногории болгарам, а себе оставить "только" Белград и Мачву (стратегически важный участок на границе Сербии и Черногории южнее Савы)[83].

Чернин, сменивший Буриана, насчет перспектив не обольщался и свое видение будущего формулировал достаточно трезво: "Победный мир (Siegfrieden) весьма мало вероятен, необходим компромисс с Антантой, на захваты нечего рассчитывать"[84]. К такому же примерно выводу пришел еще раньше Тиса. "Мы не можем навязать противнику мир, – разъяснял он министру иностранных дел. – Продолжая военные действия, мы можем только создать такую ситуацию, которая внушит врагу убеждение в бессмысленности дальнейшей борьбы. И это убеждение в значительной мере будет зависеть от наших условий мира"[85]. Чернин и Тиса призывали к умеренности в формулировании военных целей Австро-Венгрии.

12 января 1917 г. на коронном совете обсуждались программа-минимум и (на всякий случай) программа-максимум будущего мирного договора. Программа-максимум предусматривала присоединение к Австро-Венгрии "конгрессовой" Польши, Черногории, Мачвы, замену династии в Сербии, корректировку границ в Трансильвании; программа-минимум – сохранение территориальной целости империи, присоединение стратегически важной горы Ловчен, нависающей над южной частью бухты Каттаро, смену династии в Сербии[86].

В головах государственных мужей Австрии рождались самые фантастические планы. Влиятельный имперский сановник Г. Клам-Мартиниц, бывший премьер австрийского кабинета, находясь на посту генерал-губернатора Черногории, 15 декабря 1917 г. направил в высшие имперские инстанции меморандум. Он предлагал, объединив Сербию и Черногорию с югославянскими землями империи, присоединить их к Венгрии, дать им статус Хорватии, а Польшу – к Австрии, т.е. сохранить дуализм с двумя "субдуализмами" или иначе будет сказано – с двумя славянскими блоками – югославянским в составе Венгрии и польским в составе Австрии. Но за бортом этих государственных образований остались бы словенцы, с землями которых, как и с чешскими, австрийские государственные деятели никак не хотели расстаться. Клам-Мартиниц решительно возражал против объединения словенских земель с Хорватией. Ссылаясь на их географическое положение, он предлагал дать им автономию в составе Австрии[87]. Автор меморандума предлагал развернуть среди населения оккупированных австро-венгерскими войсками областей пропаганду за добровольное их присоединение к Габсбургской империи[88].

Чернин отнесся к этой идее скептически. Министр резонно указал, что она не может кого-нибудь из славянских народов удовлетворить: словенцев потому, что они согласно плану остаются вне задуманного югославянского образования, а чехов потому, что они выступают за независимость[89]. И вообще в условиях войны, по убеждению Чернина, решение вопроса немыслимо и должно быть отложено до наступления мира. Но все же он согласился с предложением созвать совещание руководителей оккупационных властей Сербии и Черногории, а также Боснии и Герцеговины у императора. Оно состоялось только в мае 1918 г. и закончилось так же безрезультатно, как и предыдущие обсуждения. Единственно, в чем сошлись мнения всех участников,

так это в том, что югославянский вопрос решать надо быстро[90]. Времени на это историей было отпущено всего полгода, но и оно не было использовано из-за неспособности руководства страны решать серьезные, хотя и объективно чрезвычайно сложные задачи. Немалую трудность представляло согласование интересов двух половин империи.

Вывод очевиден: у правителей Австро-Венгрии не было ни продуманных военных целей, ни планов реализации не только в начале войны, но и в конце ее. По ходу дела, по случаю и по обстоятельствам, время от времени в Вене выдвигались какие-то идеи и предложения, которые, однако, не были внятно сформулированы в качестве официальной программы ни правительствами обеих половин империи, ни общими австро-венгерскими министрами, ни самим монархом.

Между тем каждый новый месяц усугублял существующие трудности и проблемы, создавал новые. Кризисные явления в экономике Австро-Венгрии – заметный спад деловой активности, сокращение инвестиций и, как следствие, рост безработицы – наметились еще в 1913 г. Две Балканские войны имели разрушительные последствия для экономики Австро-Венгрии. Из-за прекращения торгово-экономических связей с традиционными балканскими рынками приходили в упадок или разорялись целые отрасли промышленности (например, текстильная), закрывались фабрики и заводы. Единственной отраслью, выигравшей от Балканских войн, была индустрия вооружений. Мировая война вызвала радикальные изменения в структуре и в механизме функционирования целых отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Резко возросли прямые военные расходы, составившие огромную сумму в 70 млрд крон. Из них на Венгрию приходилось 25 млрд[91].

Происходила милитаризация экономики. Чрезвычайные законы 1912 г. об исключительных мерах и военных поставках вступили в силу еще до объявления мобилизации. Эти законы создали правовую базу для вмешательства государства в экономическую жизнь и вообще в жизнь общества: регулирование цен на продовольствие, сырье и централизованное распределение, регулирование военного производства, принудительный труд, ограничение прав и свобод граждан. Все это вело к складыванию элементов государственно-монополистического капитализма, что проявилось в создании так называемых “военно-экономических центров”. К концу войны имелось 20 таких центров в сельском хозяйстве и 71 – в промышленности[92]. Хотя большинство этих центров рассматривались в качестве органов общих для всей империи, сфера их деятельности в Венгрии была весьма ограниченной. Уже с января 1915 г. здесь стали создаваться самостоятельные регулирующие организации. Так, изыскание и распределение сырья, организация производства железа, стали, цемента, кирпича, хлопка, шерсти и т.д. были сконцентрированы в 39 венгерских военно-экономических центрах. Уже в 1915 г. под военным контролем в Венгрии находились 260 предприятий, а к концу войны – 900. Фактически создание таких центров означало принудительное картелирование промышленности[93]. С углублением кризиса системы дуализма и с ростом центробежных тенденций в империи некоторые из военно-экономических центров (например, в кожевенной промышленности) вовсе распались.

Весьма характерно отношение имущих классов Венгрии к так называемому Военно-контрольному управлению, созданному в целях максимальной

централизации управления хозяйством и находившемуся в непосредственном подчинении военного министерства. Это управление, наделенное диктаторскими полномочиями, должно было контролировать и регулировать деятельность хозяйственных объединений и организаций по всей Австро-Венгрии. Однако венгерские имущие классы упорно противодействовали распространению деятельности этого управления на Венгрию. В результате Военно-контрольное управление оказалось не в состоянии полностью использовать свои "полномочия", и сфера его действий ограничивалась Австрией, Боснией и Герцеговиной. Каждый раз, когда заходила речь о проведении экономических мероприятий, которые распространялись бы и на Венгрию, венское правительство вынуждено было созывать австро-венгерскую таможенную конференцию или конференцию по вопросам торговли, как это было предусмотрено соглашением 1867 г.[94]

Госзаказы создали военную конъюнктуру в ряде отраслей; исчезла безработица. 18 января 1916 г. императорским указом военнообязанными были объявлены мужчины в возрасте от 50 до 55 лет. Одновременно произошло дальнейшее усиление военно-полицейского режима на промышленных предприятиях. Под угрозой отправки на фронт или предания военно-полевому трибуналу все рабочие 17–25-летнего возраста были обязаны беспрекословно выполнять указания, исходившие от военных властей. На многих заводах работали ландштурмисты, т.е. ополченцы из пожилых рабочих, непригодные по возрасту для отправки на фронт. Продолжительность рабочего дня достигала 12 часов. В феврале 1916 г. в Венгрии официально было отменено право на стачку рабочих военных предприятий. Еще в январе 1915 г. были запрещены стачки батраков и сельскохозяйственных рабочих.

В сельском хозяйстве государственные органы также определяли обязательное количество продукции. Монополизация коснулась закупок зерна, распределения сырья и энергоносителей. Тем не менее уже на второй год войны резко ухудшилось снабжение городского населения продуктами питания. В начале 1915 г. в Австрии была введена карточная система на хлеб, а потом на другие товары народного потребления. Тогда же пришлось ввести ограничения на продукты и в "хлебной" Венгрии. Сначала распоряжением правительства о так называемом "хлебе военного времени" предписывалось при выпечке хлеба 50% муки заменять ячменем либо кукурузной и картофельной мукой. 5 июля 1915 г. правительство установило в Венгрии два "немясных" дня в неделю, а 28 декабря ввело карточки на хлеб. Все же от дефицита продовольствия больше страдало население промышленной Австрии. В июне 1916 г. возникли первые демонстрации из-за перебоев в торговле жирами и яйцами. А уже летом следующего года в рабочих кварталах Вены царил голод. Размер пайка пересматривался каждые две недели "в зависимости от наличия" и в августе–ноябре 1917 г. составлял в среднем 30 г маргарина в неделю. Пресса призывала правительство принять меры отнюдь не против перебоев в снабжении населения, а против скопления большого количества женщин в очередях, так как "возникают настроения, которые превращают эти скопления в источник острой политической опасности". В конце концов дирекция венской полиции запретила стоять в очередях с семи часов вечера до шести утра[95].

Другой проблемой стала нехватка энергоносителей. 18 января 1917 г. в Будапеште из-за дефицита угля были закрыты все театры, кинематографы

и прочие увеселительные заведения. С мая по сентябрь 1917 г. в Вене было запрещено продавать керосин частным лицам. Тяжелым бременем на все слои населения, прежде всего на городскую и сельскую бедноту, легли последствия инфляционных процессов. Наблюдался быстрый рост номинальной заработной платы, которая к концу войны была в 4,5 раза выше, чем в 1913/14 г. Но за это же время реальная зарплата сократилась почти наполовину в промышленности, у служащих до одной трети.

Мирные настроения в Австро-Венгрии проявились уже в середине 1915 г. Социал-демократические партии империи 15 июля обратились к Международному социалистическому бюро с письменной просьбой инициировать начало переговоров с социалистическими партиями Антанты. Начиная с весны 1915 г. в Венгрии происходил неуклонный рост пацифистских настроений оппозиции, возглавлявшейся графом М. Каройи, лидером Партии независимости и 48 года. Аристократ и магнат по рождению и положению, а не только по богатству, он принадлежал к самым верхам венгерского общества. Каройи прошел сложный, неоднозначный путь политического деятеля – от завсегдатая светских салонов Будапешта и Вены до вождя буржуазно-демократической революции и первого президента Венгерской республики, а затем участника антифашистского движения Сопротивления. Впрочем нельзя объяснить перипетии восхождения этого неординарного для венгерской политической жизни деятеля только особенностями социальной среды. Очевидно, для подобной эволюции нужны были какие-то особые человеческие и нравственные качества. И прежде всего самые важные из них – честность, порядочность, прямота. Всем этим Каройи был щедро наделен. Его отличали открытость, способность понимать чужие нужды и интересы других социальных групп, чужие боль и страдания. Он верил в слова и политические лозунги – и свои, и чужие, – верил до наивности. Может быть, именно поэтому Тисе трудно было поладить со своим молодым политическим соперником, величайшее уважение к которому он сохранял при всех обстоятельствах, даже в разгар острейших парламентских битв.

7 декабря 1915 г. Каройи призвал в венгерском парламенте к началу акции в пользу мира. Но очень многие даже в рядах его собственной партии еще не созрели для подобных речей. Каройи был вынужден в июле 1916 г. вместе с 25 сторонниками выйти из нее в знак протеста против прогерманской политики большинства и основать новую партию. Особенно резко новая партия критиковала правительство Тисы и Центральные державы в сентябре 1916 г., когда часть Южной Трансильвании временно была занята румынскими войсками. В связи с Брусиловским прорывом и вторжением румын в палате разворачивались бурные дебаты. Депутаты оппозиции, не стесняясь в выражениях, давали резкую оценку действиям бездарных австрийских генералов и настаивали на реорганизации армии и командования, чтобы избавиться от зависимости со стороны ОХЛ. Оппозиция требовала отозвать венгерские части с отдаленных фронтов и сосредоточить их для защиты границ страны, установить парламентский контроль над правительством Тисы и военным командованием. Выступая 14 сентября 1916 г., Каройи ссылался на то, что в отличие от Венгрии австрийский рейхсрат бездействовал с начала войны. (Распущенный в марте 1914 г., он не созывался вплоть до 30 мая 1917 г.) Тем самым, утверждал Каройи, отсутствие парламентского контроля в Австрии облегчило подчинение внешней политики и военных

действий Австро-Венгрии интересам Германии, в то время как содержание их военных целей отнюдь не совпадает. Поэтому, по убеждению Каройи, автоматически возникает вопрос о дальнейшем сохранении дуализма, о необходимости и возможности самоопределения Венгрии.

Конец 1916 г. прошел под знаком важных перемен в высшем руководстве империи. 21 октября известный социал-демократ Ф. Адлер четырьмя выстрелами из револьвера убил австрийского премьера Штюргка, вызывавшего всеобщую ненависть за свою реакционнность. Новый кабинет возглавил Э. Кёрбер. Он удержался в кресле главы правительства всего лишь до 13 декабря, чему, помимо прочего, поспособствовал Тиса. Спустя ровно месяц после гибели Штюргка 21 ноября 1916 г. из жизни ушел Франц Иосиф I, император Австрии и апостолический король Венгрии. Тем самым закончилась целая эпоха в истории народов империи Габсбургов – "эра Франца Иосифа". По неизъяснимой прихоти исторической памяти эта эпоха отождествляется с добрым старым мирным временем, причем из нее, естественно, изымается первая мировая война. В памяти нескольких поколений его подданных остался образ благообразного старого господина с седой раздвоенной бородой. Увековечению и популяризации этого "имиджа" по-своему способствовал Йозеф Швейк с его добродушными шутками над облепленным мухами портретом старого императора, висящим на видном месте в зале пражского трактира. Впечатление о "благополучном царствовании" Франца Иосифа и добром императоре еще больше усилили обрушившиеся на народы бывшей его империи бедствия, связанные с фашизмом и второй мировой войной.

С уходом в мир иной Франца Иосифа, символизировавшего вечность, покой, неподвижность и неизменность, открылась по крайней мере теоретически, возможность для радикальных перемен в политике и в стиле руководства имперскими делами. Преемником на престоле стал внучатый племянник императора эрцгерцог Карл – император Карл I (в Венгрии король Карл IV). По настоянию Тисы, опасавшегося за судьбу дуализма, несколько поспешно – по мнению венских придворных, даже чересчур поспешно – уже 30 декабря состоялась коронация императора королем Венгрии. Торжественная церемония прошла пышно, несмотря на военную обстановку, в храме Матьяша (собор Богоматери) в Буде. Торопливость премьера вполне объяснима: Тиса тем самым предотвратил возникновение в разгар войны серьезного конституционного кризиса в двуединой империи.

Шовинисты в Будапеште, так же как и централисты в Вене были бы рады возможности разрушить нелюбимую ими в равной мере систему дуализма с тем, чтобы соорудить на ее развалинах нечто вроде "Венгро-Австрии", или "Великой Австрии", не задумываясь над тем, что любой из этих вариантов был равнозначен упразднению империи вообще. Так, националистическая австрийская организация "Немецкий национальный союз" весной 1915 г. выработала документ под названием "Требования австрийских немцев по поводу послевоенного нового порядка". Этот документ тесно примыкал к пангерманской программе. В нем содержалась идея "изъять" из Австрии Галицию, Буковину, Далмацию. Лишение их представительства в рейхсрате обеспечило бы там немецким партиям прочное большинство. Чешские земли предлагалось разделить на две части – чисто немецкую и так называемую смешанную с установлением в ней особых прав для немецкого населения. Далее выдвигались требования серьезного сокращения числа чешских школ

и признания немецкого языка единственным официальным языком. В конституции Австрии и Венгрии предлагалось включить положение о союзе империи Габсбургов с Германией. Проведение всех этих мероприятий должно было по требованию ретивых германизаторов последовать без согласия рейхсрата. Более того, они требовали осуществления этих мер в качестве необходимого условия для последующего созыва рейхсрата[96]. Историк Р. Канн справедливо назвал этот план "неразумным в мирное время и абсурдным во время войны"[97].

В обоих лагерях торжественный акт подтверждения дуалистической структуры империи вызвал разочарование. Ближайший соратник молодого кайзера, начальник его личной канцелярии обрушил весь свой гнев на Кёрбера: "...Как премьер он должен был сопротивляться коронации Карла венгерским королем, пока отношения с Венгрией не урегулированы. Именно присяга верности венгерской конституции отняла у императора власть и способность решить югославянский вопрос в интересах Общей монархии (Gesammtmonarchie) вопреки упрямству венгерских властителей. Граф Тиса, могильщик Монархии, знал очень хорошо, что делает, когда в 11 утра на следующий день после смерти Франца Иосифа, появился в Шёнбрунне, чтобы получить согласие молодого монарха на немедленную коронацию... Тем самым он набросил лассо на шею короля"[98].

29-летний монарх начал свое царствование энергично и многообещающе. Он взял на себя верховное командование вооруженными силами империи, одновременно уточнив, что генералы без его предварительного согласия могут принимать только оперативные решения[99]. Карл намеревался приступить к мирным переговорам с Антантой. Во исполнение государевых замыслов 23 мая 1917 г. был уволен Тиса, не проявлявший ни малейшей склонности к "преждевременному" завершению войны. Крутой, упрямый, неуступчивый, он органически был не способен к компромиссам. Между тем ситуация требовала встречных шагов власти в реализации программных установок демократической оппозиции (всеобщее избирательное право) и невенгерских народов (право на самоопределение или по меньшей мере автономия).

В середине марта 1917 г. Каройи внес формальное предложение о демократической реформе избирательного права. Революция в России, подчеркнул он на парламентском заседании 20 марта, может привести к обновлению политической жизни во всей Восточной Европе. Считая Венгрию в политическом отношении самым отсталым государством в этом регионе, он высказывал опасение за влияние российской революции на нее. По его убеждению, это делало реформу безотлагательной. В случае продолжения политики Тисы, которую он относил к разряду "самой темной реакции", Каройи предсказывал "поражение не только премьер-министра, но и крушение всей монархии". Тиса ответил на это 12 апреля роспуском парламента. Каройи дважды был на аудиенции у монарха[100]. В результате 28 апреля Карл опубликовал указ о расширении избирательного права в Венгрии, в котором поручал Тисе подготовить проект соответствующей реформы. Но тот пренебрег непосредственным указанием короля. Он полагал, что десяти с лишним процентов венгерских подданных Карла, которые тогда имели право голоса, для Венгрии вполне достаточно. По этой причине и из-за чересчур сильной привязанности к букве и духу дуалистического соглашения 1867 г. Тиса

стал неудобен венскому двору. Его отставка была явным симптомом кризиса дуалистической формы существования империи. Сразу после отставки он добровольно пошел на итальянский фронт, где командовал дебреценским полком гусар, частенько отлучаясь по делам политики в обе столицы. Оставаясь главой правящей в Венгрии партии, он продолжал оказывать влияние как на венгерскую, так и на имперскую политику. Карлу приходилось с этим считаться.

Пришедшие на смену Тисе кабинеты (сначала молодого антантофила графа М. Эстергази, а затем престарелого Ш. Векерле, ярого сторонника двуединой монархии и союза с Германией) продолжали, в сущности, ту же консервативную политику, лишь прикрываясь обещаниями и усыпляя бдительность демократической общественности. Между тем на почве борьбы за всеобщее избирательное право произошло сближение Каройи с социал-демократией и с буржуазными радикалами во главе с Яси. 6 июня 1917 г. они образовали Блок борьбы за избирательное право. Летом и осенью того же года Блок развернул свои акции по всей стране. В письме к избирателям Каройи отмечал: “Без народа править больше нельзя”. По его словам, “понимание или непонимание венгерских рабочих, поддержка или противодействие им представляли собой летом 1917 г. такой фактор, важность которого недооценить было нельзя”[101].

Другой осью политической жизни того периода стала борьба за мир. Она также служила основой для сближения различных политических партий. С весны 1917 г. совместно с Каройи с пацифистских позиций стала выступать Социал-демократическая партия Венгрии. 8–9 апреля состоялся ее чрезвычайный конгресс. Он выразил солидарность с российской революцией и принял резолюцию в пользу мира без аннексий и контрибуций. В Вене в связи с происходившим 18–19 мая судебным процессом Ф. Адлера по инициативе леворадикалов была организована демонстрация протеста. Собравшимся у входа в здание суда раздавали листовки, в которых содержались требования освобождения Адлера и призывы к решительной борьбе против империалистической войны[102]. Для социалистов это был логичный и естественный шаг. Но патриотический порыв к этому времени выдохся и в лагере правых, включая высший католический клир. Кардинал Я. Чернох 22 марта 1917 г. охарактеризовал войну следующим образом: “Настоящая война ни в каком отношении не является священной войной!”[103] Тот же священнослужитель тремя годами раньше придерживался совсем иных взглядов. В сентябре 1914 г. кардинал со страстной убежденностью доказывал, что вступление Венгрии в войну было обоснованно, “так как она была принуждена взяться за оружие вследствие неоднократного нарушения ее прав. Поэтому церковь должна поддержать войну, но войну не завоевательную”[104].

Несмотря на сравнительно благополучное положение на фронтах в 1917 г., шансы на благоприятный исход войны неуклонно ухудшались. После неудачного наступления русских войск в июле, после последовавшего затем прорыва Восточного фронта под Тарнополем Австро-Венгрии со стороны России уже ничто не угрожало. Осенью же 1917 г. Восточный фронт вообще перестал существовать. Основную заботу для армий Австро-Венгрии с этого времени представлял лишь Итальянский фронт, где с переменным успехом шли тяжелые кровопролитные, но не катастрофические для Габсбургской империи бои. Тем не менее призрачные военно-политические ус-

пехи Центральных держав не смогли переломить ситуацию в пользу Австро-Венгрии.

Поддержанный социалистами, Каройи в декабре 1917 г. с трибуны Государственного собрания Венгрии призвал начать мирные переговоры. Впоследствии в мемуарах "Вера без иллюзий" он признавал, что готовность монарха заключить мир, в случае необходимости – сепаратный, связала его (Каройи) с австрийским домом Габсбургов[105]. Совершившийся перелом в общественных настроениях от войны к миру создал почву для возобновления сепаратных мирных попыток. Во время пребывания на бернском пацифистском конгрессе Лиги прочного мира Каройи встречался с американским посланником в Берне Х. Вильсоном и с ответственным за французскую печатную пропаганду в Швейцарии Агненом. Последний зондировал представителей Центральных держав в Швейцарии по поводу сепаратного мира еще с 1916 г.[106] Каройи предлагал воюющим державам собраться на мирную конференцию. Он убеждал собеседников в том, что в их интересах также "как можно раньше подписать мир, а в случае отказа Германии – принудительно заставить ее сделать это"[107].

Примерно тогда же, 18–19 декабря, в Женеве проходили тайные переговоры между представителем британского правительства "бурским" генералом Я. Смэтсом и бывшим австро-венгерским послом в Лондоне графом А. Менсдорфом. Смэтс говорил о готовности Лондона способствовать созданию сильной Австро-Венгрии при условии, если та пойдет на разрыв с Германией и на заключение сепаратного мира с антантовским блоком. Он развил далее перед своим собеседником программу преобразования Австро-Венгрии на основе предоставления угнетенным народам полной автономии в рамках федеральной конституции. Но переговоры окончились безрезультатно, так как Менсдорф категорически отказался от самой постановки вопроса о сепаратном мире, предлагая заняться обсуждением возможных путей к заключению мира и с Германией[108].

В первой половине 1918 г. Австро-Венгрия еще сохраняла некоторые шансы на выживание. Хотя 7 декабря 1917 г. США объявили Австро-Венгрии войну, в вильсоновских "14 пунктах" ни право наций на самоопределение, ни демонтаж Дунайской монархии на ее составные части по принципу национальностей, не фигурировали. 10-й пункт гласил: "Народам Австро-Венгрии, чье место среди других наций мы хотели бы видеть гарантированным, должна быть предоставлена возможность для автономного развития". Это вызвало положительную реакцию ведомства на Балльхаузплац (в Вене, где расположено министерство иностранных дел). В конце января 1918 г. Чернин выступил на открытом заседании внешнеполитической комиссии делегации рейхсрата. Он заявил, что обмен мнениями между Австро-Венгрией и США мог бы явиться исходным пунктом для общих переговоров и что среди участников войны наименьшее столкновение интересов имеется между США и Габсбургской монархией. Официозная венская пресса приветствовала речь Чернина. "Нейе фрейе прессе" восхваляла США и Великобританию, пытаясь вбить клин между ними и "истерично хищными французами". Она доказывала, что войну против американцев Австро-Венгрия ведет "почти что только на бумаге"[109]. Все это свидетельствовало о том, какие большие надежды габсбургский режим возлагал на США.

В последних числах января 1918 г. в Швейцарию для переговоров с американскими дипломатами был направлен член палаты господ австрийского парламента католический деятель Г. Ламмаш. Во второй половине 1917 г. он дважды выступал в рейхсрате по поводу национальных проблем Австро-Венгрии и называл в качестве приемлемой для обсуждения программы "переход к федерализации дунайских народов под скипетром династии Габсбургов"[110]. Кроме того, Ламмаш был близок к императору Карлу (одно время он являлся его воспитателем) и воспринимался американцами как личный посланец монарха.

В переговорах с Ламмашем принимали участие Х. Вильсон и секретарь американской миссии в Берне А. Даллес, но главным действующим лицом был профессор Канзасского университета, "доверенное лицо" президента В. Вильсона Г.Д. Геррон. В ходе двух встреч Ламмаша с Герроном, состоявшихся 31 января и 4 февраля 1918 г., обсуждались проекты возможных внутренних реформ Габсбургской империи. Американец настаивал на создании автономной югославянской области как части триалистического государства. Он обещал Вене финансовую помощь Вашингтона в случае заключения сепаратного мира. После возвращения из Берна Ламмаш в соответствии с ходом переговоров представил императору проект указа о реформах. В течение некоторого времени при дворе наблюдалось смятение. По свидетельству Геррона, он получил от Ламмаша "через нейтральный канал" шифрованную телеграмму о том, что издание указа откладывается лишь на несколько дней и договоренность остается в силе[111]. Эти "несколько дней" растянулись вплоть до распада Австро-Венгрии.

Бернская миссия Ламмаша проходила "под аккомпанемент" мощного восстания матросов на военно-морской базе Каттаро в Адриатическом море. Оно началось 1 февраля. 6 тыс. матросов подняли красные флаги на 40 кораблях. Половина военного флота Габсбургской империи в течение трех дней находилась в руках восставших. Их основным требованием было заключение мира на основе самоопределения наций. Среди моряков почти треть составляли хорваты[112], также насчитывалось много представителей других славянских народов – словенцев, чехов. Подавил "мятеж" адмирал М. Хорти, будущий диктатор (регент) Венгрии[113]. Обострение внутриполитической ситуации заставило императора Карла в конце февраля 1918 г. предпринять еще одно усилие в целях достижения мира. Через испанского короля Альфонсо XIII он направил письмо непосредственно президенту США, в котором согласился принять "14 пунктов" с некоторыми оговорками.

Со временем о сепаратных мирных попытках Австро-Венгрии стало известно в Берлине. Вена вынуждена была оправдываться перед союзником. Чернин сделал это весьма неуклюжим образом. В публичном выступлении 2 апреля 1918 г. он признался в том, что с Францией действительно ведутся мирные переговоры, но они, утверждал министр, прерваны, будто из-за отказа Вены дать согласие на присоединение Эльзаса–Лотарингии к Франции. Возмущенный явной ложью, французский премьер Клемансо немедленно опубликовал письмо императора Карла Сиксту Бурбон-Пармскому от 24 марта 1917 г. В этом послании Карл признавал справедливость и законность французских требований о возврате Эльзаса и Лотарингии. Карьере Чернина пришел конец. Император возложил на него всю ответственность

за инцидент. Чернин вынужден был покинуть свой пост 18 апреля 1918 г., на пятый день после сенсационной публикации Клемансо.

Итогом "дела Сикста" было скандальное падение престижа империи и авторитета Карла и среди верхушки Германии, и в столицах стран Антанты. В нем увидели ненадежного партнера. Ведомство по иностранным делам вторично возглавил Буриан. 12 мая Карл совершил унизительную поездку в Спа, в главную квартиру германских вооруженных сил, на поклон кайзеру Вильгельму. Тем самым была поставлена точка на всяких мирных инициативах Вены, дававших единственный шанс к спасению от надвигавшейся неминуемой катастрофы. К лету 1918 г. и курс Антанты на разрушение Австро-Венгрии, уже самоочевидно переставшей быть европейской необходимостью, вполне определился.

28 июня 1918 г. США публично декларировали необходимость освобождения всех славянских народов от германского и австрийского господства, зачеркивая тем самым спасительный для Монархии 10-й пункт Вильсона. На следующий день Франция объявила о признании Чехословацкого национального совета в качестве представителя "чехословацкой нации". 26 сентября совет прокламировал в Париже образование чехословацкого государства во главе с Т. Масариком. 5 октября в Загребе сформировалось Народное вече хорватов, сербов и словенцев. Процесс распада империи начался за несколько недель до окончательного военного поражения Центральных держав. Манифестом от 16 октября Карл провозгласил империю федеративным образованием. Но было уже слишком поздно.

Самый последовательный из руководителей Австро-Венгрии в решимости вести войну до конца, причем до победного конца, граф Тиса признал поражение, выступая в нижней палате венгерского парламента 17 октября: "Эту войну, господа, мы проиграли!" Но необходимых выводов, а главное, экстренных радикальных мер по спасению того, что еще можно было спасти в этой отчаянной ситуации, Тиса не сделал. В середине сентября 1918 г., когда на юге империи сложилась взрывоопасная ситуация, император направил туда Тису. Тот в Сараево принял представительную делегацию (в нее входили сербы, хорваты и один мусульманский священник) во главе с бургомистром Мостара. Тису поразило не только содержание, но и непривычно резкий тон врученного меморандума. Делегация не просила, а требовала предоставления всем югославянам Австрии и Венгрии, включая словенцев, права на самоопределение. "Господа, если вы хотите говорить серьезно, оставьте в покое лозунг национального самоопределения!" – прозвучал ответ Тисы.

Наступила последняя осень империи Габсбургов. Процесс ее распада стал необратимым. Примечательно, что Австрия отказалась от дуализма и совместного с Венгрией сосуществования в империи раньше, чем это сделал господствующий класс Венгрии. 21 октября 1918 г. немецкоязычные депутаты рейхсрата конституировалась как Временное национальное собрание Немецкой Австрии (Deutschösterreich). 30 октября было заявлено, что в перспективе она присоединится к Германии[114]. 30–31 октября произошла буржуазно-демократическая революция в Венгрии. Тиса оказался единственным, кого покарали за войну. Но не международным трибуналом по военным преступлениям, а судом линча! Его убили восставшие солдаты в Будапеште 31 октября, поскольку именно он в течение четырех лет, полных страданий

и бедствий для всей Европы, символизировал войну в глазах масс. За это он и поплатился жизнью.

Одновременно с калейдоскопической быстротой шло отпадение от империи ее национальных окраин. Просуществовав без малого четыре столетия, империя полностью распалась. Последнюю точку поставил сам император-король Карл Габсбург. 11 ноября 1918 г. он вынужден был подписать документ, в котором отказывался от участия в государственных делах Немецкой Австрии и заранее признавал будущую форму правления этого государства. Аналогичную декларацию Карл подписал 13 ноября в отношении Венгрии.

Австро-Венгерская империя расплачивалась и за поражение, и за то, что застряла на этапе дуализма, не продвинувшись дальше по пути структурных реформ, начатых в 1867 г., и в конце концов оказалась неспособной встретить многочисленные вызовы новой эпохи – XX века. Осознал это в конечном счете и сам престарелый монарх, гарант этой неподвижности. Дожив до второго десятилетия XX в., Франц Иосиф так ни разу и не воспользовался ни пишущей машинкой, ни автомобилем, ни даже телефоном. Незадолго до своей смерти монарх сделал признание, несомненно делающее ему честь: "Я уже давно убедился в том, какую аномалию представляем мы в современном мире".

3. Болгария и Турция в "объятиях" германского союзника

Участие в мировой войне не отвечало национально-государственным интересам ни Турции, ни Болгарии. Гораздо выгоднее для них было бы сохранять нейтралитет в отношении обеих коалиций. Впоследствии настроения широких слоев населения отчетливо проявились в том, что в обеих странах состоялись судебные процессы виновников их вовлечения в мировую войну. В Анкаре на скамью подсудимых сели руководители комитета "Единение и прогресс", в Софии – члены кабинета "либеральной концентрации" доктора Радославова[115].

Подавляющее большинство болгарского народа было против участия в войне на стороне Германии. Народные массы Болгарии хранили благодарность России, своей освободительнице. Российский посланник в Софии Савинский сообщал в Петроград в октябре 1914 г.: "...ко мне по нескольку раз в день поступали и поступают письменные и устные заявления учреждений, групп и отдельных лиц с выражением самых горячих чувств государю императору и России, с предложением услуг добровольцев. Я указал Радославову, что правительство систематически подавляет эти чувства, что мне тоже документально известно и что, таким образом, он ведет политику вразрез с общественным мнением"[116].

В январе 1915 г. 40 писателей, ученых, общественных деятелей во главе с корифеем болгарской литературы И. Вазовым направили царю Фердинанду обращение, в котором протестовали против германофильской политики кабинета Радославова. В марте того же года от имени жителей Софии царю снова было направлено письмо, которое подписали 109 политических деятелей, представителей интеллигенции, военных. В нем содержалось требование

немедленно выступить на стороне России. Авторы письма утверждали, что наступил последний подходящий момент для объединения болгар[117]. Активно пропагандировало сближение с Россией и высшее православное духовенство[118].

Против правительства “либеральной концентрации” выступил также блок оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий. В него входили народная, прогрессивно-либеральная, демократическая, радикально-демократическая партии, Земледельческий народный союз, а также так называемые “широкие” социалисты. Преобладающая часть оппозиционеров выступала не за сохранение строгого и последовательного нейтралитета, а за участие в войне на стороне Антанты. Многие из них были замешаны в нашумевшем деле Ф. де Клозье – французского агента, пытавшегося летом 1915 г. скупить для нужд Антанты хлеб в Болгарии[119]. Из лидеров перечисленных партий только глава земледельцев А. Стамболийский последовательно придерживался курса на общебалканский нейтралитет.

17 сентября 1915 г., т.е. уже после подписания Болгарией тайных соглашений с Центральными державами, но еще до объявления мобилизации, состоялась встреча царя Фердинанда с шефами оппозиционных партий. Они предприняли последнюю попытку изменить внешнеполитический курс Кобурга и правительства. Во время аудиенции Стамболийский предупредил царя, что если тот осмелится повести страну по пути военных авантюр, то рискует лишиться не только короны, но и головы[120]. По своему духу и содержанию речь Стамболийского была исключительно редким явлением во взаимоотношениях болгарских политических лидеров с Фердинандом, давно установившим в стране режим личной власти. За эту речь после начала мобилизации Стамболийский был арестован и осужден на пожизненное заключение. Из тюрьмы он вышел лишь 25 сентября 1918 г.

Антивоенную политику проводила партия “тесных” социалистов. В феврале 1915 г. ее руководство направило в Международное социалистическое бюро заявление, в котором осудило позицию большинства партий II Интернационала, в первую очередь французских социалистов и СДПГ[121]. Тогда же “тесняки” провели в Софии общебалканский антивоенный митинг с участием представителей румынских и сербских социал-демократов. Состоявшийся в августе XXI съезд партии решительно высказался против участия Болгарии в войне на какой бы то ни было стороне. Была принята резолюция, призывавшая к установлению прочного взаимопонимания между всеми балканскими народами и к подготовке условий для их объединения в Балканскую демократическую федеративную республику[122].

После вступления Турции и Болгарии в войну немцы стали открыто распоряжаться там, как в своих колониях. Германские офицеры, прикомандированные к миссии Лимана фон Сандерса, были распределены по всем османским армиям, соединениям и частям в качестве начальников штабов. Хозяйничали они, хотя и в меньшей степени, и в болгарской армии. Так, одно время двумя болгарскими армиями из четырех командовали немецкие генералы Ф. фон Шольц и А. фон Штейбен.

С турецким правительством немцы не считались. С их точки зрения было вполне достаточно поддерживать Энвера и отчасти Талаата (занявшего в 1917 г. пост великого везира). Вильгельм II отмечал 20 февраля 1916 г., что поддержание хороших отношений с Энвер-пашой необходимо в германских

интересах. Людендорф много позднее, в 1937 г. подчеркивал, что Энвер был для Германии гарантией того, что Турция останется на ее стороне[123]. Немцы использовали особенности характера Энвера – его несдержанность, отсутствие такта, самомнение и тщеславие. Недаром в Германии Турцию называли "Энверланд", и таблички с такой надписью помещались на военных поездах, шедших в Стамбул. Это вызывало возмущение в кругах патриотически настроенного офицерства, среди которого у Энвер-паши было много врагов.

Не вполне доверяя и Энверу, немцы взяли под контроль турецкую военную цензуру. Даже такие священные для мусульман документы, как указы султана и решения шейх-уль-ислама (главы духовенства), не могли быть опубликованы без немецкой визы. Турецкое военное министерство и здание правительства охранялись германскими войсками. К правительственной радиостанции в Акмейдане турок не допускали.

Немцы беспощадно выкачивали продовольственные и сырьевые ресурсы из Турции и Болгарии. В ноябре 1915 г. "сферы влияния" здесь были распределены так: право закупок в Турции предоставлено Германии, а в Болгарии – Австро-Венгрии. В начале 1916 г. было создано специальное объединенное Общество по торговым операциям на Востоке, позднее переименованнное в Германо-Австро-Венгерское торговое общество. Оно получило монопольное право производить закупки в этих странах[124].

Продукты питания, в которых Турция сама ощущала большой недостаток, вывозились в Германию в таком объеме, что это даже повлекло за собой резкое падение курса марки на стамбульской бирже. Турецкое правительство перед лицом возникшего в стране голода оказалось вынужденным воспретить экспорт продовольствия. Сходная ситуация наблюдалась и в Болгарии. В декабре 1915 г. по распоряжению правительства Радославова на болгарском рынке начали приниматься в качестве платежного средства немецкие бумажные марки. Вскоре они настолько наводнили рынок, что даже Болгарский народный банк – эмиссионный центр страны – не знал точного их количества. Закупая в обеих странах сырье (кожу, шерсть, хлопок) за обесцененные бумажные марки, германский союзник тем самым лишал многие отрасли местной промышленности, например кожевенную и текстильную, необходимого им сырья. Затем он продавал этим странам втридорога продукцию, изготовленную из их же сырья, в том числе и обмундирование для армии. В целом война пагубно сказалась на химической, кожевенной, табачной, текстильной и других отраслях индустрии. В Турции только за 1915 г. прекратили работу 82 промышленных предприятия[125]. В Болгарии во время войны лишь 20% предприятий работали в полную мощность, обслуживая нужды армии, 10% предприятий давали продукцию на гражданский рынок, а остальные 70% либо работали не на полную мощность, либо были совсем закрыты[126].

При министерстве земледелия Турции под председательством германского представителя была создана комиссия по развитию сельского хозяйства. Ее подлинной целью являлось переключение экономики на производство тех видов стратегического сырья, в которых нуждалась Германия. Немец возглавлял Сельскохозяйственный банк Турции, единственный из существовавших тогда турецких национальных банков. Германский генеральный консул руководил стамбульским продовольственным советом, от которого зависело снабжение столицы продуктами питания.

Под германский контроль перешли также другие отрасли экономики и финансов. В начале войны были отменены капитуляции, предоставлявшие привилегии зарубежным предприятиям, и некоторые отрасли турецкой промышленности, избавленные от иностранной конкуренции, получили известное развитие. Появились иллюзии, что Турция по крайней мере приобретет в свою пользу иностранные предприятия, принадлежавшие подданным держав Антанты. Но большинство концессий, принадлежавших антантовскому капиталу, были захвачены немцами. Угольный бассейн Эрегли–Зонгулдак (на Черноморском побережье) взяла в эксплуатацию германская группа во главе с Немецким банком. Для транспортировки и распределения угля было создано "угольное бюро" под начальством германского офицера. Фирма Круппа начала эксплуатировать медные рудники в районе Эргани (на юго-востоке Анатолии). Германские военные инженеры, офицеры и унтер-офицеры стали фактически хозяевами различных копей.

В распоряжение немецких монополий попала и часть болгарских предприятий. Так, угольные разработки Перника и Бобов-Дола были переданы в руки синдиката, в котором заправлял германский банк "Дисконто Гезельшафт". В руки военного ведомства Германии попали медные рудники "Плакалница" около Елисейны[127]. Через посредство своих комендантов немцы контролировали все железные дороги внутри Болгарии и Турции. Местным контролерам было запрещено проверять содержимое вагонов с германскими грузами.

Особенно катастрофически война отразилась на состоянии финансов обеих стран. Так, в Османской империи расходы на военные нужды в 9 раз превышали общую сумму доходов. К августу 1918 г. государственный долг Турции возрос более чем втрое и достиг 2,2 млрд долл.[128] Управление оттоманского государственного долга не перестало взимать налоги и сборы с турецкого населения. Но теперь суммы, получаемые в счет погашения государственного долга, переводились не в Париж, а в Берлин. Германия осуществляла полный контроль и над Оттоманским банком. Грабительскими для экономически отсталой Турции оказались германские займы. Всего за годы войны Турция получила от своих союзников займы примерно на 800 млн долл.; из них 585 млн были израсходованы в самой Германии на закупку оружия и амуниции. В сущности отпущенные займы остались в руках кредиторов[129].

В Болгарии кабинет Радославова предпринял огромную денежную эмиссию. Печатный станок работал непрестанно. За годы войны находившаяся в обращении денежная масса увеличилась более чем в 10 раз, хотя количество товаров на рынке резко уменьшилось[130]. Инфляция способствовала росту спекуляции. С целью обеспечить средства для ведения войны в апреле 1917 г. по требованию немцев правительство создало наделенную весьма обширными полномочиями Дирекцию по снабжению и регулированию экономики. Она должна была путем сложной системы надзора, регламентации и нормирования цен на товары бороться со спекуляцией, контролировать производство и обмен промышленной и сельскохозяйственной продукции, обеспечивать снабжение населения и армии. Однако попытка не удалась. В конце 1917 и начале 1918 г. подорожание товаров (по нормированным ценам) в Болгарии шло в несколько раз быстрее, чем в других воевавших государствах[131]. Будучи бессильной приостановить нараставшую в стране разруху и

хаос, дирекция не только не смогла установить контроль над экономикой страны, но вскоре ее органы превратились в гнезда спекулянтов (так называемых "гешефтмахеров"), занимавшихся аферами и хищениями. Фактически этот бюрократический аппарат являлся ширмой, прикрывавшей хозяйничанье в стране германского монополистического капитала.

Безудержную спекуляцию практиковали и младотурецкие лидеры. Они тоже создали монопольные общества якобы для борьбы против дороговизны и спекуляции, а в действительности в целях личного обогащения. Министр финансов Джавид-бей откровенно говорил в парламенте: "Теперь мы все приобрели вкус к торговле".

На этом фоне бросалось в глаза резкое ухудшение положения основной массы трудового населения. Хозяйничанье немцев довело Турцию и Болгарию до крайней степени истощения. Так, в Османской империи посевные площади под всеми культурами сократились в два с половиной раза. Резко уменьшилось поголовье скота, в особенности главного в Турции вида тяглового скота – волов. Военные реквизиции и недостаток кормов сократили численность волов почти на 90%. Болгарские крестьяне страдали от реквизиций, производимых как своими, так и немецкими солдатами. Один из современников так описывал деятельность реквизиционных команд: "По домам ходили в поисках спрятанной муки и других продуктов команды тыловых солдат; они взламывали сундуки, распарывали матрацы, подушки и отбирали даже последний килограмм хлеба, если находили его"[132].

Деревня голодала. Свирепствовал сыпной тиф. В Сирии умерло от голода, по минимальным подсчетам, 60 тыс. человек. Трупы оставались по несколько дней непогребенными. В Анатолии обессиленные голодом крестьяне прекратили работы в эреглийских угольных копях, на строительстве железной дороги Анкара–Сивас.

Голод ощущался и в столицах, где власти из чувства самосохранения все же старались снабжать население хлебом. Жители Софии из-за неурожая 1917 г. стали получать всего лишь по 300 г хлеба в день. В Стамбуле ежедневно регистрировалось по десятку голодных смертей. Здесь дневная норма составляла 250, а иногда даже 150 граммов плохо пропеченного, почти несъедобного кукурузного хлеба. Спекулянты же подняли цену на хлеб в 10–15 раз[133].

Младотурецкий официоз "Танин" 12 апреля 1916 г. поместил обширную статью, исполненную пессимизма: "Турецкий народ буквально умирает с голоду. В Стамбуле нет керосина, нельзя ни за какие деньги достать ни кофе, ни рису, ни сахару. Чтобы купить хлеб, людям необходимо выдерживать ежедневные сражения у ворот булочных. Все цены поднялись в 5–10 раз. Все говорят, что лучше бы уехать куда подальше"[134].

Немцы придавали большое значение культурно-просветительной и пропагандистской деятельности в Болгарии и Турции. В 1916 г. были созданы две пропагандистские организации, содействовавшие германскому проникновению в Болгарию. Хотя между немецко-болгарским обществом и Институтом экономического общения с Болгарией существовало определенное различие, оба учреждения обслуживали империалистическую экспансию германских монополий[135]. В деятельности обеих институций активно участвовали представители Немецкого банка, "Дисконто Гезельшафт" и других монополистических объединений[136].

С января 1916 г., после поражения Сербии и установления прямого железнодорожного сообщения через Болгарию, многочисленные немецкие агенты, эксперты всяких действительных и мнимых специальностей, “востоковеды”, журналисты и т.д. стали наводнять Османскую империю. В стамбульском университете важнейшие кафедры были заняты профессорами из Германии. По всей стране немцы открыли свыше 60 “информационных бюро”, от которых черпали разведывательную информацию. Германские католики стремились заменить своими “отцами-францисканцами” французскую миссионерскую школьную сеть, существовавшую в Турции до войны. Для этого в страну приезжала делегация во главе с деятелем католической партии Центра Эрцбергером. Он добился подписания германо-турецкого соглашения о “защите немецких католических учреждений”[137].

В первые дни битвы за Дарданеллы (февраль 1915 г.) младотурки были в панике. Талаат даже пригласил находившегося в эмиграции лидера оппозиционной партии “Свобода и согласие” принца Сабахэддина в Вену на переговоры. Ему было предложено переехать в Стамбул и возглавить правительство, если антантовские войска займут столицу[138]. Но неудача флота союзников в Дарданеллах, по словам очевидца тех событий американского дипломата Л. Эйнштейна, воодушевила лидеров младотурок. Они даже сочли момент подходящим для осуществления политики истребления армянского населения[139].

Относительно благоприятная для Центрального блока ситуация на фронтах дала основание турецкому правительству считать расторгнутым соглашение с великими державами от 8 февраля 1914 г. о реформах в Западной Армении. Вот как разговаривал тогда Талаат с известным западноармянским деятелем О. Вардгесом (он стал одной из первых жертв антиармянских репрессий): “Это политика, Вардгес... Это в порядке вещей. Сейчас мы сильны. Мы будем делать все, что потребуют турецкие интересы. Это вопрос родины. Здесь нет места личным связям и родству. Не забудьте, как вы в дни нашей слабости навязались на нашу голову и подняли вопрос о реформах. Вот почему мы должны воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых сейчас находимся, и так рассеять ваш народ, чтобы целых пятьдесят лет вы не могли бы поднять вопрос о реформах, чтобы пятьдесят лет не пришли бы в себя”[140].

Поводом для большого террора в отношении армян Османской империи непосредственно после ее вступления в войну стали их проантантовские настроения. По турецкой версии, армяне получили следующее указание по подготовке восстания в Западной Армении: “Как только русская армия перейдет границу, а османская армия начнет отступление, необходимо повсеместно поднимать восстания. Таким образом, османская армия окажется между двух огней... армянские солдаты в составе османской армии должны уйти из своих подразделений, захватив оружие, сформировать партизанские отряды и объединиться с русскими”. Другой турецкий источник утверждает, что существовала инструкция проантантовским группам армян “использовать все возможные средства для оказания помощи государствам Антанты, прилагая все силы в борьбе за победу в Армении, Киликии, на Кавказе и в Азербайджане в качестве союзника стран Антанты и в частности России”[141]. Утверждается также, что Россия еще до войны имела контакты с армянским национальным движением в Турции[142].

Симпатии армян бесспорно были на стороне Антанты и России. По мере продвижения российской армии в глубь Восточной Анатолии армяне формировали в ряде мест отряды поддержки. Некоторые из этих отрядов возглавляли бывшие армянские депутаты османского парламента (К. Пастирмасьян, Н. Боясян, К. Папазян)[143].

11 апреля 1915 г. армянское и ассирийское население горной области Хеккияри (юго-восточнее озера Ван) подняло общее восстание с целью обеспечить быстрое овладение городом Ван российскими войсками. Николай II даже послал телеграмму армянскому революционному комитету Вана, в которой благодарил его "за службу России". По убеждению повстанцев, сотрудничество с российской армией было необходимым этапом на пути к национальной независимости армян. В Стамбуле это вызвало взрыв ярости[144]. 24 апреля 1915 г. 235 лидеров армянских революционных комитетов были арестованы по обвинению в действиях, направленных против безопасности государства. Дата проведения этих арестов ежегодно отмечается армянами по всему миру как день поминовения погибших во время геноцида. Через три дня после высадки галлипольского десанта, т.е. 28 апреля 1915 г., Энвер-паша и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша, надлежало покончить со *всеми* армянами и всячески стараться уничтожить само название "Армения" в Турции[145]. Местное мусульманское население от Трабзона до Мосула было обязано помогать властям следить за пешими колоннами женщин, стариков и детей (мужчин отделяли и депортировали отдельно). Циркуляр, полученный генерал-губернаторами восточноанатолийских вилайетов, гласил: "Каждый мусульманин будет подвергнут смертной казни на месте, если приютит у себя какого-нибудь армянина".

Жители Западной Армении были застигнуты врасплох. Они не ожидали столь чудовищной акции и не были готовы противостоять террору, возведенному в ранг государственной политики. Неосведомленность жертв была столь абсолютна, что некоторые из них, будучи вне дома в момент ареста, сами добровольно являлись в полицейские отделения. Депортации армян придавали общенациональный характер. Проводы армянских "караванов смерти" порой даже обставляли неким церемониалом, их провожали в присутствии глав городов и других должностных лиц[146].

Повсеместно применялся один и тот же метод, разработанный в центре. Младотурки стремились уничтожить еще на месте, в Западной Армении, армян, способных к сопротивлению. Состоялись казни активистов армянского национального движения, представителей интеллигенции и духовенства. Остальную часть населения выселяли согласно формуле "всех до единого". Резня продолжалась на дорогах. Армянские историки говорят о продуманной до деталей целенаправленной акции младотурок. Турецкие историки, напротив, ссылаются на никому кроме них не известные приказы правительства о защите перемещаемых армян от гнева турецкого населения. "К сожалению, – пишут они, – там, где османский контроль был слабым, армянские переселенцы пострадали более всего. Очевидцы того времени приводят примеры, как колонны из сотен армян охранялись всего лишь двумя жандармами". Массовые жертвы среди депортированных армян турецкие исследователи объясняют общим низким уровнем безопасности и попытками осуществления не-

которыми мусульманскими племенами, "жестоко пострадавшими от рук русских и армян", кровной мести во время прохождения "караванов смерти" по их территории[147]. Истреблению подвергались главным образом мужчины моложе 50 лет. Переселенцы, оставшиеся в живых и добравшиеся до концлагерей в Месопотамии, содержались в таких невыносимых условиях, что их бóльшая часть погибла.

Хотя виновником массового истребления армян было стамбульское правительство, следует отметить, что значительная часть собственно турецкого населения поддержала и активно участвовала в реализации политики геноцида армян. Ф. Нансен в этой связи замечал, что провозглашенная младотурками в ноябре 1914 г. священная война против "неверных" (джихад), хотя и ставила целью поднять мусульман Азии и Африки против Британии и России, однако возбудила их ненависть к христианам, прежде всего внутри страны[148]. Вот почему возможное появление войск Антанты в Восточной Анатолии от Эрзерума до Киликии должно было рассматриваться местным населением как надвигающаяся месть со стороны христиан всем мусульманам[149].

Наряду с депортацией младотурки проводили политику насильственной ассимиляции армян. Кое-где армянским семьям удавалось уцелеть ценой перехода в ислам. Разрешался переход в ислам армянских девушек с последующим угоном их в гаремы. В сентябре 1915 г. официоз "Танин" поставил вопрос ребром: все армянские женщины должны быть уничтожены либо обращены в мусульманство. Газета находила, что только этим путем возможно "спасти империю"[150]. Банды младотурецких погромщиков насиловали армянских женщин, многие из которых затем кончали жизнь самоубийством. В Орду и Гиресуне были случаи, когда муж убивал свою жену, сын – мать, брат – сестру, отец – детей, чтобы избежать позора[151]. Семьи же тех, кто сумел спастись путем бегства в Россию или в Иран, подлежали уничтожению, чтобы у спасшихся не осталось никакой связи с родиной.

Из-за отсутствия доступа к репрезентативным источникам до сих пор дискуссионным остается вопрос о положении армян в столице Турции. Официальные турецкие издания утверждают: "Все источники, включая даже наиболее пламенных защитников армянской идеи, признают, что никакие из указанных мер не принимались в отношении армян, проживавших в удалении от зоны военных действий или тех, которые поселились в крупных городах, таких как Стамбул и Измир... В Стамбуле и других больших городах Западной Анатолии во время всего периода войны проживало большое количество армянского населения, оставались открытыми армянские храмы"[152]. Советский же тюрколог А.Ф. Миллер отмечал: "Депортации не ограничились прифронтовой полосой. Они распространились на всю Анатолию и даже на Стамбул". Той же точки зрения придерживался армянский историк Дж. Киракосян: в 1915 г., писал он, – "параллельно с выселением и истреблением населения Западной Армении армян уничтожали по всей Османской империи"[153]. По всей видимости, антиармянский террор проводился и в Стамбуле, хотя и с меньшим размахом вследствие значительного присутствия там иностранцев.

Талаат цинично заявлял, что он "больше сделал за три месяца для разрешения армянского вопроса, чем Абдул-Хамид за тридцать лет"[156]. По убеждению российских историков и современной армянской историографии, это

заявление ясно свидетельствовало о наличии у младотурок определенной программы истребления армян. Когда 24 апреля 1915 г. константинопольский армянский патриарх Завен обратился к великому везиру Саид Халиму с запросом о судьбе высланных из Стамбула армянских интеллигентов, тот ответил: "Перед войной, обращаясь к державам Антанты, вы захотели отделить вашу нацию от Османского государства. За это вас сегодня наказывают. То, что происходит с армянами – это результат программы, которая должна быть осуществлена"[155].

Вопрос о том, что собой представляла эта "программа", не утратил своей злободневности и в наше время. Современная турецкая историческая наука (не удосуживая себя приведением серьезных доказательств) категорически отрицает наличие у младотурок намерения частично или полностью уничтожить армянский этнос. "Ни одно из османских распоряжений, предусматривающее переселение армян из Восточной Анатолии в более отдаленные от границы районы, не было приказом убивать"[156].

В то же время описанные события историки независимой Армении (и бóльшая часть историков первой мировой войны) трактуют как первый случай геноцида в XX в. Власти же Турецкой Республики, признавая "несомненные страдания, перенесенные армянами во время войны", отвергают обвинения в геноциде и усматривают причину этих страданий в "разгуле беззакония, от которого пострадали граждане империи всех видов вероисповедания". По словам профессора из Анкары М. Сойсала, в годы первой мировой войны в Восточной "Анатолии была пережита трагедия, но это была общая трагедия, которая принесла многочисленные страдания и жертвы обеим сторонам"[157]. Одним словом – убийц не было, были только жертвы.

Общее число жертв антиармянского террора не поддается точному подсчету, поскольку турецкие и армянские источники указывают разные данные относительно численности армянского населения Турции до мировой войны. По данным немецкого ученого И. Лепсиуса, с которым соглашаются многие исследователи, общее число депортированных и убитых армян составило 1 396 350 человек. Численность беженцев из родных мест составляла 244 400 человек.[158] Британский историк А. Тойнби число умерших армян оценивал в 600 тыс. Турки же утверждают, что до начала 1917 г. было депортировано около 700 тыс. армян, а число погибших приблизительно составило 300 тыс. человек.[159] По данным российских историков, за годы войны в Османской империи погибло также полмиллиона ассирийцев[160]. В целом же признать существование этой трагической страницы истории первой мировой войны является долгом всех историков и людей совести. Но установление подлинных фактов и их всесторонняя научная интерпретация пока невозможны из-за недоступности документов турецких архивов.

Официальный Берлин занял в отношении этих событий позицию умолчания, считая их внутренним делом союзного ему государства. Иногда негласно некоторые германские дипломаты, религиозные и политические деятели (например, Эрцбергер) пытались несколько урезонить младотурок, но безуспешно[161]. На одно из таких заявлений Энвер ответил: "Я делаю то же, что немцы сделали с поляками"[162]. В Болгарии же, которая тогда еще оставалась нейтральной, сведения о массовой гибели армян вызвали всеобщее возмущение. В городах, где имелось армянское население (Сливен, Шумен,

Русе, Варна, Стара Загора и др.), состоялись совместные митинги болгар и армян, протестовавших против действий младотурок[163].

После провала Дарданелльской экспедиции Антанты младотурецкое правительство получило в османском обществе определенный кредит доверия, хотя турки и потеряли при этом четверть миллиона человек. Но эффект от победы оказался непродолжителен. Не принесло младотуркам удовлетворения и вступление в войну Болгарии. Обретение нового союзника их больше настораживало, чем воодушевляло; продолжали беспокоить проблемы территориального размежевания во Фракии. В приграничные с Болгарией районы были выдвинуты снятые с других фронтов подразделения армии и подтянуты регулярные отряды курдской конницы. Вновь образованная Пятая турецкая армия до конца войны прикрывала болгаро-турецкую границу. В ней числилось около 60 тыс. человек, переведенных преимущественно из состава войск, потрепанных на Кавказе и в Месопотамии. Турция получила "болгарский коридор" для прямых связей с германским союзником, который превратил наконец в реальность многомесячные обещания Берлина направить в Стамбул военные грузы. Через Болгарию были доставлены в Турцию две германские подводные лодки[164].

Непосредственное военное сотрудничество Софии и Стамбула было незначительным. В помощь болгарскому союзнику в середине октября 1915 г. были направлены в Димотику 3 дивизии из Смирны и еще до 70 тыс. запасных второй категории, т.е. людей в возрасте 40–50 лет[165]. Болгары же снабжали турок ручными гранатами системы Тофанджиева[166].

Младотурки стремились максимально вовлечь в действующую армию переселенцев из районов европейской Турции, близких к зоне боевых действий, а также боснийцев, помаков и выходцев из Добруджи и Македонии, в первую очередь мусульман. Их набирали в армию под предлогом "священной войны" за возрождение османского могущества и утраченных территорий. В 1916 г. Энвер посетил указанные провинции, что вызвало явное недовольство болгарского правительства и главнокомандования[167]. Впрочем выходцы из бывших европейских владений Порты шли в армию неохотно. Многие из них предпочитали перебраться подальше от театра военных действий, на восток и юго-восток Анатолии. Там при попустительстве властей они оказались вовлеченными в истребление армян.

Деморализованное террором христианское население Турции затихло; мусульманское – обеспечивало по 90 тыс. новобранцев на каждый набор и было обескровлено. В 1916 г. призыв в армию давал уже новобранцев только в возрасте за пятьдесят. Фактически обескровив турецкую деревню, младотурки начали весной 1916 г. набор в армию пленных, воевавших в составе войск Антанты – тунисцев, алжирцев, марокканцев. Эти части, до 12 тыс. человек, одетые в германскую форму, отправлялись в Йемен и Месопотамию, где несли полицейскую службу в местах расселения депортированного армянского и греческого населения[168].

Несмотря на недостаточность войск на турецких фронтах, ОХЛ получило от Энвера в 1916 г. 3 корпуса – 120 тыс. человек для галицийского и других австро-германских фронтов. При этом по приказу Энвера в Европу были отправлены отборные бойцы. Слабые заменялись солдатами из других частей. Таким образом, немцы использовали турок как пушечное мясо. Всего за годы войны в Турции было мобилизовано свыше 3 млн человек. Из них

страна потеряла, по официальным данным, убитыми на фронтах и погибшими в плену 490 тыс.[169]

И в Болгарии затяжка войны привела к мобилизации большинства работоспособного мужского населения. За три года участия в войне число мобилизованных в армию выросло с 559 тыс. до 880 тыс. человек, что составляло почти $^1/_5$ всего населения страны. Процент мобилизованной в армию части населения в Болгарии был даже выше, чем в Германии и Австро-Венгрии[170].

Особого изучения требует вопрос о характере болгарского оккупационного режима в Поморавье и Вардарской Македонии. Ранее во всех обобщающих трудах по истории Болгарии и Югославии, изданных в СССР, этот режим характеризовался как террористический и даже "зверский"[171]. Ю.А. Писарев, например, сравнивая положение в двух оккупационных зонах, на которые была разделена завоеванная Сербия – болгарской и австро-венгерской, утверждал, что положение населения в болгарском генерал-губернаторстве было особенно тяжелым, так как оккупационные власти ставили своей задачей осуществление насильственной ассимиляции сербского и македонского населения[172]. Вместе с тем – и это тоже исторический факт – часть славянского населения Македонии обладала тогда болгарским национальным самосознанием и приветствовала "воссоединение с матерью-Болгарией", а иногда македонцы добровольно вступали в ряды болгарской армии, чтобы сражаться против сербов[173].

Правящая в Болгарии коалиция исходила, прежде всего, из узкопартийных интересов, направляя в Македонию в качестве чиновников главным образом своих сторонников, которые далеко не всегда отличались профессионализмом. В их обязанности входило создание сети ячеек либеральных партий на местах – Радославов уже думал о следующих парламентских выборах и о голосах избирателей из Македонии. Оппозиция же использовала провалы правительства в Вардарской Македонии (кадровую проблему, коррупцию, недостатки в области образования и культуртрегерской деятельности) для собственных внутриполитических целей. Призывая "навести порядок в новых землях", оппозиция не менее правительства была озабочена воцарением там "болгарского духа". Она рекомендовала направлять туда лучших учителей, причем активнее привлекать к этому делу выходцев из самой Македонии. По вопросу об этническом облике Македонии в обозримом будущем среди деятелей оппозиции наблюдался широкий разброс мнений. Так, член Земледельческого союза С. Омарчевский, после войны ставший министром просвещения, выступал против всяких послаблений в пользу национальных меньшинств. Он требовал, чтобы правящий кабинет в кратчайший срок "сделал все возможное, дабы эти земли... приобрели ту же окраску, какую имеет и наше государство". Более разумную и взвешенную позицию занял лидер демократической партии А. Малинов. Он призывал правительство воздержаться от этнических "чисток", от политики денационализации явно неболгарской части населения Македонии[174].

Что же касается младотурок, то они сделали ставку на панисламизм в качестве идеологического обрамления своей политики. Шейх-уль-исламу пришлось пять раз разъяснять правоверным мусульманам особый характер джихада, направленного не вообще против всех немусульман, а только против одной группы держав. Он втолковывал, что "Россия, Англия и Франция... проявляют все старания – да упасет от этого Аллах – погасить высо-

кий свет ислама" и что поэтому все мусульмане – подданные стран Антанты обязаны выступить против своих правительств. При этом уточнялось, что неверными следует считать только державы Антанты, а Германия и Австро-Венгрия являются-де опорой и защитой ислама.

Практические результаты джихада оказались ничтожными. Ни в Индии, ни в Египте, ни в России этот воинственный призыв не встретил серьезного отклика. Отправленные в Иран и в Афганистан германские и турецкие эмиссары после нескольких неудачных попыток втянуть эти страны в войну были вынуждены отказаться от своей миссии и бежать. Да и в самой Османской империи панисламистская пропаганда была бессильна против возникшего еще до войны национального движения нетурецких (хотя и мусульманских) народов. Арабы Сирии, Палестины, Хиджаза, а также курды не проявили никакой склонности бороться за германо-турецкое господство. С февраля по июнь 1915 г. в Бейруте, Дамаске и Хайфе происходили столкновения между арабским населением и турецкими войсками и жандармерией. Младотурецкие шовинисты отвергали арабское национальное самосознание. Обращаясь к арабам, они говорили: "Вы и вся ваша нация должны осознать, что вы турки, и нет у вас арабской родины".

В июне 1916 г. арабы Хиджаза при поддержке англичан подняли восстание. Владетель Мекки Хусейн ибн Али стал во главе восставших, провозгласил себя королем арабов и объявил джихад против турецкого султана, разъяснив правоверным мусульманам, что "неверными" следует считать немцев и их младотурецких союзников, а Британия является опорой и защитницей ислама[175]. Англичане стремились оказать Хусейну военную помощь. В первой половине октября 1916 г. в Хиджаз прибыли небольшие британские воинские силы. Среди офицеров находился и известный разведчик капитан (в дальнейшем – полковник) Т. Лоуренс. Одним из последствий восстания было также массовое дезертирство из турецкой армии солдат-арабов (примерно с января 1917 г.)[176].

Это восстание стало лишним доказательством неэффективности панисламистской пропаганды и стимулировало младотурок к замене ее пантюркизмом и туранистскими иллюзиями. Неотуранизм как политическая идея ставил своей целью тесный союз всех туранских племен без различия веры и языка, а как идея национальная стремился к тесному национально-культурному единению тюркских племен туранского происхождения. Одним из глашатаев великотурецкой программы стал социолог и философ З. Гёкалп, пользовавшийся полной поддержкой Энвера. Впоследствии он писал: "Объединение ста миллионов турок в одной нации является для турецких националистов одним из наиболее мощных источников воодушевления. Если бы не существовал туранистский идеал, турецкий национализм не смог бы так быстро развиваться"[177].

По всей стране и в армии подспудно зрели оппозиционные настроения[178]. Особенно возмущалась политикой младотурок буржуазия внутренних районов Турции – анатолийская. Ее роль в экономике за годы войны заметно возросла, она впервые получила доступ к внешним рынкам и пыталась бороться против германского засилья.

Недовольство населения выражалось в отказе от уплаты налогов, неподчинении местным властям, организации партизанских отрядов (чет), убийстве немецких солдат и офицеров, голодных демонстрациях женщин,

захвате населением эшелонов с продовольствием, направлявшихся в Германию, и пр. В 1917 г. разложение турецкой армии достигло апогея. Необыкновенно большой размах приняло дезертирство. В марте начальник Генштаба писал, что численность дезертиров составила более полумиллиона человек[179]. В 1918 г., по официальной статистике, их количество уже превышало число солдат на фронте. Все чаще фронт покидали целые воинские подразделения, иногда в полном составе, возглавляемые офицерами, с полным вооружением. Политический характер такого дезертирства чувствовали даже немцы. Генерал Лиман фон Сандерс писал в докладе в турецкий Генштаб, что в прежние войны дезертирство было почти неизвестно в Турции и что его нельзя считать "наследственным пороком турецкой армии"[180].

Ставка германского главного командования на Энвер-пашу привела к негативным для Германии последствиям: она оттолкнула от нее многих офицеров – врагов Энвера. Из-за поражений на фронте, стяжательства и пренебрежения к рядовым армейским офицерам – фронтовикам он в значительной мере утратил былую популярность. Многие мероприятия германского главного командования не удавались только потому, что они проводились при посредстве Энвера.

Еще с марта 1916 г. в Салониках издавалась оппозиционная газета "Моджахед" ("Воин за веру"), в которой утверждалось, что союз с Германией несет опасность для настоящего и будущего нации. В номерах от 21 марта и 11 апреля 1916 г. газета призвала к немедленному заключению сепаратного мира с Антантой, причем правительство должно было добиваться этого мира в условиях полной гласности[181]. Тогда же оппозиционеры из партии "Свобода и согласие" сообщили по неформальным каналам западным державам, что во имя скорейшего заключения мира с Антантой они готовятся совершить государственный переворот и устранить Энвер-пашу. В июле 1916 г. попытка такого переворота была предпринята, но провалилась. На следствии и на суде его участники заявили, что их целью было спасение Турции путем выхода из войны. Они пополнили ряды жертв младотурецкого режима[182].

Что же касается антантофильской оппозиции в Болгарии, то она присмирела под влиянием военных успехов 1915–1916 гг. Все без исключения буржуазные и мелкобуржуазные партии осуществили некоторый дрейф в прогерманском направлении и послушно голосовали в парламенте за предоставление кабинету Радославова военных кредитов. Ведь и антантофильские партии мечтали о создании "Великой Болгарии" примерно в тех же границах, которых добился лидер либералов к концу 1916 г. В интервью германской газете "Фоссише цайтунг" в конце сентября 1917 г. Радославов долго распространялся о всенародной поддержке своей политики. Он пророчески заявил, что "даже если бы сменилось правительство и на его место пришла оппозиция, которая ранее была настроена русофильски, то она все же не изменила бы эту политику, прежде всего не изменила бы союзу с Германией. Во имя национальных интересов она не могла бы сделать нечто подобное... Сегодня оппозиции правительству не существует в том, что касается национального объединения"[183]. Как показали дальнейшие события, в этом он оказался прав. В июне 1918 г. на смену либералам пришел кабинет Малинова, состоявший из демократов и радикал-демократов. Но он так и не сумел вывести страну из фарватера германской политики.

Силы, выступавшие за заключение сепаратного мира с Антантой, все более сосредоточивались за пределами страны, в частности в Швейцарии. Они вступали в контакты с представителями вражеской коалиции, выдвигали планы осуществления переворота в Болгарии, свержения Кобурга, некоторых обуревали республиканские настроения[184]. Но прочной опоры внутри страны у этих сил не было. Даже если бы переворот удался, вырвать Болгарию из "объятий" германского союзника было бы непросто. К весне 1916 г. царь Фердинанд и правительство "либеральной концентрации" уже находились в сильнейшей степени экономической, политической и военной зависимости от Германии, которая могла парализовать любые возможные действия, направленные на отрыв страны от Четверного союза.

Еще меньше перспектив имел возможный проантантовский переворот в Турции. Шесть высших военных учреждений Германии, расположившихся в Стамбуле, осуществляли руководство турецкими войсками через 2 фельдмаршалов, 3 адмиралов, 10 генералов и 800 офицеров. Они контролировали всю хозяйственную и политическую жизнь страны. Почти 32,5 тыс. военнослужащих Германии и Австро-Венгрии составляли аппарат этого контроля, сосредоточив в своих руках поставки оружия, управление войсками и все средства связи[185]. Под давлением из Берлина 27 ноября 1917 г. было подписано германо-турецкое соглашение о сотрудничестве до конца войны и о незаключении сепаратного мира[186].

И в Турции, и в Болгарии отсутствовали реальные политические силы, способные не только воспринять, но, самое главное, осуществить идею сепаратного мира с антантовской коалицией. Да и сама оппозиция была разрознена и лишена общей руководящей идеи, а потому инертна. Показателен пример с османской демократической партией. Она сформировалась в конце 1909 г., вскоре после прихода младотурок к власти, но не разделяла их крайний национализм, а признавала наличие различных национальных общностей в Османской империи. Однако в 1918 г. эта партия самораспустилась, так и не сумев превратиться в массовую силу. По мнению некоторых историков, Турция, как впрочем и Болгария, в начале 1918 г. упустила момент для своевременного выхода из войны. Обе страны до конца остались сателлитами Германии. Накрепко пристегнутым к германской военной колеснице, им было суждено вместе с рейхом испить до дна горькую чашу поражения.

Отказ Антанты начать переговоры о перемирии с лидерами младотурок решил участь правящего триумвирата. 9 октября 1918 г. кабинет Талаата подал в отставку. 14–19 октября состоялся последний съезд партии "Единение и прогресс". Отстраненный от власти Талаат-паша нашел мужество от имени младотурецкого комитета заявить: "Наша политика потерпела поражение, мы не можем оставаться у власти"[187]. После острых дискуссий на съезде было принято решение о самороспуске младотурок. Новая партия "Теджаддуд" ("Возрождение") стала их наследницей, в частности, в вопросах о защите Проливов и Стамбуле как столице халифата и об "османском идеале".

Энвер и Талаат стали принимать меры к тому, чтобы власть не перешла сразу же к их непримиримым политическим противникам из партии "Свобода и согласие". С этой целью они выдвинули проект создания некоего "надпартийного" кабинета. По их рекомендации султан назначил великим вези-

ром маршала Ахмеда Иззет-пашу. Формально беспартийный, с 1914 г. он не принимал активного участия в политической жизни страны и пользовался репутацией честного патриота среди турецкого офицерства, широких кругов стамбульской буржуазии, интеллигенции и чиновничества. 14 октября 1918 г. он сформировал свой кабинет, основной задачей которого было скорейшее заключение перемирия. Дальнейший ход событий выявил полную безосновательность надежд турецких и болгарских политиков, которые рассчитывали на снисходительность победившей Антанты. Так плачевно закончилась первая мировая война для балканских союзников Германии.

1 *Kuszynski J.* Der Ausbruch des Ersten Weltkrieges und die deutsche Sozialdemokratie. B., 1957. S. 78 ff.

2 *Miller S.* Burgfrieden und Klassenkampf: Die deutsche Sozialdemokratie im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1974. S. 9.

3 *Schönhoven K.* Die deutschen Gewerkschaften. Frankfurt/Main, 1987. S. 95.

4 См. подробнее: *Темкин Я.Г.* Ленин и международная социал-демократия. 1914–1917. М., 1968.

5 *Садовая Г.М.* "Диагональ" Бетман-Гольвега // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 194.

6 В одном из документов Правления СДПГ 1916 г. проскальзывает замечательно точная и, как показало будущее, глубокая формулировка – "жизненная сила и приспособительская способность частнокапиталистического способа производства" (см.: *Kuszynski J.* Op. cit. S. 143).

7 См., наприер: *Stampfer F.* Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach/Main, 1947. S. 20; *Schwieger G.* Der Verrat der deutschen Sozialdemokratie // Historisch-politische Streiflichter / Hrsg. K. Jurgensen, R. Hansen. Neumunster, 1971. S. 106; *Witt Ch.* Friedrich Ebert. Bonn, 1988. S. 63–64.

8 Цит. по: *Miller S.* Op. cit. S. 240.

9 *Witt Ch.* Op. cit. S. 64–65.

10 *Miller S.* Op. cit. S. 253.

11 Internationaler Sozialisten-Kongreß zu Stuttgart. August 1907. B., 1907. S. 66.

12 *Fischer F.* Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969. S. 767. См. также: *Туполев Б.М.* "Срединная Европа" в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 112–113.

13 *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1964. S. 430, 446.

14 "Спартак" во время войны. Под ред. Э. Майера. М., 1933. С. 60.

15 *Liebknecht K.* Ausgewahlte Reden, Briefe und Aufsätze. B., 1952. S. 310.

16 *Prager E.* Geschichte der USPD. B., 1921. S. 72–74.

17 Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1966. Bd. 2. Dokumentarischer Anhang. S. 456.

18 Цит. по: *Gonda J.* Verfall der Kaiserreiche in Mitteleuropa. Budapest, 1977. S. 28–30.

19 *Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957. С. 239–246; см. также: Deutschland im Ersten Weltkrieg / Hrsg. W. Gutsche. B., 1969. Bd. 3. S. 247.

20 *Ludendorf E.* Urkunden der OHL über die Tätigkeit 1916–1918. B., 1922. S. 83.

21 *Schröter A.* Krieg-Staat-Monopol. 1914–1918. B., 1965. S. 99–101.

22 Текст закона см.: *Umbreit P.* Die deutschen Gewerkschaften im Krieg. B., 1917. S. 239–244.

23 *Schönhoven K.* Op. cit. S. 105.
24 *Прокофьев В.П.* Военная диктатура в Германии 1914–1918 гг. Калининград, 1982. С. 54 (рукопись, депонированная в ИНИОН РАН).
25 *Schönhoven K.* Op. cit. S. 105.
26 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 83. См. также: *Василевский Е.Г.* Развитие взглядов В.И. Ленина на империализм (1893–1917 гг.). М., 1969; *Евзеров Р.Я.* Ленинская теория империализма: мифы и реальность // Новая и новейшая история, 1995. № 3. С. 43–63.
27 *Schröter A.* Op. cit. B., 1965; *Gossweiler R.* Großbanken, Industriemonopole, Staat: Okonomie und Politik des SMK in Deutschland 1914–1918. B., 1971.
28 *Kocka J.* Klassengesellschaft im Krieg 1914–1918. Göttingen, 1973. S. 119.
29 Ibid.
30 Ibid.
31 Ibid. S. 119.
32 *Кретинин С.В.* Творец "Финансового капитала": Рудольф Гильфердинг (1877–1941) // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 106–124; *Евзеров Р.Я.* Указ. соч. С. 54.
33 *Ludendorf E.* Op. cit. S. 319.
34 *Головачев Ф.Ф.* Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 207.
35 Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 102; *Бартель В.* Левые в германской социал-демократии в борьбе против империализма и войны. М., 1960. С. 467; *Кривогуз И.М.* "Спартак" и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962; *Драбкин Я.С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. II; *Рокитянский Я.Г.* Великий Октябрь, Ленин и Независимая социал-демократическая партия Германии // Ежегодник германской истории. 1970. М., 1971. С. 119–152; *Орлова М.И.* Германская революция 1918–1919 гг. в историографии ФРГ. М., 1986 и др.
36 *Александров В.В.* Новейшая история стран Европы и Америки. 1918–1945 гг. М., 1986. С. 55–56.
37 Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 2. S. 111–112, 311.
38 Vorwarts, 1917. 3 Apr.
39 *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 121–122.
40 Цит. по: *Ludendorf E.* Op. cit. S. 416.
41 *Miller S.* Op. cit. S. 179–180.
42 Записки германского кронпринца. М.; Пг., 1923. С. 133–134.
43 Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der SPD. Abgehalten in Würzburg vom 14. bis 20. Oktober 1917. S. 406–407.
44 См. подробнее в § 1 главы X данной книги.
45 Amtliche Urkunden zur Vorgeschichte des Waffenstillstandes 1918 / Hrsg. vom Auswartigen Amt und vom Reichsministerium des Inneren. B., 1924. S. 3–7.
46 О "14 пунктах" Вильсона см. подробнее в § 2 главы X данной книги.
47 Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. Reihe IV. B., 1925. Bd. 2. S. 400 ff.
48 *Thaer A. von.* Generalstabsdienst an der Front und in der OHL. Göttingen, 1958. S. 234–235.
49 *Schröter A.* Op. cit. S. 100–105.
50 *Haffner S.* Von Bismarck zu Hitler. München, 1987. S. 135.
51 *Kocka J.* Op. cit. S. 110.
52 *Eschenburg Th.* Die improvisierte Demokratie // Gesammelte Aufsätze zur Weimarer Republik. München, 1963.

53 *Шейдеман Ф.* Указ. соч. С. 237.
54 Von Kaiserreich zur Weimarer Republik / Hrsg. E. Kolb. Köln, 1972. S. 15.
55 Цит. по: *Schiffer E.* Ein Leben fur den Liberalismus. B.,1951. S. 135–136.
56 См.: *Драбкин Я.С.* Указ. соч.
57 *Шейдеман Ф.* Указ. соч. С. 262–274; *Witt Chr.* Op.cit. S. 87.
58 *Prinz Max von Baden.* Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart, 1927. S. 635.
59 Цит. по: *Krummacher F.* Die Auflösung der Monarchie // Die Weimarer Republik / Hrsg. W. Tormin. Bielefeld, 1986. S. 80.
60 *Шейдеман Ф.* Указ. соч. С. 233; *Haffner S.* Op.cit. S. 165.
61 Цит. по: Ursachen und Folgen Eine Urkunden und Dokumentensammlung. B., 1958. Bd. 2. S. 574.
62 *Freud S.* "Todestrieb" // Sigmund Freud. Gesammelte werke. L.,1946. Bd. 10. S. 358.
63 *Ramhardter G.* Geschichtwissenschaft und Patriotismus. Österreichische Historiker im Weltkrieg 1914–1918. München, 1973. S. 191–193.
64 *Pfersmann O.* La guerre et le concept en Autriche-Hongrie // Les Philosophes et la guerre de 1914. Saint-Denis, 1988. P. 52–53.
65 *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963. С. 55.
66 Краткая история Венгрии / Отв. ред. Т.М. Исламов. М., 1991. С. 279.
67 *Kleindel W.* Österreich. Daten zur Geschichte und Kultur. Wien, 1995. S. 1914.
68 См.: *Gergely J.* Az elso világháború viharában // Balogh S., Gergely J., Izsák L., Pritz P., Romsics I. Magyarország a XX. Században. Budapest, 1985. 57. old.
69 *Valiani L.* The End of Austria-Hungary. N.Y., 1975. P. 100.
70 *Kann R.* Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Graz; Wien; Köln, 1962. S. 190–191. Вторым по важности ударом, имевшим еще более далекоидущие последствия для Австро-Венгрии, была, по мнению Канна, неудача ее секретных переговоров, предпринятых в 1917–1918 гг.
71 *Gróf Tisza István.* Összes munkái. Budapest, 1924. II.k. 125–129.old; За балканскими фронтами первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002. С. 151.
72 *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972. С. 342.
73 Magyar Országos Levéltár (MOL). Igazságügyminiszterium. 1915. 242. res. 31.
74 *Рубинштейн Е.И.* Указ. соч. С. 88.
75 *Kann R., David Z.* The Peoples of the Eastern Habsburg Lands, 1526–1918. L.; Seattle, 1984. P. 423–424, 444–445.
76 См.: За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 253.
77 *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold. Wien; Graz; Köln, 1963. Bd. II. S. 728.
78 *Gróf Tisza István...* Op. cit. II.k. 29.old.
79 *Notter H.* The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson. Baltimore, 1937. P. 373; *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill (N.C.) L., 1989. Цит. по: *Rauchensteiner M.* Op. cit. S. 656.
80 См. подробнее: *Чуканов М.Ю.* К вопросу о целях войны в политике венгерского правительства в 1914–1918 гг. // Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. В.И. Беляева. М., 1991. С. 43–71.
81 *Gergely J.* Op. cit. 57–58. old.
82 Protokolle des Gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch-Ungarischen Monarchie (1914–1918). Budapest, 1966 (далее – Protokolle...). S.356–357. См. также: *Mitrović A.* Die Kriegsziele der Mittelmächte und die Jugoslawienfrage 1914–1918 // Die Donaumonarchie und die südslawische Frage von 1848 bis 1918. Wien, 1978; *Idem.* Die Balkanpläne der Ballhausplatz-Bürokratie im Ersten Weltkriege (1914–1918) // Gesellschaft, Politik und Verwaltung in der habsburgermonarchie / Hrsg. F. Glatz, R. Melville. Vien, 1987. S. 381.

[83] *Steglich W.* Bündnissicherung oder Verständigungsfrieden. Untersuchungen zum Friedensangebot der Mittelmächte vom 12. December 1916. Göttingen, 1958. S. 21–32.

[84] Protokolle... S. 446.

[85] A Kálvinista Egyházi levéltár. Tisza hagyaték. 14/15. 222–224.

[86] Protokolle... S. 446.

[87] Haus-, Hof- und Staatsarhiv Wien (далее – HHStA). P.A.Interna. Korrespondenz mit den Militarbehörden. 1917–1918. K-199. F. 68.

[88] Ibid. F. 69.

[89] Ibid. F. 88.

[90] Ibid. F. 92; *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975. С. 263–265.

[91] *März E.* Österreichische Bankpolitik inder Zeit der großen Wende 1913–1923. Wien, 1981. S. 206–207.

[92] *Redlich J.* Österreichische Regierung und Verwaltung im Weltkriege. Wien, 1925. S. 180.

[93] *Рубинштейн Е.И.* Указ. соч. С. 77–78.

[94] Краткая история Венгрии. С. 282–283.

[95] *Турок В.М.* Очерки истории Австрии 1918–1929. М., 1955. С. 18.

[96] *Шмераль Я.Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М., 1967. С. 67–68.

[97] *Kann R.* Geschichte des Habsburgerreiches 1526–1918. Wien, 1993. S. 446.

[98] HHStA. B/1499. Polzer-Hoditz. Lebenserinnerungen. Manuscript V. Buch – der I. Weltkrieg. S. 55.

[99] *Broucek P.* Karl I (IV). Der politische Weg des letzten Herrschers der Donaumonarchie. Bohlau; Wien; Köln; Weimar, 1997. S. 23.

[100] *Киселева Н.П.* Левые буржуазные и социал-демократические силы Венгрии накануне буржуазно-демократической революции 1918 г. (1917–1918 гг.) // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в средние века и новое время / Отв. ред. А.В. Рандин. Йошкар-Ола, 1990. С. 159–160.

[101] Там же. С. 161.

[102] *Рубинштейн Е.И.* Указ. соч. С. 202.

[103] *Pasztor L.* Die ungarische Katholiken und der Erste Weltkrieg. Freiburg, 1985. S. 397.

[104] Ibid. S. 398.

[105] *Károlyi M.* Hit, illúzió nélkul. Budapest, 1977. 104. old.

[106] *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985. С. 137–139; *Soutou J.-H.* La France et les Marches de l'Est. 1914–1919 // Revue historique. Oct.–dec. 1978. N 528. P. 366–367.

[107] *Károlyi M.* Op. cit. 114–115. old; *Wilson Hugh R.* Diplomat between Wars. N.Y., 1941. P. 6–7.

[108] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1938. Т. V. С. 26–38; *Beneš E.* Svétova válka a naše revoluce. Praha, D. I. 1927. S. 511–515; *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история, 2001. № 5. С. 39.

[109] *Турок В.М.* Указ. соч. С. 56–57.

[110] *Lammasch H.* Woodrow Wilsons Friedensplan. Wien, 1919. S. 151.

[111] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Suppl. I. The World War. Wash., 1933. Vol. I. P. 82–105; *Турок В.М.* Указ. соч. С. 57–60.

[112] *Markotić M.Z.* The Austro-Hungarian Fleet under the Croatian Flag in 1918 // Journal of Croatian Studies. N.Y., 1990. Vol. XXXI. P. 113.

[113] См. подробнее: *Stulli B.* Ustanak mornara u Boki Kotorskoj. Split, 1959. S. 129–293.

[114] *Kleindel W.* Op. cit. S. 316; *Кукушкина И.А.* Австромарксизм в межвоенный период: теория и практика // Левые в Европе XX в.: люди и идеи / Под ред. Н.П. Комоловой и В.В. Домье. М., 2001. С. 167–182.

[115] Материалы болгарского судебного процесса опубликованы. См.: Обвинителен акт против бившите министри от кабинета на д-р В. Радославов през 1913–1918 г. София, 1921; Протоколи на съдебните заседания на Държавния съд по углавното дело № 1 от 1921 г. против бившите министри от кабинета на д-р В. Радославов през 1913–1918 г. София, 1921. Св. I-III. См. также: *Галунов Т.* Втората национална катастрофа. Процесът. Виновниците. Велико Търново, 1998.
[116] Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.; Л., 1933. Т. VI, ч. 1. С. 289.
[117] *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 159.
[118] См. подробнее: *Шкундин Г.Д.* Миротворческие усилия болгарских церковных деятелей в годы первой мировой войны // Церковь в истории славянских народов: Балканские исследования / Отв. ред. И.В. Чуркина. М., 1997. Вып. 17. С. 286–291.
[119] *Дамянов С.* Деклозиеровата афера // Векове. София, 1972. № 6. С. 28–40.
[120] *Стамболийски А.* Двете ми срещи с цар Фердинанд. София, 1990. С. 21.
[121] Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. София, 1957. Т. I. 1891–1918. С. 434–440.
[122] Там же. С. 319–322.
[123] *Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940. S. 254. О роли Энвера в турецко-германских отношениях см. подробнее: *Okay K.* Enver Pascha der Grosse Freund Deutschlands. B., 1935.
[124] *Рубинштейн Е.И.* Указ. соч. С. 80.
[125] *Новичев А.Д.* Экономика Турции в период мировой войны. М.; Л., 1935. С. 19.
[126] История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 510.
[127] Обвинителен акт... С. 169, 229.
[128] *Мирный С.* К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции // Новый Восток, 1923. № 1. С. 472.
[129] *Великов С.* Кемалистката революция и българската общественност (1918–1922). София, 1966. С. 15.
[130] История Болгарии. Т. I. С. 511–512.
[131] История на България. София, 1999. Т. 8. С. 304–305.
[132] *Халачев Х.* Бунт в 28 пехотен полк. София, 1949. С. 72.
[133] *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. М., 1948. С. 153.
[134] *Шеремет В.И.* Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны по материалам русской военной разведки. М., 1995. С. 172.
[135] *Воздвиженская Т.А.* К вопросу о деятельности так называемого немецко-болгарского общества // "Дранг нах Остен" и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1967. С. 260–262.
[136] *Радант Х.* Два централни междудържавни икономически съюза за поощряване на икономическите отношения между Германия и България // Българо-германски отношения и връзки. София, 1979. Т. 2. С. 67–91.
[137] *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. М., 1923. С. 74–79.
[138] *Киракосян Дж.С.* Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989. С. 186.
[139] *Einstein L.* Inside Constantinople. Former minister Plenipotentiary of United States diplomatic service. N.Y., 1918. P. 219.
[140] Цит. по: *Киракосян Дж.С.* Указ. соч. С. 186.
[141] Цит. по: Притязания армян и исторические факты. Б.м., б.г. С. 21–22.
[142] *Uras E.* Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi. Istanbul, 1976. S. 604.
[143] Притязания армян и исторические факты. С. 22.
[144] Там же. С. 23; Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. События и факты. Б.м., б.г. С. 2, 8. См. подробнее: *Dasnabedian H.* Histoire de la Fédération Révolutionnaire Arménienne Dachnaktsoutioun 1890–1924. Milano, 1988. P. 110–116.

[145] *Talaat Pasa*. Talat pasanin hatiralari. Istanbul, 1946. S. 31–32.
[146] *Toynbee A*. Armenian Atrocities. The Murder of a Nation. L.; N.Y., 1915. P. 44.
[147] Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. С. 5.
[148] *Nansen F*. Armenia and Near East. L., 1928. P. 299.
[149] За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 207.
[150] Population Arménienne de la Turquie avant la guerre. Statistiques établies par le Patriarcat Arménien de Constantinople. P., 1920. P. 150–151.
[151] *Киракосян Дж.С.* Указ. соч. С. 190.
[152] Притязания армян и исторические факты. С. 39; Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. С. 5.
[153] *Миллер А.Ф.* Указ. соч. С. 155; *Киракосян Дж.С.* Указ. соч. С. 185.
[154] *Morgenthau H*. Ambassador Morgenthau's Story. N.Y., 1926. P. 342. Абдул-Хамид II – турецкий султан в 1876–1909 гг., жестоко подавлял национально-освободительную борьбу армянского и других подвластных народов, получил прозвище "кровавого султана".
[155] *Киракосян Дж.С.* Указ. соч. С. 188.
[156] Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. С. 5.
[157] Притязания армян и исторические факты. С. 24, 39.
[158] См.: *Lepsius J*. Deutschland und Armenien 1914–1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke. Potsdam, 1919.
[159] Притязания армян и исторические факты. С. 24, 30.
[160] *Вдовиченко Д.И.* Энвер-паша // Вопросы истории, 1997. № 8. С. 46.
[161] *Эрцбергер М.* Указ. соч. С. 74, 80–84.
[162] *Вдовиченко Д.И.* Указ. соч. С. 46.
[162] Работнически вестник. София, 1915. 15 авг.; Айастан. Пловдив, 1915. 15 юни; Българиия. София, 1915. 13 авг.
[164] За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 205.
[165] Там же.
[166] Краткий обзор современного состояния турецких вооруженных сил. Составлен в развед. отд. штаба Кавказской армии по данным к 24 июня 1916 г. Тифлис, 1916. С. 24.
[167] *Влахов Т.* Отношенията между България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. София, 1957. С. 251.
[168] За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 207, 271.
[169] *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 392. Новичев полагал, что число мобилизованных достигло 4 млн (см.: *Новичев А.Д.* Турция. Краткая история. М., 1965. С. 130).
[170] История Болгарии. Т. I. С. 509.
[171] Там же. С. 506–507; История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 674.
[172] *Писарев Ю.А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. С. 81.
[173] См. подробнее: *Минчев Д.* Участието на население от Македония в българската армия през Първата световна война 1914–1918 г. София, 1994.
[174] *Шкундин Г.Д.* Македонский вопрос во внешнеполитических концепциях болгарских партий периода первой мировой войны (к постановке проблемы) // Национальный вопрос в Восточной Европе: Прошлое и настоящее / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1995. С. 104–105.
[175] См. подробнее: *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 102–114.
[176] *Лиддел Гарт Б.* Полковник Лоуренс. М., 1939. С. 92.
[177] *Лудшувейт Е.Ф.* Указ. соч. С. 308–309. Подробнее о взглядах Гёкалпа см. в четырнадцатой главе кн.: The History of the Ottoman Empire: a New Perspective / Ed. R. Mantran. P., 1989.

[178] См. подробнее: *Петросян Ю.А.* Османская империя – могущество и гибель. М., 1990.

[179] *Данциг Б.М.* Турция. М., 1949. С. 58.

[180] *Liman von Sanders O.* Funf Jahre Turkei. B., 1920. S. 193, 340.

[181] *Шеремет В.И. Указ. соч. С. 176.*

[182] За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 274; *Великов С.* Указ. соч. С. 21–22.

[183] Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Политический архив. Оп. 482. Д. 4618. Л. 5.

[184] См. подробнее: *Илчев И.* Указ. соч. С. 242–245; *Шкундин Г.Д.* Антанта и проблема сепаратного мира с Болгарией летом и осенью 1917 г. // Болгарский ежегодник. Харьков; София, 1996. Т. II. С. 161–164.

[185] За балканскими фронтами первой мировой войны. С. 329.

[186] *Пипия Г.В.* Германский империализм в Закавказье. М., 1978. С. 107; *Алиев Г.З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918 гг.). М., 1972. С. 32.

[187] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. I. М., 1929. С. 362.

1. Между Сциллой и Харибдой

В годы войны внешнеполитическая линия целого ряда стран, не примкнувших к военно-политическим блокам, выразилась в объявленном нейтралитете. Международно-правовые нормы, касающиеся нейтралитета в военное время, содержались в 5-й и 13-й Гаагских конвенциях 1907 г. В соответствии с этими документами политика нейтралитета предусматривала неучастие в военных операциях, недопущение на свою территорию иностранных войск, сохранение дипломатических и торговых отношений с обеими воюющими сторонами. Причем международно-правовая практика не допускала какого-то промежуточного состояния между положением воюющей стороны и нейтральным статусом.

30 июля 1914 г. глава правительства Испании Э. Дато на вопрос министра иностранных дел маркиза де Лема, верит ли он, что война близка, ответил: “Неминуема”. И добавил: “Декларацию о нейтралитете мы обнародуем немедленно, после того как последует объявление войны странами, вовлеченными в конфликт”. На вопрос, будут ли в декларации о нейтралитете отражены особые отношения Испании со странами Запада, он ответил, что существуют только два положения: воюющая сторона или нейтральная[1].

Когда де Лема говорил об особых отношениях Испании со странами Запада, он имел в виду соглашение, подписанное в 1907 г. в Картахене и результаты переговоров в 1913 г. между Р. Пуанкаре и графом А. Романонесом, бывшим в то время министром иностранных дел Испании. В частности, предусматривалось, что в случае возникновения обстоятельств, которые могли вести к изменению территориального статус-кво в Средиземноморье и на Европейском побережье Атлантики, правительства Британии, Франции и Испании должны принять меры, которых требовала новая обстановка. Вступление в войну Франции и Великобритании следовало рассматривать как одно из обстоятельств, предусмотренных соглашениями[2]. Испанское правительство ожидало известия из Лондона и Парижа, дабы скорректировать свою позицию, но его не последовало. Тогда Дато подготовил, а король Альфонсо XIII подписал декрет, опубликованный 7 августа, который обязал всех испанских подданных сохранять строгий нейтралитет.

Король не испытывал больших сомнений, подписывая декрет. Он отдавал себе отчет в том, что война была бы непосильным бременем для Испании. 17 мая 1902 г., в день, когда король, вступая на трон, присягал конституции, он записал в своем дневнике: “Мне досталась страна, разрушенная прошедшими войнами, войско с отсталой организацией, флот без кораблей,

поруганные знамена, губернаторы и алькальды, которые не исполняют законы"[3]. За минувшие 12 лет кардинальных сдвигов не произошло. Оставаясь сторонником нейтралитета, Альфонсо XIII старался не давать повода для толкования его слов как проявления симпатий к той или иной стороне. К такой позиции его побуждали семейные связи: его мать Мария Кристина была австрийского происхождения, а его жена Виктория Евгения – англичанкой.

В отличие от Испании Швейцария еще со времен Венского конгресса 1814–1815 гг. имела официальный статус нейтрального государства, гарантированный всеми великими державами. Правда, чего стоили эти гарантии, которые в любой момент могли превратиться в "клочок бумаги", показал печальный опыт двух других нейтральных государств – Бельгии и Люксембурга. Поэтому, хотя декларацией от 3 августа 1914 г. швейцарское правительство заявило о своем намерении сохранять нейтралитет, одновременно в условиях вторжения германских войск в Бельгию швейцарцы провели всеобщую мобилизацию и начали строительство пограничных укреплений.

Нидерланды в августе 1914 г также едва не постигла участь соседней Бельгии: "план Шлиффена" в действительности предполагал, что германская армия пройдет по нидерландской провинции Лимбург. Таким образом, статья 2 декларации гаагского правительства о нейтралитете, запрещавшая провозить по территории страны войска и военные транспорты воюющих коалиций, была бы нарушена, что повлекло бы за собой фактическое втягивание Нидерландов в войну. Однако германский Генштаб изменил планы, и Гаага смогла сохранить свой нейтралитет, поддержанный всеми политическими партиями, хотя правительство и объявило мобилизацию, доведя численность армии до 450 тыс. человек.

Тем не менее в августе 1914 г. в ряде европейских стран, и главным образом во Франции, в средства массовой информации поступили сведения о том, что во время похода на Бельгию немецкие войска будто бы прошли по территории Нидерландов. Этот факт якобы имел место 4 августа на южной границе в местечке Валс. Сведения были получены из записной книжки германского офицера, взятого в плен во Франции. Рукой офицера было записано, что в указанный день (4 августа 1914 г.) он вместе с кавалерийской дивизией проследовал по маршруту Ахен (Германия)–Валс–Фарен (Нидерланды)–Герстратен (Бельгия)[4].

Правительства Франции, Великобритании и Бельгии заявили в этой связи Нидерландам протест. Они утверждали, что факт нарушения границы ставит под сомнение соблюдение государством статьи 3 декларации о нейтралитете. В ней же прямо указывалось, что войска или военнослужащие воюющих сторон, оказавшиеся на территории Нидерландов, должны быть "незамедлительно разоружены и интернированы до конца военных действий"[5]. В ответ нидерландский МИД сообщил, что по инкриминируемому факту командующий сухопутными и морскими силами страны провел подробное расследование. Копии рапортов и записи свидетельских показаний жителей указанных районов, снабженные переводами, были переданы представителям Британии, Франции и Бельгии. В заключительном протоколе этого расследования, датированном январем 1915 г., было записано следующее: "Шум по поводу того, что 4–5 августа 1914 г. немецкий кавалерийский

полк якобы проследовал по территории ... лишен всякого основания и в интересах правды должен быть категорически опровергнут"[6].

Первая мировая война подвергла серьезному испытанию и нейтралитет скандинавских стран. Их внешнеполитическая линия отразилась еще в совместной декларации Дании, Норвегии, Швеции от 3 декабря 1912 г. относительно прав и обязанностей нейтральных стран во время морской войны. Там, в частности, говорилось о единстве взглядов трех государств на нейтралитет и о том, что они не изменят правил нейтралитета без предварительного согласования друг с другом. Скандинавские страны стремились к тому, чтобы их нейтралитет, во-первых, был гарантирован великими державами, а во-вторых, стал частью их вполне самостоятельной политики. С началом европейской войны эти государства подтвердили свой нейтральный статус.

Особым полем противостояния между Германией, Великобританией и США стал латиноамериканский континент. До войны он был одним из основных центров притяжения для немецких иммигрантов: с 1846 по 1932 г. из Германии выехало 4 млн 900 тыс. человек[7]. Из них около 1,5 млн обосновались в латиноамериканских странах, прежде всего в Бразилии, Аргентине и Чили. На конец XIX–начало XX в. приходился пик германских притязаний на различные территории, принадлежавшие ранее Испании, а также серия весьма серьезных попыток укрепить свое влияние в отдельных латиноамериканских странах. Участие в военно-морской блокаде Венесуэлы в 1903–1904 гг., поставки оружия для войск президента Мексики В. Уэрты, а затем и бегство последнего на германском крейсере "Дрезден", высадка немецкого десанта на Гаити якобы для защиты своих граждан в январе 1914 г. – все это обострило американо-германские отношения накануне первой мировой войны. Если внешнеполитические амбиции Берлина в Латинской Америке до войны оказались большей частью неудовлетворенными, то в экономической сфере Германия добилась существенных результатов. С началом вооруженного конфликта в Европе все латиноамериканские страны заявили о своем нейтралитете.

Фактически нейтральные страны Европы и Америки испытывали давление противоположных интересов воевавших держав. Отношение обеих коалиций к нейтралам было неоднозначным. С одной стороны, ни Антанта, ни Центральные державы не были заинтересованы в открытии новых фронтов и, более того, стремились как можно лучше приспособиться к сложившейся ситуации и извлечь наибольшую экономическую выгоду. Именно это стремление и заставляло обе коалиции подвергать постоянному сомнению соблюдение этими странами нейтралитета, в чем отчасти они были правы.

Так, например, шведский нейтралитет носил в течение всей войны прогерманский характер, датчане под давлением немцев вынуждены были минировать свои проливы, а норвежская политика была традиционно ориентирована на Великобританию[8]. Часто внешнеполитические симпатии нейтралов отражали изменения в ходе военных действий на фронтах. Так, в конце 1915 г. даже спокойные и сдержанные швейцарцы предрекали победу Четверному союзу. Авторитетная "Нойе Цюрихер цайтунг" писала тогда: "...великое дело свершилось – от Остенде до Багдада широкой полосой пролегает огромная империя, которая в будущем, может быть весьма недалеком, еще прочнее сплотится в единую Четверную империю: Германию, Австро-Венгрию, Великую Болгарию и Оттоманскую Порту. В экономическом

смысле этот новый союз государств захватит в свои руки гегемонию над Старым Светом"[9]. А уже в мае 1916 г., в самый разгар "верденской мясорубки", президент Швейцарской конфедерации, опасаясь нарушения Германией границ своей страны, официально запросил Париж о возможности заключения двусторонней военной конвенции. В связи с этим Пуанкаре записал в дневнике о "прекрасном" отношении к французам в Швейцарии, даже немецкой[10]. Среди испанских политиков тоже были такие, кто не исключал активного участия Испании в войне. К ним относился лидер либеральной партии граф Романонес, который неоднократно возглавлял правительство в течение войны. Он полагал, что Испания, омываемая Средиземным морем и Атлантическим океаном, ставшими ареной ожесточенных морских сражений, граничащая с тремя странами, вовлеченными в военный конфликт, не может оставаться нейтральной[11].

В конечном счете сохранение нейтрального статуса этих стран зависело, прежде всего, от благосклонности к нему воюющих коалиций. Так, дважды – в 1915 г., когда воюющей стороной объявила себя Италия, и в 1917 г., когда в войну вступили США, – испанское правительство предприняло робкие попытки выйти из состояния нейтралитета, но они встретили решительный отпор Антанты. В Париже и Лондоне отдавали себе отчет в том, что Испанию не удастся "запрячь" в колесницу войны без того, чтобы проблемы Гибралтара и Марокко не были бы поставлены на повестку дня в мирном договоре. К тому же руководители Антанты были заинтересованы в том, чтобы превратить нейтральную Испанию в центр производства вооружений, полагая, что для этого есть все необходимые компоненты: на Пиренейском полуострове добывалось почти все необходимое для ведения войны минеральное сырье, за исключением нефти, имелась достаточная техническая база и квалифицированная и в то же время дешевая рабочая сила[11].

Нейтралы в действительности "платили" за сохранение своего нейтрального статуса и одним, и другим. Торжественно признанные великими державами права нейтралов нарушались, особенно на море из-за проводимой союзниками блокады Германии и подводной войны со стороны немцев. Согласно международному праву, действовали три основных правила ведения войны на море: 1) право остановки и осмотра нейтральных судов; 2) право блокады вражеского государства; 3) право конфискации перевозимых морем грузов противника[12]. Британия же присвоила себе право на контроль и захват на море судов и грузов, принадлежащих нейтралам, хотя Лондонская декларация 1909 г. позволяла им вести торговлю и судоходство лишь с незначительными ограничениями. Так, с начала войны англичане удерживали в своих портах нидерландские суда, заявляя, будто есть предположение, что часть имевшихся на них грузов может быть переправлена в Германию. По мнению Лондона, германское правительство, заинтересованное в снабжении страны продовольствием, якобы пользовалось услугами голландцев, так как в отношении морской торговли международные правила нейтралитета признавали неприкосновенность неприятельского груза под нейтральным флагом. Без промедления британское правительство дало понять, что любые поставки продовольствия противнику будут считаться товаром, предназначенным для ведения военных действий, т.е. контрабандой. В принятом уже 20 августа 1914 г. британским кабинетом законе, прошедшем через парламент без обсуждения, разница между понятиями абсолютной и

возможной контрабанды отсутствовала, а, следовательно, это давало право задержки судна нейтральной страны, полного досмотра или конфискации груза до выяснения, кому и куда он отправлен, маршрута его следования. В том случае, если английские власти находили документы, груз или адрес получателя подозрительными, товар конфисковывался до полного выяснения[13].

Торговля нейтральных стран несла огромные убытки. Их правительства настаивали на том, что строгое соблюдение нейтралитета одновременно предполагает, что воюющие стороны своими действиями не будут затрагивать и ущемлять интересы нейтралов. В данном конкретном случае речь шла о том, что Британия не должна препятствовать Нидерландам в проведении торговых транзитов через Германию на Рейн, так как голландцы гарантируют соблюдение всех правил нейтральной торговли.

Поскольку подобные заявления и обязательства частично сняли напряженность в англо-нидерландских отношениях, обе стороны пошли на взаимные уступки. В ноябре 1914 г. в Нидерландах была создана специальная структура – Нидерландская заморская трастовая компания (Nederlandse Overzeese Trustmaatschappij – NOT) – анонимное акционерное общество под руководством видных банкиров и судовладельцев, оно занимающееся вывозом и ввозом товаров из колоний в метрополию и обратно. При посредничестве правительства NOT заключила договор с Парижем и Лондоном, согласно которому компания могла заниматься и транспортировкой импорта при условии, что он затем не будет перепродан немцам. В качестве компенсации Нидерландам было разрешено пропускать через свою территорию немецкие материалы (в основном, некоторые виды оборудования) в Бельгию.

Политика вооруженного нейтралитета приносила нейтральным странам свои плоды. Их деловые круги использовали военную конъюнктуру в Европе, завоевывая международные рынки и получая огромные прибыли от военных поставок обеим воевавшим сторонам. Например, Испания в годы войны неизменно имела позитивный внешнеторговый баланс. Ее золотой запас возрос за годы войны почти в 4 раза. Еще больше преуспели голландцы. Их золотовалютные резервы выросли в 4,5 раза. Можно сказать, что никогда ранее моральное оправдание внешнеполитического курса Нидерландов не соответствовало столь адекватно их экономическим интересам.

Особенно нуждались в товарах нейтралов Центральные державы. Германия пыталась использовать торговлю с ними и тем самым разорвать кольцо блокады. Так, за 1914–1916 гг. товарооборот скандинавских стран вырос как с Германией, так и с Великобританией. Но преобладающим был импорт из Британии и других европейских стран и экспорт (реэкспорт) в Германию. Швеция поставляла немцам, главным образом промышленное сырье, Дания – мясопродукты, а Норвегия – руду и рыбу. Схожим был и баланс нидерландской внешней торговли. В то время как экспорт сельскохозяйственных продуктов в Англию сокращался в среднем на 5–8% (первая половина 1916 г. по сравнению с первой половиной 1914 г.), за тот же период в Германию он увеличился на некоторые виды продуктов на 250% (картофельная мука), 400% (мясо) и даже 500% (сыр). Гаагское правительство объясняло такую динамику британской блокадой и увеличением риска для нидерландских судов быть торпедированными германскими подводными лодками[14]. Лондон запретил нидерландским судам лов рыбы в английских прибрежных водах,

мотивируя это тем, что таким образом предупреждает столкновение нейтральных судов с минами. На практике данное решение британской стороны скорее диктовалось стремлением заставить голландцев прекратить продажу продуктов рыболовства Германии.

Постепенно давление англичан с целью заставить нейтралов уменьшить поставки товаров Германии, все возрастало. Для этого у Лондона имелись серьезные основания. В частности, в тех же Нидерландах действовали немецкие агенты, которые под различным прикрытием отправляли часть товаров, ввезенных в страну через NOT, в Германию. Как правило, это была контрабанда через оккупированную немцами Бельгию. Через Берген-оп-Зом и другие населенные пункты регулярно на юг вывозили рис, муку, сало, нефтепродукты. А обратно из местечка Хёсден (Бельгия) вывозили купленных немецких лошадей. Нидерландское правительство старалось не обострять из-за этого отношения с германской стороной и по возможности решать все вопросы спокойно, особенно учитывая заинтересованность в бесперебойном получении из Германии химических веществ, мыла, красителей и, конечно же, угля. Но большой экспорт в Германию продуктов нидерландского сельского хозяйства и овощеводства, так же как и утечка так называемых NOT-товаров приводили к постоянному осложнению англо-нидерландских отношений. Что же касается Германии, то в начале войны она старалась придерживаться всех правил по отношению к судам и сухопутному транспорту нейтральных стран. Однако уже к концу 1914 г. и немцы значительно расширили список товаров, попадающих под статью "контрабанда"[15].

В ноябре 1915 г. в связи с осложнением положения на фронтах союзники потребовали от нейтралов резкого сокращения объема ввозимых товаров, ограничения их так называемыми "нормальными потребностями". Эти нормы должны были определяться средним уровнем импорта каждой страны в предвоенное время[16]. Сначала Нидерланды, а затем и другие нейтральные страны Европы под сильным давлением Великобритании заключили с ней соглашения о сокращении своих внешнеторговых операций до объема внутренних потребностей.

В марте 1916 г. англичане ввели "систему сертификатов" т.е. выдачу специальных удостоверений на право беспрепятственной перевозки товаров. Был составлен список 35 государств, которым следовало иметь обязательные разрешения-санкции британских консулов на экспорт. В начале 1916 г. в соответствии со специальным законом о запрещении торговли с неприятелем в Великобритании была введена система так называемых черных списков. С фирмами, которые попадали в эти списки, запрещалось вступать в торговлю или иные деловые отношения, что на практике означало бойкот.

Скандинавские страны и Нидерланды выступали с протестами перед Великобританией в связи с использованием "нейтрального флага" как меры, недопустимой с точки зрения международного права. Дело в том, что англичане стали иногда поднимать флаг нейтральных стран на своих торговых судах, пытаясь обмануть немцев. Но в то же самое время они бросали тень на торговый флот нейтралов и подвергали их суда постоянной опасности. В письме министра иностранных дел Нидерландов Д. Лаудона в МИД Великобритании было сказано, что подобные действия британской стороны "компрометируют нейтральный флаг, бросают тень на нейтральные суда,

которые идут под своим флагом, подвергают их риску быть уничтоженными вражескими кораблями..."[17].

Действительно, в прибрежных водах и Англии, и Германии нейтральные суда подвергались большой опасности. Северное море еще в ноябре 1914 г. было объявлено зоной военных действий. Эта зона была расширена в 1915 г. на Ла-Манш и прибрежные воды Шотландии и Ирландии. Установление немецких мин непосредственно в районах традиционного нидерландского рыболовства вызывало многочисленные протесты МИД Нидерландов[18].

Нередки были случаи уничтожения судов нейтральных стран немецкими подводными лодками. Так, Германия вела беспощадную подводную войну против испанского торгового флота. Причем она активизировалась всякий раз, когда немцы подозревали Мадрид в желании вступить в войну на стороне союзников, ибо Берлин был заинтересован в сохранении испанского нейтралитета. Всего Испания потеряла 65 судов общим водоизмещением в 140 тыс. т[19].

В 1915–1916 гг. такая же участь постигла шесть нидерландских торговых пароходов. Вот как сообщалось об одном из этих случаев в ноте нидерландского правительства: «Пароход "Медея" Нидерландской королевской пароходной компании, следуя из Валенсии (Испания) в Лондон с грузом апельсинов, был остановлен в Ла-Манше немецкой подводной лодкой. Капитан "Медеи" незамедлительно подчинился командам с подводной лодки и отправил туда своего помощника с корабельными документами. После просмотра бумаг командир подводной лодки отдал приказ о том, чтобы экипаж "Медеи" покинул судно в течение 20 минут. Затем выстрелом из орудия "Медея" была затоплена. Этот инцидент произошел в 15 морских милях от

Пиратские действия немецких подводных лодок против торговых судов нейтральных стран

британского берега. Груз был адресован испанскому экспедитору и некоторым частным фирмам в Лондоне. Шлюпки, в которых находился экипаж "Медеи", подводная лодка вела на буксире 15 минут, а затем они были оставлены на произвол судьбы. Капитану "Медеи" была предварительно за подписью командира подводной лодки оставлена декларация следующего содержания: "Пароход из Амстердама был уничтожен, так как он перевозил продукты в Лондон (вражеский порт), и этому пароходу невозможно было предоставить надлежащий призовой экипаж»[20]. Всего подводная война отправила на дно 88 нидерландских судов.

Скандинавские страны в марте–сентябре 1915 г., весной и осенью 1916 г. также выступали с протестами перед Германией в связи с применением мер, нарушающих правила ведения морской войны. Но нейтральные суда и моряки гибли не только от немецких подводных лодок, но и на антантовских минных полях. Так, за годы войны было потоплено 889 норвежских судов – половина довоенного торгового тоннажа, и 2 тыс. моряков погибли. В октябре 1916 г. норвежское правительство приняло постановление, которое запрещало подводным лодкам обеих воюющих сторон находиться в территориальных водах Норвегии (исключения делались лишь из-за плохих метеоусловий).

Много раз суда нейтралов становились объектом воздушного нападения немецкой авиации, хотя и имели на борту все необходимые знаки нейтрального судна и заранее передавали соответствующие сигналы. Большие сложности во время войны испытывала и пользовавшаяся морским транспортом почтовая служба Нидерландов. Лишь на том основании, что почтовые голландские суда проходили через английские территориальные воды, они незаконно контролировались, а иногда и конфисковывался груз.

Поскольку война потребовала огромного напряжения промышленности и всех ресурсов не только воевавших, но и нейтральных стран, соответственно с этим возросла в финансировании войны роль международного кредита. Хотя Швейцария относилась к странам-рантье второй величины, швейцарские "гномы" продолжали на всем протяжении войны кредитовать обе стороны – и Антанту, и Германию, причем большая часть кредитных обязательств Германии выписывалась в марках.

Одним из рычагов, который беззастенчиво применялся Германией для получения швейцарских кредитов, было непосредственное давление путем угроз военного и экономического характера. Много ярких примеров такого метода получения кредитов можно найти в книге швейцарского экономиста Бланкара[21]. Так, Германия заключила со Швейцарией компенсационный договор и при этом обязалась оплатить часть своего импорта экспортом определенных товаров. Однако осуществление обещанных поставок германское правительство ставило в зависимость от предоставления ему широких кредитов. Более того, там, где немцы не имели конкурентов, они назначали на экспортируемые ими товары рваческие цены. Например, в октябре 1918 г. внутри Германии цена на сортовое железо составляла 200 марок за тонну. Швейцария же платила за импортируемое немецкое сортовое железо по 750 франков за тонну, т.е. втридорога[22]. 8 февраля 1917 г. в Германии был принят закон, ограничивавший право распоряжения заграничными авуарами, причем под эту категорию подводились не только краткосрочные активы, но и всякие иностранные ценные бумаги. Фирма, получившая из-за границы

товары, не имела права употребить для их оплаты свои депозиты в заграничных банках без разрешения Рейхсбанка. На основании этого закона 22 мая 1917 г. последовало распоряжение Бетман-Гольвега о передаче государству целого ряда швейцарских ценных бумаг, которые были использованы затем для получения займа[23].

Германия учредила в Швейцарии специальную валютную биржу (Devisenstellen), которая должна была путем любых махинаций поддерживать курс рейхсмарки[24]. Марка стала предметом интенсивной спекуляции на швейцарских биржах, причем каждая одержанная Германией частная победа и каждый слух о близости мира вызывали повышение курса марки. В течение войны курс марки понижался достаточно плавно, сохранив еще в октябре 1918 г. свыше 60% паритета на цюрихской бирже. Большие запасы золота давали Германии возможность в необходимый момент поддержать курс валюты при помощи желтого металла. Германия прибегала к валютной интервенции для поддержания курса марки не только тогда, когда обстоятельства складывались для него неблагоприятно, но и в тех случаях, когда надо было усилить влияние благоприятных факторов. Так, в конце 1917 и в начале 1918 г., когда курс марки поднимался благодаря поражению итальянцев при Капоретто и выходу России из войны, Германия не ослабила, а усилила интервенцию на швейцарских биржах, вследствие чего курс марки тогда достиг без малого 80% паритета.

По мере развития военных действий нейтралам все сложнее становится отстаивать свой статус и вести торговлю с обеими воюющими группировками. В декабре 1916 г. ввиду того, что поставки норвежского сырья в Германию продолжались, Великобритания пыталась приостановить экспорт британского угля в Норвегию. В августе 1916 г. англичане добились права преимущественной покупки ряда норвежских товаров – прежде всего рыбы, которая раньше шла в Германию, и запрета продажи немцам медной руды[25]. Начиная с 1916 г. для Дании все более острой становилась проблема импорта сырья и топлива.

Обострились отношения Швеции и Великобритании. В результате союзнической блокады Швеция лишилась подвоза через Гётеборг угля, нефти, кормов. В конце 1916 г. дело чуть не дошло до разрыва шведско-британских отношений. Швеция пыталась воспрепятствовать давлению Антанты и в 1915 г. запретила транзит британских военных материалов в Россию по своим железным дорогам. Россия же была заинтересована в сохранении добрых отношений с нейтральными странами, особенно скандинавскими. С самого начала войны эти страны приобрели для России существенное значение и с точки зрения торговли с ними, и как перевалочный пункт. Через Швецию осуществлялся транзит важнейших грузов в Россию и обратно. Через Норвегию в Россию, в частности из Дании, шли гидравлические прессы, станки и машины для заводов. Российский МИД отрицательно относился к плану союзников блокировать германское побережье, и в блокадных мероприятиях союзников Россия играла второстепенную роль. В 1915 г. Германия несколько раз неофициально предлагала Швеции союз против России. Она обещала передать шведам Аландские острова и образовать буферное государство в Финляндии.

Тем временем, используя занятость европейских держав войной и эксплуатируя собственный нейтральный статус, США усилили экспансию в за-

падном полушарии. Вашингтон нередко использовал силовые методы: в Мексике (оккупация Веракруса в апреле 1914 г. и экспедиция Першинга в марте 1916 г.; в Гаити (1914–1915 гг.), Доминиканской Республике (1916 г.), на Кубе (1914 г.). Когда США сталкивались со стойким сопротивлением, или их интересы надежнее обеспечивались более гибкими, привлекательными для "соседей" методами решения проблем, президент Вильсон использовал американскую политику как полигон для проверки принципов "новой дипломатии". Из Мексики Вильсон дважды – в ноябре 1914 и феврале 1917 гг. – выводил войска. США вступали на путь "партнерских" отношений с приемлемыми для них правительствами; добивались их большей устойчивости путем либерализации (договор Брайана–Чаморро 1914 г. с Никарагуа, обязательство уплатить Колумбии компенсацию в 25 тыс. долл. за отторжение в 1903 г. территории Панамского канала). Стремление завоевать доверие американских государств проявилось во время панамериканских экономических конференций (май 1915 г., г. Вашингтон; апрель 1916 г., г. Буэнос-Айрес), в приглашении Аргентины, Бразилии и Чили к посредничеству в конфликте между США и Мексикой (май-июнь 1914 г.)[26].

Помимо силовых, Вашингтон использовал и экономические методы проникновения в Латинскую Америку. В 1913 г. на долю латиноамериканских стран приходилось: 17,9% общемирового экспорта зерновых, 11,5 – продуктов животноводства, 62,1 – кофе, какао и чая (средний показатель для всех трех статей экспорта вместе взятых), 37,6 – сахара, 14,2 – овощей и фруктов, 25,1% – каучука и кожи[27]. Три первых места в торговле с Латинской Америкой занимали соответственно США, Великобритания и Германия.

Статистика экспортно-импортных операций убедительно показывает, сколь существенны были коррективы, внесенные первой мировой войной в эти показатели (см. таблицу)[28].

Данные таблицы свидетельствуют, что война способствовала монополизации Соединенными Штатами Америки внешней торговли Латинской Америки прежде всего за счет потери Германией латиноамериканского рынка. Характерно, что в дальнейшем Германия вплоть до начала второй мировой войны так и не достигнет своего максимума в экспорте (1911 г.), а максимальный объем импорта (1912 г.) превзойдет только в 1938 г. (17,3 %)[29].

Таблица

Годы	Экспорт в % от объема импорта стран Латинской Америки			Импорт в % от объема экспорта стран Латинской Америки		
	США	Британия	Германия	США	Британия	Германия
1910	33,8	20,5	10,9	22,6	25,0	14,9
1911	34,29	20,92	12,85	23,79	25,73	16,72
1912	33,52	19,74	11,90	24,49	24,93	16,73
1913	30,78	21,24	12,38	25,03	24,42	16,55
1914	38,20	22,32	8,75	27,94	23,92	14,62
1915	38,65	22,46	0,03	41,82	21,03	1,84
1916	46,41	20,57	–	51,77	14,89	–
1917	51,72	21,00	–	54,79	16,86	–
1918	46,83	24,43	–	49,48	15,30	–

Утрата латиноамериканского рынка нанесла серьезный удар по экономике Германии, ибо в 1913 г. ее экспорт в Латинскую Америку превышал суммарный объем экспорта в страны Азии и Африки – соответственно 7,6%, 5,4 и 2,1% от общего объема[30]. В торговых операциях с латиноамериканскими странами участвовали 397 германских фирм, из которых 53 имели в Южной и Северной Америке постоянные офисы. Структура товаров была чрезвычайно широкой: 74 фирмы поставляли инструменты, 73 – текстильные товары, 63 – продукцию пищевой промышленности, 62 – бумагу, 55 – дерево, кожу, каучук, 53 – станки, 46 – различные приспособления, изготовленные из железа и стали, 43 – сельскохозяйственную технику, 42 – химикаты[31]. Начала осваивать латиноамериканский рынок и "империя" Круппа. С помощью различного рода интриг, подкупов и махинаций ей удалось в острейшем соперничестве с французами продать Бразилии в канун войны партию своих орудий, по всем параметрам уступавших 75 мм пушке конкурентов[32]. Среди латиноамериканских товаров большое значение для Германии имела чилийская селитра, закупки которой постоянно возрастали: 1880–1884 гг. – 191 400 т, 1900 г. – 727 000 т, 1912 г. – 1 699 600 т[33].

Важную роль в германской экспансии в Латинской Америке играл и финансовый капитал. Пальма первенства принадлежала крупнейшим банкам страны "Немецкий банк" и "Дрезднер банк", филиалы которых имелись в Бразилии, Венесуэле и Чили. В свою очередь "Бразильский банк для Германии" действовал в Гамбурге. Наибольшие германские инвестиции приходились на долю Аргентины (60 млн долл.) и Чили (40 млн долл.)[34]. Первая мировая война, так же как и во внешней торговле, на длительный период вывела Германию из числа главных действующих лиц в сфере капиталовложений и кредитования латиноамериканской экономики. Сократились также инвестиции Великобритании. И вновь США максимально использовали сложившуюся ситуацию. В 1914 г. их инвестиции в страны Латинской Америки составляли 1 млрд 641 млн долл., а в 1919 г. – уже 2 млрд 395 млн долл.[35] Так, "Нэшнл сити бэнк" открыл свои отделения в Аргентине (ноябрь 1914 г.) и в ряде других латиноамериканских стран. Его примеру последовали другие финансовые учреждения, создавшие в 1917 г. Американскую корпорацию внешних банковских операций. Деловые круги США стремились прибрать к рукам собственность германских владельцев – это произошло в Перу и Гватемале. Американцы теснили англичан, проявляли большой интерес к железнодорожной, мясоперерабатывающей и ряду других отраслей промышленности[36]. Таким образом, имевшее место в годы войны перемещение капиталов из Европы в США способствовало упрочению позиций последних в их борьбе с Великобританией, Германией и Францией за сферы влияния и приложения капитала в Латинской Америке.

6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, и теперь лишь оставалось ждать, как скоро даст о себе знать фактор "континентальной солидарности", и за ними последуют государства Латинской Америки. В течение 1917 г. войну Германии объявили Бразилия, Куба, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Панама и Коста-Рика. Группа стран (Боливия, Эквадор, Перу и Уругвай) лишь прервали дипломатические отношения, а Мексика, Аргентина, Чили, Венесуэла, Колумбия, Парагвай и Сальвадор заявили о своем нейтралитете. В последнем списке наиболее строптивыми оказались Чили и Аргентина. Несмотря на беспрецедентное дипломатическое и военное давление со стороны США

(в аргентинские порты были направлены даже американские военные суда), они не объявили войну Германии. Впрочем объявление войны другими латиноамериканскими странами носило чисто формальный характер и было продиктовано скорее желанием доказать свою верность принципам панамериканизма. В конечном итоге ни одна из армий латиноамериканских стран не участвовала в боевых операциях на Европейском континенте.

Объявление Германией неограниченной подводной войны и вступление США в мировой конфликт на стороне Антанты болезненно отразились на торговле и экономике нейтралов. Осенью 1917 г. США ввели эмбарго на ввоз всех товаров в эти страны до заключения с каждой из них "особых соглашений". Так, например, в Нидерланды американцы прекратили экспорт мазута, каменного угля, зерновых, фуража, химических удобрений, жиров, железа и стали. Для голландцев это был настоящий удар. К концу года из-за недостатка фуража голландские крестьяне были вынуждены забивать скот, в результате чего стал ощущаться дефицит молочных продуктов. В октябре американское правительство закрыло для нидерландских судов свои склады каменного угля и таким образом задержало в портах США все находившиеся там суда королевства (в общей сложности 90, наряду с 45 в портах Великобритании)[37]. В марте 1918 г. американское правительство решило "позаимствовать" торговый флот Нидерландов. Противодействовать этому шагу Гаага оказалась не в состоянии[38]. К концу войны блокада и подводная война почти парализовали судоходство и внешнюю торговлю страны. В 1917 г. грузооборот нидерландских портов по сравнению с 1913 г. упал в 10 раз, импорт зерна и стали сократился до ничтожных объемов.

Наступление германской армии на Западном фронте весной 1918 г. явилось одним из наиболее щекотливых для Нидерландов моментов войны. Угроза вторжения казалась неминуемой. Только благодаря настойчивому вмешательству лиц, приближенных к германскому императорскому дому, Нидерландам удалось избежать оккупации. В этой ситуации германский посланник в Гааге Ф. Розен проявил себя исключительно способным дипломатом. Он успешно предотвратил германо-нидерландский конфликт, "подогревая" уже существовавшие среди видных политиков антиантантовские настроения. Розен поддерживал прекрасные отношения с главой правительства П. Корт ван дер Линденом и с известными политиками – лидером партии Христианско-исторический союз А.Ф. де Саворнин Ломаном и главой Антиреволюционной партии А. Койпером, выражавшими явные симпатии Германии. Даже вождь нидерландских социал-демократов П. Трульстра был настроен прогермански. Бывший министр иностранных дел Д. Лаудон, министр обороны Н. Босбоом, министр сельского хозяйства, промышленности и рыболовства М. Трёб, напротив, были известны своей откровенной антигерманской позицией. В целом же нидерландское общество, многочисленные политические партии представляли достаточно пеструю картину мнений в отношении воюющих сторон и перспектив мира.

Сходной была в этом отношении и испанская политическая палитра. Не только королевский двор разделился на сторонников Антанты и Четверного союза глубокое разделение коснулось всей нации, за исключением крестьянства, проявлявшего традиционную индифферентность. Аристократия, церковный мир, большая часть армии и многие лидеры консервативной партии не скрывали своих симпатий к Германии. Промышленники и ком-

мерсанты, интеллектуалы и деятели национальных движений Каталонии и Страны басков, все те, для кого Британия и Франция являлись оплотом либерализма, были весьма активны в выражении солидарности с ними.

Манифест от 3 июля 1915 г., в котором выражалась солидарность союзникам, подписали такие видные деятели испанской культуры, как А. Кастро, Р. Менендес Пидаль, Х. Ортега-и-Гасет, Л. Аракистайн, М. Асанья, Х. Асорин, А. Мачадо, Б. Перес Гальдос, В. Инклан. Лидер Испанской социалистической рабочей партии П. Иглесиас, выступая в кортесах (парламенте) 25 июня 1915 г., заявил, что, хотя специфические условия препятствуют Испании объявить себя воюющей стороной, она заинтересована в скорой и окончательной победе тех, кто выступил в защиту Сербии и Бельгии. Обретение победы союзниками, по его словам, будет означать в перспективе великий прогресс в утверждении идеалов социализма и демократии для всех, включая Германию и Австро-Венгрию[39].

В Швейцарии по мере затягивания войны также все более усиливались антинемецкие настроения. Французский писатель пацифист Р. Роллан, проведший там военные годы, к своему ужасу обнаружил, что мирные франкошвейцарцы оказались еще большими французскими националистами, чем сами французы[40]. Что же касается скандинавских стран, то на заключительном этапе войны они уже почти открыто приспосабливали свой нейтралитет к интересам союзников, ориентируясь, в первую очередь на американцев. Так, летом 1916 г. госсекретарь США Лансинг уведомил Данию, что американцы высадятся на принадлежавшие ей Виргинские острова в Карибском море, если захват их немцами станет очевидным. По договору от 4 августа 1916 г. датчане согласились уступить США свое владение за 25 млн долл. Взамен американцы признали суверенитет Дании над Гренландией[41]. Лондон, поддерживаемый Вашингтоном, в свою очередь требовал от скандинавских стран проантантовских выступлений. В апреле 1917 г. норвежское правительство согласилось тайно передать свой торговый флот для обслуживания сравнительно безопасных линий Британии и Франции на условиях фрахта и реквизиции. Норвегия пошла на новые ограничения в торговле с Германией и в октябре 1918 г. приняла требования минирования норвежских вод в Северном море в местах, расположенных вблизи минных заграждений стран Антанты. Ответной мерой англичан было увеличение поставок угля в Норвегию. Дания, вступив в соглашение с союзниками, компенсировала немцев кредитами. Стремление скандинавских стран к содружеству и к координации внешнеполитической деятельности было продемонстрировано на свидании трех королей в Христиании в 1917 г.[42]

Нейтральные государства стали полем для мирных зондажей обеих воевавших коалиций и уникальным местом сбора разведывательной информации о противнике. Исключительное значение в этом отношении имела Швейцария – страна "классического" нейтралитета. Немецкий писатель Г. Гессе, который провел военные годы в Швейцарии, колоритно описал царившую там атмосферу. По его словам, люди жили "в мерзком переплетении политики, шпионажа, игр, подкупа и ухищрений спекуляции, замешанном так густо, что подобную концентрацию нелегко было отыскать на земле даже в те годы, в средоточии немецкой, нейтральной и неприятельской дипломатии". Гессе вспоминал, что этот альпийский оазис мира "в мгновение ока оказался перенаселен, и притом сплошь дипломатами, тайными агентами, шпионами,

журналистами, скупщиками краденого и жуликами. Я жил среди послов и военщины, общался с людьми разных национальностей, в том числе и неприятельских, воздух вокруг меня являл собой одну огромную сеть шпионажа и антишпионажа, слежки, интриг, политического и приватного делячества..."[43].

Интересен вопрос о характере нейтралитета европейских стран. Для большинства из них он не был пассивным. Возьмем, например, Испанию. Правительство, король и широкие слои испанского общества были весьма активны в гуманитарной деятельности. Испания официально взяла на себя миссию защиты интересов воюющих государств, в том числе России. Министерство иностранных дел прилагало большие усилия для облегчения участи российских военнопленных. 20 августа 1914 г. испанский посланник в Петрограде граф Картахена в послании члену Государственного совета Н.С. Авдакову писал: "Вчера мы получили из Мадрида телеграмму, в которой сообщается, что испанское правительство послало в Берлин 500 тыс. марок, а в Вену – 200 тыс. марок, дабы испанские посольства употребили их для защиты российских подданных"[44].

6 февраля 1917 г. вице-секретарь министерства иностранных дел Испании А. Химено направил донесение военному министру, в котором сообщал: «Г-н посланник России на последнем дипломатическом приеме вручил мне копию телеграммы от своего правительства: "Извольте привлечь внимание испанского правительства на тот факт, что посланник Испании в Берлине нам регулярно посылает детальные сообщения относительно лагерей русских пленных в Германии, за что мы ему очень благодарны, но мы не получаем ничего подобного от посланника Испании в Вене, несмотря на неоднократные требования. Будьте любезны настоять на необходимости срочно навестить русских пленных и передать мне соответствующую информацию»[45]. Министр немедленно отдал надлежащие распоряжения.

Видные деятели испанской культуры неоднократно выступали в защиту невинно осужденных гражданских лиц, оказавшихся на территории враждебных России государств. 5 сентября 1915 г. российские корреспонденты в Софии отправили телеграмму испанскому писателю Б. Пересу Гальдосу. Они умоляли его обратиться к королю и общественному мнению Испании в защиту их коллеги – венского корреспондента "Нового времени" Д.Г. Янчевецкого, приговоренного к смертной казни[46]. По распоряжению короля МИД Испании предпринял необходимые шаги. Но только в феврале 1917 г. эти усилия увенчались успехом, о чем А. Химено сообщил испанскому посланнику в Петрограде[47].

Скандинавские и нидерландские социал-демократы в годы войны также вели активную миротворческую деятельность. Уже в сентябре 1914 г. голландские социал-демократы П. Трульстра и Г. ван Кол посетили воюющие и нейтральные страны Европы, где вели переговоры по поводу немедленного созыва антивоенной конференции. 17–18 октября 1915 г. в Копенгагене состоялась конференция социалистов скандинавских стран и Нидерландов. Она приняла пацифистские резолюции, предлагавшие, в частности, социалистам нейтральных государств обратиться к своим правительствам с петицией о "предложении правительствам воюющих стран посредничества для достижения скорого и постоянного мира"[48].

В начале 1917 г. в Стокгольме был создан Голландско-скандинавский комитет под председательством лидера шведских социал-демократов Я. Брантинга. Он выступил с инициативой созыва в 1917 г. в Стокгольме обще-

социалистической антивоенной конференции. Члены комитета намеревались добиться от правительств европейских стран скорейшего окончания войны на демократических условиях, а "кроме того, готовы были предложить конкретную программу переустройства будущего мира". В пользу созыва конференции активно действовал Трульстра. Для того чтобы легче и быстрее достигнуть на ней консенсуса, лидер нидерландских социал-демократов предложил не включать в повестку дня вопрос о виновниках войны и не касаться разногласий между партиями, а обсуждать лишь проблему скорейшего заключения мира. Предложение Трульстры было принято[49]. Особая заслуга в организации конференции принадлежала также председателю социал-демократической фракции в фолькетинге (датском парламенте) редактору центрального органа СДПД "Социал-демократен" Ф. Боргбьергу и лидеру СДПД Т. Стаунингу.

Для координации и подготовки Стокгольмской конференции был создан объединенный комитет трех скандинавских рабочих партий. В марте–апреле 1917 г., выступая перед этим комитетом, Боргбьерг подробно изложил возможные, по его мнению, условия заключения мира (а по сути программу): предоставление нациям права на самоопределение, создание международного третейского суда, постепенное разоружение, возвращение захваченных Германией и ее союзниками территорий, предоставление "русской Польше" независимости, а познанским полякам – культурно-национальной автономии, восстановление независимости Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии, присоединение к Болгарии Македонии, предоставление Сербии свободного выхода к Адриатическому морю. Боргбьерг считал, что лишь эльзас-лотарингскую проблему невозможно решить мирным путем[50]. Программа эта была обречена остаться на бумаге по причине раскола в международном социалистическом движении и срыва конференции.

Вплоть до самых последних дней войны нейтральные страны опасались нарушения своего статуса как со стороны Антанты, уже почувствовавшей "запах" приближающейся победы и все более впадавшей во вседозволенность, так и со стороны Германии, которой уже нечего было терять. Так, Гаага предоставила бежавшему 10 ноября 1918 г. кайзеру Вильгельму II убежище при условии его отказа от политической деятельности и вынуждена была допустить проход по своей территории 70 тыс. отступавших германских солдат во главе с кронпринцем[51]. Это серьезно ослабило позиции Нидерландов в глазах союзников в преддверии послевоенного мирного урегулирования. Ведь окончание войны еще не означало, что для нейтральных стран все трудности остались позади. Им теперь предстояло упорно отстаивать свои интересы на мирной конференции.

2. Социальный мир или классовая борьба?

Первая мировая война оказала огромное влияние на экономическое и политическое развитие нейтральных стран. Она вызвала глубокие изменения в их социальной и политической структуре, общественных отношениях и внутриполитическом развитии. Война способствовала выработке новых взглядов и подходов к экономическим, социальным, политическим, национальным и межнациональным проблемам.

В годы войны важные сдвиги произошли во всех областях хозяйства нейтральных стран. Именно тогда они вошли в систему мирового торгового обмена. Это привело к бурному экономическому развитию, к перестройке национальных хозяйств, к отходу в дальнейшем, например Дании, от чисто аграрного направления в экономике к индустриально-аграрному. Дефицит сырья на внутреннем рынке, обусловленный военными действиями и блокадой транспортных путей, вызвал частичную перестройку экономики Нидерландов. Отрезанные от большинства рынков, голландцы вынуждены были развивать у себя некоторые новые отрасли промышленности – черную металлургию в Северных Нидерландах, электротехническую промышленность ("Филипс"), производство искусственного шелка и др. В Испании с 1915 по 1919 г. капиталовложения всех видов предприятий возросли на 2886 млн песет. Национальный доход увеличился с 10 813 млн песет в 1914 г. до 24 797 млн песет в 1919 г.[52]

Война потребовала принятия чрезвычайных мер в области экономики. Государственное регулирование привело к решительной ломке традиционной экономической политики. Государство в условиях войны резко усилило вмешательство в процесс производства и ценообразования, что делалось в интересах широких масс населения. В скандинавских странах такое регулирование осуществлялось через структуры под эгидой созданных в 1914 г. так называемых Чрезвычайных комиссий. Один из самых популярных датских политиков периода войны, министр внутренних дел радикал О. Роде, будучи активным сторонником политики государственного регулирования, полагал, что установление через нее новых отношений государственного и частного секторов является позитивным процессом для последующего экономического развития[53].

Форсирование нейтралами экспорта и нарушение нормального товарооборота привели не только к росту производства, но и к астрономическому росту цен на внутреннем рынке. Если в Испании индекс добычи угля к концу войны составил 168 (1911 = 100), то цена на него – 274,4; выплавка железа – 110, цена – 265, добыча вольфрама – 4555, цена – 122 850. Столь же значительным был рост цен на потребительские товары. Индекс роста цен на картофель в 1918 г. составил 218,2 (1914 = 100), на зерно – 117,1, сахар – 153,2, шерсть – 210[54]. Стоимость жизни во всех странах поднялась. Особо чувствительным в этом отношении стал 1917 г. Так в Норвегии к концу года рост цен составил 125% против довоенного уровня, в то время как заработная плата возросла лишь на 77%. В Швеции в январе 1917 г. была установлена выдача хлеба в размере 250 г в день на человека. В Дании весной были введены карточки на хлеб и муку, а затем на масло и сало. Проблемы со снабжением заставили нидерландское правительство в 1917 г. также принять решение о введении пайкового распределения. По карточкам выдавали хлеб (сначала 400 г в день на человека), сахар, какао, кофе и другие продукты, но с каждым днем их количество неуклонно уменьшалось. Начался настоящий голод, который не смогли предотвратить и принятые гаагским правительством меры по регулированию снабжения населения предметами первой необходимости. Даже в относительно благополучной Швейцарии за годы войны продукты питания вздорожали вдвое.

Повсеместно росло налоговое бремя. Особенно выделялись в этом отношении Нидерланды – здесь налоги и внутригосударственный долг росли

постоянно. Новый военный налог лег на плечи швейцарцев. Война привела к свертыванию ряда отраслей промышленности, росту безработицы и инфляции. К примеру, в Нидерландах число денег в обращении увеличилось с 321,8 млн гульденов в начале 1914 г. до 1069,3 млн в декабре 1918 г. Обострилась жилищная проблема, что объяснялось, с одной стороны, сокращением строительства, с другой – повышением уровня занятости в городах.

Таким образом, за военные годы положение основной массы населения резко ухудшилось. Но для спекулянтов и биржевых дельцов война стала "золотым временем". Контраст между роскошью нуворишей (в Скандинавии их называли "гуляш-бароны") и бедствиями недоедающих, мерзнущих, выстаивающих длинные очереди тружеников обострил классовые противоречия в нейтральных странах. Все это имело неизбежные социальные последствия и не могло не отразиться на росте политизации всех слоев общества и на их социальной активности. Статус нейтралитета способствовал экономическому подъему указанных стран, но он не предохранил их от социальных и политических потрясений, которыми была отмечена вся эта эпоха. Развивавшийся параллельно революционный процесс в Европе оказал влияние на активизацию политической борьбы. Но проявилось это не сразу.

Из всех нейтральных стран Европы наиболее уязвимой с точки зрения внутриполитической стабильности была Испания. В значительной степени это объяснялось тем, что здесь к перечисленным выше общим для всех нейтралов социальным проблемам добавлялась еще одна – межнациональная. Из трех районов Испании, населенных национальными меньшинствами – Каталонии, Страны басков и Галисии, – два первых являлись наиболее развитыми в промышленном отношении регионами страны, для которых остальная территория государства служила рынком сбыта промышленной продукции. Монарх и правительство не признавали за национальными меньшинствами никаких прав, тормозили развитие национальной культуры. Политика испанских властей в этих районах вызвала рост национального движения за автономию, во главе которого стояли влиятельные буржуазные партии. В целом за годы войны буржуазия в этих районах и вообще на севере страны значительно усилилась.

Лидеры Регионалистской лиги Каталонии, выдвинув в 1915 г. требование объявления Барселоны порто-франко (право порта на беспошлинный ввоз и вывоз товаров), а затем и всей провинции свободной зоной, с марта 1916 г. все настойчивее требовали предоставления автономии. Собравшаяся в Барселоне 19 июля 1917 г. "Парламентская ассамблея", куда вошли 15 сенаторов и 63 депутата кортесов, включая 2 сенаторов и 21 депутата, избранных вне Каталонии, наряду с другими выдвинула требование созыва Учредительных кортесов для принятия новой конституции, целью которой было бы узаконить преобразование государства, основанного на режиме автономии. Отряды гражданской гвардии по распоряжению губернатора патрулировали улицы. Все делегаты Парламентской ассамблеи были задержаны, но затем отпущены.

В других же нейтральных странах Европы ситуация первоначально оправдывала оптимизм правительств. Здесь на протяжении нескольких лет приносила свои плоды политика "гражданского мира". Дело в том, что про-

ведение новой экономической политики регулирования всех сфер хозяйства требовало согласия между представителями всех политических партий и общественных сил, а кроме того их поддержки и одобрения. В частности, различные партии Нидерландов объединились с правящим кабинетом либералов в священном союзе "по-нидерландски". Даже социал-демократы, не участвующие в правительстве, заявляли, что "национальная идея взяла верх над национальными различиями". Под национальной идеей в данном случае подразумевался нейтралитет. В швейцарском парламенте социал-демократ Г. Грейлих, выступая от имени своей фракции, заявил, что она будет голосовать за мобилизацию для охраны нейтралитета и за чрезвычайные полномочия военных властей. Грейлиху же принадлежали слова: "Классовая борьба пока прекращается. Мы должны ее спрятать в угол"[55].

В целом военные годы ознаменовались укреплением влияния социал-демократов. Изменение роли социал-демократических партий, вхождение, например, в Дании осенью 1916 г. их представителя в правительство, усиление роли партий в политической жизни в условиях кризиса политической системы дали им возможность выступить с программами социализации, включившими частичное разоружение, рабочий контроль над производством, регулирование цен, аграрную реформу. За годы войны значительно возросла их численность. Так, в той же Дании социал-демократы к концу войны имели более 100 тыс. избирателей и 32 места в фолькетинге. Лидер СДПД Стаунинг в 1915 г. отмечал: "У нас длинный путь к цели, но когда мы оцениваем этот путь с начала и достигнутые результаты, то становится ясно, что мы находимся на правильном пути; мы участвуем в парламентской и коммунальной жизни, создаем рынок труда, постоянно увеличиваем доходы, оказываем влияние на занятость"[56]. В Нидерландах в массовую по местным меркам партию (25 тыс. человек) превратилась СДРП. Но это тоже была партия реформ, основным методом действий которой являлась "законная борьба" и парламентское разрешение конфликтов.

Во время войны во всех социал-демократических партиях шла борьба между представителями радикального и умеренного направлений. Возьмем, к примеру, социал-демократическую партию Швейцарии (СДПШ). Здесь до организационного разрыва дело не дошло. Значительная заслуга в этом принадлежала председателю партии Р. Гримму. Он придерживался центристских взглядов и "цементировал" партию силой личного авторитета, который был высок и в мировом социалистическом движении. Достаточно сказать, что Гримм был председателем Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.) международных социалистических конференций, официальным лидером Циммервальдского объединения. Он сыграл важную роль в подготовке и проведении в апреле 1915 г. в Берне международной конференции пролетарской молодежи[57].

Левое крыло СДПШ во главе с Ф. Платтеном группировалось вокруг цюрихской организации партии. В Цюрихе действовала группа "Эйнтрахт" – небольшой кружок, объединявший политических эмигрантов и некоторых швейцарских рабочих. Гегемония в группе "Эйнтрахт" принадлежала российским большевикам и левым швейцарским интернационалистам. Значительной опорой швейцарских левых был и социал-демократический союз молодежи во главе с В. Мюнценбергом. С первых же дней войны этот союз и его газета "Фрейе югенд", а также издававшийся во французской Швейца-

рии под редакцией Э. Дро журнал "Ля вуа де жён" вели в стране антивоенную пропаганду[58].

В начале войны левое крыло СДПШ оставалось на позициях пацифизма и выступало (впрочем, весьма нерешительно) против центристского руководства Гримма. Но постепенно оно все более радикализировалось, чему в немалой степени способствовало общение лидеров этого крыла с В.И. Лениным и другими большевиками, для которых нейтральная Швейцария стала прибежищем почти на весь период мировой войны. Ленин пристально следил за внутренней ситуацией в СДПШ, поддерживая ее левое крыло[59]. Осенью 1916 г. он лично составил тезисы "Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии", рассчитывая на их одобрение большинством левых и центристов. На Кинтальской конференции СДПШ представляли пять делегатов, из которых трое (Ф. Платтен, А. Робман, Э. Нобс) примыкали к Циммервальдской левой, другие (Э. Грабер, Ш. Нэн) были сторонниками Гримма.

7 января 1917 г. Гримм провел через ЦК СДПШ решение об отсрочке чрезвычайного съезда этой партии на неопределенное время. Съезд по требованию левых должен был окончательно определить позицию партии по отношению к мировой войне. Откладывая съезд, Гримм рассчитывал избежать раскола в партии. Принятое решение вызвало резкую критику со стороны левых и выступавшего на их стороне Ленина. Лидер большевиков полагал, что решение о переносе съезда "означает полную измену Гримма и издевку над партией со стороны оппортунистических вождей, социал-националистов. Все циммервальд-кинтальское объединение и действие фактически превращено в фразу кучкой вождей (Гримм в том числе), грозящих сложить мандаты..."[60] Ленин считал неотложным делом левых дать решительный отпор Гримму и всему правоцентристскому руководству СДПШ. "Вся борьба левых, – писал он, – вся борьба за Циммервальд и Кинталь перенесены теперь на иную почву: борьба против этой шайки вождей, оплевавших партию. Надо всюду собрать левых и обсудить способы борьбы"[61].

В 1915–1917 гг. по примеру швейцарских левых шведские левые Ц. Хёглунд и Т. Нерман вошли в состав Циммервальдской левой группы и на родине пропагандировали ленинские идеи[62]. Впоследствии левые социалисты скандинавских стран стали одними из учредителей III Интернационала и вошли в состав его руководства. Но довольно значительная часть социал-демократов нейтральных стран отвергала большевизм, резко негативно относясь к ленинскому лозунгу "превращения империалистической войны в гражданскую". Однако в русле общей радикализации в нейтральных странах усилилось революционное крыло в массовом рабочем движении. Так, Испанию с 1916 г. сотрясали забастовки против роста дороговизны жизни, причем оба профсоюзных центра – примыкавший к социалистам Всеобщий союз трудящихся (ВСТ) и анархо-синдикалистская Национальная конференция труда – действовали совместно. Начиная с марта 1917 г. наряду с требованием улучшения условий жизни социалисты активно готовили всеобщую забастовку с целью "добиться фундаментальных изменений системы, которая будет гарантировать народу минимум условий для достойной жизни". 9 августа забастовочный комитет, куда вошли лидеры социалистов и ВСТ Ф. Ларго Кабальеро, Х. Бестейро, Д. Ангиано и А. Саборит, призвал к всеобщей общенациональной забастовке. Основное требование – учреждение

временного правительства, призванного организовать выборы в Учредительное собрание, что должно было означать начало смены режима, неспособного обеспечить сносные условия жизни народа.

Глава испанского правительства Дато, понимая серьезность ситуации ввел военное положение, армия заняла стратегические пункты в столице. 18 августа забастовка была подавлена силой. Согласно официальным данным, жертвами стали 80 погибших, 150 раненых; 2 тыс. забастовщиков были задержаны. 24 августа 1917 г. газета "Импарсиаль" сообщила: "Король выражает удовлетворение действиями армии". 29 сентября военный трибунал приговорил членов забастовочного комитета к пожизненному заключению. Немедленно в движение за амнистию включились самые широкие слои испанского общества. 11 ноября приговоренные к пожизненному заключению рабочие лидеры были избраны советниками мадридского муниципалитета, а 24 февраля 1918 г. в кортесы впервые в истории страны прошли шесть социалистов: П. Иглесиас, Х. Бестейро, И. Прието, Ф. Ларго Кабальеро, А. Саборит, Д. Ангиано.

Под влиянием российских революционных событий в 1917 г. поднялась стачечная волна и в Швейцарии. Летом бастовали рабочие двух военных заводов в Цюрихе. Осенью происходили стачки и демонстрации в Берне, Цюрихе, Ла-Шо-де-Фоне, Женеве, Беллинцоне и в других городах. Они были направлены против дороговизны жизни, нехватки продовольствия и топлива. В целом, эти выступления носили стихийный характер. Летом 1917 г. волна демонстраций прокатилась в Норвегии. 5 июня 1917 г. состоялась массовая демонстрация рабочих в Стокгольме. Число трудовых конфликтов в Швеции неуклонно нарастало: в 1917 г. их было 1777, в 1918 г. – 2378[63].

Октябрьская революция в России была воспринята в нейтральных европейских странах неоднозначно. В верхах общества она вызвала негативную реакцию. Резко отрицательно восприняли революцию многие представители деловых кругов, особенно те, кто вложил деньги в экономику России и мог их потерять. Некоторые представители среднего сословия вступали в вооруженные отряды борьбы против большевиков, действовавшие в странах Прибалтики вместе с немецким корпусом добровольцев[64]. Скептически и даже враждебно восприняли большевистскую модель общественного развития и умеренные социал-демократы нейтральных стран. Особенно выкристаллизовалась их позиция после разгона в январе 1918 г. Учредительного собрания. Теперь большевистская диктатура представлялась им идеологической и социальной угрозой всему мировому порядку. "Отцы революции, – писала копенгагенская газета "Социал-демократен", – мечтают одним махом ввести русский народ в святая святых социализма, но они скоро окажутся в прихожей капитализма"[65].

По-иному восприняли известие о взятии большевиками власти в Петрограде леворадикальные течения в социал-демократических партиях нейтральных стран. Они предприняли попытки консолидироваться. Еще в мае 1917 г. была учреждена левая социал-демократическая партия Швеции. 8 апреля 1918 г. в Дании левыми, вышедшими из Социал-демократической партии, была образована Социалистическая рабочая партия (Г. Трир, Мария Нильсен, М. Андерсен Нексе). В Нидерландах Социал-демократическая партия (СДП), сформировавшаяся из левого крыла СДРП, на парламентских выборах в июле 1918 г. впервые получила два места. В целом эти выборы

зафиксировали обострение внутриполитической ситуации в Нидерландах и усиление поляризации политических сил. Голод и лишения последних лет заставляли людей выходить на стихийные митинги, организованные социал-демократами. Выборы принесли победу Католической партии (30 мест из 100), но в то же время 22 депутатских мандата получила СДРП. Осенью 1918 г. начались волнения в армии, где создавались солдатские Советы, а на предприятиях Амстердама – рабочие Советы.

Ноябрьская революция в Германии осенью 1918 г. способствовала дальнейшему обострению политической ситуации в соседних с ней нейтральных странах. Так, на улицу вышли рабочие крупных шведских городов. Левые социалисты выступили с революционным манифестом, требуя установления республики, экспроприации крупного капитала и землевладения и призывая к организации Советов и всеобщей политической стачке. Армия была ненадежна, и, по некоторым данным, шведский король Густав V уже готовился последовать примеру Вильгельма II. Однако усилиями правых социал-демократов и их лидера Брантинга кризис был преодолен.

После начала революционных выступлений в Германии рабочий Амстердам по призыву газеты СДП "Де Трибюне" также вышел на демонстрацию. Так называемая "красная неделя" – 11–17 ноября 1918 г. – кульминационный период выступлений нидерландской социал-демократии. Но жестокое подавление демонстрации в Амстердаме и мощное проправительственное выступление военных и монархистов в Гааге заставили СДРП окончательно отказаться от революционных методов борьбы и перейти на реформистские позиции.

7 ноября 1918 г. демонстрация в честь годовщины Октябрьской революции в России состоялась в Цюрихе. 12 ноября там же началась всеобщая политическая стачка. Она охватила около 400 тыс. человек. Бастующие требовали введения 48-часовой рабочей недели, пособий для инвалидов труда, пропорционального представительства в парламенте, предоставления избирательных прав женщинам, демократизации армии, выступали против антисоветской политики швейцарского правительства. Последнее обстоятельство послужило поводом к тому, что официальный Берн, обвиняя дипломатическую миссию РСФСР в подстрекательстве к этой стачке и в ее субсидировании, выслал советских дипломатов из страны под вооруженным конвоем. Однако вскоре цюрихский суд установил непричастность советской миссии к забастовке. Против стачечников были направлены войска. Под давлением правых социал-демократов, входивших в стачечный комитет, 14 ноября стачка была прекращена[66].

13 ноября 1918 г. многотысячная демонстрация состоялась в Копенгагене. Беспорядки на улицах продолжались до тех пор, пока не вмешалась полиция. Датский историк Э. Расмуссен отмечал: "Страна подошла к состоянию революции ближе, чем когда-либо за последние четыреста лет. Но эта ситуация не была все-таки похожа на те революции, которые происходили на юге и востоке от Дании…"[67] В день демонстрации руководство СДПД выступило с воззванием, в котором подчеркивалась необходимость проведения реформ, политической и экономической демократизации общества. Не последнюю роль в отказе социал-демократов ряда нейтральных стран от революционных методов борьбы сыграло то, что нейтралитет этих государств, хотя и удерживавшийся с большим трудом, позволил сохранить территори-

альную целостность, а правящие партии показали себя готовыми на основе политики национального примирения провести ряд важных социальных реформ. Реальные плоды такой в высшей степени прагматичной реакции не заставили себя ждать.

Так, конструктивное сотрудничество различных партий Нидерландов позволило ускорить проведение реформ, начатых еще до войны. Объявленный королевой еще в 1915 г. давно назревший пересмотр конституции был начат в декабре 1917 г. Он ознаменовал в национальной истории так называемый момент "успокоения общественной жизни". Реформа школьного образования, принятие в 1917 г. закона о всеобщем голосовании лиц мужского пола (а в 1919 г. эти права получили и женщины), введение 8-часового рабочего дня и права на пенсионное обеспечение – вот лишь основные вехи этих преобразований. В октябре 1919 г. была введена пропорциональная избирательная система в Швейцарии, облегчившая представителям левых партий доступ в парламент. В том же году была установлена 48-часовая рабочая неделя на швейцарских промышленных предприятиях, сделаны существенные уступки в социальном обеспечении. Но наибольших успехов в развитии социального партнерства добились скандинавские государства.

3. Рождение "скандинавской модели"

Развитию социального партнерства в скандинавских странах способствовал ряд благоприятных предпосылок. За годы войны произошли значительные изменения во всей социальной и политической структуре этих государств. Усилилось влияние промышленной и финансовой буржуазии. Вырос статус рабочего класса. Среднее сословие выделилось в особую социальную группу населения. Начавшийся во второй половине XIX в. процесс интенсивного возникновения буржуазно-консервативных и буржуазно-либеральных партий – сначала как парламентских группировок, а затем как общенациональных политических организаций – в годы войны продолжился. В Дании, например, в 1915 г. возникла Консервативная партия, выражавшая интересы промышленного и финансового капитала. Главными пунктами ее программы были вопросы об обороне, сохранении частной собственности, о необходимости поддержки среднего сословия в городах и сельской местности, о защите мелких предприятий. Новая программа была принята в 1915 г. и датской буржуазной партией Хёйре. Партия выступала также в поддержку среднего сословия, мелких предприятий, против монополизма трестов и картелей.

Политика "гражданского мира", активно поддержанная социал-демократами и буржуазными партиями, способствовала тому, что правительства скандинавских стран смогли приступить к радикальным политическим реформам. Раньше всех, еще в самый разгар войны, это сделала Дания. 5 июня 1915 г. здесь была принята новая конституция, согласно которой вводилось новое право выборов в обе палаты риксдага. Избирательное право было впервые предоставлено женщинам и прислуге. На выборах в фолькетинг возрастной ценз был понижен с 30 до 25 лет. Одновременно на выборах в верхнюю палату – ландстинг – возрастной ценз повысился с 30 до 35 лет. Было отменено право короля на назначение 12 членов верхней палаты, а число членов фолькетинга увеличивалось со 114 до 140, ландстинга –

с 66 до 72. Устранялись привилегии дворянства, лены и майорат. Особый косвенный и постепенный порядок избрания верхней палаты гарантировал медленность его партийного обновления. Из 72 членов ландстинга 18 избирались из его прежнего состава. Остальные избирались голосованием в течение восьми лет. Половина состава ландстинга должна была меняться каждые четыре года. Фолькетинг избирался сроком на четыре года. Ни одно правительство не могло теперь удержать власть без поддержки нижней палаты. Согласно конституции ландстинг мог парализовать инициативу фолькетинга[68].

Проведение реформ ускорилось по окончании мировой войны. Большое влияние на правящие круги скандинавских стран оказал страх перед "красной волной", двигавшейся с Востока. В Швеции в 1918–1919 гг. произошел "демократический прорыв" – была проведена третья парламентская реформа, означавшая демократизацию выборов в обе палаты. При выборах в коммунальные органы устранялось имущественное неравенство. К выборам во вторую палату допускались как мужчины, так и женщины с 23 лет, за исключением лиц, получавших постоянное пособие на бедность. Для депутатов первой палаты имущественный ценз, однако, сохранялся, а возрастной ценз участников коммунальных выборов был повышен с 21 до 23 лет. В Норвегии в результате избирательной реформы 1919 г. на парламентских выборах мажоритарная система была ограничена пропорциональной. Возрастной ценз для избирателей снизился с 25 до 23 лет. В Дании судебная реформа отделила судебную власть от исполнительной, а также ввела гласность судопроизводства и суд присяжных для судебного разбирательства тяжких преступлений.

Своеобразно решались межнациональные проблемы. В 1918 г. был подписан договор между Данией и Исландией сроком на 25 лет о предоставлении последней независимости. Исландия провозглашалась постоянно нейтральным государством, однако с оговоркой, что ее внешняя политика попрежнему будет определяться и осуществляться правительством Дании. Морская инспекция вдоль исландского побережья также оставалась за Данией. Таким образом, полной самостоятельности Исландия пока не получила. Развивалось движение за самоуправление и на принадлежавших Дании Фарерских островах. В начале первой мировой войны Партия самоуправления получила большинство в фарерском лёгтинге. Она выступала не за отделение, а только за автономию в рамках королевства, за самоуправление – через лёгтинг, который должен был получить законодательную власть во внутренних фарерских делах. Позже в датской прессе отмечалось, что датчанам "потребовались колоссальные усилия для того, чтобы понять, что движение за самоуправление не было враждебным Дании, а лишь попыткой маленького народа найти свое место в мире"[69]. Партии самоуправления удалось добиться закона о преподавании в школах фарерского языка[70].

В Дании в феврале 1919 г. был принят Закон о хусменах (мелких сельских хозяевах). Согласно ему государство предоставляло бесплатно землю безземельным для создания небольших хозяйств на условиях государственной аренды. При этом производилась конфискация части старинных родовых имений, ранее неотчуждаемых и неделимых, а также церковных земель. Во всех странах Скандинавии был введен 8-часовой рабочий день. Новое законодательство дополнило принятые в годы войны законы, в том числе о

бедности, о поддержке стариков, жилищный, об учреждении больничных касс, о рынке труда. Проведение реформ облегчалось тем, что в этих странах, благодаря выгодной экономической конъюнктуре, к моменту проведения реформ была создана солидная материальная база.

В годы войны в рамках "свободных переговоров" профсоюзов с предпринимателями получило развитие социально-экономическое партнерство в сфере отношений труда и капитала. Система социального маневрирования, или "система мондизма", была направлена на нейтрализацию леворадикальных течений в рабочем движении, стабилизацию политической ситуации, введение элементов смешанной экономики. Усилившееся взаимодействие профессиональных, политических и государственных институтов явилось результатом, с одной стороны, роста консолидации буржуазно-либеральных сил, с другой – начавшегося еще до войны процесса интеграции всего рабочего движения (прежде всего в лице профсоюзов) в общественные структуры капиталистического общества.

Идея о социальном государстве политически укрепилась как в результате возросшего влияния социал-демократии, так и благодаря тому, что она нашла во время войны понимание и поддержку традиционных буржуазных партий – и либералов, и консерваторов. Так, радикал, министр внутренних дел О. Роде критически относился и к социал-демократическим представлениям о социализме, и к идеям либералов о необходимости в послевоенный период резкого поворота назад к свободным нерегулируемым отношениям. Он был одним из первых датских политиков, которые попытались претворить в жизнь идею "третьего пути" экономического развития страны в условиях военного времени. В октябре 1916 г., Роде заявил: «Когда мир проанализирует опыт военных лет, изучит способы и методы, которые применялись не только у нас в стране, но и в других странах мира, тогда будет создан обобщающий опыт, он явится "золотым запасом", на котором будет строиться политика будущего. Это время не пройдет бесследно, оно будет осмыслено; соответствующим образом будут оценены та общность идей и значение сотрудничества, которые возникли в период войны»[71]. Таким образом, в годы войны либеральная буржуазия скандинавских стран сделала важный шаг в направлении компромисса с социал-демократией.

Свой отрезок пути в этом направлении прошли и идеологические лидеры скандинавских социал-демократов. Размышления о развитии социализма, "вызревании" его в недрах капиталистического общества, и прохождении им ряда промежуточных фаз постояннно присутствовали в их трудах периода войны. Например, датский историк социал-демократ Г. Банг незадолго до своей кончины в 1915 г. писал: "Победа социализма не последует сразу после окончания войны. Потребуется переходный период, когда обострится решающая борьба между имущими и неимущими классами, когда прогрессивные и регрессивные процессы будут сменять друг друга, но когда, однако, определится конечный результат. Победа рабочего класса и падение капиталистического общества ранее будут предопределены. Многое указывает на то, что война дала начало этому периоду, который явится решающей фазой современной классовой борьбы"[72]. До первой мировой войны не только левые, но и центристы выступали против парламентского пути к социализму. Эволюция же рабочего движения и либерализма в годы войны, усиление влияния социал-реформистского направления свидетельствовали, что "пар-

ламентский путь к социализму" приняли не только правые, но и центристы в рабочем движении Скандинавии.

Политика "гражданского мира" в годы войны заложила основы и способствовала созданию климата "общественного консенсуса". Это означало, что в обществе, где продолжали существовать социальные противоречия и социальные конфликты, утверждалось широкое согласие относительно того, что противоречия должны преодолеваться в рамках существовавших общественно-политических структур, парламентским способом, путем компромиссов.

Общественно-политическая обстановка в скандинавских странах в годы войны значительно отличалась от ситуации в других государствах Западной Европы, и прежде всего в Германии и Австро-Венгрии, где кризис политической системы привел к революции. В скандинавских странах она характеризовалась развитостью гражданского общества, политических свобод, давними традициями урегулирования межклассовых отношений, готовностью ведущих политических сил к компромиссу, организованностью пролетариата. Благодаря достижению "гражданского мира" в годы войны стали складываться политические, институционные, философские концепции скандинавской модели развития, при которой важную роль играло сочетание двух начал – рыночной экономики и социально ориентированной системы распределения при последовательном укреплении активной роли государства в деле социальной защиты людей труда.

[1] Цит. по: Historia de España / Fundada por Ramón Menendez Pidal. La España de Alfonso XIII (1902–1931). Madrid, 1993. Vol. XXXVIII. P. 330.

[2] *Madariaga S. de.* España. Séptima edición. Buenos Aires, 1964. P. 296.

[3] Цит. по: *Espadas Burgas M.* Alfonso XII y los origines de la restauración. Madrid, 1990. P. 42–43.

[4] Recueil de diverses communications du ministre des affaires étrangères aux États-Généraux par rapport a la neutralité des Pays-Bas et au respect du droit des gens. La Haye, 1916. P. 5.

[5] Ibid. P. 1.

[6] Ibid. P. 20–21.

[7] *Palmer R.R., Colton J.* A History of the Modern World. N.Y., 1971. 4th ed. P. 615.

[8] *Skavenius E.* Dansk udenrigspolitik under den første verdenskrig. Kbvn., 1959. S. 113; *Riste O.* The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War. Oslo, 1965. S. 101–115; *Carlgren W.M.* Neutralität oder Allianz. Stockholm, 1962. S. 30–43.

[9] *Писарев Ю.А.* Тайны первой мировой войны. М., 1990. С. 199.

[10] *Пуанкаре Р.* На службе Франции. М., 1936. Кн. II. С. 330.

[11] О характере испанского нейтралитета см. подробнее: *Fernándes de la Reguera R. y M.S.* España neutral (1914–1918). Barcelona, 1971.

[12] См.: *Консетт М.* Триумф невооруженных сил (1914–1918). М.; Л., 1941.

[13] Recueil de diverses communications... P. 24.

[14] *Smit S.* Nederland in de Eerste Wereldoorlog (1899–1919). Groningen, 1972. Deel. 2. Blz. 161.

[15] Recueil de diverses communications... P. 54.

[16] *Консетт М.* Указ. соч; *Kårsted T.* Storbritanien og Danmark 1914–1920. Odense, 1975.

[17] Recueil de diverses communications… P. 101.
[18] Ibid. P. 94.
[19] *Tuñon de Lara M.* La España del siglo XX. 1914–1939. P., 1973. P. 17–20.
[20] Recueil de diverses communications… P. 107–108.
[21] *Blankart Ch.* Die Devisenpolitik wahrend des Weltkrieges. Aug. 1914 – Nov. 1918. Zürich, 1919.
[22] Ibid. S. 230.
[23] *Михалевский Ф.И.* Золото в период мировых войн. М., 1945. С. 22, 26.
[24] *Knauss R.* Die deutsche, englische und franzosische Kriegsfinanzierung. B.; Leipzig, 1923. S. 73.
[25] *Бацис П.Э.* Россия и нейтральная Норвегия 1914–1917 // Новая и новейшая история. 1972. № 6; *Он же.* Норвегия в период довоенного империализма и первой мировой войны (1900–1918) // История Норвегии / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1980. С. 316–339; *Keilhau W.* Norge og verdenskrigen. Oslo, 1927. S. 150–180.
[26] См. подробнее: *Tulchin J.* The Aftermath of War: World War I and the United States Policy toward Latin America. N.Y., 1971. P. 38–78.
[27] *Furtado C.* Breve historia economica de America Latina. La Habana, 1972. P. 38.
[28] Anuario estadistico interamericano. N.Y.; Buenos Aires; Rio de Janeiro, 1940. P. 162.
[29] Ibid.
[30] *Зомбарт В.* Современный капитализм. М.; Л., 1930. Т. 3, ч. 1. С. 516.
[31] Там же. С. 294.
[32] *Манчестер У.* Оружие Круппа. М., 1971. С. 197.
[33] *Зомбарт В.* Указ. соч. С. 26.
[34] Anuario estadistico interamericano. P. 465. См. также: *Fiebig von Hase R.* Lateinamerika als Konfliktherd der deutsch-amerikanischen Beziehungen. 1890–1913. Göttingen, 1986.
[35] *Garmagnani M.* Estado y sociedad en America Latina 1850–1930. Barcelona, 1984. P. 185.
[36] *Abrahams Ph.* The Foreign Expansion of American Finance and Its Relationship to the Foreign Economic Policy of the United States. 1907–1921. N.Y., 1976. P. 2–127.
[37] Algemene Geschiedenis der Nederlanden. D. 14. Haarlem, 1980. Blz. 48.
[38] *Voogd Ch. de.* Histoire des Pays-Bas. Hatier, 1992. P. 200.
[39] *Tuñon de Lara M.* Op. cit. P. 30–31.
[40] *Ревякин А.В.* Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 491.
[41] История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918 / Отв. ред. Г.П. Куропятник. М., 1997. С. 279; История Дании. XX век / Отв. ред. Ю.В. Кудрина, В.В. Рогинский. М., 1998. С. 51.
[42] Norden under 2 verdenskrig. Stockholm, 1979.
[43] *Гессе Г.* Избранное. М., 1977. С. 35.
[44] Цит. по: Россия и Испания: Документы и материалы 1667–1917. М., 1997. Т. II. С. 306.
[45] Там же. С. 308.
[46] Там же. С. 307–309. Об участи Д. Янчевецкого см.: *Хохлов А.Д.* Г. Янчевецкий в австрийском плену // Первая мировая война и участие в ней России. М., 1997. С. 69–72.
[47] См.: *Madariaga S. de.* Op. cit. P. 306.
[48] История Дании. XX век. С. 52; *Темкин Я.Г.* Ленин и международная социал-демократия (1914–1917). М., 1968. С. 114.
[49] *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 159.
[50] *Grass M.* Friedensaktivität und Neutralität: Die skandinavische Sozialdemokratie und die neutrale Zusammenarbeit im Krieg. August 1914 bis Februar 1917. Bonn; Bad-Codesberg. 1975.

[51] Записки германского кронпринца. М.; Пг., 1923. С. 258–264.

[52] *Tuñon de Lara M.* Op. cit. P. 19–20.

[53] *Кудрина Ю.В.* Первая мировая война и Дания // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 217–218.

[54] *Madariaga S. de.* Op. cit. P. 306.

[55] *Темкин Я.Г.* Указ. соч. С. 36.

[56] История Дании: XX век. С. 55.

[57] О роли Гримма в циммервальдском движении см. подробнее: История II Интернационала. М., 1966. Т. II. С. 449, 452–456, 499, 501.

[58] *Манфред А.З.* Циммервальдское движение в швейцарской социал-демократии // Пролетарская революция, 1929. № 7(90). С. 18–19.

[59] См. подробнее: *Темкин Я.Г.* Указ. соч. С. 499–512.

[60] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 359.

[61] Там же.

[62] *Кан А.С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 193–196.

[63] *Кан А.С.* Вступление Швеции в эпоху империализма 1900–1906 // История Швеции. Отв. ред. А.С. Кан. М., 1974. С. 400–424; *Он же.* История скандинавских стран. М., 1971. С. 180.

[64] *Кудрина Ю.В.* Указ. соч. С. 224.

[65] Ruslands Diktator døde i Mandags // Social Demokraten. 1924. 23 Jan.

[66] См. подробнее: *Фарнер К.* Рабочий класс Швейцарии до и после Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958.

[67] Цит. по: История Дании: XX век. С. 59.

[68] *Kårsted T.* Grundloven. Med et rids af dens historie gennem 125 år. 1849 – 5 juni 1974. København, 1975. S. 24–26.

[69] История Дании: XX век. С. 223.

[70] *Кудрина Ю.В.* Рец. на кн.: *Сундбёл П.* Политика Дании в отношении Исландии 1917–1918 // Вопросы истории. 1982. № 6. С. 17–21.

[71] Цит. по: *Кудрина Ю.В.* Первая мировая война и Дания. С. 218.

[72] Там же. С. 220.

Глава IX. Война: человек, общество и государство

1. Тотальная война как выражение цивилизационного кризиса

Во всемирной истории не так уж много событий, которые могут сравниться с первой мировой войной по силе их воздействия на судьбы народов и государств, регионов и континентов, по разнообразию и остроте многократно умноженных войной проблем – международных и национальных, социально-экономических и политических, духовных, личностных, цивилизационных. Четыре с лишним года "кровавой тарантеллы народов", как назвал войну Ллойд Джордж, стали своеобразным финалом довоенного мира. Более того, они стали водоразделом, который отделил новейшую историю от предшествовавшей, сложившейся в XVIII–XIX вв. Свои характерные черты, хотя и в видоизмененном виде, она сохраняла и в начале XX столетия. В кровавых военных сражениях и страданиях гражданского населения в тылу и на оккупированных территориях, в воинственной риторике генералов и политиков и встречном стремлении широких общественных кругов к "вечному миру", в приговорах военно-полевых судов, в издевательствах над мирным населением и военнопленными и в пробуждении национального и социального самосознания прежде инертных масс, в интеллектуальном потрясении, пережитом в связи с жестокостями войны лучшими умами человечества, и в трудном возрождении гуманистических принципов после ее завершения впервые зримо обозначились причудливые контуры и мучительные дилеммы XX века.

Не случайно к истории первой мировой войны и поныне обращаются в стремлении постичь связь времен, смысл истории, предназначение человека и перспективы и возможности мировой цивилизации историки и философы, социологи и политологи, культурологи и психологи. Традиционные подходы к изучению военного катаклизма 1914–1918 гг. в контексте страноведческих исследований либо через призму анализа ее политических, дипломатических и военных аспектов, сами по себе немаловажные, дополняются обращением к новым проблемам. Среди них – выявление взаимосвязи войны с крупными трансформационными процессами новейшего времени, в частности с индустриализацией и модернизацией, с новым качеством "всемирности", сложившимся в последней трети XIX – начале XX столетия. Важен также анализ воздействия мировой катастрофы на массовое сознание и коллективную память народов, на механизмы и формы общественного развития, на ценностные ориентиры, на усложнившееся со времени войны соотношение: личность – общество – государство.

В 1914–1918 гг. обнаружились глубокая противоречивость и сложность структуры человеческого сообщества и все многообразие исторического

опыта и социокультурных черт и особенностей государств и наций, втянутых в военное противоборство либо испытавших в своем положении нейтральных стран влияние войны и ее последствий. Европейский континент оказался средоточием конфликтов и противоречий, породивших мировую схватку, а затем и наиболее масштабных сражений и разрушений. Поэтому именно европейская цивилизация стала эпицентром порожденного войной многогранного, подлинно цивилизационного кризиса, поразившего все сферы общественной жизни, в особенности социальную и духовную, обусловившего рост нестабильности мировой политики и экономики, породившего опасную тенденцию к абсолютизации силовых методов решения межгосударственных, межнациональных и внутриполитических, социальных проблем[1].

Вопрос о влиянии первой мировой войны на государственные и общественные структуры, социальное поведение и социальную психологию отдельных индивидов, социокультурных и этноконфессиональных социумов и, напротив, их воздействие на ход и итоги войны до сих пор остается во многом дискуссионным и не до конца изученным. Немаловажным препятствием для обращения к этим вопросам являлась осложненность исследования первой мировой войны политическими и идеологическими факторами, спорами об ответственности за развязывание войны тех или иных держав и политиков, дискуссиями между победителями и побежденными, типичными для XX в. разрывами преемственности исторического процесса и резкими сменами ценностных ориентиров. К тому же исследования о войне не могли не испытать влияния не прекращавшихся на протяжении многих десятилетий дискуссий в области общественных наук. Они затрагивали вопросы соотношения внутренней и внешней политики, политики и экономики, роль классовых, национальных, социопсихологических и духовных факторов, а также научно-технического и военно-технического прогресса, видоизменявшиеся функции государства, общества и гражданских прав в контексте перехода и развития индустриального общества. Из-за этих дискуссий нередко предавались забвению либо конъюнктурно трактовались политические и социальные реалии первой мировой войны. Часто игнорировались тектонические последствия этого гигантского катаклизма, крушившего стереотипы иерархического устройства общества ("старого порядка") и традиционалистского мировоззрения, по-новому поставившего вопрос о социальной ответственности человека – гражданина и воина, и одновременно превращавшего его в беззащитную жертву молоха войны, гигантской машины истребления, за которым одни видели конец культуры, другие – воссоздание ее с "чистого листа".

Определенный перелом в оценке взаимоотношений "человека и войны", "войны и общества", а также роли социокультурных и цивилизационных факторов в событиях 1914–1918 гг. произошел во второй половине XX столетия. В этом немалую роль сыграли опыт второй мировой войны и развитие "социальной" и "новой социальной истории", социологии и политологии, культурологии, а также формирование в ходе "холодной войны" и особенно по ее окончании компонентов "культуры мира" как необходимого условия самосохранения мировой цивилизации.

Видный исследователь международных отношений нового и новейшего времени французский историк П. Ренувен одним из первых подчеркнул важ-

ность изучения проблем трансформации государственных и общественных институтов в условиях войны, сдвигов в сфере коллективной психологии и морали, дифференциации общественного мнения. Он справедливо отмечал, что изучение этих сюжетов и проблем позволяет глубже понять природу и особенности самой войны и порожденных ею общественных явлений[2]. Другой авторитетный французский историк М. Ферро своим новаторским трудом проторил дорогу все более многочисленным исследованиям, посвященным роли человеческого фактора в ходе войны 1914–1918 гг. Он сформулировал ряд важных вопросов, без ответа на которые, по его убеждению, нельзя понять драмы войны с ее динамикой – кризисами, "мертвыми временами", сменявшимися бурными событиями, а именно: "Каковы были ожидания общества накануне войны? Как могло оно разом отбросить мир и пойти с легким сердцем навстречу войне? Какова была природа патриотических чувств? Какие силы, экономические или политические, управляли государствами, нациями и обществами?"[3].

Немаловажную роль в координации усилий европейских ученых по изучению взаимодействия первой мировой войны и европейских обществ сыграл коллоквиум во Франции в декабре 1988 г. в связи с 70-летием окончания войны. Его материалы опубликованы в виде содержательного коллективного исследования[4]. Весомый вклад в исследование особенностей этой войны как войны тотальной внесли представители англосаксонской историографии и социологии. Они творчески развили разработанные основоположниками социологии XX столетия, в том числе нашим соотечественником П. Сорокиным, представления о роли и месте войн в мировом общественном развитии и культуре, проследили их неоднозначное воздействие на процессы модернизации и системные трансформации ушедшего века[5].

Серьезный прорыв в изучении проблемы "война, человек и общество" осуществлен отечественным обществоведением в 90-е годы. Это было связано с 80-летием начала и завершения войны, а также с серьезным поворотом в восприятии исторического прошлого России и в оценках событий 1914–1918 гг. В научный оборот вошел широкий круг новых источников, интеллектуальных памятников времен войны. По-новому выявляется ее взаимосвязь с цивилизационными процессами новейшего времени и отечественной истории[6]. Среди наиболее дискуссионных вопросов – выявление истоков тоталитаризма и "массовой демократии" в XX столетии[7]. Отечественные историки оживленно обсуждают вопросы о судьбах имперства и государственности, значение национального фактора, правомерность оценки войны как однозначно империалистической, роль и место войны как самостоятельного этапа мировой истории со своей динамикой, эволюцией и социопсихологической аурой.

Немалая трудность изучения общественных процессов периода Великой войны обусловлена необходимостью учета характерного уже для начала столетия усложнения взаимодействия универсальных, специфических и единичных процессов, тенденций и явлений. Они выхлестнулись и наложились друг на друга в 1914–1918 гг. Одинаково неконструктивно пытаться рассматривать историческую картину такого сложного общественного явления, как мировая война, либо через призму предельно обобщенных социологических схем, либо путем подмены анализа эпохальных процессов мозаикой неповторимых человеческих судеб, испытавших трагедию войны. Нужно

учитывать также трудности, которые подстерегают исследователя на рубеже XX–XXI столетий, отделенного от изучаемого объекта многими десятилетиями, насыщенными эпохальными событиями и сопряженными с ними трансформационными процессами. Отсюда проистекает соблазн распространения современных представлений на мир времен войны 1914–1918 гг., находившийся на качественно ином уровне. Многие аспекты истории первой мировой войны не могут быть осознаны без учета того, что в ней принимали участие и взаимодействовали государства и народы, стоявшие тогда на различных ступенях цивилизационного перехода к индустриализму и по-разному решавшие задачи модернизации государственных, общественных структур и экономического строя исторически естественными для своего времени методами.

Ниже будут рассмотрены в социокультурном и цивилизационном ключе важнейшие общественные процессы, тенденции и явления, сопутствовавшие первой мировой войне и во многом ею обусловленные. Заметим, что еще задолго до начала войны у ряда наиболее прозорливых мыслителей, политиков и государственных деятелей зрело предчувствие, что европейская война, если таковая случится, приобретет небывалые формы и будет иметь труднопрогнозируемые последствия. Уже в конце XIX в., учитывая опыт австропрусской и франко-прусской войн, германский военачальник и военный теоретик фон дер Гольц заговорил о тотальном характере будущих войн в Европе. При этом он имел в виду, что их исход будет решаться не только армиями, но и целыми народами. Вот почему он придавал большое значение воспитанию германской нации в милитаристском духе[8]. С иных, антимилитаристских и антивоенных, позиций об опасности для судеб Европы и ее народов общеевропейской войны предупреждал тогда же Ф. Энгельс. Как известно, большинство европейских стран, в особенности ведущих, перешли в последней трети XIX в. к системе всеобщей воинской повинности, обеспечивавшей приобретение навыков военного дела основной частью взрослого мужского населения. Поэтому Энгельс полагал, что ввиду создания массовых армий и непрерывного революционизирования технической основы военного дела будущая война примет особо разрушительный характер, станет затяжной и мучительной и вовлечет в свою орбиту многие страны. В ходе ее, утверждал Энгельс, могут произойти не поддающиеся учету осложнения и последствия. Война, по его мнению, скорее всего, должна была вызвать крушение капиталистического строя. Однако в то же время он считал необходимым призвать к благоразумию правящие круги и побудить их к осуществлению конкретных мер по разоружению Европы, а трудящиеся массы – к решительной борьбе против милитаризма и военных конфликтов[9].

Вопреки подобным прогнозам и предостережениям в конце XIX – начале XX в. в европейских государствах стал складываться своеобразный культ войны как всесильного, по мнению милитаристских, националистически и империалистически настроенных кругов и сил, средства решения сложных международных, государственных, национальных и иных проблем, непременного условия обеспечения безопасности стран и народов. Более того, война объявлялась радикальным средством оздоровления жизни наций, мощным импульсом обновления мира и проявления жизненной энергии отдельных индивидов и целых общностей, способом преодоления обветшалых догм, якобы сковывавших волю людей и их стремление к действию.

Откровенными апологетами милитаризма, шовинизма, военных методов решения международных вопросов, а также колониальной и экономической экспансии являлись, как правило, сторонники консервативного крыла политического спектра сил в европейских государствах во главе с монархами. К ним относились значительная часть генералитета, представители крупного бизнеса, заинтересованные в военных заказах, часть журналистов, работавших в периодических изданиях правой ориентации, влиятельные деятели высшей бюрократии и т.п. Например, характерно, что в своем положении главы российского правительства Столыпин, при всех разногласиях с оппозицией, находил точку соприкосновения с воинственно настроенными консервативными и либеральными деятелями в вопросе укрепления военной мощи России. Он снискал бурную овацию октябристско-кадетского большинства Государственной думы следующим заявлением: "Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступать перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России"[10]. Это многозначительное заявление было сделано почти одновременно со второй Гаагской мирной конференцией (1907), призванной ограничить гонку вооружений, инициатором которой, как и первой Гаагской конференции (1899), являлся российский самодержец Николай II.

Вместе с тем, чем ближе надвигалась военная буря, тем громче в пользу войны как "естественного явления" общественного развития высказывались левоэкстремистские теоретики и идеологи (представители "империалистического" синдикализма, некоторые анархисты и т.п.), рассчитывавшие чисто военным путем подготовить почву для радикального обновления мира. Самую большую лепту в восхваление войны, насилия, "активизма" в противовес позитивистской версии эволюционизма вносили также философские течения иррационального, модернистского толка. Вслед за Ф. Ницше они объявляли бой добру, восхваляли "внутривидовую" борьбу и неравенство, войну за могущество и всемогущество[11]. Учащавшиеся военные конфликты и международные кризисы ставили серьезные препятствия в координации империалистических интересов ведущих держав, равно как и выстраивание их взаимоотношений с малыми странами, с их возросшими амбициями; остро вставали проблемы обретения государственности народностями, подвергавшимися национальному гнету. Все это оказывало немалое влияние на общественную атмосферу в предвоенной Европе, вызывая серьезные сомнения в возможности сохранения мира у представителей демократических и социалистических партий и движений, гуманистически и пацифистски настроенных деятелей культуры и науки.

Война как бы вырастала из предвоенной ситуации "вооруженного мира"; к ней готовились генеральные штабы, дипломаты, монархи и главы правительств и государств, входивших в военно-политические союзы либо помышлявших о вступлении в них. Парадоксально, но политический истеблишмент по большому счету оказался не способен предугадать подлинные размеры разразившейся в 1914 г. катастрофы. Из организованных общественно-политических сил лишь европейская социал-демократия, представ-

ленная II Интернационалом, и международные и национальные рабочие организации социал-демократической и иной ориентации решительно и во весь голос выступали против милитаризма и гонки вооружений. Они немало сделали до начала войны для разоблачения и критики военщины, поднимавшей голову, для мобилизации общественности на борьбу против военной опасности. Штутгартский (1907), Копенгагенский (1910) и Базельский (1912) конгрессы II Интернационала в духе классовой концепции общественного развития возлагали всю полноту ответственности за военную угрозу на капиталистическую систему и выработали немало ярких резолюций антимилитаристской направленности. Это вызывало сильную озабоченность правящих кругов, проправительственной печати и навлекало на социалистов шквал разносной критики со стороны националистов, поборников милитаризма и военно-силовых методов[12].

Сложнее было, однако, достигнуть единогласия в рядах международного социал-демократического и рабочего движения по вопросам о методах противодействия милитаризму и военной угрозе. Имела место и серьезная недооценка деятелями и теоретиками социал-демократии, особенно левой направленности, роли государственности как таковой, патриотизма, национальных проблем и интересов. Отношение к патриотизму как чисто буржуазному явлению, особенно характерное для анархистских и анархо-синдикалистских течений и иных леворадикальных направлений, давало основания для обвинения рабочего класса и его организаций в национальной измене и подрыве внутренней стабильности. Знаменательно, что уже в предвоенных дискуссиях представители леворадикальных течений, в особенности Ленин и большевики, предлагали рабочим и их партиям в различных странах в качестве альтернативы европейской войне в случае ее возникновения путь борьбы за свержение "собственных правительств" и капиталистического строя.

Вместе с тем еще со времен Венского конгресса 1814–1815 гг. в европейской общественной мысли складывалось пацифистское направление. Вплоть до начала первой мировой войны влияние пацифистских течений в европейских странах было весьма ограниченно. Но высказываемые идеологами пацифизма мысли о правовых препонах милитаризму и военным конфликтам, об инструментах международного арбитража, о равноправии больших и малых государств и т.п. получали определенную поддержку реформистских течений социал-демократии, демократических партий, определенных кругов европейской общественности. В определенный момент они сыграли свою весьма заметную роль.

Июльский кризис 1914 г. и последовавшее за ним вовлечение в конфликт великих и малых стран показали, сколь трудно остановить бег к войне в накаленной международными противоречиями и ростом милитаризма обстановке, как легко на первых порах оказалось осуществить поворот общественного мнения, во всяком случае в его проправительственной и публично выраженной версии, от мира к войне. В дальнейшем же выявилось, что европейская война – мировая война эпохи индустриализма и массовых армий – обладает собственной логикой развития, навязывая свои законы и требования государственным институтам, политическим партиям, хозяйственным структурам, не говоря уже об общественном сознании и духовном климате, социальном поведении и условиях жизни миллионных масс.

По многим своим параметрам война 1914–1918 гг. явила собой тип "тотальной войны"[13], предвосхитив ряд важных черт тоталитаризма XX в. как специфической формы организации государства, общества, духовной жизни, прежде всего, подчинив своим требованиям и логике милитаризма все сферы жизни. Через испытания войной прошла значительная часть взрослого мужского населения: в качестве военнослужащих, в особенности сражавшихся на фронтах военных действий, а также работавших на военные нужды по различным видам "трудовой мобилизации". В общей сложности в ходе войны было мобилизовано: в Германии 13,22 млн человек (т.е. 19,7% всего населения), во Франции 6,8 млн (17,2%), в Австро-Венгрии 9 млн (17,3%), в Италии – 5,6 млн (15,5%), в России 19 млн человек (10,5% населения). В военное производство в тылу была вовлечена значительная часть трудоспособного населения и промышленного пролетариата. В Германии в нем было занято 58,3% фабрично-заводского пролетариата, в России – 76, во Франции – 57, в Англии – 46, в Италии – 64,2, в США – 31,6%[14].

Антигуманный, жестокий облик войны с особой силой дал о себе знать в зонах активных военных действий и в прифронтовых районах, а также на оккупированных неприятельскими войсками территориях. Из-за широкого применения дальнобойной артиллерии, авиации, аэростатов в войне 1914–1918 гг. проявилась характерная особенность "индустриальных" войн XX столетия – стирание грани между фронтом и тылом. Нивелировалось положение вооруженных сил и гражданского населения, нередко едва ли не в равной мере страдавших от обстрелов, бомбардировок, насилия, ужасов разрушения и смерти.

В прифронтовых зонах ежеминутный риск для жизни военнослужащих и мирных жителей осложнился тяготами военных реквизиций, многочисленными фактами мародерства и насилия. Зыбкость грани между жизнью и смертью, которую болезненно ощущали многомиллионные массы людей, оказавшихся во власти военной стихии, взрывала наработанные веками нравственные нормы и запреты, призванные обеспечить нормальную жизнедеятельность социумов. Война стимулировала разнообразные формы асоциального поведения, прививала пренебрежительное отношение к собственной жизни, не говоря уже о судьбах окружающих. Она инициировала открытые и "скрытые" формы геноцида, накаляя до предела национальные распри. Достаточно напомнить трагические масштабы репрессий турецких властей против армян в 1915 г., проявления геноцида в ходе военных действий на Балканах, формы подавления царскими властями Среднеазиатского восстания 1916 г. и т.п.

С первых же дней войны выявилось попрание армиями и политиками воюющих стран норм международного права. Произошло тревожное по своим масштабам и последствиям отступление правящих кругов от конституционных принципов, гражданских и политических свобод, завоеванных в ряде стран в упорных политических и социальных битвах конца XVIII – начала XX вв. Повсеместно усилились авторитарные, диктаторские тенденции. С определенными оговорками исключением на безотрадном фоне торжества милитаризма, шовинизма и реакции оставались США, и то во многом вследствие провозглашенного ими нейтралитета (вплоть до апреля 1917 г.), и Великобритания, сумевшая сохранить, правда, с существенными ограничениями военного времени и частично формально, устои парламент-

ского конституционного государственного строя. Сложнее обстояло дело во Франции, где из-за боевых операций в непосредственной близости к жизненным центрам страны широко применялись законы военного времени. В большинстве воевавших стран, особенно в первые годы войны, была свернута деятельность представительных органов местного самоуправления и повысилась роль центральной власти, военного командования и полувоенных организаций; вводились строгие меры против известных своими антимилитаристскими позициями партий и деятелей; были ликвидированы или резко урезаны права профсоюзов и важнейшие социальные завоевания трудящихся прежних лет. Рабочие многих предприятий, выполнявших военные заказы, зачастую переводились на казарменное положение; за нарушение правил внутреннего распорядка виновные подлежали судебным преследованиям либо отправке на фронт.

Именно за время первой мировой войны впервые в истории стало практиковаться в массовом порядке заключение в специальные охраняемые лагеря интернированных граждан неприятельских стран; в крайне тяжелых условиях содержались миллионы военнопленных в странах Антанты и Четверного союза, особенно по мере нарастания продовольственного кризиса и нехватки товаров первой необходимости. Усилился прессинг полицейско-репрессивного свойства; повсеместно действовали военно-полевые суды; широко применялись к "подрывным" элементам (в том числе и в демократических, нейтральных США) многие драконовские положения уголовных кодексов и военных регламентов, а также различных законов о государственной безопасности. В условиях войны пропаганда сформировала культовое отношение к руководящим военным структурам – военным ставкам, генеральным штабам, командующим фронтами, военными округами, крупными воинскими подразделениями, и т.п. Военный мундир стал непременным элементом политического ландшафта. Вместе с тем стремительно усиливалось влияние на государственные институты и политику истинных хозяев экономики – видных финансистов, промышленников, земельных магнатов. К их помощи активно прибегали правительственные структуры для решения весьма сложных в условиях крупномасштабной и затяжной войны задач финансового и материального обеспечения военных действий и вооруженных сил, а также по мере возможности – поддержания на минимальном уровне системы жизнеобеспечения в собственных странах.

С самого начала кровопролитные сражения на фронтах дополнились "психологической" и "информационной" войной, ведущейся всеми воюющими странами. Она имела целью убедить граждан собственных стран и мирового общественного мнения в непричастности к развязыванию войны соответствующих правящих кругов – политических, дипломатических и военных, сформировать отталкивающий образ "врага", отказав ему в цивилизованности и человечности. И страны Антанты, и Центральные державы стремились снять с себя вину за жестокие методы ведения войны, возложить всю ответственность за пренебрежение нормами гуманности и права на неприятеля. В Германии и Австро-Венгрии подобные обвинения адресовались российским солдатам, особенно казакам. Населению Бельгии ставилось в вину непрекращавшееся сопротивление оккупантам, на Великобританию возлагалась ответственность за политику экономиче-

ской блокады, препятствовавшей жизненно важным для Германии поставкам продовольствия, сырья, горючего. В странах Антанты важным аргументом для обвинения Центральных держав, в особенности Германии, в агрессивности и варварстве было нарушение нейтралитета Бельгии и Люксембурга. К этому добавлялась судьба Сербии и ряда других государств, политика немцев и их союзников в оккупированных странах и регионах – в восточных департаментах Франции, в Бельгии, на Балканах, в западных территориях Российской империи и т.п. По мере расширения Германией подводной войны ей было вменено в вину, особенно правительством США, нарушение свободы торговли и мореплавания, интересов нейтральных стран. Мемуары современников и участников войны, а также отчеты созданных повсеместно специальных комиссий, занимавшихся сбором данных о злодеяниях противника (такая комиссия была создана и в России), изобилуют фактами расправы с ранеными и пленными, издевательств над ними. Документы повествуют о многочисленных преступлениях, совершавшихся в отношении мирных жителей, грабежах, расхищении и разрушении культурных и материальных ценностей и религиозных святынь, бесчинствах по отношению к священнослужителям, медикам, старикам, женщинам, детям и т.п.[15]

За этими взаимными обвинениями (чаще всего обоснованными) скрывалась истинная трагедия целых народов, раздавленных безжалостным катком войны. Не говорилось также и о тягостных последствиях разрушения в одночасье экономических и торговых межгосударственных связей, игравших весьма важную роль в функционировании национальных экономик, прекращения железнодорожного сообщения и иных видов транспортной связи. А ведь все это наряду с ростом военных расходов и милитаризацией экономики вело к острому дефициту продовольствия, товаров первой необходимости, катастрофически ухудшало условия жизни населения целого континента, отзываясь рикошетом на населении колоний и периферийных стран.

С первых же дней войны широко использовались методы тайной дипломатии и двойной игры – по отношению к собственным союзникам, во взаимоотношениях с нейтральными странами и в демаршах, ориентированных на противников, что не мешало деятелям Антанты и Центральных держав обвинять друг друга в коварстве, обмане, посягательствах на принципы международного права. Так, в опубликованном в 1915 г. документе, посвященном нарушению прав человека противником в ходе военных действий 1914–1915 гг., французское правительство предъявило внушительный перечень совершенных Германией преступлений. Перечислялись нарушение нейтралитета Люксембурга и Бельгии и французской границы еще до объявления войны; расправа с пленными, грабежи, поджоги, кражи, убийства; разрушение монументов – памятников искусства, религиозных объектов и домов милосердия; немотивированная жестокость по отношению к мирному населению, этнические чистки. Примерно в это же время в Германии появилась работа Э. Мюллера-Майнингена "Мировая война и нарушение прав народов". В ней содержались подобные же обвинения, на этот раз в адрес Антанты. В числе их фигурировали обвинения за перенесение военных действий на мировую периферию, сочетание военных действий между европейцами с колониальными войнами и

использованием туземных частей; нарушение нейтралитета Суэцкого канала; нарушение китайского нейтралитета Японией и британское нападение на Цзяочжоу; жестокости русских в Восточной Пруссии; еврейские погромы в Польше и на Кавказе; бомбардировки мирных городов и т.п.[16]

Проявлением "информационной войны" являлось строгое дозирование информации о ходе военных операций, потерях, сокрытие сведений о зверствах в отношении мирного населения. Возвеличивались частные успехи и замалчивались крупные военные катастрофы. Это было характерно в первые годы войны для периодических изданий стран Антанты, а в конце войны – государств Четверного союза. Круг замалчиваемых сведений постоянно расширялся. Запреты вводились на публикацию данных о запасах зерна и других видов продовольствия, о состоянии здоровья и рождаемости, о пищевых рационах, о пароходном сообщении и т.п. В целях непосредственного психологического воздействия на население широко использовались кинофильмы, посвященные героизму солдат "своей" армии и зверствам противника. Этой же цели служили альбомы фотографий, патриотические песни, официальные церемонии награждения и т.п. Военные и патриотические сюжеты широко использовались в изображениях на почтовых открытках, плакатах, в лубках и иных формах изобразительного искусства, в театральных и уличных агитационных представлениях. Все это должно было, по выражению Ферро, превратить гражданина XX в. в патриота-солдата, без колебаний и сомнений доверяющего властям и преисполненного веры в победу.

Новые черты войны как войны мировой, тотальной, осуществлявшейся с использованием массовых армий и мощных новейших средств разрушения, явились во многом неожиданностью для правящих кругов воюющих стран. Накануне войны и в ее первые годы они по-прежнему были склонны считать внешнюю политику и военное дело исключительным доменом монархов, аристократической части общества, поставляющей кадры военачальников и дипломатов, узкого состава руководящих правительственных ведомств, занимавшихся военными и внешнеполитическими вопросами. Государственные деятели и политики болезненно переживали малейшее вмешательство в эти вопросы оппозиционных партий и прессы. Далеко не сразу были в полной мере осознаны таившиеся в новом типе современной войны опасности социальных потрясений, политических и геополитических подвижек. Казалось, что с помощью жестких мер репрессивно-полицейского свойства и успешного решения военно-стратегических задач можно будет обеспечить победоносный исход войны, и к тому же в короткие сроки. Однако с ходом войны для наиболее дальновидных политиков становилось очевидным, что новый тип современной тотальной войны предполагает иной тип "внутреннего мира". Существенным условием военных успехов, наряду с финансовыми, экономическими, людскими ресурсами становилось гражданское самосознание бойцов на передовой и "тружеников тыла", тех, кто обеспечивал производство и воспроизводство необходимых для ведения крупномасштабной войны боеприпасов, военной техники, снаряжения и обмундирования, продовольствия, топлива, сырья, поддерживая жизнеспособность хозяйства и самой страны.

2. Версии национального согласия. У истоков "массовой демократии"

Война свела в смертельной схватке монархии и республики, индустриальные гиганты и отсталые, по преимуществу аграрные страны, развитые и прогрессивные в гражданско-правовом отношении общества и традиционные социумы, продолжавшие во многом функционировать по средневековым иерархическим и сословным канонам. Она выявила противоречивость европейской цивилизации и таившиеся под фасадом ее общности глубокие различия между странами Западной, Центральной, Северной и Южной Европы, а также специфичность восточноевропейского цивилизационного ареала.

Эти цивилизационные, социально-политические и экономические особенности воюющих стран во многом влияли на характерные черты двух военно-политических блоков и на взаимоотношения внутри их. Коалиционный характер войны был явным преимуществом прежде всего для более отсталых в военном и экономическом отношении стран. Вместе с тем он порождал немалые сложности в межсоюзнических взаимоотношениях, в первую очередь между лидерами коалиций и их "рядовыми" партнерами. Так, в Четверном союзе ведущей силой являлась весьма продвинутая в индустриальном, научно-техническом отношении Германия, обладавшая, по оценке современников, перед войной едва ли не самой мощной армией.

Консолидация различных слоев германского общества вокруг монархии Гогенцоллернов подогревалась военными успехами рейхсвера в 1914–1916 гг., проектами "Срединной Европы" и политикой систематического ограбления оккупированных территорий. Поддержка войны руководством СДПГ дала официальной проправительственной пропаганде важный козырь. Она позволила германскому милитаризму предстать в образе борца против российской империи и самодержавия, против "деградировавшей" французской демократии и "предательницы" Италии, против сербских "подстрекателей" сараевского покушения.

Союзницами Германии, не способными оспаривать ее лидерство в военно-политическом блоке, являлись две империи – Австро-Венгерская и Османская – и монархическая Болгария. Для этих стран победа в войне была важным условием сохранения и укрепления государственности – имперской и многонациональной – для Австро-Венгрии и Турции и шансом на упрочение территориальных и политических позиций на Балканах – для Болгарии. В противовес Германии, которая на протяжении трех с лишним лет выносила основную тяжесть борьбы на два фронта, а вместе с тем оказывала прямую военную помощь своим союзницам вооружением, снаряжением, военными силами, офицерскими кадрами и т.п., все они задолго до завершения войны оказались в сложном социально-политическом положении. Объяснялось это, прежде всего, резким снижением авторитета правящих военно-монархических кругов, слабостью экономического и военного потенциала и в целом довольно невысокой боеспособностью армий, особенно на завершающем этапе войны.

В своем неистовом стремлении к победе "любой ценой" милитаристские и реакционные круги Центральных держав, прежде всего Германии, загнали себя в политическую ловушку, и это в то время как после вступления

США в войну на стороне Антанты все весомее становилось военно-экономическое превосходство этого блока. Роковой просчет ориентации на войну "до победного конца" признали после завершения войны видные деятели Германии и Австро-Венгрии, в том числе прямые виновники этого курса. Свидетельством политического банкротства правящих кругов стран Четверного союза, помимо военного поражения, стали пережитые этими странами потрясения в конце войны и после нее.

Несравненно большей свободой политического маневра обладали правящие круги ведущих стран Антанты – Великобритании и Франции, а также США. Они сумели с самого начала войны умело использовать национальные и демократические ценности, доказывая неотвратимость борьбы против "прусского милитаризма и тевтонского варварства". Позднее они перехватили у своих политических оппонентов, прежде всего революционной социал-демократии, идеи демократического мира, придав им, в противовес большевистской концепции мира через революцию и свержение капитализма, свою, "гуманистическую" интерпретацию. Помимо этого во Франции мощным фактором поддержания высокого гражданского настроя была коллективная историческая память о драматических взаимоотношениях Франции и Германии с 1870 г. Близко к сердцу население страны принимало судьбу оккупированных и разоренных войной восточных департаментов, реальную угрозу Парижу вплоть до исхода "верденской мясорубки". Призыв к спасению родины, исходивший от государственных деятелей, политиков, военных, деятелей культуры, находил немалый отклик в обществе и в армии, хотя последняя страдала от тяжести окопной жизни и страшной кровавой дани, которую собирала военная жатва с цвета французской молодежи, призванной в армию. Этот призыв к патриотизму подкреплялся обещаниями радикально улучшить международное положение Франции, укрепив ее восточные границы, вернуть Эльзас и Лотарингию, оздоровить ситуацию в Европе, покончить с одиозными проявлениями казарменной культуры и политического деспотизма.

В таком ключе трактовал военные задачи Франции в работе "Современная война в свете исторического опыта" (1916) известный историк А. Олар. Он обратил внимание на двойственную природу войны. Жестокость и кровавый характер сражений делали ее бесспорным злом. Однако оставалась надежда, что война послужит эмансипации французской и европейской цивилизации от германской военной машины, защитит государственную целостность Французской республики, упрочит присущие ей ценности свободы, справедливости и братства. Олар полагал, что именно война облегчит организацию Европы на началах мира, соблюдения прав человека, дружбы народов[17]. В унисон ему известный ученый-физик А. Бергсон увидел в войне симптомы общецивилизационного кризиса и антигуманности индустриальной цивилизации. Вместе с тем он подчеркивал, что смертельная угроза Франции и Европе исходит от кайзеровской Германии. Именно в ней, по убеждению Бергсона, совместились и переплелись традиции прусского милитаризма, мощь индустриализма и современные претензии на гегемонию[18].

В призыве к защите демократии и цивилизации против "тевтонского варварства" и новоявленных "гуннов" с французскими сторонниками войны до победного конца были солидарны представители двух главных

фракций правящего политического класса Британии – консерваторы и либералы, сумевшие наладить диалог с крупными рабочими организациями – профсоюзами и лейбористской партией. Их важным успехом в борьбе за национальный консенсус стало одобрение парламентом решения об объявлении войны Германии, принятие Закона о защите королевства и других законодательных актов, расширявших полномочия исполнительной власти и ограничивавших политические и гражданские свободы. Бывший поборник курса социальных реформ Ллойд Джордж активно включился в кампанию по мобилизации населения страны на войну до победы. В многочисленных выступлениях перед массовыми аудиториями, в особенности среди рабочих, он не жалел красок для развенчания Германии. Эта страна представляла, по его утверждению, угрозу европейской цивилизации, поскольку-де при несомненных достоинствах немецкого народа и созданной им культуры последняя отличалась жестокостью и бездуховностью. Признавая ужасы, которые несет война, подчеркивая, что она поколебала устои Европы, Ллойд Джордж призывал англичан принять брошенный Германией вызов и довести битву до победного конца, иначе в случае победы Германия "фактически станет диктатором мировой международной политики"[19].

Иначе воспринимали цели войны представленные в блоке Антанты монархии, руководствовавшиеся в первую очередь династическими интересами. Любопытные суждения о целях войны и представлениях о будущем Европы, как свои личные, так и государственных деятелей, с которыми ему приходилось встречаться, содержатся в дневнике британского посла в Париже лорда Ф. Берти. Дневник был опубликован в 1927 г. и уже поэтому подвергся серьезному редактированию, но основные моменты восприятия его автором реальностей войны в нем, несомненно, отразились. Так, Берти откровенно формулировал цели войны со стороны Британии и Антанты в целом как борьбы не на жизнь, а на смерть с германским могуществом. Он выражал уверенность в разгроме Германии и Австро-Венгрии, ведущих держав Центрального блока, при участии Франции, России, Италии, балканских стран. Вместе с тем ввиду успешных операций российских войск против Австро-Венгрии осенью 1914 г., которые, как известно, весьма облегчили положение британских и французских армий на Западном фронте, посол иронически замечал: "Какой будет парадокс, если цивилизация будет спасена российским самодержцем"[20].

При всем своем консерватизме лорд Берти уповал на то, что в результате войны в России появятся "учреждения более современного типа, чем нынешние"[21]. Уже с 1915 г. на страницах дневника высказывались серьезные сомнения в способности Российской империи перенести испытания войны. Автор подчеркивал гибельность политики Николая II, которая, по его оценке, была чревата военным крушением империи и соответственно могла серьезно осложнить военные шансы стран Антанты. Не менее критичен был Берти и по отношению к балканским союзникам Антанты: "Балканские монархи с их тщеславием, честолюбием, интригами, симпатиями и антипатиями – сущий ад. Они ставят свои личные интересы выше интересов своих стран"[22].

Асимметричность военно-политических блоков с точки зрения представленных в каждом из них типов государственных режимов, социокультур-

ных и этнонациональных общностей обусловила немалое разнообразие типов "национального консенсуса" на начальном этапе войны и форм их последующей эволюции под воздействием возраставших трудностей военного времени. В наиболее продвинутых в политическом отношении странах Антанты – Британии, Франции, Бельгии с высоким уровнем образованности и удельного веса промышленности и городской культуры, с развитым правовым и национальным самосознанием и с конституциональными традициями "национальный консенсус" во многом был достигнут с помощью демократической риторики, апелляции к государственным и национальным интересам, призыва правящих кругов к населению в форме парламентских обращений и через демократические институции достойно пройти через испытания войны ради государственной и национальной безопасности, восстановления мира в Европе и мире, разгрома источника милитаризма и гегемонизма – Германии. В Германии же, где главную роль играли милитаристские союзы, приоритет имели расширительно интерпретированные национально-государственные интересы и призыв к подчинению им интересов общественных и личностных. Он дополнялся рассуждениями о гибельности для судеб и будущего Германии угроз, проистекавших на Западе от деградирующей британской и французской культуры и культурного гегемонизма, а на востоке – от "русского колосса". Эти убеждения стали в первые годы войны атрибутом не только политических и интеллектуальных элит, но и массового сознания: они придали германской армии качества некоего монолита, важного механизма сплочения государства, общества и граждан.

Милитаризация общества принимала различные формы. В наиболее развитых в цивилизационном отношении странах Европы она достигалась за счет определенного поправения общественно-политических партий и течений, в том числе оппозиционных правящему режиму. Ввиду чрезвычайных условий войны здесь принималась идея "социального мира", несмотря на четко выраженную социальную стратификацию общества. Иной тип обеспечения "национального консенсуса" и механизмов его поддержания был присущ более отсталым в цивилизационном отношении странам Центральной и Восточной Европы, в том числе Российской, Османской и Габсбургской империям. В Турции главным механизмом подчинения неструктурированного и мало политизированного общества и подавления любых форм неповиновения являлись жесткий военно-полицейский режим и сопряженные с ним репрессии, а также применение массовых карательных акций против национальных окраин и нетурецкого населения. В балканских странах правящим кругам, широко применявшим репрессивные меры, удавалось опираться на этноконфессиональные разновидности патриотизма и исторические традиции многовековой борьбы за сохранение "своих" социокультурных черт и религиозных предпочтений против "иноземных" завоевателей и соседей, а также на осознание ценностей государственной самостоятельности, с трудом обретенной в XIX – начале XX столетия. В Австро-Венгрии таким связующим звеном на первых порах была идеология имперства, разрушенная войной, сопряженными с ней испытаниями и возросшими национально-государственными устремлениями народов многонациональной империи.

Более сложную эволюцию претерпевал общественный и государственный консенсус в Российской империи. Многие представители правящих кру-

гов и основные партии монархической и конституционно-монархической ориентации, равно как и часть российского генералитета не без опасений относились к перспективе возникновения общеевропейской войны. Они помнили о национальной катастрофе в ходе русско-японской войны и ускоренной ею революции 1905–1907 гг. В одном из манифестов 1905 г. Николай II, санкционируя дискуссию о путях политического обновления российского государства, признавал дефицит гражданской сплоченности среди подданных империи. Период 1906–1914 гг. был отмечен повышенным вниманием царизма к формированию патриотических чувств и государственного самосознания в российской армии и в обществе. В этих целях был использован 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г., 300-летие дома Романовых; критически переосмысливался опыт русско-японской войны. Уже в предвоенные годы у крупных политических деятелей и представителей российского генералитета складывалось представление о комбинированной социальной функции армии как государственного и общественного института, об особой роли в современной войне взаимозависимости между боевым и моральным духом армии и "общественным настроем". Страх перед вторжением "политики" в армию совмещался с признанием важности гражданственных чувств для массовых армий, отождествлявшихся зачастую в военной публицистике с понятием "вооруженного народа". Вокруг понятия патриотизма – "истинного" и "ложного" – развертывались дискуссии убежденных сторонников самодержавия, поборников "консервативного" и "национального" либерализма и представителей радикально-демократического и социалистического спектра сил; антитезой ему служили понятия интернационализма и космополитизма. Наряду с этим продолжали дебатироваться проблемы имперства и его функций, роли наций и национального фактора в мировой политике, равно как геостратегических и экономических аспектов последней.

Начало войны с Германией и Австро-Венгрией ознаменовалось волной богослужений по всей стране за дарование победы русскому оружию. Эйфория первых недель войны на время устранила в определенных кругах российской элиты и поддержавших их общественных течениях небезосновательные опасения в отношении готовности народных масс выдержать предстоявшее стране военное испытание. Весьма показательно, что в ходе аудиенции, данной французскому послу Палеологу 4 августа 1914 г., под свежим впечатлением от вступления в войну Франции и Великобритании Николай II оценил предстоящую войну как очень жестокую, опасную и долгую. Он счел нужным особо подчеркнуть: "Нам нужно вооружиться мужеством и терпением. Что касается меня, то я буду бороться до последней крайности. Для того чтобы достичь победы, я пожертвую *всем, вплоть до последнего рубля и солдата* (курсив наш. – *Авт.*). Пока останется хоть один враг на русской земле или на земле Франции, до тех пор я не заключу мира"[23]. Сознавая критичность ситуации, царь без колебаний отверг путь к примирению в духе пацифистских резолюций Гаагских конференций 1899 и 1907 гг.

Общественный консенсус был достигнут на первых порах посредством сплочения вокруг самодержавия большинства оппозиционных партий, включая "конституционалистов" и ряд течений социал-демократии, и их отказа от политической борьбы по внутренним вопросам. Даже правые, кото-

рые в лице В.П. Мещерского, В.М. Пуришкевича, Н.Е. Маркова всегда проповедовали соглашения с германским императором, теперь повернули на 180 градусов. Они расценивали войну как дуэль насмерть между славянством и германизмом[24].

В отличие от Великобритании и Франции тема защиты демократии и необходимости борьбы против германского автократического режима в российской проправительственной прессе отсутствовала вплоть до 1917 г. Лидер российского либерализма П.Н. Милюков, как и вся культурная элита страны, поддержал "патриотический порыв", заявив, что "в такой момент все различия между партиями должны уйти в тень... Французы называют это L'Union sacrée – священное единение". Председатель Государственной думы М.В. Родзянко призвал правительство распустить Думу до конца военных действий, чтобы "она не путалась под ногами". Газета крупного бизнеса "Утро России" провозгласила, что с начала войны в стране "больше нет ни правых, ни левых, ни правительства, *ни общества* (курсив наш. – *Авт.*), есть лишь Единая Русская нация". Октябристский "Голос России" также убеждал: "Настал момент, когда все партийные различия отходят на второй план, в России может быть лишь одна партия – Русская"[25].

Отношение политизированной части российского общества к начавшейся мировой войне и ее целям являло собой противоречивый, причудливый сплав патриотизма, замешанного на лояльности самодержавию, с далеко идущими великодержавными претензиями царизма. Это сыграло роковую роль в дальнейшем отчуждении власти и народа, так называемого "общества" (в его элитарном виде) и народных масс, существенно сузило политические ресурсы российского либерализма, усилив непопулярность конституционализма и парламентаризма в массах.

Российский путь в мировую войну не был уникальным. В какой-то мере его характерные черты воспроизводила политическая ситуация в других странах – особенно в Австро-Венгерской и Османской империях, в функционировавших в основном на традиционалистских принципах балканских странах. Общество здесь в политическом плане и структурно было слабодифференцированным и организованным, здесь отсутствовало должное уважение к гражданским правам личности, правящие круги не понимали специфики тотальной войны, сопровождавшейся социализацией и политизацией армий и гражданского населения. Период войны, характеризовавшийся усилением авторитарных тенденций в государственной и общественной жизни даже в странах с развитым конституционно-парламентским строем, был безвозвратно потерян имперскими и монархическими кругами отсталых стран для реформ, способных предотвратить социальный взрыв и крах соответствующих режимов.

Как и опасались дальновидные государственные деятели ряда стран, тотальная война в гигантской степени ускорила процесс социализации широких масс и их превращение из роли статистов исторической драмы, навязанной им "верхами" и чрезвычайными обстоятельствами 1914–1918 гг., в активных участников событий мировой значимости. Современные исследования в области культурологии, этнопсихологии, социальной антропологии позволяют несравненно лучше понять масштабное воздействие первой мировой войны на мироощущение и мировосприятие вовлеченных в водоворот событий гигантских масс и различных социокультурных общностей. Это

воздействие вызвало серьезное переосмысление ими системы ценностей и норм, способа мышления и действий, восприятия себя как личности, равно как многофункциональных связей социальных субъектов с окружающим их социумом, с государством и миром в целом[26].

Виды социализации в условиях войны 1914–1918 гг. были достаточно многообразны. Частью они как бы воспроизводили и интенсифицировали процессы и тенденции довоенного бытия, частью существенно отличались от них, порождая конфликт между преемственностью и обновлением на уровне общественного сознания. Так, из-за массового призыва в армию трудоспособного мужского населения и роста промышленного производства, усиленными темпами осуществлялось втягивание в производственные процессы женщин, подростков, представителей национальных меньшинств (во Франции в военном и иных видах производства использовался труд выходцев из колоний – вьетнамцев, алжирцев и т.п.). Усилился приток в армию наемного труда выходцев из средних слоев, а также сельских жителей. Вчерашние домохозяйки, зачастую с ограниченным кругозором и по преимуществу с религиозным мировоззрением, включались в жизнь трудовых коллективов. Впервые в жизни они соприкасались с такими организациями, как партии и профсоюзы (там, где они действовали легально), с организациями взаимопомощи, что само по себе способствовало их развитию. Именно с первой мировой войны ускорился процесс феминизации армии наемного труда, включения женщин в большую политику, продолжавшийся не без трудностей и попятных процессов на всем протяжении XX столетия. Война ускорила также процессы индустриализации и урбанизации во многих странах. Она усложнила систему международного и внутристранового разделения труда и предвосхитила новое обострение конкурентной борьбы за рынки сбыта и источники сырья по завершении военных действий[27]. Тем самым заранее обрекались на немалые экономические трудности страны, наиболее разоренные в ходе войны, в особенности побежденные государства, периферийные государства и колонии.

Вчерашний крестьянин, зачастую неграмотный или полуграмотный, не покидавший до этого родного селения, а теперь оторванный от родной и привычной среды, оказывался в опасностях и испытаниях фронтовой жизни. Он постигал азы политики и усваивал в меру своего понимания формы протестного мировоззрения, коллективных действий, сталкивался с широким кругом лиц с разным жизненным опытом – вчерашними рабочими, интеллигентами, представителями национальных меньшинств и т.д.

Современник войны 1914–1918 гг., уроженец одного из отсталых итальянских регионов – Сардинии, А. Грамши подчеркивал, что до начала войны итальянский крестьянин (равно как и сельский житель России и других стран, сохранявших аграрно-индустриальный характер) представлял "мельчайшую частицу хаотического беспорядка"; он был неспособен "предпринимать систематические и постоянные действия, направленные на изменение экономических и политических условий общественного существования", а его восприятие окружающего мира отличалось определенным примитивизмом. "Четыре года, проведенные в окопах, неисчислимые кровавые жертвы, – писал далее Грамши, – коренным образом изменили психологию крестьянина... *Индивидуалистические эгоистические инстинкты ослабли, возникла* общая психология, общие чувства; крестьяне приобрели навык социальной

дисциплины и стали воспринимать государство во всей его грандиозности, безграничной мощи, во всей сложности его системы. Они стали воспринимать мир не как нечто безгранично огромное вроде вселенной и не как нечто узко ограниченное, мелкое, нечто вроде деревенской колокольни, а как совокупность конкретных государств и народов, сильных и слабых сторон социальной жизни, армий и машин, богатства и бедности"[28].

Особым эмоциональным и психологическим потрясением становился опыт соприкосновения с миром смерти, со страшной мощью новейших средств истребления, созданных человеком для уничтожения себе подобных. Миллионы простых людей, извлеченных из условий привычной повседневной жизни, вынуждены встретиться лицом к лицу с чудовищной мощью индустриализма, поставленного на службу военным целям. В первый раз техническая мощь современного индустриализма была поставлена в таких широких масштабах на службу разрушения и смерти: воин-человек становился заложником военной техники, массовых сражений, все чаще превращавшихся в гигантскую мясорубку, уничтожавшую и калечившую миллионы человеческих жизней. "Массовые армии первой мировой войны, – справедливо подчеркивал видный итальянский историк Р. Ромео, – оказались перед лицом экстремальных обстоятельств, в которых испытывались под страшным напряжением идеи и чувства, религиозные и политические убеждения, отношения индивида с коллективом, в равной мере присущий каждому из них эгоизм и дух солидарности. Они выходили из этих испытаний глубоко изменившимися и обновленными"[29].

Последние годы войны и особенно послевоенные процессы показали, как многообразны были эти последствия в зависимости от свойств характера и личности, национального темперамента, тяжести перенесенных невзгод, выпавших на долю фронтовиков. Не случайно именно из их числа позднее формировались выдающиеся революционеры и бунтари-анархисты, члены фашистских организаций и "рот-фронтовцы", убежденные патриоты с сознанием выполненного перед родиной долга либо страстные антимилитаристы. Но при всем многообразии судеб большинство их, особенно по мере затягивания войны, склонялись к выводу, что это должна быть "последняя война" и виновники ее должны понести суровое наказание.

Серьезному испытанию на войне подвергались религиозные убеждения, верноподданнические настроения "стихийных" монархистов, законопослушных граждан. Повсеместно война способствовала секуляризации общества, снижению авторитета церкви, освящавшей массовую бойню; возрастало критическое отношение к политике властей, к командованию (прежде всего, при неблагоприятном развитии военных действий, кровавых бесплодных атаках). Но надо всем превалировало чувство усталости от войны, проявившееся уже в 1915 г. Мощным фактором роста антивоенных настроений на фронте и в тылу в 1916–1918 гг. стало усугубление социальных тягот, порожденных войной: нехватка продовольствия, эпидемии, разрушение жилищного фонда, бедствия беженцев, вынужденных перед лицом неприятельского наступления бросать родной кров и скудный скарб, затруднения с топливом, транспортом, медикаментами. И все это на фоне обогащения на войне фабрикантов и банкиров, топливных и транспортных королей, поставщиков зачастую некачественного военного снаряжения, обмундирования, спекулянтов, наживавшихся с помощью

черного рынка, уклонения от пребывания на фронте, а то и от военной службы вообще сыновей богачей, знати. Бросалась в глаза дискриминация солдат по сравнению с лучшими условиями службы и быта офицерского состава.

На этой почве в 1916–1918 гг. в большинстве воюющих стран стало складываться стойкое чувство ожидания радикальных социальных перемен, то, что, по определению того же Грамши, можно назвать "социализмом военного времени". Несомненно, это отражало усиливавшееся отторжение многомиллионными массами системы, порождавшей войну, и тех политических порядков и институтов, в основу которых было положено отлучение широких масс от политики как таковой, от решения вопросов войны и мира, в первую очередь. Разумеется, с наибольшей силой подобные настроения проявились в тех странах, где население в силу относительной неразвитости капитализма и гражданских структур познало тяготы войны в их крайней форме, понесло особенно тяжелые человеческие жертвы, испытало невыносимые материальные лишения и моральные страдания. Неудивительно, что в первую очередь в России, Австро-Венгрии, Османской империи проявлялась неспособность архаичных административных и хозяйственных структур обеспечить не только должные материальные ресурсы и условия для продолжения военных операций, но и решение главной продовольственной проблемы, во многом определявшей моральную атмосферу на фронтах и в тылу. Во Франции, Великобритании, Германии еще удавалось создать, хотя и ценой перенапряжения и ущемления интересов крестьянства и средних слоев (а в Германии – путем массовых реквизиций на оккупированных территориях), общенациональную систему рационирования основных предметов питания. Но в Австро-Венгерской, Османской и Российской империях, а также в балканских странах социальный и продовольственный кризис принял катастрофический характер.

С особой силой это сказалось в России с ее огромными пространствами, неразвитостью и развалом средств сообщения, с неповоротливым бюрократическим аппаратом. Вслед за "снарядным" кризисом 1915 г. в 1916–1917 гг. в России разразился кризис жизнеобеспечения страны, повлекший паралич хозяйственной системы. На эту сторону системного кризиса в России уже в годы войны обратил внимание в получивших известность работах молодой талантливый экономист Н.Д. Кондратьев.

Война дала мощный импульс государственно-монополистическим методам управления экономикой и повысила соблазн со стороны милитаристских кругов и правоэкстремистских сил привнесения военных, командных методов в решение вопросов национального развития. Апология культа "национальной дисциплины", жесткая критика демократии и парламентаризма, а также идеи разделения властей, пропаганда сверхцентрализации и огосударствления всей хозяйственной деятельности на определенных этапах дополнялись конкретными мерами по утверждению открытой военной диктатуры. Они опирались на опасные авторитарные тенденции стихийных процессов общественного развития (особенно в сфере общественной психологии) в условиях войны – неизбежного следствия порожденных ею катаклизмов. На завершающем этапе войны и особенно в первые послевоенные годы это проявилось в массовом – на сознательном и стихийном уровнях – переосмыслении природы государства, отношения к властным структурам,

природы и функций "верхов" и "низов" общества, прав и привилегий "элиты" и "масс". В сочетании с глубоким кризисом унаследованных от XIX – начала XX в. ценностных и программных установок религиозного и светского гуманизма, либерализма, демократии, социализма это порождало своеобразный моральный вакуум, обусловивший во многом остроту послевоенного кризиса.

Едва ли не главной жертвой войны стали просвещенческий гуманизм и прогрессизм. Поставленные под сомнение на рубеже XIX–XX вв. модернистской, иррационалистической культурой и философией, реалиями "вооруженного мира" и сопряженного с ним ощущения катастрофы, они быстро утрачивали заметное влияние, уступая место мрачным предвосхищениям мировых катаклизмов, размышлениям над превратностями судеб, бесцельностью существования цивилизаций, культур, этнонациональных и государственных социумов. Характерным примером этих перемен является фундаментальный, хотя и далеко не бесспорный труд О. Шпенглера "Закат Европы" (1918–1922).

Мировая война разрушила те духовные узы, которые связывали интеллектуальные элиты европейских стран, обеспечивая научно-технический и культурный прогресс и расширяя наметившееся взаимодействие представительных учреждений, национальных и межнациональных общественных структур (к их числу относились культурные, научные и образовательные центры, ставившие задачей развитие межгосударственных связей, а также иные формы контактов, призванные содействовать укоренению общеевропейской идеи и экономического сотрудничества). Для интеллектуальных элит воюющих и нейтральных государств весьма тяжелым испытанием оказался распад на враждующие блоки казавшейся все более однородной после преодоления тенденции к разобщению XVIII–XIX вв. европейской цивилизации и кризис цементирующих ее первооснов в виде индустриализма, конституционализма, правовых принципов функционирования государств и международных отношений. Они не только в массе своей не сумели противостоять натиску военщины, но и сами внесли немалую долю в милитаризацию государственных структур и общества. Так, представители германской культуры стали рупором германизма, его мессианской роли по отношению к "варварской России" и славянской расе как таковой, равно как деградировавшей, по их убеждению, западной цивилизации, представленной вырождающейся французской демократией и англосаксонским имперством и гегемонизмом.

В противовес им интеллектуалы стран Антанты один за другим выражали тяжелое разочарование в тевтонизме, возобладавшем под воздействием войны в германском обществе и общественном сознании. Германия, которая еще так недавно в представлении поклонников германского государства и культуры, казалось, давала Европе образец соразмерного соотношения между свободой индивида и авторитетом закона, между свободным развитием науки и достойной жизнью, теперь потрясала воображение исходившим от нее культом жестокости, насилия, попранием норм цивилизационности.

Но чем дальше продолжалась кровавая работа военных машин, тем сильнее звучали голоса тех интеллектуалов, которые усмотрели в мировой войне проявление кризиса европейской цивилизации и самого человека.

3. Человек на войне: "свои" и "чужие"

*Война – явление многомерное. В ней находят воплощение почти все стороны жизни общества, спроецированные, однако, на экстремальную ситуацию конфликта с внешним миром, с другими социумами. Общество в войнах, особенно крупных, вынуждено мобилизовывать весь свой ресурсный потенциал – экономический, социальный, оборонный и т.д. Но в ряду этих ресурсов ключевым практически всегда оказывается собственно человеческий потенциал в различных его проявлениях. Здесь и демографические характеристики населения страны, определяющие ее мобилизационные возможности, и "качество" населения, включающее его культурный, образовательный уровень. Здесь и целая совокупность явлений, относящаяся к духовно-психологической сфере, – от ценностных ориентаций членов общества до его психологической устойчивости, определяющейся рядом социокультурных и историко-ситуационных факторов. Среди них имеют значение и отношение населения к войне (воинственность или миролюбивость), и отношение к собственной стране (патриотизм или космополитизм), и устойчивость представителей данной культуры перед лицом смерти, во многом зависящая от религиозных установок, этнокультурных традиций и др.

Свою роль играет и степень внешней угрозы в конкретной войне. Она может колебаться от относительно малозначимых для основной массы населения страны территориальных, экономических и т.п. претензий до тотального разрушения данного государства, народа, его культуры, всех основ национального бытия, вплоть до физического уничтожения населения. Естественно, степень решительности и ожесточенности сопротивления повышается по мере увеличения угрозы, масштабности и значимости потенциальных потерь в случае поражения. Эти и другие факторы формируют моральный дух не только общества, но и армии в ходе войны. Таким образом, психологическая составляющая войны – в ряду ключевых явлений, определяющих, в конечном счете ее исход, т.е. победу или поражение. Еще Наполеон полагал, что во всяком военном предприятии успех на три четверти зависит от данных морального (духовного) порядка и только на одну четверть от материальных сил[30].

Спектр историко-психологических проблем войны чрезвычайно широк. Он охватывает то, что принято называть национальным характером больших общностей. Здесь и психология непосредственных участников боевых действий (комбатантов), и психология общества в целом, включая тыл, и отдельно – психология политического, а также военного руководства, принятия военно-политических, стратегических и тактических решений, а также психология развития войны как военно-политического конфликта, а значит, и психология противника при тех же самых составляющих (т.е. психология субъектов массового действия, политического и военного руководства и т.п.). Важными историко-психологическими измерениями войны являются психология экстремальных ситуаций и фронтового быта, психология больших и малых войн, проблема психологического "вхождения" в войну и выхода из нее, взаимосвязей идеологических и психологических факторов и

---

* Данный раздел параграфа написан Е.С. Сенявской.

многое другое. Однако центральным связующим звеном всех этих измерений и аспектов является “человек на войне”.

Войны XX в. отличаются от предшествующих военных конфликтов несколькими очень важными характеристиками. Во-первых, еще во второй половине XIX в. изменился характер комплектования армий, рядовой состав которых в результате “приблизился” к гражданскому населению. В России это стало следствием перехода от рекрутского набора к воинской повинности с соответствующим сокращением сроков военной службы. Поскольку переход к воинской повинности, нередко всеобщей, распространился на многие страны мира, то и войны XX в., особенно крупные и тем более мировые, оказались по существу столкновениями гражданского населения, одетого в военные шинели. Несомненно, у таких армий была существенно иная психология, нежели у армий профессиональных, будь то наемных или формируемых на основе рекрутской повинности, так как и у тех, и у других военная служба являлась делом и образом жизни. В еще большей степени эти процессы отразились на гражданском населении, приобретавшем связанные с военной службой и собственно с ведением боевых действий навыки, а также опыт, противоположный ценностям, установкам, нравственным и правовым нормам гражданского общества – опыт “профессионально убивать”.

Второй принципиально важной особенностью военных конфликтов XX в. стало рождение такого невиданного ранее в истории явления, как мировые войны. По сути это было вовлечение в орбиту войны не только большинства государств и их армий, но и народов практически всех континентов, самых широких масс населения. Страна, вступавшая в такую войну, оказывалась тотально вовлеченнной в нее всеми сторонами общественной жизни, всем своим потенциалом и ресурсами. И вопрос стоял уже не о частичных уступках противнику, а нередко о самóм существовании государства и даже о существовании его народа. Именно в мировых войнах в наибольшей степени проявилась та негативная сторона размывания принципиальных граней между армией и гражданским обществом, которая явилась следствием перехода к всеобщей воинской повинности. В результате войны и сражения армий превратились в сражения народов, больших масс людей. Психологически это была принципиально иная, нежели в прежние времена, ситуация, со всеми вытекающими отсюда последствиями. “Прежние войны, – писал известный отечественный исследователь Г. Померанц, – вели профессиональные армии, сохранявшие что-то от рыцарских правил игры. Народы в целом не воевали. Возвращаясь к родным очагам, солдаты всасывались мирной средой, растворялись в ней… Мировая война все это переменила. Она загнала в окопы слишком много мужчин – добрую половину во всех цивилизованных странах. И цивилизация начала расползаться, как старая кожа змеи, и вылезла жестокость. Жестокость вошла в искусство, даже в религию… Жестокость надула паруса идеологий классовой и расовой борьбы… Война развязала вкус к жестокости, и он окрасил XX век”[31]. Именно мировым войнам многие народы в наибольшей степени обязаны формированием такого феномена XX в., как массовое милитаризированное сознание.

Третьей особенностью войн XX в. стал ускоренный технический прогресс, захвативший и военное дело. В результате этого техническое превосходство становилось постепенно доминирующим, а в конечном счете и

решающим в исходе вооруженного противостояния. Данный фактор не мог не повлиять и на социальную, и на духовную сферу жизни народов и стран. Развитие техники (вооружения, средств связи, транспорта и т.п.) в XX в. привело к радикальному изменению как внешней формы боя, так и его характера, включая психологию. При этом случавшиеся еще в XIX в. войны с преобладающей ролью сконцентрированной в одном месте "толпы" в следующем столетии сменились качественно новым типом сражений, масштабы и продолжительность которых неизмеримо возросли. Они приобрели разрозненный очаговый характер на театрах военных действий, а на смену "толпе" пришли рассредоточенные "во времени и пространстве" огромные войсковые массы. Они располагались на линии фронта, протянувшейся порой на тысячи километров. Особенно наглядно это продемонстрировала первая мировая война. Однако большинство военных писателей начала столетия представляли ее, исходя из опыта прежней эпохи. Они предсказывали будущую войну по-наполеоновски "сокрушительной" и быстротечной, не учитывая при этом новых экономических и морально-психологических условий, изменений в вооружениях. Но, по словам русского военного теоретика, участника войны Н.Н. Головина, "минувшая европейская война обманула всеобщие ожидания"[32]. Она оказалась необычайно затяжной.

Таким образом, именно техническому прогрессу XX век обязан превращением войн в явление, глубоко затрагивающее все общество, включая его тыл, приведшее к размыванию грани между фронтом и тылом. В результате мировая война в течение века дважды и надолго становилась образом жизни десятков стран и народов, а милитаризационные процессы инерционно сохранялись и в послевоенное время в течение многих лет.

Наряду с этими главными особенностями войны XX в., конечно, имелись и другие, во многом радикально изменившими их психологическую составляющую по сравнению с конфликтами предшествующих эпох. Не случайно первая мировая война буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации. Она показала, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный, правовой и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 год открыл дорогу войнам новой эпохи. В них проявилась невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость. Были принесены миллионы жертв после относительно "благонравных" войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу "традиции рыцарского благородства и воинского великодушия".

Первая в истории мировая война впервые выдвинула проблемы психологии, прежде всего массовой, в разряд важнейших и для фронта, и для тыла, и для самой исторической судьбы многих народов и государств. Важнейшим же условием активного участия больших масс людей в кровопролитной войне, их готовности рисковать и жертвовать своей жизнью является сильная положительная и "грамотная" *мотивация войны*. При ней война приобретает личностный смысл, смерть во имя "высших идеалов" (религиозных или социальных – вера, долг и т.п.) становится позитивной ценностью, страх нейтрализуется, а риск окрашивается положительными эмоциями. Такая мотивация задается государством специальными методами и мерами и должна быть адекватна как характеру и условиям войны, так и "качеству" населе-

ния государства – его социокультурным, религиозным, социальным и другим параметрам. В большинстве стран пропаганда войны опиралась на реальные основания, находившие психологический отклик у значительной части или даже у большинства населения.

Что касается России, то, хотя пропагандистский аппарат самодержавия прилагал немалые усилия для возбуждения патриотических и антигерманских настроений в стране и в армии, его работа в целом, как показала жизнь, только частично достигла цели. Правда, в самом начале войны российскому правительству удалось обеспечить общий патриотический подъем (который в дальнейшем оппозиционная, прежде всего революционная, пресса назвала патриотическим угаром). Однако в российской пропаганде преобладали абстрактность в сочетании с высокопарностью. Они явно не могли затронуть ни ум, ни сердце мобилизованных в армию представителей малообразованного, но прагматичного российского крестьянства, неоднородного в этническом отношении. Эти люди плохо представляли себе не только умозрительные понятия "о чести и величии России", но и не имели представления о таких более конкретных категориях, как славянство, Германия, Австро-Венгрия и их взаимоотношения между собой, с Россией и ее союзниками.

Обо всех этих проблемах, упиравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и в конечном счете в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в первой мировой войне, написал в мемуарах генерал Брусилов. Сетуя на то, что техническое оснащение российских войск было значительно хуже, чем у противника, он отмечал: "Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили". Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: "Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы - не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!"[33]

Брусилов делал неутешительный вывод и о причинах отсутствия в народных низах чувства патриотизма: "Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?! Чем был виноват наш простолюдин, что он не только ничего не слыхал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор – из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомст-

во со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!"[34]

Н.Н. Головин обратил внимание и еще на другую сторону проблемы – адекватность формулы "За веру, Царя и Отечество" специфике русского народного сознания, неотъемлемыми характеристиками которого являлись "родство с Востоком", "мистицизм, выявляющийся в малокультурной среде" и особое значение "обряда", своеобразной политической разновидностью которого являлась и эта формула. По его мнению, как только утратила силу одна, промонархическая, ее часть, она перестала работать целиком, и война фактически была проиграна. Отсюда и вывод Головина о том, что «психологическое строение русского патриотизма было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был ... лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни вырастают те более сложные виды "патриотизмов", которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке». И далее: "У наших западных друзей, благодаря большей социальной зрелости, самый патриотизм был несравненно более осознан в массах"[35].

Русская патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. На то были свои причины, в том числе и традиционное почитание немецких обычаев в армейской среде[36]. Однако попытки такого воздействия, безусловно, имели место. Об этом свидетельствуют названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: "Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян" (1914), "Почему Россия не может не победить Германию" (1914), "Как воюем мы и как воюют немцы" (1914), "Россия борется за правду" (1915), "Война за правду" (1915), "О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца" (1915), "Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью" (1916) и т.п. Уже в самих этих заголовках заметны и основные направления этой пропаганды (объяснение причин, целей и характера войны, формирование образа врага, призывы к исполнению воинского долга), и эволюция ее методов – от возвышенных обращений и абстрактной риторики в начале войны до предостережений и прямых угроз на ее завершающих этапах, когда у солдатской массы накопилась усталость от войны, усилились антивоенные настроения, падала дисциплина и нарастала угроза разложения армии. Интересно, что русские пропагандисты попытались нащупать те струны народного сознания, которые могли отозваться на соответствующее воздействие. Например, от непонятных для солдата-крестьянина идей защиты славянства, поддержания славы русского оружия и т.п. они нередко переходили к идее борьбы "за правду" как главной мотивировке войны против Германии. Она была столь же абстрактной, но находила отклик в русском менталитете и отвечала православным догматам.

Конечно, общество и армия были весьма неоднородны. Вследствие этого достаточно дифференцированным было в них отношение к войне. Так, в дворянских, купеческих и даже мещанских городских слоях патриотические чувства, особенно в начале войны, были чрезвычайно сильны. Данный факт отмечают многие современники. В этой среде формы выражения патриотизма были разнообразны и многочисленны. Среди них и такие "символиче-

ские", как торжественные молебны, шествия с портретами царя, хоругвями и знаменами, поздравительные письма и телеграммы, и т.п.[37] Имелись и другие формы проявления патриотических настроений, которые относятся к категории действенных. Среди них – добровольчество, материальные пожертвования в пользу армии, помощь раненым и т.п. В широких слоях народа традиционно теплым и участливым было отношение к солдатам, отправлявшимся на фронт, и к раненым, возвращавшимся с передовой. "Простонародье здесь, как и повсюду, пожалуй, горячее отзывается на войну, – записал в августе 1914 г. военный корреспондент А.Н. Толстой. – Например, торговки булками и яблоками ходят к санитарным поездам, отдают половину своих булок и яблок раненым солдатикам"[38].

К активным формам проявления патриотизма можно отнести и подачу военнослужащими тыловых частей рапортов и прошений о переводе их в действующую армию. Такие настроения были распространены и в аристократических "верхах" общества, и в средних городских слоях. Именно патриотическая приподнятость на начальном этапе войны наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судеб страны позволили в официальной пропаганде и в народном сознании утвердиться таким определениям первой мировой войны, как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их большевистским определением войны как "империалистической" или более нейтральным – "германской".

Среди ключевых проблем психологии войны – *восприятие противника.* Перед началом любой войны народу внушается мысль о ее необходимости и неизбежности, о защите национальных интересов, происках врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон – участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология "свой – чужой" в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстал образ врага в сознании современников и участников первой мировой войны? Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем освещение в каждом из них "образа врага" существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это в первую очередь периодическая печать, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к "культурному миру". Здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспевали обе воюющие стороны. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: "Невероятное зверство германцев" и "Казачьи козни", "Христиане ли немцы?" и "Мародерство русских при Эйдкунене", "Германские не-

истовства" и "Люди или звери", "Как воюют палачи" и "Партизанская война в России", и т.д.[39]

Каждая из сторон старалась представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называли главной причиной войны "зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить". Далее следовала убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: "С этой целью (уничтожения Германии. – *Авт.*) и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция, – писала 22 сентября 1914 г. "Военная газета" (официальный орган ОХЛ) в передовой статье "Причины войны". – Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной цареубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими живодерами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь"[40].

В свою очередь пресса стран Антанты возлагала ответственность за развязывание войны на Германию, на ее "извечную агрессивность", нацеленную на миролюбивых соседей. При этом антантовские газеты не жалели обличительных слов для государств Четверного союза. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркивались систематические нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение "правил игры" своей стороной либо отрицалось, либо объявлялось актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных русских казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных российской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии – массовым партизанским движением в этих странах. Французы в свою очередь поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу "око за око, зуб за зуб".

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и сравнительной объективностью оценок. Он часто носит аналитический характер. Это боевые донесения и доклады, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. Так, опросные листы свидетельствовали о том, что германские и австро-венгерские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добивают раненых[41]. То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, кстати, в отличие от предыдущего заявления подтверждалось многочисленными фактами. Один из военнопленных, рядовой австро-венгерской армии, признавался 2 декабря 1914 г.: "Сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась". А лично с пленным кубанские казаки, его захватившие, об-

ращались, по его словам, хорошо – "накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрячь коня и на возу довезли до русского госпиталя"[42].

Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательство над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае (1915 г. – *Авт.*), при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты – чехи, поляки и русины – и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, – рассказывал он. – Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: "Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают"»[43].

Несмотря на подобные факты, характеризующие жестокость противника, российские войска, как утверждал историк Н.Н. Яковлев, придерживались "рыцарского кодекса" ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус России[44]. По его данным, отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Порой на этой почве возникали неприятные казусы. Примером милосердного отношения к попавшему в плен врагу (впрочем, не одобренного ни начальством, ни общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П. Форселя, командира порта Императора Александра III в Либаве. Он неоднократно нарушал специальные распоряжения командования "не допускать проявления особого внимания и поблажек по отношению к военнопленным" и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого "Цеппелина". По данному поводу органы контрразведки провели особое расследование[45].

"Несанкционированное" уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного германского офицера с французского фронта находим любопытный эпизод, в котором были даны восторженные оценки мужеству неприятеля: "Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры… Что это за люди! Идут на верную смерть… Сегодня был такой случай. Начали, как всегда. Впереди – офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях. Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас… И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфуженно, как провинившийся школьник, пошел к своим…"[46] Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны. О воинской доблести вспоминали все меньше. В сознание глубоко запал синдром спасения тевтонской цивилизации от низ-

ших по уровню, коварных и мстительных наследников имперской традиции Наполеона и сервентов русского самодержца.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный накопленный за годы войны жизненный опыт. Это источники личного происхождения – письма, дневники, воспоминания. Причем в письмах с фронта отражались взгляды той части одетого в униформу народа, которая вела непосредственную вооруженную борьбу с противником, находясь с ним в прямом постоянном контакте. Письма же из тыла передавали опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему оставался обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров на Восточном фронте. 21 августа 1914 г. командир 33-го батальона капитан фон Бессер писал о боях в Восточной Пруссии: "Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали никому пощады потому, что русские нередко только делают вид, что сдаются, они поднимают руки кверху, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери"[47]. В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик: "Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война – это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим подчиненным"[48].

В письмах самого начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего было отмечено высокомерно-презрительным тоном. Но чем дольше длилась война, чем сильнее проявлялись усталость и здравомыслие, тем чаще неприятель воспринимался в облике такого же измученного войной человека, достойного иной доли, нежели быть убитым и забытым. Характерно, что подобные настроения начали распространяться на фронте и в тылу уже спустя несколько месяцев после начала боевых действий. И чем дальше, тем сильнее. Вот что писала жена немецкого солдата 17 декабря 1914 г. из Берлина: "Ты боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не думаю, дорогой Вилли, но когда это случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя – не попадайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда задумаешься, не понимаешь, почему, почему все это?"[49]

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую "общность" с противником, таким же "пушечным мясом", бесправной "пешкой" в непонятной ему игре каких-то высших сил.

В письмах с фронта унтер-офицера И.И. Чернецова говорилось о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. "Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов орудийных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество, и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год", – писал он сестре 22 декабря 1914 г., а уже 29 декабря сообщал: "Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас совершенно не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий, и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи"[50]. Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, сконструированный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека, вполне терпимого и одинаково тоскующего по дому. Тем ужаснее выглядели кровавые оргии "великих" сражений с сотнями тысяч убитых и раненых.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австро-венгерские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51-го пехотного полка писал 19 ноября 1914 г.: "Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди"[51]. А в одной из немецких газет за 5 апреля 1915 г. не без зависти говорится: "Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба"[52]. Но вот автор доклада российской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австро-венгерской армии, негодует совсем по другому поводу: "Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывавшей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель"[53]. Рапорт есть рапорт, он предназначен для глаз начальства, но кое-какие черты фронтового быта по обе стороны фронта он способен передать.

Интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в каждом из перечисленных видов источников. При этом даже в официальных докладах наряду со взвешенными про-

фессиональными оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвинения его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: "Недостаток образования и военной подготовки у русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы"; "У русских не хватает духа офензивы (наступления. – *Авт.*), тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне"; "Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить"; "Русские очень хитры, но зато трусливы"[54]. Впрочем и русские не оставались в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы армейской разведки на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: "Офицеры запаса (австро-венгерской армии. – *Авт.*), проявляя в бою малодушие и растерянность и совершенно не умея руководить своею частью, в то же время не менее строевых офицеров пользовались саблею и особой плетью для поддержания своего престижа и дисциплины, которая начинала падать"; "Офицеры австрийские, в числе 14 человек, взятые в плен Златоустовским полком, произвели, за исключением одного, удручающее впечатление своей неинтеллигентностью вообще, внешним видом и грубостью манер"; "Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров на смену явились покорный тон, сравнительная откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен"; "Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно отрепье"; "Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах"; "По словам пленных, настроение в войсках угнетенное"[55].

Впрочем "угнетенное настроение" постепенно с затягиванием войны зрело в армиях всех воюющих государств, и прежде всего в российской армии. Вместе с усталостью и желанием скорейшего мира растет озлобление против "виновников войны", внешних и внутренних. Вопрос о том, кого считать ответственным за войну, поднимался уже в конце 1914 г. Декабрь 1914 г., Восточный фронт, из донесений российской разведки: "Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по проискам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что бы то ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет"[56]. Июль 1915 г., Восточный фронт: "Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за две недели до объявления войны мобилизована"[57]. Июль 1915 г., на этот раз из письма немецкого офицера с французского фронта: "Зачем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умолял перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар"[58].

Таким образом, психология "свой – чужой" оставалась в силе почти до конца: "Свой всегда прав, чужой всегда виноват". Образ врага претерпевал некоторые изменения на "бытовом" уровне и сохранялся в прежнем виде на уровне "глобальном": ни один народ не готов был признать свою страну зачинщицей конфликта, искал и находил для нее оправдания – из патриотических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени – и изнеможение возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс приобретет ярко выраженный социальный характер, обрушится на собственные правящие элиты, подтолкнет к поиску спасения и спасителя. Одна всемирная катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоить человечеству еще большего числа жертв.

Итак, в сознании участников первой мировой войны существовало два образа врага. Первый, "глобальный", сформировался под воздействием националистической пропаганды. Он включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств. Второй, "бытовой", возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем более "мобильным" был именно второй образ. Что касается первого, то он закреплялся в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого "послевоенного синдрома".

Говоря о социально-психологических последствиях первой мировой войны, следует подчеркнуть следующее. Именно она "бросила" в мирную жизнь десятки миллионов мужчин, не только прошедших "науку жестокости", но и получивших неизбежные психологические травмы – так называемый посттравматический синдром. Еще 29 марта 1916 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандования России генерал Алексеев высказал тревогу по поводу будущей демобилизации армии: "Ведь это будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, который никто не остановит..."[59] Тем самым он предугадал действительный ход событий – революционный хаос, охвативший страну уже через год. Но аналогичные тенденции (в более мягкой форме) затронули и другие страны – участницы войны, особенно потерпевшие поражение Германию и Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию, хотя подобная угроза существовала и в государствах Антанты, в первую очередь в Италии.

* * *

*Для зарубежной и особенно отечественной историографии социально-психологические аспекты фронтовой повседневности – сравнительно новая тема. Нет ничего удивительного, что она наиболее интенсивно разрабатывается в рамках "новой социальной истории" австрийскими и германскими историками. Ими двигает, в частности, стремление полнее и глубже выяснить не только причины поражения армий "лоскутной монархии" и кайзеровской

---

* Данный раздел параграфа написан В.В. Мироновым.

Британские солдаты помогают раненому немцу

Германии, но и поведенческие особенности больших масс верноподданных Центральных держав, одетых в солдатские шинели и противостоявших в смертельной схватке Антанте и США. Ценность этих трудов и коллекций документальных источников вместе с аналогичными изданиями в Великобритании и Франции, состоит, прежде всего, в том, что они позволяют проследить динамику менявшихся настроений солдатских масс в воевавших западных странах с первых дней войны вплоть до ее окончания.

Происходившая на "окопном уровне" переоценка официальных целей войны, упрочение представлений фронтовиков о рациональном мироустройстве, несовместимом с бесцельным уничтожением человеческих жизней, процессы революционизирования армий Центральных держав во многом носили схожий характер с тем, что наблюдалось в русской армии. Они были обусловлены новым опытом, резко контрастировавшим с милитаристской эйфорией первых дней войны.

Австрийский историк К. Айстерер, опираясь на результаты изучения переписки императорских тирольских егерей австро-венгерской армии в годы войны, вообще считает преувеличенными масштабы патриотических настроений в австрийском обществе. По его наблюдениям, такие настроения зафиксированы преимущественно в мемуарах офицеров и в официальной литературе тех лет[60]. Германские историки А. Дорнхейм и У. Виденхофф, работающие в рамках научного проекта "Военная история снизу", также пришли к выводу о том, что участие в "окопной войне" германских добровольцев противоречило их идеалу боевых действий[61].

Переход войны в затяжную позиционную фазу влек за собой уменьшение дистанции между противоборствующими сторонами. Такое вынужденное сосуществование пробуждало интерес к противнику. Образ врага, наде-

лявшийся ранее звероподобными чертами, несколько поблек и уступил место "очеловеченному восприятию" противника[62]. В периоды затишья между окопами налаживалась меновая торговля[63]. На итальянском фронте были случаи, когда солдаты обеих армий, оставшись вне поля зрения офицеров, наносили противнику дружеские визиты, сопровождавшиеся совместным распитием спиртных напитков. Но возвращение офицеров на позиции могло привести к аресту находившегося в расположении воинской части врага. Из письма австрийского солдата: "Когда господин прапорщик ушел, итальянцы кричали нам и махали, несколько наших пошли. И я там был. У итальянцев было вино, а у нас ром. Мы беседовали и вместе выпивали"[64]. Потребность в контактах с противником возникала и тогда, когда требовалось похоронить убитых с обеих сторон, лежавших на нейтральной полосе. Информация о таких фактах просачивалась в печать[65].

Общие религиозные обычаи также способствовали размыванию пропагандистских клише, уподоблявших вражеских военнослужащих варварам. Уже зимой 1914/15 г. рождественские праздники на Восточном и Западном фронтах прошли под знаком взаимных поздравлений. Не ограничиваясь передачей продуктов, предназначенных для праздничного стола, австрийские военнослужащие адресовали письма своим противникам с пожеланием встречи в Новом году уже не в качестве врагов, а друзей, мирно пожимающих друг другу руку. Блокированный российской армией гарнизон Перемышля в ответ на передачу русскими рождественских поздравлений, в свою очередь, решился поздравить врага. Австрийцы передали, помимо угощения, несколько писем[66]. Военный корреспондент Г. Херцег встречал Новый 1915 год вместе с находившимся на позициях венским элитным полком "дойчмайстеров". Журналист отмечал, что, как и на Западном фронте, рядовые противостоявших друг другу армий сдружились. Конец подобным контактам был положен только спущенным "сверху" приказом[67]. Запись в дневнике поручика 2-го драгунского полка Э. фон Унтеррихтера, сделанная им 31 декабря 1915 г., содержала позитивную оценку русских, прекративших огонь по случаю Нового года: "Русские были так милы, что не сделали ни одного выстрела. Они делают подкоп до проволоки, надеюсь, что мы не взлетим на воздух"[68].

Особенно массовый характер стихийные перемирия, заключавшиеся с санкции командования полевого уровня, приняли на Западном фронте в канун Рождества 1914 г. Сказывались ожидания окончания войны на основе договоренности между правительствами. Большинство мирных контактов имели место на англо-германском фронте в Бельгии и Северной Франции. Участников мирных контактов с врагом ошеломил уже сам факт перемирия, последовавшего после пятимесячных ожесточенных боев. Встречи с недавними врагами на нейтральной полосе, сопровождавшиеся обменом рождественскими подарками, указывали на сохранение общечеловеческих ценностей в сознании солдат[69]. В аналогичные контакты с немцами кое-где были вовлечены и французы.

Специфика поведения французских военнослужащих в ходе перемирий определялась довольно активным участием в них в основном рядового состава. Офицеры же к контактам с противником относились пассивно и табуировали саму тему неофициальных контактов[70]. Из солдат германской армии, которые также шли на контакты с врагом вопреки воспитывавшейся

Британские и немецкие офицеры во время "перемирия" в Рождество. Декабрь 1914 г.

десятилетиями железной дисциплине, в перемириях участвовали главным образом баварцы и саксонцы, а отнюдь не пруссаки[71]. Рождественские "перемирия" на Западном фронте весьма подробно освещались британской прессой. В то же время французские и германские журналисты ощущали на себе давление военной цензуры[72]. Так было в 1914 г. Последующие военные годы на Западном фронте были отмечены лишь спорадически возникавшими попытками братаний на Рождество. Даже в 1917–1918 гг., несмотря на мятежи во французской армии, количество братаний было незначительно[73]. Напротив, на итальянском фронте еще в декабре 1916 г. братания не являлись редкостью. Их лейтмотивом была надежда на скорейшеее окончание войны. В труде генерала М. Хоэна, посвященном боевому пути 73-го пехотного полка австро-венгерской армии, рекрутированного из Вены, воспроизведены картины братания австрийцев и итальянцев[74].

На Восточном фронте в отличие от западного театра боевых действий наблюдалась иная закономерность в процессе братаний. Опыт совместного празднования религиозных праздников, полученный в декабре 1914 г., оказался востребованным и в течение пасхальной недели 1915 г. Как правило, такие встречи на нейтральной полосе проходили примерно по одному и тому же сценарию. Солдаты обнимались и целовались, произносили слова поздравлений, происходил обмен подарками, продуктами, сигаретами[75]. Таким образом, и за противником было признано право на отправление религиозного культа, что шло вразрез с пропагандистскими установками. Подобную активность проявляли не только солдаты славянских национальностей с обеих сторон. Наравне с ними во встречах с военнослужащими вражеских армий участвовали австрийцы и немцы[76].

Такие контакты с врагом прямым образом воздействовали на психологию фронтовиков, внося коррективы в представления и о противнике, и о подлинных причинах войны. Художник В. Кауфман передал чувство, охва-

тывавшее австро-венгерских фронтовиков при прямом общении с российскими солдатами в 1917 г., в следующих словах: “Это произвело самое большое впечатление: вдруг стоять без всякой ненависти, лицом к лицу с людьми, с которыми мы сражались, используя все, на что мы способны”[77]. Во время встреч с солдатами из противоположного лагеря австрийцы не только выменивали продукты и другие вещи, но и обращались к русским с необычными просьбами. Так, австрийский взводный попросил русских солдат передать письмо его двоюродному брату, находившемуся в русском плену в Омске. Русские выполнили эту просьбу, вручив взводному через некоторое время ответ от брата. По словам австрийца, после этого у него отпали последние сомнения, хотели ли русские войны с австрийцами[78]. Однако инициатива заключения перемирий, исходившая нередко от командования полевого уровня, категорически не одобрялась верховным командованием, поскольку контакты с военнослужащими вражеской армии способствовали подрыву боевого духа. “Самодеятельность”, как правило, заканчивалась отстранением от должности командиров, санкционировавших перемирие с противником[79].

Быт фронтовиков по обе стороны фронтов протекал в антисанитарных условиях. Не менее всех остальных в этом отношении страдала и австро-венгерская армия. По мнению австрийского историка М.К. Ортнера, австро-венгерское военное командование недооценило значение на фронте личной гигиены. В результате военнослужащие часто имели вид бродяг: “У меня длинные волосы, мыло мне чуждо, мы не чистим зубы, не меняем рубашки, находимся в насквозь промокшей одежде, желудок пуст, пива и вина нет, вода хлюпает в обуви и в носках”, – так описывал австрийский офицер кампанию 1914 г.[80] Повсюду военнослужащих донимали вши. Стремясь унизить немцев, английские солдаты давали вшам имена первых лиц Германии: Кайзер, Кронпринц, Гинденбург[81]. Распространение на фронте инфекционных заболеваний, принимавших эпидемический характер, чаще всего было связано с употреблением военнослужащими сырой воды. Санитарно-гигиенические нормы, которые предписывали употреблять лишь пригодную для питья воду, не срабатывали в экстремальной ситуации войны, поскольку страх военнослужащих перед опасностью заражения холерой притуплялся усталостью, значительно снижавшей порог опасности[82].

Кровавые реалии войны вели к изменениям в настроениях военнослужащих, все больше воспринимавших ее как бессмысленную массовую бойню. Форарльбергец Г. Грабнер в 1917 г. отправил письмо из русского плена. Он возмущался близорукостью, по его мнению, отупевшего мира, который не замечал бесцельности происходившего массового убийства народов[83]. Австронемец Ф. Зельтенхайм участвовал в июне 1918 г. в наступлении на реке Пьяве[84]. Во время боя он укрылся за горой трупов и оказался с ног до головы покрыт фрагментами человеческих тел в результате попадания снаряда в эту кучу останков. Выбравшись оттуда, почти обезумевший солдат имел вид мясника. Он поклялся, “что если вернется с войны живым, то отдаст всего себя на службу противников войны, чтобы предотвратить второе убийство народов”[85]. В подобных ситуациях оказывались тысячи фронтовиков других стран. Во время “верденской мясорубки” санитарные команды французской армии трудились, не покладая рук, собирая останки военнослужащих, разбросанные на большой территории. Зловоние мертвых тел исхо-

дило от каждого предмета на этом кровавом поле битвы. Психологическая стабильность французских санитаров в этой экстремальной обстановке поддерживалась порой лишь черным юмором, защищавшим их от истерического срыва[86].

Наряду со специфическими условиями солдатской жизни на фронте, связанными со стрессовым воздействием на человеческую психику ужасов войны, работой организма в режиме постоянного напряжения, значительно сниженным по сравнению с мирным временем стандартом питания, состоянием фрустрации, порожденным затяжным позиционным противостоянием, свой вклад в растущую дестабилизацию армии вносило и рукоприкладство офицеров с примесью садистской жестокости. У нижних чинов вырабатывался стереотип "злого начальника". Он распространялся впоследствии на всех командиров. Германский военный психиатр Э. Зиммель изучал развитие неврозов у немецких военнослужащих на почве недовольства командованием. Он отмечал, что симптомами заболевания служили припадки, в которых "больные бьют, кусают и топчут воображаемых начальников, посылая в их адрес страшные проклятия"[87]. Австро-венгерские солдаты, помимо официально существовавшей практики подвешивания, нередко подвергались и другим истязаниям со стороны офицеров. Об этом ярко свидетельствуют материалы военных трибуналов города Граца, разбиравших дела по обвинению офицеров в жестоком обращении с подчиненными[88].

Чувство единения солдат и офицеров в австро-венгерской армии подрывалось разной нормой пайка. Между тем германские солдаты и офицеры питались из одного котла[89]. Нехватка продовольствия в австро-венгерской армии в 1917 г., граничившая с голодом, нашла отражение в солдатских письмах: "Здесь сплошные бои и голод, – писал один из них, – плохое снабжение продуктами. Не раз мы питались только картофелем. Хлеб распределяли на пять человек, две буханки ежедневно. Это наша ежедневная пища"[90]. Объектом нападок становились офицеры, жившие, по мнению солдат, на широкую ногу. 6 февраля 1917 г. военная цензура задержала письмо австрийского солдата С. Брегнара, буквально дышавшее ненавистью к офицерам: "Как у тебя с едой? – интересовался Брегнар у другого военнослужащего, находившегося в русском плену. – У нас пленным не особо хорошо живется, поскольку нашим военным также нечего есть. Им варят колосья, оставшиеся после жатвы, замерзшую картошку. Но офицеры живут хорошо, у них есть еда и выпивка в большом количестве, а рядовые страдают от голода. Дайте людям поесть. Что ни офицер, то развратник, вор и пьяница. Такие порядки, что солдаты в Австрии уже побираются, голодают, разуты и полуодеты"[91].

С течением времени утрата перспективы скорой и славной победы переключала внимание фронтовиков, испытывавших тяготы войны, на поиск "внутреннего врага". Диапазон социального протеста колебался от недовольства бедственным положением родных и близких в тылу до выдвижения идеи перестройки общественной системы по примеру русской революции. Военнослужащие, находившиеся в плену, порой все еще сохраняя верность воинскому долгу и присяге, высказывали угрозы в адрес виновников голода их семей в тылу. "Когда вернусь, я, если будет нужно, переломаю кости типам, которые мстили безоружным женщинам, чьи мужья честно сражались и страдают за Австрию", – обещал своим воображаемым обидчикам находившийся в русском плену военнослужащий[92]. Лояльной по отношению к

государству, несмотря на ложные обвинения в их адрес, оставалась позиция и части военнослужащих русинской национальности, интернированных австрийскими властями. Один из них в письме, датированном мартом 1916 г. и задержанном военной цензурой, возмущался несправедливостью полицейских чиновников, взявших его под стражу: "Благодарность! 19 месяцев служить в армии, сражаться с русскими, но позднее быть интернированным. Умно и справедливо! Я бы тебе описал, но цензура удерживает меня от этого"[93].

Весной–летом 1918 г. тыловые гарнизоны Австро-Венгрии захлестнула волна мятежей, ударной силой которых стали "возвращенцы" с фронта. Копившийся у военнослужащих протест против тягот войны принял в ряде случаев форму антисемитских выступлений. По убеждению солдат, евреи и капиталисты, нажившие на военных поставках громадные барыши, были двумя сторонами одной медали. "Мы видим, что война ведется не из-за нас, бедных, а чтобы капиталисты могли набить карманы... Почему евреи не на фронте? Каждый зажравшийся хорошо одет и целую вечность в тылу, а бедные должны воевать и умирать..." Так рассуждали вернувшиеся из русского плена весной 1918 г. словаки, проходившие проверку на благонадежность в лагере недалеко от сербского города Крагуеваца[94]. Бывшим фронтовикам приходилось контактировать с чиновниками. Острие их ненависти, провоцировавшей агрессивное поведение, было обращено против евреев, окопавшихся, по их мнению, в тыловых канцеляриях[95]. Поражения армии, дороговизна продуктов, достигшая внутренних районов монархии волна беженцев-евреев из Галиции – все это превращало офицера-еврея в излюбленную мишень. На нем вымещался "праведный" гнев уставших от тягот войны австро-венгерских солдат[96]. Антисемитизм военнослужащих имел мощную подпитку в корреспонденции родственников, страдавших в тылу от недоедания и считавших евреев единственной группой населения, извлекшей выгоду из войны[97].

Характеризуя влияние социалистической пропаганды на протестные настроения австро-венгерских военнослужащих, следует отметить, что в отличие от солдат, вернувшихся из русского плена в 1918 г. по условиям Брест-Литовского мирного договора и подверженных революционным идеям, фронтовики с передовой оценивали перемены, произошедшие в политической системе России, с иных позиций. Их радовало поражение России, приближающее долгожданный мир. С учетом данного обстоятельства о массовом революционизировании австро-венгерской армии в 1917 г. по примеру политически радикализировавшейся вследствие активной социалистической пропаганды российской армии говорить нельзя. Уровень дисциплины, поддерживавшейся в воинских частях драконовскими методами, исключал широкомасштабные революционные волнения в австро-венгерской армии[98]. В то же время поведение "возвращенцев" определялось крайней формой внутреннего возмущения. Вступивший в Красную армию весной 1918 г. австрийский военнопленный А. Васко в письме родителям следующим образом выразил сущность своего нового миропонимания: "Если кто-либо рабочий, он уже не может быть нашим врагом, наши враги – бароны, князья, короли. Они наши враги, собаки, натравившие нас друг на друга, дали нам в руки оружие и сказали нам, что сербы и русские наши враги, которых нужно уничтожить. Нет, дорогие родители, они не наши враги, а братья-рабочие.

Но горе магнатам, давшим нам в руки оружие, теперь мы повернем винтовки против них"[99]. Отказ Антанты и США от полномасштабной интервенции в Россию в 1918–1920 гг. во многом был связан с неуверенностью Вашингтона, Лондона и Парижа в благонадежности солдат-"возвращенцев".

На Западном фронте в 1917 г. слово "долг" начало исчезать и из словаря военнослужащих Антанты. По французской армии прокатилась волна бунтов. Однако далеко не все французские военнослужащие открыто выражали симпатии смутьянам. Из 3 тыс. писем фронтовиков, отправленных из охваченного волнениями полка 36-й пехотной дивизии, только 400, или 13%, были возвращены почтовым контролем, поскольку их авторы солидаризировались с бунтовщиками[100]. В целом же копившаяся усталость от войны и утрата морально-психологической устойчивости военнослужащих как результат осуществлявшейся в ходе контактов с фронтовиками вражеских армий частичной идентификации себя с противником вели к проявлениям возросшего чувства возмездия в отношении социальных и национальных групп в тылу, сколотивших, по мнению фронтовиков, капиталы на людской крови, ничего не потерявших и ничего не проигравших. Лозунги радикального переустройства общества и этнической розни находили многих приверженцев в этой среде измотанных и озлобленных людей, одетых в солдатские шинели. На этой же почве рождался и реваншистский синдром, сделавший послевоенный мир через короткий промежуток времени миром предвоенным.

4. Проблемы войны и мира в общественно-политических дискуссиях 1914–1918 годов

Мировая война 1914–1918 гг. явилась сокрушительным ударом по сформировавшимся в новое время под мощным воздействием Просвещения представлениям об общественном развитии. По меткому замечанию видного американского социолога Дж. Гэлбрейта, в противовес XIX веку – веку "определенности" (капиталисты были уверены в жизнеспособности капитализма и его перспективах, социалисты, действовавшие от лица рабочего класса, – в неотвратимости победы социализма, монархи – в своем "божественном праве" на самодержавную власть, либералы – в неодолимости идеи свободы и прав личности и т.п.), XX век стал веком всеобщей "неопределенности" и неуверенности в будущем и перспективах развития человеческой цивилизации. Мировая война 1914–1918 гг. сыграла немаловажную роль в формировании этого духа сомнений, жажды перемен и страха перед ними, недоверия к возможностям человека, осознания его бессилия перед фатальным движением времени и катаклизмами вселенских масштабов.

Под воздействием войны рушились каноны консервативного, либерального, демократического и социалистического мировоззрения в их классическом "нововременном" варианте. Перед лицом военных испытаний консерваторы были вынуждены принимать в расчет социализацию низов, либералы – отказываться от устоев позитивистского мышления и склоняться к признанию методов государственного регулирования, националисты – счи-

таться с глобальными реалиями, а космополиты – учитывать национальные приоритеты, поборники классовой борьбы – отказываться от методов социальной конфронтации в пользу национального согласия, поборники социализма – пересматривать свои интернационалистские лозунги.

В трудном сплетении в ходе войны национальных и международных, военно-стратегических, социальных и экономических проблем, государственных, общественных и личных интересов переосмысливались представления о войне и мире, судьбах и перспективах сотрудничества народов, государств, цивилизаций. Начался трудный поиск альтернативы мировой войне, возможностей и механизмов ее реализации.

Великая война, в глазах очень многих людей, воочию показывала тщетность упований и на эволюционный, "органицистский" принцип подхода к общественным процессам и на готовность масс к обновлению мира. Одновременно она нанесла серьезный удар по революционным, антимилитаристским программам международного социализма, зиждившимся на завышенной оценке антикапиталистического потенциала рабочего класса, его интернационалистской сознательности и солидарности. Еще в начале XX в. наиболее последовательные сторонники социализма высмеивали пацифистские иллюзии и попытки "измерять пропорциями домашнего окна космическое пространство". Так, видный итальянский теоретик марксизма А. Лабриола, критикуя пацифистскую программу борьбы за мир, весьма саркастически отзывался о попытке "с помощью совета мудрецов" повлиять на зигзаги истории и "без каких-либо реальных средств воздействия, с помощью безоружной справедливости противостоять конкуренции, проистекавшей из структуры государств и их способа существования"[101]. В печально известном интервью, опубликованном на страницах консервативно-либеральной газеты "Джорнале д'Италиа" 13 апреля 1902 г. он пошел еще дальше, заявив в унисон ура-патриотическим высказываниям поборников колониальной экспансии и милитаризма в ряде европейских социал-демократических партий следующее: "Интересы социалистов не могут быть противопоставлены интересам национальным, более того, они должны содействовать им всеми возможными средствами. Государства Европы... находятся в постоянном и сложном становлении, поскольку выдвигают свои притязания, завоевывают, покоряют и эксплуатируют весь остальной мир. Италия не может быть исключена из этого развития государств, которое несет с собой прогресс народов. Если бы она сделала это и *смогла бы сделать это* (курсив наш. – *Авт.*), то в действительности она исключила бы себя из универсального круговорота современной жизни и осталась бы отсталой в Европе"[102]. Эти размышления Лабриолы важны, так как позволяют понять мучительную дилемму убежденных марксистов либо считавших себя таковыми, вставших перед необходимостью найти маршрут движения между Сциллой фатализма и Харибдой волюнтаризма.

История рабочих организаций и социалистических партий великих держав и малых стран в годы войны, равно как их международной деятельности, представляет сложную картину взаимодействия разнообразных представлений о формах течений, позиций, практической деятельности. Она свидетельствует о неоднородности того, что представлялось современникам неким монолитом, – международного социалистического рабочего движения, испытавшего в годы войны сильнейшую интоксикацию националистиче-

ских, социал-империалистических и даже откровенно расистских, а затем и леворадикальных представлений. В этих условиях было сложно сохранить политическое лицо и саму идентичность социалистического и рабочего движения как интернационалистской силы и подтвердить делом их способность предотвратить национальную рознь между различными отрядами европейского рабочего класса. "Привычная солидарность рабочего класса всех стран, – констатировал в январе 1916 г. один из лидеров австрийской социал-демократии, Ф. Адлер, – многими была внезапно заменена солидарностью всех классов данной страны"; разрушение II Интернационала "выбило пролетариат совершенно из его колеи", до основания расшатало социалистическое мышление[103]. Речь шла о целой серии расколов как на международном, так и на национальных уровнях.

Наиболее тяжелым был разрыв связей между социалистами стран Антанты и стран германо-австрийского блока, сохранявшийся вплоть до конца войны. Когда в апреле 1915 г. представитель руководства ИСП – партии страны, остававшейся тогда еще нейтральной, – О. Моргари предпринял поездку в Париж с целью подготовить международную конференцию социалистов для выработки мер по предотвращению войны, он встретился там с Э. Вандервельде – главой Международного бюро II Интернационала, а также с членами руководства СФИО и не нашел у них поддержки. По свидетельству Моргари, Вандервельде в ответ на упреки, что он интересам Интернационала предпочитает интересы защиты родины – Бельгии, воскликнул: "Неужели вы полагаете, что я, бельгийский социалист, смогу сесть за один стол с немецкими социалистами до тех пор, пока буду созерцать, как Народный дом в Брюсселе охраняется прусскими солдатами, между которыми на каждые три человека приходится один социалист?" Хотя Вандервельде отвергал такую версию о встрече, информация о ней Моргари была опубликована в "Аванти" 27 августа 1915 г.[104] Соответственно оказывались по сути дела бесплодными встречи, конференции и декларации в пользу мира социалистов стран Антанты и блока Центральных держав, проходившие, как правило, с согласия и под присмотром правящих кругов. Более конструктивно действовали на первых порах социалисты нейтральных стран и представители левых течений, усилиями которых были заложены основы циммервальдистского движения, занявшего антивоенную позицию[105]. Война привела к обострению внутрифракционной борьбы в социалистических и социал-демократических партиях (правых, центристских, левых). Она затруднила диалог в их рамках поборников реформистских и революционных методов классовой борьбы. Изоляция левых течений, особенно на начальной фазе войны, сменилась ростом их влияния на завершающем этапе войны и по ее окончании. Следствием стала необычайно ожесточенная борьба течений в международной социал-демократии. Размежевание на "пораженцев" и "оборонцев", "социал-шовинистов" и "интернационалистов" в годы войны усложнило траекторию развития рабочего движения по окончании войны и в межвоенный период.

В зарубежной и отечественной литературе, особенно в последнее десятилетие, усилилось внимание к дискуссиям о природе империализма и возможностях "ультраимпериализма", о последствиях, которыми угрожала война цивилизации и рабочему классу, о трудностях возрождения после коллективного "самоубийства человечества" дела мира и труда; критически пе-

ресматривается феномен большевизма и последствия для России и мира большевистских лозунгов "пораженчества", превращения войны империалистической в войну гражданскую, оспаривается историческая "целесообразность" Февральской и особенно Октябрьской революций в России 1917 г. (в разгар войны, когда еще не был достаточно ясен ее исход), а также Брест-Литовского мира. Эти дискуссии заслуживают комплексного и более объективного рассмотрения. Отметим лишь некоторые важные моменты.

Во-первых, революционные потрясения в России серьезным образом повлияли на и без того усложнившуюся к 1917 г. общественно-политическую обстановку в воюющих странах. Они показали непрочность "национального консенсуса" первых лет войны, наглядно опровергли тезис теоретиков правых социал-демократов о недопустимости классовой борьбы в условиях войны. Именно с 1917 г. и на уровне масс, и в позициях социал-демократических и социалистических партий происходит поворот к миру, усиливается стремление покончить с войной. Во-вторых, выход России из войны явочным порядком и начало затяжных мирных переговоров в Брест-Литовске активизировали наметившиеся уже в конце 1916 г. дипломатические демарши в целях достижения компромисса. В-третьих, под воздействием событий в России и вступления в войну США, равно как и активизации антивоенных сил и движений в европейских странах, встал вопрос о пересмотре целей войны, а также возможностях и перспективах "вечного" мира – явный поворот на 180 градусов по сравнению с атмосферой первых военных лет, проходивших в основном под знаком непримиримого антагонизма и желания добиться тотальной победы любой ценой.

Голодная зима 1916/17 гг., особенно болезненная для Германии и Австро-Венгрии, но не только для них, и осознание тяжелой цены – человеческой, финансовой, материальной и моральной – каждого дня военных действий, истощавшего жизненные силы всех воюющих стран, ставили перед их правящими кругами и общественно-политическими силами мучительный вопрос о цене войны и цене победы. Рядом с двумя крайностями – линией правоэкстремистских воинственно настроенных кругов, по-прежнему ратовавших за войну "до победного конца", и большевистским курсом на выход из войны революционным путем, исходившим из способности социалистических сил и международного пролетариата качественно изменить направление мировой политики, стремительно усиливалось движение в пользу ненасилия как такового – то, что согласно марксистской терминологии получило название буржуазного пацифизма, а по сути дела было вызревшим в ходе войны стремлением покончить с войной как средством международной политики, апеллируя прежде всего к моральному разоружению.

Пацифизм интеллектуальных элит, церковных кругов, отдельных влиятельных деятелей культуры, а также политических течений представлял своеобразный синтез разнообразных и на первый взгляд противоречивших друг другу инициатив, идей, политических проектов, сценариев. Так, выдвинутая в Циммервальде (сентябрь 1915 г.) идея "мира без аннексий и контрибуций" стимулировала переосмысление причин войны и мер ответственности за нее правительств обеих сражавшихся коалиций, равно как и генеральную ревизию всей системы международных отношений в мире и в Европе. У этой идеи нашлось много сторонников различной "окраски".

Так, например, в ряде своих выступлений в итальянском парламенте один из ярких ораторов социалистической парламентской фракции, К. Тревес, убежденный реформист, отнюдь не разделявший антикапиталистической непримиримости левых течений итальянского и международного социализма, открыто подверг критике тезис о принципиальных отличиях в целях войны со стороны Антанты и Четверного союза. И те, и другие, заявил он с парламентской трибуны 8 декабря 1916 г., олицетворяют более, чем когда-либо, потенциал смерти и разрушения, оба блока поклоняются "идолу державного равновесия", способного лишь обеспечить временные преимущества, но не устранить основы глубинных причин, порождающих войны. "До каких пор правительства, – говорил он, – будут осуждать народы на это извечное и трагическое чередование войны экономической, которая превращается в войну, осуществляющуюся военными методами, с тем, чтобы смениться вновь войной экономической… и все это в целях обеспечения оптимальных трофеев узкой кучке хищнических олигархий?"[106] Альтернативой политики поддержания "баланса сил", т.е. шаткого равновесия военной мощи государств, он объявлял утверждение духа справедливости, способного обеспечить развитие активности всех народов и сотрудничества стран в рамках, определяемых им как Соединенные Штаты Европы. Это позволило бы, по мнению Тревеса, реализовать "принцип национальностей", но наряду с этим предотвращать проявление эгоизмов как малых балканских государств и угнетенных национальных меньшинств, так и великих держав, удалив "все сорняки противостояния"[107].

В отличие от ряда проектов социал-демократов, как правило, ставивших дело мира в зависимость от пересмотра самих принципов "буржуазного" международного права, утвердившихся в предшествующий век, иной путь к обеспечению политической стабильности в мире предлагал пользовавшийся немалой популярностью среди европейских либеральных демократов Г. Сальвемини. Уже в 1915 г. он предложил проект перестройки системы международных отношений, рассчитанной на возрождение вновь международного равновесия посредством расширения круга государств, обеспечивающих это равновесие. "Необходимо, – писал он на страницах издававшегося им журнала "Унита", – чтобы победа принадлежала международной группировке держав более многочисленной, менее однородной, затрудняющей после победы дело угнетения побежденных". И он одним из первых, задолго до инициативы В. Вильсона выдвинул идею создания "влиятельной Лиги наций, в которой бы участвовали Англия, Франция, Россия, Италия и все или почти все малые нации". Ее преимуществом по сравнению с принципами оборонительных и наступательных союзов-блоков довоенного образца должно было стать повседневное функционирование юридически оформленного сообщества наций. Вместе с тем создание Лиги наций, по убеждению Сальвемини, предполагало разрушение Австро-Венгерской многонациональной империи как непременной предпосылки изоляции Германии. В последний год войны Сальвемини счел долгом развивать эти идеи на страницах периодических изданий и активно пропагандировал их в своих лекциях и популярных брошюрах, предназначавшихся офицерам и солдатам итальянской армии[108]. Сходной точки зрения придерживался французский политик Л. Буржуа.

В подобном же направлении развивались и представления К. Каутского о перспективах развития международной политики после мировой войны.

Правда, общественный резонанс его воззрений в военные годы был весьма ограничен. Признавая остроту межгосударственных противоречий, преступность войны и ее разрушительность, он тем не менее, полагал, что капитализм отнюдь не исчерпал своих потенций. По Каутскому, магистральным путем развития современной цивилизации мог стать ультраимпериализм. В формировавшихся на базе межнациональных и межгосударственных отношений торговых, промышленных и финансовых союзах Каутский видел залог будущего устройства мира без войн и гонки вооружений, без насилия и диктата. Он, как и итальянец Тревес, также предполагал возможным образование Соединенных Штатов Европы, к которым позднее могли бы присоединиться США и демократическая Россия[109]. Характерно, что с падением царизма в России отпал один из главных оправдательных аргументов германской социал-демократии начала войны – о необходимости отстоять европейскую культуру, идеалы социальной демократии и безопасность Германии против агрессивного самодержавия Российской империи. Соответственно создавались немаловажные идейные предпосылки пересмотра позиций по отношению к войне и миру со стороны реформистских и центристских течений германской социал-демократии – наряду с активизировавшейся антивоенной деятельностью германских левых и стихийным нарастанием антивоенных и революционных настроений в Германии.

В противовес этим проектам мира, исходившим из возможности обеспечить его с помощью политических инструментов и государственных институтов без фундаментального изменения общественного и экономического строя, В.И. Ленин связывал вопросы мира и сотрудничества народов с революционным разрушением капиталистического строя и буржуазных государств, независимо от степени демократичности их политических режимов. И в своей работе “Империализм, как высшая стадия капитализма”, и в серии статей и программных документов времен мировой войны он исходил из прямой и жесткой взаимосвязи и обусловленности экономики и политики, национальных и международных аспектов на империалистической стадии развития мирового капитализма. Эта исходная методологическая посылка ведущего теоретика и идеолога большевизма, вызревавшая в условиях мировой войны, обусловила неприятие им концепции ультраимпериализма, лозунга Соединенных Штатов Европы и других несостоятельных, утопичных и псевдогуманных, по его мнению, альтернатив империалистической войне и империалистическому миру. Однако нельзя не отметить, что, едва придя к власти, новое советское правительство выступило с более компромиссным и политически рациональным документом – Декретом о мире, в котором была конкретизирована программа демократического мира без аннексий и контрибуций и содержалось одновременно обращение и к народам (что очень напоминало вильсоновский мир “без победителей и побежденных”), призванным взять дело мира в свои руки, и ко всем правительствам воюющих стран.

С февраля по октябрь 1917 г. Россия стремительно прошла путь от революции ради войны до победного конца (в интерпретации либералов, демократов и меньшевиков) до революции ради социализма и мира. Понятие кризиса капиталистической системы и европейской цивилизации получило у Ленина расширительное толкование как общего кризиса капиталистической системы, обреченной на революционный слом объединенными усилиями

трудящихся капиталистического Запада и колониального Востока при активном интернационалистском содействии Страны Советов. Тем самым предлагавшаяся советским правительством программа мира предполагала кардинальную перестройку всей системы международных отношений, сложившихся в новое время, и особенно за полвека – с 70-х годов XIX столетия вплоть до первой мировой войны. Она бросала вызов всему комплексу тайных договоров и соглашений, заключенных за время существования Тройственного союза и Антанты, и договоренностей военного времени о послевоенном разделе мира. Что бы не изменилось в скором будущем в отношении большевиков к открытости дипломатической практики, их миротворческие инициативы делали свое дело: наметился подъем общественной активности масс, были прорваны оковы военной цензуры, к парламентам и прессе возвращалась роль важной трибуны общественного мнения. "Новая дипломатия" созидалась под непосредственным влиянием советского фактора.

Вторым серьезным фактором изменения общественно-политической атмосферы стало вступление в войну США и активизация роли правительственных кругов этой страны на мировой арене[110]. Важно особо отметить роль мирных инициатив президента Вильсона для измученной войной Европы. Еще в традиционном послании к американскому Конгрессу 22 января 1917 г. он выдвинул свою формулу мира без победителей и побежденных. Предвосхищая ряд положений "14 пунктов", Вильсон тогда поставил вопрос о создании Лиги наций, способной гарантировать мир лучше, чем старая система баланса сил, равновесия военной мощи европейских держав. Общественно-политический резонанс, вызванный политическими инициативами Вильсона, был двояким. Он усилил дискуссию о целях войны и контурах послевоенного мира. Главное же – заметно активизировались либеральные и демократические круги, отрешавшиеся от послушного следования в фарватере все еще весьма влиятельных (как обнаружилось в ходе войны) в европейских странах консервативных и милитаристских сил. Многие видные деятели и публицисты либеральной и демократической ориентации увидели в политической позиции президента США возможность ослабить диктат генеральных штабов, координировать военно-стратегические действия с политическими целями, усилить пропаганду "принципа национальностей" и пересмотра на демократической основе межгосударственных отношений. Они теперь стали единомышленниками Вильсона и стремились противопоставить демократическую программу войны и мира тому, что деятели традиционалистского толка называли "Realpolitik". Заметно активизировалась, не без воздействия вильсоновской идеи мира без победителей, миротворческая деятельность различных течений социал-демократии, в том числе сторонников национального консенсуса и "революционного оборончества".

Пацифистские настроения получили новый импульс и вследствие мирной инициативы римского папы Бенедикта XV, изложенной в его энциклике от 1 августа 1917 г. "Обращение к руководству воюющих стран". Это был достаточно сложный по замыслу документ. С одной стороны, высказанная в нем идея компромиссного мира была призвана смягчить все больше усиливавшуюся в политических заявлениях Вильсона и других руководителей стран Антанты антигерманскую ноту и предотвратить выдвижение ультимативных требований, направленных против основ общественно-политического режима Германии. С другой стороны, глава католического сообщест-

ва стремился предстать в качестве поборника мира, снискав тем самым симпатии уставших от войны и нередко разуверившихся в устоях религии и в церковных учреждениях европейцев. В “Обращении”, получившем особый отклик среди верующих Австро-Венгрии, Италии, Франции, Бельгии и других стран и широко распропагандированном духовенством, война характеризовалась уже как “бессмысленная бойня”. Папа предлагал заключить соглашение об одновременном и взаимном сокращении вооружений и об учреждении международной арбитражной организации (некоего аналога идеи Лиги наций); ликвидировать все препятствия развитию международных коммуникаций и свободе мореплавания; объявить всеми воюющими сторонами полное взаимное прощение материального ущерба и обид, нанесенных друг другу; возвратить оккупированные территории; разрешить посредством переговоров все оставшиеся нерешенными территориальные вопросы (между Австро-Венгрией и Италией, Германией и Францией и др.)[111].

Папское обращение исходило из невозможности достижения мира чисто военными средствами не только потому, что таковые были чреваты дальнейшим нарастанием морального кризиса, новыми человеческими потерями, а также углублением финансового и экономического кризиса, но и из-за опасений, что они могут обернуться разгромом Германии, распадом Австро-Венгрии и другими революционными потрясениями. Папская энциклика дала толчок к активизации тайных переговоров и контактов в пользу мира.

Однако реакция общественности на перспективу и возможности сепаратных переговоров как средства приближения окончания войны была достаточно противоречивой. Проникавшие в печать, зачастую с подачи самих инициаторов сепаратных переговоров, сведения о них будоражили общественные круги и народные массы, усиливали недоверие к тайной дипломатии, не без оснований вызывали опасения, что подобные переговоры могут в случае их успеха поставить в невыгодное положение страны, не участвовавшие в них. Чем ближе дело шло к окончанию войны, тем все более очевидными становились расхождения интересов партнеров по коалиции, вытекавшие из различий региональных, государственных и национальных интересов. Революционный процесс в России и опасения перед непредвиденными последствиями народных выступлений в Европе по примеру России существенным образом ограничивали готовность правящих кругов к широкому привлечению общественности и левых сил к процедуре подготовки мирных переговоров и выработке условий мира. А ведь именно на этом все более настаивали после Февральской революции в России демократические и социалистические силы различной ориентации. В данном отношении весьма характерен срыв усилиями правящих кругов Антанты Стокгольмской социалистической конференции (весна–лето 1917 г.), призванной объединить усилия социалистов воюющих и нейтральных стран по достижению всеобщего демократического мира. В ходе ее подготовки был проведен зондаж позиции многих социал-демократических партий Европы и выработан проект будущего мироустройства в виде “Программы для обсуждения на подготовительных конференциях”. В первом его разделе “Условия мира” к ним были отнесены принципы права народов на самоопределение, проблемы восстановления и роль в этом разоренных войной и контрибуцией стран. Во втором разделе “Основные элементы международных отношений” фор-

мулировались важные вопросы международного права, международного порядка, роли арбитража и международного суда, разоружения и др.[112]

В конечном счете план созыва конференции был похоронен отказом правительств стран Антанты дать паспорта и визы на выезд в нейтральную Швецию делегатов – социалистов Великобритании, Франции, Италии и США[113]. Организаторы конференции, учитывая провал ее созыва, сочли, однако, необходимым обратиться с манифестом к социалистическим партиям II Интернационала, подтвердив свое убеждение, что в интересах рабочего класса – политических и экономических – "непосредственно участвовать в создании устойчивой системы в Европе… обеспечить мир миру, разоружение на воде и на суше, т.е. создать Европу демократии и настоящей свободы"[114].

В новую фазу общественно-политические дискуссии о путях прекращения войны и принципах послевоенного устройства вступили после опубликования советского Декрета о мире и подписания Брест-Литовского мирного договора. Ключевым пунктом этих дискуссий становился "русский вопрос" в двух его плоскостях – отношение к России как таковой и к новому революционному режиму советского типа. Оживленно обсуждались судьбы тайных договоров 1914-1916 гг., подписанных без участия США, яростно спорили (порой с непримиримых позиций) об интерпретации "права наций на самоопределение", о судьбах Австро-Венгрии, Германии и Турции, о соотношении военных, дипломатических и общественно-политических факторов завершения войны. Тон этим дискуссиям во многом задали политические выступления Ллойд Джорджа и Вильсона, озвучившие основные идеи, которые уже буквально носились в воздухе. Ллойд Джордж выступил 5 января 1918 г. с принципиально важной речью перед деятелями профсоюзного движения, а "14 пунктов" Вильсона формулировали американскую концепцию послевоенного устройства. Их положения, базирующиеся на идее коллективной безопасности, имели между собой немало общего, став серьезной заявкой лидеров двух англосаксонских держав на политическую и идейную гегемонию в послевоенном мире. Эти выступления придали дискуссии о судьбах и перспективах послевоенного миропорядка официальный статус.

Вопрос о России вносил в эту сумятицу мнений существенный элемент неопределенности. Так, значительная часть речи Вильсона в разгар Брест-Литовских переговоров 8 января 1918 г., посвященная России, была призвана ослабить негативный эффект отказа стран Антанты от участия в этих переговорах. В противовес активной антисоветской пропагандистской кампании европейского политического "бомонда" и прессы Вильсон публично, вразрез с уже тогда складывавшейся версией о "большевистском перевороте" и "заговоре", счел нужным выразить симпатию и понимание декларировавшихся лидерами новой России политических принципов. "Ее (Советской России. – *Авт.*) концепция того, что справедливо, того, что гуманно и достойно быть принятым, – сказал он, – была изложена с открытостью, широтой взглядов, благородством ума и в духе общечеловеческих ценностей, которые должны вызвать восхищение всякого поклонника человеческого рода... Верят этому или нет ее (России. – *Авт.*) нынешние лидеры, но наши глубокое желание и страстная надежда состоят в том, чтобы открылись возможности, посредством которых мы сможем обрести привилегию помочь народу России реализовать его сокровенные чаяния свободы и организованного мира"[115].

Однако мало кто в европейских столицах (из тех, кто был у власти) с доверием относился к призывам большевиков и Ленина. Абсурдной выглядела сама возможность обеспечить выход из войны без силовых – военных – решений. Немаловажную роль в этом сыграл трагический пример той же Советской России. Рождавшаяся под лозунгом мира и народовластия, она оказалась в противовес своей программе мира без аннексий и контрибуций жертвой так называемого "Pax Germanica". Судьба оккупированных и безжалостно ограбленных оккупационными властями территорий России, где все сильнее разгорался пожар гражданской войны, переломила моральную атмосферу в странах Антанты в сторону отказа от уступок в отношении Германии. Из западных политиков с венцом миротворца не спешил расстаться только Вильсон.

5. Война и некоторые тенденции развития художественной культуры

Как уже было сказано, первая мировая война дала импульс формированию новых политических концепций, где государственная традиция, национальный миф и политическая утопия сложно переплелись между собой. Кто-то видел в ней возможность реализации на практике сверхидей, заложенных в нации и опирающихся на нее отношениях господства. Кто-то считал ее первым толчком для построения нового общества и нового миропорядка на началах коммунитарной идеологии и принудительного социального равенства.

Проблема влияния первой мировой войны на культуру воевавших государств до сих пор занимала сравнительно незначительное место в отечественной науке. Недостаточная разработка "военной" темы в советском литературоведении объясняется в основном шаблонным подходом к изучению предмета, который в конечном счете привел к "подгонке задачи под ответ", т.е. превратил исследование в доказательство известного тезиса о безоговорочно империалистическом характере войны, без права его коррекции, а тем более пересмотра. Если по отношению к военной литературе и мемуарам политиков и военных был проявлен определенный либерализм (так, например, в Советском Союзе публиковались мемуары немецких генералов Людендорфа, Гинденбурга, Гофмана, правда при наличии "разъясняющих" предисловий), то в отношении художественной и философской литературы действовали достаточно жесткие ограничения. При этом ряд произведений того времени получил явно тенденциозное истолкование, а некоторые вообще остались за рамками исследования. До сих пор в России почти неизвестны военные произведения Эрнста Юнгера, стихи о войне Гийома Аполлинера, философские работы Василия Розанова и Владимира Эрна, статьи Томаса Манна и др. Популяризировались в основном только романы Э. М. Ремарка и А. Барбюса – как иллюстрирующие "кошмары империалистической бойни". Их аналогом в советской литературе служили некоторые стихотворения В.В. Маяковского.

Стоит, впрочем, отметить некоторые "коррективы", внесенные в период второй мировой войны. Противостояние с нацистской Германией отразилось на оценке предыдущих событий – был опубликован роман С. Сергеева-Ценского "Брусиловский прорыв", в стихах К. Симонова в ряд с героями

Полтавы и Бородина встали солдаты, бравшие Перемышль и переходившие Карпаты. Однако в целом художественное осмысление войны не получило дальнейшего развития, в отношении же собственно литературоведения вообще не произошло никаких перемен. Конечно, такой подход способствовал развитию исключительно одномерного представления обо всем многообразии художественных произведений, посвященных войне и философских работ о ее причинах, сущности и целях.

Между тем смысл войны так, как его понимали европейские интеллектуалы начала XX в., гораздо сложнее и не может быть выражен в черно-белых тонах. Именно восприятие интеллектуальной элитой войны как своеобразного толчка для рождения нового, более совершенного мира являлось одной из парадоксальных особенностей той эпохи. Это объясняет надежды, которые ряд европейских (а вместе с ними и русских) философов и деятелей искусства возлагали на войну. Так, например, известный немецкий социолог Макс Вебер в 1914 г. писал: "Так же как триумф, эта война великолепна и прекрасна"[116]. "И воистину светло и свято дело величавое войны..." – вторил ему русский поэт Николай Гумилев в стихотворении "Война" (1916)[117].

Общий энтузиазм первых дней войны отражал распространенные иллюзии освобождения от классового эгоизма, сословных привилегий и различий. Так, австрийский писатель Стефан Цвейг, вспоминая первые дни после вступления Австро-Венгрии в войну, отмечал: «Первый испуг от войны, которую никто не хотел: ни народ, ни правительства, – той войны, которая у дипломатов, ею игравших и блефовавших, против их собственной воли выскользнула из неловких рук, перешел в неожиданный энтузиазм. На улицах возникали шествия, повсюду вдруг поплыли знамена, ленты, музыка, ликуя, маршировали новобранцы ... Правда, надо признать, что в этом первом движении масс было нечто величественное, нечто захватывающее и даже соблазнительное, чему лишь с трудом можно было не поддаться. И, несмотря на всю ненависть и отвращение к войне, мне не хотелось бы, чтобы из моей памяти ушли воспоминания об этих днях. Как никогда, тысячи и сотни тысяч людей чувствовали то, что им надлежало бы чувствовать скорее в мирное время: то, что они составляют единое целое. Город в два миллиона, страна почти в пятьдесят миллионов считали в этот час, что переживают исторический момент, неповторимое мгновение, и что каждый призван ввергнуть свое крохотное "я" в эту воспламененную массу, чтобы очиститься от всякого себялюбия. Все различия сословий, языков, классов, религий были затоплены в это одно мгновение выплеснувшимся чувством братства»[118].

Декаданс, символизм и футуризм были наиболее важными направлениями в европейском художественном осознании военного времени. Они во многом стали своеобразным выражением ревизии и переосмысления идейных и мировоззренческих основ зашедшей в тупик европейской цивилизации в целом. Апологетика войны, содержащаяся в произведениях ряда писателей, была связана не только с надеждами на реализацию частных и локальных национальных или государственных целей, но и выходила на более высокий уровень, внушая веру в спасительный катарсис. В данном контексте трагизм и героика войны осознавались как своеобразный прорыв, через уничтожение "всего наносного и временного", к истинной реальности. Этот тезис можно проиллюстрировать словами немецкого социолога А. Мелера о повести "В стальных грозах" видного немецкого писателя военного и пос-

левоенного времени Э. Юнгера. По словам Мелера, здесь "за защитой национальных территорий на заднем плане ощущается присутствие более глубинной потребности – ностальгии по иной, более напряженной, более цельной форме жизни"[119]. Эта "ностальгия по иной жизни" сочеталась с неприятием "мирового застоя". Последний же связывался, прежде всего, с "тотальным господством буржуа и мещанина", с развитием капиталистических отношений и массовой культуры "среднего европейца", приводящих к "всеобщему обезличиванию" в "омуте обыденности". Чтобы проиллюстрировать этот порыв к обновлению, процитируем немецкого писателя Георга Гейма, незадолго до начала войны размышлявшего: "Все одно и то же, скука, скука, скука. Ничего не происходит, ничего... Хоть бы началась война наконец, даже несправедливая… Этот мир такой гнилой, эфемерный, липкий, как политура на старой мебели. Боже мой, и я растрачиваю свой энтузиазм в эти банальные времена"[120].

Ошибочно полагать, что подобные взгляды были свойственны исключительно "ультранационалистам". С радикальных позиций по отношению к существующему миропорядку выступали идеологически разные политики (Ленин и Савинков), непохожие друг на друга философы (Бердяев и Эрн) и писатели (Маяковский и Блок). Не согласные между собой в идеалах, они одинаково негативно оценивали действительность, осознавая неминуемую катастрофичность разрешения существующих противоречий мира через борьбу, революции и войну. Не случайно в духовной жизни доминирующее положение заняли мыслители антипозитивистской направленности: Ф. Ницше, О. Шпенглер, К. Леонтьев, В. Соловьев, А. Бергсон, Т. Карлейль. Их идеи получили свое развитие в произведениях многих европейских художников, писателей, общественных деятелей и публицистов.

Безусловно, нельзя безоговорочно утверждать о "тотальности" подобных настроений, об их определяющем влиянии на всю культуру. Однако, являясь течением по преимуществу элитарным, оно тем не менее выражало некое общее настроение. Можно сказать, что эти авторы формулировали то, что инстинктивно чувствовали многие. Эта "ревизия культуры" была прямо связана с кризисом позитивистского гуманизма, веры в самодостаточное благо "линейного прогресса", с ощущением недостаточности его универсального мировоззрения. Вместо рационального и логического осмысления мира "новые интеллектуалы" утверждали необходимость единого "онтологического" или трагического познания, подразумевавшего преобладание интуитивного, дионисийского восприятия как единственной возможности существования цельной личности.

Наличие в "военных настроениях" подсознательного "бунта против порядка" отмечал Цвейг в книге "Вчерашний мир. Воспоминания европейца". В главе, посвященной началу войны, он пишет: «В этом дурмане проявлялась более глубокая, более таинственная сила. Так мощно, так внезапно обрушилась волна прибоя на человечество, что она, выплеснувшись на берег, повлекла за собой и темные, подспудные, первобытные стремления и инстинкты человека – то, что Фрейд, глядя в суть вещей, называл "отвращением к культуре", стремлением вырваться однажды из буржуазного мира законов и параграфов и дать выход древним инстинктам крови. Возможно, и эти темные силы способствовали упоению, в котором было смешано все: самоотверженность и опьянение, авантюризм и чистая доверчивость, древняя

магия знамен и патриотических речей… Войне 1914 года … неведомо было истинное положение вещей, она служила химере, иллюзии о лучшем, более справедливом, более безмятежном мире. А лишь иллюзия, незнание делает счастливым. Поэтому опьяненными, бурно выражая свою радость, шли тогда навстречу бойне жертвы, украшенные гирляндами цветов и с дубовой листвой на касках, и улицы бурлили и были освещены, как во время праздника»[121].

Для многих представителей интеллектуальной элиты первая мировая война стала попыткой осознать истинное предназначение своей нации и государства, их глубинную суть и вселенские задачи. Именно напряженная реальность войны в их глазах становилась истинной реальностью, разрушая своей динамикой иллюзорные ценности, возвращая мир к суровому и простому ощущению бытия. Идеи "Нового Средневековья" в той или иной форме, как попытка воплощения традиционных идеалов в современности, отличает таких авторов, как Николай Гумилев, Эрнст Юнгер, Габриэле д'Аннунцио, Николай Бердяев. В то же время непредвиденная длительность и тотальность войны, невозможность объяснения происходящего с позиций официального патриотизма и гуманистических клише XIX в. вылились в конце концов в мощное движения протеста. В нем ненависть к "империалистической войне" тесно смыкалась с неприятием существующего строя как такового. Не следует отождествлять это движение с гуманистическими антивоенными выступлениями Стефана Цвейга или Ромена Роллана, что неоднократно имело место в советском литературоведении. Революционное антивоенное движение было вполне воинственным, агрессивным по сути стоящей перед ним задачи – превратить империалистическую войну в войну гражданскую, что, безусловно, имело лишь отдаленное отношение к пацифизму писателей-гуманистов, выступавших против "духовной вражды" не только между народами, но и между людьми.

Таким образом, война явилась катализатором процессов, происходивших в европейской культуре. Кризис гуманистических и прогрессистских идеалов XIX в., начавшийся задолго до войны, привел в результате к тотальной переоценке ценностей. Великое крушение старых форм и идей приводило к парадоксальным сочетаниям нигилизма и идеализма, традиционализма и революционности. Этот тезис можно проиллюстрировать цитатой из автобиографического дневника Юнгера "Авантюрное сердце": "В мире о нас ходит молва, что мы в состоянии разрушить храмы. И это уже кое-что значит во время, когда осознание бесплодности приводит к возникновению одного музея за другим... Мы славно потрудились на ниве нигилизма. Отказавшись от фигового листа сомнений, мы сравняли с землей XIX век (и нас самих!). Лишь в самом конце смутно обозначились лица и вещи XX-го"[122]. Эти попытки осознать и отобразить "новый облик мира", актуальные для начала века и буквально "внесенные на штыках" в военную эпоху, в послевоенное время можно назвать "экзистенциальными". Речь идет не о сходстве с позднейшими философскими школами, а об основном принципе, заложенном в семантике этого термина – "преодолении" как таковом. Оно было одинаково близко таким разным авторам как Хемингуэй, Ремарк или Юнгер – и "потерянному", и "обретенному" поколениям...

Фундаментальные изменения, непосредственно связанные с войной, произошли во всех областях художественного творчества. Это касается как исключительно формальных признаков, так и идейной подоплеки действия,

непосредственно связанной с изменением ценностных категорий. Невиданные ранее масштабы войны, развитие новых видов вооружений, фактическое вовлечение в войну всего населения воюющих стран нашли свое отражение в произведениях искусства описываемого периода. Среди новаций в области стихотворной формы можно отметить развитие верлибра, происходил постепенный отказ от традиционных стихотворных размеров. Процесс становления "новой ритмики" и образного ряда, как известно, начался задолго до 1914 г., однако особую актуальность он приобрел во время и после войны. Именно тогда необходимость создания адекватного художественного отображения "новой реальности" определила поиск соответствующих форм художественного изображения. Со стремлением к подлинному реализму в изображении происходящего можно связать и реформу литературного языка, в частности использование просторечных выражений и арго. Литература перестала соблюдать условности, вышла за границы "салонной" вежливости. Эта линия ясно прослеживается в творчестве Луи-Фердинанда Селина, Готфрида Бенна, Эриха Марии Ремарка, Ярослава Гашека. В изобразительном искусстве и дизайне "знаковым" элементом художественного мировоззрения стало своеобразное осмысление существующего в традиционных, исторических образах. Эта черта четко обозначилась в плакатной живописи (например, у В.М. Васнецова), в картинах М.В. Нестерова, а также отчасти в предлагаемых вариантах форменной одежды: стилизация немецких касок под шлемы кнехтов и предполагавшееся в российской армии введение головных уборов, напоминающих шелома.

Художники неорусского стиля связывали решение патриотических тем с образами былинных богатырей, русских полководцев, напоминали о славных страницах русской истории и о военных победах в прошлом, использовали элементы национального орнамента. Украинский художник Г.Н. Нарбут в своих многочисленных работах активно разрабатывал мотивы геральдики. Подобные художественные решения существовали и в плакатной живописи других воюющих стран, например Германии. Для немецкого плаката того времени характерно совмещение реалистических изображений солдат с персонажами древнегерманской мифологии, а также использование образов средневековых воинов, что предполагало осмысление войны как продолжения "крестового похода" немецких рыцарей. Развивалась и пропагандистская живопись, где традиционная лубочная композиция сочеталась с изображением современной техники, развернутых картин сражений. При этом лубочная живопись периода войны, используя принцип создания типических "массовых" образов в сочетании с эмоционально-экспрессивной подачей информации и гиперболизацией, стала актуальной и развивающейся формой пропаганды. Над военным лубком в России работали художники К.С. Малевич и В.В. Маяковский. Можно отметить много стилевых совпадений между, например, патриотическим лубком периода войны и революционными "Окнами РОСТА". Интересно, что работы художников-футуристов были отмечены критикой как лучшие на выставке "Война и печать", прошедшей в конце 1914 г. в Петрограде. Было бы ошибкой видеть в "лубочных" военных плакатах исключительно "конъюнктуру". Сам Маяковский усматривал в них один из элементов становления подлинно русского народного стиля. Он выступал против "подражания Западу" и противопоставлял "чувство русского стиля" и "жизнерадостность лубка" "легкомыс-

ленной бойкости Парижа" и "гробовой костлявости Мюнхена". По словам Маяковского, «для нас "быть Европой" – это не рабское подражание Западу... а напряжение *собственных* сил в той же мере, в какой это делается *там*»[123]. По его убеждению, преодоление "тупого мюнхенства" и стихийное становление национальной культуры, инициированное войной, должно было быть основано на воскрешении "настоящей русской живописи", которая виделась в "простой красоте дуг, вывесок, древней русской иконописи безвестных художников, равной и Леонардо и Рафаэлю"[124].

Одним из самых важных нововведений, произошедших под влиянием войны, стало развитие и обоснование принципа тотальности. Это нашло свое отражение не только в сфере мировоззренческих поисков, но и в способах художественного отображения реальности. Стоит пояснить, что смысл принципа тотальности заключается не в слиянии имеющихся потенций и сил индивида и частных сообществ в единство ради желательного результата, это присуще, скорее, коллективизму. Принцип тотальности захватывает человека целиком с корнями его бытия и извлекает из него те силы, о которых он и не ведал, а их потеря лишает человека его сущностного измерения, превращает в "биологическую единицу". "Личное" становится по-настоящему истинным, сливаясь с "общим", а воля многих образует мощную и всеобъемлющую стихию действительности. Это ощущение "тотальности" замечательно передано в рассказе известного русского писателя, знатока итальянской культуры Павла Муратова "Вера Морелли", действие которого происходит в Италии накануне первой мировой войны. Герой рассказа – молодой летчик Уго, так говорит о начале войны: "Этого часа ... в томлении одних, в титаническом труде других, в гениальном предвидении третьих ждала годы и десятилетия вся Европа. Для него существуем я, мы, все наше поколение. Участь наша предрешена: она страшна, блистательна, прекрасна и завидна. Мы исчезнем в огнях неслыханной грозы, растворимся в потоке освобожденной энергии. Человечество возвратит свободу скованным, порабощенным им силам природы. И оно не в силах будет охватить смысл их великой игры, прилагая к ней жалкую систему гуманистических понятий"[125]. Можно дополнить эти слова цитатой из пьесы идеолога европейского воинствующего модернизма итальянца д'Аннунцио "Сильнее любви": "Когда целое поколение стремится к новому идеалу, это признак того, что среди людской породы должны явиться великие люди"[126].

Реальный в своей повседневности человек перестает интересовать, становится слишком банальным для искусства эпохи модернизма. В этом его главное отличие от литературы XIX в., которая пришла к проблеме маленького человека, а его частная жизнь, наполненная треволнениями и заботами, стала источником сострадательного и попечительного гуманизма. Но потеря интереса к реальному историческому человеку немедленно компенсировалась усиленным вниманием к долженствующему человеку. Не стоит понимать этот термин слишком упрощенно, ограничиваясь констатацией антропологических изысканий, основанных на социал-дарвинизме и присущих идеологам национал-социализма и "нового коммунистического общества" в духе марксиста А.А. Богданова. Сама проблема "долженствующего человека", направленная прежде всего не на "выведение породы", но предполагающая глубокое духовное становление личности, в свою очередь стимулирующее появление новой, более совершенной культуры, и сформули-

рованная еще Ницше, по-разному осмысливалась интеллектуалами. Идеал новой личности культивировался в окружении немецкого поэта-мистика Стефана Горге, образ "долженствующего человека" можно увидеть в работах Бердяева о "Новом Средневековье", в трактате "Рабочий" Юнгера. Апология "долженствующему человеку" присутствовала и в русской литературе периода войны – например, в статье Маяковского "Будетляне", написанной в 1914 г. Он писал: "Будетляне – это люди, которые *будут*. Мы накануне ... Знайте: под серым пиджаком обывателя вместо истасканного и пропитого тельца наливаются мощные мускулы Геркулеса! История на листе, длиной от Кронштадта до Баязета, кровавыми буквами выписала матери-России метрическое свидетельство о рождении нового человека"[127]. Именно война, по мнению Маяковского, порождает "нового человека", способного устоять "среди стальных гроз" ее сражений, выдержать ранее невыносимую катастрофичность. Маяковский, принял, как он сам признавал, войну сначала с чисто декоративной, шумовой стороны. Он утверждал, что "каждый [теперь] – носитель грядущего. Судьбу России решает войско, а ведь войско – мы все: кто уже сражается, кто идет на смену павшим, с малиновыми ополченскими знаменами, кто завтра, достигнув предельного года, призовется в свой черед"[128]. В статье Маяковского становление "нового человека" обусловлено реализацией принципа тотальности, единства всех во имя единой цели: «Общность для всех людей одинаковой гигантской борьбы, уничтожившей на сегодня и мнения и партии, и классы, создала в человеке "шестое" чувство, чувство, что ваше биение, даже помимо воли, есть только отзвук миллионно-людных ударов сердца толпы... Сознание, что каждая душа открыта великому, создаст в нас силу, гордость, самолюбие, чувство ответственности за каждый шаг, сознание, что каждая жизнь вливается равноценной кровью в общие жилы толп, – чувство солидарности, чувство бесконечного увеличения своей силы силами одинаковых других. Все это вместе создает нового человека: бесконечно радостного оптимиста, необоримо здорового!»[129]

Аргументируя свою точку зрения, Маяковский сравнивал это новое "тотальное" осмысление войны с "личным, частным и ущербным" изображением войны "старыми писателями": «Андреевский "Красный смех". Война рассматривается только как ужас, как липкая одуряющая кровь. Это – оттого, что Андреев, выразительнейшей сын своего времени, видел войну только как больной крик одного побитого человечка. Он не знал, что каждый может стать гигантом, удесятерив себя силой единства. Вот почему все старые писатели: Сологуб, Андреев и др. – возвеличивали смерть, возвеличивали страдание, кончину, а великая, но до сегодняшнего дня не принятая народная песня поет радость. В то время как писатель печален – "идем на смерть", народ в радости – "идем на ратный подвиг". Изменилась человечья основа России. Родились мощные люди будущего. Вырисовываются силачи будетляне»[130]. В дальнейшем Маяковский, как известно, изменил свое отношение к войне, перейдя в стан иллюстраторов "военного ужаса". Однако сам принцип тотальности остался столь же актуален в его дальнейшем творчестве. Революционные произведения Маяковского, неся уже иную идеологическую нагрузку, тем не менее основаны на принципах, сформулированных им в начале первой мировой войны.

Своеобразной антитезой вышеизложенным взглядам могут служить произведения немца Ремарка и француза Барбюса. Если для апологетов

“военного возрождения” и новой тотальности война порождала единство, придавала осмысленность человеческому существованию, то для писателей-пацифистов война – это предельная стадия падения человека, и только протест против нее способен вернуть ему индивидуальность и свободу. Будничная реальность военных действий предстает как беспощадный молох, механически перемалывающий всех, – и своих, и чужих. Изображение бессмысленности и напрасности смерти, отраженная в заглавии ремарковского романа “На Западном фронте без перемен”, разочарование в общественных ценностях, не выдержавших испытания “всеобщим свинством войны” являются основными идеями произведений Ремарка и Барбюса – романов “На западном фронте без перемен” (1929) и “Огонь” (1916). В них происходит обратное движение – от общего к частному, от “обезличенного единства” к человеку, происходит становление неогуманизма, призванного защитить личность от уничтожения. Для апологетов тотальности именно единство, массовость дает бессмертие каждому, и сама смерть, по словам Маяковского, “несется на всю толпу, но, бессильная поражает только ее незначительную часть. Ведь наше общее тело остается там, на войне дышат все заодно, и поэтому там – бессмертие”[131]. Напротив, для Барбюса и Ремарка тотальность войны абсолютно девальвирует ценность человеческой жизни. “Материал войны – это мы. Война состоит только из плоти и душ простых солдат. Это мы образуем целые равнины мертвецов и реки крови, все мы, и каждый из нас незаметен: ведь нас великое множество” (А. Барбюс)[132].

На “стыке культур” образ “долженствующего человека” и “новой культуры” приобретал неожиданные черты. Именно в русле этих поисков, инициированных грандиозным разрушением всех системообразующих основ традиционной европейской цивилизации, должно воспринимать надежду на очистительный “Свет с Востока”, высказываемую русскими философами-евразийцами. Они отрекались от либерализма, предвидели наступление эпохи “Нового Средневековья”, когда духовная сущность будет преобладать над закостеневшей “рассудочной” формой. Схожие убеждения разделяли поклонники исповедовавшего ницшеанство д'Аннунцио. Всех их – русских, немцев, итальянцев, отличало не столько стремление к достижению определенных политических целей, сколько жажда действия как такового, сочетавшаяся с принципиальным неприятием послевоенного, “оставшегося либеральным” мира. Это “военное поколение” лучше всего характеризуют слова Юнгера: “Война – наша мать, она зачала нас, новое поколение, в расплавленном чреве окопов, и мы гордимся этим происхождением. Поэтому наши ценности также должны быть героическими, ценности воителей, а не торговцев, которые пытаются измерить мир локтями”[133].

В связи с войной остро встал вопрос не только морального и духовного ее обоснования, но и проблема “вечной борьбы” различных мировоззрений и культур. Произведения русских писателей и философов, посвященные литературно-философскому осмыслению и изображению событий первой мировой войны, имели некоторые специфические особенности. Война была понята многими русскими писателями и учеными как явление неизмеримо глубокого, духовного смысла, не только как “горизонтальное” противоборство армий на полях Фландрии и Восточной Пруссии, но и как “вертикальное” религиозное борение, закономерным результатом которого должно было стать явление еще невиданной Великой России – Державной Империи Духа.

Война воспринималась как христианский подвиг, где воинская отвага, по мнению Гумилева, определяет милосердное отношение к побежденным врагам[134]. По словам философа Владимира Эрна, здесь являет себя беспредельная кротость русских воинов. Они гонят перед собой страшные орды башибузуков, бестрепетно ломят всю безумную технику германских вооружений и робеют от чистоты и комфорта скромных лазаретов, принимающих их на долгое и часто мучительное лечение. Цели войны также понимались "вертикально" и символически – овладение Царьградом (Константинополем) – столицей Славянской Империи, борьба против Германии как борьба Востока и Запада, осмысленная как борьба Духа и Материи, Креста и Меча. "Это не простая война; не политическая война, – писал Розанов в книге "Война 14 года и Русское Возрождение", – это борьба двух миров между собой"[135]. Валерий Брюсов призывал "верить в победу над германским кулаком". Рассуждая о целях войны, он отмечал, что славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов. Славянофильство становилось все более радикальным, принимая яркую антизападническую окраску. Так, поэт Федор Сологуб заявлял: "Мы – не Запад и никогда Западом не будем", называя Россию "Востоком религиозным и мистическим, Востоком Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций". Запад в данном случае понимался не географически, но как особый тип рационалистической буржуазной цивилизации, окончательно сформировавшийся в XIX в. В свою очередь Маяковский провозгласил: "Еще месяц, год, два ли, но верю: немцы будут растерянно глядеть, как русские флаги полощутся на небе в Берлине, а турецкий султан дождется дня, когда за жалобно померкшими полумесяцами русский щит заблестит над вратами Константинополя!"[136]

Одним из важнейших элементов "мобилизации сознания", о которой писал Михаил Гершензон, было, казалось, воскресшее чувство "круговой поруки", единства всего народа перед лицом врага. Александр Куприн сравнивал настроение русского общества в 1914 г. с взрывом патриотизма в севастопольскую кампанию. Алексей Толстой увидел в немце одно из воплощений неприятеля, давнишнего, хитрого, знакомого: хазарина, половчанина, наездника Золотой Орды – тех, под чьими стрелами обрел единство, ополчился и осознал себя русский народ. Единство народа (реальное или мнимое) особенно остро ощущалось на фронте, в бою. Родилось выражение "братская линия". На этой узкой, но странно длинной полоске, где люди убивают людей, здесь, по словам Брюсова, все встреченные чувствуют себя близкими друг другу братьями как сыновья единой матери-Родины, противостоящей германской экспансии. "Столкновение духа Германии и духа России мне представляется внутренней осью европейской войны. Все другие силы группируются по периферии", – писал Эрн в предисловии к сборнику статей "Меч и крест", посвященному Великой войне[137]. Далее он продолжал: "Давно, давно уже, быть может с Куликовской битвы, мы не знали такого единства духа и плоти России, такого изумительного созвучия между ее глубочайшими верованиями и ее внешним историческим действием. На новое дело согласным порывом Россия поднялась как на подвиг и жертву, смиренно приняв веление промысла"[138]. Особенно важно в контексте данной темы следующее замечание Эрна: «Наши войска истекают жертвенной кровью не для того, чтобы сознание русских людей оставалось во власти безразличия,

неверия и бесплодного скептицизма. С великими жертвами нами одерживаются труднейшие победы не для того, чтобы после войны мы возвратились к разбитому корыту российской дряблости, безволия и готовности опять, как в последние десятилетия, идти на буксире европейской истории. Нет! Перед Россией открываются новые, беспредельные горизонты. И она должна, подавив в себе старые болезни и собрав воедино свою национальную волю, смиренно склониться перед промыслом, взывающим ее на великую историческую деятельность, и Ангелу-благовестителю всей силой и всем разумением своим ответить: “Се раба Господня, да будет мне по слову твоему!»[139]

Среди русских мыслителей начала XX в. Владимиру Эрну (1882–1917) принадлежит видное место, хотя его философское наследие до сих пор недостаточно изучено. Даже его биографические данные, приведенные в работах о русской философии (В. Зеньковского, Г. Флоровского, Н. Лосского, Н. Зернова) не всегда совпадают. Но из этого вовсе не следует делать вывод о малозначимости этой фигуры. Наоборот, во многих отношениях Эрн являлся ярким представителем переходной эпохи, глашатаем ее духа, особенно в том, что касается актуального тогда стремления к объединению философии и религии в целях создания новой религиозной метафизики. Эрн видел основную задачу России в побуждении Европы уйти от самой себя, в реализации заложенного в ней онтологического начала в противовес философскому рационализму, связанному с признанием абсолютной ценности технического прогресса. Рассматривая Германию как страну, ярче других воплотившую рациональную деструктивную идею, Эрн тем не менее полагал, что Европа в целом также поражена ею. Но возрождение “истинной” Европы, инициированное войной, он воспринимал как вполне возможную трансформацию. Именно в способствовании этому грядущему возрождению и в одновременном внутреннем самоочищении видел Эрн главную задачу России.

Восприятие войны как религиозного подвига свойственно и Николаю Гумилеву (1886–1921). Наибольшую ценость представляют его стихи, вошедшие в сборник “Колчан”, и автобиографические “Записки кавалериста”. Гумилеву был присущ особый стиль, при котором поэтический пафос и реалистические описания боевых действий, основанные на личном опыте, органично дополняли друг друга. Из всех сотрудников известного петербургского журнала “Аполлон” только Гумилев ушел на фронт. За боевые заслуги он получил два Георгиевских креста. Военная тема не стала в творчестве Гумилева случайным эпизодом как, например, в поэзии Георгия Иванова (“Памятник славы”, 1915) и Сергея Городецкого (“1914 год”, 1915). Эта тема изначально подготавливалась его предыдущим творчеством и жизнью, где увлечение романтикой “таинственного и непознанного” предполагало дистанцию от обыденного современного мира, а воспеваемые воинские доблести конкистадоров и капитанов нашли свое зримое и реальное воплощение в образе “вольноопределяющегося гвардейского кавалерийского полка”.

Восприятие первой мировой войны Александром Блоком (1880–1921), ее место в блоковской “системе ценностей” и литературном творчестве – особая тема в истории русской литературы тех лет. Поэт надеялся, что война “очистит воздух”, станет разрушительной силой по отношению к псевдогуманизму и формализму буржуазной цивилизации. В статье Зинаиды Гиппиус

“Мой лунный друг“ читаем: «Меня удивил возбужденный голос Блока, одна его фраза: “Ведь война – это, прежде всего, весело!”»[140] Блоковское “весело” это, конечно, не эмоционально-экспрессивное “веселье”, хотя торжественная мажорная атмосфера была характерна для общественных настроений начала войны. Это скорее протест против “скучной обыденности”, означающий начало становления нового и подлинного мира. Гиппиус далее отмечала: «Зная Блока, трудно было ожидать, что он отнесется к войне отрицательно. Страшило скорее, что он увлечется войной, впадет в тот неумеренный военный жар, в который впали тогда многие из поэтов и писателей. Однако, скажу сразу, этого с Блоком не случилось. Друга в нем непримиримые, конечно, не нашли. Ведь если на Блока наклеивать ярлык (а все ярлыки от него отставали), то все же ни с каким другим, кроме “черносотенного”, к нему и подойти было нельзя. Это одно уже заставляло его принимать войну. Но от упоения войной его спасала “своя” любовь к России, даже не любовь, а какая-то жертвенная в нее влюбленность, беспредельная нежность”»[141].

После Октябрьской революции Блок резко изменил взгляды на войну. В статье “Интеллигенция и революция” он писал: «... годы европейской бойни; казалось минуту, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина... Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением (не символ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется “фронт”... Трудно сказать, что тошнотворнее: то кровопролитие или то *безделье*, та *скука*, та *пошлятина*, имя обоим – “великая война”, “отечественная война”, “война за освобождение угнетенных народностей”, или как еще? Нет, под этим знаком – никого не освободишь»[142]. Блоковское “разочарование в войне” было тесно связано с его надеждой на “очистительную бурю революции” – именно она, по мнению Блока, должна была стать источником новой “музыкальной” гармоничной единой культуры. Именно эта убежденность в необходимости “катастрофического разрешения противоречий цивилизации” сближала идеи и образы блоковских “революционных” статей и литературных произведений с его творчеством периода войны.

Проблемы философского осмысления войны, ее роли в обновлении национальной культуры и решения государственных задач прослеживаются в творчестве многих русских философов и писателей того времени. Среди них – Василий Розанов, Николай Бердяев, Вячеслав Иванов. Иванов и Эрн предлагали трактовки военных событий, выдержанные в духе неославянофильства, Розанов исходил в большей степени из русской национально-государственной традиции. Бердяев же, полемизируя с ними, говорил о необходимости отказа от “отживших” формулировок, об “упразднении и славянофильства, и западничества как идеологий провинциальных, с ограниченным горизонтом”[143]. Философские взгляды Бердяева того времени можно определить как своеобразный христианский экуменизм, базирующийся на взглядах Владимира Соловьева, а именно его тезисе о необходимости культурного и политического единства Европы и России, во имя сохранения “христианского мира”. Задачу войны Бердяев видел в выходе европейских народов за пределы Европы, преодолении замкнутости европейской культуры и поддержке объединения Запада и Востока. В этом объединении Россия, по мысли

Бердяева, должна была сыграть инициативную, если не мессианскую роль. Он так писал об этом: "Могущественнейшее чувство, вызванное мировой войной, можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующего быть вселенной. Мировая война вовлекает в земной круговорот все расы, все части земного шара ... Мировая война ставит вопрос о выходе в мировые пространства, о распространении культуры по всей поверхности земного шара ... Мы имеем все основания полагать мировую миссию России в ее духовной жизни, в ее духовном, а не материальном универсализме, в ее пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь. Конец Европы будет выступлением России и славянской расы на арену всемирной истории как определяющей духовной силы"[144].

Выполнение миссии России, по мысли Бердяева, должно быть обусловлено пробуждением в ней мужественного начала. Он отмечал: "Возрождение новой России может быть связано лишь с мужественными, активными и творящими путями духа, с раскрытием Христа внутри человека и народа, а не с натуралистической родовой стихией, вечно влекущей и порабощающей"[145]. Эти идеи Бердяева в той или иной форме выражены во всех его статьях периода войны, объединенных позднее в сборник "Судьба России" (1918). Вообще же идеи о необходимости создания нового "единства" Европы и мира в результате преодоления цивилизационного кризиса и, соответственно, формулирование значимости той или иной культуры в качестве потенциальной исходной точки для создания этой интегральной наднациональной культурной и политической системы свойственны были не только Бердяеву. Схожие мысли можно найти у немца Томаса Манна, англичанина Бертрана Рассела, а также у многих других писателей, философов, ученых-естествоиспытателей, политиков и общественных деятелей – например, в идеологизированном варианте, у американского президента Вильсона, предложившего в качестве всеобщего эталона принципы американской демократии.

Важным для исследования русской культуры периода первой мировой войны представляется творчество Зинаиды Гиппиус (1869–1945) и Федора Степуна (1884–1965). Эти авторы, так же как Эрн и Розанов, представляют интерес не только как собственно писатели определенной эпохи, но и как своеобразные выразители мыслей и чаяний определенных слоев российского общества. Кратко определяя это "направление", можно охарактеризовать его как либерально-оппозиционное по отношению к существующей власти и государственному устройству. Близость Гиппиус к либеральным политикам, ее теплые отношения с эсерами, в частности с Борисом Савинковым, и, соответственно, негативное отношение к самодержавной монархической власти в некотором смысле определяли ее позицию в вопросах "обоснования войны". Следует, однако, оговориться, что в данном случае имело место в большей степени совпадение взглядов и идей либеральных политиков и писателей, чем прямой политический заказ. В период с начала войны до Февральской революции в этом кругу господствовали критические настроения – критика власти соседствовала с описанием ужасов войны, признавалась необходимость участия общественности в государственном управлении. Собственно политические идеи соседствовали со своеобразной

философской рефлексией. В ее рамках наиболее актуальны были попытки осмыслить происходящие события с помощью христианской морали, воспринятой преимущественно через призму философии Владимира Соловьева и Дмитрия Мережковского. После же Февральской революции, которая была воспринята этими авторами как "своя", они стали выступать с позиций активного оборончества, зачастую принимая непосредственное участие в попытках формирования новой идеологии "свободной России".

В этом контексте интересен философский роман в письмах Степуна "Из писем прапорщика-артиллериста". С 1914 г. автор находился в действующей армии. После случайно полученной тяжелой травмы ноги, находясь на излечении, он написал свое основное произведение-исповедь. В 1916 г. оно было опубликовано под псевдонимом Николай Лугин в журнале "Северные записки". Особенностью произведения Степуна стало сочетание реальных фронтовых наблюдений с философскими размышлениями. Это позволяло не только взглянуть на события глазами автора, но и критически осмыслить происходящее в контексте философской и религиозной подоплеки противостояния России и Германии, его глубинной сути и возможного разрешения. По словам Степуна, он "не желал победы ни Германии, ни России", его взгляды периода написания "Записок прапорщика-артиллериста" можно определить как "идеалистическое пораженчество", обоснованное индивидуальным авторским толкованием евангельских заповедей и явными симпатиями к немецкой культуре. Не случайно в мемуарах известного русского философа И. Ильина Степун охарактеризован как "германофил-пораженец".

Появление романа Степуна свидетельствовало о большой степени творческой свободы и наличии разных принципов и подходов к оценке войны в русском обществе после 1915 г. Как известно, между интеллектуальными элитами Германии и России в довоенный период существовали тесные культурные связи. В межгосударственных отношениях отсутствовали болезненные для национального самосознания проблемы, подобные спору из-за Эльзаса и Лотарингии. Все это способствовало тому, что относительно широкая полифония мнений по отношению к германскому противнику никогда не доходила до "священной ненависти к германизму" французской общественности и постепенно давала себя знать уже в разгар войны. В статье "Франция и война" (1916) М. Волошин отмечал различия в оценке войны во Франции и России: "На Западе, а во Франции особенно, напряжены все мускулы, весь волевой организм доведен до высочайшего напряжения, в котором угасает всякое умозрение, всякая отвлеченная мысль. Это сказывается во всем: русское общественное мнение гораздо более терпимо к индивидуальным и парадоксальным взглядам на войну; мы имеем право не желать поголовного истребления всей германской расы; русская военная цензура гораздо более милостива, чем французская, которая не только ограничивает, но и устанавливает тон и меру того, как следует мыслить"[146].

Эти рассуждания перекликались со словами из стихотворения Марины Цветаевой "Германии", написанного во время войны. Стремясь противостоять напору антигерманских настроений, Цветаева взывала к разуму: Ты [Германия] миру отдана на травлю, | И счета нет твоим врагам! | Ну, как же я тебя оставлю,| Ну как же я тебя предам?.. Ну, как же я тебя отвергну, | Мой столь гонимый Vaterland, | Где все еще по Кёнигсбергу проходит узколицый

Кант"... Когда меня не душит злоба на Кайзера взлетевший ус, когда в влюбленности до гроба тебе, Германия, клянусь!"[147]

Отдельно следует остановиться на произведениях Бориса Савинкова (1879–1925) периода первой мировой войны. По стилю и избранной литературной форме, также представляющей дневниковые записи в сочетании с религиозно-философской рефлексией, они во многом напоминают его раннее произведение "Конь бледный". Под литературным псевдонимом В. Ропшин Савинков опубликовал книги "Во Франции во время войны" и "Из действующей армии". Эти произведения основаны на реальных событиях – участии Савинкова в войне в качестве добровольца французской армии и его пребывании в должности комиссара Юго-Западного фронта во время неудачного наступления российских войск летом 1917 г. В отличие от Степуна, Савинков – убежденный сторонник войны до победного конца. Любопытно, что после заключения Брест-Литовского мира представитель Верховного Главнокомандования немецкой армии при германской дипломатической миссии в Москве барон К. фон Ботмер, анализируя состояние политических партий в России, называл Савинкова "главным подстрекателем против Германии". Произведение Савинкова "Из действующей армии" (1917) может служить иллюстрацией попыток некоторой части интеллигенции обосновать и воплотить идеологию "революционного оборончества", т.е. необходимости войны во имя свободы и революции. Савинков призывал: «Поезжайте в окопы. Присмотритесь к окопной жизни. К ранам. К ревматизму. К цинге. Зайдите в землянки. Загляните в бойницы. Прислушайтесь к свисту пуль и к грохоту пушек. Может, вы тогда поймете, что значит "умрем за землю и волю". Может быть, вы тогда поймете, что есть еще надежда, что еще не проиграна нами война, что мы еще в силах оборонить свободу. Так я верю»[148]. Савинков противопоставлял Петрограду действующую армию: "Скажем прямо: войну за родину и свободу ведет армия, а Россия, в частности Петроград, относится к войне почти равнодушно. И если в провинции есть матери и отцы, которые, подняв великое бремя, не жалуются на преждевременную усталость, а несут его безропотно, и все мысли их с сыновьями, то в Петрограде о сыновьях забыли. Не забыли, – о них говорят, но говорят не как о живых, истекающих кровью людях, которые отражают грудью врага, а как о предмете для спора. Есть разные предметы для спора, в том числе и война"[149]. Савинков пишет далее: «Россия заболела безволием. Безволие породило безвластие. Революционная власть почти изошла словами. Обсуждения, митинги, разговоры. А пока Петроград обсуждал, армия разлагалась. И мы остались без силы, и над нами падает ночь. Море вышло из берегов, и вся армия шарахнулась в тыл. Здесь арестами не поможешь... Здесь нужна иная, жуткая власть. Дело даже не в армии. Дело в свободе. Дело в "Земле и Воле"»[150]. Конечно, в произведениях Савинкова можно отметить изрядную долю позерства и "декадентства". В этом контексте небезынтересны слова Георгия Иванова: «Было недоброй памяти лето 1917 года ... Троцкий и Борис Савинков в эти дни нередко сидели за одним и тем же "артистическим" столом в "Привале комедиантов". Савинков охотно читал нараспев только что сочиненные стихи, где говорилось, что все идет к черту и "Петербургу быть пусту..."»[151]

Обобщая, можно сказать, что русское общество в целом и в моральном отношении оказалось не готово к испытанию войной. Анализ причин пора-

жения показывает негативное влияние "общественности", заметную ее роль в разложении армии и государства. Так, Розанов в книге "Апокалипсис нашего времени" (1917), писал: «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы гораздо ранее его начало слагаться пренебрежение к офицеру как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях – к ничтожеству и отчасти как к вору. Для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба в театре и прочитать, как умывался генерал Бетрищев, пишущий "Историю генералов Отечественной войны", – у Гоголя, фыркая в нос Чичикову. Тоже – и самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся для виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву. Когда эта вся литература прошла, – прошла в гениальных по искусству созданиях "русского пера", – тогда присяжный поверенный Соколов "снял с нее сливки"! Но еще более "снял сливки" Берлинский Генеральный штаб, охотно заплативший бы за клочок писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германии... От ароматов и благоуханий он (Генеральный штаб) отделил ту каплю желчи, которая, несомненно, содержалась в ней ... И в нужную минуту поднес ее России... Россия выпила и умерла. Собственно, никакого нет сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих "разложителей" России ни одного нет не литературного происхождения. Трудно представить себе... И, однако, – так...»[152]

Характерно, что одним из итогов поражения Германии явились примерно те же изобличения слабости духа национальной интеллектуальной элиты, возложения ответственности на нее за крах надежд на воплощение идеи Великой Германии. Одним из обличителей культурного слоя стал Эрнст Юнгер (1895–1998). Творчество этого немецкого писателя можно назвать своеобразной реакцией на разочарование итогами – не только политическими, но и духовными – первой мировой войны. Его позиция определилась тем крушением, которое постигло европейские империи. Юнгер отверг саму идею Веймарской республики. Она была безнадежно далека от имперского и героического типа цивилизации. Поэтому в его произведениях содержится рецепт реализации героических взглядов через уничтожение "современного и временного" во имя создания новой иерархии, воздвигнутой на вечных принципах. Отчасти книги Юнгера можно назвать реакцией на послевоенное разочарование и пустоту, они продиктованы желанием разрушить призрачные формы кажущейся реальности, чтобы добраться до священной сути путем героического действия. В книге "Авантюрное сердце" Юнгер отмечал: "Наша надежда – на тех молодых людей, которые страдают от лихорадки, пожираемые зеленым гноем отвращения, на те молодые души, которые , будучи истинными господами, болезненно тащатся сквозь строй свиных корыт. Наша надежда – на их восстание, которое потребует великого разрушения мира форм, которое потребует взрывчатки, чтобы очистить жизненное пространство во имя новой иерархии"[153]. Стиль Юнгера определялся его концепцией героизма и милитаризма. По словам Мелера, Юнгер говорил о "пламенном воздухе, который необходим душе, чтобы не задохнуться. Этот воздух заставляет постоянно умирать, день и ночь, в полном одиночестве. В тот час, когда молодость чувствует, что душа начинает рас-

правлять крылья, необходимо, чтобы взгляд ее обратился прочь от этих мансард, прочь от лавок и булочных, чтобы она почувствовала, что там, далеко внизу, на границе неизвестного, на ничейной территории, кто-то не спит, охраняя знамя, и на самом далеком посту есть часовой"[154].

Как и другие писатели, о которых здесь идет речь, Юнгер участвовал в первой мировой войне. Но для французского поэта Шарля Пеги война закончилась гибелью под Вильеруа в первые же дни боевых действий, и его писательское творчество и напряженная мистическая проповедь явились как бы предвозвестниками его собственной судьбы. Д'Аннунцио сражался в небе над Италией, уже будучи всемирно известным писателем. Война же стала важной, может быть основной, частью его биографии – в те годы он приобрел славу национального героя и трибуна, призвав Италию взяться за оружие на митинге в Генуе 5 мая 1915 г. (это событие легло в основу стихотворения Гумилева "Ода д'Аннунцио"). Военные действия явились для д'Аннунцио формой личной реализации того героического идеала, который был обозначен в его произведениях. В отличие от Пеги и д'Аннунцио Юнгер как писатель сформировался под прямым воздействием войны. На фронт он попал почти мальчишкой, был несколько раз ранен, отличался невероятным хладнокровием и храбростью, после одного из ранений был отправлен на офицерские курсы. Будучи уже лейтенантом, в сентябре 1918 г. за один из боевых эпизодов он получил редко вручавшийся высший прусский военный орден "Pour le merite" ("За военные заслуги").

Именно события войны легли в основу первых произведений Юнгера. Его повесть "В стальных грозах" впервые опубликована в 1920 г. По форме произведение Юнгера представляет собой автобиографический дневник, однако его значение выходит за рамки исключительно биографического повествования. Несмотря на соотнесенность действия с конкретными участками фронта, главное в произведении Юнгера – не историческая достоверность и политическая обоснованность происходящего. Основа произведения – это восприятие войны как объекта, ее сущности и динамики развития со стороны субъекта – солдата. За дневниковой формой читатель угадывает совсем иной род произведения, говорящий о чем-то несравненно более существенном, чем индивидуальная судьба фронтового офицера. Эта существенность заключается в некой незримой внутренней ткани, которая угадывается за экспрессивной, своеобразной поэтикой юнгеровских записей. Ее можно обозначить как метафизику войны, данную в личном опыте. Война требует особых качеств и ведет к преображению человека, и он начинает жить и чувствовать совершенно иначе, чем другие люди, которым не открылось жестокое обаяние войны. Таким был сокровенный подтекст книги Юнгера "В стальных грозах". Стиль и дух фронтовой прозы Юнгера итальянский философ Ю. Эвола, сам принимавший участие в войне в качестве командира артиллерийского подразделения, противопоставлял роману Ремарка "На Западном фронте без перемен". Эвола писал, что в книге Ремарка «существовал и "анти-Ремарк". Он исповедовал веру воинов, для которых война как опыт была "не тем, что их разрушило, даже если снаряды их пощадили" (слова Ремарка), но скорее испытанием, которое в лучших стало началом процесса очищения и освобождения. Для Юнгера, – продолжал Эвола, – Великая Война была разрушительной и нигилистической лишь по отношению к риторике, "идеализму" громких лицемерных слов, буржуазной концепции

жизни. Для других она, наоборот, стала началом “героического реализма”, закалкой, в которой “в стальных грозах” обрел форму описываемый Юнгером новый тип человека, которому, по его словам, принадлежит будущее»[155].

Интересна оценка итогов войны Томасом Манном (1875–1955), выраженная им летом 1919 г., т.е. в период националистического романтизма и увлечения пангерманизмом, в крахе которого Манн никак тогда не хотел себе признаться. В письме Г. Блюме он ярко передал душевное состояние германских патриотов, мучительно переживавших поражение в войне, но не расставшихся с мечтой о мировом лидерстве. “Великая немецкая идея от Лютера (самое позднее от Лютера), – писал Томас Манн, – до Бисмарка и Ницше опровергнута и обесчещена – это факт, который многие из нас приветствуют, который будет установлен многими, хорошо продуманными пунктами условий мира и который я хотел предотвратить в своей борьбе против литератора от цивилизации (намек на полемику с братом Генрихом Манном. – *Авт.*). Что торжествовать будет мой противник, к этому вел ход вещей, я знал это заранее и выразил это. Надо настроиться на созерцательный, даже на фаталистически-веселый лад, читать Шпенглера и понять, что победа Англии – Америки закрепляет и завершает ход цивилизации, рационализации, утилизации Запада, являющихся уделом всякой стареющей культуры”[156].

Приговоренный к моральной казни в этом письме брата Генрих Манн, автор известного романа “Верноподданный” (1914) и произведений о французском короле Генрихе IV, выступил с гуманистических, антишовинистических позиций, опираясь на либеральные модели устройства общества и культуры. Он эмигрировал еще до войны во Францию и совместно с Ролланом призывал немецких интеллектуалов осудить германский милитаризм и германских правителей, исповедовавших идею мировой гегемонии. В нескольких эссе Генрих Манн дал своеобразную апологию “западных” ценностей. Их олицетворением у него выступил борец за гуманистические идеалы Эмиль Золя, противопоставленный Фридриху Великому – выразителю немецкого национального духа. В романе “Верноподданный” он подверг критике “немецкий авторитаризм и милитаризм”. В противоположность ему Томас Манн отстаивал тогда немецкую исключительность, опубликовав в 1918 г. эссе “Наблюдения аполитичного”, своего рода документальное отражение духовного состояния немецкого общества, трагически переживающего позор проигранной войны и тоскующего по реваншу. Основным положением в “Наблюдениях аполитичного” стала мысль, что “тот, кто хочет сделать из Германии буржуазную демократию в западном смысле и духе, тот лишает ее наиболее прекрасного, весомого, своеобразного, делает ее скучной, тупой, ненемецкой”. Примечательно также утверждение Томаса Манна о том, что единственным подлинным желанием его сердца является мир с Россией, которую он также считал “страной культуры”, и высказывался в том смысле, что следует воевать и дальше со “странами цивилизации, политики, буржуазии”. Подобно Достоевскому и Леонтьеву, отстаивавшим особый путь России, его несовпадение с вектором развития западной цивилизации, Томас Манн заявлял, что Германия по своему существу и в соответствии со своей миссией – это страна протеста против Запада, против держав “цивилизации”.

Необходимо отметить, что интеллектуальные поиски в русле идеи консервативной революции, актуальные в 20–30-е годы в Германии (в них участвовал и Юнгер с его теорией "нового национализма"), также основывались на уникальности Германии, невозможности ее полного слияния с "западным миром" и необходимости поиска новых путей развития, творческом воплощении консервативных национальных традиций. Так, Юнгер отмечал: "...признание того, что тайный метр-эталон цивилизации хранится в Париже означает, что наша проигранная война проиграна действительно до конца. Поэтому логически нам необходимо совершить тотальное нигилистическое деяние и довести его до нужного предела. Мы уже очень долго движемся к магической нулевой точке, которую сможет преодолеть лишь тот, кто обладает иными, невидимыми источниками энергии"[157]. Не мир, а война – этот тезис наиболее актуален для определения юнгеровского видения будущего. Легко заметить в этом тезисе своеобразную интерпретацию известных слов Ницше о том, что "благо войны освящает всякую цель". Совершенство вооружений должно было придать грядущим войнам гигантский размах – симфония огня и стали, величайшее испытание для человеческого духа – таковы черты утопии Юнгера. Война предстает у него, в отличие от Томаса Манна, не как вынужденная необходимость, а как самоценное действие, в ходе которого уничтожается все временное и наносное и обнажается истинная суть вещей.

Нельзя не упомянуть о Готфриде Бенне (1886–1956) – одном из самых знаменитых немецких поэтов XX в. Его стихи периода 1912–1920 гг. вошли в сборник "Морг". Бенн и Юнгер принадлежали к одной и той же "духовной семье", но к разным ее ветвям. Им одинаково был близок принцип "отрицания биологической системы ценностей". Однако если литературное творчество Юнгера – непосредственное воплощение войны, ее трагическое преломление сквозь художественное мировоззрение автора, то экспрессионистские стихотворения Бенна с определенной долей вероятности можно считать реакцией на "кромешную темноту послевоенной поры". Немецкий экспрессионизм 20-х годов, так же как и дадаизм, был во многом обусловлен негативной реакцией на войну и ее последствия.

Остановимся кратко и на взглядах немецкого философа и теоретика культуры Освальда Шпенглера (1880–1936) на мировой конфликт 1914–1918 гг. Автор знаменитого "Заката Европы" считал войну наилучшей возможностью для реализации имперского идеала и воспринял поражение в войне как величайшее унижение Германии. "Четыре года мы сражались и терпели как никто ранее... и оплатой за это было поражение, беспримерное по своей несправедливости. Жгучий стыд охватывает нас при одной мысли о том, кем мы были и кем мы являемся сейчас"[158]. Подобный вывод имел в своей основе не только эмоциональные впечатления, но и теоретическую базу, сутью которой являлось обоснование уникального характера германского общественного устройства, определяемого Шпенглером как "прусский социализм". В противовес западным моделям общества, формулируемым им в первом случае как – власть принадлежит отдельной личности, из чего следует либерализм и неравенство, или во втором – власть никому не принадлежит, из чего следует анархия и деспотизм, Шпенглер говорил о прусской традиции единства – власть принадлежит целому (государству), отдельные личности служат ему. Шпенглер воспринимал войну как воскреше-

ние лучших полнокровных сил нации, которая могла и хотела иметь будущее. В свою очередь навязанное Германии после поражения государственное устройство он считал не присущим немецкому народу и целиком обусловленным победой западных идей над духом Германии. Предельно политизированная культурология Шпенглера оказала многообразное влияние на послевоенную духовную культуру Европы.

Анализируя французскую культурную традицию рассматриваемого периода, отметим определенную "преемственность темы". Антигерманские выступления французских писателей имели место и во время франко-прусской войны, в качестве примера можно назвать сатирические стихотворения Теодора де Банвиля, а также некоторые рассказы Мопассана. Выступления многих французских писателей во время первой мировой войны были крайне эмоционально-экспрессивными и отражали психологию "реванша". Знаменательно, что Роллан в послесловии к пьесе "Лилюли", увидевшей свет в 1918 г., писал: "...война ни для кого не явилась неожиданностью, за исключением тех, кто, подготовив ее, выказал потом, когда она разразилась, притворное изумление, да еще тех добрых коровок, которые пощипывали траву, уткнувшись в нее носом"[159].

Французская творческая интеллигенция считала себя безоговорочно мобилизованной. На фронт добровольцами отправились многие представители интеллектуальной элиты – от поэта-мистика Пеги, жившего идеалом средневековой Франции, до новатора и бунтаря Аполлинера. Среди писателей, которые, по словам Волошина, тонкого знатока Франции и французской культуры, "взяли на себя литературно неблагодарную задачу поддерживать бодрое гражданское расположение духа и делают это в передовых статьях, проникнутых обязательным оптимизмом", были М. Баррес, О. Рони, Ж. Ришпен, П. Адан. Это порождало у некоторых наблюдателей впечатление опустошения культурного пространства страны. Волошин констатировал в 1915 г.: "...во Франции нет ни литературы, ни искусства, о которых стоило бы говорить... Смерть озаряет одно за другим имена поэтов и писателей, гибнущих сейчас на полях сражений". И далее: "Франция уже потеряла целое литературное поколение, пришедшее на смену символистам... Так, в малом размере, между поколениями писателей Второй империи и между символистами, было вынуто поколение 70-х годов; так (в большом масштабе) образовалась литературная пустота между концом XVIII века и романтиками, для нас отчасти лишь заслоняемая фигурами Шатобриана и Жозефа де Местра"[160].

Конечно, французская литература военных лет не исчерпывалась литературно-художественной пропагандой. Наряду с ура-патриотическими произведениями-однодневками, в то время публиковались стихи о войне Гийома Аполлинера (1880–1918), вошедшие в сокровищницу мировой литературы XX в. Сам Аполлинер пошел на войну добровольцем и 5 декабря 1914 г. был зачислен в 38-й артиллерийский полк, расквартированный на юге Франции, в Ниме. С апреля 1915 г. почти год он провел на передовой, был повышен в чине, а 17 марта 1916 г. был ранен в голову осколком снаряда, что и явилось причиной его смерти в ноябре 1918 г., в последние дни войны... Военные стихи Аполлинера включены в его книгу "Каллиграммы. Стихи мира и войны (1913–1916)", вышедшую в 1918 г. В ней они объединены в циклы "Знамена", "Ящик на орудийном передке", "Зарницы перестрелки", "Лунный блеск

снарядов". В стихах Аполлинера нет пропагандистского официоза – это военные зарисовки, сочетающиеся с любовной лирикой. Для Аполлинера характерно стремление к широким обобщениям, переход от "частного" к "общему", что позволяло не только описать какой-либо военный эпизод, но дать развернутую поэтическую картину происходящего, его особого смысла – становления нового мира. Как писал Аполлинер в одном из своих стихотворений, "органы батарей слагают в этот час гимн раю будущему сквозь занавесу мрака"[161].

Среди антивоенных произведений французских писателей наряду с уже упоминавшимся выше романом Анри Барбюса (1873–1935) "Огонь", необходимо отметить роман Луи-Фердинанда Селина (1894–1961) "Путешествие на край ночи" (1932). Селин (настоящая фамилия Детуш) принимал непосредственное участие в мировой войне. Он несколько лет сражался в составе кавалерийской части, был ранен, награжден военной медалью. Любопытно, что после выхода "Путешествия на край ночи" французские писатели-коммунисты (правда, ненадолго) в свое время поспешили причислить Селина к "своим", увидев в нем последователя Барбюса, тоже ветерана войны. Но жесткое осуждение войны Селином и Барбюсом схоже лишь внешне. Барбюса, прежде всего, волнует социальный аспект, его гнев направлен против империалистических правительств и буржуазии, тогда как неприятие войны Селином значительно глубже – он выносит приговор всей современной цивилизации, в рамках которой война становится главным и закономерным злом, мерилом всех других. Селин описывает войну как столкновение "двух миллионов героических психов, сорвавшихся с цепи и вооруженных до зубов. В касках, без касок, без лошадей, на мотоциклах, в машинах, свистящих, стреляющих, хитрящих, летящих, ползущих на коленях, идущих маршем, гарцующих по тропинкам, громыхающих, запертых на Земле, как в сумасшедшем доме, чтобы разрушить все – Германию, Францию, целые континенты, – разрушить все, что дышит, более бешеные, чем собаки, и обожающие свое бешенство (чего за собаками не водится), в сто, в тысячу раз более бешеных, чем тысяча бешеных собак, и во столько же раз более злобных! Наконец-то я понял, что меня занесло в апокалиптический крестовый поход"[162]. В отличие от Барбюса Селин полагал, что тяга к убийству заложена в самом человеке: "Кто мог угадать, не распробовав войны, сколько грязи в нашей героической и праздной душе? Теперь всеобщее стремление к массовому убийству подхватило меня и несло в огонь. Это поднималось из глубин и вырвалось на поверхность"[163].

В английской литературе также присутствовала широкая палитра разнообразных оценок военных действий – от безусловной поддержки до столь же однозначного отрицания. Первоначально на настроения британского общества сильно подействовал захват немецкой армией территории Бельгии – "пистолета, направленного в сердце Англии". Впервые после Наполеона враг угрожал самой метрополии. Уверенность в необходимости войны органично вписывалась в национальную мифологию английской истории – сражения против немецких "современных варваров" продолжали дело борьбы против "врагов цивилизованного мира" – "европейского жандарма" Николая I, "корсиканского чудовища" Наполеона или "Непобедимой армады" испанского короля. Еще задолго до войны сформировалась своеобразная "империалистическая" поэтика. В ее рамках практические политические и

экономические соображения тесно переплетались с романтическими настроениями, насыщенными дерзким порывом первопроходцев и воинов. В художественной литературе "культ героев" с наибольшей силой и убедительностью выразил Редьярд Киплинг (1865–1936) в своем знаменитом стихотворении "Бремя белого человека": "Неси это гордое Бремя – Родных сыновей пошли | На службу тебе подвластным | Народам на край земли – | На каторгу ради угрюмых, мятущихся дикарей, | Наполовину бесов,| Наполовину людей ... | Неси это гордое Бремя | Не как надменный король – | К тяжелой, черной работе, | Как раб, себя приневоль; | При жизни тебе не видеть | Порты, шоссе, мосты – Так строй их, оставляя | Могилы таких, как ты!"[164]

Среди английских писателей, разделявших "военные настроения", наряду с Киплингом, особо следует выделить Артура Конан Дойла (1859–1930). По значимости литературных талантов и по влиянию на формирование общественного мнения оба этих писателя не имели себе равных. Они безусловно поддерживали имперскую политику Великобритании и, конечно, не могли занять "нейтральную позицию" в период мировой войны. Поддержку английской армии, участие в патриотической агитации они считали своим первейшим долгом. С началом военных действий Конан Дойл, которому исполнилось 55 лет, снова, как во время англо-бурской войны, готов был идти добровольцем. Он видел в этом миссию ветерана, обязанного подать пример другим. "Мне дана только одна жизнь, чтобы прожить ее, – писал он брату Инессу Дойлу, в будущем генералу, – и вот возможность пройти удивительное испытание, что к тому же способно оказать воздействие на других". Но его предложение было отклонено военными властями. На фронт ушли его сын, брат, два племянника, зять, брат жены. Все они погибли. Сын Кингсли был ранен на Сомме в горло и за несколько часов до перемирия скончался. Всю войну Конан Дойл писал, не покладая рук. По горячим следам событий он составлял летопись этого мирового потрясения. Сам готовый идти на смерть и принесший тяжкие личные жертвы, он видел в происходившем героический трагизм. Писатель понимал, что положение дел гораздо суровее, чем это изображалось в официальных сообщениях. Но сам он был преисполнен воинственного воодушевления, и это по-особому окрашивало в его глазах армейские будни и настроения солдат. Его "История действия английских войск во Франции и Фландрии" начала выходить еще во время войны – в 1916 г., а к 1920 г. были изданы шесть томов. Англо-германское противостояние нашло свое отражение и в детективных произведениях Конан Дойла – деятельность немецких шпионов становится основным объектом расследований его знаменитого персонажа Шерлока Холмса.

Киплинг также выступил активным сторонником войны. Его "военные" произведения становились все более резкими и нетерпимыми по отношению к противнику. Один из его рассказов, в котором английская женщина отказывается помочь раненному немецкому летчику и с радостью наблюдает за его мучениями, справедливо считается образцом антигуманности. Киплинг не находил возможным оставаться сторонним наблюдателем происходивших событий и оградить свою семью от войны. Осознание общего бремени войны, необходимость участия в ней каждого, способного держать оружие, – эти убеждения Киплинга были для него не только "красивыми словами", но прямым руководством к действию. Он принял активное участие в

организации военной пропаганды, лично посещая воинские части в действующей армии. На войне погиб его единственный сын, которому он сам помог – несмотря на плохое зрение, делавшее того непригодным к службе, – вступить в армию и отправиться на фронт. И Киплинг, и Конан Дойл были верны своим убеждениям – в их произведениях о войне не найти ни ремарковского горького разочарования, ни селиновского нигилизма. Победа в войне представлялась им заслуженным торжеством "правого дела" Великобритании, достойным исполнением ею миссии поддержания мирового порядка и стабильности.

Помимо апологетов войны – Киплинга и Конан Дойла, о ней писали Герберт Уэллс и Ричард Олдингтон. Их оценки военных событий можно назвать противоположными по отношению к "имперскому творчеству" их собратьев по перу. Правда, в начале войны Г. Уэллс (1866–1946) также выступал с патриотических позиций. Но уже в 1916 г. он опубликовал нашедший широкий отклик антивоенный роман "Мистер Бритлинг пьет чашу до дна".

Все же тема войны в творчестве Уэллса занимает меньше места, и гораздо менее значима в общем контексте английской литературы, чем произведения Олдингтона (1892–1962), который как писатель, подобно Хемингуэю, Юнгеру и Ремарку, сформировался именно под влиянием Великой войны. Причем, если Юнгер и Хемингуэй все же вышли за рамки военной темы и их творчество далеко не исчерпывается произведениями, посвященными первой мировой войне, то Олдингтон остался в мировой литературе именно как "военный" писатель, запечатлевший в английской литературе черты "потерянного поколения". Олдингтон добровольцем вступил в армию в 1916 г., пройдя путь от рядового до командира роты связи, был ранен. Непосредственный опыт войны отразился в сборнике его стихов "Образы войны", который вышел уже в 1919 г. Метафорическое осмысление войны, стремление дать "чистый образ", фиксирующий непосредственное впечатление, – черты присущие имажинистскому направлению в поэзии, определяют содержание этой книги, стихи которой напоминают живописные наброски.

Сразу же после войны Олдингтон начал писать роман "Смерть героя". Первые фрагменты произведения родились еще на фронте. По словам автора, там впервые набросал он "беспомощную рукопись, попробовав вложить в нее то, чему научился за три года войны". Окончательно книга была закончена и издана в 1929 г. Это роман о войне, однако собственно "фронтовым" описаниям отведено меньше его половины. Для Олдингтона главное – понять причины трагедии своего героя, которые подорвали его волю и фактически толкнули к самоубийству. Истоки трагедии, по мнению автора, уходят в довоенную жизнь. Они обусловлены воспитанием и нравами, подменявшими подлинные ценности мнимыми, действительные цели фальшивыми, создавшими своеобразную иллюзорную "псевдореальность", рассыпающуюся на части при соприкосновении с беспощадной жестокостью войны. Изображение энтузиазма молодых людей, идущих на фронт, и последовавшего за ним разочарования в ценностях, толкнувших их на этот поступок, ненависть к войне составляют отличительную особенность романа Олдингтона, сближая его произведение с романами Ремарка.

Говоря о духовной культуре Италии предвоенного периода, необходимо учесть некоторые ее специфические особенности, связанные как с объеди-

нением большинства итальянцев в составе единого государства и актуальностью формирования "национальной идеи", так и с политическими устремлениями Италии, претендовавшей на роль новой великой европейской державы. Однако если "футуристические" проекты России или Германии опирались на существовавшую государственную традицию в сочетании с реальной военной мощью, то "итальянский миф" отличало наличие определенной дистанции от предшествующего периода, который, по мнению творцов "новой мифологии", не соответствовал истинному предназначению Италии. Наиболее любопытной в этом контексте представляется позиция футуристов. В отличие от своих российских последователей итальянские "бунтари" стали глашатаями "новой Империи". Они сочетали радикальные националистические взгляды с резким неприятием существующего политического строя государства, которое Блок называл "ручной и карманной Италией Кавуров и Викторов Эммануилов".

Наиболее важным в контексте данной темы представляется эволюция итальянского футуризма. Это течение возникло как антитеза современной культуре, как реакция на растворение в объединенной Италии черт национального своеобразия и в конечном счете разделения культуры на величественную "музейную" и ничтожную современную. По воспоминаниям В.Г. Шершеневича, глава и признанный идеолог итальянского футуризма Ф.Т. Маринетти (1876–1944) говорил: "Иностранцы посещают не Италию, а наше прошлое"[165].

Итальянский футуризм изначально заявил себя строителем не только новой культуры, но и нового отношения к жизни, нового Государства. Его нигилизм был продиктован реальной необходимостью, по словам Эволы, "в той Италии уже нечего было сохранять"[166]. Итальянские футуристы с самого начала возвели в ранг основных ценностей понятия "Родина", "патриотизм", "милитаризм". В этом контексте стоит привести слова, произнесенные Маринетти в миланском Лирическом театре, где он читал оду в честь генерала Адинари де Барнеццо: «Внезапно один из них осмелился крикнуть – "Долой Отечество!" Тогда-то, изо всех сил моих легких, я бросил следующие слова: "Вот наше первое футуристическое заключение! Да здравствует война! Долой Австрию!"»[167]. Для итальянского футуризма была характерна активная политическая позиция, в которой, по словам русского философа-евразийца Н.В. Устрялова, "патриотизм сочетается с революционностью". Этим духом "протеста и патриотизма" были проникнуты речи Маринетти на футуристических митингах в Триесте, Милане, Турине, Неаполе. "...Знайте, – говорил он, – что мы ненавидим, с одной стороны, консервативный, трусливый и клерикальный дух, а с другой – интернационалистский и пацифистский социализм. Все свободы и всяческий прогресс в великом кругу Нации! Мы славословим патриотизм, мы воспеваем войну, колоссальное воспламенение энтузиазма и великодушия, без которого расы цепенеют в сонном эгоизме и в низкой ростовщической скаредности"[168]. Эти откровения перекликались со словами Муссолини, который во время первой мировой войны писал, что "война – тигель, выплавляющий новую революционную аристократию. Наша задача – ниспровергающая, революционная интервенция, а вовсе не интервенция умеренных националистов, империалистов"[169].

Безусловная поддержка футуристами вступления Италии в мировую войну была заложена в их мировозренческих принципах. Так, например, в

"Манифесте футуризма", опубликованном в 1909 г., Маринетти писал: "Красота только в борьбе. Нет шедевра, который не был бы агрессивным. Поэзия должна быть бурным натиском на неведомые силы, чтобы заставить их склониться перед человеком. Мы желаем прославить войну – единственную гигиену мира – милитаризм, патриотизм, разрушительный жест анархистов, прекрасные идеи, которые убивают ... Мы выпустили в Италии этот манифест ниспровергающего и зажигательного насилия, посредством которого основываем ныне футуризм; так как желаем освободить Италию от гангрены профессоров, археологов, чичероне и антиквариев. Италия слишком долго была громадным рынком старьевщиков"[170]. Во время мировой войны при участии Маринетти были образованы так называемые "фашио" – группы воинственно настроенных молодых людей, ратующих за вступление Италии в войну против Австро-Венгрии. Сам Маринетти принял участие в войне, а после разгрома Италии при Капоретто "фашио" вместе с ветеранами итальянской армии составили костяк нового политического движения Муссолини.

"Я и мои товарищи, бросив уединение наших студий и лабораторий, пошли на борьбу с предчувствием близкой главенствующей идеи, у которой мы хотели быть послушным и светлым орудием, для восстановления города, отчизны и Латинского Могущества"[171]. Эта цитата из пьесы "Слава" Габриэле д'Аннунцио (1863–1938) может служить своеобразной иллюстрацией его собственной биографии. Как и Маринетти, д'Аннунцио активно агитировал за вступление Италии в войну. Однако война для писателя стала не только "политической необходимостью" – воспевание "опасности и отваги" являлись важным элементом его мировоззрения. Само искусство нации д'Аннунцио определял как воплощение ее героической истории. Он стремился в жизни воплотить свои эстетические постулаты – военным летчиком он сражался в небе первой мировой войны, с группой добровольцев и солдат итальянской армии в 1919 г. захватил город Фиуме и удерживал его более года. В "послужном списке" д'Аннунцио бравада и дендизм сочетались с подлинным трагизмом – в августе 1918 г. он сел в самолет, чтобы собственноручно опорожнить над зданием парламента в Вене ночной горшок... с капустой... а в одном из боев получил серьезное ранение, что привело к потере глаза.

В американском "художественном осознании" событий первой мировой войны отсутствовал своеобразный "катарсис" – "очищение через страдание", присущий в той или иной степени всей послевоенной европейской философской и художественной рефлексии. Можно сказать, что трагизм войны, безусловно, актуальный для русской, немецкой, французской и отчасти английской литературы, в американской литературе скорее преображался в драматизм личной судьбы героя и не имел ярко выраженного широкого исторического и культурного осмысления. Причины этого следует искать как в достаточно ограниченном участии США в боевых действиях, так и в отсутствии философской и мировоззренческой мотивации "необходимости войны" или "ее тотального зла". Война для Америки явилась первой "пробой сил" в Европе, участие в ней не имело, в отличие от европейских государств, культурной и религиозной подоплеки. Интересно в этой связи сравнение американских и немецких солдат Ремарком в романе "Возвращение": "На американцах новое обмундирование, ботинки их из непромокаемой

кожи и пригнаны по ноге, оружие хорошего качества, ранцы полны боевых припасов. У всех свежий, бодрый вид. По сравнению с ними мы настоящая банда разбойников. Наше обмундирование выцвело от многолетней грязи, от дождей Аргонн, от известняка Шампани, от болот Фландрии; шинели искромсаны осколками снарядов и шрапнелью, зашиты неуклюжими стежками, стали заскорузлыми от глины, а нередко и от засохшей крови; сапоги расшлепаны, оружие давно отслужило свой век, боевые припасы на исходе. Все мы одинаково замызганы, одинаково одичали, одинаково изнурены. Паровым катком прошла по нас война"[172].

Американское общество как бы "прошло мимо войны" – военные произведения американских авторов можно скорее назвать "отзвуками войны", чем ее непосредственным выражением. К "потерянному поколению" только с большой оговоркой можно причислить Эрнста Хемингуэя (1899–1961) и абсолютно невозможно отнести Уильяма Фолкнера (1897–1962). Тем более, само это понятие не может считаться актуальным для американского общества – осознание войны как своей, американской, боли, триумфа и трагедии, наступит гораздо позднее – во время другой войны, в иной культурной ситуации. Американские литературные произведения о первой мировой войне написаны авторами, чье творчество было тесно связано с европейской художественной традицией. И хотя Хемингуэй служил на итальянском фронте, а Фолкнер, согласно легенде, которую он вначале не опровергал, участвовал в качестве летчика в боях над Францией, в своих произведениях о войне они выступали скорее как авторы, чье творчество основывалось на идейном насыщении тогдашней европейской литературы, воплощавшей катастрофический опыт войны. Так, первый роман Фолкнера "Солдатская награда" (1926) посвящен возвращению калеки-летчика домой с фронта. Однако этот роман остался единственной данью военной теме, и в дальнейшем Фолкнер к ней не возвращался. А в свою очередь известный роман Хемингуэя "Прощай, оружие" (1929) по значимости собственно "военной составляющей" отличается от произведений Юнгера или Ремарка. Если у немецких авторов война становится своего рода "огненной ретортой", в которой изменяется не только личность, но происходит тотальная "переоценка ценностей", то у Хемингуэя непосредственное описание военных действий как бы отступает на задний план, а авторская оценка происходящих событий, основанная на подчеркнутом в предисловии "антимилитаризме", играет второстепенную роль. Можно сказать, что изображение боев на итальянском фронте занимает в композиции романа подчиненное место по отношению к перипетиям любовной интриги главного героя – военнослужащего американской армии.

В заключение необходимо отметить, что художественная литература о первой мировой войне во многом уникальна. Главное в ней – не описание боевых действий, а анализ состояния общества, исследование психологии человека, оказавшегося "среди стальных бурь" невиданных доселе битв тотальной войны. Конечно, во всех произведениях о первой мировой войне поразному, сообразно с идеологией и личным опытом автора, расставлены соответствующие акценты. Однако объединяет их одно – поиск новых твердых основ человеческого бытия, взамен прежних оптимистических и прогрессивных ценностей, казавшихся вечными, но рассыпавшихся в прах после первых залпов августовских пушек 1914 года.

[1] О сущности цивилизационных кризисов см. подробнее: *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2001; *Vinen R.A. History in Fragments: Europe in the Twentieth Century. Cambridge, 2001.*

[2] *Ferro M.* La grande guerre 1914–1918 / Préface de P. Renouvin. P., 1969. P. 5–8.

[3] Ibid. P. 10, 13.

[4] Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918 / Dir. de J.-J. Becker et St. Audoin-Rouzeau. P., 1990.

[5] См.: *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М., 1994; Total War and Social Change/ Ed. A.L. Marwick, 1988.

[6] Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998 (далее – Пролог...); Первая мировая война: История и психология. СПб., 1999; Первая мировая война и участие в ней России. М., 1997. Ч. I–II.; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999 и др.

[7] Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологии, движений и режимов и их преодоления / Отв. ред. Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова. М., 1996.

[8] *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1979. С. 63–64.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 387, 393, 394.

[10] *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1992. С. 61.

[11] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. СПб., 1990. С. 88.

[12] Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории / Отв. ред. С.С. Хромов. М., 1978. Т. 3. С. 476–481.

[13] Total War and Social Change...; *Vivarelli R.* Storia delle origini del fascismo. Bologna, 1991. Vol. I. P. 53.

[14] Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934. С. 14, 55 и др.

[15] См.: Россия. Чрезвычайная следственная комиссия. Наши враги: Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии. Пг., 1916. Т. 1–2; *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 72; The Belgian People's War. A Violation of International Law / Trans. from the Official German White Book. N.Y., 1915 etc.

[16] См.: *Ferro M.* Op. cit. P. 218–219.

[17] *Aulard A.* La guerre à actuelle commentée par l'Histoire. P., 1916. P. 52–53, 131, 148, 162.

[18] Две культуры: О философии нынешней войны. Пг., 1916. С. 69.

[19] *Ллойд Джордж Д.* Через ужасы к победе. Пг., 1916. С. 14, 19, 24, 100.

[20] *Берти Ф.* За кулисами Антанты. М.; Л., 1927. С. 29.

[21] Там же. С. 30.

[22] Там же. С. 73.

[23] *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 62.

[24] *Янов А.Л.* Россия против России: Очерки истории русского национализма 1825–1921. Новосибирск, 1999. С. 270.

[25] Там же. С. 271.

[26] О роли этих компонентов в культуре и процессах социализации см.: Problèmes politiques et sociaux. Dossiers d'actualité mondiale. 1992. 29 mai. № 681. P. 22–27.

[27] О воздействии войны на трансформационные процессы см.: Total War and Social Change...

[28] *Грамши А.* Избр. произв. М., 1957. Т. 1. С. 44–46.

[29] *Romeo R.* L'Italia unita e la prima guerra mondiale. Bari, 1978. P. 154.

[30] Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997 (Российский военный сборник. Вып. 13). С. 42.

[31] *Померанц Г.* Вкус к жестокости // Родина. 1993. № 8/9. С. 173.

[32] *Головин Н.Н.* Обширное поле военной психологии // Душа армии... С. 34–35.

33 *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963. С. 81–82, 83.

34 Там же. С. 83. См. также: *Сергеев Е.Ю.* "Иная земля, иное небо...": Запад и военная элита России, 1900–1914. М., 2001; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в первой мировой войне (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000.

35 *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 89–90.

36 См.: *Сергеев Е.Ю.* Указ. соч. С. 81–82.

37 Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2020. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

38 *Толстой А.Н.* По Волыни // Первая мировая: (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 371.

39 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 525. Л. 2, 6, 8, 27; Д. 730. Л. 3; Д. 732. Л. 3, 5, 23.

40 Там же. Д. 525. Л. 19–20.

41 Там же. Д. 533. Л. 14; Д. 535. Л. 129; Д. 730. Л. 27.

42 Там же. Д. 533. Л. 76.

43 Там же. Д. 732. Л. 219.

44 *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1974. С. 65.

45 РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 148.

46 Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 732. Л. 32.

47 Там же. Д. 642. Л. 28.

48 Там же. Л. 48.

49 Там же. Д. 654. Л. 13.

50 Центр документации "Народный Архив" (ЦДНА при МГИАИ). Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 17–18, 20–21.

51 РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 654. Л. 22.

52 Там же. Д. 525. Л. 87–88.

53 Там же. Д. 533. Л. 75–76.

54 Там же. Д. 525. Л. 87–88; Д. 642. Л. 24, 30, 44.

55 Там же. Д. 505. Л. 118–119; Д. 516. Л. 19; Д. 535. Л. 75–76.

56 Там же. Д. 535. Л. 75–76.

57 Там же. Д. 505. Л. 118–119.

58 Там же. Д. 732. Л. 32.

59 Военная мысль в изгнании. С. 112.

60 *Eisterer K.* "Der Heldentod muss würdig geschildert werden": Umgang mit der Vergangenheit am Beispiel Kaiserjäger und Kaiserjägertradition // Tirol und der Erste Weltkrieg. Innsbruck; Wien, 1995. S. 107, 109.

61 *Dornheim A., Wiedenhoff U.* Kriegsfreiwilliger // Kriegserfahrungen: Studien zur Sozial – und mentalitätgeschichte des Ersten Weltkrieges. Essen, 1997. S. 195.

62 *Миронов В.В.* Трансформация представлений о противнике у австрийских фронтовиков в годы первой мировой войны // Человек в истории: Разные лики. Тамбов, 2001. С. 82–92.

63 *Kreisler F.* Four Weeks in the Trenches: The War Story of a Violinist. Boston; N. Y. 1915. P. 69.

64 *Schneeberger H.* Der berstende Berg: Vom Heldenkampf der Kaiserjäger und Alpini. Oldenburg; Berlin, 1941. S. 62.

65 Neue Freie Presse (Wien). 1914. 10. Nov. S. 4. Eine Episode vom südlichen Kriegsschauplatz.

66 Österreichisches Staatsarchiv – Kriegsarchiv, Wien (далее – KA). Nachlass Bestand/763 Schnelmann. N 1. 27.

67 *Herczeg G.* Von Sarajewo bis Lodz. Kriegseindrücke. München, 1916. S. 137–138.

68 KA. Nachlass Bestand/ 798 Unterrichter. N 6. 7.

[69] *Eksteins M*. Rites of Spring: The Great War and the Birth of the Modern Age. London; New York; Toronto; Sydney; Auckland, 1989. P. 97–98, 113.
[70] Ibid. P. 114.
[71] Ibid. P.133.
[72] Ibid. P.133-134.
[73] Ibid. P.135.
[74] *Hoen M*. Geschichte des ehemaligen Egerländer Infanterie Regiments N 73. Wien, 1939. S. 402.
[75] KA. Nachlass Bestand/ 748 Strubecker N. 69; *Schreiber J*. Vier Jahre als Infanterist im I Weltkrieg. Ein Tagebuch. Freiberg, 1998. S. 114–116.
[76] *Weyrich E*. Hinter der Front. Prag; Wien; Leipzig, 1915. S. 159–160.
[77] *Kaufmann J*. Wir gingen Arm in Arm // Ein Volk klagt an! Fünfzig Briefe über den Krieg. Wien; Leipzig, 1931. S. 49–50.
[78] KA. Nachlass Bestand /742 Gauder. N 7.
[79] Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 546. Оп. 1. Д. 129. Л. 59.
[80] *Ortner M.C*. Studien zur Entwicklung des osterreichisch-ungarischen Kampfverfahrens 1914–1918 mit besonderer Berücksichtigung der Sturmtruppen und Leidensfähigkeit der Soldaten. Wien, 1994. S. 31.
[81] *Eksteins M*. Op. cit. P. 149.
[82] *Holy J*. Vom Czernowitz bis Iwangorod: Kriegstagebuch eines österreichischen Frontoffiziers. Wien; Leipzig, 1916. S. 191–192.
[83] KA / Armeeoberkommando (далее – AOK) (1917) / Generalzentralnachweisbuero (далее – GZNB) / Karton 3782/ Akt 10301/ Beilage 1.
[84] Об этом наступлении см. подробнее в § 1 главы X данной книги.
[85] *Seltenheim F*. Wie ein Fleischhauer // Ein Volk klagt an! Fünfzig Briefe über den Krieg. Wien; Leipzig, 1931. S. 54–55.
[86] *Eksteins M*. Op. cit. P. 151–152.
[87] *Kruse W*. Zur Revolutionierung der deutschen Armee im Ersten Weltkrieg // Geschichte und Gesellschaft: Militärgeschichte heute. 1996. H. 3. S. 543.
[88] *Konakowitsch T.P*. Im Namen seiner Majestät des Kaisers: Die Tätigkeit der Grazer Militärgerichte 1914 bis 1918. Graz, 1999. Phil. Diss. S. 214–215.
[89] *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A*. Innere Front: Militärassistenz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974. Bd. 1. S. 57f.
[90] KA/AOK (1917) / GZNB/ Karton 3749/ Akt 4588.
[91] Ibid. Karton 3777/ Akt 8305.
[92] Ibid. Karton 3752/ Akt 4730.
[93] Ibid. AOK(1916)/ GZNB/ Karton 3765/ Akt 4326.
[94] *Plaschka R.G. Haselsteiner H., Suppan A*. Op. cit. S. 387–389.
[95] Ibid. S. 386.
[96] Ibid. S. 387–389.
[97] KA. AOK(1917)/ GZNB/ Karton 3733/ Akt 4810/ Beilage 1.8.
[98] *Totzauer A*. Erlebnisse im Weltkrieg: Bilder aus dem Kriegsleben und der Gefangenschaft. Reichenberg, 1927. S. 102.
[99] KA. AOK(1918)/ GZNB/ Karton 3787/ Akt 12110.
[100] *Eksteins M*. Op. cit. P. 182.
[101] *Labriola A*. Scritti filosofici e politici. Roma, 1962. Vol. 2. P. 940.
[102] Ibid. P. 955.
[103] Европейское социалистическое движение 1914–1917 гг.: Разрубить или развязать узлы? / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1994. С. 18–19.
[104] См.: Il PSI e la grande guerra // Rivista storica del socialismo, fasc. 32. Firenze, 1969. P. 157.

[105] См.: Европейское социалистическое движение 1914–1917 гг.; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 3; От Маркса до наших дней: Исторические традиции пролетарского интернационализма. М., 1982. Т. 1. и др.
[106] Filippo Turati e il socialismo europeo. Napoli, 1985. P. 329–330.
[107] Ibid. P. 330–331.
[108] *Salvadori M.L.* Gaetano Salvemini. Torino, 1963. P. 96–97, 99; См. также: Мир /Peace: Альтернативы войне. Антология / Отв. ред. Ч. Чэтфилд, Р.М. Илюхина. М., 1993. С. 158–274.
[109] *Бровко Л.Н.* Война, революция и новая картина мира в идеологии германской социал-демократии // Пролог... С. 267.
[110] См.: *Мальков В.Л.* Вудро Вильсон и новая Россия // Новая и новейшая история. 1999. № 6; 2000. № 1.
[111] *Лопухов Б.Р.* Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986. С. 55. О роли Ватикана, церкви и настроениях духовенства и верующих см. также: Chrètiens dans la première guerre mondiale. P., 1993; Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918.
[112] См.: Европейское социалистическое движение 1914–1917 гг. С. 64–65.
[113] Там же. С. 99.
[114] Там же. С. 117; *Ревякин А.В.* Франция и "Стокгольмская инициатива": внутриполитические факторы дипломатии в 1917 // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 202–215.
[115] Цит. по: The Papers of Woodrow Wilson / Ed. A.Link. Vol. 45. Princeton, 1984. P. 536; Мальков В.Л. Указ. соч. // Новая и новейшая история, 2000. № 1. С.123-124.
[116] См.: *Maier H.* Ideen von 1914 – Ideen von 1939 // Viertelgahrshefte fur Zeitgeschichte. 1990. № 4. S. 179.
[117] *Гумилев Н.С.* Шестое чувство. М., 1990. С. 97.
[118] *Цвейг С.* Собр. соч. М., 1993. Т. 8. С. 602–603.
[119] Цит. по: *Мелер А.* Фашизм как "стиль" // Элементы. 1993. № 4. С. 59.
[120] Цит. по: *Olzewski H.* Die idee von 1914 in Deutschland // Polnische Weststudien, 1988. Bd VII. H. 2. S. 202.
[121] *Цвейг С.* Указ. соч. С. 603–604.
[122] *Junger E.* Das abenteuerliche Herz. B., 1929. S. 30.
[123] *Маяковский В.В.* Собр. соч. М.,1955. Т. 1. С. 320.
[124] Там же.
[125] Цит. по: Московская романтическая повесть конца XIX – начала XX века. М., 1989. С. 304.
[126] *Д'Аннунцио Г.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 8.
[127] *Маяковский В.В.* Указ. соч. С. 329.
[128] Там же. С. 330.
[129] Там же. С. 331.
[130] Там же. С. 332.
[131] Там же.
[132] *Барбюс А.* Огонь. М., 1972. С. 317.
[133] Цит. по: *Sonteimer K.* Antidemokratisches Denken. München, 1968. S. 103.
[134] *Давидсон А.Б.* Николай Гумилев: Поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001. С. 253–265.
[135] *Розанов В.В.* Последние листья. М., 2000. С. 256.
[136] *Маяковский В.В.* Указ. соч. С. 329.
[137] *Эрн В.Ф.* Сочинения. М., 1991. С. 297.
[138] Там же.
[139] Там же. С. 302–303.

[140] *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 26.
[141] Там же.
[142] *Блок А.А.* Собр. соч. М., 1981. Т. 4. С. 229.
[143] *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 40.
[144] Там же. С. 116–122.
[145] Там же. С. 35.
[146] *Волошин М.А.* Автобиографическая проза. М., 1991. С. 181.
[147] *Цветаева М.И.* Стихотворения и поэмы. М., 1990. С. 76.
[148] *Ропшин В.* Из действующей армии. М., 1918. С. 207.
[149] Там же. С. 231.
[150] Там же. С. 238–239.
[151] *Иванов Г.В.* Собр. соч. М. 1993. Т. 3. С. 435.
[152] *Розанов В.В.* Соч. Л., 1990. С. 509-510.
[153] Цит. по: *Мелер А.* Указ. соч. С. 59.
[154] Там же.
[155] *Evola J.* Il fascismo visto dalla destra. Con note sul III Reich. Roma, 1989. P. 152–153.
[156] *Манн Т.* Письма. М., 1975. С. 23.
[157] Цит. по: *Мелер А.* Указ. соч. С. 58.
[158] *Spengler O.* Neubau des deutschen Reiches. München, 1924. S. 3.
[159] *Роллан Р.* Собр. соч. М., 1983. Т. 5. С. 264.
[160] *Волошин М.А.* Указ. соч. С. 134.
[161] *Аполлинер Г.* Эстетическая хирургия. СПб., 1999. С. 116.
[162] *Селин Л.Ф.* Путешествие на край ночи. М., 1992. С. 12–13.
[163] Там же. С. 13.
[164] Библиотека всемирной литературы. Серия 2. М.,1976. Т. 54 (118). С. 377.
[165] *Шершеневич В.* Великолепный очевидец: Сб. воспоминаний. Мой век, мои друзья и подруги. М., 1990. С. 503.
[166] *Evola J.* Op. cit. P. 23.
[167] *Маринетти Ф.Т.* Футуризм. СПб., 1914. С. 14.
[168] Там же. С. 23.
[169] Цит. по: *Устрялов Н.В.* Итальянский фашизм. М., 1999. С. 31.
[170] *Маринетти Ф.Т.* Указ. соч. С. 107–108.
[171] *Д'Аннунцио Г.* Указ. соч. С. 185.
[172] *Ремарк Э.М.* Собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 182.

Глава X. Итоги и последствия войны

1. 1918: окончание "войны за прекращение всех войн"

Прекращение военных действий на Восточном фронте резко изменило всю картину мировой войны. Теперь Германия и Австро-Венгрия, державшие против России значительную часть своих военных сил, получили возможность использовать их на Западном, Итальянском и других фронтах. Такую же возможность получила и Турция. Дальнейшие военные действия Центральных держав на Востоке по оккупации западных территорий бывшей Российской империи (Украины, Прибалтики, Польши, Белоруссии, Крыма и др.) и Закавказья не требовали больших воинских контингентов, хотя со временем выгоды от нее обернулись разложением армии и образованием взрывоопасного материала в ее рядах.

На начало 1918 г. страны Антанты (но уже без России) имели 274 дивизии и были равны по их числу с Германией и ее союзниками, выставившими 275 дивизий (не считая 86 дивизий, находившихся еще на бывшем Русском фронте и 9 – на Кавказе). Однако при примерном равенстве армейских соединений мобилизационные возможности Антанты были гораздо значительнее стран Четверного союза: Франция и особенно Великобритания стали призывать в свои вооруженные силы военнообязанных в колониях и доминионах.

Увеличился поток американских войск и различных военных грузов, прибывавших во Францию. Германия уже не могла действиями своего подводного флота воспрепятствовать всевозрастающему потоку морских перевозок в Атлантике. В конце декабря 1917 г. численность американских солдат во Франции составила 180 тыс. человек, а в марте 1918 г. превысила 320 тыс. Реально ввиду недостаточной подготовленности личного состава лишь одна дивизия США численностью в 27 тыс. человек находилась весной 1918 г. на фронте, символизируя участие своей страны в военных операциях[1].

С началом кампании 1918 г. государства обеих коалиций встали перед проблемой скорейшего окончания войны. К этому воюющие стороны побуждала военно-политическая обстановка, а Германию и ее союзников – и всевозраставшие трудности с обеспечением фронта самым необходимым. Так, части рейхсвера негласно были поделены на три категории. Из 244 дивизий лишь 56 считались ударными, остальные – ограниченного действия или пригодными лишь для обороны. В резерве осталось всего 950 тыс. людей, способных носить оружие. Позади – голодный тыл. Паек горожанина составлял 1400 килокалорий на день, солдата – 2500 килокалорий. Для сравнения

Лондонцы встречают части американского экспедиционного корпуса. 1918 г.

скажем, что французский пуалю получал 3800 килокалорий, британский томми – 4200, а американский – 4700 килокалорий[2]. Людендорф, несший с Гинденбургом равную ответственность за руководство военными операциями, писал в одной из докладных записок: "У нас нет выбора между миром и *войной, пока мы нуждаемся в экономически сильном и обеспеченном отечестве*. Но ... мы впервые после вторжения во Францию стоим перед необходимостью выбора между наступлением и обороной"[3].

Парадоксально, но несмотря на это, ОХЛ (высшее военное командование Германии) оценивало стратегическую обстановку на кампанию 1918 г. как самую благоприятную для себя – оно впервые за всю войну получило

возможность сконцентрировать на Западном фронте максимум своих сил, пользуясь заключением мира с Россией и с Румынией. К тому же США еще не успели перебросить в Европу главную массу своих войск. Тот же Людендорф в своих воспоминаниях отмечал: "На рубеже 1917–1918 годов обстановка на суше, вследствие выхода России, сложилась для нас выгоднее, чем за год перед тем. Мы вновь, как и в 1914 и 1916 гг., могли поставить перед собой задачу разрешения войны посредством наступления на суше. Соотношение сил складывалось для нас благоприятно, как никогда"[4]. Исходя из этого, Людендорф оказался в числе тех, кто настаивал на самых решительных наступательных действиях Германии на Западном фронте. Он заявлял: "Положение на фронтах лучше, чем когда бы то ни было, и есть надежда окончить войну на Западе успешно. В Македонии болгар связывает противник. На Ближнем и Среднем Востоке из-за безотрадного состояния железных дорог нельзя ничего поделать..." Генерал полагал, что благодаря переброске высвободившихся дивизий с Востока на Запад "положение там наконец упрочилось"[5].

В конце 1917 г. ОХЛ уже имело ясное представление о задачах на новую военную кампанию. Гинденбург на совещании высшего военного и политического руководства Германии 13 февраля 1918 г. в Хомбурге разъяснил стратегические планы: "Нанесение решительного удара на Западе представляется самой огромной военной задачей, которая когда-либо была поставлена какой-нибудь армии и которую Франция и Англия тщетно пытались разрешить в течение двух истекших лет... Здесь будет страшная борьба, которая начнется на одном участке, продолжится на других, потребует много времени и будет очень тяжелой, но закончится победоносно"[6]. В упоении от нарисованной им картины Людендорф заверил Вильгельма II и рейхсканцлера, что "эта задача будет разрешена успешно лишь в том случае, если военное руководство будет освобождено от всех невыносимо связывающих его оков, если к решительному моменту на Запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать, и если войска будут воодушевлены духом, который дарует любовь к императору и родине, доверие к энергии военного руководства и веру в величие отечества"[7].

ОХЛ отдавало себе отчет в том, что основная тяжесть военных действий в 1918 г. ляжет на плечи Германии, поскольку ее союзники Австро-Венгрия, Турция и Болгария исчерпали свои военные ресурсы. От них в новой военной кампании требовалось только одно – "выдержать" до полной победы германской армии на Западном фронте. С выходом России из войны такая задача для них виделась в Берлине вполне выполнимой. В воспоминаниях Людендорф отмечал: " Четверной союз держался единственно надеждой на победу германского оружия"[8].

В Берлине полагали, что после выхода из войны России и Румынии Австро-Венгрия сможет сама справиться со своими фронтами, прежде всего с Итальянским, а болгары сдержат натиск противника в Македонии. Что же касается Турции, то после прекращения боевых действий на Кавказе большая часть ее сухопутных сил могла теперь оказаться в Месопотамии и на сирийско-палестинской границе. Возможно, что, сосредоточив все силы и средства на западноевропейском театре военных действий, ОХЛ могло бы рассчитывать на определенный успех запланированного наступления и заключение мира на приемлемых для себя условиях[9]. Однако для этого требо-

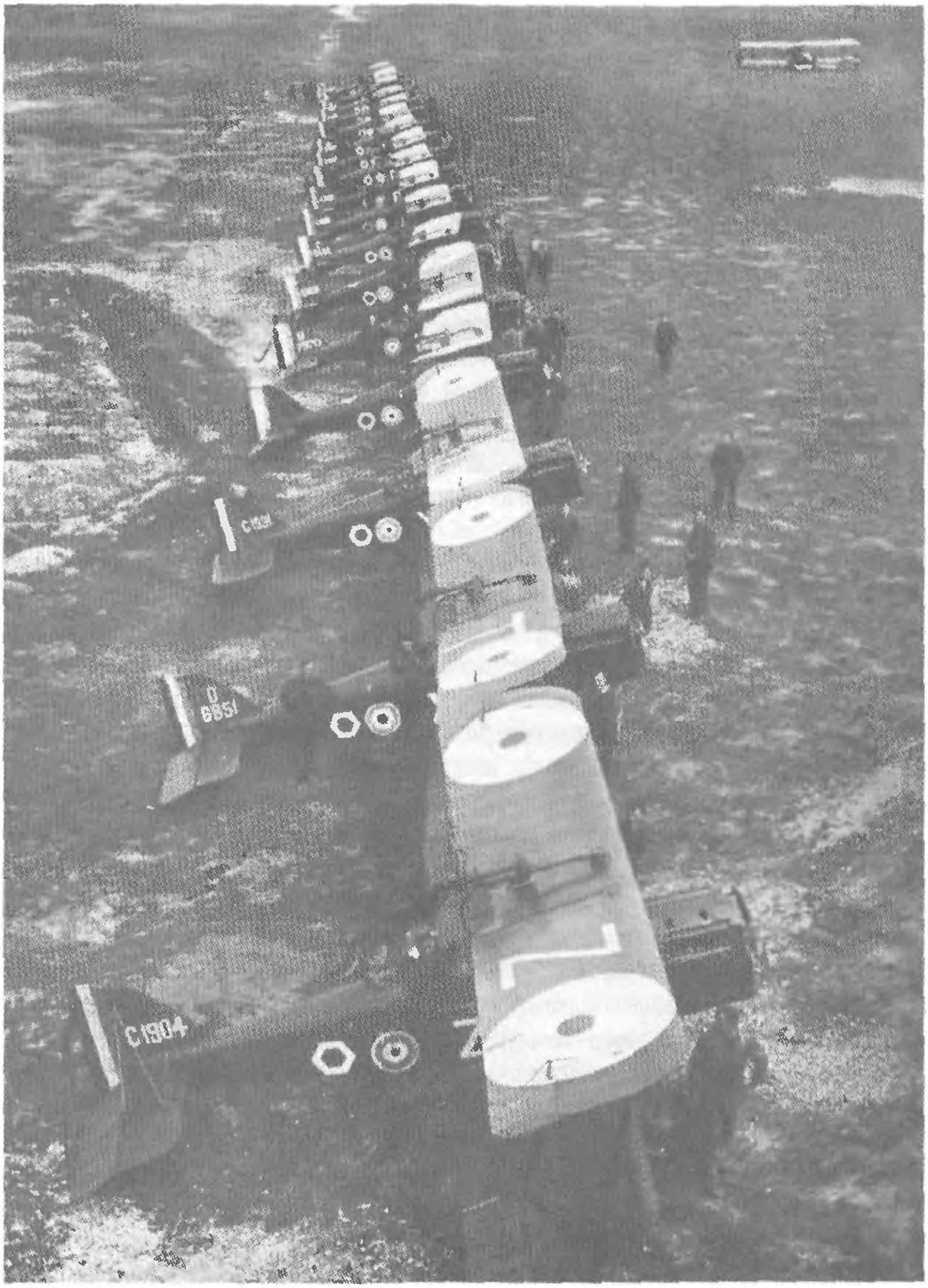
вались только убедительные победы, которые могли основательно поколебать военную мощь Антанты. У Гинденбурга и Людендорфа оставалось в распоряжении всего полгода, а затем можно было ставить крест на всякой попытке достигнуть сколько-нибудь сносного мирного урегулирования. Сознавая это, генералы не колебались, тем более что тогда пришлось бы упустить и добычу в России.

Выход России из войны сделал самоочевидным для высшего командования Антанты, что на Западном фронте в самое ближайшее время развернется сильное германское наступление. Французское поле Великой войны стало единственно главным. Исходя из этого, союзники строили свои стратегические планы на 1918 г.

Антанта произвела реорганизацию своего верховного командования. Первый шаг к объединению военного командования был сделан на союзной конференции в Рапалло, близ Генуи, 6–7 ноября 1917 г. Там было решено образовать Высший военый совет союзников. Членами его стали главы правительств и представители генеральных штабов Британии, Франции, Италии и США. В самом конце января 1918 г. в Версале состоялось заседание этого совета, который принял план союзных действий на открывавшуюся военную кампанию. В основу его легли идеи, высказанные начальником Генштаба французской армии генералом Ф. Фошем, который становился самым авторитетным лицом среди союзного командования. На основании штабных разработок и полученной разведывательной информации Фош полагал, что сильного германского наступления на Западном фронте надо ожидать уже в начале 1918 г. Он утверждал, что надо "потребовать от армий Антанты решимости использовать малейшую возможность навязать противнику нашу волю путем перехода в наступление, являющееся единственным способом добиться победы"[10]. План кампании предусматривал наступательные действия (контрнаступления) на других фронтах, в том числе в Палестине. На этом настаивало британское командование. Их проведение было возможно при условии, что для проведения таких операций не будут привлекаться войска с Западного фронта.

Фош был назначен председателем Высшего военного совета союзников. Стороны еще раз утвердились во мнении, что в сложившейся обстановке не следует назначать верховного главнокомандующего Антанты и должна продолжать действовать система управления союзными войсками, сложившаяся еще в 1914 г.[11] Однако эти соображения отпали сами собой уже в конце марта.

Широкомасштабное германское наступление на Западном фронте не заставило себя ждать. Здесь были сосредоточены 194 с половиной немецкие дивизии, объединенные в четыре группы армий под командованием кронпринца Руппрехта, кронпринца Вильгельма, генерала фон Гальвица и герцога Альбрехта. Общая численность немецких войск на Западном фронте составляла к началу наступления около 4 млн человек[12]. Они имели более 15 тыс. артиллерийских орудий, около 3 тыс. самолетов и 10 танков. Этим германским силами противостояли 176 пехотных и 10 кавалерийских дивизий стран Антанты. Основу их составляли, как и прежде, французские войска. Силы союзников насчитывали около 5 млн человек, около 16 тыс. артиллерийских орудий, свыше 3800 самолетов и более 800 танков[13]. Немцы превосходили союзников по количеству дивизий, но уступали им в численности



Британские боевые самолеты на полевом аэродроме. Западный фронт

личного состава. Помимо этого, армии Антанты имели превосходство в технических средствах вооруженной борьбы и в кавалерии. Однако не они начали наступательную операцию, а их противник.

Главный удар немецкое командование наносило между Краузилем и Ла-Фером силами трех армий – 17-й, 2-й и 18-й. В приказе Гинденбурга о наступлении говорилось, что в случае успеха 17-я армия (из группы кронпринца Руппрехта) должна была "поколебать английский фронт... перед 6-й армией, освобождая расположенные здесь на позиции германские силы для подвижной

войны"[14]. Германское командование надеялось прорвать неприятельскую позиционную оборону и выйти на оперативный простор. Ясности относительно того, куда будет развиваться в случае первоначального успеха наступление германских армий, в приказе не было.

Немецкие войска готовились к предстоящему наступлению всю зиму. Подготовка велась по новой инструкции "Наступление в позиционной войне". Планировалась мощная, но короткая артиллерийская подготовка, с массовым применением химических снарядов. Пехотные дивизии должны были наступать до полного истощения своей боевой силы[15]. О том, насколько тщательно готовились немцы к предстоящему прорыву вражеской обороны, свидетельствует тот факт, что аэрофотоснимки позиций противника, прежде всего переднего края обороны, изучались всем командным составом, до командиров пехотных отделений включительно[16]. К середине марта на фронте наступления шириной в 70 км были сосредоточены 62 германские дивизии и примерно 6 тыс. орудий. Войскам предстояло наступать тремя эшелонами. Против немцев на участке от Краузиля до Ла-Фера оборонялись 3-я и 5-я британские армии. Они имели в своем составе 32 пехотные и 3 кавалерийские дивизии, 216 танков, около 3000 орудий и около 500 самолетов[17]. Немецкое наступление застало британцев врасплох – 88 тыс. военнослужащих находились на побывке дома[18]. Таким образом, на участке прорыва германскому командованию удалось создать примерно двукратное превосходство в силах и средствах над англичанами.

Одно из крупнейших в истории первой мировой войны сражений началось в 4 час. 40 мин. утра 21 марта 1918 г. Внезапно, еще в полной темноте, немцы открыли беглый огонь по английским позициям всей мощью артиллерийских батарей и минометов. Уже в самом начале огневого шквала оборонявшиеся британцы понесли большие потери в людях. Ровно через пять часов, в 9 час. 40 мин. в тумане в атаку под прикрытием огневого вала двинулась глубоко эшелонированная немецкая пехота. В боевых порядках наступавших находились саперные подразделения и зенитные батареи для прикрытия атакующих от воздушного налета и привязные аэростаты для наблюдения за ходом боя и корректировки артиллерийского огня. Ответный огонь британской артиллерии был слаб. После того как туман рассеялся, немецкая авиация начала поддержку своей пехоты. Английские летчики ввиду двукратного превосходства противника в воздухе вели себя крайне пассивно[19].

Однако в первый день наступления немецкое командование не выполнило задачу дня – тактический прорыв передовой линии вражеской обороны и захват артиллерийских позиций англичан. 17-й и 2-й германским армиям удалось вклиниться в оборону противника на 2–4 км, а 18-й армии – на 6–7 км. Наступавшим удалось захватить всего 138 английских орудий. Остальные были своевременно оттянуты британцами на вторую позицию. Атакующим немецким дивизиям не удалось охватить английские войска в выступе у Камбре, хотя следующей ночью британцы сами отошли здесь назад на 2–3 км из-за опасности попасть в полуокружение. Именно это Людендорф считал необходимой предпосылкой успеха всей наступательной операции[20].

К концу третьего дня наступления успешнее всех продвигалась вперед

Смерть солдата в битве при Камбре

18-я германская армия (по плану операции ей отводилась вспомогательная задача), которая углубилась в английскую оборону на 20 км. Она полностью прорвала тактическую зону обороны 5-й британской армии и, продвигаясь вперед, форсировала реку Сомму и канал Кроза. Ее успеху во многом способствовали действия немецкой штурмовой авиации, наносившей удары по наземным целям. Положение 5-й английской армии стало угрожающим. Ее полки оказались настолько измотанными трехдневными оборонительными боями, что армия уже не могла своими силами удерживать фронт. Тогда британский главнокомандующий фельдмаршал Д. Хейг забил тревогу, обратившись за помощью к союзникам. Французские дивизии, перебрасываемые к участку прорыва на автомобилях, стали с ходу вступать в сражение, что вынуждало немцев изменить первоначальный план наступления[21].

ОХЛ приказало своей 2-й армии наступать не только севернее реки Соммы, но и по ее южному берегу в направлении на город Амьен. Немецкий "таран" обрел второе дыхание. Однако Гинденбург и Людендорф явно переоценили результаты первых трех дней наступления, чему в немалой степени способствовали оперативные донесения из штабов атаковавших армий. Захваченный передний край второй британской позиции обозначался в них как "вторая позиция", что создавало впечатление о взятии всей позиции, а организованный отход англичан выдавался за беспорядочное бегство оборонявшегося противника.

К исходу 26 марта немецкие войска, наступавшие в Пикардии, вынудили обескровленную 5-ю британскую армию отойти к побережью Северного моря, а 6-ю французскую – отступить по "опасному" для нее направлению к Парижу. На стыке двух союзных армий образовался разрыв шириной в 15 км, открывавший прямую дорогу к Амьену, до которого оставалось всего 35 км. В этот день Фошу поручили "координировать действия союзников на Западном фронте". Вскоре, на конференции в Байоле, было принято решение, что "Фошу поручено английским, французским и американским правительствами координировать действия союзных войск на Западном фронте, для чего ему даются все необходимые полномочия для обеспечения эффективности его работы. С этой целью английское, французское и американское правительства поручают Фошу общее руководство военными

операциями"[22]. 2 мая к такому решению главных держав Антанты присоединилась Италия, и лишь в августе 1918 г. – Бельгия.

Став таким образом Верховным главнокомандующим, Фош (получивший в августе звание маршала Франции) стал проводить в жизнь свои стратегические идеи. Суть их заключалась в активном, контратакующем противодействии наступлению Германии на Западном фронте. Началось претворение в жизнь тактики "измора" немецкой военной мощи. 26 марта Фош приказал 5-й британской и 1-й французской армиям сконцентрироваться у Амьена, усилив их резервами. Британские дивизии южнее Соммы, понесшие большие потери в боях, были заменены французскими. После этого германские войска пытались продвинуться еще дальше, но безрезультатно. Через два дня Людендорф был вынужден прекратить наступление севернее Соммы. Теперь все усилия немцы перенесли на юго-западное направление. Союзники подтянутыми свежими дивизиями закрыли брешь в своей обороне на амьенском направлении. Не имея подвижных войск, немцы, не смогли захватить Амьен, хотя и были близки к этому тактическому успеху[23].

Постепенно темп наступления трех германских армий снизился, а бои стали приобретать местное значение. "Неприятельское сопротивление, – констатировал Людендорф, – оказалось выше уровня наших сил. Переход к сражению на истощение был недопустим, ибо таковое противоречило нашему стратегическому и тактическому положению"[24]. Под вечер 5 апреля был отдан приказ о прекращении наступления по всему фронту. Тем не менее немецкие армии "вдавили" неприятельский фронт (вклинились в него) на 60 км, хотя разорвать его так и не смогли. В сражение оказались втянутыми 90 германских, 46 английских и 40 французских дивизий[25]. Потери союзников составили 212 тыс. человек, а немецких войск – 240 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными.

Германское командование продолжило наступательную операцию в Пикардии крупным атакующим ударом во Фландрии 9–29 апреля 1918 г. Здесь удар вновь наносился против англичан – их 2-й и 1-й армий силами 4-й и 6-й германских армий. Это новое наступление на северном участке Западного фронта, по словам Людендорфа, должно было превратиться "в главную операцию" кампании[26]. Однако во Фландрии повторилась та же картина, что и в Пикардии. Германские войска ценой больших потерь потеснили англичан. В ходе сражения прекратили существование две дивизии участника Антанты с марта 1916 г. – Португалии[27]. Пришедшие на помощь французские резервы восстановили линию обороны. Под ударами контратакующих союзников германское наступление ослабело и приостановилось. Судьба наступательной операции во Фландрии была решена тактическими успехами атакующих в первые два дня. На большее германских сил не хватило, поскольку их резервы оказались ограниченными[28]. Общие потери сторон составили почти 200 тыс. человек.

Людендорф писал: "Мы должны были сохранить инициативу, которую захватили в свои руки, и за первым большим ударом при первой же возможности нанести второй"[29]. Под руководством Гинденбурга и Людендорфа началась разработка новой наступательной операции, в основе которой лежала идея разгрома прежде всего британских армий. Однако от этой идеи ОХЛ пришлось отказаться, поскольку союзники стянули в Пикардию и Фландрию значительные резервы, и об этом стало своевременно известно. Тогда в конце мая была проведена наступательная операция на реке Эне против

6-й французской армии. Наступавшим германским войскам вновь удалось добиться успехов в первые дни операции. Немцы вновь продемонстрировали искусство ведения мощной артиллерийской подготовки, которую они начали ровно в 2 час. 27 мая без предварительной пристрелки. Французская оборона и артиллерия оказались полностью падавленными шквалом артиллерийского огня и газами тысяч химических снарядов. В 4 час. 40 мин. немецкая пехота под прикрытием двойного огневого вала пошла в наступление. "Впереди главного огневого вала, непосредственно предшествовавшего пехоте и состоявшего исключительно из осколочных снарядов, двигался второй огневой вал... из химических снарядов, который должен был загнать противника в его убежища"[30].

Наступательная операция на реке Эне, где атакующие немецкие войска вклинились в оборону французов на 20 км, поначалу имела вспомогательную цель. Ее задачей являлось отвлечение союзных резервов из Фландрии и Пикардии. Эта цель германским командованием была достигнута – на берега Эны к месту прорыва фронта были переброшены 10 пехотных и 3 кавалерийские дивизии 5-й французской армии[31].

Однако отвлекающая операция с ограниченными целями имела такой успех, что ОХЛ решило продолжить его с новой задачей – выиграть как можно больше пространства в направлении на Париж. 28 мая завязались бои за город Суассон, который пал в ту же ночь. На участке между рекой Эной и Реймсом 6-я французская армия отступила с укрепленных позиций. Теперь позади нее остались только передовые линии укреплений Парижа. Столица Франции находилась под впечатлением поражений на фронте, который стал таким близким. Немцы начали обстреливать город из дальнобойных орудий и подвергать его ночным налетам бомбардировщиков. За пять дней на Париж и его пригороды упало 47 бомб, которые большого материального ущерба не причинили, но вызвали панические настроения среди местного населения[32].

Чтобы закрыть прорыв и защитить столицу, в район сражения из Северной группы союзных армий перебросили еще 10 пехотных дивизий, а из резервных сил – 4 пехотные дивизии и кавалерийский корпус[33]. Однако эти войска подходили разновременно, и немецкое наступление продолжалось. 30 мая германское командование попыталось расширить фронт наступления, но безуспешно. 5 июня оно было прекращено; до Парижа оставалось всего 70 км. Потери сторон вновь оказались значительными: у союзников 127 тыс. человек, у немцев – 98 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными.

Еще одно наступление немецкое командование предприняло 9–13 июня силами 18-й армии на реке Уазе. Однако французы, которые вели усиленную воздушную разведку, своевременно разгадали замысел противника и успели сосредоточить на угрожаемом участке значительные силы, в том числе 160 танков. Когда германская пехота после артиллерийской подготовки перешла в атаку, она была контратакована французами при поддержке большого числа танков.

Несмотря на ряд успехов в ходе наступательных операций, положение Германии на Западном фронте летом 1918 г. стало ухудшаться. Ее военный потенциал находился в состоянии сильного напряжения. Рейхсвер спешно пополнялся выписанными из госпиталей и юнцами призыва 1920 г. Но и этих пополнений не хватало. Пришлось обратиться за помощью к союзной Австро-Венгрии, которая перебросила на Западный фронт несколько своих

пехотных дивизий. Их обмундирование было плачевным. Несколько сотен солдат 106-й австрийской дивизии прибыли во Францию босиком. У этой дивизии не было ни одного орудия[34]. В большинстве пехотных батальонов немцам пришлось расформировать четвертые роты, чтобы довести до полной численности первые три. Но еще больше тревожило командование моральное состояние немецких и австро-венгерских войск, которое все более ухудшалось. Положение Антанты было несравненно лучше даже при понесенных больших потерях в людях. Начался непрерывный приток американских войск, военной техники, различных военных припасов.

В такой ситуации германское командование запланировало еще одну крупную наступательную операцию – на реке Марне. После этого оно собиралось нанести новый удар по британским войскам во Фландрии. К операции привлекались три армии из группы армий кронпринца Вильгельма – 7-я, 1-я и 3-я, всего 48 пехотных дивизий. Наступление, назначенное на 15 июля, для поднятия морального духа войск было названо в приказах командования "сражением за мир"[35]. Ставка вновь была сделана на сильную артиллерийскую подготовку и внезапность удара атакующей пехоты. Однако воздушная разведка союзников смогла установить место готовящегося прорыва фронта, а попавший в плен немецкий офицер на допросе назвал точную дату готовящегося наступления – 15 июля.

Французы смогли хорошо подготовиться к ожидаемому наступлению противника. Основная масса войск с первой линии обороны была отведена в глубину. В передовых окопах оставались только пулеметные расчеты и боевое охранение. Местность заражалась отравляющими веществами. Была оттянута назад и артиллерия, которая покинула передовые батарейные позиции. В итоге передовые позиции, на которые обрушивалась вся тяжесть артиллерийской подготовки, по существу, оказались не занятыми оборонявшимися французскими войсками.

В ночь на 15 июля немецкая пехота заняла на переднем крае исходные позиции. Вильгельм II прибыл в район Реймса – наблюдать, как с рассветом "его" пехота устремится на Париж. Но неожиданно в 0 час. 30 мин. французская артиллерия открыла на несколько минут мощный предупредительный огонь, который вскоре стал ослабевать. Германские же артиллерийские батареи и минометы только в 1 час. 40 мин. начали огневую подготовку атаки, которая длилась почти четыре часа. Одновременно немцы начали подготовку к переправе через Марну. Под огнем французских пулеметчиков к воде подносились понтоны, и началось форсирование водной преграды. Атакующим удалось быстро закрепиться в ряде мест на противоположном берегу реки. Наводка понтонных мостов через Марну затруднялась сильным огнем артиллерии французов, но все же под прикрытием дымовой завесы, поставленной на речном берегу, на рассвете паромы начали переправу пехоты[36]. Воспрепятствовать этому французские батареи не смогли.

В 4 час. 50 мин. немецкая пехота начала штурм французских передовых позиций. Однако, продвинувшись на 3–4 км, немецкие войска встретили сильное сопротивление французов, позиции которых оказались не подавленными артиллерийским огнем. Наступление застопорилось. Только 7-й армии удалось продвинуться вперед на 6–8 км. Но и ее наступательный порыв быстро иссяк, поскольку авиация союзников воспрепятствовала переправе через реку Марну большей части артиллерии армии. Без артиллерий-

ской поддержки успешно наступать немецкая пехота оказалась не в состоянии. За три дня боев немцы потеряли 50 тыс. человек, союзники немного больше. Германское командование было вынуждено отдать приказ о прекращении наступательной операции. В ночь на 21 июля 7-я немецкая армия отошла на северный берег Марны. Провал крупного наступления на Марне означал крах стратегического плана высшего командования Германии вывести войну из позиционного тупика и добиться если не победы, то хотя бы такого успеха, который позволил бы Берлину заключить с Антантой "почетный мир".

Пока союзные армии отражали натиск немцев, Фош готовился перейти в решительное наступление своими главными силами. Летом соотношение сил на Западном фронте сложилось явно в пользу союзников. К середине июля у них было 200 пехотных и 10 кавалерийских дивизий французов, англичан, американцев и бельгийцев, 19 804 артиллерийских орудия (из них 8323 большой и особой мощности), 5400 самолетов и 1500 танков (которых у немцев почти не было). Общая численность личного состава армий Антанты определялась в 3 592 242 человека[37]. Почти половину из них составляли французские войска. Силы Германии на Западном фронте имели 209 пехотных дивизий, 18 100 артиллерийских орудий (из них 7300 большой и особой мощности), 3000 самолетов и 3 273 000 человек[38]. Заметно увеличить эти силы германское командование уже не могло, поскольку его резервы внутри страны иссякли.

По замыслу Фоша намечалось первоначально лишить противника возможности воспользоваться железнодорожным узлом Суассона. Было решено нанести удары в оба фаса Марнского выступа. Наступать предстояло 10-й, 6-й и 5-й французским армиям. Все передвижения войск, которые днем укрывались в лесах, происходили только ночью. Союзная авиация не допускала в районы сосредоточения французских войск германские самолеты-разведчики. На участке прорыва в 50 км шириной было сосредоточено 25 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, более 2 тыс. орудий и 500 танков.

"Вторая Марна" в кампании 1918 г. началась 18 июля в 4 час. 35 мин. сильной артиллерийской подготовкой. После этого французская пехота при поддержке танков пошла в атаку, следуя за огневым валом. Внезапность наступления оказалась полной и немецкие войска, застигнутые врасплох, за утро отступили на 4–5 км[39]. В 7 час. 50 мин. утра на поддержку 10-й французской армии, которая наносила главный удар, в воздух было поднято 400 самолетов, которые были разделены на три группы ("этажи"). После многочисленных воздушных боев к вечеру небо было очищено от немецкой авиации, а тылы противника подвергнуты бомбардировке с воздуха[40].

Контрудар французских армий потряс германский фронт на Марнском выступе. Создалась угроза выхода французов в самый его центр, к железной дороге восточнее Суассона. Встревоженное германское командование, начавшее было готовить новое наступление во Фландрии (которое так и не состоялось), усилило Марнский выступ четырьмя пехотными дивизиями. Но 19 июля в наступление перешли 5-я и 9-я французские армии. Фош писал: "Завязавшееся сражение должно иметь целью уничтожение сил противника к югу от рек Эна и Вель. Оно должно вестись чрезвычайно активно и с предельной энергией, без потери времени, чтобы использовать достигнутую внезапность"[41]. Однако германские войска оказывали все более упорное сопротивление. Атакующие французы несли большие потери в людях и танках

Британский пилот сбрасывает бомбу

(за первые два дня из строя вышло 152 танка). Темп наступления стал снижаться. Это позволило немцам избежать новых потерь и организованно отойти на реки Эна и Вель. 2 августа французы заняли Суассон, а еще через два дня контрнаступление Антанты на Марне победно завершилось. Таким образом, германская угроза Парижу, вполне реальная, была ликвидирована. Фронт отодвинулся от столицы Франции на 40 км. Потери союзников в этой операции составили 101 тыс. человек, а немцев – 60 тыс. человек.

После успеха во "Второй Марне" союзное командование решило провести еще ряд наступательных операций, чтобы ликвидировать в линии Западного фронта те выступы, которые противник захватил в начале года. Предложенный Фошем план был осторожен, хотя и предлагал перейти от оборонительных действий к наступательным. Союзное командование, переоценивая действительную силу германской армии и военно-экономический потенциал главной державы Центрального блока, рассчитывало закончить Великую войну только в будущем, 1919 г.[42] Германское же командование еще не представляло всей серьезности своего положения. Людендорф признавался в мемуарах: "Каким образом нам удастся и удастся ли вообще вновь захватить инициативу, после занятия позиции по р. Вель, я тогда еще не отдавал себе отчета"[43]. ОХЛ еще рассчитывало при первом же удобном случае снова перейти в наступление; с этой целью командующие групп армий получили соответствующую директиву.

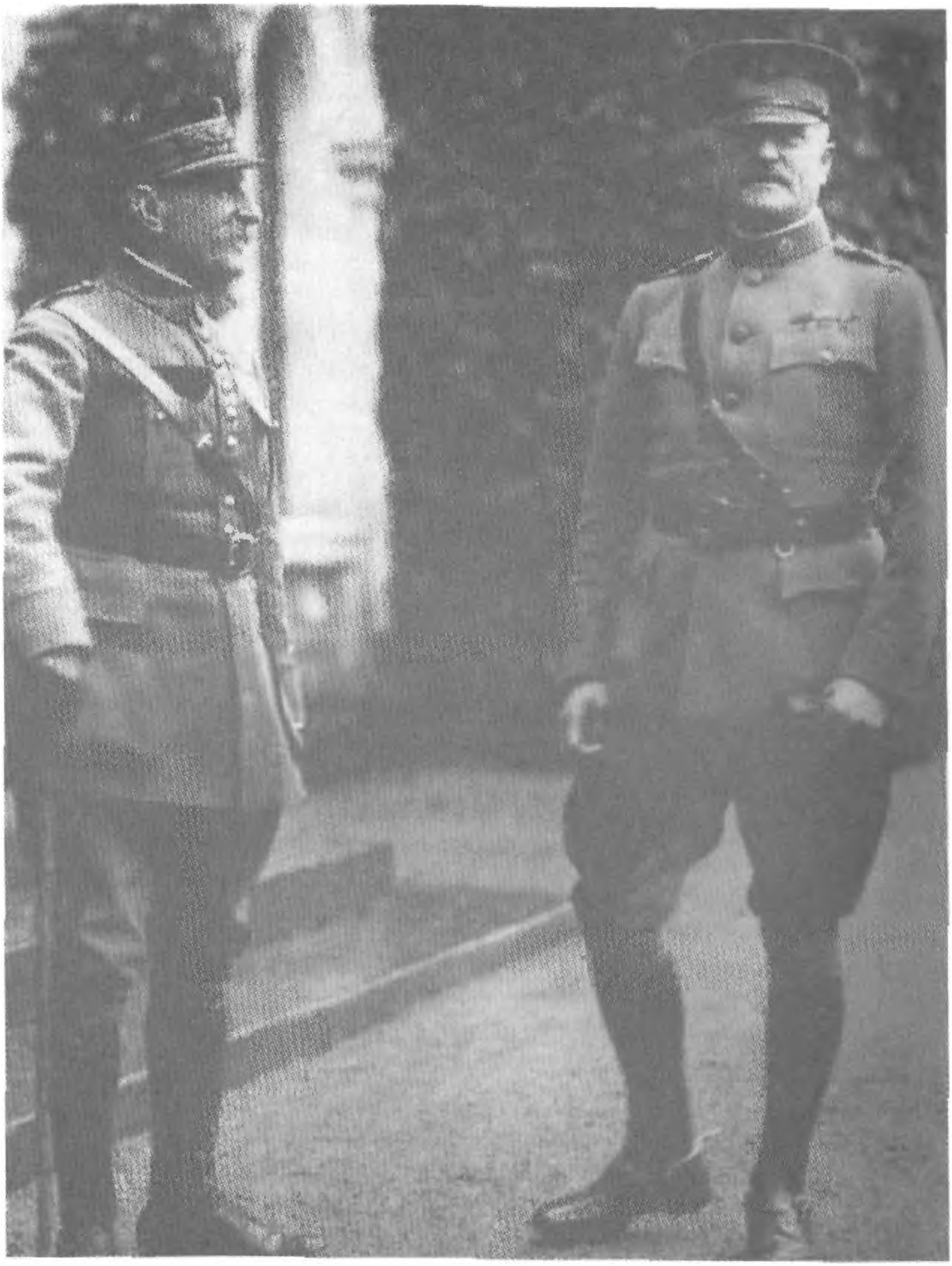
Первой наступательной операцией союзников стала Амьенская. К ней привлекались 4-я британская, 1-я и 3-я французские армии под общим командованием британского фельдмаршала Хейга. Ударная группировка на

участке прорыва состояла из 17 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, 2684 артиллерийских орудий, 511 танков (тяжелых[44] и средних), 16 бронеавтомобилей и около 1000 самолетов[45]. На Амьенском участке Западного фронта немцы сосредоточили 7 пехотных дивизий, 840 орудий и 106 самолетов[46]. Союзники же под Амьеном имели трехкратное превосходство в силах, подавляющее – в артиллерии и авиации и полное – в танках. Последнее было особенно важно, поскольку воюющие стороны еще не нашли действенных способов борьбы с танками. Поэтому, союзное командование при подготовке наступательной операции рассчитывало, прежде всего, на мощь танкового удара, а огневой налет артиллерии планировался после того, как танки выйдут на позицию для атаки сквозь боевые порядки своей пехоты. Ей предписывалось наступать вслед за танками и огневым валом. Воздушная разведка немцев обнаружила подход танковых колонн противника к участку прорыва, но германское верховное командование истолковало такую разведывательную информацию как "нервозность" своих войск.

"Черный день" германской армии на Западном фронте наступил 8 августа 1918 г. В 4 час. 20 мин. союзная артиллерия открыла мощный огонь по неприятельской обороне. Был создан огневой вал, под прикрытием которого в атаку двинулись дивизии 4-й британской армии в сопровождении танковой армады, насчитывавшей 415 машин[47]. Армией командовал генерал Г.С. Роулинсон. Это наступление стало полной неожиданностью для противника. Бесчисленные разрывы в тумане химических и дымовых снарядов накрыли поле битвы перед окопами оборонявшихся немцев. Видимость не превышала 10–15 метров. Из тумана и дыма неожиданно возникли танки, которые вскоре продвинулись до линии дивизионных штабов[48]. Телефонная связь между ними прервалась, германские пехотинцы в панике оставляли окопы. Система обороны германских войск оказалась в результате этого дезорганизованной уже в самом начале наступления британцев. Союзное командование методично наращивало силу удара. К полудню атакующие достигли третьего рубежа обороны, продвинувшись на 11 км. Однако здесь они были остановлены подходившими свежими германскими дивизиями, которые спешно перебрасывались с соседних участков фронта. За один день 8 августа немецкие войска потеряли 27 тыс. человек убитыми и пленными, около 400 орудий, а также большое количество различного военного имущества[49]. Амьенская операция завершилась 13 августа. Союзные армии на фронте в 75 км продвинулись от 10 до 18 км. Успех мог быть бóльшим, но значительное число танков вышло из строя (9 августа в наступлении приняло участие только 145 танков из 415). На пятый день сражения они уже не участвовали в наступлении англичан и его мощь заметно ослабла.

Значение Амьенской победы состояло в том, что она окончательно закрепила стратегическую инициативу на Западном фронте за Антантой. Противник даже не пытался контрударами отвоевать ее у союзников. День 8 августа 1918 г., по признанию Людендорфа, "представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны"[50]. Руководство стран Четверного союза еще надеялось, что армиям Антанты не удастся вытеснить германские войска с территории Франции и Бельгии. Но события на Западном фронте развивались не в пользу немцев.

Амьенская победа дала основание командованию Антанты провести более широкие наступательные операции по вытеснению противника на



Французский маршал Фердинанд Фош и американский генерал Джон Дж. Першинг. Лето 1918 г.

"линию Зигфрида". Вскоре первая часть плана Фоша была выполнена. Союзникам, вопреки осторожным прогнозам, удалось добиться решающего перелома на фронте еще до того, как масса американских солдат вступила в дело. В июле численность американских войск во Франции превысила 1 млн человек и продолжала расти[51]. 10 августа, т.е. после "черного дня" для германской армии, три американских корпуса под командованием генерала Дж. Першинга заняли выступ фронта к югу от Вердена.

12 сентября 1-я американская армия начала Сен-Миельскую операцию. На фронте наступления в 64 км американцы сосредоточили 17 пехотных ди-

визий 2900 орудий, 273 танка и 1100 самолетов. Большую часть артиллерии, танков и самолетов американцы получили от французской армии (от нее в операции принимал участие 2-й колониальный корпус)[52]. Наступавшим противостояли 7 сильно потрепанных дивизий противника (из них 1 австро-венгерская) при 560 орудиях и 200 самолетах (включая авиацию соседних участков фронта). И еще: американцы атаковали германские войска в то время, когда они уже начали эвакуироваться с Сен-Миельского выступа. За четыре дня боев немцы потеряли 16 тыс. человек пленными и более 400 орудий. Потери 1-й американской армии составили около 7 тыс. человек[53]. Сен-Миельская операция стала первой, в которой американские войска в первой мировой войне действовали самостоятельно. В начавшемся вскоре генеральном наступлении союзников принимали участие две армии США численностью 1200 тыс. солдат и офицеров[54].

Стратегическая обстановка на Западном фронте позволила союзному командованию перенести это запланированное наступление с 1919 на осень 1918 г. Уже тогда силы Антанты на западноевропейском театре военных действий имели заметное превосходство над противником: 211 пехотных и 10 кавалерийских дивизий против 190 германских пехотных дивизий. Германское же командование теперь полностью отказалось от мысли проведения наступательных операций на Западном фронте, думая только об обороне. Шло строительство трех укрепленных позиций от берега Северного моря до реки Маас с целью усиления "линии Зигфрида". Приводились в порядок пограничные крепости в Эльзасе и Лотарингии. Началась подготовка к разрушению железнодорожных путей и линий связи на захваченной немцами французской и бельгийской территориях. Маршал Фош решил нанести новый удар на огромном (северном и центральном) участке Западного фронта в 420 км в целях вступления в Бельгию и освобождения захваченной Германией французской территории. В наступлении предстояло принять участие главным силам союзных войск. План Фоша предусматривал несколько мощных ударов по сходящимся направлениям. Особые надежды возлагались на наступление 1-й американской и 4-й французской армий на западном берегу реки Маас.

Наступление началось 26 сентября в 5 час. 30 мин. после десятичасовой (4-я французская армия) и трехчасовой (1-я американская армия) артиллерийской подготовки. Однако атакующие превосходящими силами союзники, встретив упорное сопротивление немцев, смогли продвинуться на некоторых участках фронта всего на 3–9 км. Оборонявшиеся германские войска, получив лишь небольшие подкрепления, оборонялись стойко, и наступавшие продвигались вперед только после организованного отхода немцев. Маас-Аргоннская операция длилась 18 дней и закончилась 13 октября. Союзники не выполнили даже ближайшую задачу, продвинувшись вперед всего на 5–12 км.

Фош, знавший об отсутствии у противника резервов, одновременно наступал в районе города Камбре силами 1-й и 3-й британских армий. Наступление началось 27 сентября после ночной бомбардировки германских позиций. Действия англичан оказались удачными – в первый же день они продвинулись вперед на 6 км. Вскоре британские войска форсировали реку Шельду и завязали бои за Камбре, который был ими быстро занят. Затем атаку начали с юга соседние 4-я британская и 1-я французская армии. К исходу дня

Пулеметный расчет американцев на Западном фронте. Сентябрь–ноябрь 1918 г.

30 сентября "линия Зигфрида" была прорвана на 30 км в ширину и на 11 км в глубину.

28 сентября последовало наступление самой северной группировки союзников – Фландрской, левый фланг которой упирался в морское побережье. Войскам приходилось наступать по заболоченной местности севернее реки Лис. Саперам в ряде мест пришлось прокладывать километры дороги на сваях, покрытых деревянным настилом[55]. После перехода в наступление 1-й и 2-й британских армий в Арденнах и удара фландрской группировки союзников германские войска с 2 октября начали повсеместный отход с "линии Зигфрида". Во многих местах такой отход был дезорганизованным, поскольку командование в ходе отступления теряло управление войсками. 14 октября армии Антанты повели наступление уже по всему фронту от берега Северного моря до реки Маас, редко где встречая организованное сопротивление немцев.

В ходе начавшегося отступления деморализованных германских войск их командование впервые в войне применило тактику разрушения всего, что было возможно. Мосты превращались в груды развалин, при помощи зарядов большой мощности разрушались туннели, специальными путеразрушителями приводилось в негодность железнодорожное полотно, выводились из строя шоссейные дороги, водопроводная сеть, линии связи. Вывозилось в тыл телеграфное и телефонное оборудование, железнодорожные станции и склады сжигались. Все это стало причиной того, что наступавшие союзные войска в ряде случаев теряли боевое соприкосновение с отступавшим противником. Однако германцы, оторвавшись таким способом от преследова-

ния, уже не стремились к организации обороны на новых рубежах. Линия фронта, которую удерживали немецкие войска, к концу октября фактически развалилась.

Драматические события развернулись в 1918 г. на Салоникском фронте. Придерживаясь декабрьских (1917 г.) директив Высшего военного совета Антанты, ее войска там оставались пассивными вплоть до мая 1918 г. Командующий фронтом генерал Гийома рассчитывал начать наступление не ранее осени. Но вскоре обстановка изменилась. В связи с подготовкой наступления на Западном фронте немцы перебросили туда из Македонии почти все свои соединения. Болгарская армия на Салоникском фронте была предоставлена собственным силам. С конца 1917 г. она стала быстро революционизироваться. По словам Ллойд Джорджа, "болгарский крестьянин в конце концов окончательно понял, что все лишения и опасности переносятся им во имя господства тевтонов, а не во имя сохранения или расширения Болгарии, что лучше могло бы быть обеспечено соглашением с западными государствами. Это укрепляющееся убеждение охлаждало военный пыл болгарской армии. Она все более и более утрачивала желание подвергаться опасности и лишениям бесконечной и бесцельной для нее войны"[56].

Если в предыдущий период недовольство болгарских солдат проявлялось в основном в форме дезертирства, то в конце 1917 и в начале 1918 г. в армии начались открытые выступления солдат. Одно из них произошло в 28-м Струмицком полку. Солдаты организованно отказались подчиниться приказу командования о подготовке к наступлению. 24 руководителя выступления были преданы военному суду, более 300 человек попали в штрафные батальоны[57]. Солдаты некоторых полков, находившихся внутри страны, отказывались отправляться на Салоникский фронт. Такая армия, неспособная к наступлению, в лучшем случае была в состоянии лишь обороняться.

Тем временем 14 апреля генерал Гийома получил от Фоша предписание принять все меры, чтобы сковать силы противника на Балканах и не допустить их переброску во Францию[58]. В мае действия союзников оживились. После ожесточенных двухдневных боев 30 мая греческие войска, поддержанные французской артиллерией, овладели высотой Яребична. Основная масса находившихся здесь болгарских солдат (1700 человек) сдалась в плен[59]. Греки не попытались развить успех вследствие понесенных ими больших потерь. Ценой гибели 2804 человек и расхода 168 тыс. артиллерийских снарядов они овладели участком болгарской позиции шириной не более 3 км, не получив даже тактического преимущества. Тем не менее это успех поднял боевой дух греческой армии, в нее хлынул поток добровольцев. В афинских кофейнях захват высоты сравнивали со сражениями на Марне, на Сомме и с Брусиловским прорывом[60]. В болгарской же военно-исторической науке позднее утвердилась точка зрения, что не были оправданными ни греческое наступление на Яребична, осуществленное такой ценой, ни упорная оборона высоты болгарами. Фактически весь 49-й пехотный полк болгарской армии был уничтожен. Этот бой является типичным примером бесполезного принесения в жертву войск, характерного для позиционного периода войны[61].

9 июня неожиданно Гийома получил новое указание выехать в Париж для того, чтобы занять должность военного коменданта французской столицы, и наступательные операции приостановились. 14 июня, накануне своего

отъезда, он провел совещание с командующими союзническими контингентами на Салоникском фронте. Здесь было принято решение о подготовке наступления против болгар в двух направлениях: на фракийском – силами греческой армии, а на вардарском – сербских войск. Но в Париже Гийома узнал о намерении Фоша предпринять на Салоникском фронте общее наступление союзных войск. Два военачальника согласовали контуры плана такого наступления. Эти соображения Фош направил в качестве директивы новому командующему силами союзников в Македонии генералу Л. Франше д'Эспере[62]. Генерал был человеком действия и широкого военного кругозора. Прибыв в Салоники, он оказался в нужном месте в нужное время. Еще в 1914 г. он прекрасно понимал значение Балканского полуострова в стратегии скорейшего окончания войны[63]. Под руководством Франше д'Эспере в июле–августе план Гийома и Фоша получил детальную разработку.

Войска союзников занимали фронт протяженностью в 350 км и насчитывали 29 дивизий – всего 619 тыс. человек, 2069 артиллерийских орудий, 2682 пулемета, 200 самолетов и 47 эскадронов конницы. Общая численность войск Четверного союза на Салоникском фронте (главным образом, болгарских; германцев осталось около 30 тыс.) составляла около 600 тыс. человек. Они располагали 1850 орудиями, 2539 пулеметами, 80 самолетами и 26 эскадронами конницы[64]. Таким образом, войска Антанты имели незначительное превосходство в живой силе и подавляющее – в технике. Но армии Четверного союза занимали укрепленные оборонительные позиции, захват которых требовал сосредоточения больших сил наступающих войск. Особенно надежно был укреплен центральный участок фронта против сербских войск. Здесь находились высокие горы – Ветерник, Добро Поле, Сокол и Козяк. Противник расположил в горах артиллерию и контролировал все подступы к ним. Болгаро-германское командование менее всего ожидало нападения на этом участке фронта. Между тем именно здесь и было выбрано направление главного удара по смелому и глубокому по своему замыслу плану начальника штаба сербского верховного командования воеводы Ж. Мишича. С основными позициями этого плана согласился и Франше д'Эспере.

Фронт болгар намечалось прорвать в районе восточнее реки Черны силами шести сербских и двух французских дивизий. Главный удар планировалось нанести в направлении Воден – Добро Поле – Градско, а вспомогательные – в направлениях Кукуш – Струмица (четыре британские и две греческие дивизии) и Битоль – Прилеп (четыре французские, одна итальянская и одна греческая дивизии). Целью этих ударов было уничтожение 1-й и 11-й армий противника, после чего следовало развить успех в направлении Скопье – София. На крайнем правом фланге фронта, между Дойранским и Бутковским озерами, на три греческие дивизии возлагалась задача наблюдения за 2-й болгарской армией[65].

8 сентября главнокомандующий болгарской армией генерал-лейтенант Н. Жеков, под руководством которого эта армия в течение трех лет воевала без поражений, отбыл на лечение в Вену. Вместо него фактическим главнокомандующим с согласия царя Фердинанда стал помощник Жекова генерал пехоты Тодоров. По мнению некоторых военных специалистов, эта неравнозначная замена сыграла свою, негативную для болгар, роль в последующих событиях.

Операция союзных войск началась 14 сентября в 8 часов утра артиллерийской подготовкой по всему фронту. Она оказалась очень эффективной. Была разрушена первая линия окопов противника, повреждены телефонные линии между болгарскими штабами и передним краем, уничтожены многие укрытия, наблюдательные пункты, открылись широкие проходы в заграждениях. Поскольку артиллерийский огонь был распределен равномерно по всей протяженности фронта, болгарское командование не могло определить, где будет нанесен главный удар. Большую роль сыграла французская и сербская авиация, которая путем фотографирования и визуального наблюдения сообщала ценные сведения о положении неприятеля, о коммуникациях между его тылом и фронтом и о результативности артиллерийского огня. Она полностью господствовала в воздухе. Попытки неприятельских самолетов пересечь линию фронта не удались[66].

На следующий день, 15 сентября в 5 час. 30 мин. две французские и одна сербская (Шумадийская) дивизии перешли в наступление в районе горного массива Ветерник. К вечеру оборона противника была прорвана на участке до 15 км. Используя кавалерию и авиацию, союзники организовали преследование отступавшего противника. В последующие четыре дня стратегический прорыв фронта был завершен и к 20 сентября расширен до 45 км по фронту и на 40 км в глубину. В то же время на направлении вспомогательного удара (в районе Дойранского озера) двухдневная атака греко-британских войск окончилась безрезультатно. Они вернулись на исходные позиции. Поэтому фланги сербской армии, глубоко вклинившейся в расположение неприятеля, подвергались большой опасности.

21 сентября Франше д'Эспере получил распоряжение Клемансо остановить наступление и стабилизировать фронт. Французский премьер стремился перебросить часть войск из Македонии во Францию[67]. Даже одобрив в июне план наступления на Салоникском фронте, он не особенно верил в возможность решительного успеха. В согласии с британским командованием Клемансо предполагал ограничить цели военных операций на Балканах[68]. Франше д'Эспере колебался – теперь он не мог просить у Парижа подкреплений для развития достигнутого успеха. В этой ситуации сербское верховное командование приняло решение: несмотря на отставание других контингентов союзников, продолжить наступление собственными силами. В противном случае неприятель мог перегруппировать свои войска и организовать отпор на новой оборонительной линии. Сербы достигли реки Вардар у Криволака, нарушив связь между войсками 11-й и 2-й армий противника и угрожая тылу 1-й армии.

Вечером 22 сентября командующий так называемой "группой Шольца" (в нее входила и часть болгарских войск) немецкий генерал фон Шольц, вопреки сопротивлению болгарского царя Фердинанда, отдал приказ об отступлении болгаро-германских войск по всему фронту до линии Тетово–Скопье–болгарская граница. Там он рассчитывал дождаться подкреплений, переброшенных с других фронтов. Такое решение фон Шольца обусловило и отход австро-венгерских войск из Албании. Без всякого натиска со стороны итальянцев они отступили на север, за реку Шкумбини, надеясь сомкнуться с новой линией расположения болгаро-германских сил.

Отступление болгар превратилось в паническое бегство. Они оставляли тысячи пленных, артиллерию, обозы. В такой обстановке среди отступав-

ших солдат был брошен призыв: "На Софию! Смерть виновникам разгрома!". 24 сентября возникло сразу несколько центров стихийно начавшегося солдатского восстания. Вечером того же дня восставшие разгромили главную штаб-квартиру болгарской армии в Кюстендиле. К ним присоединялись новые и новые группы. Все они двигались из Восточной Македонии через Горную Джумайю (ныне Благоевград), Кюстендил и Дупницу на Радомир, а оттуда на Софию. 28 сентября передовые колонны восставших достигли села Владая (в 15 км от Софии), от которого восстание и получило свое название – Владайское. Болгарское правительство поспешило заключить 29 сентября перемирие, которое означало фактическую капитуляцию Болгарии[69]. На следующий день оно подавило солдатское восстание с помощью 217-й германской дивизии, срочно переброшенной из Крыма.

После выхода болгар из войны Центральные державы рассчитывали образовать в Сербии новый фронт для того, чтобы защитить свои тылы, нефтеносные источники в оккупированной Румынии и сохранить связь с Турцией. В этих условиях первейшей задачей союзников являлся выход на Дунай у Белграда. 12 октября сербская армия заняла Ниш. 1 ноября она вступила в Белград, пройдя за 45 дней с начала наступления 500 км. Одновременно часть войск 2-й сербской армии была направлена в Черногорию. Она успешно продвигалась на северо-запад, пользуясь поддержкой местного населения. Убедившись в бесполезности сопротивления, оккупационные власти почти без боя сдавали населенные пункты командованию сербских войск. 22 октября неприятель оставил черногорскую столицу Цетине. К концу октября вся Черногория была освобождена[70].

Капитуляция болгар предрешила участь истощенной Турции. Теперь для Антанты открывался кратчайший путь на Стамбул, гарнизон которого был недостаточен для обороны города. По решению Высшего военного совета Антанты от 7 октября, вопреки намерениям Франше д'Эспере начать поход на Будапешт и Вену, под давлением англичан было решено наступать на Фракию и зону Проливов. В значительной степени это вписывалось в планы военных действий на юге России. В течение октября войска Антанты заняли всю Западную Фракию до реки Марицы. Для их поддержки британское командование 28 октября высадило десант в Дедеагаче.

Турецкие вооруженные силы в 1918 г. находились в крайне тяжелом положении. Они голодали и не получали вещевого довольствия, испытывали острый недостаток в боеприпасах и вооружении. Часто вспыхивали эпидемии, которые уносили много солдатских жизней.

Еще в марте 1918 г., воспользовавшись разложением российской армии на Кавказском фронте и сепаратистскими тенденциями в Закавказье, младотурки предприняли вооруженную интервенцию. Она была вызвана, прежде всего, пантюркистскими стремлениями Энвера и его надеждой укрепить таким путем свое пошатнувшееся положение. Лидеры младотурок стремились овладеть всем Кавказом и мечтали о походе на Волгу и дальше в в Туркестан, в Индию. Им грезилось осуществление пантюркистского и панисламистского идеала – образование огромной тюрко-мусульманской "туранской" державы. Разногласия с немцами помешали туркам проникнуть в Грузию, но уже в мае "Армия ислама" во главе с братом Энвера Нури-пашой оккупировала большую часть Восточной Армении и вторглась в Северный Азербайджан. 15 сентября турки захватили Баку, где Энвер намеревался

прочно обосноваться. Во время погромов и резни там были зверски убиты 30–35 тыс. мирных жителей, главным образом армян[71]. В начале октября турецкие войска начали вторжение в Дагестан, им удалось занять Дербент и Петровск-Порт[72].

Но это были последние судороги экспансионистской политики панисламизма и пантюркизма. Младотуркам не удалось ни превратить Азербайджан в отдельную монархию, ни присоединить его к Турции. Уже на третий день после капитуляции Болгарии турецкое главное командование начало переброску войск из Закавказья к линии Чаталджи, которая обеспечивала защиту столицы со стороны Балканского полуострова[73]. 5 октября кабинет Талаат-паши решил эвакуировать все турецкие войска с Кавказа.

В некоторых работах провал турецкой интервенции на Кавказе рассматривается как одно из следствий военного разгрома Турции в первой мировой войне[74]. Между тем, по мнению большинства российских историков, как с политической, так и с чисто военной точек зрения турецкая интервенция на Кавказе явилась не следствием, а одной из причин окончательного крушения Османской империи[75]. Дело в том, что для своей кавказской авантюры Энвер снял войска с других фронтов, где до этого турки еще кое-как сдерживали натиск Антанты. Это облегчило разгром турецких войск в Сирии, Палестине и Месопотамии в сентябре–октябре 1918 г. и ускорило продвижение войск Антанты. Поэтому, когда пришло время заключать перемирие, линия фронта оказалась отодвинутой далеко в глубь османских территорий.

На Месопотамском фронте действовала 6-я турецкая армия, войска которой прикрывали 500-километровую линию от Ханата-Макинского до берегов реки Евфрат. Туркам в Месопотамии в последний год войны противостояла сильная группировка британских (преимущественно индийских) войск: шесть пехотных, одна кавалерийская дивизии и отдельные части. Их общая численность составляла 447 тыс. человек, в том числе 170 тыс. штыков[76]. Затишье на Месопотамском фронте продолжалось почти весь год. Британское командование собиралось с силами и только в середине октября 1918 г. начало решительную наступательную операцию в направлении на Мосул. Ослабленная массовым дезертирством и болезнями 6-я турецкая армия оказалась разгромленной в течение одной недели, потерпев сокрушительное поражение в сражении при Калат-Шерате. После этой победы британские войска вступили на территорию Мосульского вилайета и 31 октября, не встретив сопротивления, заняли Мосул.

Наступление на Сирийско-Палестинском фронте предварительно планировалось союзниками на конец апреля. Были накоплены большие материальные средства, построена железная дорога до Рантие. Британские войска под командованием генерала Алленби в начале года представляли собой довольно сильную группировку, способную разгромить противостоявшие ей неприятельские войска. Однако операция была отложена из-за начала наступления немецких войск на Западном фронте. Часть британских сил из Палестины была в срочном порядке переброшена в Европу. К замыслу широкого наступления на Сирийско-Палестинском фронте вернулись только тогда, когда положение на Западном фронте стабилизировалось. В течение лета 1918 г. войска Алленби получили значительное усиление из Индии и частично из Месопотамии (где стояло полное затишье) и составили 69 тыс. человек, в том числе 12 тыс. кавалеристов при 540 орудиях и 90 самолетах[77].

Британцам противостояли три слабые турецкие армии – 4-я, 7-я и 8-я под общим командованием Лимана фон Сандерса. Турки занимали линию фронта от побережья Средиземного моря до Мертвого моря. Султанское командование тоже задумало провести наступательную операцию с целью вытеснить англичан из Палестины.

План британского главнокомандующего состоял в том, чтобы сильными ударами на флангах Сирийско-Палестинского фронта охватить главные силы турецких армий и разгромить их. Дальнейшее наступление возлагалось на верблюжий (конный) корпус, состоявший из трех кавалерийских дивизий. Ему вновь предстояло действовать на правом фланге, в пустыне. Алленби умело воспользовался восстанием ряда арабских племен против османского владычества. Так называемая "Арабская армия" сосредоточилась близ Азрака в готовности начать наступление на турок из пределов Аравийской пустыни многочисленными конными отрядами. Англичане проделали большую работу по дезинформации неприятельского командования в целях сокрытия направления главного удара и времени начала наступления. Проводились ложные перегруппировки войск, имитировалась работа крупных штабов, строились макеты артиллерийских батарей. На западном участке фронта был устроен огромный бутафорский военный лагерь, а главный удар намечался восточнее.

Палестинская наступательная операция началась 19 сентября. В 4 час. 30 мин. английская артиллерия провела 15-минутную огневую подготовку, после чего пехота под прикрытием огневого вала атаковала турецкие полевые позиции. Неприятельский фронт к полудню был прорван от берега моря до Рафата на расстоянии в 40 км. К вечеру британские войска (кавалерийский корпус, посланный в прорыв) продвинулись вперед вслед за отступавшими в большом беспорядке турками на 40 км. Они не оказали атаковавшим серьезного сопротивления. 20 сентября кавалерийские части англичан достигли города Назарета, где стоял штаб армейской группировки Лимана фон Сандерса, поспешно бежавшего на север. Развивая наступление, войска Алленби 1 октября вступили в Дамаск, а 26 октября заняли другой крупный город Сирии – Алеппо (Халеб). Одновременно французская эскадра вошла в порт Бейрут. Победным действиям во многом способствовала авиация, которая захватила господство в воздухе, нарушила связь противника и корректировала действия частей верблюжьего корпуса в пустыне. Британские аэропланы-бомбардировщики расчищали путь для кавалерии, проводили бомбардировку мест скопления отступавших турецких войск и их штабов. Наступательная операция британских войск еще раз продемонстрировала возросшую значимость авиации в войне.

Палестина и Сирия были полностью заняты британскими войсками. Они захватили около 50 тыс. пленных (в том числе немцев и австрийцев) и свыше 300 орудий. Турецкие армии Сирийско-Палестинского фронта фактически прекратили свое существование. За 38 дней почти непрерывных боев войска генерала Алленби продвинулись вперед на 360 миль. При огромных потерях турок, англичане потеряли всего 853 человека убитыми и 4480 – ранеными[78]. В полдень 31 октября все боевые действия на Сирийско-Палестинском фронте были прекращены. Главнокомандующий британскими войсками Алленби за победу был произведен в фельдмаршалы и получил почетный титул пэра (виконта).

На Итальянском фронте в начале 1918 г. союзник Антанты, учтя уроки поражения при Капоретто, сумел создать глубоко эшелонированную оборону. Командующий войсками Италии генерал Диац оставил на переднем крае только небольшие силы и хорошо обеспечил фланги[79]. Командованию Антанты было ясно, что наступательные операции Германии на Западном фронте незамедлительно повлекут за собой аналогичные действия ее союзника Австро-Венгрии. Поэтому Фош постоянно требовал от Италии активизации наступательных усилий. Однако Диац категорически отверг возможность наступления в первой половине 1918 г. Он реально оценивал боевые возможности своих сил и не хотел рисковать исходом наступления, которому предстояло стать генеральным на Итальянском фронте за все время войны.

Первыми начали наступление на Итальянском фронте австро-венгерские войска. Их командование решило (в связи с началом германских операций в Пикардии и Фландрии) нанести два удара: один вдоль реки Бренты, другой – на реке Пьяве. По опыту предыдущих наступательных операций в Вене были уверены в прорыве Итальянского фронта в его центральной части. Однако дата наступления – 15 июня – стала известна итальянской разведке.

Австрийцы имели на фронте большие силы: 60 дивизий, 7500 орудий, 580 самолетов. Им противостояла итальянская армия в составе 56 дивизий (в том числе 3 английские, 2 французские и 1 чехословацкая), имевшая 7043 полевых и 523 зенитных орудия, 2046 минометов, 676 самолетов и 4 дирижабля. В полосе предстоящего наступления располагались 44 итальянские дивизии. Из них 19 дивизий составляли подвижный резерв, обеспеченный 1800 грузовыми автомобилями[80]. Итальянское командование использовало опыт французской армии, в которой автомобильный транспорт широко применялся для переброски большого числа войск.

Австро-венгерские войска перешли в наступление после кратковременной, но мощной артиллерийской подготовки. Рано утром 15 июня они предприняли атаку позиций противника от реки Астико до берега Адриатического моря. Частичный успех был достигнут, но итальянская пехота контратаками восстановила линию своего фронта. Лишь в нижнем течении Пьяве и на горном кряже Монтелло атакующим удалось удержаться на занятых позициях. На Пьяве последующие наступательные усилия австрийцев прекратились из-за начавшегося на реке паводка, что привело к большим затруднениям со снабжением. 23 июня они получили приказ отойти за Пьяве на исходные позиции.

После неудачи наступления неприятеля Диац деятельно приступил к подготовке своего наступления. Верховное командование Антанты настойчиво торопило его с началом этой операции[81]. План предусматривал нанесение сильного удара в районе возвышенности Граппа между реками Брентой и Пьяве с целью раскола австрийского фронта, и последующий разгром австрийских войск на Пьяве. Основной удар наносился 4-й армией генерала Г. Джардино и 8-й армией генерала Э. Кавилья. К началу операции Диац имел на фронте 57 дивизий при 7700 орудиях и 1745 минометах[82]. К тому времени австро-венгерские войска (58 дивизий, 6030 орудий) на Итальянском фронте под общим командованием фельдмаршала эрцгерцога Иосифа Августа были сведены в две группировки – Тирольскую и

Пьявскую. Ими командовали соответственно фельдмаршалы Кробатин и Бороевич.

Плохая погода и непрерывные дожди вынудили итальянское командование отложить начало наступательной операции до 24 октября. Атакующие действия начала только 4-я армия – в районе Граппа. Австрийцы на линии обороны оказали довольно сильное сопротивление наступавшей итальянской пехоте, и та смогла захватить лишь несколько высот. Тем временем английские и французские войска, входившие в состав итальянских армий, своими активными действиями сковали противостоящего противника, лишив тем самым эрцгерцога Иосифа Августа возможности перебросить подкрепления в район Граппа. В последующих событиях это обстоятельство сыграло большую роль.

27 октября итальянские войска начали общее наступление своими главными силами. Атакующим пришлось форсировать реку Пьяве, ширина которой в среднем составляла 250–300 м, а на отдельных участках (близ устья) – до 2000 м. Итальянские саперы с трудом смогли навести несколько понтонных мостов и войска закрепились на нескольких плацдармах на противоположном берегу реки. Хотя австрийцам удалось артиллерийским огнем уничтожить несколько переправ, в чем им немало помогло быстрое течение реки, они не смогли сдержать противника. Итальянская пехота продолжала накапливаться на захваченных плацдармах. 8-я армия будущего маршала Кавильи (получившего прозвище "генерала победы") оказалась участницей наиболее ожесточенных и кровопролитных боев, которые развернулись у населенного пункта Витторио-Венето. В этих боях командующий армией удачно воспользовался тактическим успехом соседней 10-й армии, переправив по ее понтонным мостам свой правофланговый корпус на противоположный берег Пьяве.

Австро-венгерские войска оказались на пороге подлинной катастрофы, но не только в силу итальянского наступления. Венгерские дивизии еще 25 октября отказались воевать и убыли на родину, поскольку Будапешту угрожали войска Антанты. Части, состоявшие из чехов и хорватов, также отказались повиноваться командованию. Бой вели только те дивизии, которые в своем большинстве состояли из австрийцев[83]. Иосиф Август, исчерпав свои последние резервы и видя полный развал фронта, понял, что дальнейшее сопротивление невозможно. 28 октября австрийскому главнокомандующему не повиновалось уже 30 дивизий. Утром того же дня командование 6-й австро-венгерской армии отдало приказ отступать[84].

К утру 29 октября итальянские войска уже прочно обосновались на противоположном берегу Пьяве и перешли в общее наступление. Деморализованные армии Австро-Венгрии отступали по всему фронту – от швейцарской границы до морского побережья, почти не оказывая сопротивления. Они даже не помышляли закрепиться на новых оборонительных рубежах. Австрийцев преследовала итальянская кавалерия (16 полков) с самокатчиками и бронеавтомобилями. Австрийские солдаты тысячами сдавались в плен, оставляя без боя один за другим альпийские города. В портовом Триесте высадился итальянский десант. К началу ноября итальянские войска взяли в плен 387 тыс. австрийцев и более 2300 орудий[85]. Потери победителей составили около 38 тыс. человек убитыми и ранеными. Генерал Диац за победу в сражении при Витторио-Венето получил герцогский титул. Вслед за военным поражением Австро-Венгрии наступил ее полный развал.

2. Трудная дорога к миру

Начало 1918 г. ознаменовалось в истории международных отношений событием, краткосрочные и долговременные последствия которого общепризнанны. 8 января президент США Вильсон обратился к Конгрессу Соединенных Штатов с посланием, включившим знаменитые "14 пунктов", в которых при четком понимании значения мирных инициатив большевиков в концентрированном виде излагались основные постулаты вильсоновского проекта новой мировой системы ("мирового либерализма"). Документ предусматривал открытые мирные переговоры, "свободу морей" (т.е. судоходства), "свободу торговли" (снятие либо снижение таможенных барьеров), сокращение вооружений, беспристрастное урегулирование колониальных проблем, образование Лиги наций – международной организации для поддержания мира, обеспечения равноправия, независимости и территориальной целостности как больших так и малых стран.

Целый блок "пунктов" посвящался территориальным вопросам предстоящего урегулирования. Предусматривалось восстановление независимой Бельгии, вывод немецких войск из Франции и возвращение ей Эльзаса и Лотарингии, освобождение Черногории, Румынии и Сербии с предоставлением последней выхода к Адриатическому морю, "исправление" границ Италии в соответствии с "ясно выраженным национальным принципом", возрождение Польши. Формулировки относительно Австро-Венгрии носили неконкретный и сдержанный характер, хотя общая направленность угадывалась без труда: "Народам Австро-Венгрии... должна быть предоставлена широчайшая возможность для автономного развития". Употребление самого названия – Австро-Венгрия и термина "автономия" вызывало сильные подозрения и возражения руководителей национальных движений, мечтавших об обретении государственной самостоятельности Чехословакии, Венгрии, Польши и рассчитывавших получить на то санкцию США. Но спорить с Вильсоном мало кто из них осмеливался.

Пункт шестой посвящался России и звучал почти благостно: констатировалось признание ее целостности и предусматривался вывод из нее войск Центральных держав. Вильсон призывал "нации-сестры" проявить большее понимание интересов России (в противовес секретным комментариям к "14 пунктам"), предоставить ей беспрепятственную возможность определить в дальнейшем путь своего развития и обеспечить "радушный прием" в "сообщество свободных наций"[86]. Все это пробуждало надежды сочувствовавшей революции в России общественности на то, что демократический мир "по Вильсону" не обернется вмешательством во внутренние дела России. Увы, при столкновении с действительностью от этой благожелательности не осталось и следа. Сразу же после Брест-Литовска западные страны (и в том числе США) усилили нападки на внутреннюю и внешнюю политику советской власти, положив начало "информационной блокаде", а затем дипломатической изоляции Советской России и интервенции. Планы военного вмешательства с целью "спасения Восточного фронта" обсуждались уже ранней весной 1918 г.

Соединенные Штаты занимали в антигерманской коалиции особое место. Юридически они в Антанту не вошли, а считались присоединившимся (ассоциированным) государством. Президент Вильсон о тайных договорах

не знал (или делал вид, что не знает) и во всеуслышание заявлял, что собирается заключать мир, исходя из провозглашенных им благородных принципов человеколюбия и законности. К началу 1918 г. он приобрел широкую известность и популярность в демократических и либеральных кругах Америки и Старого Света как деятель, поглощенный послевоенным переустройством мира на новых, справедливых началах, и как интеллектуальный лидер мирового сообщества, руководствующийся бескорыстием и демократическими идеалами.

"14 пунктов" явились по-своему выдающимся документом новой дипломатии, обращенной к правосознанию европейца и христианской морали. Они провозглашали целью создание более справедливого, основанного на праве, а не на силе миропорядка. Однако в них уже проступали многие черты экспансионизма возмужавшего американского капитала, для которого становились стеснительными границы Нового Света. Осуществление на практике принципа свободы морей и торговли дало зеленый свет наплыву в Европу заокеанских товаров, и шире – товаров развитых стран на рынки развивающихся. Вильсон прекрасно осознавал (что соответствовало экономической доктрине неолибералов), что разоренная Европа после войны будет представлять собой огромный, почти неисчерпаемый рынок для американского торгового и финансово-промышленного капитала, динамичное и направленное воспроизводство которого рассматривалось как главное условие выживания Америки и вообще западной цивилизации[87]. Другими словами вильсоновская программа в зародыше содержала идею глобального лидерства США. Сам президент в лекции для учителей следующим образом излагал новую веру в присущем ему стиле проповедника: "Под вашим руководством дети должны осознать суровую необходимость и величайшую привилегию, которая предоставлена Соединенным Штатам, – быть главным толкователем для мира тех демократических принципов, которые, как мы верим, составляют единственную силу, способную покончить с несправедливостями и принести мир и счастье человечеству"[88]. Вильсон усматривал волю Провидения в том, что судьба возложила на США мессианскую задачу обновления мира и спасения его от раздоров, войн, экономической анархии.

Отечественная наука единодушна именно в таком понимании мировидения Вильсона. Перу Н.Н. Яковлева принадлежит книга "Преступившие грань"[89], посвященная деятельности выдающихся американцев XX в., чьи мысли о роли США выходили за рамки традиционных представлений их времени. Первым из "преступивших грань" назван Вудро Вильсон. И это не случайно. Традиции изоляционизма держали в плену американцев со времен первых переселенцев. Поэтому тезис о континентальной замкнутости внешней политики США, их дистанцировании от Европы представлялся до поры до времени идеальным. Мысль о глобальном лидерстве США, выдвинутая Вильсоном уже в начале войны, все еще воспринималась практичными янки как нечто экстравагантное, порожденное умом университетского профессора, привыкшего мыслить абстрактными категориями, непригодными в реальной жизни.

Между тем мессианская фразеология вполне освоившегося с ролью миротворца президента, его речи о возложенных свыше на Соединенные Штаты обязанностях распространения в мире угодных Божественной воле

порядков, кои Господь даровал его родине, имели земную ипостась. В Вильсоне неверно было бы видеть только лишь бескорыстного идеалиста, как это склонны делать многие апологетически настроенные к нему историки и биографы. Цель была очевидна – "вывести крупнейшую экономическую державу на первые роли в мировой политике при минимальных издержках"[90]. Политический идеализм (интернационализм) Вильсона был в большей мере адекватен динамично изменявшейся мировой ситуации, нежели циничный ультраамериканизм его критиков-изоляционистов, застывших в привычных представлениях о невмешательстве США в европейские дела.

К популярному тогда лозунгу о праве наций на самоопределение президент относился взвешенно, полагая, что его следует поддержать, но крайне осторожно. По словам американского историка Д. Фоглесонга, "Вильсон рассматривал самоопределение как то качество, которое медленно развивается у здравомыслящих, достигающих зрелости людей, как привилегию, которая предоставляется научившимся вести себя разумно и ответственно народам"[91]. В атмосфере военных лет, наполненной духом национальной самоидентификации, позиция Вильсона представляется провидческой. Увы, проявлялась она лишь как абстрактный принцип, от которого на Парижской мирной конференции 1919 г. почти ничего не осталось. Так теоретически государственный департамент и в 1918, и в 1919 г. выступал в пользу сохранения целостности России (за единственным исключением, касавшимся Польши). Даже в январе 1920 г. госсекретарь США Лансинг писал: "...я против того, чтобы содействовать превращению в самостоятельные государства Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Грузии и т.д."[92]. На практике же американцы выступали за продолжение немецкой оккупации Прибалтики, за сохранение здесь "фрайкора" генерала Р. фон дер Гольца ввиду "ощутимой слабости прибалтийских националистических движений"[93]. Перед лицом "угрозы большевизма" принципы отходили на задний план и оставался голый антисоветизм. Его высшим проявлением стали поддержка местных "автономных" правительств и правителей, интервенция, в которой США приняли активное участие, и сооружение "санитарного кордона" по границам с Россией. Геополитические соображения, подкрепленные военной мощью, брали верх над всеми остальными.

Весной и летом 1918 г. в американский экспедиционный корпус во Франции ежедневно прибывали пополнения, и к осени его численность должна была достигнуть 2 млн. Становилось ясно, что даже стойкость немецкого солдата не могла спасти империю Гогенцоллернов от поражения. После мартовского наступления немцев в Пикардии болезненный подъем духа овладел Германией, газетные полосы снова запестрели победными реляциями; казалось, что наперекор рассудку, вопреки нытью всяких там интеллектуалов и пацифистов солдаты кайзера добудут последним усилием победу. Потеря 240 тыс. людей из элитных дивизий прошла незамеченной. Всего в отчаянном рывке весной–летом 1918 г. немцы потеряли 800 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, растратив последние резервы. Но в результате они приблизили не победу, а поражение. События развивались по сценарию, более благоприятному для Антанты. Надежда Центральных держав на победу была утрачена. 14 августа ОХЛ и правительство Германии пришли к выводу о необходимости искать мирное урегулирование путем переговоров.

Четверной союз лежал уже в развалинах. Германские младшие партнеры сдавались один за другим, не выдержав испытания огнем, кровью и голодом. Первой капитулировала Болгария, доведенная до отчаяния почти непрерывной шестилетней войной. 29 сентября правительство Малинова заключило с генералом Франше д'Эспере перемирие в Салониках. В стране разразился революционный кризис. Ради спасения монархической институции царь Фердинанд Кобургский 3 октября 1918 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Бориса и на следующий день выехал в Германию. Туда же бежал и Радославов.

Австро-Венгрия с начала 1918 г. оказалась в состоянии, близком к агонии. В середине мая австрийский император Карл посетил германскую штаб-квартиру в Спа и с покаянием, и с мольбой о мире. Но тогда он встретил ледяной прием – немцы еще рассчитывали на победу. К началу октября ситуация в корне изменилась. 5 октября германский канцлер Макс Баденский направил Вильсону телеграмму с просьбой о перемирии. Колебавшемуся канцлеру этот шаг в действительности был продиктован Людендорфом и Гинденбургом. Впоследствии Макс Баденский признавался: "Я послал ноту, потому что главное командование прямо принудило меня к этому. Я был против этого отчаянного призыва о помощи, но потом взял на себя всю ответственность, я был слишком горд, чтобы прятаться за чужими спинами"[94]. Примеру Германии в тот же день последовали Австро-Венгрия и Турция.

Турок американский президент вообще не удостоил ответом. Тогда они по примеру болгар также сделали попытку добиться перемирия путем непосредственных переговоров с Великобританией и Францией. Как держава, наиболее заинтересованная в турецких делах, Британия от имени всех союзников взяла на себя инициативу по заключению перемирия. Переговоры о нем с представителями разгромленной Османской империи начались 27 октября. Они велись на борту британского военного корабля, стоявшего на якоре в порту Мудрос на острове Лемнос. Условия, выдвинутые англичанами, были тяжелыми и фактически выдавали Турцию на милость победителя. Султан Мехмед VI, проявляя полнейшую покорность судьбе, призвал великого везира Иззет-пашу принять эти условия. Оба они еще возлагали определенные надежды на "вековую дружбу с Британией", надеясь позднее добиться от нее снисхождения[95]. 30 октября Мудросское перемирие, означавшее полную капитуляцию Турции, было подписано[96]. Флот Антанты вошел в Черноморские проливы.

В Вене же ответная нота Вильсона была получена после длительного и напряженного ожидания лишь 20 октября. В ней отвергалось предложение Австро-Венгрии начать переговоры о мире. К тому времени США де-факто уже признали независимость Чехословакии. Исходя из этого и понимая безвыходное положение Вены, США заявляли, что за ушедшее время многое изменилось и что теперь "простая автономия" чехов, словаков и южных славян уже не может быть признана основой для будущего мира[97]. «Ответ Вильсона, – пишет известный американский исследователь Б.М. Антербергер, – поразил Вену как удар молнии. Он вызвал панику при дворе и в министерстве иностранных дел Габсбургской монархии. Фактически это был смертный приговор "лоскутной империи"»[98]. Для позиции правительства США в отношении Австро-Венгрии характерны высказывания Лансинга, сделанные в те дни. В Меморандуме о политике в отношении мирных пред-

ложений Германии и Австро-Венгрии от 7 октября госсекретарь США заявлял, что лучшей стратегией в отношении этих стран является "играть на надеждах германского народа и на отчаянии австро-венгерцев", при этом не создавая "впечатления, что мы намерены разрушить Германскую империю и... стараться создать впечатление, что мы намерены навсегда покончить с австро-венгерской империей"[99].

А тем временем распад Габсбургской монархии последовательно углублялся. Само обращение Макса Баденского к Вильсону послужило сигналом к выступлению сформировавшихся и заявивших о себе представительных органов многочисленных народов Австро-Венгрии. Польский Регентский совет, созданный Центральными державами на территории бывшего Царства Польского, боясь потерять инициативу, первым выступил 7 октября с декларацией. В ней говорилось, что в связи с приближением момента заключения мира на основе принципов, выдвинутых Вильсоном, Польша становится независимым государством. Вслед за тем 9 октября польский Национальный совет в Кракове вынес решение об отделении польских земель Габсбургской монархии и об их присоединении к Польше. В Вене 10 октября состоялось совещание украинских депутатов рейхсрата. Оно постановило организовать Западноукраинскую национальную раду. 19 октября была уничтожена власть австрийского правительства над Галицией. Накануне о выходе из монархии заявили представители румын. Еще 14 октября всеобщая политическая стачка прокатилась по чешским землям империи, а 18 октября Временное правительство Чехословакии информировало Вашингтон о принятии им декларации независимости чехословацкого народа. 28 октября в Праге была провозглашена Чехословацкая республика. На следующий день сабор в Загребе объявил об отделении всех югославянских провинций от Австро-Венгрии и о создании самостоятельного Государства словенцев, хорватов и сербов. Все это дополнялось полным развалом и поражениями австро-венгерской армии на Итальянском фронте.

В таких условиях ультимативный характер ответной ноты Вильсона вынудил Вену вслед за Софией и Стамбулом пойти по единственно оставшемуся пути. 24 октября Буриан был заменен графом Д. Андраши-младшим. По его рекомендации через два дня Карл I денонсировал ставший роковым для Австро-Венгрии союзный договор с Германией. Тот самый, что был сотворен родным отцом последнего в истории Габсбургской империи министра иностранных дел – Д. Андраши в 1879 г. 27 октября 1918 г. Андраши обратился к правительствам стран Антанты с просьбой немедленно начать переговоры о сепаратном мире. 29 октября Вена согласилась на заключение мира с Антантой на любых условиях. 31 октября для ведения переговоров о перемирии австро-венгерская делегация во главе с генералом В. фон Вебером прибыла в Вилла-Джусти близ Падуи[100]. В этот же день в Версале Высший военный совет Антанты утвердил условия перемирия. На заседании возникли споры о том, заключить ли перемирие только с Австро-Венгрией или одновременно и с Германией. Возобладала точка зрения Ллойд Джорджа, заявившего, что "было бы весьма полезно заключить перемирие с Австрией до переговоров с Германией"[101]. Итальянский генерал Диац был уполномочен от имени союзников сообщить австрийцам условия перемирия[102], что и было исполнено утром 1 ноября.

В тот же день наспех было созвано заседание австро-венгерского коронного совета, который принял эти условия. 2 ноября подал в отставку Андраши, а на следующий день фон Вебер подписал капитуляцию от имени военного командования уже несуществующей Австро-Венгрии. По условиям перемирия ее вооруженные силы демобилизовывались, за исключением 20 дивизий. Австро-Венгрия освобождала всех военнопленных. Военно-морской флот разоружался и передавался Антанте. Союзники получили право использовать железные и шоссейные дороги на территории страны. К тому моменту Антанта уже могла оценить важность последнего условия. После подписания Салоникского перемирия с Болгарией ее войска, получившие право использовать болгарские железные дороги, двинулись на север и 9 ноября начали переправляться через Дунай. Еще 6 ноября румынское правительство получило послание американского президента. "Правительство Соединенных Штатов, – говорилось в нем, – не относится с безразличием к пожеланиям румынского народа как в королевстве, так и вне его границ". И далее: "Правительство Соединенных Штатов глубоко сочувствует духу национального объединения и стремлениям румын повсеместно и в соответствующее время не будет пренебрегать ими..."[103] Фактически послание Вильсона, не связанного августовским (1916 г.) соглашением Румынии с державами Антанты, признавало право трансильванских румын на образование своего государства и на объединение с Румынией.

Конечно, не такого ответа ждала от союзников румынская правящая элита. Однако Брэтиану, как реальный политик, понимал, что большего пока не добьешься. Лидер либералов немедленно информировал короля Фердинанда, что момент для смены вех настал. Его сигнал совпал с советами посланников Антанты. Немедленно после получения ноты Вильсона король отправил в отставку прогерманский кабинет А. Маргиломана. В дальнейшем цепь аргументов румынского правительства строилась следующим образом: Бухарестский мир со странами Четверного союза не ратифицирован; стало быть, он не действителен; значит, Румыния не вышла из Антанты и августовская конвенция 1916 г. сохраняет силу. Ничего ведь не произошло! В полном соответствии с этой логикой новый кабинет, сформированный генералом К. Коандой, вечером 9 ноября направил главнокомандующему германскими войсками в Румынии генерал-фельдмаршалу Макензену ультиматум. В нем содержалось требование вывести эти войска из страны за 24 часа. Это условие было невыполнимым: вывести целую армию из страны за сутки невозможно. Более того, выдвигая такой жесткий срок, румынские правящие круги знали, что не смогут привести свои угрозы в исполнение: на подготовку собственной армии им требовались не сутки, и даже не неделя, а больше[104].

В канцелярии генерала Коанды, видимо, отчаянно торопились, чтобы "вступить в действие" до того, как кончится война. Они поспели, что называется, в последнюю минуту. Срок румынского ультиматума истек в 21 час 10 ноября. А утром следующего дня вступило в силу перемирие между Антантой и Германией. Дорога к этому перемирию стала для немцев своего рода "путем в Каноссу". Неспроста принц Макс Баденский постучался именно в американскую дверь. Оставшись в одиночестве, растеряв младших партнеров, германские правители в одночасье превратились в рьяных противников аннексий и контрибуций, ибо эти меры угрожали теперь прежде и больше

всего им. Великобритания, Франция, Италия, Румыния были опутаны сетью договоров и соглашений, посягавших на территориальную целостность противников и несовместимых с принципами вильсоновского демократического мира, которым германская верхушка готова была теперь присягнуть.

В относительности принципов и абсолютности интересов немцы вскоре смогли убедиться. Быстрого отклика на обращение Макса Баденского они не встретили. Президент Вильсон придирчиво настаивал на получении все новых и новых подтверждений того, что противник принимает все "14 пунктов", хотя было ясно, что немцы уцепились за "пункты" как утопающий за соломинку в надежде избежать тяжелых территориальных и материальных потерь. Тем временем союзники продолжали наступление, тесня огрызавшуюся, но не утратившую боеспособности, армию неприятеля. А по телеграфным проводам, окольным путем, через Швейцарию, в Берлин поступал все расширявшийся перечень ультимативных требований (отказ от подводной войны, прекращение опустошений при отступлении и т.д.). Экстремисты в Германии бушевали, раздавались призывы к поголовному ополчению, стар и млад-де должны встать грудью против врага. А тут немецкая подводная лодка потопила пассажирский пароход "Лейстер"... В своей третьей ноте от 23 октября американский госдепартамент указывал: "Народы мира не питают и не могут питать никакого доверия к тем, кто доселе руководил германской политикой"[105]. Это был прозрачный намек на отречение кайзера.

Перемирие должно было обеспечить безусловное военное превосходство Антанты и США на фронте. Опасения выглядели излишними: немецкое командование заявило правительству, что армия не продержится и трех месяцев. Население до последнего момента заверяли, что самое тяжелое позади. И вдруг – катастрофа... Германия не только утратила способность к сопротивлению, но и вступила по примеру России в революцию... Тянуть дальше было невозможно. Германский военный кабинет решил не дожидаться очередной ноты Вильсона и направить под белым флагом делегацию для подписания перемирия. Министры и генералы шарахались от миссии, сулившей политическую смерть. Стать искупительной жертвой выпало на долю лидера партии Центра Эрцбергера, статс-секретаря по иностранным делам в правительстве Макса Баденского (в 1921 г. он пал от руки крайнего шовиниста). Инструкций в обычном смысле Эрцбергер не получил, если не считать указания – перемирие во что бы то ни стало. Канцлер выдал ему чистый правительственный бланк за своей подписью.

Добраться до линии фронта автомобильному кортежу удалось с трудом – отступавшие войска шли нескончаемым потоком, арьергард устраивал на дорогах завалы из деревьев, стремясь затруднить союзным войскам продвижение вперед. Наконец под белым флагом и под пронзительные звуки трубы (музыкант ехал на передней машине) кортеж прибыл в расположение войск Антанты. Французские солдаты встретили парламентеров с любопытством. Командование отнеслось к ним с холодной вежливостью. В Сен-Кантене подали ужин: суп и солонину с горохом, пояснив, что так питается вся французская армия от солдата до маршала. Дальше путь шел по железной дороге в вагоне с занавешенными окнами, как оказалось, в Компьенский лес.

8 ноября на станции Ретонд в поезде маршала Фоша ("маленького человека с суровыми энергичными чертами, которые с первого взгляда выдавали

привычку повелевать", – отмечал Эрцбергер в воспоминаниях) начались переговоры, если последовавшую процедуру можно таковыми назвать. Не подав немцам руки, Фош спросил:

– Чего вы хотите, господа?

– Мы хотим получить ваши предложения о перемирии.

– О, у нас нет никаких предложений о перемирии, – сказал Фош. – Нам очень нравится продолжать войну...

– Но нам нужны ваши условия. Мы не можем продолжать борьбу.

– Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело[106].

Генерал М. Вейган зачитал условия перемирия. Маршал разъяснил: Германия может их принять или отвергнуть, иного пути нет. Попытки Эрцбергера получить дополнительные инструкции провалились: в Германии бушевала революция. Французы и британцы в Компьене не могли скрыть своей растерянности: можно ли считать образованный в Берлине Совет народных уполномоченных легитимным немецким правительством? На имя Эрцбергера поступила открытым текстом телеграмма с согласием на все условия, но подпись поставила всех в тупик: Рейхсканцлер Пунктум. Французы спросили, что сие означает? Такая личность никому неизвестна. Эрцбергеру пришлось разъяснять: «"Пунктум" означает "Точка"». На самом деле и эта, и другие телеграммы составлялись в штабе германского верховного командования, считавшего положение вполне безнадежным. Уже действуя на свой собственный риск, Эрцбергер как за спасательный круг ухватился за жупел угрозы большевизма, выдвинув формулу: "отчаяние – мать большевизма". Смысл ее был всем понятен – навязываемые Германии условия породят в стране страх, отчаяние и революцию. Однако выторговать ему удалось немного. Было слегка изменено в сторону сокращения количество передававшегося Антанте военного имущества. В первую очередь это коснулось подводных лодок. Он заявил, что Германия не может выдать Антанте 300 субмарин, ибо их насчитывалась всего сотня[107].

На рассвете 11 ноября Компьенское перемирие было подписано. Его условия распадались на четыре части. Первую можно объяснить стремлением союзников обезопасить себя от возобновления военных действий: Германия выдавала Антанте 6 тыс. пушек и гаубиц, 25 тыс. пулеметов, 1700 самолетов, 6 дредноутов, 18 крейсеров и все подводные лодки. Остальные суда подлежали разоружению. Вторая группа статей предвещала территориальный передел в Европе и перераспределение колоний: германское правительство обязывалось очистить все оккупированные территории, вывести войска из Эльзаса и Лотарингии, эвакуировать войска с левого берега Рейна, отозвать на родину еще сражавшиеся в Восточной Африке части. Требование передачи союзникам 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов и 5 тыс. грузовиков означало жестокий удар по и без того разваленному и разоренному народному хозяйству Германии и обрекало ее народ на дальнейшее голодание[108]. Акт о перемирии предусматривал отмену Бухарестского и Брест-Литовского договоров, а также эвакуацию захваченных районов Румынии и России. В отношении последней делались многозначительные оговорки: ее земли немцы оставляли не сразу, а "как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий". Данный пассаж свидетельствовал о намерении предупредить распространение на указанные территории

советской власти. Вчерашний враг уже намечался на роль сподвижника по удушению "гидры большевизма".

11 ноября 1918 г. в 11 часов по Гринвичу в столицах Антанты прозвучал орудийный салют в 101 выстрел. Мировая война, продолжавшаяся 4 года, 3 месяца и 10 дней, окончилась.

3. Версаль: дипломатический эпилог войны

Компьенское перемирие было первым международно-правовым актом, фактически зафиксировавшим принципиально новую обстановку в мировой политике. Великая война закончилась, названные ее зачинщиками династии Гогенцоллернов и Габсбургов были низложены. Германия была объявлена республикой. Австро-Венгерская, Османская и Российская империи распались, и на их обломках возникла молодая поросль объявивших себя суверенными государств, которым еще только предстояло доказать свои легитимность и самодостаточность, не говоря о "брошенных территориях".

Мир ликовал, человечество праздновало победу над абсолютным злом германского милитаризма. Однако главных действующих лиц последнего акта "оптимистической трагедии" преследовали самые мрачные предчувствия. Удивительнее всего то, что творец идеи "вечного мира", мира без победителей, и нового миропорядка президент США Вильсон был менее всего расположен принимать поздравления. Он знал, что для него главные сражения впереди – за столом мирных переговоров в Париже и в Версале с Клемансо, Ллойд Джорджем, с другими руководителями 27 стран – участниц мирной конференции, начало которой было назначено на 18 января 1919 г. На этой дате настояли французы, а мог ли стать добрым предзнаменованием день, когда в том же Версале в 1871 г. была провозглашена бесславно канувшая в Лету Германская империя?

Разумеется, президент Вильсон присоединился к всеобщим надеждам, что день открытия Парижской конференции станет, как писала лондонская "Таймс", "актом символического очищения в европейской истории"[109]. Тем не менее уже сама грандиозность стоявших задач заставляла скорее думать о несовершенстве человеческих возможностей для их решения, нежели об усвоении назидательных уроков Великой войны для будущих поколений, выполнимости программы мира, провозглашенной 8 января 1918 г. "Идеалист", "святоша", "мистик", каким он выглядел в глазах своих партнеров–лидеров союзных держав, Вильсон вопреки всем сомневавшимся в его способности адекватно оценивать реалии послевоенного мира сохранял дальнозоркость и в момент триумфа, ослепившего многих его партнеров по антигерманской коалиции. В своем кругу он оставался наполовину скептиком и наполовину оптимистом, полагая, что впредь удержать всю мировую систему в положении равновесия удастся лишь в том случае, если мир после окончания войны будет организован на принципиально новых началах, "на справедливой основе", при решающем значении вердикта мирового общественного мнения и полномочных его представителей, участвующих в решении международных вопросов. Уравнение в правах больших и малых стран также входило составляющей частью в озвученную им программу,

хотя трактовка им такого уравнения была довольно своеобразной, показывающей, что больших надежд на принцип равноправия он не возлагал.

Что вкладывал президент в общую формулу генеральной реконструкции мировой системы, выяснилось довольно быстро, поскольку уже в ходе первых встреч в Париже Вильсон артикулировал свою позицию таким образом, чтобы постараться обеспечить моральное и политическое руководство США реконструкцией мира при безусловном сохранении контроля за процессом в целом у консорциума великих держав (включая США), входивших в число стран-победительниц. Но и в такой трактовке многие политики и военные считали цель недостижимой, предвидя возможность реванша из-за отсутствия единства во взглядах на послевоенный мир среди победителей. Характерно, что позже, столкнувшись с вопросом о безопасности будущей Европы уже в ходе второй мировой войны, президент США Ф. Рузвельт с сожалением говорил об отвергнутой в 1918 г. идее генералов Фоша и Першинга ("по политическим мотивам"), предлагавших оккупировать и полностью демилитаризовать Германию[110].

Как видим, уже на ранней стадии урегулирования обнаружилось раздвоение картины мира в голове у главного ее творца, не говоря уже о его партнерах. Можно считать это объяснимым не только самой противоречивой обстановкой, но и следствием двоемыслия Вильсона, которое проявилось во многих эпизодах Парижской конференции, да и во всем его поведении. Главные его партнеры и оппоненты – "прагматики" Клемансо и Ллойд Джордж – мыслили нравственными понятиями непрощения и возмездия и категориями безопасности границ. По-своему они были куда более последовательны в своем жестком подходе к решению европейских и общемировых проблем, включая прежде всего вопросы о гарантиях неповторения германской агрессии и урегулирования территориальных претензий, а также проблемы колоний. В тоне непримиримого неприятия снисходительности к побежденным и категорического нежелания ограничиться формулой порицания вчерашнего агрессора свое принципиальное отношение к обсуждаемому тексту мирного договора в феврале 1919 г. высказал Клемансо. «За долгую мою жизнь, – сказал он, – я еще раз чувствую себя обязанным с величайшим сожалением заявить, что мои взгляды значительно отличаются от только что нами услышанных. (Клемансо имел в виду доклад об условиях перемирия, подготовленный в ключе, который больше всего устраивал американцев. – *Авт.*) Что же получится, когда военные аспекты будут урегулированы, а союзные армии демобилизованы? Какая же сила сохранится для того, чтобы заставить Германию подчиниться экономическим и политическим условиям? Я не думаю, что мои слушатели позволят себя обмануть. Пусть они почитают немецкие газеты. Они увидят, что эти газеты наполнены не чем иным, как угрозами. Эберт уже говорил: "Мы не примем слишком тяжелых условий". Следовательно, союзники не могут предпринять ни одного шага в деле военной реорганизации и демобилизации, пока не принято решение обо всех условиях»[111].

Однако угроза германского реванша и тем более проблема возмещения ущерба в результате войны не слишком сильно волновала Вашингтон. Ее не считали приоритетной. Гораздо большее беспокойство вызывало нарастание революционной ситуации в Европе и в мире – этого прямого следствия военных потрясений. Приход к власти большевиков в России, пропаганда

Париж. Конец войны

ими собственной идеи создания нового миропорядка, по всем формальным и неформальным признакам отвечающего настроениям доведенных до отчаяния войной масс, их протесту в отношении старой "буржуазной" дипломатии, диктата силы, вершившей судьбы народов, подталкивали к выработке взгляда на нее как на исторический анахронизм. И, пожалуй, главное, Вильсона и его ближайшее окружение неприятно поразило недопонимание союзниками США глубины кризиса в мировой политике и даже больше – в цивилизационном процессе. Кризис был связан прежде всего с конфликтом низов и верхов, богатых и бедных, с разочарованием в способности буржуазной демократии решить жизненно важные проблемы общественного развития. Это делало его преодоление старыми методами, возможно, безнадежным делом. Принимавший самое активное участие в Парижской конференции советник Вильсона полковник Хауз, уже покидая Париж, 29 июня 1919 г. сделал следующую минорно-многозначительную запись в своем дневнике: "Здесь, по-видимому, не вполне уяснили себе реальные обстоятельства, с которыми пришлось столкнуться. Пытались действовать по обычным образцам. Этого ни в коем случае не следовало делать. Цивилизация в огромной мере была подорвана; история же могла лишь в очень слабой степени служить путеводной нитью при создании этого мира"[112].

Это озарение Хауза, снизошедшее на него сразу после подписания Версальского договора и запечатленное им в вышеприведенных словах, имеет ключевое значение. За каждой его строкой – новая Россия, большевизм, революции и восстания в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии, Китае, Финляндии, обострение классового антагонизма в Британии, Франции, Италии, в самих Соединенных Штатах, встающая на дыбы Азия, неспокойная Латин-

ская Америка, одним словом, глобальный вызов старому порядку, брошенный самой историей и требующий незамедлительного ответа. Автор классического по современным меркам труда по истории "новой дипломатии" и Парижской конференции А. Майер назвал его заключительный раздел символично: "Эпилог: Вильсон против Ленина". Суть его раскрывает следующий пассаж: "Глубоко убежденный в правоте тезиса о том, что идеи являются мощным оружием, Вильсон был решительно настроен не дать Ленину захватить монополию на планы реконструкции послевоенного мира особенно еще и потому, что многие дипломатические формулы Ленина были взяты из арсенала западного либерализма"[113]. Стало быть, следует говорить не просто о параллелях и аналогиях, а скорее о фактическом совпадении, совмещении представлений о радикально меняющейся объективной обстановке в мире (в связи с подспудно обостряющимися противоречиями системного порядка, войной, носящей тотальный характер, и ее последствиями, новой ролью масс, радикальными сдвигами в их самосознании и т.д.) и одновременно дихотомии способов, приемов осуществления контроля над ней в интересах утверждения ценностных систем, прямо противоположных друг другу по своему характеру, – либерализма и леворадикальной идеологии, в ее преимущественно большевистской версии.

В историческо-концептуальном плане проблема мироустройства на принципиально новой основе, так как она оказалась выражена в конфликте двух стратагем – Вильсона и Ленина, – постоянно находилась в центре внимания Парижской конференции, хотя и была запрятана в конкретных спорах о "демократических принципах" руководства миром и новых международных институциях, а наряду с ними об интервенции в России, о поддержке "антидиктаторских" правительств, осуждении "красного террора" и т.д. Более того, еще на ранних подступах к конференции эта проблема приковала к себе львиную долю внимания государственных мужей, дипломатических и специальных служб союзников. Обсуждение сенсационнных "14 пунктов" Вильсона, откровенно преподнесенных в качестве альтернативы большевизму, занимало умы политического истеблишмента Вашингтона, Лондона и Парижа не меньше, чем сводки о последних кровавых сражениях Великой войны. Вокруг "российской компоненты" вильсоновской "энциклики" разворачивались все наиболее острые дискуссии на самой конференции, несмотря на отсутствие в Париже представителей России, придание анафеме ее большевистских вождей и заверения в уважении выбора ее народа. Говоря об этом не предусмотренном никакими дипломатическими прогнозами и процедурами парадоксальном феномене, видный британский историк Дж. Бараклоу писал: «Во многих отношениях самой замечательной чертой как программы Вильсона, так и программы Ленина является то, что обе они не были сориентированы на европоцентризм, напротив, они обе рассматривали проблему в мировом диапазоне: иными словами, можно сказать, что они обе были адресованы всем народам мира независимо от расы и цвета кожи. Они обе несли в себе отрицание предшествующей европейской системы и в ее собственно европейской ипостаси, и применительно ко всему миру в целом... Ленинский лозунг мировой революции вызвал рассчитанный контрудар – вильсоновские "14 пунктов"; призыву к солидарности пролетариата и борьбе с империализмом был противопоставлен лозунг национального самоопределения и призыв сделать XX век веком простого человека»[114].

Вмешательство в дела России, Венгрии, Германии с целью помешать приходу к власти и укреплению леворадикальных революционных режимов означало неприятие миротворцами в Версале демократии "толпы". Но так или иначе Парижская конференция, приняв не вполне добровольно за основу вильсоновскую идею прав "простого человека", равноправия и объединения народов и стран, отвергнув (вербально) доктрину "баланса сил" и военных блоков, решилась на эксперимент, к которому ее подтолкнули как обстоятельства, так и личности великих политиков, наиболее полно (и в чем-то опережая время) выразившие эти обстоятельства в меру своего (в чем-то схожего, но по большей части различного) понимания общей ситуации. Подходя к проблеме с этой стороны, нетрудно увидеть, что Версаль был крупным и во многих отношениях новаторским шагом навстречу реалиям XX в., главным признаком которых, как писал А. Тойнби, становилось "гигантское и всеобщее смешение"[115]. В этом убеждает прежде всего то, что в противовес инерционному мышлению и попыткам старой традиционалистской дипломатии применить в ходе выработки мирных договоров право силы и право победителя, апеллировать к династическим интересам и к секретным договоренностям военного времени о территориальном переделе мира по принципу "свой–чужой" ряд участников конференции и прежде всего Вильсон настояли на определении контуров и основных параметров "демократического послевоенного устройства". В согласии с декларированными целями Версальская система формально призвана была обеспечить совершенный и справедливый мир без милитаризма и войн, без фаворитов и париев с предоставлением гарантий безопасности для всех и равными правами апеллировать к международному сообществу за поддержкой в случае агрессии.

Достаточно внушительно заявивший о себе интеграционный фактор (интернационализм большевиков был косвенным его проявлением) нашел свое отражение в проекте создания Лиги наций – международной организации, как считалось, в идеале способной вести работу по согласованию интересов входивших в нее стран, содействовать урегулированию международных споров, а также включавшей в себя механизм предотвращения агрессии. Устав Лиги наций, принятый в результате бесконечных и изнурительных дискуссий, в ходе которых его авторы пытались порой добиться сближения взаимоисключающих подходов, был окончательно утвержден на пленарном заседании Парижской конференции 28 апреля 1919 г. Он вошел составной частью в Версальский мирный договор. Разумеется, критика Лиги тогдашними левыми и правыми, личная трагедия Вильсона, столкнувшегося с отказом американского сената ратифицировать договор из-за конфликта вокруг вопроса, быть или не быть США в Лиге наций, а в более широком плане – быть или не быть Америке гарантом безопасности, еще не могут служить доводом в пользу исключительно негативной оценки деятельности как самой Лиги, так и многочисленных связанных с ней организаций в гуманитарной и международно-правовой областях (Международная организация труда, Международная организация интеллектуального сотрудничества, Международный суд и др.)[116].

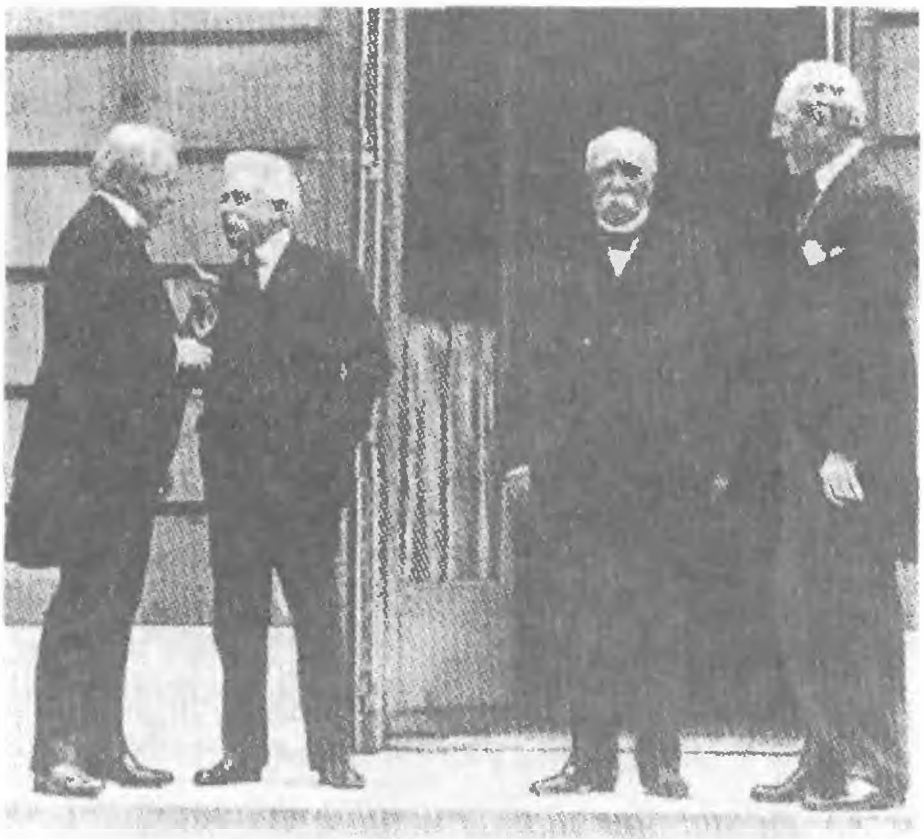
К позитивным результатам работы Парижской конференции следует отнести и сам опыт обсуждения вопроса обеспечения прав народов, а значит, и человека. Не случайно эксперты ООН уже в новых исторических

условиях использовали материалы Парижской конференции для подготовки международных деклараций гуманитарного характера. По предложению Вильсона, в частности, в устав Лиги наций была внесена дополнительная статья, требовавшая, чтобы новые государства предоставили равноправие расовым и религиозным меньшинствам, подлежащим их юрисдикции.

Значительное место в Версальском мирном договоре заняли статьи (387–427), посвященные охране труда. Это было знамением времени. Участники Парижской конференции подвели таким образом своеобразный итог деятельности ряда ассоциаций по выработке рабочего законодательства на фоне расширявшейся организованной борьбы трудящихся и преобразований в социальной сфере, которыми были отмечены предвоенные десятилетия. Напомним, что с 1890 г., когда в Берлине состоялся первый форум такого рода с участием представителей 12 стран, международные неправительственные организации (в том числе и профсоюзы) приняли конвенции о запрещении работы женщин и подростков в ночных сменах, ограничении детского труда, охране здоровья трудящихся на вредных производствах и т.д. Теперь же, учитывая отмену военного положения, надлежало во-первых, восстановить ранее действовавшие социальные нормы, а во-вторых, закрепить и расширить права человека в социальной сфере на межгосударственном уровне. Буквально под аккомпанемент революций и рабочих выступлений созданная под давлением мировой общественности специальная комиссия во главе с известным американским профсоюзным лидером С. Гомперсом 31 января 1919 г. приступила к активной работе. Итогом ее 35 заседаний стало включение в текст договора некоторых важнейших положений гуманитарного характера (о справедливых условиях труда, запрещении работорговли и т.п.). Принципиально важным достижением комиссии явилось учреждение Международной организации (бюро) труда, сохранившим свое значение и до настоящего времени.

К этой же группе вопросов относятся положения мирного договора, которым в то время не придавалось первостепенного значения, но которые сегодня принято относить к так называемым глобальным проблемам. Мы имеем в виду провозглашение участниками Парижской конференции необходимости осуществлять строгий контроль за производством и торговлей наркотическими веществами, оружием и снаряжением, а также объединять усилия всех стран в целях предупреждения эпидемий и борьбы с ними. Таким образом, мировая общественность впервые пришла к осознанию тех задач, над решением которых человечество бьется на протяжении многих веков. Вклад участников конференции, поставивших на повестку дня глобального форума все эти проблемы и наметивших направления их решения в рамках Лиги наций и специализированных международых организаций, трудно подвергнуть сомнению. Однако в решении вставших политических вопросов этот вклад не выглядел так однозначно.

Изначально планы устройства “вечного мира” наиболее основательно подрывали не разногласия внутри лидирующей “четверки” Версальской конференции (Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо) по морально-этическим и территориальным проблемам и не внутриполитические конфликты в странах-победительницах вокруг Лиги наций, отношение к “русскому вопросу” и т.д., а прежде всего вопиющее противоречие между декларированным равноправием народов в рамках нового, справедливого для всех



Д. Ллойд Джордж, В. Орландо, Ж. Клемансо и В. Вильсон на Парижской мирной конференции. 1919 г.

мирового порядка и реальной, бросающейся в глаза дискриминацией целого ряда стран по идеологическим, политическим, морально-правовым и экономическим мотивам. Советская Россия, несмотря на поступившие из Москвы сигналы о готовности включиться в работу по мирному урегулированию, не была приглашена на конференцию. Позднее участник конференции и один из составителей подготовительных материалов к ней американский дипломат У. Буллит совместно с З. Фрейдом напишет в книге о Вильсоне следующее: «Последствия отказа Вильсона обратить внимание на вопрос о России были значительными. Действительно, мы даже на сегодняшний день не знаем, сколь колоссальны могут быть последствия этого. Может оказаться и так, что отказ Вильсона перегружать свой "однонаправленный разум" Россией в конечном счете окажется единственным, самым важным решением, которое он принял в Париже»[117]. Это было написано накануне роковой для всеобщего мира осени 1939 г., и подтекст приведенного антивильсоновского словесного выпада был очевиден: конфигурация сил в Европе кануна второй мировой войны могла быть иной, окажись Россия в 1918–1920 гг. не в изоляции от мирового сообщества, а в тесном контакте с ним. Посол США во Франции, бросая ретроспективный взгляд на разворачивающиеся после Мюнхена события, почти со стопроцентной уверенностью прогнозировал трагический финал "двадцатилетнего перемирия", заключенного в Версале.

В чем Буллит ошибался, так это в том, что приписывая исключительно Вильсону "заслугу" принудительной изоляции России, подталкивавшей ее многократно к поиску любых временных попутчиков в ситуациях, критических для ее безопасности, он чрезмерно упростил картину послевоенного мира. Не только Вильсон не захотел "понять"[118] Россию большевиков. Антироссийский синдром, усиленный "послеоктябрьским" потрясением и Брест-Литовским договором, сделал политических руководителей Британии и Франции накануне и в дни Версаля куда более непримиримо настроенными не только к "красной опасности" на Востоке[119], но и к России, ко всему русскому вообще. К этому добавился совершенно новый источник "питания" для русофобии в форме антисоветизма в ближнем к России окружении. Версаль, утвердив "принцип национальностей", суверенного существования этногосударств, тем самым как бы санкционировал сооружение "санитарного кордона" против большевизма из множества небольших государств, отдельные из которых ранее входили в состав потерпевшей крушение Российской империи, а теперь напрягли все свои силы ради уничтожения государства большевиков. Эти государства принято было называть буферными, но, как справедливо заметил один отечественный ученый, они были буферны-

ми только на бумаге[120], и прежде всего в военно-стратегическом плане. Легко переходя от самообороны к агрессии (нападение Польши на Советскую Россию в апреле 1920 г.), самоутверждаясь, они порой создавали ситуацию на континенте не менее взрывоопасную, чем противоречия между великими державами[121]. К решению проблем за счет ослабленной, распадающейся России страны "нового пограничья" подталкивал ходивший по рукам в Версале "Официальный американский комментарий" к "14 пунктам" Вильсона (подготовлен в сентябре–октябре 1918 г. в недрах так называемой Исследовательской группы при полковнике Хаузе). Он трактовал территориальную целостность новой России как изменяющуюся субстанцию, как нечто непостоянное или даже чисто условное[122].

Тень России незримо присутствовала на главных заседаниях конференции, но всего лишь тень. Не пощадив достоинства страны и ее народа, бывшие союзники России, великие державы не пригласили ее представителей (ни тех, кто оказался за рубежом, ни тех, кто подобно большевикам, осуществлял контроль над теми или иными частями территории внутри страны) участвовать в конференции. Так называемая "русская заграничная делегация", образованная в январе 1919 г., получила право лишь высказывать свои суждения перед участниками Парижской конференции. И не более того. Бывший министр иностранных дел Сазонов, входивший в состав этой "делегации", крайне пессимистически оценивал шансы учета интересов России со стороны ведущих участников конференции. Он отмечал "захватные поползновения" отдельных держав, "вступивших в независимое политическое существование", и благоприятные условия, которые они получили из рук бывших союзников России для растаскивания ее на мелкие составляющие. Внутренне с горечью сознавая бесплодность апелляции к благоразумию и исторической справедливости, Сазонов указывал на прямую связь агрессивных амбиций молодых государств с той концепцией послевоенной Европы, которая сложилась в головах лидеров великих держав-победительниц, мысливших категориями антибольшевизма и русофобии. Он писал: "В связи с вопросом о вновь созданных государствах и обособляющихся национальностях приходится отметить, что особенно энергично отстаивают свои притязания по независимости наши инородцы. Провозглашенный союзниками принцип национальностей, облегчая им эту задачу, создает для нас серьезную помеху в стремлении нашем убедить как державы, так и представителей отдельных национальностей в законности и целесообразности наших требований о сохранении их в рамках Русского государства"[123].

Однако никакие доводы и увещевания не помогли. Раскол Европы состоялся в еще более обостренной форме, чем это было ранее, а распад России виделся перманентным. Статья 117 мирного договора с Германией (Версальский договор) обязывала последнюю признавать все договоры и соглашения союзных и присоединившихся держав с государствами, которые "образовались или образуются на всей или части территорий бывшей Российской империи..." Угроза большевизма, исходившая из России, стремление не допустить ее распространения подвигли великие державы на создание санитарного кордона вокруг России и поощрение ее дробления на мелкие национально-государственные образования. "Имя России стало анафемой", – писал из Парижа 19 февраля 1919 г. бывший поверенный в делах Временного правительства в Лондоне К.Д. Набоков председателю Совета министров колча-

ковского правительства П.В. Вологодскому[124]. Третирование России как очага опаснейшей инфекции и финансового банкрота было столь сильным, что создавало полное впечатление низведения ее до уровня ниже того, на котором находились побежденные страны, – Германия, Австрия, Венгрия, Турция и Болгария. Возмущенный до глубины души окружавшей Россию несправедливостью, русский дипломат предвидел тяжелейшие последствия такого преднамеренного выключения его страны из числа субъектов международного права, с которыми было принято считаться хотя бы из чувства вежливости, благоразумия или почитания духа устава Лиги наций. В эмоциональном смятении, внутренне ставя целостность страны выше идеологических и политических размежеваний, Набоков писал: "Не думайте, – сказал я недавно одному из приближенных Вильсона, – что во Дворец Лиги наций, который вы строите (речь шла о комплексе зданий Лиги наций в Женеве. – *Авт.*), войдет Россия ослепленная и на костылях. Она придет тогда, когда Вы перестанете строить Балтийские федерации, независимые Украины, Грузии и Литвы и Великую Польшу – иначе говоря дробить ее живое тело"[125].

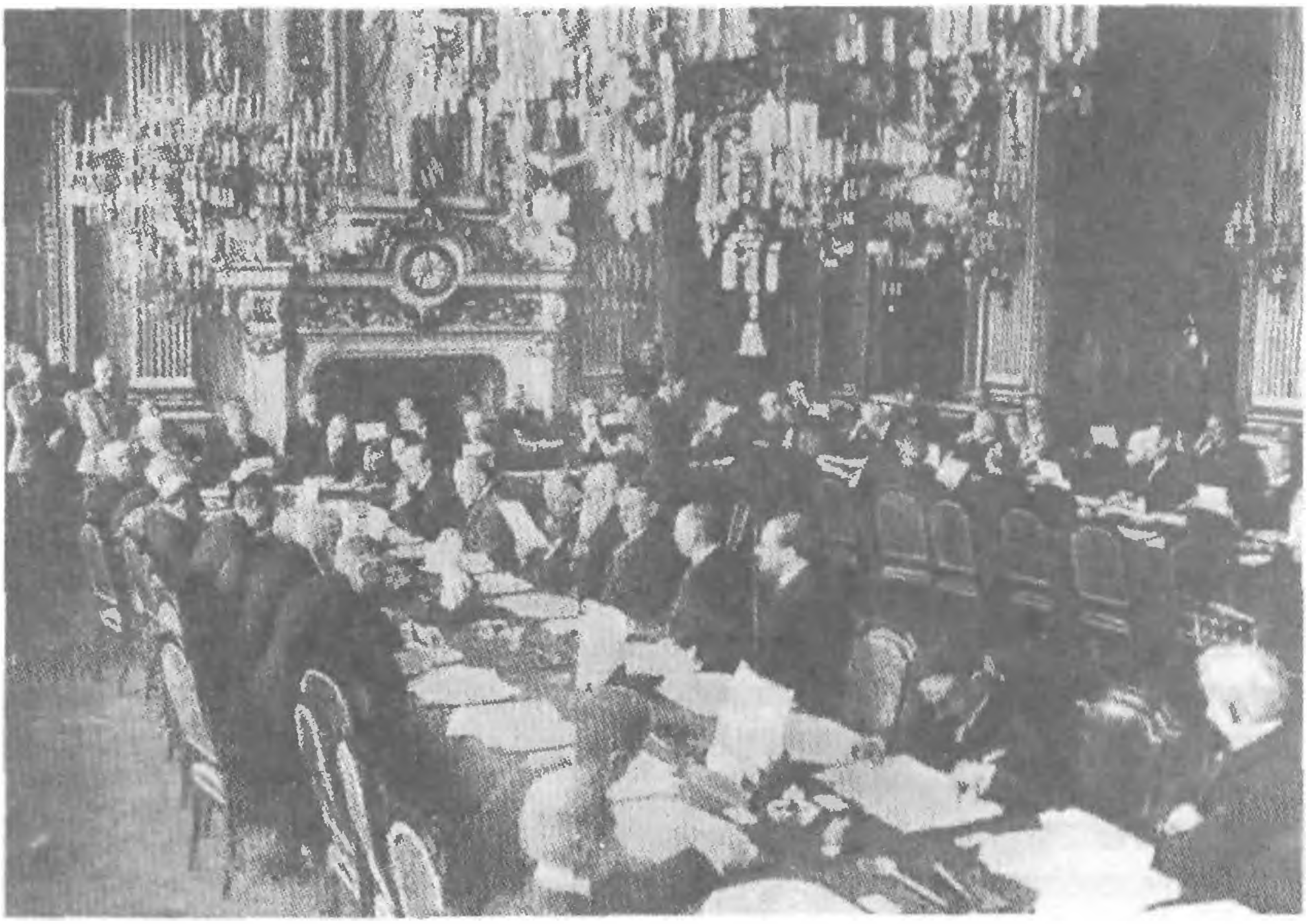
Набоков (и не один он) предвидел такой неблагоприятный ход событий, вытекавший из одностороннего и предвзятого решения "русского вопроса" Версалем, когда Россия "обратит свою благосклонность в сторону Германии"[126]. Уже вскоре этот прогноз оправдался. Однако для непосредственного участника событий невидимыми оказывались многие глубинные, скрытые процессы и факторы. Прежде всего, следует сказать, что синдром самоидентификации группы государств, ставших буквально в ходе Парижской конференции суверенными, не был результатом только чьих-то преднамеренных действий. Он возник объективно, поскольку стихийный и, добавим, пугавший рост национализма обгонял все мыслимые представления, превращаясь, если воспользоваться терминологией Тойнби, в доминирующий институт. Каждое образовавшееся государство демонстративно, с вызовом заявило о собственных притязаниях считать себя замкнутым универсумом. Оттого-то столь мучительным и подчас совершенно неожиданно трудным для представителей великих держав оказался территориальный вопрос, вопрос о границах. Не случайно американский историк Ч. Сеймур назвал Парижскую конференцию "всеобщей свалкой"[127]. Столкнувшись с этой непредвиденной ситуацией, делегации великих держав (и в первую очередь США) на ходу вынуждены были в определенной мере менять свое отношение к вопросам территориально-этнического размежевания, вырабатывая новую идеологию и политику с учетом сложившейся обстановки и европейского опыта. Итог: ситуация, как утверждал другой современник событий, принимавший участие в подготовке мирной конференции, стала в высшей степени "неуправляемой"[128].

Не лишне напомнить, что "европейский концерт" на протяжении XIX в. предпринимал усилия для разрешения этнических проблем, которые обычно возникали как следствие национально-освободительных движений и вооруженных конфликтов (например, при образовании независимой Бельгии, создании Германской империи и объединении Италии, завоевании балканскими государствами национальной независимости и др.). При этом основными принципами "размежевания" этнических общностей для великих держав – гарантов статус-кво все это время оставались в первую очередь

династические и религиозные принципы, во-вторую – географические, экономические и исторические факторы и лишь в последнюю – лингвокультурные и этноконфессиональные особенности. Однако годы, предшествовавшие первой мировой войне, как и сам глобальный конфликт, показали необходимость поиска новых подходов к достижению гармонии между правом народов на самоопределение, благополучием личности и интересами государств, существующих в границах, признанных международными актами. Версаль четко показал, что найти приемлемое для всех решение вопроса на базе "общей этнической родословной" невозможно. Так, Бельгия, представившая себя в ореоле главной жертвы и участницы военных действий, открыто заявила о территориальных претензиях к Нидерландам, потребовав аннулировать договор 1839 г. и восстановить права Брюсселя на утраченную провинцию Лимбург. И только ловкость министра иностранных дел Нидерландов ван Карнебека во время Парижской мирной конференции, опиравшегося на желание самого населения Лимбурга оставаться нидерландскими гражданами, помогла в итоге отклонить территориальные притязания Бельгии. Эти примеры можно продолжить.

Документы Парижской конференции и мемуары ее участников свидетельствуют о столкновении двух основных подходов к решению важнейшей тогда задачи территориально-государственного размежевания – американского и европейского (фактически франко-итальянского при некотором дистанцировании англичан). Эти два подхода по сути выражали формировавшийся универсализм США, а до известной степени и Великобритании как морских держав с сильным флотом, не имеющих территориальных интересов в Европе, на одном полюсе, и континентальных государств Старого Света, обладавших значительными сухопутными армиями и кровно заинтересованных в "подвижке" границ в интересах усиления их национальной безопасности, – на другом. В историографии утвердилось мнение, что сердцевиной первого подхода являлись внешнеполитические идеи Вильсона. Их можно свести к принципу, озвученному президентом США в феврале 1918 г., в дополнение к "14 пунктам": "Народы и области не должны быть предметом размена между государями как скот или пешки в шахматной игре". В основе второго подхода лежало стремление, прежде всего, Франции получить весомые гарантии собственной безопасности (в том числе и путем территориального передела), предоставив другим задачу морального усовершенствования человечества и поиска формулы всеобщей гармонии.

Однако в данном случае, на наш взгляд, историки упускают из виду следующие обстоятельства. Во-первых, в самой американской делегации на Парижской конференции отсутствовала единая точка зрения в отношении права наций на самоопределение и понимание, что строгое следование этому принципу таило угрозу хаоса на Европейском континенте в условиях нарушения традиционных политических, экономических и культурных связей внутри этногеографических регионов. Не случайно для госсекретаря США Лансинга первоочередная задача Версальского договора сводилась к обеспечению национальной безопасности как существовавших прежде, так и вновь создаваемых государств, а отнюдь не пресловутая "этническая идентификация", которая, по его мнению, играла лишь вспомогательную, подчиненную роль в деле территориального переустройства Европы. Кстати сказать, с этим подходом на конференции совпадала позиция видного и



Лидеры коалиции победителей на Парижской мирной конференции. 1919 г.

влиятельного британского дипломата Р. Сесиля, (он предложил альтернативный проект создания Лиги наций). Во-вторых, даже у самого "мессии и пророка" Версаля – Вильсона отсутствовала уверенность в практической целесообразности строгого соблюдения принципов уважения прав народов на суверенное развитие на просторах бывших Российской[129] и Османской империй, не говоря уже о колоссальной по территории и населению колониальной периферии, где под прикрытием мандатной системы продолжалась цивилизаторская миссия "белого человека". Кстати, этим во многом объясняется то, что участники конференции оказались не в состоянии решить проблему конституирования национального еврейского государства в Палестине на основе известной декларации А. Бальфура (1917), а также гарантировать этнокультурную автономию евреев в Германии, Польше, Румынии.

Таким образом, творцы Версальской системы в 1919 г. столкнулись с нерешенными и нерешаемыми вопросами, в том числе и с фундаментальными изъянами международного права, а именно – с отсутствием нормативно-правовой базы, которая бы позволяла им обосновать права наций и национальных меньшинств, не нарушая суверенитета и территориальной целостности государств. Дальнейшее развитие событий продемонстрировало, что меры, предусмотренные Версальским договором в виде гарантий Лиги наций, третейского разбирательства, плебисцитов и экономических санкций, являются явно недостаточными для того, чтобы сдержать этносепаратизм и использующего его потенциального агрессора. В результате малые европейские страны очутились в зоне жесточайшего риска между противоборствовавшими ведущими державами, а национальные меньшинства в новых границах Версаля – в перманентном состоянии политической и экономической неуст-

роенности, которая вызывала опасные трения и конфликты между ними и государствами-соседями.

Разногласия между лидерами победивших государств оказались столь сильными, а личные неприязнь и антипатии, возникшие уже в ходе самой конференции, столь заметными, что многие современники полагали уместным говорить о параличе чувства реальности[130], обусловившем завышенные требования, алчность одних и пустословие пополам с двуличием других. Ни в Совете десяти (главы государств плюс министры иностранных дел Великобритании, Франции, США, Италии и Японии), ни в "Большой тройке" (Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо) не имелось единого мнения по ключевым вопросам, обсуждавшимся на конференции. Компромисс достигался, как правило, либо под сильнейшим нажимом США, использовавших свое экономическое и финансовое могущество, либо методом шантажа, "выкручивания рук", угрозой дипломатической изоляции. Франции, фактически требовавшей расчленения Германии и наложения на нее огромных репараций, было отказано в удовлетворении притязаний, которые французы считали абсолютно справедливыми, исходя из соображений собственной безопасности. Британия и США, стремясь избежать создания "новых Эльзас–Лотарингий" и, главное, опасаясь большевизации Германии, отклонили предложения Клемансо, сыграв на его желании видеть в лице Вашингтона и Лондона гарантов неприкосновенности границ Франции. Англичанам пришлось пойти на уступки в отношении согласования уровня морских вооружений, на чем настаивали США. Великобритании и ее доминионам пришлось согласиться в принципе и с оговорками на введение так называемой мандатной системы в вопросе о германских колониях. США воспрепятствовали присоединению их к территориям британских доминионов в качестве "завоеванных территорий", но признали "особое положение Великобритании" как морской державы, т.е. признали ее право иметь могучий флот. Они обещали Лондону избегать морского соперничества "в духе сердечного сотрудничества", как выразился в своем проекте письма полковнику Хаузу лорд Сесиль[131]. Торг не прекращался. Англичане получили и другие более мелкие выгоды в обмен на согласие с требованием американцев включить в устав Лиги наций пункт о "законности" доктрины Монро, хотя представители Франции приложили отчаянные усилия с тем, чтобы торпедировать поправку, в которой Вильсон видел чуть ли не весь смысл своего пребывания в Париже. Не меньший по остроте кризис разразился к концу конференции по вопросу о спорных территориях бывшей Австро-Венгрии на Адриатике и о китайской провинции Шаньдун.

Непрерывно нараставший всеобщий ажиотаж в Италии в отношении аннексии Фиуме (важного порта на Адриатическом побережье) и Северной Далмации вынудил итальянского премьера Орландо выдвинуть (вопреки ожиданиям американцев, англичан и французов) максималистские требования. Стараясь заручиться согласием Вильсона, итальянская делегация всячески поддерживала идею Лиги наций. Но президент, опасавшийся вспышки новых раздоров, твердо решил оставить Восточную Истрию, Фиуме и Далмацию югославам, вопреки известному Лондонскому договору. Отношения "влюбленных друг в друга" Вильсона и Орландо испортились, а в самом течении конференции наступил очередной тяжелейший кризис, который было принято называть "итальянским". Орландо постоянно "хлопал дверью",

грозя не подписать мирный договор. Вильсон в ответ опубликовал манифест в форме обращения к итальянскому народу через голову его правительства. Увенчавший сам себя ореолом мессии, освободителя от воинствующих инстинктов, Вильсон действовал по-революционному, проявляя вместе с тем забывчивость в отношении обязательств уважать своих партнеров по переговорам, не прибегая к "непарламентским" приемам, дискриминации и диктату.

Но отбив атаку итальянцев, Вильсон (а вместе с ним Клемансо и Ллойд Джордж) благоразумно взял сторону Японии в ее конфликте с Китаем из-за германских концессий на Шаньдунском полуострове. Ллойд Джордж откровенно признал, что союзникам трудно было отказать японцам в передаче им, а не Китаю германских договорных прав, хотя бы потому, что они сами "делят Турецкую империю", намереваясь "навсегда удержать то, что берут в Малой Азии"[132]. Японцы, потерявшие в войне с Германией менее 2 тыс. солдат, уехали из Парижа, потирая руки от удовольствия. Им трудно было поверить в собственную удачливость. После Портсмутского мира 1905 г. приобретение важного анклава на Шаньдунском полуострове и ряда островов на Тихом океане создавало "Стране восходящего солнца" исключительно благоприятные условия для дальнейшего подчинения Азии и поощряло к новым захватам.

7 мая 1919 г. на пленарном заседании мирной конференции в годовщину потопления "Лузитании" в обстановке мрачных предчувствий германской делегации во главе с графом У. Брокдорф-Ранцау был вручен текст мирного договора. Несмотря на отчаянные возражения немцев против договора как документа, "продиктованного ненавистью", 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца состоялось его подписание, обставленное с пышностью античных публичных казней. "Все... – писал в своем дневнике Хауз, – весьма напоминало обычаи прежних времен, когда победитель волочил побежденного привязанным к своей колеснице. По-моему, это не в духе новой эры, которую мы клялись создать"[133]. Германия пыталась отвергнуть или изменить статью 231 договора, где она объявлялась главной виновницей в развязывании войны. Но эта попытка была со зловещей бесцеремонностью отклонена.

Версальский договор с Германией стал базовым системообразующим документом послевоенного мирного урегулирования. Подписанные вслед за тем через непродолжительное время мирные договоры с союзниками Германии – Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией – были построены по тому же принципу и в содержательном отношении несли все те же элементы рукотворной реструктуризации мировой системы: присягание на верность вечному миру, присоединение к новому кодексу поведения, гарантирующего всеобщую безопасность, признание права держав–победительниц на возмездие в отношении держав–виновниц трагедии 1914–1918 гг. и, наконец, согласие на установление международного контроля над колониальными территориями и помощь народам, долгое время находившимся в колониальной зависимости, на обочине мировой цивилизации.

По Версальскому договору Германия ставилась в положение истерзанного поединком дуэлянта, отдавшего себя в руки противника. Она обязана была возвратить Эльзас–Лотарингию Франции, округа Эйпен, Мальмеди и Морене (последний – в результате плебисцита) передавались Бельгии,

Японские солдаты в Харбине. Начало покорения Азии

Северный Шлезвиг (также после плебисцита в марте 1920 г.) – Дании. Польша, которую Германия признавала независимым государством, получала отдельные районы Померании, Познани, большую часть Западной и часть Восточной Пруссии и часть Верхней Силезии. Город Данциг (Гданьск) с прилегавшей к нему территорией превращался в вольный город под управлением Лиги наций. Территория Данцигского коридора отделяла Восточную Пруссию от остальной Германии. Город Мемель (Клайпеда) с прилегающими районами переходил под контроль Лиги наций. В 1923 г. он был включен в состав Литвы. Французские претензии на Рейнскую область были отвергнуты, но сама она, включая правый берег Рейна на глубину 50 км, подлежала демилитаризации. Саарский угольный бассейн переходил в собственность Франции, сама же область оставалась на 15 лет под управлением Лиги наций. Вслед за тем в ней предполагалось провести плебисцит. В целом Германия потеряла $^{1}/_{8}$ территории, на которой проживала 1/12 часть ее населения. Победители, поначалу объявившие о своем стремлении установить в Европе "райский мир", довольно сурово обошлись с побежденными. В качестве гарантии выполнения им условий договора они взяли "в залог" еще и территорию к западу от Рейна, оккупировав ее на срок от 5 до 15 лет. Унижение от этой меры должен был испытать каждый немец, воспитанный в атмосфере чванливого национализма и абсолютной веры во всемогущество государственных структур[134]. Оказаться под опекой, превратиться в периферию мира – такого никто в Германии не допускал даже в самых худших сценариях проигранной войны.

Ощутимый удар был нанесен по тому, что в Европе было принято называть *pénétration allemande* (германским проникновением). Германия полностью лишилась всех колоний, сфер влияния, собственности и привилегий за пределами страны. Все они были поделены (в форме мандатов) между

Францией, Великобританией и ее доминионами, Японией, Бельгией и Португалией. Военные статьи Версальского договора призваны были обеспечить необратимый характер этих потерь: Германия лишилась той военной мощи, которая могла быть использована для восстановления ее мировых позиций. Вооруженные силы страны низводились до уровня, который был признан необходимым для отражения угрозы внутреннего и внешнего большевизма. Сухопутная армия сокращалась до 100 тыс. человек, всеобщая воинская повинность отменялась, резко ограничивался надводный военно-морской флот Германии, ей запрещалось иметь подводные лодки. Это же относилось к военной и морской авиации. Ослаблению Германии в части ее экономической мощи призваны были служить пункты договора, согласно которым на страну возлагалась выплата значительных репарационных сумм, прежде всего Франции и Великобритании. Общая сумма установленных позже на Лондонской конференции 1921 г. репараций составляла 132 млрд золотых марок. Опутанная цепями экономической зависимости и военного долга, другими карательными мерами, Германия надолго, если не навсегда, как тогда полагали, оказывалась лишенной возможности вновь претендовать на роль великой державы.

Отдельные мирные договоры были подписаны с союзниками Германии. В Сен-Жерменском договоре с Австрией от 10 сентября 1919 г. констатировалось, что бывшая Австро-Венгерская монархия прекратила свое существование. Договор запрещал Австрии объединение с Германией. Часть Южного Тироля переходила к Италии, Буковина передавалась Румынии, Чехия и Моравия становились частью нового государства – Чехословакии. До 30 тыс. человек была сокращена армия Австрии, а ее флот передавался союзникам.

27 ноября 1919 г. в Нейи был подписан договор с Болгарией. Она лишалась части своей территории в пользу Королевства сербов, хорватов и словенцев (Цариброд, Босилеград, Струмица). За Румынией осталась Южная Добруджа, переданная ей по Бухарестскому миру 1913 г. Западная Фракия, отторгнутая от Болгарии, временно передавалась под юрисдикцию главных союзных держав, но в 1920 г. отошла к Греции. Численность болгарской армии ограничивалась 20 тыс. человек. По этому же образцу был составлен мирный договор с Венгрией, подписанный 4 июня 1920 г. в Трианонском дворце Версаля. По нему Хорватия, Бачка и западная часть Баната передавались Королевству сербов, хорватов и словенцев, Трансильвания и восточная часть Баната – Румынии. Венгрия могла располагать армией, не превышающей 35 тыс. человек, и, как и все бывшие союзники Германии, должна была выплачивать репарации победителям.

Всем договорам Версальской системы не было суждено долголетие, но самым недолговечным оказался Севрский договор (10 августа 1920 г.) о дележе “турецкого наследства”. Его львиная доля досталась Великобритании. Она получила мандат на управление Палестиной, Трансиорданией и Ираком. Франции был вручен мандат на управление Сирией и Ливаном. Турция теряла все свои владения в Северной Африке и на Аравийском полуострове. К Греции отходили Восточная Фракия, европейский берег Дарданелл, Галлипольский полуостров, а также Измир (Смирна), лишь формально остававшийся под суверенитетом Турции. На территории Турции был восстановлен режим капитуляций. Дарданеллы, Мраморное море и Босфор объя-

влялись открытыми для всех судов в военное и мирное время. Специальная международная "Комиссия Проливов" призвана была осуществлять фактический контроль над зоной Проливов. Севрский договор фактически лишал Турцию независимости, способствуя тем самым развитию движения патриотических, национально-освободительных сил.

Победители навязали этот договор правительству последнего султана Мехмеда VI Вахидеддина, которое заседало в Стамбуле под дулами британских орудий (еще 16 марта 1920 г. турецкая столица была оккупирована англичанами от имени всех держав Антанты). Анкарское правительство во главе с М. Кемалем категорически отвергло договор. Патриотические силы дали отпор англо-греческой интервенции и, поддержанные Францией, Италией и Советской Россией, добились обсуждения и частичного пересмотра условий Севрского договора на Лондонской конференции 1921 г. В дальнейшем, опираясь на успехи кемалистского движения, Турция настояла и на полной отмене Севрского договора. 4 июля 1923 г. в Лозанне был подписан новый (Лозаннский) договор между Британской империей, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией и Королевством сербов, хорватов и словенцев, с одной стороны, и Турцией – с другой. В соответствии с этим договором Турция добилась, в сущности, восстановления своего суверенитета в обмен на ряд уступок. В Версальской системе появилась первая пробоина, спровоцировавшая рост настроений в пользу ее ревизии, реваншистские движения различного толка вплоть до самых крайних.

Еще одна пробоина явилась результатом драматических внутриполитических событий в Соединенных Штатах. Здесь вторая половина 1919 г. и начало 1920 г. прошли под знаком критики главного архитектора Версальской системы, удостоенного Нобелевской премии мира в 1919 г., президента Вильсона. Изоляционистски настроенный Конгресс США и большая часть настроенного антиевропейски американского общественного мнения, с недоверием относясь к ограничениям, налагаемым Уставом Лиги наций на внешнеполитическую деятельность отдельных ее членов, просто не могли простить Вильсону обещания дать гарантии безопасности Франции (вместе с Великобританией) в случае повторения нападения на нее Германии. Вообще вступление США в международную организацию безопасности было расценено практичными американцами как добровольное принятие на себя ипотечного долга несостоятельных европейских клиентов. Сенат США, отклонив ратификацию Версальского мирного договора, отказался одновременно и от ратификации гарантийного договора с Францией. Внутренние противоречия среди победителей и разрыхление почвы под основными несущими конструкциями Версальского мирной системы немедленно привели к появлению в Германии и в других "обиженных" странах серьезных надежд на ее слом методом подрыва изнутри и путем двусторонних договоренностей. Как это ни парадоксально, но наиболее устойчивой опорой оказалась при этом та, которую большинство европейских лидеров считали поначалу навязчивой идеей президента Вильсона, фантазией тщеславного политика. Речь идет о Лиге наций. Объяснение этому следует искать в феномене потрясенного войной разума, ищущего выход в создании авторитетной организованной сообщности стран, сориентированной на мир, а не на войну, на согласие, а не на разъединение.

Крупный русский историк П.Г. Виноградов – ученый с мировым именем, долгое время живший в Англии, выступая в 1918 г. в Лондоне перед члена-

ми Русского союза "Народоправство", говорил: "Страдания и унижения Армагеддона заставили всех осознать, что дела не могут идти в прежнем русле коварной дипломатии, безжалостной жестокости и лицемерного эгоизма, сдерживаемых лишь необходимостью подготовки к успешному нападению. Отвратительные традиции государственной деятельности, завещанные Фридрихом II, Наполеоном, Меттернихом и Бисмарком, должны быть полностью изменены. Тот факт, что победоносный альянс ведущих держав сформировался для того, чтобы утвердить права вместо насилия, делает такое изменение возможным и необходимым"[135]. Как к констатации назревшего психологического перелома к этим словам трудно придраться.

Однако в реальной жизни утверждение новых цивилизованных традиций оказалось чрезвычайно затруднено уже тем, что две ведущие державы, Германия и Советская Россия, не были допущены в новую организацию безопасности. Но еще более важным было то, что сразу же после подписания Версальского договора весь последующий период ознаменовался почти непрерывным нарушением известного древнеримского правила "pacta sunt servanda" (договоры должны соблюдаться, а взятые на себя обязательства – выполняться).

4. Цена войны: жертвы и потери

Цена войны – это сложная категория, которую пока нельзя признать полностью устоявшейся в научной военно-исторической литературе. Она зачастую содержит в себе ярко выраженный оттенок публицистичности. На протяжении последних 10–15 лет смысловое содержание этого термина, а также ряда других относительно "новых" и в то же время широко употребляемых категорий (*цена прогресса*, *цена реформ*, *цена победы* и др.) остается в отечественной науке предметом дискуссии.

Проблема воздействия первой мировой войны на жизнь мирового сообщества включает не только экономику, но и социальную сферу, политику, общественную психологию, поэтому и категория *цена войны* имеет различные выражения. Ее важнейшей составляющей являются военные потери, т.е. утраты, понесенные противоборствующими сторонами вследствие военного конфликта. Они включают: людские потери, потери вооружения и военной техники, других материальных средств на фронте и в тылу, а также ущерб от нарушения экологического баланса и т.д. В международном гуманитарном праве наряду с людскими потерями рассматриваются и другие жертвы войны. Совокупность материальных средств, поглощаемых войной, определяется как материальные издержки войны в стоимостном и натуральном выражении[136].

Особой строкой стоят политические потери, суммирующие крах тех государств и политических режимов, которые канули в Лету в результате войны. Применительно к первой мировой войне это означало гибель четырех империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Им на смену пришли новые государства с иным политическим строем.

Первоначально рассмотрим главное – людские потери. К ним относятся: гибель (смерть), полная или частичная утрата бое- и трудоспособности, пленение противником. Различают демографические и военно-оперативные потери. К демографическим потерям относятся все случаи смерти личного

состава вооруженных сил и гражданского населения вследствие войны, независимо от их причин; к военно-оперативным – гибель военнослужащих и всякого рода выбытие их из строя хотя бы на время. Военно-оперативные потери подразделяются на безвозвратные и санитарные (временные). В массовом сознании укоренился стереотип о 10 млн убитых и умерших от ран и 20 млн раненых и искалеченных в годы первой мировой войны. В совокупности они составляют прямые военные потери, поскольку были связаны с воздействием различных видов оружия. Косвенные же потери за время первой мировой войны, которые не связаны с прямым воздействием оружия и других боевых средств, оцениваются в 20 млн[137]. Как и всякие "круглые" цифры они легко запоминаются. В специальных работах приводятся самые различные цифровые данные.

Возьмем, например, прямые военные потери. В зависимости от степени поражения они бывают безвозвратными и возвратными (временными). Безвозвратные потери – убитые и умершие, пропавшие без вести, попавшие в плен, уволенные вследствие боевых поражений военнослужащие. Их диапазон применительно к первой мировой войне колеблется в пределах от 6,4 млн до 13 млн[138]. Официальные данные о безвозвратных потерях личного состава лишь российской армии колеблются в диапазоне от 643 613 (подсчет Ставки Главнокомандующего русской армии) до 3 млн (исчислено наркомвоенмором СССР М.В. Фрунзе)[139]. По последним расчетным данным военных историков, безвозвратные потери российской армии в войне 1914–1918 гг. составляют 2 254 369 человек[140]. В популярной литературе встречаются подчас фантастические цифры убитых в первой мировой войне – 59,42 млн[141]. Личный состав, который может быть возвращен в строй, относится к возвратным потерям. Данные об их численности в военной литературе также варьируются.

Такое разнообразие цифровых показателей объясняется сложностью проблемы. Один из крупнейших в России специалистов в области исторической демографии, академик Ю.А. Поляков неоднократно отмечал, что эта сложность в значительной степени объясняется состоянием источников. Ведь речь идет о времени ожесточенной войны. Война всегда усложняет работу статистиков, особенно в области учета народонаселения. Но первая мировая война отличалась еще и охватом огромных территорий. Через некоторые районы линия фронта проходила по нескольку раз, и только в редких случаях данное обстоятельство не сказывалось на сохранности документации. Это, во-первых, вело к физической утрате – преимущественно безвозвратной – имевшихся документальных данных и, во-вторых, затрудняло деятельность статистических органов. Отсюда и большое число примеров вопиющей статистической разноголосицы[142].

Другим осложняющим учет потерь фактором стали послевоенные территориальные изменения. Ведь обычно численность демографических потерь определяется после окончания войны с учетом вернувшихся из плена, умерших от ран и установления судьбы пропавших без вести. А после первой мировой войны на развалинах четырех империй образовались многочисленные национальные государства. Накануне и во время Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. они предоставляли непроверенные данные относительно географо-демографической характеристики той или иной территории, а иногда и сознательно искажали истину, стремясь предрешить

Таблица 1. Экстремальные данные о погибших во время первой мировой войны по различным источникам

Государства и блоки	Дата вступления в войну	Минимальные данные	Максимальные данные
Антанта		3 347 781	9 745 489
Сербия	28.07.1914	40 000	369 818
Россия	01.08.1914	646 000	5 350 000
Франция	03.08.1914	1 105 000	1 457 000
Бельгия	04.08.1914	14 000	267 000
Британская империя	04.08.1914	899 481	907 371
Черногория	05.08.1914	3 000	3 000
Япония	23.08.1914	300	2 000
Италия	23.05.1915	364 000	750 000
Португалия	09.03.1916	2 000	8 000
Румыния	27.08.1916	100 000	400 000
США	06.04.1917	40 000	133 000
Греция	29.06.1917	5 000	100 000
Четверной союз		2 571 000	4 493 000
Австро-Венгрия	28.07.1914	688 000	1 543 000
Германия	01.08.1914	1 600 000	2 049 000
Османская империя	29.10.1914	250 000	800 000
Болгария	14.10.1915	33 000	101 000
Итого		5 918 781	14 238 489

в свою пользу исход территориально-государственного размежевания, осуществляемого на конференции.

Необходимо также учесть многообразие методологических подходов к оценке демографических потерь. Одни исследования базируются на основе данных официальной статистики, точность которых во многом зависит от воздействия разного рода посторонних факторов, включая интересы защиты ведомственной "чести мундира" и намеренную дезинформацию вероятного противника. Подчас используются "нестандартные" расчетные показатели. Также применяют иные, в том числе и смешанные, методики подсчета потерь. Кроме того, исследователи учитывают те или иные категории потерь в самых различных комбинациях. В таблице 1 приведены цифры, характеризующие разброс параметров погибших военнослужащих в годы мировой войны[143].

Наибольшее число потерь в первом глобальном конфликте пришлось на ту часть вооруженных сил, которая непосредственно принимала участие в боевых действиях. Это – действующая армия. Ее состав постоянно изменялся. Безвозвратные потери военнослужащих подразделяются на боевые и небоевые.

Боевые безвозвратные потери включают убитых в бою, оказавшихся в плену, пропавших без вести по истечении шести месяцев после окончания войны, умерших от ран, контузий и увечий при частях и в госпиталях, в том числе ушедших из жизни инвалидов, демобилизованных со службы в годы войны, а также погибших от применения отравляющих газов. Сюда же относятся и погибшие (умершие) в результате происшествий и несчастных случаев, связанных с выполнением заданий командования на фронте и в тылу.

Небоевые безвозвратные потери включают умерших от болезней и по иного рода причинам – в результате различных инцидентов, самоубийств,

Таблица 2. Потери вооруженных сил (тыс. человек)

Государства и блоки	Мобилизовано в вооруженные силы	Всего потерь	В том числе:		
			безвозвратные		возвратные*
			боевые	небоевые	
Антанта	47 057	23 795,3	5 725,0	1 234,3	16 836
Сербия	800	568,0	175,0	123,0	270
Россия	15 798	15 798,0	2 854,6	447,2	12 496
Франция	8 410	2 650,0	1 186,0	212,1	1 252
Бельгия	380	93,0	36,0	3,0	54
Британская империя	9 496	1 436,0	777,0	136,0	523
Черногория	50	41,0	17,0	13,0	11
Япония	800	1,3	0,3	1,0	–
Италия	5 815	2 337,4	432,6	145,8	1 759
Португалия	100	9,0	6,0	1,0	2
Румыния	700	670,0	177,0	73,0	420
США	4 355	161,7	52,5	64,2	45
Греция	353	30,0	11,0	15,0	4
Четверной союз	26 300	10 234,8	3 176,0	966,8	6 092
Австро-Венгрия	9 000	4 088,0	1 000,0	204,0	2 884
Германия	13 400	3 861,3	1 796,0	242,3	1 823
Османская империя	3 000	2 086,0	318,0	493,0	1 275
Болгария	900	199,5	62,0	27,5	110
Итого	73 357	34 028,3	8 901,0	2 199,3	22 928

* Данная графа включает вернувшихся из плена, больных и раненых, демобилизованных и дезертиров, хотя каждая из этих категорий может быть отнесена к возвратным потерям лишь условно и частично.

убийств и т.д., а также погибших в плену и казненных по приговорам военных трибуналов. При этом имеется некоторая условность в установлении боевого или небоевого характера травм. Допустим, самоубийство, обычно относимое к небоевым потерям, может быть отнесено к боевым, если военнослужащий, попав в безвыходное положение и не желая сдаваться в плен, покончил с собой. Так, например, поступил 30 августа 1914 г. командующий 2-й российской армией генерал А.В. Самсонов, не переживший трагедию своих войск в районе Мазурских озер. В зависимости от состояния учета потерь в вооруженных силах той или иной страны к пропавшим без вести могут быть отнесены попавшие (взятые) в плен, дезертиры, убитые, отставшие от своих частей, оставшиеся на поле боя и оказавшиеся затем в лечебных учреждениях и др. В последнем случае эти военнослужащие, возвращаясь в строй после излечения, становятся одним из источников пополнения действующих армий. Военная статистика причисляет их к санитарным потерям, которые являются возвратными. На основании анализа имеющихся данных[144] составлены таблицы 2 и 3. В таблице 2 представлены устоявшиеся за последние 50 лет официальные данные, отражающие основные виды потерь вооруженных сил государств–участников мировой войны.

Всего в вооруженные силы государств–участников мировой войны было мобилизовано свыше 73 млн человек, включая 4-миллионную кадровую

армию и флот, 5 млн добровольцев, 50 млн запасных и 14 млн новобранцев и необученных из числа бывших “белобилетников”. Из этого числа на долю Антанты приходилось 47 млн 57 тыс. военнослужащих (64,1%), Четверного союза – 26 млн 300 тыс. (35,9%). К окончанию войны в составе действующих армий осталось 17 млн 177 тыс. военнослужащих, в том числе у стран Согласия – 10 млн 376 тыс. (60,4%), а у их противников – 6 млн 801 тыс. (39,6%). Российская армия к этому времени прекратила свое существование. К концу войны общие потери войск составили свыше 34 млн военнослужащих, из них около 24 млн пришлось на страны Антанты и свыше 10 млн на государства Четверного союза. В целом безвозвратные потери вооруженных сил составили 11 млн 102 тыс., что на 56 тыс. превышало количество погибших во всех войнах XVIII и XIX столетий. Общая численность боевых безвозвратных потерь достигла огромной величины – 8 млн 901 тыс. военнослужащих.

Столь большие потери в вооруженных силах, которые в 2,2 раза превосходят штатную численность (3 млн 979,5 тыс.)[145] кадровых предвоенных армий, объясняются, во-первых, масштабностью и длительностью ведения боевых действий. Впервые в мировой истории сплошная линия фронтов (4500 км) замкнула страны Четверного союза. Война велась крайне интенсивно на пределах возможности ведущих континентальных европейских и евроазиатских держав – Австро-Венгрии, Германии, Италии, России, Турции и Франции. Общая же численность задействованных вооруженных сил значительно превышала население, например, Германии. Во-вторых, в действующих армиях стали широко использоваться новейшие виды вооружений: многозарядные винтовки и пулеметы всех систем; скорострельная артиллерия всех видов, включая сверхтяжелые орудия, минометы; танки, бронеавтомобили и бронепоезда; истребительная и бомбардировочная авиация; отравляющие газы и огнеметы, разрывные пули и снаряды, а также новые, более мощные виды взрывчатых веществ, мин и гранат. На флот поступили новейшие виды линкоров, миноносцев и подводных лодок. Огневая мощь многократно возросла, многократно возросли и боевые потери личного состава. В-третьих, попытки вести боевые действия цивилизованно, согласно правилам ведения войны, зафиксированные Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., были сорваны. В бои высокой интенсивности на протяжении длительного времени оказались вовлеченными огромные массы вооруженных людей, перед которыми были поставлены конкретные боевые цели, и в этих условиях ни о каких правилах ведения войны, ограничивающих использование войск, говорить не приходилось. Процесс “массовой бойни” вышел из-под контроля командования и стал зачастую неуправляемым.В-четвертых, патриотический подъем в начале боевых действий по мере эскалации конфликта и ведения массированной военной пропаганды трансформировался в культ насилия. Это привело к резкой дегуманизации межличностных отношений, к полному обесцениванию человеческой жизни, ее стоимость оценивалась не выше винтовочного выстрела.

Говоря о российской армии, понесшей самые большие потери, должны быть приняты во внимание следующие моменты, характерные для многих армий феодально-буржуазного переходного типа. Во-первых, это – стародавняя традиция небережения живой силы. Во-вторых, низкий образовательный и культурный уровень нижних чинов, особенно выходцев из 100-миллионной массы патриархального крестьянства, воевавших по приказу

“царя-батюшки”. Как уже отмечалось в главе IX, у них просто отсутствовало понимание целей войны, которые не потрудились прояснить “верхи”. Поэтому после отречения императора Николая II и великого князя Михаила от престола вся эта масса тамбовских, псковских и других воинов-крестьян просто разошлась по домам и была исключена из списочного состава. Это уменьшило безвозвратные потери, но резко увеличило количество лиц, относимых нами к категории возвратных потерь. В-третьих, традиционный настрой кадровых офицеров-дворян на личный героизм, устарелые стратегия и тактика, которыми иногда руководствовался высший генералитет, приводили к неоправданным жертвам. В-четвертых, недостаток вооружения (“винтовочный, снарядный и патронный голод”), питания и обмундирования, который компенсировался дополнительным расходом солдатских жизней. В-пятых, весьма низкий уровень дисциплины и организованности. В-шестых, более высокий уровень коррупции, особенно среди тыловых и интендантских служб, чиновничий аппарат которых был больше озабочен собственными “шкурными” интересами, нежели исполнением своего служебного, воинского и гражданского долга по обеспечению армии всем необходимым. В-седьмых, демократизация армии и свободное ведение массированной революционной и пораженческой пропаганды в решающем 1917 г. лишали армию способности к организации как оборонительных, так и наступательных действий. Эти и многие другие факторы, взятые в совокупности, привели к очень высоким безвозвратным потерям личного состава, потере боеспособности и разложению русской армии в 1917 г.[146]

Боевые безвозвратные потери российской армии составили свыше 2,8 млн человек (32,1% от соответствующего показателя за все время войны и 49,8% от потерь Антанты). На втором месте – подобные потери главной державы Четверного союза Германии – 1 млн 796 тыс. Далее следуют потери французов – 1 млн 186 тыс. На четвертом и пятом месте потери Австро-Венгрии и Великобритании, соответственно 1 млн и 777 тыс. На долю остальных армий приходится 1 млн 287,4 тыс. боевых безвозвратных потерь.

Одной из тягот войны является плен. За годы первой мировой в плену оказалось около 8 млн солдат и более 200 тыс. мирных граждан. Это число превосходит общее количество военнопленных за весь учтенный предшествующий период времени (о котором имеется достоверная статистика) и более чем в полтора раза превышает численность кадровых армий всех стран мира накануне войны. В плену оказался каждый девятый от общей численности мобилизованных[147].

По официальным данным стран Четверного союза, пленных граждан стран Антанты насчитывалось 4,2 млн чел., в том числе 3,975 млн военнопленных. Из них: 2417 тыс. воинов российской армии; 600 тыс. итальянских граждан, включая 569 тыс. военнопленных; 537 тыс. граждан Франции, в том числе 506 тыс. пуалю; 240 тыс. сербов, включая 152 958 военных; 191 652 британских военнослужащих (томми); 150 тыс. румын, в том числе 80 тыс. солдат и офицеров; 46 тыс. бельгийцев, включая 34 659 военнослужащих; 12 318 португальских военнопленных; 11 тыс. черногорцев, включая 7 тыс. военных; 4526 американских и 1 тыс. греческих военнослужащих. Военнопленные стран Четверного союза исчислялись 3,9 млн человек (2,2 млн солдат Австро-Венгрии, 1 152 800 немцев, 479 тыс. турецких подданных, 78 тыс. болгар).

В российской армии были пленены 71 генерал, 629 штаб-офицеров, 5714 обер-офицеров, 6536 прапорщиков, 335 классных чинов, 591 врач, 52 священника, 2 403 072 нижних чина. Российская армия взяла в плен около 2 млн солдат, из них 159 390 немцев, 1 736 764 военнослужащих австро-венгерской армии, 64 509 турок и 670 болгар. Из этих пленных к 1917 г. были сформированы польский, чехословацкий и сербский легионы общей численностью 157 тыс. бойцов. В 1918 г. в рядах РККА и белых армий сражались 300 тыс. интернационалистов (среди них следует отметить, например, И. Броз Тито, И. Надя, Б. Куна) и 127 тыс. легионеров из числа бывших военнопленных. Немцы пленили 1 492 404 российских солдат, австрийцы – 916 746, турки – 5398, болгары – 2452. В Австро-Венгрии из военнопленных польской национальности были сформированы две бригады общей численностью 40 тыс. человек под командованием Ю. Пилсудского.

За 1914–1917 гг. из плена в Россию вернулись 715 тыс. инвалидов и бежали из плена 60 тыс. человек (в том числе будущий Верховный главнокомандующий русской армии генерал Л.Г. Корнилов), за 1918–1921 гг. возвратились 1142 тыс. военнопленных. Среди них был будущий маршал М.Н. Тухачевский, находившийся в плену вместе с Ш. де Голлем. Умерли в плену 190 тыс., в том числе 15 генералов, 209 штаб- и обер-офицеров, 130 прапорщиков. Кроме того, 215 тыс. бывших российских военнопленных вернулись в Польшу и в прибалтийские государства, а 95 тыс. остались в Европе.

Всего в плену умерли от ран, болезней, голода, погибли в результате самоубийств, несчастных случаев, расстреляны и замучены более полумиллиона человек, в том числе: граждан России 190 тыс., Сербии – 72 тыс., Австро-Венгрии – 70 тыс., Италии – 60 тыс., Германии – 56 тыс., Румынии – 40 тыс., Франции – 19 тыс., Турции и Британской империи – по 16 тыс., Черногории – 3 тыс., Бельгии и Болгарии – по 1 тыс., Португалии, Греции и США – в общей сложности 1 тыс.

Положение военнопленных и отношение к ним властей и населения страны, в которой они оказались при столь драматичных обстоятельствах, служат куда более надежным критерием духовного здоровья общества, его приверженности гуманистическим ценностям и идеалам, чем груды официальных публикаций и заявлений на этот счет. К сожалению, до сих пор это один из наименее изученных аспектов истории первой мировой войны, хотя в последнее время он привлекает все большее внимание исследователей[148]. В соответствии с требованиями Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. условия содержания военнопленных можно разделить на три группы. Военнопленные Германии, Франции, Великобритании обеспечивались в полном соответствии с нормами конвенций. Так, французские, британские, бельгийские, американские военнопленные в Германии снабжались из расчета соответствующих норм продовольственного, вещевого и финансового довольствия, которые превышали нормы обеспечения германских солдат в 1,5–2,5 раза. Военнопленным засчитывалась выслуга по службе, присваивались очередные звания и, кроме того, регулярно передавались посылки из дома по линии Красного Креста. Они не привлекались к работам, носили форму и знаки отличия в лагерях для военнопленных, которые располагались в бывших немецких казармах. Ко второй группе следует отнести военнопленных Австро-Венгрии, Болгарии, России, Италии, Греции, которые не в полной

мере получали соответствующее довольствие и были вынуждены заниматься работой в сельском хозяйстве, промышленности и на транспорте страны пребывания, что противоречило требованиям конвенций. Однако генералы и офицеры получали полное довольствие и не испытывали особых трудностей. К третьей группе относились военнопленные Турции, Румынии, Сербии и Черногории, которые влачили полуголодное существование, став заложниками военной, политической и финансовой несостоятельности своих правительств. Особенно плохими были условия содержания военнопленных в Турции. Они подвергались деспотическому и жестокому произволу со стороны военной администрации.

Безвозвратные потери гражданского населения включают: убитых в ходе боевых действий в прифронтовой полосе; гражданских жертв "подводной" войны, диверсий и несчастных случаев на оборонных объектах; погибших в результате репрессий военных и оккупационных властей и массового геноцида; умерших от голода и массовых эпидемий, а также насильственно угнанных противником.

В годы войны резко увеличились косвенные потери населения. Сокращение рождаемости и увеличение смертности обусловливались массовым отрывом мужчин в действующие армии, а также снижением уровня жизни населения. В отличие от потерь вооруженных сил учет гибели мирного населения был неполным. Особенно это касается государств Восточной Европы, Балкан и Ближнего Востока. В частности, в главе VII уже говорилось о неполных показателях числа жертв геноцида армян в Турции. В таблице 3

Таблица 3. Итоговые потери населения

Государства и блоки	Численность населения (млн человек)	Потери (в тыс. человек):	
		всего	прямые военные
Антанта	996,7	24 417	8 572
Сербия	4,5	560	410
Россия	185,2	14 106	4 106
Франция	95,1	3 546	1 546
Бельгия	22,7	310	50
Британская империя	440,5	1 963	963
Черногория	0,3	57	42
Япония	72,2	1	1
Италия	42,0	2 211	611
Португалия	15,0	57	7
Румыния	7,7	1 034	684
США	106,7	442	122
Греция	4,8	130	30
Четверной союз	160,0	17 943	7 143
Австро-Венгрия	52,8	5 004	1 604
Германия	77,2	7 038	2 038
Турция	25,2	4 611	3 411
Болгария	4,8	290	90
Другие страны:			
Албания	0,8	62	12
Иран	9,2	105	25
Итого	1 166,7	42 527	15 752

отражены основные виды демографических потерь всех реально воевавших государств-участниц в территориальных рамках на начало войны по всем категориям населения.

Как видно из таблицы 3, прямые военные потери населения, вызванные непосредственно войной, составили 15,7 млн человек. Это превышало численность населения таких крупных европейских государств, как Франция или Италия. Наибольшие потери понесли страны Антанты – более 24 млн (57,4%), государства Четверного союза не досчитались около 18 млн (42,2%). Россия лишилась свыше 14 млн человек, что составило около трети прямых и косвенных потерь в целом, или около двух третей потерь государств "Сердечного согласия". Образно говоря, численность населения России сократилась на величину, равную Португалии с ее колониальными владениями. На втором месте была Германия. Ее потери были в два раза меньше и составили 7 млн. Затем следуют Австро-Венгрия – 5 млн и Османская империя – 4,6 млн. Пятое и шестое места занимают Франция – 3,5 млн и Британская империя – 2 млн. Что же касается США, то они компенсировали свои потери в 442 тыс. человек за счет 2 млн 700 тыс. эмигрантов, получив в итоге прирост в 1 млн 258 тыс. человек. Это была единственная держава, выигравшая во всех отношениях, в том числе и в демографическом.

Общие потери военнослужащих составили 70,5%, гражданских лиц – 29,5%. Из них на долю Антанты приходилось 54,4%, Четверного союза – 45,6%. В относительных показателях – доле прямых потерь к общей численности населения в границах 1914 г. – максимальный процент имеют Черногория – 14,0, Турция – 13,5, Сербия – 9,1, Румыния – 8,8, Австро-Венгрия – 3,0, Германия – 2,6, Россия – 2,2. В целом этот показатель равнялся 1,4%, по странам Четверного союза – 4,5, по Антанте – 0,9%. Боевые действия проходили и на территориях нейтральных государств – Албании и Ирана. Соответственно, безвозвратные потери их населения составили 12 тыс. и 25 тыс. человек.

Всего зафиксировано 4 млн 650 тыс. безвозвратных потерь гражданского населения, в том числе 818 тыс. (17,6%) погибли в ходе боевых действий и в результате подводной войны. Жертвами массового террора стали 1 млн 693 тыс. (36,4%) человек. От голода и болезней погибли 2 млн 140 тыс. (46,0%), главным образом в турецкой Сирии (1 млн), Румынии (400 тыс.), прифронтовых районах России (386 тыс.), австрийской Галиции (263 тыс.). Кроме того, 1 млн 151 тыс. эмигрировали из-за последствий войны, главным образом из России (200 тыс. в 1916 г. после подавления восстания в Средней Азии) и Турции (350 тыс. армян и 600 тыс. греков).

Косвенные потери достигли 26 млн 775 тыс., что составило 63,0% от суммарных потерь. Это превышает население Османской империи в целом. Страны Антанты потеряли около 16 млн (59,2%), Четверной союз – около 11 млн (40,3%). Наибольшее число этих потерь пришлось на Россию – 10 млн (37,3%), Германию – 5 млн (18,7%), Австро-Венгрию – 4,4 млн (16,4%). Столь большое число косвенных потерь в России объясняется тем, что в армиях западноевропейских стран солдаты регулярно, не реже одного раза в квартал отправлялись в десятидневный отпуск, а их семьи получали специальные детские пособия. Эта политика позволяла сохранить довоенный уровень рождаемости. В российской армии отсутствовала практика регулярных отпусков для нижних чинов, а их семьи получали только один солдатский паек, вне зависимости от числа детей. В то же время российская армия была

самой многочисленной, а отрыв от дома 15 млн мужчин репродуктивного возраста непосредственно привел к значительному сокращению рождаемости. Падение жизненного уровня в военное время также способствовало увеличению бездетности. Наибольшее падение уровня жизни наблюдалось в странах Восточной и Центральной Европы, на Балканах и Ближнем Востоке. Эта ситуация осложнялась наличием большого подвижного театра боевых действий, хозяйственной разрухой, массовыми потоками мигрантов, беженцев, выселенцев, террором, конфискациями и контрибуциями военных и оккупационных властей, голодом и болезнями, развалом народного здравоохранения.

Своеобразным "двойным эхом" войны стала пандемия гриппа ("испанки") в 1918 г., которая унесла жизни 18,7 млн человек, т.е. на 2 млн больше, чем прямые потери за четыре года войны. До сих пор нет общепринятой точки зрения о причинах необычайно высокой летальности пандемии "испанки". Она охватила все страны, в том числе и не воевавшие. Наибольшие потери понесло население Британской Индии – около 13 млн человек, а также России – около 3 млн. Несомненно, что развал экономики, системы здравоохранения и гражданская война способствовали высокой смертности российского населения от пандемии гриппа.

После заключения Брест-Литовского договора со странами Четверного союза РСФСР формально вышла из мировой войны. Однако на ее территории разгорелся пожар широкомасштабного гражданского конфликта, целой серии локальных боевых действий и военных интервенций. Гражданская война 1917–1922 гг. обошлась российскому населению, по минимальным подсчетам, в 12 млн человек, более точные данные невозможно установить до сих пор[149].

В процентном отношении максимальные итоговые демографические потери населения составили для Османской империи – 22,4%, Черногории – 22,3, Румынии – 15,2, Сербии – 14,0, Австро-Венгрии – 12,8, Германии – 11,2, Франции – 8,8, России – 7,6%. Такова была итоговая "жатва скорби".

Прямые экономические потери слагаются из военных расходов государств–участников войны (186,3 млрд долл. США) и общего экономического ущерба, нанесенного военными действиями национальному богатству этих стран (815 млрд долл.)[150]. Военные расходы составили для Британской империи – 39,8 млрд. долл., Германии – 37,7 млрд, Франции – 24,2 млрд, России – 22,6 млрд, США – 22,6 млрд, Австро-Венгрии – 20,6 млрд, Италии – 12,4 млрд, Румынии – 1,6 млрд, Турции – 1,4 млрд, Бельгии – 1,2 млрд, Болгарии – 0,8 млрд, Сербии – 0,4 млрд, Греции – 0,3 млрд, прочих – 0,5 млрд. В целом экономический ущерб составил около 1 трлн американских долларов в ценах 1913 г. С учетом 15-кратного понижения стоимости доллара, это составит 15 трлн современных долларов США, что эквивалентно внутреннему валовому продукту США и Японии за 2000 г. Соединенные Штаты и Япония в результате войны существенно увеличили свое национальное богатство, поставляя вооружение и предоставляя военные займы. США из крупнейшего должника европейских стран стали ведущим мировым банкиром. Американское "просперити" 20-х годов было в большой степени обусловлено послевоенной разрухой в Европе. Франция и Великобритания в значительной части компенсировали свои экономические потери за счет побежденных стран. Наиболее невосполнимый ущерб, исчисляемый 60 млрд долл., понесла Россия.

Косвенный экономический ущерб оценивается по годам, т.е. по тому уровню экономического развития, которого достигла экономика в послевоенный восстановительный период. В целом, в Европе восстановление произошло к 1926–1928 гг. Таким образом, 12–14 лет для позитивного экономического развития континента были безнадежно потеряны[151]. В стоимостном выражении это составляет сумму около 4 трлн долл. в ценах 1913 г. Война вызвала крах золотомонетного стандарта, когда мир перешел на бумажные деньги с принудительным курсом и неизбежной инфляцией. Огромные средства были направлены не на мирные, а на военные цели, на производство средств уничтожения людей, ставшее ведущей отраслью экономики.

Промышленный переворот конца XIX – начала XX в. коренным образом преобразовал производство оружия. Мировая война 1914–1918 гг. закрепила этот процесс. Развитие военной промышленности шло по двум направлениям: 1) модернизация традиционного вооружения; 2) появление и наращивание новых видов военной техники. Наблюдался качественный переход на выпуск скорострельного, нарезного огнестрельного оружия. Вместо гладкоствольных ружей и пистолетов стали производиться автоматические самозарядные винтовки, карабины, автоматические пистолеты с емкостью магазина от 5 до 20 патронов и дальностью стрельбы от 50 до 3500 м. За годы войны число пулеметов всех систем увеличилось в 43 раза – с 25 тыс. до 1075 тыс. Пулеметы имели скорострельность 250–400 выстрелов в минуту и убойную дальность 1500–4500 м. Были использованы новые виды пуль: тяжелые, остроконечные, а также пули с неполной металлической оболочкой, так называемые "дум-дум", которые причиняли тяжкие телесные повреждения.

Основные потери на поле боя наносились преимущественно огнем артиллерии. Они составляли 75%, а от ружейно-пулеметного огня – всего 15–20%. В прошлых войнах процент потерь от огня артиллерии не превышал 20. Число орудий всех систем увеличилось в 8 раз: с 25 тыс. до 200 тыс. Появились новые виды артиллерии: зенитная (4 тыс.), минометная (18,1 тыс.) и сверхдальнобойная типа знаменитой немецкой "Большой Берты" (дальность стрельбы до 120 км, калибр до 500 мм, вес снаряда до полутора тонн). Боевой расход снарядов превысил их первоначальный запас в 43 раза – с 25 млн до 1075 млн, в том числе 46 млн артхимснарядов. Пороха и взрывчатых веществ было израсходовано около 5 млн тонн.

Дальнейшее развитие получили инженерные войска и войска связи. Широкое применение нашла дальняя телефонная связь, буквопечатающая телеграфная аппаратура. Радио стало важным средством управления войсками. Применение радио в свою очередь вызвало интенсивное развитие службы шифрования, кодирования и дешифрования[152].

Подводную войну первоначально вели 163 субмарины, вооруженные торпедами и артиллерией. Число подводных лодок увеличилось более чем в 4 раза и составило к концу войны 669. Было поставлено свыше 309 тыс. морских мин. В ходе войны появились антенные мины для борьбы с подводными лодками. К концу битвы за моря англичане создали донные мины с зарядом около 300 кг, снабженные магнитным взрывателем. Наряду с минным оружием грозным средством борьбы была торпеда. В конце войны появились новые носители торпедного оружия – торпедные катера и самолеты-торпедоносцы. Вместе с тем развивались приборы и методы торпедной

Пейзаж после битвы на окраинах Ипра

стрельбы. На морях было уничтожено 6 тыс. судов общим тоннажем 13,3 млн регистровых тонн, 1,6 тыс. боевых и вспомогательных кораблей. Погибли на морях около 84,4 тыс. человек.

Наиболее бурное развитие получила авиация: число самолетов возросло многократно – с 1,5 тыс. до 182 тыс. Существенно улучшились тактико-технические данные военно-воздушных сил, появилась бомбардировочная и истребительная авиация. Использовались дирижабли в качестве корректировщиков артиллерийского огня и для бомбометания. Так, 19 января 1915 г. германские “цеппелины” произвели первую бомбардировку Лондона. Объектом их атак стал и Париж. Широкое применение авиации на войне привело к *возникновению и развитию войсковой противовоздушной обороны*.

Автомобилизация породила новые виды вооруженных сил – танки, тяжелые бронемашины, броневики и бронемотоциклы, оснащенные артиллерией и крупнокалиберными пулеметами. Для взламывания траншейной обороны были использованы 9,2 тыс. танков. Представленный в 1911 г. проект танка британское военное командование отвергло как изобретение сумасшедшего. Вторично идея использования “наземных броненосцев” была предложена английским полковником сэром Э. Свинтоном в октябре 1914 г. Но она вновь была отвергнута военным министерством. И только при поддержке У. Черчилля в 1915 г. Свинтон наладил производство первых гусеничных бронемашин. В целях секретности он назвал их танками. К концу войны о танках говорили уже как о главной ударной силе союзников. Немцы создали оружие против танков – противотанковые ружья, артиллерию и мины. Милитаризация затронула и железнодорожный транспорт. Появились и активно действовали около 1,5 тыс. бронепоездов, броневагонов, бронедрезин и бронеплощадок, вооруженных артиллерией, пулеметами и стрелковым оружием.

Химизация породила новый вид оружия массового поражения – химическое. Немцы уже в октябре 1914 г. наладили производство артхимснарядов,

которые использовали на Восточном фронте 3 января 1915 г. Отравляющих веществ – иприта, фосгена, дифосгена, хлора, хлорпикрина и пр. – было произведено 150 тыс. т, в том числе в Германии – 68, Франции – 37, Британии – 26, США – 6, Австро-Венгрии – 5, Италии и России по 4 тыс. т. Боевой расход составил 110 тыс. т. Обеими сторонами были изобретены и использовались: артхимснаряды, химмины, газовые баллоны, химические бомбы, ручные и ружейные химгранаты, огнеметы. Подверглись различным формам химического поражения 1,2 млн солдат. Из них 91 тыс. погибли, а более полумиллиона стали инвалидами. Газовая атака у Ипра явилась началом массового применения химических средств борьбы воюющими государствами. Одновременно стали развиваться средства защиты и новый элемент боевого обеспечения – противохимическая защита войск. Уже в 1915 г. простейшие марлевые маски были заменены противогазами. Лучшим из них оказался угольный противогаз российского изобретателя Н.Д. Зелинского. Принцип его устройства лег в основу всех ныне существующих противогазов. Было изготовлено свыше 20 млн противогазов и еще 40 млн масок.

Огромный ущерб был нанесен окружающей среде, особенно в Бельгии и на севере Франции, где было разрушено свыше 500 тыс. домов. Много городов и деревень были частично или полностью превращены в развалины, равно как и большое число разнообразных инженерных сооружений (дорог, мостов и пр.). Большие площади до сих пор заражены продуктами химической войны, развязанной немцами в 1917 г. В целом экологии Европы был нанесен крупнейший за всю предшествующую мировую историю урон. Боевой расход снарядов и пуль составил соответственно 1 млрд и 50 млрд единиц. Общая линия траншей составила 40 тыс. км. На их возведение и обустройство было израсходовано огромное количество строительных материалов: 2 млн т стали, 6 млн т цемента, 30 млн куб. м лесоматериалов, 500 млн куб. м земли. На западном театре военных действий траншеи представляли солидные капитальные сооружения, достигавшие трех и пяти уровней, где были проложены 800 км узкоколейных железных дорог. Огромные площади были заняты под минные поля, где было установлено до 10 млн мин.

Из сельхозоборота были выведены 3 млн га земли, изрытой окопами, израненной разрывами бомб и артиллерийских снарядов, усеянной не разорвавшимися боеприпасами и т.д.[153] Леса погибли на общей площади 50 тыс. га. Их восстановление во Франции продолжалось 20 лет, в Бельгии – 50. В местах наиболее ожесточенных боев при рекультивации извлекали до 3 т железа с квадратного метра земли. 12 тыс. га земли, зараженной химическим оружием, капитальными остатками траншей, превращены в особые "земельные" кладбища. Военные кладбища периода первой мировой войны занимают площадь 1 тыс. га. Они до сих пор содержатся специальными подразделениями министерств обороны Франции, Бельгии, Германии, Великобритании и США. На дне Балтийского моря в стальных контейнерах захоронены остатки неиспользованного химического оружия. Их вес составляет 20 тыс. т. Срок службы контейнеров давно истек. Они могут в любой момент стать источниками экологической катастрофы морской флоры и фауны. Подводная война также внесла свою лепту в загрязнение мирового океана. В его воды попало 13 млн т грузов. В целом экологический ущерб в стоимостном выражении в ценах 2000 г. выража-

Развалины Нёв-Шапеля

ется огромной суммой в 200 млрд долл. Он включает в себя стоимость работ по рекультивации земель, восстановлению разрушенной инфраструктуры и экономические потери от выведенных из строя земель лесного фонда и сельхозугодий[154].

Однако никакие цифры не в состоянии передать тот урон, который понесли человечество, его вековая культура от стертых с лица земли шквальным огнем артиллерии и бомбардировками с воздуха в зоне боевых действий и далеко за линией фронта городов и селений, древних храмов и монастырей, замков и дворцов, дворцовых парков, сотен и тысяч художественных творений, не имеющих цены, собраний рукописей, музейных и частных коллекций. А что сказать о разрушенных коммуникациях всех видов, веками налаженных связях – деловых, культурных, научных, составлявших важнейший элемент инфраструктуры европейской цивилизации, великое ее достояние и преимущество перед тяготевшими к самоизоляции и хозяйственной автаркии народами других континентов? Европа была отброшена назад, страны отгораживались друг от друга частоколом взаимного недоверия, нестыкующимися транспортными артериями и культурным изоляционизмом.

Воюющие страны лишились лучшей части своего генофонда. В траншеях и концлагерях для военнопленных, в полевых лазаретах и в госпиталях в тылу погибли сотни и тысячи поэтов, художников, писателей, ученых и

музыкантов, уже вошедших в состав культурной элиты или готовых пополнить ее в будущем. Промышленность и сельское хозяйство лишились квалифицированных, умелых рабочих рук, способных на порядок ускорить прогресс в материальной сфере и обеспечить безбедное существование своим семьям.

Не меньшими были и моральные потери. Речь идет не только об ожесточении частной жизни, росте всех форм преступности и других социальных болезней. Трагедии войны, сделавшиеся основным горючим материалом для официальной пропаганды, надолго (если не навсегда) отравили историческое сознание народов, мешая верной самооценке и создавая труднейшие препятствия для неформального примирения народов и правительств, уничтожения невидимых барьеров и рвов, разделивших соседей и сожителей на ждущих своего часа мстительных и беспощадных неприятелей. Война унесла с собой веру человека в надежность, разумность миропорядка и в самого себя, в собственную самодостаточность и возможность оставаться в пределах сформировавшихся понятий политически независимым от властных структур.

1 *Куль Г., Дельбрюк Г.* Крушение германских наступательных операций 1918 г. М.,1935. С. 67.

2 *Зайончковский А.М.* Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 2. С. 175–183.

3 История первой мировой войны 1914–1918 / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 2. С. 408.

4 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 114.

5 Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов. М., 1968. Т. 1. С. 176–177.

6 Цит. по: *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 157.

7 Там же.

8 Там же. С. 116.

9 *Строков А.А.* История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма. М., 1967. С. 591.

10 *Фош Ф.* Воспоминания (война 1914–1918 гг.). М., 1939. С. 222.

11 *Турнэс Р.* Фош и победа союзников 1918 г. М., 1938. С. 30.

12 На бывшем Восточном фронте, на Балканах и в Турции в конце марта 1918 г. численность германских войск определялась в 1,5 млн человек.

13 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 440–442.

14 *Базаревский А.Х.* Мировая война 1914–1918 гг. М.; Л.,1927. Т. 1. С. 136–137.

15 *Капустин Н.Я.* Оперативное искусство в позиционной войне. М.; Л., 1927. С. 207.

16 *Иохим Т.* Подготовка германской армии к большому наступлению во Франции весной 1918 г. М., 1933. Вып. 4. С. 20.

17 *Строков А.А.* Указ. соч. С. 605–606.

18 *Виноградов К.Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 257.

19 *Бузанов Д.* Два примера оперативного взаимодействия военно-воздушных сил с наземными войсками (по опыту мировой войны 1918 г.). М., 1935. С. 27–28.

20 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 163.

21 *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 130.

22 *Залесский К.А.* Первая мировая война: Правители и военачальники. М., 2000. С. 298.

23 *Меликов В.А.* Стратегическое развертывание: (По опыту первой мировой империалистической войны 1914–1918 гг. и гражданской войны в СССР). М., 1939. Т. 1. С. 464.

24 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 168.
25 *Базаревский А.Х.* Указ. соч. С. 218.
26 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 173–174.
27 *Tucker S.C.* The Great War. Bloomington, 1998. P. 160–166.
28 *Гинденбург П.* Воспоминания. Пг., 1922. С. 75.
29 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 182.
30 *Брухмюллер Г.* Артиллерия при наступлении в позиционной войне. М., 1936. С. 111.
31 *Турнэс Р.* Указ. соч. С. 94.
32 *Базаревский А.Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 232.
33 *Фош Ф.* Указ. соч. С. 286.
34 *Турок В.М.* Очерки истории Австрии. 1918–1929. М., 1955. С. 72.
35 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 203.
36 *Штенгер А.* Переправа германцев через Марну. 1918 г. М., 1940. С. 20–21.
37 Контрнаступление Антанты на Западном фронте в 191 г. (18 июля–7 августа). М., 1936. С. 24, 26, 29–32.
38 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 480.
39 *Варфоломеев Н.Е.* Ударная армия: 1918 г. на Западном фронте мировой империалистической войны. М., 1933. С. 147.
40 *Базаревский А.Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 104.
41 *Фош Ф.* Указ. соч. С. 327.
42 Там же. С. 335.
43 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 233.
44 Тяжелые танки имели экипаж 8 человек, на вооружении две 57-мм пушки и 4 пулемета, лобовую броню 15 мм, бортовую – 10 мм, скорость хода до 10 км в час, вес в среднем 30 т, радиус (дальность) действия – 32–36 км.
45 *Бозе Т.* Катастрофа 8 августа 1918 г. М., 1936. С. 19.
46 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 487.
47 *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 33–34.
48 *Базаревский А.Х.* Указ. соч. Т. 2. С. 134.
49 *Бозе Т.* Указ. соч. С. 260–261.
50 *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 237.
51 *Куль Г., Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 67.
52 *Строков А.А.* Указ. соч. С. 494.
53 *Саджент К.Х.* Стратегия на Западном фронте (1914–1918 гг.) М., 1923. С. 71.
54 *Гершов З.М.* Военное сотрудничество США со странами Антанты // Первая мировая война 1914–1918 / Отв. ред. А.Л. Сидоров. М., 1968. С. 143.
55 *Фош Ф.* Указ. соч. С. 372–373.
56 *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1938. Т. 5. С. 20.
57 *Халачев Х.* Бунтът в 28 пехотен полк. София, 1949. С. 118–119, 135–164, 198.
58 *Турнэс Р.* Указ. соч. С. 167.
59 История на България. София, 1999. Т. 8. С. 312–313. В греческой историографии это сражение называется битвой при Скра.
60 *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1990. С. 197.
61 *Атанасов Щ., Христов Д., Чолпанов Б.* Българското военно изкуство през капитализма. София, 1959. С. 292.
62 *Опачић П.* Србија и Солунски фронт. Београд, 1984. С. 127–128.
63 Там же. С. 128.
64 *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 303.

65 Российская особая дивизия была расформирована еще в январе–феврале 1918 г. вследствие сильных революционных настроений солдат. См.: *Писарев Ю.А.* Антивоенное движение в русских войсках на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. М., 1966.С. 8–9.

66 *Опачић П.* Указ. соч. С. 157–158.

67 Там же. С. 250.

68 *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 256.

69 *Шкундин Г.Д.* Салоникское перемирие как пролог мирного договора с Болгарией // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 53–85.

70 *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. С. 312–315.

71 Известия ВЦИК. 1919. 23 апр.

72 *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1966. С. 262; *Кадишев А.Б.* Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960. С. 155.

73 *Pomiankowski J.* Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Zürich; Leipzig; Wien, 1928. S. 384.

74 См., напр.: *Черчилль У.* Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 278.

75 *Лудшувейт Е.Ф.* Указ. соч. С. 311–312; *Миллер А.Ф.* Краткая история Турции. М., 1948. С. 164.

76 *Турнэс Р.* Указ. соч.С. 178; см. также: За балканскими фронтами Первой мировой войны. Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2001. С. 346–381.

77 *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 11.

78 *Лэннинг М.* 100 великих полководцев. М., 1998. С. 474.

79 *Виллари Л.* Война на Итальянском фронте 1915–1918 гг. М., 1936.

80 Там же. С. 165–166.

81 *Корда А.* Мировая война: Операции на суше в 1918 г. М., 1924. С. 119.

82 *Виллари Л.* Указ. соч. С. 179.

83 *Arz A.* Zur Geschichte des Grossen Krieges 1914–1918. Graz, 1969. S. 335.

84 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 521.

85 *Виллари Л.* Указ. соч. С. 196–197.

86 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Suppl. I. Vol. 1. Wash., 1933 (далее – FRUS). P. 12–17. В переводе на русский яз. см.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. 2. С. 108–110.

87 *Шацилло В.К.* Расчет и безрассудство. М., 1998. С. 211–212.

88 *Гарднер Л.* Вильсоновское понятие "либеральной" политики... // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998 (далее – Пролог...). С. 321.

89 *Яковлев Н.Н.* Преступившие грань. М., 1971.

90 *Шацилло В.К.* Указ. соч. С. 231.

91 *Фоглесонг Д.* Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Пролог... С. 602.

92 *Мальков В.Л.* Кто "за" и кто "против". "Великие дебаты" в США по вопросу об интервенции против Советской России (новые документы) // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 175.

93 Пролог... С. 614. Слова Д. Фоглесонга.

94 *Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М.; Пг., 1923. С. 247–248

95 *Jaschke G., Pritsch E.* Die Turkei seit dem Weltkriege: Geschichtskalender 1918–1928. B., 1929. S. 131.

96 Изложение содержания перемирия см.: *Лудшувейт Е.Ф.* Указ. соч. С. 298–303.

97 FRUS. P. 368.

98 *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapell Hill, 1989. P. 316. См. также: *Исламов Т.М.* Австро-Вен-

грия в первой мировой войне: Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 43.

[99] Цит. по: *Рубинштейн Е.И.* Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963. С. 307.

[100] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 522.

[101] *Альдрованди Марескотти Л.* Дипломатическая война. М., 1944. С. 144.

[102] FRUS. P. 430.

[103] Ibid. P. 785; Istoria României în texte. Bucureşti, 2001. P. 280.

[104] *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 304–305.

[105] FRUS. P. 382.

[106] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1936. Т. VI. С. 172.

[107] *Weintraub S.* A Stillness Heard Round the World: The End of the Great World War. L., 1985. P. 43–66; *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. М.; Пг., 1923. С. 294 –305.

[108] История дипломатии. М., 1965. Т. 5. С. 118–119.

[109] Цит. по: Архив полковника Хауза. М., 1944. Т. IV. С. 172.

[110] FRUS. Conference of Washington and Casablanca. Wash., D.C. 1968. P. 611.

[111] Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 254.

[112] Там же. С. 378.

[113] *Mayer J.* Political Origins of the New Diplomacy. 1917–1918. New Haven, 1959. P. 371; см. также: *Фисанов В.П.* Вильсон против Ленина в Восточной Европе в 1917–1919 гг. // Первая мировая война: Страницы истории / Отв. ред. Ю. Макар. Черновцы, 1994. С. 114–132.

[114] *Barraclough G.* An Introduction to Contemporary History. Harmondsworth (England), 1967. P. 121.

[115] *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 394.

[116] *Илюхина Р.М.* Лига наций. М., 1982.

[117] *Фрейд З., Буллит У.* Томас Вудро Вильсон: Психологическое исследование. М., 1992. С. 242.

[118] Там же. С. 268.

[119] См.: *Unterberger B.M.* Op. cit.; *Foglesong D.S.* America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War 1917–1920. Chapel Hill, 1995.

[120] *Поздняков Э.А.* Геополитика и современность // XX век: Многообразие, противоречивость, целостность / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1996. С. 255.

[121] Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 136–186.

[122] Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 151–153.

[123] Неизвестная Россия: XX век. М., 1993. Т. III. С. 22.

[124] Там же. С. 14.

[125] Там же. С. 16.

[126] Там же. С. 17.

[127] Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 296.

[128] *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 373.

[129] *Фоглесонг Д.* Указ. соч. С. 602–626; *Мальков В.Л.* В Версале 80 лет назад // Международная жизнь. 1999. № 8. С. 90–97.

[130] *Вебер А.* Избранное. Кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 502.

[131] Архив полковника Хауза. Т. IV. С. 331.

[132] Там же. С. 352.

[133] Там же. С. 377.

[134] *Вебер А.* Указ. соч. С. 147–150.

[135] *Виноградов П.Г.* Правовой и политический аспекты Лиги наций (текст этого выступления, опубликованный в журнале "Russian Commonwelth", любезно передал автору А.В. Антощенко).

136 Военная энциклопедия: В 8-и т. М., 2002. Т. 6. С. 546–549.

137 История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 544, 545; Военная история Отечества с древних времен до наших дней. В 3-х т. / Отв. ред. В.А. Золотарев. М., 1994. Т. 2. С. 222.

138 *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. СПб., 1994. С. 375, 376.

139 Малая советская энциклопедия. М., 1930. Т. 5. Стлб. 264; *Фрунзе М.В.* Мировая война в итогах и цифрах // Собр. соч. в 3-х т. М., 1926–1929. Т. 2. С. 75–76.

140 Россия и СССР в войнах XX века: Стат. исследование / Отв. ред. Г.Ф. Кривошеев. М., 2001. С. 100. Указанные сведения не являются бесспорными. В последующем изложении автор оперирует данными, которые представляются ему наиболее достоверными.

141 *Грант Н.* Конфликты 20 века: Иллюстрированная история. М., 1995. С. 120.

142 См.: *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 14–15.

143 *Урланис Б.Ц.* Указ. соч. С. 374–377.

144 *Аврамов В.* Жертвы империалистической войны в России // Известия Наркомздрава, 1920. № 1/2. С. 39–42; *Жданов Н.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1920; *Кольцов Н.К.* Потери в составе населения Европы в годы мировой войны 1914–1917 гг. // Русский евгенический журнал, 1922. Т. 1; Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Пг., 1923. Вып. 1; *Павлович (Вельтман) М.* Итоги мировой войны. М., 1924; Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925; *Нахимсон (Спектатор) М.Я.* Мировое хозяйство до и после войны. М., 1926. Т. 2; *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930; Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934; *Де-Лазари А.* Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.: Пояснения к атласу схем. М., 1934; *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001; *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960; *Поляков Ю.А.* Указ. соч.; *Степанов А.И.* Россия, СССР в мировых войнах XX века // Россия XXI. 1994. № 11/12; Людские потери СССР в период второй мировой войны. СПб., 1995; *Степанов А.И., Уткин А.И.* Общие демографические потери населения России в гражданской войне 1917–1922 гг. // Из истории России: 20 век. М., 1996; Statistics of the Military Effort of the British Empire during the Great War 1914–1920. L., 1922; Statistishes Jahrbuch für das Deutsche Reich. B., 1921–1922; Medical Department of the World War. Vol. XV. P. II. Medical and Casualties Statistics. Wash., 1925; *Ayres L.P.* The War with Germany: A Statistical Summary. Wash., 1919; The Marshall Cavendisch Illustrated Encyclopedia of World War I / Ed. T. Dupuy. N.Y., 1994. P. 3546.

145 *Де-Лазари А.* Указ. соч. С. 22.

146 Российский военный сборник: Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. М., 1999. Вып. 15. С. 234, 242, 244, 342, 358; *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 267–270.

147 *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. С. 320–325; *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 832; *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 130–136; Россия и СССР в войнах XX века. С. 100, 102, 106; *Степанов А.И.* Динамика геополитического статуса российского государства (1914–1919 гг.). М., 2001. С. 93, 95, 96.

148 См., например: *Abbal O.* Les prisonniers de la grande guerre // Guerres mondiales et conflits contemporains. P., 1987. N 147. P. 5–30; *Ревякин А.В.* "Этническое оружие" Антанты (Союзное командование и военнопленные противника в годы первой мировой войны) // Первая мировая война: страницы истории / Отв. ред. Ю. Макар. Черновцы, 1994. С. 61–74; WWI and the XX Century: Acts of the International Conference of Historians. Moscow, 24–26 May, 1994. M., 1995. P. 172–175, 187–193.

[149] См. подробнее: *Данилов В.* За что погибли шестнадцать миллионов россиян? // Юность. 1990. № 10. С. 19; *Бернштам М.* Стороны в гражданской войне 1917–1922 гг. М., 1993; *Степанов А.И., Уткин А.И.* Указ. соч., и др.

[150] Советская историческая энциклопедия (СИЭ). М., 1967. Т. 10. Стлб. 999; The Marshall Cavendish illustrated encyclopedia of WWI. N.Y., 1984. Index. P. 3546; *Степанов А.И.* Россия, СССР в мировых войнах XX века. С. 92.

[151] *Нахимсон М.* Мировое хозяйство до и после войны. М., 1926. Т. 2. С. 183; *Букшпан Я.М.* Военно-хозяйственная политика. М.; Л., 1929. С. 42, 43, 56–58.

[152] История первой мировой войны 1914–1918. Т. 2. С. 546–547.

[153] *Becker J.-J.* L'Europe dans la grande guerre. P., 1996. P. 245, 255.

[154] Мировая война в цифрах. С. 31, 33, 35, 36; СИЭ. Т. 10. Стлб. 999, 1000; *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 200, 208, 220, 223; Warfare: A Chronological History / Ed. R. Cross. N.Y., 1991. P.170, 181, 186, 189.

Заключение. Первая мировая война: взгляд сквозь годы

Современные поколения живут в атмосфере стремительно удаляющихся в прошлое, еще недавно казавшихся неизменными, актуальными и живыми систем международных отношений и целого мира социальных институтов, политических приоритетов и ценностных ориентиров. Они во многих случаях полностью отторгают либо критически переосмысливают идеологии и концепции, занимавшие еще недавно важнейшее место в формировании мировосприятия нескольких поколений, творивших XX век и испытывавших на себе его драматические и трагические коллизии.

Однако преодоление прошлого, тем более если оно касалось судьбы многих народов и ведущих центров цивилизации, вещь весьма непростая и даже коварная. Еще в 70–80-е годы завершившегося столетия казалось, что первая мировая война стала историческим артефактом, предметом школьного изучения и утративших всякое практическое значение академических исследований. Но уже в 90-е годы вслед за окончанием "холодной войны", крушением лагеря социализма, распадом СССР и первыми признаками нарушения всеобщего равновесия вновь обострились многие геополитические, цивилизационные и общественно-политические проблемы, истоки которых либо уходят к временам генезиса первой мировой войны, либо обусловлены ее особенностями, итогами и долговременными последствиями. Острота затяжного югославского кризиса и трансформации в Центральной и Восточной Европе вслед за падением Берлинской стены инициировали новый тур дискуссий об особенностях становления и эволюции национальных государств в этом беспокойном регионе Европы, о роли внешнего фактора в судьбах народов, а также общественных структур, политических режимов и движений, обязанных войне своим возникновением. Крушение биполярного мира заставило по-новому увидеть самые отдаленные его предпосылки и предвестники, равно как и зарождение достигшего высокого накала в связи с войной 1914–1918 гг. противостояния либерализма и социализма, революции и контрреволюции, демократии и тоталитаризма. Современный этап глобализации и качественно новая фаза европейской интеграции в свою очередь актуализируют изучение ранних проектов Соединенных Штатов Европы и мирового правительства, перестройки мирохозяйственных связей, регулирования рынка финансов и труда, анализ прав наций на суверенное развитие в контексте идей творцов Версаля и их оппонентов. Повышенный интерес вновь вызывает и первый опыт осуществления системы международной безопасности под эгидой рожденной Версалем Лиги наций со

всеми ее плюсами и минусами, достижениями и пороками. Сегодня общепризнанно, что стремление к ее ревизии оказалось столь же пагубным, как и неучастие в ее работе с самого начала ряда ведущих стран – США, России, Германии.

Соответственно утверждается осознание роли первой мировой войны как своеобразного Пандориного ларца. Из него обрушились на мир терзавшие человечество едва ли не целый век демоны национализма и гегемонизма. Они создали исторические предпосылки для широкого тиражирования и внедрения в политическую практику различных форм насилия – военно-политического, сориентированного на мировое господство, классового, национального, расового, религиозного и не в последнюю очередь индивидуального. Был также дан простор замешанному на волюнтаризме и популизме социальному прожектерству и мифотворчеству, в немалой степени способствовавшим дискредитации и девальвации гуманистических ценностей социалистического идеала.

Именно поэтому все чаще современные исследователи склонны усматривать в событиях 1914–1918 гг. подлинное начало XX столетия. Признано, таким образом, что первая мировая война составляет важную веху в современной мировой истории, равно как и в национальных историях испытавших на себе ее воздействие стран. Она принесла разрушения и гибель миллионов людей, но она также выступила в роли генератора радикальных трансформаций в общественной жизни, в политике и экономике. Они далеко еще себя не исчерпали. Испытания войной ускорили кризис и отмирание изживших себя традиционалистских структур и полуфеодальных порядков. Был обеспечен переход к индустриализму. Перед периферийными зонами европейского континента, а также перед колониальными и зависимыми странами встала проблема преодоления отсталости на путях "догоняющей модернизации" со всеми издержками и перекосами такой модели развития. Историю русской революции 1917 г. следует рассматривать именно в этом контексте.

Первая мировая война и связанные с ней политические и социальные катаклизмы (поражение Центральных держав и отлучение Германии и России от мирового сообщества, военная разруха, рост политической и социальной нестабильности во многих странах и регионах земного шара, революции и гражданские войны) обусловили многие геополитические смещения и подвижки. И среди них первыми должны быть названы создание предпосылок и весьма болезненные проявления процесса утраты европейским континентом сохранявшихся им на протяжении нескольких веков ведущих позиций в мировой политике и экономике и начало возвышения в качестве мирового лидера Соединенных Штатов Америки, сделавших уже в 20-е годы амбициозную заявку на превращение XX века в "американский век".

Следствием этого стал кризис "европоцентризма", а с ним и целого мира ценностей, приоритетов, политических стереотипов, сформировавшихся на протяжении XVII–XIX вв., выросших на базе представлений о преимуществах и универсальности европейской цивилизации как главного источника и двигателя прогресса. Оказалось, что в сопоставлении с высокой жизнеспособностью и приспособляемостью к меняющимся обстоятельствам сплава новейшего индустриализма и американской версии национального консенсуса европейская модель явно проигрывала, демонстрируя свою перегруженность национальными и социальными проблемами, вечное противоре-

чие между конфликтным прошлым и непредсказуемым будущим, проявляя разброд и опасную склонность к ультрарадикальным приемам и решениям, на базе которых выросли различные разновидности новейшего бонапартизма и тоталитаризма вплоть до самых крайних, фашистских. По замечанию видного французского историка Ф. Фюре, межвоенный период вместе с обрамлявшими его двумя мировыми войнами привнес в европейскую жизнь помимо всего прочего в качестве постоянного спутника феномен гражданской войны с ее культом братоубийственной вражды и презрения к толерантности.

И до первой мировой войны Европа пользовалась репутацией (в интерпретации консерваторов, прежде всего) источника революционной смуты и нестабильности. Теперь же эта репутация была подтверждена тем, что большевистская Россия, часть Европы, хотя и отлученная от нее массированной антикоммунистической пропагандой и "санитарным кордоном", поставила вновь на повестку дня, казалось бы, уже дезавуированный временем и выстроенной капитализмом системой мировосприятия лозунг 1789 г. – "свобода, равенство и братство". Более того, будучи евразийской державой, она, приступив к модернизации своих национальных окраин, объективно вслед за испытаниями мировой войны и послевоенного мира способствовала расшатыванию старой мировой системы, все еще сохранявшей во многом колониалистский характер. Большевистская Россия и конкретным примером, и целенаправленными действиями активизировала борьбу народов Востока и мировой периферии в целом за реализацию национально-освободительных, антиколониальных задач, преодоление отсталости, избавление от замкнутости и застоя, характерных для традиционалистских обществ. Таким образом, при всех своих тоталитарных издержках и романтически-уравнительных крайностях советская страна содействовала втягиванию колониальных и полуколониальных народов в борьбу за превращение их в равноправных субъектов мировой политики. Весьма ощутимым было ее прямое и косвенное влияние и на ускорение социального реформирования в развитых странах, извлекших для себя урок из военных потрясений и политики радикальных преобразований, провозглашенной Октябрем 1917 г. Великая депрессия 30-х годов заставила признать этот факт безоговорочно.

В своей трагической противоречивости первая мировая война стала событием первостепенного интернационального значения, по-новому поставив вопрос о сожительстве государств и народов в международно-правовом плане. Она разрушила изолированность многих стран и континентов, укрепила контакты между ними и резко повысила роль международных форумов и организаций, символизирующих и оформляющих взаимосвязь и взаимозависимость стран и народов. В связи с этим закономерны и сдвиги в иерархии факторов общественного развития. Если до 1914–1918 гг. в развитии общества преобладали факторы, свидетельствовавшие о примате внутренней политики над внешней, то уже в межвоенный период международные события начали оказывать все большее воздействие на внутриполитические процессы и на всю обстановку внутри различных стран, особенно тех из них, которые оказывались в эпицентре международных конфликтов или были втянуты в них в силу своего геополитического положения.

Череда революций, потрясших мир в ходе самой войны, была в определенном смысле порождена более универсальным явлением – пробуждением

масс, социальных низов, возрастанием масштабов их самодеятельности и правотворчества. Стали писать и говорить о "восстании масс". Под влиянием политических и социальных потрясений военных лет, концентрации людских масс на фронтах и в индустриальных центрах, миграционных процессов возник феномен толпы. Следствием этого оказались два взаимосвязанных между собой явления – "массовая демократия" и "тоталитаризм". Их природа не изучена до конца и продолжает вызывать дискуссии обществоведов. Обрели влияние (в современной России мы наблюдаем их возрождение) "элитарные" концепции консервативных социологов 20–30-х годов – последователей Ф. Ницше (М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гасет и др.), проникнутые пренебрежением к человеку "с улицы", презрением к "господству посредственностей" и вере в равенство, в свое время сыгравшие немалую роль в формировании тоталитаристских концепций.

В свою очередь представители другой школы социологов (П. Сорокин) и деятели социал-демократии левой ориентации (в прошлом это О. Бауэр, Ф. Дан и др.), обращаясь, в частности, к анализу большевизма, рассматривали его как феномен, обусловленный вторжением в политическую жизнь отстраненных от нее ранее, неорганизованных либо социализированных в ходе самой войны народных масс, чьи высокие устремления, увы, оказывались часто экстремистски искажены. По существу, в этой острейшей дискуссии проявилась дилемма XX века, суть которой в различии взглядов на средства и пути адаптации широчайших масс к современной цивилизации, ее структурам, культурным достижениям и приоритетам, наконец, плодам индустриализма, на способы привнесения договорно-правовых начал, правового самосознания, демократических принципов и процедур в мировую политику. В дискуссии отражена была и трудность соединения, синтеза, казалось бы, противоречащих друг другу принципов естественных прав личности, индивида с общественными и общечеловеческими интересами, учитывая многообразие и сложность современной цивилизации. Вставший во весь рост в 1914–1918 гг. национальный вопрос и этнокультурный сепаратизм только усиливали противоречивость ситуации в целом. Война, вопреки всем прогнозам, расчетам и надеждам, не дала ответа на эти вопросы, переадресовав их будущему.

Вообще человечество не поднялось до самокритичной переоценки своего поведения, подводя итоги войны в Версале и в последовавший за ним период. Если и можно говорить об усвоении уроков войны 1914–1918 гг., то в реальной действительности оно выразилось лишь в осознании хрупкости нашей цивилизации и необходимости предупреждения и предотвращения действий, способных ее разрушить. Символом такого понимания стала деятельность Лиги наций и пришедшей ей на смену ООН. Это не стало гарантией устранения войны как средства мировой политики и решения споров в межгосударственных отношениях, тем не менее даже относительные достижения на этом пути означали большой шаг вперед в признании неделимости мира и по крайней мере теоретической согласуемости интересов членов мирового сообщества.

Библиография

Сборники документов и материалов

Брест-Литовская конференция. Заседания экономической и правовой комиссий. М., 1923.
Буржуазия и помещики в 1917 г.: Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена. М.; Л., 1932.
Варшавско-Ивангородская операция: Сб. документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1938.
Восточно-Прусская операция: Сб. документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1939.
Геноцид армян в Османской империи: Сб. документов и материалов / Под ред. М.Г. Нерсисяна. Ереван, 1982.
Горлицкая операция (сб. документов мировой империалистической войны на русском фронте). М., 1941.
Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны: По секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1922.
Интернационал и мировая война. Пг., 1919.
Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925–1926. Ч. 1–2.
Константинополь и Проливы: По секретным документам бывшего министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1925–1926. Т. 1–2.
Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны: Сб. документов. М., 1965.
Кто должник? (Сб. ст. по вопр. об отношениях между Россией, Францией и др. державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции) / Под ред. А.Г. Шляпникова. М., 1926.
Литература русского зарубежья. Антология / Сост. В.В. Лавров. М., 1990. Т. I.
Лодзинская операция: Сб. документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1936.
Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг.: Сб. секретных дипломатических документов бывшего императорского российского Министерства иностранных дел / Отв. ред. Р. Маршан. М., 1922.
Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (МОЭИ). 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. М., 1938–1940. Т. 18–20; Серия 3. 1914–1917. М., 1931–1938. Т. 1–10.
Меньшевики в 1917 году / Под ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994–1997. Т. 1–3.
Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 1999.
Мирные переговоры в Брест-Литовске / Под ред. А.А. Иоффе. М., 1920. Т. 1.
Мировая война в цифрах. М.; Л., 1934.

Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 года: Сб. документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1940.
Падение царского режима. Стенограф. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1924–1927. Т. I–VII.
Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. / Публ. подг. С.А. Пашуканис. М.; Пг., 1922.
Правые партии: Документы и материалы 1905–1917 гг. / Сост. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. Т. 1–2.
Раздел Азиатской Турции. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. М., 1924.
Разложение армии в 1917 г. / Публ. подг. Н.Е. Какурин. М.; Л., 1925.
Розен Р.Р. Европейская политика России: Документальный меморандум, составленный летом 1912 г. Пг., 1917.
Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (В цифрах). М., 1925.
Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 гг.: Документы / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 1999.
Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы / Отв. сост. И.И. Басик. М., 1998–2001. Т. 1–2.
Русско-китайские отношения 1689–1916: Официальные документы. М., 1959.
Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Сост. Э.Д. Гримм. М., 1927.
Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / Сост. Е.А. Адамов и И.В. Козьменко. М., 1952.
Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Пг., 1917–1918. Вып. 1–7.
Семенников В.П. Монархия перед крушением. 1914–1917: Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927.
Совет Министров Российской империи в годы первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / Публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина, М.Ф. Флоринского. СПб., 1999.
Февральская революция 1917 года: Сб. документов и материалов / Сост. О.А. Шашкова. М., 1996.
Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М.; Л., 1957–1961. Ч. 1–3.

Велика Українська революція (Матеріали до історії відновлення укр. державності): Календар іст. подій за лют. 1917 р. – берез. 1918 р. / Упоряд. Я. Зозуля. Нью-Йорк, 1967.
Велики рат Србије за ослобођење и уједињење срба, хрвата и словенаца. Београд, 1924–1937. Књ. 1–32.
Дипломатически документи по намесата на България в Европейската война. София, 1920–1921. Т. 1–2.
Дипломатска преписка српске владе 1917 год.: Збирка докумената / Приред. М. Зечевић, М. Милошевић. Београд, 1993.
Доклад от парламентарната изпитателна комисия за анкетиране на бившия кабинет Ал. Малинов-Костурков. София, 1923.
Записници седница министарског савета Србије 1915–1918 / Приред. Д. Јанковић и Б. Храбак. Београд, 1976.
Обвинителен акт против бившите министри от кабинета на д-р В. Радославов през 1913–1918 г. София, 1921.
Поповић Н. Југословенски добровољци 1914–1918: Зборник докумената. Београд, 1980.

Преписка српских социјалиста у току првог светског рата / Приред. В. Лапчевић и Т. Миленковић. Београд, 1979.

Протоколи на съдебните заседания на Държавния съд по углавното дело № 1 от 1921 г. против бившите министри от кабинета на д-р В. Радославов през 1913–1918 г. София, 1921. Св. I–III.

Раденић А. Аустро-Угарска и Србија 1903–1918: Документи из бечких архива. Београд, 1980.

L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale: Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires étrangères / Pub. et annotés par A. Scherer et J. Grunewald. P., 1962–1978. T. 1–4.

Les armées françaises dans la grande guerre. Service Historique de l'Etat-major français. P., 1922–1939. T. I–VIII.

British Documents on the Origins of the War. 1898–1914 / Ed. by G. Gooch and H. Temperley. L., 1926–1938. Vol. 1–11.

Cosmin S. Dossiers secrets de la Triple Entente: Grèce 1914–1922. P., 1970.

Cumming C.K., Pettit W. Russian-American Relations March 1917 – March 1920: Documents and Papers. N.Y., 1920.

Dal'Isonzo al Piave (24 ottobre – 9 novembre 1917). Pulazione della Commissione di inchiesta. Roma, 1954. Vol. 1–3.

The Deliberations of the Council of Four (March 24–June 28, 1919): Notes of the Official Interpreter Paul Mountoux / Ed. by A.S. Link. Princeton, 1992. Vol. 1–2.

Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Charlottenburg, 1919. Bd. 1–4.

Diplomatic Correspondence between the United States and Germany. 1914–1917 / Ed. by J. Scott. Wash., D.C., 1918.

I documenti diplomatici italiani. Quinta ser. 1914–1918. Vol. I– . Roma, 1952– .

Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca / Sabr. F. Šišić. Zagreb, 1920.

Documents diplomatiques français (1871–1914): Ministère des affaires étrangères. Commission de publication des documents relatifs aux origines de la guerre de 1914. Ser. 1. (1871–1900). P., 1929–1959. T. 1–16; Ser. 2 (1901–1911). P., 1931–1955. T. 1–14; Ser. 3 (1911–1914). P., 1929–1936. T. 1–11.

Grada o stvaranju jugoslovenske države (1.I–20.XII 1918) / Prired. D. Janković, B. Krizman. Beograd, 1964. D. I–II.

Die Große Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. B., 1922–1928. Bd. 1–40.

Julikrise und Kriegsausbruch 1914. Eine Dokumentensammlung / Hrsg. von I. Geiss. Hannover; München, 1963–1965. Bd. 1–2.

Kumaniecki K. Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty. 1912–styczeń 1924. Warszawa; Kraków, 1924.

Libro verde sui negoziati diretti fra il governo italiano e il governo jugoslavo per la pace Adriatica. Roma, 1921.

1918 la români: Desăvârşirea unităţii naţional–statale a poporului român. Bucureşti, 1983–1984. Vol. 1–3.

Official German Documents Relating the World War. N.Y., 1923.

Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914: Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch–Ungarischen Ministerium des Äussern / Hrsg. von L. Bittner und H. Uebersberger. Wien, 1930. Bd. 1–9.

The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link. Princeton (N.J.), 1979–1984. Vol. 30–45.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: The Paris Peace Conference 1919. Wash., D.C., 1942–1947. Vol. 1–13.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: The World War . Supplements. Wash., D.C., 1928–1934. Vol. 1–8.

Papers Relating to the Foreign Affairs of the United States. The Lancing Papers. 1914–1920. Wash., D.C., 1939–1940. Vol. 1–2.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Wash., D.C., 1931–1932. Vol. 1–3.
Petrescu-Comnene N. The Great War and the Romanians: Notes and Documents on World War I. Portland, 2000.
Powstanie II Rzeczy Pospolitei: Wybór dokumentów 1866–1925 / Red. H. Janowska, T. Jędruszczak. Warszawa, 1984.
Protokolle des gemeinsamen Ministerrates des Österreich–Ungarische Monarchie (1914–1918) / Hrsg. von M. Komjáthy. Budapest, 1966.
Russia and Germany at Brest-Litovsk: A Documentary History of the Peace Negotiations / Ed. by J. Magnes. N.Y., 1919.
Salcă H., Salvan F. Dr. Alexandru Vaida Voevod, corespondenţa 1918–1919. Braşov, 2001.
Sprawy Polskie na Konferencji pokojowei w Paryżu w 1919: Dokumenty i materiały / Red. R. Bierzanek, J. Kukułka. Warszawa, 1965–1968. T. I–III.
Weltherrschaft im Visier. Dokumente / Hrsg. und eingeleitet von W. Schumann und L. Nesler. B., 1975.
Der Friedensappell Papst Benedikt XV vom 1. August 1917 und die Mittelmächte. Diplomatische Aktenstücke des deutsche auswärtigen Amts, des Bayerischen Staatsministeriums des Äussern und des Britischen auswärtigen Amts aus dem Jahren 1915–1922 / Hrsg. von W. Steglich. Wiesbaden, 1970.
Wilson W. War and Peace: Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917–1924) / Ed. by R.S. Baker, W.E. Dodd. N.Y., 1970. Vol. 1.
Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na mirovnoj konferenciji u Parizu 1919–1920 / Prired. B. Krizman, B. Hrabak. Beograd, 1960.

Мемуары, дневники, биографии

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993.
Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М., 1991.
Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914–1919 гг). М., 1944.
Архив полковника Хауза (дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914–1919 гг.) / Подг. Ч. Сеймуром. Пер. с англ. М., 1937–1944. Т. I–IV.
Бекер С. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир / Пер. с англ. М.; Пг., 1923.
Берберова Н.Н. Железная женщина: Документальный роман. М., 1991.
Берти Ф. За кулисами Антанты: Дневник британского посла в Париже, 1917–1919 / Пер. с англ. М.; Л., 1927.
Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне / Пер. с нем. М.; Пг., 1923.
Боханов А.Н. Николай II . М., 1997.
Бубнов А.Д. В царской Ставке. СПб., 1995.
Бюлов Б. Воспоминания / Пер. с нем. М.; Л., 1935.
Вильгельм II. Мемуары. События и люди 1878–1918 / Пер. с нем. М.; Пг., 1923.
Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.
Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / Пер. с англ. М., 1991.
Вернадский Г. Ленин – красный диктатор / Пер. с англ. М., 1998.
Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.
Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.
Врангель Н.Н. Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001.
Гельферих К. Накануне мировой войны / Пер. с нем. М., 1924.
Гиппиус З. Петербургские дневники (1914–1919). Нью-Йорк, 1982.

Гофман М. Записки и дневники. 1914–1918. Л., 1929.
Григорович И.К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993.
Давидсон А.Б. Николай Гумилев: Поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001.
Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.
Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990.
Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1–2.
Дневники императора Николая II. М., 1991.
Ершов С.Ф. Страницы прошлого: Записки старого солдата. Л., 1962.
Жоффр Ж. 1914–1915: Подготовка войны и ведение операций / Пер. с франц. М., 1923.
Залеский К.А. Первая мировая война // Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
Записки германского кронпринца / Пер. с нем. М.; Пг., 1923.
Записки Джемал-паши. 1913–1919 / Пер. с турецк. Тифлис, 1923.
Игнатьев А.А. 50 лет в строю. М., 1959. Т. 1–2.
Игнатьев П.А. Моя миссия в Париже / Сост.: В.А. Авдеев, В.Н. Карпов. Пер. с франц. М., 1999.
Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989.
Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996.
Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919. М., 1992. Кн. 1–2.
Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы: Воспоминания и дневники. М., 1994.
Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928): Дневники, письма, воспоминания. М., 2000.
Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920.
Леттов-Форбек О. Мои воспоминания о Восточной Африке / Пер. с нем. М., 1927.
Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера: Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993.
Лихарев Д.В. Адмирал Дэвид Битти: История британского флота в конце XIX – начале XX в. СПб., 1997.
Лихновский К. Моя миссия в Лондоне. 1912–1914 / Пер. с нем. М., 1949.
Ллойд Джордж Д. Военные мемуары / Пер. с англ. М., 1934–1938. Т. I–VI.
Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах / Пер. с англ. М., 1957. Т. 1–2.
Локкарт Р.Б. История изнутри: Мемуары британского агента / Пер. с англ. М., 1991.
Лоуренс Т. Восстание в пустыне / Пер. с англ.М.; Л., 1929.
Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. / Пер. с нем. М., 1923–1924. Т. 1–2.
Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1984.
Милан Растислав Штефаник: Новый взгляд / Отв. ред. В.К. Волков. Мартин, 2001.
Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
Михайловский Г.Н. Записки из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. I–II.
Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
Николай II и великие князья: Родственные письма к последнему царю / Под ред. В.П. Семенникова. М.; Л., 1925.
Никольсон Г. Как делался мир в 1919 / Пер. с англ. М., 1945.
Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / Пер. с франц. М., 1991.
Палеолог М. Царская Россия накануне революции / Пер. с франц. М., 1991.
Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников / Сост. Р.М. Португальский, П.Д. Алексеев, В.А. Рунов. М., 1994.
Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983.
Пуанкаре Р. На службе Франции / Пер. с франц. М., 1936. Т. 1–2.

Пурталес Ф. Между миром и войной: Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 г. / Пер. с нем. Пг., 1923.
Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.
Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.
Солдатские письма 1917 года / Публ. подг. О.Н. Чаадаева. М.; Л., 1927.
Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992.
Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991.
Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991–1992. Т. I–III (кн. 1–7).
Сухомлинов В.А. Воспоминания. М.; Л., 1926.
Тардье А. Мир / Пер. с франц. М., 1943.
Тирпиц А. Воспоминания / Пер. с нем. М., 1957.
Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1991.
Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия в 1914–1917 гг.: Война на Балканах. Монреаль, 1983.
Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов: Судьба русского марксиста. М., 1997.
Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях / Пер. с нем. М., 1923.
Фош Ф. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1939.
Хилл Дж. Моя шпионская жизнь / Пер. с франц. / Общ. ред. В.А. Авдеева, В.В. Марковчина. М., 2000.
Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1–2.
Чернин О. В дни мировой войны / Пер. с нем. М.; Пг., 1923.
Шеер Р. Германский флот в мировую войну: Воспоминания / Пер. с нем. М.; Л., 1940.
Шейдеман Ф. Крушение Германской империи / Пер. с нем. М.; Пг., 1923.
Шульгин В.В. Воспоминания. 1917–1918. СПб., 1994.
Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936 / Пер. с франц. М., 1958.
Эрцбергер М. Германия и Антанта / Пер. с нем. М.; Пг., 1923.

Божков Х. Пълен генерал Никола Жеков и неговото семейство. София, 1998.
Гунев Г., Илчев И. Уинстън Чърчил и Балканите. София, 1989.
Дневник Косте Миловановића Пећанца од 1916. до 1918. године / Приред. Б. Младеновић. Београд, 1998.
Дюнан М. Българското лято. София, 1993.
Малеев Л. Принос към истината за катастрофата на България през септември 1918 г. Документи, факти и спомени из дневника на адъютанта на главнокомандуващия на действуваща армия. София, 1921.
Малинов А. Под знака на острастени и опасни политически борби. София, 1991.
Пешев П. Историческите събития и деятели от навечерието на Освобождението ни до днес. С бележки за живота ми. Чуто, видяно, преживяно. София, 1993.
Писма и меморандуми Франа Супила / Приред. Д. Шепић. Београд, 1967.
Радославов В. България и световната криза. София, 1993.
Радославов В. Дневни бележки 1914–1916. София, 1993.
Стамболийски А. Двете ми срещи с цар Фердинанд. София, 1989.
Andrássy J. Diplomatie und Weltkrieg. B.; Wien, 1920.
Arz von Straussenburg A. Zur Geschichte des Grossen Krieges 1914–1918. Graz, 1969.
Baker R.S. Woodrow Wilson: Life and Letters. N.Y., 1927–1939. Vol. 1–8.
Bernstorf J.-H. Deutschland und Amerika. Erinnerungen aus dem fünfjährigen Kriege. B., 1920.
Biliński L. Wspomnienia i dokumenty 1846–1922. Warszawa, 1925. T. II: 1915–1922.
Brockdorf-Rantzau U. Dokumente und Gedanken um Versailles. B., 1925.
Burian S. Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. B., 1923.

Cadorna L. Pagine polemiche. Milano, 1951.
Clemenceau G. Grandeurs et misères d'une victoire. P., 1930.
Conrad von Hötzendorf F. Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918. Wien, 1921–1925. Bd. 1–5.
Constant S. Foxy Ferdinand. Tsar of Bulgaria. L., 1979.
Duroselle J.-B. Clemenceau. P., 1989.
Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921.
Gilbert N. Winston Churchill. L., 1971. Vol. 3–4.
Graves W.S. America's Siberian Adventures. 1918–1920. N.Y., 1931.
Grey E., Viscount of Fallodon. Twenty Five Years. 1892–1916. L., 1935. Vol. 1–3.
Hard W. Raymond Robins' Own Story. N.Y., 1920.
Heure G. Gustave Hervé, itineraire d'un provocateur: de l'antipatriotisme au petainisme. P., 1997.
Jenkins R. Churchill: A Biography. N.Y., 2001.
Karolyi M. Gegen eine ganze Welt: Mein Kampf um Frieden. München, 1924.
Keiger J. Raymond Poincare. Cambridge, 1997.
Knox A. With the Russian Army, 1914–1917. L., 1921.
Kühlmann R. von. Erinnerungen. Heidelberg, 1948.
Lansing R. The Big Four and Others of the Peace Conference. Boston, 1921.
Lansing R. War Memoirs of Robert Lansing. L., 1925.
Liman von Sanders O. Fünf Jahre Türkei. B., 1920.
Mackenzie C. First Athenian Memories. L., 1931.
Mackenzie C. Greek Memories. L., 1939.
Maiorescu T. România şi războiul mondial. Bucureşti, 1999.
Marie, Queen of Roumania. Ordeal: The Story of My Life. N.Y., 1935.
Max, Prinz von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart; B.; Leipzig, 1927.
Miller D.H. My Diary at the Conference at Paris. Wash., D.C., 1928. Vol. 1–21.
Moltke H. von. Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1877–1916. Stuttgart, 1922.
Morgenthau H. Secrets of the Bosporus: Constantinople, 1913–1916. L., 1918.
Nekludoff A. Souvenirs diplomatiques. P., 1926.
Orlando V. Memorie (1915–1918). Milano, 1960.
Pares B. My Russian Memoirs. L., 1931.
Pomiankowski J. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Graz, 1969.
Poincaré R. Messages. Discours–Allocutions. Lettres et télegrammes. P.,1919. T. 1–2.
Porter Ch. The Career of Théophile Delcassé. Westport (Conn.), 1975.
Pershing J. My Experiences in the World War. N.Y., 1931. Vol. 1–2.
Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs 1908–1919: Das politische Tagebuch. Graz; Köln, 1953–1954. Bd. 1–2.
Rietzler K. Tagebücher. Aufsätze. Dokumente. Göttingen, 1972.
Robbins R. Sir Edward Grey. L., 1971.
Rosen R.R. Forty Years of Diplomacy. L., 1922. Vol. 1–2.
Sarrail M. Mon commandement en Orient (1916–1918). P., 1920.
Savinsky A. Reflections of a Russian Diplomat. L., 1927.
Service R. Lenin: A Political Life. Vol. 1: The Strengths of Contradiction. L., 1985; Vol. 2: World in Collision. L., 1991; Vol. 3: The Iron Ring. L., 1995.
Sonnino S. Carteggio 1914–1916. Roma; Bari, 1974.
Tisza Graf Stefan. Briefe (1914–1918). B., 1928.
Vošnjak B. Dnevnik iz prve svetovne vojne / Prired. V. Kološa. Ljubljana, 1994.

Исследования

А что, если бы?.. Альтернативная история / Сост. Р. Коули. М.; СПб., 2002.
Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910–1914. М., 1985.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914–1917. Л., 1990.
Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Л., 1970.
Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.). М., 1962.
Ахтамзян А.А. От Бреста до Киля: Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 г. М., 1963.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.
Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
Бовыкин В.И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М., 1961.
Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции 1916–февраль 1917 гг. М., 1989.
Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1999.
Версаль и новая Восточная Европа / Отв. ред. Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М., 1996.
Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5.
Виноградов К.Б. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. М., 1962.
Военная мысль в изгнании. Творческая мысль русской военной эмиграции. М., 1999.
Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития. М., 1987.
Галактионов М. Париж, 1914 г. М.; СПб., 2001.
Ганелин Р.Ш. Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско–американских отношений. Л., 1969.
Гейдорн Г. Монополии – пресса – война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 г. Роль прессы в подготовке первой мировой войны / Пер. с нем. М., 1964.
Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991.
Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918 гг. / Пер. с англ. М., 1938.
Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны / Пер. с англ. М., 1960.
Гражданская война в России: перекресток мнений / Отв. ред. Ю.А. Поляков, Ю.И. Игрицкий. М., 1994.
Григорцевич Г.Г. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965.
Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. М., 1991.
Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.
Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
Евдокимова Н.П. Между Востоком и Западом: Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985.
Европейское социалистическое движение. 1914–1917: Разрубить или развязать узлы? / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 1994.
Емец В.А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны: Взаимоотношения с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.
Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. М., 1964.

Ершова Т.В. Влияние первой мировой войны на московскую промышленность (июль 1914–февраль 1917 гг.). М., 1999.
За балканскими фронтами первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002.
Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918. М., 1938–1939. Т. 1–3.
Злоказов Г.И. Солдатские письма с фронта в канун Октября // Свободная мысль. 1996. № 10.
Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962.
Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1966.
Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.
Илюхина Р.М. Лига наций. 1919–1934. М., 1983.
Иоффе А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль–октябрь). М., 1958.
Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992.
Искендеров А.А. Закат империи. М., 2001.
Исламов Т.М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история, 2001. № 5.
История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А.В. Игнатьев. М., 1997.
История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.) / Под ред. В.П. Потемкина. М., 1945.
История первой мировой войны 1914–1918 / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975. Т. 1–2.
Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., 1979.
Кавтарадзе А.Г. К вопросу изучения первой мировой войны в Советском Союзе // К 75–летию начала первой мировой войны. М., 1990.
Карнишин В.Ю. Прелюдия Февраля. Влияние первой мировой войны на массовые настроения провинциального общества // Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1997.
Киракосян Дж.С. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971.
Кирова К.Э. Русская революция и Италия (март–октябрь 1917 г.). М., 1968.
Кирьянов Ю.И. Российский “мясопуст”: О продовольственном положении России в 1916–1917 гг. // Былое. 1994. № 5 (май).
Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России, 1914–октябрь 1917 гг.). Л., 1985.
Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль–октябрь 1917 г.). М., 2000.
Козенко Б.Д. “Новая демократия” и война: Внутренняя политика США (1914–1917). Саратов, 1980.
Козенко Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 1.
Корда А. Мировая война: Операции на суше в 1918 г. / Пер. с франц. М., 1924.
Корсун Н.Г. Балканский фронт мировой войны 1914–1918. М., 1939.
Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте: Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.
“Круглый стол”: Первая мировая война и ее воздействие на историю XX века // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5.
Куль Г. Германский Генеральный штаб и его роль в подготовке и ведении мировой войны / Пер. с нем. М., 1936.
Куль Г., Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций 1918 г. / Пер. с нем. М., 1935.

Лекомцев М.Г. Формы борьбы рабочих Центрального промышленного района в годы первой мировой войны. М., 1992.
Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27.
Ленин В.И. Тетради по империализму // Полн. собр. соч. Т. 28.
Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33.
Лиддел Гарт Б.Х. Правда о войне 1914–1918 гг / Пер. с англ. М., 1935.
Листиков С.В. Профсоюзное движение США в годы первой мировой войны: Борьба идейно-политических течений. М., 1987.
Лудшувейт Е.Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг.: Военно-политический очерк. М., 1966.
Мальков В.Л. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918) // Новая и новейшая история. 1999. № 6; 2000. № 1.
Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. I. С конца XVI в. до 1917 г. / Отв. ред. Е.М. Жуков. М., 1973.
Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957.
Миллер В.И. Осторожно: история. М., 1997.
Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940.
Нелипович С.Г. Наступление Юго-Западного фронта в 1916 г. (Брусиловский прорыв): Война на самоистощение? // Отечественная история. 1998. № 3.
Новак К.Ф. Версаль / Пер. с нем. М.; Л., 1930.
Новицкий В.Ф. Мировая война 1914–1918 гг.: Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. М., 1938. Т. 1–2.
Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. Т. I. Потеря союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947.
Нотович Ф.И. Бухарестский мир 1918 г. М., 1959.
Огенюис-Селиверстоф А. Франция – Россия – Германия // Россия и Франция XVIII–XX вв. / Пер. с франц. М., 2000.
Октябрьская революция: От новых источников к новому осмыслению / Отв. ред. С.В. Тютюкин. М., 1998.
Пайпс Р. Русская революция / Пер. с англ. М., 1994. Т. 1–2.
Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994.
Первая мировая война. Сб. статей / Отв. ред. А.Л. Сидоров. М., 1968.
Первая мировая война: Страницы истории / Отв. ред. Ю. Макар. Черновцы, 1994.
Первая мировая война и международные отношения / Отв. ред. К.К. Худолей. СПб., 1995.
Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998.
Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.
Писарев Ю.А. Образование Югославского государства. М., 1975.
Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915. М., 1990.
Писарев Ю.А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. М., 1993.
Покровский М.Н. Царская Россия и война. М., 1924.
Покровский М.Н. Империалистическая война: Сб. статей. М., 1934.
Полетика Н.Н. Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935.
Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986.
Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в первой мировой войне (1914 – март 1918). Екатеринбург, 2000.
Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989.
Ревякин А.В. "Этническое оружие" Антанты: Союзное командование и военнопленные противника в годы первой мировой войны // Первая мировая война: страницы истории. Черновцы, 1994.

Риттер Х. Критика мировой войны. Наследство графа Мольтке и Шлиффена в мировой войне / Пер. с нем. Пг., 1923.

Розенталь Э.М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960.

Россия и окончание первой мировой войны: "Круглый стол" в Институте российской истории РАН // Отечественная история, 1999. № 4.

Россия и первая мировая война: Материалы международного коллоквиума / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999.

Россия и Черноморские проливы / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999.

Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976.

Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция / Пер. с англ. М., 1998.

Сенявская Е.С. Человек на войне: Историко–психологические очерки. М., 1997.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Сергеев Е.Ю. "Иная земля, иное небо...": Запад и военная элита России 1900–1914. М., 2001.

Серова О.В. От Тройственного союза к Антанте: Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX – начале XX века. М., 1983.

Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

Соколовская О.В. Греция в годы первой мировой войны. 1914–1918. М., 1990.

Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Публицистика. Ярославль, 1995. Т. 1. С. 457–503.

Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М., 1986.

Соловьев С.А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны. М., 1985.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.; 2000.

Степанов А.И. Динамика геополитического статуса российского государства (1914–1919 годы). М., 2001.

Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / Под ред. А.М. Зайончковского. М., 1920–1923. Ч. 1–7.

Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974.

Такман Б. Августовские пушки / Пер. с англ. М., 1972.

Таленский Н.А. Первая мировая война 1914–1918 гг.: (Боевые действия на суше и на море). М., 1944.

Тёмкин Я.Г. Ленин и международная социал-демократия (1914–1917). М., 1968.

Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за "место под солнцем". Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX в. М., 1991.

Турнэс Р. Фош и победа союзников 1918 г. / Пер. с франц. М., 1938.

Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе. 1848–1918 / Пер. с англ. М., 1958.

Тютюкин С.В. Война, мир, революция: Идейная борьба в рабочем движении в России. 1914–1917 гг. М., 1972.

Уайлдман А.К. Армия и вопрос о законности в России // Отечественная история. 1992. № 2.

Улунян Ар.А. Балказия и Россия. Структура угроз национальной безопасности Российской империи на Балканах, в Центральной Азии в представлениях российской военной и гражданской бюрократии (1900–1914 гг.). М., 2002.

Уткин А.И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.

Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Фей С. Происхождение мировой войны / Пер. с англ. М., 1934. Т. I–II.

Фельштинский Ю.Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: октябрь 1917–ноябрь 1918. М., 1992.
Фишер В. Европа: Экономика, общество, государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М., 1999.
Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления России в годы первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988.
Флот в первой мировой войне. М., 1964. Т. 1–2.
Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США: Психологическое исследование / Пер. с англ. М., 1992.
Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978.
Фроянов И.А. Октябрьская революция. СПб., 1998.
Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. / Пер. с нем. М., 1961.
Человек и война: (Война как явление культуры) / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю. Никовой. М., 2001.
Черчилль У. Мировой кризис / Пер. с англ. М.; Л., 1932.
Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964.
Чубарьян А.О. Европейская идея в истории: проблемы войны и мира. М., 1987.
Шацилло В.К. Расчет и безрассудство: Германо-американские отношения в 1898–1917. М., 1998.
Шацилло К.Ф. Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914). М., 1978.
Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000.
Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
Шеремет В. Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны по материалам русской военной разведки. М., 1995.
Шишов А.В. Юденич. М., 2002.
Шкундин Г.Д. Болгарское фиаско П.Н. Милюкова в 1917 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5.
Шпилькова В.И. Младотурецкая революция. М., 1977.
Штейн Б.Е. "Русский вопрос" на Парижской мирной конференции (1919–1920). М., 1949.
Шубин Н.А. Россия в первой мировой войне: Историография проблемы (1914–2000). М., 2001.
Эггерт З.К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 г.). М., 1957.
Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. М., 1993.
Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994.
Янов А.Л. Россия против России. Новосибирск, 1999.
Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967.
Яхимович З.П. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. Конец XIX–начало XX в. М., 1986.

Андонов–Пољански Х. Велика Британија и македонското прашање на Париската мировна конференција во 1919 година. Скопје, 1973.
Влахов Т. Отношения между България и Централните сили по време на войните (1912–1918). София, 1957.
Галунов Т. Втората национална катастрофа: Процесът. Виновниците. Велико Търново, 1998.
Георгиев В. Българската интелигенция и националната кауза в Първата световна война. София, 2000.
Држалюк М.С. Міжнародне становище України та її визвольна боротьба у 1917–1922 роках. Київ, 1998.
Димитрова С. "Възстановяване... Репарации... Гаранции...": Франция и балканските славянски държави (септември 1918–януари 1920). Благоевград, 1998.

Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973.
Живојиновић Д. Црна Гора у борби за опстанак 1914–1922. Београд, 1996.
Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990.
Камбуров Г. Фаталната илюзия. София, 1999.
Кірсенко М.В. Чеські землі в міжнародних відносинах Центральної Європи 1918–1920 років: Політ.-дипломат. історія з доби становлення Чехосл. респ. Київ, 1997.
Лалков М. Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917). София, 1983.
Марков Г. Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София, 1995.
Минчев Д. Участието на население от Македония в българската армия през Първата световна война 1914–1918 г. София, 1994.
Митровић А. Србија у првом светском рату. Београд, 1984.
Опачић П. Србија, Солунски фронт и уједињење. 1918. Београд, 1990.
Перовић М. Топлички устанак 1917. Београд, 1971.
Поповић Н. Србија и Русија. 1914–1918. Београд, 1977.
Ракочевић Н. Црна Гора у првом свјетском рату 1914–1918. Цетиње, 1969.
Семов М. Обречени победи: България в Първата световна война. София, 1998.
Србија 1918. године и стварање Југословенске државе. Научни скуп. Београд, 1989.
Станковић Ђ. Никола Пашић и југословенско питање. Београд, 1985. Д. 1–2.
Стојанов П. Македонија во времето на Балканските и Првата светска војна (1912–1918). Скопје, 1969.
Христов Х. България, Балканите и мирът 1919. София, 1984.
Јанковић Д. Србија и југословенско питање 1914–1915. Београд, 1973.
Allen R.V. Russia Looks at America: The View to 1917. Wash., D.C., 1988.
Ambrosius L. Woodrow Wilson and the American Diplomatic Tradition: The Treaty Fight in Perspective. Cambridge, 1987.
Anderson D. Woodrow Wilson. Boston, 1978.
Angermann E. Die Vereinigten Staaten von Amerika seit 1917. München, 1978.
Audoin-Rouzeau S. L'enfant de l'ennemy 1914–1918. P., 1996.
Avramovski Ž. Ratni ciljevi Bugarske i Centralne sile 1914–1918. Beograd, 1985.
Baeker T. The Lusitania Disaster. An Episode in Modern Warware and Diplomacy. N.Y., 1975.
Baumgart W. Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890–1914). Frankfurt/M., 1972.
Becker J.-J. La France en guerre. 1914–1918: La grande mutation. P., 1988.
Becker J.-J., Bernstein S. Victoire et frustrations 1914–1929. P., 1992.
Bouvier J., Girault R., Trobie J. L'Imperialism à la française. 1914–1960. P., 1986.
Bridge F.R. From Sadowa to Sarajevo: The Foreign Policy of Austria–Hungary, 1860–1914. L.; Boston, 1972.
British Fighting Methods in the Great War / Ed. P. Griffith. Portland, 1996.
Buehrig E. Wilson's Foreign Policy in Perspective. N.Y., 1990.
Bulei I. Arcul aşteptării. 1914. 1915. 1916. Bucureşti, 1981.
Castex A., Far A. Les lecons de la guerre 1914–1918. P., 1967.
The Challenge of Change: Military Institutions and New Realities, 1918–1941 / Ed. H.R. Winton and D.R. Mets. Lincoln (Neb.), 2000.
The Coming of the First World War / Ed. R.S.W. Evans, H. Pogge von Strandmann. Oxford, 1991.
Confrontation and Cooperation: Germany and the United States in the Era of World War I. 1900–1924 / Ed. by H.-J. Schroeder. Oxford, 1993.
Cooper J. The Vanity of Power: American Isolationism and the First World War. 1914–1917. Westport (Conn.), 1969.
Copeland D. The Origins of Major Wars. Ithaca, 2000.
Daniel L.S. World War I: An Illustrated History. L., 1971.

Dedijer V. The Road to Sarajevo. N.Y., 1966.
Delbrück H. Krieg und Politik. B., 1918–1919. T. 1–3.
Deutschland im ersten Weltkrieg / Hrsg. von F. Klein. B., 1971. Bd. 1–3.
Devine M.J. John W. Foster: Politics and Diplomacy in the Imperial Era, 1873–1917. Athens (Ohio), 1981.
Dickinson F. War and National Reinvention: Japan in the Great War, 1914–1919. Cambridge (Mass.), 1999.
Doerris R. Imperial Challenge: Ambassador Count Bernstorf and German–American Relations. 1908–1917. Chapel Hill (N.C.), 1989.
Ducasse A., Meyer J., Perreux G. Vie et mort des Francais (1914–1918). P., 1962.
Dülffer J. Regeln gegen den Krieg? Die Haager Friedenskonferenzen von 1899 und 1907 in der internationalen Politik. B., 1981.
Dupuy T. The Military History of the World War I. N.Y., 1967. Vol. 1–12.
Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 á nos jours. 5e éd. P., 1971.
Duroselle J.-B. La Grande Guerre des Français. L'incompréhensible. P., 1994.
The Dynamics of Military Revolution, 1300–2050 / Ed. M. Knox and W. Murray. N.Y., 2001.
The Eagle and the Dove: The American Peace Movement and the United States Foreign Policy, 1900–1922 / Introduction by J.W. Chambers II. Syracuse (N.Y.), 1991.
Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. Boston, 1989.
Empires of the Sand: The Struggle for Mastery in the Middle East. 1789–1923 / Ed. Karsh E. and Karsh I. Cambridge (Mass), 1999.
Erster Weltkrieg: Ursachen, Entstehung und Kriegsziele. Köln, 1969.
Fabian J. Posledné dni Uhorska. Bratislava, 1990.
Facing Armageddon: The First World War Experience / Ed. L. Cooper. L., 1996.
Farrar L. Divide and Conquer: German Efforts to Conclude a Separate Peace 1914–1918. N.Y., 1978.
Ferro M. La Grande guerre 1914–1918. P., 1969.
Fiebig von Hase R. Lateinamerika als Konfliktherd der deutsch–amerikanischen Beziehungen. 1890–1913. Göttingen, 1986.
Figes O. Peoples' Tragedy: The Russian Revolution, 1899–1924. L., 1994.
The First World War: Causes, Conduct, Consequences / Ed. J. Remak. N.Y., 1971.
Fischer F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1971.
Fischer F. Weltmacht oder Niedergang: Deutschland im ersten Weltkrieg. Frankfurt / M., 1965.
Fischer F. Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.
Fletcher R. Revisionism and Impire: Socialist Imperialism in Germany. 1897–1914. L., 1984.
Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. Chapell Hill; L., 1995.
Förster S. Der Doppelte Militarismus: Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-sicherung und Agression. 1890–1913. Stuttgart, 1985.
Fowler W. British-American Relations 1916–1917: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969.
Galántai J. Die Österreichisch-Ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Budapest, 1979.
Gardner L.C. Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution. 1913–1923. N.Y., 1984.
Geiss I. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte der Ersten Weltkriegs. München, 1978.
Geiss I. German Foreign Policy. 1871–1916. Boston, 1976.
Geyer D. Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy 1860–1914. Hamburg; N.Y., 1987.
Gilderhus M.T. Diplomacy and Revolution: U.S.–Mexican Relations under Wilson and Caranza. Tucson, 1977.
Girault R. Diplomatie européene et imperialismus. 1871–1914. P., 1979.
Gooch J. The Plans of War: The General Staff and British Military Strategy. 1900–1916. L., 1974.

The Great War and the Twentieth Century / Ed. J. Winter, G. Parker and M.R. Habeck. New Haven (Conn.), 2001.
Greyson B.L. Russian–American Relations in World War I. N.Y., 1979.
Der große Krieg 1914–1918 / Hrsg. von M. Schwarte. Leipzig, 1921–1933. Bd. 1–10.
Guerrini I., Pluviano M. Francesco Baracca: una vita al volo. Guerra e privato di un mito dell'aviazione. Udine, 2000.
Guinn P. British Strategy and Politics 1914 to 1918. Oxford, 1965.
Gutsche W. Sarajevo, 1914: Vom Attentat zum Weltkrieg. B., 1984.
Gutsche W. Wilhelm II. Der letzte Kaiser der Deutschen Reiches. B., 1991.
Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Revolution: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca; N.Y., 1990.
Hartcup G. The War of Inventions. Scientific Development 1914–1918. L., 1988.
Healy D.F. Drive to Hegemony: The United States in the Caribbean, 1898–1917. Madison (Wisc.),1988.
Heenan L.E. Russian Democracy's Fatal Blunder: The Summer Offensive of 1917. N.Y., 1987.
Hillgruber A. Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege. Göttingen, 1986.
Hirama Y. Daiichiji sekai taisen to Nihon kaigun (The First World War and the Japanese Navy). Tokyo, 1998.
Histoire de la guerre mondiale. P., 1936. Vol. 1–4.
History of the Great War Based on Official Documents by Direction of the Historical Section of the Committee of Imperial Defence: Principal Events 1914–1918. L., 1922.
Military Operations. France and Belgium. 1914: Vol. 1–2; 1915: Vol. 1–2; 1916: Vol. 1–2; 1917: Vol. 1–3; 1918: Vol. 1–5. L., 1922–1948.
Military Operations. East Africa. L., 1941.
Military Operations. Egypt and Palestine. L., 1928–1930. Vol. 1–2.
Military Operations. Gallipoli. L., 1929–1932. Vol. 1–2.
Military Operations. Italy. 1915–1919. L., 1949.
Military Operations. Macedonia. L., 1933–1935. Vol. 1–2.
The Campaign in Mesopotamia 1914–1918. L., 1923–1927. Vol. 1–4.
Naval Operations. L., 1920–1931. Vol. 1–5.
The Merchant Navy. L., 1921–1929. Vol. 1–3.
Seaborne trade. L., 1923–1924. Vol. 1–3.
The War in the Air: Being the Story of the Part Played in the Great War by the Royal Air Force. Oxford, 1922–1937. Vol. 1–6. Transport on the Western front 1914–1918. L., 1937.
Order of Battle of divisions. L., 1935–1945. Pt 1–4.
Horne J., Kramer A. German Atrocities, 1914: A History of Denial. New Haven (Conn.), 2002.
Howard M. The Invention of Peace: Reflections on War and International Order. New Haven (Conn.), 2001.
Hrabak B. Sile Antante i Sjedinene Americke države prema Bugarskoj 1915–1918. Vranje, 1990.
Hughes M. Diplomacy before the Russian Revolution: Britain, Russia and the Old Diplomacy, 1894–1917. N.Y., 2000.
Janković D. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. Beograd, 1967.
Joll J. The Origins of the First World War. L., 1984.
Kalvoda J. Genese Československa. Praha, 1998.
Kats F. The Secret War in Mexico: Europe, the United States and the Mexican Revolution. Chicago; L., 1981.
Kautsky K. Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. B., 1919.
Keegan J. The First World War. N.Y., 1999.

Kennan G.F. U.S.-Soviet Relations 1917–1920: Russia Leaves the War. Princeton, 1956. Vol. 1–2.
Kennan G.F. U.S.-Soviet Relations 1917–1920: The Decision to Intervine. Princeton, 1958. Vol. 1–2.
Kennedy D.M. Over Here: The First World War and American Society. N.Y., 1980.
Kennedy P. The Rise and the Fall of British Naval Mastery. L., 1976.
Kennedy P. The War Plans of the Great Powers. 1880–1914. L., 1979.
Keynes J.M. The Economic Consequences of the Peace. L., 1919.
Kiriţescu C. Istoria războiului pentru întregirea României 1916–1919. Bucureşti, 1989. Vol. I–II.
Kitsikis D. Le rôle des experts à la Conference de la paix de 1919: Gestion d'une téchnocratie en politique internationale. Ottawa, 1972.
Klein F. Deutschland 1918. B., 1962.
Knock T. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New Order. N.Y., 1992.
Koch H.W. The Origins of the First World War: Great Power Rivalry and German War Aims. L., 1984.
Krizman B. Raspad Austro-Ugarske i stvaranje jugoslovenske države. Zagreb, 1977.
Kultur und Krieg: Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von W.J. Mommsen. München, 1996.
Launay J. Secrets diplomatiques 1914–1918. Bruxelles; P.; 1963.
Launay J. Les grandes controverses du temps présent. Vervier, 1967.
Lederer I. Yugoslavia at the Paris Peace Conference: A study in frontiermaking. New Haven; L., 1963.
Leon G. Greece and the Great Powers, 1914–1917. Thessaloniki, 1974.
Leon G. Greece and the First World War: from Neutrality to Intervention. 1917–1918. N.Y., 1990.
Levin N.G. Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. L., 1968.
Liddell Hart B.H. History of the First World War. L., 1972.
Lieven D. Nicholas II: Twilight of the Empire. N.Y., 1993.
Linke H. Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg: Diplomatie und Kriegsziele. 1914–1917. München, 1982.
Lippman W. The Political Scene. An Essay on the Victory of 1918. N.Y.; 1919.
Luebke F. Bonds of Loyality: German-Americans in World War I. De-Kalb (Ill.), 1974.
Macdonald R. The Language of Empire: Myths and Metaphors of Popular Imperialism, 1880–1980. Manchester, 1994.
Mamatey V.S. The United States and East Central Europe. 1914–1918: A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957.
Marder A.J. From Dreadnought to Scapa Flow: The Royal Navy in the Fisher Era. 1905–1919. L., 1961–1970. Vol. 1–5.
May A.J. The Passing of the Habsburg Monarchy. 1914–1918. Philadelphia, 1968. Vol. 1–2.
Mayer A.J. Wilson vs. Lenin: Political Origins of the New Diplomacy. 1917–1918. Cleveland, 1964.
The Military History of World War I. N.Y., 1967. Vol. 1–4.
Military Strategy and the Origins of the First World War / Ed. S. Miller. Princeton, 1985.
Miller D.H. The Drafting of the Covenant. N.Y., 1928. Vol. 1–2.
Mitrović A. Razgraničenje Jugoslavije s Mađarskom i Rumunijom 1919–1920: Prilog proučavanju jugoslovenske politike na Konferenciji mira u Parizu. Novi Sad, 1975.
Mitrović A. Prodor na Balkan: Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908–1918. Beograd, 1981.
Mitsakos A.S. France in Greece during World War I. N.Y., 1982.
Mommsen W. Großmachtstellung und Weltpolitik: Die Außenpolitik des Deutschen Reiches. 1870–1914. Frankfurt; B., 1993.

Murphy P.L. World War I and the Origin of Civil Liberties in the United States. N.Y., 1979.
Neumann I. Russia and the Idea of Europe: A Study of Identity and International Relations. L., 1995.
The Official History of Australia in the War of 1914–1918. Sidney, 1928–1953. Vol. 1–12.
Oppelland T. Reichstag und die Außenpolitik im Ersten Weltkrieg: Die deutschen Parteien und die Politik der USA. 1914–1918. Düsseldorf, 1995.
Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Wien, 1929–1938. Bd. 1–7; Ergänzungshefte 1–10.
Paillard R. Affiches 14–18. Reims, 1986.
Pedroncini G. Les négociations secrètes pendant la Grande guerre. P., 1969.
Perman D. The Shaping of the Czechoslovak State: Diplomatic History of the Boundaries of Czechoslovakia. 1914–1920. Leiden, 1962.
Perreux G. La vie quotidienne des civils pendant la Grande Guerre. P., 1966.
Peters M. Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkriegs (1908–1914): Ein Beitrag zur Geschichte der volkischen Nationalismus im spätwilhelmischen Deutchland. Frankfurt, 1992.
Petsalis-Diomidis N. Greece at the Paris Peace Conference 1919. Thessaloniki, 1978.
Preda D. România şi Antanta. Iaşi, 1998.
Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la Patrie: Les Intellectuels et la Première Guerre Mondiale. P., 1996.
Rădulescu-Zoner Ş., Marinescu B. Bucureştii în anii primului război mondial 1914–1918. Bucureşti, 1993.
Ralston D. The Army of the Republic: The Place of the Military in the Political Evolution of France. 1871–1914. L., 1967.
Renouvin P. La crise européenne et la première guerre mondiale. P., 1962.
Renouvin P. Le traite des Versailles. P., 1969.
Renouvin P., Duroselle J.B. Introduction à l'Histoire des relations internationales. P., 1964.
Robert J.-L. Les ouvriers, la Patrie et le Révolution: Paris 1914–1919. P., 1995.
România în anii Primului Război Mondial. Bucureşti, 1987. Vol. 1–2.
România şi Conferinţa de Pace de la Paris (1919–1920) / Coord. Gh. Buzatu, V. Dobrinescu, H. Dumitrescu. Focşani, 1999.
Rosenberg E.S. Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. N.Y., 1982.
Rothwell V. British War Aims and Peace Diplomacy. 1914–1918. L., 1971.
Russia in the Age of Wars. 1914–1945 / Ed. S. Ponse and S. Romano. Milano, 2000.
Sanders M.L., Taylor Ph.M. British Propaganda in the First World War. Manchester, 1992.
Schlachten des Weltkrieges: In Einzeldarstellungen bearb. und hrsg. unter Mitwirkung des Reichsarchivs. Oldenburg; Berlin, 1921–1930. Bd. 1–36.
Schmidt C. Russische Press und Deutsches Reich. 1905–1914. Köln, 1988.
Schramm T. Wydrać Polske, 1914–1918. Warszawa, 1989.
Schröder H.-J. Deutschland und Amerika in der Epoche des Ersten Weltkriegs. 1900–1924. Stuttgart, 1993.
Schwabe K. Wilson and the German Revolution. Chapel Hill (N.C.), 1986.
Şeicaru P. România în marele război. Bucureşti, 1994.
Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918 / Dir. de J.-J. Becker et St. Audoin-Rouzeau. P., 1990.
Soutou G.-H. L'or et le sang. Les buts de guerre économiques de la Première guerre mondiale. P., 1989.
Spector S. Rumania at the Paris Peace Conference. A Study of the Diplomacy of Ioan I.C. Bratianu. N.Y., 1962.
Stanković D. Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije. Beograd, 1984.
Steiner Z. Britain and the Origins of the First World War. L., 1977.

Stid D. The President as Statesman: Woodrow Wilson and the Constitution. Lawrence (Kans.), 1998.
Strachan H. The First World War. N.Y., 2001. Vol. I: To Arms.
Theodoulou Chr. Greece and the Entente. Thessaloniki, 1971.
Torrey G. Romania and World War I. Iaşi–Oxford–Portland, 1998.
Tyrkowa-Williams A. From Liberty to Brest-Litovsk. L., 1919.
Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!": Das Manifest der 93 und diae Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996.
Unterberger B.M. The United States, Revolutionary Russia and Rise of Czechoslovakia. Chapell Hill (N.C.); L., 1989.
Vigezzi B. Estate 1914 // La Belle Epoque. Milano etc., 1977.
Volpe N. della. Exercito e propaganda nella Grande Guerra (1915–1918). Roma, 1990.
Vulcănescu M. Războiul pentru întregirea neamului. Bucureşti, 1999.
Wallace D. Russia on the Eve of War and Revolution. Princeton, 1984.
Wallace St. War and the Image of Germany: British Academics 1914–1918. Edinburgh, 1988.
A Weekend With the Great War: Proceedings of the Fourth Annual Great War Interconference Seminar. 16–18 September 1994 / Ed. S. Weingartner. Shippensburg (Pa), 1997.
Weg von Österreich! Das Weltkriegsexil von Masaryk und Beneš im Spiegel ihrer Briefe und Aufzeichnungen aus den Jahren 1914 bis 1918 / Ed. F. Hadler. B., 1995.
Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. B., 1925–1944. Bd. 1–14.
White S. Britian and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy, 1920–1924. L., 1979.
Wildman H. The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. Vol. I.
Williamson S. Austria-Hungary and the Origins of the First World War. Houndmills, 1992.
Wohl R. 1914: Storia di una generazione. Milano, 1983.
Woodward D.R. Trial by Friendship: Anglo-American Relations, 1917–1918. Lexington (Ky), 1993.
Woodward L. Great Britain and the War of 1914–1918. L., 1967.
Zechlin E. Krieg und Kriegsrisiko: Zur deutschen Politik im Ersten Weltkrieg. Düsseldorf, 1979.
Živoinović D. Amerika, Italia i postanak Jugoslavije 1917–1919. Beograd, 1970.
Živoinović D. Vatikan i prvi svetski rat 1914–1918. Beograd; Cetinje, 1978.
Živoinović D. Vatikan, Srbija i stvaranje Jugoslovenske države 1914–1920. Beograd, 1980.

Краткие сведения об авторах и членах редколлегии

Базанов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Виноградов Владилен Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, Институт славяноведения РАН.

Дмитриев Александр Николаевич – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН.

Жилин Александр Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Золотарев Владимир Антонович – доктор исторических наук, профессор, президент Международной Академии наук о природе и обществе.

Иерусалимский Вадим Павлович – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет.

Исламов Тофик Муслим-оглы – доктор исторических наук, профессор, Институт славяноведения РАН.

Кошкин Анатолий Аркадьевич – доктор исторических наук, Восточный университет (Москва).

Кудрина Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Ларин Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН.

Листиков Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Мальков Виктор Леонидович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Институт всеобщей истории РАН.

Миронов Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет.

Пожарская Светлана Петровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, Институт всеобщей истории РАН.

Поздеева Лидия Васильевна – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

Поляков Юрий Александрович – действительный член Российской академии наук, Институт российской истории РАН.

Прокопов Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Ревякин Александр Васильевич – *доктор исторических наук, профессор*, МГИМО (университет) МИД РФ.

Ржешевский Олег Александрович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, Институт всеобщей истории РАН.

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

Смирнов Владислав Павлович – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет.

Степанов Александр Игоревич – доктор исторических наук, доцент, Российский заочный институт текстильной и легкой промышленности.

Тютюкин Станислав Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН.

Туполев Борис Михайлович – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

Чубарьян Александр Оганович – действительный член Российской академии наук, Институт всеобщей истории РАН.

Шатохина Галина Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт всеобщей истории РАН.

Шацилло Вячеслав Корнелиевич – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН.

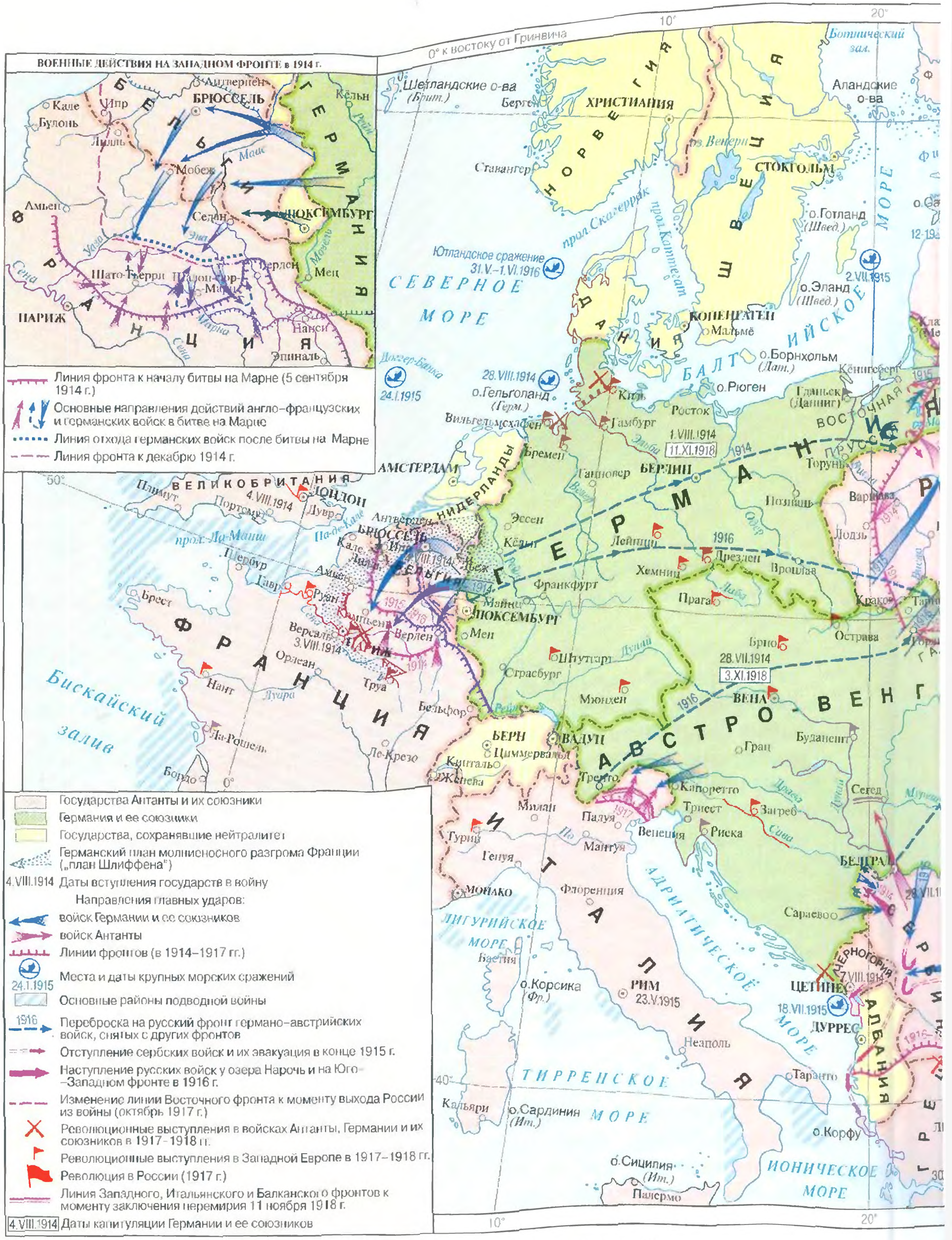
Шишов Алексей Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, *Институт военной истории МО РФ.*

Шкундин Григорий Давидович – кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет.

Шмырев Максим Владимирович – литературовед.

Яхимович Зинаида Павловна – доктор исторических наук, профессор, Институт сравнительной политологии РАН.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ в 1918 г.
Ньивпорт
Антверпен
Кельн
Лувр
Кале
Ипр
Лилль
БРЮССЕЛЬ
Булонь
Монс
БЕЛЬГИЯ
ГЕРМАНИЯ
Маас
Аррас
Мобеж
Сомма
Уаза
Амьен
ЛЮКСЕМБУРГ
Мондидье
Компьен
Эна
Седан
Реймс
Мец
Сена
Шато-Тьерри
Верден
ПАРИЖ
Шалон-сюр-Марн
Марна
Нанси
ФРАНЦИЯ
Линия фронта к началу кампании 1918 г.
Последние наступления германских войск в марте–июле
Линия наибольшего продвижения германских войск
Наступление армий Антанты 18 июля–4 августа и прорыв у Амьена 8–15 августа
Общее наступление войск Антанты в сентябре–ноябре и линия фронта к моменту заключения перемирия (11 ноября 1918 г.)
ПРОРЫВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА РУССКИМИ ВОЙСКАМИ летом 1916 г.
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Ковель
Чарторийск
Владимир-Волынский
Луцк
Горынь
Ровно
Дубно
Рава-Русская
Броды
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Львов
Днестр
Тернополь
Калуш
Галич
Бучач
Станислав
Делятин
Прут
Черновцы
Линия фронта на 4 июня 1916 г. и направление ударов русских войск
Контрудары австро-германских войск и их отход
Линия фронта к концу операции–август 1916 г.
ФИНЛЯНДИЯ
Ладожское оз.
Свирь
Онежское оз.
Выборг
Свеаборг
Кронштадт
ПЕТРОГРАД
Финский залив
Таллин (Ревель)
Чудское оз.
Новгород
оз. Ильмень
Волхов
о. Сааремаа
12-19.X.1917
Рижский зал.
Ярославль
Волга
Рига
Даугавпилс
МОСКВА
1.VIII.1914
Клайпеда (Мемель)
Зап. Двина
Каунас
Смоленск
Тула
Днепр
оз. Нарочь
Гумбиннен
Вильнюс
Мазурские озера
Минск
Могилев
Гродно
Неман
Ока
Белосток
Барановичи
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Припять
Брест
Гомель
Пинск
Курск
Воронеж
Ивангород
Десна
Луцк
Киев
Дон
Тарнув
Перемышль
ГАЛИЦИЯ
Харьков
Львов
Тернополь
Галич
Кременчуг
Северский Донец
Каменец-Подольский
Екатеринослав
Южный Буг
Тиса
Ростов-на-Дону
Николаев
Кишинев
Ясcы
Прут
Одесса
Херсон
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Керчь
Кубань
Новороссийск
Севастополь
Плоешти
18.XI.1914
4.IV.1916
Туапсе
Констанца
РУМЫНИЯ
БУХАРЕСТ
27.VIII.1916
Дунай
27.X.1915
14.X.1915
Варна
ЧЕРНОЕ МОРЕ
СОФИЯ
29.IX.1918
БОЛГАРИЯ
Бургас
Синоп
Батуми
Ардаган
Карс
оз. Севан
Кюстендил
Трабзон
Сарыкамыш
Ереван
пролив Босфор
СТАМБУЛ
29.X.1914
30.X.1918
Эрзурум
Каракёсе
ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Эрзинджан
Мурат
Ван
оз. Ван
Салоники
19.II.1915
Кале-Султание
Анкара
Мудрос
пролив Дарданеллы
Кызыл-Ирмак
Битлис
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Лариса
ГРЕЦИЯ
о. Эвбея
оз. Туз
Евфрат
Тигр
30.VI.1917
Измир
АФИНЫ



1. Мировая война 1914–1918 гг. (Европейские и Кавказский фронты)